ХРЕСТОМАТІЯ

ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ТОМ II

СВЯЩ. П. РАДЮК

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ
по
РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ПОСОБІЕ
ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, УЧЕНИКОВЪ СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНЕУЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ И ЛИЦЪ, ИЩУЩИХЪ САМООБРАЗОВАНІЯ.

СОСТАВИЛИ
Я. Г. Гуревичъ и Б. А. Павловичъ.

Томъ II.

Изданіе пятое, переработанное и дополненное
Я. Я. ГУРЕВИЧЕМЪ въ сотрудничествѣ съ С. В. ВОЗНЕСЕНСКИМЪ.

Въ предыд. изд. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **рекомендована**, какъ полезное пособіе при преподов. исторіи, **реком.** для пріобр. въ учен., старш. возр., библ. **всѣхъ** средн. учебн. завед. Мин., мужскихъ и женскихъ, для выдачи учащимся означ. завед. въ **награду**; признана **засл. вним.** при пополн. безпл. народн. библ.-чит.; **одобрена** для ротныхъ библ. кадетскихъ корпусовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1910.

4036

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее 5-ое изданіе II т. „Хрестоматіи по русской исторіи“ является первымъ, выходящимъ въ свѣтъ послѣ кончины обоихъ составителей первоначальнаго изданія, Я. Г. Гуревича и Б. А. Павловича, изъ которыхъ первый явился издателемъ послѣдующихъ, переработанныхъ и дополненныхъ имъ трехъ изданій. Правопреемники Я. Г. Гуревича, предпринявъ новое изданіе настоящаго сочиненія, поручили мнѣ пересмотръ предъидущаго его изданія. Не имѣя возможности, по условіямъ своей дѣятельности, взять на себя выполненіе всей работы, я съ своей стороны пригласилъ для сотрудничества С. В. Вознесенскаго, при дѣятельномъ участіи котораго и выполнилъ возложенную на меня задачу.

Необходимость пересмотра предъидущаго изданія обусловливалась тѣмъ, что за 10 лѣтъ, протекшихъ послѣ его выхода въ свѣтъ, появились въ печати выдающіеся научные труды по русской исторіи, иные же, вышедшіе въ свѣтъ ранѣе, получили должную оцѣнку и авторитетное признаніе со стороны представителей современной исторіографіи, какъ русской, такъ и иностранной. Въ то же время, съ появленіемъ новыхъ трудовъ все болѣе и болѣе усваивалась русской исторической наукой новая тенденція, побуждавшая ученыхъ изслѣдователей съ особымъ вниманіемъ останавливаться на изученіи формъ экономической и соціальной жизни Россіи въ ея прошломъ. Новое освѣщеніе, приданное явленіямъ русской исторической жизни благодаря усвоенію изслѣдователями новыхъ точекъ зрѣнія, умалило значеніе многихъ трудовъ, въ свое время стоявшихъ на высотѣ науки. Въ виду изложеннаго редакція предлагаемаго изданія признала необходимымъ, сохранивъ общій планъ расположенія матерьяла и основную точку зрѣнія на задачи хрестоматіи, принятые ея составителями, значительное число статей, вошедшихъ въ предъ-

*

идущее изданіе, исключить, а взамѣнъ ихъ и въ дополненіе къ нимъ ввести новыя статьи, позаимствованныя, по преимуществу изъ сочиненій наиболѣе крупныхъ представителей современной русской исторической науки: профессоровъ: Ключевскаго, Милюкова, Платонова, Сергѣевича, Владимірскаго-Буданова, Ѳирсова, Грушевскаго, Дьяконова, Дитятина и приватъ-доцентовъ: Вилинскаго, Рожкова и др. Изъ трудовъ иностранныхъ ученыхъ, работавшихъ надъ вопросами русской исторіи, редакція воспользовалась сочиненіемъ Н. Энгельмана, изучавшаго развитіе крѣпостного права въ Россіи.

Пользуясь трудами названныхъ авторовъ, редакція настоящаго изданія слѣдовала тенденціи составителей хрестоматіи давать отдѣльныя статьи изъ отрывковъ цитируемыхъ сочиненій съ сохраненіемъ подлиннаго ихъ текста. Въ этихъ случаяхъ въ подзаголовкѣ статьи указывалось, изъ какого сочиненія она позаимствована. При выборѣ матерьяла для нѣкоторыхъ статей было признано болѣе цѣлесообразнымъ передать содержаніе соотвѣтственныхъ главъ или отрывковъ цитируемыхъ сочиненій съ значительными сокращеніями или даже въ болѣе краткомъ и популярномъ изложеніи, а иногда составлять статьи на основаніи матерьяла, позаимствованнаго изъ сочиненій нѣсколькихъ авторовъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ подзаголовкѣ статей или въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ указаны источники, которыми воспользовалась редакція. Въ текстѣ настоящаго тома хрестоматіи имѣются двѣ статьи (Б. Д. Грекова и Я. Я. Гуревича), написанныя безъ указанія источниковъ. Обѣ онѣ явились плодомъ практической, преподавательской работы авторовъ, которые, не претендуя на самостоятельность изслѣдованія соотвѣтственныхъ вопросовъ, писали ихъ не справляясь съ сочиненіями другихъ авторовъ.

Необходимость ввести въ текстъ хрестоматіи много новаго матерьяла безъ значительнаго увеличенія объема настоящаго тома, побудила редакцію изданія въ нѣкоторыхъ деталяхъ отступить отъ плана составителей хрестоматіи: мы избѣгали давать по одному и тому же вопросу двѣ или нѣсколько статей, трактующихъ его съ разныхъ точекъ зрѣнія, предпочитая удовольствоваться одной, наиболѣе отвѣчающей современнымъ научнымъ воззрѣніямъ. Придавая большое значеніе сохраненію въ изданіи текста нѣкоторыхъ историческихъ памятниковъ, иногда переведенныхъ составителями на современный литературный языкъ, мы отказались отъ параллельнаго помѣщенія научныхъ статей аналогичнаго содержанія, если вопросъ, освѣщаемый ими, не представлялся сложнымъ. Мы отказались также отъ печатанія мелкимъ шриф-

томъ нѣкоторыхъ статей, предназначенныхъ по мысли составителей хрестоматіи для класснаго чтенія подъ руководствомъ преподавателя [1]). Къ этому побудили насъ съ одной стороны соображенія, касающіяся гигіены зрѣнія учащихся, съ другой—увѣренность въ томъ, что преподаватели, руководящіе чтеніемъ учащихся, въ каждомъ данномъ случаѣ лучше опредѣлятъ, что по силамъ ихъ ученикамъ, и что требуетъ ихъ помощи въ уразумѣніи предлагаемаго матерьяла.

Ниже помѣщены списки статей: 1) исключенныхъ изъ настоящаго изданія, и 2) вновь помѣщенныхъ взамѣнъ старыхъ или въ дополненіе къ нимъ.

Я. Я. Гуревичъ.

25 февраля 1910 года.

---

[1]) Исключеніемъ въ этомъ отношеніи являются четыре статьи, напечатанныя въ первомъ отдѣлѣ настоящаго тома, который былъ уже отпечатанъ, когда редакція признала цѣлесообразнымъ печатать весь матерьялъ однимъ шрифтомъ. Что касается статьи Б. Д. Грекова: «Натуральное хозяйство и его роль въ общественной и государственной жизни Московской Руси», помѣщенной въ послѣднемъ отдѣлѣ тома, то она набрана мелкимъ шрифтомъ по особымъ соображеніямъ. Матерьялъ этой статьи относится главнымъ образомъ къ эпохѣ, предшествовавшей времени Ивана Грознаго, съ которой начинается изложеніе этого тома, но ввести этотъ матерьялъ казалось необходимымъ для пополненія содержанія I т. «Хрестоматіи».

Списокъ статей, исключенныхъ изъ настоящаго изданія.

Карамзинъ. Перемѣна въ Іоаннѣ, разрывъ его съ Сильвестромъ и Адашевымъ и начало эпохи казней.

Бестужевъ-Рюминъ. Личность Іоанна Грознаго.

Костомаровъ. Личность Іоанна Грознаго.

Соловьевъ. Объясненіе характера и дѣятельности Іоанна Грознаго.

Бѣляевъ. Положеніе крестьянъ на Руси.

Павловъ. Прикрѣпленіе крестьянъ въ связи съ личными стремленіями Бориса Годунова.

Павловъ. Воцареніе Бориса Годунова.

Павловъ. Царствованіе Бориса Годунова.

Костомаровъ. Послѣдніе годы царствованія Бориса Годунова.

Кулишъ. Царствованіе Лжедимитрія I.

Соловьевъ. Отношеніе Лжедимитрія къ католицизму и сношенія его съ Римомъ.

Соловьевъ. Разборъ мнѣній о личности перваго самозванца.

Соловьевъ. Воцареніе Василія Шуйскаго.

Карамзинъ. Волненія въ Сѣверской Украйнѣ.

Соловьевъ. Осада Троице-Сергіевской лавры.

Карамзинъ. Семибоярщина.

Забѣлинъ. Прокопій Ляпуновъ и казаки подъ Москвой.

Вейдемейеръ и *Берхъ.* Отношенія Россіи къ Польшѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

Костомаровъ. Начало малороссійскаго казачества.

Кояловичъ. Іосафатъ Кунцевичъ.

Олеарій. Московскія смуты въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича.

Зернинъ. О смутахъ во Псковѣ и въ Новгородѣ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича.

Морошкинъ. О значеніи Уложенія и источникахъ его.

Знаменскій. Никонъ и его патріаршество до разрыва съ царемъ.

Субботинъ. Паденіе Никона.

Хлѣбниковъ. Развитіе крѣпостного права въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича.

Соловьевъ. Происхожденіе мѣстничества и судьба его въ различныя эпохи русской исторіи.

Соловьевъ. Уничтоженіе мѣстничества.

Галаховъ. Кіевское вліяніе въ Москвѣ и Симеонъ Полоцкій.

Смирновъ. Подготовка къ открытію славяно-греко-россійской академіи въ Москвѣ.

Флетчеръ. О коронованіи и мѵропомазаніи русскихъ царей.

Бѣляевъ. Служилые люди въ Московскомъ государствѣ.

Устряловъ. Русское войско до Петра Великаго.

Дмитріевъ. Устройство приказовъ въ эпоху Уложенія.

Чичеринъ. Земскіе соборы въ Московсковскомъ государствѣ.

Ключевскій. Монета въ до-Петровской Руси.

Флетчеръ. Доходы Московскаго государства.

Аристовъ. О промышленности и торговлѣ съ древней Руси.

Соловьевъ. Умственно-нравственное состояніе русскаго общества въ XVII ст.

Пыпинъ, Спасовичъ и *Щаповъ.* Характеръ и направленіе просвѣщенія въ до-Петровской Руси.

Соловьевъ. О характерѣ древней Россіи и ея отношеніи къ новой.

Списокъ статей, вновь помѣщенныхъ взамѣнъ старыхъ или въ дополненіе къ нимъ.

С. В. Вознесенскій. Русская историческая наука о личности Іоанна Грознаго и значеніи его царствованія.

С. Ѳ. Платоновъ. Соціальное противорѣчіе въ Московской жизни XVI в., какъ одна изъ причинъ Смутнаго времени.

Учрежденіе въ Россіи патріаршества (по *Н. П. Милюкову* и *С. Ѳ. Платонову*).

С. В. Вознесенскій. Борисъ Годуновъ и его царствованіе.

В. О. Ключевскій. Лжедимитрій I.

С. Ѳ. Платоновъ. Вопросъ о происхожденіи перваго Лжедимитрія.

С. Ѳ. Платоновъ. Воцареніе Василія Шуйскаго.

В. О. Ключевскій. Воцареніе Василія Шуйскаго.

С. Ѳ. Платоновъ. Движеніе кн. Шаховского и Болотникова.

В. О. Ключевскій. Договоръ 4 февр. 1610 г., заключенный тушинцами съ Владиславомъ.

С. В. Вознесенскій. Временное правительство боярской думы и диктатура польскаго войска въ Москвѣ.

С. Ѳ. Платоновъ. Прокопій Ляпуновъ и казаки подъ Москвой.

С. Ѳ. Платоновъ. Происхожденіе кандидатуры Михаила Ѳеодоровича Романова на царство.

В. О. Ключевскій. Фамилія Романовыхъ.

Власть Михаила Ѳеодоровича и характеръ правительственной среды въ первые годы его царствованія (по соч. *С. Ѳ. Платонова* и *В. О. Ключевскаго*).

Внѣшнія дѣла въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (по соч. *С. Ѳ. Платонова*, *С. М. Соловьева* и *Берха*).

Н. Энгельманъ. Обзоръ правительственныхъ актовъ первой пол. XVI в., опредѣляющихъ положеніе крестьянъ.

Проф. *Грушевскій.* Происхожденіе малороссійскаго казачества.

С. В. Вознесенскій. Городскіе бунты въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и новоуказныя статьи.

Н. Энгельманъ. Уложеніе 1649 г. и крѣпостное право.

В. О. Ключевскій. Церковный расколъ.

П. Н. Милюковъ. Ревнители русской церковной старины и ихъ глава Аввакумъ.

Проф. *Сергѣевичъ.* Разрывъ патріарха Никона съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Проф. *Грушевскій.* Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству.

Н. Н. Ѳирсовъ. Разиновщина.

В. О. Ключевскій. Ординъ-Нащокинъ.

Проф. *Дьяконовъ.* Мѣстничество и его уничтоженіе.

П. Н. Милюковъ. Вліяніе малорусской образованности въ Москвѣ и учрежденіе въ ней академіи.

Б. Д. Грековъ. Натуральное хозяйство и его роль въ общественной и государственной жизни Московской Руси.

Н. Рожковъ. Развитіе денежнаго хозяйства въ Московской Руси.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Служилые люди Московскаго государства.

Н. Рожковъ. Вліяніе денежнаго хозяйства на формы землевладѣнія и сельскаго хозяйства и распредѣленіе хозяйственныхъ благъ.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Посадскіе люди.

С. В. Вознесенскій. Городъ на Руси въ кіевскій, удѣльный и московскій періоды ея исторіи.

П. Н. Милюковъ. Крестьяне въ Московской Руси XVI—XVII вв.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Власть московскаго царя.

И. И. Дитятинъ. Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ.

Я. Я. Гуревичъ. Характеристика законодательства и управленія въ Московской Руси.

П. Н. Милюковъ. Финансовая система въ Московскомъ государствѣ.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Войско въ Московскомъ государствѣ.

С. В. Вознесенскій. Мѣстное самоуправленіе въ Московской Руси и реформа Грознаго.

Основныя теченія умственной жизни русскаго общества въ XVI в. (по соч. *С. Г. Вилинскаго, А. Н. Пыпина* и *А. К. Бороздина*).

В. О. Ключевскій. Западно-европейское вліяніе въ Московскомъ государствѣ въ XVII в.

С. В. Вознесенскій. Умственное состояніе Московскаго государства въ XVII в.

Оглавленіе.

Эпоха Іоанна Грознаго.

СТРАН.

I. Правленіе Елены Глинской. (Изъ „Исторіи русскаго народа“ *Полевого*) 1

II. Воспитаніе Іоанна Грознаго и сближеніе его съ Сильвестромъ и Адашевымъ. (Изъ „Исторіи Россіи“ *Соловьева*) 6

III. Изъ „Судебника“ царя Іоанна Васильевича (1550) 14

IV. О значеніи и содержаніи Судебника. (Изъ ст. *Калачева*: „О Судебникѣ царя Іоанна Васильевича Грознаго“, помѣщенной въ „Юридическихъ Запискахъ“ *Рѣдкина*) 17

V. Областное управленіе и судъ въ удѣльный періодъ и въ эпоху судебниковъ. (Составлено по соч. *Чичерина*: „Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.“) 18

VI. Изъ „Стоглава“. 23

VII. Историческое и общественное значеніе дѣятельности Стоглаваго собора. (Изъ ст. *Иконникова* „Русскіе общественные дѣятели въ XVI в.“, помѣщенной въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“). 27

VIII. „Изъ Домостроя“ 31

IX. Характеръ и значеніе „Домостроя“. (Изъ соч. *Галахова*: „Исторія русской словесности“ и *Стоюнина*: „О преподаваніи русской литературы“) 35

X. Покореніе Казани. (Изъ „Исторіи Государства Россійскаго“ *Карамзина*) 37

XI. Покореніе Казани. (Изъ „Сказаній князя Курбскаго“). . . . 44

XII. Астраханское царство и покореніе его Іоанномъ Грознымъ. (Изъ сочиненія *Перетятковича*: „Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ“) 53

XIII. Перемѣна въ Іоаннѣ, разрывъ его съ Сильвестромъ и Адашевымъ и начало эпохи казней. (Изъ „Исторіи Россіи“ *Соловьева*). . . . 57

XIV. Паденіе Ливонскаго ордена и Ливонская война. (Изъ статьи *Бестужева-Рюмина*: „Ливонская война“, помѣщенный въ „Журналѣ Министерства Народн. Просв.“ за 1880 г.). 68

стран.

XV. Война Іоанна IV съ Польшей изъ-за Ливоніи. (По „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ“ *Костомарова*). 74

XVI. Іоаннъ Грозный и іезуитъ Поссевинъ. (По соч. графа *Толстою*: „Римскій католицизмъ въ Россіи“) 76

XVII. Изъ переписки Іоанна Грознаго съ Курбскимъ 87

А. Изъ перваго письма Курбскаго къ Іоанну.

В. Изъ перваго (отвѣтнаго) письма Іоанна къ Курбскому.

XVIII. Удаленіе Грознаго въ Александровскую слободу и учрежденіе опричнины и земщины. (Изъ „Исторіи Государства Россійскаго“ *Карамзина*). 91

XIX. Опричнина Ивана Грознаго, какъ попытка политической реформы, и слѣдствія опричнины. (Изъ „Очерковъ по исторіи смуты“ *С. Ѳ. Платонова*). 97

XX. Митрополитъ Филиппъ. (Изъ „Исторіи Русской церкви“ мптр. *Макарія*) 105

XXI. Новгородскій погромъ. (Изъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ“ *Костомарова*). 110

XXII. Покореніе Сибирскаго царства. (По „Очерку заселенія Сибири въ XVI и XVII в.“ (Спб. 1906 г.) *П. М. Головачева* и „Исторіи Россіи“ *Иловайскаго*, т. III) 114

XXIII. Русская историческая наука о личности Іоанна Грознаго и значеніи его царствованія. (Статья *С. В. Вознесенскаго*) 123

Смутное время.

XXIV. Причины смутнаго времени. (Изъ ст. *Соловьева*: „Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Ѳеодора Іоанновича до вступленія на престолъ дома Романовыхъ“, помѣщенной въ „Современникѣ“ за 1849 г.). 148

XXV. Кризисъ второй половины XVI вѣка. (Изъ „Очерковъ по исторіи смуты“ *С. Ѳ. Платонова*). 150

XXVI. Соціальное противорѣчіе въ московской жизни XVI в. какъ одна изъ причинъ Смутнаго времени. (Изъ „Очерковъ по исторіи смуты“ *С. Ѳ. Платонова*). 153

XXVII. Придворныя интриги въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича и смерть царевича Димитрія. (Изъ „Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ“ *Кулиша*). 162

XXVIII. Учрежденіе въ Россіи патріаршества. (По „Очеркамъ русской культуры“ *П. Н. Милюкова*, „Лекціямъ“ *С. Ѳ. Платонова* и соч. *Хлѣбникова*: „О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи“). 168

XXIX. Борисъ Годуновъ и его царствованіе. (Статья *С. В. Вознесенскаго*). 171

XXX. Пребываніе Лжедимитрія въ Польшѣ. (Изъ ст. *Костомарова*: „Смутное время Московск. государства“, помѣщенной въ „Вѣстн. Евр.“ за 1866 г.). 183

XXXI. Борьба Лжедимитрія съ Годуновымъ. (Изъ „Исторіи Россіи“ *Соловьева*) 188

XXXII. Лжедимитрій I. (Изъ „Курса русск. исторіи“, ч. III, проф. *Ключевскаго*) 193

СТРАН.

XXXIII. Гибель Лжедимитрія. (Изъ „Московской лѣтописи Бэра“, помѣщенной въ „Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“). . 195

XXXIV. Вопросъ о происхожденіи перваго Лжедимитрія. (Изъ ст. *С. Ѳ. Платонова*, помѣщенной въ „Вѣстникѣ и Библіотекѣ самообразованія“ за 1904 г.) 200

XXXV. Воцареніе Василія Шуйскаго. (Изъ „Очерковъ по исторіи Смуты“ *С. Ѳ. Платонова*) 205

XXXVI. Воцареніе Василія Шуйскаго (Изъ „Курса русск. исторіи“ проф. *Ключевскаго*) 208

XXXVII. Движеніе кн Шаховскаго и Болотникова. (Изъ „Лекцій по русск. исторіи“ *С. Ѳ. Платонова*). 211

XXXVIII. Появленіе второго Лжедимитрія. (Изъ ст. *Костомарова*: „Смутное время Московскаго государства“, помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1866 г.) 215

XXXIX. Борьба Москвы съ Тушинымъ. (Изъ „Исторіи смутнаго времени въ Россіи“ *Бутурлина*) 219

XL. Договоръ 4 февр. 1610 г.. заключенный тушинцами съ Владиславомъ. (По „Очеркамъ по исторіи Смуты“ *С. Ѳ. Платонова* и изъ „Курса русск. исторіи“ проф. *Ключевскаго*) 224

XLI. Осада Троицко-Сергіевской лавры. (Изъ „Сказанія о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ поляковъ и Литвы и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ“ *Авраамія Палицына*) 227

XLII. Сверженіе Василія Шуйскаго съ престола. (Изъ „Русск. исторіи въ жизнеописаніяхъ“ *Костомарова*). 229

XLIII Временное правительство боярской думы и диктатура польскаго войска въ Москвѣ. (Статья *С. В. Вознесенскаго*). 233

XLIV. Поляки въ Москвѣ въ 1611 году. (Изъ „Московской лѣтописи Бера“, помѣщенной въ „Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“). 240

XLV. Возстаніе противъ поляковъ въ Москвѣ. (Изъ „Исторіи Государства Россійскаго“ *Карамзина*). 244

XLVI. Прокопій Ляпуновъ и казаки подъ Москвою. (По „Очеркамъ по исторіи смуты“ и „Лекціямъ“ *С. Ѳ. Платонова*). 246

XLVII. Призывныя грамоты изъ Троицкаго монастыря и подготовленіе нижегородскаго ополченія для освобожденія Москвы. (Изъ „Исторіи Россіи“ *Соловьева*) 253

XLVIII. Движеніе Нижегородскаго ополченія къ Москвѣ и очищеніе ея отъ поляковъ. (Изъ ст. *Забѣлина*: „Мининъ и Пожарскій“, помѣщенной въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1872 г.) 260

XLIX. Происхожденіе кандидатуры Михаила Ѳеодоровича Романова на царство. (Изъ ст. *С. Ѳ. Платонова*: „Московское правительство при первыхъ Романовыхъ“, помѣщенной въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за 1906 г.). 268

L. Фамилія Романовыхъ. (Изъ „Курса русской исторіи“ проф. *Ключевскаго*). 271

LI. Избраніе Михаила Ѳеодоровича и вступленіе его на престолъ. (Изъ соч. *Вейдемейера*: „О Россіи подъ державою дома Романовыхъ“ и изъ ст. *Полевого*: „Вступленіе на престолъ Михаила Ѳеодоровича“, помѣщенной въ „Библіотекѣ для чтенія“ за 1834 г.) 272

LII. Результатъ смуты. (Изъ „Очерковъ по исторіи смуты“ *С. Ѳ. Платонова*). 278

СТРАН.

Царствованіе Михаила Өеодоровича.

LIII. Состояніе государства въ первые годы царствованія Михаила Өеодоровича. (Изъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ“ *Костомарова*) . 282

LIV. Власть Михаила Өеодоровича и характеръ правительственной среды въ первые годы его царствованія. (По „Лекціямъ“ и ст. *С. Ө. Платонова*: „Московское Правительство при первыхъ Романовыхъ“, помѣщенной въ „Журналѣ Мин. Нар. Пр.“ 1906 г. и „Курсу русской исторіи“ проф. *Ключевскаго*) 285

LV. Дѣятельность патріарха Филарета. (Изъ соч. *Смирнова*: „Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ“). 293

LVI. Внѣшнія дѣла въ царствованіе Михаила Өедоровича. (Изъ „Лекцій по русской исторіи“ *С. Ө. Платонова*, по „Исторіи Россіи“ (т. IX) *С. М. Соловьева* и по соч. *Берха*: „Царствованіе царя Михаила Өедоровича и взглядъ на междуцарствіе“) 301

LVII. Обзоръ правительственныхъ актовъ первой половины XVII в., опредѣляющихъ положеніе крестьянъ. (Изъ „Исторіи крѣпостного права въ Россіи“ *Н. Энгельмана*, М. 1900 г.). 309

Западная Русь подъ польско-литовскимъ владычествомъ въ XVI и XVII ст.

LVIII. Соединеніе Литвы съ Польшею и Люблинская унія. (По соч. *Кояловича*: „Люблинская унія“). 314

LIX. Происхожденіе малороссійскаго козачества. (По „Очерку исторіи украинскаго народа“. (Спб., 1906 г., изд. 2) проф. *Грушевскаго*). . . 320

LX. Морскіе походы запорожскихъ казаковъ. (Изъ соч. *Боплана*: „Описаніе украйны“) 324

LXI Подготовка церковной уніи. (Изъ „Историческихъ монографій и изслѣдованій“ *Костомарова*, т. III) 326

LXII. Брестскій соборъ и церковная унія. (По соч. *Кулиша*: „Исторія возсоединенія Ю. З. Руси“, *Кояловича*: „Литовская унія“ и *Сливова*; „Іезуиты въ Литвѣ“) 333

LXIII. Извлеченіе изъ письма іезуитовъ въ митрополиту кіевскому Михаилу Рагозѣ. (Изъ „Исторіи возсоединенія Ю.-З. Руси“ *Кулиша*) . . 340

LXIV. Кіево-Могилянская коллегія и ея значеніе въ XVII вѣкѣ. (Изъ „Исторіи Кіевской Академіи“ *Макарія Булгакова*) 342

LXV. Состояніе юго-западной Руси подъ польскимъ владычествомъ наканунѣ возстанія Хмельницкаго. (Изъ соч. *Костомарова*: „Богданъ Хмельницкій“) 347

Царствованіе Алексѣя Михайловича.

LXVI. О свадьбѣ и бракосочетаніи царя Алексѣя Михайловича. (Изъ соч. *Олеарія*: „Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Москвію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 гг.“. Переводъ Барсова). . . . 352

LXVII. Городскіе бунты въ царствованіе Алексѣя Михайловича. (Статья *С. В. Вознесенскаго*) 353

LXVIII. Изъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича 367

LXIX. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и новоуказныя статьи.

СТРАН.

(Изъ „Обзора исторіи русскаго права“ проф. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*, Кіевъ. 1905 г.) 373

LXX. Уложеніе 1649 г. и крѣпостное право. (Изъ „Исторіи крѣпостного права въ Россіи“ *Н. Энгельмана*, М. 1900 г.) 376

LXXI. О русскихъ судахъ, законахъ и родахъ наказанія въ эпоху Уложенія. (Изъ соч. *Олеарія*: „Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію“). 380

LXXII. Возникновеніе раскола въ русской церкви XVII столѣтія. (Изъ „Исторіи Россіи“ *Соловьева* и „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ“ *Костомарова*) 384

LXXIII. Церковный расколъ. (Изъ „Курса русской исторіи“ проф. *Ключевскаго*) 388

LXXIV. Соціальныя условія, благопріятствовавшія распространенію раскола. (Изъ соч. *Щапова*: „Русскій расколъ старообрядства“) . . 394

LXXV. Ревнители русской церковной старины и ихъ глава Аввакумъ (Изъ „Очерковъ по исторіи русской культуры“ *П. Н. Милюкова*). . . . 397

LXXVI. Разрывъ патріарха Никона съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. (Изъ „Русскихъ юридическихъ древностей“ проф. *Сергѣевича*) . 399

LXXVII. Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству. (Изъ „Очерка исторіи украинскаго народа“ проф. *Грушевскаго*, Спб. 1906 г.). 407

LXXVIII. Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству. (Изъ „Разсказовъ о Западной Руси“ *Щебальскаго*). 416

LXXIX. Дорошенко и турецкое вмѣшательство въ малороссійскія дѣла. (По „Исторіи Малороссіи“ *Маркевича*) 431

LXXX. Возмущеніе Разина. (Изъ соч. *Костомарова*: „Бунтъ Стеньки Разина“) 435

LXXXI. Разиновщина. (Изъ очерка *Н. Н. Ѳирсова*: „Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни“. Спб. 1907 г.) 441

LXXXII. Грамота царя Алексѣя Михайловича донскимъ казакамъ по случаю возмущенія Разина. (Изъ „Матеріаловъ для исторіи возмущенія Стеньки Разина“, изданныхъ *Поповымъ*) 449

LXXXIII. Ординъ-Нащокинъ. (Изъ „Курса русской исторіи“ проф. *Ключевскаго*) 451

LXXXIV. Возвышеніе Матвѣева и начало борьбы между Нарышкиными и Милославскими. (Изъ соч. *Щебальскаго*: „Чтенія изъ русской исторіи съ исхода XVII в.) 458

Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича.

LXXXV. Придворныя интриги въ первые годы царствованія Ѳеодора Алексѣевича. (Изъ „Исторіи Россіи“ *Соловьева*) 463

LXXXVI. Отношенія Московскаго государства къ Польшѣ и Турціи при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. (Изъ соч. *Вейдемейера*: „О Россіи подъ державою дома Романовыхъ“) 468

LXXXVII. Мѣстничество и его уничтоженіе. (Изъ „Очерковъ общественнаго и государственнаго строя древней Руси“ *М. Дьяконова*) . . . 470

LXXXVIII. Вліяніе малорусской образованности въ Москвѣ и учрежденіе въ ней академіи. (Изъ „Очерковъ по исторіи русской культуры“ *П. Н. Милюкова*) 475

СТРАН.

Обзоръ внутренняго состоянія Московскаго государства въ XVI—XVII вв.

LXXXIX. Натуральное хозяйство и его роль въ общественной и государственной жизни Московской Руси. (Статья *Б. Д. Грекова*) 483
XC. Развитіе денежнаго хозяйства въ Московской Руси. (Изъ соч. *Н. Рожкова*: „Происхожденіе самодержавія въ Россіи") 486
XCI. Служилые люди Московскаго государства (Изъ „Обзора исторіи русскаго права" *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*) 490
XCII. Вліяніе денежнаго хозяйства на формы землевладѣнія и сельскаго хозяйства и распредѣленіе хозяйственныхъ благъ. (По соч. *Н. Рожкова*: „Происхожденіе самодержавія въ Россіи"). 496
XCIII. Посадскіе люди. (Изъ „Обзора исторіи русскаго права" *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*). 499
XCIV. Городъ на Руси въ кіевскій, удѣльный и московскій періоды ея исторіи. (Статья *С. В. Вознесенскаго*) 502
XCV. Крестьяне въ Московской Руси XVI—XVII вв. (Изъ ст. *П. Н. Милюкова*: „Крестьяне" въ „Энциклопедическомъ Словарѣ" *Ф. А. Брокгауза* и *И. А. Ефрона*, т. XVI А) 513
XCVI. Власть Московскаго царя. (Изъ „Обзора исторіи русскаго права", проф. *Владимірскаго-Буданова*) 524
XCVII. Характеръ правительственной дѣятельности Боярской думы. (Изъ соч. *Ключевскаго*: „Боярская Дума древней Руси") 531
XCVIII. Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ. (Изъ „Статей по исторіи русскаго права" *И. И. Дитятина*). 548
XCIX. Характеристика законодательства и управленія въ Московской Руси. (Статья *Я. Я. Гуревича*) 558
C. О приказахъ. (Изъ соч. *Котошихина*: „О Россіи въ ц. Алексѣя М."). 564
CI. Финансовая система въ Московскомъ государствѣ. (Изъ „Очерковъ русской культуры" *П. Н. Милюкова*. 573
CII. Войско въ Московскомъ государствѣ. (Изъ „Обзора исторіи русск. права" *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*) 578
CIII. Мѣстное самоуправленіе въ Московской Руси и реформа Грознаго. (Статья *С. В. Вознесенскаго*) 580
CIV Областное управленіе Московскаго государства. (Изъ соч. *Градовскаго*: „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи") 587
CV. Столица Московскаго государства. (Изъ ст. *Костомарова*: „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст.", помѣщенной въ „Современникѣ"). 600
CVI. Образъ жизни русскихъ царей въ до-Петровскій періодъ. (Изъ соч. *Забѣлина*: „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст."). . 604
CVII. О пріемѣ пословъ въ Москвѣ и обхожденіи съ ними. (Изъ „Записокъ о Московіи" барона *Герберштейна*). 609
CVIII. О житіи бояръ и ближнихъ и иныхъ чиновъ людей. (Изъ соч. *Котошихина*: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича") . . . 620
CIX. Обстановка частной жизни въ Московскомъ государствѣ. (Изъ ст. *Костомарова*: „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст.", помѣщенной въ „Современникѣ") 627
CX. Русская женщина въ до-Петровскій періодъ. (Изъ соч. *Иконникова*: „Русская женщина наканунѣ реформы Петра В. и послѣ нея") . 639

СТРАН.

СXI. О русскихъ нравахъ XVII ст. (Изъ соч. *Олеарія*: „Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію“) . 644

СXII. Основныя теченія умственной жизни русскаго общества въ XVII в. (По соч. *С. Г. Вилинскаго*: „Посланія старца Артемія“ (Спб., 1906 г.), „Исторіи русск. литературы“ *А. Н. Пыпина* и „Исторіи русск. литературы“ *А. К. Бороздина*) 650

СXIII. Западно-европейское вліяніе въ Московскомъ государствѣ въ XVII в. (Изъ „Курса русск. исторіи“ *В. О. Ключевскаго*) 656

СXIV. Умственное состояніе Московскаго государства въ XVII в. (Статья *С. В. Вознесенскаго*) 665

ЭПОХА ІОАННА ГРОЗНАГО.

I. Правленіе Елены Глинской.

(*Изъ «Исторіи русскаго народа» Полевого*).

Василій оставилъ двухъ сыновей. Старшему, Іоанну, было три года, младшему, Георгію, немного болѣе года. Іоанну передалъ онъ великое княженіе. За нѣсколько дней до смерти, уже предчувствуя близкую кончину, Василій говорилъ братьямъ своимъ Юрію и Андрею Іоанновичамъ, митрополиту и ближнимъ боярамъ: „Приказываю своего сына, великаго князя Ивана, Богу, Пречистой Богородицѣ, св. чудотворцамъ и тебѣ, отцу своему, Даніилу митрополиту. Даю ему все государство, которымъ меня благословилъ отецъ мой, государь князь великій Иванъ Васильевичъ, всея Руси. А вы, мои братья, князь Юрій и князь Андрей, стойте крѣпко на своемъ словѣ, на чемъ присяга и записи между нами; о земскомъ строеніи и о разныхъ дѣлахъ противъ недруговъ сына моего и своихъ стойте обще, да будетъ рука православныхъ христіанъ высока надъ бусурманствомъ. А вы, бояре и боярскіе дѣти и княжата, какъ служили мнѣ, такъ служите и сыну моему; на недруговъ будьте заодинъ, христіанство берегите, будьте прямы и неподвижны". Отпустивъ отъ себя братьевъ и митрополита, оставшись съ своими приближенными, князьями Бѣльскими, Шуйскими, Глинскимъ, Василій говорилъ имъ: „Отъ Владиміра кіевскаго ведется наше государство; мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре. Постойте же крѣпко, чтобы сынъ мой учинился на государствѣ государемъ, была бы въ семьѣ правда, и въ васъ бы розни никакой не было".

Но трехлѣтній Іоаннъ не могъ самъ управлять государствомъ. Кому же приказывалъ государство Василій? Не знаемъ, ибо духовная Василія не дошла до насъ. За день до кончины, четыре часа бесѣдовалъ Василій съ княземъ Шуйскимъ, Глинскимъ, Шигоною, Головинымъ и еще съ нѣсколькими боярами и дьяками; говорилъ съ ними о сынѣ своемъ, объ „устроеніи земскомъ, какъ быть и какъ править послѣ него государство, и о своей великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быть, и какъ къ ней боярамъ ходить, и о всемъ имъ приказалъ, какъ безъ него царству строиться". Итакъ, онъ оставлялъ послѣ себя государство

Еленѣ? Нѣтъ. Когда принесли дѣтей прощаться съ Василіемъ, и Елена со слезами спрашивала у него: „На кого ты меня оставляешь? Кому дѣтей приказываешь?“ Василій твердо отвѣчалъ: „Государствомъ и великимъ княженіемъ благословляю сына Ивана, а тебѣ написалъ въ духовной своей грамотѣ, какъ писывали отцы и прародители прежнимъ великимъ княгинямъ“.—Слѣдовательно, не Еленѣ повелѣвалъ онъ править государствомъ, ибо никогда прежде, со временъ Ольги, не было примѣра, чтобы женщинѣ, и при томъ юной женѣ, приказывали русскіе повелители свою землю. Въ духовныхъ означались только удѣлы вдовамъ великихъ князей. Вѣроятно, избранный совѣтъ и братья Василія должны были управлять послѣ него государствомъ; но сильная крамола приверженцевъ Елены мгновенно ниспровергла всѣ распоряженія великаго князя. Едва закрылъ глаза Василій, митрополитъ привелъ всѣхъ къ присягѣ. Братья Василія клялись: „служить великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгинѣ Еленѣ; жить на своихъ удѣлахъ и стоять въ правдѣ, въ чемъ цѣловали крестъ брату своему великому князю Василію Ивановичу и крѣпости ему дали; государства подъ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣть; противъ недруговъ его и своихъ, бусурманства и латинства, стоять прямо, обще и заодинъ“. Бояре, сановники и всѣ другіе клялись „великому князю Ивану и его матери великой княгинѣ Еленѣ хотѣть добра вправду“.

Такимъ образомъ, неожиданно, племянницѣ измѣнника Глинскаго, литвянкѣ, юной вдовѣ, досталось правленіе государствомъ. Вельможество придворное, забравшее въ свои руки дѣла въ послѣдніе годы царствованія Василія, окружило крамолою младенца и мать его, женщину еще въ цвѣтѣ лѣтъ, подверженную страстямъ пылкимъ, неопытную и нелюбимую народомъ. Еще всѣ помнили, еще скорбѣли объ участи несчастной Соломоніи; ненавидѣли самый родъ Глинскихъ. Тѣмъ болѣе съ завистью взирали царедворцы на этихъ пришельцевъ, изъ тюрьмы и отъ опалы перешедшихъ къ милости и трону.

Не оставалось сомнѣнія, что главнымъ лицомъ въ дѣлахъ правленія будетъ отнынѣ князь Иванъ Ѳедоровичъ Оболенскій-Телепневъ-Овчина, имѣвшій знаменитый санъ боярина и конюшаго, любимецъ Елены, еще юный, одаренный необыкновенною храбростью и замѣчательнымъ умомъ. Съ нимъ въ дружбѣ и согласіи былъ митрополитъ Даніилъ. Мамушка юнаго Іоанна, Агриппина Челяднина, была сестра Оболенскаго; онъ могъ по своей волѣ управлять мыслями Елены и воспитаніемъ малолѣтняго государя. Вѣрными его сообщниками были братъ его Ѳеодоръ, двое другихъ Оболенскихъ—кн. Борисъ и Михаилъ Горбатые.

Можно было полагать, что дядя Елены, знаменитый Михаилъ Глинскій, также сдѣлается государственнымъ дѣятелемъ, по родству своему, лѣтамъ, опытности, завѣтамъ Василія, даже по уваженію къ несчастіямъ его жизни. Но никто при дворѣ не любилъ и не уважалъ Михаила Глинскаго. Ненавистное имя литовскаго измѣнника и долговременное заключеніе его въ темницѣ не были заглажены ни милостями, ни любовью Василія впослѣдствіи. Михаила Глинскаго только терпѣли, ради родства его съ Еленою; имѣя званіе боярина, онъ не обладалъ ни дружбою, ни довѣренностью другихъ. Умирая, Василій видѣлъ въ немъ высшую опору государства и говорилъ боярамъ своимъ: „Приказываю вамъ Михаила Львовича Глинскаго. Онъ человѣкъ къ намъ пріѣзжій; но не дерзайте думать, что онъ пріѣзжій, держите его за здѣшняго уроженца; онъ мнѣ прямой слуга; будьте съ нимъ сообща, и дѣло земское и сына моего

дѣло берегите и дѣлайте съ нимъ заодно. А ты, Михайло, будь вѣренъ, не пощади живота за княгиню мою и дѣтей моихъ; пролей за нихъ кровь свою, отдай за нихъ тѣло свое на раздробленіе". Можетъ быть, Михаилъ, тяжко испытанный жизнью, въ самомъ дѣлѣ готовъ былъ на старости лѣтъ отдать жизнь свою на честь и пользу Русской земли, искренно хотѣлъ добра Еленѣ и дѣтямъ ея; но не ему, дѣду государя, и въ бѣдствіяхъ гордому, можно было сносить презрѣніе другихъ вельможъ и власть Оболенскаго. Онъ стыдился при томъ тайной любви Елены, безтрепетно укорялъ ее въ слабости. Елена не терпѣла старца. Любимецъ ея обрекалъ его первою жертвою своему честолюбію. Братья Елены, князья Юрій и Михаилъ Глинскіе, люди, выдвинутые единственно родствомъ съ правительницею, уничтожались предъ Оболенскимъ. Но сильнѣйшую партію противъ него составляли кн. Шуйскіе, Василій, старшій бояринъ въ княжескомъ совѣтѣ, братъ его Иванъ, кн. Иванъ и Андрей Михайловичи. Къ нимъ присоединились другіе знатнѣйшіе роды: Кубенскіе, Палецкіе, Пронскіе, Басмановы, Скурлятевы, Скопины и др. Всѣ ненавидѣли Елену и литовцевъ, втѣснившихся въ милость государя; ненавидѣли и Оболенскаго. Не думая о благѣ отечества, грубые нравомъ, жестокосердые, гордые, Шуйскіе жаждали власти, ждали случая погубить враговъ и владѣть государствомъ самовластно. Еще отдѣльную партію придворную составляли кн. Бѣльскіе, любимецъ Василія Иванъ Ѳеодоровичъ и братья его Симеонъ и Димитрій. Одаренные способностями государственными, они были не любимы ни Шуйскими, ни Оболенскимъ; но ихъ подкрѣпляли: Хабаровъ, Воротынскій и другіе бояре, желавшіе добра и чести отечеству. Наконецъ, въ толпѣ царедворцевъ и сановниковъ, не пristававшихъ къ симъ главнымъ партіямъ, скрывались Захарьины, Нагіе, Адашевы, таившіе свои замыслы, казавшіеся невнимательными къ проискамъ, но тайно помышлявшіе о своемъ возвышеніи.

Таковъ былъ составъ придворнаго вельможества по кончинѣ Василія. Изъ его общаго и частнаго характера поясняется несчастное воспитаніе Іоанна Грознаго: вельможи гордые, честолюбцы своекорыстные старались погубить и погубили добрыя свойства души юнаго государя, были причиною бѣдствій, потрясавшихъ Русскую землю въ основаніи. Желая только поддержать себя погибелью враговъ и всякими средствами, крамольники терзали другъ друга, какъ лютые звѣри,—и имъ ли можно было послѣ того помышлять о пощадѣ народа? Государь сдѣлался игралищемъ ихъ неистовыхъ страстей; они гибли сами, но сколько же позора и погибели пало черезъ то на Русскую землю...

Едва тѣло Василія было предано землѣ, крамола начала дѣйствовать. Оболенскій приготовилъ вдругъ сильнѣйшіе удары: онъ хотѣлъ погубить того, кто казался столь близокъ къ государынѣ, могъ безтрепетно обличать ее и Оболенскаго въ слабостяхъ; это былъ Михаилъ Глинскій. Надобно было еще уничтожить умнѣйшихъ изъ числа вельможъ, могущихъ быть главою другимъ—Бѣльскихъ. Наконецъ, въ случаѣ явнаго возстанія царедворцы могли передать престолъ дядямъ юнаго государя, возобновивъ древнія права первородства. И ихъ обрекли на жертву. Уничтоживъ однимъ ударомъ первыхъ представителей двора, Оболенскій мечталъ заслужить честь и ослѣпить народъ самовластнымъ правленіемъ.

Рѣшеніе было смѣло, исполненіе отважно, но удачно. Оболенскій хорошо зналъ силу свою. Едва Іоаннъ торжественно объявленъ былъ въ Успенскомъ соборѣ государемъ, едва поскакали гонцы въ Польшу, Крымъ, къ ногаямъ, въ Казань съ извѣстіями о вступленіи его на престолъ,

какъ старшій дядя государя, князь Юрій Іоанновичъ, былъ взятъ подъ стражу, черезъ недѣлю послѣ смерти Василія. Тщетно вѣрные слуги и бояре предвѣщали Юрію бѣдствіе, совѣтовали уѣхать въ свой удѣлъ Дмитровъ. Юрій увидѣлъ справедливость опасеній ихъ въ темницѣ, недоступной никому, кромѣ палачей. Основались на доносѣ Бориса Горбатаго. Онъ увѣрялъ, будто Андрей Шуйскій подговариваетъ его возвести Юрія на престолъ. Не внимая ропоту народному, посадили въ темницу и Андрея Шуйскаго. Другой дядя государя, Андрей Іоанновичъ, затрепеталъ, клялся въ вѣрности: ему позволили уѣхать въ удѣлъ свой, щадя его еще нѣсколько времени. Шуйскіе смирились, не казались опасными. Но тяжкая участь готовилась Бѣльскимъ: Симеонъ Бѣльскій не дождался ея и бѣжалъ въ Польшу, забравъ имѣніе и слугъ своихъ. Иванъ Бѣльскій не думалъ бѣжать, его заключили въ тюрьму, вмѣстѣ съ кн. Воротынскимъ. Тогда дошла очередь до Михаила Глинскаго: его и Воронцова, любимца Васильева, повергли въ темницу наряду съ другими.

Тюрьма и изгнаніе въ нѣсколько мѣсяцевъ очистили дорогу честолюбцу, угоднику Елены. Все безмолвствовало, все казалось спокойно. Дѣла внутреннія и внѣшнія заняли Оболенскаго.

Заботясь о защитѣ Московскаго государства отъ внѣшнихъ враговъ, Оболенскій также ревностно думалъ о дѣлахъ внутренняго управленія. Кромѣ охраненія предѣловъ отъ Польши новыми крѣпостями и новыхъ стѣнъ московскаго Китая-города, въ 1533 и 1536 гг. выстроили крѣпости въ Мещерѣ и другихъ мѣстахъ, особенно, чтобы ограждать Русь отъ Казани и Крыма крѣпостями. Кромѣ того, перестроили крѣпости въ Вологдѣ; тогда же обновили новгородскій Кремль.

Кто могъ бы подумать, что правленіе Елены, повидимому, твердое и благоразумное, кипѣло между тѣмъ всѣми ужасами внутренней крамолы, тайной и явной, и поддерживалось только жестокимъ самовластіемъ и неумолимою строгостью любимца Елены! Онъ употреблялъ въ дѣлахъ единственно своихъ приверженцевъ: Михаилъ Воронцовъ, сдѣлавшійся въ то время ревностнымъ слугою Елены, Борисъ Горбатый, князья Оболенскіе—предводили войсками и заключали договоры. Василій Шуйскій, взятый на польскую войну для почета, былъ вороченъ въ Москву отъ Смоленска, когда самому Оболенскому нельзя было остаться при войскѣ. Шуйскому не хотѣли ничего довѣрять; онъ и другіе вельможи сидѣли на первыхъ мѣстахъ боярской думы, но рѣшалъ все одинъ Оболенскій. Въ рукахъ его сообщниковъ было воспитаніе Іоанна.

Малѣйшее попущеніе властолюбію другихъ вельможъ производило безпорядки. Въ походѣ на Литву, лѣтомъ 1535 года, Горбатый и Воронцовъ перессорились съ Шуйскими и тѣмъ повредили полному успѣху, дали средства Сигизмунду разорить Сѣверскую область. Оболенскій строго наказывалъ небрежность, ослушаніе, пренебреженіе къ чести правительства: пословъ крымскаго хана посадили въ темницу за нарушеніе мира; казанцевъ, взятыхъ въ плѣнъ, казнили въ Москвѣ, какъ непослушныхъ присяжниковъ Іоанна. Здѣсь видимъ однакоже справедливость и умѣренность въ наказаніи. Но жестокость другихъ поступковъ показывала въ могущественномъ Оболенскомъ свирѣпаго вельможу, который ничего не щадитъ для собственной своей безопасности: судьба Михаила Глинскаго и дядей Іоанна, несчастныхъ Юрія и Андрея Іоанновичей, лежитъ позоромъ на памяти любимца Елены.

Мы видѣли, что съ самаго вступленія Елены въ правленіе, Иванъ Бѣльскій, Андрей Шуйскій, Михаилъ Глинскій и дядя малолѣтняго

Іоанна, князь Юрій, были обречены на жестокое заключеніе. Не прошло года, и Михаилъ Глинскій умеръ въ темницѣ. Знаменитаго вельможу, старца, родного дядю Елены, схоронили безъ всякой чести на погостѣ одной изъ бѣдныхъ церквей московскихъ. Народъ возроптал такъ, что для успокоенія его велѣно было вырыть гробъ Глинскаго и отвести въ Троицко-Сергіевскую обитель. Съ ужасомъ говорили въ Москвѣ, что Глинскій умеръ въ нуждѣ темничной, отъ лихихъ людей. Затѣмъ, почти послѣ трехлѣтней неволи Юрій Іоанновичъ скончался въ темницѣ своей отъ голода, какъ говорила общая молва. Юрія съ честью похоронили въ Архангельскомъ соборѣ и немедленно потребовали въ Москву Андрея Іоанновича. Видя, что три года совершенной покорности не ограждаютъ его, Андрей былъ въ ужасномъ замѣшательствѣ, не смѣлъ ѣхать, не смѣлъ отказаться и, наконецъ, увѣдомилъ племянника, что, за тяжкою болѣзнью, ѣхать не можетъ. „Отъ болѣзни и кручины въ бѣдѣ моей я потерялъ умъ и мысли. Неужели велите меня, больного и безумнаго, волочить къ Москвѣ?“ униженно писалъ Андрей. „Покажите милость; согрѣйте мнѣ сердце, холопу своему, вашимъ жалованьемъ!“ Оболенскій ничему не внималъ. Андрея окружалъ знаменитый дворъ, знатные люди, сильная дружина. Послали лекаря Ѳеофила узнать болѣзнь его, а Досиѳея, владыку крутицкаго, сказать Андрею, что „никакого лиха ему не будетъ“, но за непослушаніе митрополитъ и церковь проклянутъ его, какъ злодѣя. Оболенскій выступилъ изъ Москвы по слѣдамъ посланныхъ къ Андрею съ воинскими дружинами. Вскорѣ Ѳеофилъ донесъ, что Андрей только притворяется больнымъ, а владыка Досиѳей извѣщалъ, что Андрей не слушаетъ словъ его. Тогда обвинили несчастнаго князя въ зломъ умыслѣ. Къ несчастью, онъ подтвердилъ сіе обвиненіе, въ отчаяніи согласясь на совѣтъ приближенныхъ своихъ, уговаривавшихъ его бѣжать изъ Старицы, гдѣ жилъ онъ дотолѣ, завладѣть Новгородомъ и объявить себя великимъ княземъ или, по крайней мѣрѣ, правителемъ государства, по малолѣтству своего племянника. Разославъ грамоты по городамъ съ укоризненными словами противъ Елены и бояръ-правителей, Андрей выступилъ къ Новгороду, медлилъ и повернулъ въ сторону, когда услышалъ, что Новгородъ успѣли защитить противъ него сильнымъ войскомъ. Оболенскій окружилъ Андрея и дружину его со всѣхъ сторонъ. Андрей хотѣлъ сражаться; но Оболенскій рѣшилъ дѣло безъ кровопролитія, хитростью; онъ ручался за безопасность князя, если только тотъ покорится добровольно, и просилъ его не проливать крови христіанской напрасно. Несчастный сынъ Іоанна III повѣрилъ всему; людей его обезоружили и его самого съ женою, сыномъ Владиміромъ и со всѣмъ дворомъ повезли въ Москву. При въѣздѣ въ городъ посланный отъ Елены возвѣстилъ притворный гнѣвъ ея и опалу Оболенскому за то, что онъ договаривался съ измѣнникомъ — княземъ старицкимъ — безъ воли государя. Оболенскій казался изумленнымъ и объявилъ Андрею, что теперь поневолѣ не можетъ исполнить своихъ обѣщаній. Андрей отвезенъ былъ прямо въ темницу; жену и сына разлучили съ нимъ и посадили подъ стражу отдѣльно. Бояръ и сановниковъ Андрея допрашивали о мнимомъ заговорѣ противъ великаго князя, пытали ихъ, сѣкли кнутомъ, заключали въ темницы; нѣкоторые изъ нихъ погибли въ мученіяхъ. Тридцать дѣтей боярскихъ было повѣшено въ разныхъ мѣстахъ, по дорогѣ отъ Москвы до Новгорода. Черезъ полгода объявили народу, что измѣнникъ князь Андрей умеръ волею Божіею въ заключе-

ніи своемъ. Андрей былъ умерщвленъ. Жена и сынъ его остались въ заключеніи.

Здѣсь былъ предѣлъ самовластію слабой Елены и ея жестокаго любимца. Въ февралѣ 1538 г. Елена возвратилась съ великолѣпнымъ дворомъ своимъ съ богомолья въ Можайскъ, гдѣ находился чудотворный образъ Св. Николая и куда супругъ ея ѣздилъ ежегодно, а 3-го апрѣля жестокій ядъ прекратилъ дни правительницы. Дотолѣ бодрый, Оболенскій оказалъ удивительное малодушіе: въ отчаяніи обнималъ онъ малолѣтняго Іоанна, плакалъ неутѣшно, рыдалъ надъ гробомъ Елены и только! Въ испугѣ онъ, конечно, думалъ, что теперь ничто не спасетъ его отъ злобы враговъ, и не дѣлалъ даже никакихъ усилій поддержать власть свою, противиться своимъ непріятелямъ. Робко ожидалъ бѣдный временщикъ совершенія судьбы. По опредѣленію боярской думы, власть и попечительство надъ государемъ вручили Василію Васильевичу Шуйскому. Оболенскій находился въ комнатѣ Іоанна, вмѣстѣ съ мамушкою юнаго великаго князя, своею сестрою, когда явились воины и, именемъ старшаго боярина и боярской думы, вырвали его и сестру его изъ объятій Іоанна, нѣжно любившаго ихъ, горестно плакавшаго и умолявшаго не трогать мамушки и брата ея. Агриппину сослали и постригли въ монахини. Оболенскій, четыре года властвовавшій надъ Русью и государемъ ея, безъ суда обреченъ на ужасную смерть: его уморили голодомъ.

II. Воспитаніе Іоанна Грознаго и сближеніе съ Сильвестромъ и Адашевымъ.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).

Іоаннъ родился съ блестящими дарованіями; быть можетъ, онъ родился также съ воспріимчивою, легко увлекающеюся, страстною природою; но, безъ сомнѣнія, эта воспріимчивость, страстность, раздражительность, если не были произведены, то, по крайней мѣрѣ, были развиты до высшей степени воспитаніемъ, обстоятельствами дѣтства его. Извѣстно, что ребенокъ даровитый, предоставленный съ ранняго дѣтства самому себѣ и поставленный при этомъ въ затруднительное, непріятное положеніе, развивается быстро, преждевременно во всѣхъ отношеніяхъ. По смерти матери Іоаннъ былъ окруженъ людьми, которые заботились только о собственныхъ выгодахъ, которые употребляли его только орудіемъ для своихъ корыстныхъ цѣлей. Среди эгоистическихъ стремленій людей, окружавшихъ его, Іоаннъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ, своему собственному эгоизму. При жизни отца онъ долго бы находился въ удаленіи отъ дѣлъ; подъ бдительнымъ надзоромъ, въ тишинѣ, характеръ его могъ бы сложиться, окрѣпнуть. Но Іоаннъ трехъ лѣтъ былъ уже великимъ княземъ и хотя не могъ править государствомъ на дѣлѣ, однако самыя формы, которыя соблюдать было необходимо, напримѣръ, посольскіе пріемы и проч., должны были безпрестанно напоминать ему о его положеніи; необходимо стоялъ онъ въ средоточіи важныхъ вопросовъ, хотя и былъ молчаливымъ зрителемъ, молчаливымъ исполнителемъ формъ. Предъ его глазами происходила борьба сторонъ: людей къ нему близкихъ, которыхъ онъ любилъ, у него отнимали; предъ нимъ наглымъ, звѣрскимъ образомъ влекли ихъ въ зато-

ченіе, несмотря на его просьбы; потомъ слышалъ онъ о ихъ насильственной смерти; въ то же время онъ ясно понималъ свое верховное положеніе, ибо тѣ же самые люди, которые не обращали на него никакого вниманія, которые при немъ били, обрывали людей къ нему близкихъ, при посольскихъ пріемахъ и другихъ церемоніяхъ стояли предъ нимъ, какъ покорные слуги; видѣлъ онъ, какъ все преклонялось предъ нимъ, какъ все дѣлалось его именемъ и, слѣдовательно, должно было такъ дѣлаться; да и было около него много людей, которые изъ собственныхъ выгодъ, изъ ненависти къ осилившей сторонѣ твердили, что поступки послѣдней беззаконны, оскорбительны для него. Такимъ образомъ, ребенокъ видѣлъ предъ собою враговъ, похитителей его правъ, но бороться съ ними на дѣлѣ не могъ: вся борьба должна была сосредоточиться у него въ головѣ и въ сердцѣ—самая тяжелая, самая страшная, разрушительная для человѣка борьба, особенно въ такомъ возрастѣ! Голова ребенка была постоянно занята мыслью объ этой борьбѣ, о своихъ правахъ, о безправіи враговъ, о томъ, какъ дать силу своимъ правамъ, доказать безправіе противниковъ, обвинить ихъ. Пытливый умъ ребенка требовалъ пищи; онъ съ жадностью прочелъ все, что могъ прочесть, изучилъ священную, церковную, римскую исторію, русскія лѣтописи, творенія св. отцевъ, но во всемъ, что онъ ни читалъ, онъ искалъ доказательствъ въ свою пользу; занятый постоянно борьбою, искалъ средствъ выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, искалъ вездѣ, преимущественно въ св. писаніи, доказательствъ въ пользу своей власти противъ беззаконныхъ слугъ, отнимавшихъ ее у него. Отсюда будутъ понятны намъ послѣдующія стремленія Іоанна,—стремленія, такъ рано обнаружившіяся, принятіе царскаго титула, желаніе быть тѣмъ же на московскомъ престолѣ, чѣмъ Давидъ и Соломонъ были на іерусалимскомъ, Августъ, Константинъ и Ѳеодосій на римскомъ; Іоаннъ IV былъ первымъ царемъ уже по тому только, что первый созналъ вполнѣ все значеніе царской власти, первый, такъ сказать, составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически.

Но въ то время, какъ умъ былъ занятъ мыслью о правахъ, дерзко нарушаемыхъ, о средствахъ, какъ бы дать окончательное освѣщеніе этимъ правамъ, дать имъ совершенную недосягаемость, сердце волновалось страшными чувствами: окруженный людьми, которые не обращали на него никакого вниманія, оскорбляли его, въ своихъ борьбахъ не щадили другъ друга, позволяли себѣ въ его глазахъ насильственные поступки, Іоаннъ привыкъ не обращать вниманія на интересы другихъ, привыкъ не уважать человѣческаго достоинства, не уважать жизни человѣка. Пренебрегали развитіемъ хорошихъ склонностей ребенка, подавленіемъ дурныхъ, позволяли ему предаваться чувственнымъ, животнымъ стремленіямъ, потворствовали ему, хвалили за то, за что надобно было порицать, и въ то же время, когда дѣло доходило до личныхъ интересовъ боярскихъ, молодого князя оскорбляли, наносили ему удары въ самыя нѣжныя, чувствительныя мѣста, оскорбляли память его родителей, позоря, умерщвляя людей, къ которымъ онъ былъ привязанъ. Оскорбляли такимъ образомъ вдвойнѣ Іоанна: оскорбляли какъ государя, потому что не слушали его приказаній; оскорбляли какъ человѣка, потому что не слушали его просьбъ. Отъ этого сочетанія потворствъ, ласкательствъ и оскорбленій въ Іоаннѣ развились два чувства: презрѣніе къ рабамъ-ласкателямъ и ненависть къ врагамъ, ненависть къ строптивымъ вельможамъ, беззаконно похитившимъ его права, и ненависть личная за личныя оскорбленія.

По словамъ Курбскаго, Іоанна воспитывали великіе и гордые бояре на свою и на дѣтей своихъ бѣду, стараясь другъ передъ другомъ угождать ему во всякомъ наслажденіи и сладострастіи. Когда онъ началъ приходить въ возрастъ, былъ лѣтъ двѣнадцати, то сталъ прежде всего проливать кровь безсловесныхъ, бросая ихъ на землю съ высокихъ теремовъ; а пѣстуны позволяли ему это и даже хвалили, уча отрока на свою бѣду. Когда онъ началъ приближаться къ пятнадцатому году, то принялся и за людей: собралъ около себя толпу знатной молодежи и началъ съ нею скакать верхомъ по улицамъ и площадямъ, бить, грабить встрѣчавшихся мужчинъ и женщинъ, поистинѣ въ самыхъ разбойническихъ дѣлахъ упражнялся, а ласкатели все это хвалили, говоря: „О! храбръ будетъ этотъ царь и мужественъ!“

Если признать вѣрность показаній Курбскаго, признать, что Іоаннъ дѣйствительно съ 12 лѣтъ началъ обнаруживать дурныя наклонности, отъ которыхъ пѣстуны не удерживали его, то этотъ возрастъ совпадаетъ съ правленіемъ Андрея Шуйскаго и товарищей его. Прежде, когда Іоаннъ былъ еще очень малъ, Шуйскіе считали ненужнымъ обращать на него большое вниманіе: князь Иванъ въ его присутствіи клалъ ногу на постель его отца. Тучковъ пихалъ ногами вещи его матери, позабывши, что ребенокъ такія явленія помнитъ лучше, чѣмъ взрослый; въ это время многое дѣлалось и не такъ, какъ хотѣлъ ребенокъ; и платье ему давали дурное, и не давали долго ѣсть. Но когда ребенокъ сталъ выростать, то окружающіе перемѣнили обращеніе съ нимъ, стали готовить въ немъ себѣ будущаго милостивца, вдругъ перестали видѣть въ немъ ребенка, котораго еще должно было воспитывать, и начали смотрѣть на него, какъ на великаго князя, которому должно было угождать. Воронцовъ счелъ для себя выгоднымъ пріобрѣсть расположеніе тринадцатилѣтняго государя, и это расположеніе Шуйскіе и товарищи ихъ сочли для себя опаснымъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, и сами Шуйскіе обходились теперь съ Іоанномъ не такъ, какъ прежде. Новое положеніе Іоанна въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ видно уже изъ того, что при описаніи сверженія кн. Бѣльскаго и митрополита Іоасафа объ Іоаннѣ сказано только, что онъ сильно испугался; при описаніи же происшествія съ Воронцовымъ говорится, что Іоаннъ уже ходатайствовалъ у Шуйскихъ за своего любимца. Поступокъ Шуйскихъ съ Воронцовымъ былъ послѣднимъ боярскимъ самовольствомъ: неизвѣстно какъ, вслѣдствіе чьихъ внушеній и ободреній, вслѣдствіе какихъ приготовленій, тринадцатилѣтній Іоаннъ рѣшился *напасть* на Шуйскаго; иначе нельзя выразить тогдашнихъ отношеній. Молодой великій князь долженъ былъ начать свою дѣятельность нападеніемъ на перваго вельможу въ государствѣ; понятно, что это нападеніе будетъ такое, къ какимъ пріучили его Шуйскіе; въ концѣ 1543 года Іоаннъ велѣлъ схватить первосовѣтника боярскаго кн. Андрея Шуйскаго и отдать его псарямъ: псари убили его, волоча къ тюрьмамъ, совѣтниковъ его, кн. Ѳедора Шуйскаго, кн. Юрія Темкина и другихъ, разослали.

Нападеніе было удачное, враги застигнуты врасплохъ, напуганы: „съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтопись, начали бояре отъ государя страхъ имѣть и послушаніе“. Прошелъ годъ; Іоанну было уже 14 лѣтъ, и опала постигла кн. Ивана Кубенскаго: его сослали и посадили подъ стражу. Кн. Иванъ Кубенскій съ братомъ Михаиломъ были главами заговора противъ Бѣльскаго и митрополита Іоасафа въ пользу Шуйскаго; Иванъ же Кубенскій упоминается въ числѣ бояръ, бросившихся на Воронцова съ

Шуйскими. Въ маѣ 1545 года онъ былъ освобожденъ. Аѳанасію Бутурлину отрѣзали языкъ за невѣжливыя слова. Послѣ казни Андрея Шуйскаго первымъ дѣломъ великаго князя было возвращеніе изъ ссылки Воронцова, который ничего не потерялъ изъ прежняго его расположенія; возвратившись ко двору съ торжествомъ, блистательно отомщенный, Воронцовъ сталъ думать, какъ бы самому занять мѣсто Андрея Шуйскаго, одному управлять всѣмъ, одному раздавать всѣ милости именемъ еще несовершеннолѣтняго государя: „кого государь пожалуетъ безъ Ѳедорова вѣдома, и Ѳедору досадно", говоритъ лѣтописецъ. Самъ ли Іоаннъ замѣтилъ эти досады, или другіе, которымъ было тѣсно съ Воронцовымъ, только Воронцовъ подвергся опалѣ вмѣстѣ съ прежними своими врагами. Но и на этотъ разъ опала продолжалась не болѣе двухъ мѣсяцевъ: для отца своего, Макарія митрополита, великій князь пожаловалъ бояръ своихъ.

Этихъ колебаній, опалъ, налагаемыхъ на одни и тѣ же лица, прощеній ихъ въ продолженіе 13-го, 15-го и 16-го года Іоанновой жизни нельзя оставить безъ вниманія: странно было бы предположить, что молодой Іоаннъ, только по старой непріязни къ родственникамъ и друзьямъ Шуйскихъ, безо всякаго повода, бросался на нихъ и потомъ прощалъ; трудно предположить, чтобы могущественная сторона Шуйскихъ такъ была поражена казнью князя Андрея, что отказалась совершенно отъ борьбы. Но кто боролся съ нею именемъ Іоанна?—Лѣтописи молчатъ. Можно указывать вначалѣ на Воронцова, можно указывать на кн. Глинскихъ, которыхъ могущество обнаруживается во всеобщей ненависти вельможъ къ нимъ. Но окончательно Кубенскій и Воронцовъ были погублены не Глинскими: на это есть опредѣленное свидѣтельство источниковъ. Въ маѣ 1546 г. великій князь отправился съ войскомъ въ Коломну, по вѣстямъ, что крымскій ханъ идетъ къ этимъ мѣстамъ. Однажды Іоаннъ, выѣхавши погулять за городъ, былъ остановленъ новгородскими пищальниками, которые стали о чемъ-то бить ему челомъ; онъ нерасположенъ былъ ихъ слушать и велѣлъ отослать. Лѣтописецъ не говоритъ, какъ посланные великимъ княземъ исполнили его приказаніе; говоритъ только, что пищальники начали бросать въ нихъ каменьями и грязью. Видя это, Іоаннъ отправилъ отрядъ дворянъ своихъ для отсылки пищальниковъ; но послѣдніе стали сопротивляться и дворянамъ: тѣ вздумали употребить силу; тогда пищальники стали на бой, начали биться ослопами, изъ пищалей стрѣлять, а дворяне дрались изъ луковъ и саблями; съ обѣихъ сторонъ остались на мѣстѣ человѣкъ по пяти или по шести; великаго князя не пропустили проѣхать прямо къ его стану, онъ долженъ былъ пробираться окольною дорогою. Легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести это происшествіе на Іоанна, напуганнаго въ дѣтствѣ подобными сценами и сохранившаго на всю жизнь слѣдствія этого испуга. Но онъ привыкъ видѣть враговъ своихъ, дерзкихъ ослушниковъ своей власти, не въ рядахъ простыхъ ратныхъ людей, и потому сейчасъ же имъ овладѣло подозрѣніе: онъ велѣлъ повѣдать, по чьей наукѣ пищальники осмѣлились такъ поступить, потому что безъ науки этого случиться не могло. Разузнать объ этомъ онъ поручилъ не знатному человѣку, но дьяку своему Василію Захарову, который былъ у него въ приближеніи: мы видимъ, слѣдовательно, что Іоаннъ, подобно отцу, уже началъ приближать къ себѣ людей новыхъ, безъ родовыхъ преданій и притязаній, дьяковъ. Захаровъ донесъ, что пищальниковъ подучили бояре кн. Кубенскій и двое Воронцовыхъ,

Θедоръ и Василій Михайловичи. Великій князь повѣрилъ дьяку и въ великой ярости велѣлъ казнить Кубенскаго и Воронцовыхъ, какъ вслѣдствіе новаго обвиненія, такъ и по прежнимъ ихъ преступленіямъ, за мздоимство во многихъ государскихъ и земскихъ дѣлахъ; людей близкихъ къ нимъ разослали въ ссылку. Лѣтописцы говорятъ, что дьякъ оклеветалъ бояръ. Курбскій относитъ къ тѣмъ же временамъ и другія казни.

Такъ проводилъ Іоаннъ шестнадцатый годъ своего возраста; на семнадцатомъ, 13-го декабря 1546 г., онъ позвалъ къ себѣ митрополита и объявилъ, что хочетъ жениться; на другой день митрополитъ отслужилъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, пригласилъ къ себѣ всѣхъ бояръ, даже и опальныхъ, и со всѣми отправился къ великому князю, который сказалъ Макарію: „Милостію Божіею и Пречистой Его Матери, молитвами и милостію великихъ чудотворцевъ Петра, Алексія, Іоны, Сергія и всѣхъ русскихъ чудотворцевъ, положилъ и на нихъ упованіе, а у тебя, отца своего, благословяся, помыслилъ жениться. Сперва думалъ я жениться въ иностранныхъ государствахъ, у какого-нибудь короля или царя; но потомъ я эту мысль отложилъ: не хочу жениться въ чужихъ государствахъ, потому что я послѣ отца своего и матери остался малъ; если я приведу себѣ жену изъ чужой земли и въ нравахъ мы не сойдемся, то между нами дурное житье будетъ; поэтому я хочу жениться въ своемъ государствѣ, у кого Богъ благословитъ по твоему благословенію". Митрополитъ и бояре, говоритъ лѣтописецъ, заплакали отъ радости, видя, что государь такъ молодъ, а между тѣмъ ни съ кѣмъ не совѣтуется. Но молодой Іоаннъ тутъ же удивилъ ихъ и другою рѣчью: „По твоему, отца своего митрополита, благословенію и съ вашего боярскаго совѣта, хочу прежде своей женитьбы поискать прародительскихъ чиновъ, какъ наши прародители, цари и великіе князья, и сродникъ нашъ великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство, на великое княженіе садились; и я также этотъ чинъ хочу исполнить и на царство, на великое княженіе сѣсть". Бояре обрадовались, что государь еще въ такомъ младенчествѣ, а прародительскихъ чиновъ поискалъ. Но, конечно, всего болѣе удивились они, а нѣкоторые не очень обрадовались тому, что шестнадцатилѣтній великій князь съ этихъ поръ, внутри и внѣ государства, принялъ титулъ, котораго не рѣшались принять ни отецъ, ни дѣдъ его—титулъ царя. 16-го января 1547 г. совершено было царское вѣнчаніе. Между тѣмъ еще въ декабрѣ разосланы были по областямъ, къ князьямъ и дѣтямъ боярскимъ, грамоты: „Когда къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ будутъ изъ васъ дочери дѣвки, то вы бы съ ними сейчасъ же ѣхали въ городъ къ нашимъ намѣстникамъ на смотръ, а дочерей дѣвокъ у себя ни подъ какимъ видомъ не таили бы. Кто же изъ васъ дочь дѣвку утаитъ и къ намѣстникамъ нашимъ не повезетъ, тому отъ меня быть въ великой опалѣ и казни. Грамоту пересылайте между собою сами, не задерживая ни часу". Выборъ палъ на дѣвушку изъ самыхъ знатныхъ и древнихъ московскихъ боярскихъ родовъ, который, при наплывѣ родовъ княжескихъ, успѣлъ удержать за собою близкое къ престолу мѣсто: выборъ палъ на Анастасію, дочь умершаго окольничаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, племянницу боярина Михаила Юрьевича, близкаго человѣка къ великому князю Василію. Быть можетъ, и эти отношенія не были безъ вліянія на выборъ; надобно замѣтить, что представитель рода по смерти боярина Михаила, другой дядя Анастасіи, Григорій Юрьевичъ Захарьинъ,

не принадлежалъ къ сторонѣ Шуйскихъ, не упоминается ни въ какихъ боярскихъ смутахъ дѣтства Іоаннова.

3-го февраля была царская свадьба; 12-го апрѣля вспыхнулъ сильный пожаръ въ Москвѣ; 20-го числа другой; 3-го іюня упалъ большой колоколъ-благовѣстникъ; 21-го новый страшный пожаръ, какого еще никогда не бывало въ Москвѣ: загорѣлась церковь Воздвиженія на Арбатѣ, при сильной бурѣ; огонь потекъ, какъ молнія, спалилъ на западѣ все вплоть до Москвы рѣки, потомъ буря обратилась на Кремль, вспыхнулъ верхъ Успенскаго собора, крыши на царскомъ дворѣ, казенный дворъ, Благовѣщенскій соборъ; сгорѣла оружейная палата съ оружіемъ, постельная палата съ казною, дворъ митрополичій, по каменнымъ церквамъ сгорѣли иконостасы и людское добро, которое продолжали и въ это время прятать по церквамъ. Въ Успенскомъ соборѣ уцѣлѣли иконостасъ и всѣ сосуды церковные; митрополитъ Макарій едва не задохся отъ дыма въ соборѣ. Кремлевскіе монастыри Чудовъ и Вознесенскій сгорѣли; въ Китаѣ сгорѣли всѣ лавки съ товарами и всѣ дворы. Народу сгорѣло 1700 человѣкъ. Великій князь съ женою, братомъ и боярами уѣхалъ въ село Воробьево.

На другой день онъ поѣхалъ съ боярами въ Новоспасскій монастырь. Здѣсь царскій духовникъ, благовѣщенскій протопопъ Ѳедоръ Барминъ, кн. Ѳедоръ Скопинъ-Шуйскій, Иванъ Челядинъ начали говорить, что Москва сгорѣла волшебствомъ; чародѣи вынимали сердца человѣческія, мочили ихъ въ водѣ, водою этою кропили по улицамъ, отъ этого Москва и сгорѣла. Царь велѣлъ розыскать дѣло; розыскъ произвели такимъ образомъ: 26-го числа, на пятый день послѣ пожара, бояре пріѣхали въ Кремль на площадь къ Успенскому собору, собрали черныхъ людей и начали спрашивать: „Кто зажигалъ Москву?“ Въ толпѣ закричали: „Княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми волхвовала; вынимала сердца человѣческія, да клала въ воду, да тою водою, ѣздя по Москвѣ, кропила: оттого Москва и выгорѣла!“ Черные люди говорили это потому, что Глинскіе были у государя въ приближеніи и жалованіи, отъ людей ихъ чернымъ людямъ насильство и грабежъ, а Глинскіе людей своихъ не унимали. Конюшій бояринъ кн. Михайло Васильевичъ Глинскій, родной дядя царскій, былъ въ это время съ матерью во Ржевѣ, полученномъ отъ царя въ кормленіе; но братъ его Юрій былъ въ Москвѣ и стоялъ вмѣстѣ съ боярами на кремлевской площади. Услышавши о себѣ и о матери своей такія рѣчи въ народѣ, онъ понялъ, что̀ его можетъ постигнуть, и ушелъ въ Успенскій соборъ; но бояре, злобясь на Глинскихъ, какъ на временщиковъ, напустили чернь: та бросилась въ Успенскій соборъ, убила Глинскаго, выволокла трупъ его изъ Кремля и положила предъ торгомъ, гдѣ казнятъ преступниковъ. Умертвивши Глинскаго, чернь бросилась на людей его, перебила ихъ множество, разграбила дворъ; много погибло тутъ и неизвѣстныхъ дѣтей боярскихъ, которыхъ приняли за людей Глинскаго. Но одного Глинскаго было мало: на третій день послѣ убіенія кн. Юрія толпы черни явились въ селѣ Воробьевѣ, у дворца царскаго, съ крикомъ, чтобы государь выдалъ имъ бабку свою, княгиню Анну Глинскую, и сына ея, кн. Михайла, которые, будто, спрятаны у него въ покояхъ. Іоаннъ въ отвѣтъ велѣлъ схватить крикуновъ и казнить; на остальныхъ напалъ страхъ, и они разбѣжались.

Виновниками возстанія противъ Глинскихъ, главными наустителями черни, лѣтописецъ называетъ благовѣщенскаго протопопа Ѳедора Бар-

мина, кн. Θедора Шуйскаго-Скопина, Ивана Челяднина и нѣкоторыхъ другихъ. Въ малолѣтство Іоанна Шуйскіе и пріятели ихъ сами управлялись съ людьми себѣ враждебными; но когда Іоаннъ выросъ, когда казнь Андрея Шуйскаго, Кубенскаго, Воронцова показала имъ невозможность дальнѣйшаго самоуправства, то они начали дѣйствовать противъ приближенныхъ къ царю людей не непосредственно, но посредствомъ народа.

Виновники событій 26 іюня умѣли закрыть себя и достигли своей цѣли относительно Глинскихъ: оставшійся въ живыхъ кн. Михайло Глинскій не только потерялъ надежду восторжествовать, но даже отчаялся въ собственной безопасности и побѣжалъ въ Литву; но бѣглецы были захвачены кн. Петромъ Шуйскимъ, посидѣли немного подъ стражею и были прощены и отданы на поруки, потому что вздумали бѣжать по неразумію, испугавшись судьбы кн. Юрія Глинскаго. Могущество Глинскихъ рушилось, но его не наслѣдовали знатные враги ихъ: полною довѣренностью Іоанна, могущественнымъ вліяніемъ на внутреннія дѣла начинаютъ пользоваться простой священникъ Благовѣщенскаго собора Сильвестръ и ложничій царскій Алексѣй Θедоровъ Адашевъ, человѣкъ очень незначительнаго происхожденія.

Сильныя волненія, досады, поблажки чувственнымъ, животнымъ стремленіямъ и дурные примѣры, которые Іоаннъ видѣлъ въ дѣтствѣ, безспорно имѣли пагубное вліяніе на его характеръ и произвели въ немъ, между прочимъ, раздражительность. Но эта самая раздражительность, впечатлительность, женственность природы Іоанна дѣлала его способнымъ и къ скорому принятію добраго вліянія, если это вліяніе шло отъ лица, имѣющаго нравственное достоинство, религіозное значеніе и неподозрительнаго для Іоанна. Пожаръ московскій произвелъ на молодого царя сильное впечатлѣніе. Вотъ что̀ самъ царь писалъ объ этомъ впечатлѣніи собору, созванному для устройства церковнаго: „Нельзя ни описать, ни языкомъ человѣческимъ пересказать всего того, что̀ я сдѣлалъ дурного по грѣхамъ молодости моей. Прежде всего смирилъ меня Богъ, отнялъ у меня отца, а у васъ пастыря и заступника; бояре и вельможи, показывая видъ, что мнѣ доброхотствуютъ, а на самомъ дѣлѣ доискиваясь самовластія, въ помраченіи ума своего, дерзнули схватить и умертвить братьевъ отца моего. По смерти матери моей бояре самовластно владѣли царствомъ, по моимъ грѣхамъ, сиротству и молодости, много людей погибло въ междоусобной брани, а я возрасталъ въ небреженіи, безъ наставленій, навыкъ къ злокозненнымъ обычаямъ боярскимъ, и съ того времени до сихъ поръ сколько согрѣшилъ я предъ Богомъ и сколько казней послалъ на насъ Богъ! Мы не разъ покушались отомстить врагамъ своимъ, но все безуспѣшно: не понималъ я, что Господь наказываетъ меня великими казнями, и не покаялся, но самъ угнеталъ бѣдныхъ христіанъ всякимъ насиліемъ. Господь наказывалъ меня за грѣхи то потопомъ, то моромъ, и все я не каялся; наконецъ, Богъ послалъ великіе пожары, и вошелъ страхъ въ душу мою и трепетъ въ кости мои, смирился духъ мой, умалился я и позналъ свои согрѣшенія: выпросилъ прощеніе у духовенства, далъ прощеніе князьямъ и боярамъ“. Курбскій говоритъ, что во время народнаго возмущенія противъ Глинскихъ Богъ подалъ руку помощи землѣ христіанской такимъ образомъ: пришелъ къ Іоанну одинъ мужъ, чиномъ пресвитеръ, именемъ Сильвестръ, пришлецъ изъ Новгорода Великаго; сталъ претить ему отъ Бога священными писаніями и строго заклинать его страшнымъ Божіимъ именемъ; кромѣ

того, повѣдалъ ему о чудесахъ, о явленіяхъ, какъ-бы отъ Бога происшедшихъ. „Не знаю, прибавляетъ Курбскій, правду ли онъ говоритъ о чудесахъ, или выдумалъ, чтобы только напугать Іоанна для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, и достигъ своей цѣли: душу его исцѣлилъ и очистилъ, развращенный умъ исправилъ, съ помощью Алексѣя Адашева, митрополита Макарія и всѣхъ преподобныхъ мужей, пресвитерствомъ почтенныхъ".

Изъ словъ Курбскаго мы не имѣемъ никакого права заключать, что Сильвестръ явился только тутъ, внезапно, предъ Іоанномъ, не будучи вовсе извѣстенъ ему прежде. По всѣмъ вѣроятностямъ, Сильвестръ уже давно переселился изъ Новгорода въ Москву и былъ однимъ изъ священниковъ придворнаго Благовѣщенскаго собора, по этому самому былъ давно на глазахъ Іоанна, обратилъ на себя его вниманіе своими достоинствами; но теперь его внушенія, его вліяніе получили большую силу. Для объясненія нравственнаго переворота въ Іоаннѣ, для объясненія при этомъ Сильвестрова значенія, припомнимъ событія, встрѣчаемыя нами въ концѣ шестнадцатаго и на семнадцатомъ году возраста Іоаннова: казнь Кубенскаго и Воронцова, бывшая слѣдствіемъ убѣжденія въ неисправимости бояръ; сильная по лѣтамъ степень развитія ума и воли, обнаружившаяся въ Іоаннѣ намѣреніемъ вѣнчаться на царство и принять титулъ царскій; нравственный переворотъ, долженствовавшій произойти вслѣдствіе брака шестнадцатилѣтняго юноши, наконецъ пожары, народное возстаніе противъ лицъ, которымъ довѣрялъ царь болѣе всѣхъ по единству интересовъ, по близкому родству, и которыя раздражили народъ безнаказанными насиліями слугъ своихъ,—все это заставляло Іоанна порѣшить окончательно съ князьями и боярами, искать опоры въ лицахъ другого происхожденія и въ лицахъ испытанной нравственности.

Но если на семнадцатомъ году возраста, вслѣдствіе означенныхъ причинъ и вліяній, произошелъ въ Іоаннѣ важный нравственный переворотъ, то не ранѣе 20-го года, вслѣдствіе естественнаго развитія, молодой царь нашелъ въ себѣ силы окончательно порѣшить съ прошедшимъ, которое сильно тяготило его. Естественнымъ слѣдствіемъ живости, страстности природы въ Іоаннѣ было неумѣнье сдерживать свои мысли и чувства, необходимость высказываться; ни одинъ государь нашей древней исторіи не отличался такою охотою и такимъ умѣньемъ поговорить, поспорить, устно или письменно, на площади народной, на церковномъ соборѣ, съ отъѣхавшимъ бояриномъ или съ послами иностранными, отчего получилъ прозваніе *въ словесной премудрости ритора*. Несчастное положеніе Іоанна съ самаго дѣтства заставляло его постоянно защищать себя въ собственныхъ глазахъ и предъ другими людьми: отсюда его рѣчи и письма обыкновенно или защитительныя въ свою пользу, или обвинительныя противъ враговъ своихъ. Раздражительная, страстная природа и несчастныя обстоятельства увлекли его къ страшнымъ крайностямъ, но при этомъ сознаніе своего паденія никогда не умирало въ немъ: отсюда это постоянное желаніе защитить себя, обвинить другихъ въ собственномъ паденіи.

Теперь онъ хотѣлъ защитить себя предъ народомъ, сложить вину всего прошедшаго зла на людей, которыхъ онъ не переставалъ называть своими врагами, какъ мы видѣли изъ рѣчи его на соборѣ. Прежде онъ хотѣлъ мстить имъ опалами и казнями; теперь, при новомъ настроеніи, онъ хочетъ торжественно объявить ихъ вину. На двадцатомъ году возраста своего, видя государство въ великой тоскѣ и печали отъ насилія

сильныхъ и отъ неправдъ, умыслилъ царь привести всѣхъ въ любовь. Посовѣтовавшись съ митрополитомъ, какъ бы уничтожить крамолы, разорить неправды, утолить вражду, приказалъ онъ собрать свое государство изъ городовъ всякаго чина. Когда выборные съѣхались, Іоаннъ въ воскресный день вышелъ съ крестами на лобное мѣсто и, послѣ молебна, началъ говорить митрополиту: „Молю тебя, святый владыко! Будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ; знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Знаешь самъ, что я послѣ отца своего остался четырехъ лѣтъ, послѣ матери осьми; родственники о мнѣ небрегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли и самовластны были, сами себѣ саны и почести похитили моимъ именемъ, и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись, *азъ же яко глухъ и не слышахъ и не имый въ устахъ своихъ обличенія*, по молодости моей и безпомощности, а они властвовали. О, неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! Какой теперь дадите намъ отвѣтъ, что многія слезы воздвигли на себя? Я же чистъ отъ крови сей, ожидайте воздаянія своего". Поклонившись на всѣ стороны, Іоаннъ продолжалъ: „Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! Молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Теперь намъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя, вслѣдствіе продолжительности моего несовершеннолѣтія, пустоты и безпомощности, вслѣдствіе неправдъ бояръ моихъ и властей, безсудства неправеднаго, лихоимства и сребролюбія; молю васъ, оставьте другъ другу вражды и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ: въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ я самъ буду вамъ, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать". Въ это время расположеніе царя къ Алексѣю Адашеву достигло высшей степени: въ тотъ самый день, въ который говорена была рѣчь къ народу, Іоаннъ пожаловалъ Адашева въ окольничіе и при этомъ сказалъ ему: «Алексѣй! Взялъ я тебя изъ нищихъ и самыхъ незначительныхъ людей. Слышалъ я о твоихъ добрыхъ дѣлахъ и теперь взыскалъ тебя выше мѣры твоей для помощи души моей; хотя твоего желанія и нѣтъ на это, но я тебя пожелалъ, и не одного тебя, но и другихъ такихъ же, кто бы печаль мою утолилъ и на людей, врученныхъ мнѣ Богомъ, призрѣлъ. Поручаю тебѣ принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ внимательно. Не бойся сильныхъ и славныхъ, похитившихъ почести и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ; не смотри и на ложныя слезы бѣднаго, клевещущаго на богатыхъ, ложными слезами хотящаго быть правымъ: но все разсматривай внимательно и приноси къ намъ истину, боясь суда Божія, избери судей правдивыхъ отъ бояръ и вельможъ". Говорилъ онъ это съ прещеніемъ, прибавляетъ извѣстіе, и съ тѣхъ поръ началъ самъ судить многіе суды и розыскивать праведно. Такъ кончилось правленіе боярское.

III. Изъ „Судебника" царя Іоанна Васильевича (1550).

Лѣта 7058, въ 1-й день мѣсяца іюля, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси со своими братьями и боярами сей Судебникъ уложилъ, какъ судить боярамъ, и окольничимъ, и дворецкимъ, и казначеямъ, и дьякамъ, и всякимъ приказнымъ людямъ, по городамъ намѣстникамъ, и по волостямъ, и ихъ тіунамъ, и всякимъ судьямъ.

1. Судъ царя и великаго князя судить боярамъ и окольничимъ, и дворец-

кимъ, и казначеямъ, и дьякамъ, а судомъ не дружить и не мстить никому, посуловъ (взятокъ) на судѣ не брать. Точно также и всякій судья на судѣ не долженъ брать посуловъ.

2. Если бояринъ, или окольничій, или дворецкій, или казначей, или дьякъ неправо рѣшатъ дѣло и обвинятъ кого несправедливо или списокъ подпишутъ и правую грамоту, и если разслѣдованіе покажетъ, что это сдѣлано безъ умысла, то бояринъ, окольничій, дворецкій, казначей и дьякъ не отвѣчаютъ, но рѣшеніе отмѣняется, и взятое должно быть возвращено.

3. Если бояринъ, или окольничій, или дворецкій, или казначей, или дьякъ, взявъ посулъ, рѣшитъ дѣло несправедливо, а разслѣдованіе обнаружитъ это, то неправильно обвиненный получаетъ съ виновныхъ судей свою потерю, пошлинъ царскихъ и великокняжескихъ и судебныхъ издержекъ взять съ нихъ и втрое подвергнуть наказанію, какое государь укажетъ.

6. А кто солжетъ на боярина, окольничаго, дворецкаго, казначея, дьяка или подъячаго, и по обыску ложь обнаружится, то такого жалобщика, сверхъ его вины, казнить торговою казнью, бить кнутомъ и ввергнуть въ тюрьму.

8. Брать боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку на судѣ отъ рублеваго дѣла на виноватомъ истцѣ или отвѣтчикѣ слѣдующія пошлины: боярину, или дворецкому, или казначею 11 денегъ, дьяку 7, подъячему 2; а будетъ дѣло выше рубля или ниже, то пошлины взымать по расчету, а больше того не брать; отъ записки подъячему не брать ничего. Если взято будетъ лишнее, то виновный платитъ втрое. Если послѣдуетъ жалоба на то, что взятое лишнее и она окажется ложною, то жалобщика казнить торговою казнью и заключить въ тюрьму.

14. На полѣ (судебномъ поединкѣ) долженъ биться боецъ съ бойцемъ, а небоецъ съ небойцемъ; а бойцу съ небойцемъ не биться. Но если небоецъ съ бойцемъ самъ пожелаетъ биться, то ему это разрѣшается.

19. Если ищетъ женщина, или малолѣтній, или старецъ, или больной, или калѣка, или священникъ, или монахъ, или монахиня, то для поединка имъ нанимать бойца, равно какъ и отвѣтчику. Крестъ цѣлуютъ истецъ и отвѣтчикъ, бьются же нанятые. Но если истецъ или отвѣтчикъ пожелаетъ самъ биться съ нанятымъ, то ему это разрѣшается.

26. Вознагражденіе за безчестіе дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленія опредѣлять по доходу съ того кормленія, какъ значится по книгамъ; женамъ ихъ за безчестіе вдвое. Дѣтямъ боярскимъ, получающимъ денежное жалованье, за безчестіе платить въ размѣрѣ жалованья; женамъ ихъ вдвое. Дьякамъ палатнымъ и дворцовымъ за безчестіе платить, какъ царь укажетъ; женамъ ихъ вдвое. Большимъ гостямъ безчестія 50 рублей; женамъ ихъ вдвое. Торговымъ людямъ, посадскимъ и всѣмъ среднимъ безчестія 5 рублей; женамъ ихъ вдвое. Боярскому человѣку доброму безчестія 5 рублей, если онъ не тіунъ и доводчикъ; женѣ его вдвое. Тіуну боярскому или доводчику или праветчику безчестіе платится въ размѣрѣ доходовъ; женамъ ихъ вдвое. Крестьянину пашенному и непашенному за безчестіе рубль; женѣ его вдвое. Боярскому человѣку младшему или черному младшему городскому человѣку тоже рубль, а женамъ ихъ вдвое. За увѣчіе платится, смотря по увѣчію и по безчестію.

27. Если чужеземецъ будетъ искать на чужеземцѣ, то обвиняемый можетъ, какъ хочетъ, или присягать, что не виноватъ, или, положивъ у креста предметъ иска, предложить истцу взять его, принесши присягу. Если человѣкъ здѣшняго государства истецъ, а чужеземецъ отвѣтчикъ или наоборотъ, то метать жребій, и чей жребій вынется, тому присягать.

52. Если кого приведутъ съ поличнымъ впервые, то его судить и собрать о немъ свѣдѣнія. Если по обыску назовутъ его лихимъ человѣкомъ, то его пытать, и если онъ скажетъ самъ на себя, то казнить смертью, а въ противномъ случаѣ предать пожизненному заключенію, истцу же заплатить изъ его имущества. Если же по обыску скажутъ, что онъ человѣкъ добрый, то вести дѣло обыкновеннымъ порядкомъ.

55. Если вора поймаютъ впервые, исключая вора церковнаго и похитителя людей, а въ иномъ прежнемъ воровствѣ довода на него не будетъ, то его казнить торговою казнью, бить кнутомъ, искъ на немъ доправить, да отдать его на вѣрныя поруки. Если вѣрнаго поручителя нѣтъ, то ввергнуть въ тюрьму и держать до тѣхъ поръ, пока таковой не найдется. Если у вора не будетъ имущества для удовлетворенія истца, то его, наказавъ кнутомъ, выдать истцу головою на правежъ, пока не выкупится, а истцу приискать поручителей въ томъ, что, доправивъ свое, отдастъ его боярамъ.

56. Если вора поймаютъ вторично, то его пытати и, если скажетъ самъ на

себя, смертью казнить, а истца вознаградить изъ его имущества. Если имущества не будетъ, то и тогда казнить, а истцу не выдавать. Если подъ пыткою на себя самъ не скажетъ, то навести справки, и когда по справкамъ окажется, что онъ лихой человѣкъ, ввергнуть его въ тюрьму до смерти; въ противномъ же случаѣ отдать на крѣпкія поруки. Если таковыхъ нѣтъ, то держать его въ тюрьмѣ, пока не найдутся.

59. Завѣдомо лихой человѣкъ, уличенный въ разбоѣ, душегубствѣ, ябедничествѣ, подлогѣ или другомъ лихомъ дѣлѣ, долженъ быть казненъ смертью, а истецъ получаетъ вознагражденіе изъ его имущества: получившійся затѣмъ остатокъ идетъ на судебные платежи. Если у такого преступника столько имущества нѣтъ, то все же его казнить, а истцу не выдавать, при чемъ нѣтъ и судебныхъ платежей.

61. Убійца своего господина, бунтовщикъ, крамольникъ, церковный воръ, похититель людей, поджигатель, завѣдомо лихой человѣкъ да будетъ казненъ смертью. Изъ имущества его удовлетворяется истецъ, остальное идетъ на судебныя издержки. Если у такого преступника имущества нѣтъ, то все же истцу онъ не выдается, а казнится смертью.

68. Если намѣстнику данъ въ кормленіе городъ съ волостями или волости, а въ волостяхъ по сію пору не было старостъ и цѣловальниковъ, то отнынѣ въ нихъ должны быть старосты и цѣловальники. Если кто-либо изъ жителей этихъ волостей будетъ искать или отвѣчать предъ намѣстникомъ или волостелемъ, или предъ тіунами ихъ, то въ судѣ намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ быть старостѣ и цѣловальникамъ изъ той волости, изъ которой истецъ или отвѣтчикъ, а судны дѣла писать земскому дьяку той же волости. А безъ старосты и цѣловальниковъ намѣстникамъ и волостелямъ, за которыми числится кормленіе съ боярскимъ судомъ или безъ боярскаго суда, а также ихъ тіунамъ, не судить. Посула на судѣ не брать ни намѣстникамъ, ни волостелямъ, ни ихъ тіунамъ.

74. Если въ городѣ будутъ два намѣстника, а въ волости два волостеля, и если судъ между ними не раздѣленъ, то брать судебныя пошлины однажды и дѣлить между собою пополамъ. Если города и волости ихъ подѣлены, но у нихъ будетъ судъ мѣстный, то все же пошлины брать однажды и дѣлить между собою пополамъ. Если два намѣстника, два волостеля или два тіуна съ одного дѣла взяли пошлины дважды, и если это будетъ доказано, то заплатившему эти пошлины намѣстники, волостели и ихъ тіуны должны возвратить втрое.

78. Если люди вольные станутъ бить челомъ князьямъ и боярамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и всякимъ людямъ, и станутъ на себя давать кабалы служить за долгъ, то признавать кабалы законными только на сумму не свыше 15 руб.

81. Дѣтей боярскихъ, служившихъ и ихъ дѣтей, которыя не были еще на службѣ, въ число холоповъ никто не долженъ принимать Холопами могутъ становиться только отставленные государемъ отъ службы.

84. А вотъ судъ о земляхъ. Если бояринъ на бояринѣ, или монастырь на монастырѣ, или бояринъ на монастырѣ, или монастырь на бояринѣ будутъ искать земли, то судить за три года (т.-е. признавать трехлѣтнюю давность). То же самое, если будетъ искать черный человѣкъ на черномъ, помѣщикъ на помѣщикѣ, за которымъ числится земля царя и великаго князя, черный сельскій человѣкъ на помѣщикѣ или обратно. Если ищутъ на бояринѣ или монастырѣ земель царя и великаго князя, то судить за шесть лѣтъ, а дальше не судить. Если о земляхъ заведено уже дѣло, то таковое досуживать.

91. Попа, діакона, черица, черницу и старую вдовицу, которые питаются отъ церкви Божіей, должны судить святители и ихъ судіи; если судится простой человѣкъ съ церковнымъ, то судъ совмѣстный. Если вдовица питается не отъ церкви Божіей, а живетъ домомъ своимъ, то святительскому суду не подлежитъ. Городскіе торговые люди не должны жить при монастыряхъ, а въ городскихъ дворахъ; торговыхъ людей, проживающихъ при монастыряхъ, оттуда устранять и подвергать суду намѣстниковъ. Нищимъ, питающимся отъ церкви Божіей, жить въ монастыряхъ.

92. Если кто умретъ безъ завѣщанія, не имѣя сына, то имущество его и земля переходятъ къ дочери; если и дочери нѣтъ, то къ ближайшему родственнику.

97. Тѣ дѣла, которыя до изданія настоящаго Судебника рѣшены, Судебникомъ не отмѣняются; не отмѣняются и тѣ. о которыхъ процессъ уже начатъ. Всѣ эти дѣла, касающіяся земель, холопства, кабалы и т. п., должны быть рѣшены прежнимъ порядкомъ. Впредь всякія дѣла рѣшать по настоящему Судеб-

нику и управу чинить сообразно съ тѣмъ, какъ царь и великій князь предписываетъ въ своемъ Судебникѣ, со дня его составленія.

98. Если откроются случаи, не предусмотрѣнные симъ Судебникомъ, то они должны быть сообщены государемъ боярской думѣ для приговора, и рѣшеніе затѣмъ должно быть внесено въ настоящій Судебникъ.

99. Велѣть объявить на торгахъ въ Москвѣ, во всѣхъ городахъ земли Московской, Новгородской, Тверской, по волостямъ, чтобы истецъ и отвѣтчикъ судьямъ и приставамъ взятокъ на судѣ не давали и не обѣщали, чтобы свидѣтели, не видѣвъ дѣла, не свидѣтельствовали, а видѣвъ, свидѣтельствовали по правдѣ. Если свидѣтель будетъ свидѣтельствовать, не видѣвъ дѣла, лживо, и это обнаружится потомъ, то съ него взыскивать потерю истца и всѣ убытки, да за преступленіе казнить торговою казнью.

IV. О значеніи и содержаніи Судебника.

(*Изъ ст. Калачева: «О Судебникѣ царя Іоанна Васильевича Грознаго», помѣщенной въ «Юридическихъ Запискахъ» Рѣдкина*).

Судебникъ Іоанна IV имѣлъ великую важность не только для современниковъ, но и для потомства, которое долго руководствовалось имъ въ дѣлахъ судебныхъ; онъ важенъ и для насъ, какъ звено, необходимое для уразумѣнія исторіи русскаго законодательства.

Уложеніе, изданное Іоанномъ III и дополненное законами его сына, не могло казаться вполнѣ удовлетворительнымъ въ правленіе Іоанна IV. Съ развитіемъ жизни гражданской, съ уясненіемъ юридическихъ понятій, явилась потребность въ разсмотрѣніи прежнихъ законовъ: надлежало иные дополнить, другіе замѣнить новыми, взятыми изъ обычаевъ жизни, всегда пополняющихъ письменное законодательство. Такую потребность современниковъ не могло не замѣтить мудрое правительство, дѣйствовавшее именемъ Іоанна, и съ самаго начала своей силы обратило на нее вниманіе. Безъ сомнѣнія, по совѣту Сильвестра, Адашева и другихъ приближенныхъ, Іоаннъ, „*благословясь у духовенства исправить Судебникъ по старинѣ*", въ 1550 г., іюня 1-го, съ своими братьями и боярами „*уложилъ Судебникъ, какъ судить боярамъ, и окольничимъ, и дворецкимъ, и казначеямъ, и дьякамъ, и всякимъ приказнымъ людямъ, и по городамъ намѣстникамъ, и по волостямъ, волостелямъ, тіунамъ и всякимъ судьямъ*".

По окончаніи Судебника Іоаннъ назначилъ быть въ Москвѣ собору *слугъ Божіихъ*, и въ 1551 г., февр. 23-го во дворѣ кремлевскомъ явились, кромѣ митрополита, девять святителей, всѣ архимандриты, игумены, бояре и сановники первостепенные. Царь-юноша произнесъ имъ рѣчь, сильную умомъ и краснорѣчіемъ: говорилъ о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ *вдовствующею* Россіею во дни его юности, о неустройствѣ государственномъ, о самосудной власти вельможъ, о презрѣніи законовъ, о превратности древнихъ обычаевъ, о растлѣніи нравовъ и ставилъ ихъ причиною, побудившею его къ исправленію законовъ и возстановленію спасительной ихъ власти и благоустройства въ государственномъ управленіи; потомъ царь предложилъ святителямъ на разсмотрѣніе Судебникъ съ уставными грамотами объ избраніи старостъ и цѣловальниковъ, сотскихъ и пятидесятниковъ. Соборъ утвердилъ всѣ новыя мудрыя постановленія Іоанновы.

По собственному признанію законодателя, онъ думалъ только дополнить Уложеніе Іоанна III, согласно съ новыми опытами, съ новыми потребностями государства, желая искоренить зло, вкравшееся въ систему судебнаго управленія. Отсюда очевидны источники, которыми пользовались при составленіи Судебника: письменные законы предковъ Іоанновыхъ, пополненные обычнымъ правомъ жизни гражданской и государственной. Такимъ образомъ, Судебникъ Іоанна IV представляется намъ какъ плодъ юридической дѣятельности предковъ, какъ вѣрное зерцало древней жизни русскихъ. Онъ всегда останется памятникомъ, драгоцѣннымъ для историка, юриста и филолога, для всякаго просвѣщеннаго и любознательнаго гражданина. Будучи окончательнымъ результатомъ предъидущаго развитія жизни юридической, онъ самъ впослѣдствіи послужилъ источникомъ для развитія отечественнаго права, потому что Уложеніе Алексѣя Михайловича, краеугольный камень послѣдующаго законодательства.

есть не что иное, какъ Судебникъ Іоанна IV, дополненный и исправленный новымъ развитіемъ права: съ одной стороны — письменными законами позднѣйшаго времени—указами и боярскими приговорами, законами мѣстными, примѣненными къ системѣ русскаго законодательства, по ихъ всеобщему юридическому духу (Литовскій Статутъ); съ другой стороны — практическими случаями, обычаями присутственныхъ мѣстъ.

Судебникъ, какъ это видно изъ его названія, есть кодексъ, опредѣляющій внѣшнюю (формальную) сторону права: судопроизводство есть, слѣдовательно, предметъ, разсматриваемый Судебникомъ. Главное вниманіе законодателя было обращено на устройство судовъ: на органы судопроизводства, высшіе и низшіе, на тяжущихся и ихъ повѣренныхъ, на самый порядокъ, соблюдаемый въ судопроизводствѣ, на законы, по которымъ оно движется, на искъ, на зовъ отвѣтчика, на доказательства судебныя, на рѣшеніе и его исполненіе. Очевидно, что все это относится къ судопроизводству гражданскому. Что же касается до части, разсматривающей гражданское право, то она почти не вошла въ составъ Судебника: право жило въ сознаніи народа, и обычаи, еще не обременяя памяти своею массою, ясно вѣщали о понятіяхъ юридическихъ, въ то время слишкомъ немногосложныхъ. Только немногія исключенія были записаны въ кодексѣ законовъ, но и то или по связи того или другого права (гражданскаго) съ судопроизводствомъ, или по неясному сознанію законодателемъ различія между судомъ и правомъ.

Законодатель обращаетъ вниманіе и на судебно-уголовную часть: на *татьбу, душегубство и всякое лихое дѣло;* онъ назначаетъ даже для уголовныхъ дѣлъ особыхъ судей — *губныхъ старостъ*, которые должны участвовать въ судѣ намѣстниковъ и волостелей по дѣламъ *вѣдомыхъ разбойниковъ*, приказывая судить эти дѣла не по Судебнику, *а по губнымъ грамотамъ.* Слѣдовательно, очевидно, что главное вниманіе законодателя обращено было на гражданское судопроизводство; о судѣ же уголовномъ онъ говоритъ только для того, чтобы точнѣе опредѣлить дѣятельность органовъ судопроизводства вообще. Поэтому не только уголовное право, но даже уголовное судопроизводство остается въ Судебникѣ почти неразвитымъ.

V. Областное управленіе и судъ въ удѣльный періодъ и въ эпоху судебниковъ.

(*Составлено по соч. Чичерина «Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.»*).

Въ теченіе всего удѣльнаго періода, а отчасти и въ эпоху судебниковъ судъ имѣлъ характеръ не общественной должности, а частной собственности, какъ и вообще все управленіе князей носило еще частный, вотчинный характеръ: не было еще понятія объ общественныхъ потребностяхъ, составляющихъ предметъ государственнаго управленія; какъ въ частномъ хозяйствѣ, вся цѣль состояла въ полученіи дохода княземъ и его слугами. Князь имѣлъ право суда и дани: то было тягло, лежавшее на землѣ, и всѣ жители княжеской вотчины подвергались этимъ повинностямъ. Общее правило гласило: „А судомъ и данью тянути по землѣ и по водѣ". Судъ передавался по частному праву: князь не назначалъ сановниковъ для управленія дѣлами, а *жаловалъ* извѣстныя права, извѣстные доходы въ *кормленіе* временное или наслѣдственное, или отдавалъ на откупъ.

Обыкновенно судъ отдавался въ кормленіе намѣстникамъ и волостелямъ. Первые вѣдали города со станами, вторые — волости; но иногда власть намѣстниковъ распространялась на цѣлые уѣзды, т.-е. на города со станами и волостями, и въ такомъ случаѣ въ волостяхъ имъ принадлежала вира за душегубство (убійство), а волостели вѣдали остальной судъ. Вообще кругъ дѣятельности намѣстниковъ и волостелей опредѣлялся не правительственными соображеніями, а расположеніемъ князя къ тому или другому кормленщику. Поэтому въ судебныхъ округахъ было величайшее разнообразіе, которое еще болѣе увеличивалось отъ раздѣленія на части. Въ удѣльный періодъ города и области дѣлились между князьями и переходили изъ рукъ въ руки, какъ частная собственность; право суда подвергалось той же участи. Въ одномъ и томъ же городѣ могло быть нѣсколько намѣстниковъ, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ участкомъ

своего князя. Взаимныя отношенія намѣстниковъ одного города опредѣлялись частными договорами князей или распоряженіями того князя, который дѣлилъ свое имѣніе между сыновьями; поэтому судебное устройство не могло быть вездѣ одинаково и всегда зависѣло отъ случайныхъ и временныхъ обстоятельствъ. То же было и въ каждомъ отдѣльномъ княжествѣ: городъ или волость могли быть пожалованы двумъ кормленщикамъ вмѣстѣ, и тогда судъ, по частному распоряженію князя, или дѣлился между ними, или оставался нераздѣльнымъ. Кормленіе жаловалось княземъ иногда на извѣстный срокъ, иногда безсрочно; иногда кормленіе, бывшее за отцами и дѣдами, утверждалось за сыновьями, внуками и другими родственниками и принимало характеръ наслѣдственности. Такимъ образомъ, судъ передавался по частному праву. Поэтому, получивши кормленіе въ даръ или во временное пользованіе, кормленщикъ могъ оставить его, когда хотѣлъ, и это не считалось нарушеніемъ служебныхъ обязанностей.

Самое управленіе носило тотъ же характеръ частнаго владѣнія: какъ частные хозяева, намѣстники и волостели назначали въ зависѣвшія отъ нихъ должности своихъ людей, слугъ или холоповъ и мѣняли, когда хотѣли. Для суда они опредѣляли тіуновъ, для разныхъ судебныхъ дѣйствій (вызова къ суду, взысканій), доводчиковъ и праветчиковъ. Кормленщики, ихъ тіуны и доводчики получали кормъ отъ подчиненныхъ имъ жителей. Намѣстникъ и волостель при въѣздѣ въ городъ или волость получали въѣзжее, кто что принесетъ, потомъ на праздники два или три раза въ годъ (на Святую недѣлю, на Петровъ день и на Рождество Христово) кормъ натурою или деньгами; тіуны получали также кормъ. Вторымъ источникомъ дохода служили судебныя пошлины. Судьи получали различныя пошлины, смотря по тому, были ли виновенъ истецъ или отвѣтчикъ, кончалось ли дѣло судомъ, или тяжущіеся мирились до произнесенія приговора. Особыя пошлины получалъ кормленщикъ за приложеніе печати, а дьякъ за письмо. Всѣ эти пошлины кормленщикъ получалъ съ судебныхъ дѣйствій, предпринимаемыхъ въ пользу тяжущихся; ему же принадлежала и пеня съ преступниковъ. Штрафованіе было произвольное; судья извлекалъ изъ преступника все, что̀ могъ. По судебникамъ, все имущество лихого человѣка, за исключеніемъ того, что̀ принадлежало истцу, должно было идти намѣстнику и его тіуну. Особенный разрядъ составляли преступленія явныя, которыя оставляли видимые слѣды; таковы были душегубство, разбой и татьба съ поличнымъ, изъ которыхъ само самою, безъ всякаго иска, рождалось право кормленщика на извѣстную пеню. Если убійцы не было налицо, пеня взыскивалась съ того стана, волости или города, гдѣ найдено было мертвое тѣло; эта пеня называлась вирою за голову, также поголовщиною. Если поймавшій вора съ поличнымъ отпускалъ его, не явивъ судьѣ, съ него взыскивалась пеня за самосудъ. Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣлось въ виду не столько преступленіе, сколько доходъ съ него; кормленщикъ управлялъ *не на князя, а на себя*; и главною цѣлью его было полученіе дохода, „чѣмъ можно быти сытымъ". Отправленіе же суда было только средствомъ къ обогащенію. Поэтому самыя преступленія имѣли значеніе не общественное, а частное; они были доходныя статьи, изъ которыхъ судья извлекалъ прибытокъ, на которыя онъ имѣлъ исключительную привилегію, составлявшую одну изъ самыхъ крупныхъ выгодъ кормленія. Иногда кормленщикъ завѣдывалъ не только судомъ, но всею волостью со всѣми доходами, и часть ихъ выплачивалъ своему князю. Иногда давались въ кормленіе нѣкоторыя таможенныя пошлины, явка съ гостей, мыты, перевозы и др. Таковы были доходы.

Что касается до самаго суда, то и онъ носилъ частный характеръ. Если судья самъ не могъ рѣшить дѣла, онъ докладывалъ его, кому хотѣлъ, что̀, впрочемъ, не было для него обязательно. Докладъ былъ частный способъ разрѣшать затрудненія; о судебныхъ инстанціяхъ, установляемыхъ закономъ, не было еще понятія. Поэтому и апелляція не существовала: но, въ случаѣ притѣсненій намѣстниковъ, волостелей, ихъ тіуновъ и заводчиковъ, можно было жаловаться князю. Поводомъ къ жалобамъ могли быть не только злоупотребленія, но и самая неопредѣленность правъ; обыкновенно предписывалось кормленщику *ходить по пошлинѣ*, но часто обычай былъ недостаточенъ. Для устраненія жалобъ на злоупотребленія кормленщиковъ князья давали жителямъ отдѣльныхъ общинъ или округовъ *уставныя грамоты*, въ которыхъ опредѣлялись права судей.

Судебная власть кормленщиковъ распространялась на жителей пожалованнаго имъ округа: въ судебникахъ постановлено, что если изъ Москвы посланъ будетъ недѣльщикъ для вызова отвѣтчика къ суду, и оба тяжущіеся будутъ одного города или одной волости, то недѣльщикъ долженъ поставить ихъ обоихъ передъ намѣстникомъ, волостелемъ или тіуномъ того округа, гдѣ они живутъ:

иначе онъ лишается *ѣзда*. Но эта судебная власть подвергалась многимъ ограниченіямъ: жалованныя грамоты епископамъ, монастырямъ и частнымъ лицамъ освобождали ихъ самихъ, людей ихъ и крестьянъ отъ суда намѣстниковъ и волостелей. Нѣкоторыя лица получали право судиться только у князя; обыкновенно въ жалованныхъ несудимыхъ грамотахъ частнымъ лицамъ постановлялось, что всѣ жалобы на нихъ самихъ, дѣтей ихъ и приказчиковъ подлежатъ суду князя, или того, кому князь прикажетъ судить. Такое же право предоставлялось архимандритамъ и игуменамъ монастырей и ихъ приказчикамъ. Духовенство по церковнымъ правиламъ подлежало одному духовному суду, но и здѣсь бывали частныя исключенія; царскими жалованными грамотами архимандриты, игумены и священники въ гражданскихъ дѣлахъ съ посторонними лицами освобождались отъ духовныхъ властей и получали права судиться однимъ княземъ и его боярами. Посредствомъ жалованныхъ же грамотъ совершалось отчужденіе княжескихъ правъ въ пользу монастыря въ томъ случаѣ, когда князь жаловалъ село монастырю, или если монастырь покупалъ земли, на которыхъ лежали княжескій судъ и повинности. При томъ жалованныя грамоты бывали различнаго содержанія: одни монастыри и епископы получали надъ своими людьми и крестьянами право полнаго суда съ душегубствомъ, разбоемъ и татьбою съ поличнымъ; другимъ предоставлялось право суда во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства, которое оставалось за намѣстниками и волостелями; нѣкоторымъ, наконецъ, жаловалось то право, что душегубство и татьба съ поличнымъ судились не намѣстниками, а самимъ княземъ. Такимъ образомъ, преступленія, составлявшія княжескій доходъ, дробились, какъ частная собственность, и жаловались различнымъ судьямъ. При пожалованіи частнымъ лицамъ селъ и деревень въ вотчину, судъ исчислялся въ числѣ прочихъ принадлежностей; но нѣкоторыя статьи князь могъ оставить за собою. Право суда надъ подчиненнымъ ему лицомъ принадлежало судьѣ, какъ частная собственность, которой онъ не могъ быть лишенъ. Поэтому дѣло, возникшее между тяжущимися, подсудными двумъ различнымъ судьямъ, влекло за собою участіе въ судѣ обоихъ судей, что и называлось смѣстнымъ или общимъ (вопчимъ) судомъ. Судили иногда оба судьи вмѣстѣ, какъ опредѣлено въ большей части жалованныхъ грамотъ, иногда судилъ судья истца, иногда же судья отвѣтчика, какъ постановлено въ видѣ общаго правила въ царскомъ судебникѣ, а другой судья „за нимъ идетъ, своего прибытка смотритъ“. Такимъ образомъ вслѣдствіе владѣльческаго характера суда подсудность опредѣлялась не видами общественнаго блага, а правомъ судьи на доходы съ суда надъ извѣстными лицами.

Таковъ былъ судъ намѣстниковъ и волостелей, но, кромѣ того, право суда отдавалось въ кормленіе и другимъ лицамъ: дворецкому, конюшему, ловчему, ключнику, въ дворцовыхъ селахъ посельскимъ; иногда писцы судили тяжбы о земляхъ. Наконецъ, иногда судъ отдавался на откупъ; по крайней мѣрѣ, такъ дѣлалось въ новгородскихъ областяхъ, гдѣ господствовала та же система, которая существовала въ остальныхъ княжествахъ.

Система кормленія несомнѣнно имѣла многія темныя стороны, представляя огромный просторъ для судейскаго произвола, хотя при условіяхъ общественной жизни удѣльнаго періода, при отсутствіи единой, крѣпкой и могущественной общественной власти, при отсутствіи правительственныхъ средствъ, кормленія составляли явленіе необходимое, тѣсно связанное со всѣмъ устройствомъ быта, основаннаго на частномъ правѣ. Такъ какъ господствовавшая въ удѣльный періодъ система кормленія была совершенно несовмѣстна съ государственнымъ порядкомъ, то московскіе государи, начиная съ Іоанна III, прежде всего старались опредѣлить и ограничить власть намѣстниковъ и волостелей, передавали права ихъ другимъ органамъ управленія и, наконецъ, совершенно уничтожили систему кормленій. Въ уставныхъ грамотахъ, которыя жаловались отдѣльнымъ общинамъ въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, опредѣлялось количество корма и пошлинъ, платимыхъ намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ людямъ, и полагались нѣкоторыя ограниченія ихъ власти, именно: опредѣлялось, сколько намѣстникъ или волостель долженъ держать тіуновъ и доводчиковъ и въ какихъ мѣстахъ, запрещалось перемѣнять ихъ ранѣе года; самимъ кормленщикамъ и ихъ тіунамъ запрещалось ѣздить по округамъ; кормъ и поборы запрещалось имъ взыскивать самимъ: сотскіе собирали ихъ въ станахъ и платили въ городѣ кормленщикамъ и ихъ людямъ; наконецъ запрещалось брать виру или пеню за неумышленное убійство, и въ случаѣ жалобы на судей, жителямъ округа позволялось самимъ назначать срокъ, въ который они должны были стать къ суду передъ великимъ княземъ.

Всѣ эти постановленія имѣли въ виду избавить подсудимыхъ жителей отъ

произвольныхъ поборовъ и притѣсненій. Кромѣ того, въ судебникахъ установлено ограниченіе самой судебной власти кормленщиковъ. Кормленія раздѣлены на кормленія съ боярскимъ судомъ и безъ боярскаго суда. Судебникомъ 1497 года запрещено было намѣстникамъ и волостелямъ, которые держатъ кормленіе безъ боярскаго суда, штрафовать, казнить и освобождать преступниковъ безъ доклада; они также лишены были права давать холопу и рабѣ правыя грамоты на господина и отпускныя выдавать безъ доклада холопа и раба и давать за нихъ бѣглыя грамоты. Въ царскомъ судебникѣ ограниченъ былъ и судъ боярскій: запрещено было давать безъ доклада правыя и бѣглыя грамоты и безъ доклада штрафовать, казнить или отпустить вора, убійцу и всякаго лихого человѣка. Но важнѣйшимъ ограниченіемъ власти намѣстниковъ и волостелей было введеніе въ судъ старостъ и цѣловальниковъ. Въ судебникѣ Іоанна III общимъ правиломъ постановлено, чтобы на судѣ были дворскій, староста и добрые или лучшіе люди; въ судебникѣ же Іоанна IV постановлено, чтобы тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ не было старостъ и цѣловальниковъ, были старосты и цѣловальники и земскій дьякъ для письма судныхъ дѣлъ. Первоначально добрые или лучшіе люди были ничто иное, какъ свидѣтели при судѣ или понятые; число ихъ было произвольно,—при каждомъ дѣлѣ были особые свидѣтели. Но при Іоаннѣ Грозномъ понятые превратились въ постоянныхъ выборныхъ, присяжную должность, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ имя старостъ и цѣловальниковъ. Значеніе ихъ оставалось прежнее: они сидѣли въ судѣ какъ свидѣтели; земскій дьякъ составлялъ судный списокъ, который они, приложивъ къ нему руки, отдавали кормленщику. Но къ этому присоединились и другія обязанности: если люди намѣстниковъ и волостелей отдавали кого-нибудь на поруки и поручителей не было, то они не могли ихъ уводить къ себѣ и ковать въ желѣзо, не явивъ старостѣ и цѣловальникамъ; иначе послѣдніе могли, по просьбѣ родственниковъ, освободить обвиняемаго и взять безчестіе на томъ, кто его сковалъ.

Такимъ образомъ, участіе въ судѣ выборнаго начала служило обезпеченіемъ противъ притѣсненій намѣстниковъ и волостелей; но этимъ не ограничивалось его значеніе: не только судебныя, но и полицейскія и финансовыя дѣла предоставлены были самостоятельному управленію общинъ. Съ возникновеніемъ государственнаго начала явилась потребность установить въ государствѣ безопасность и тишину, оградить частныя лица отъ разбоевъ и грабежей. Такъ какъ частный, личный интересъ кормленщиковъ оказывался недостаточною гарантіей въ этомъ отношеніи, то московскіе государи стали посылать въ области сыщиковъ для искорененія разбоевъ. Сыщики, не имѣя подчиненныхъ служителей и командъ, производили преслѣдованіе, розыскъ и казни посредствомъ жителей области; но, избавленные отъ всякаго контроля, они злоупотребляли своею властью и тѣмъ возбуждали множество жалобъ на притѣсненія. При такомъ недостаткѣ правительственныхъ средствъ, естественно было предоставлять искорененіе разбоевъ самимъ жителямъ области, возложивъ на нихъ и отвѣтственность за успѣхъ: областные жители избавлялись этимъ отъ притѣсненій, а государство получало обезпеченіе въ исполненіи мѣръ для общественной безопасности. Такъ возникли губныя грамоты, которыя сначала давались отдѣльнымъ общинамъ и областямъ. Иногда преслѣдованіе и наказаніе воровъ и разбойниковъ предоставлялось установленнымъ уже общиннымъ властямъ; въ городахъ—сотскимъ, старостамъ, десятскимъ и лучшимъ людямъ вмѣстѣ съ городовыми приказчиками, въ сельскихъ общинахъ — старостамъ и лучшимъ людямъ; но большею частью учреждались особые губные старосты и цѣловальники. Въ судебникѣ 1550 г. постановлено общимъ правиломъ, чтобы вѣдомыхъ разбойниковъ судили губные старосты, а намѣстники бы въ ихъ судъ не вступались, вѣдомыхъ же воровъ велѣно судить по губнымъ грамотамъ. Въ губной грамотѣ 1549 г. предписано вѣдомыхъ воровъ судить губнымъ старостамъ вмѣстѣ съ волостелями и ихъ тіунами; но въ 1555 г. въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику постановлено, чтобы вообще губные старосты вѣдали разбойныя и татиныя дѣла. Преслѣдованіе и поимка воровъ и разбойниковъ, а также и обыскъ возложены были на всѣхъ жителей общины; казнь „положена на ихъ души“, но вмѣстѣ съ тѣмъ община несла и всю отвѣтственность. Если лихой человѣкъ скрывался, старостамъ предписывалось *наметывать* его на тѣхъ людей, которые жили съ нимъ въ посадахъ на одной улицѣ, а въ станахъ и волостяхъ—въ одной деревнѣ, и велѣть имъ, *добывъ его*, ставить предъ собою. Иногда эта обязанность возлагалась на учрежденныхъ для преслѣдованія воровъ и разбойниковъ сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, и если они лихого человѣка, который жилъ въ ихъ сотнѣ, не могли добыть, то на нихъ правился искъ истца, да кромѣ того съ нихъ взыскивалась пеня, чтобы впредь у нихъ въ сотнѣ не было лихихъ людей.

Такимъ образомъ судебно-полицейская отрасль суда была отнята у намѣстниковъ и волостелей и поручена управленію выборныхъ. Но это былъ только первый шагъ, и вскорѣ многимъ общинамъ предоставлено было полное право суда. При господствѣ системы кормленія, когда личный интересъ кромленщиковъ былъ важнѣйшимъ побужденіемъ къ исполненію судебной должности, неминуемы были частыя жалобы на притѣсненія намѣстниковъ и волостелей. Съ другой стороны, злоупотребленія вызывали сопротивленіе, и часто кормленщики не имѣли достаточно средствъ для усмиренія непокорныхъ; поэтому они, съ своей стороны, жаловались царю, что посадскіе и волостные жители не даются имъ подъ судъ и на поруки, бьютъ ихъ и кормовъ не платятъ. При совершенномъ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ и отсутствіи контроля, естественно было предоставить судъ самимъ общинамъ, обязавъ ихъ платить судебные доходы уже не кормленщикамъ, а государству. Это было совершено Іоанномъ Грознымъ, который въ 1555 г. пишетъ, что онъ, жалуя крестьянство отставилъ намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ, а за ихъ доходы и за судебныя пошлины велѣлъ посадскихъ и крестьянъ пооброчить деньгами; поэтому онъ во всѣхъ городахъ и волостяхъ для суда и сбора доходовъ велѣлъ учредить *излюбленныхъ старостъ*, „которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею“. Этотъ указъ не былъ исполненъ повсемѣстно: города и волости продолжали отдаваться въ кормленіе; по многимъ общинамъ даны были уставныя грамоты съ правомъ собственнаго суда. Это было важнымъ шагомъ впередъ: судъ изъ частнаго владѣнія превратился въ общественную должность. Прежніе частные доходы, кормы, виры, судебныя должности уничтожены и замѣнены общимъ оброкомъ въ пользу государства; въ иныхъ мѣстахъ остались нѣкоторые доходы въ прежнемъ видѣ, именно судебныя пошлины, но они поступали уже не къ судьямъ, а въ царскую казну. Иногда излюбленнымъ старостамъ предоставлялось право судить какъ гражданскія, такъ и губныя дѣла; иногда послѣднія судились особенными губными старостами. Для огражденія тяжущихся и подсудимыхъ отъ обидъ и притѣсненій у кормленщиковъ сидѣли на судѣ выборные лучшіе люди и цѣловальники, которые присутствовали также при обыскахъ и всякихъ дѣлахъ и употреблялись для розысковъ. Дѣла между жителями различныхъ округовъ судились въ Москвѣ, кромѣ губныхъ дѣлъ, которыя рѣшались на мѣстѣ. Въ Москву также присылались дѣла, въ которыхъ судьи встрѣчали затрудненіе, „которыхъ за чѣмъ рѣшить не мочно“. Наконецъ, съ предоставленіемъ общинамъ собственнаго суда увеличена и отвѣтственность судей.

Кромѣ судебнаго и полицейскаго управленія, выборнымъ людямъ дано обширное участіе и въ финансовыхъ дѣлахъ: ко всякимъ сборамъ, таможеннымъ, кабацкимъ и т. п., выбирались головы и цѣловальники изъ посадскихъ и уѣздныхъ людей. Эта служба была тягостна, такъ какъ съ нею соединялась вся отвѣтственность за сборы: если собрано было менѣе доходовъ, нежели въ прежніе годы, то остальное взыскивалось съ выборныхъ, а если ихъ имущество было недостаточно, то съ тѣхъ, которые ихъ выбирали. Сборъ податей также предоставленъ былъ выборнымъ отъ общинъ, но и это часто имѣло характеръ повинности. Это было не управленіе общины собственными дѣлами, а выборъ людей „къ государеву дѣлу, на царскую службу“. Это былъ тотъ порядокъ, который можно назвать системою повинностей: государство, стремясь къ водворенію общественнаго порядка и нуждаясь для правильной дѣятельности и контроля въ органахъ управленія, искало обезпеченія въ отвѣтственности частныхъ лицъ и общинъ, возложивъ на нихъ всѣ обязанности общественнаго управленія; государство обязало всѣхъ службою, объявляло свои требованія, а большую часть исполненія предоставляло самимъ подданнымъ. Отсюда возникли система поручительства и выборное начало. Для обезпеченія правильнаго исполненія должности отъ должностного лица требовалось, чтобы оно представило по себѣ поручителей. Но поручительство было частнымъ способомъ обезпеченія; въ выборномъ же началѣ выражалась уже государственная обязанность; оно было не что иное, какъ обязательное поручительство общины съ отвѣтственностью въ случаѣ плохого исполненія должности; выборъ цѣловальниковъ былъ тяжкою службою, отправляемою по очереди, отъ которой искали освобожденія въ видѣ милости. Такимъ образомъ, дѣятельность общинъ была вызвана государственнымъ началомъ не какъ право самостоятельнаго управленія внутренними дѣлами общины, а какъ общественная повинность для удовлетворенія государственнымъ потребностямъ. Но, какъ бы то ни было, общинное начало получило значительное участіе въ земскомъ управленіи. Это было явленіе новое, созданіе московскихъ государей.

VI. Изъ „Стоглава".

Вопросъ. Отцы мои святые, преосвященный митрополитъ Макарій московскій и всея Руси, всѣ архіепископы и епископы и весь священный соборъ! Воззрите на домы свои, на порученныя вамъ отъ Бога святительства и паствы, позаботьтесь о святыхъ Божіихъ церквахъ, честныхъ иконахъ и всякомъ церковномъ строеніи, чтобы по св. церквамъ звонили и пѣли по божественному уставу и по священнымъ правиламъ. Ибо нынѣ видимъ и слышимъ, что, вопреки божественному уставу, многіе церковные чины не сполна совершаются, не по священнымъ правиламъ и не по уставу. Вы бы о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинахъ разсудили и указъ учинили по божественному уставу и по священнымъ правиламъ сполна, что касается до всякаго священническаго и иноческаго чина и до причту церковнаго. Установили бы вы старостъ поповскихъ надъ всѣми священниками, ради бреженія церковнаго, установили бы и прочіе чины по правилу. Потому что вамъ поручено пещись о церквахъ Божіихъ, поучать и наставлять церковныхъ чиновъ, чтобы и мы отъ нихъ спасеніе получили и ихъ благочестіе и духовное поученіе. Но если по вашему святительскому нерадѣнію это не будетъ соблюдаемо, то, смотря на нихъ, и мы погибнемъ, не найдя пути Господняго.

Отвѣтъ. Дошло до слуха боговѣнчаннаго и христолюбиваго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всей Руси самодержца, что по многимъ церквамъ Божіимъ звонятъ и поютъ не во время, вопреки божественному уставу, и что многіе священные чины не сполна совершаются, не по священнымъ правиламъ и не по уставу. Боголюбивый же царь, о семъ слыша, разжегся духомъ св., безотлагательно велѣвъ написать о тѣхъ многоразличныхъ церквахъ и чинахъ, которые не по уставу и не сполна по священнымъ правиламъ совершаются, сообщилъ это на соборѣ преосвященному митрополиту Макарію и повелѣлъ ему о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинахъ, разсудивъ, указъ учинить по божественному уставу и по священнымъ правиламъ. Вслѣдствіе этого митрополитъ на соборѣ, разсудивъ о всѣхъ этихъ многоразличныхъ чинахъ и справившись съ божественными правилами, уложилъ, чтобы отнынѣ впредь въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ Россійскаго царства, по всѣмъ Божіимъ церквамъ, звонить вечерніе и заутренніе часы и божественную литургію служить, и прочее церковное пѣніе править сполна и по чину во всемъ, по преданіямъ св. апостоловъ и св. отцевъ, и по уставу, и по священнымъ правиламъ, не измѣняя ничего. Оберегая санъ и величество царства, и святительства, и смиренныхъ душъ нашихъ пастырскихъ, чтобы ничего въ святыхъ церквахъ помимо священныхъ правилъ не совершалось, даже по нашему нерадѣнію; повелѣваемъ избрать протопоповъ въ каждомъ градѣ, по царскому велѣнію и по благословенію святительскому, священниковъ искусныхъ, добрыхъ непорочной жизни. Въ царствующемъ градѣ Москвѣ надлежитъ быть семи старостамъ поповскимъ и семи соборамъ, по уложенію церковному; да къ нимъ избрать десятскихъ, тоже священниковъ добрыхъ и искусныхъ и жизни непорочной. Также учредить старостъ поповскихъ и десятскихъ во всѣхъ городахъ, сколько надо, для непрерывнаго надзора за священниками и діаконами по всѣмъ святымъ Божіимъ церквамъ, чтобы совершалось все у нихъ по уставу и преданію великаго нашего православія;

чтобы священники и діаконы въ святыхъ Божіихъ церквахъ всегда съ великимъ тщаніемъ совершали богослуженіе; чтобы заутрени воскресныя, праздничныя и ежедневныя пѣли по уставу, читали божественныя книги, евангеліе толковое, и златоустъ, и житія святыхъ, и прологъ и прочія святыя душеполезныя книги на поученіе и на просвѣщеніе, и на истинное покаяніе, и на добрыя дѣла, и всѣмъ православнымъ христіанамъ въ душевную пользу; чтобы, отпѣвъ заутреню со всякимъ благочиніемъ и со страхомъ Божіимъ, послѣ заутрени или предъ обѣднею, пѣли молебны о долголѣтнемъ здравіи и спасеніи благовѣрнаго царя и благовѣрной царицы, да умножитъ Богъ лѣта живота ихъ и продлитъ ихъ потомство въ благодарныхъ дѣтяхъ, да возвыситъ Богъ царскую десницу надо всѣми врагами его и устроитъ царство его мирно вовѣки и изъ рода въ родъ; также чтобы молили Бога о всѣхъ благовѣрныхъ князьяхъ и о боярахъ, о помощи христолюбивому воинству и его укрѣпленіи, о благопребываніи и мирѣ, о строеніи земскомъ, о спокойствіи и здравіи всего православнаго христіанства.

Вопросъ. Божественныя книги писцы списываютъ съ неисправленныхъ переводовъ и, списавъ, не исправляютъ ихъ, отчего въ книгахъ остаются пропуски и ошибки; по тѣмъ же книгамъ въ церквахъ Божіихъ читаютъ, поютъ и учатся, съ нихъ списываютъ.

Отвѣтъ. Пусть протопопы, старѣйшіе священники и всѣ священники, каждый въ своемъ градѣ, во всѣхъ св. церквахъ наблюдаютъ, и если найдутъ святыя книги въ какой-либо церкви неисправленныя и съ ошибками, пусть соборнѣ исправятъ ихъ, руководствуясь хорошимъ переводомъ, либо священныя правила запрещаютъ книги неисправленны въ церкви вносить и изъ нихъ пѣть. Также пусть они велятъ писцамъ, списывающимъ по городамъ книги, списывать съ добрыхъ переводовъ и, списавъ, провѣрять. Слѣдить, чтобы писецъ, списавъ книгу, но не исправивъ, не продавалъ ея; запрещать и покупателю впредь покупать такія книги. Если же окажется, что продавцы и покупатели и потомъ не захотятъ сообразоваться съ этимъ требованіемъ, то отбирать у нихъ безъ всякихъ отговорокъ такія книги, исправлять и потомъ отдавать въ тѣ церкви, которыя болѣе другихъ нуждаются въ книгахъ.

Вопросъ. По грѣхамъ слабость, небреженіе и нерадѣніе вошли въ міръ въ настоящее время: называемъ себя христіанами, а бороды и головы брѣемъ, усъ подкусываемъ, платье и одежды невѣрныхъ земель носимъ, такъ что и нельзя узнать христіанъ.

Отвѣтъ. Священныя правила возбраняютъ православнымъ христіанамъ брить бороды и подстригать усы; обычай дѣлать это не христіанскій, но латинскій и еретическій, обычай греческаго царя Константина Ковалина. Его запрещаютъ отеческія и апостольскія правила *), говоря такъ: „Кто бороды брѣетъ и умретъ безъ бороды, тотъ недостоинъ, чтобы надъ нимъ служили, пѣли по немъ сорокоустье, просфоры и свѣчи по немъ въ церковь приносили; пусть онъ причислится къ невѣрнымъ, такъ какъ обычай позаимствовалъ у еретиковъ“.

Вопросъ. Ученики учатся грамотѣ небрежно, а божественное писаніе

---

*) Въ числѣ апостольскихъ правилъ рѣшительно нѣтъ никакого постановленія о бородахъ. Да ни одно правило изъ всѣхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ ни слова не говоритъ о бритьѣ бородъ и стриженіи усовъ. (Примѣчаніе издателя „Стоглава“ (1863).

о всемъ этомъ упоминаетъ, и на насъ, пастырей, падаетъ отвѣтственность за эту небрежность.

Отвѣтъ. Въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ избрать добрыхъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ женатыхъ и благочестивыхъ, имѣющихъ въ сердцѣ страхъ Божій, могущихъ наставлять другихъ, умѣющихъ хорошо читать, писать и пѣть; а въ домахъ тѣхъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ учредить училища, куда бы священники и діаконы и всѣ православные христіане своихъ дѣтей посылали для ученія грамотѣ, и церковному чтенію, пѣнію и письму. Тѣ священники, діаконы и дьяки должны внушать ученикамъ страхъ Божій, наблюдать за ихъ нравственностью, оберегать ихъ отъ всякой нечистоты, чтобы они, сдѣлавшись взрослыми, достойны были стать священниками. Въ святыхъ Божіихъ церквахъ учениковъ научать страху Божію и всякому благочинію, псалмопѣнію, чтенію, порядкамъ богослуженія. А грамотѣ ихъ учить основательно, насколько знаютъ сами учителя, учить писать основательно, насколько возможно, ничего не скрывая, чтобы ученики всѣ книги учили.

Вопросъ. Въ монастыряхъ чернцы и попы постригаются для спасенія души своей; иные же постригаются ради покоя тѣлеснаго, чтобы постоянно бражничать, и по селамъ ѣздятъ для удовольствія.

Отвѣтъ. По священнымъ и божественнымъ правиламъ св. апостоловъ и св. отцовъ, вѣдать и блюсти церковный чинъ и монастырское строеніе слѣдуетъ духовнымъ настоятелямъ и пастырямъ, архимандритамъ, игуменамъ, строителямъ и соборнымъ старцамъ. Все должно быть сообразуемо съ божественнымъ уставомъ, съ правилами св. апостоловъ и св. отцовъ, съ преданіями отценачальниковъ. Ни въ одномъ монастырѣ не должно ничего измѣнять произвольно, но сколь возможно заботиться о всѣхъ духовныхъ дѣлахъ, о братіи, о всѣхъ служащихъ въ святыхъ обителяхъ, по заповѣди Господней: „Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овца". Поэтому духовные пастыри должны имѣть великое попеченіе о своемъ честномъ пребываніи. Священноиноки и діаконы по всѣмъ монастырямъ должны имѣть настоятелей своихъ духовныхъ архимандритовъ и игуменовъ, и строителей, почитать ихъ и слушаться во всемъ. Иноки должны остерегаться всякаго предосудительнаго дѣла, остерегаться питья хмельного, не должны держать вина горячаго по монастырямъ, ни пива, ни меду, а держать имъ и пить квасы хлѣбные и напитки нехмельные. Фряжскія вина не возбраняются, ибо нигдѣ не написано, что этихъ винъ пить не слѣдуетъ. Если гдѣ есть фряжскія вина, то пусть ихъ пьютъ во славу Божію, а не ради пьянства. Начальникамъ, архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ по кельямъ особнякомъ не ѣсть, а ѣсть вмѣстѣ съ братьею въ трапезѣ, если болѣзнь или старость не мѣшаютъ этому. Пища у начальниковъ съ братьею должна быть общая.

Вопросъ. Дѣти боярскіе, и люди боярскіе, и всякіе бражники зернью играютъ и пропиваются, службы не исполняютъ, дѣломъ не занимаются, совершаютъ всякое зло, крадутъ, разбойничаютъ, души губятъ; это зло слѣдуетъ искоренить.

Отвѣтъ. Благочестивый царь въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ долженъ объявить свой царскій приказъ, чтобы дѣти боярскіе и люди боярскіе и всякіе бражники зернью не играли и по корчмамъ не пьянствовали, и другого зла не творили, а жили по-христіански.

Вопросъ Утромъ въ великій четвергъ солому жгутъ и кличутъ мертвыхъ; иные невѣжественные попы въ великій четвергъ соль подъ престолъ кладутъ и держатъ тамъ ее до седьмого четверга послѣ Пасхи, а потомъ соль раздаютъ, какъ лѣкарство для людей и животныхъ.

Отвѣтъ. Запретить въ великій четвергъ солому жечь и мертвыхъ кликать, а священникамъ соль подъ престолъ класть и держать ее тамъ до седьмаго четверга послѣ Пасхи, ибо это дѣло есть прелесть эллинская и еретическая. Попъ, продолжающій поступать такъ, долженъ быть лишенъ своего сана.

Вопросъ. О судахъ архимандритовъ и игуменовъ и всякаго священническаго и иноческаго чина, и о всѣхъ церковныхъ причетникахъ, и о монастырскихъ слугахъ, и о жалованныхъ грамотахъ несудимыхъ монастырскихъ и церковныхъ, въ которыхъ написано, что не должны быть судимы владыки, игумены, попы, чернцы и всякіе причетники церковные и монастырскіе. Почему это тако установлено, и должно ли быть сохраняемо въ будущемъ?

Отвѣтъ. Божественныя писанія и священныя правила и законы запрещаютъ мірскимъ судьямъ судить священниковъ и діаконовъ и прочихъ церковныхъ причетниковъ; управленіе всѣми священными мужами, причетниками и иноками принадлежитъ епископу. Не мірскіе суды должны судить ихъ, а епископъ, или тотъ, которому онъ поручитъ судъ. Если же причетникъ имѣетъ тяжбу со своимъ или чужимъ епископомъ, то судитъ митрополитъ той области съ соборомъ своихъ епископовъ. Если причетникъ или епископъ имѣетъ тяжбу съ митрополитомъ, то судитъ патріархъ. Митрополитъ во всей своей области имѣетъ подвластныхъ ему епископовъ, ихъ избираетъ и поставляетъ; ему же подвластны всѣ церкви, монастыри, иноки и причетники ихъ; мірскія же власти, вмѣшивающіяся въ духовный судъ, осуждаются въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.

Вопросъ Угодно ли то Богу, что въ то время, какъ божественное писаніе и мірянамъ брать проценты возбраняетъ, церковные и монастырскіе деньги и хлѣбъ отдаются въ ростъ?

Отвѣтъ. Насчетъ отдачи въ ростъ митрополичьихъ, архіепископскихъ, епископскихъ и монастырскихъ денегъ божественныя писанія и священныя правила говорятъ: „Не только епископамъ, діаконамъ, всему священному чину и инокамъ возбраняется, но и для простыхъ людей не одобряется взиманіе процентовъ и лихоимство“. Поэтому святители, архимандриты, игумены должны давать взаймы деньги и хлѣбъ по своимъ силамъ своимъ крестьянамъ безъ процентовъ, затѣмъ чтобы крестьяне у нихъ жили и села ихъ не были бы пусты.

Вопросъ. По міру скитаются чернцы и черницы, попы и міряне и женщины со св. иконами и на сооруженіе или выкупъ проданныхъ собираютъ, и милостыни просятъ на торгу, по улицамъ, по селамъ и по домамъ съ образами ходятъ. Надлежитъ разсудить собору, допускать ли это на будущее время, существуетъ ли насчетъ этого постановленіе и не есть ли это оскорбленіе св. иконъ? Иноземцы этому очень удивляются.

Отвѣтъ. Чернцы и черницы по городамъ и по селамъ скитаются по міру на соблазнъ и осужденіе многимъ людямъ, а душамъ на погибель. Тѣхъ чернцовъ и черницъ собрать да, переписавъ, разослать по общимъ монастырямъ. Которые чернцы и черницы здоровы тѣломъ, тѣхъ отдавать подъ надзоръ добрыхъ старцевъ, чтобы ихъ учили страху Божію, иноческому житью и другимъ добродѣтелямъ по преданію св. отцовъ.

Послѣ того какъ они поживутъ подъ надзоромъ въ покорности и послушанiи, отряжать ихъ для монастырской службы, гдѣ кто достоинъ служить и трудиться въ какой обители на св. братью, своего ради спасенiя и по заповѣди владыки Христа Бога нашего. Которые же чернцы стары или больны, не могутъ работать и быть въ услуженiи, тѣхъ устроить въ монастырскихъ больницахъ, снабжать пищею и одеждою, какъ остальную братью, да велѣть отцамъ духовнымъ имѣть надзоръ за ихъ покаянiемъ, поучать ихъ, чтобы жили въ чистотѣ и въ покаянiи, и въ прочихъ добрыхъ дѣлахъ, и въ благодаренiи всесильнаго Бога, и творили бы безпрестанно молитву Iисусу, сколько имъ по силамъ, а скорби и болѣзни переносили съ благодаренiемъ, да не лишены будутъ мзды отъ Бога, и молили бы Бога за царя и всѣхъ православныхъ христiанъ. А благочестивый царь, преосвященный митрополитъ и владыки должны за всѣхъ тѣхъ старыхъ и больныхъ по всѣмъ монастырямъ изъ своей казны давать вкладъ, какъ имъ Богъ внушитъ. За здоровыхъ чернцовъ, разосланныхъ по монастырямъ, вкладъ не долженъ даваться, ибо они могутъ трудиться и служить на св. братью за свое содержанiе.

VII. Историческое и общественное значенiе дѣятельности Стоглаваго собора.

(Изъ ст. Иконникова «Русскiе общественные дѣятели въ XVI в.», помѣщенной въ «Кiевскихъ Университетскихъ Извѣстiяхъ».

Въ 1551 г. Iоаннъ Грозный созвалъ соборъ, и на немъ было ясно заявлено, что на Москвѣ „поисшатались обычаи и самовластiе учинилось по своимъ волямъ, и преданiя и законы нарушились“. Этимъ соборомъ Iоаннъ какъ-бы хотѣлъ охватить всю жизнь русскаго общества и дать ей лучшее направленiе, потому что соборъ назначался „во исправленiе церковнаго благочинiя, государственнаго управленiя и всякаго земскаго строенiя“.

Впрочемъ, уже въ самой задачѣ собора исправленiю этихъ нестроенiй придавался односторонній, пассивный характеръ, потому что ихъ думали устранить однимъ утвержденiемъ „прародительскихъ законовъ“. Созванiемъ собора заявлялась потребность реформы, а недостатки общества, выставленные на видъ соборомъ, были такого характера, что ясно показывали всю недостаточность прежней системы и въ то же время требовали существенныхъ мѣръ. Старая система оказалась несостоятельною, новыя мѣры требовали и новыхъ людей. Картина общества, начертанная соборомъ, показываетъ, что его вожатые были плохи, а мѣры, предпринятыя соборомъ, свидѣтельствуютъ, что его представители были неспособны исправить дѣло.

Для лицъ, которыя брались вести общественную реформу, предстояло два пути: выставить наружу недостатки, назвать ихъ настоящимъ именемъ и наложить запрещенiе на будущее время, или серьезно подумать о дѣлѣ и оцѣнить прежнюю систему, насколько она имѣетъ въ себѣ задатокъ жизни. Реформаторы Стоглаваго собора выбрали первый путь, потому что сами принадлежали къ старой системѣ и не желали выпустить опеку изъ своихъ рукъ. Но они же сами и оставили намъ печальныя свидѣтельства о тѣхъ результатахъ, къ которымъ привело ихъ одностороннее направленiе. Стоглавъ — это обличенiе несостоятельности цивилизацiи древней Руси и вмѣстѣ съ Домостроемъ крайнiй ея выводъ. Стоглавъ по преимуществу имѣетъ дѣло съ обществомъ и въ особенности захватываетъ его религiозную сторону, какъ самый существенный элеменъ древне-русской цивилизацiи; Домострой рисуетъ идеальную картину семейной жизни, тоже по старинѣ, не дѣлая порухи ни старымъ мнѣнiямъ, ни старымъ обычаямъ. И Стоглавъ, и Домострой ожидали блага исключительно отъ закрѣпленiя стараго; если общественныя подпорки расшатались, то ихъ, по взгляду того и другаго, слѣдуетъ только утвердить покрѣпче, и вѣка ихъ не сдвинутъ.

Принципы этихъ двухъ памятниковъ, посредствомъ которыхъ хотѣли дѣйствовать на общество ихъ творцы, — въ сущности одинаковы. Но прежде посмотримъ, насколько проницательны въ своемъ дѣлѣ дѣятели Стоглава, взявшіе на себя инщіативу исправленія общества. Ясно, что они видѣли зло; но много значитъ и то, какими глазами и съ какой стороны они взглянули на него.

Религіозная жизнь, въ которой постоянно вращался древне-русскій людъ, далеко отступила отъ идеаловъ, построенныхъ Антоніемъ, Ѳеодосіемъ, Ниломъ Сорскимъ. Ходъ дѣлъ и ее втянулъ въ общій водоворотъ жизни. „Свѣтъ монастырскаго житія", — это подобіе, какъ говорили тогда, ангельскаго житія на землѣ, — „померкъ". Нѣкоторые, говорили на соборѣ, теперь стригутся ради покоя тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать и ѣздить по селамъ для прохлады. Черницы и черницы по міру волочатся и живутъ въ міру, не зная даже, что такое монастырь. Старецъ поставитъ въ лѣсу келью или церковь срубитъ, да и идетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, а у царя земли и ржи проситъ, а что собралъ, то пропьетъ, такъ что людямъ только соблазнъ. Чернцы и черницы, мужики и бабы, настроенные разными снами и видѣніями, скитаются по городамъ и дворамъ и объявляютъ свои пророчества, собирая деньги подъ предлогомъ сооруженія церкви или искупленія отъ долговъ, и по рынкамъ ходятъ съ образами безчинно, такъ что иноземцы и иновѣрцы дивятся, а въ православныхъ возбуждаютъ подозрѣніе. Нѣкоторые иноки не могутъ сносить монастырскаго устава и наказанія и, позабывъ свои обѣты, шляются по городамъ и селамъ, надоѣдая царю и благочестивымъ людямъ; они своимъ поведеніемъ только вводятъ въ соблазнъ и смущеніе многихъ православныхъ. Если у насъ есть въ обителяхъ напитки, то мы не можемъ воздержаться отъ пьянства. А архимандриты и игумены добиваются сановъ деньгами, лишь бы получить власть; службы же церковной и монастыря они даже не знаютъ и покоятъ себя въ кельѣ съ гостями, да племянниковъ своихъ содержатъ въ монастырѣ и удовлетворяютъ ихъ всѣмъ монастырскимъ, а монастыри опустошаютъ и вкладчиковъ изгоняютъ, такъ что братія обѣднѣла, страдаетъ голодомъ и жаждою и томится всякими нуждами, потому что все богатство перешло къ властямъ, а онѣ его истощили вмѣстѣ съ своими родственниками и друзьями. Между тѣмъ, своимъ же крестьянамъ епископы и монастыри, въ случаѣ нужды, отдаютъ деньги и хлѣбъ не иначе, какъ въ ростъ, и отъ такой тягости села пустѣютъ.

И пастыри, и овцы вмѣстѣ заблудились. Попы и церковные причетники въ церкви бываютъ пьяны, и тогда всякія неподобныя рѣчи исходятъ изъ устъ ихъ, а подчасъ и бьются въ церкви, а міряне, смотря на ихъ безчиніе, дѣлаютъ то же, все равно, какъ на торжищахъ и играхъ, или на пиру и въ корчмахъ: „лаются безъ стыда всегда и всякими укоризнами неподобными, скаредными и богомерзкими рѣчами". А вотъ еще учинилось великое зло: нѣкоторые, многимъ людямъ на смятеніе и на соблазнъ и погибель, скверное беззаконіе творятъ, за что отъ множества народа и отъ иновѣрныхъ бываетъ поношеніе и укоризна вѣрѣ. На Ивановъ день и въ навечеріе Рождества Христова и Богоявленія сходятся мужи, и жены, и дѣвицы на бѣсовскія пѣсни и плясаніе, а которые тяжутся, на полѣ бьются (на поединкахъ) и кровь проливаютъ, и въ то время волхвы и чародѣи помогаютъ имъ волхвованіемъ. Просвирницы надъ просвирами приговариваютъ и тѣ просвиры попу сдаютъ. Въ великій четвергъ на зарѣ солому палятъ и кличутъ мертвыхъ, а нѣкоторые неразумные попы тогда соль подъ престолъ кладутъ и держатъ ее до седьмого четверга по великому дню, и ту соль раздаютъ на врачеваніе людямъ и скоту. Да по погостамъ и по селамъ ходятъ лживые пророки, мужики, жонки, дѣвки и старыя бабы, нагіе и босые, волосы отростивъ и распустя; трясутся и убиваются, и говорятъ, что имъ являются святыя Пятница и Настасія и заповѣдываютъ въ среду и пятницу ручной работы не дѣлать, а женщинамъ не прясть и платья не мыть, и камня не разжигать, а иные еще заповѣдываютъ богомерзкія дѣла творить...

Эта темная картина общественной жизни становилась еще мрачнѣе отъ полной безпомощности страдавшихъ физическими недугами и бездомовныхъ ватагъ, любившихъ жить на чужой счетъ. На соборѣ жаловались, что „дѣти боярскія, и люди боярскіе, и всякіе бражники зернью играютъ и пропиваются, службы не служатъ, ни промышляютъ, и отъ нихъ всякое зло чинится, крадутъ и разбиваютъ и души губятъ".

Въ этой картинѣ предъ нами стоятъ лицомъ къ лицу вожатые шестивѣковой цивилизаціи Руси и ея питомцы. Къ чему привела односторонность системы этихъ руководителей, объ этомъ говоритъ самая жизнь, описанная Стоглавомъ. Нѣсколько вѣковъ назадъ одинъ обличитель, желая предохранить рус-

скую національность отъ нравовъ тлетворнаго Запада, совѣтовалъ своимъ современникамъ не брататься и не знакомиться съ иноземцами, потому что на Западѣ „то творятъ, чего и жидова не творитъ". (Слово Ѳеодосія о вѣрѣ христіанской и латынской). А между тѣмъ на Стоглавомъ соборѣ члены его сознавались, что „въ иновѣрцахъ таково безчиніе не творится, какъ у насъ", даже болѣе—сами иноземцы дивились тому, что творилось. Это публичное признаніе должно было обходиться слишкомъ дорого при господствовавшемъ въ то время отвращеніи къ иностранцамъ. Такое признаніе могло произойти только послѣ добросовѣстной оцѣнки грубой дѣйствительности, потому что, несмотря на то, что она била въ глаза, по словамъ Стоглава, даже многимъ изъ своихъ, прежнее отвращеніе отъ всего чужого и національная самомнительность въ собственныхъ достоинствахъ продолжали существовать. За Стоглавомъ остается его историческое достоинство, потому что онъ не скрылъ подъ риторическими фразами общественнаго зла, такъ часто закрываемаго у предъидущихъ обличителей одними возваніями къ покаянію и угрозами адскихъ мукъ. Но этимъ и ограничивается его заслуга, потому что онъ не пошелъ далѣе своихъ предшественниковъ на дѣлѣ. Да онъ и не имѣлъ этого въ виду. Охраненіе національной чистоты отъ всякой посторонней примѣси было ихъ постоянною цѣлью; отцы Стоглаваго собора требовали только осуществленія того же идеала. Жить по преданіямъ отцовъ — вотъ девизъ ихъ стремленій въ общественной реформѣ.

Мало того, дѣятели Стоглаваго собора отрицательно отнеслись даже къ внѣшнимъ уклоненіямъ отъ прародительскихъ обычаевъ. „Въ каждой странѣ, — говорили они по поводу одного запрещенія, — есть свой законъ и свой обычай, и не переходятъ они изъ одной страны въ другую, но каждый держитъ законъ своего обычая; мы же, православные, принявшіе истинный законъ отъ Бога, усвоили беззаконія разныхъ странъ и осквернились ими. Зато и казни всякія приходятъ на насъ отъ Бога". И такое мнѣніе было только отголоскомъ издавна установившагося взгляда на жизнь въ средѣ разныхъ книжниковъ и *философовъ*, передавшихъ свою мудрость, какъ завѣтную и непоколебимую истину, по наслѣдству. Современные Стоглавому собору „разумные люди" говорили съ полною убѣдительностію, что „та земля недолго стоитъ, которая переставливаетъ свои обычаи"; а другіе мудрецы, вѣря въ ихъ непогрѣшимость, задумывались уже надъ участью Россіи, потому что вкрались разныя новизны, пугавшія ихъ разстроенное воображеніе. Отцы Стоглава стояли не свыше сыновъ своего вѣка.

Итакъ, къ какому заключенію приводятъ свидѣтельства Стоглава о современномъ ему состояніи русскаго общества? Они указываютъ: 1) полное растлѣніе нравовъ; 2) господство старыхъ языческихъ суевѣрій рядомъ съ новыми, установившимися подъ религіозною формою, благодаря разнымъ странствующимъ шарлатанамъ и обманщикамъ; 3) они указываютъ, что разложеніе нравовъ коснулось и идеала древне-русскаго общества—монастыря и представителей существенной стороны древне-русской жизни — стороны религіозной, духовенства; наконецъ, 4) что жизнь низшихъ, народа, подручныхъ, приносилась въ жертву высшимъ властямъ: будетъ-ли то духовный владыка, или сынъ боярскій, они заботились только о собственныхъ удобствахъ и выгодахъ, забывая и свой долгъ, и болѣе соотвѣтствующее назначеніе.

Правда, указанія Стоглава оффиціальны, а потому слишкомъ общи, чтобы составить себѣ полное понятіе о положеніи тогдашнихъ дѣлъ; но, съ другой стороны, они потому получаютъ для насъ двойное значеніе, что они оффиціальны. По нашему мнѣнію, Стоглавъ односторонне взглянулъ на тѣ общественныя явленія, которыхъ не хотѣлъ все-таки скрыть отъ суда современниковъ. Дѣятели Стоглаваго собора видѣли въ нихъ только пороки, а не спеціальное зло, и потому думали парализировать ихъ одними запрещеніями, угрозами и наказаніями. Затѣмъ, попеченіе о благосостояніи общества было возложено на духовныхъ отцовъ, которые обязаны были духовныхъ дѣтей своихъ поучать и наказывать прилежно, чтобы они жили въ чистотѣ, и въ покаяніи, и въ прочихъ добродѣтеляхъ. Такимъ образомъ, даже ходъ дѣлъ сохранялся въ прежнемъ порядкѣ. Для большаго же успѣха была устроена какъ бы надзирающая іерархія изъ протопоповъ, которая должна была уже слѣдить за самими наставниками, потому что и соборъ самъ чувствовалъ, какъ мало можно положиться на нихъ, такъ какъ тѣ, по его словамъ, которые должны были бы предохранять мірянъ отъ всякаго зла, сами находились во всякомъ безчиніи. Недостатокъ наставниковъ ощущался ясно, а между тѣмъ, не измѣняя положенія дѣлъ, хотѣли вручить наставничество прежнимъ духовнымъ отцамъ. Это значило лечить болѣзнь домашними средствами, и тогда, когда неудовлетворительность ихъ была доказана опытомъ. Отцы Стоглава думали, что зло само собою уляжется, когда виновные

прольютъ источники слезъ покаянія и станутъ точно выполнять церковные обряды и строго повиноваться духовной власти, полагая, конечно, что для этого достаточно одного смиренія. Они смотрѣли на общественныя бѣдствія, какъ на слѣдствія грѣховъ, отъ которыхъ можно откаяться и отмолиться; а потому искали причинъ этихъ бѣдствій даже въ ношенія тафій, въ бритьѣ бородъ и стриженіи усовъ, потому что это было нарушеніе преданій отцовъ, а слѣдовательно—ересь. Однимъ словомъ, все возводилось къ одной общей причинѣ — къ нарушенію отчепреданнаго житія. Вотъ почему дѣятели Стоглаваго собора, взявшіе на себя иниціативу общественной реформы, вдались въ формальную сторону обрядовыхъ вопросовъ и посвятили такъ много мѣста разнымъ разсужденіямъ въ родѣ указа „о звону, о царскихъ дверехъ" и т. п. и не пошли далѣе своихъ предшественниковъ. Они видѣли зло, но не могли, какъ слѣдуетъ, отнестись къ нему, потому что или односторонне понимали его, или не рѣшались пожертвовать своими интересами. Такъ, напр., на соборѣ былъ задѣтъ довольно щекотливый для духовенства вопросъ о церковныхъ имуществахъ, и вотъ его порѣшили самымъ положительнымъ аргументомъ, съ которымъ тогда нельзя было никому тягаться: сказано было, что если кто обидитъ церковныя стяжанія, тотъ „да не узритъ милости святыя Троицы, егда предстанетъ страшному судилищу, да отпадетъ христіанскія части, яко же Іуда отъ дванадесятаго числа апостольскаго, и да приметъ клятву (проклятіе) отъ первородныхъ святыхъ и праведныхъ богоносныхъ отецъ".

Но какъ не годились въ дѣло мѣры, предпринятыя соборомъ, такъ не годились и люди, посредствомъ которыхъ онъ хотѣлъ влiять на общество. Жалобы на нихъ подымались и прежде: стригольники укоряли святителей и поповъ за ихъ жизнь, называя ихъ „человѣкоядцами и винопивцами, друзьями мытарей и грѣшниковъ". Когда митрополитъ Ѳеодосій вздумалъ собирать поповъ для наставленій, желая улучшить нравственное положеніе клира, то встрѣтилъ въ средѣ его такое противодѣйствіе, что долженъ былъ оставить свою митрополію, а новгородскій епископъ Геннадій не могъ даже готовящихся въ священники научить самымъ необходимымъ требованіямъ въ церковномъ обиходѣ, потому что они сейчасъ разбѣгались. „Они круглые невѣжды,—говоритъ о попахъ Флетчеръ.— и это неудивительно, потому что епископы, которые ихъ назначаютъ, не знаютъ ничего, даже священнаго писанія, которымъ они ограничиваются настолько, чтобы читать и пѣть въ служеніи". „Они не имѣютъ ни обыкновенія, ни способности, чтобы говорить проповѣди и наставлять свою паству, потому что весь клиръ погруженъ въ глубокое невѣжество, какъ въ отношеніи слова Божія, такъ и въ отношеніи наукъ".

Нельзя сказать, чтобы члены собора не видѣли такого важнаго недостатка, который, прежде всякихъ другихъ причинъ, подрывалъ ихъ же собственныя распоряженія. На соборѣ было заявлено, что лица, ищущія священства, „мало грамотѣ умѣютъ", да и то учатся у своихъ отцовъ и мастеровъ, потому что учиться негдѣ, а отцы ихъ и мастера также мало умѣютъ, потому что нѣтъ училищъ. Самымъ виднымъ результатомъ этого обстоятельства было то, что въ половинѣ XVI вѣка мало книгъ оказалось годными къ употребленію, остальныя же всѣ были испорчены переписчиками, что было извѣстно и отцамъ собора. А потому они и сдѣлали распоряженіе относительно заведенія училищъ. На соборѣ было постановлено, чтобы въ Москвѣ и другихъ городахъ священники и діаконы избрали изъ среды себя женатыхъ и благочестивыхъ, которые могли бы и другихъ поучать, а также, чтобы они были искусные въ чтеніи, письмѣ и пѣніи, и у нихъ въ домахъ открыли бы училища, куда отдавали бы своихъ дѣтей священники, діаконы и міряне на ученіе грамотѣ, книжнаго письма и церковнаго пѣнія. То же было потомъ повторено и въ наказной грамотѣ митроп. Макарія, разосланной для исполненія. По взгляду Стоглаваго собора, эти училища должны были быть не только учебными заведеніями, но и воспитательными. Духовнымъ наставникамъ, у которыхъ предполагалось устроить ихъ, было наказано, чтобы они „наипаче учениковъ своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ, и сохранили бы ихъ отъ всякаго плотскаго растлѣнія". Но чѣмъ гарантировалъ соборъ существованіе этихъ школъ?—Ни чѣмъ. Все было предоставлено доброй волѣ духовныхъ отцовъ. Но если эти отцы бѣжали отъ наставничества Ѳеодосія и Геннадія, то что ручалось за то, что на нихъ подѣйствуютъ постановленія Стоглаваго собора? Такъ и случилось. Іоаннъ Кобенцель, посѣтившій Россію въ 1576 году, замѣтилъ, что „во всей Московіи нѣтъ школъ", а двадцать пять лѣтъ спустя послѣ него Маржеретъ писалъ, что „москвитяне не знаютъ школъ... и таково невѣжество народа, что не найдется и трети, которая знала бы Отче нашъ и Вѣрую". А вѣдь религіозность составляла

главную сторону древне-русской жизни. Да и что можно было ожидать отъ тѣхъ духовныхъ отцовъ, которые, по общему свидѣтельству непререкаемыхъ авторитетовъ, „смотрѣли только ко взятію“ и добивались мѣстъ на „льготу тѣлу своему“, потому что „не хотѣли дѣлать рукодѣлія“. Такъ, распоряженія Стоглава разбивались, съ одной стороны, о полное равнодушіе къ дѣлу руководителей общества, а съ другой—о несостоятельность самыхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ члены собора думали дѣйствовать на общество.

И оно осталось прежнимъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, для этого стоитъ только заглянуть впередъ на нѣсколько поколѣній. И отцы и дѣти сохраняли прежнія роли. Около 1575 г. Іоаннъ Грозный, главный дѣятель Стоглаваго собора, собравъ высшихъ духовныхъ лицъ, говорилъ имъ: „Вы ведете жизнь самую дурную, утопаете въ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ, дозволяете себѣ ужаснѣйшіе грѣхи, вымогательство, взяточничество и непомѣрные росты. Ваша жизнь изобилуетъ кровавыми и вопіющими грѣхами: грабительствомъ, обжорствомъ, праздностію; вы хуже, гораздо хуже, скотовъ. Ваши молитвы не могутъ быть полезны ни мнѣ, ни моему народу. Много мы должны отвѣчать передъ Богомъ за то, что многихъ, болѣе достойныхъ, попустили умереть вмѣсто васъ“.

Стоглавый соборъ вопіялъ противъ нарушенія общественной безпасности, но отъ этого не стало лучше... „Страна—говоритъ Флетчеръ—наполнена грабежами и убійствами. Жизнь человѣческая ставится ни во что. Вы можете видѣть, какъ грабятъ человѣка, запоздавшаго въ городѣ, на улицѣ, и никто не отвѣтитъ на его крики и не переступитъ порога, чтобы помочь ему. Я не буду говорить объ этихъ страшныхъ убійствахъ, о жестокостяхъ, которыя совершаются въ Россіи; съ трудомъ вѣришь, что подобныя вещи могутъ совершаться между людьми, и особенно между людьми, которые называютъ себя христіанами“. А въ XVII вѣкѣ раздается голосъ, обличающій, что злоба еще умножилась въ людяхъ, преуспѣло лукавство, волхвованіе, чародѣйство, разбой, воровство, убійство, пьянство, нелѣпыя игрища, грабежи, хищенія и тому подобное. И въ этихъ фактахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Котошихинъ передаетъ слѣдующій частный, но любопытный фактъ, свидѣтельствующій о народной нравственности того времени. „На погребеніи царствующихъ особъ—говоритъ онъ—обыкновенно бываетъ множество народа—московскихъ жителей и пріѣзжихъ; но такъ какъ погребеніе происходитъ ночью, то горе бываетъ имъ, потому что московскихъ людей натура небогобоязливая: съ мужчинъ и женщинъ по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти, и бываетъ въ тотъ день убитыхъ и зарѣзанныхъ болѣе ста человѣкъ“.

Надъ такимъ положеніемъ дѣлъ задумывались немногіе русскіе, задумывались и иностранцы. И съ укоромъ обращались они къ руководителямъ этого изношеннаго общества. „Теперь—говоритъ Олеарій—никто не указываетъ истиннаго пути заблуждающемуся, никто не подумаетъ о томъ, чтобы умною, исполненною здраваго смысла, рѣчью подѣйствовать на совѣсть народа. А между тѣмъ число преступленій и пороковъ наростаетъ съ каждымъ годомъ. Только одинъ развѣ палачъ налагаетъ на спины русскихъ, за совершенное ими преступленіе, скоропреходящее наказаніе“. На Стоглавомъ соборѣ всю надежду полагали на духовныхъ отцовъ, но въ XVII вѣкѣ ихъ уже считали главными виновниками общественнаго зла и неспособными вести дѣло. Извѣстный Симеонъ Полоцкій открыто обличалъ, что „ихъ великимъ нерадѣніемъ и всеконечнымъ небреженіемъ премногіе немысленные люди отъ пути праваго житія заблудились и въ пропасть погибельной жизни уклонились... Многіе невѣжды, не бывшіе никогда и нигдѣ учениками, смѣютъ называться учителями... по правдѣ это не учители, но мучители... Виною всѣхъ золъ преимущественно неумѣнье и нерадѣнье духовныхъ отцовъ: не учатъ и не наставляютъ дѣтей своихъ духовныхъ“.

Такъ неудачно окончилось дѣло Стоглаваго собора...

VIII. „Изъ Домостроя“.

Наставленіе отца сыну. Благословляю я грѣшный (такой-то) и поучаю, и наставляю, и вразумляю сына моего (такого-то) и жену его, и ихъ чадъ, и домочадцевъ. Быть имъ во всякомъ христіанскомъ законѣ

и во всякой чистой совѣсти и правдѣ, съ вѣрою творя волю Божію и храня заповѣди, себя утверждая во всякомъ страхѣ Божіемъ и въ законной жизни, жену поучая, домочадцевъ наставляя не принужденіемъ, ранами, тяжелою работою. Они должны, какъ дѣти, имѣть спокойствіе, быть сыты, одѣты, въ тепломъ углу, устроены удобно. Вамъ и дѣтямъ вашимъ на память и вразумленіе, чтобы вы жили по-христіански, даю это писаніе. Если не послушаетесь совѣтовъ, изложенныхъ въ этомъ писаніи, и не примѣните ихъ къ жизни, будете поступать не такъ, какъ написано, то сами на себя возьмете отвѣтственность въ день страшнаго суда, а я не виновенъ въ вашихъ поступкахъ и грѣхахъ. Я о всякомъ благочиніи говорилъ, плакалъ, молилъ, поучалъ и писаніе предлагалъ вамъ. Если пожелаете искренно принять мои безъискусственныя наставленія и мои простые совѣты, если прочитаете ихъ, прося у Бога помощи и разума, чтобы открылъ глаза ваши, и сообразно съ этими наставленіями и совѣтами станете поступать, то будетъ на васъ милость Божія и Пречистой Богородицы, и великихъ чудотворцевъ, и наше благословеніе отнынѣ и до вѣка. Домъ вашъ, дѣти ваши, имущество ваше и все, чѣмъ одарилъ Богъ, все, что получили вы, благодаря намъ и благодаря своему труду, да будетъ благословенно, исполнено всякихъ благъ вовѣки. Аминь.

Какъ дѣти должны чтить отцовъ своихъ духовныхъ и повиноваться имъ. Необходимо знать, какъ чтить дѣтямъ отцовъ своихъ духовныхъ. Изъискать отца духовнаго добраго, боголюбиваго, благоразумнаго, разсудительнаго, строгаго, трезваго, несребролюбиваго, негнѣвливаго. Такого отца духовнаго надлежитъ почитать и повиноваться ему во всемъ, и каяться предъ нимъ со слезами, исповѣдовать грѣхи свои безъ утайки, откровенно, наставленія его исполнять. Должно его приглашать къ себѣ часто, совѣщаться съ нимъ во всякомъ дѣлѣ, повелѣнія его съ любовью принимать, слушаться его во всемъ, почитать его, бить челомъ предъ нимъ низко, потому что онъ учитель нашъ и наставникъ. Къ нему приходите, дары ему давайте отъ своихъ трудовъ по силѣ, совѣтуйтесь съ нимъ часто о жизни благочестивой, винитесь предъ нимъ въ грѣхахъ своихъ, узнавайте отъ него, какъ мужу любить жену свою и дѣтей своихъ, а женѣ слушаться мужа своего, спрашивайте его ежедневно. Должно исповѣдовать предъ отцами духовными грѣхи свои, каяться предъ ними во всемъ, ибо они стражи душъ нашихъ и отвѣтъ за насъ дадутъ въ день страшнаго суда, не поносить ихъ, не осуждать ихъ, не обманывать. Если духовный будетъ за кого-либо ходатайствовать, то ходатайство выслушать, виновнаго пожаловать, смотря по винѣ, разсмотрѣвъ дѣло съ духовнымъ отцомъ.

Какъ дѣтей учить и страхомъ спасать. Наказывай сына твоего въ юности и онъ успокоитъ тебя въ старости и принесетъ тебѣ честь. Не будь скупъ на удары дитяти, ибо отъ палочныхъ ударовъ онъ не умретъ, а поздоровѣетъ; нанося удары тѣлу, спасаешь душу отъ смерти. Если любишь сына твоего, часто наказывай его, чтобы ты могъ потомъ быть имъ доволенъ. Наказывай сына въ молодости, и онъ, возмужавъ, будетъ твоей утѣхой, и восхвалишься посреди злыхъ, а враги твои будутъ завидовать тебѣ. Воспитай дѣтище въ страхѣ, и обрѣтешь въ немъ покой и благословеніе. Не улыбайся ему, не играй съ нимъ, ибо, въ маломъ дѣлѣ посмѣявшись, въ большомъ пострадаешь, будешь скорбѣть и послѣ будто оскомину сотворишь душѣ твоей. Не дай ему власти въ юности и сокруши ему ребра, пока онъ ростетъ, чтобы, возмужавъ, не пересталъ

повиноваться тебѣ, ибо въ такомъ случаѣ будетъ больно и досадно твоей душѣ, убыточно твоему дому, будетъ погибель имѣнію твоему, укоризна отъ сосѣдей, враги твои насмѣются надъ тобою, предъ властью поплатишься и претерпишь разныя непріятности.

Какъ научать мужу жену свою; какъ угодить Богу и мужу своему, какъ хорошо устроить домъ, завести въ хозяйствѣ порядокъ, рукодѣліе всякое знать и самой дѣлать. Мужья должны поучать женъ своихъ съ любовью и разумно. Жены должны спрашивать мужей своихъ о всякомъ благочиніи, какъ душу спасти, Богу и мужу угодить, домъ свой устроить. Онѣ должны имъ во всемъ покоряться и всякое мужнино приказаніе принимать съ любовью и исполнять. Онѣ должны имѣть страхъ Божій и соблюдать чистоту тѣлесную. Вставъ съ постели, очистивъ себя и молитву сотворивъ, онѣ должны женщинамъ и дѣвкамъ (прислугѣ) задать урочную работу на день: разныя кушанія варить, печь хлѣбы ситніе и рѣшетные. Хозяйка сама должна знать, какъ мука сѣется, какъ квашня приготовляется и мѣсится, какъ въ печи валяются хлѣбы, простые и сдобные, какъ выпекаются; она должна знать приготовленіе калачей и пироговъ, количество муки, необходимое для этого, сколько чего можно сдѣлать изъ четверти, осьмины или рѣшета, сколько будетъ отрубей, сколько выйдетъ печенія; мѣру должно знать во всемъ. Сама хозяйка должна умѣть изготовлять мясныя и рыбныя блюда, всякіе пироги и блины, всякіе каши и кисели, всякіе пирожки. Умѣя сама, пусть она и слугъ научитъ всему этому. Въ то время, когда хлѣбъ пекутъ, стираютъ и бѣлье, чтобы не выходило лишнихъ дровъ. Хозяйка надсматриваетъ, какъ стираютъ красныя рубашки и лучшія вещи, сколько и на какое количество рубашекъ выходитъ мыла и золы, хорошо ли вымыто, выпарено, выполоскано, высушено и выкатано все, и скатерти, и платки, и полотенца, и утиральники. Всему этому она должна знать счетъ, отдавать въ стирку по счету и принимать выстиранное по счету. Старыя вещи должны быть бережно починены, ибо онѣ пригодятся для сиротокъ. Когда хлѣбы пекутъ, отдѣлить часть тѣста и пироговъ начинить; если пшеничное пекутъ, то изъ муки, оставшейся послѣ высѣвки, сдѣлать семьѣ пироги, въ дни скоромные со скоромною начинкою, какая случится, а въ постные съ кашей, горохомъ, макомъ, рѣпой, грибами, рыжиками, капустой, съ чѣмъ Богъ дастъ; все же семьѣ это доставитъ удовольствіе. Всякое блюдо мясное и рыбное, всякій пирожокъ постный и скоромный жена должна умѣть дѣлать сама и слугъ научить. Такова должна быть хорошая хозяйка. Она должна знать все, что касается до пива, меда, вина, кваса, уксуса, кислыхъ щей, что какъ дѣлается, сколько чего выходитъ. Если она все это знаетъ, то, благодаря распоряженіямъ мужа и ея разумомъ, хозяйство пойдетъ хорошо и всего будетъ много. Служанкамъ рукодѣльнымъ указать должно работу, какую каждая можетъ дѣлать: шить рубашки, ткать платки, вышивать шелкомъ и золотомъ. Самой необходимо надзирать, выдавать холстъ, тафту, золото, серебро, отвѣсивъ, отмѣрявъ и сообразивъ, сколько чего нужно. Малыхъ дѣвокъ учить, чему слѣдуетъ; замужнимъ женщинамъ, которыя дѣлаютъ черную работу, избу топятъ, хлѣбы пекутъ, платья моютъ, выдавать ленъ, чтобы онѣ пряли на мужа и дѣтей; одинокая женщина или дѣвка пусть прядетъ ленъ на господина, а изъ остатковъ отъ чесанія льна—на себя. Сама хозяйка должна знать, кому какая работа дается, сколько чего выдано, сколько кто сдѣлалъ за день, сколько чего должно выйдти. Все это должна знать и всему счетъ вести. Сама она никогда, развѣ въ случаѣ болѣзни, не должна быть безъ дѣла;

слуги, глядя на нее, должны вести себя такъ же. Придетъ ли мужъ или гостья обычная, она должна всегда сидѣть за работою; отъ этого ей честь и слава, а мужу похвала. Слуги не должны никогда будить госпожу, а она должна будить ихъ. Ложась спать, она должна послѣ работы всегда совершить молитву.

Какъ устроить домъ хорошо и чисто. Согрѣвъ утромъ воды, перемыть, вытереть и высушить столъ, блюда, ставцы, ложки и всякіе сосуды, ковши и кувшины. То же сдѣлать послѣ обѣда и вечеромъ. Ведра, лотки, квашни, корыта, сита, рѣшета, горшки также всегда вымыть, вычистить, вытереть, высушить, положить въ чистое мѣсто, гдѣ прилично. Всѣ сосуды и принадлежности должны быть всегда чисты, не должны разбрасываться по скамьямъ, двору, хоромамъ; все должно быть на своемъ мѣстѣ, въ порядкѣ. Изба, стѣны, скамьи, полъ, окна, двери, даже въ сѣняхъ и на крыльцѣ, должны быть вымыты, вычищены, выкрашены, чтобы всегда было чисто. Лѣстницу и нижнее крыльцо вымыть, выскоблить, вытереть, вымести. Предъ нижнимъ крыльцомъ сѣна положить для вытиранія ногъ. Чтобы не загрязнить лѣстницы и сѣней, положить предъ дверью или рогожку, или старый войлокъ, или потирало. Въ грязную погоду у нижняго крыльца сѣно или солому перемѣнить, равно какъ рогожку или войлокъ, положить новое потирало, а грязное выполоскать и высушить, потому что оно опять пригодится. У добрыхъ людей, гдѣ жена порядочная, домъ всегда чистъ и устроенъ, все въ порядкѣ, опрятно, на своемъ мѣстѣ, вычищено, выметено. Въ хорошій домъ какъ въ рай входишь. За всѣмъ этимъ жена должна смотрѣть, всему этому должна она учить слугъ и дѣтей добромъ и лихомъ: коли не дѣйствуютъ слова— побоями. Но если мужъ увидитъ, что у жены и слугъ нѣтъ порядка и дѣлается не такъ, какъ здѣсь написано, то долженъ онъ жену научить. Когда она дѣлаетъ все, какъ слѣдуетъ, то заслуживаетъ любви и жалованія; если же она не живетъ по наставленію, сама не исполняетъ своихъ обязанностей и слугъ не учитъ исполнять, то пусть мужъ накажетъ и постращаетъ ее наединѣ, а, наказавъ, пожалуетъ и скажетъ доброе слово. Должно наказывать съ любовью; не слѣдуетъ мужу сердиться на жену, а женѣ на мужа, но жить имъ въ любви и откровенности. Со слугами и дѣтьми поступать такъ же: наказать по винѣ, а по дѣлу и побить, потомъ пожаловать. Госпожа должна заботиться о слугахъ; тогда имъ будетъ жить хорошо. Но если жена, или сынъ, или дочь слова и приказанія не слушаютъ, поступаютъ вопреки ему, не боятся, не дѣлаютъ того, что мужъ, отецъ или мать повелѣваютъ, то ихъ плетью постегать, смотря по винѣ; а бить ихъ наединѣ, не при людяхъ, наказать, потомъ пожаловать и ласковое слово молвить, а не гнѣваться мужу на жену, ни женѣ на мужа. За какую либо вину не бить по уху, по лицу, подъ сердце кулакомъ, пинкомъ, не колоть посохомъ, ничѣмъ желѣзнымъ и деревяннымъ не ударять. Тотъ, кто въ сердцахъ такъ бьетъ, можетъ большой вредъ причинить: слѣпоту, глухоту, поврежденіе руки или ноги, грудную, головную, зубную болѣзнь. Должно бить плетью и разумно, и больно, и страшно, и здорово. Когда вина велика, когда ослушаніе или небреженіе было значительное, снять рубашку и плеткою вѣжливенько побить, за руки держа, смотря по винѣ, да побивъ, чтобы гнѣва не было, сказать ласковое слово. Да чтобы люди этого не видѣли и не слышали, и чтобы не было жалобъ.

Заключеніе. Чадо мое единородное и любимое, Анфимъ! Соизволилъ Богъ, и благочестивый, православный царь-государь повелѣлъ тебѣ по-

служить въ своей царской казнѣ у таможенныхъ дѣлъ. И нынѣ молю тебя и со слезами говорю: ради Бога, помни царскій приказъ, прося у Бога помощи разума отъ всей души и отъ всего помышленія; служи вѣрою и правдою, безъ всякой хитрости и лукавства; не преступай своего долга относительно государя ради друга, недругу не мсти, не дѣлай людямъ проволочекъ ни въ чемъ. Всякому воздай съ любовью должное. безъ брани; не успѣешь сдѣлать что либо, отвѣчай добрымъ словомъ, отпускай въ срокъ, безъ затрудненій, товары, оцѣнивай правильно, да не будетъ твоя служба злоупотребленіемъ относительно государя. Довольствуйся милостивымъ государевымъ жалованьемъ, все государство пусть будетъ у тебя въ порядкѣ, записано въ приходъ и расходъ. Будь послушенъ къ казначеямъ, друженъ съ товарищами, съ подъячими, мастерами и сторожами грозенъ и любовенъ, со всѣми людьми привѣтливъ. Бѣдныхъ, скорбящихъ, нуждающихся и плѣнныхъ отнюдь не притѣсняй, самъ ихъ, по возможности, накорми и напои, а кое-кому и милостыню подай. Коли случится судъ, соверши его безъ затягиванія и безъ хитрости для каждаго, чье дѣло право, богатъ ли онъ или бѣденъ, другъ тебѣ или врагъ. Евангеліе говоритъ: „Не на лица судите, сынове человѣчестіи, но праведенъ судъ судите; имъ же судите судомъ, судится вамъ, въ ню-же мѣру мѣрите, возмѣрится“.

IX. Характеръ и значеніе „Домостроя“.

(Изъ соч. Галахова: «Исторія русской словесности» и Стоюнина «О преподаваніи русской литературы»).

Стоглавъ и сочиненія Максима Грека имѣютъ дѣло съ состояніемъ цѣлаго общества: они заняты вопросами государственнаго устройства и народной жизни. Но для полнаго представленія современныхъ нравовъ необходима характеристика частнаго, домашняго быта, о которомъ молчатъ литературные памятники. Лѣтописи заняты описаніемъ важнѣйшихъ событій, предполагая обстоятельства обыденной жизни всѣмъ извѣстными; юридическіе акты входятъ въ подробности внутренняго быта настолько, насколько они нужны для объясненія изслѣдуемаго дѣла и подведенія его къ закону; мемуары относятся къ позднѣйшему времени, когда оказалась возможность писателю выступить съ своими собственными, личными требованіями. Недостатокъ источниковъ, по которымъ можно было бы составить понятіе о характерѣ частной, семейной жизни въ XVI вѣкѣ, восполняется сочиненіемъ священника Сильвестра, знаменитаго по своимъ отношеніямъ къ Грозному. Сочиненіе это, извѣстное подъ именемъ „Домостроя“, т.-е. книги домашняго устройства, устава, принадлежитъ, по своему назначенію, къ одному разряду съ „Поученіемъ Мономаха“, которое можетъ быть также названо домостроемъ XII вѣка.

Рядомъ съ наставленіями религіозными „Домострой“ содержитъ въ себѣ и правила житейской мудрости, такъ что одна часть его имѣетъ предметомъ высшія потребности человѣка, благочестіе и душевное спасеніе, а другая — обыкновенныя, насущныя его нужды. Въ первомъ отдѣлѣ говорится о вѣрѣ въ Бога и святыхъ его, о таинствахъ, о почитаніи духовнаго чина, царя и властей, о повиновеніи родителямъ и старшимъ, о воспитаніи дѣтей, обязанностяхъ жены, отношеніяхъ господъ къ слугамъ и проч.; во второмъ — о хозяйственномъ устройствѣ.

Въ „Домостроѣ“ изображается идеалъ благочестиваго семьянина, развившійся не въ монастырской кельѣ, хотя и подъ сильнымъ религіознымъ вліяніемъ, а въ семьѣ, при тѣхъ условіяхъ, какія представляла русская семейная жизнь.

Въ идеалѣ „Домостроя“ проглядываетъ аскетизмъ, перешедшій сюда изъ того ученія: „Славы земныя ни въ чемъ не желай, всякую скорбь и тѣсноту съ

благодареніемъ терпи, обидимъ не мсти, хулимъ моли, зла за зло не воздавай, согрѣшающихъ не осуждай“ и проч. Сообразно съ этимъ и жизнь должна течь самымъ ровнымъ невозмутимымъ путемъ, не допуская никакой страсти, даже никакихъ веселыхъ порывовъ: музыка, пѣніе, пляска—все это стоитъ наравнѣ съ волшебствомъ, чарованіемъ, бѣсовскимъ служеніемъ.

Съ этимъ вмѣстѣ соединяются родовыя понятія, перешедшія изъ глубокой старины, объ отношеніи главы семейства ко всѣмъ членамъ семьи. Хотя въ основаніи этихъ отношеній полагается, согласно съ христіанскимъ требованіемъ, любовь, но это не устраняетъ, съ одной стороны, грознаго господства владыки дома, съ другой— самаго рабскаго ему подчиненія Необходимый аттрибутъ его власти—жезлъ или лоза и плеть, отъ которыхъ нѣтъ спасенія ни женѣ, ни дѣтямъ, ни слугамъ, если бы владыка нашелъ нужнымъ поучить ихъ. Страхомъ онъ долженъ держать свой домъ въ порядкѣ, чтобы быть вѣрнымъ идеалу отца; онъ не долженъ даже ласкать своего ребенка или играть съ нимъ, чтобы не унизить своего достоинства, чтобы не ослабить страха, подъ вліяніемъ котораго должно идти воспитаніе. Здѣсь воля признается только за нимъ однимъ; за прочими—неволя и работа.

Основаніемъ счастія считается внѣшній порядокъ въ домѣ, жизнь по извѣстной мѣркѣ, въ извѣстныхъ формахъ. Для этого „Домострой“ касается всевозможныхъ мелочей хозяйственной жизни, опредѣляетъ каждый шагъ, даже указываетъ предметы для разговоровъ съ гостями. При этомъ надо замѣтить, что здѣсь имѣется въ виду жизнь семьянина богатаго, у котораго дворъ застроенъ амбарами для храненія его богатствъ и хозяйственныхъ запасовъ, мастерскія наполнены слугами и холопами, приготовляющими все нужное для дома. Отсюда всѣ заботы хозяина и хозяйки обращаются на воспитаніе дѣтей, на добропорядочную жизнь слугъ, на сбереженіе или увеличеніе богатства и обиходное хозяйство. Владыкѣ дома представляются правила быть хорошимъ мужемъ, отцомъ, господиномъ, хозяиномъ. Заботы его должны касаться и собственной чести, а честь заключается въ доброй славѣ между людьми, и такъ какъ люди судятъ по наружности, то и слѣдуетъ на нее обращать особенное вниманіе.

Съ другой стороны, „Домострой“ пугаетъ воображеніе страхомъ ада, исчисляя всѣ тѣ поступки, которые, по его понятіямъ, заслуживаютъ осужденія: сюда относятся и ловы съ собаками, съ птицами и съ медвѣдями, также игра въ шахматы, въ шашки, въ кости. Царь сравнивается съ Богомъ, который также называется царемъ, только небеснымъ и вѣчнымъ, а тотъ временный. Даже извлекается особенная чисто-религіозная польза изъ повиновенія земному царю. „Аще законному царю правдою служиши и боишися его, тако научишися и небеснаго царя боятися“. Какъ глубоко вѣрилъ въ непогрѣшимость и чистоту своего идеала составитель „Домостроя“, видно изъ его обращенія къ дѣтямъ. „Аще сего моего писанія не внемлете и наказанія не послушаете, и потому не учнете жити и не тако творити, яко же есть писано, сами отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда, и азъ вашимъ винамъ и грѣху не причастенъ... И начнете дѣломъ творити вся сія, будетъ на васъ милость Божія и Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ и наше благословеніе отнынѣ и до вѣка; и домъ вашъ, и чада ваша, и стяжаніе ваше, и обиліе ваше, что вамъ Богъ подаровалъ отъ нашего благословенія (т. е. по наслѣдству отъ насъ) и отъ своихъ трудовъ, да будетъ благословенно, исполнено всякихъ благъ“. Никакая другая жизнь, угодная Богу и достойная счастія, не допускается и считается невозможною.

Взглянемъ же на этотъ идеалъ съ общечеловѣческой стороны его. Здѣсь мы уже указали на любовь къ человѣку, которая вводится въ отношеніе между членами семьи,—начало дѣйствительно плодотворное; но тутъ ея дѣйствія слишкомъ парализуются недовѣріемъ къ человѣческой природѣ. Въ человѣкѣ предполагается слишкомъ много злаго начала, весьма большая наклонность къ противорѣчію всему доброму и какъ бы естественное стремленіе выходить изъ той сферы, которая ему предназначается; удерживать его отъ этого, пріучать идти по доброму пути и не сбиваться съ него можно только страхомъ наказанія, страхомъ тѣлесной боли. По мысли этой отцу совѣтуется не щадить даже родныхъ дѣтей, возлагать на нихъ раны, сокрушать ребра. Такой взглядъ на человѣка развивается всегда тамъ, гдѣ нравственныя семейныя отношенія основываются на рабской зависимости, гдѣ въ нравственныя понятія входитъ полное, безпрекословное, рабское подчиненіе младшихъ старшимъ. При такомъ состояніи умъ обыкновенно такъ мало развивается, что не въ силахъ владѣть страстями; у него еще не выработались тѣ разумныя убѣжденія, опираясь на которыя человѣкъ могъ бы сдерживать себя. Отсюда является и недовѣріе къ человѣческой природѣ, будто ее нужно подчинять извѣстнымъ правиламъ только физическою си-

лою. Такъ какъ эти правила вытекаютъ изъ идеала, то всякое уклоненіе отъ нихъ считается оскорбленіемъ идеала, слѣдственно явленіемъ безнравственнымъ и опаснымъ для общаго благосостоянія семьи. Аскетическія понятія, перешедшія къ намъ съ христіанствомъ, не противорѣчили такимъ взглядамъ, а, напротивъ, вносили даже добровольныя истязанія тѣла для спасенія души. Заботы о душѣ домочадца дѣлаются также главными заботами христіанскихъ отцовъ семейства и при томъ же недовѣріи къ человѣческой природѣ находятъ еще больше опоры въ оправданіи жестокихъ наказаній: „Бія его по тѣлу, душу его избавляешь отъ смерти; казни сына своего отъ юности его и покоитъ тя на старость твою и дастъ красоту душѣ твоей". Съ этимъ вмѣстѣ пріобрѣтается и новая узда для усмиренія бунтливой природы человѣка; къ страху наказанія и тѣлесной боли присоединяется еще страхъ для души—страхъ ада. Другая важная черта, бросающаяся въ глаза въ идеалѣ „Домостроя", есть любовь къ порядку, къ благоустройству, къ труду. Все это такія нравственныя силы, которыя могли бы разумно развить жизнь человѣка, если бы не были стѣснены въ самыхъ узкихъ предѣлахъ самыми мелочными правилами, которыя не позволяли сдѣлать ни одного свободнаго шага, если бы съ ихъ исполненіемъ не соединялось понятія о семейной чести. Здѣсь обычай, привычка, извѣстная форма—обращаются въ непремѣнный законъ, неисполненіе котораго ведетъ за собою осужденіе, безчестье. Здѣсь крайняя неподвижность мертвитъ всякую живую мысль, останавливаетъ всякое развитіе. Здѣсь старина имѣетъ смыслъ святости, и предъ нею любовь къ порядку должна обратиться въ деспотическое стѣсненіе самостоятельности въ жизни, любовь къ благоустройству — въ самые мелочные разсчеты, любовь къ труду — въ рабское исполненіе различныхъ формальностей и условныхъ правилъ, освященныхъ стариною и возведенныхъ чуть не до божескихъ законовъ. Такимъ образомъ парализованы и эти нравственныя силы. Отсюда и развитіе идеала сдѣлалось невозможнымъ: онъ обратился въ догматъ жизни, смѣшался съ религіознымъ вѣрованіемъ, и отступленіе отъ него грозило гибелью въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.

X. Покореніе Казани.

(*Изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина*).

Приступая къ описанію достопамятной осады казанской, замѣтимъ, что она, вмѣстѣ съ куликовскою битвою, до самыхъ нашихъ временъ живетъ въ памяти народа, какъ славнѣйшій подвигъ древности, извѣстный всѣмъ россіянамъ и въ чертогахъ, и въ хижинахъ. Два обстоятельства дали ей сію чрезвычайную знаменитость: она была первымъ нашимъ правильнымъ опытомъ въ искусствѣ брать укрѣпленныя мѣста, и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое, отчаяніе истинно великодушное, такъ что побѣду купили мы весьма дорогою цѣною. Бывъ готовы мирно поддаться Іоанну, чтобы избавиться отъ лютости Шигъ-Алеевой, казанцы въ теченіе пяти мѣсяцевъ имѣли время размыслить о слѣдствіяхъ. Казань съ намѣстникомъ Іоанновымъ уже существовала бы единственно какъ городъ московскій. Ея вельможи и духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власти и вѣры; народъ ужаснулся рабства. Въ душахъ вспыхнула благородная любовь къ государственной независимости, къ обычаямъ, къ законамъ отцовъ. Усиленная воспоминаніями древности, раздраженная ненавистью къ христіанамъ, прежнимъ данникамъ, тогдашнимъ угнетателямъ Батыева потомства, она преодолѣла естественную склонность людей къ мирнымъ наслажденіямъ жизни, произвела восторгъ, жажду мести и крови, рвеніе къ опасностямъ и къ великимъ дѣламъ. Въ движеніи, въ пылу геройства казанцы не чувствовали своей слабости.

19-го августа государь съ 150,000 воиновъ былъ на луговой сторонѣ

Волги. Шигъ-Алей отправился на судахъ занять Гостиный островъ, а бояринъ Морозовъ везъ снарядъ огнестрѣльный, рубленыя башни и тараны, чтобы дѣйствовать съ нихъ противъ крѣпости. Нѣсколько дней шли дожди; рѣки выливались изъ береговъ; низкіе луга обратились въ болота. Казанцы испортили всѣ мосты и гати. Надлежало вновь устроить дорогу. 20-го августа войско увидѣло передъ собою Казань и стало въ шести верстахъ отъ нея, на гладкихъ веселыхъ лугахъ, которые подобно зеленому сукну, растилались между Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость съ каменными мечетями и дворцомъ, съ высокими башнями и дубовыми широкими стѣнами (набитыми внутри иломъ и хрящемъ). Два дня выгружали пушки и снаряды изъ судовъ. Тутъ явился изъ Казани бѣглецъ мурза Камай и донесъ государю, что онъ ѣхалъ къ намъ съ 200 товарищей, но что ихъ задержали въ городѣ; что царь Едигеръ, Кульшеривъ-Молна или глава духовенства и князья умѣли одушевить народъ злобою на христіанъ; что никто не мыслитъ о мирѣ; что крѣпость наполнена запасами хлѣбными и ратными; что въ ней 30.000 воиновъ и 2,700 ногаевъ; что князь Япанча со многочисленнымъ отрядомъ конницы посланъ въ Арскую засѣку вооружить, собрать тамъ сельскихъ жителей и непрестанными нападеніями тревожить станъ россіянъ. Іоаннъ принялъ Камая милостиво, совѣтовался съ боярами; велѣлъ для укрѣпленія изготовить на каждаго воина бревно, на десять воиновъ туръ. Большому и передовому полку приказано было занять поле Арское, правой рукѣ берегъ Казанки, сторожевому устье Булака, лѣвой рукѣ стоять выше его, Алею за Булакомъ у кладбища, а царской дружинѣ, предводимой имъ и кн. Владиміромъ Андреевичемъ на Царевомъ лугу. Строго запрещено было вступать въ битву самовольно, безъ государева слова, и 23-го августа, въ часъ разсвѣта, войско двинулось. Солнце восходило, освѣщая Казань въ глазахъ Іоанна; онъ далъ знакъ, и полки стали; ударили въ бубны, заиграли на трубахъ, распустили знамена и святую хоругвь, на коей изображался Іисусъ, а вверху водруженъ былъ животворящій крестъ, бывшій на Дону, съ Дмитріемъ Іоанновичемъ. Царь и всѣ воеводы сошли съ коней, отпѣли молебенъ подъ сѣнью знаменъ, и государь произнесъ рѣчь къ войску: ободрялъ его къ великимъ подвигамъ, славилъ героевъ, которые падутъ за вѣру; именемъ Россіи клялся, что вдовы и сироты ихъ будутъ призрѣны, успокоены отечествомъ, наконецъ, самъ обрекалъ себя на смерть, если то нужно для побѣды и торжества христіанъ. Духовникъ Іоанновъ, протоіерей Андрей, благословилъ его и войско, которое изъявляло живѣйшее усердіе. Царь сѣлъ на аргамака, богато украшеннаго; взглянулъ на Спасителевъ образъ святой хоругви, ознаменовалъ себя крестомъ и громко сказавъ: „О твоемъ имени движемся!“ повелъ рать прямо къ городу. Тамъ все казалось тихо и пусто; не видно было ни движенія, ни людей на стѣнахъ, и многіе изъ нашихъ радовались, думая, что царь казанскій съ войскомъ отъ страха бѣжалъ въ лѣса; но опытные воеводы говорили другъ другу: „будемъ тѣмъ осторожнѣе!“

Россіяне обступили Казань. 7,000 стрѣльцовъ и пѣшихъ казаковъ по наведенному мосту перешли тинный Булакъ и, видя предъ собою не болѣе какъ въ двухъ стахъ саженяхъ царскія палаты, мечети каменныя, лѣзли на высоту, чтобы пройти мимо крѣпости къ Арскому полю... Вдругъ раздался шумъ и крикъ: заскрипѣли, отворились ворота, и 15,000 татаръ, конныхъ и пѣшихъ, устремились изъ города на стрѣльцовъ, разстроили, сломили ихъ. Юные князья Шемякинъ и Троекуровъ удержали бѣгу-

щихъ: они сомкнулись. Подоспѣло нѣсколько дѣтей боярскихъ. Началась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя конницы, стояли грудью; они побѣдили и гнали непріятеля до самыхъ стѣнъ, несмотря на сильную пальбу изъ города, взяли плѣнниковъ и медленно отступили въ виду всѣхъ нашихъ полковъ, которые, спокойно идучи къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ, любовались издали симъ первымъ славнымъ дѣломъ. Приказъ государевъ въ точности исполнился: никто безъ его слова не кидался въ битву, воинская подчиненность ознаменовалась блестящимъ образомъ. Полки окружили Казань. Разставили шатры и три церкви полотняныя. Ввечеру государь, собравъ воеводъ, изустно далъ имъ всѣ нужныя повелѣнія. Ночь была спокойна. На другой день сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала царскій и многіе шатры, потопила суда, нагруженныя запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ, что осады не будетъ, что мы, не имѣя хлѣба, должны удалиться со стыдомъ. Не такъ думалъ Іоаннъ: послалъ въ Свіяжскъ, въ Москву за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ и готовился зимовать подъ Казанью.

26-го августа большой полкъ выступилъ предъ вечеромъ изъ стана: кн. Михайло Воротынскій шелъ съ пѣхотою и катилъ туры; кн. Иванъ Мстиславскій велъ конницу, чтобы помогать ему въ случаѣ нападенія. Казанцы ударили на нихъ съ воплемъ, а съ башенъ и стѣнъ посыпались ядра и пули. Въ дыму, въ огнѣ непоколебимые россіяне отражали конницу, пѣхоту сильнымъ дѣйствіемъ своихъ бойницъ, ружейною стрѣльбою, копьями и мечами; хладнокровно шли впередъ, втѣснили татаръ въ городъ и наполнили его мосты непріятельскими тѣлами. Пищальники, казаки стали на валу, стрѣляли до самой ночи и дали время Воротынскому утвердить, насыпать землею туры въ пятидесяти саженяхъ отъ рва, между Арскимъ полемъ и Булакомъ. Тогда онъ велѣлъ отступить имъ къ турамъ и закопаться подъ оными. Но темнота не прекратила битвы: казанцы до самаго утра выходили и рѣзались съ нашими. Не было отдыха; ни воины, ни полководцы не смыкали глазъ. Іоаннъ молился въ церкви и ежечасно посылалъ своихъ знатнѣйшихъ сановниковъ ободрять бьющихся. Наконецъ, непріятель утомился; восходящее солнце освѣтило рѣшительную побѣду россіянъ, и государь велѣлъ пѣть въ станѣ благодарные молебны.

Войско наше въ теченіе недѣли утомилось до крайности и, за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, питалось только сухимъ хлѣбомъ. Кормовщики наши не смѣли удаляться отъ стана: Япанча стерегъ и хваталъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Казанцы сносились съ нимъ посредствомъ знаковъ: выставляя хоругвь на высокой башнѣ, махая ею и давали разумѣть, что ему должно ударить на осаждающихъ. Сей опасный наѣздникъ держалъ россіянъ въ непрестанномъ страхѣ. Іоаннъ собралъ думу; положилъ раздѣлить войско на двѣ части: одной быть въ укрѣпленіяхъ и хранить особу царя; другой подъ начальствомъ кн. Горбатаго-Шуйскаго, сильно дѣйствовать противъ Япанчи. Имѣя 30,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ воиновъ, кн. Горбатый-Шуйскій въ кровопролитной битвѣ нанесъ пораженіе Япанчѣ и взялъ много плѣнныхъ. Государь велѣлъ привязать всѣхъ плѣнниковъ къ кольямъ предъ нашими укрѣпленіями, чтобы они умолили казанцевъ сдаться. Въ то же время сановники государевы подъѣхали къ стѣнамъ и говорили татарамъ: „Іоаннъ обѣщаетъ имъ жизнь и свободу, а вамъ прощеніе и милость, если покоритесь ему“. Казанцы тихо выслушавъ ихъ слова, пустили множество

стрѣлъ въ своихъ несчастныхъ плѣнныхъ согражданъ, и кричали: „Лучше вамъ умереть отъ нашей чистой, нежели отъ злой христіанской руки!“ Сіе остервененіе удивило россіянъ и государя.

Желая употребить всѣ средства, чтобы взять Казань съ меньшимъ кровопролитіемъ, онъ велѣлъ служащему въ его войскѣ искусному нѣмецкому размыслу (инженеру) дѣлать подкопъ отъ рѣки Булака между Аталаковыми и Тюменскими воротами. Мурза Камай извѣстилъ государя, что осажденные берутъ воду изъ ключа близъ рѣки Казанки и ходятъ туда подземнымъ путемъ отъ воротъ Муралеевыхъ. Воеводы наши хотѣли открыть сей тайникъ, но не могли, и государь велѣлъ подкопать его отъ каменной Дауровой Бани, занятой нашими казаками. Для сего размыслъ отрядилъ учениковъ своихъ, которые, подъ надзоромъ кн. Серебрянаго и любимца Іоаннова Алексѣя Адашева рылись въ землѣ десять дней; они, наконецъ, услышали надъ собой голоса людей, ходящихъ тайникомъ за водою, вкатили въ подкопъ 11 бочекъ пороха и дали знать государю. 5-го сентября, рано, Іоаннъ выѣхалъ къ укрѣпленіямъ. Вдругъ, въ его глазахъ, съ громомъ, съ трескомъ взорвало землю: тайникъ, часть городской стѣны, множество людей, бревна, камни, взлетѣвъ на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли отъ ужаса, не понимая, что сдѣлалось. Въ сію минуту россіяне, схвативъ знамена, устремились въ обрушенной стѣнѣ, ворвались было и въ самый городъ, но не могли въ немъ удержаться. Казанцы опомнились, вытѣснили нашихъ, и государь не велѣлъ возобновлять усилій для приступа. Мы взяли не малое число плѣнныхъ, убили еще гораздо болѣе и ждали слѣдствій.

Несмотря на рѣшительность казанцевъ, послѣ сего бѣдственнаго для нихъ случая обнаружилось уныніе въ городѣ, нѣкоторые изъ жителей думали, что все погибло, и что они уже не имѣютъ средствъ защиты. Но смѣлѣйшіе ободрили ихъ: рыли и нашли ключъ, малый, смрадный, коимъ надлежало довольствоваться всему городу; терпѣли жажду, пухли отъ худой воды, молчали и сражались.

Іоаннъ оказывалъ удивительную дѣятельность; не знали, когда онъ имѣлъ отдохновеніе: всегда, рано и поздно, молился въ церкви или ѣздилъ вокругъ укрѣпленій: останавливался, говорилъ съ воинами, утверждалъ ихъ въ терпѣніи. Если казанцы тревожили насъ всегдашнею стрѣльбою, то и мы не давали имъ покоя: днемъ и ночью гремѣли пушки россійскія, заряжаемыя ядрами и камнями. Желая сильнѣе дѣйствовать на внутренность города, россіяне построили тайно, верстахъ въ двухъ за станомъ, башню, вышиною въ шесть саженъ; ночью придвинули ее къ стѣнамъ, къ самымъ царскимъ воротамъ; поставили на ней десять большихъ орудій, пятьдесятъ среднихъ и дружину искусныхъ стрѣлковъ; ждали утра и возвѣстили оное залпомъ. Стрѣлки стояли выше стѣны и мѣтили въ людей на улицахъ, въ домахъ: казанцы укрылись въ ямахъ, копали себѣ землянки, но сражались неослабно; они уже не могли употреблять большихъ орудій, сбитыхъ нашею пальбою, но безъ умолку стрѣляли изъ ружей, изъ пищалей, и мы теряли ежедневно не мало добрыхъ воиновъ. Тщетно Іоаннъ возобновлялъ мирныя предложенія, передавая осажденнымъ, что если они не хотятъ сдаться, то пусть идутъ, куда имъ угодно, со своимъ царемъ, со всѣмъ имѣніемъ, съ женами и дѣтьми, что мы требуемъ только города, основаннаго на землѣ Болгарской, въ древнемъ достояніи Россіи: казанцы не слушали ни краемъ уха, по выраженію лѣтописца.

Между тѣмъ храбрый князь Воротынскій подвигалъ туры ближе и

ближе и къ Арской башнѣ; наконецъ, одинъ ровъ, шириною въ три сажени, а глубиною въ семь, отдѣлялъ ихъ отъ стѣны: стрѣльцы, казаки, головы съ людьми боярскими стояли за оными, бились до изнуренія силъ и смѣнялись.

Уже около пяти недѣль россіяне стояли подъ Казанью, убивъ въ вылазкахъ и въ городѣ не менѣе десяти тысячъ непріятелей. Наступающая осень ужасала ихъ болѣе, нежели труды и битвы осады, всѣ хотѣли скораго конца. Чтобы облегчить приступъ и нанести осажденнымъ чувствительнѣйшій вредъ, Іоаннъ велѣлъ близъ Арскихъ воротъ подкопать тарасы и землянки, гдѣ укрывались жители отъ нашей стрѣльбы: 30-го сентября они взлетѣли на воздухъ. Сіе страшное дѣйствіе пороха, хотя уже и не новое для казанцевъ, произвело оцѣпенѣніе и тишину въ городѣ на нѣсколько минутъ; а россіяне, не теряя времени, подкатили туры къ воротамъ Арскимъ, Аталыковымъ, Тюменскимъ. Думая, что насталъ часъ рѣшительный, казанцы высыпали изъ города и схватились съ тѣми полками, коимъ велѣно было прикрывать туры. Битва закипѣла. Іоаннъ спѣшилъ ободрить своихъ, и какъ скоро они увидѣли его, то, единогласно воскликнувъ: „Царь съ нами!“ бросились къ стѣнамъ, гнали, тѣснили непріятеля на мостахъ, въ воротахъ. Сѣча была ужасная. Громъ пушекъ, трескъ оружія, крикъ воиновъ раздавался въ облакахъ густаго дыма, который носился надъ всѣмъ городомъ. Несмотря на отчаянное сопротивленіе, многіе россіяне были уже на стѣнѣ, рѣзались въ улицахъ съ татарами. Князь Воротынскій увѣдомилъ о томъ государя, и требовалъ, чтобы онъ велѣлъ всѣмъ полкамъ идти на приступъ. Успѣхъ, дѣйствительно, казался вѣроятнымъ; но Іоаннъ хотѣлъ вѣрнаго: бо̀льшая часть войска находилась еще въ станѣ и не могла вдругъ ополчиться; излишняя торопь произвела бы безпорядокъ и, можетъ быть, неудачу, которая имѣла бы весьма худыя для насъ слѣдствія. Государь не уважилъ ревности войска: приказалъ ему отступить. Но чтобы кровопролитіе сего жаркаго дня не осталось безплоднымъ, то кн. Воротынскій занялъ Арскую башню нашими стрѣлками; они укрѣпились турами и рядомъ твердыхъ щитовъ, сказали воеводамъ: „Здѣсь будемъ ждать васъ“ и сдержали слово. Казанцы не могли отнять у нихъ сей башни. Часть стѣны обгорѣла, дѣйствіе нашего снаряда огнестрѣльнаго во многихъ мѣстахъ разрушило оную. Казанцы поставили тамъ высокіе срубы, осыпавъ ихъ землею.

Наконецъ, 1-го октября, Іоаннъ объявилъ войску, чтобы оно готовилось къ приступу (ибо подкопы были уже готовы) и велѣлъ воинамъ очистить душу наканунѣ дня роковаго. Въ тотъ самый часъ, когда одни изъ нихъ смиренно исповѣдывали грѣхи свои предъ Богомъ и достойные съ умиленіемъ вкушали тѣло Христово, другіе, подъ громомъ бойницъ, метали въ ровъ землю и лѣсъ, чтобы проложить путь къ стѣнамъ. Еще государь хотѣлъ испытать силу увѣщанія: мурза Камай и сѣдые старѣйшины горной стороны, держа въ рукѣ знаменіе мира, приблизились къ крѣпости, усыпанной людьми, и сказали имъ, что Іоаннъ въ послѣдній разъ предлагаетъ милосердіе городу, уже стѣсненному, до половины разрушенному, требуетъ единственно выдачи главныхъ измѣнниковъ и прощаетъ народъ. Казанцы отвѣтствовали въ одинъ голосъ: „Не хотимъ прощенія! Въ башнѣ Русь, на стѣнѣ Русь, не боимся, поставимъ иную башню, иную стѣну; всѣ умремъ или отсидимся!“ Тогда государь началъ устроивать войско къ великому дѣлу.

Приказавъ изготовиться къ двумъ часамъ слѣдующаго утра и ждать

взорванія подкоповъ, Іоаннъ ввечеру уединился съ духовнымъ отцомъ своимъ, провелъ нѣсколько времени въ его душеспасительной бесѣдѣ и надѣлъ доспѣхъ. Тогда Воротынскій прислалъ ему сказать, что инженеръ кончилъ дѣло и 48 бочекъ зелія уже въ подкопѣ, что казанцы замѣтили нашу работу и что не надобно терять ни минуты. Государь велѣлъ выступать полкамъ, слушалъ заутреню въ церкви, молился изъ глубины сердца... Въ сію важную ночь, предтечу рѣшительнаго дня, ни россіяне, ни казанцы не думали объ успокоеніи. Изъ города видѣли необыкновенныя движенія въ нашемъ станѣ. Съ обѣихъ сторонъ ревностно готовились къ ужасному бою.

Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ: россіяне предъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнью знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ евангеліе и едва произнесъ слова: „Да будетъ едино стадо и единъ пастырь!“ грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслась.. Государь вышелъ на паперть и увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью; глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслись вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ. Священное служеніе прервалось въ церкви. Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать литургію. Когда діаконъ предъ дверями царскими громогласно молился, да утвердитъ Всевышній державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ, взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго, и тогда, воскликнувъ: „Съ нами Богъ!“ полки россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, а казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: „Алла! Алла!“ призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищалей; они мѣряли глазами разстояніе и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ. Но россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны; казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; они уже не береглись, не прятались за щиты, а стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для россіянъ. Число ихъ уменьшалось, многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти, ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ, иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ, несли другъ друга на головахъ, на плечахъ, бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ. И въ ту минуту, когда Іоаннъ, отслушавъ литургію, причастясь св. таинъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости.

Но еще сія побѣда не была рѣшена совершенно. Отчаянные татаре, сломленные, низверженные съ верху стѣнъ и башенъ, стояли твердымъ оплотомъ въ улицахъ, сѣклись саблями, схватывались за руки съ россіянами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ; вездѣ попирали ногами головы и тѣла. Едигеръ засѣлъ въ укрѣпленномъ дворѣ царскомъ и сражался около часа. Россіяне отбили ворота. Тутъ юныя жены и дочери казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, подъ защитою своихъ прелестей, а въ другой сторонѣ отцы, братья и мужья, окруживъ царя,

еще бились усиленно; наконецъ вышли, числомъ 10,000, въ заднія ворота, въ нижней части города. Кн. Андрей Курбскій съ двумя стами воиновъ пересѣкъ имъ дорогу, удерживалъ ихъ въ тѣсныхъ улицахъ, на крутизнахъ, затруднялъ каждый шагъ, давалъ время нашимъ разить тылъ непріятеля и сталъ въ Збойливыхъ воротахъ, гдѣ присоединилось къ нему еще нѣсколько сотъ россіянъ. Гонимые, тѣснимые казанцы по трупамъ своихъ лѣзли къ стѣнѣ, взвели Едигера на башню и кричали, что хотятъ вступить въ переговоры. Ближайшій къ нимъ воевода остановилъ сѣчу. „Слушайте", сказали казанцы: „доколѣ у насъ было царство, мы умирали за царя и отечество. Теперь Казань ваша: отдаемъ вамъ и царя, живаго, неуязвленнаго. Ведите его къ Іоанну, а мы идемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу". Вмѣстѣ съ Едигеромъ они выдали нѣсколькихъ вельможъ, а сами начали снова стрѣлять, прыгали со стѣны внизъ и хотѣли идти къ стану нашей правой руки, но, встрѣченные сильною пальбою изъ укрѣпленій, обратились влѣво, кинули тяжелое оружіе, разулись и перешли мелкую тамъ рѣку Казанку, въ виду нашего войска, бывшаго въ крѣпости, на стѣнахъ и дворѣ царскомъ, за горами и стремнинами. Одни юные князья Курбскіе, Андрей и Романъ, съ малочисленною дружиною успѣли сѣсть на коней, обскакали непріятеля, ударили въ густую толпу его, врѣзались въ ея средину, топтали, кололи. Но татаръ было еще 5.000, и самыхъ храбрыхъ: они стояли, ибо не страшились смерти, стиснули нашихъ героевъ, повергнули ихъ уязвленныхъ, дымящихся кровью, замертво на землю, шли безпрепятственно далѣе гладкимъ лугомъ до вязкаго болота, гдѣ конница уже не могла гнаться за ними, и спѣшили къ густому, темному лѣсу. Остатокъ малый, но своимъ великодушнымъ остервененіемъ еще опасный для россіянъ! Государь послалъ конную дружину за Казанку въ объѣздъ, чтобы отрѣзать бѣгущихъ отъ лѣса: воеводы настигли и побили ихъ. Никто не сдался живой: спаслись немногіе, и то раненые.

Городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ, сѣча престала, но кровь лилась. Раздраженные воины рѣзали всѣхъ, кого находили въ мечетяхъ, въ домахъ, въ ямахъ, брали въ плѣнъ женъ и дѣтей. Дворъ царскій, улицы, стѣны, глубокіе рвы были завалены мертвыми отъ крѣпости до Казанки; далѣе на лугахъ и въ лѣсу еще лежали тѣла и носились по рѣкѣ. Пальба умолкла; въ дыму города раздавались только удары мечей, стонъ убиваемыхъ, кликъ побѣдителей. Тогда главный военачальникъ, кн. Воротынскій, прислалъ сказать государю: „Радуйся, благочестивый самодержецъ! Твоимъ мужествомъ и счастіемъ побѣда совершилась. Казань наша, царь ея въ твоихъ рукахъ, народъ истребленъ или въ плѣну; несмѣтныя богатства собраны. Что прикажешь?" „Славить Всевышняго", отвѣтствовалъ Іоаннъ, воздѣлъ руки на небо, велѣлъ пѣть молебенъ подъ святою хоругвію и, собственною рукою на семъ мѣстѣ водрузивъ животворящій крестъ, назначилъ быть тамъ первой церкви христіанской. Представили ему Едигера. Безъ всякаго гнѣва и съ видомъ кротости Іоаннъ сказалъ: „Несчастный! Развѣ ты не зналъ могущества Россіи и лукавства казанцевъ?" Едигеръ, ободренный тихостью государя, преклонилъ колѣна, изъявилъ раскаяніе, требовалъ милости. Іоаннъ простилъ его и съ любовью обнялъ брата, князя Владиміра Андреевича, Шигъ-Алея, вельможъ, отвѣтствовалъ на ихъ усердныя поздравленія ласково и смиренно, всю славу отдалъ Богу, имъ и воинству, послалъ бояръ и ближнихъ людей во всѣ дружины съ хвалою и съ милостивымъ словомъ, велѣлъ очистить въ городѣ одну улицу и

въѣхалъ въ Казань. У воротъ стояло множество освобожденныхъ россіянъ, бывшихъ плѣнниками въ Казани; увидѣвъ государя, они пали на землю и съ радостными слезами взывали: „Избавитель! Ты вывелъ насъ изъ ада! Для насъ, бѣдныхъ, сирыхъ, не щадилъ головы своей!“ Государь приказалъ отвести ихъ въ станъ и питать отъ стола царскаго; потомъ онъ поѣхалъ сквозь ряды складенныхъ тѣлъ и плакалъ; видя трупы казанцевъ, онъ говорилъ „Это не христіане, но подобные намъ люди“. Видя мертвыхъ россіянъ, онъ молился за нихъ Всевышнему, какъ за жертву общаго спасенія. При вступленіи во дворецъ, бояре, чиновники, воины снова поздравляли Іоанна. Они съ умиленіемъ говорили другъ другу: „Гдѣ царствовало зловѣріе, упиваясь кровью христіанъ, тамъ видимъ крестъ животворящій и государя нашего во славѣ“. Всѣ единогласно, единодушно, въ умиленіи сердецъ, принесли благодарность небу. Іоаннъ велѣлъ тушить огонь въ городѣ и всю добычу, всѣ богатства казанскія, всѣхъ плѣнниковъ, кромѣ одного Едигера, отдалъ воинству; взялъ только утварь царскую, вѣнецъ, жезлъ, знамя державное и пушки, сказавъ: „Моя корысть есть спокойствіе и честь Россіи!“

XI. Покореніе Казани.

(*Изъ «Сказаній князя Курбскаго»*).

..... На четвертый день мы вышли противъ города Казани, на обширные, ровные и очень пестрые луга. На этихъ лугахъ, раскинувшихся по направленію къ городу на добрую милю, подлѣ рѣки Волги, расположилось все войско. Самый городъ находится не на Волгѣ, а надъ рѣкой Казанкой, отъ которой онъ и получилъ свое названіе. Расположенъ онъ на высокой горѣ и особенно хорошо виденъ со стороны Волги; дороги также ведутъ къ нему отъ Ногайской стороны, отъ рѣки Камы и такъ называемаго Арскаго поля. Здѣсь мы отдохнули одинъ день, пока съ судовъ, шедшихъ впереди войска, были сняты пушки. На другой день, рано утромъ, послѣ божественной литургіи, войско, вмѣстѣ съ царемъ, двинулось изъ стана и, распустивши христіанскія знамена, чрезвычайно стройно и въ большомъ порядкѣ направилось къ непріятельскому городу. Но здѣсь мы увидѣли, что городъ опустѣлъ, что нѣтъ въ немъ живой души и не слышно даже человѣческаго голоса, чему многіе неопытные обрадовались и говорили, что царь со всѣмъ своимъ войскомъ, отъ страха предъ многочисленными полками, убѣжалъ въ лѣса.

Наконецъ, мы близко подошли къ городу, сильно укрѣпленному: съ правой стороны течетъ рѣка Казань, а съ лѣвой, почти подъ самымъ городомъ, тянется очень тинистый и грязный потокъ Булакъ, впадающій, около угольной башни, въ Казанку, вытекаетъ же онъ изъ небольшаго озера Кабана, кончающагося за полверсты отъ города; за этимъ потокомъ, между Булакомъ и городомъ, съ Арскаго поля, поднимается очень крутая и трудная для подъема гора. Кромѣ того, подъ самымъ городомъ, отъ Казанки до такъ называемаго Поганаго озера, лежащаго у самой рѣки (Казанки), выкопанъ очень глубокій ровъ, отъ Казанки же гора поднимается такъ высоко, что даже трудно глазъ поднять къ вершинѣ. На этой-то горѣ построенъ городъ, царскія палаты и очень вы-

сокія, каменныя мечети, въ которыхъ погребались цари; мечетей, мнѣ помнится, было пять.

Когда начали окружать непріятельскій городъ, то тремъ полкамъ приказано было переправиться черезъ рѣчку Булакъ. Первымъ выступилъ и навелъ мосты передовой полкъ, который состоялъ изъ семи тысячъ избраннаго войска; командовали имъ два начальника, князь Юрій Пронскій и князь Θеодоръ Львовъ, изъ рода князей Ярославскихъ, юноши очень храбрые; имъ съ трудомъ пришлось выбираться на высокое Арское поле, между упомянутымъ озеромъ и Кабаномъ, на разстояніи почти двухъ лучныхъ выстрѣловъ отъ городскихъ воротъ. Но лишь только второй полкъ сталъ переправляться по наведеннымъ мостамъ, какъ царь казанскій выпустилъ изъ города на первый полкъ 5,000 конныхъ воиновъ съ копьями и до 10,000 пѣшихъ со стрѣлами. Эти стремительно ударили въ срединѣ горы на центръ нашего отряда, изъ котораго двѣ тысячи уже взошли было на гору, разорвали его. Жестоко сразились они, схватка завязалась горячая. Тутъ, вмѣстѣ съ начальниками, поспѣшили на помощь другіе стрѣльцы съ ружьями, опрокинули конницу и пѣхоту непріятельскую и, поражая ихъ, погнали къ городскимъ воротамъ, захвативши при этомъ даже нѣсколько живыхъ. Въ это время съ высокихъ башенъ и городскихъ стѣнъ непріятеля открыли по нашему войску сильный огонь, но онъ, благодаря Бога, не причинилъ намъ никакого вреда. Въ тотъ же день наши полки окружили городъ со всѣхъ сторонъ и, такимъ образомъ, отрѣзали ему всѣ проходы и проѣзды, такъ что татарамъ прекращена была всякая возможность проникнуть въ городъ или выйти изъ него. Затѣмъ оба начальника, передовой полкъ и также полкъ, при которомъ находится царь Шигъ-Алей, пришли на Арское поле: другіе же начальники со своими полками залегли на пути, ведущемъ въ городъ отъ Ногайской страны.

Мнѣ же вмѣстѣ съ моими товарищами тогда было поручено устроить правый флангъ въ войскѣ, хотя я былъ еще очень молодъ, всего двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду. Въ нашемъ войскѣ находилось болѣе 12,000 войска да пѣшихъ стрѣльцовъ и казаковъ шесть тысячъ. Намъ приказано было идти за рѣку Казань; войско нашего полка растянулось вдоль по рѣкѣ, отъ одного конца, повыше города, до моста, что на галицкой дорогѣ, и залегли всѣ пути луговымъ черемисамъ. Намъ пришлось стоять на равнинѣ, между огромными болотами; городъ передъ нами круто поднимался въ гору, и потому мы очень терпѣли отъ огненной стрѣльбы со стѣнъ, а сзади наѣзжали на насъ изъ лѣсовъ черемисы. Другіе полки стали между Булакомъ и Казанью, по сю сторону Волги. Самъ же царь съ великимъ полкомъ расположился на гористомъ мѣстѣ, въ верстѣ, или немного болѣе, отъ города, со стороны Волги; такимъ образомъ городъ былъ окруженъ. Царь казанскій съ тридцатью тысячами отборнаго войска, со всѣми духовными и свѣтскими властями и съ дворомъ затворился въ городѣ; другую же половину войска онъ оставилъ въ лѣсахъ; тутъ же находился отрядъ изъ двухъ тысячъ слишкомъ человѣкъ, присланный на помощь ногайскимъ княземъ. Въ продолженіе трехъ дней мы устраивали туры, но работамъ сильно мѣшали непріятели, то стрѣляя изъ города, то дѣлая вылазки и вступая въ рукопашныя схватки съ нашими; въ этихъ схваткахъ погибло много народа съ той и другой стороны, больше, впрочемъ, у непріятеля. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ наши солдаты видѣли знакъ Божьяго къ намъ милосердія, и, вслѣдствіе этого, возросталъ въ нихъ духъ твердости. Когда

туры были вѣрно и крѣпко установлены, и стрѣльцы съ начальниками, окопавшись землею, считали себя уже въ безопасности отъ мѣткихъ выстрѣловъ изъ города и вылазокъ,—тогда стали употреблять въ дѣло большія и среднія пушки, а также мортиры, числомъ около полутораста, которыя постепенно устанавливались вокругъ города за турами, въ полутора саженяхъ одна отъ другой; кромѣ того, у царскихъ палатокъ было много полевыхъ орудій. Тогда мы начали бить стѣны таранами, сбили со стѣнъ пушки и, такимъ образомъ, прекратили казанцамъ возможность стрѣлять въ наши полки изъ этихъ орудій: но малыхъ и ручныхъ орудій, которыми они сильно вредили нашей конницѣ и пѣхотѣ, мы отнять не могли.

Но царь казанскій выдумалъ противъ насъ такую хитрость. Какую же? повѣдай мнѣ, прошу. А вотъ какую. Но слушай внимательно, раздраженный воинъ! Онъ уговорился съ тѣмъ войскомъ, которое оставилъ въ лѣсу, чтобы дѣйствовать по данному знаку (по-татарски: „ясакъ"): едва вынесутъ ихъ большое бусурманское знамя на высокую башню или на самое гористое мѣсто въ городѣ и начнутъ имъ махать, то бусурмане ударяли со всѣхъ сторонъ изъ лѣсовъ, грозно и быстро, а изъ города во всѣ ворота тотчасъ же нападали на наши туры, съ такой необыкновенной запальчивостью и храбростью, что, просто, невѣроятно. И вотъ вышли изъ города сами начальники вмѣстѣ съ царскимъ дворомъ, а съ ними до десяти тысячъ войска. Съ яростью и ожесточеніемъ бросились бусурмане на христіанъ и далеко отбили ихъ отъ пушекъ; но Божіею милостью, пришла дружина Муромской волости, находившаяся по близости; дружина эта была стариннаго рода и среди русскихъ считалась храброй и мужественной. Стѣснивши начальниковъ со всѣми ихъ силами, она заставила ихъ обратиться въ бѣгство, била и рубила ихъ до самыхъ воротъ, такъ что тѣ въ громадномъ количествѣ погибли отъ ударовъ и еще болѣе отъ сильной давки у городскихъ воротъ; многіе тоже живыми попались въ плѣнъ. Въ то же время враги показались и изъ другихъ воротъ, но здѣсь жарко сражались. И всякій день, почти три недѣли, мы терпѣли эту бѣду, и хорошенько подкрѣпить себя пищею намъ не было времени; но съ помощью Божіей, сражались мы, пѣшіе съ пѣшими, которые выходили изъ города, а конные съ конными, выѣзжавшими изъ лѣсу; тогда и большія пушки поворачивали отъ города къ лѣсу и стрѣляли желѣзными ядрами въ бусурманскихъ наѣздниковъ. А тяжелѣе всего отъ ихъ набѣговъ было тѣмъ христіанскимъ полкамъ, которые стояли на Арскомъ полѣ, какъ и намъ на галицкой дорогѣ, отъ луговой черемисы; войско же, стоявшее подъ городомъ, за Булакомъ, со стороны Волги, гдѣ находится и царь, не терпѣло отъ наѣздовъ; только частыя вылазки не давали покоя стоявшимъ съ пушками вблизи городскихъ воротъ. Кто бы могъ разсказать, какія потери несли мы въ людяхъ и коняхъ, сколько погибло нашихъ слугъ, которые ѣздили искать травы для коней, и начальники не вездѣ могли оборонить ихъ, по причинѣ коварства бусурманъ и ихъ быстрыхъ, наглыхъ нападеній! Право, не исписать бы мнѣ, сколько ихъ избито и поранено. Царь казанскій видѣлъ, что христіанское войско, особенно то, которое стояло при турахъ, близъ городскихъ стѣнъ, очень изнемогало, частію отъ безпрестанныхъ вылазокъ и наѣздовъ изъ лѣсовъ, частію отъ скудости пищи, такъ какъ всякая пища обходилась очень дорого, а войску, какъ я сказалъ, отъ безпокойства некогда было наѣсться и сухаго хлѣба: мы чуть не всѣ ночи проводили безъ сна, оберегая пушки больше жизни и чести. Когда же царь татар-

скій, а также и тѣ, которые находились внѣ города, поняли наше положеніе, то еще сильнѣе и чаще и чаще стали наѣзжать изъ лѣсовъ и нападать изъ города. Тогда нашъ царь, въ совѣтѣ со всѣми воеводами и боярами, рѣшилъ, надѣясь на благость Господню, раздѣлить войско надвое; половина оставлена подъ городомъ при пушкахъ, значительную же часть онъ помѣстилъ при своихъ шатрахъ беречь свое здоровье, а 30,000 конныхъ устроилъ и раздѣлилъ на полки и надъ каждымъ полкомъ поставилъ по два, по три начальника храбрыхъ, испытанныхъ въ богатырскихъ дѣлахъ; къ нимъ присоединены и пѣшіе стрѣльцы и казаки, въ числѣ 15,000 человѣкъ, раздѣленныхъ на полки и порученныхъ воеводамъ. Главнымъ начальникомъ надъ всѣми этими конными и пѣшими назначенъ былъ Александръ Горбатый, князь Суздальскій, мужъ очень разумный и почтенный и въ военныхъ дѣлахъ испытанный. Онъ долженъ былъ ждать, укрывъ все войско за горами, когда, по своему обычаю, выйдутъ бусурмане изъ лѣсовъ, и тогда сразиться съ ними. Утромъ, въ третьемъ часу, полки бусурманскіе, вышедши изъ лѣсовъ, ударили на такъ называемое Арское поле, и прежде всего на сторожевой полкъ, которому велѣно было отступать и уклоняться до самыхъ укрѣпленій. Непріятели же, думая, что христіане бѣгутъ отъ страха, погнались за ними; когда же втиснули ихъ уже въ обозъ, то стали подъ турами дѣлать круги и гарцовать, стрѣлять, подобно частому дождю, изъ луковъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ большомъ порядкѣ, понемногу выступили другіе ихъ отряды, конные и пѣшіе, съ намѣреніемъ уничтожить христіанъ. Тогда-то главный начальникъ выдвинулъ прекрасно построенные полки, и они стремительно ринулись въ битву. Увидѣвъ это, бусурмане и рады были назадъ къ лѣсу, да не могли это сдѣлать: слишкомъ ужъ далеко отъѣхали отъ него въ поле; поэтому волей-неволей они стали сражаться и крѣпко держались противъ первыхъ отрядовъ. Когда же подоспѣлъ главный полкъ, въ которомъ былъ самъ воевода, и приблизились пѣшіе отряды, обходя ихъ особенно со стороны лѣса, то всѣ полки непріятельскіе тотчасъ обратились въ бѣгство, а христіанское войско гнало, било ихъ такъ, что почти на двѣ линіи лежало множество бусурманскихъ труповъ, и кромѣ того, до тысячи были захвачены живыми.

Такую блистательную побѣду одержали, съ помощью Божіей, христіане надъ бусурманами!

Когда привели живыхъ узниковъ къ нашему царю, то онъ велѣлъ выставить ихъ предъ турами и привязать къ кольямъ, чтобы они уговаривали и умоляли своихъ единоземцевъ въ городѣ отдать его христіанскому царю. Также и наши ѣздили около города и напоминали объ этомъ, обѣщая, отъ имени царя, жизнь и свободу какъ узникамъ, такъ и осажденнымъ. Они же, выслушавши молча увѣщанія, вдругъ начали стрѣлять со стѣнъ больше въ своихъ, чѣмъ въ нашихъ, говоря: „лучше намъ видѣть, какъ вы умрете отъ нашихъ бусурманскихъ рукъ, чѣмъ когда перебьютъ васъ гяуры необрѣзанные!“ При этомъ уста ихъ съ великою яростью, даже удивившею насъ, смотрѣвшихъ на все это, изрыгали проклятія.—Черезъ три дня послѣ этого царь приказалъ князю Александру Суздальскому съ тѣмъ же войскомъ отправиться на засѣку, гдѣ, среди большихъ болотъ, на высокой горѣ, въ двухъ миляхъ отъ города, бусурмане соорудили стѣну и куда они, послѣ бѣгства, собрались въ большомъ числѣ, замысливши выѣхать отсюда сразу и ударить на непріятеля. Кромѣ того, къ вышеупомянутому главнокомандующему прибавленъ былъ, вмѣстѣ съ полками, другой начальникъ, или главный вое-

вода, именемъ князь Семенъ Микулинскій, изъ рода великихъ князей тверскихъ, мужъ храбрый и испытанный въ богатырскихъ дѣлахъ; этимъ воеводамъ приказано было: если Богъ поможетъ имъ проломить стѣну, пусть они войдутъ въ самый Арскій городъ, лежащій въ 12-ти добрыхъ миляхъ отъ города Казани. Когда наши подошли къ этимъ стѣнамъ, татары, сплотившись, мужественно стали защищаться, отбиваясь въ теченіе двухъ часовъ; но наши, благодаря Бога, одолѣли ихъ какъ въ огненной (пушечной) стрѣльбѣ, такъ и въ ручной (ружейной); бусурмане побѣжали, наши за ними погнались. Затѣмъ все многочисленное войско перебралось чрезъ стѣну и оттуда отправило къ нашему царю вѣстника; сами же воины провели ночь въ бусурманскихъ шатрахъ, гдѣ нашли богатую добычу. Чрезъ два дня они достигли Арскаго города, но застали его пустымъ: отъ страха всѣ разбѣжались въ дальніе лѣса. Пробыли тамъ воеводы около десяти дней. Въ той землѣ есть великія поля, очень плодородныя и обильныя всякими плодами; дворы князей и вельможъ дѣйствительно прекрасны и достойныя удивленія, и села часты. Хлѣба такъ много, что даже съ трудомъ вѣрится, подобно звѣздамъ на небѣ: безчисленныя стада различнаго скота и драгоцѣнныя добычи, особенно отъ различныхъ звѣрей, въ той мѣстности находящихся: родятся тамъ дорогіе куны, бѣлки и другіе звѣри, потребные для одежды и пищи; а немного далѣе водится также множество соболей и медъ въ изобиліи: не знаю, гдѣ бы подъ солнцемъ было больше! Черезъ десять дней, съ богатѣйшею добычею и множествомъ плѣнныхъ бусурманскихъ женъ и дѣтей, благополучно возвратились наши, освободивши отъ многолѣтняго бусурманскаго ига и работы давно попавшихся къ нимъ соотечественниковъ. Тогда въ христіанскомъ войскѣ была великая радость, и служили много благодарныхъ молебновъ; всякая живность стала дешевле, такъ что за корову платили десять денегъ московскихъ, а за большаго вола десять бѣлокъ. Вскорѣ послѣ возвращенія нашего войска, именно, черезъ четыре дня, собрались въ большомъ количествѣ луговые черемисы, ударили на наши задніе станы, находившіеся у галицкой дороги, отбивши при этомъ не мало табуновъ. Но мы тотчасъ послали за ними въ погоню трехъ начальниковъ и нѣкоторые другіе полки, бывшіе въ засадѣ; эти нагнали непріятеля въ трехъ или въ четырехъ миляхъ отъ насъ, нѣкоторыхъ перебили, нѣкоторыхъ живыми въ плѣнъ захватили. Если бы я по порядку писалъ все, что ежедневно происходило подъ городомъ, то вышла бы цѣлая книга. Но вкратцѣ слѣдуетъ еще упомянуть о томъ, какъ они производили чары и наводили большой дождь на наше войско. Какъ только солнце начинало всходить на крѣпость, въ виду всѣхъ насъ, выходили престарѣлые мужи и женщины, махали своими одеждами на наше войско и неприлично вертѣлись, произнося при этомъ „сатанинскія слова“. Въ эту минуту поднимался вѣтеръ, небо заволакивалось тучами, какъ бы день ни былъ ясенъ, и начинался проливной дождь, такъ что сухія мѣста тотчасъ превращались въ болота и наполнялись водою,—и все это совершалось только въ томъ мѣстѣ, гдѣ было наше войско, кругомъ же ничего не было. Увидѣвши это, мы посовѣтовали царю тотчасъ послать въ Москву за животворящимъ древомъ, вдѣланнымъ въ крестъ, который всегда бываетъ при царскомъ вѣнцѣ. Тогда немедленно отправлены были за „Божьею помощью“ послы, которые на очень быстроходныхъ вятскихъ судахъ должны были на третій или четвертый день прибыть въ Нижній Новгородъ, отъ Нижняго Новгорода доѣхать до Москвы на скорыхъ подводахъ. Когда честный крестъ съ вдѣланной въ него ча-

стицей спасеннаго древа, на которомъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ страдалъ за людей, былъ привезенъ, то все духовенство, съ христіанскими церемоніями, дѣлало обходы и по церковному обычаю святило воды,—и отъ дѣйствія животворящаго креста тотчасъ исчезли и пропали безслѣдно всѣ ихъ нечестивыя чары. Въ то же время за двѣ или три недѣли до взятія города, у нихъ отнята была вода посредствомъ подкопа подъ большое подземелье, и тайники, откуда они брали воду на весь городъ; поставлено было туда около двадцати бочекъ пороха, которымъ башню и взорвало. Къ тому же за полмили отъ города мы устроили длинный и глубокій подкопъ и въ одну ночь поставили 10 пушекъ и 50 „гаковницъ" *), и ежедневно оттуда причиняли большой вредъ городу и стѣнамъ; а именно до взятія города побито было однихъ бусурманскихъ воиновъ, кромѣ женъ и дѣтей, около десяти тысячъ, во всѣхъ схваткахъ и вылазкахъ—и все это изъ того же подкопа. А какъ онъ былъ устроенъ, какія различныя осадныя хитрости употреблялись,—я, для краткости разсказа, не описываю, потому что подробно объ этомъ разсказывается въ лѣтописной русской книгѣ. Упомяну только о взятіи города, которое опишу, насколько припомню.

Тогда Господь не только вселялъ въ насъ разумъ и духъ храбрости, но даже нѣкоторымъ достойнымъ и съ чистой совѣстью мужамъ, въ ночныхъ видѣніяхъ, объявилъ о взятіи бусурманскаго города; войско, мнѣ кажется, было къ нему двинуто для того, чтобы отомстить за безчисленное и многолѣтнее пролитіе христіанской крови и чтобы оставшихся еще тамъ избавить отъ многолѣтняго рабства.

Наконецъ, по прошествіи семи недѣль отъ обложенія города, намъ днемъ еще приказано было ждать утренней зари, до восхода солнца, и готовиться къ приступу, при чемъ данъ слѣдующій знакъ: едва порохъ (а его было подкопано и засажено подъ городскую стѣну 48 бочекъ) взорветъ стѣну, какъ большая половина пѣшаго войска должна быть отправлена на приступъ, треть же всего войска, или немного болѣе, должна остаться въ полѣ для охраненія царскаго здравія. Мы, согласно приказанію, рано приготовились къ приступу почти за два часа до зари. Я, съ двѣнадцатью тысячъ войска, былъ посланъ на приступъ къ нижайшимъ воротамъ, у верховья Казанки. Со всѣхъ четырехъ сторонъ были такъ же поставлены сильные и храбрые мужи съ большими отрядами. Царь же казанскій и его вельможи, узнавши обо всемъ этомъ, также стали готовиться противъ насъ, какъ и мы противъ нихъ.

Предъ самымъ солнечнымъ восходомъ, чуть только солнце стало появляться, взорвало подкопъ, и тотчасъ войско христіанское, по повелѣнію царя, со всѣхъ сторонъ ударило на городъ и крѣпость. Пусть каждый разсказываетъ о себѣ; я же кратко и истинно повѣдаю о томъ, что представлялось моимъ глазамъ. Раздѣливши свои 12,000 чел. на отряды и назначивши начальниковъ, я быстро направился къ городской стѣнѣ и къ той великой башнѣ, которая стояла предъ воротами, на горѣ. Когда я находился подальше отъ стѣнъ, то въ насъ не было пущено ни одной пули, ни одной стрѣлы; но лишь только я приблизился, какъ открыли противъ насъ сильнѣйшій огонь со стѣнъ и съ башенъ, былъ цѣлый дождь стрѣлъ и посыпалось безчисленное множество камней, что и „воздуха" не стало видно. Когда, наконецъ, съ большимъ трудомъ и

*) Гаковница—длинное огнестрѣльное орудіе небольшого калибра, приложенное къ деревянному отрубку.

потерями, мы подошли подъ самыя стѣны, насъ начали обливать кипящею смолою и забрасывать цѣлыми бревнами. Но Богъ помогалъ, вселялъ въ насъ храбрость и крѣпость, даровалъ избавленіе отъ смерти, охотно и радостно бились мы съ бусурманами за православное христіанство и почти въ полчаса стрѣлами и ружьями отбили ихъ отъ амбразуръ. Кромѣ того, намъ помогали пушки, стрѣлявшія въ нихъ изъ за туровъ. Непріятели, видно было, стояли на башнѣ и на городскихъ стѣнахъ не въ такомъ порядкѣ, какъ прежде, но крѣпко, схватившись съ нашими, лицомъ къ лицу, вступали въ рукопашный бой; мы тотчасъ могли бы ихъ перебить, но многіе пошли на приступъ, къ городскимъ же стѣнамъ пришли немногіе: нѣкоторые возвращались, множество лежало убитыхъ и раненыхъ. Затѣмъ, Богъ намъ помогъ. Первымъ влѣзъ по лѣстницѣ на стѣну мой родной братъ, и съ нимъ другіе храбрые воины; нѣкоторые, продолжая биться и колоться съ непріятелемъ, влѣзли въ амбразуры великой башни, а оттуда бросились на большія городскія ворота. Бусурманы тотчасъ показали тылъ, оставивши городскія стѣны и побѣжавши на великую гору къ царскому дворцу, который былъ сильно укрѣпленъ и, между палатами и каменными мечетями, былъ окруженъ большою стѣною. Мы послѣдовали за ними къ царскому дворцу, хотя были обременены тяжелымъ вооруженіемъ и многіе храбрые воины имѣли уже на тѣлѣ раны и очень мало осталось сражавшихся съ ними. Войско же наше, оставшееся за городомъ, какъ только увидѣло, что мы уже въ городѣ, и что татары побѣжали со стѣнъ, тотчасъ ринулось въ городъ; лежавшіе раненые вскакивали и мертвые воскресали. Со всѣхъ сторонъ бросились въ городъ не только эти, но также кашевары, оставленные при коняхъ, и люди, пріѣхавшіе съ товаромъ, все сбѣжалось въ городъ, не для ратнаго дѣла, но для богатой добычи; много было въ городѣ золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней, собольихъ мѣховъ и другихъ огромныхъ богатствъ. Татары, съ нашей стороны, забрались въ царскій дворецъ; низменную же часть оставили всѣ, кто только могъ убѣжать; по другую же сторону, съ Арскаго поля, гдѣ былъ взрывъ, царь казанскій съ своимъ дворомъ выступилъ и почти въ срединѣ города, въ Тезицкомъ (по нашему, купеческомъ) рвѣ остановился, отчаянно сражаясь съ христіанами. Двѣ части этого города находятся на высокой горѣ, какъ на равнинѣ; третья же часть лежитъ въ долинѣ, почти въ пропасти; а поперекъ, почти въ срединѣ города, отъ стѣны Булака до низкой части города, находится большой ровъ. Вообще, городъ не малый: мало чѣмъ отличается по величинѣ отъ Вильны.

Продолжались эти битвы часа четыре, и не помню уже сколько убито было на стѣнахъ и въ городѣ. Когда бусурмане увидѣли, что христіанскаго войска осталось мало, что почти всѣ бросились на добычу (многіе, говорятъ, по два и по три раза уходили съ добычею въ станъ и опять возвращались), то начали ополчаться и силою налегать на храбрыхъ нашихъ воиновъ, уже уставшихъ. Вышеупомянутые же корыстолюбцы, увидѣвши, что наши, тѣснимые бусурманами, мало-по-малу уступаютъ, тотчасъ ударились въ такое бѣгство, что многіе даже не попали въ ворота, а, вмѣстѣ съ добычею, метались черезъ стѣну; нѣкоторые же, побросавши добычу, только вопіяли: „сѣкутъ, сѣкутъ!“ Но, Божьею милостью не сокрушили сердца храбрыхъ: хотя и намъ было тогда очень тяжело отъ натиска бусурманъ (съ того времени, какъ мы вошли въ городъ, въ моемъ отрядѣ было убито девяносто восемь храбрыхъ мужей, кромѣ раненыхъ), однако, благодаря Бога, съ нашей стороны неподвижно

устояли противъ нихъ. Но на другой сторонѣ наши, какъ я уже сказалъ, подались немного назадъ вслѣдствіе сильнаго натиска непріятелей, объ этомъ дали знать нашему царю и бывшимъ съ нимъ тогда приближеннымъ; онъ и самъ видѣлъ бѣгство изъ города упомянутыхъ уже бѣглецовъ,—и сильно измѣнился онъ въ лицѣ и упалъ духомъ, думая, что бусурмане выгнали изъ города все христіанское войско. Увидѣвши это, мудрые и опытные совѣтники царя тотчасъ же велѣли поставить знамя близъ царскихъ воротъ, и самого царя, волею-неволею, взявъ за узду коня, подвели къ этому знамени; были между этими боярами нѣкоторые мужи вѣка отцовъ нашихъ, состарѣвшіеся въ добродѣтеляхъ и во всякомъ ратномъ искусствѣ. Половинѣ великаго царскаго полка, въ которомъ было больше 20,000 отборнаго войска, тотчасъ приказано было сойти съ коней; приближенные приказали не только своимъ дѣтямъ и родственникамъ, но и сами, сошедши съ коней, поспѣшили на помощь къ стѣсненнымъ воинамъ. Когда вдругъ явилось въ городѣ столько свѣжаго войска, въ прекрасномъ вооруженіи, казанскій царь началъ, сильно обороняясь, уходить назадъ со всѣми татарами; наши же, сражаясь съ ними, еще сильнѣе прежняго наступали. Такъ оттѣснили ихъ до самыхъ мечетей, которыя стоятъ близъ царскаго дворца, и тутъ нашимъ на встрѣчу вышли всѣ ихъ духовные: обазы, сеиты, муллы вмѣстѣ съ своими начальниками, съ великимъ эмиромъ кульшерифомъ, и сражались такъ упорно, что всѣ до единаго легли на мѣстѣ. Царь же съ остальными войсками заперся въ своемъ дворцѣ и еще полтора часа отчаянно оборонялся. Не зная, чѣмъ помочь въ своей бѣдѣ, онъ отобралъ всѣхъ женъ и дѣтей своихъ и поставилъ ихъ, въ богатыхъ и пестрыхъ одеждахъ, на одной сторонѣ большаго царскаго дворца, надѣясь, что христіанское войско прельстится ихъ красотою и пощадитъ ихъ. Сами же татары съ царемъ собрались въ одинъ уголъ и рѣшились не отдаваться живыми въ руки, только бы сохранить царя, и пошли они отъ дворца въ нижнюю часть города, къ нижнимъ воротамъ, гдѣ я стоялъ противъ нихъ (противъ царскаго дворца). Ихъ было еще до 10,000, а со мною не осталось и 150 воиновъ; однако въ тѣсной улицѣ мы могли бороться, отступая и опираясь на стѣны. Главное же наше войско сильно ихъ тѣснило съ горы и избивало и уничтожало, особенно задній конецъ татарскаго полка; тутъ, благодаря Бога, съ большимъ трудомъ выбрались мы изъ городскихъ воротъ. Наши съ крутой горы все крѣпче ихъ давили, тѣснили, а мы, стоя по другую сторону, въ воротахъ, не пускали ихъ изъ города, и къ намъ на помощь уже приспѣли два христіанскихъ полка. Они сильнымъ натискомъ такъ были стѣснены, что груды труповъ ихъ навалило выше воротъ, наравнѣ съ высокою башней, стоявшей надъ этими воротами, и тѣ изъ нихъ, которые находились въ срединѣ и сзади, шли по своимъ людямъ на стѣны и на башню. Тогда они возвели царя своего на башню и начали кричать, прося немного времени для переговоровъ; мы на мигъ прекратили битву, чтобы ихъ выслушать Они тотчасъ такъ начали говорить: „Пока стоялъ нашъ юртъ и главный городъ, гдѣ былъ царскій престолъ, до тѣхъ поръ мы защищались до смерти за царя и отечество; нынѣ же отдаемъ вамъ царя невредимымъ; ведите его къ своему царю. А всѣ мы остальные идемъ на широкое поле—испить съ вами послѣднюю чашу“. Они выдали намъ своего царя съ нѣкоторыми главными вельможами, снова начали въ насъ стрѣлять, и потомъ отправились не въ ворота, а прямо со стѣны черезъ рѣку Казань. Они хотѣли пробраться противъ моего стана тѣми отверстіями въ турахъ, гдѣ

стояло шесть большихъ пушекъ. Тутъ ударили на нихъ изъ всѣхъ тѣхъ орудій; они повернули налѣво и пошли вдоль по Казанкѣ, берегомъ внизъ по рѣкѣ; за три лучныхъ перестрѣла, гдѣ кончались наши укрѣпленія, они начали раздѣваться и бросать доспѣхи для переправы чрезъ рѣку, а осталось ихъ немного менѣе 6,000 человѣкъ. Увидѣвъ это, мы поспѣшно бросились въ свой станъ, добыли себѣ нѣсколько коней за рѣкою и поскакали противъ нихъ, чтобы заступить имъ дорогу. Мы поспѣли еще прежде, чѣмъ они переправились; но у насъ было не болѣе двухъ сотъ всадниковъ, потому что все это случилось очень скоро; остальное войско почти все находилось въ городѣ, или по другую сторону города съ царемъ. Перешедши въ бродъ черезъ рѣку (она къ счастью для нихъ, была мелка въ этомъ мѣстѣ), непріятели стали собираться и ополчаться къ другому берегу, готовые къ сраженію, и почти всѣ держали на тетивахъ луковъ готовыя стрѣлы. Мало-по-малу они стали подвигаться впередъ, устроивъ большой отрядъ въ фронтѣ и слѣдуя съ нимъ медленно густою толпою, въ двухъ приблизительно выстрѣлахъ отъ насъ. Безчисленное множество христіанскаго войска смотрѣло на это со стѣнъ города и съ царскихъ палатъ, но никакъ не могли подать намъ помощи. по причинѣ крутой горы и страшной стремнины.

Отступивъ немного отъ берега, чтобы и задній конецъ ихъ вышелъ изъ рѣки, мы ударили на нихъ, думая разорвать и разстроить ихъ полки. Молю, не сочтите меня безумнымъ, что самъ себя хвалю! Я говорю правду и не таю духа храбрости, дарованнаго мнѣ отъ Бога; къ тому же и коня имѣлъ я очень быстраго и крѣпкаго. Прежде всѣхъ ворвался я въ полкъ бусурманъ, и помню, что, сражаясь, три раза уперся въ нихъ конемъ своимъ. Въ четвертый разъ конь мой, весь израненный, повалился съ срединѣ ихъ вмѣстѣ со мною, и отъ тяжкихъ ранъ я потерялъ сознаніе. Когда, черезъ нѣсколько минутъ, я очнулся, то увидѣлъ, что двое слугъ моихъ и два царскихъ воина стояли надо мною и плакали, какъ надъ мертвецомъ. Я лежалъ обнаженный, покрытый ранами, но остался живъ, потому что на мнѣ была крѣпкая прародительская броня; въ особенности была велика по отношенію ко мнѣ милость Господа, который заповѣдывалъ ангеламъ своимъ хранить меня, недостойнаго, во всѣхъ случаяхъ. Потомъ узналъ я, что тѣ благородные ратники, числомъ около трехъ сотъ, которые обѣщались ударить на татаръ вмѣстѣ со мною, только поѣздили вокругъ полка непріятельскаго, не сразившись съ ними. Припустивъ ихъ близко, татары нѣкоторыхъ изъ нихъ сильно поранили, прочіе же, испугавшись густоты полка, вернулись и стали наѣзжать и топтать непріятеля сзади. Передніе же отряды безъ помѣхи шли черезъ широкій лугъ къ большому болоту, гдѣ невозможно было ихъ преслѣдовать на конѣ, а тамъ же за болотомъ слѣдовалъ огромный лѣсъ. Говорятъ, что послѣ меня подоспѣлъ мой братъ, который, какъ ужъ я сказалъ, первымъ взошелъ на городскую стѣну. Онъ засталъ татаръ еще на лугу, пустилъ во весь опоръ коня и въ самый фронтъ ихъ врубился такъ быстро и мужественно, что всѣ не вѣрили глазамъ. Два раза проѣхалъ онъ въ срединѣ ихъ, рубя и обращая въ разныя стороны коня, а ему помогалъ одинъ благородный воинъ, и они вдвоемъ били бусурманъ, тогда какъ съ города всѣ смотрѣли на нихъ и удивлялись, нѣкоторые, не зная, что казанскій царь отдался намъ въ руки, думали, не онъ-ли ѣздитъ между татарами. И брата такъ изранили, что, кромѣ другихъ ранъ, у него въ ногахъ нашли по пяти стрѣлъ, но жизнь, благодаря Бога, была сохранена, потому что онъ имѣлъ крѣпкую броню. Былъ

онъ такого мужественнаго сердца, что когда убили подъ нимъ коня, онъ выпросилъ себѣ другого у одного дворянина и, не обращая вниманія на свои раны, снова погнался за бусурманами и преслѣдовалъ ихъ съ другими воинами до самаго болота. Да, имѣлъ я такого храбраго, мужественнаго и такого умнаго брата, что во всемъ войскѣ христіанскомъ лучше его не нашлось бы; если бы! (Господи, Боже мой!) и нашелся кто другой, то все же такимъ бы не былъ. Я больше всего любилъ его на свѣтѣ и готовъ былъ бы за его здоровье положить свою душу; но онъ умеръ отъ тѣхъ тяжкихъ ранъ, кажется, на другое лѣто.

Здѣсь конецъ краткаго разсказа о взятіи великаго города Казани.

XII. Астраханское царство и покореніе его Іоанномъ Грознымъ.

(*Изъ сочиненія Перетятковича: «Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ»*).

Между рукавами Волги, недалеко отъ впаденія ея отъ развалинъ древняго Итиля, возникъ татарскій городъ Астрахань. Благодаря своему выгодному мѣстоположенію, Астрахань достигла скоро значительной степени развитія. Было время, когда венеціанцы получали азіатскіе товары, которыми они торговали, исключительно изъ Азова (Тану), откуда они вывозили ихъ на своихъ галерахъ; но эти произведенія на своемъ пути изъ Азіи къ Азовскому морю должны были проходить чрезъ Астрахань. Позже, когда предпріимчивые генуэзцы раскинули факторіи свои по берегу Чернаго моря, Астрахань для нихъ стала стоянкою въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Азіею. Понятно поэтому, какъ вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій торговыя сношенія съ Астраханью должны были оживиться, и какъ этотъ городъ долженъ былъ разбогатѣть и увеличиться. Но отчасти это самое богатство Астрахани могло привлечь къ ней знаменитаго азіатскаго завоевателя Тамерлана, который въ концѣ XIV столѣтія взялъ и разрушилъ ее. Еще около половины XV вѣка она представляла собою печальный видъ разрушенія; но въ началѣ XVI она уже упоминается, какъ богатый торговый городъ, сообщившій свое имя окрестной странѣ. Внутреннее устройство Астрахани было такое же, какъ и въ Казани, въ которой также жили татары. Земледѣліе и торговля составляли главное занятіе жителей этого царства; но такъ какѣ пространства пахотной земли было немного (главнымъ образомъ по р. Бузану), то и земледѣліемъ, по всей вѣроятности, занимались немногіе изъ астраханцевъ. Слѣдовательно, и здѣсь торговля составляла преимущественно занятіе жителей. Сами казанцы нѣкоторые свои товары сбывали на астраханскомъ рынкѣ, а отсюда, въ свою очередь, нѣкоторыя изъ произведеній привозились въ Казань. Господствующая религія въ Астраханскомъ царствѣ была магометанская, хотя, впрочемъ, еще въ XV столѣтіи среди жителей попадались язычники.

Астраханское царство походило во многомъ на Казанское: тотъ же народъ, то же преобладающее занятіе жителей, та же религія и такая же многочисленная аристократія, только съ сравнительно меньшимъ числомъ подчиненныхъ ей черныхъ людей. Астраханское царство было, повидимому, гораздо слабѣе Казанскаго; это можно было видѣть уже изъ той легкости, съ которою сосѣди въ разное время завладѣвали городомъ

Астраханью. Такъ, въ 1523 г., Астраханью овладѣлъ крымскій ханъ Магметъ-Гирей въ союзѣ съ ногайскимъ княземъ Мамаемъ; въ 1532 г. ею завладѣли черкасы и возвели на престолъ своего претендента; въ 1538 г. ее захватили ногаи, изгнали астраханскаго царя и провозгласили царемъ своего кліента. Въ подобныхъ случаяхъ цари всего чаще покидали городъ и бѣгствомъ спасали свою жизнь и свободу.

Сношенія астраханскихъ царей съ Россіею начинаются еще со второй половины XV столѣтія; по свидѣтельству людей того времени, они, кромѣ незначительной торговли, имѣли въ виду главнымъ образомъ подарки, которые, въ подобныхъ случаяхъ, великій князь московскій вручалъ астраханскому послу. Впослѣдствіи сношенія астраханскихъ царей съ Москвою получаютъ характеръ политическій: Астрахань находилась въ сосѣдствѣ съ Крымскою ордою и соприкасалась съ Казанью; поэтому общность интересовъ побуждала иногда Россію вступать въ переговоры съ астраханскими царями противъ Гиреевъ, усиленіе которыхъ было одинаково невыгодно какъ Россіи, такъ и Астрахани. Астраханскіе царевичи являлись въ Москву и поступали здѣсь на службу, увеличивая собою такимъ образомъ число служилыхъ царевичей татарскихъ на Руси и укрѣпляя связь между Москвою и Астраханью. Лѣтомъ 1551 г., когда въ Казани царствовалъ Шигъ-Алей, какъ русскій присяжникъ, въ Москву прибыли послы отъ астраханскаго царя Ямгурчея и отъ имени своего повелителя „били челомъ царю, чтобы царь пожаловалъ, велѣлъ себѣ служити со юртомъ и жаловалъ бы его, какъ и Шигъ-Алея царя и иныхъ царей, которые ему служатъ". Вслѣдствіе этого государь въ слѣдующемъ же году отправилъ въ Астрахань вмѣстѣ съ Ямгурчеевыми послами своего посла „видѣти царевы Ямгурчеевы правды" и привести астраханскаго царя и его землю къ присягѣ на вѣрность Россіи. Немного, впрочемъ, правды пришлось видѣть русскому послу у царя Ямгурчея въ Астрахани: его не пустили обратно, а задержали здѣсь, сперва подъ тѣмъ предлогомъ, что на Волгѣ неспокойно, происходятъ разбои, а позднѣе безъ всякаго предлога.

Въ самый годъ завоеванія Казани (май 1552 г.) пріѣхалъ въ Москву къ царю на службу царевичъ Кайбула, сынъ прежняго астраханскаго царя (Аккубека), который былъ съ Россіею въ хорошихъ отношеніяхъ. Царь принялъ его милостиво, позволилъ ему жениться на Шигъ-Алеевой племянницѣ и далъ ему въ помѣстье городъ Юрьевъ съ данью. Послѣ этого Ямгурчей тѣснѣе сблизился съ крымскимъ ханомъ и сталъ окончательно во враждебное отношеніе къ Россіи. Царю нельзя было болѣе медлить, ибо Ямгурчей не только не сдержалъ своего обѣщанія по своему челобитью, но даже ограбилъ русскаго посла. Государь рѣшился „за свою обиду и срамоту" отправить въ Астрахань царевича Дербыша вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ и воеводами (1554 г.). Лѣтопись прибавляетъ при этомъ любопытное извѣстіе, будто царь вспомнилъ въ этомъ случаѣ и о своемъ правѣ на этотъ городъ, потому что Астрахань „древнее отечество" его, которою владѣли предки царя подъ именемъ Тмутаракани.

Дербышу и русскимъ воеводамъ поручено было идти на Астрахань сообща. Силы Астраханскаго царства оказались до того незначительными, что высланныхъ войскъ (30,000) было даже слишкомъ достаточно, чтобы овладѣть имъ. Русскимъ воеводамъ пришлось выдержать лишь небольшое сраженіе съ отрядомъ, посланнымъ Ямгурчеемъ для развѣдыванія о непріятелѣ. Сама Астрахань, покинутая своимъ царемъ, не оказала ни ма-

лѣйшаго сопротивленія, и русскія заняли ее свободно. Астраханскій царь, узнавъ о прибытіи русскаго войска, убѣжалъ безъ сраженія, и воеводы, посланные на его станъ, не были въ состояніи настигнуть его. Астраханское войско большею частью разбѣжалось въ разныя стороны, царское семейство попалось въ плѣнъ, пушки и пищали очутились также въ русскихъ рукахъ. Воеводы, согласно своему наказу, посадили на астраханскій престолъ царевича Дербыша, а пойманныхъ въ разныхъ мѣстахъ астраханцевъ привели, по ихъ желанію, къ присягѣ. Послѣ этого вельможи астраханскіе (князья, мирзы и уланы) присягнули вмѣстѣ съ простыми людьми „на томъ, что имъ царю и великому князю и Дербышъ-Алею царю служити прямо и полонъ русскій весь отдати, откуда не веденъ и въ которой ни буде ордѣ купленъ", послѣ же и Дербыша, кого имъ изъ Москвы назначать царемъ, „тотъ имъ любъ". Самъ Дербышъ обязался посылать въ Москву ежегодно 40,000 алтынъ и три тысячи рыбъ; кромѣ того, великокняжескіе рыболовы получили право ловить рыбу отъ Казани до моря „безданно и безъявочно" вмѣстѣ съ астраханскими ловцами.

Хотя Дербышъ и оставался царемъ въ Астрахани, но въ Москвѣ не могли обманываться относительно его чувствъ: съ самаго начала уже было ясно, въ какую сторону склоняются симпатіи его данника. Дербышъ сознавалъ себя слишкомъ магометаниномъ и татарскимъ царевичемъ, чтобы быть во враждѣ со своимъ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ сосѣдомъ, крымскимъ ханомъ, и оставаться постояннымъ данникомъ отдаленнаго христіанскаго государя среди своихъ мусульманскихъ подданныхъ Поэтому онъ постарался завязать дружескія сношенія съ Крымомъ, принявъ къ себѣ на службу крымскаго царевича. Крымскій же ханъ въ это время (приблизительно лѣтомъ 1555 г.) задумывалъ походъ на Москву. Чтобы предпріятіе лучше удалось, ханъ въ концѣ мая прислалъ въ Москву вмѣстѣ съ русскимъ посломъ своего гонца и писалъ царю о своемъ желаніи быть съ Россіею въ дружбѣ, для чего будто бы онъ уже отправилъ своего посла. Поступалъ онъ такимъ образомъ, по всей вѣроятности, для того, чтобы обнадежить царя, дабы не было предпринято никакихъ мѣръ на случай ханскаго вторженія. Предъ самымъ походомъ ханъ распустилъ слухъ, что идетъ на пятигорскихъ черкесовъ, которые незадолго предъ этимъ вступили въ подданство Россіи, а на самомъ дѣлѣ съ 60,000 войскомъ вторгнулся въ русскіе предѣлы. Но успѣхъ предпріятія далеко не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ хана и его приготовленіямъ. Въ Москвѣ хорошо знали давній обычай крымскаго царя „инуды лукъ натянуть, а инуды стрѣлять"; поэтому ханъ не засталъ врасплохъ русскихъ, которые собрались довольно скоро и подъ начальствомъ царя направились къ Тулѣ. Когда крымскій ханъ, который былъ уже ослабленъ сраженіемъ съ русскимъ отрядомъ, посланнымъ было на помощь пятигорскимъ черкесамъ, узналъ объ этомъ движеніи царя, то поспѣшилъ возвратиться домой. Эти событія не помѣшали, однако, Россіи выслать довольно значительный отрядъ на Волгу, съ порученіемъ его предводителю беречь Астрахань, надзирать за царемъ Дербышемъ и охранять перевозы на Волгѣ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что дальше оставлять дѣла въ такомъ положеніи не слѣдовало, когда отношенія Россіи къ Крыму были натянуты, а возстаніе въ Казанской области, несмотря на усилія правительства, не уменьшалось.

Зимою 1556 года прибыли въ Москву ногайскіе послы отъ князя Измаила и отъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ въ ордѣ мирзъ съ грамотами

и челобитіемъ, „чтобы ихъ государь оборонилъ отъ Дербыша и учинилъ бы въ Астрахани своихъ людей, такъ же, какъ и въ Казани, потому что онъ не прямитъ великому князю и имъ подѣлалъ нужи великія“. Вслѣдъ за этимъ явился и другой посолъ отъ Измаила съ грамотою, въ которой онъ подтверждалъ извѣстіе о союзѣ Дербыша съ крымскимъ ханомъ. Въ послѣдней своей грамотѣ Измаилъ настоятельно проситъ царя прислать раннею весною русское войско на Астрахань, предупреждая при этомъ, что если такимъ образомъ не будетъ поступлено, то астраханцы съ царемъ Дербышемъ „на лѣто пристанутъ къ Крыму“. На случай же предположенія, что „Астрахани безъ царя и безъ татаръ нельзя быти“, Измаилъ совѣтуетъ сдѣлать царемъ служилаго астраханскаго царевича Кайбулу. Царь поспѣшилъ успокоить Измаила грамотою, которою увѣдомлялъ его, что весною пошлетъ большое войско, чтобы покончить съ Астраханью; при этомъ обѣщалъ также и ему послать 200 стрѣльцовъ. Дербышъ, между тѣмъ, рѣшился открыто выступить противъ Россіи: онъ соединился съ крымскимъ ханомъ и принудилъ московскаго посла вмѣстѣ съ другими русскими, находившимися въ Астрахани, уйти. Обо всемъ этомъ Измаилъ далъ знать царю, при чемъ увѣдомилъ его, что самъ онъ пошелъ на Астрахань и просилъ поспѣшить присылкою русскаго войска. При подобныхъ условіяхъ медлить было нельзя; поэтому въ Москвѣ поспѣшили отпустить Измаилова посла съ вѣстью, что русское войско надняхъ выступитъ къ Астрахани. Для подкрѣпленія же Измаила подъ Астраханью, отпустили съ его посломъ 50 человѣкъ пищальниковъ, да полемъ, послано было на Волгу 500 человѣкъ подъ начальствомъ атамана Ляпуна Филимонова. Въ томъ же мѣсяцѣ отправлено было на Астрахань и главное русское войско, состоявшее преимущественно изъ стрѣльцовъ. Дербышъ, съ своей стороны, тоже старался приготовиться къ войнѣ съ Россіею: уже весною крымскій ханъ прислалъ ему для защиты пушекъ и отрядъ войска въ 1,000 человѣкъ, въ составъ котораго входили и 300 янычаръ съ пищалями. Но не много сопротивленія оказалъ Россіи послѣдній царь астраханскій. Когда русскіе подошли къ Астрахани, то опять нашли городъ пустымъ: царь и его подданные бѣжали изъ города, такъ что русскія войска свободно заняли Астрахань, укрѣпили ее и утвердили за Россіею. Оказалось, что еще до прихода русскаго войска приходилъ на Астрахань атаманъ Ляпунъ съ казаками, который побилъ и плѣнилъ здѣсь множество людей, почему жители и разбѣжались изъ города. Самого же Дербыша съ войскомъ русскіе лишь послѣ поисковъ настигли въ двадцати верстахъ отъ Астрахани. Здѣсь Дербышъ, невзирая на поддержку крымцевъ и ногайскихъ мирзъ, послѣ нѣсколькихъ сраженій уже сталъ сноситься съ предводителемъ русскаго войска и просить о милости, говоря, что онъ „государю измѣнилъ неволею“, при чемъ клялся возвратиться въ городъ вмѣстѣ съ астраханцами и служить государю. Замѣчательно со стороны Дербыша признаніе объ измѣнѣ Россіи „неволею“; оно окажется совершенно справедливымъ, если принять во вниманіе тѣ обстоятельства, къ которыхъ онъ находился и долженъ былъ дѣйствовать. Представитель магометанскаго царства, самъ царевичъ магометанскій, окруженный подданными магометанами, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними магометанскими царствами и ордами, онъ долженъ былъ оставаться вѣрнымъ данникомъ христіанскаго государя, который жилъ довольно далеко отъ него. Свыше силъ его было удержаться при подобныхъ условіяхъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ Москвѣ и наблюдать интересы русскаго царя среди магометанскихъ общественныхъ со-

юзовъ и между своими мусульманскими подданными. Астраханцы („черные люди“) возвратились въ городъ и умоляли простить ихъ, говоря, что они шли противъ русскихъ „неволей: водилъ ихъ царь и князи“. Впослѣдствіи явились въ Астрахань къ русскимъ воеводамъ князья, мирзы, шейхи и черные люди и присягнули Россіи. Имъ роздали острова и пашни „по старинѣ“, съ обязанностью чернымъ людямъ платить ясаки, какъ платили прежнимъ царямъ.

Вмѣстѣ съ присоединеніемъ Астрахани завязываются сношенія между Россіею и новыми ея сосѣдями. Въ Астрахани же, какъ и въ остальныхъ городахъ русскихъ, водворяются воеводы, управляющіе ею по наказу, которымъ снабжали ихъ въ московскомъ приказѣ. Видно, царь рѣшился на этотъ разъ покончить съ Астраханью и не назначилъ туда болѣе никакого царевича, находя это излишнимъ.

Послѣ завоеванія Астрахани устье Волги закрѣплено было за Россіею, вслѣдствіе чего Волга стала окончательно рѣкою Русскаго государства. Такимъ образомъ все Поволжье отъ Казани до Астрахани, со всѣми своими естественными богатствами для земледѣльческаго и промысловаго занятій, стало достояніемъ русскихъ людей, которымъ до сихъ поръ открытъ былъ лишь суровый сѣверо-востокъ съ скудною своею природою, куда поэтому преимущественно и двигались „неписьмянные и нетяглые“ люди изъ русскаго общества, рубившіе здѣсь вѣковые лѣса и расчищавшіе пространство для жилищъ и для пашни. Они располагались иногда вдали отъ всякаго жилья и угодій, на мѣстахъ, гдѣ „отъ вѣка не бывали дворы и пашни“, за что отъ правительства получали на нѣсколько лѣтъ льготы относительно уплаты податей, долговъ, самоуправленія и пр. Почти до самаго завоеванія Казани русскіе люди принуждены были направляться въ бѣдныя, негостепріимныя и слабонаселенныя сѣверовосточныя страны. Вслѣдъ за присоединеніемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ сюда возобновляется движеніе русскаго народа, прерванное и надолго остановленное татарскимъ нашествіемъ.

XIII. Перемѣна въ Іоаннѣ, разрывъ его съ Сильвестромъ и Адашевымъ и начало эпохи казней.

(*Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева*).

Мы видѣли, какое сильное впечатлѣніе на воспріимчивую, страстную природу Іоанна произвело страшное бѣдствіе, постигшее Москву въ 1547 году. Сильная набожность, которая замѣтна въ Іоаннѣ во все продолженіе его жизни, содѣйствовала тому, что онъ такъ легко принялъ религіозныя внушенія отъ лица духовнаго, священника Сильвестра; съ другой стороны, ненависть къ вельможамъ, которою онъ напитался во время малолѣтства, облегчала доступъ къ нему человѣку, не принадлежавшему по происхожденію своему и сану къ вельможамъ. Самъ Іоаннъ говоритъ, что это именно побужденіе заставило его приблизить къ себѣ Сильвестра; то же побужденіе заставило его облечь полною довѣренностью и Адашева, человѣка относительно низкаго происхожденія. Привыкнувъ совѣтоваться и слушаться Сильвестра въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ, питая къ нему довѣренность неограниченную, царь не могъ

не совѣтоваться съ нимъ и въ дѣлахъ политическихъ; но здѣсь уже, мимо всякихъ другихъ отношеній, необходимо было непріязненное столкновеніе между ними. Привыкнувъ требовать исполненія своихъ религіозныхъ и нравственныхъ совѣтовъ отъ Іоанна, какъ отъ частнаго человѣка, Сильвестръ требовалъ исполненія и своихъ политическихъ совѣтовъ, тогда какъ царь не хотѣлъ своихъ государственныхъ мыслей приносить въ жертву тому уваженію, которое питалъ къ нравственнымъ достоинствамъ Сильвестра: отсюда тягость, которую началъ чувствовать Іоаннъ отъ притязаній послѣдняго. Напримѣръ, Іоаннъ принялъ твердое намѣреніе покорить Ливонію; это было намѣреніе, которое сдѣлалось послѣ того постояннымъ, господствующимъ стремленіемъ Іоанновыхъ преемниковъ,—намѣреніе, за которое Петръ Великій благоговѣлъ передъ Іоанномъ. Но противъ этого намѣренія возстали бояре и особенно Сильвестръ; вмѣсто покоренія Ливоніи, они совѣтовали царю покорить Крымъ. Іоаннъ не соглашался и продолжалъ войну ливонскую. Какъ же поступилъ Сильвестръ въ этомъ случаѣ? Онъ сталъ внушать Іоанну, что всѣ непріятности, которыя послѣ того его постигли, болѣзни его самого, жены, дѣтей суть Божія наказанія за то, что онъ не слушался его совѣтовъ, продолжалъ воевать съ ливонцами. Безспорно, Сильвестръ былъ вообще человѣкъ благонамѣренный, мужъ строгаго благочестія, что особенно и давало ему власть надъ набожнымъ Іоанномъ; безъ сомнѣнія, и противъ войны ливонской онъ выставлялъ благовидныя причины: вмѣсто того, чтобы воевать съ христіанами, слабыми, безвредными, лучше воевать съ невѣрными, безпрестанно опустошающими границы государства и т. п., но въ то же время, какъ изъ знаменитаго Домостроя, такъ и изъ другихъ извѣстій, мы видимъ, что это былъ человѣкъ, иногда предававшійся мелочамъ. Такъ, взявшись управлять совѣстью, нравственнымъ поведеніемъ молодого царя, онъ входилъ въ этомъ отношеніи въ ненужныя подробности, что должно было также раздражать Іоанна. Природа послѣдняго безспорно требовала сильнаго сдерживанія; но при этомъ сдерживаніи нужна была большая осторожность, нужна была мѣра. Несмотря, однако, на непріятныя столкновенія по причинѣ разности взглядовъ на дѣла политическія, Іоаннъ, безъ сомнѣнія, не поколебался бы въ своей довѣренности и привязанности къ Сильвестру и Адашеву, если бы продолжалъ вѣрить въ полную привязанность ихъ къ своей особѣ и къ своему семейству. Но несчастный случай заставилъ Іоанна потерять эту вѣру. Въ 1553 году, вскорѣ послѣ возвращенія изъ казанскаго похода, онъ опасно занемогъ: ему предложили (вѣроятно, братья царицы) написать духовную и взять клятву въ вѣрности сыну своему, младенцу Димитрію, съ двоюроднаго брата, князя Владиміра Андреевича Старицкаго, и бояръ. Удѣльный князь не замедлилъ выставить права свои на престолъ по смерти Іоанна, мимо племянника Димитрія, вопреки новому обычаю престолонаслѣдія, за который такъ стояли всѣ московскіе князья. Когда нѣкоторые вѣрные Іоанну и его семейству люди вооружились за это противъ Владиміра, Сильвестръ принялъ сторону послѣдняго, а отецъ другого любимца Іоаннова, окольничій Ѳедоръ Адашевъ, прямо объявилъ себя противъ Димитрія въ пользу Владиміра. Для объясненія этого явленія припомнимъ, что Сильвестръ и Адашевъ, пользуясь неограниченною довѣренностью царя въ выборѣ людей, необходимо, если бы даже и не хотѣли того, должны были составить, при дворѣ и во всѣхъ частяхъ управленія, многочисленную и сильную партію людей, которые, будучи обязаны имъ своимъ возвышеніемъ, своими должностями, раз-

дѣляли съ ними ихъ стремленія. Такъ, извѣстно, что Іоаннъ, избирая какого-нибудь сановника духовнаго, посылалъ Сильвестра поговорить съ нимъ, извѣдать его умъ и нравы; въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ такое же вліяніе на выборъ людей имѣлъ Алексѣй Адашевъ. Многіе изъ вельможъ, князей, видя невозможность дѣйствовать самостоятельно при рѣшительномъ отвращеніи къ нимъ Іоанна, примкнули къ числу совѣтниковъ Сильвестра и Адашева. Лѣтописецъ прямо говоритъ о древней и тѣсной дружбѣ Сильвестра съ удѣльнымъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ; Іоаннъ, въ перепискѣ своей съ Курбскимъ, главнымъ единомышленникомъ Сильвестра, называетъ кн. Димитрія Курлятева, бывшаго прежде въ числѣ соумышленниковъ Шуйскаго; любопытно также, что скоро послѣ московскихъ пожаровъ, когда вліяніе Сильвестра особенно усилилось, Іоаннъ женилъ роднаго брата своего, Юрія, на дочери кн. Палецкаго, также одного изъ главныхъ совѣтниковъ Шуйскаго, подвергшагося за это прежде опалѣ. Вліяніе Сильвестра и совѣтниковъ его могло встрѣтить препятствіе только въ одномъ близкомъ къ царю семействѣ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ: отсюда ненависть совѣтниковъ Сильвестровыхъ къ царицѣ Анастасіи и ея братьямъ, ненависть, могшая вызвать и со стороны послѣднихъ подобное же чувство. Совѣтники Сильвестра сравнивали Анастасію съ Евдокіею, женою византійскаго императора Аркадія, гонительницею Златоуста, разумѣя подъ Златоустомъ Сильвестра. Курбскій называетъ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ клеветниками и нечестивыми губителями всего Русскаго царства. И вотъ, въ случаѣ смерти царя и малолѣтства сына его, правительницею будетъ Анастасія, которая, разумѣется, дастъ большое вліяніе своимъ братьямъ: совѣтники Сильвестра объявляютъ рѣшительно, что они не хотятъ повиноваться Романовымъ, и потому признаютъ наслѣдникомъ престола князя Владиміра Андреевича. Оставшійся вѣрнымъ Іоанну кн. Владиміръ Воротынскій и дьякъ Иванъ Висковатый начали говорить удѣльному князю, чтобы онъ не упрямился и крестъ цѣловалъ племяннику: князь Владиміръ Андреевичъ сильно разсердился и сказалъ Воротынскому: „Ты бы со мной не бранился и не указывалъ и противъ меня не говорилъ". И была между боярами брань большая, крикъ, шумъ. Больной царь началъ имъ говорить: „Если вы сыну моему Димитрію креста не цѣлуете, то значитъ, у васъ другой государь есть; а вѣдь вы цѣловали мнѣ крестъ не одинъ разъ, что мимо насъ другихъ государей вамъ не искать. Я васъ привожу къ крестному цѣлованію, велю вамъ служить сыну моему Димитрію. а не Захарьинымъ; я съ вами говорить не могу много; вы души свои забыли, намъ и дѣтямъ нашимъ служить не хотите; въ чемъ намъ крестъ цѣловали, того не помните; а кто не хочетъ служить государю младенцу, тотъ и большому не захочетъ служить, и если мы вамъ не надобны, то это на вашихъ душахъ". На это отозвался кн. Иванъ Михайловичъ Шуйскій. Онъ придумалъ отговорку: „Намъ нельзя цѣловать крестъ не предъ государемъ; предъ кѣмъ намъ цѣловать, когда государя тутъ нѣтъ?" Прямѣе высказался окольничій Ѳедоръ Адашевъ, отецъ царскаго любимца: что было у него на душѣ больше, чѣмъ у другихъ, то и вылилось: „Тебѣ государю и сыну твоему царевичу князю Димитрію, крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ намъ не служить; сынъ твой еще въ пеленкахъ, а владѣть нами будутъ Захарьины, Данила съ братьею, а мы уже отъ бояръ въ твое малолѣтство бѣды видали многія". И былъ мятежъ большой, шумъ и рѣчи многія во всѣхъ боярахъ: не хотятъ младенцу служить. Но къ вечеру цѣловали крестъ Димитрію многіе бояре. Но Петръ Щенятевъ-Патрикѣевъ, Семенъ Ро-

стовскій и Иванъ Турунтай-Пронскій, трое этихъ князей, продолжали говорить: „Вѣдь нами владѣть Захарьинымъ; и чѣмъ нами владѣть Захарьинымъ и служить намъ государю молодому, такъ мы лучше станемъ служить старому князю Владиміру Андреевичу". Царь велѣлъ написать цѣловальную запись, на которой приводить къ присягѣ князя Владиміра Андреевича. Владиміръ прямо отрекся цѣловать крестъ; тогда Іоаннъ сказалъ ему: „Знаешь самъ, что станется на твоей душѣ, если не хочешь крестъ цѣловать; мнѣ до того дѣла нѣтъ". Потомъ, обратившись къ боярамъ, поцѣловавшимъ крестъ, Іоаннъ сказалъ: „Бояре! Я боленъ, мнѣ уже не до того; а вы на чемъ мнѣ и сыну моему Димитрію крестъ цѣловали, по тому и дѣлайте". Бояре, поцѣловавшіе крестъ, начали уговаривать къ тому же и другихъ; но тѣ отвѣчали имъ жестокою бранью: „Вы хотите владѣть, а мы вамъ должны будемъ служить; не хотимъ вашего владѣнья!" кричали они. А между тѣмъ Владиміръ Андреевичъ и его мать собирали своихъ дѣтей боярскихъ и раздавали имъ жалованье. Присутствовавшіе бояре стали говорить Владиміру' что онъ и его мать поступаютъ неприлично: государь боленъ, а они людямъ своимъ деньги раздаютъ; Владиміръ сильно разсердился за это на бояръ, а тѣ стали его беречься, не стали часто пускать къ больному государю. Тутъ услыхали и Сильвестра, молчавшаго до тѣхъ поръ; онъ сталъ говорить присягнувшимъ боярамъ: „Зачѣмъ вы не пускаете князя Владиміра къ государю? Онъ государю добра хочетъ!" Бояре отвѣчали: „Мы дали присягу государю и сыну его, по этой присягѣ и дѣлаемъ такъ, какъ бы ихъ государству было крѣпче". Съ этихъ поръ пошла вражда у присягнувшихъ бояръ съ Сильвестромъ и его совѣтниками. На другой день Іоаннъ призвалъ всѣхъ бояръ и началъ имъ говорить, чтобы они присягали сыну его, царевичу Димитрію, и присягали бы въ передней избѣ, потому что онъ очень боленъ и приводить ихъ къ присягѣ при себѣ ему очень тяжело; вмѣсто себя онъ велѣлъ присутствовать при крестномъ цѣлованіи боярамъ — князьямъ Мстиславскому и Воротынскому съ товарищами. Присягнувшимъ боярамъ Іоаннъ сказалъ: „Вы дали мнѣ и сыну моему душу на томъ, что будете намъ служить, а другіе бояре сына моего на государствѣ не хотятъ видѣть: такъ если станется надо мною воля Божія, умру я, то вы, пожалуйста, не забудьте, на чемъ мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали, не дайте боярамъ сына моего извести, но бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ вамъ укажетъ. А вы, Захарьины, чего испугались? Или думаете, что бояре васъ пощадятъ? Вы отъ нихъ будете первые мертвецы: такъ вы бы за сына и за мать его умерли, а жены моей на поруганіе боярамъ не дали".

Слова Іоанна о будущей судьбѣ своего семейства, когда Владиміръ сдѣлается царемъ, испугали бояръ, увидавшихъ, какія мысли на душѣ у больнаго, и къ чему могутъ повести такія мысли, если больной выздоровѣетъ. Испугавшись этихъ жесткихъ словъ, по выраженію лѣтописца, бояре пошли въ переднюю избу цѣловать крестъ. Но, какъ нѣкоторые изъ присягнувшихъ хотѣли выполнять свою присягу, показалъ кн. Димитрій Палецкій: несмотря на свою присягу, онъ послалъ сказать Владиміру Андреевичу и матери его, что если они дадутъ зятю его, царскому брату князю Юрію (не могшему, по состоянію умственныхъ способностей, чѣмъ либо управлять) и женѣ его удѣлъ, назначенный въ завѣщаніи великаго князя Василія, то онъ, Палецкій, не будетъ противиться возведенію князя Владиміра на престолъ и готовъ ему служить.

И съ тѣхъ поръ пошла вражда, между боярами смута, а царству

во всемъ скудость, говоритъ лѣтопись. Іоаннъ выздоровѣлъ. Мы видѣли. какія чувства къ боярамъ вынесъ онъ изъ своего малолѣтства; эти чувства высказываются ясно вездѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ: въ рѣчи къ собору архіерейскому, въ рѣчи къ народу съ Лобнаго мѣста; самъ Іоаннъ признается, что нерасположеніе его къ боярамъ заставило его приблизить къ себѣ Адашева; Курбскій говоритъ, что на третій день послѣ взятія Казани, разсердившись на одного изъ воеводъ, Іоаннъ сказалъ: „Теперь оборонилъ меня Господь Богъ отъ васъ". Понятно, какъ должно было усилиться это враждебное чувство послѣ болѣзни. Но всего болѣе должны были поразить Іоанна бездѣйствіе, молчаливая присяга Алексѣя Адашева, явное сопротивленіе отца его Ѳеодора, явное заступничество Сильвестра за князя Владиміра, слова, что послѣдній добра хочетъ государю. Питая враждебное чувство къ вельможамъ, не довѣряя имъ, Іоаннъ приблизилъ къ себѣ двоихъ людей, обязанныхъ ему всѣмъ, на благодарность которыхъ, слѣдовательно, онъ могъ положиться, и, что всего важнѣе, эти люди овладѣли его довѣренностью не вслѣдствіе ласкательствъ, угожденій: онъ любилъ этихъ людей не только какъ пріятныхъ слугъ, онъ уважалъ ихъ какъ людей высоконравственныхъ, смотрѣлъ на нихъ не какъ на слугъ, но какъ на друзей, одного считалъ отцомъ. И эти-то люди изъ вражды къ женѣ его и къ ея братьямъ, не желая видѣть ихъ господства, соединяются съ его врагами, не хотятъ видѣть на престолѣ сына его, обращаются къ удѣльному князю, двоюродному брату. Но Іоаннъ очень хорошо зналъ, какая участь ожидаетъ его семейство при воцареніи Владиміра, который долженъ будетъ смотрѣть на маленькаго Димитрія, какъ на самаго опаснаго для себя соперника; а извѣстно было, какъ московскіе князья, предки Іоанновы, отдѣлывались отъ своихъ опасныхъ соперниковъ, отъ князей родичей: у Владиміра предъ глазами была участь его отца и родного дяди. Понятно, слѣдовательно, почему Іоаннъ умолялъ вѣрныхъ бояръ бѣжать съ его женою и ребенкомъ въ чужія земли, умолялъ Захарьиныхъ положить головы свои прежде, чѣмъ дать жену его на поруганіе боярамъ. Понятно, какъ Іоаннъ долженъ былъ смотрѣть на людей, ведшихъ семейство прямо къ погибели; а въ числѣ этихъ людей онъ видѣлъ Сильвестра и Адашева. Лѣтописецъ справедливо говоритъ, что съ тѣхъ поръ пошла вражда; но лѣтописецъ не говоритъ намъ о непосредственномъ выраженіи этой вражды, о скорой мести: тяжелыя чувства затаились пока на днѣ души; выздоровленіе, неожиданное, чудесное избавленіе отъ страшной опасности, располагали къ чувству иному; радость, благодарность къ Богу противодѣйствовали чувству мести къ людямъ. Съ другой стороны, надобно было начать дѣло тяжелое, порвать установившіяся уже отношенія; тронуть одного— значило тронуть всѣхъ; тронуть одного изъ пріятелей Сильвестра и Адашева—значило тронуть ихъ самихъ, а это по прежнимъ отношеніямъ было очень трудно, къ этому вовсе не были приготовлены, трудно было начать борьбу противъ вождей многочисленной стороны, обступавшей престолъ, не имѣя людей, которыхъ можно было бы противопоставить ей, на которыхъ можно было бы опереться. Наконецъ, при явномъ, рѣшительномъ дѣйствіи, что можно было выставить противъ Сильвестра и Адашева? Они не подавали голоса противъ Димитрія въ пользу Владиміра Андреевича.

Іоаннъ далъ обѣтъ во время болѣзни по выздоровленіи ѣхать на богомолье въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, и дѣйствительно, въ началѣ весны отправился въ путь вмѣстѣ съ женою и сыномъ; но малютка

на дорогѣ умеръ. Одинъ изъ самыхъ значительныхъ членовъ Сильвестровой стороны, Курбскій, оставилъ намъ любопытныя извѣстія объ этой кирилловской поѣздкѣ, во время которой, заѣхавъ въ Пѣсношскій монастырь, Іоаннъ встрѣтился съ монахомъ Іосифова Волоколамскаго монастыря Вассіаномъ Топорковымъ. Іоаннъ, помня, что Топорковъ былъ любимъ отцомъ его, зашелъ къ нему въ келью и спросилъ: „Какъ долженъ я царствовать, чтобы вельможъ своихъ держать въ послушаніи?" Вассіанъ прошепталъ ему на ухо такой отвѣтъ: „Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя, потому что ты лучше всѣхъ; если такъ будешь поступать, то будешь твердъ на царствѣ и все будешь имѣть въ рукахъ своихъ. Если же будешь имѣть при себѣ людей умнѣе себя, то по необходимости будешь послушенъ имъ". Царь поцѣловалъ его руку и сказалъ: „Если бы и отецъ мой былъ живъ, то и онъ такого полезнаго совѣта не подалъ бы мнѣ!" Такъ, по мнѣнію Курбскаго съ товарищами, долженъ былъ говорить монахъ Іосифова монастыря, любимецъ великаго князя Василія, и догадка ихъ могла быть справедлива: говоримъ—догадка, ибо шепчутъ на ухо не для того, чтобы другіе слышали. Курбскій говоритъ, что отъ сатанинскаго силлогизма Топоркова произошла вся бѣда, т.-е. перемѣна въ поведеніи Іоанна; но мы видимъ, что лѣтописецъ болѣе безпристрастный, указываетъ начало бѣды въ событіяхъ, происходившихъ во время болѣзни Іоанновой, тогда какъ Курбскій заблагоразсудилъ умолчать объ этихъ событіяхъ. Оба показанія, впрочемъ, могутъ быть легко соединены. Іоаннъ подъ впечатлѣніемъ событій, происходившихъ во время болѣзни его, могъ именно желать свиданія съ Вассіаномъ, приверженцемъ отца его и противникомъ вельможъ, и теперь съ особеннымъ удовольствіемъ могъ слушать его бесѣды, которыя, конечно, не могли клониться въ пользу совѣтниковъ Сильвестровыхъ. Но какъ бы то ни было, и Курбскій не указываетъ на немедленныя слѣдствія совѣта Вассіанова; онъ самъ говоритъ, что Іоаннъ и послѣ свиданія съ Вассіаномъ не мало лѣтъ царствовалъ хорошо, хотя съ другой стороны, уже въ 1554 г. мы видимъ значительное движеніе недовольныхъ. Въ числѣ князей, не хотѣвшихъ присягать Димитрію, былъ кн. Семенъ Ростовскій, который хотѣлъ бѣжать и по этому поводу пересылался съ Литвою. за что сосланъ былъ на Бѣлоозеро въ тюрьму. Князь Семенъ извинялся малоумствомъ, лѣтописцы также не говорятъ о побужденіяхъ его къ отъѣзду; но само правительство объясняетъ эти причины въ наказѣ послу, отправленному въ Литву. „Если станутъ его спрашивать о дѣлѣ князя Семена Ростовскаго, то говорить: „Пожаловалъ его государь боярствомъ для отечества, а самъ онъ недороденъ, въ разумѣ простъ и на службу не годится; однако захотѣлъ, чтобъ государь пожаловалъ его наравнѣ съ дородными; государь его такъ не пожаловалъ, а онъ, разсердившись по малоумству, началъ со всякими иноземцами говорить непригожія рѣчи про государя и про землю, чтобы государю досадить; государь вины его сыскалъ, что онъ государя со многими землями ссорилъ, и за то велѣлъ его казнить". А станутъ говорить, что съ княземъ Семеномъ хотѣли отъѣхать многіе бояре и дворяне—отвѣчать: „Къ такому дураку добрый кто пристанетъ? Съ нимъ хотѣли отъѣхать только родственники его, такіе же дураки". Іоаннъ жалуется въ письмѣ къ Курбскому, что послѣ этого Сильвестръ съ своими совѣтниками держалъ князя Семена въ великомъ береженіи, помогалъ ему всякими благами, и не только ему, но и всему роду его.

Въ 1560 году видимъ удаленіе Сильвестра и Адашева отъ двора.

И удаленіе Сильвестра немного болѣе уяснено въ памятникахъ, какъ и появленіе его при Іоаннѣ. Когда царь, говоритъ Курбскій, оборонился храбрыми воеводами своими отъ враговъ окрестныхъ, то платитъ оборонителямъ зломъ за добро. Какъ же онъ это начинаетъ? Вотъ какъ: прежде всего отгоняетъ отъ себя Сильвестра и Адашева, ни въ чемъ предъ нимъ невиноватыхъ, отворивши оба уха презлымъ ласкателямъ своимъ, шурьямъ и другимъ съ ними, которые заочно клеветали ему на этихъ святыхъ мужей. Зачѣмъ же они это дѣлали? Затѣмъ, да не будетъ обличена злость ихъ и да невозбранно будетъ имъ всѣми нами владѣть, судъ неправедный судить, посулы брать и другія злости плодить, пожитки свои умножать. Что же они клевещутъ и шепчутъ на ухо? Тогда умерла у царя жена: вотъ они и сказали, что извели ее тѣ мужи Сильвестръ и Адашевъ. Царь повѣрилъ. Услыхавъ объ этомъ, Сильвестръ и Адашевъ начали умолять, то черезъ письма, то черезъ митрополита, чтобы дана была имъ очная ставка съ клеветниками: „Не отрицаемся—писали они— и смерти, если будемъ обличены: но да будетъ судъ явственный предъ тобою и предъ всею думою твоею". Что же умышляютъ клеветники? Писемъ не допускаютъ до царя, митрополиту запрещаютъ и грозятъ, царю говорятъ: „Если допустишь ихъ къ себѣ на очи, то очаруютъ они тебя и дѣтей твоихъ; при томъ все войско и народъ любитъ ихъ больше, чѣмъ тебя самого, побьютъ тебя и насъ камнями. Но если даже этого не будетъ, то свяжутъ тебя опять и покорятъ себѣ въ неволю. Такъ они тебя до сихъ поръ держали въ оковахъ, по ихъ приказу ты пилъ и ѣлъ и съ женою жилъ, не давали они тебѣ ни въ чемъ воли, ни въ большомъ, ни въ маломъ, не давали тебѣ ни людей своихъ миловать, ни царствомъ своимъ владѣть. Если бы не они были при тебѣ, и тебя не держали какъ уздою, то ты бы уже мало не всею вселенною обладалъ. Теперь, когда ты отогналъ ихъ отъ себя, то пришелъ въ свой разумъ, отворилъ себѣ очи, смотришь свободно на все свое царство и самъ единъ управляешь имъ". Царь хвалитъ совѣтъ, начинаетъ любить совѣтниковъ, связываетъ себя и ихъ клятвами, вооружаясь какъ на враговъ, на мужей неповинныхъ и на всѣхъ добрыхъ, добра хотящихъ ему и души за него полагающихъ. И что же прежде всего дѣлаетъ? Собираетъ соборъ изъ бояръ и духовенства, присоединяетъ прелукавыхъ нѣкоторыхъ монаховъ, Михаила Сукина, издавна извѣстнаго злобою, Вассіана неистоваго и другихъ, исполпенныхъ лицемѣрія и безстыдства, сажаетъ ихъ близъ себя, съ благодарностью слушаетъ ихъ, клевещущихъ на святыхъ. Что же дѣлаютъ на этомъ соборѣ? Читаютъ вины вышесказанныхъ мужей заочно. Митрополитъ говоритъ: „Надобно привести обвиненныхъ сюда, чтобы выслушать, что они будутъ отвѣчать на обвиненія". Всѣ добрые были согласны съ нимъ; но ласкатели вмѣстѣ съ царемъ завопили: „Нельзя этого сдѣлать, потому что они вѣдомые злодѣи и волшебники великіе, очаруютъ царя и насъ погубятъ, если придутъ". И такъ судили ихъ заочно. Сильвестра заточили на островъ, что на Ледовитомъ морѣ, въ монастырь Соловецкій, лежащій на краю корельскаго языка, въ Лопи дикой, Адашевъ отгоняется отъ очей царскихъ безъ суда въ нововзятый городъ въ Ливоніи, гдѣ назначается воеводою, но ненадолго: когда враги его услыхали, что и тамъ Богъ помогаетъ ему, потому что многіе города ливонскіе хотѣли поддаться ему по причинѣ его доброты, то прилагаютъ клеветы къ клеветамъ, и царь приказываетъ перевести его въ Дерптъ и держать подъ стражею. Черезъ два мѣсяца онъ занемогъ здѣсь горячкою и умеръ; тогда клеветники возопили царю: „Измѣнникъ твой отра-

вился“. А Сильвестръ еще прежде, чѣмъ изгнанъ былъ, увидавши, что царь не по Богѣ всякія вещи начинаетъ, претилъ ему и наставлялъ много, но онъ отнюдь не вималъ и къ ласкателямъ умъ и уши преклонилъ; тогда пресвитеръ, видя, что царь уже отвратилъ отъ него свое лицо, отошелъ въ монастырь, во ста миляхъ отъ Москвы лежащій, и тамъ, постригшись въ монахи, провождалъ чистое житіе. Но клеветники, услышавъ, что монахи тамошніе держатъ его въ чести, изъ зависти и изъ боязни, чтобы царь, узнавъ объ этомъ, не возвратилъ его къ себѣ, схвативши его оттуда, завели на Соловки, хвалясь, что соборомъ осудили его.

Итакъ, по разсказу Курбскаго, сперва выходитъ, что дѣло началось отогнаніемъ Сильвестра и Адашева, что это отогнаніе послѣдовало по смерти царицы Анастасіи, вслѣдствіе клеветы въ отравѣ; а потомъ вдругъ узнаемъ, что Сильвестръ еще прежде самъ удалился и постригся, что враги его потомъ, изъ зависти и страха, составили клевету, осудили заочно и отправили въ Соловки. Слѣдовательно, дѣло началось не клеветою въ отравѣ, а прежде: Сильвестръ ушелъ, увидавъ, что царь отвратилъ отъ него лицо свое. Что же заставило Іоанна отвратить лицо отъ Сильвестра, объ этомъ Курбскій не говоритъ и, перемѣшавши порядокъ событій, какъ-бы намѣренно, поставивши позади то, что должно быть напереди, чтобы замять дѣло, обмануть читателя, удовлетворить его одною причиною, тогда какъ надобно было выставить двѣ, лишилъ себя довѣренности, показалъ, что или не умѣлъ, или не хотѣлъ объяснить причины нерасположенія царя къ Сильвестру, которое заставило послѣдняго удалиться. Объ Адашевѣ Курбскій говоритъ, что онъ отгоняется отъ очей царскихъ безъ суда, назначается въ Феллинъ воеводою уже послѣ смерти царицы Анастасіи; но извѣстно, что Адашевъ еще въ маѣ 1560 года отправленъ былъ въ походъ на Ливонію въ третьихъ воеводахъ въ большомъ полку. Посмотримъ, разсказъ царя Іоанна не будетъ ли удовлетворительнѣе, при чемъ прежде всего замѣтимъ, что царь, оправдывая свои жестокости, никогда не отрицаетъ ихъ; слѣдовательно, мы имѣемъ право полагаться на его слова. Вотъ что говоритъ онъ въ письмѣ къ Курбскому, перечисляя вины Сильвестра и Адашева: „Видя измѣны отъ вельможъ, мы взяли вашего начальника, Алексѣя Адашева, отъ гноища и сравняли его съ вельможами, ожидая отъ него прямой службы. Какими почестями и богатствами осыпали мы его самого и родъ его! Потомъ для духовнаго совѣта и спасенія души взялъ я попа Сильвестра, думая, что онъ, предстоя у престола владычнаго, побережетъ души своей: онъ началъ хорошо, и я ему, для духовнаго совѣта, повиновался; но потомъ онъ восхитился властью и началъ совокупляться въ дружбѣ (составлять себѣ партію) подобно мірскимъ. Подружился онъ съ Адашевымъ и начали совѣтоваться тайкомъ отъ насъ, считая насъ слабоумными, мало-помалу начали они всѣхъ васъ бояръ въ свою волю приводить, снимая съ насъ власть, честью равняя васъ съ нами, а молодыхъ дѣтей боярскихъ приравнивая къ вамъ; начали причитать васъ къ вотчинамъ, городамъ и селамъ, которые, по уложенію отца нашего, отобраны у васъ: они это уложеніе разрушали, чѣмъ многихъ людей къ себѣ привязали. Единомышленника своего князя Димитрія Курлятева ввели къ намъ въ синклитію и начали злой совѣтъ свой утверждать: ни одной волости не оставили, гдѣ бы своихъ угодниковъ не посадили; втроемъ съ Курлятевымъ начали рѣшать и мѣстническія дѣла, не докладывая намъ ни о какихъ дѣлахъ, какъ будто бы насъ и не было; наши мнѣнія и разумныя они отвер-

гали, а ихъ и дурные совѣты были хороши. Такъ было во внѣшнихъ дѣлахъ; во внутреннихъ же мнѣ не было ни въ чемъ воли: сколько спать, какъ одѣваться, все было ими опредѣлено, а я былъ какъ младенецъ. Но развѣ это противно разуму, что въ лѣтахъ совершенныхъ не захотѣлъ я быть младенцемъ? Потомъ вошло въ обычай, что я не смѣлъ слова сказать ни одному изъ самыхъ послѣднихъ его совѣтниковъ, а совѣтники его могли говорить мнѣ, что имъ было угодно, обращались со мною не какъ со владыкою или даже съ братомъ, но какъ съ низшимъ; кто насъ послушается, сдѣлаетъ по нашему, тому гоненіе и мука; кто раздражитъ насъ — тому богатство, слава и честь, попробую прекословить — и вотъ мнѣ кричатъ, что и душа-то моя погибнетъ, и царство разорится. И такое утѣсненіе увеличивалось не день ото дня, но часъ отъ часу. Когда мы съ христіанскою хоругвію двинулись на безбожный языкъ казанскій, получили надъ нимъ побѣду и возвращались домой, то какое доброхотство оказали намъ люди, которыхъ ты называешь мучениками? Какъ плѣнника, посадивши въ судно, везли съ малымъ числомъ людей сквозь безбожную и невѣрную землю! Когда, по возвращеніи въ Москву я занемогъ, то доброхоты эти восшатались какъ пьяные съ Сильвестромъ и Адашевымъ, думая, что насъ уже нѣтъ, забывъ благодѣянія наши и свои души, потому что отцу нашему цѣловали крестъ и намъ, что, кромѣ нашихъ дѣтей, другаго государя себѣ не искать; они хотѣли воцарить далекаго отъ насъ въ колѣнѣ князя Владиміра, а младенца нашего погубить, воцаривъ князя Владиміра. Если при жизни нашей мы отъ своихъ подвластныхъ насладились такого доброхотства, то что будетъ послѣ насъ? Когда мы выздоровѣли, Сильвестръ и Адашевъ не перемѣнили своего поведенія; на доброжелателей нашихъ подъ разными видами умышлялись гоненія, князю Владиміру во всемъ потакали, на царицу нашу Анастасію сильную ненависть воздвигли, уподобляя ее всѣмъ нечестивымъ царицамъ, а про дѣтей нашихъ тяжело имъ было и вспомянуть. Когда князь Семенъ Ростовскій измѣнилъ, и мы наказали его съ милостью, то Сильвестръ съ вами, злыми совѣтниками своими, началъ его держать въ великомъ береженіи и помогать ему всякимъ добромъ, и не только ему, но и всему роду его. Такимъ образомъ, измѣнникамъ нашимъ было хорошо, а мы терпѣли притѣсненіе. Началась война съ ливонцами: Сильвестръ съ вами, своими совѣтниками, жестоко на насъ за нее возставалъ. Заболѣю ли я, или царица, или дѣти — все это, по вашимъ словамъ, было наказаніе Божіе за наше непослушаніе къ вамъ. Какъ вспомню этотъ тяжкій обратный путь изъ Можайска съ больною царицею Анастасіею? Единаго ради малаго слова непотребна. Молитвы, путешествія по святымъ мѣстамъ, приношенія и обѣты ко святынѣ о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи — всего этого мы были лишены лукавымъ умышленіемъ; о человѣческихъ же средствахъ, о лѣкарствахъ во время болѣзни и помину никогда не было. Пребывая въ такихъ жестокихъ скорбяхъ, не будучи въ состояніи сносить такой тягости, превышающей силы человѣческія, и, сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашева и всѣхъ его совѣтниковъ, мы наказали ихъ милостиво: смертною казнью не казнили никого, но по разнымъ мѣстамъ разослали. Попъ Сильвестръ, видя своихъ совѣтниковъ въ опалѣ, ушелъ по своей волѣ, и мы его отпустили, не потому, чтобы устыдились его, но потому, что не хотѣли судить его здѣсь: хочу судиться съ нимъ въ будущемъ вѣкѣ, предъ Агнцемъ Божіимъ. А сынъ его и до сихъ поръ въ благоденствіи пребываетъ, только лица нашего не видитъ. А мірскихъ

людей мы наказали по ихъ измѣнѣ: сначала смертною казнью не казнили никого; но всѣмъ приказано было отстать отъ Сильвестра и Адашева, не имѣть съ ними отношенія, въ чемъ и взята была со всѣхъ присяга; но совѣтники ихъ, которыхъ ты называешь мучениками, приказъ нашъ и крестное цѣлованіе вмѣнили ни во что, не только не отстали отъ измѣнниковъ, но и больше начали имъ помогать и всячески промышлять, чтобы ихъ на первый чинъ возвратить и составить на насъ лютѣйшее умышленіе, и такъ какъ злоба обнаружилась неутолимая, то виновные по своей винѣ и судъ приняли".

Въ этомъ разсказѣ насъ не останавливаетъ никакая запутанность или противорѣчіе: причина и постепенность дѣйствія ясны. Іоаннъ самъ объявляетъ, что нерасположеніе къ вельможамъ заставило его приблизить къ себѣ Адашева, человѣка относительно низкаго происхожденія; для совѣта духовнаго, для нравственнаго руководства приближенъ былъ священникъ Сильвестръ, болѣе всѣхъ другихъ къ тому способный. Относительно внутренней, нравственной жизни подчиненіе Сильвестру было полное; но Сильвестръ, соединясь съ Адашевымъ, составилъ себѣ многочисленную и сильную партію: они захотѣли полнаго подчиненія себѣ во всемъ. Несогласіе Іоанна съ Сильвестромъ и его совѣтниками выставлялось какъ непослушаніе велѣніямъ Божіимъ, за которымъ непосредственно слѣдуютъ наказанія. Во время болѣзни царя Сильвестръ, отецъ Адашева и пріятели ихъ дѣйствовали такъ, что заставили Іоанна разувѣриться въ ихъ расположеніи къ нему и его семейству, возбудили или усилили нерасположеніе къ себѣ царицы и братьевъ ея и сами не скрывали своего нерасположенія къ нимъ. Послѣднее столкновеніе, на которомъ остановился Іоаннъ при перечисленіи своихъ оскорбленій, помѣстилъ онъ во время обратнаго пути изъ Можайска съ больною Анастасіею. Извѣстіе это, лишенное подробностей, для насъ темно, какъ и многіе другіе намеки, дѣлаемые Іоанномъ въ перепискѣ съ Курбскимъ; но одно выраженіе ясно указываетъ на столкновеніе Сильвестра и Адашева или совѣтниковъ ихъ съ Анастасіею: „За одно малое слово съ ея стороны явилась она имъ неугодна; за одно малое слово ея они разсердились". Это столкновеніе, какъ видно, было послѣднимъ, рѣшительнымъ въ борьбѣ. Время путешествія Іоанна съ больною женою намъ извѣстно; это было въ ноябрѣ 1559 года. Весною видимъ уже Адашева въ почетной ссылкѣ при войскѣ, отправлявшемся въ Ливонію; въ это же время долженъ былъ удалиться и Сильвестръ. Любопытно и тутъ видѣть остатокъ того нравственнаго вліянія, которымъ пользовался Сильвестръ надъ Іоанномъ; послѣдній выставляетъ болѣе виновнымъ Адашева: „сыскавъ измѣны собаки Адашева Алексѣя со всѣми его совѣтники". Сильвестръ удаляется добровольно; Іоаннъ повторяетъ, что онъ не сдѣлалъ ему никакого зла, что не хочетъ судить его, а будетъ судиться съ нимъ предъ судомъ Христовымъ; невоздержный на бранныя выраженія, Іоаннъ въ перепискѣ съ Курбскимъ позволяетъ себѣ только одно бранное выраженіе на счетъ Сильвестра; помня столкновенія свои съ послѣднимъ въ совѣтѣ о дѣлахъ политическихъ, позволяетъ себѣ называть Сильвестра невѣждою. Очень важно извѣстіе, находимое у Іоанна, о постепенности въ опалахъ: сперва удаленіе нѣкоторыхъ, взятіе съ оставшихся клятвы не сообщаться съ удаленными; но клятва не соблюдается, совѣтники Сильвестра и Адашева стараются возвратить имъ прежнее значеніе—и слѣдуютъ казни. Дѣйствительно, трудно предположить, чтобы многочисленная и сильная сторона Сильвестра и Адашева осталась спокой-

ною зрительницею своего паденія, не старалась возвратить себѣ прежняго значенія, чего могла достигнуть только чрезъ возвращеніе Сильвестру и Адашеву ихъ прежняго значенія. Это извѣстіе тѣмъ вѣроятнѣе, что объясненія перевода Адашева изъ Феллина въ Дерптъ и Сильвестра изъ Кириллова въ Соловецкій монастырь,—объясненія, которыя сообщаетъ намъ Курбскій,—очень невѣроятны: Адашеву хотѣли сдаваться ливонскіе города, Сильвестра кирилловскіе монахи держали въ большомъ почетѣ, и это возбудило зависть, опасенія во врагахъ ихъ! Наконецъ, очень важно, что Іоаннъ при исчисленіи винъ Сильвестра и Адашева, ни слова не упоминаетъ объ обвиненіи въ отравѣ Анастасіи и тѣмъ опять подрываетъ достовѣрность извѣстій Курбскаго, будто обвиненіе въ отравѣ царицы, которое придумали враги Сильвестра и Адашева и которому повѣрилъ Іоаннъ, было началомъ опалы. Если бы Іоаннъ дѣйствительно повѣрилъ отравѣ, если бы это былъ главный пунктъ обвиненія, то что могло помѣшать ему выставить его въ посланіи къ Курбскому? Только во второмъ посланіи, желая отвѣтить на упрекъ въ потерѣ нравственной чистоты, Іоаннъ обращается къ Курбскому съ вопросомъ: „А зачѣмъ вы разлучили меня съ женою? Если бы вы не отняли у меня мою юницу, то кровавыхъ жертвъ и не было бы. Только бы на меня съ попомъ не стали, то ничего бы и не было. Все учинилось отъ вашего самовольства“. Такимъ образомъ, то, что у Курбскаго является на первомъ планѣ, о томъ самъ Іоаннъ вовсе сначала не упоминаетъ, а потомъ упоминаетъ мимоходомъ, въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, чтобъ только чѣмъ-нибудь оправдаться въ упрекѣ за нравственные безпорядки. Это различіе легко объясняется тѣмъ, что Іоаннъ не считалъ для себя нужнымъ скрывать главныя причины событій—борьбу съ Сильвестромъ, Адашевымъ и совѣтниками ихъ за власть, что повело къ удаленію этихъ лицъ, и потомъ движеніе партіи Сильвестра и Адашева для возвращенія своимъ вождямъ прежняго значенія, что повело къ дальнѣйшимъ опаламъ и казнямъ, тогда какъ Курбскому хотѣлось скрыть обѣ причины; для этого онъ перемѣшалъ событія: что нужно было поставить впереди, поставилъ сзади и выставилъ причину не настоящую.

Іоаннъ не отрицаетъ казней, послѣдовавшихъ за открытіемъ движенія совѣтниковъ Сильвестра и Адашева въ пользу послѣднихъ. Слѣдовательно имѣемъ право принять показанія Курбскаго о казни одной вдовы, Маріи Магдалины, съ пятью сыновьями: вдова эта была родомъ полька и приняла въ Москвѣ православіе; по словамъ Курбскаго, ее обвинили въ связи съ Адашевымъ и въ чародѣйствѣ; Курбскій превозноситъ ея христіанскую жизнь; тогда же казнены братъ Адашева, Данила и другіе родственники.

На основаніи признаній самого Іоанна, имѣемъ право принять извѣстіе Курбскаго и другихъ современниковъ о порчѣ нравственности Іоанна, происшедшей въ это время: мы видѣли, какъ начало порчи положено было въ молодыхъ лѣтахъ его; бракъ, впечатлѣніе, произведенное пожарами, вліяніе Сильвестра и Адашева повели къ успокоенію страстей, къ очищенію души; но скоро Іоаннъ опять сталъ волноваться подозрѣніемъ и гнѣвомъ вслѣдствіе поведенія Сильвестра и совѣтниковъ его во время болѣзни своей, вслѣдствіе образованія при дворѣ двухъ сторонъ, вслѣдствіе вражды Сильвестра и стороны его къ Анастасіи; наконецъ, Сильвестръ и Адашевъ удалились, но совѣтники ихъ остались и дѣйствовали для возвращенія себѣ прежняго значенія; надобно было дѣйствовать противъ нихъ, употреблять наказанія. Опять возвращалась страшная эпоха

Шуйскихъ, Кубенскихъ и Воронцовыхъ, около Іоанна образовалась пустота: люди, къ которымъ онъ привыкъ, которыхъ любилъ и, что всего важнѣе, которыхъ уважалъ, исчезли или, что еще хуже, стали поодаль, во враждебномъ положеніи, съ укоромъ въ устахъ и во взорахъ; къ новымъ людямъ, занявшимъ ихъ мѣсто, не чувствовалось уваженія. Въ это время новый ударъ—Іоаннъ овдовѣлъ, остался совершенно одинокъ, остался одинъ на одинъ со своими страстями, требовавшими немедленнаго удовлетворенія; а природа Іоанна мѣшала ему останавливаться при удовлетвореніи страстей: при впечатлительности, страстности, увлекательности природы Іоанна, переходы отъ зла къ добру и отъ добра къ злу были очень скоры.

XIV. Паденіе Ливонскаго ордена и Ливонская война.

(Изъ статьи Бестужева-Рюмина: «Ливонская война», помѣщенной въ «Журналѣ Минист. Народн. Просв.» за 1880 г.).

Ливонская война царя Іоанна Васильевича является для внимательнаго и безпристрастнаго взгляда однимъ изъ необходимѣйшихъ эпизодовъ въ жизни Московскаго государства. Неудачный исходъ ея не долженъ закрывать отъ насъ всего ея значенія, какъ попытки въ свое время и примѣра для временъ послѣдующихъ. Пока Московское государство слагалось въ борьбѣ съ остальными княжествами Руси Восточной, пока оно отбивалось отъ татаръ и Литвы, еще самостоятельной, тогда ему не нужно было много средствъ, оно могло довольствоваться тѣмъ, что имѣло. Но когда сложилось большое государство,—задачи его расширились, оно почувствовало необходимость большихъ средствъ, необходимость и лучшей защиты, и лучшей внѣшней обстановки, большаго матеріальнаго благосостоянія. Сложившееся государство почувствовало необходимость поддерживать свое существованіе, развиваться дальше, сознало, что въ то время, пока оно озабочено было самыми первоначальными требованіями бытія, другіе болѣе счастливые народы успѣли обставить себя гораздо лучшими условіями. Пробить себѣ дорогу къ такому же положенію, стать на ряду съ этими счастливыми народами сдѣлалось задачею Московскаго государства. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ начинаетъ вызывать изъ-за моря художниковъ и техниковъ, то же продолжаютъ его преемники. Овладѣвъ Новгородомъ, Московское государство приняло въ свои руки устройство западной торговли. которая дотолѣ шла черезъ Новгородъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдовало и политическія отношенія Новгорода съ странами прибалтійскими—Ливоніей и Швеціей. Извѣстно, что Московское государство закрыло въ Новгородѣ Нѣмецкій дворъ. Не разъ случалось каждому читать, что это закрытіе было гибельно: говорящіе такимъ образомъ не вникли въ то, что Ганза, стараясь извлекать изъ странъ, съ которыми была въ сношеніяхъ, всю пользу для себя, держала всегда въ черномъ тѣлѣ мѣстное купечество; они забыли, что борьба съ Ганзою была весьма выдающимся явленіемъ въ исторіи всѣхъ сѣверныхъ государствъ, и что закрытіе ганзейскихъ дворовъ совершилось ни въ одной Россіи. Но русскимъ купцамъ стало отъ того не легче: торговля перешла въ ливонскіе города — Ригу, Нарву. Ливонцы, съ своей стороны,

старались извлекать изъ этой торговли какъ можно болѣе выгодъ, обставляя ее для другихъ самыми стѣснительными условіями: иностранцамъ, особенно голландцамъ, запрещено было учиться по-русски и торговать прямо съ русскими; запрещенъ былъ ввозъ серебра въ Россію, запрещена была торговля съ русскими въ кредитъ и т. п. Въ 1547 году царь поручилъ саксонцу Шлитте набрать въ Германіи художниковъ и мастеровъ, которые могли бы быть полезны для Россіи. Набранные съ позволенія Карла V люди прибыли уже въ Любекъ, но, по представленію Ливоніи объ опасности для нея отъ знакомства русскихъ съ искусствами, были задержаны въ Любекѣ подъ предлогомъ долговъ; отпущенный черезъ два года Шлитте былъ задержанъ въ Ливоніи, которой удалось на этотъ разъ выхлопотать указъ отъ цезаря о непропусканіи въ Москву подобныхъ людей; одинъ изъ набранныхъ такимъ образомъ, по имени Ганцъ, хотѣлъ было пробраться въ Россію, но былъ остановленъ и казненъ.

Ливонскій орденъ былъ исконнымъ врагомъ Россіи на Балтійскомъ побережьѣ, наиболѣе старавшимся, какъ мы уже видѣли, препятствовать сношеніямъ нашимъ съ Западною Европою. Конечно, самъ по себѣ орденъ былъ слабъ; но и слабость эта могла быть страшна для московскаго правительства, потому что, какъ было уже ясно, существованіе ордена продолжаться не могло: ему приходилось или обратиться въ свѣтское владѣніе, подобно ордену Прусскому, съ которымъ онъ былъ соединенъ и отъ котораго недавно отдѣлился, или подпасть власти сосѣднихъ государствъ Польши, Швеціи, Даніи. Ливонія представляла собою миніатюрное повтореніе имперіи безъ объединяющей власти цезаря. Верховная власть цезаря надъ Ливоніей была почти что только номинальная; власть папы надъ епископами давала лишь поводъ къ постояннымъ препирательствамъ въ Римѣ между орденомъ и архіепископомъ. Въ Ливоніи рядомъ существовали области духовныхъ князей (архіепископа, епископовъ дерптскаго, эзельскаго, курляндскаго и ревельскаго) и область ордена, не имѣвшая своихъ опредѣленныхъ границъ и разсѣянная по областямъ духовныхъ князей. Епископы не зависѣли отъ архіепископа, и орденъ, подчиняясь вначалѣ архіепископу, вступилъ съ нимъ въ борьбу и пріобрѣлъ надъ нимъ первенство. Такая разрозненность интересовъ между властями дѣлала Ливонію достаточно слабою передъ лицомъ сильнаго врага. Стремленіе городовъ, въ особенности Риги, выйдти изъ-подъ власти князей было новымъ элементомъ слабости для Ливоніи; самымъ постояннымъ и существеннымъ элементомъ слабости было отношеніе высшихъ сословій—нѣмецкихъ колонистовъ къ низшему—латышамъ и финнамъ. Значеніе этого антагонизма сильно сказалось многими возстаніями крестьянъ во время войны русско-ливонской. Средствомъ объединенія разрозненныхъ элементовъ, господствовавшихъ въ землѣ Ливонской, былъ съ XV вѣка сеймъ, въ которомъ принимали участіе князья духовные—главные сановники ордена—уполномоченные рыцарей-вассаловъ ордена и духовныхъ властей (у тѣхъ и другихъ были свои вассалы, въ сущности составляющіе мѣстное рыцарство) и депутаты городовъ. Сеймы эти, по различію элементовъ, въ нихъ входившихъ, и по допущенному на нихъ рѣшенію по единогласію, часто не достигали единенія. Шли тогда жалобы къ цезарю и, какъ suprema ratio, междуусобная война. Появленіе реформаціи было важною эпохою въ жизни Ливоніи: она оторвала ее отъ Пруссіи, которая теперь обратилась въ свѣтское владѣніе, и такимъ образомъ Ливонскій орденъ сдѣлался вполнѣ самостоятельнымъ. Во

главѣ его стоялъ тогда знаменитый Плеттенбергъ. Къ реформаціи онъ отнесся нѣсколько сдержанно и старался примирить обѣ стороны, что ему удавалось мало, и вслѣдствіе сего, хотя Рига признала его своимъ единственнымъ повелителемъ, хотя на съѣздѣ въ Вольмарѣ (1526 г.) всѣ духовные владѣтели съ своими капитулами и рыцарями подчинились ему, но все-таки архіепископу удалось, наконецъ, подѣлить съ магистромъ власть надъ Ригою. Архіепископъ, ища себѣ опоры внѣ страны, избралъ своимъ коадъюторомъ Христофора, герцога Мекленбургскаго, родственника польскаго короля. Это вызвало противодѣйствіе ордена и вооруженное вмѣшательство на защиту архіепископа короля польскаго и герцога Бранденбургскаго. Орденъ, отвыкшій отъ войны и изнѣженный въ своихъ нравахъ, не могъ оказать сопротивленія польскому королю, уже вступившему въ Курляндію, и у мѣстечка Позволя (близъ Бауска) новый магистръ Фюрстенбергъ (въ 1557 г.) заключилъ съ нимъ миръ. Вслѣдъ затѣмъ Литва и орденъ вошли въ наступательный и оборонительный союзъ противъ Россіи.

Въ виду слабости ордена, въ виду возможности укрѣпиться на балтійскомъ берегу одному изъ сосѣднихъ государствъ, въ виду настоятельной необходимости войти въ прямыя торговыя сношенія съ Западомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ укрѣпить и охранить свои границы, Московское государство должно было начать Ливонскую войну. Въ поводахъ къ ней недостатка не было: очевидная враждебность ордена и нарушеніе существующихъ договоровъ служили самымъ лучшимъ поводомъ. Такъ, въ договорѣ 1463 г. между Псковомъ и дерптскимъ епископомъ встрѣчается упоминаніе о дани, которую, по старому обычаю, епископъ долженъ былъ платить великому князю; тамъ же постановлено, что епископъ и горожане должны оберегать русскій конецъ и святыя церкви. Въ договорѣ съ Плеттенбергомъ (1503 г.) условіе о дани было подтверждено, но не исполнялось въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Вопросъ объ этой дани не подымался до 1554 г., когда въ Москву прибыли ливонскіе рыцари ходатайствовать о продолженіи перемирія. Переговоры велись Ал. Адашевымъ. Епископъ согласился заплатить въ три года недоимку юрьевской (дерптской) дани за пятьдесятъ лѣтъ по гривнѣ (=марка) нѣмецкой съ человѣка, вся Ливонія должна за него ручаться и въ случаѣ неплатежа заставить платить, очистить русскія церкви (разграбленныя протестантами), не стѣснять русской торговли, не помогать Польшѣ. Вѣсть объ этомъ договорѣ взволновала Ливонію: архіепископъ созвалъ сеймъ толковать о требуемой царемъ дани; рѣшеніе сейма неизвѣстно; но за утвержденіемъ трактата царь прислалъ къ магистру посла своего келаря Терпигорева. Нѣмцы долго совѣтовались, колебались утвердить договоръ, но, наконецъ, прибѣгнувъ къ хитрой уловкѣ, внушенной канцлеромъ епископа дерптскаго, рѣшились подписать и при этомъ обратиться съ протестомъ къ цезарю. „Какое дѣло государю моему—сказалъ на это заявленіе Терпигоревъ—до кесаря; дали мнѣ грамату; не будете платить дани государю моему — самъ соберетъ“. Три года, данные для уплаты дани, прошли въ февралѣ 1557 года, Ливонія отправила въ Москву посольство попытаться, нельзя ли отдѣлаться отъ дани; посольство это не видѣло государя и отпущено съ увѣреніемъ, что, если дань не будетъ заплачена, „государю, положа упованіе на Бога своего, самому искати на магистри и на всей Ливонской земли“. Царь запретилъ тогда русскимъ купцамъ ѣздить въ Ливонію и послалъ князя Шастунова строить городъ въ Наровѣ, ниже Ивангорода. Испуганные ливонцы снарядили

новое посольство, которое просило уменьшенія дани; но царь желалъ, чтобы деньги были выплачены. На этомъ и прервались переговоры. Но, пока велись переговоры, русская рать стояла уже на границахъ Ливоніи: въ Ливоніи знали, что царь много заботился о своемъ войскѣ, что произведенное, въ 1556 г., полное распредѣленіе помѣстій и организація помѣстной системы, а также окончательное устройство стрѣльцовъ и увеличеніе числа служилыхъ татаръ давали русскому войску новую силу; въ Ливоніи знали, что, крѣпкая своимъ подчиненіемъ одной волѣ, земля русская должна сломить разрозненную, полную раздоровъ Ливонію, и могли только разсчитывать или на свою хитрость или на вмѣшательство сосѣдей; но въ послѣднемъ случаѣ лучше было опереться на одного изъ нихъ; и тогда уже нѣкоторые указывали на Польшу, и къ Польшѣ склонился впослѣдствіи Кеттлеръ. Въ январѣ 1558 года русскія войска, подъ начальствомъ князя Глинскаго, брата царицы Данила Романовича, и Шахъ-Али вошли въ Ливонію: вся страна на пространствѣ за 50 верстъ до Риги и за 30 до Ревеля была страшно опустошена; въ февралѣ рать вернулась на Русь. Уходя, воевода обратился къ магистру съ совѣтомъ: „бить челомъ государю, и царь (Шахъ-Али), и бояре, и царевичи станутъ государю о нихъ печаловаться". Созванъ былъ въ Вольмарѣ сеймъ обсуждать, что дѣлать Ливоніи, и было рѣшено, что, въ виду слабости ливонской, слѣдуетъ снова попробовать согласить царя на миръ. Собрали кое-какъ деньги для взноса царю. Положеніе дѣлъ было самое грустное: шведскій капланъ въ Ревелѣ писалъ въ Стокгольмъ, что Ливонія приближается къ краю гибели, и стоитъ только придти шведскому королю или его сыну, чтобы всѣмъ завладѣть, ибо польскій король не думаетъ помогать, а на военныхъ людей изъ Германіи надежда самая плохая: имъ неаккуратно платили жалованье; угнетенный эстъ скорѣе покорится русскому, чѣмъ нѣмцу. Отправили пословъ въ Москву. Царь велѣлъ прекратить войну, но жители Нарвы продолжали стрѣлять по Ивангороду. Этимъ война возобновилась. Жители Нарвы, сознавая, что держаться не могутъ, послали въ Москву съ предложеніемъ подданства; въ Москвѣ приняли пословъ благосклонно: но, получивъ подкрѣпленіе, Нарва снова отказала въ покорности и 11-го мая взята была окончательно; царь велѣлъ освятить городъ, построить въ немъ церкви и не только обѣщалъ свою милость всѣмъ жителямъ, но велѣлъ возвратить плѣнныхъ нарвскихъ, гдѣ они отыщутся. Такъ пріобрѣтена была гавань на морѣ, и явилась возможность самостоятельной торговли. Посламъ, пріѣхавшимъ во время нарвскаго дѣла, и между которыми былъ братъ магистра, отвѣчали, что магистру и епископамъ должно пріѣхать лично и бить царю челомъ, и онъ тогда ихъ помилуетъ. Стало быть, требовалась полная покорность Ливоніи. Покорности этой Іоаннъ рѣшилъ добиться оружіемъ: нѣкоторые города и волости сдавались безъ сопротивленія; здѣсь остались русскіе воеводы и строились русскія церкви; сильное сопротивленіе оказалъ Нейгаузенъ, обороняемый Георгіемъ Искулемъ, который сдался только тогда, когда его собственные солдаты грозили его повѣсить; ему позволили свободно выйти, а изъ гарнизона многіе перешли на сторону русскихъ. Магистръ, стоявшій съ 2,000 человѣкъ за болотами въ Киремпе, счелъ себя не безопаснымъ и ушелъ въ Валкъ, гдѣ Готгардъ Кеттлеръ, отличившійся во время опаснаго отступленія, избранъ былъ въ коадъюторы магистра; епископъ дерптскій, тоже бывшій въ Киремпе, при отступленіи къ Дерпту, былъ разбитъ Шеинымъ и Адашевымъ. Нейгаузенъ еще

не былъ взятъ, когда въ Дерптѣ чины ливонскіе вели между собою переговоры о томъ, у кого просить помощи; высказывались разныя мнѣнія. Посреди этихъ преній дерптскій бургомистръ Тилэ высказалъ самое разумное мнѣніе: онъ призывалъ своихъ соотечественниковъ къ пожертвованію имуществомъ, говорилъ о необходимости единенія, указывая на то, что, откуда бы Ливонія не призвала себѣ защитника, защитникъ этотъ поработитъ ее; но „онъ проповѣдывалъ глухимъ". Еще предъ тѣмъ чины посылали просить помощи у цезаря, который отвѣчалъ указаніемъ на то, что они могутъ обратиться къ сосѣдямъ, ибо, несмотря на все его желаніе, „ему невозможно все христіанство на всѣхъ мѣстахъ даже отъ однихъ турокъ защищать и охранять". Результатомъ дерптскихъ переговоровъ было начало разложенія Ливоніи: Эстляндія и Эзель обратились съ просьбой о принятіи ихъ подъ защиту къ королю датскому, архіепископъ искалъ покровительства Польши, а магистръ—Швеціи. Государства сосѣднія обѣщали свое посредничество, что въ слѣдующемъ 1559 году и было исполнено со стороны Польши, Швеціи и Даніи. Кеттлеръ послалъ отъ себя посла къ царю, прося унять войну. Іоаннъ отвѣчалъ ему: „похощетъ маистръ государева жалованья, и онъ бы самъ былъ бити челомъ, а по его челобитью посмотря государь его пожалуетъ". Русскія войска между тѣмъ подходили къ Дерпту, гдѣ заперся епископъ съ гражданами и наемнымъ войскомъ, а дворянство по большей части разбѣжалось. Русскіе начали осаду Дерпта 11-го іюля; до 18-го нѣмцы защищались, но, когда магистръ отказалъ имъ въ помощи, должны были сдаться. Дерптцы, составивъ очень выгодныя для себя условія, предложили ихъ князю Петру Шуйскому. По этимъ условіямъ, предварительно подписаннымъ Шуйскимъ, епископъ сохраняетъ власть надъ католическимъ духовенствомъ и живетъ близъ Дерпта; дворяне сохраняютъ свои земли; граждане остаются при своей новой вѣрѣ и сохраняютъ городское управленіе (съ апелляціей въ Ригу); торговля русскихъ съ иностранцами ведется только черезъ дерптскихъ гражданъ, русскіе ратники не должны стоять по обывательскимъ домамъ Шуйскій, образъ дѣйствій котораго вообще чрезвычайно хвалитъ ливонскій лѣтописецъ, принялъ эти условія и занялъ городъ. 6-го сентября царь далъ жалованную грамату Дерпту, по которой апелляція къ Ригѣ не допущена, а постановлена апелляція къ воеводѣ и царю; освобожденіе гражданъ отъ постоя подвержено изъятію; русскимъ дозволяется владѣть собственностью въ Дерптѣ, но и дерптцамъ въ Россіи; торговать имъ можно безпошлинно только въ Новгородѣ, Псковѣ, Нарвѣ; со смертною казнью соединена конфискація. Давая такія права, царь, очевидно, хотѣлъ оставить за собою Дерптъ, и поэтому скоро началось поселеніе въ Юрьевской землѣ дѣтей боярскихъ; епископъ и нѣкоторые граждане были перевезены въ Москву. Взятіе Дерпта распространило ужасъ по всей Ливоніи: это былъ „лучшій и пріятнѣйшій городъ въ странѣ послѣ Риги и Ревеля". Всѣ чины Ливоніи слагали вину другъ на друга: орденъ—на дворянство, дворянство—на орденъ, горожане—на дворянство, а крестьяне—на всѣхъ. Города начали сдаваться: къ осени было завоевано до двадцати. Шуйскій обратился съ требованіемъ покорности къ Ревелю. Еще незадолго до взятія Дерпта архіепископъ, перекоряясь съ магистромъ, требовалъ отъ него отчета въ мѣрахъ защиты и грозилъ сеймомъ; теперь онъ рѣшился войти въ переговоры съ магистромъ. Въ сентябрѣ воеводы, оставивъ въ городахъ гарнизоны, удалились по обычаю. Пользуясь уходомъ главныхъ силъ, коадъюторъ Кеттлеръ выступилъ въ поле,

осадилъ и взялъ Рингенъ (замокъ близъ Дерпта), разбилъ остававшееся русское войско и даже опустошилъ нѣсколько псковскую границу. Въ январѣ 1559 года рать русская подъ предводительствомъ царевича Тохтамыша и князя Микулинскаго снова вошла въ Ливонію и, послѣ тщетнаго воззванія къ Кеттлеру о покорности, доходила до Риги, проникла въ Курляндію и къ веснѣ съ добычею возвратилась въ Опочку. Посредничество короля датскаго, но еще болѣе необходимость пригрозить Крыму, заставили царя дать Ливоніи шестимѣсячное перемиріе. Во время переговоровъ и въ особенности по заключеніи перемирія возобновились сношенія Ливоніи съ сосѣдними державами, преимущественно съ Польшей и цезаремъ. Къ имперскимъ чинамъ, собравшимся на сеймъ, отправили пословъ архіепископъ и магистръ; послано было посольство къ Густаву Вазѣ съ просьбой о ссудѣ, при чемъ въ обезпеченіе представлялись области. Съ королемъ датскимъ вошелъ въ сношеніе епископъ эзельскій, къ Сигизмунду-Августу поѣхалъ коадъюторъ Кеттлеръ. Чины имперскіе не особенно расположены были помогать Ливоніи: курфюрстъ Пфальцскій выставилъ даже на видъ то, что причина гибели Ливоніи—въ ея внутреннихъ ссорахъ. Все дѣло ограничилось заступничествомъ предъ царемъ и ссудою въ 100.000 гульденовъ. Переговоры съ Польшей шли медленно, ибо литовскіе чины смотрѣли на нихъ неблагосклонно, и только 31-го августа Кеттлеръ заключилъ договоръ, которымъ Ливонія отдавалась въ покровительство короля, съ сохраненіемъ верховной власти цезаря; за покровительство, – при чемъ король обязуется защищать отъ русскихъ, но не стѣснять ни правъ, ни обычаевъ, ни вѣры,—отдается ему, въ видѣ залога, съ правомъ выкупа, за 600,000 гульденовъ полоса земли отъ Друи до Ашерадена и еще нѣсколько округовъ. 15-го сентября архіепископъ тоже отдался подъ защиту польскаго короля; 26-го сентября епископъ эзельскій и курляндскій отдалъ свои епископства подъ покровительство Даніи. Такъ началось распаденіе ордена. Ливонія начала готовиться къ войнѣ: нужно было нанимать войска; деньги для этого занялъ магистръ у Ревеля, отдавъ подъ залогъ замокъ Когель. Когда въ Москвѣ узнали по вѣстямъ изъ Ливоніи объ этихъ приготовленіяхъ, царь рѣшился возобновить войну. Магистръ, разбивъ Плещеева, не успѣлъ, однако, взять ни Дерпта, ни Лайса. Между тѣмъ въ Москву прибыли посольства и отъ цезаря, и отъ Польши, но не могли добиться никакой уступки относительно Ливоніи. Новая русская рать, подъ начальствомъ князя Мстиславскаго, князя Серебрянаго и князя Шуйскаго, вошла въ Ливонію, взяла Маріенбургъ, проникла въ Курляндію, нигдѣ не встрѣчая препятствій. Положеніе страны было ужасно: оба магистра были несогласны между собою; денегъ не было; пришлось заложить Польшѣ и прусскому герцогу курляндскіе замки (Гольдингенъ, Виндаву, Грабенъ); а между тѣмъ явилось еще новое затрудненіе: епископъ эзельскій выбралъ себѣ въ преемники голштинскаго герцога Магнуса, брата датскаго короля, который и прибылъ въ Аренсбургъ съ пятью кораблями; хорошо встрѣченный въ Эстляндіи, онъ скоро пріобрѣлъ епископство ревельское. Еще въ началѣ апрѣля магистръ и чины ордена рѣшили между собою—еще разъ поискать помощи, но если не удастся, то предоставить магистру право секуляризировать орденскую область; если же придется искать инаго государя, то слѣдуетъ предпочесть короля польскаго. Весною 1560 года снова большое московское войско вошло въ Ливонію. Во главѣ его стоялъ князь А. М. Курбскій. Оно опустошило мѣста около Вейсенштейна, ходило подъ Феллинъ, гдѣ заперся Фюрстенбергъ, и имѣло нѣсколько счаст-

ливыхъ стычекъ. Съ прибытіемъ главнаго войска, предводимаго княземъ Мстиславскимъ, военныя дѣйствія стали еще значительнѣе: около Феллина былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ ландмаршалъ нѣмецкаго ордена Филиппъ Бель, славный своею храбростью; затѣмъ палъ самый Феллинъ, гдѣ взятъ въ плѣнъ Фюрстенбергъ; русскія войска пошли по разнымъ сторонамъ Ливонской земли, въ которой въ это время ко всѣмъ другимъ бѣдствіямъ присоединилось возстаніе крестьянъ. Курбскій разбилъ у Кеси (Вендена) въ нѣсколькихъ бояхъ ливонцевъ и литовцевъ. Ходкевичъ, занявъ заложенные королю города, послалъ свои силы противъ русскихъ; пораженіе заставило Ходкевича отступить за Двину. Яковлевъ подходилъ къ Ревелю. Послѣ неудачной осады Вейсенштейна, Мстиславскій ушелъ назадъ. Между тѣмъ Магнусъ, пользуясь сложившимся мнѣніемъ, что онъ въ сношеніяхъ съ цезаремъ, и несмотря на то, что только-что заключилъ перемиріе съ магистромъ, началъ убѣждать Ревель подчиниться ему, такъ какъ онъ уже пріобрѣлъ епископство ревельское. Ревель отклонилъ его исканія, считая его безсильнымъ. Отчаявшись въ помощи магистра, Ревель вступилъ въ переговоры съ шведскимъ королемъ Эрихомъ XIV, наслѣдовавшимъ отцу своему Густаву Вазѣ. Эрихъ, отклонивъ просьбу магистра о помощи, обѣщалъ помочь Ревелю, если Ревель приметъ его покровительство. Снова Ревель обратился къ магистру и получилъ отъ него самый неутѣшительный отвѣтъ: самъ онъ спасти землю не надѣется, а всю надежду возлагаетъ на польскаго короля. Тогда Ревель окончательно поддался Швеціи. Въ это время живѣе пошли переговоры магистра и архіепископа съ Польшею, кончившіеся подчиненіемъ Польшѣ, при чемъ магистръ Кеттлеръ получилъ въ наслѣдственное владѣніе Курляндію (1561 г.). Такъ окончательно разорвалась Ливонія между Польшею, Швеціей, Даніей (Эзель остался за Магнусомъ), Россіей и вассаломъ Польши—курляндскимъ герцогомъ.

XV. Война Іоанна IV съ Польшей изъ-за Ливоніи.

(По «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова).

Подданство Ливоніи польскому королю должно было поставить этого послѣдняго во враждебныя отношенія къ Московскому государству, которое не желало отказаться отъ своихъ завоеваній въ этой странѣ. На предложеніе поляковъ—очистить ливонскіе города бояре отъ имени царя отвѣчали, что не одна Ливонія, но и русскія земли Литвы испоконъ вѣка были достояніемъ предковъ московскихъ царей, что сама Литва платила дань сыновьямъ Мономаха, а потому и она есть царская вотчина. Очевидно, что соглашеніе при такихъ условіяхъ было немыслимо. Въ началѣ 1563 г. русскія войска въ значительномъ количествѣ двинулись въ походъ. Самъ Иванъ IV осаждалъ Полоцкъ и взялъ его, что дало ему возможность сильно возгордиться и въ переговорахъ съ литовскими послами запрашивать возвращенія Кіева, Галича, Волыни. Литовцы и слышать не хотѣли объ этихъ уступкахъ, а потому переговоры не привели ни къ какому прочному перемирію. Тѣмъ не менѣе, вслѣдъ за завоеваніемъ Полоцка, энергическое наступленіе русскихъ на Литву прекращается, главною причиною чего было недовѣріе, которое возъимѣлъ царь относительно своихъ бояръ. Спасаясь отъ его подозрительности, кн. Черкасскіе, а за

ними кн. Курбскій и нѣкоторые другіе, бѣжали въ Литву. Курбскій обратился затѣмъ къ царю съ письмомъ, въ которомъ старался оправдать свой поступокъ. Письмо это вызвало знаменитую переписку Іоанна IV съ бѣжавшимъ княземъ. Въ продолженіе всего 1564 г. война на литовской границѣ и въ Ливоніи шла вяло, но южныя области Московскаго государства сильно страдали отъ набѣговъ крымскихъ татаръ, побуждаемыхъ Сигизмундомъ-Августомъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Москвы. Ничего энергичнаго не предпринималось ни съ той, ни съ другой стороны и въ слѣдующіе годы. Въ 1569 г. состоялась окончательная унія Литвы съ Польшею, вопреки желанію многихъ литовскихъ и русскихъ вельможъ. Московское вліяніе могло бы помѣшать уніи и даже составить партію, склонную къ соединенію Литвы съ Московскимъ государствомъ; но правительство послѣдняго не обратило вниманія на эти обстоятельства. Зато, когда, года три спустя, скончался бездѣтный король Сигизмундъ-Августъ и Литовско-Польскому государству предстояло выбрать себѣ монарха, Іоаннъ возъимѣлъ желаніе получить польскую корону. Въ Польшѣ и Литвѣ были вельможи, склонные къ возведенію на польскій престолъ сына Іоанна IV Θеодора. Но царь отклонялъ предложенія насчетъ сына и прочилъ себя, увѣряя польскихъ пословъ, что будетъ соблюдать старинныя привилегіи Польши. Тутъ же онъ не упускалъ случая замѣтить, что напрасно его считаютъ злымъ и жестокимъ, что такимъ его представляютъ лишь измѣнники, которымъ вѣрить не слѣдуетъ. Однако въ Польшѣ и Литвѣ знали хорошо характеръ Іоанна, и это одно, помимо другихъ причинъ, не могло уже расположить сеймъ въ пользу московскаго царя. Польскимъ королемъ сдѣлался французскій принцъ Генрихъ; но онъ властвовалъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ Польшѣ, потому что получилъ извѣстіе о смерти своего брата французскаго короля Карла IX, уѣхалъ тайно изъ Кракова, прибылъ въ Парижъ и промѣнялъ польскую корону на французскую. Іоаннъ опять явился въ числѣ кандидатовъ на польскій престолъ, но опять не добился своей цѣли: королемъ польскимъ сдѣлался храбрый и дѣятельный седмиградскій воевода Стефанъ Баторій. Іоаннъ былъ сильно недоволенъ этимъ избраніемъ, отказывался называть Стефана братомъ, попрекалъ его бусурманствомъ, на томъ основаніи, что, въ качествѣ седмиградскаго воеводы, онъ былъ данникомъ Турціи.

Что касается Ливоніи, то въ Москвѣ составили планъ обратить ее въ отдѣльное королевство, находящееся въ зависимости отъ Московскаго государства и платящее ему дань. Въ короли предназначался датскій принцъ Магнусъ, вызванный съ этою цѣлью въ Москву. Магнуса женили на племянницѣ царя. Но прежде, чѣмъ добиться исполненія этого плана, надо было выдержать борьбу съ Баторіемъ, который, принимая польскую корону, обѣщалъ Польшѣ вернуть всѣ земли, отнятыя у нея въ послѣднее время Москвою. Предстояло также побѣдить и шведовъ, такъ какъ царь не признавалъ принадлежности имъ Эстляндіи и Ревеля и хотѣлъ, чтобѣ вся Ливонія вошла въ составъ королевства Магнуса. Въ 1577 г. двѣ русскія арміи вошли въ Ливонію, обозначая свой путь неслыханными жестокостями. Одна направилась къ Ревелю и не имѣла никакого успѣха, другая, при которой находился царь, вошла въ польскую Ливонію и завладѣла многими городами: Кокенгузеномъ, Венденомъ, Вольмаромъ. Но торжество царя было непродолжительно: Баторій съ небольшимъ, но превосходнымъ войскомъ явился въ Ливонію. Шведы также отправили свои отряды. Посаженный царемъ король Магнусъ не могъ

держаться противъ такихъ силъ и, ненавидя Іоанна IV, который неоднократно оскорблялъ его и даже заключалъ подъ стражу, перешелъ на сторону Баторія. Съ конца лѣта 1579 г. начинается рядъ пораженій, которыя терпитъ русская рать отъ польскаго короля. Несмотря на то, что польскій сеймъ не давалъ своему королю достаточныхъ денежныхъ средствъ для войны, Баторій не пожалѣлъ своей собственной казны, на которую нанималъ солдатъ, и энергично продолжалъ борьбу. Іоаннъ отчаялся въ успѣхѣ и отправилъ къ Баторію посольство, при чемъ велѣлъ посламъ вести себя не только крайне вѣжливо, но даже униженно предъ Баторіемъ. Имъ велѣно было не обращать вниманія, если король не спроситъ о царскомъ здоровьи и не встанетъ съ мѣста, когда они будутъ отдавать ему поклонъ отъ московскаго государя. Въ другое время такое несоблюденіе этикета было бы сочтено самымъ жестокимъ оскорбленіемъ. Мало того: посламъ сказано было, что они, если ихъ будутъ бранить и безчестить, должны жаловаться на это слегка, а не говорить „прытко". Но король требовалъ слишкомъ многаго: не только Ливоніи, но и Новгорода, Пскова, Великихъ Лукъ со всѣми ихъ землями. Хотя и побѣжденный, Іоаннъ не могъ согласиться на столь тяжелыя условія и хотя не пересталъ искать посредниковъ, которые помогли бы ему заключить менѣе прискорбный міръ, но долженъ былъ продолжать войну.

Между тѣмъ военное счастье стало измѣнять Баторію, а польскій сеймъ давалъ лишь самыя скудныя средства для войны. Баторій взялъ Полоцкъ. Великіе Луки, Холмъ, Старую Русу, Островъ; но крѣпкія стѣны и мужественные защитники Пскова остановили его успѣхи. Ему пришлось начать правильную осаду этого города, а между тѣмъ войска было мало, денегъ также, приближалось холодное время года. Этимъ объясняется то, что король сталъ сговорчивѣе и согласился на переговоры, которые заведены были въ деревнѣ Киверовой-горкѣ, въ 15 верстахъ отъ Запольскаго яма, при посредствѣ іезуита Поссевина. Папа Григорій XIII, въ надеждѣ извлечь пользу для католической церкви, принялъ предложеніе царя о посредничествѣ и послалъ Поссевина для переговоровъ. Долго тянулись эти переговоры; наконецъ, въ январѣ 1582 г. состоялось десятилѣтнее перемиріе между Польшей и Москвой, въ силу ктораго послѣдняя отказалась отъ Ливоніи, Полоцка и Велижа, а Баторіи возвратилъ взятые имъ псковскіе пригороды.

XVI. Іоаннъ Грозный и іезуитъ Поссевинъ.

(По соч. графа Толстого: «Римскій католицизмъ въ Россіи»).

Въ то время, когда польскій король Баторій, овладѣвъ Полоцкомъ, пролагалъ себѣ путь къ стариннымъ областямъ русскимъ, когда съ сѣвера шведы, съ юга турки и ногайцы двигались къ границамъ великаго княжества Московскаго, Іоаннъ, не видя возможности успѣшной защиты своихъ новопокоренныхъ владѣній, рѣшился прибѣгнуть къ неслыханному дотолѣ въ Россіи средству: просить помощи у римскаго двора. Не имѣя союзниковъ и достаточныхъ силъ, чтобы удержать столь искуснаго противника, Іоаннъ, не безъ основанія разсчитывалъ на вліятельное содѣйствіе папы въ войнѣ съ государемъ и народомъ католическимъ, и тѣмъ болѣе могъ желать этого содѣйствія, что папа благословилъ Баторія

на войну съ Россіею и обѣщалъ склонить къ тому другихъ государей. Такимъ образомъ, не только прямое участіе Рима въ примиреніи Россіи съ Польшею, но и самое его бездѣйствіе было бы полезно Іоанну въ тогдашнемъ затруднительномъ его положеніи. 25 августа 1580 г. отправленъ былъ изъ Москвы въ Римъ для этихъ переговоровъ Истома Шевригинъ.

Но придя къ этой мысли, Іоаннъ принялъ мѣры, чтобы помощь, которую онъ просилъ у папы, не была куплена слишкомъ дорогой цѣной. Онъ зналъ, что Римъ не применетъ воспользоваться этимъ обращеніемъ къ нему, какъ поводомъ снова попытаться подчинить папской куріи русскую церковь. А этого Іоаннъ и не хотѣлъ, и не могъ сдѣлать, по непоколебимой преданности народа русскаго православію. Нисколько не думая объ уступкахъ въ дѣлѣ вѣры, царь для привлеченія папы поручилъ своему послу предложить ему, во-первыхъ, союзъ съ западноевропейскими государями противъ невѣрныхъ, конечно, послѣ прекращенія польской войны, во-вторыхъ, свободный проѣздъ чрезъ Россію въ Персію венеціанскимъ и другимъ купцамъ. Что же касается до религіозныхъ вопросовъ, то Шевригину было строго запрещено даже поднимать о нихъ рѣчь.

Предложенія Іоанна были приняты въ Римѣ съ готовностью. Выгодныя для папы и сами по себѣ, они въ то же время, казались ему удобнымъ предлогомъ для осуществленія прозелитическихъ стремленій Рима.

Въ концѣ мая 1581 года назначенъ былъ для примиренія Іоанна съ Баторіемъ и насажденія въ Россіи римскаго католицизма испытанный уже въ искусствѣ совращенія іезуитъ Антоній Поссевинъ, склонившій, какъ утверждаютъ, въ 1577 году шведскаго короля Іоанна скрытно перейти изъ лютеранства въ католичество. Въ тайной иструкціи, данной этому іезуиту, опредѣлены были въ точности какъ цѣль его посольства, такъ и средства ея достиженія. Прежде всего ему предписывалось, склоняя Баторія къ перемирію съ Іоанномъ, вести дѣло такъ, чтобы царь видѣлъ, что всѣмъ онъ обязанъ римскому двору; затѣмъ привлечь его къ союзу съ папою, императоромъ и другими христіанскими государями противъ турокъ. Окончивъ это политическое дѣло, внушивъ Іоанну ненависть къ туркамъ и овладѣвъ умомъ его, Поссевинъ долженъ былъ перейти къ вопросу о религіи, тѣсно связанному въ намѣреніяхъ римскаго двора съ предыдущимъ, и доказать царю, что для единодушнаго союза необходимо единеніе духа, потому и слѣдуетъ принять ему римско-католическую вѣру, празнавъ за единаго главу церкви папу, намѣстника Христа на землѣ, каковымъ онъ былъ всегда почитаемъ всѣми христіанскими государями и престолъ коего въ Римѣ выше всѣхъ другихъ. Описаніемъ флорентійскаго собора, экземпляръ коего на греческомъ языкѣ врученъ былъ Поссевину, онъ долженъ былъ убѣдить Іоанна, что папа есть дѣйствительно глава всей церкви, какъ призналъ его императоръ греческій во имя всего народа, что постановленія этого собора не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, ибо въ нихъ участвовали лучшіе богословы съ той и съ другой стороны, и что сей важный предметъ, при помощи и дѣйствіи Духа Святаго, былъ обсужденъ вполнѣ. Іезуиту вмѣнялось въ обязанность, дѣйствуя на умъ Іоанна, употребить въ пользу и самыя его страсти и, возбудивъ его самолюбіе, представить, какъ постыдно столь мудрому и могущественному государю находиться въ зависимости отъ патріарха константинопольскаго, раба турецкаго султана, и что не-

сравненно приличнѣе его высокому сану признать главою церкви папу, которому подлежатъ всѣ христіанскіе государи, ибо онъ дѣйствительно намѣстникъ Христа. Полагая, что главное препятствіе для осуществленія такихъ замысловъ представится со стороны православнаго духовенства, которое, частію по непріязненному расположенію къ латинской церкви, частію по желанію сохранить собственное значеніе, не пощадитъ никакихъ усилій для удержанія государя въ вѣрѣ отцовъ его, папа поручилъ іезуиту употребить всѣ средства, чтобы склонить на свою сторону православныхъ духовныхъ. Наконецъ, Поссевину вмѣнялось въ обязанность исходатайствовать царское позволеніе на построеніе въ Москвѣ одной или даже нѣсколькихъ церквей, увѣривъ Іоанна, что въ противномъ случаѣ ни венеціанскіе, ни другіе купцы римско-католическаго исповѣданія не будутъ пріѣзжать для торга въ Россію.

Съ такими намѣреніями отпускалъ римскій дворъ Поссевина въ Россію; съ совершенно противоположными принималъ его Іоаннъ. По пріѣздѣ въ Москву, черезъ два дня, представляясь царю, онъ вручилъ ему грамоту папы, въ которой Григорій XIII, принимая предложеніе Іоанна вооружиться противъ невѣрныхъ, объяснялъ, что единственное прочное основаніе союза между христіанскими государями есть любовь не человѣческая, а основанная на ученіи Христа, представитель коего на землѣ—папа, каковымъ и признанъ былъ за полтораста лѣтъ предъ тѣмъ на соборѣ флорентійскомъ всѣми епископами Греческой имперіи и самимъ императоромъ Палеологомъ, что за непризнаніе верховной власти папы греки испытали всевозможныя бѣдствія, подпавши подъ иго турецкое, и что Іоаннъ, для единодушнаго дѣйствія съ христіанскими государями противъ невѣрныхъ и для упроченія своего государства, долженъ подчиниться Риму. Для убѣжденія въ этомъ папа прислалъ экземпляръ постановленій флорентійскаго собора, совѣтуя государю прочесть его и приказать русскому духовенству читать со вниманіемъ, обѣщая, что эта книга дастъ ему разумъ и мудрость. Въ заключеніе папа изъявлялъ одно только желаніе—чтобы Іоаннъ присоединился къ католицизму, за что онъ получитъ какъ отъ римскаго двора, такъ и отъ всѣхъ христіанскихъ государей, все, чего только пожелаетъ.

Вскорѣ Поссевинъ вступилъ въ переговоры съ государевыми думными людьми и съ самаго начала сдѣлалъ предложеніе о соединеніи церквей. Повторяя сказанное въ грамотѣ папы, онъ утверждалъ при этомъ еще и то, будто четыре первыхъ вселенскихъ собора признали верховную власть Рима и догматы латинской церкви. Доказательствомъ этого, по его словамъ, служитъ то, что въ Римѣ находятся мощи св. Іоанна Златоуста и св. Григорія, а въ Венеціи св. Николая и св. Аѳанасія, и что въ римской церкви хранятся ихъ собственноручныя сочиненія, свидѣтельствующія объ истинѣ латинской вѣры. Но уполномоченные для переговоровъ съ Поссевиномъ думные люди, оставивъ безъ всякаго вниманія эти разсужденія о вѣрѣ, не дали никакого отвѣта папскому послу, а занялись съ нимъ преимущественно дѣлами ливонскими, которыя наиболѣе озабочивали правительство.

Настойчивый іезуитъ подалъ записку, въ коей, возобновляя предложенія свои о вѣрѣ, успокоивалъ государя, что соединеніе церквей не предполагаетъ измѣненія греческихъ обрядовъ, что оно необходимо для союза его съ другими христіанскими государями и что, приписывая молчаніе правительства на его объясненія неопытности переводчиковъ, которые не умѣли вѣрно передать его мыслей, онъ надѣется, что требо-

ванія его будутъ выслушаны, ибо онъ долженъ дать о семъ отчетъ папѣ. Кромѣ того, Поссевинъ просилъ, чтобы государь въ грамотѣ, которую пошлетъ Григорію XIII, величалъ его намѣстникомъ Христа, какъ называютъ цезарь и всѣ христіанскіе государи и какъ будто бы именовали его вселенскіе соборы и святые отцы греческіе.

Но и эта записка осталась безъ отвѣта. Поссевинъ отчаялся съ самаго приступа во всякомъ успѣхѣ своихъ переговоровъ, писалъ въ Римъ, что царь не только не хочетъ слышать предложеній его о вѣрѣ, но даже запретилъ своимъ переводчикамъ переводить поданную имъ по этому предмету записку. Затѣмъ данъ былъ Поссевину краткій и уклончивый отвѣтъ, что царь поговоритъ съ нимъ о вѣрѣ, когда Поссевинъ возвратится отъ Баторія. Не болѣе удачи имѣлъ папскій посолъ и въ склоненіи Іоанна составить союзъ съ христіанскими государями противъ турокъ. „Какой возможенъ теперь союзъ съ христіанскими государями противъ невѣрныхъ?—говорилъ Іоаннъ:—мы вооружимся противъ турокъ, а Баторій пойдетъ на насъ“.

Также неудачно шли и переговоры Поссевина относительно свободнаго пропуска въ Персію католическихъ купцовъ, переговоры, которые, какъ указано выше, также входили въ программу политическихъ соглашеній съ Іоанномъ, намѣченныхъ въ Римѣ. Іоаннъ ясно далъ понять, что и на это можно разсчитывать лишь послѣ заключенія мира съ Баторіемъ.

Слѣдовательно, всѣ соображенія, всѣ надежды успѣха заставляли Поссевина слѣдовать данному царемъ направленію дѣла и спѣшить положить конецъ войнѣ Россіи съ Польшею. Быть можетъ, письмо Іоанна къ Баторію, въ которомъ онъ глухо, неопредѣленно намекалъ на сходство догматовъ обѣихъ церквей, могло также питать въ іезуитѣ надежду возможности, совращенія царя въ латинство. Потому, отпущенный государемъ, Поссевинъ, не ожидая болѣе никакихъ разрѣшеній на свои требованія, выѣхалъ уже изъ Старицы къ Баторію.

Въ Москвѣ Поссевинъ оставилъ повѣренными своими іезуитовъ Степана Дреноцкаго и Михаила Маріена въ качествѣ наблюдателей, которые обязаны были вести журналъ своимъ замѣчаніямъ, но не приступать ни къ какимъ дѣйствіямъ, избѣгать свиданія съ митрополитомъ, повременить распространеніемъ между русскими нарочно для нихъ приготовленныхъ Поссевиномъ въ Вильнѣ церковныхъ книгъ латинскаго ученія. Осторожный іезуитъ оставилъ имъ подробное наставленіе, какъ они должны поступать во время его отсутствія, удаляя ихъ отъ всякихъ столкновеній, которыя могли бы оскорбить священное чувство привязанности русскихъ къ своей вѣрѣ и помѣшать предположенному соединенію ея съ римскою. Съ замѣчательнымъ искусствомъ разсчитанъ былъ образъ поведенія оставленныхъ въ Москвѣ іезуитовъ, ограничивавшійся благоразумною осторожностью, выжиданіемъ рѣшительныхъ требованій Поссевина, которыя отложены были до возвращенія его отъ Баторія.

Въ то время король польскій, въ намѣреніи достигнуть чрезъ Новгородъ до Москвы, осаждалъ Псковъ и, несмотря на мужественный отпоръ русскихъ, имѣя достаточное продовольствіе и помѣщеніе для своего войска, настойчиво продолжалъ осаду. Радзивиллъ, взявши Порховъ, разбивши Барятинскаго, прошедши побѣдителемъ къ берегамъ Волги, сталъ подъ Можайскомъ. Шведы заняли часть Ливоніи и взяли Нарву. Посолъ турецкаго султана прибылъ въ лагерь Баторія съ предложеніемъ ему помощи. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ непріятелями, Іоаннъ принужденъ былъ бороться еще съ внутренними врагами, вѣчно противными

ему родами боярскими, которые, пользуясь неудачами войны съ поляками, составили противъ него заговоръ, во главѣ коего стоялъ старшій его сынъ и наслѣдникъ престола. Въ такихъ обстоятельствахъ, выгодныхъ королю польскому, Поссевинъ старался склонить къ миру этого гордаго полководца, надменно отказавшагося выслушать предложенія о перемиріи пословъ Іоанновыхъ, и, именемъ папы дѣйствуя на приверженцевъ Рима, способствовалъ заключенію десятилѣтняго перемирія между Россіею и Польшею. Дѣятельное участіе Поссевина засвидѣтельствовано было какъ актомъ перемирія, имъ скрѣпленнымъ, такъ и неоднократнымъ подтвержденіемъ и удостовѣреніемъ самого Іоанна.

Исполнивши желаніе Іоанна, Поссевинъ пріѣхалъ 14 февраля 1582 года въ Москву требовать возмездія за свои услуги. Царю предстояло трудное дѣло: воспользовавшись посредничествомъ римскаго посла, отклонить требуемое за него вознагражденіе, и при томъ не возстановляя противъ себя Рима, который могъ побудить снова къ войнѣ короля польскаго.

Представившись 16-го числа государю, 18-го Поссевинъ возобновилъ свои прежнія требованія. Ополченіе Іоанна противъ турокъ, соединеніе вѣръ, посылка молодыхъ русскихъ въ Римъ для образованія, свободное проживаніе въ Россіи латинскихъ священниковъ, изгнаніе изъ Москвы лютеранъ, которымъ онъ приписывалъ невыгодныя для папы внушенія Іоанну, составляли сущность поданной папскимъ посломъ записки. Желая, чтобы государь прочелъ прежде поданное имъ изложеніе вѣры, іезуитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ царя побесѣдовать съ нимъ изустно объ этомъ предметѣ наединѣ; увѣрялъ, что молодые люди, которыхъ пришлютъ въ Римъ, будутъ наставлены во всѣхъ догматахъ греческой вѣры и возвращены въ Россію; взамѣнъ лютеранскихъ нѣмецкихъ пасторовъ, живущихъ въ Москвѣ, обѣщалъ прислать такихъ же нѣмецкихъ духовныхъ католическихъ (какъ-бы это было все равно), и, наконецъ, домогался письменнаго подтвержденія обѣщаннаго свободнаго въ Россіи отправленія вѣры венеціанцамъ и другимъ торговцамъ.

Бояринъ Никита Романовичъ, въ присутствіи ближнихъ людей, объявилъ 21 февраля Поссевину, что государь, признательный къ трудамъ его въ примиреніи съ Баторіемъ, не отказывается соединиться съ христіанскими государями противъ турокъ тогда, когда этотъ союзъ уже будетъ между ними окончательно заключенъ, что венеціанскимъ и цесарскимъ купцамъ дозволено будетъ имѣть съ собою священниковъ, „только имъ ученія своего русскимъ людямъ не плодити и костеловъ имъ въ нашемъ государствѣ не ставити, кой же въ своей вѣрѣ да пребываетъ, а въ нашемъ государствѣ много разныхъ вѣръ, и мы у нихъ воли не отнимаемъ, живутъ по своей волѣ, какъ кто хочетъ, а церквей еще по ся время ни которыя вѣры въ нашемъ государствѣ не ставливали“, и что на этомъ основаніи нѣтъ причины изгнать лютеранъ. Въ отвѣтъ на предложеніе послать для обученія русскихъ въ Римъ уклончиво было сказано, что способныхъ къ сему молодыхъ людей въ скоромъ времени собрать невозможно, и что ежели такіе найдутся, то будутъ посланы впослѣдствіи. Всего затруднительнѣе было отклонить переговоры о вѣрѣ, которые обѣщалъ начать Іоаннъ по заключеніи мира съ Баторіемъ. Не желая допустить ихъ въ ту время, когда поляки разоряли его владѣнія, когда главную надежду на миръ онъ полагалъ на папскаго нунція, обусловливавшаго свое посредничество исполненіемъ этого требованія, государь тѣмъ менѣе могъ рѣшиться разсуждать о

вѣрѣ по заключеніи мира съ Баторіемъ, когда услуги Поссевина и заступничество Рима сдѣлались уже для него ненужными. Потому Поссевину было сказано, что государь почитаетъ неприличнымъ бесѣдовать о вѣрѣ, не имѣя при себѣ своихъ ближнихъ людей, что эти разсужденія не могутъ привести ни къ какому послѣдствію, ибо каждый—ревнитель своей вѣры и защищаетъ ее, что они произведутъ одно безполезное словопреніе, а, можетъ быть, даже и разрывъ дружественныхъ сношеній между двумя дворами.

По объявленіи этой царской воли Поссевину, онъ просилъ изложить ее на бумагѣ, обѣщаясь дать отвѣтъ; говорилъ, что онъ не настаиваетъ на томъ, чтобы непремѣнно бесѣдовать съ государемъ наединѣ, что царь можетъ оставить при себѣ бояръ и ближнихъ людей, которыхъ пожелаетъ, понимая, что царь не можетъ быть безъ нихъ, какъ голова безъ членовъ. Наконецъ, изъясняя, что онъ пріѣхалъ не для ссоры, Поссевинъ утверждалъ, что не предвидитъ отъ этихъ разговоровъ никакихъ непріятностей, желаетъ только доказать сходство догматовъ двухъ церквей, а ежели найдутся какія-либо между ними противорѣчія, происходящія отъ невѣрности перевода греческихъ духовныхъ твореній, то теперь же ихъ согласить, подобно тому, какъ это сдѣлано было на соборѣ флорентійскомъ. Въ случаѣ, ежели бы государю неугодно было принять его къ себѣ, папскій посолъ просилъ дозволенія, изложивъ свои понятія о вѣрѣ, на другой же день и представить ихъ царю.

Видя неотвязчивыя домогательства іезуита и понимая, конечно, что всякія письменныя разсужденія о вѣрѣ съ римскимъ посломъ могли лишь повести къ дальнѣйшимъ съ его стороны домогательствамъ и при томъ продлятся неопредѣленное время, Іоаннъ рѣшился положить конецъ этому дѣлу, приказавъ Поссевину явиться къ себѣ и разсказать на словахъ, какія имѣетъ отъ папы порученія насчетъ вѣры. Приглашая къ себѣ папскаго посла, государь намѣревался не вступать съ нимъ въ переговоры о предметахъ духовныхъ, а объяснить, что они невозможны, и тѣмъ прекратить это посольство, становившееся для него столько же тягостнымъ, сколько было полезнымъ.

Удаливши стольниковъ, дворянъ и приставовъ, царь, въ присутствіи только бояръ и служилыхъ князей, принялъ папскаго посла. „Великій государь, царь и великій князь! – сказалъ Поссевинъ.—Присылалъ ты къ папѣ Григорію XIII, сопрестольнику апостола Петра, посла своего Шевригина съ предложеніемъ соединенія. Святѣйшій отецъ принимаетъ это соединеніе въ вѣрѣ и любви, тѣмъ болѣе, что нѣтъ различія между вѣрою римскою и греческою, потому и желаетъ, чтобы утвердилась одна церковь, одна вѣра, по слову Христа: „паси овцы моя“, такъ, чтобы мы ходили въ ваши церкви и исповѣдались вашимъ священникамъ, а вы — въ наши. Ежели же въ государствѣ твоемъ нѣтъ перевода всѣхъ сочиненій отцовъ греческой церкви, то ты можешь получить ихъ изъ Рима, гдѣ находятся сочиненія св. Іоанна Златоуста, собственноручно имъ написанныя, а также другихъ великихъ святителей, постановленія всѣхъ семи вселенскихъ соборовъ и послѣдняго собора флорентійскаго, на которомъ утверждено соединеніе обѣихъ вѣръ. Согласись признать такое соединеніе и будешь въ дружественныхъ связяхъ съ папою, императоромъ и всѣми государями, и распространится государство твое общими ихъ усиліями далѣе прародительской твоей отчизны Кіева и настоящихъ его предѣловъ, и сдѣлаешься императоромъ восточнымъ“. Для бо̀льшаго убѣжденія царя, іезуитъ обѣщалъ, что римскій дворъ не коснется пра-

вославныхъ храмовъ и обрядовъ, что православные священники останутся по прежнему, присовокупивъ, что самъ Іоаннъ обѣщалъ соединеніе вѣръ и свободу богослуженія католикамъ въ Россіи.

Убѣждая неоднократно Поссевина оставить эти разсужденія о вѣрѣ, которыя могутъ сдѣлаться ему непріятными, царь прибавилъ, что ничего не писалъ папѣ о вѣрѣ, что даже не имѣетъ права вступать съ нимъ въ такіе переговоры безъ дозволенія митрополита и собора. „Ты желаешь говорить о вѣрѣ,—сказалъ ему государь,—и имѣешь на то право: ты для этого и присланъ папою и самъ латынскій священникъ; а я не могу отвѣчать тебѣ, не получивъ на то рукоположенія митрополита и всего собора“. Что касается иностранныхъ купцовъ, проживающихъ въ Россіи, царь снова подтвердилъ свое обѣщаніе дозволить находиться при нихъ латинскимъ священникамъ и совершать богослуженіе, но не публично и не строя латинскихъ церквей.

Поссевинъ не переставалъ настаивать, увѣряя, что изъ предполагаемыхъ объясненій не произойдетъ никакого неудовольствія. „Ты великій государь,—сказалъ онъ:—какъ же осмѣлюсь я, наименьшій изъ твоихъ подданныхъ, произнести неприличное слово? Я хочу только передать тебѣ то, что поручилъ мнѣ папа“.

„Трудно намъ сойтись съ вами въ вѣрѣ,—возразилъ ему Іоаннъ:— „съ давнихъ временъ церковь восточная существуетъ отдѣльно отъ западной; мы приняли христіанскую вѣру при самомъ началѣ отъ апостола Андрея, принесшаго ее въ наши страны; впослѣдствіи, при Владимірѣ, она еще болѣе распространилась. Итакъ, въ то самое время, когда вы приступили къ христіанству въ Италіи, мы получили его въ Россіи и сохранили въ чистотѣ и цѣлости, тогда какъ въ латинской церкви (вспомни, что ты самъ говорилъ мнѣ въ Старицѣ) теперь семьдесятъ вѣръ. Въ нашей православной вѣрѣ я родился и съ Божіею помощью достигъ 51 года; слѣдовательно, мнѣ не время уже перемѣнять исповѣданіе, или желать обширнѣйшаго государства, я помышляю только о жизни будущей, а здѣсь мнѣ цѣлой вселенной не надо: земля въ рукахъ Божіихъ, кому захочетъ, тому и дастъ. А такъ какъ ты говоришь, что восточная церковь соединилась съ западною, то я тебѣ замѣчу, что наша вѣра не греческая, а православная, которая во многомъ разнствуетъ съ латинскою, но только разсуждать я объ этомъ не хочу, чтобъ не сказать чего лишняго, или тебѣ непріятнаго, и не нарушить тѣ дружественныя сношенія, которыя начались между мною и папою Григоріемъ XIII, потому и прошу тебя о вѣрѣ не говорить“.

Поссевинъ, докучая государю, продолжалъ просить дозволенія начать переговоры о религіи, вновь увѣряя его, что ихъ можно вести хладнокровно, безъ взаимныхъ оскорбленій.

Пылкость характера и глубокое знаніе постановленій православной церкви, которое любилъ выказывать царь и изустно, и письменно, преодолѣли дипломатическое его намѣреніе не вступать съ іезуитомъ въ разсужденія о вѣрѣ. „Не хочу говорить съ тобой о великихъ догматахъ вѣры, — началъ Іоаннъ, — тебѣ было бы это непріятно, а вотъ дѣло не важное: вижу, что ты брѣешь бороду, а брить и стричь бороды не велѣно не только духовнымъ, но и мірскимъ людямъ; ты же въ римской церкви попъ, а бороду стрижешь, то не угодно ли тебѣ сказать, откуда ты взялъ этотъ обычай, изъ котораго ученія?“

Смѣшавшійся отъ неожиданнаго вопроса іезуитъ отвѣчалъ, что у него борода не растетъ.

Дозволивъ себѣ это первое замѣчаніе, полный страсти Іоаннъ не могъ на немъ остановиться и продолжалъ: „Сказывалъ мнѣ Шевригинъ, что папу носятъ на престолѣ и цѣлуютъ его сапогъ, на которомъ вышитъ крестъ съ изображеніемъ распятія Христова. Ежели это правда, то хорошо-ли это? Вотъ первая причина несогласія нашей христіанской вѣры съ вашею римскою. У насъ крестъ Христовъ — на враги побѣда. Мы поклоняемся древу честнаго креста и почитаемъ по преданію святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ Церкви, и потому ниже пояса не носятъ у насъ креста и не ставятъ образовъ Спасителя, пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ, дабы взирать на образъ очами души, возвышающими до первообраза; для того и престолы въ церквахъ сдѣланы по грудь человѣку, ибо неприлично святынѣ быть ниже пояса. Итакъ, папа Григорій дѣйствуетъ не по уставу святыхъ апостоловъ и святыхъ богоносцевъ отцевъ вселенскихъ семи соборовъ; обрядъ его установленъ гордынею человѣческою“.

Поссевинъ отвѣчалъ, что всѣ цари христіанскіе признаютъ въ папѣ сопрестольника апостолу Петру, а слѣдовательно самому Христу, что вся святыня христіанская, сосредоточенная въ Римѣ, служитъ тому подтвержденіемъ, оттого и воздаются такія почести римскому первосвященнику.

„Говоришь ты такъ, о себѣ мудрствуя,—сказалъ Іоаннъ,—а не по заповѣдямъ Господнимъ и не по апостольскому преданію. Такая гордость неприлична святителямъ. Вспомни слова Спасителя къ ученикамъ его: „вы-жъ не нарицаетесь учители, единъ бо есть вашъ учитель Христосъ, а вы-жъ всѣ братья есте, и отца не зовите себѣ на землѣ, единъ бо есть Отецъ, иже на небесехъ; нижъ нарицаетесь наставницы, единъ бо есть наставникъ вашъ Христосъ, болій-жъ въ васъ да будетъ вамъ слуга“. Вспомни и первое посланіе верховнаго апостола Петра, въ которомъ онъ говоритъ: „пасете ижъ въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нужею, но волею и по Бозѣ, неправедными прибытки, но усердно, не яко обладающе ряду, но образи бывающе стаду“. Потому не превозноситься слѣдуетъ папѣ Григорію, сидя на престолѣ, какъ сказывалъ намъ гонецъ Шевригинъ и какъ ты теперь подтверждаешь, а смиренномудствовать, слѣдуя во всемъ апостолу Петру, по заповѣди Господней. Съ перваго вселенскаго собора, при папѣ римскомъ Сильвестрѣ, и до седьмаго собора были четыре патріарха, вселенскіе учители: константинопольскій, александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій, и ими поставлены были въ разныхъ странахъ митрополиты. Также и въ нашей царской державѣ есть митрополитъ, архіепископы и епископы русскіе, которыхъ мы почитаемъ и въ духовныхъ дѣлахъ слушаемся, митрополита русскаго называемъ отцомъ и богомольцемъ своимъ, поклоняемся ему, чтимъ его, просимъ его благословенія; когда пріѣзжаетъ къ намъ, выходимъ къ нему со всѣмъ дворомъ навстрѣчу, но за Бога его не признаемъ. Оттого и папѣ Грагорію XIII не слѣдовало бы возсѣдать на престолѣ и называться сопрестольникомъ апостолу Петру и даже самому Христу. Папа не Христосъ; престолъ, на которомъ его носятъ, не облако, да и тѣ, которые его носятъ, не ангелы. Самого верховнаго апостола Петра, любимаго ученика Христова, ходившаго по заповѣдямъ Его, нельзя сравнивать со Спасителемъ, а тѣмъ менѣе папу Григорія. Пускай онъ беретъ примѣръ съ папы Сильвестра, Адріана и другихъ вселенскихъ учителей, которые слѣдовали Христову ученію и преданію апостольскому и тѣмъ апостоламъ уподоблялись, а не превозноситься гордостью, не велитъ носить себя съ крестомъ на сапогѣ и припадать къ ногѣ своей.

Мы признаемъ апостола Петра и многихъ епископовъ римскихъ, удостоившихся лика святыхъ, какъ Климента, Сильвестра, Агаѳона, Вигилія, Льва, Григорія. Но какимъ образомъ могли наслѣдовать Петру и пребывать съ тою же властію на престолѣ его преемники ихъ, которые не послѣдовали заповѣдямъ Христовымъ?".

Поссевинъ отвѣчалъ, что власть, врученная Христомъ его намѣстникамъ, не зависитъ отъ хорошей или худой жизни. „Прошу тебя, свѣтлѣйшій царь, сказать мнѣ: законный-ли ты наслѣдникъ и преемникъ власти Владиміра, жившаго пятьсотъ лѣтъ прежде тебя?" Когда Іоаннъ отвѣтилъ утвердительно, Поссевинъ продолжалъ: „Итакъ, ежели бы кто вздумалъ издѣваться надъ твоею властію и не повиноваться ей, потому что предки твои, по человѣческой слабости, подвержены были порокамъ, призналъ-ли бы ты такого достойнымъ похвалы, или же наказанія? Нѣтъ. Ты государь великій въ своемъ государствѣ. Какъ же намъ не величать и не славить тебя и не припадать къ ногамъ твоимъ?" и съ этими словами бросился къ ногамъ Іоанна.

„Дѣйствительно,—сказалъ Іоаннъ,—подданные наши должны насъ, благочестивыхъ государей, почитать, какъ почитали и великаго князя Владиміра Мономаха, какъ почитаютъ всѣхъ великихъ государей, братьевъ нашихъ: но если ты думаешь оправдать тѣмъ почести, воздаваемыя папѣ, то я тебѣ замѣчу, что святителямъ, ученикамъ апостольскимъ, слѣдуетъ подавать собою примѣръ смиренія, а не возноситься гордостію превыше царей земныхъ; царямъ подобаетъ честь царская, а святителямъ, папамъ и патріархамъ—честь святительская. Тѣ папы, которые слѣдовали заповѣдямъ Христовымъ, и апостольскому преданію, и постановленіямъ семи вселенскихъ соборовъ, были дѣйствительно сопрестольниками апостоловъ; а папа, который идетъ наперекоръ ученію Христову,—тотъ папа, говорю, не пастырь, а волкъ".

„Коли де ужъ папа волкъ, и мнѣ что ужъ говорити! Зачѣмъ же посылалъ ты просить его о помощи? Зачѣмъ называлъ его, какъ и предшественники, пастыремъ церкви?"

Раздраженный царь вскочилъ съ своего мѣста и, приступая къ Поссевину съ палкою, окованною желѣзомъ, закричалъ на іезуита: „видно у мужиковъ ты учился, что осмѣливаешься говорить со мною по-мужицки!"

Испуганный іезуитъ замолчалъ; потомъ сталъ извиняться, скромно отвѣчая на возраженія Іоанна насчетъ папской власти.

Пришедши въ себя, царь поспѣшилъ загладить свою невольную горячность, которая могла возбудить противъ него Римъ. „Я тебѣ давиче говорилъ,—сказалъ онъ Поссевину,—что разсужденія о вѣрѣ не кончатся безъ непріятностей и обиды. Впрочемъ, я не вашего папу называю волкомъ, а того папу, который не захочетъ слѣдовать ученію Христову и преданію апостольскому; но, однако, оставимъ этотъ разговоръ".

Государь милостиво положилъ свою руку на Поссевина, который, поцѣловавъ ее, вышелъ въ сопровожденіи той же блистательной свиты, которая ввела его во дворецъ. Въ этотъ день послалъ къ нему Іоаннъ съ большими приставами, Астафьемъ Пушкинымъ и товарищами, кушанья отъ царскаго стола и велѣлъ подчивать ими папскаго посла.

Несмотря на столь неуспѣшные переговоры, Поссевинъ все же не переставалъ упорствовать. 22-го февраля онъ снова обратился съ просьбою о посылкѣ въ Римъ молодыхъ русскихъ для обученія.

Оставивъ записку съ изложеніемъ этихъ требованій безъ отвѣта, государь велѣлъ на другой день, т.-е. 23-го февраля, звать папскаго посла

къ себѣ во дворецъ. Напуганный іезуитъ, полагая, что его ожидаетъ мученическій вѣнецъ, предъ отходомъ къ царю причастился св. таинъ, причастилъ своихъ сообщниковъ и съ трепетомъ взошелъ въ царскія палаты, наполненныя въ этотъ разъ несравненно большимъ числомъ саповниковъ. Но царь, хотя пылкій, но умный политикъ, раскаивался уже въ своей горячности, въ неумѣстныхъ выраженіяхъ о папѣ, которому обязанъ былъ миромъ съ Баторіемъ, и призвалъ Поссевина не для казни, а для примиренія. Принявъ папскаго посла съ особыми почестями, онъ сказалъ ему громогласно: „Когда ты настаивалъ разсуждать со мной о вѣрѣ, я велѣлъ тебѣ сказать чрезъ своихъ бояръ и самъ тебѣ говорилъ, что эти разсужденія не обойдутся безъ неудовольствій, что всякій защищаетъ свою вѣру. Начну-ли я говорить о твоей вѣрѣ, тебѣ будетъ досадно меня слушать; станешь ли ты разсуждать о нашей вѣрѣ и доказывать превосходство латынской,—мнѣ будетъ непріятно. Но ты упрямился, непремѣнно требовалъ этихъ переговоровъ; я тебѣ сдѣлалъ самъ изустно нѣсколько замѣчаній о римской церкви, и ты оскорбился. Ежели я сказалъ что-либо о папѣ, что тебѣ не понравилось, то позабудь это, не пиши въ Римъ; несмотря на различіе нашихъ вѣроисповѣданій, я желаю сохранить миръ и дружбу съ папою Григоріемъ и всѣми христіанскими государями. Службу твою и усердіе не забуду, пожалую тебя своимъ жалованьемъ и засвидѣтельствую предъ папою и цесаремъ, что чрезъ твое посредство получилъ миръ съ Баторіемъ“.

Поссевинъ, поблагодаривъ государя, сказалъ нѣсколько словъ о вѣрѣ, которыя не вызвали, однако, ни противорѣчій, ни разсужденій.

Послѣ этого пріема, не имѣя личнаго доступа къ царю, папскій посолъ письменно продолжалъ свое дѣло: написалъ разсужденіе, представленное государю, о различіи вѣры восточной съ западной, гдѣ, разумѣется, доказывалъ превосходство послѣдней; составилъ, для убѣжденія русскихъ, трактатъ объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца и Сына; наконецъ, сдѣлалъ возраженіе на поданное Іоанну англійскими купцами и переведенное, по приказанію царя, на русскій языкъ сочиненіе, доказывавшее тождественность папы съ антихристомъ. Защищая папу и исчисляя всѣ заслуги римскаго первосвященника, Поссевинъ не забылъ прибавить, что содѣйствіемъ папы Григорія XIII заключенъ миръ съ Баторіемъ и что пролитіе крови христіанской, продолжавшееся двадцать два года, прекращено не антихристомъ, а намѣстникомъ Христовымъ.

Мало занимали царя богословскіе трактаты Поссевина. Отразивши его нападенія, лишивъ его всякой надежды привлечь себя къ латинству, онъ задумалъ давнюю свою думу: склонить іезуита къ православію. 4-го марта дворецъ наполнился народомъ, залы его вмѣщали до пяти тысячъ человѣкъ; лѣстницы, двери, окна заставлены были любопытными. Среди этой многочисленной толпы явился папскій посолъ предъ государемъ, пригласившимъ его „посмотрѣть богослуженіе православной христіанской церкви“.

Между тѣмъ царь приготовлялся дать общенародный праздникъ православія, показать торжественное признаніе нашей церкви папскимъ нунціемъ: въ Успенскомъ соборѣ готовилось великолѣпное богослуженіе, и Астафью Пушкину съ Ѳедоромъ Писемскимъ и приставами велѣно было ввести туда Поссевина и у дверей церковныхъ ожидать прибытія государя, дабы папскій посолъ видѣлъ, какъ встрѣтитъ царя митрополитъ съ крестомъ въ рукахъ, окруженный духовенствомъ, какъ царь за

крестомъ послѣдуетъ въ церковь, а за нимъ дозволено было идти и Поссевину.

Прибывши къ собору, Поссевинъ тотчасъ же хотѣлъ войти въ него, не ожидая на площади государя, и, когда приставы его „поуняли“, онъ объявилъ, что возвращается къ себѣ на подворье. Удержавши его у церкви, Пушкинъ съ товарищами донесли тотчасъ же о случившемся государю, который, видя, какъ трудно заставить іезуита безъ принужденія поклониться нашей святынѣ, прислалъ дьяка своего Щелкалова сказать Поссевину, что его задержали единственно для того, чтобы онъ видѣлъ, какъ встрѣтитъ царя митрополитъ, и чтобы „непригожева дѣла не дѣлалъ“; ежели не хочетъ быть въ церкви, то можетъ въ нее не входить; но возвращаться домой неприлично, а долженъ явиться въ отвѣтную палату выслушать рѣшеніе на подданныя имъ предложенія.

Не замедлилъ воспользоваться папскій посолъ этимъ царскимъ дозволеніемъ, освобождавшимъ его отъ непріятнаго любопытства толпы, и, не ожидая, вѣроятно, послѣ этого успѣшнаго разрѣшенія своихъ домогательствъ, пришелъ къ боярамъ узнать окончательную волю государя. Ему рѣшительно было подтверждено, что, несмотря на всѣ его просьбы, строить латинскія церкви въ Россіи никогда дозволено не будетъ, ибо „римскія вѣры костеломъ здѣ быти непригоже“, что, впрочемъ, не воспрещается иностранцамъ латинскія вѣры, пріѣзжающимъ въ Россію, исповѣдывать ее, но не распространять между русскими.

Это послѣднее слово Іоанна въ переговорахъ его съ посломъ римскаго двора; имъ положенъ былъ конецъ дипломатической уклончивости государя и несбыточнымъ ожиданіямъ Рима.

Поссевинъ отпущенъ былъ въ Римъ съ грамотою царя къ папѣ, въ которой упомянуто о принятіи экземпляра флорентійскаго собора и въ краткихъ словахъ сказано, что о вѣрѣ были уже разсужденія. Посланному же съ папскимъ посломъ русскому уполномоченному Молвянинову не поручалось вести переговоровъ ни о вѣрѣ, ни о соединеніи противъ невѣрныхъ; онъ долженъ былъ сказать: „тѣ дѣла великія, намъ о тѣхъ дѣлахъ говорить не наказано; мы люди не думные, тѣхъ дѣлъ намъ дѣлати не наказано“. Но, желая сохранить дружественныя сношенія съ римскимъ дворомъ и предвидя, что рѣзкія выраженія его о папѣ и побужденіе папскаго посла присутствовать при православномъ богослуженіи могутъ поколебать ихъ, Іоаннъ предписалъ Молвянинову, въ случаѣ напоминанія, что государь назвалъ папу волкомъ, отвѣчать, что онъ этого не слыхалъ, ибо прибылъ въ Москву наканунѣ отъѣзда Поссевина, а также не видѣлъ, чтобы удерживали на площади у дверей церковныхъ папскаго нунція, а знаетъ только то, что ему оказывались такія почести, которыми не удостоивали ни пословъ цесаревыхъ, ни уполномоченныхъ турецкаго султана.

Итакъ, Іоаннъ остался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи не только не дѣлать какихъ-либо уступокъ Риму въ дѣлахъ вѣры, но и не упоминать о ней въ своихъ сношеніяхъ съ папою. Какъ въ тяжелыя минуты разоренія отъ Баторія, когда въ римскомъ дворѣ онъ думалъ найти спасеніе своему государству, такъ и получивши миръ чрезъ папскаго посла, онъ умѣлъ избѣгнуть оффиціальныхъ письменныхъ объясненій о религіи: употребилъ содѣйствіе Рима къ защитѣ отечества, не принеся зато въ жертву, какъ ожидалъ папа, не только священныхъ и неизмѣнныхъ догматовъ вѣры, но даже не сдѣлавъ ни малѣйшей уступки въ пользу латинской церкви въ Россіи къ ущербу православія. Оправдались

предвѣщанія Баторія, ближе папы Григорія знавшаго своего сосѣда: онъ остался твердъ въ своей вѣрѣ, и этотъ богословскій открытый бой представителя римскаго первосвященника съ русскимъ самодержцемъ окончился для Рима однимъ дозволеніемъ латинскимъ священникамъ находиться въ Россіи, что было отказано великимъ княземъ Василіемъ, а для Іоанна— миромъ, полученнымъ отъ страшнаго врага, съ сохраненіемъ части новыхъ завоеваній, цѣлости и спокойствія Россіи.

XVII. Изъ переписки Іоанна Грознаго съ Курбскимъ.

А. Изъ перваго письма Курбскаго къ Іоанну.

... Зачѣмъ, о царь, ты избилъ сильныхъ въ Израилѣ? Зачѣмъ ты предалъ разнымъ казнямъ воеводъ, данныхъ тебѣ Богомъ? Зачѣмъ ихъ побѣдоносную, святую кровь въ церквахъ Божіихъ и во владыческихъ торжествахъ пролилъ и мученическою кровью ихъ церковные пороги обагрилъ? Зачѣмъ на доброхотовъ твоихъ, жизнь за тебя полагающихъ, неслыханныя мученія и гоненія воздвигъ, задумалъ ихъ казнить смертью, ложно обвиняя православныхъ въ измѣнахъ, чародѣйствахъ и другихъ преступленіяхъ и усердно стараясь свѣтъ измѣнить въ тьму, сладкое сдѣлать горькимъ? Чѣмъ, о царь, провинились предъ тобою, чѣмъ тебя разгнѣвали эти представители христіанства? Не они ли разорили прегордыя царства и своимъ мужествомъ сдѣлали твоими подданными тѣхъ, которые властвовали надъ предками нашими? Не тщаніемъ ли ихъ разума крѣпкіе города нѣмецкіе, съ соизволенія Бога, тебѣ покорились? За все ли это намъ воздаешь, всенародно истребляя насъ? Не мнишь ли, о царь, что ты безсмертенъ? Или, быть можетъ, ты впалъ въ небывалую ересь и не хочешь предстать предъ неизбѣжнымъ судьею, богоначальнымъ Іисусомъ, который будетъ судить всѣхъ людей по правдѣ, паче же всего прегордыхъ мучителей, и велитъ, какъ говорится, „истязати ихъ и до власъ прегрѣшенія". Онъ есть, Христосъ мой, сидящій на престолѣ херувимскомъ одесную Бога-Отца, Онъ судья между мною и тобою.

Сколько зла и гоненій я потерпѣлъ отъ тебя! Какихъ бѣдъ и напастей не насылалъ ты на меня! Какихъ презлыхъ коварствъ ты не обнаружилъ относительно меня! Всѣхъ бѣдъ, испытанныхъ мною, благодаря тебѣ, теперь въ порядкѣ не могу перечесть за множествомъ ихъ и такъ какъ душа моя объята печалью. Скажу лишь въ заключеніе вообще: я былъ всего лишенъ и безвинно удаленъ изъ земли Божіей, а все благодаря тебѣ. Я не просилъ нѣжными словами, не умолялъ тебя многослезнымъ рыданіемъ, ни ходатайствомъ о твоихъ милостяхъ черезъ посредство духовныхъ лицъ; но ты воздалъ мнѣ зломъ за добро, непримиримою ненавистью за мою любовь къ тебѣ. Моя кровь, пролитая, какъ вода, за тебя, вопіетъ противъ тебя предъ Господомъ моимъ. Богъ сердцевѣдецъ: я прилежно обдумывалъ и совѣсть мою въ свидѣтели призывалъ, чтобы отыскать вину свою, но не нашелъ никакого прегрѣшенія въ себѣ относительно тебя. Я начальствовалъ надъ твоимъ войскомъ и не уклонялся отъ службы, не привелъ тебя ни къ какому безчестью, а лишь славныя побѣды, съ помощью ангела Господня, одержалъ тебѣ во

славу, никогда не допустилъ войска твоего до бѣгства предъ непріятелемъ. И все это дѣлалъ я не годъ, не два, а много лѣтъ потрудился въ поту и терпѣніи, постоянно защищалъ отечество, мало видѣлся съ своими родителями, жены своей не узнавалъ, всегда въ отдаленныхъ городахъ противъ враговъ твоихъ сражался, испытывалъ много нуждъ и естественныхъ болѣзней, всему, чему свидѣтель Господь мой Іисусъ Христосъ. Во многихъ битвахъ я получалъ отъ варварскихъ рукъ раны, и все тѣло мое испещрено ими. И ты, о царь, все это ставишь ни во что и являешь намъ нестерпимую ярость и ужаснѣйшую ненависть, страшнѣе раскаленной печи.

Хотѣлъ я перечислить въ порядкѣ военныя дѣла, совершенныя мною тебѣ во славу силою Христа моего; но не дѣлаю этого, такъ какъ Богу это все лучше извѣстно, чѣмъ человѣку. Богъ воздаетъ не только за это, но и за чашу студеной воды. Знаю также, что и тебѣ эти дѣла небезъизвѣстны. И да будетъ при томъ, о царь, вѣдомо тебѣ, что не увидишь лица моего до дня второго пришествія. И не думай, что я намѣренъ молчать. До кончины моей буду безпрестанно вопіять со слезами на тебя предъ лицемъ пребезначальной Троицы, въ которую вѣрую и призывая на помощь Матерь херувимскаго Владыки, мою надежду и заступницу, владычицу Богородицу, и всѣхъ сватыхъ, избранниковъ Божіихъ, и государя моего праотца Ѳеодора Ростиславича, тѣло котораго нетлѣнно сохраняется въ продолженіе многихъ лѣтъ, гробъ котораго испускаетъ благоуханіе и, благодатью Духа Святаго, отъ него исходятъ чудесныя исцѣленія, что тебѣ, о царь, хорошо извѣстно... Писано въ Вольмарѣ, городѣ государя моего короля Сигизмунда-Августа, отъ королевской милости коего надѣюсь получить щедрыя пожалованія и утѣшенія во всѣхъ скорбяхъ моихъ, но болѣе всего надѣюсь на помощь Божію.

B. Изъ перваго (отвѣтнаго) письма Іоанна къ Курбскому.

...Ты, тѣла ради, душу погубилъ и, непрочной славы ради, пріобрѣлъ славу незавидную; ты возмутился не противъ человѣка, а противъ Бога. Пойми, несчастный, съ какой высоты и въ какую пропасть ты сошелъ душою и тѣломъ. На тебѣ сбылось сказанное: „И еже имѣя мнится, взято будетъ отъ него“. Твое благочестіе таково, что довело тебя до погибели не ради Бога, а ради самолюбія. Всѣ, имѣющіе разумъ, могутъ понять твое преступленіе, что ты убѣжалъ, желая бренной славы и богатства, а не спасаясь отъ смерти. Если ты, какъ самъ говоришь, праведенъ и благочестивъ, то почему же ты побоялся смерти неповинной, которая не есть смерть, а желанное благо? Вѣдь въ концѣ концовъ все же прійдется умереть! Если ты убоялся ложнаго смертнаго приговора, по лживымъ заявленіямъ друзей твоихъ, слугъ сатаны, то это служитъ доказательствомъ вашихъ измѣнническихъ намѣреній, проявляемыхъ съ давнихъ поръ и донынѣ. Зачѣмъ и апостола Павла ты презрѣлъ? Онъ говоритъ: „Всякая душа владыкамъ предвластвующимъ да повинуется, никая же бо владычества, еже не отъ Бога учинена есть, тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію противится“. Смотри и пойми: сопротивляющійся власти Богу противится, а противящійся Богу именуется отступникомъ, что составляетъ величайшій грѣхъ. И это сказано о всякой власти, даже о такой, которая устанавливается кровопролитіемъ и бранью, мы же не насильно добились власти, а, слѣдовательно, сопротивляться нашей власти еще болѣе значитъ сопротивляться Богу. И въ

другомъ мѣстѣ говоритъ апостолъ Павелъ, слова котораго ты презрѣлъ: „Раби! Послушайте господей своихъ, не предъ очами точію работающе, яко чоловѣкоугодници, но яко Богу, и не токмо благимъ, но и строптивымъ, не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть". Если, творя добро, пострадать, то, значитъ, такова уже воля Господня!

Если ты праведенъ и благочестивъ, то отчего ты не захотѣлъ отъ меня, строптиваго повелителя, пострадать и пріобрѣсти мученическій вѣнецъ? Ради бренной славы, сребролюбія, мірскихъ наслажденій, ты попралъ все свое благочестіе душевное вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою и закономъ...

Какъ ты не стыдился раба своего Васьки Шибанова? Онъ умѣлъ соблюсти свой долгъ и предъ царемъ, и предъ всѣмъ народомъ, въ предсмертный часъ, вѣрный своему крестному цѣлованію, онъ не отрекся отъ тебя, хвалилъ тебя въ готовности принять смерть за тебя. Но ты не пожелалъ поступить съ подобною вѣрностью долгу: по причинѣ одного гнѣвнаго слова моего, ты погубилъ душу не только свою, но и души всѣхъ твоихъ предковъ; вѣдь Божіимъ соизволеніемъ дѣлу нашему, великому государю, они были отданы въ подданство; и они до смерти ему служили и вамъ, дѣтямъ своимъ, приказали служить дѣтямъ и внукамъ дѣда нашего. И все это ты забылъ, какъ собака, преступилъ крестное цѣлованіе, присоединился къ врагу христіанства и къ тому же, не обращая вниманія на свое преступленіе, подобныя скудоумный слова говоришь, будто мечешь въ небо камнями, не стыдишься своего раба, вѣрнаго долгу, и отказываешься сдѣлать относительно своего повелителя то, что сдѣлалъ онъ.

Какъ выше я сказалъ, сколько зла перенесъ я отъ васъ (бояръ) въ юности и переношу доселѣ! Этимъ теперь тебя пространно изобличу. Вотъ что было (хотя ты былъ въ то время юнъ, но можешь знать): когда Божіимъ соизволеніемъ отецъ нашъ, великій государь, переселился въ лучшую жизнь, оставилъ тлѣнное и земное царство, перешелъ въ царство небесное, которому нѣтъ конца, и предсталъ предъ Царемъ царей и Господиномъ господъ, я остался съ однимъ братомъ, покойнымъ Георгіемъ. Мнѣ былъ тогда третій годъ, брату же одинъ годъ. Родительница наша, благочестивая царица Елена, осталась въ бѣдственномъ вдовствѣ, будто въ плѣненіи пребывала, окруженная иноплеменными народами, ведшими непримиримыя войны, какъ то: литовцами, поляками, крымцами, татарами, ногаями, казанцами. И въ то же время отъ васъ, измѣнниковъ, бѣды и скорби она испытывала, такъ какъ, подобно тебѣ, бѣшеной собакѣ, князь Семенъ Бѣльскій и Иванъ Лятскій бѣжали въ Литву и оттуда ѣздили въ Царьградъ, въ Крымъ, къ ногаямъ, вездѣ возбуждая войну противъ православныхъ. Они, однако, не добились успѣха, такъ какъ, при заступничествѣ Бога и Пречистой Богородицы, молитвами великихъ чудотворцевъ и родителей нашихъ, всѣ сіи злыя намѣренія распались въ прахъ. Потомъ измѣнники подняли на насъ дядю нашего, князя Андрея Ивановича, съ этими измѣнниками (восхваляемыми тобою и готовыми, по твоимъ словамъ, положить жизнь за насъ) онъ пошелъ къ Новгороду. И многіе въ то время отъ насъ отстали и пристали къ дядѣ нашему, князю Андрею, а во главѣ ихъ былъ твой братъ князь Иванъ. Но и эти злыя намѣренія, съ Божіею помощью, не имѣли успѣха. Не это ли есть доброходство восхваляемыхъ тобою? Не такъ ли полагаютъ за насъ свою душу, когда имѣютъ намѣреніе погубить насъ и возвести на престолъ нашего дядю? Затѣмъ, обычаемъ измѣнниковъ,

они стали отчину нашу, Радогощъ, Стародубъ, Гомель, нашему врагу, Литвѣ, передавать. Вотъ какіе это доброхоты...

Когда, по Божіей волѣ, родительница наша, благочестивая княгиня Елена, перешла изъ земнаго царства въ небесное, мы съ покойнымъ братомъ Георгіемъ остались сиротами, уповающими на Пресвятую Богородицу, молитвы святыхъ и родителей нашихъ. Мнѣ было тогда восьмой годъ, и тѣ, которые должны быть подданными нашими, стали самоуправничать, ибо государство было тогда безъ владѣтеля. Они ничего сообразнаго съ нашимъ благомъ не дѣлали, сами предались достиженію богатства и значенія, ссорились другъ съ другомъ. И что они надѣлали! Сколько бояръ, воеводъ, доброжелательныхъ отцу нашему, избили: дворы, села и имѣнія дядей нашихъ присвоили себѣ и водворились въ нихъ; казну нашей матери перенесли въ большую казну, неистова топча ее ногами и толкая кольями, а иное раздѣлили между собою. Все это сотворилъ дѣдъ твой Михайло Тучковъ. Князья Василій и Иванъ Шуйскіе самовольно взяли меня подъ свою опеку и, такимъ образомъ, воцарились, выпустивъ изъ заключенія и пристроивъ при себѣ всѣхъ тѣхъ, которые были главными измѣнниками относительно отца нашего и матери нашей... Насъ же, т.-е. меня и моего родного брата, покойнаго Георгія, воспитывали будто бы чужихъ или убогихъ дѣтей. Не удовлетворялись даже наши потребности относительно одежды и пищи...

Я не стараюсь свѣтъ измѣнить въ тьму и сладкаго не называю горькимъ. Неужели свѣтъ и сладость -- это власть рабовъ? Неужели тьма и горечь происходитъ оттого, когда владѣетъ Богомъ данный государь, о славѣ котораго прежде было сказано пространно? Въ своемъ письмѣ, написанномъ по внушенію діавола, ты высказываешь сочувствіе тому, чтобы рабы, помимо господъ своихъ, имѣли власть. Я ревностно забочусь о томъ, чтобы наставить людей на путь истины и свѣта, чтобы они познали единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и государя, даннаго Богомъ, и отстали отъ междоусобныхъ браней и беззаконной жизни, такъ какъ послѣдними средствами царства приходятъ въ упадокъ. Есть ли оставленіе зла и твореніе добра горечь и тьма? Нѣтъ, это сладость и свѣтъ, ибо подданные, не повинующіеся царю, никогда не отстанутъ отъ междоусобныхъ войнъ...

Ты пишешь о крови своей, пролитой въ сраженіяхъ съ иноплеменниками за насъ, и въ своемъ безуміи полагаешь, что она вопіетъ противъ насъ предъ Богомъ. Но вѣдь это смѣха достойно. Кто пролилъ эту кровь, противъ того она и вопіетъ. Если кровь твоя и дѣйствительно пролита врагами, то вѣдь этимъ ты исполнилъ лишь свой долгъ относительно отечества: не сдѣлай ты этого, и ты бы не былъ христіаниномъ, а варваромъ. Такимъ образомъ, этотъ упрекъ насъ не касается. Гораздо въ большей степени наша кровь вопіетъ предъ Господомъ противъ васъ,—кровь, пролитая благодаря вамъ. Она струилась не изъ ранъ, не кровавыми пятными, но потомъ и усталостью отъ множества трудовъ, которыми вы меня преступно, выше силъ моихъ, отягощали. По причинѣ вашей злобы и вашего утѣсненія много слезъ нашихъ, вмѣсто крови, было пролито, много было вздоховъ и стенаній, происходящихъ изъ глубины сердца. Отъ этого я получилъ боль въ поясницѣ. Я у васъ никогда не пользовался любовью, къ царицѣ моей и къ дѣтямъ нашимъ вы никогда не относились съ искреннимъ вниманіемъ. Таковое мое моленіе вопіетъ предъ Богомъ противъ васъ больше, чѣмъ ваше безуміе, потому

что пролитіе крови вашей за православіе не то, что пролитіе крови изъ-за самолюбія и богатства...

Ты призываешь верховнаго судью Бога. Воистину, Онъ праведно воздастъ каждому по дѣламъ—и добрымъ, и злымъ; но только всякій человѣкъ долженъ разсудить, какого и за какія дѣла онъ долженъ ожидать себѣ воздаянія? Пишешь, что лица своего намъ не покажешь до дня страшнаго суда Божія; но кому же желательно видѣть столь эѳіопское лицо?

XVIII. Удаленіе Грознаго въ Александровскую слободу и учрежденіе опричнины и земщины.

(Изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина).

Измѣна Курбскаго и подозрѣніе другихъ бояръ въ сношеніяхъ съ Литвою вызвали сильный гнѣвъ въ Іоаннѣ. Всѣ добрые вельможи казались ему тайными злодѣями, единомышленниками Курбскаго; онъ видѣлъ предательство въ ихъ печальныхъ взорахъ, слышалъ укоризны или угрозы въ ихъ молчаніи, требовалъ доносовъ и жаловался, что ихъ мало; самые безстыдные клеветники не удовлетворяли его жаждѣ къ истязанію. Какая-то невидимая рука еще удерживала тирана: жертвы были предъ нимъ и еще не издыхали, къ его изумленію и мукѣ. Іоаннъ искалъ предлога для ужасовъ, и вдругъ, въ началѣ зимы 1564 г., Москва узнала, что царь ѣдетъ, неизвѣстно куда, съ своими ближними, дворянами, людьми приказными, воинскими, поимянно созванными для того изъ самыхъ отдаленныхъ городовъ, съ ихъ женами и дѣтьми. 3-го декабря, утромъ, явилось на Кремлевской площади множество саней; въ нихъ сносили изъ дворца золото и серебро, св. иконы, кареты, сосуды драгоцѣнные, одежды, деньги. Духовенство, бояре ожидали государя въ церкви Успенія: онъ пришелъ и велѣлъ митрополиту служить обѣдню, молился съ усердіемъ, принялъ благословеніе, милостиво далъ поцѣловать руку свою боярамъ, чиновникамъ, купцамъ, сѣлъ въ сани съ царицею, съ двумя сыновьями, съ Алексѣемъ Басмановымъ, Михайломъ Салтыковымъ, кн. Аѳанасіемъ Вяземскимъ, съ другими любимцами и, провождаемый цѣлымъ полкомъ вооруженныхъ всадниковъ, уѣхалъ въ Александровскую слободу. Въ Москвѣ, кромѣ митрополита, находились тогда многіе святители: они вмѣстѣ съ боярами, вмѣстѣ съ народомъ, не зная, что думать о государевомъ необыкновенномъ, таинственномъ путешествіи, безпокоились, унывали, ждали чего-нибудь чрезвычайнаго и, безъ сомнѣнія, не радостнаго. Прошелъ мѣсяцъ.

3-го генваря вручили митрополиту Іоаннову грамоту, присланную съ чиновникомъ Константиномъ Поливановымъ. Государь описывалъ въ ней всѣ мятежи, неустройства, беззаконіе боярскаго правленія во время его малолѣтства, доказывалъ, что и вельможи, и приказные люди расхищали тогда казну, земли, помѣстья государевы, радѣли о своемъ богатствѣ, забывая отечество, что сей духъ въ нихъ не измѣнился, что они не перестаютъ злодѣйствовать: воеводы не хотятъ быть защитниками христіанъ, удаляются отъ службы, даютъ хану, Литвѣ, нѣмцамъ терзать Россію, а если государь, движимый правосудіемъ, объявляетъ гнѣвъ

недостойнымъ боярамъ и чиновникамъ, то митрополитъ и духовенство вступаются за виновныхъ. „Вслѣдствіе чего, —писалъ Іоаннъ, — не хотя терпѣть вашихъ измѣнъ, мы отъ великой жалости сердца оставили государство и поѣхали, куда Богъ укажетъ намъ путь". Другую грамоту прислалъ онъ гостямъ, купцамъ, мѣщанамъ: дьяки въ собраніи народа читали оную велегласно. Царь увѣрялъ добрыхъ москвитянъ въ своей милости, сказывая, что опала и гнѣвъ его не касаются народа.

Столица пришла въ ужасъ: безначаліе казалось всѣмъ еще страшнѣе тиранства. „Государь насъ оставилъ!—вопилъ народъ: мы гибнемъ! Кто будетъ нашимъ защитникомъ въ войнахъ съ иноплеменниками? Какъ могутъ быть овцы безъ пастыря?" Духовенство, бояре, сановники, приказные люди, проливая слезы, требовали отъ митрополита, чтобы онъ умилостивилъ Іоанна, никого не жалѣя и ничего не страшася. Всѣ говорили ему одно: „Пусть царь казнитъ своихъ лиходѣевъ: въ животѣ и въ смерти воля его; но царство да не останется безъ главы! Онъ нашъ владыка, Богомъ данный, иного не вѣдаемъ. Мы всѣ съ своими головами ѣдемъ за тобою бить челомъ государю и плакаться". То же говорили купцы и мѣщане, прибавляя: „Пусть царь укажетъ намъ своихъ измѣнниковъ, мы сами истребимъ ихъ!" Митрополитъ немедленно хотѣлъ ѣхать къ царю; но въ общемъ совѣтѣ положили, чтобы архипастырь остался блюсти столицу, которая была въ неописанномъ смятеніи. Всѣ дѣла пресѣклись; суды, приказы, лавки, караульни опустѣли. Избрали главными послами святителя новгородскаго Пимена и чудовскаго архимандрита Левкія; но за ними отправились и всѣ другіе епископы; за духовенствомъ вельможи, кн. Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, всѣ бояре, окольничіе, дворяне и приказные люди, прямо изъ палатъ митрополитовыхъ не заѣхавъ къ себѣ въ домы; также и многіе гости, купцы, мѣщане поѣхали, чтобы ударить челомъ государю и плакаться.

Святители остановились въ Слатинѣ, пославъ доложить о себѣ Іоанну. Онъ велѣлъ имъ ѣхать въ Александровскую слободу съ приставами и 5-го генваря впустилъ ихъ во дворецъ. Сказавъ царю благословеніе отъ митрополита, епископы слезно умоляли его снять опалу съ духовенства, съ вельможъ, дворянъ, приказныхъ людей, не оставлять государства, царствовать и дѣйствовать, какъ ему угодно; молили, наконецъ, чтобы онъ дозволилъ боярамъ видѣть очи царскія. Іоаннъ впустилъ и бояръ, которые съ такимъ же умиленіемъ, съ такою же силою убѣждали царя сжалиться надъ Россіею, возвеличенною его побѣдами и мудрыми уставами, славною мужествомъ ея народа многочисленнаго, богатою сокровищами природы, еще славнѣйшею благовѣріемъ. „Когда—сказали вмѣстѣ и духовные и государственные сановники — ты не уважаешь мірского величія и славы, то вспомни, что, оставляя Москву, оставляешь святыню храмовъ, гдѣ совершились чудеса божественной къ тебѣ милости, гдѣ лежатъ цѣлебныя мощи угодниковъ Христовыхъ; вспомни, что ты блюститель не только государства, но и церкви, первый, единственный монархъ православія! Если удалишься, кто спасетъ истину, чистоту нашей вѣры? Кто спасетъ милліоны душъ отъ погибели вѣчной?" Царь отвѣтствовалъ съ своимъ обыкновеннымъ многорѣчіемъ: повторилъ всѣ извѣстные упреки боярамъ въ ихъ своевольствѣ, нерадѣніи, строптивости, ссылался на исторію, доказывалъ, что они издревле были виновниками кровопролитія, междоусобія въ Россіи, издревле врагами державныхъ наслѣдниковъ монарховыхъ: хотѣли извести царя, супругу, сыновей его...

Бояре безмолвствовали. „Но—продолжалъ царь—для васъ, богомольцевъ нашихъ, архіепископовъ и епископовъ, соглашаюсь опять взять свои государства, а на какихъ условіяхъ, вы узнаете". Условія состояли въ томъ, что Іоанну невозбранно казнить измѣнниковъ опалою, смертью, лишеніемъ достоянія, безъ всякаго стяжанія, безъ всякихъ претительныхъ докукъ со стороны духовенства. Въ сихъ словахъ Іоаннъ изрекъ гибель многимъ боярамъ, которые предъ нимъ стояли: казалось, что никто изъ нихъ и не думалъ о своей жизни; хотѣли единственно возвратить царя царству, и всѣ со слезами благодарили, славили Іоаннову милость. Грозный владыка, какъ-бы смягченный смиреніемъ обреченныхъ жертвъ, велѣлъ святителямъ праздновать съ нимъ Богоявленіе, удержалъ въ слободѣ кн. Бѣльскаго и Щенятева, а другихъ бояръ вмѣстѣ съ дьяками отпустилъ въ Москву, чтобы дѣла не остановились въ приказахъ.

Москва съ нетерпѣніемъ ждала царя, и долго говорили, что онъ занимается тайнымъ дѣломъ съ людьми ближними, угадывали оное не безъ боязни. Наконецъ, 2-го февраля, Іоаннъ торжественно въѣхалъ въ столицу и на другой день созвалъ духовенство, бояръ, знатнѣйшихъ сановниковъ. Видъ его изумилъ всѣхъ. Опишемъ здѣсь наружность Іоаннову. Онъ былъ великъ ростомъ, строенъ, имѣлъ высокія плечи, крѣпкія мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный усъ, носъ римскій, глаза небольшіе, сѣрые, но свѣтлые, проницательные, исполненные огня, а лицо нѣкогда пріятное. Въ сіе время онъ такъ измѣнился, что нельзя было узнать его: на лицѣ изображалась мрачная свирѣпость, всѣ черты исказились, взоръ угасъ, а на головѣ и бородѣ не осталось почти ни одного волоса отъ неизъяснимаго дѣйствія ярости, которая кипѣла въ душѣ его. Снова исчисливъ вины бояръ и подтвердивъ согласіе остаться царемъ, Іоаннъ много разсуждалъ о должности вѣнценосцевъ блюсти спокойствіе державъ, брать всѣ нужныя для того мѣры, о кратковременности жизни, и, предложивъ уставъ *опричнины*—имя дотолѣ неизвѣстное, Іоаннъ сказалъ, что онъ для своей и государственной безопасности учреждаетъ особенныхъ тѣлохранителей. Такая мысль никого не удивила: знали его недовѣрчивость, боязливость, свойственную нечистой совѣсти, но обстоятельства удивили, а слѣдствія привели въ новый ужасъ Россію. 1) Царь объявлялъ своею собственностью города Можайскъ, Вязьму, Козельскъ, Шую, Вологду и нѣкоторые другіе, также волости московскія и другія съ ихъ доходами; 2) выбиралъ 1000 тѣлохранителей изъ князей, дворянъ, дѣтей боярскихъ, давалъ имъ помѣстья въ сихъ городахъ, а тамошнихъ вотчинниковъ и владѣльцевъ переводилъ въ иныя мѣста; 3) въ самой Москвѣ взялъ себѣ нѣкоторыя улицы съ разными слободами, откуда надлежало выслать дворянъ и приказныхъ людей, не записанныхъ въ царскую тысячу; 4) назначилъ особенныхъ сановниковъ для услугъ своихъ: дворецкаго, казначеевъ, ключниковъ, даже поваровъ, хлѣбниковъ, ремесленниковъ; 5) наконецъ, какъ-бы возненавидѣвъ славныя воспоминанія кремлевскія и священные гробы предковъ, не хотѣлъ жить въ великолѣпномъ дворцѣ Іоанна III, а указалъ строить новый за Неглинною, между Арбатомъ и Никитскою улицею, и подобно крѣпости оградить высокою стѣною. Сія часть Россіи и Москвы, сія тысячная дружина Іоаннова, сей новый дворъ, какъ отдѣльная собственность царя, находясь подъ его непосредственнымъ вѣдомствомъ, были названы опричниною, а все остальное, т.-е. все государство, *земщиною*, которую Іоаннъ поручалъ боярамъ земскимъ: кн. Бѣльскому, Мстиславскому и др., велѣвъ старымъ государственнымъ чиновникамъ, конюшему, дворецкому,

казначеямъ, дьякамъ, сидѣть въ ихъ приказахъ, рѣшать всѣ дѣла гражданскія, а въ важнѣйшихъ относиться къ боярамъ, коимъ дозволялось въ чрезвычайныхъ случаяхъ, особенно по ратнымъ дѣламъ, ходить съ докладомъ къ государю. Іоаннъ, повидимому, желалъ какъ-бы удалиться отъ царства, стѣснивъ себя въ маломъ кругу частнаго владѣтеля, и въ доказательство, что государство и государственное уже не одно знаменуетъ въ Россіи, требовалъ себѣ изъ казны земской 100,000 рублей за издержки по путешествію отъ Москвы до слободы Александровской! Никто не противорѣчилъ; воля царская была закономъ. Обнародовали новое учрежденіе.

4-го февраля Москва увидѣла исполненіе условій, объявленныхъ царемъ духовенству и боярамъ въ Александровской слободѣ. Начались казни мнимыхъ измѣнниковъ, которые будто бы вмѣстѣ съ Курбскимъ умышляли на жизнь Іоанна, покойной царицы Анастасіи и дѣтей его. Первою жертвою былъ славный воевода кн. Александръ Борисовичъ Горбатый-Шуйскій, потомокъ св. Владиміра и древнихъ князей суздальскихъ, знаменитый участникъ въ завоеваніи Казанскаго царства, мужъ ума глубокаго, искусный въ дѣлахъ ратныхъ, ревностный другъ отечества и христіанъ. Ему надлежало умереть вмѣстѣ съ сыномъ Петромъ, семнадцатилѣтнимъ юношею. Оба шли къ мѣсту казни безъ страха, спокойно, держа другъ друга за руку. Сынъ не хотѣлъ видѣть казни отца и первый склонилъ подъ мечъ свою голову; родитель отвелъ его отъ плахи, сказавъ съ умиленіемъ: „Да не зрю тебя мертваго!“ Юноша уступилъ ему первенство, взялъ отсѣченную голову отца, поцѣловалъ ее, взглянулъ на небо и съ лицомъ веселымъ отдалъ себя въ руки палача. Шуринъ Горбатаго Петръ Хворинъ (родомъ грекъ), окольничій Головинъ, кн. Иванъ Сухой-Кашинъ и кравчій, кн. Петръ Ивановичъ Горенскій, были казнены въ тотъ же день, кн. Дмитрій Шевыревъ посаженъ на колъ. Пишутъ, что сей несчастный страдалъ цѣлый день, но, укрѣпляемый вѣрою, забывалъ муку и пѣлъ канонъ Іисусу. Двухъ бояръ, кн. Ивана Куракина и Дмитрія Нѣмаго, постригли; у многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ отняли имѣніе, другихъ съ семействами сослали въ Казань. Одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ, ближній родственникъ добродѣтельной царицы Анастасіи, бояринъ и воевода Иванъ Петровичъ Яковлевъ, также навлекъ на себя опалу; но Іоаннъ въ самомъ ожесточеніи еще любилъ хвалиться милосердіемъ: простивъ Яковлева, взялъ съ него клятвенную грамоту, утвержденную подписями святителей, въ томъ, чтобы не уходить ему изъ Россіи ни въ Литву, ни къ папѣ, ни къ императору, ни къ султану, ни къ кн. Владиміру Андреевичу и не имѣть съ нимъ никакихъ тайныхъ сношеній. Другіе бояре, кн. Василій Серебряный, Иванъ Охлябининъ и другіе долженствовали представить за себя ручателей въ неизмѣнной службѣ государю, а въ случаѣ ихъ бѣгства ручатели (не только именитые сановники, но и купцы) обязывались внести большую сумму денегъ въ казну: напримѣръ, за Серебрянаго 25,000 рублей. Предосторожность безполезная и постыдная для государя; но сей государь былъ тиранъ.

Послѣ казней Іоаннъ занялся образованіемъ своей новой дружины. Въ совѣтѣ съ нимъ сидѣли Алексѣй Басмановъ, Малюта Скуратовъ, кн. Аѳанасій Вяземскій и другіе любимцы. Къ нимъ приводили молодыхъ дѣтей боярскихъ, отличныхъ не достоинствами, но удальствомъ, распутствомъ, готовностью на все. Іоаннъ предлагалъ имъ вопросы о родѣ ихъ, о друзьяхъ и покровителяхъ: требовалось именно, чтобы они не имѣли

никакой связи съ знатными боярами; неизвѣстность, самая низость происхожденія—вмѣнялась имъ въ достоинство. Вмѣсто тысячи, царь избралъ 6,000, взялъ съ нихъ присягу служить ему вѣрою и правдою, доносить на измѣнниковъ, не дружиться съ земскими (то-есть со всѣми незаписанными въ опричнину), не водить съ ними хлѣба-соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно государя. За это государь далъ имъ не только земли, но и домы и всю движимую собственность старыхъ владѣльцевъ (числомъ 12,000), высланныхъ изъ предѣловъ опричнины съ голыми руками, такъ что многіе изъ нихъ, люди заслуженные, израненные въ битвахъ, съ женами и дѣтьми шли зимою пѣшкомъ въ иныя, отдаленныя, пустыя помѣстья. Самые земледѣльцы были жертвою сего несправедливаго учрежденія; новые дворяне, которые изъ нищихъ сдѣлались большими господами, хотѣли пышностью закрасить свою подлость, имѣли нужду въ деньгахъ, обременяли крестьянъ налогами, трудами: деревни разорились. Скоро увидѣли, что Іоаннъ предаетъ всю Россію въ жертву своимъ опричнымъ: они были всегда въ судахъ, а на нихъ не было ни суда, ни управы. Опричникъ или кромѣшникъ могъ безопасно тѣснить, грабить сосѣда и, въ случаѣ жалобы, бралъ съ него пеню за безчестіе. Сверхъ многихъ иныхъ злодѣйствъ, къ ужасу мирныхъ гражданъ, слѣдующее вошло въ обыкновеніе: слуга опричника, исполняя волю господина, съ нѣкоторыми вещами прятался въ домѣ купца или дворянина; господинъ заявлялъ его мнимое бѣгство, мнимую кражу, требовалъ въ судѣ пристава, находилъ своего бѣглеца съ поличнымъ и взыскивалъ съ невиннаго хозяина пятьсотъ, тысячу или болѣе рублей. Не было снисхожденія: надлежало или немедленно заплатить, или идти на правежъ, заключавшійся въ томъ, что неудовлетворенному истцу давалось право вывести должника на площадь и сѣчь его всенародно до уплаты денегъ. Иногда опричникъ самъ подметывалъ что-нибудь въ богатую лавку, уходилъ, возвращался съ приставомъ и за сію, будто бы украденную у него, вещь разорялъ купца; иногда, схвативъ человѣка на улицѣ, онъ велъ его въ судъ, жалуясь на вымышленную обиду, на вымышленную брань, ибо сказать неучтивое слово кромѣшнику значило оскорбить самого царя. Въ такомъ случаѣ невинный спасался отъ тѣлесной казни тягостною денежною пенею. Однимъ словомъ, люди земскіе, отъ дворянина до мѣщанина, были безгласны, безотвѣтны противъ опричныхъ; первые были ловомъ, послѣдніе ловцами, и единственно для того, чтобы Іоаннъ могъ надѣяться на усердіе своихъ разбойниковъ-тѣлохранителей въ новыхъ замышляемыхъ имъ убійствахъ. Чѣмъ болѣе государство ненавидѣло опричныхъ, тѣмъ болѣе государь имѣлъ къ нимъ довѣренности: сія общая ненависть служила ему залогомъ ихъ вѣрности. Затѣйливый умъ Іоанновъ изобрѣлъ достойный символъ для своихъ ревностныхъ слугъ: они ѣздили всегда съ собачьими головами и съ метлами, привязанными къ сѣдламъ, въ ознаменованіе того, что грызутъ лиходѣевъ царскихъ и метутъ Россію.

Хотя новый дворецъ уподоблялся неприступной крѣпости, но Іоаннъ не считалъ себя и въ немъ безопаснымъ: по крайней мѣрѣ онъ не взлюбилъ Москвы и съ сего времени жилъ большею частью въ слободѣ Александровской, которая сдѣлалась городомъ, украшеннымъ церквами, домами, лавками каменными. Тамошній славный храмъ Богоматери сіялъ снаружи разными цвѣтами, серебромъ и золотомъ; на всякомъ кирпичѣ былъ изображенъ крестъ. Царь жилъ въ большихъ палатахъ, обведенныхъ рвомъ и валомъ; придворные, государственные чиновники—въ осо-

бенныхъ домахъ. Опричники имѣли свою улицу, купцы—тоже. Никто не смѣлъ ни въѣхать, ни выѣхать оттуда безъ вѣдома Іоанна, для чего въ трехъ верстахъ отъ слободы, прозванной Неволею, обыкновенно стояла воинская стража. Въ семъ грозно-увеселительномъ жилищѣ, окруженномъ темными лѣсами, Іоаннъ посвящалъ большую часть времени церковной службѣ, чтобы непрестанною набожную дѣятельностью успокаивать душу. Онъ хотѣлъ даже обратить дворецъ въ монастырь, а любимцевъ своихъ въ иноковъ: выбралъ изъ опричниковъ 300 человѣкъ, самыхъ злѣйшихъ, назвалъ братіею, себя игуменомъ, Вяземскаго келаремъ, Малюту Скуратова параклисіархомъ, далъ имъ тафьи или скуфейки и черныя рясы, подъ коими носили они богатые, золотомъ блестящіе кафтаны съ собольею опушкою. Іоаннъ сочинилъ для нихъ уставъ монашескій и служилъ примѣромъ въ исполненіи онаго. Такъ описываютъ сію монастырскую жизнь Іоаннову: въ четвертомъ часу утра онъ ходилъ на колокольню съ царевичами и съ Малютою Скуратовымъ благовѣстить къ заутренѣ; братья спѣшили въ церковь: кто не являлся, того наказывали осьмидневнымъ заключеніемъ. Служба продолжалась отъ шести до семи часовъ. Царь пѣлъ, читалъ, молился столь ревностно, что на лбу всегда оставались у него знаки крѣпкихъ земныхъ поклоновъ. Въ 8 часовъ опять собирались къ обѣднѣ, а въ 10 садились за братскую трапезу всѣ, кромѣ Іоанна, который, стоя, читалъ вслухъ душеспасительныя наставленія. Между тѣмъ братья ѣли и пили до-сыта. Всякій день казался праздникомъ; не жалѣли ни вина, ни меду; остатокъ трапезы выносили изъ дворца на площадь для бѣдныхъ. Игуменъ, т.-е. царь, обѣдалъ послѣ, бесѣдовалъ съ любимцами о законѣ, дремалъ или ѣхалъ въ темницу пытать какого-нибудь несчастнаго. Казалось, что сіе ужасное зрѣлище забавляло его: онъ возвращался съ видомъ сердечнаго удовольствія, шутилъ, говаривалъ тогда веселѣе обыкновеннаго. Въ 8 часовъ шли къ вечернѣ, въ десятомъ Іоаннъ уходилъ въ спальню, гдѣ трое слѣпыхъ одинъ за другимъ разсказывали ему сказки; онъ слушалъ ихъ и засыпалъ, но не надолго: въ полночь вставалъ, и день его начинался молитвою! Иногда докладывали ему въ церкви о дѣлахъ государственныхъ, иногда самыя жестокія повелѣнія давалъ Іоаннъ во время заутрени или обѣдни! Единообразіе сей жизни онъ прерывалъ такъ называемыми объѣздами, посѣщалъ монастыри и ближніе, и дальніе, осматривалъ крѣпости на границѣ, ловилъ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ и пустыняхъ, любилъ въ особенности медвѣжью травлю. Между тѣмъ вездѣ и всегда онъ занимался дѣлами, ибо земскіе бояре, мнимо-уполномоченные правители государства, не смѣли ничего рѣшить безъ его воли. Когда пріѣзжали къ намъ знатные послы-иноземцы, Іоаннъ являлся въ Москвѣ съ обыкновеннымъ великолѣпіемъ и торжественно принималъ ихъ въ новой кремлевской палатѣ, близъ церкви св. Іоанна; являлся тамъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ, но рѣдко.

Кромѣ своихъ любимцевъ, опричниковъ, Іоаннъ удивительнымъ образомъ честилъ тогда нѣкоторыхъ ливонскихъ плѣнниковъ. Въ іюлѣ 1565 г., обвиняя дерптскихъ гражданъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ бывшимъ магистромъ, онъ вывелъ оттуда всѣхъ нѣмцевъ и сослалъ во Владиміръ, Угличъ, Кострому, Нижній Новгородъ съ женами и дѣтьми, но далъ имъ пристойное содержаніе и христіанскаго наставника, дерптскаго пастора Веттермана, который могъ свободно ѣздить изъ города въ городъ, чтобы утѣшать ихъ въ печальной ссылкѣ. Царь уважалъ сего добродѣтельнаго мужа и велѣлъ ему разобрать свою библіотеку, въ коей Веттерманъ нашелъ множество рѣдкихъ книгъ, привезенныхъ нѣкогда изъ

Рима, вѣроятно, царевною Софіею. Нѣмцы Эберфельдъ, Кальбсъ, Таубе, Крузе вступили къ намъ въ службу и хитрою лестью умѣли вкрасться въ довѣренность къ Іоанну. Въ искреннихъ бесѣдахъ онъ жаловался чужестраннымъ любимцамъ на бояръ, на духовенство, не таилъ мысли искоренить первыхъ, чтобы царствовать свободнѣе, безопаснѣе съ дворянствомъ новымъ или опричниною, ему преданною, ибо она видѣла въ немъ своего отца и благодѣтеля, а бояре жалѣли о временахъ Адашевскихъ, когда имъ была свобода, а царю неволя. Такъ говорилъ Іоаннъ. Иноземцы молчали, или, вопреки совѣсти, хвалили тирана. Знаменитые россіяне, лишаемые свободнаго доступа къ государю, ознаменованные какъ-бы презрительнымъ именемъ земскихъ, нагло оскорбляемые неистовыми кромѣшниками, угрожаемые опалою, казнью безъ вины, также молчали вмѣстѣ съ духовенствомъ. Но когда старецъ, митрополитъ Аѳанасій, изнуренный тяжкою болѣзнью, а можетъ быть и душевною горестью, оставилъ (1566 г.) митрополію, тогда явился мужъ смѣлый добродѣтелью и ревностною любовью къ отечеству, который, подобно Сильвестру, предпріялъ исправить царя, но, менѣе счастливый, могъ только умереть за царство въ вѣнцѣ мученика.

XIX. Опричнина Ивана Грознаго, какъ попытка политической реформы и слѣдствія опричнины.

(*Изъ «Очерковъ по исторіи смуты» С. Ѳ. Платонова*).

Надъ вопросомъ о томъ, что такое опричнина царя Іоанна Васильевича, много трудились ученые. Одинъ изъ нихъ справедливо и не безъ юмора замѣтилъ, что „учрежденіе это всегда казалось очень страннымъ какъ тѣмъ, кто страдалъ отъ него, такъ и тѣмъ, кто его изслѣдовалъ“. Въ самомъ дѣлѣ, подлинныхъ документовъ по дѣлу учрежденія опричнины не сохранилось; оффиціальная лѣтопись повѣствуетъ объ этомъ кратко и не раскрываетъ смысла учрежденія; русскіе же люди XVI вѣка, говорившіе объ опричнинѣ, не объясняютъ ея хорошо и какъ будто не умѣютъ ее описать. И дьяку Ивану Тимоѳееву, и знатному князю И. М. Катыреву-Ростовскому дѣло представляется такъ: въ ярости на своихъ подданныхъ Грозный раздѣлилъ государство на двѣ части; одну онъ далъ „царю“ Симеону, другую взялъ себѣ и заповѣдалъ своей части „оную часть людей насиловати и смерти предавати“. Къ этому Тимоѳеевъ прибавляетъ, что вмѣсто „добромыслимыхъ вельможъ“, избитыхъ и изгнанныхъ, Іоаннъ приблизилъ къ себѣ иностранцевъ и подпалъ подъ ихъ вліяніе до такой степени, что „вся внутренняя его въ руку варваръ быша“. Но мы знаемъ, что правленіе Симеона было кратковременнымъ и позднѣйшимъ эпизодомъ въ исторіи опричнины, что иностранцы, хотя и вѣдались въ опричнинѣ, однако не имѣли въ ней никакого значенія, и что показная цѣль учрежденія заключалась вовсе не въ томъ, чтобы насиловать и избивать подданныхъ государя, а въ томъ, чтобы „дворъ ему (государю) себѣ и на весь свой обиходъ учинити особной“. Такимъ образомъ, у насъ нѣтъ ничего надежнаго для сужденія о дѣлѣ, кромѣ краткой записи лѣтописца о началѣ опричнины да отдѣльныхъ упоминаній о ней въ документахъ, прямо къ ея учрежденію не относящихся. Остается широкое поле для догадокъ и домысловъ.

Конечно, легче всего объявить „нелѣпымъ“ раздѣленіе государства на опричнину и земщину и объяснить его причудами робкаго тирана; такъ нѣкоторые и дѣлаютъ. Но не всѣхъ удовлетворяетъ столь простой взглядъ на дѣло. С. М. Соловьевъ объяснялъ опричнину, какъ попытку Грознаго формально отдѣлиться отъ ненадежнаго въ его глазахъ боярскаго правительственнаго класса; устроенный съ такою цѣлью новый дворъ царя на дѣлѣ выродился въ орудіе террора, исказился въ сыскное учрежденіе по дѣламъ боярской и всякой иной

измѣны. Такимъ именно сыскнымъ учрежденіемъ, „высшею полиціей по дѣламъ государственной измѣны" представляетъ намъ опричнину В. О. Ключевскій. И другіе историки видятъ въ ней орудіе борьбы съ боярствомъ, и притомъ странное и неудачное. Только К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. А. Бѣловъ и С. М. Середонинъ склонны придавать опричнинѣ большой политическій смыслъ: они думаютъ, что опричнина направлялась противъ потомства удѣльныхъ князей и имѣла цѣлью сломить ихъ традиціонныя права и преимущества. Однако такой, по нашему мнѣнію, близкій къ истинѣ, взглядъ не раскрытъ съ желаемою полнотою, и это заставляетъ насъ остановиться на опричнинѣ для того, чтобы показать, какими своими послѣдствіями и почему опричнина повліяла на развитіе Смуты въ московскомъ обществѣ.

До нашего времени не сохранился подлинный указъ объ учрежденіи опричнины: но мы знаемъ о его существованіи изъ описи царскаго архива XVI вѣка и думаемъ, что въ Александровской лѣтописи находится не вполнѣ удачное и вразумительное его сокращеніе. По лѣтописи мы получаемъ лишь приблизительное понятіе о томъ, что представляла собою опричнина въ своемъ началѣ. Это не былъ только „наборъ особаго корпуса тѣлохранителей, въ родѣ „турецкихъ янычаръ", какъ выразился одинъ изъ позднѣйшихъ писателей, а было нѣчто болѣе сложное. Учреждался особый государевъ дворъ, отдѣльно отъ стараго московскаго двора. Въ немъ долженъ былъ быть особый дворецкій, особые казначеи и дьяки, особые бояре и окольничіе, придворные и служилые люди, наконецъ, особая дворня на всякаго рода „дворцахъ": сытномъ, кормовомъ, хлѣбенномъ и т. д. Для содержанія всего этого люда взяты были города и волости изъ разныхъ мѣстъ Московскаго государства. Они образовали территорію опричнины черезполосно съ землями, оставленными въ старомъ порядкѣ управленія и получившими имя „земщины". Первоначальный объемъ этой территоріи, опредѣленный въ 1565 году, былъ въ послѣдующіе годы увеличенъ настолько, что охватилъ добрую половину государства. Сначала въ опричнину были взяты нѣкоторые Заоцкіе города: Козельскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Лихвинъ, Медынь, Опаковъ на Угрѣ, и сосѣдніе съ ними городки Ярославецъ Малый и Вышегородъ на рѣкѣ Протвѣ, также волости и нѣкоторыя большія села въ тѣхъ же мѣстахъ. Это былъ, можно сказать, сплошной округъ. Такими же сплошными округами можно считать Галичъ, взятый въ опричнину со всѣми пригородами и Суздаль съ Шуею. съ Юрьевцомъ Поволжскимъ и съ Балахною. Когда, немного спустя, взята была въ опричнину Кострома съ уѣздомъ, то она соединила галицкія и суздальскія мѣста въ одно громадное пространство „опришнинныхъ" земель. Далѣе, въ 1565 году попали въ опричнину лучшія мѣста Поморья: Вологда, Тотьма, Устюгъ, Двина, Вага, Каргополь; взяты были города Можайскъ и Вязьма и нѣкоторыя мѣста въ Новгородскомъ краю: Старая Руса, Ладожскій порогъ на Волховѣ и рѣка Ошта, впадающая съ юга въ Онежское озеро у истоковъ Свири. Наконецъ, къ новому дворцу были отдѣлены дворцовыя села и волости кругомъ Москвы и въ другихъ мѣстахъ. Если бы всѣ эти города и земли лежали въ одной межѣ, они составили бы цѣлое государство. Но ихъ все-таки оказалось мало. Устраивая опричнину, царь обѣщалъ, если ему „доходу не достанетъ на его государскій обиходъ,—и иные городы и волости имати"; и онъ сдержалъ обѣщаніе. Въ 1566 году присоединена была къ опричнинѣ волость Чаронда, также Соль Вычегодская, а съ нею и земли Строгановыхъ. Въ 1567 году взята была Кострома „всѣмъ городомъ". Въ 1569 году вошелъ въ опричнину Симоновъ монастырь „со всею вотчиною". Въ 1571 году, послѣ новгородскаго погрома, Грозный прислалъ въ Новгородъ „опришныхъ" дьяковъ, „да Торговую сторону взялъ въ опришную двѣ пятины, Обонѣскую да Бѣжицкую пятину, царь государь пожаловалъ". Всѣми этими прибавленіями, насколько можно судить, дѣло не ограничилось; у насъ есть полное основаніе думать, что къ новому „двору" Грознаго приписаны были Ярославль и Переяславль Залѣсскій, взятые изъ земщины въ 70-хъ годахъ, также Ростовъ, Пошехонье и Дмитровъ: три послѣдніе города опредѣленно названы „дворовыми" въ 1577 году. Такимъ образомъ территорія опричнины наростала постепенно и, можно сказать, удвоилась.

Для какихъ же надобностей давали этой территоріи такіе большіе размѣры? Нѣкоторый отвѣтъ на это предлагаетъ сама лѣтопись въ разсказѣ о началѣ опричнины.

Во-первыхъ, царь заводилъ новое хозяйство въ опричномъ дворцѣ и бралъ къ нему, по обычаю, дворцовыя села и волости. Для самаго дворца первоначально выбрано было мѣсто въ Кремлѣ, снесены дворцовыя службы и взяты на государя погорѣвшія въ 1565 году усадьбы митрополита и князя Владиміра Андреевича. Но почему-то Грозный сталъ жить не въ Кремлѣ, а на Вздвиженкѣ,

въ новомъ дворѣ, куда перешелъ въ 1567 году. Къ новому опричному дворцу приписаны были въ самой Москвѣ нѣкоторыя улицы и слободы, а сверхъ того дворцовыя волости и села подъ Москвою и вдали отъ нея. Мы не знаемъ, чѣмъ былъ обусловленъ выборъ въ опричнину тѣхъ, а не иныхъ мѣстностей изъ общаго запаса собственно дворцовыхъ земель; мы не можемъ представить даже приблизительнаго перечня волостей, взятыхъ въ новый опричный дворецъ, но думаемъ, что такой перечень, если бы и былъ возможенъ, не имѣлъ бы особой важности. Во дворецъ, какъ объ этомъ можно догадываться, брали земли собственно дворцовыя въ мѣру хозяйственной надобности, для устройства различныхъ службъ и для жилищъ придворнаго штата, находящагося при исполненіи дворцовыхъ обязанностей.

Но такъ какъ этотъ придворный и вообще служилый штатъ требовалъ обезпеченія и земельнаго испомѣщенія, то, во-вторыхъ, кромѣ собственно дворцовыхъ земель, опричнинѣ были нужны земли вотчинныя и помѣстныя. Грозный въ данномъ случаѣ повторилъ то, что было сдѣлано имъ же самимъ за 15 лѣтъ передъ тѣмъ. Въ 1550 году онъ разомъ испомѣстилъ кругомъ Москвы „помѣщиковъ дѣтей боярскихъ лучшихъ слугъ тысячу человѣкъ". Теперь онъ также выбираетъ „себѣ князей и дворянъ и дѣтей боярскихъ" дворовыхъ и городовыхъ, тысячу головъ"; но испомѣщаетъ ихъ не кругомъ Москвы, а въ другихъ по преимуществу Замосковныхъ уѣздахъ: Галицкомъ, Костромскомъ, Суздальскомъ, также въ Заоцкихъ городахъ, а съ 1571 года, вѣроятно, и въ Новгородскихъ пятинахъ. Въ этихъ мѣстахъ, по словамъ лѣтописи, онъ производитъ мѣну земель: „вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быти въ опричнинѣ, велѣлъ изъ тѣхъ городовъ вывести и подавати земли велѣлъ въ то мѣсто въ иныхъ городѣхъ". Надобно замѣтить, что нѣкоторыя грамоты безусловно подтверждаютъ это лѣтописное показаніе: вотчинники и помѣщики дѣйствительно лишались своихъ земель въ опричныхъ уѣздахъ, и притомъ сразу всѣмъ уѣздомъ или, по ихъ словамъ, „съ городомъ вмѣстѣ, а не въ опалѣ,— какъ государь взялъ городъ въ опришнину". За взятыя земли служилые люди вознаграждались другими, гдѣ государь пожалуетъ, или гдѣ сами пріищутъ. Такимъ образомъ, всякій уѣздъ, взятый въ опричнину съ служилыми землями, былъ осужденъ на коренную ломку. Землевладѣніе въ немъ подвергалось пересмотру и земли мѣняли владѣльцевъ, если только владѣльцы сами не становились опричниками. Можно, кажется, не сомнѣваться въ томъ, что такой пересмотръ вызванъ былъ соображеніями политическаго порядка. Въ центральныхъ областяхъ государства для опричнины были отдѣлены какъ разъ тѣ мѣстности, гдѣ еще существовало на старыхъ удѣльныхъ территоріяхъ владѣніе княжатъ, потомковъ владѣтельныхъ князей. Опричнина дѣйствовала среди родовыхъ вотчинъ князей Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ и Ростовскихъ (отъ Ростова до Чаронды), князей Стародубскихъ и Суздальскихъ (отъ Суздаля до Юрьева и Балахны), князей Черниговскихъ и иныхъ юго-западныхъ на верхней Окѣ. Эти вотчины постепенно входили въ опричнину: если сравнимъ перечни княжескихъ вотчинъ, въ извѣстныхъ указахъ о нихъ — царскомъ 1562 года и „земскомъ" 1572 года, то увидимъ, что въ 1572 году въ вѣдѣніи „земскаго" правительства остались только вотчины Ярославскія и Ростовскія, Оболенскія и Мосальскія, Тверскія и Рязанскія; всѣ же остальныя, названныя въ „старомъ государевомъ уложеніи" 1562 года, уже отошли въ опричнину. А послѣ 1572 года и вотчины Ярославскія и Ростовскія, какъ мы уже указывали, взяты были въ государевъ „дворъ". Такимъ образомъ, мало-по-малу почти сполна собрались въ опричномъ управленіи старыя удѣльныя земли, исконные владѣльцы которыхъ возбуждали гнѣвъ и подозрѣніе Грознаго. На этихъ-то владѣльцевъ и долженъ былъ пасть всею тяжестью затѣянный Грознымъ пересмотръ землевладѣнія. Однихъ Грозный сорвалъ съ старыхъ мѣстъ и разсѣялъ по новымъ далекимъ и чуждымъ мѣстамъ, другихъ ввелъ въ новую опричную службу и поставилъ подъ строгій непосредственный свой надзоръ. Въ завѣщаніи Грознаго находимъ многочисленныя указанія на то, что государь бралъ „за себя" земли служилыхъ князей; но всѣ эти и имъ подобныя указанія, къ сожалѣнію, слишкомъ мимолетны и кратки, чтобы дать намъ точную и полную картину потрясеній, пережитыхъ въ опричнинѣ княжескимъ землевладѣніемъ. Сравнительно лучше мы можемъ судить о положеніи дѣлъ въ Заоцкихъ городахъ по верхней Окѣ. Тамъ были на исконныхъ своихъ владѣніяхъ потомки удѣльныхъ князей — Одоевскихъ, Воротынскихъ, Трубецкихъ и другихъ; „еще тѣ княжата были на своихъ удѣлѣхъ и велія отчины подъ собою имѣли", говоритъ о нихъ извѣстная фраза Курбскаго. Когда въ это гнѣздо княжатъ вторгся съ опричниною Грозный,—онъ нѣкоторыхъ изъ княжатъ взялъ въ опричную „тысячу головъ": въ

числѣ „воеводъ изъ опришнины“ дѣйствовали, напримѣръ, князья Өедоръ Михайловичъ Трубецкой и Никита Ивановичъ Одоевскій. Другихъ онъ исподволь сводилъ на новыя мѣста; такъ, князю Михаилу Ивановичу Воротынскому уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ учрежденія опричнины данъ былъ Стародубъ Ряполовскій вмѣсто его старой вотчины (Одоева и другихъ городовъ); другіе князья съ верхней Оки получаютъ земли въ уѣздахъ Московскомъ, Коломенскомъ, Дмитровскомъ, Звенигородскомъ и другихъ. Результаты такихъ мѣропріятій были многообразны и важны. Если мы будемъ помнить, что въ опричное управленіе были введены, за немногими и незначительными исключеніями, всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ ранѣе существовали старыя удѣльныя княжества, то поймемъ, что опричнина подвергла систематической ломкѣ вотчинное землевладѣніе служилыхъ княжатъ вообще, на всемъ его пространствѣ. Зная истинные размѣры опричнины, мы увѣримся въ полной справедливости словъ Флетчера о княжатахъ, что Грозный, учредивъ опричнину, захватилъ ихъ наслѣдственныя земли, за исключеніемъ весьма незначительной доли, и далъ княжатамъ другія земли въ видѣ помѣстій, которыми они владѣютъ, пока угодно царю, въ областяхъ столь отдаленныхъ, что тамъ они не имѣютъ ни любви народной, ни вліянія, ибо они не тамъ родились и не были тамъ извѣстны. Теперь, прибавляетъ Флетчеръ, высшая знать, называемая удѣльными князьями, сравнена съ остальными; только лишь въ сознаніи и чувствѣ народномъ сохраняетъ она нѣкоторое значеніе и до сихъ поръ пользуется внѣшнимъ почетомъ въ торжественныхъ собраніяхъ. По нашему мнѣнію, это очень точное опредѣленіе одного изъ послѣдствій опричнины. Другое послѣдствіе, вытекавшее изъ тѣхъ же мѣропріятій, было не менѣе важно. На территоріи старыхъ удѣльныхъ владѣній еще жили старинные порядки и рядомъ съ властью московскаго государя еще дѣйствовали старые авторитеты. „Служилые“ люди въ XVI вѣкѣ здѣсь служили съ своихъ земель не одному „великому государю“, но и частнымъ „государямъ“. Въ серединѣ столѣтія въ Тверскомъ уѣздѣ, напримѣръ, изъ 272 вотчинъ не менѣе чѣмъ съ 53-хъ владѣльцы служили не государю, а князю Владиміру Андреевичу Старицкому, князьямъ Оболенскимъ, Микулинскимъ, Мстиславскому, Ростовскому, Голицыну, Курлятеву, даже простымъ боярамъ; съ нѣкоторыхъ же вотчинъ и вовсе не было службы. Понятно, что этотъ порядокъ не могъ удержаться при перемѣнахъ въ землевладѣніи, какія внесла опричнина. Частные авторитеты поникли подъ грозою опричнины и были удалены; ихъ служилые люди становились въ непосредственную зависимость отъ великаго государя, а общій пересмотръ землевладѣнія привлекалъ ихъ всѣхъ на опричную государеву службу или же выводилъ ихъ за предѣлы опричнины. Съ опричниною должны были исчезнуть „воинства“ въ нѣсколько тысячъ слугъ, съ которыми княжата раньше приходили на государственную службу, какъ должны были искорениться и всѣ прочіе слѣды старыхъ удѣльныхъ обычаевъ и вольностей въ области служебныхъ отношеній. Такъ, захватывая въ опричнину старинныя удѣльныя территоріи для испомѣщенія своихъ новыхъ слугъ, Грозный производилъ въ нихъ коренныя перемѣны, замѣняя остатки удѣльныхъ переживаній новыми порядками, такими, которые равняли всѣхъ предъ лицомъ государя въ его „особномъ обиходѣ“, гдѣ уже не могло быть удѣльныхъ воспоминаній и аристократическихъ традицій. Любопытно, что этотъ пересмотръ порядковъ и людей продолжался много лѣтъ спустя послѣ начала опричнины. Очень изобразительно описываетъ его самъ Грозный въ своей извѣстной челобитной 30-го октября 1575 года на имя великаго князя Симеона Бекбулатовича: „чтобъ еси, государь, милость показалъ, ослободилъ людишокъ перебрать, бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишокъ: иныхъ бы еси ослободилъ отослать, а иныхъ бы еси пожаловалъ ослободилъ принять...; а ослободилъ бы еси пожаловалъ изо всякихъ людей выбирать и пріимать, и которые намъ не надобны, и намъ бы тѣхъ пожаловалъ еси, государь, ослободилъ прочь отсылати...; и которые похотятъ къ намъ, и ты бъ, государь, милость показалъ ослободилъ ихъ быти у насъ безопально и отъ насъ ихъ имати не велѣлъ; а которые отъ насъ поѣдутъ и учнутъ тебѣ, государю, бити челомъ, и ты бъ... тѣхъ нашихъ людишокъ, которые учнутъ отъ насъ отходити, пожаловалъ не принималъ“. Подъ притворнымъ самоуничиженіемъ царя „Иванця Васильева“, въ его обращеніи къ только что поставленному „великому князю“ Симеону, скрывается одинъ изъ обычныхъ для того времени указовъ о пересмотрѣ служилыхъ людей при введеніи опричнаго порядка.

Въ-третьихъ, кромѣ дворцовыхъ, вотчинныхъ и помѣстныхъ земель, многія волости, по словамъ лѣтописи, „государь поималъ кормленымъ окупомъ, съ которыхъ волостей имати всякіе доходы на его государьской обиходъ, жаловати

бояръ и дворянъ и всякихъ его государевыхъ дворовыхъ людей, которые будутъ у него въ опришнинѣ". Это—вѣрное но не полное указаніе лѣтописи на доходъ съ опричныхъ земель. Кормленый окупъ — спеціальный сборъ, своего рода выкупной платежъ волостей за право самоуправленія, установленный съ 1555—1556 года. Мы знаемъ, что имъ не ограничивались доходы опричнины. Въ опричнину поступали, съ одной стороны, прямыя подати вообще, а съ другой, и разнаго рода косвенные налоги. Когда былъ взятъ въ опричнину Симоновъ монастырь, ему было велѣно платить въ опричнину „всякія подати". Когда въ опричнину была взята Торговая сторона Великаго Новгорода, то опричные дьяки стали на ней вѣдать всѣ таможенные сборы, опредѣленные особою таможенною грамотою 1571 года. Такимъ образомъ, нѣкоторые города и волости были введены въ опричнину по соображеніямъ финансовымъ: назначеніемъ ихъ было доставлять опричнинѣ отдѣльные отъ „земскихъ" доходы. Разумѣется, вся территорія опричнины платила искони существовавшіе на Руси „дани и оброки", особенно же волости промышленнаго Поморья, гдѣ не было помѣщиковъ; но главнѣйшій интересъ и значеніе для опричной царской казны представляли крупные городскіе посады, такъ какъ съ ихъ населенія и рынковъ поступали многообразные и богатѣйшіе сборы. Интересно посмотрѣть, какъ были подобраны для опричнины эти торгово-промышленные центры. Къ нѣкоторымъ, кажется, безспорнымъ и не лишеннымъ значенія выводамъ можетъ привести въ данномъ случаѣ, простое знакомство съ картою Московскаго государства. Нанеся на карту важнѣйшіе пути отъ Москвы къ рубежамъ государства и отмѣтивъ на картѣ мѣста, взятыя въ опричнину, убѣдимся, что въ опричнину попали всѣ главные пути съ большею частью городовъ, на нихъ стоящихъ. Можно даже, не рискуя впасть въ преувеличеніе, сказать, что опричнина распоряжалась на всемъ пространствѣ этихъ путей, исключая развѣ самыхъ порубежныхъ мѣстъ. Изъ всѣхъ дорогъ, связывавшихъ Москву съ рубежами, развѣ только дороги на югъ, на Тулу и Рязань, оставлены опричниною безъ вниманія, думаемъ потому, что ихъ таможенная и всякая иная доходность была не велика, а все ихъ протяженіе было въ безпокойныхъ мѣстахъ южной украйны.

Изложенныя нами наблюденія надъ составомъ земель, взятыхъ въ опричнину, можно теперь свести къ одному заключенію. Территорія опричнины, слагавшаяся постепенно, въ 70-хъ годахъ XVI вѣка составлена была изъ городовъ и волостей, лежавшихъ въ центральныхъ и сѣверныхъ мѣстностяхъ государства—въ Поморьѣ, Замосковныхъ и Заоцкихъ городахъ, въ пятинахъ Обонежской и Бѣжецкой. Опираясь на сѣверѣ на „великое море-окіанъ", опричныя земли клиномъ врѣзывались въ „земщину", раздѣляя ее надвое. На востокѣ за земщиною оставались Пермскіе и Вятскіе города, Понизовье и Рязань; на западъ — города порубежные: „отъ нѣмецкой украйны" (Псковскіе и Новгородскіе), „отъ литовской украйны" (Великія Луки, Смоленскъ и др.) и города Сѣверскіе. На югѣ эти двѣ полосы „земщины" связывались Украинными городами да „дикимъ полемъ". Московскимъ сѣверомъ, Поморьемъ и двумя Новгородскими пятинами опричнина владѣла безраздѣльно; въ центральныхъ же областяхъ ея земли перемѣшивались съ земскими въ такой черезполосицѣ, которую нельзя не только объяснить, но и просто изобразить. За земщиною оставались здѣсь изъ большихъ городовъ, кажется, только Тверь, Владиміръ, Калуга. Города Ярославль и Переяславль Залѣсскій, какъ кажется, были взяты изъ „земщины" только въ серединѣ 70-годовъ. Во всякомъ случаѣ, огромное большинство городовъ и волостей въ московскомъ центрѣ отошло отъ земщины, и мы имѣемъ право сказать, что земщинѣ, въ концѣ концовъ, оставлены были окраины государства. Получилось нѣчто обратное тому, что мы видимъ въ императорскихъ и сенатскихъ провинціяхъ древняго Рима: тамъ императорская власть беретъ въ непосредственное вѣдѣніе военныя окраины и кольцомъ легіоновъ сковываетъ старый центръ; здѣсь царская власть, наоборотъ, отдѣляетъ себѣ въ опричнину внутреннія области, оставляя старому управленію военныя окраины государства.

Вотъ къ какимъ результатамъ привело насъ изученіе территоріальнаго состава опричнины. Учрежденный въ 1565 году новый дворъ московскаго государя въ десять лѣтъ охватилъ всѣ внутреннія области государства, произвелъ существенныя перемѣны въ служиломъ землевладѣніи этихъ областей, завладѣлъ путями внѣшнихъ сообщеній и почти всѣми важнѣйшими рынками страны и количественно сравнялся съ земщиною, если только не переросъ ее. Въ 70-хъ годахъ XVI вѣка это далеко не „отрядъ царскихъ тѣлохранителей" и даже не „опричнина" въ смыслѣ удѣльнаго двора. Новый дворъ Грознаго царя до такой степени разросся и осложнился, что пересталъ быть опричниною не только по существу,

но и по оффиціальному наименованію: около 1572 года слово „опричнина" въ разрядахъ исчезаетъ и замѣняется словомъ „дворъ". Думаемъ, что это не случайность, а достаточно ясный признакъ того, что въ сознаніи творцовъ опричнины она измѣнила свой первоначальный видъ.

Рядъ наблюденій, изложенныхъ выше, ставитъ насъ на такую точку зрѣнія, съ которой существующія объясненія опричнины представляются не вполнѣ соотвѣтствующими исторической дѣйствительности. Мы видимъ, что, вопреки обычному мнѣнію, опричнина вовсе не стояла „внѣ" государства. Въ учрежденіи опричнины вовсе не было „удаленія главы государства отъ государства", какъ выражался С. М. Соловьевъ; напротивъ, опричнина забирала въ свои руки все государство въ его коренной части, оставивъ „земскому" управленію рубежи, и даже стремилась къ государственнымъ преобразованіямъ, ибо вносила существенныя перемѣны въ составъ служилаго землевладѣнія. Уничтожая его аристократическій строй, опричнина была направлена, въ сущности, противъ тѣхъ сторонъ государственнаго порядка, которыя терпѣли и поддерживали такой строй. Она дѣйствовала не „противъ лицъ", какъ говоритъ В. О. Ключевскій, а именно противъ порядка, и потому была гораздо болѣе орудіемъ государственной реформы, чѣмъ простымъ полицейскимъ средствомъ пресѣченія и предупрежденія государственныхъ преступленій. Говоря такъ, мы совсѣмъ не отрицаемъ тѣхъ отвратительно-жестокихъ гоненій, которымъ подвергалъ въ опричнинѣ Грозный царь своихъ воображаемыхъ и дѣйствительныхъ враговъ. И Курбскій, и иностранцы говорятъ о нихъ много и вѣроподобно. Но намъ кажется, что сцены звѣрства и разврата, всѣхъ ужасавшія и вмѣстѣ съ тѣмъ занимавшія, были какъ бы грязною пѣною, которая кипѣла на поверхности опричной жизни, закрывая будничную работу, происходившую въ ея глубинахъ. Непонятное ожесточеніе Грознаго, грубый произволъ его „кромѣшниковъ" гораздо болѣе затрогивали интересъ современниковъ, чѣмъ обыденная дѣятельность опричнины, направленная на то, чтобы „людишекъ перебрать, бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишекъ". Современники замѣтили только результаты этой дѣятельности — разгромъ княжескаго землевладѣнія. Курбскій страстно упрекалъ за него Грознаго, говоря, что царь губилъ княжатъ ради вотчинъ, стяжаній и скарбовъ; Флетчеръ спокойно указывалъ на униженіе „удѣльныхъ князей" послѣ того, какъ Грозный захватилъ ихъ вотчины. Но ни тотъ, ни другой изъ нихъ, да и вообще никто не оставилъ намъ полной картины того, какъ царь Иванъ Васильевичъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ, помимо „земскихъ" бояръ, распоряженіе доходнѣйшими мѣстами государства и его торговыми путями и, располагая своею опричною казною и опричными слугами, постепенно „перебиралъ" служилыхъ людишекъ, отрывалъ ихъ отъ той почвы, которая питала ихъ неудобныя политическія воспоминанія и притязанія, и сажалъ на новыя мѣста, или же вовсе губилъ ихъ въ припадкахъ своей подозрительной ярости.

Можетъ быть, это неумѣнье современниковъ разсмотрѣть за вспышками царскаго гнѣва и за самоуправствомъ его опричной дружины опредѣленный планъ и систему въ дѣйствіяхъ опричнины было причиною того, что смыслъ опричнины сталъ скрытъ и отъ глазъ потомства. Но есть этому и другая причина. Какъ первый періодъ реформъ царя Іоанна оставилъ по себѣ мало слѣдовъ въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ московскихъ приказовъ, такъ и опричнина съ ея реформою служилаго землевладѣнія почти не отразилась въ актахъ и приказныхъ дѣлахъ XVI вѣка. Переводя области въ опричнину, Грозный не выдумывалъ для управленія ими ни новыхъ формъ, ни новаго типа учрежденій; онъ только поручалъ ихъ управленіе особымъ лицамъ — „изъ двора", и эти лица изъ двора дѣйствовали рядомъ и вмѣстѣ съ лицами „изъ земскаго". Вотъ почему иногда одно только имя дьяка, скрѣпившаго ту или другую грамоту, показываетъ намъ, гдѣ дана грамота, въ опричнинѣ или въ земщинѣ; или же только по мѣстности, къ которой относится тотъ или другой актъ, можемъ мы судить, съ чѣмъ имѣемъ дѣло, съ опричнымъ ли распоряженіемъ, или съ земскимъ. Далеко не всегда въ самомъ актѣ указывается точно, какой органъ управленія въ данномъ случаѣ надо разумѣть, земскій или дворовый; просто говорится: „Большой Дворецъ", „Большой Приходъ, „Разрядъ" и лишь иногда прибавляется пояснительное слово, въ родѣ: „изъ земскаго Дворца", „дворовый Разрядъ", „въ дворовый Большой Приходъ". Равно и должности не всегда упоминались съ означеніемъ, къ какому порядку, опричному или земскому, онѣ относились: иногда говорилось, напримѣръ: „съ государемъ бояре изъ опришнины", „дворецъ Большого земскаго Дворца", „дворовые воеводы", „дьякъ Разряду дворового и т. д.: иногда же лица, завѣдомо принадлежащія къ опричнинѣ и къ „двору", именуются въ документахъ безъ всякаго на то указанія. Поэтому нѣтъ пока возможности дать опредѣленное

изображеніе административнаго устройства опричнины. Весьма соблазнительна мысль, что отдѣльныхъ отъ „земщины“ административныхъ учрежденій опричнина и вовсе не имѣла. Былъ, кажется, только одинъ Разрядъ, одинъ Большой Приходъ, но въ этихъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ разнымъ дьякамъ поручались дѣла и мѣстности земскія и дворовыя порознь, и не одинаковъ былъ порядокъ доклада и рѣшенія тѣхъ и другихъ дѣлъ. Такъ, въ Разрядѣ въ 1574 — 1576 гг. земскими дьяками были Щелкаловы, а дворовыми — Андрей Шерефединовъ и Андрей Арцыбышевъ. Первые вели свои обычные доклады черезъ думу (почему и стали именоваться „думными“), вторые же черезъ „дворъ“ (почему и назывались „дворовыми“). Это, разумѣется, наши гаданія, но они находятъ себѣ нѣкоторую опору въ словахъ лѣтописи, что, учреждая опричнину, Грозный „конюшему и дворецкому и казначеямъ и дьякомъ и всѣмъ приказнымъ людемъ велѣлъ *быти по своимъ приказомъ и управу чинити по старинѣ*, а о большихъ дѣлѣхъ приходити къ бояромъ“. Очевидно, что старый административный механизмъ не былъ разрушенъ опричниною. Въ немъ все осталось на своихъ мѣстахъ и все по-старому обращалось „о большихъ дѣлѣхъ“ къ боярской думѣ — къ боярамъ, которымъ государь „велѣлъ быти въ земскихъ: князю Ив. Дм. Бѣльскому, князю Ив. Ѳед. Мстиславскому *и всѣмъ бояромъ*“. Дума сама рѣшала всѣ обычныя „большія“ дѣла, о дѣлахъ же экстренной важности должна была докладывать государю: „а ратныя каковы будутъ вѣсти или земскія великія дѣла, и бояромъ о тѣхъ дѣлѣхъ приходити къ государю, и государь, приговоря съ бояры, тѣмъ дѣломъ управу велитъ чинити“. Такъ лѣтопись опредѣляетъ порядокъ вершенія дѣлъ въ земщинѣ, порядокъ старый, привычный и понятный. Все, что перешло въ опричнину, было изъято изъ этого порядка въ томъ смыслѣ, что было выведено изъ подчиненія „земскимъ“ боярамъ, то-есть боярской думѣ. Дѣла „опришныя“ восходили къ государю мимо думы; но, кажется, шли они изъ тѣхъ же приказовъ. По лѣтописи, въ опричнинѣ не было устроено особыхъ, параллельныхъ земскимъ приказовъ, а только были „учинены“ особо „всякіе приказные люди“. По актамъ также нельзя прослѣдить существованія отдѣльныхъ „приказныхъ избъ“ въ опричнинѣ, такихъ, гдѣ бы дѣйствовалъ особый штатъ дьяковъ: напротивъ, по мѣстническому дѣлу В. Зюзина съ Ѳ. Нагимъ (1576 г.) видно, что канцелярія и архивъ Разряда и Четей не были раздѣлены между земщиною и новымъ „дворомъ“. Но и акты, согласно съ лѣтописью, свидѣтельствуютъ, что были особые „опричные“ и „дворовые“ приказные люди. Отсюда у насъ и возникаетъ предположеніе, что при единствѣ присутственныхъ мѣстъ существовалъ двоякій служебный штатъ. Одна его часть вѣдала дѣла, подчиненныя боярской думѣ въ земщинѣ; другая вѣдала дѣла „дворовыя“, изъятыя изъ вѣдомства думы. Изслѣдователямъ еще предстоитъ рѣшить вопросъ, какъ размежевывались дѣла и люди въ такомъ близкомъ и странномъ сосѣдствѣ. Намъ теперь представляется неизбѣжною и непримиримою вражда между земскими и опричными людьми, потому что мы вѣримъ, будто бы Грозный заповѣдалъ опричникамъ насиловать и убивать земскихъ людей. А между тѣмъ не видно, чтобы правительство XVI вѣка считало дворовыхъ и земскихъ людей врагами; напротивъ, оно предписывало имъ совмѣстныя и согласныя дѣйствія. Такъ, въ 1570 году, въ маѣ, „приказалъ государь о (литовскихъ) рубежахъ говорити всѣмъ бояромъ, земскимъ и изъ опришнины...; и бояре обои, земскіи и изъ опришнины, о тѣхъ рубежѣхъ говорили“ — и пришли къ одному общему рѣшенью. Черезъ мѣсяцъ такое же общее рѣшеніе „обои“ бояре постановили по поводу необычнаго „слова“ въ титулѣ литовскаго государя и „за то слово велѣли стояти крѣпко“. Въ томъ же 1570-мъ и 1571 годахъ на „берегу“ и украйнѣ противъ татаръ были земскіе и „опришнинскіе“ отряды, и имъ было велѣно дѣйствовать вмѣстѣ, „гдѣ случится сойтись“ земскимъ воеводамъ съ опришнинскими воеводами. Въ 1570 году въ Новгородъ вмѣстѣ пріѣхали посланные подъ Колывань воеводы: земскій Иванъ-Хиронъ Петровичъ Яковлевъ и опричный Вас. Ив. Умной-Колычевъ; вмѣстѣ же отправились они и изъ Новгорода, а во время пребыванія въ Новгородѣ опричный воевода съ своего двора „всегда ѣздилъ изнутра ко Ивану Петровичу“, земскому воеводѣ, на его дворъ. Въ 1577 году „послалъ государь дворянъ изъ земского въ разные городы высылати на государеву службу дѣтей боярскихъ“; эти „дворяне изъ земского“ отправлены были, между прочимъ, въ Обонежскую и Бѣжецкую пятины и въ города Суздаль, Галичъ и Кострому, которые съ уѣздами были взяты въ опричнину, а стало быть, и населены не „земскими“ боярскими дѣтьми. Всѣ подобные факты наводятъ на мысль, что отношенія между двумя частями своего царства Грозный строилъ не на принципѣ взаимной вражды, и если отъ опричнины, по словамъ Ив. Тимоѳеева, произошелъ „земли всей великъ расколъ“, то причины лежали не въ намѣреніяхъ Грознаго, а въ способахъ ихъ осуществленія. Одинъ только эпизодъ

съ вокняженіемъ въ земщинѣ Симеона Бекбулатовича могъ бы противорѣчить этому, если бы ему можно было придавать серьезное значеніе и если бы онъ ясно указывалъ на намѣреніе отдѣлить „земщину" въ особое „великое княженіе". Но, кажется, это была кратковременная и совсѣмъ невыдержанная проба раздѣленія власти. Симеону довелось сидѣть въ званіи великаго князя на Москвѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ. При этомъ, такъ какъ онъ не носилъ царскаго титула, то не могъ быть и вѣнчанъ на царство; его просто, по словамъ одной разрядной книги, государь „посадилъ на велико скняженіе на „Москвѣ", можетъ быть, и съ нѣкоторымъ обрядомъ, но, конечно, не съ чиномъ царскаго вѣнчанія. Симеону принадлежала одна тѣнь власти, потому что въ его княженіе рядомъ съ его грамотами писались и грамоты отъ настоящаго „царя и великаго князя всея Руси", а на грамоты „великаго князя Симеона Бекбулатовича всея Руси" дьяки даже не отписывались, предпочитая отвѣчать одному „государю князю Ивану Васильевичу Московскому". Словомъ, это была какая-то игра или причуда, смыслъ которой—неясенъ, а политическое значеніе — ничтожно. Иностранцамъ Симеона не показывали, и о немъ говорили сбивчиво и уклончиво: если бы ему дана была дѣйствительная власть, врядъ ли возможно было скрыть этого новаго повелителя „земщины".

Итакъ, опричнина была первою попыткою разрѣшить одно изъ противорѣчій московскаго государственнаго строя. Она сокрушила землевладѣніе знати въ томъ его видѣ, какъ оно существовало изъ-старины. Посредствомъ принудительной и систематически произведенной мѣны земель она уничтожила старыя связи удѣльныхъ княжатъ съ ихъ родовыми вотчинами вездѣ, гдѣ считала это необходимымъ, и раскидала подозрительныхъ въ глазахъ Грознаго княжатъ по разнымъ мѣстамъ государства, преимущественно по его окраинамъ, гдѣ они превратились въ рядовыхъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Если вспомнимъ, что рядомъ съ этимъ земельнымъ перемѣщеніемъ шли опалы, ссылки и казни, обращенныя прежде всего на тѣхъ же княжатъ, то увѣримся, что въ опричнинѣ Грознаго произошелъ полный разгромъ удѣльной аристократіи. Правда, она не была истреблена „всенародно", поголовно; врядъ ли это и входило въ политику Грознаго, какъ склонны думать нѣкоторые ученые. Но составъ ея значительно порѣдѣлъ, и спаслись отъ погибели только тѣ, которые умѣли показаться Грозному политически безвредными, какъ Мстиславскій съ его зятемъ „великимъ княземъ" Симеономъ Бекбулатовичемъ, или же умѣли, какъ нѣкоторыя князья — Скопины, Шуйскіе, Пронскіе, Сицкіе, Трубецкіе, Темкины — заслужить честь быть принятыми на службу въ опричнину. Политическое значеніе класса было безповоротно уничтожено, и въ этомъ заключался успѣхъ политики Грознаго. Тотчасъ послѣ его смерти сбылось то, чего при немъ такъ боялись бояре-княжата: ими стали владѣть Захарьины да Годуновы. Къ этимъ простымъ боярскимъ семьямъ перешло первенство во дворцѣ отъ круга людей высшей породы, разбитаго опричниною.

Но это было лишь одно изъ послѣдствій опричнины. Другое заключалось въ необыкновенно энергичной мобилизаціи землевладѣнія, руководимой правительствомъ. Опричнина массами передвигала служилыхъ людей съ однѣхъ земель на другія; земли мѣняли хозяевъ не только въ томъ смыслѣ, что вмѣсто одного помѣщика приходилъ другой, но и въ томъ, что дворцовая или монастырская земля обращалась въ помѣстную раздачу, а вотчина князя или помѣстье сына боярскаго отписывалось на государя. Происходилъ какъ бы общій пересмотръ и общая перетасовка владѣльческихъ правъ. Результаты этой операціи имѣли безспорную важность для правительства, хотя были неудобны и тяжелы для населенія. Ликвидируя въ опричнинѣ старыя поземельныя отношенія, завѣщанныя удѣльнымъ временемъ, правительство Грознаго взамѣнъ ихъ вездѣ водворяло однообразные порядки, крѣпко связывавшіе право землевладѣнія съ обязательною службою. Этого требовали и политическіе виды самого Грознаго и интересы, болѣе общіе, государственной обороны. Стараясь о томъ, чтобы размѣстить на земляхъ, взятыхъ въ опричнину, „опришнинскихъ" служилыхъ людей, Грозный сводилъ съ этихъ земель ихъ старыхъ служилыхъ владѣльцевъ, не попавшихъ въ опричнину; но въ то же время онъ долженъ былъ подумать и о томъ, чтобы не оставить безъ земель и этихъ послѣднихъ. Они устраивались въ „земщинѣ" и размѣщались въ такихъ мѣстностяхъ, которыя нуждались въ военномъ населеніи. Политическія соображенія Грознаго прогоняли ихъ съ ихъ старыхъ мѣстъ, стратегическія надобности опредѣляли мѣста ихъ новаго поселенія. Нагляднѣйшій примѣръ того, что испомѣщеніе служилыхъ людей зависѣло одновременно и отъ введенія опричнины и отъ обстоятельствъ военнаго характера, находится въ такъ называемыхъ Полоцкихъ писцовыхъ книгахъ 1571 года. Онѣ

заключаютъ въ себѣ данныя о дѣтяхъ боярскихъ, которые были выведены на литовскій рубежъ изъ Обонежской и Бѣжецкой пятинъ, тотчасъ послѣ взятія этихъ двухъ пятинъ въ опричнину. Въ пограничныхъ мѣстахъ, въ Себежѣ, Нещердѣ, Озерищахъ и Усвятѣ, новгородскимъ служилымъ людямъ были розданы земли каждому сполна въ его окладъ 500—400 четей. Такимъ образомъ, не принятые въ число опричниковъ, эти люди совсѣмъ потеряли земли въ Новгородскихъ пятинахъ и получили новую осѣдлость на той пограничной полосѣ, которую надо было укрѣпить для литовской войны. У насъ мало столь выразительныхъ образчиковъ того вліянія, какое оказывала опричнина на оборотъ земель въ служиломъ центрѣ и на военныхъ окраинахъ государства. Но нельзя сомнѣваться, что это вліяніе было очень велико. Оно усилило земельную мобилизацію и сдѣлало ее тревожною и безпорядочною. Массовая конфискація и секуляризація вотчинъ въ опричнинѣ, массовое передвиженіе служилыхъ землевладѣльцевъ, обращеніе въ частное владѣніе дворцовыхъ и черныхъ земель — все это имѣло характеръ бурнаго переворота въ области земельныхъ отношеній и неизбѣжно должно было вызывать очень опредѣленное чувство неудовольствія и страха въ населеніи. Страхъ государевой опалы и казни смѣшивался съ боязнью выселенія изъ родного гнѣзда на пограничную пустошь безъ всякой вины, „съ городомъ вмѣстѣ, а не въ опалѣ“. Отъ невольныхъ, внезапныхъ передвиженій страдали не только землевладѣльцы, которые обязаны были мѣнять свою вотчинную или помѣстную осѣдлость и бросать одно хозяйство, чтобы начинать другое въ чуждой обстановкѣ, въ новыхъ условіяхъ, съ новымъ рабочимъ населеніемъ. Въ одинаковой степени страдало отъ перемѣны хозяевъ и это рабочее населеніе, страдало особенно тогда, когда ему вмѣстѣ съ дворцовою или черною землею, на которой оно сидѣло, приходилось попадать въ частную зависимость. Отношенія между владѣльцами земель и ихъ крестьянскимъ населеніемъ были въ ту пору уже достаточно запутаны; опричнина должна была еще болѣе ихъ осложнить и замутить.

XX. Митрополитъ Филиппъ.

(*Изъ «Исторіи русской церкви» Макарія*).

Митрополитъ Филиппъ происходилъ изъ знатнаго рода Колычевыхъ, родился въ 1507 г. и названъ Ѳеодоромъ. Отецъ его, Стефанъ, принадлежалъ къ числу ближнихъ бояръ вел. кн. Василія Іоанновича и засѣдалъ въ государевой думѣ. Когда подросъ Ѳеодоръ, то взятъ былъ ко двору. Здѣсь узналъ его малолѣтній князь Іоаннъ, но ненадолго. Въ 1537 г., когда Іоанну исполнилось только восемь лѣтъ, а Филиппу тридцать, послѣдній тайно оставилъ дворъ и Москву и удалился въ Соловецкую обитель. Тамъ, черезъ нѣсколько времени принявъ постриженіе вмѣстѣ съ именемъ Филиппа, онъ въ продолженіе десяти лѣтъ проходилъ разныя, иногда весьма тяжелыя, послушанія. Возведенный въ санъ игумена (1548 г.), Филиппъ, въ продолженіе осьмнадцатилѣтняго управленія Соловецкою обителью, совершенно обновилъ ее: соорудилъ въ ней двѣ каменныя церкви — Успенія пресв. Богородицы и Преображенія Господня, завелъ колокола вмѣсто билъ и клепалъ, воздвигъ для братіи двухъ и трехъ-этажныя келіи и больницу, внѣ монастыря умножилъ и улучшилъ соляныя варницы, устроилъ водяныя мельницы, завелъ скотный дворъ и оленей, соединилъ озера каналами и осушилъ болота, сдѣлалъ просѣки въ лѣсахъ и проложилъ дороги. Въ санѣ игумена Филиппъ снова сдѣлался извѣстнымъ Іоанну. Посѣтивъ Москву (1550—1551 г.), онъ заслужилъ его расположеніе. Царь пожаловалъ игумену грамоты на разныя волости, села и другія владѣнія, подарилъ ему богатыя ризы и другія драгоцѣнныя вещи. Можетъ быть, Іоаннъ, оказавъ Филиппу столько зна-

ковъ царскаго благоволенія, разсчитывалъ, что Филиппъ охотно согласится быть въ полной его волѣ и, занимая митрополитскую каѳедру, будетъ постоянно держать его сторону и ни въ чемъ не станетъ ему противорѣчить. Но такой разсчетъ, если только онъ существовалъ, скоро оказался невѣрнымъ.

Когда Филиппъ изъ своей отдаленной обители прибылъ въ Москву, Іоаннъ принялъ его съ великою честью, удостоилъ своей царской трапезы и щедро одарилъ; но какъ только предложилъ ему, въ присутствіи всего освященнаго собора и бояръ, митрополитскую каѳедру, то Филиппъ сначала смиренно отказывался, ссылаясь на слабость своихъ силъ и уподобляя себя малой ладьѣ, неспособной носить великой тяжести, а потомъ, будучи „понуждаемъ“ царемъ и соборомъ на митрополію, смѣло сказалъ, чтобы царь отмѣнилъ опричнину; а не отмѣнитъ, ему, Филиппу, митрополитомъ быть невозможно; если же его и поставятъ въ митрополиты, онъ затѣмъ оставитъ митрополію. Царь прогнѣвался, но, по челобитью архіепископовъ и епископовъ, отложилъ свой гнѣвъ и велѣлъ сказать Филиппу, чтобы онъ „въ опричнину и въ царскій домовой обиходъ не вступался и на митрополію ставился, и послѣ поставленія не оставлялъ ея изъ-за того, что царь не отмѣнилъ опричнины и не велѣлъ ему вступаться въ царскій домовой обиходъ, а совѣтовалъ бы съ царемъ, какъ прежніе митрополиты совѣтовали съ отцомъ его и дѣдомъ“. И Филиппъ далъ свое слово архіепископамъ и епископамъ, что онъ, по царскому слову и по ихъ благословенію, соглашается стать на митрополію, что въ опричнину и въ царскій домовой обиходъ ему не вступаться, а по поставленіи изъ-за опричнины и царскаго домоваго обихода митрополіи не оставлять. Въ такихъ выраженіяхъ составленъ былъ приговоръ и 20-го іюля подписанъ нареченнымъ на митрополію соловецкимъ игуменомъ Филиппомъ и за нимъ двумя архіепископами и пятью епископами. Черезъ пять дней совершилось въ Успенскомъ соборѣ поставленіе митрополита Филиппа, при соучастіи почти всѣхъ святителей русской земли. Самъ Іоаннъ присутствовалъ при торжествѣ съ своими дѣтьми и двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ.

Прошло около года, и ничто не возмущало мира между царемъ и митрополитомъ. Филиппъ занимался только дѣлами церкви. Царь оказывалъ Филиппу благоволеніе и любовь. Православные радовались этому и благодарили Бога. Но въ душѣ царь уже не любилъ первосвятителя; онъ подозрѣвалъ въ немъ орудіе бояръ, полагая, что по ихъ-то настроенію онъ осмѣлился требовать уничтоженія опричнины предъ своимъ поставленіемъ на митрополію. Въ 1567 г. перехвачены были письма польскаго короля Сигизмунда и литовскаго гетмана Ходкевича къ главнѣйшимъ нашимъ боярамъ, которые будто бы еще прежде тайно дали согласіе измѣнить своему государю и переселиться въ Литву. Начались страшныя казни; опричники неистовствовали въ Москвѣ, убивали всенародно на улицахъ и площадяхъ человѣкъ по десяти и по двадцати въ день: всѣхъ объялъ ужасъ. Многіе со слезами прибѣгали къ митрополиту и умоляли его заступиться за нихъ предъ государемъ. И добрый пастырь, утѣшая несчастныхъ словами вѣры, не могъ оставаться безотвѣтнымъ на вопли и стоны своихъ духовныхъ чадъ. Онъ помнилъ, что отказался отъ мысли просить уничтоженія опричнины, но что сохранилъ за собою право „совѣтовать“ государю и, слѣдовательно, ходатайствовать, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы онъ обуздывалъ своихъ опричниковъ, наблюдалъ правду и милость по отношенію къ своимъ подданнымъ и, карая злодѣевъ, не

дозволялъ проливать неповинной крови. Одушевленный такими мыслями, святитель отправился къ Іоанну, чтобы сначала наединѣ пастырски побесѣдовать съ нимъ. Въ чемъ состояла эта тайная бесѣда, какъ обличалъ или убѣждалъ царя митрополитъ, неизвѣстно; но послѣдствія показали, что убѣжденія не принесли никакой пользы, а только, быть можетъ, еще болѣе утвердили Іоанна въ увѣренности, что митрополитъ держитъ сторону ненавистныхъ бояръ и служитъ имъ орудіемъ.

Къ прискорбію, нашлись и между духовными лицами предатели, старавшіеся только объ угожденіи царю. Это были: Пименъ, архіепископъ новгородскій, Пафнутій, епископъ суздальскій, Филоѳей, епископъ рязанскій и протоіерей Благовѣщенскаго собора Евстафій, царскій духовникъ, котораго Филиппъ подвергъ запрещенію за какіе-то проступки. Особенно этотъ послѣдній, т.-е. духовникъ царя, непрестанно доносилъ ему, тайно и явно, на митрополита. Время шло, неистовства опричниковъ не прекращались, царь не исправлялся. И святитель, испытавъ недостаточность тайныхъ вразумленій царю, рѣшился начать (22-го марта 1568 г.) открытыя всенародныя обличенія ему. Іоаннъ пришелъ въ соборную церковь. Здѣсь св. Филиппъ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „О державный царь! Ты облеченъ самымъ высокимъ саномъ отъ Бога и долженъ чтить его болѣе всего. Тебѣ данъ скипетръ власти земной, чтобы ты соблюдалъ правду въ людяхъ и царствовалъ надъ ними по закону. Правда — самое драгоцѣнное сокровище для того, кто стяжалъ ее. По естеству ты подобенъ всякому человѣку, а по власти подобенъ Богу; какъ смертный не превозносись, а какъ образъ Божій не увлекайся гнѣвомъ. По справедливости властелиномъ можетъ назваться только тотъ, кто самъ собою обладаетъ и не работаетъ позорнымъ страстямъ. Отъ вѣка не слыхано, чтобы благочестивые цари волновали свою державу, и при твоихъ предкахъ не бывало того, что ты творишь: у самыхъ язычниковъ не случилось ничего такого“... Услышавъ эти обличенія, царь въ ярости сказалъ: „Что тебѣ, чернецу, за дѣло до нашихъ царскихъ совѣтовъ? Того ли не знаешь, что меня мои же хотятъ поглотить?“ *Филиппъ.* „Я точно чернецъ; но, по благодати Св. Духа, по избранію св. собора и твоему изволенію, я пастырь Христовой церкви и вмѣстѣ съ тобою обязанъ имѣть попеченіе о благочестіи и мирѣ всего православнаго христіанства“. *Іоаннъ.* „Одно тебѣ говорю, отче святый: молчи, а насъ благослови дѣйствовать по нашему изволенію“. *Филиппъ.* Благочестивый царь! Наше молчаніе умножаетъ грѣхъ души твоей и можетъ причинить смерть“. *Іоаннъ.* „Владыко святый! Возстали на меня друзи мои, и искренніи мои ищутъ мнѣ зла“. *Филиппъ.* „Государь! Тебѣ говорятъ неправду и лукавство; приблизь къ себѣ людей, желающихъ совѣтовать тебѣ доброе, а не льстить, и прогони говорящихъ тебѣ неправду“. *Іоаннъ.* „Филиппъ, не прекословь державѣ нашей, да не постигнетъ тебя мой гнѣвъ, или сложи свой санъ“. *Филиппъ* „Не употреблялъ я ни просьбъ, ни ходатаевъ, ни мзды, чтобы получить этотъ санъ. Зачѣмъ лишилъ ты меня пустыни? Если для тебя ничего не значатъ каноны, дѣлай, какъ хочешь“. Царь пошелъ въ свои палаты, въ большомъ раздумьи и въ гнѣвѣ на святителя.

Черезъ нѣсколько времени, въ день воскресный, царь снова пришелъ въ соборную Успенскую церковь къ божественной службѣ. Самъ онъ и сопровождавшіе его опричники были въ черныхъ одеждахъ, которыя онъ нарочно придумалъ для нихъ, и съ высокими шлыками на головахъ. Въ церкви онъ приблизился къ митрополичьему мѣсту, на кото-

ромъ стоялъ Филиппъ, и три раза просилъ его благословенія"; но святитель ничего не отвѣчалъ. Тогда бояре сказали: „Святый владыко! Къ тебѣ пришелъ благочестивый государь и требуетъ твоего благословенія". Послѣ этого Филиппъ, взглянувъ на Іоанна, произнесъ: „Царь благой! Кому поревновалъ ты, принявъ на себя такой видъ и измѣнивъ свое благолѣпіе? Убойся суда Божія: на другихъ законъ ты налагаешь, а самъ нарушаешь его. У татаръ и язычниковъ есть правда, въ одной Россіи нѣтъ ея; во всемъ мірѣ можно встрѣчать милосердіе, а въ Россіи нѣтъ состраданія даже къ невиннымъ и правымъ. Здѣсь мы приносимъ Богу безкровную жертву за спасеніе міра, а за алтаремъ безвинно проливается кровь христіанская. Ты самъ просилъ прощенія въ грѣхахъ своихъ предъ Богомъ: прощай же и другихъ, согрѣшающихъ предъ тобою"... Іоаннъ распалился яростью и воскликнулъ: „О Филиппъ, нашу ли волю думаешь измѣнить? Лучше было бы тебѣ быть единомысленнымъ съ нами". „Тогда—отвѣчалъ святитель—суетна была бы вѣра наша, напрасны и заповѣди Божіи о добродѣтеляхъ. Не о тѣхъ скорблю, которые невинно предаются смерти, какъ мученики; я скорблю о тебѣ, пекусь о твоемъ спасеніи". Іоаннъ, вовсе не слушая словъ святителя, въ великомъ гнѣвѣ махалъ рукою, грозилъ ему изгнаніемъ и разными муками и говорилъ: „Ты противишься, Филиппъ, нашей державѣ; посмотримъ на твою твердость". „Я пришлецъ на землѣ,—отвѣчалъ святый,—какъ и отцы мои, и за истину благочестія готовъ потерпѣть и лишеніе сана, и всякія муки". Тутъ же, въ соборѣ, враги Филиппа, желая унизить его всенародно, подготовили на св. старца самую гнусную клевету, которую подучили произнесть предъ всѣми одного благообразнаго отрока, бывшаго чтецомъ домовой митрополичьей церкви. Выслушавъ отрока, Пименъ новгородскій и другіе епископы, угодники царскіе, сказали: „Царя укоряетъ, а самъ творитъ такія неистовства". Митрополитъ отвѣчалъ Пимену. „Ты домогаешься восхитить чужой престолъ, но скоро лишишься и своего". А отрока, который вслѣдъ затѣмъ сознался, что говорилъ все не по своей волѣ, но по принужденію и изъ страха, простилъ и благословилъ. Когда эта клевета не удалась, царь приказалъ схватить всѣхъ главныхъ бояръ и сановниковъ митрополичьихъ: ихъ заключили подъ стражу, пытали, стараясь вывѣдать что-нибудь недоброе о святителѣ, но ничего не допытались.

Іюля 28-го, по случаю праздника въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, митрополитъ тамъ священнодѣйствовалъ. Туда же прибылъ на праздникъ, по утвердившемуся обычаю, и царь со всѣми боярами и опричниками. Въ то время, когда Филиппъ, совершая крестный ходъ вокругъ обители, достигъ св. воротъ и хотѣлъ читать евангеліе, онъ увидѣлъ, обратившись къ народу, что одинъ опричникъ стоитъ въ тафьѣ, и сказалъ государю: „Чтеніе слова Божія слѣдуетъ слушать христіанамъ съ непокровенною главою, а эти откуда взяли агарянскій обычай предстоять здѣсь съ покрытыми главами?" „Кто такой", спросилъ Іоаннъ и, взглянувъ вокругъ, не увидѣлъ никого въ тафьѣ, потому что виновный успѣлъ уже снять ее. Царю сказали, что митрополитъ говоритъ неправду, издѣваясь надъ его царскою державою. Іоаннъ вышелъ изъ себя, всенародно поносилъ святителя и называлъ лжецомъ, мятежникомъ и злодѣемъ.

Послѣ этого царь принялъ твердое намѣреніе низложить Филиппа, но, чтобы не возмутить народа, который весьма чтилъ архипастыря, задумалъ прежде обвинить его въ какихъ-либо преступленіяхъ, а какъ вся жизнь Филиппа сіяла въ Москвѣ одними только добродѣтелями, то

не счелъ недостойнымъ отправить особую депутацію въ Соловки для разслѣдованія его тамошней жизни. Во главѣ депутаціи находились клевреты царскіе: суздальскій епископъ Пафнутій, андрониковскій архимандритъ Ѳеодосій и князь Василій Темкинъ. Они употребили все: и ласки, и угрозы, и дары, и обѣщанія почестей, чтобы найти между иноками лжесвидѣтелей на митрополита, и дѣйствительно нѣкоторыхъ увлекли, а въ числѣ ихъ самого игумена Паисія, которому обѣщали епископскій санъ. Добрыхъ старцевъ, говорившихъ только истину о Филиппѣ и прославлявшихъ его непорочную жизнь въ монастырѣ, били и не хотѣли слушать. Записавъ клеветы и взявъ съ собою клеветниковъ, царскіе послы возвратились въ Москву. Немедленно открытъ былъ соборъ, въ присутствіи самого государя и бояръ, для суда надъ митрополитомъ. Призвали обвиняемаго, выслушали обвиненія на него. Паисій и его сообщники старались подтверждать свои клеветы. Первосвятитель не думалъ оправдываться, а сказалъ только Паисію: „Чадо, что сѣешь, то и пожнешь". Затѣмъ, обратившись къ царю и всему собору, объявилъ, что вовсе не боится смерти, что лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія несчастнаго времени, и тутъ же началъ слагать съ себя всѣ знаки своего сана. Но царь велѣлъ остановиться и ждать судебнаго приговора. Ноября 8-го, въ день архистратига Михаила, когда св. Филиппъ священнодѣйствовалъ въ своей каѳедральной церкви, вдругъ явился туда любимецъ царскій, бояринъ Басмановъ, сопровождаемый опричниками. Онъ приказалъ прочитать предъ всѣмъ народомъ соборный приговоръ о низложеніи митрополита. И тотчасъ бросились на него опричники, совлекли съ него святительское облаченіе, одѣли его въ простую и разодранную монашескую одежду, съ позоромъ выгнали изъ церкви и, посадивъ на дровни, отвезли въ Богоявленскій монастырь. Не довольствуясь этимъ, Іоаннъ хотѣлъ еще осудить св. старца на сожженіе, такъ какъ его обвиняли, между прочимъ, въ волшебствѣ, и, по ходатайству духовныхъ властей, согласился оставить ему жизнь. Цѣлую недѣлю просидѣлъ страдалецъ въ смрадной темницѣ, отягченный тяжелыми оковами и томимый голодомъ. Потомъ онъ былъ перевезенъ въ монастырь св. чудотворца Николая, такъ-называемый Старый. Царь прислалъ къ нему сюда отрубленную голову одного изъ любимыхъ его родственниковъ. Святитель поклонился предъ нею до земли, благословилъ ее, съ любовью облобызалъ и отдалъ принесшему. Наконецъ, по волѣ царя, Филиппъ былъ удаленъ изъ Москвы и сосланъ на заточеніе въ тверской Отрочъ монастырь. Спустя около года, Іоаннъ, путешествуя въ Новгородъ для лютыхъ казней, когда приближался къ Твери, вспомнилъ о Филиппѣ и послалъ къ нему одного изъ своихъ приближенныхъ, Малюту Скуратова, будто бы попросить благословенія на путь. И этотъ злодѣй, вошедши въ келію страдальца и бесѣдуя съ нимъ наединѣ, задушилъ его подушкою (23-го декабря 1569 г.), а потомъ сказалъ настоятелю и приставникамъ, что митрополитъ умеръ по ихъ небрежности „отъ неуставнаго зною келейнаго". Скоро Іоаннъ созналъ свою несправедливость противъ св. мужа и излилъ свой гнѣвъ на Соловецкую обитель за оклеветаніе его. Игуменъ Паисій былъ заточенъ въ Валаамскій монастырь, монахъ Зосима и еще десять иноковъ, тоже клеветавшихъ на св. Филиппа, были разосланы по разнымъ монастырямъ.

Были у насъ въ царствованіе Іоанна IV, одинъ за другимъ, еще три митрополита. Но эти уже не рѣшались или, быть можетъ, считали

безполезнымъ обличать и убѣждать грознаго царя, такъ какъ опытъ святителя Филиппа показалъ, что обличенія не только не могли исправить Іоанна, но еще болѣе ожесточали его. Спустя дня два по низверженіи Филиппа, возведенъ былъ на митрополитскій престолъ архимандритъ Троицко-Сергіева монастыря Кириллъ. При немъ лютость Іоанна достигла крайнихъ предѣловъ. Не довольствуясь уже тѣмъ, чтобы губить отдѣльныя лица и семейства, онъ началъ изливать гнѣвъ свой на цѣлые города.

XXI. Новгородскій погромъ.

(Изъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова).

Московскій царь давно уже не терпѣлъ Новгорода. При учрежденіи опричнины, онъ обвинялъ весь русскій народъ въ томъ, что въ прошедшіе вѣка этотъ народъ не любилъ царскихъ предковъ. Видно, что Іоаннъ читалъ лѣтописи и съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ описывались проявленія древней вѣчевой свободы. Нигдѣ, конечно, онъ не видѣлъ такихъ рѣзкихъ, ненавистныхъ для него чертъ, какъ въ исторіи Новгорода и Пскова. Понятно, что къ этимъ двумъ землямъ, а особенно къ Новгороду, развивалась въ немъ злоба. Новгородцы уже узнали объ этой злобѣ и чуяли надъ собою бѣду, а потому и просили Филиппа ходатайствовать за нихъ предъ царемъ. Въ 1569 г. Іоаннъ началъ выводить изъ Новгорода и Пскова жителей съ ихъ семьями: изъ Новгорода взялъ сто пятьдесятѣ, изъ Пскова пятьсотъ. Новгородъ и Псковъ были въ большомъ страхѣ. Въ это время какой-то бродяга, родомъ волынецъ, наказанный за что-то въ Новгородѣ, вздумалъ разомъ и отомстить новгородцамъ, и угодить Іоанну. Онъ написалъ письмо, какъ-будто отъ архіепископа Пимена и многихъ новгородцевъ, къ Сигизмунду-Августу, спряталъ это письмо въ Софійской церкви за образомъ Богородицы, а самъ убѣжалъ въ Москву и донесъ государю, что архіепископъ со множествомъ духовныхъ и мірскихъ людей отдается литовскому государю. Царь съ жадностью ухватился за этотъ доносъ и тотчасъ отправилъ въ Новгородъ искать указанныхъ грамотъ. Грамоты дѣйствительно отыскались. Чудовищно-развитое воображеніе царя не допустило его до какихъ-нибудь сомнѣній въ дѣйствительности этой продѣлки.

Въ декабрѣ 1569 г. предпринялъ Іоаннъ Васильевичъ походъ на сѣверъ. Съ нимъ были всѣ опричники и множество дѣтей боярскихъ. Онъ шелъ какъ на войну: то была странная, сумасбродная война съ прошлыми вѣками, дикая месть живымъ за давно умершихъ. Не только Новгородъ и Псковъ, но и Тверь была осуждена на кару, какъ бы въ воспоминаніе тѣхъ временъ, когда тверскіе князья боролись съ московскими предками Іоанна. Городъ Клинъ, нѣкогда принадлежавшій Твери, долженъ былъ первый испытать царскій гнѣвъ. Опричники, по царскому приказанію, ворвались въ городъ, били и убивали кого попало. Испуганные жители, ни въ чемъ неповинные, не понимавшіе, что все это значить, разбѣгались. Затѣмъ царь пошелъ на Тверь. На пути все разоряли и убивали всякаго встрѣчнаго, кто не нравился. Подступивши къ Твери, царь приказалъ окружить городъ войскомъ со всѣхъ сторонъ и самъ расположился въ одномъ изъ ближайшихъ монастырей.

Іоаннъ стоялъ подъ Тверью пять дней. Сначала ограбили всѣхъ духовныхъ, начиная съ епископа. Простые жители думали, что тѣмъ дѣло и кончится; но черезъ два дня, по царскому приказанію, опричники бросились въ городъ, бѣгали по домамъ, ломали всякую домашнюю утварь, рубили ворота, двери, окна, забирали всякіе домашніе запасы и купеческіе товары: воскъ, ленъ, кожи и пр., свозили въ кучи, сожигали, а потомъ удалились. Жители опять начали думать, что этимъ дѣло кончится, что, истребивши ихъ достояніе, имъ, по крайней мѣрѣ, оставятъ жизнь, какъ вдругъ опричники опять врываются въ городъ и начинаютъ бить кого ни попало: мужчинъ, женщинъ, младенцевъ, иныхъ жгутъ огнемъ, другихъ рвутъ клещами, тащатъ и бросаютъ тѣла убитыхъ въ Волгу. Самъ Іоаннъ собираетъ плѣнныхъ полочанъ и нѣмцевъ, которые содержались въ тюрьмахъ, частью помѣщены были въ домахъ. Ихъ тащатъ на берегъ Волги, въ присутствіи царя разсѣкаютъ на части и бросаютъ подъ ледъ. Изъ Твери уѣхалъ царь въ Торжокъ, и тамъ повторялось то же, что дѣлалось въ Твери. Въ помянникѣ Іоанна записано убитыхъ тамъ православныхъ христіанъ 1,490 чел. Но въ Торжкѣ Іоаннъ едва избѣжалъ опасности. Тамъ содержались въ башняхъ плѣнные нѣмцы и татары. Іоаннъ явился прежде къ нѣмцамъ, приказалъ убивать ихъ предъ своими глазами и спокойно наслаждался ихъ муками; но, когда онъ оттуда отправился къ татарамъ, мурзы бросились въ отчаяніи на Малюту, тяжело ранили его, потомъ убили еще двухъ человѣкъ, а одинъ татаринъ кинулся-было на самого Іоанна, но его остановили. Всѣ татары были умерщвлены.

Изъ Торжка царь шелъ на Вышній Волочекъ, Валдай, Яжелбицы. По обѣ стороны отъ дороги опричники разбѣгались по деревнямъ, убивали людей и разоряли ихъ достояніе.

Еще до прибытія Іоанна въ Новгородъ пріѣхалъ туда его передовой полкъ. По царскому повелѣнію тотчасъ окружили городъ со всѣхъ сторонъ, чтобы никто не могъ убѣжать изъ него. Потомъ нахватали духовныхъ изъ новгородскихъ и окрестныхъ монастырей и церквей, заковали въ желѣзо и въ Городищѣ поставили на правежъ; всякій день били ихъ на правежѣ, требуя по 20 новгородскихъ рублей съ каждаго, какъ бы на выкупъ. Такъ продолжалось дней пять. Дворяне и дѣти боярскія, принадлежащія къ опричнинѣ, созвали въ Дѣтинецъ знатнѣйшихъ жителей и торговцевъ, а также и приказныхъ людей, заковали и отдали приставамъ подъ стражу, а дома ихъ и имущество опечатали. Это дѣлалось въ первыхъ числахъ января 1570 г.

6-го января, въ пятницу, вечеромъ, пріѣхалъ государь въ Городище съ остальнымъ войскомъ и съ 1,500 московскихъ стрѣльцовъ. На другой день дано повелѣніе перебить дубинами до смерти всѣхъ игуменовъ и монаховъ, которые стояли на правежѣ, и развезти тѣла ихъ на погребеніе, каждаго въ свой монастырь. 9-го января, въ воскресенье, царь далъ знать, что пріѣдетъ къ св. Софіи къ обѣднѣ. По давнему обычаю, архіепископъ Пименъ со всѣмъ соборомъ, съ крестами и иконами сталъ на Волховскомъ мосту у часовни Чуднаго креста встрѣчать государя. Царь шелъ вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ, не цѣловалъ креста изъ рукъ архіепископа и сказалъ такъ: „Ты, злочестивецъ, въ рукѣ держишь не животворящій, а вмѣсто креста оружіе; ты со своими злыми соумышленниками, жителями сего города, хочешь этимъ оружіемъ уязвить наше царское сердце; вы хотите отчину нашей царской державы, Великій Новгородъ, отдать иноплеменнику польскому королю Жигимонту-Августу; съ

этихъ поръ ты уже не назовешься пастыремъ и сопрестольникомъ св. Софіи, а назовешься ты волкъ, хищникъ, губитель, измѣнникъ нашему царскому вѣнцу и багру досадитель!“ Затѣмъ, не подходя къ кресту, царь приказалъ архіепископу служить обѣдню.

Іоаннъ отслушалъ обѣдню со всѣми своими людьми, а изъ церкви пошелъ въ столовую палату. Тамъ былъ приготовленъ обѣдъ для высокаго гостя. Едва усѣлся онъ за столъ и отвѣдалъ пищи, какъ вдругъ завопилъ. Это былъ условный знакъ. Архіепископъ Пименъ былъ схваченъ, опричники бросились грабить его владычную казну, дворецкій Салтыковъ и царскій духовникъ Евстафій съ царскими боярами овладѣли ризницею церкви св. Софіи, а отсюда отправились по всѣмъ монастырямъ и церквамъ забирать въ пользу царя церковную казну и утварь. Царь уѣхалъ въ Городище.

Вслѣдъ затѣмъ царь приказалъ привести къ себѣ въ Городище тѣхъ новгородцевъ, которые до его прибытія были взяты подъ стражу. Это были владычные бояре, новгородскія дѣти боярскія, выборные городскіе и приказные люди и знатнѣйшіе торговцы. Съ ними вмѣстѣ привезли ихъ женъ и дѣтей. Собравши всю эту толпу предъ собою, Іоаннъ приказалъ своимъ дѣтямъ боярскимъ раздѣвать ихъ и терзать „неисповѣдимыми“, какъ говоритъ современникъ, муками, между прочимъ, поджигать ихъ какимъ-то изобрѣтеннымъ имъ составомъ, который у него назывался поджаръ („нѣкоею составною мудростью огненною“); потомъ онъ велѣлъ измученныхъ, опаленныхъ привязывать сзади къ санямъ, шибко везти вслѣдъ за собою въ Новгородъ, волоча по замерзшей землѣ, и метать въ Волховъ съ мосту. За ними везли ихъ женъ и дѣтей; женщинамъ связывали назадъ руки, съ ногами, привязывали къ нимъ младенцевъ и въ такомъ видѣ бросали въ Волховъ, по рѣкѣ ѣздили царскіе слуги съ баграми и топорами и добивали тѣхъ, которые всплывали. „Пять недѣль продолжалась неукротимая ярость царева“, говоритъ современникъ. Когда, наконецъ, царю надоѣла такая потѣха на Волховѣ, онъ началъ ѣздить по монастырямъ и приказалъ предъ своими глазами истреблять огнемъ хлѣбъ въ скирдахъ и въ зернѣ, рубить лошадей, коровъ и всякій скотъ. Осталось преданіе, что, пріѣхавши въ Антоніевъ монастырь, царь отслушалъ обѣдню, потомъ вышелъ въ трапезу и приказалъ побить все живое въ монастырѣ. Расправившись такимъ образомъ съ иноческими обителями, Іоаннъ началъ прогулку по мірскому жительству Новгорода: приказалъ истреблять купеческіе товары, разметывать лавки, ломать дворы и хоромы, выбивать окна, двери въ домахъ, истреблять домашніе запасы и все достояніе жителей. Въ то же самое время царскіе люди ѣздили отрядами по окрестностямъ Новгорода, по селамъ, деревнямъ и боярскимъ усадьбамъ разорять жилища, истреблять запасы, убивать скотъ и домашнюю птицу. Наконецъ, 13-го февраля, въ понедѣльникъ, на второй недѣлѣ поста, созвалъ государь оставшихся въ живыхъ новгородцевъ; ожидали они своей гибели, какъ вдругъ царь окинулъ ихъ милостивымъ взглядомъ и ласково сказалъ: „Жители Великаго Новгорода! Молите всемилостиваго, всещедраго, человѣколюбиваго Бога о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, о дѣтяхъ нашихъ и о всемъ христолюбивомъ нашемъ воинствѣ, чтобъ Господь подаровалъ намъ свыше побѣду и одолѣніе на видимыхъ и невидимыхъ враговъ! Судитъ Богъ измѣннику моему и вашему архіепископу Пимену и его злымъ совѣтникамъ и единомышленникамъ; на нихъ, измѣнникахъ, взыщется вся пролитая кровь, и вы объ этомъ не скорбите, живите въ

городѣ семъ съ благодарностью, я вамъ оставляю намѣстника князя Пронскаго". Самого Пимена царь отправилъ въ оковахъ въ Москву. Иностранныя извѣстія говорятъ, что онъ предавалъ его поруганію, сажалъ на бѣлую кобылу и приказывалъ водить окруженнаго скоморохами, игравшими на своихъ инструментахъ. „Тебѣ пляшущихъ медвѣдей водить, а не сидѣть владыкою",—говорилъ ему Іоаннъ. Несчастный Пименъ былъ отправленъ въ Веневъ въ заточеніе и жилъ тамъ подъ вѣчнымъ страхомъ смерти.

Число истребленныхъ показывается современниками различно и, вѣроятно, преувеличено. Псковской лѣтописецъ говоритъ, что Волховъ былъ запруженъ тѣлами. Въ народѣ до сихъ поръ осталось преданіе, что Грозный запрудилъ убитыми новгородцами Волховъ и съ тѣхъ поръ, какъ-бы въ память этого событія, отъ обилія пролитой тогда человѣческой крови, рѣка никогда не замерзаетъ около моста, какъ бы ни были велики морозы. Послѣдствія царскаго погрома еще долго отзывались въ Новгородѣ. Истребленіе хлѣбныхъ запасовъ и домашняго скота произвело страшный голодъ и болѣзни не только въ городѣ, но и въ окрестностяхъ его; доходило до того, что люди поѣдали другъ друга и вырывали мертвыхъ изъ могилъ. Все лѣто 1570 г. свозили кучами умершихъ къ церкви Рождества, въ поле, вмѣстѣ съ тѣлами утопленныхъ, выплывшихъ на поверхность воды, и нищій старецъ Иванъ Жегальцо погребалъ ихъ.

До сихъ поръ Новгородъ, оправившись послѣ Іоанна III, былъ сравнительно городомъ богатымъ: новый торговый путь чрезъ Бѣлое море не убилъ его; англичане сами посѣщали его и имѣли въ немъ, какъ во Псковѣ, Ярославлѣ, Казани и Вологдѣ, свое подворье; Новгородъ отправлялъ значительный отпускъ воска, кожъ и льна; новгородскіе купцы (а именно купцы изъ новгородскихъ пригородовъ Орѣшка и Корѣлы) въ большомъ числѣ ѣздили въ Швецію. Такимъ образомъ, въ Новгородѣ были люди съ капиталами, и жители пользовались благосостояніемъ. Съ этимъ обстоятельствомъ, конечно, совпадаетъ и то, что Новгородъ предъ другими краями русскими и въ этотъ періодъ славился преимущественно признаками умѣлости: такъ, въ предшествовавшіе годы, приглашали въ Москву изъ Новгорода каменьщиковъ, кровельщиковъ, рѣзчиковъ на камнѣ и деревѣ, иконописцевъ и мастеровъ серебряныхъ дѣлъ. Съ Іоаннова посѣщенія новгородскій край упалъ, обезлюдѣлъ; недобитые имъ, ограбленные новгородцы стали нищими и осуждены были плодить нищія поколѣнія.

Изъ Новгорода царь отправился въ Псковъ, съ намѣреніемъ и этому городу припомнить его древнюю свободу. Жители были въ оцѣпенѣніи, исповѣдывались, причащались, готовились къ смерти. Псковскій воевода кн. Юрій Токмаковъ велѣлъ поставить на улицахъ столы съ хлѣбомъ-солью и всѣмъ жителямъ земно кланяться и показывать знаки полнѣйшей покорности, какъ будетъ въѣзжать царь. Іоаннъ подъѣхалъ къ Пскову ночью и остановился въ монастырѣ св. Николая въ Любатовѣ. Здѣсь онъ услышалъ звонъ въ псковскихъ церквахъ и понялъ, что псковичи готовятся къ смерти. Когда утромъ онъ въѣхалъ въ городъ, его пріятно поразила покорность народа, лежавшаго ницъ на землѣ; но болѣе всего подѣйствовалъ на него юродивый Никола, по прозвищу Салосъ (что значитъ по-гречески юродивый). Этого рода люди, представлявшіе изъ себя дурачковъ и пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ, часто осмѣливались говорить сильнымъ людямъ то, на что бы не рѣшился никто другой. Никола поднесъ Іоанну кусокъ сырого мяса: „Я христіанинъ и

не ѣмъ мяса въ постъ", сказалъ Іоаннъ. „Ты хуже дѣлаешь,—сказалъ ему Никола,—ты ѣшь человѣческое мясо". По другимъ извѣстіямъ, юродивый предрекалъ ему бѣду, если онъ начнетъ свирѣпствовать во Псковѣ, и, вслѣдъ затѣмъ, у Іоанна издохъ его любимый конь. Это такъ подѣйствовало на царя, что онъ никого не казнилъ, но все-таки ограбилъ церковную казну и частныя имѣнія жителей.

XXII. Покореніе Сибирскаго царства.

(По «Очерку заселенія Сибири въ XVI и XVII в.» (Спб. 1906 г.), П. М. Головачева: и «Ист. Россіи» Иловайскаго, т. III).

Сѣверо-западная часть Сибири, къ востоку отъ Урала вплоть до низовьевъ Оби, еще за нѣсколько столѣтій до Ермака была извѣстна русскимъ, именно новгородцамъ, какъ Югорская земля, Югрія. Въ IV новгородской лѣтописи подъ 1364 г. отмѣчено, что „съ Югры новгородцы пріѣхаша дѣти боярстіи и молодые люди и воеводы, Александръ Абакуновичъ, Степанъ Ляпа, воеваша по Оби рѣкѣ до моря, а другая половина рати наверхъ Оби воеваша". Здѣсь, очевидно, дѣло идетъ объ одномъ изъ походовъ новгородской вольницы, „ушкуйниковъ", въ страну драгоцѣннаго соболя на р. Оби, походовъ, которые совершались вѣроятно довольно часто. Хотя еще съ XIII в. Югорская земля считалась въ числѣ новгородскихъ волостей, однако, фактически, всѣ отношенія новгородцевъ къ ней ограничивались лишь непеoriginalіодическими походами туда новгородской вольницы для сбора дани въ такомъ количествѣ, какое ушкуйники могли только захватить. Дань эта заключалась въ серебрѣ („закамское" серебро, на западной сторонѣ Урала), въ соболяхъ и другихъ дорогихъ мѣхахъ въ собственно Югорской землѣ, у приобскихъ остяковъ. Новгородцы не могли завести тамъ ни своихъ поселеній, факторій, ни какого-либо порядка управленія. Они считали Югорскую землю своей волостью лишь въ томъ смыслѣ, что указывали этимъ на освященное временемъ право или, вѣрнѣе, на возможность предпринимать туда походы для сбора дани, точнѣе, для грабежа, такъ какъ самый размѣръ дани зависѣлъ исключительно отъ безграничнаго произвола „даньщиковъ". Со времени подчиненія Новгорода Москвѣ, къ послѣдней, естественно, перешло и право предпринимать походы въ Югру, которые продолжали имѣть прежній характеръ; но повторялись очень рѣдко: въ XV столѣтіи, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, извѣстны только два такихъ похода. О первомъ изъ нихъ записано въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ подъ 1483 г. слѣдующее: „князь великій... посла рать... въ Югру на Обь великую рѣку. . Воеводы великаго князя.. пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ мимо Тюмень въ Сибирскую землю... а отъ Сибири шли по Иртышу рѣцѣ внизъ ... да на Обь рѣку великую въ Югорскую землю". Къ половинѣ XVI вѣка русская колонизація, особенно послѣ паденія Казани, далеко продвинулась на востокъ по Камѣ и ея восточнымъ притокамъ, и это имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что въ половинѣ 50-хъ годовъ московскій сборщикъ Димитрій Куровъ былъ за Ураломъ для полученія дани, которую князь сибирскій Едигеръ добровольно согласился давать Москвѣ съ 30000 подвластныхъ ему инородцевъ.

Чѣмъ же объясняется та готовность, съ какою сибирскіе князья

признавали себя данниками Москвы? Отвѣтить на это можно, познакомившись съ тѣмъ, что представляло изъ себя Сибирское царство въ политическомъ отношеніи. Оно было однимъ изъ многихъ осколковъ обширной имперіи Чингизъ-Хана. Оно выдѣлилось въ особое ханство изъ средне-азіатскихъ татарскихъ владѣній довольно поздно, повидимому не ранѣе XV вѣка, въ ту же эпоху, когда слагались особыя царства Казанское и Астраханское, Хивинское и Бухарское, особыя орды Ногайскія и Киргизъ-Кайсацкія. Сибирская орда, повидимому, находилась въ ближайшемъ родствѣ съ Ногайской ордой. Она называлась прежде Тюменскою, Ишимскою и Шибанскою. Послѣднее названіе указываетъ на то, что здѣсь господствовала та вѣтвь Чингизидовъ, которая происходила отъ Шейбани, одного изъ сыновей Джичи и, слѣдовательно, Батыева брата, и которая властвовала въ средней Азіи или Туркестанѣ. Одна отрасль этихъ Шейбанидовъ основала особое цавство въ степяхъ Ишимскихъ и Иртышскихъ и распространила его предѣлы на сѣверъ и востокъ до Уральскаго хребта и рѣки Оби. При Иванѣ III, шейбанскій ханъ Ивакъ, подобно Крымскому Менгли-Гирею, враждовалъ съ золотоордынскимъ ханомъ Ахматомъ и даже былъ его убійцею; слѣдовательно, являлся также союзникомъ московскаго князя. Но Ивакъ въ свою очередь былъ убитъ своимъ соперникомъ въ собственной землѣ. Дѣло въ томъ, что отъ Шибанской орды, еще прежде того, отдѣлилась часть татаръ подъ предводительствомъ одного знатнаго бека Тайбуги. Въ маломъ видѣ тутъ повторилось то же, что было и въ великой Волжской ордѣ, отъ которой отдѣлилась Ногайская, съ потомствомъ Эдигея во главѣ. Но такъ же, какъ въ Ногайской ордѣ, преемники Тайбуги назывались не царями или ханами, а только князьями, т.-е. беками; ибо и тутъ право на высшій титулъ принадлежало только потомству Чингизову—Шейбанидамъ. Преемники Тайбуги удалились со своею ордою далѣе на сѣверъ, на берега Иртыша, гдѣ средоточіемъ ея сдѣлался городокъ Сибирь, лежавшій пониже впаденія Тобола въ Иртышъ, и гдѣ она подчинила себѣ сосѣднія земли остяковъ, вогуловъ и отчасти башкиръ. Ивакъ былъ убитъ однимъ изъ преемниковъ Тайбуги. Между этими двумя родами шла жестокая вражда, и каждый изъ нихъ искалъ себѣ союзниковъ между сильными сосѣдями, именно: въ Бухарскомъ царствѣ, въ Киргизской и Ногайской ордахъ и, наконецъ, въ Московскомъ государствѣ.

Благодаря этимъ-то внутреннимъ междоусобіямъ одинъ изъ сибирскихъ князей Едигеръ, потомокъ Тайбуги, призналъ себя данникомъ московскаго царя Ивана IV. Но это подчиненіе Сибири, вызванное внутреннимъ ея состояніемъ, а не потребностями Москвы, было непрочно и de facto вскорѣ же прекратилось. Дѣйствительно же Сибирь была покорена тогда, когда внутри московскаго государства назрѣли такія условія, которыя сдѣлали это необходимымъ. Такими условіями явились, съ одной стороны, развитіе казачества, съ другой — наступательныя дѣйствія сибирскихъ татаръ, служившія постоянной угрозой для владѣній Строгановыхъ.

Съ половины XVI ст. положеніе тяглаго класса въ Московскомъ государствѣ значительно измѣнилось къ худшему. Войны съ Ливоніей, Швеціей, Польшей потребовали не только введенія новыхъ налоговъ и повинностей, но и отчужденія все новыхъ и новыхъ земель отъ крестьянъ съ обращеніемъ ихъ въ помѣстья и вотчины для того, чтобы служилые люди могли являться на войну достаточно „конны, людны и оружны“. Въ концѣ царствованія Ивана IV было уже роздано до 15 милліоновъ че-

твертей земли. Среди крестьянскаго класса сталъ замѣтно развиваться слой зависимыхъ людей, — „подсусѣдниковъ“, „захребетниковъ“, „задворныхъ людей“, — положеніе котораго было очень тяжелое. Естественно, что этотъ слой крестьянской массы былъ особенно безпокоенъ, недоволенъ, наклоненъ къ кочеваніямъ, чему немало способствовало и общее стѣсненіе личной юридической зависимости крестьянъ. Нерѣдкіе тогда голода и моровыя повѣтрія были также немаловажной причиной, почему въ это время крестьянское и посадское населеніе такъ склонно было „брести розно“. Множество людей бѣжало изъ деревень и городовъ: изъ болѣе сѣверныхъ мѣстностей бѣжали на Двину, къ Архангельску, и составляли тамъ промысловыя ватаги; изъ болѣе южныхъ (въ настоящее время губерніи, ближайшія къ Москвѣ съ юга)— въ степь, въ „дикое поле“, гдѣ они записывались въ „городовые“ казаки, составлявшіе гарнизоны пограничныхъ городовъ, а другіе, болѣе энергичные, дѣлались „воровскими казаками“. Русскіе казаки по Дону и Днѣпру въ это время почти совершенно освободились отъ власти Московскаго государства, грабили какъ крымцевъ, такъ и православныхъ купцовъ. Съ Дона и Днѣпра шайки „воровскихъ“ казаковъ легко перебирались и на Волгу для такихъ же подвиговъ.

Въ 70-хъ годахъ XVI в. правительство Ивана IV приняло серьезныя мѣры противъ разбоевъ на Волгѣ. Экспедиція Ивана Мурашкина въ 1577 г. истребила и разогнала на Волгѣ нѣсколько шаекъ „воровскихъ“ казаковъ, и одной изъ нихъ удалось спастись на Каму, гдѣ русская колонизація сдѣлала уже нѣкоторые успѣхи, особенно благодаря Строгановымъ. „Гости“, а потомъ, „именитые люди“ Строгановы къ концу XVI вѣка были самыми богатыми людьми въ Московскомъ государствѣ; добываніе соли, селитры, торговыя сношеніи съ инородцами обоихъ склоновъ Урала и пріобрѣтеніе у нихъ пушного товара создали имъ огромныя богатства и придали большое значеніе ихъ фамиліи. Строгановы желали расширенія своей дѣятельности на востокъ и при томъ такъ, чтобы ихъ дѣйствія не стѣснялись ни пермскими воеводами, ни конкуренціей какихъ-либо соперниковъ. Строгановы являлись уже съ нѣкоторыми чертами западно-европейскими феодаловъ среднихъ вѣковъ: они имѣли право строить городки (2 —Канкоръ и Кергеданъ), ставить острожки, заселять край; имъ было предоставлено право суда и расправы въ занимаемыхъ ими мѣстностяхъ. Энергичный и предпріимчивый Ермакъ съ своими „воровскими“ казаками попалъ въ самый благопріятный моментъ въ поле зрѣнія Строгановыхъ: въ ихъ распоряженіи находились нужныя матеріальныя средства для снаряженія сильной экспедиціи за Уралъ, въ сибирскій „юртъ“ царя Кучума, и этого настойчиво требовали ихъ интересы. Кучумъ, завладѣвъ въ 1563 г. сибирскимъ царствомъ и убивъ Едигера, сначала признавалъ себя данникомъ московскаго государя, но потомъ, когда прочно утвердился въ Сибирской землѣ, не только пересталъ платить дань, но и началъ рядъ враждебныхъ дѣйствій противъ нашей сѣверо-восточной украины. Вотъ почему Строгановы, владѣнія которыхъ теперь постоянно стали подвергаться угрозамъ Кучума, призвали къ себѣ Ермака съ его товарищами.

Наши скудные источники не даютъ точныхъ свѣдѣній о происхожденіи и предыдущей жизни этого замѣчательнаго историческаго лица. Имѣемъ только одно темное, хотя, можетъ быть, и не лишенное исторической основы, преданіе о томъ, что дѣдъ Ермака былъ посадскій человѣкъ города Суздаля, занимавшійся извозомъ, и по обстоятельствамъ

удалившійся изъ своего роднаго города; что самъ Ермакъ, въ крещеніи Василій, родился гдѣ-то въ Прикамской странѣ, отличался тѣлесною силою, отвагою и даромъ слова; въ молодости работалъ на стругахъ, ходившихъ по Камѣ и Волгѣ, а потомъ пошелъ въ разбой и сдѣлался атаманомъ шайки. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на то, чтобы Ермакъ принадлежалъ собственно къ Донскому казачеству; скорѣе это былъ уроженецъ сѣверовосточной Руси, хорошо знавшій ея пути, промыслы и населеніе, закаленный въ борьбѣ съ суровою сѣверною природою, своею предпріимчивостью, опытностью и удалью вполнѣ воскресившій типъ древняго новгородскаго повольника. Такими же качествами обладало и большинство его товарищей.

Сначала Строгановы держали казаковъ на сторожевой службѣ по чусовымъ городкамъ, но затѣмъ и сами они, и казаки пришли къ мысли о необходимости похода въ Сибирь. Первые хотѣли этимъ надолго прекратить набѣги татаръ, вторыхъ влекли туда слухи о богатой добычѣ. Ермакъ съ товарищами принялся нагружать суда. Строгановы снабдили казаковъ провіантомъ, необходимымъ для дальняго пути, а также ружьями, пищалями, свинцомъ и порохомъ. Мало того, дали имъ еще 300 человѣкъ изъ собственныхъ ратныхъ людей, въ числѣ которыхъ, кромѣ русскихъ, были наемные литовцы, нѣмцы и татары; дали имъ также провожатыхъ и толмачей, знавшихъ сибирскіе пути и языки. Казаковъ на лицо было 540. Слѣдовательно, число всего отряда простиралось до 800 человѣкъ. Отправляясь въ такой дальній и трудный походъ, казаки сознавали, что его успѣхъ былъ невозможенъ безъ строгаго военнаго порядка (дисциплины); потому за нарушеніе его атаманы уставили разныя наказанія: такъ, ослушниковъ и бѣглецовъ топить въ рѣкѣ. Предстоявшіе труды и опасности напомнили казакамъ о церкви Божіей и сдѣлали ихъ богомольными; говорятъ, что Ермака сопровождали три священника и одинъ монахъ, которые ежедневно совершали божественную службу. Приготовленія къ походу потребовали не мало времени, такъ что самый походъ начался довольно поздно, уже въ сентябрѣ 1581 года. Помолясь Богу, воины сѣли на суда и при звукѣ военныхъ трубъ и сопѣлей отплыли вверхъ по Чусовой. Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія они вошли въ ея притокъ, рѣчку Серебрянку, и достигли волока, который отдѣляетъ систему рѣки Камы отъ сибирскихъ рѣкъ, именно отъ Обской системы. Пришлось употребить не мало трудовъ и усилій, чтобы перебраться со всѣми тяжестями черезъ этотъ волокъ и спуститься въ ближайшую рѣчку Журавлю; только немногія наиболѣе легкія лодки удалось перетащить, а нѣкоторыя застряли на самомъ волокѣ. Наступило уже ненастное холодное время, рѣки стали покрываться льдомъ, и гдѣ-то около этого волока казаки должны были зазимовать. Они поставили себѣ острожекъ, откуда одна ихъ часть на лыжахъ и нартахъ предпринимала поиски въ сосѣдніе вогульскіе края за съѣстными припасами и всякою добычею; а другая строила новыя лодки и изготовляла все нужное для весенняго похода. Когда наступило половодье, дружина сѣла на суда и Журавлею спустилась въ рѣчку Баранчу, Баранчею въ Тагилъ, а Тагиломъ выплыла въ Туру, притокъ Тобола, и такимъ образомъ вступила въ предѣлы Сибирскаго ханства. На берегахъ Туры стоялъ остяцко-татарскій юртъ Чингиди (Тюмень), которымъ владѣлъ или родственникъ Кучума, или просто его данникъ, мѣстный князекъ Епанча. Тутъ произошла первая, упоминаемая въ сибирскихъ лѣтописяхъ, битва, которая окончилась совершеннымъ пораженіемъ и бѣгствомъ епанчинскихъ татаръ.

Турою казаки вошли въ рѣку Тоболъ и тамъ на устьѣ Тавды имѣли второе удачное дѣло съ татарами.

Бѣглецы татарскіе принесли Кучуму вѣсти о пришествіи русскихъ воиновъ, при чемъ оправдывали свое пораженіе дѣйствіемъ незнакомыхъ имъ ружей, которыя считали особыми луками: „когда русскіе стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, тогда отъ нихъ пышетъ огонь, и дымъ великій исходитъ, и громъ грянетъ какъ будто съ небеси: стрѣлъ не видно, а раны наносятъ смертельныя, и никакими ратными сбруями невозможно отъ нихъ ущититься; куяки наши и бехтерцы, и пансыри, и кольчуги все пробиваютъ на вылетъ". Вѣсти эти сильно опечалили Кучума и смутили его тѣмъ болѣе, что разныя знаменія, если вѣрить народному преданію, уже предрекали ему приходъ русскихъ людей и паденіе его царства. Между прочимъ, оно разсказываетъ слѣдующее. На Иртышѣ, противъ устья Тобола, былъ песчаный островокъ, и окрестные жители будто бы не разъ видѣли, какъ на этотъ островокъ выходили два звѣря, одинъ изъ Иртыша, другой изъ Тобола, и бились между собой. Первый большой, бѣлый, косматый, подобно волку, а второй небольшой, черный, похожій на гончаго пса; второй убивалъ перваго и обратно уходилъ въ воду; но и первый черезъ нѣсколько времени вставалъ и скрывался въ водѣ. Когда донесли Кучуму объ этомъ явленіи, онъ вопросилъ волхвовъ и гадателей, и тѣ объяснили ему, что большой звѣрь означаетъ его царство, а малый русскаго воина, который придетъ и возьметъ его царство.

Сибирскій ханъ, однако, не теряетъ времени и спѣшитъ принять дѣятельныя мѣры для своей обороны. Онъ собираетъ повсюду своихъ князей и мурзъ съ татарами, кромѣ нихъ еще толпы подвластныхъ остяковъ и вогуловъ, и посылаетъ ихъ подъ начальствомъ своего близкаго родственника, храбраго царевича Магметкула навстрѣчу казакамъ. А самъ между тѣмъ устраиваетъ земляныя укрѣпленія и засѣки около устья Тобола, подъ такъ называемой Чувашевой горой, чтобы преградить доступъ къ своей столицѣ, городку Сибири, расположенному, какъ сказано, на Иртышѣ, нѣсколько ниже впаденія въ него Тобола.

Послѣдовалъ рядъ кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ обѣ стороны дрались съ большимъ упорствомъ. Магметкулъ сначала встрѣтилъ казаковъ около урочища, именуемаго Бабасаны. Тутъ казаки вышли на берегъ и вступили въ сраженіе. Ни конница татарская, ни стрѣлы, ни копья непріятельскія не устояли противъ мужества казаковъ и ихъ пищалей. Магметкулъ бѣжалъ назадъ къ засѣкѣ подъ Чувашовой горой. Казаки поплыли далѣе по Тоболу и дорогою овладѣли улусомъ карачи или главнаго совѣтника Кучумова, гдѣ нашли склады меду и всякаго добра, принадлежавшаго хану. Достигнувъ устья Тобола, они сначала уклонились отъ помянутой засѣки, повернулись вверхъ по Иртышу, взяли на его берегу городокъ мурзы Атика и расположились тутъ на отдыхъ, обдумывая дальнѣйшій планъ дѣйствія. Большое скопище непріятелей, укрѣпившихся подъ Чувашовымъ, заставило ихъ призадуматься. Собрался казачій кругъ для рѣшенія вопроса: идти ли впередъ или воротиться? Нѣкоторые голоса совѣтовали отступить. Но болѣе мужественные и энергичные возстали противъ такого совѣта, напоминали данный передъ походомъ клятвенный обѣтъ стоять всѣмъ заодинъ и скорѣе пасть до единаго человѣка, чѣмъ со срамомъ бѣжать назадъ. При томъ уже наступила глубокая осень, скоро рѣки должны были покрыться льдомъ и обратное плаваніе дѣлалось крайне опаснымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что самымъ

краснорѣчивымъ и самымъ рѣшительнымъ противникомъ отступленія былъ Ермакъ, который сумѣлъ ободрить товарищей и вдохнуть въ нихъ единодушную рѣшимость — побѣдить или умереть. 23 октября, рано поутру, казаки, помолясь Богу, вышли изъ городка. При кликахъ: „съ нами Богъ!“ „Господи, помози рабомъ своимъ!“ они ударили на засѣку, и начался самый упорный бой. Непріятели встрѣтили нападающихъ тучею стрѣлъ и многихъ переранили. Несмотря на отчаянные приступы, казаки не могли одолѣть укрѣпленія и начали изнемогать. Тогда татары, считая уже себя побѣдителями, сами въ трехъ мѣстахъ разломали засѣку и сдѣлали вылазку. Но тутъ, въ отчаянной рукопашной схваткѣ казаки показали, насколько они крѣпче непріятелей духомъ и тѣломъ: татары были побѣждены и бросились назадъ; вслѣдъ за ними русскіе ворвались въ засѣку и водрузили на ней свои знамена. Остяцкіе князьки первые покинули мѣсто боя и съ своими толпами ушли домой. Царевичъ Магметкулъ, раненый, спасся въ лодкѣ на другую сторону Иртыша. Кучумъ съ своими мурзами и уланами наблюдалъ за битвою съ вершины горы и приказывалъ мулламъ читать молитвы, призывая на помощь Аллаха и Магомета. Увидѣвъ бѣгство всего войска, онъ и самъ поспѣшилъ въ свою столицу Сибирь; но не остался въ ней, ибо уже некому было оборонять ее; а захвативъ съ собою что можно изъ своего добра, бѣжалъ на югъ въ Ишимскія степи.

Узнавъ о бѣгствѣ Кучума, 26 октября 1582 г. въ день св. Димитрія Солунскаго, Ермакъ съ казаками вошелъ въ пустой городъ Сибирь; здѣсь они нашли цѣнную добычу, которую раздѣлили между собою, въ томъ числѣ много золота, серебра, разныхъ тканей и особенно мѣховъ собольихъ, лисьихъ и куньихъ. Спустя нѣсколько дней жители начали возвращаться: первымъ пришелъ остяцкій князекъ со своимъ людьми и принесъ Ермаку и его дружинѣ дары и съѣстные припасы: затѣмъ мало-по-малу возвращались и татары съ женами и дѣтьми.

Итакъ, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ и почти баснословныхъ подвиговъ, казаки водрузили русскія знамена въ столицѣ Сибирскаго царства. Завоеваніемъ ея война, однако, далеко еще не кончилась. Кучумъ постоянно тревожилъ казаковъ, а разъ перебилъ даже цѣлый отрядъ ихъ на Абалацкомъ озерѣ. Правда, казаки отомстили за эту побѣду, взявъ въ плѣнъ царевича Магметкула, но этого было мало: для упроченія завоеваній требовалось еще много битвъ. А между тѣмъ и число казаковъ, и средства у нихъ значительно поубавились. Поэтому была настоятельная нужда въ русской помощи. Уже вскорѣ по взятіи города Сибири Ермакъ и его товарищи отправили къ Строгановымъ вѣсти о своихъ успѣхахъ; а потомъ съ тѣми же вѣстями послали въ Москву къ самому царю Ивану Васильевичу атамана Ивана Кольцо съ нѣсколькими казаками и съ дорогими сибирскими соболями, а также съ просьбою прислать царскихъ ратныхъ людей на помощь.

Между тѣмъ какъ доблестная казацкая дружина завоевывала Москвѣ новое татарское царство, въ Пермскомъ краѣ произошло событіе, которое навлекло на Строгановыхъ гнѣвъ Грознаго царя и новую опалу на товарищей Ермака. Пользуясь тѣмъ, что въ Пермскомъ краю оставалось мало ратныхъ людей, какой то пелымскій (вогульскій) князь пришелъ съ толпами остяковъ, вогуловъ и вотяковъ, доходилъ до Чердыни, т.-е. до главнаго города этого края, а потомъ обратился на Камское-Усолье, Канкоръ, Кергеданъ и чусовнкіе городки, выжигая окрестныя села, погосты

и посады и забирая въ плѣнъ крестьянъ. Строгановы едва отстояли отъ непріятелей свои городки.

Пермскій воевода всю вину свалилъ на Строгановыхъ, принявшихъ къ себѣ воровскихъ казаковъ и посылавшихъ ихъ на вогуличей и вотяковъ. Тогда, въ отвѣтъ на донесеніе воеводы, Строгановы получили царскую грамоту, помѣченную 16 ноября 1582 г., которою повелѣвалось имъ впредь казаковъ у себя не держать, а Ермака съ товарищами прислать въ Пермь для сторожевой службы. Понятно, что, получивъ эту грамоту, Строгановы были „въ великой печали". Они понадѣялись на данное имъ прежде разрѣшеніе заводить городки за Каменнымъ Поясомъ и воевать сибирскаго салтана, а потому и отпустили туда казаковъ, не сносясь ни съ Москвою, ни съ пермскимъ воеводою. Не долго, однако, длилась ихъ печаль. Вскорѣ подоспѣла радостная вѣсть отъ Ермака съ товарищами объ ихъ необыкновенной удачѣ. Съ этою вѣстью Строгановы лично поспѣшили въ Москву. А потомъ прибыло туда же и казацкое посольство во главѣ съ опальнымъ атаманомъ Кольцо (когда-то осужденнымъ на смерть за разбои). Разумѣется, объ опалахъ не могло быть болѣе и рѣчи. Государь принялъ атамана и казаковъ очень ласково, наградилъ деньгами и сукнами и опять отпустилъ въ Сибирь, пославъ атаманамъ и казакамъ свое милостивое слово и многіе подарки за вѣрную службу. Говорятъ, что Ермаку онъ послалъ шубу съ своего плеча, серебряный кубокъ и два панцыря. На подкрѣпленіе имъ онъ потомъ отправилъ князя Семена Болховскаго и Ивана Глухова съ нѣсколькими сотнями ратныхъ людей. Плѣннаго царевича царь велѣлъ привезти въ Москву, гдѣ онъ потомъ былъ пожалованъ вотчинами и занялъ мѣсто между служилыми татарскими князьями. Строгановы были награждены новыми торговыми льготами и еще двумя земельными пожалованіями, Большою и Малою Солью.

Послѣ взятія въ плѣнъ Магметкула, казаки стали болѣе обезпечены со стороны Кучума, который въ то время былъ отвлеченъ и возобновившеюся борьбою съ соперникомъ своимъ, т.-е. съ родомъ Тайбуги. Они употребили это время на то, чтобы докончить покореніе (собственно обложеніе данью) остяцкихъ и вогульскихъ волостей, входившихъ въ составъ Сибирскаго ханства. Изъ города Сибири они ходили по Иртышу и Оби и между прочимъ на берегахъ послѣдней взяли остяцкій городъ Казымъ, причемъ плѣнили мѣстнаго князька; но тутъ на приступѣ они потеряли одного изъ своихъ атамановъ, Никиту Пана. Вообще число завоевателей сильно убавилось; едва ли ихъ оставалась и половина; съ нетерпѣніемъ ожидали они помощи изъ Россіи. Только осенью 1584 года, наконецъ, приплыли на стругахъ Болховской и Глуховъ, но они привели съ собою не болѣе 300 человѣкъ—помощь слишкомъ недостаточная для того, чтобы упрочить за Россіей завоеваніе такого обширнаго пространства, когда на вѣрность только что покоренныхъ князьковъ еще нельзя было положиться и когда нашъ главный непримиримый врагъ, Кучумъ, еще жилъ и дѣйствовалъ во главѣ своей татарской орды. Казаки съ радостью встрѣтили московскихъ ратныхъ людей и привезенные ими царскіе подарки. Но приходилось раздѣлить съ пришедшими свои и безъ того скудные съѣстные припасы; наступившею зимою отъ недостатка продовольствія открылась смертность въ городѣ Сибири. Тогда же умеръ и князь Болховской. Только весною, благодаря обильному улову рыбы и всякой дичи, а также хлѣбу и скоту, доставленныхъ отъ окрестныхъ инородцевъ, миновало бѣдствіе, и русскіе оправились отъ голоднаго времени. Такъ какъ князь

Болховской, повидимому, былъ назначенъ сибирскимъ воеводою, которому казацкіе атаманы должны были сдать городъ и сами подчиняться, то смерть его избавляла горсть русскихъ людей отъ неизбѣжнаго впослѣдствіи соперничества и несогласія начальниковъ; ибо едва ли атаманы охотно отказались бы отъ своей самостоятельности и своей первенствующей роли въ новозавоеванной землѣ. Со смертью Болховскаго соперничество устранялось; Ермакъ снова и окончательно сталъ во главѣ соединеннаго казацко-московскаго отряда.

Доселѣ русское дѣло въ Сибири шло вообще хорошо, и удача сопровождала почти всѣ предпріятія Ермака. Но какъ это обыкновенно бываетъ въ жизни и отдѣльныхъ историческихъ лицъ, и цѣлыхъ народовъ— счастье, наконецъ, стало измѣнять; наступили невзгоды, и дѣла приняли дурной оборотъ. Продолжительная удача ослабляетъ постоянную напряженную предосторожность и порождаетъ безпечность; а эта послѣдняя, въ свою очередь, ведетъ за собою бѣдственныя неожиданности. Такъ было и въ Сибири съ ея первыми завоевателями.

Одинъ изъ мѣстныхъ князьковъ-данниковъ, такъ называемый карача, задумалъ измѣну. Онъ обратился къ Ермаку съ просьбой оборонить его отъ ногаевъ, и тотъ отправилъ къ нему Ивана Кольцо съ 40 казаками. Во время сна или пирушки татары ихъ вѣроломно умертвили. Мало того, они разбили и другой отрядъ казаковъ, посланный Ермакомъ для отмщенія. Это придало татарамъ смѣлости. Они поднялись и осадили самый городъ Сибирь, который лишь съ большимъ напряженіемъ силъ отстояли казаки. Послѣ того Ермакъ предпринялъ удачный походъ вверхъ по Иртышу для утвержденія русскаго владычества въ той странѣ и, можетъ быть, для поиска за Кучумомъ, который, какъ мы сказали, едва ли былъ чуждъ помянутому возстанію карачи. Но изворотливый, неутомимый Кучумъ былъ неуловимъ въ своихъ Ишимскихъ степяхъ и строилъ новыя козни на погибель русскимъ.

Едва Ермакъ воротился въ Сибирь и расположился на отдыхъ, какъ къ нему приходитъ извѣстіе, будто караванъ бухарскихъ купцовъ шелъ съ товарами въ городъ Сибирь, но гдѣ то остановился, ибо Кучумъ не даетъ ему дороги. Прибытіе бухарскаго каравана и вообще возобновленіе торговыхъ сношеній Сибири съ средней Азіей было событіемъ, весьма желаннымъ для казаковъ, собиравшихъ богатыя дани дорогими мѣхами, на которые они могли бы вымѣнивать шерстяныя и шелковыя ткани, ковры, оружіе, пряности, сухіе фрукты и прочіе предметы среднеазіатской промышленности. Ермакъ былъ обрадованъ вѣстію о караванѣ, и, въ первыхъ числахъ августа, лично съ небольшимъ отрядомъ поплылъ навстрѣчу купцамъ вверхъ по Иртышу.

Но это извѣстіе оказалось ложнымъ. Его вѣроятно пустилъ самъ Кучумъ, чтобы заманить Ермака въ засаду. А послѣдній, утомленный безрезультатными поисками, однажды расположился на отдыхъ на одномъ изъ острововъ, образуемомъ протокомъ Иртыша. Здѣсь то и застигъ его Кучумъ. Подробности гибели Ермака съ товарищами неизвѣстны въ точности. Дошедшая до насъ легенда разсказываетъ, что при шумѣ дождя и завываніи вѣтра, татары неслышно прокрались къ стану и затѣмъ принялись избивать сонныхъ казаковъ. Проснувшійся Ермакъ бросился въ рѣку къ своему стругу, но попалъ на глубокое мѣсто; тутъ, имѣя на себѣ желѣзную броню, онъ не могъ выплыть и утонулъ. Какъ бы то ни было, при семъ внезапномъ нападеніи весь казацкій отрядъ былъ истребленъ вмѣстѣ съ своимъ вождемъ. Такъ погибъ этотъ храбрый,

„велеумный“ атаманъ, какъ его называютъ сибирскія лѣтописи, изъ удалыхъ разбойниковъ силою обстоятельствъ и своихъ богатыхъ дарованій превратившійся въ героя, котораго слава никогда не изгладится изъ народной памяти.

Несомнѣнно, что два важныя обстоятельства помогли казацко-русской дружинѣ при первомъ завоеваніи Сибирскаго ханства: съ одной стороны огнестрѣльное оружіе, соединенное съ закаленностью въ военныхъ трудахъ и лишеніяхъ; съ другой — внутреннее состояніе самого ханства, ослабленнаго междоусобіями двухъ соперничествующихъ родовъ, а также недовольствомъ многихъ мѣстныхъ язычниковъ противъ насильно вводимаго Кучумомъ мусульманства: понятно, что сибирскіе шаманы съ ихъ кудесами и идольскими жертвами неохотно уступали свое мѣсто магометанскимъ мулламъ. Но была еще третья важная причина успѣха— это личность самаго „начальнаго“ атамана Ермака Тимофеевича, его неодолимое мужество, опытность и знаніе военнаго дѣла, его предводительскій талантъ, безыскусственное краснорѣчіе и желѣзная сила характера. О послѣдней ясно свидѣтельствуетъ порядокъ и повиновеніе, т.-е. та воинская дисциплина, которую онъ сумѣлъ водворить въ своей дружинѣ между вольными казаками, съ ихъ буйными нравами, съ ихъ привычкою къ разгулу и своеволію.

Гибель Ермака воочію подтвердила, что онъ дѣйствительно былъ главнымъ двигателемъ и душою всего предпріятія. Когда вѣсть о ней достигла города Сибири, оставшаяся казацкая дружина не только горько оплакала потерю своего вождя, но и тотчасъ рѣшила, что безъ него, при своей малочисленности, она не можетъ держаться посреди ненадежныхъ туземцевъ противъ Сибирскихъ татаръ, избавившихся отъ ихъ главной грозы,—отъ Ермака. Казаки и московскіе ратные люди, въ числѣ не болѣе полутораста человѣкъ, немедленно покинули городъ Сибирь съ стрѣлецкимъ головою Иваномъ Глуховымъ и Матвѣемъ Мещерякомъ, единственнымъ оставшимся у нихъ изъ пяти атамановъ; дальнимъ сѣвернымъ путемъ по Иртышу и Оби они отправились обратно за Камень. Едва русскіе очистили Сибирь, какъ Кучумъ послалъ сына Алея занять свой стольный городъ. Но онъ недолго здѣсь удержался. Выше мы видѣли, что владѣющій Сибирью князь Тайбугина рода Едигеръ и братъ его Бекбулатъ погибли въ борьбѣ съ Кучумомъ. Послѣ Бекбулата остался маленькій сынъ, по имени Сейдякъ. Онъ нашелъ убѣжище въ Бухарѣ, выросъ тамъ и теперь явился мстителемъ за отца и дядю. Получивъ помощь отъ бухарцевъ и киргизовъ, Сейдякъ возобновилъ борьбу съ Кучумомъ. Послѣдній былъ побѣжденъ; Алей изгнанъ изъ Сибири и стольный городъ перешелъ въ руки Сейдяка.

Такимъ образомъ, татарское царство въ Сибири было возстановлено, и завоеваніе Ермака казалось утраченнымъ. Но это только казалось. Русскіе уже узнали дорогу въ Сибирь, извѣдали слабость, разноплеменность этого царства и его естественныя богатства; они уже считали его своимъ достояніемъ и не замедлили вернуться.

XXIII. Русская историческая наука о личности Іоанна Грознаго и значеніи его царствованія.

(*Ст. С. В. Вознесенскаго*).

Іоаннъ Грозный, первый русскій царь, въ исторіи Московской Руси занимаетъ положеніе, напоминающее намъ то, которое въ новой русской исторіи принадлежитъ первому русскому императору — Петру Великому. Подобно послѣднему, онъ явился крупнымъ дѣятелемъ переходной эпохи, стоялъ на грани, которою разлагавшееся старое отдѣлялось отъ нарождавшагося новаго. Но это значеніе его было признано наукой въ сравнительно недавнее время. Раньше онъ привлекалъ вниманіе историковъ не потому, что они признавали за его государственной дѣятельностью важное историческое значеніе: просто, имъ слишкомъ бросалась въ глаза яркая, необыкновенно эффектная фигура царя. Вотъ почему Грознымъ ученые стали заниматься уже давно, и литература о немъ достигла теперь громадныхъ размѣровъ.

Она заключаетъ въ себѣ длинную галлерею портретовъ, при обозрѣніи которой, какъ справедливо замѣтилъ Михайловскій, независимо отъ степени талантливости, съ какой они написаны, невольно поражаешься ихъ разнообразію: „Однѣ и тѣ же внѣшнія черты, — говорилъ онъ, — однѣ и тѣ же рамки, и при всемъ томъ совершенно-таки разныя лица,— то „падшій ангелъ“, то просто злодѣй, то возвышенный и проницательный умъ, то ограниченный человѣкъ, то самостоятельный дѣятель, сознательно и систематически преслѣдующій великія цѣли, то какая-то утлая ладья „безъ“ руля и безъ „вѣтрилъ“, то личность, недосягаемо высоко стоящая надъ всей Русью, то напротивъ, низменная натура, чуждая лучшимъ стремленіямъ своего времени“ [1]).

Такое разнообразіе, нерѣдко полная противорѣчивость взглядовъ историковъ на Іоанна заходятъ такъ далеко, что нѣкоторые изслѣдователи, и въ частности также и Михайловскій [2]), утверждаютъ, будто ихъ совершенно нельзя классифицировать, разбить на группы и опредѣлить отличительный характеръ каждой изъ нихъ и ихъ взаимныя отношенія. Но это такъ кажется только съ перваго взгляда. На самомъ же дѣлѣ, какъ указалъ А. А. Кизеветтеръ [3]), всѣ мнѣнія о Грозномъ можно свести въ сущности къ двумъ основнымъ тенденціямъ, находящимся въ постоянномъ чередованіи и взаимномъ соперничествѣ другъ съ другомъ. „Одна ищетъ ключъ ко всѣмъ эпизодамъ замѣчательнаго царствованія,—говоритъ упомянутый ученый,—въ перипетіяхъ внутренней душевной драмы царя. Другая выдвигаетъ на первый планъ общеисторическіе процессы, въ связи съ которыми старается объяснить и личную исторію Грознаго“ (стр. 1). Параллельное развитіе этихъ тенденцій и ихъ послѣдовательная смѣна въ наукѣ шли путемъ, въ которомъ, вопреки утвержденію Михайловскаго, можно подмѣтить извѣстнаго рода закономѣрность. Если взгляды на личность Грознаго обусловливались нравственными симпатіями и антипатіями высказывавшихъ ихъ историковъ и въ этомъ отношеніи являлись до нѣ-

---

[1]) Н. К. Михайловскій. „Критическіе опыты“. III. Спб. 1895, стр. 9—10.

[2]) Ibid., стр. 11.

[3]) А. А. Кизеветтеръ. „Иванъ Грозный и его оппоненты“. М. 1898 г.

которой степени случайными, то зато мнѣнія о его значеніи въ русской исторіи, конечно, зависѣли отъ тѣхъ историко-философскихъ воззрѣній, какія господствовали въ разное время въ средѣ русскихъ ученыхъ; а въ виду этого въ нихъ нельзя не видѣть извѣстнаго рода закономѣрности.

Первыя попытки изученія Грознаго относятся къ концу XVIII и началу XIX вв. Въ это время въ нашей исторической наукѣ господствовало раціоналистическое міровоззрѣніе [1]), съ точки зрѣнія котораго творцомъ исторіи признавалась болѣе или менѣе свободная личность. Историческія явленія понимались, какъ результатъ ея дѣятельности — изъ политическихъ расчетовъ, изъ игры страстей, изъ силы, обмана, хитрости, словомъ, изъ тѣхъ или иныхъ побужденій человѣческой натуры. Въ подборѣ такого рода объясненій и заключался прагматизмъ историка, сводящій такимъ образомъ историческое объясненіе къ психологической мотивировкѣ. Приверженцемъ подобнаго раціонализма въ его чистомъ видѣ былъ кн. М. М. Щербатовъ, который первый изъ историковъ набросалъ портретъ Грознаго. По отношенію къ послѣднему онъ поставилъ себѣ цѣлью, во-первыхъ, понять психологію его и, во-вторыхъ, объяснить ею его поступки. И эту задачу онъ выполнилъ превосходно. Несмотря на то, что Іоаннъ, „именитый въ земныхъ владыкахъ его разумомъ, узаконеніями, честолюбіемъ, завоеваніями, потерями, гордостью, низкостью и суровствомъ“, сразу „въ толь разныхъ видахъ представляется, что часто не единымъ человѣкомъ кажется“, Щербатовъ тѣмъ не менѣе сумѣлъ составить на него цѣльный взглядъ, психологически связавъ эти „толь разные виды“. По его мнѣнію, Іоаннъ съ самаго начала и до конца жизни оставался одинаковъ: „расположеніе его сердца“ было всегда одно и то же. Это былъ человѣкъ необыкновенно умный, честолюбивый и гордый. И эти качества его вполнѣ проявились во всѣхъ его внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ. Такъ, онъ не перенесъ наглости тѣснившихъ его въ первые годы царствованія бояръ и умѣло ихъ обуздалъ, принялъ пышный титулъ царя, издалъ судебникъ и стоглавъ, ввелъ необходимыя реформы въ войскѣ, стремился къ завоеваніямъ, которыя предпринималъ съ большой осторожностью и послѣ долгихъ обдумываній и приготовленій, искусно велъ дипломатическіе переговоры съ иностранными государями и вступалъ съ ними въ выгодные союзы. Но съ его великимъ разумомъ, съ его честолюбіемъ и гордостью далеко не гармонировала „слабость его духа“, особенно проявленная имъ во время войны съ Баторіемъ, когда онъ боялся прибыть къ упавшему духомъ войску, такъ какъ: „не токмо же къ малѣйшей опасности подвергнуться не хотѣлъ, но нижѐ и былъ когда довольно въ близкомъ разстояніи, дабы слышать шумъ оружія“. Эта-то слабость духа вполнѣ и объясняетъ противорѣчивыя черты въ личности Іоанна, психологически связывая ихъ въ одно цѣлое: „Въ комъ самовластіе, — говоритъ Щербатовъ. — соединенное съ робостью и низостью духа, находится, въ томъ обыкновенно оно производитъ слѣдствія непомѣрной горячности, недовѣрчивости и суроваго мщенія“. Отсюда становятся ясными такіе поступки, какъ убійство сына, ссылка митр. Филиппа, опалы и казни бояръ, избіенія и грабежи въ Новгородѣ и пр.

---

[1]) Было въ ней и научное міровоззрѣніе, представителями котораго являлись Болтинъ, съ одной стороны, такъ-называемая нѣмецкая школа историковъ во главѣ со Шлецеромъ, съ другой. Но ученые этого направленія изучали преимущественно самыя раннія эпохи русской исторіи и при томъ монографически, отказываясь отъ изображенія всего хода ея. Поэтому Грознаго и его эпохи ихъ изслѣдованія не затрагивали.

Что касается до того, что всѣ эти факты „непомѣрной горячности, недовѣрчивости и сувоваго мщенія“ падаютъ на вторую половину царствованія, то это объясняется, по мнѣнію историка, тѣмъ, что въ первые годы своего правленія царь „чувствовалъ себя еще недовольно утвержденна на престолѣ“ и къ тому же, „имѣвъ мудрую и добродѣтельную супругу, царицу Анастасію Романовну, сдерживалъ суровый свой обычай“. Взятіе Казани, утвердившее его власть, и смерть супруги устранили для Іоанна необходимость обуздывать свои страсти. Теперь достаточно было самаго незначительнаго повода, чтобы его „суровый обычай“ проявился во всю. Такимъ поводомъ послужилъ отказъ бояръ во время его болѣзни отъ присяги царевичу Димитрію. Грозный былъ сильно раздраженъ этимъ и съ этого времени „далъ волю своему обычаю и учинилъ имя свое ненавидимо и въ поруганіи у всѣхъ народовъ свѣта“. И какъ бы для большаго подтвержденія своего взгляда Щербатовъ закончилъ характеристику Грознаго слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ, столь характернымъ для его политическихъ убѣжденій: „Тако та нестѣсненная власть, которой самодержцы толь желаютъ, есть мечъ, служащій къ наказанію посѣченіемъ ихъ славы, если что и болѣе не произойдетъ“ [1]). Для своего времени мнѣніе Щербатова отличалось большими достоинствами, такъ какъ оно было первой попыткой освѣтить нравственную физіономію Грознаго, понять ея причудливо переплетающіеся изгибы и объяснить ею странные по своей противоположности поступки царя. Но насъ, разумѣется, щербатовская характеристика удовлетворить не можетъ: помимо того, что въ ней совершенно оставлена безъ вниманія та историческая обстановка, которая создала Іоанна и подъ вліяніемъ которой онъ дѣйствовалъ, она и сама по себѣ слишкомъ узка и произвольна, и совсѣмъ не обрисовываетъ поэтому во весь ростъ сложную, многогранную натуру Грознаго.

Еще менѣе удачнымъ нужно признать портретъ Іоанна, набросанный Карамзинымъ. Если Щербатовъ, хотя и безуспѣшно, все же пытался понять Іоанна, то нашъ знаменитый исторіографъ не дѣлаетъ и этого. Онъ просто-на-просто останавливается передъ Грознымъ съ разведенными отъ удивленія руками и признается, что „несмотря на всѣ умозрительныя изъясненія, характеръ Іоанна, героя добродѣтели въ юности, неистоваго кровопійцы въ лѣтахъ мужества и старости, есть для ума загадка“. Немудрено, что „отдѣльныя черты нравственной физіономіи Грознаго, какъ остроумно замѣтилъ Михайловскій, стоятъ передъ нимъ, какъ бы торчкомъ въ разныя стороны, какъ иглы у ежа, свернувшагося въ клубокъ, такъ что къ нему и приступиться нельзя“ (op. cit., стр. 21). А отказавшись понять психологію Грознаго, Карамзинъ при объясненіи многихъ изъ его настроеній и поступковъ принужденъ былъ допустить рядъ случайностей и при томъ нерѣдко прямо-таки чудесныхъ. Благодаря этому изложеніе событій личной жизни и царствованія Іоанна, въ большинствѣ случаевъ, лишено у него внутренней связи, если не считать за таковую то „таинственное“ къ которому прибѣгаетъ историкъ, когда хочетъ, хоть какъ-нибудь объяснить то или иное душевное состояніе, то или иное дѣйствіе Грознаго. Послѣдній дѣйствительно представляется ему „не единымъ человѣкомъ“: въ VIII т. „Исторіи“ онъ — „герой добродѣтели“, въ IX — „неистовый кровопійца“. Объясняется это тѣмъ, что Карамзинъ не

[1]) Соч. кн. М. М. Щербатова. „Исторія Россіи отъ древнѣйшихъ временъ“ Спб. 1903 г., т. V, ч. III, стр. 825—832.

былъ, подобно Щербатову, послѣдовательнымъ раціоналистомъ, стремящимся лишь къ тому, чтобы дать историческимъ событіямъ психологическую мотивировку и этимъ путемъ установить между ними прагматическую связь. На ряду съ этимъ и даже больше всего онъ преслѣдовалъ въ исторіи художественныя задачи, и въ этомъ отношеніи подчинялся господствовавшему тогда въ литературѣ сентиментализму. Вотъ почему,— справедливо указываетъ проф. Милюковъ [1],—„авторъ „Натальи, боярской дочери" только и умѣлъ писать „неистовыхъ кровопійцъ" или „героевъ добродѣтели". Для людей живыхъ, обыкновенныхъ, не было красокъ на этой палитрѣ, не было подходящихъ элементовъ въ этомъ литературномъ арсеналѣ".

Личную исторію Грознаго Карамзинъ дѣлитъ на три періода. Первый изъ нихъ охватываетъ дѣтство и юность царя и является временемъ порчи его природнаго характера подъ воздѣйствіемъ окружающей среды. „Іоаннъ родился съ пылкими страстями, съ воображеніемъ сильнымъ, съ умомъ еще болѣе острымъ, нежели твердымъ или основательнымъ". Ему необходимъ былъ „мудрый пѣстунъ", но такого не оказалось. Правившіе государствомъ бояре, занятые своекорыстной борьбой другъ съ другомъ, совершенно не обращали вниманія на развитіе въ царственномъ отрокѣ хорошихъ задатковъ, предоставляя ему тратить время на чувственныя удовольствія, предаваться грубымъ потѣхамъ и жестокостямъ. Но „худое воспитаніе, испортивъ въ немъ естественныя склонности, оставило ему способъ къ исправленію въ одной вѣрѣ, ибо самые дерзкіе развратители царей не дерзали тогда касаться сего святого чувства". Этимъ „святымъ чувствомъ" и воспользовались „друзья отечества и блага", сумѣвшіе разбудить въ немъ вѣру и съ помощью кроткой Анастасіи увлечь „на путь добродѣтели". Это „чудо" произошло такъ. Въ 1547 г. случился въ Москвѣ знаменитый пожаръ и затѣмъ народное возмущеніе, закончившееся разгромомъ Глинскихъ. И пожаръ, и бунтъ оставили въ душѣ Іоанна сильное впечатлѣніе. „Въ сіе ужасное время, когда юный царь трепеталъ въ Воробьевскомъ дворцѣ своемъ, а добродѣтельная Анастасія молилась, явился тамъ какой-то удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, саномъ іерей, родомъ изъ Новгорода". Онъ то и „потрясъ душу и сердце, овладѣлъ воображеніемъ юноши и произвелъ чудо: Іоаннъ сдѣлался инымъ человѣкомъ". Правда, „сильныя волненія, досады, поблажки чувственнымъ животнымъ стремленіямъ и дурные примѣры, которые, Іоаннъ видѣлъ въ дѣтствѣ, безспорно имѣли пагубное вліяніе на его характеръ и произвели въ немъ, между прочимъ, раздражительность. Но эта самая раздражительность, впечатлительность, женственность природы Іоанна дѣлала его способнымъ и къ скорому принятію добраго вліянія, если это вліяніе шло отъ лица, имѣющаго нравственное достоинство, религіозное значеніе и неподозрительнаго для Іоанна". А такимъ какъ разъ и былъ Сильвестръ. Со времени сближенія съ нимъ, въ жизни Іоанна начался новый періодъ.

Вліяніе Сильвестра и Адашева проявилось въ первые годы царствованія Грознаго въ такихъ блестящихъ дѣлахъ, какъ знаменитая рѣчь царя съ Лобнаго мѣста къ народу, изданіе Судебника и Стоглава, мѣры противъ мѣстничества, устройство земскаго самоуправленія, завоеваніе Казани и другіе военные и дипломатическіе успѣхи. Такъ прошло 13 лѣтъ,

[1]) „Главныя теченія русской исторической мысли". Т. I. М. 1898. Изд. 2. Стр. 164—176.

въ теченіе которыхъ душу Іоанна лишь однажды заволокло темное облако, выросшее вскорѣ въ грозовую тучу. Этимъ облакомъ было нежеланіе бояръ и Сильвестра присягнуть во время болѣзни царя его сыну Димитрію. Въ грозовую же тучу оно превратилось послѣ смерти въ 1560 г. Анастасіи. „Здѣсь конецъ,— замѣчаетъ Карамзинъ,—счастливыхъ дней Іоанна и Россіи, ибо онъ лишился не только супруги, но и добродѣтели". На всѣ остальные 24 года своей жизни, „государь, любимый, обожаемый, съ высоты блага, счастія и славы низвергнулся въ бездну ужасовъ тиранства", сталъ „мучителемъ, всегда болѣе и болѣе подозрительнымъ, болѣе и болѣе свирѣпымъ". И здѣсь Карамзинъ совершенно теряется, отказываясь отъ всякихъ попытокъ найти хоть какой-нибудь смыслъ въ дѣйствіяхъ Грознаго. Онъ лишь замѣчаетъ: „Любопытно видѣть, какъ сей государь, до конца жизни усердный чтитель христіанскаго закона, хотѣлъ соглашать его божественное ученіе съ своею неслыханною жестокостью: то оправдывалъ оную въ видѣ правосудія, утверждая, что всѣ ея мученики были измѣнники, чародѣи, враги Христа и Россіи; то смиренно винился передъ Богомъ и людьми, называлъ себя гнуснымъ убійцею невинныхъ, приказалъ за нихъ молиться въ святыхъ храмахъ, но утѣшался надеждою, что искреннее раскаяніе будетъ ему спасеніемъ, и что онъ, сложивъ съ себя земное величіе, въ мирной обители св. Кирилла Бѣлозерскаго со временемъ будетъ примѣрнымъ инокомъ".

Насколько щербатовская характеристика Іоанна является рѣзко опредѣленной, хотя и черезчуръ узкой, настолько же карамзинская страдаетъ расплывчатостью и мозаичностью. Въ ней можно подмѣтить лишь одну, болѣе или менѣе основную мысль, это—мысль о недостаткѣ самостоятельности въ Грозномъ, хотя и она проведена далеко не послѣдовательно: иначе „изумительность" природы Іоанна исчезла бы, и личность его не представляла бы никакой „загадки для ума". Измѣнить въ этомъ направленіи портретъ Грознаго, нарисованный Карамзинымъ, поставилъ своей задачей Погодинъ. Онъ подвергъ анализу „изумительность" поступковъ Іоанна и пришелъ къ заключенію, сдѣланному еще Щербатовымъ, что въ его личности не было никакого перелома, никакого чудеснаго просвѣтленія подъ вліяніемъ Сильвестра. По его мнѣнію: „Іоаннъ никогда не былъ великъ", онъ былъ „ничтоженъ во всѣ періоды своей жизни". Сильвестръ овладѣлъ его душой, „какъ магнетизеръ намагнитизированнымъ лицомъ". Различный же характеръ первой половины царствованія Грознаго и второй объясняется тѣмъ, что онъ первые 13 лѣтъ вовсе не царствовалъ [1]). Но аргументація Погодина оказалась неубѣдительной, и противорѣчіе, выдвинутое Карамзинымъ, было устранено не имъ, а Полевымъ, слѣдующимъ въ хронологическомъ порядкѣ историкомъ Іоанна.

Принадлежа къ людямъ 30-хъ годовъ, Полевой теоретически хорошо усвоилъ идеи, просачивавшіяся въ это время къ намъ съ Запада на смѣну раціоналистическому и сентиментально-этическому теченіямъ. Прошлая жизнь народовъ казалась ему подчиненной законамъ, и закономѣрность ея онъ видѣлъ во взаимодѣйствіи психическихъ и физико-географическихъ условій, въ результатѣ котораго народы превращались въ націи съ ихъ особымъ духомъ, съ ихъ особой жизнью, представляю-

[1]) Погодинъ. „Историко-критическія отрывки", I, 225—271. Тотъ же взглядъ онъ высказалъ и позже въ статьѣ „Царь Иванъ Васильевичъ", помѣщенной въ „Арх. ист. и практ. свѣд." 1859 г., т. V.

щей собой органическое, постепенное и необходимое развитіе. Поэтому на исторію онъ смотрѣлъ уже исключительно какъ на науку, а не какъ на „историческую живопись", подобно Карамзину. Но практическое употребленіе, сдѣланное Полевымъ изъ этихъ идей, ихъ приложеніе къ русской исторіи, было выполнено далеко не блестяще: здѣсь дало себя знать отсутствіе у него спеціальной исторической подготовки, малое знакомство съ сырымъ матеріаломъ. Новыми и цѣнными оказались лишь его взгляды на раннія эпохи русской исторіи, для событій которыхъ онъ подчасъ удачно указывалъ стихійные мотивы вмѣсто личныхъ, случайныхъ. Но начиная съ установленія на Руси единодержавія, т.-е. со времени Іоанна III, Полевой уже рабски слѣдуетъ щербатовско-карамзинской схемѣ русской исторіи и пускаетъ въ ходъ старыя раціоналистическія пріемы объясненія событій. Снова творцомъ исторіи оказывается личность, и снова историческія явленія объясняются дѣйствіемъ ея воли. Но нужно признать, что это объясненіе у Полевого отличается гораздо большимъ мастерствомъ, чѣмъ у Щербатова или Карамзина. Образцомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить его характеристика Грознаго.

Вслѣдъ за Погодинымъ, Полевой также не видитъ ни во внезапномъ обращеніи Іоанна Сильвестромъ, ни во внезапной нравственной гибели его ничего таинственнаго, хотя и признаетъ самую эту внезапность. „Соображая жизнь, дѣла, слова Іоанна,—говоритъ онъ,—видимъ, что сынъ Василія и внукъ Іоанна III имѣлъ всѣ недостатки отца и дѣда, уступая послѣднему въ самобытности характера и обширномъ умѣ, не имѣя лѣности душевной, свойственной Василію. Вспомнимъ суровость, жестокость Іоанна III, склонность къ забавамъ и нѣголюбіе Василія. Въ Іоаннѣ IV соединялось и то, и другое. И такой характеръ былъ испорченъ несчастнымъ воспитаніемъ, пріучившимъ его къ двумъ противоположностямъ: своеволію и самовластію, и въ то же время къ послушанію людямъ, превосходившимъ его умомъ, дарованіями или хитростью, умѣвшимъ искусно завладѣть имъ. Такъ, въ юности своей Іоаннъ подчинялся Глинскимъ, казня Шуйскихъ; покорствовалъ впослѣдствіи клевретамъ своимъ, казня доблестныхъ совѣтниковъ; унижался передъ Баторіемъ, терзая Магнуса и Ливонію. Привыкая повиноваться, онъ готовъ былъ страшно мстить своему повелителю, когда сознавалъ свою зависимость: горделивое самолюбіе напоминало ему въ то время все величіе званія его на землѣ". Это то „горделивое самолюбіе", оскорбленное отказомъ бояръ отъ присяги Димитрію, и привело Грознаго къ разрыву съ Сильвестромъ и Адашевымъ. Правда, наружно Іоаннъ оставался нѣкоторое время прежнимъ. Но „въ самой ласковости его, въ смиреніи, съ какимъ предавалъ онъ забвенію обиду послѣ своего выздоровленія, уже темнѣетъ, будто далекая туча, все тяжелое будущее". Послѣ же свиданія царя въ Кирилловомъ монастырѣ съ бывшимъ коломенскимъ епископомъ Вассіаномъ Топорковымъ, который рекомендовалъ ему „не держать совѣтниковъ умнѣе себя",—„поступки Іоанна постепенно становились самовластительнѣе; мало-по-малу отвыкалъ онъ отъ послушанія совѣтамъ другихъ, противился предпріятію правителей противъ Крыма и вопреки всѣмъ увѣщаніямъ началъ ливонскую войну. Успѣхъ сей войны былъ пагубенъ для царя и правителей; онъ увѣрился въ себѣ, пересталъ вѣрить имъ. Оставалось ударить роковому часу перелома и душой Іоанна овладѣть пороку и страстямъ. Насталъ сей часъ, и тогда все погибло въ одно мгновеніе: счастіе, слава Іоанна, Адашевъ и Сильвестръ. Но слѣды сего находимъ

далеко прежде“ [1]). Таково пониманіе Іоанна, предложенное Полевымъ, пониманіе стройное, цѣльное, проникнутое единствомъ и къ тому же очень оригинальное, такъ какъ объясненіе характера Грознаго комбинаціей вліяній наслѣдственности и воспитанія было для 30-хъ годовъ, по справедливому замѣчанію Михайловскаго, большой новостью.

Такимъ образомъ, всѣ четверо указанныхъ историка, занимавшіеся эпохой Грознаго, все свое вниманіе сосредоточили прежде всего на самой личности царя. И разсматривая эту личность внѣ сферы политическихъ и соціальныхъ условій времени, они хотѣли отгадать ея психическую индивидуальность. Немудрено, что всѣ они, возмущенные кровавыми ужасами Іоаннова царствованія, отрицательно отнеслись къ Іоанну, какъ человѣку, и это отношеніе распространили и на Іоанна, какъ царя. Огромное же значеніе за нѣкоторыми событіями его времени, не признать котораго было невозможно, всѣ они приписывали не Грозному, а его совѣтникамъ, одни исключительно, другіе въ большей или меньшей степени. А при этомъ, естественно, Іоаннъ не былъ понятъ ими правильно, такъ какъ для нихъ былъ совершенно скрытъ историческій смыслъ его дѣятельности, особенно во вторую половину царствованія, ея связь со всей предшествовавшей и современной ему соціально-политической обстановкой.

Первымъ, кто попытался освободиться отъ вліянія возмущеннаго нравственнаго чувства и создать апоѳеозъ Грозному, исходя, впрочемъ, изъ совершенно иныхъ мыслей, ничего общаго не имѣющихъ съ признаніемъ важнаго историческаго значенія за личностью Іоанна, былъ В. Г. Бѣлинскій. Въ рецензіи на „Русскую Исторію для первоначальнаго чтенія“ Полевого онъ въ 1836 г. писалъ: „Есть два рода людей съ добрыми наклонностями: люди обыкновенные и люди великіе. Первые, сбившись съ прямого пути, дѣлаются мелкими негодяями, слабодушниками; вторые—злодѣями. И чѣмъ душа человѣка огромнѣе, чѣмъ она способнѣе къ впечатлѣніямъ добра, тѣмъ глубже падаетъ она въ бездну преступленія, тѣмъ больше закаляется во злѣ. Таковъ Іоаннъ: это была душа энергическая, глубокая, гигантская. Стоитъ только пробѣжать въ умѣ жизнь его, чтобы убѣдиться въ этомъ“. Остановившись на обстоятельствахъ, происшедшихъ во время болѣзни Грознаго, и показавъ, какъ отразились они на Іоаннѣ, Бѣлинскій замѣчаетъ: „Намъ понятно это безуміе, эта звѣрская кровожадность, эти неслыханныя злодѣйства, эта гордыня и, вмѣстѣ съ ними, это мучительное раскаяніе и это униженіе, въ которыхъ проявлялась вся жизнь Грознаго; намъ понятно также и то, что только ангелы могутъ изъ духовъ свѣта превращаться въ духовъ тьмы. Іоаннъ поучителенъ въ своемъ безуміи, это не тиранъ классической трагедіи; это не тиранъ Римской имперіи, гдѣ тираны были выраженіемъ своего народа и духа времени: это былъ падшій ангелъ, который и въ паденіи своемъ обнаруживаетъ по временамъ и силу характера желѣзнаго, и силу ума высокаго“ [2]). И какъ это ни странно, но Бѣлинскій, совершенно не зная исторіи и полагаясь единственно на свое художественное чутье, все же глубже проникъ въ душу Грознаго, чѣмъ, напр., такой признанный историкъ, какъ Карамзинъ, которому эта душа казалась настоящими потемками. Блестящей, какъ всегда страстной и увлекательной характеристикой Іоанна, сдѣланной нашимъ знаменитымъ кри-

[1]) Полевой. „Ист. русск. народа“. М. 1833 г., т. VI, гл. V.

[2]) Сочиненія, изд. Солдатенкова, т. II, стр. 214—218.

тикомъ, заканчивается первый періодъ изученія Іоанна и его времени, когда историки занимались исключительно самой личностью царя и не обращали вниманія на дѣятельность его предшественниковъ, на состояніе тогдашняго общества.

Съ 40-хъ годовъ XIX в. литература о Грозномъ вступаетъ въ новый фазисъ своего развитія. Отмѣтимъ, что эти годы были временемъ, когда русская историческая наука находилась подъ вліяніемъ идей германской исторической школы. Дѣятели послѣдней: Фридрихъ-Августъ-Вольфъ, Нибуръ, Эйхорнъ и Савиньи и философы Шеллингъ и Гегель внесли въ изученіе исторіи новые принципы и новые методы изслѣдованія, благодаря которымъ она стала возвышаться до степени настоящей науки. Главною мыслью ихъ была мысль о томъ, что развитіе народовъ не есть результатъ необъяснимыхъ случайностей или воли отдѣльныхъ лицъ: наоборотъ, это развитіе происходитъ, подобно развитію организмовъ, по строго опредѣленнымъ законамъ, ниспровергнуть которые не въ состояніи ни историческая случайность, ни личность, даже самая геніальная. Другими словами, исторія представляетъ собой не цѣпь произвольно случившихся, подчасъ капризно переплетенныхъ событій, а вполнѣ закономѣрный процессъ. Изъ русскихъ ученыхъ эти идеи, смутно бродившія еще въ 30-е годы, впервые были усвоены вполнѣ К. Д. Кавелинымъ и С. М. Соловьевымъ, которымъ и принадлежатъ первыя плодотворныя попытки приложенія ихъ къ области русскаго прошлаго.

Исходя изъ идеи закономѣрности историческаго развитія, они полагали, что исторія каждаго народа создается его природой и первоначальнымъ бытомъ. Съ этой точки зрѣнія они всю русскую исторію представляли себѣ, какъ послѣдовательный органическій переходъ отъ кровныхъ общественныхъ союзовъ къ государственному быту чрезъ промежуточный періодъ, заполненный борьбой родового начала съ началомъ государственнымъ. Открывъ основную сущность и общій философскій смыслъ русскаго историческаго процесса, названные историки искали причинъ единичныхъ явленій въ немъ самомъ, а не въ слѣпой случайности и не въ сознательной волѣ того или иного дѣятеля: случайность была совершенно выкинута за бортъ исторіи, а человѣческая воля сама стала явленіемъ, подлежащимъ объясненію. Поэтому и на личность и дѣятельность Грознаго они взглянули, какъ на частный, очень важный эпизодъ изъ общей исторіи эпохи.

Въ 1847 г. появилась въ „Современникѣ“ статья Кавелина „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“ [1]), гдѣ авторъ все содержаніе русской исторіи свелъ къ постепенному росту самостоятельности и значенія отдѣльной личности въ общественной и государственной жизни и далъ слѣдующую краткую формулу этого роста, содержащую въ себѣ характеристику трехъ послѣдовательныхъ фазисовъ его: „родъ и общее владѣніе, семья и вотчина или отдѣльная собственность, лицо и государство“. На зарѣ исторіи, при полномъ господствѣ родовыхъ началъ, личность ничего не значила. Съ передвиженіемъ центра народной жизни изъ Кіевской Руси на Сѣверъ, въ Суздаль, началось распаденіе родового быта и смѣна его семейно-вотчиннымъ. Личности теперь былъ предоставленъ большій просторъ, но она еще не эмансипировалась вполнѣ отъ кровныхъ формъ жизни. Съ половины XVI в. началась новая эпоха борьбы семейнаго начала съ государственнымъ, борьбы, поднятой Грознымъ и

---

[1]) Сочиненія К. Кавелина, ч. I, М. 1859 г., стр. 305—380.

законченной Петромъ, въ результатѣ которой личность окончательно освободилась отъ всякой опеки и стала лицомъ къ лицу съ государствомъ. Понятно, что, являясь однимъ изъ крупныхъ звеньевъ указаннаго процесса, Іоаннъ страшно выросъ въ глазахъ Кавелина. Царствованіе его онъ сравниваетъ съ царствованіемъ Петра. Они „оба,—говоритъ онъ,—равно живо сознавали идею государства и были благороднѣйшими, достойнѣйшими ея представителями; но Іоаннъ сознавалъ ее, какъ поэтъ, Петръ Великій какъ человѣкъ, по преимуществу практическій". То, что дѣятельность ихъ носила разный характеръ и дала разные результаты, зависѣло отъ различія во времени и условіяхъ, при которыхъ они дѣйствовали, и особенностей ихъ личнаго темперамента.

Ближайшей задачей Іоанна было „сломить вельможество, дать власть и просторъ одному государству". Осуществленіе ея онъ предпринялъ въ цѣломъ рядѣ реформъ. Сначала онъ выдѣлилъ изъ вѣдомства намѣстниковъ уголовное и уголовно-полицейское управленіе и поручилъ его выборнымъ отъ общинъ, губнымъ старостамъ съ цѣловальниками; въ 1550 г. издалъ Судебникъ, еще болѣе ограничившій власть областныхъ правителей; наконецъ, видя, что злоупотребленія и угнетенія народа продолжались, ввелъ мѣстное самоуправленіе. Точно также онъ ограничилъ и значеніе вельможъ въ центральномъ учрежденіи, боярской думѣ, посадивъ въ нее думныхъ дворянъ. „Но всѣ эти мѣры казались Іоанну еще недостаточными; онъ хотѣлъ совершенно уничтожить вельможество и окружить себя людьми незнатными, даже низкаго происхожденія, но преданными, готовыми служить ему и государству безъ всякихъ заднихъ мыслей и частныхъ разсчетовъ". Съ этой цѣлью онъ вызвалъ къ жизни опричнину, явившуюся попыткой „создать служебное дворянство и замѣнить имъ родовое вельможество, на мѣсто рода, кровнаго начала, поставить въ государственномъ управленіи начало личнаго достоинства". Однако, изъ всего этого ничего не вышло. Грозный,—говоритъ Кавелинъ,—„жилъ въ несчастное время, когда никакая реформа не могла улучшить нашего быта. Опричники, взятые изъ низшихъ слоевъ общества, ничѣмъ не были лучше бояръ; дьяки были только грамотнѣе, свѣдущѣе въ дѣлахъ, чѣмъ вельможи, но не уступали имъ ни въ корыстолюбіи, ни въ отсутствіи всякихъ общихъ, нравственныхъ интересовъ; общины, какъ ни старался Іоаннъ поднять ихъ и оживить для ихъ же собственной пользы, были мертвы: общественнаго духа въ нихъ не было, потому что въ нихъ продолжался прежній полу-патріархальный бытъ. За какія реформы ни принимался Іоаннъ, всѣ онѣ ему не удались, потому что въ самомъ обществѣ не было еще элементовъ для лучшаго порядка вещей. Іоаннъ искалъ органовъ для осуществленія своихъ мыслей и не нашелъ; ихъ неоткуда было взять. Растерзанный, измученный безплодной борьбой, Іоаннъ могъ только мстить за неудачи, подъ которыми похоронилъ онъ всѣ свои надежды, всю вѣру, все, что было въ немъ великаго и благороднаго,—и мстилъ страшно". И мстить онъ долженъ былъ тѣмъ болѣе, что „тупая, полу-патріархальная, тогда уже слѣпая среда, въ которой суждено было ему жить и дѣйствовать", оказывалась по отношенію къ его начинаніямъ не только пассивной: если въ массѣ народа онъ встрѣчалъ „равнодушіе, безучастіе, отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ", то въ верхнемъ слоѣ его, боярахъ, на ряду со всѣмъ этимъ онъ не могъ не замѣтить и сознательнаго нежеланія идти по указанному имъ направленію. „Не знаемъ,—замѣчаетъ по этому поводу Кавелинъ,—до какой степени были справедливы его опасенія противъ ихъ загово-

ровъ и тайныхъ козней: подозрительный, страстный характеръ могъ внушить ему многое, чего не было. То вѣрно, что въ нѣкоторыхъ вельможахъ, бывшихъ удѣльныхъ князьяхъ, или близкихъ ихъ потомкахъ, не совсѣмъ изчезли при немъ воспоминанія о недавнемъ времени, когда они были такіе же независимые владѣтели, какъ царь московскій. Они не могли быть ему преданы, служили неохотно, роптали и измѣняли или уѣзжали, когда могли". Борьба съ этой закоснѣвшей въ окоченѣлыхъ формахъ полу-патріархальнаго быта средой была безнадежна, такъ какъ на сторонѣ этой среды была историческая сила, и Грозный погибъ нравственно задолго до своей физической смерти. Въ этой борьбѣ „не видя результатовъ, не находя отзыва, онъ потерялъ вѣру въ возможность осуществить свои великіе замыслы. Тогда жизнь стала для него несносной ношей, непрерывнымъ мученіемъ: онъ сдѣлался ханжей, тираномъ и трусомъ. Іоаннъ IV такъ глубоко палъ именно потому, что былъ великъ".

Вставивъ, такимъ образомъ, портретъ Іоанна въ рамку окружавшей его дѣйствительности, Кавелинъ пришелъ къ выводу, что, вопреки Карамзину, Грозный не былъ „загадкой", вопреки Щербатову и особенно Погодину, не являлся игрушкой въ рукахъ совѣтниковъ и вопреки Полевому руководился въ своей дѣятельности не одними психологическими мотивами, исходившими изъ его личности, а прежде всего историческими задачами, вполнѣ воплотить которыя въ русскую жизнь удалось только Петру Великому. И этотъ общій выводъ былъ огромнымъ шагомъ впередъ, несмотря на то, что кавелинская характеристика Грознаго и его эпохи, выражаясь словами А. А. Кизеветтера, „сбивается гораздо болѣе на блестящую ораторскую импровизацію, чѣмъ на научное воспроизведеніе историческихъ данныхъ" (op. cit., стр. 8). Но въ этомъ виноватъ отчасти не самъ Кавелинъ, а состояніе въ его время русской исторической науки, которая еще очень многаго и важнаго изъ историческаго матеріала совершенно не успѣла не только разработать, но даже привести въ извѣстность. Немудрено поэтому, что большинство его гипотетическихъ утвержденій теперь уже не могутъ быть приняты. Особенно ошибочной необходимо признать его мысль о страшно низкомъ уровнѣ умственнаго развитія въ тогдашнемъ обществѣ: къ XV и нач. XVI в., напротивъ, какъ разъ и относится небывалый расцвѣтъ высоко-идейной публицистики, трактовавшей о самыхъ жгучихъ, о самыхъ важныхъ вопросахъ современной жизни. Ни на чемъ неоснованной идеализаціей Грознаго является и утвержденіе, будто онъ въ борьбѣ съ боярами былъ одушевленъ не одной идеей государственности, но еще и идеей народнаго блага: предоставивъ народу мѣстное самоуправленіе, Іоаннъ на самомъ дѣлѣ исходилъ не изъ народолюбія, а изъ интересовъ казны. Далѣе, широко и систематически практиковавшійся Іоанномъ правительственный терроръ, въ который вылилась его борьба съ вельможами, былъ созданъ не имъ, а унаслѣдованъ отъ предшественниковъ: обычныя опалы и казни временъ Іоанна III и Василія III были въ сущности тѣмъ же терроромъ, который являлся, такимъ образомъ, фамильной политикой московскихъ князей. Наконецъ, нельзя согласиться и съ мнѣніемъ, будто итоги царствованія Грознаго свелись только къ безрезультатнымъ казнямъ. На дѣлѣ же и реформы его, и его казни, съ одной стороны, увѣнчали зданіе московскаго самодержавія, фундаментъ котораго былъ заложенъ давно; съ другой — нанесли сильный ударъ противодѣйствовавшему этой постройкѣ боярству, которое отъ него уже не могло оправиться.

Черезъ годъ послѣ Кавелина и, конечно, независимо отъ него вы-

сказалъ свой взглядъ на Грознаго и Соловьевъ въ VI т. „Исторіи Россіи“. И онъ, подобно первому, также исходилъ при изученіи русскаго прошлаго изъ родовой теоріи, но, прилагая ее къ конкретному матеріалу, значительно разошелся съ нимъ въ частностяхъ. Вслѣдствіе этого соловьевская схема русской исторіи представляетъ существенныя особенности по сравненію съ кавелинской. Прежде всего, она расширяетъ границы промежуточнаго періода, лежащаго между періодами родового быта и государственнаго, обозначая имъ рядъ вѣковъ съ XII до конца XVII; а затѣмъ зарожденіе государственнаго порядка отодвигается ею къ тому времени, когда въ усилившемся благодаря множеству благопріятныхъ условій Московскомъ княжествѣ-вотчинѣ мало-по-малу вырабатывается начало единонаслѣдія. Съ точки зрѣнія такого представленія о ходѣ русской исторіи, Соловьевъ и подходитъ къ царствованію Грознаго, въ которомъ онъ видитъ моментъ, когда родовой и государственный бытъ „дали другъ другу послѣднюю отчаянную битву“. Замѣтимъ—„послѣднюю“, а не первую и при томъ не безрезультатную, какъ полагалъ Кавелинъ. „Въ это правленіе,—говоритъ Соловьевъ,—рѣшенъ былъ чрезвычайно важный вопросъ для государственной жизни Россіи. Сѣверо-Восточная Русь объединилась, образовалось государство, благодаря дѣятельности князей Московскихъ; но около этихъ князей, ставшихъ теперь государями всей Руси, собрались, въ видѣ слугъ новаго государства, потомки князей великихъ и удѣльныхъ, лишенныхъ отчинъ своихъ потомками Калиты: они примкнули къ Московской дружинѣ, къ Московскому боярству, члены котораго должны были теперь, по требованію новаго порядка вещей, перемѣнить свои отношенія къ главѣ государства. Вокругъ великаго князя Московскаго, представителя новаго порядка, находившаго свой главный интересъ въ его утвержденіи и развитіи, собрались люди, которые жили въ прошедшемъ всѣми лучшими воспоминаніями своими, которые не могли сочувствовать новому, которымъ самое ихъ первенствующее положеніе, самый ихъ титулъ указывали на болѣе блестящее положеніе, болѣе высокое значеніе въ недавней, очень хорошо всѣмъ извѣстной старинѣ. При такомъ сопоставленіи двухъ началъ, изъ которыхъ одно стремилось къ дальнѣйшему полному развитію, а другое хотѣло удержать его при этомъ стремленіи, удержать во имя старины, во имя старыхъ, исчезнувшихъ отношеній, необходимо было столкновеніе“. И это столкновеніе верховной власти съ аристократическими элементами общества началось еще въ цартвованіе Іоанна III, продолжалось при его сынѣ Василіи III и было закончено лишь внукомъ его, Грознымъ. Сперва оно носило характеръ единичныхъ выступленій, направленныхъ противъ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ бояръ и отдѣльныхъ боярскихъ фамилій, которыя и гибли въ одиночку. Такова была судьба Патрикѣевыхъ. Ряполовскихъ, Холмскаго, Берсена и др. И они гибли, не возбуждая ни въ комъ сочувствія, такъ какъ „въ стремленіи къ личнымъ цѣлямъ они разрознили свои интересы съ интересомъ государственнымъ, не сумѣли даже возвыситься до сознанія сословнаго интереса“.

Іоаннъ это столкновеніе первый превратилъ въ страстную, кровавую борьбу уже не противъ лицъ, а противъ цѣлаго класса, обрушившись со всей энергіей на верхи боярства, потомковъ Рюрика и Гедимина. Поводъ къ этой борьбѣ дала обстановка начальныхъ лѣтъ царствованія Грознаго. Оставшись сиротой, онъ былъ свидѣтелемъ и жертвой боярскаго правленія, характеризовавшагося междуусобными раздорами и своекорыстнымъ угнетеніемъ народа. Даровитый и не по лѣтамъ

развитой, можетъ быть, уже отъ природы раздражительный ребенокъ былъ окруженъ съ виду покорными и преданными ему слугами, которые на дѣлѣ, однако, самоуправствовали и на глазахъ молодого князя оскорбляли, били и убивали дорогихъ для него людей. Понятно, что на нихъ онъ смотрѣлъ, какъ на злыхъ недруговъ, и таилъ въ своемъ сердцѣ глубокую ненависть къ нимъ, съ часу на часъ ждавшую своего выхода. „Голова ребенка,—говоритъ Соловьевъ,—была постоянно занята мыслью объ этой борьбѣ, о своихъ правахъ, о безправіи враговъ, о томъ, какъ дать силу своимъ правамъ, доказать безправіе противниковъ, обвинить ихъ. Пытливый умъ ребенка требовалъ пищи: онъ съ жадностью прочелъ все, что могъ прочесть, изучивъ священную, церковную, римскую исторію, русскія лѣтописи, творенія св. отцовъ; но во всемъ, что ни читалъ, онъ искалъ доказательствъ въ свою пользу: занятый постоянно борьбой, искалъ средствъ выйдти побѣдителемъ изъ этой борьбы, искалъ вездѣ, преимущественно въ священномъ писаніи, доказательствъ въ пользу своей власти и противъ беззаконныхъ слугъ, отнимавшихъ ее у него".

И какъ только Грозный смогъ проявить свою самостоятельность, онъ прежде всего занялся упроченіемъ своей власти и въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ рѣшительно и прямолинейно, не отступая даже предъ жестокостью. 13-лѣтнимъ мальчикомъ онъ звѣрски расправился съ первымъ вельможей въ государствѣ, Андреемъ Шуйскимъ; 17-лѣтнимъ юношей онъ пожелалъ „поискать родительскихъ чиновъ", а черезъ годъ вѣнчался на царство. И „намъ понятно становится,—замѣчаетъ Соловьевъ,—это поспѣшное принятіе царскаго титула, желаніе сохранить его, желаніе связать себя съ Августомъ Кесаремъ и съ царемъ Владиміромъ Мономахомъ, желаніе выдѣлить себя, возвыситься на высоту недосягаемую; понятно становится намъ презрѣніе къ королю Шведскому, къ которому приписывается земля, къ Стефану Баторію, многомятежнымъ сеймомъ избранному, объявленіе, что нѣтъ имъ равенства съ царемъ Московскимъ". Понятно становится, на ряду съ попытками внѣшне поднять свою власть съ помощью пышныхъ титуловъ и вымышленныхъ родословій, и желаніе возвысить ее внутренне, хотя бы цѣной настоящаго бѣлаго террора. Вѣдь формы, въ какія Грозный вылилъ свое стремленіе, крайности, до которыхъ онъ дошелъ, объясняются личностью царя и окружавшими его условіями, а общій характеръ этого стремленія, его содержаніе и цѣль обуславливались традиціонной, имѣвшей вѣковую практику, политикой московскихъ князей.

Таковъ политическій смыслъ начатой Іоанномъ III и заполнившей все царствованіе Іоанна IV борьбы верховной власти съ боярствомъ. Но кромѣ того, эта борьба носила еще и соціальную окраску: тѣсня и губя бояръ, московскіе князья опирались на народную массу. Послѣдняя была экономически порабощена боярствомъ и, естественно, относилась къ нему, какъ къ своему врагу, предать котораго только ждала удобнаго случая. Къ тому же, помимо экономическаго гнета, было и еще одно обстоятельство, оттолкнувшее народъ отъ бояръ. „Сочувствіе могло быть возбуждено къ этимъ людямъ,—говоритъ Соловьевъ,—если-бъ они тѣсно соединили свой интересъ съ интересами земли; но вмѣсто того народъ увидалъ въ нихъ людей, которые остались совершенно преданы старинѣ и въ томъ отношеніи, что считали прирожденнымъ правомъ своимъ кормиться на счетъ ввѣреннаго имъ народонаселенія, и кормиться какъ можно сытнѣе. Понятно, что земля всѣми своими сочувствіями обрати-

лась къ началу, которое одно могло защитить ее отъ этихъ людей, положить границу ихъ своекорыстнымъ стремленіямъ". А такимъ началомъ была единственно самодержавная власть государя. И вотъ вскорѣ послѣ пожара въ Москвѣ,—продолжаетъ Соловьевъ,—молодой царь задумалъ „окончательно порѣшить съ боярами и князьями, искать опоры въ лицахъ другого происхожденія и въ лицахъ испытанной нравственности". Съ этой цѣлью онъ созываетъ земскихъ выборныхъ, и „съ лобнаго мѣста, во услышаніе всей земли, говоритъ, что власть князей и бояръ, лихоимцевъ и сребролюбцевъ, судей неправедныхъ кончилась, что онъ самъ будетъ теперь судья и оборона, и разборъ просьбъ поручаетъ человѣку, котораго взялъ изъ среды бѣдныхъ и незначительныхъ людей: на мѣстѣ Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ видимъ Адашева: Исавъ продалъ право первородства младшему брату за лакомое блюдо". Такъ кончилось боярское правленіе, и начались первые годы дѣйствительнаго царствованія Грознаго, когда правительство приступило къ рѣшенію цѣлаго ряда очень важныхъ вопросовъ. При этомъ Соловьевъ подчеркиваетъ, что ни во внутреннихъ реформахъ, ни во внѣшнихъ дѣлахъ Іоаннъ не былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ своихъ совѣтниковъ. Послѣднихъ и особенно Сильвестра и Адашева онъ часто слушался, но исключительно по тому, что довѣрялъ имъ, считая ихъ преданными себѣ.

Однако, эта увѣренность скоро стала колебаться. Первымъ поводомъ къ неудовольствію между царемъ и совѣтниками послужила ливонская война, которую предпринялъ Грозный съ тою же цѣлью, съ какою Петръ Великій—сѣверную: чтобы сблизить Россію съ Европой посредствомъ пріобрѣтенія морского берега. Конечно, это неудовольствіе не уничтожило бы въ Іоаннѣ его привязанности и довѣрія къ Сильвестру и Адашеву, если бы онъ попрежнему вѣрилъ въ ихъ преданность его особѣ и его семейству. Но эта вѣра была убита въ 1553 г., когда во время его болѣзни многіе бояре, а съ ними и Сильвестръ, хотѣли присягнуть, вмѣсто сына Іоанна, удѣльному князю Владиміру Андреевичу. По выздоровленіи, Іоаннъ сослалъ нѣкоторыхъ изъ крамольныхъ бояръ, не тронувъ пока Сильвестра и Адашева, но послѣдніе старались вернуть опальнымъ прежнее положеніе и, кромѣ того, продолжали открыто враждовать съ родственниками царицы, Захарьиными. Это привело, наконецъ, въ 1559 г. къ почетной ссылкѣ Адашева, отправленнаго воеводой, и удаленію Сильвестра въ монастырь. Въ слѣдующемъ году умерла Анастасія, умѣвшая сдерживать пылкую, стремительно-увлекающуюся, впечатлительную натуру Грознаго, и съ этого времени послѣдній могъ уже въ полной силѣ проявлять свою подозрительность и гнѣвъ. Начались опалы и казни, особенно усилившіяся послѣ движенія, которое предприняла партія Сильвестра и Адашева для возвращенія своихъ вождей, и принявшія массовой характеръ послѣ бѣгства въ Литву Курбскаго. Послѣднее событіе глубоко потрясло Іоанна. Возникшая между нимъ и бѣглецомъ переписка показала ему, что Курбскій былъ не одинокъ, а наоборотъ, являлся выразителемъ мнѣній всего боярства. А эти мнѣнія шли въ разрѣзъ съ той идеей государственности, которую Грозный унаслѣдовалъ отъ предковъ и энергично проводилъ во всѣхъ своихъ государственныхъ мѣропріятіяхъ. Немудрено, что царь теперь окончательно взглянулъ на весь боярскій классъ, какъ на сплошь крамольный, и въ его умѣ, естественно, родилась мысль: „враговъ много, я не въ безопасности, нужно принять мѣры для спасенія себя и своего семейства, въ случаѣ неудачи нужно приготовить убѣжище на чужбинѣ". Многочисленность этихъ враговъ дѣлала невозможнымъ ихъ уничтоженіе,

такъ какъ нельзя было всѣхъ ихъ удалить и замѣнить новыми людьми, „молодыми“; но зато нашелся другой выходъ, именно, освободиться самому отъ постояннаго сообщенія съ ними. „Если,—говоритъ Соловьевъ,—нельзя было прогнать отъ себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство—самому уйти отъ него; Іоаннъ такъ и сдѣлалъ“. Для этого онъ учредилъ новый дворъ, названный опричниной, изъ новыхъ, вышедшихъ преимущественно изъ низовъ общества людей, на которыхъ могъ вполнѣ положиться. Смотря на опричнину, какъ на попытку Грознаго отдѣлиться отъ крамольнаго боярства, Соловьевъ затѣмъ указываетъ, какимъ путемъ устроенный съ такой цѣлью новый дворъ превратился въ орудіе террора, сталъ сыскнымъ учрежденіемъ по дѣламъ боярской и всякой иной измѣны.

Такимъ образомъ,—заключаетъ Соловьевъ,—„характеръ, способъ дѣйствій Іоанновыхъ исторически объясняются борьбою стараго съ новымъ, событіями, происходившими въ малолѣтство царя, во время его болѣзни и послѣ“. Но,—спрашиваетъ онъ,—„могутъ ли они быть нравственно оправданы этою борьбою, этими событіями“. И тотчасъ же отвѣчаетъ: нѣтъ! Вообще высоко цѣня политическую прозорливость Грознаго и тотъ принципъ государственности, который онъ отстаивалъ, Соловьевъ отрицательно относится къ самой личности Іоанна. „Человѣкъ плоти и крови,—говоритъ онъ,—онъ (Грозный) не сознавалъ нравственныхъ духовныхъ средствъ для установленія правды и наряда, или, что еще хуже, сознавши, забылъ о нихъ; вмѣсто цѣленія, онъ усилилъ болѣзнь, пріучилъ еще болѣе къ пыткамъ, кострамъ и плахамъ; онъ сѣялъ страшными сѣменами, и страшна была жатва: собственноручное убійство старшаго сына, убіеніе младшаго въ Угличѣ, самозванство, ужасы смутнаго времени!“ [1]).

Послѣ Соловьева историки, занимавшіеся Грознымъ и его временемъ, пошли по тремъ направленіямъ. Одни ограничились лишь тѣмъ, что развивали мнѣніе нашего знаменитаго историка далѣе, вплоть до лологически вытекающихъ изъ него крайнихъ выводовъ [2]); другіе отыскивали въ этомъ мнѣніи слабыя стороны и, найдя ихъ, считали ошибочными самыя основанія его, вслѣдствіе чего возвращались къ прежнему, чисто психологическому пониманію Іоанна; наконецъ, третьи, сохранивъ кавелинско-соловьевскій историческій методъ, лишь иначе примѣняли его къ конкретному историческому матеріалу, который былъ подвергнутъ ими всестороннему, детальному обслѣдованію.

Важное научное значеніе имѣютъ лишь историки послѣдняго направленія. Но прежде, чѣмъ познакомиться съ ихъ взглядами, необходимо сказать нѣсколько словъ о представителѣ второго теченія К. А. Аксаковѣ; его критика соловьевскаго мнѣнія оказала большое вліяніе на послѣдующее изученіе Грознаго. Въ написанномъ имъ разборѣ VI тома „Исторіи Россіи“ Соловьева, онъ высказался противъ мнѣнія послѣдняго объ Іоаннѣ,

[1]) Соловьевъ „Исторія Россіи“. Т. VI.

[2]) Типичнымъ представителемъ этого направленія является С. Горскій, который въ своей книгѣ: „Жизнь и историческое значеніе А. М. Курбскаго“ (Казань 1854 г.) не только вполнѣ раздѣляетъ точку зрѣнія Кавелина и Соловьева, но идетъ гораздо дальше ихъ, оправдывая и въ нравственномъ отношеніи дѣятельность Грознаго. Къ взглядамъ Соловьева примыкаетъ также и Бестужевъ-Рюминъ. („Нѣсколько словъ по поводу поэтическаго воспроизведенія характера Іоанна Грознаго“ („Заря“, 1871 г.) и „Русская исторія“, т. II, вып I. Спб. 1885 г).

указавъ, что обѣ посылки его окончательнаго вывода совершенно ошибочны. Прежде всего, тираннія Грознаго не была вызвана борьбой, такъ какъ тогдашняя русская жизнь не заключала въ себѣ никакихъ элементовъ для борьбы. Боярство не было аристократіей, стремившейся ограничить верховную власть и поэтому „вовсе не вело дѣйствительной борьбы", ни наступательной, ни даже оборонительной. „Бояре,—говоритъ Аксаковъ,—противопоставляли Іоанну одно терпѣніе. Единственное, что они употребляли въ свою защиту,—это отъѣздъ,—ихъ древнее право. Но для Іоанна врагъ, и врагъ опасный, точно существовалъ въ его воображеніи, и онъ всюду видѣлъ небывалые заговоры и умыслы противъ него". Но это была чистѣйшая фикція, придуманная его разстроеннымъ умомъ. Если и живы еще были удѣльныя воспоминанія среди бояръ, то они лишь вносили въ ихъ сознаніе лишнюю горечь, но нисколько не звали ихъ къ активнымъ попыткамъ вернуть былыя времена. Сила боярства, сила древней дружины была безповоротно сокрушена историческимъ ходомъ, который въ концѣ концовъ привелъ къ тому, что мѣсто удѣльныхъ князей съ ихъ самостоятельными дружинниками и отдѣльныхъ волостей заняли единый Царь и единая Русская Земля. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и характеръ дружины, превратившейся теперь въ служилое сословіе. Правда, остался и думный бояринъ, и боярская дума,—замѣчаетъ Аксаковъ,—„но боярская дума—было правительственное мѣсто, но думный бояринъ—была правительственная должность. Царь совѣтовался съ ними, соблюдая обычай, но свободно, не будучи обязаннымъ совѣтоваться". Такъ повелось съ Іоанна III, и стало уже общепризнаннымъ обычаемъ во времена Іоанна IV, когда только „одна идея дружины, отвлеченная и молчаливая, стояла передъ царскимъ трономъ, и она-то безпокоила его". Отрицая аристократически-оппозиціонное настроеніе въ боярствѣ, послужившее, по мнѣнію Соловьева, поводомъ къ борьбѣ съ нимъ верховной власти, Аксаковъ показываетъ ошибочность и утвержденія его о союзѣ верховной власти съ народомъ противъ бояръ. Когда Грозный обрушился на своего воображаемаго врага и сталъ губить бояръ, народъ, по словамъ Аксакова, лишь молча присутствовалъ при этомъ, подобно тому, какъ и раньше онъ не принималъ никакого участія ни въ борьбѣ князей, ни въ уничтоженіи удѣловъ, ни въ приниженіи дружины, и потому „на казни смотрѣлъ только съ человѣческой стороны, съ ужасомъ и состраданіемъ". Такъ онъ поступалъ вслѣдствіе того, что вѣдь тираннія Грознаго противъ боярства касалась одного „государства", однимъ изъ элементовъ котораго и являлись бояре, и совершенно не задѣвала „земли". Отвергнувъ, такимъ образомъ, обѣ соловьевскихъ посылки, Аксаковъ, конечно, не соглашается и съ сдѣланнымъ изъ нихъ выводомъ, объяснявшимъ дѣятельность Іоанна, какъ борьбу нарождавшагося со временъ Іоанна III государственнаго порядка съ противодѣйствовавшими ему стремленіями боярскаго класса.

Но Аксаковъ не ограничился одной лишь критикой стройной концепціи Соловьева, а далъ въ своей статьѣ и нѣчто положительное для пониманія Грознаго. При этомъ онъ, какъ и Кавелинъ съ Соловьевымъ, также исходилъ изъ взгляда на исторію, какъ на закономѣрно развивающійся процессъ, но примѣнялъ этотъ взглядъ къ русской исторіи иначе, чѣмъ западники. Поэтому и съ его точки зрѣнія, Грозный явился выразителемъ „требованія исторіи", но не того, на которое указали историки-западники. Это требованіе, — говоритъ онъ, — состояло въ томъ, чтобы, послѣ того, „какъ скоро государство стало единымъ надъ единою русскою землею; какъ скоро оно почувствовало свою цѣлость; какъ скоро

великій князь Московскій сталъ царемъ", чтобы теперь осуществить порвавшееся въ періодъ собиранія государства правильное „отношеніе и соприкосновеніе власти государственной къ мысли народной". Эту поставленную исторіей задачу и выполнилъ Іоаннъ, создавъ два учрежденія, вполнѣ воплотившія славянофильскій политическій идеалъ: „землѣ — сила мнѣнія, правительству—сила власти". Такими учрежденіями были земскій соборъ, выражавшій „мысль народную", и опричнина, олицетворявшая „власть государственную". Грозный ясно сознавалъ,—говоритъ Аксаковъ,— „два соединенныя союзомъ, но не смѣшанныя начала въ Россіи, Государство и Землю". Созданный же его больной фантазіей страхъ передъ боярской крамолой съ теченіемъ времени привелъ его къ мысли разрознить эти два начала съ той цѣлью, чтобы вполнѣ подчинить себѣ первое, т.-е. государство, „чтобы не было въ немъ никакихъ другихъ побужденій, кромѣ исполненія воли его, главы Государства, чтобъ не было въ немъ ни связей съ Землею, ни преданій, ничего". Государство, по его мысли, должно было состоять изъ царя и его рабовъ. Попыткой осуществить эту мысль и явилась опричнина, представлявшая собой „Государство, вполнѣ отъ Земли отдѣленное, не имѣвшее никакой связи съ народомъ, никакихъ убѣжденій, кромѣ воли Государя, никакими нравственными требованіями не стѣсняемое и потому необузданное". Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда „въ трудныя минуты" представлялась необходимость узнать мнѣніе народа, заручиться его „сочувствіемъ къ общему дѣлу", Іоаннъ выходилъ изъ „государственныхъ предѣловъ" и обращался къ земскому собору. Такъ, „въ 1565 г. учредивъ Опричнину, въ 1566 г. (онъ) призывалъ землю на совѣтъ". И вотъ эта-то дѣятельность Грознаго и объясняется исторически, какъ вытекающая изъ потребностей общества, изъ природы національнаго духа. Іоаннъ „слышалъ требованія исторіи, онъ исполнялъ ихъ". Мотивы же борьбы его съ боярствомъ, борьбы, сопровождавшейся небывалыми жестокостями и насиліями, коренятся, по убѣжденію Аксакова, не въ области исторіи, какъ думали Кавелинъ и Соловьевъ, а въ сферѣ самой личности Грознаго. Вступивъ на путь тираніи, Іоаннъ лишь слѣдовалъ основнымъ наклонностямъ своего характера.

Обрисовывая послѣдній, Аксаковъ развилъ мысль Хомякова [1], высказанную имъ еще въ 1845 г. „Іоаннъ IV былъ,—говоритъ онъ,—природа художественная, художественная въ жизни. Образы являлись ему и увлекали его своей внѣшней красотой. Онъ художественно понималъ добро, красоту его, понималъ красоту раскаянія, красоту доблести, — и, наконецъ, самые ужасы влекли его къ себѣ своею страшною картинностью". Это чувство художественности, лишенное строгаго нравственнаго чутья, заставляло его восхищаться внѣшними формами того или иного поступка и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлало невозможнымъ для него проникнуть въ ихъ нравственную сущность. Вотъ почему онъ въ состояніи былъ „отыскать красоту и въ самомъ дикомъ и въ самомъ низкомъ явленіи". Эта „художественная природа, не основанная на нравственномъ чувствѣ" влекла Іоанна отъ образа къ образу, отъ картины къ картинѣ. „То представлялась ему площадь, полная присланныхъ отъ всей Земли представителей, — и Царь, стоящій торжественно, подъ осѣненіемъ крестовъ, на Лобномъ мѣстѣ и говорящій рѣчь народу. То представлялось ему торжественное собраніе духовенства, и опять Царь по срединѣ, предлагающій вопросы. То явля-

[1]) Соч. А. С. Хомякова. Т. III. М. 1900. стр. 30—54. „Тринадцать лѣтъ царствованія Ивана Васильевича".

лись ему, и тоже съ художественной стороны, площадь, установленная орудіями пытки, страшное появленіе царскаго гнѣва, громъ, губящій народы... и вотъ—ужасы казней Московскихъ, ужасы Новгорода. Появлялся предъ нимъ монастырь, черныя одежды, постъ, молитва, покаяніе, труды и земные поклоны,—картина царскаго смиренія,—и, увлеченный ею, онъ обращалъ и себя и опричниковъ въ отшельниковъ, а дворецъ свой—въ обитель". Такое обостренное художественное чувство, дѣлавшее Іоанна необыкновенно впечатлительнымъ, естественно развило въ немъ до изумительныхъ размѣровъ подозрительность и робость. А на этой почвѣ создалась въ его воспаленномъ воображеніи мысль о боярской измѣнѣ, мысль, приведшая его къ политикѣ террора.

Такимъ образомъ, аксаковская характеристика Грознаго снова поставила вопросъ о его тиранической дѣятельности на плоскость чисто психологическаго трактованія, съ какой онъ былъ снятъ творцами теоріи родового быта, и въ этомъ отношеніи оказала громадное вліяніе на послѣдующихъ ученыхъ. Однихъ историковъ [1]) она заставила окончательно объяснять дѣятельность Іоанна исключительно психологическими мотивами, — спеціально славянофильскую окраску аксаковскаго мнѣнія они, конечно, отбросили; другихъ же, наоборотъ, побудила заняться болѣе тщательной разработкой вопроса о Грозномъ въ духѣ Кавелина и Соловьева. Передъ учеными этого послѣдняго теченія стояла двоякаго рода задача: имъ было необходимо не только сосредоточить свое вниманіе на личности Іоанна, но и изучить, во-первыхъ, ту среду, съ которой онъ боролся, во-вторыхъ, ту, на которую онъ опирался, такъ какъ лишь при этомъ условіи въ дѣятельности Грознаго можно было отыскать смыслъ, понять ея историческое значеніе. Среди ученыхъ, съ этой точки зрѣнія взглянувшихъ на Іоанна, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить Е. А. Бѣлова. Въ рядѣ работъ этотъ изслѣдователь старался новыми разысканіями подтвердить соловьевское мнѣніе о Грозномъ. Съ одной стороны, онъ констатировалъ въ боярской средѣ наличность недовольства новыми отношеніями къ царю и стремленій вернуться къ старымъ — какъ и раньше, „быть исключительными совѣтниками царя"; съ другой—отыскивалъ разумный, цѣлесообразный планъ въ дѣятельности Грознаго. И въ этомъ отношеніи послѣдняго онъ сближаетъ съ Іоанномъ III. „Объединивъ Русь,

[1]) Первымъ по этому пути пошелъ Костомаровъ, который въ своихъ сочиненіяхъ выставлялъ Грознаго мелкимъ, жестокимъ тиранномъ и проводилъ параллель между нимъ и Нерономъ. Блестящія дѣла первыхъ лѣтъ Іоанновскаго царствованія, онъ, подобно Погодину, приписывалъ исключительно совѣтникамъ царя (см. „Личность царя Ивана Васильевича Грознаго" въ „Вѣстн. Европы" за 1871 г. и „Русск. исторію въ жизнеописаніяхъ ея главныхъ дѣятелей"). Послѣ Костомарова въ литературѣ появились даже спеціальные трактаты, авторы которыхъ пытались объяснитъ дѣятельность Іоанна его душевной болѣзнью (см. Я. Чистовичъ. „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи". Спб. 1883 г. Въ приложеніяхъ: „Душевная болѣзнь царя Ивана IV Васильевича Грознаго" и П. И. Ковалевскій. „Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе". Харьковъ. 1894 г. Изд. 3.). Къ мнѣнію о психической ненормальности Іоанна отчасти склоняются и большинство современныхъ историковъ, между которыми слѣдуетъ отмѣтить проф. Ключевскаго („Боярская дума древней Руси" и „Курсъ русской исторіи", ч. II), Н. К. Михайловскаго („Критическіе Опыты" III. Спб. 1894 г.) и Н. Н. Ѳирсова („Царь Иванъ Васильевичъ Грозный". Казань. 1892 г.), который въ противоположность названнымъ историкамъ относится къ Грозному съ большой снисходительностью, такъ какъ видитъ въ немъ „раба своего чувства".

оба они старались показать жителямъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ „выгоды объединенія“. Съ этой цѣлью оба они покровительствовали городскимъ и сельскимъ общинамъ и дворянству, „тогда низшему служебному классу“. Простой народъ получилъ при Іоаннѣ самоуправленіе, освобождавшее его отъ поборовъ бояръ-кормленщиковъ, и облегченіе холопства, а дворяне—право засѣдать въ думѣ. Кромѣ того и первый и вторые не разъ призывались и на земскіе соборы, для заявленія о своихъ нуждахъ и выраженія своихъ пожеланій. Зато высшія сословія на Руси потерпѣли ущербъ. Грозный ограничилъ власть духовенства и монастырское землевладѣніе и вступилъ въ борьбу съ притязаніями боярства [1]).

Но не только тѣ, кто не признавали историческаго смысла въ дѣятельности Грознаго, но и тѣ, кто, наоборотъ, видѣли его, не были согласны съ Бѣловымъ. „Боярскій принципъ“, какъ факторъ поднятой Іоанномъ борьбы, и послѣ изслѣдованій названнаго историка все еще не былъ раскрытъ съ достаточной полнотой, а поэтому казался всего только проблематичнымъ. Немудрено, что новый изслѣдователь эпохи Грознаго, А. А. Кизеветтеръ, отвергъ его и вмѣсто него выставилъ другое основаніе дѣятельности Грознаго. „Имъ былъ,—говоритъ онъ,—„не спеціально „боярскій принципъ“, а—если можно такъ выразиться—„удѣльный принципъ“, принимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ“. По его мнѣнію, въ царствованіе Іоанна окончательно завершилась переработка удѣльнаго строя въ строй московскій, которая, естественно, сопровождалась глубокимъ общественнымъ потрясеніемъ. Удѣльный порядокъ, опиравшійся на два взаимно-противорѣчивыя начала: политическую раздробленность Руси и ея общественное единство, по самой внутренней сущности своей долженъ былъ разрушиться. Приливъ населенія отъ окраинъ къ центру и потребность защиты отъ враговъ, съ востока и юга—татаръ, съ запада—литовцевъ, способствовали возвышенію московскаго княжества. При этомъ московскіе князья „въ развитіи своихъ успѣховъ оставались настоящими дѣтьми своего вѣка, пользовались исключительно удѣльными средствами“. Они расширяли свои владѣнія путемъ борьбы съ удѣльными правителями, но не съ удѣльнымъ порядкомъ. Наоборотъ, послѣдній они взяли подъ свою защиту, утверждая своей политикой неприкосновенность для общества удѣльныхъ правъ: права совѣта въ государственныхъ дѣлахъ и право отъѣзда для дружинниковъ, права свободнаго передвиженія изъ удѣла въ удѣлъ для остальныхъ свободныхъ классовъ общества. Понятно, что общество глубоко сочувствовало московскимъ князьямъ, такъ какъ въ ихъ единодержавіи видѣло охрану удѣльной свободы.

Однако, сами московскіе князья смотрѣли на эту охрану только какъ на временное боевое средство, необходимое имъ лишь въ борьбѣ съ политической самостоятельностью другихъ удѣльныхъ князей. Покончивъ же съ ними къ пол. XV в., они не замедлили объявить войну своему недавнему союзнику—удѣльному обществу и его удѣльному міровоззрѣнію. Началась коренная ломка государственнаго порядка. Единодержавіе, которому сочувствовало и на которое работало общество, теперь отождествляется съ самодержавіемъ. „Раньше уединенное москов-

---

[1]) „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства“ („Ж. М. Н. Пр.“ 1886 г., №№ 1, 2 и 3), „Предварит. замѣчанія къ исторіи Ивана Васильевича Грознаго“ („Ж. М. Н. Пр.“ 1887 г., №№ 1 и 2) и „Русская исторія до реформы Петра Великаго“. Спб. 1895 г.

ское княжество,—говоритъ Кизеветтеръ,—вобравъ въ себя всѣ прочіе удѣлы, стало теперь лицомъ къ лицу съ воинственными сосѣдями тогдашней Руси: татарами и литвой. Въ виду непрерывной военной опасности Москвѣ пришлось реорганизоваться на новыхъ началахъ. Подъ давленіемъ событій русское государственное устройство начинаетъ отливаться въ форму чисто-военной монархіи. Режимъ военнаго лагеря—плохая школа общественной свободы, а между тѣмъ, милитаризмъ дѣлался коренною чертой нарождавшагося московскаго политическаго строя". Но эти новыя явленія не могли не возбудить въ обществѣ антиправительственной оппозиціи, которая вылилась въ двѣ формы: въ политическую партію въ главѣ съ боярствомъ, стремившуюся сохранить прежнія права совѣта и отъѣзда, и культурную партію во главѣ съ заволжскими старцами, ратовавшую противъ закрѣпощенія общественныхъ группъ, въ томъ числѣ и крестьянства, государству. Эта оппозиція дѣйствовала и словомъ, и дѣломъ. Появлялись цѣлые публицистическіе трактаты, зло критиковавшіе московскіе политическіе и соціальные порядки, возникали придворныя интриги, усобицы и дворцовыя революціи, а „отвѣтомъ на это возбужденное общественное броженіе явилась система правительственнаго террора". При Іоаннѣ III погибли двѣ боярскихъ фамиліи: Ряполовскіе и Патрикѣевы, а время Василія III ознаменовалось уже цѣлымъ рядомъ казней, жестокихъ каръ и опалъ. Придавленное гнетомъ княжеской власти, боярство поднимаетъ голову въ правленіе Елены Глинской и при этомъ находитъ себѣ „сочувственный отголосокъ среди населенія", такъ что, какъ говоритъ лѣтописецъ, „многіе московскіе люди поколебались". Но ихъ стремленія были снова парализованы диктатурой Телепнева-Оболенскаго.

Послѣдняя схватка между удѣльнымъ обществомъ и самодержавіемъ произошла въ царствованіе Грознаго. Къ этому времени общественная оппозиція раскололась на двѣ самостоятельныя струи. „Одна струя,—говоритъ А. А. Кизеветтеръ,—можетъ быть названа княжеской, титулованной оппозиціей. Она развивалась среди потомковъ тѣхъ удѣльныхъ князей, которые вмѣстѣ съ ростомъ Москвы потеряли свою самостоятельность. Другая—можетъ быть названа дружинной. Эта выходила изъ среды потомковъ тѣхъ кочующихъ удѣльныхъ дружинъ, которыя нѣкогда наполняли московскій удѣлъ, предавъ московскому князю правительства своихъ удѣловъ, создали себѣ своеобразный и утопичный идеалъ московскаго единодержавія на началахъ удѣльной свободы и слишкомъ поздно сознали себя жертвами полной неосуществимости этого идеала". Съ политическими воззрѣніями этихъ двухъ слоевъ общества знакомятъ насъ, по мнѣнію изслѣдователя, съ одной стороны письма Курбскаго, съ другой—апокрифическая „Валаамская бесѣда". Разница между ними лишь въ томъ, что потомкамъ удѣльныхъ князей не нравился самый фактъ объединенія Руси, тогда какъ дружинники ничего не имѣли противъ единодержавія московскаго князя. Зато и тѣ и другіе согласны въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ „военно-крѣпостному режиму, который былъ созданъ на Руси усиліями московскаго правительства" и который былъ слишкомъ изнурителенъ и для „воинства", и для „купецкаго чина", и для крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оба они стоятъ за „совѣщательное участіе въ дѣлахъ управленія всего общества, въ лицѣ призванныхъ къ этому по своимъ способностямъ людей", другими словами, за „широкое земское представительство". Съ этой „удѣльной тра-

дицiей", съ этимъ „удѣльнымъ мiровоззрѣнiемъ" и вступилъ въ борьбу Грозный.

Но предложенное А. А. Кизеветтеромъ рѣшенiе вопроса не могло считаться окончательнымъ. Во-первыхъ, оно было черезчуръ односторонне. Охарактеризовавъ враговъ Iоанна, изслѣдователь упустилъ изъ виду тѣ элементы, на которые тотъ опирался. Во-вторыхъ, въ разрядъ противниковъ Грознаго Казеветтеръ зачисляетъ все „общество"—и бояръ и „воинство", тогда какъ послѣднее сословiе пользовалось со стороны царя особеннымъ покровительствомъ. Наконецъ, въ-третьихъ, основываясь исключительно на нѣкоторыхъ выраженiяхъ изъ писемъ Курбскаго и „Валаамской Бесѣды". онъ придаетъ программѣ оппозицiонныхъ слоевъ общества слишкомъ широкiй характеръ. По его словамъ, это программа дѣйствительно не одного общественнаго слоя, боярства, а всего общества, включая въ послѣднее и служилыхъ, и крестьянъ. Но развѣ Грозный, имѣя противъ того порядка, который онъ защищалъ, все общество, могъ бы выйти изъ борьбы побѣдителемъ? А вѣдь онъ, что признаетъ и самъ А. А. Кизеветтеръ, побѣдилъ [1]).

Гораздо болѣе правильнымъ представляется мнѣнiе послѣдняго изъ занимавшихся Грознымъ историковъ, проф. С. Ѳ. Платонова. Въ основу своего взгляда онъ положилъ, сдѣлавъ нѣкоторыя видоизмѣненiя, высказанную Соловьевымъ мысь о томъ, что дѣятельность Грознаго представляетъ собой борьбу монархическаго принципа съ аристоратическими тенденцiями боярства. Необходимость этой борьбы, какъ указываетъ проф. Платоновъ, вызывалась политическимъ противорѣчiемъ московской жизни, состоявшимъ, по формулировкѣ проф. Ключевскаго, въ томъ, что „московскiй государь, котораго ходъ исторiи велъ къ демократическому полновластiю, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администрацiи". И это положенiе проф. Платоновъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ. „Въ понятiе власти московскаго государя,—говоритъ онъ,—входили два признака, одинаково существенныхъ и характерныхъ для нея. Во-первыхъ, власть московскаго государя имѣла патримонiальный характеръ. Происходя изъ удѣльной старины, она была прямою преемницею вотчинныхъ правъ и понятiй". Поэтому, „вся полнота владѣльческихъ правъ князя на наслѣдственный удѣлъ была усвоена московскими государями и распространена на все государство", которое и они сами, и люди ихъ времени считали ихъ полной собственностью. „Во-вторыхъ, власть московскаго государя отличалась нацiональнымъ характеромъ". На Куликовомъ полѣ московскiй князь сражался не только за свой удѣльный интересъ, но и за общее, нацiональное дѣло. А съ того времени и „прiобрѣтенiе Москвою новыхъ земель перестало быть простымъ собиранiемъ „примысловъ" и прiобрѣло характеръ объединенiя великорусской земли подъ единою нацiональною властью". Первая черта—вотчинное происхожденiе—дѣлала власть московскаго князя абсолютною, вторая—ея нацiональный характеръ—демократической. Вѣдь ясно,—говоритъ проф. Платоновъ,—что „если власть государя опиралась на сознанiе народной массы, которая видѣла въ царѣ и великомъ князѣ всея Руси выразителя народнаго единства и символъ нацiональной независимости, то очевиденъ демократическiй складъ этой власти и очевидна ея независимость отъ какихъ бы то ни было частныхъ авторитетовъ и силъ въ странѣ".

---

[1]) „Иванъ Грозный и его оппоненты". М. 1898 г.

На ряду съ этой властью стояло во главѣ административнаго и соціальнаго московскаго порядка родовое боярство, состоявшее изъ двухъ слоевъ. „Одинъ, болѣе древній, но не высшій, состоялъ изъ лучшихъ семей стариннаго класса—„вольныхъ слугъ“ московскаго княжескаго дома, издавна несшихъ придворную службу и призываемыхъ въ государеву думу. Другой слой, позднѣйшій и знатнѣйшій, образовался изъ служилаго потомства владѣтельныхъ удѣльныхъ князей, которое перешло на московскую службу съ удѣловъ сѣверо-восточной Руси и изъ-за литовскаго рубежа“. Этотъ второй слой держался на верху общественнаго порядка благодаря, съ одной стороны, „родословцу государеву“, съ другой—своему землевладѣнію. Родословецъ государевъ обезпечивалъ имъ правительственное положеніе, независимое отъ пожалованія или выслуги, дѣлалъ ихъ родовой аристократіей, которая по праву рожденія вмѣстѣ съ государемъ правила землею. Правда, „милость московскихъ государей и правительственныя преданія, шедшія изъ первыхъ эпохъ московской исторіи, держали по старинѣ близко къ престолу нѣкоторыя семьи вѣковыхъ московскихъ слугъ не княжеской „породы“, въ родѣ Вельяминовыхъ и Кошкиныхъ“. Но бояре-княжата не считали ихъ равными себѣ по „породѣ“, такъ какъ тѣ пошли „не отъ великихъ и не отъ удѣльныхъ князей“. Отсюда ихъ ненависть къ родственникамъ царицы Анастасіи, не бывшей княжною, и отказъ въ 1553 г. цѣловать крестъ маленькому сыну Грознаго, Димитрію: „а Захарьинымъ намъ,—говорили они,—не служивать“.

Помимо родословца, выдвигало на верхъ бояръ-княжатъ и землевладѣніе, дававшее имъ льготы и преимущества, которыя вытекали не изъ пожалованія, а представляли остатокъ удѣльной старины. „Приходя на службу московскимъ государямъ съ своими вотчинами, въ которыхъ они пользовались державными правами,—говоритъ проф. Платоновъ,— удѣльные князья и ихъ потомство обыкновенно не теряли этихъ вотчинъ и на московской службѣ. Они только переставали быть самостоятельными политическими владѣтелями, но оставались господами своихъ земель и людей со всею полнотою прежней власти. По отношенію къ московскому государю они становились слугами, а по отношенію къ населенію своихъ вотчинъ были по-прежнему *государями*“. У нихъ былъ свой дворъ, свое воинство, они были свободны отъ поземельныхъ налоговъ, ихъ юрисдикція надъ населеніемъ была почти не ограничена, свои земли они жаловали монастырямъ въ вотчины, служилымъ людямъ въ помѣстья.

Такимъ образомъ, — замѣчаетъ проф. Платоновъ, — „съ перваго взгляда кажется, что этотъ правящій классъ поставленъ въ политическомъ отношеніи очень хорошо. Первенство въ администраціи и въ правительствѣ обезпечено ему его происхожденіемъ, „отечествомъ“; вліяніе на общество могло находить твердую опору въ его землевладѣніи“. Но на дѣлѣ положеніе боярства въ пол. XVI в. не было блестящимъ. „Прежде всего, московскіе государи, признавая безусловно взаимныя отношенія бояръ такъ, какъ ихъ опредѣлялъ родословецъ, сами себя, однако, ничѣмъ не желали стѣснять въ отношеніи своихъ бояръ, ни родословцемъ, ни преданіями удѣльнаго времени“. Со временъ Іоанна III верховная власть мало считалась съ ихъ мнѣніями и мало руководилась ихъ совѣтами. „Затѣмъ, одновременно съ политическимъ авторитетомъ боярства стало колебаться и боярское землевладѣніе, во-первыхъ, подъ тяжестью ратныхъ службъ и повинностей, которыя на него ложились съ

особенною силою во время войнъ Грознаго, а во-вторыхъ, отъ недостатка рабочихъ рукъ, вслѣдствіе того, что рабочее населеніе стало съ середины XVI вѣка уходить со старыхъ мѣстъ на новыя земли". Наконецъ, въ лицѣ духовенства „оно находило въ одно и то же время и политическаго недоброхота, который стоялъ на сторонѣ государева „самодержавства", и хозяйственнаго соперника, который отовсюду перетягивалъ въ свои руки и земли, и земледѣльцевъ". На этой почвѣ въ средѣ бояръ-князей родились тревога и раздраженіе. При Іоаннѣ III и Василіи III уже стали возникать временныя и частыя недоразумѣнія между ними и властью, но пока „ни та, ни другая сторона не думала о коренной реформѣ отношеній". Впервые мысль объ этомъ возникла при Грозномъ, когда „образовался боярскій кружокъ, извѣстный подъ названіемъ „избранной рады", и покусился на власть подъ руководствомъ попа Сильвестра и Алексѣя Адашева". Эта „избранная рада" самовольно и даже противозаконно раздавала саны и вотчины, разрѣшала отчужденіе боярско-княжескихъ земель, запрещавшееся не разъ прежними государями и еще въ 1551 г., наконецъ, отобрала у государя право жаловать боярство; кромѣ того, по мнѣнію проф. Сергѣевича, провела ограниченіе царской власти и въ Судебникъ, по которому нѣкоторыя важныя дѣла должны рѣшаться государемъ и боярской думой. Немудрено, что Грозному „боярская политика представлялась самымъ рѣшительнымъ покушеніемъ на его власть", и онъ, естественно, вступилъ съ „измѣнниками" въ борьбу. Разорвавъ со своими назойливыми совѣтниками, онъ взялъ съ остальныхъ бояръ крестное цѣлованіе „отъ нихъ отлучитеся и къ нимъ не пристояти". Но когда онъ увидѣлъ, что связи у бояръ съ опальными продолжались, то началъ гоненія; это вызвало отъѣзды бояръ, за которыми послѣдовали новыя опалы и казни, пока, наконецъ, Грозный не рѣшился на государственный переворотъ называемый опричниной [1]). Цѣль, которую при этомъ онъ преслѣдовалъ и которой достигъ, состояла въ томъ, чтобы сокрушить землевладѣніе знати, оторвать княжатъ отъ ихъ наслѣдственныхъ земель, гдѣ они чувствовали себя „государями" и раскидать ихъ по разнымъ мѣстамъ государства, гдѣ они превратились въ рядовыхъ служилыхъ землевладѣльцевъ, Отъ наиболѣе же опасныхъ, наиболѣе непокорныхъ изъ княжатъ Іоаннъ освободился съ помощью опалъ, ссылокъ и казней. Этими мѣрами „политическое значеніе класса было безповоротно уничтожено, и въ этомъ заключался успѣхъ политики Грознаго" [2]).

Исчерпывающе обрисовавъ настроеніе оппозиціонныхъ верховъ боярства и выяснивъ его коренныя причины, проф. Платоновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сумѣлъ раскрыть и глубокій политическій смыслъ въ террористической дѣятельности Іоанна. Но имъ, на нашъ взглядъ, не совсѣмъ точно отмѣченъ тотъ общественный слой, на который опирался царь въ борьбѣ съ боярами. Называя власть московскаго государя, вслѣдствіе ея національнаго характера, демократической, проф. Платоновъ, вслѣдъ за Соловьевымъ, можно думать, полагаетъ, что за своей спиной Грозный имѣлъ весь народъ. Но это не такъ. Народъ, простой народъ, по справедливому утвержденію К. Аксакова, былъ лишь безмолвнымъ свидѣте-

---

[1]) Подробности о ней см. въ ст. С. О. Платонова: „Опричнина Грознаго" во 2 мъ т. „Хрестоматіи".

[2]) С. Ѳ. Платоновъ. „Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв." Спб. 1901 г. Изд. 2.

лемъ разыгрывавшейся на его глазахъ схватки московскаго самодержавія съ аристократическимъ боярствомъ. Къ обѣимъ этимъ силамъ онъ относился отрицательно: къ первой—вслѣдствіе гнета всякаго рода поборовъ и службъ, ко второй—вслѣдствіе экономической кабалы. Правда, пока онъ не дѣлалъ противъ нихъ никакихъ активныхъ выступленій, а ограничивался лишь пассивнымъ протестомъ—бѣгствомъ въ степь, уходомъ въ казаки.

Но зато Грозный могъ опереться въ своей дѣятельности—и дѣйствительно сдѣлалъ это—на средніе слои народа—на дворянъ и торгово-промышленные міры, съ одной стороны, и на нарождавшуюся бюрократію, дьяковъ, съ другой. Въ этомъ отношеніи у Іоанна была въ высшей степени продуманная программа, которую въ началѣ его царствованія отчасти высказалъ въ своихъ памфлетахъ знаменитый публицистъ середины XVI в. Ивашка Пересвѣтовъ. По его взгляду, царь долженъ быть „грозенъ и самоуправливъ и мудръ безъ воспрашиванья“ съ „пріятелями“-вельможами, такъ какъ ихъ совѣты ведутъ страну къ неминуемой гибели: благодаря тому, что верховная власть часто творила ихъ волю, „умалилась правда въ Московскомъ государствѣ“. Поэтому ихъ необходимо устранить отъ участія въ царскомъ совѣтѣ и отъ управленія „городами и волостями“ и замѣнить другимъ классомъ общества—„воинствомъ“, которое вполнѣ предано и послушно царю. Строгая дисциплина служилаго сословія и щедрое вознагражденіе за службу и подвиги обезпечатъ государству внѣшнее могущество и внутреннее благосостояніе. Такимъ образомъ, неограниченная грозная царская власть, опирающаяся на вѣрныхъ слугъ, чиновниковъ и воиновъ, выдвинутыхъ не родовитостью, а личной выслугой,—вотъ идеалъ Пересвѣтова, близкій и Іоанну Грозному, какъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ его переписка съ Курбскимъ. И дѣятельность Грознаго съ самыхъ первыхъ лѣтъ его самостоятельнаго царствованія и до конца именно и была воплощеніемъ этого идеала въ жизнь. Своими реформами онъ стремился разрѣшить двѣ очередныя задачи: ослабить боярство и усилить служилыхъ людей, и въ томъ и другомъ случаѣ идя по стопамъ своихъ предшественниковъ.

Особенно важнымъ въ этомъ отношеніи нужно признать уничтоженіе системы кормленій и замѣну ея самоуправленіемъ. Этой мѣрой Грозный достигалъ троякой цѣли: во-первыхъ, подрывалъ административное значеніе бояръ, во-вторыхъ, повышалъ казенные доходы, такъ какъ самоуправляющіяся общины были обложены за освобожденіе отъ кормленщиковъ особымъ налогомъ — „откупомъ“, и, въ-третьихъ, облегчалъ состояніе волостныхъ и посадскихъ міровъ, освобождавшихся съ введеніемъ самоуправленія отъ массы незаконныхъ поборовъ. Въ интересахъ же служилаго сословія царь прежде всего сдѣлалъ то, что въ 1484 г. было сдѣлано Іоанномъ III, конечно, въ гораздо меньшемъ маштабѣ. Именно, въ 1550 г. Грозный испомѣстилъ тысячу дѣтей боярскихъ и дворянъ кругомъ Москвы, давъ имъ въ помѣстья земли въ разстояніи не больше ста верстъ отъ столицы и обязавъ ихъ спеціальной „московской“ службой. А спустя лѣтъ пятнадцать, въ самый разгаръ опричнины, онъ еще разъ повторилъ эту мѣру. Тогда были конфискованы владѣнія старыхъ „вотчинниковъ“ въ недавно присоединенныхъ областяхъ и розданы людямъ изъ „государева двора“, рѣзко отдѣленнаго въ то время отъ остальной земщины. Эта широкая раздача помѣстій не однимъ дворянамъ, но и дѣтямъ боярскимъ и даже боярамъ, и не изъ однихъ

частныхъ земель государя, но и изъ государственныхъ, совершенно стерла различія между этими разрядами служилаго сословія; теперь дворяне изъ частныхъ слугъ государя превратились въ обязанныхъ службой помѣщиковъ, какими раньше были одни только бояре и дѣти боярскіе. Кромѣ того, возвышенія дворянъ и униженія бояръ Грозный достигъ еще и тѣмъ, что открылъ первымъ доступъ въ боярскую думу, учредивъ новый чинъ „думнаго" дворянина. Наконецъ, онъ всегда чутко прислушивался къ голосу этого сословія, приглашая его представителей на земскіе соборы, куда призывались еще и представители столичнаго купечества. Эти соборы не были органомъ воли этихъ „среднихъ" классовъ общества. но они, какъ это убѣдительно показалъ проф. Ключевскій, все же являлись выразителемъ ихъ интересовъ, знакомя съ ними верховную власть [1]). Что же касается до московскаго чиновничества—дьяковъ, то и ихъ правительственная роль, раньше очень скромная, была Грознымъ значительно усилена. Какъ и его предки, онъ продолжалъ сажать дьяковъ въ приказы товарищами бояръ и, кромѣ того, подобно дворянамъ, ввелъ ихъ въ боярскую думу, а также посылалъ въ порубежныя области, гдѣ были воеводы-бояре, принужденные теперь дѣлить съ ними свою власть.

Такимъ образомъ, въ эпоху Грознаго на ряду со старымъ правительственнымъ классомъ, составившимся изъ потомковъ бывшихъ удѣльныхъ князей и изъ бывшихъ вольныхъ слугъ, выросъ другой правительственный классъ изъ дворовыхъ княжескихъ людей. Если первые съ гордостью заявляли, что „за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ", то вторые, совершенно чуждые преданій вольной службы, далекіе отъ понятій отеческой чести, ревностно исповѣдывали принципъ, откровенно провозглашенный слугой Грознаго, Васькой Грязнымъ: „Государь, аки Богъ, и мала велика чинитъ". Выступленіе на арену правительственной дѣятельности этого новаго класса не ускользнуло отъ вниманія современниковъ Іоанна. Курбскій въ своей „Исторіи" съ жаромъ упрекаетъ царя за то, что онъ вѣритъ „писарямъ", которыхъ избираетъ „не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ или отъ простого всенародства". Еще рѣзче порицаютъ Грознаго за возвышеніе новаго класса другіе московскіе выходцы, Тимофей Тетеринъ и Маркъ Сарыгозинъ: „есть у великаго князя,—пишутъ они боярину Морозову,—новые вѣрники, дьяки, которые его половиною кормятъ, а бо́льшую себѣ емлютъ, которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопство не пригожались, а нынѣ не токмо землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ". Но историческая логика дѣлала свое дѣло. Окрѣпшее съ помощью удѣльной знати московское единодержавіе, со времени Іоанна III стало превращаться въ самодержавіе. Эта эволюція верховной власти вызвала въ боярскихъ кругахъ недовольство, и вотъ московскіе государи, по картинному выраженію проф. Сергѣевича [2]), „начинаютъ ломать тѣ подмостки, при помощи которыхъ произошло возвышеніе ихъ собственной власти, и начинаютъ выдвигать на службу новому государству новыхъ людей". И эта политика особенно послѣдовательно проводилась Грознымъ, и въ этомъ именно заключается крупное историческое значеніе его царствованія: своими реформами Іоаннъ при-

---

[1]) „Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси" въ „Русской Мысли" за 1890 г., № 1 и „Курсъ русской исторіи", М. 1906 г., т. II.

[2]) „Русск. юридич. древности", т. I. Спб. 1902. Стр. 540.

вязалъ къ себѣ волостные и посадскіе міры, обезпечивавшіе ему финансовыя средства, и дворянство, предоставлявшее въ его распоряженіе военную силу и на ряду съ дьяками пополнявшее кадры послушной въ его рукахъ бюрократіи. Опираясь именно на эти группы общества, съ необыкновенной проницательностью подмѣтивъ, что имъ-то и принадлежитъ будущее,— Грозный и былъ въ силахъ такъ жестоко обрушиться на враждебные московскому самодержавію верхи боярства и задавить ихъ недовольство. Что же касается простого народа, то онъ, какъ остроумно выразился Пушкинъ, пока безмолвствовалъ. Его голосъ былъ услышанъ лишь въ „великую разруху", когда онъ поднялся и противъ государства, и противъ общества.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

XXIV. Причины смутнаго времени.

(Изъ ст. Соловьева: «Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Θеодора Іоанновича до вступленія на престолъ дома Романовыхъ», помѣщенной въ «Современникѣ» за 1849 г.).

Въ началѣ XVII столѣтія страшная болѣзнь объяла государственное тѣло и стала грозить конечною гибелью. Не преступленія правителя, не дерзкій умыселъ монаха, не крамола бояръ, не зависть сосѣдней державы, не тайныя ковы знаменитаго ордена произвели эту болѣзнь въ государствѣ: она таилась внутри его и ждала только удобной минуты, чтобы развиться во всей силѣ.

Уже пять вѣковъ шла борьба между началами государственными и противогосударственными; къ концу XVI в. государство восторжествовало: сосредоточивающая сила преодолѣла всѣ препоны, огромное государственное тѣло было объединено, сплочено, готово, повидимому, выйти изъ той замкнутости, въ которой удерживала его внутренняя борьба, и начать цѣльную жизнь въ кругу другихъ государствъ, родственныхъ ему по одной общей основѣ гражданскаго быта—христіанству; казалось, что съ новою династіей Московское государство начнетъ новое бытіе, усвоитъ себѣ плоды западно-европейской цивилизаціи и быстро пойдетъ по пути усовершенствованія, по пути къ наряду; казалось, что и новый царь, вѣрный ученикъ Грознаго, сознавалъ новыя потребности юнаго государства, сознавалъ назначеніе своей династіи и воспитывалъ въ сынѣ своемъ правителя, способнаго удовлетворить этимъ новымъ потребностямъ и выполнить назначеніе династіи. Но все это, казалось, только и нужно было пройти еще цѣлому столѣтію, прежде чѣмъ новая жизнь могла начаться для Россіи. Что же были за причины такого замедленія?

Пять вѣковъ упомянутой борьбы, борьбы напряженной и кровавой, не могли не оставить послѣ себя слѣдовъ въ нашемъ древнемъ обществѣ; никогда и нигдѣ подобные переломы, подобные переходы изъ одного порядка вещей въ другой не обходятся дешево для народовъ, никогда и нигдѣ подобныя борьбы на жизнь и на смерть, въ которыхъ всѣ средства обыкновенно считаются позволенными, не остаются безъ гибельныхъ послѣдствій для народной нравственности. Въ борьбѣ сильнаго съ сла-

бымъ интересъ самосохраненія становится интересомъ господствующимъ; но извѣстно, что такое господство вовсе не благопріятствуетъ развитію доблестей гражданскихъ; чтобы спастись отъ насилій сильнаго, слабый прибѣгаетъ къ коварству и противъ меча готовитъ отраву; съ другой стороны—сильный не преминетъ воспользоваться всякимъ средствомъ для достиженія своей цѣли, при чемъ заставитъ слабаго стать своимъ орудіемъ и такимъ образомъ развратитъ его. Ясно, что при такихъ отношеніяхъ, при господствѣ интереса самосохраненія, довѣренность между гражданами необходимо ослабѣваетъ, всякій начинаетъ опасаться другого, особиться, начинаетъ думать только о самомъ себѣ, и при единствѣ внѣшнемъ внутреннее исчезаетъ. Вспомнимъ, какія средства должны были употреблять великіе князья противъ удѣльныхъ, вспомнимъ поведеніе бояръ при послѣднихъ Рюриковичахъ, обстоятельства, при которыхъ образовался характеръ Грознаго, и средства его въ борьбѣ со стариною, вспомнимъ крестоцѣловальную запись Годунова и разсказы о доносахъ въ его царствованіе; присоединимъ еще сюда нѣсколько извѣстій о состояніи народной нравственности въ это время. Вотъ слова автора московской хроники: „Во всѣхъ сословіяхъ воцарились раздоры и несогласія; никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товарамъ возвысились неимовѣрно; богачи брали росты болѣе жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Все продавалось вдвое дороже. Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышающій занятую сумму, и сверхъ того бралъ по 4 процента еженедѣльно; если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ, пропадалъ невозвратно. Не буду говорить о пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, о нестерпимомъ глупомъ высокомѣріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовствѣ и распутствѣ. Все это, какъ наводненіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ“.

Таковы были дурные соки, накопленные обществомъ въ продолженіе пяти вѣковъ; ясно, что общество не могло начать новой жизни, не очистившись прежде отъ этихъ соковъ, не излечившись отъ своей тяжкой болѣзни, а это излеченіе могло произойти только вслѣдствіе сильнаго потрясенія всего организма. Нужно было, чтобы болѣзненныя начала, развившись во всей полнотѣ, вызвали противоборство началъ жизненныхъ, и общество, выдержавъ борьбу съ опасною болѣзнью, вышло изъ нея чистымъ, здоровымъ и крѣпкимъ; надобно было, чтобы единство, данное Руси московскими государями, перешло, какъ необходимость, въ народное сознаніе, чтобы это матеріальное единство стало духовнымъ, не зависящимъ болѣе отъ силы, отъ сосредоточія внѣшняго; надобно было очистить народъ отъ общественнаго разврата, затронувши въ немъ высшіе гражданскіе интересы и заставивши его жертвовать всѣмъ для ихъ соблюденія. Но, кромѣ этихъ причинъ, дѣлавшихъ необходимымъ сильное государственное потрясеніе, были еще другія. Выше было сказано, что къ концу XVI в. государство восторжествовало надъ родовымъ бытомъ: не было болѣе удѣльныхъ князей, усобицы прекратились, но слѣдствія ихъ остались. Во время прежнихъ родовыхъ споровъ и междоусобій враждующіе князья постоянно имѣли нужду въ толпѣ людей праздныхъ, привыкшихъ къ буйной воинской жизни, къ жизни на счетъ другихъ, на счетъ общества; толпами этихъ-то людей поддерживались междоусобія, потому что побѣжденный всегда находилъ средства снова набрать войско. Но когда усобицы стихли, то что было дѣлать этимъ людямъ безпристаннымъ, бездомовнымъ, которымъ было тѣсно въ обществѣ? Что было

дѣлать теперь казакамъ? Толпами шли они за границу государства, но много оставалось ихъ еще внутри; государство начало набирать ихъ въ свою службу, но служба эта была для нихъ тяжка; имъ хотѣлось прежней воли, прежняго безнарядья, чтобы безнаказанно жить на счетъ общества; толпы ихъ умножились на Украйнѣ при Грозномъ и Годуновѣ; они ждали предлога возмутить покой государства, но этого предлога не было; у единаго царя не было родичей, соперниковъ; но если ихъ не было на самомъ дѣлѣ, то надлежало ихъ выдумывать, надлежало явиться сопернику мнимому, однимъ словомъ — для казаковъ необходимымъ былъ самозванецъ. Но не для однихъ казаковъ былъ необходимъ онъ. Мы знаемъ, что бояре, дружина княжеская, также сильно стояли за родовыя отношенія между князьями, потому что этими только отношеніями поддерживалось право отъѣзда; родовыя отношенія исчезли, исчезла и возможность отъѣзда, князья и бояре должны были безпрекословно подчиниться волѣ царя, и какого царя? Не прирожденнаго на престолѣ Ивана III-го, но ихъ прежняго товарища и соперника [1]), который и на престолѣ продолжалъ питать къ нимъ прежнія подозрѣнія, прежнюю вражду; опала грозила ежеминутно, а средствъ къ спасенію не было; у новаго царя не было родича, не было соперника; но если не было на самомъ дѣлѣ соперника царю, то надобно было его выдумать, надлежало явиться сопернику мнимому: для бояръ былъ необходимъ самозванецъ.

Такимъ образомъ, самозванецъ былъ необходимъ для бояръ, для казаковъ; былъ нуженъ также для Польши, для іезуитовъ: сколько причинъ для его появленія и успѣховъ!

XXV. Кризисъ второй половины XVI вѣка.

(*Изъ «Очерковъ по исторіи смуты» С. Ѳ. Платонова*).

Мы знаемъ, какъ сложенъ былъ составъ Московскаго государства и какъ разнообразны были по характеру его части. Торгово-промышленныя сѣверныя области съ значительнымъ развитіемъ независимаго отъ частныхъ владѣльцевъ крестьянскаго землевладѣнія, съ процвѣтаніемъ сильнаго не однимъ многолюдствомъ, но и достаткомъ, тяглаго посада, съ почти полнымъ отсутствіемъ служилаго люда на помѣстьяхъ,—мало походили на южныя окраинныя области, въ которыхъ все почти земледѣльческое населеніе было „прибрано“ на государеву службу и пахало на собственномъ своемъ „помѣстьѣ“ и на государевой пашнѣ, въ которыхъ на посадахъ почти не было тяглыхъ людей, и сѣверный „міръ“ замѣненъ былъ стрѣлецкою „сотнею“ и казачьимъ „приборомъ“. Западная часть государства, съ ея старинными торгово-промышленными городами Новгородомъ и Псковомъ, которые втянули въ себя всѣ силы и интересы, руководившіе хозяйственною жизнью края, и процвѣтали въ то время, когда окрестныя мѣста теряли исконное промышленное населеніе, мѣняя его на пришлое военное,—мало имѣла общаго съ восточными областями или Низомъ, гдѣ, наоборотъ, только что начиналась хозяйственная дѣятельность русскаго племени и рядомъ съ военными гарнизонами осѣдалъ мирный земледѣлецъ и промышленникъ, недавно при-

---

[1]) Здѣсь Соловьевъ разумѣетъ Бориса Годунова. (*Ред.*).

шедшій изъ „верховныхъ“ городовъ. Наконецъ, центръ государства, въ которомъ крестьяне бросали свою пашню, посадскіе оставляли свой посадъ, служилые люди „пустошили“ свои помѣстья и вотчины, а монастыри прибирали къ своимъ рукамъ брошенное и запустошенное,— представляетъ собою нѣкоторый хаосъ, образовавшійся на развалинахъ прошлаго порядка, и тѣмъ напоминаетъ намъ „дикое поле“, на которомъ въ такомъ же хаотическомъ броженіи носились элементы этого прошлаго порядка, еще не улегшіеся, да врядъ ли и способные улечься въ какую-либо форму гражданственности и образовать собою новый порядокъ.

Теперь намъ предстоитъ познакомиться съ тѣми внутренними движеніями въ московскомъ обществѣ и государствѣ, которыя происходили въ XVI вѣкѣ и привели государство, изученное нами, къ серьезнѣйшему кризису и смутамъ.

Мы слѣдуемъ тѣмъ изъ нашихъ писателей, которые полагаютъ, что смута начала XVII вѣка имѣла корни въ московской жизни, а не была сюрпризомъ, приготовленнымъ Московскому государству польскими „кознями“ и папской „интригою“. Разумѣется, мы назвали бы политику Рѣчи Посполитой и папской куріи недальновидною и неискусною, если бы она не умѣла во-время понять и оцѣнить происходившія въ московской жизни замѣшательства и если бы она не пыталась извлечь изъ нихъ свою пользу. Но мы не думаемъ, что эта политика могла привить здоровому политическому тѣлу заразу междоусобія и могла поднять народныя массы другъ на другъ безъ причинъ, лежавшихъ въ ихъ бытѣ. Думать такъ, значитъ отказываться отъ всякой надежды понять дѣйствительное значеніе смуты и правильно объяснить ея происхожденіе.

Московскіе люди, жившіе въ условіяхъ, въ которыхъ созрѣвала смута, чувствовали ея приближеніе. Безъ привычки къ свободному и простому изложенію наблюденій и впечатлѣній, они въ своихъ писаніяхъ оставили намъ не ясно выраженныя опасенія и предчувствія бѣдъ, но намеки, смутные и тревожные, смыслъ которыхъ, однако, остается внѣ сомнѣній. Изъ памятниковъ письменности того времени всѣхъ яснѣе говоритъ о грядущихъ бѣдствіяхъ извѣстная „бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ“, составленная во второй половинѣ XVI вѣка, въ тѣ годы, когда уже сталъ ясенъ разбродъ населенія и упадокъ хозяйствъ въ центральныхъ и западныхъ мѣстностяхъ государства. Обращая наблюдаемые въ дѣйствительности факты въ пророческое предсказаніе чудотворцевъ, „бесѣда“ говоритъ, что „при послѣднемъ времени“ запустѣютъ волости и села „никимъ гоними“, „люди начнутъ всяко убывати, и земля начнетъ пространнѣе быти, а людей будетъ менши, и тѣмъ досталнымъ людямъ будетъ на пространной земли жити негдѣ“. Это, разумѣется, не предсказаніе; предсказаніе начинается тамъ, гдѣ авторъ говоритъ, что „царіе на своихъ степенѣхъ царскихъ не возмогутъ держатися и почасту премѣнятись начнутъ“. Писавшій во времена Грознаго и призывавшій читателя молиться „за царя и великаго князя и за его царицу и великую княгиню и за ихъ благородныя чада“, авторъ въ дѣйствительности не могъ видѣть частую смѣну царей и додумался до нея путемъ пессимистическихъ размышленій. Московская жизнь представлялась ему въ безотрадномъ свѣтѣ, благодаря „царской простотѣ“, „иноческимъ грѣхамъ“ и „мірскому невоздержанію“; онъ понималъ, что дѣло идетъ къ общему потрясенію, и представлялъ себѣ его по своему. Та же мысль о близости потрясеній была и у князя Курбскаго, когда онъ изъ По-

лоцка писалъ Грозному въ 1579 году, что тѣ „не пребудутъ долго предъ Богомъ, которые созидаютъ престолъ беззаконенія“, и грозилъ царю скорою погибелью „со всѣмъ домомъ“ за то, что онъ „пустошитъ землю свою и губитъ подручныхъ всероднѣ“. Рядомъ съ подобными, не вполнѣ вразумительными литературными иносказаніями, въ одномъ официальномъ актѣ 1584 года находимъ совершенно ясное, хотя и короткое, указаніе на общественный кризисъ и „тощету“. Этотъ актъ—приговорная о тарханахъ грамота, поводомъ къ которой было „многое запустѣніе за воинскими людьми въ вотчинахъ ихъ и въ помѣстьяхъ“ и выходъ изъ за служилыхъ людей крестьянъ, то-есть уже знакомый намъ упадокъ служилыхъ земельныхъ хозяйствъ. Такимъ образомъ, въ московскомъ обществѣ и правительственной средѣ существовало представленіе о томъ, что дѣла въ государствѣ идутъ неправильнымъ путемъ, не въ должномъ направленіи, и русскіе люди чувствовали близость той или другой развязки“.

Конечно, изъ разговоровъ съ русскими же людьми,—непосредственно или черезъ другихъ своихъ соотечественниковъ, — узналъ извѣстный Джильсъ Флетчеръ обстоятельства московской жизни его времени. Онъ былъ въ Московскомъ государствѣ въ 1588—1589 гг., а въ 1591 году была уже издана въ Лондонѣ его книжка „Of the Russia Common Wealth“. Въ V-й главѣ этого труда, Флетчеръ сообщаетъ между прочимъ, что младшій братъ царя Ѳеодора Ивановича Димитрій живетъ далеко отъ Москвы, подъ надзоромъ и охраною матери и ея родныхъ, но, какъ слышно, жизнь его находится въ опасности отъ покушеній со стороны тѣхъ, которые простираютъ свои виды на обладаніе престоломъ въ случаѣ бездѣтной смерти царя. Раньше смерти царевича Флетчеръ зналъ ея вѣроятность; ему былъ извѣстенъ даже слухъ о томъ, что царевича хотѣли извести ядомъ,—тотъ самый слухъ, который впослѣдствіи мелькаетъ въ различныхъ русскихъ сказаніяхъ. Заключая разсказъ о родѣ русскихъ царей, въ концѣ V-й главы, Флетчеръ замѣчаетъ, что, повидимому, царскій родъ „скоро пересѣчется со смертію особъ, нынѣ живущихъ“, и это произведетъ переворотъ въ русскомъ царствѣ. Въ глазахъ Флетчера ожидаемый переворотъ не долженъ былъ ограничиться простою смѣною владѣтельныхъ лицъ. Въ IX-й главѣ, при описаніи опричнины и опалъ Грознаго, онъ говоритъ, что политика Грознаго и его, съ точки зрѣнія Флетчера, „варварскіе“ поступки, хотя и прекратившіеся съ воцареніемъ Ѳеодора, такъ потрясли все государство и до того возбудили всеобщій ропотъ и непримиримую ненависть, что, повидимому, это должно кончиться не иначе, какъ междоусобіемъ (a civill flame). Въ то же время Флетчеръ соображалъ, что въ этомъ междоусобіи или возстаніи, если оно произойдетъ, руководство и рѣшающая роль должна принадлежать войску (the militarie forces), а не народной массѣ и не знати (nobilitie); въ этомъ смыслѣ составилъ онъ заключеніе къ X-й главѣ. Итакъ, Флетчеръ, бывшій въ Московскомъ государствѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ, успѣлъ не только подмѣтить признаки критическаго положенія дѣлъ въ Москвѣ, но и предсказать возможный исходъ изъ этого положенія. Прекращеніе династіи ему казалось вѣроятнымъ болѣе, чѣмъ за восемь лѣтъ до кончины царя Ѳеодора; онъ предсказывалъ „всеобщее возстаніе“ болѣе чѣмъ за десять лѣтъ до самозванщины. Очевидно, что для самого Флетчера, или же для тѣхъ англичанъ, съ которыми онъ видался въ Россіи и которые знали хорошо русскія дѣла, русская жизнь представляла совершенно ясныя свидѣтельства переживаемаго ею тяжелаго перелома.

Въ чемъ же заключался этотъ переломъ?

Въ основаніи московскаго государственнаго и общественнаго порядка заложены были два внутреннихъ противорѣчія, которыя, чѣмъ дальше, тѣмъ больше давали себя чувствовать московскимъ людямъ. Первое изъ этихъ противорѣчій можно назвать политическимъ и опредѣлить словами В. О. Ключевскаго: „это противорѣчіе состояло въ томъ, что московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи". Такой порядокъ вещей привелъ къ открытому столкновенію московской власти съ родовитымъ боярствомъ во второй половинѣ XVI вѣка. Второе противорѣчіе было соціальнымъ и состояло въ томъ, что подъ давленіемъ военныхъ нуждъ государства, съ цѣлью лучшаго устройства государственной обороны, интересы промышленнаго и земледѣльческаго класса, трудъ котораго служилъ основаніемъ народнаго хозяйства, систематически приносились въ жертву интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, не участвовавшихъ непосредственно въ производительной дѣятельности страны. Послѣдствіемъ такого порядка вещей было недовольство тяглой массы и стремленіе ея къ выходу съ „тяглыхъ жеребьевъ" на черныхъ и частновладѣльческихъ земляхъ, а этотъ выходъ, въ свою очередь, вызвалъ рядъ другихъ осложненій общественной жизни. Оба противорѣчія въ своемъ раскрытіи, во вторую половину XVI вѣка, создали государственный кризисъ, послѣднимъ выраженіемъ котораго и было такъ называемое смутное время. Въ развитіи московской Смуты ясно различаются три періода. Первый можетъ быть названъ династическимъ, второй—соціальнымъ и третій—національнымъ. Первый обнимаетъ собою время борьбы за московскій престолъ между различными претендентами до царя Василія Шуйскаго включительно. Второй періодъ характеризуется междоусобною борьбою общественныхъ классовъ и вмѣшательствомъ въ эту борьбу иноземныхъ правительствъ, на долю которыхъ и достается успѣхъ въ борьбѣ. Наконецъ, третій періодъ Смуты обнимаетъ собою время борьбы московскихъ людей съ иноземнымъ господствомъ до созданія національнаго правительства съ М. Ѳ. Романовымъ во главѣ [1]).

XXVI. Соціальное противорѣчіе въ московской жизни XVI в., какъ одна изъ причинъ Смутнаго времени.

(*Изъ «Очерковъ по исторіи смуты» С. Ѳ. Платонова*).

Рядомъ съ политическимъ противорѣчіемъ московской жизни, получившимъ первое свое разрѣшеніе въ опричнинѣ, выше мы отмѣтили и другое—соціальное. Мы опредѣлили его какъ систематическое подчиненіе интересовъ рабочей массы интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, жившихъ насчетъ этой массы. Къ такому подчиненію московское

---

[1]) О политическомъ противорѣчіи, приведшемъ къ столкновенію самодержавной власти государя съ питавшимъ аристократическія тенденціи боярствомъ см. въ т. II „Хрестоматіи" §§ XIII, XVII, XVIII, XXIII и XXIIV, а также статьи, посвященные Борису Годунову, Лжедимитрію I и Василію Шуйскому. (*Ред.*).

правительство было вынуждаемо неотложными потребностями государственной обороны. Оно дѣйствовало очень рѣшительно въ данномъ направленіи потому, что не вполнѣ отчетливо представляло себѣ послѣдствія своей политики. Борьба съ сосѣдями на украйнахъ нѣмецкой, литовской и татарской въ XV—XVI вѣкахъ заставляла во что бы то ни стало увеличивать боевыя силы государства. На границахъ протягивались линіи новыхъ и возобновляемыхъ крѣпостей Въ этихъ крѣпостяхъ водворялись гарнизоны, въ составъ которыхъ поступали люди изъ низшихъ слоевъ населенія, мѣнявшіе посадскій или крестьянскій дворъ на дворъ въ стрѣлецкой, пушкарской или иной „приборной“ слободѣ. Этотъ вновь поверстанный въ государеву службу мелкій людъ въ большинствѣ своемъ извлекался изъ уѣздовъ, которые тѣмъ самымъ теряли часть своего трудоспособнаго населенія. На смѣну ушедшимъ въ уѣздахъ водворялись иного рода „жильцы“; они не входили въ составъ тяглыхъ міровъ уѣзда и не принадлежали къ трудовой массѣ земледѣльческо-промышленнаго населенія, а становились выше этой массы, въ качествѣ ея господъ. То были служилые помѣщики и вотчинники, которымъ щедро раздавались черныя и дворцовыя земли съ тяглымъ ихъ населеніемъ. Въ теченіе всего XVI вѣка можно наблюдать распространеніе этихъ формъ служилаго землевладѣнія, помѣстья и мелкой вотчины, на всемъ югѣ и западѣ Московскаго государства, въ Замосковьѣ, въ городахъ отъ украйнъ западныхъ и южныхъ, въ Понизовьѣ. Нуждаясь въ людяхъ, годныхъ къ боевой службѣ, сверхъ стариннаго класса своихъ слугъ, вольныхъ и невольныхъ, знатныхъ и незнатныхъ, правительство подбираетъ необходимыхъ ему людей, сажая на помѣстья, отовсюду, изо всѣхъ слоевъ московскаго общества, въ какихъ только существовали отвѣчающіе военнымъ нуждамъ элементы. Только въ самомъ исходѣ XVI вѣка, когда въ центральныхъ областяхъ численность служилыхъ чиновъ достигла желаемой степени, появилась мысль, что въ государеву службу слѣдуетъ принимать съ разборомъ, не допуская въ число дѣтей боярскихъ „поповыхъ и мужичьихъ дѣтей и холопей боярскихъ и слугъ монастырскихъ“. Но столь разборчивы стали только въ коренныхъ областяхъ государства, а на южной окраинѣ, гдѣ попрежнему была нужда въ сильныхъ и храбрыхъ людяхъ, благоразумно воздерживались отъ разспроса и сыска „про отечество“ тѣхъ, кого верстали помѣстьемъ.

Итакъ, численность служилаго класса въ XVI вѣкѣ росла съ чрезвычайною скоростью, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и площадь, охваченная служилымъ землевладѣніемъ, которымъ тогда обезпечивалась исправность службъ. При этомъ, раздача земель служилымъ людямъ производилась обыкновенно съ такимъ соображеніемъ, чтобы помѣстить военную силу поближе къ тѣмъ рубежамъ, охрана которыхъ на нее возлагалась. Въ Поморьѣ не было удобно размѣщать помѣщиковъ, такъ какъ поморскіе уѣзды были далеки отъ всякаго возможнаго театра войны. Служилый людъ получалъ поэтому свои земли въ южной половинѣ государства, скучиваясь къ украйнамъ „польской“ и западной. Чѣмъ ограниченнѣе былъ районъ обычнаго размѣщенія служилыхъ землевладѣльцевъ, тѣмъ быстрѣе переходили въ этомъ районѣ въ частное обладаніе бояръ и дѣтей боярскихъ земли государственныя (черныя) и государевы (дворцовыя). Когда этотъ процессъ передачи правительственныхъ земель служилому классу былъ осложненъ пересмотромъ земель въ опричнинѣ и послѣдствіемъ этого пересмотра—массовымъ перемѣщеніемъ служилыхъ землевладѣльцевъ, то онъ получилъ еще болѣе быстрый ходъ и пришелъ къ нѣкото-

рой развязкѣ: земель, составлявшихъ помѣстный фондъ, во второй половинѣ XVI столѣтія уже не хватало и помѣщать служилыхъ людей въ центральной и южной полосѣ государства стало трудно. Не считая прямого указанія на недостатокъ земель, находящагося въ сочиненіи Флетчера, о томъ же свидѣтельствуетъ хроническое несоотвѣтствіе помѣстнаго „оклада“ служилыхъ людей съ ихъ „дачею“: дѣйствительная дача помѣщиковъ постоянно бывала меньше номинальнаго ихъ оклада, хотя за ними и сохранялось право „пріискать“ самимъ то количество земли, какое „не дошло“ въ ихъ окладъ. Въ помѣстную раздачу, по недостатку земель, обращались не только дворцовыя и черныя земли, но даже вотчинныя владѣнія, свѣтскія и церковныя, взятыя на государя именно съ цѣлью передать ихъ въ помѣстный оборотъ.

Такимъ образомъ, къ исходу XVI вѣка въ уѣздахъ южной половины Московскаго государства служилое землевладѣніе достигло своего крайняго развитія въ томъ смыслѣ, что захватило въ свой оборотъ всѣ земли, не принадлежавшія монастырямъ и дворцу государеву. Тяглое населеніе южныхъ и западныхъ областей оказалось при этомъ сплошь на частновладѣльческихъ, служилыхъ и монастырскихъ земляхъ, за исключеніемъ небольшого, сравнительно, количества дворцовыхъ волостей. Тяглая община въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ на московскомъ сѣверѣ, могла уцѣлѣть лишь тамъ, гдѣ черная или дворцовая волость цѣликомъ попадала въ составъ частнаго земельнаго хозяйства. Такъ было, напримѣръ, съ Юхотскою волостью при пожаловініи ея кн. Ѳ. М. Мстиславскому, и во всѣхъ другихъ случаяхъ образованія крупныхъ, въ одной межѣ, боярскихъ и монастырскихъ хозяйствъ. Въ этихъ крупныхъ владѣніяхъ крестьянскій міръ не только могъ сохранить внутреннюю цѣлость мірского устройства и мірскихъ отношеній, какъ они сложились подъ давленіемъ податного оклада и круговой отвѣтственности, но онъ пріобрѣталъ, сверхъ тяглой и государственной, еще и вотчинно-хозяйственную организацію, подъ вліяніемъ частновладѣльческихъ интересовъ вотчинника. Эта организація могла тяготить различными своими сторонами тяглаго человѣка, но она давала ему и выгоды: жить „за хребтомъ“ сильнаго и богатаго владѣльца въ „тарханной“ вотчинѣ было выгоднѣе, безопаснѣе и спокойнѣе; тянуть свои дани и оброки съ привычнымъ міромъ было легче. Когда же черная или дворцовая волость шла „въ раздачу“ рядовымъ дѣтямъ боярскимъ мелкими участками, тогда ея тяглое населеніе терпѣло горькую участь. Межи мелкопомѣстныхъ владѣній дробили волость, прежде единую, на много частныхъ разобщенныхъ хозяйствъ, и старое тяглое устройство исчезало. Служилый владѣлецъ становился между крестьянами своего помѣстья и государственною властью. Получая право облагать и оброчить крестьянъ сборами и повинностями въ свою пользу, онъ въ то же время былъ обязанъ собирать съ нихъ государевы подати. По офиціальнымъ выраженіямъ XVI вѣка не крестьяне, а ихъ служилый владѣлецъ „тянулъ во всякія государевы подати“ и получалъ „льготы во всякихъ государевыхъ податяхъ“. Пользуясь правомъ „называть“ крестьянъ на пустые дворы, владѣлецъ обязывалъ ихъ договоромъ не съ „старожильцами“ своего помѣстья или вотчины, а съ самимъ собою. Такимъ образомъ, функціи выборныхъ властей тяглаго міра переходили на землевладѣльца и въ его рукахъ обращались въ одно изъ средствъ укрѣпленія крестьянъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что описанное выше развитіе служилаго и вообще частнаго землевладѣнія было однимъ изъ рѣшительныхъ условій крестьян-

скаго прикрѣпленія. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ возникновенія привилегированныхъ земельныхъ хозяйствъ на правительственныхъ земляхъ былъ переходъ крестянъ отъ податного самоуправленія и хозяйственной самостоятельности въ землевладѣльческую опеку и въ зависимость отъ господскаго хозяйства.

Но для рабочаго населенія переходъ въ частную зависимость былъ такимъ житейскимъ осложненіемъ, съ которымъ оно не могло примириться легко. Въ данномъ же случаѣ дѣло обострялось еще тѣмъ, что передача правительственныхъ земель частнымъ лицамъ происходила не съ правильною постепенностью. Мы видѣли, что она была осложнена опричниною. Обращеніе земель подгонялось политическими обстоятельствами и принимало характеръ тревожный и безпорядочный. Пересмотръ „служилыхъ людишекъ" съ необыкновенною быстротою и въ большомъ количествѣ перебрасывалъ ихъ съ земель на земли, разрушая старинныя хозяйства въ однихъ мѣстахъ и создавая новыя въ другихъ. Всѣ роды земель, отъ черныхъ до монастырскихъ, были втянуты въ этотъ пересмотръ и мѣняли владѣльцевъ,—то отбирались на государя, то снова шли въ частныя руки. Къ этому именно времени болѣе всего пріурочивается замѣчаніе В. О. Ключевскаго, что въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка „населенныя имѣнія переходили изъ рукъ въ руки чуть не съ быстротою цѣнныхъ бумагъ на нынѣшней биржѣ". Только эта „игра въ крестьянъ и въ землю" доведена была до такого напряженія не одними иноками богатыхъ монастырей, какъ говоритъ г. Ключевскій, но прежде всего самимъ правительствомъ Грознаго. Монастыри лишь пользовались, и притомъ умѣло пользовались, земельною катастрофою и удачно подбирали въ свою пользу обломки разбитаго Грознымъ вотчиннаго землевладѣнія царскихъ слугъ. Крестьяне, такимъ образомъ, переживали разомъ двѣ бѣды: съ одной стороны, государевы земли, которыми они владѣли, быстро и всею массою переходили въ служилыя руки ради нуждъ государственной обороны; съ другой стороны, этотъ переходъ земель, благодаря опричнинѣ, сталъ насильственно-безпорядочнымъ. На малопонятныя для крестьянства ограниченія его правъ и притѣсненія оно отвѣчало усиленнымъ выходомъ съ земель, взятыхъ изъ непосредственнаго крестьянскаго распоряженія. Въ то самое время, когда крестьянскій трудъ стали полагать въ основаніе имущественнаго обезпеченія вновь образованнаго служилаго класса, крестьянство попыталось возвратить своему труду свободу—черезъ переселеніе.

Вотъ въ чемъ мы видимъ главную причину усиленія во второй половинѣ XVI вѣка крестьянскаго выхода изъ мѣстностей, занятыхъ служилымъ землевладѣніемъ. Писцовыя книги и лѣтописи того времени объясняли сильное запустѣніе центральныхъ и южныхъ областей государства, главнымъ образомъ, татарскимъ набѣгомъ 1571 года, когда ханъ дошелъ до самой Москвы, а отчасти „моровымъ повѣтріемъ" и „хлѣбнымъ недородомъ". Но это были второстепенныя и позднѣйшія причины; главная причина заключалась въ потерѣ земли.

Развитію крестьянскаго выселенія способствовали многія условія московской политической жизни XVI вѣка. Благодаря этимъ условіямъ въ крестьянской массѣ рождалась самая мысль о выселеніи, ими же облегчалось и передвиженіе земледѣльцевъ на новыя земли. Первое изъ этихъ условій надо искать въ громадныхъ земельныхъ пріобрѣтеніяхъ Москвы. Въ половинѣ XVI вѣка торжество надъ татарами на востокѣ и югѣ передало въ полную власть Москвы среднюю и нижнюю Волгу и

мѣста на югъ отъ Оки. Въ новыхъ областяхъ отъ верховьевъ Оки до Камскаго устья залегалъ почти сплошной, съ небольшими островами песка и суглинка, тучный пластъ чернозема. Этотъ черноземъ давно манилъ къ себѣ великоросса-земледѣльца.

Если переломъ въ земельныхъ отношеніяхъ крестьянства былъ главнымъ побужденіемъ къ выселенію, если пріобрѣтеніе плодородныхъ земель обусловливало направленіе переселенческаго движенія, то первоначальный способъ отношенія правительства къ переселенцамъ содѣйствовалъ рѣшимости переселяться. На новыхъ земляхъ правительство, спѣша закрѣпить ихъ за собою, строило города, водворяло въ нихъ временные отряды „жильцовъ" и вербовало постоянные гарнизоны. Въ мѣру своихъ потребностей оно поощряло переселеніе и неслужилыхъ людей, давая „приходцамъ" податныя льготы, пока они обживутся на новыхъ хозяйствахъ. Подобное отношеніе могло только возбуждать народъ къ выселенію на окраины и подавать надежды на хозяйственную независимость и облегченіе податного бремени.

Однако, къ послѣдней четверти XVI столѣтія уменьшеніе населенія въ замосковныхъ и западныхъ уѣздахъ достигло большихъ размѣровъ и вызвало перемѣну въ настроеніи правительства, возбудивъ въ немъ большую тревогу. Опустѣніе земель лишило правительство силъ и средствъ для продолженія борьбы за Ливонію. Съ опустѣлыхъ служилыхъ земель не было ни службы, ни платежей, а лучше населенныя церковныя земли были „въ тарханехъ" и не несли служебнаго и податнаго бремени. Успѣхи Стефана Баторія были такъ легки и велики не только потому, что у него былъ военный талантъ и хорошее войско, но и потому, что онъ билъ врага, уже обезсиленнаго тяжкимъ внутреннимъ недугомъ. Вялость и нерѣшительность Грознаго въ послѣдній періодъ борьбы порождалась, думаемъ, не простыми припадками личной трусости, а сознаніемъ, что у него исчезли средства для войны, что его земля „въ пустошь изнурилась" и въ „запустѣніе пришла". Стремленіемъ поправить дѣло вызвано было въ 1572 и 1580 гг. запрещеніе передавать служилыя земли во владѣніе духовенства, а въ 1584 году отмѣна податныхъ льготъ (тархановъ) въ церковныхъ вотчинахъ. Важность этихъ мѣръ легко себѣ представить, если вспомнить указанный нами ранѣе фактъ, что кругомъ Москвы двѣ пятыхъ (37%) всей пашенной земли принадлежали духовенству и что на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, составлявшихъ остальныя три пятыхъ, хозяйство поддерживалось только на одной третьей части (23%), остальное же (40%) было запустошено служилыми владѣльцами. Если данныя о подмосковномъ пространствѣ можно распространять на весь вообще центръ государства, то позволительно сказать, что болѣе половины всѣхъ воздѣланныхъ земель было въ тарханахъ, а нельготныя служилыя земли на двѣ трети пустѣли. Изъ соборнаго приговора 1584 года видно, что правительство въ то время уже вполнѣ отчетливо представляло себѣ такое положеніе дѣла.

Правительство вступилось въ дѣло для охраны своихъ и владѣльческихъ интересовъ только въ исходѣ XVI вѣка и дѣйствовало посредствомъ лишь временныхъ и частныхъ мѣропріятій, колеблясь въ окончательномъ выборѣ направленія и средствъ. Оно не рѣшалось сразу прикрѣпить къ мѣсту всю массу тяглаго населенія, но создало рядъ препятствій къ его передвиженію. Такими препятствіями должны были служить: временное уничтоженіе тархановъ; запрещеніе принимать закладниковъ и держать слугъ безъ крѣпостей, явленныхъ опредѣленнымъ по-

рядкомъ; ограниченіе крестьянскаго перевоза; перепись крестьянскаго населенія въ книгахъ 7101 (1592—1593) года. Этими мѣрами думали сохранить для государства необходимое ему количество службы и подати, а для служилыхъ землевладѣльцевъ остатки рабочаго населенія ихъ земель.

Но гораздо ранѣе правительственнаго вмѣшательства землевладѣльческій классъ примѣнилъ къ дѣлу для борьбы съ кризисомъ рядъ средствъ, указанныхъ ему условіями хозяйственной дѣятельности и особенностями общественныхъ отношеній того времени. Къ энергической борьбѣ съ кризисомъ землевладѣльцевъ вынуждали сами обстоятельства, рокового значенія которыхъ нельзя было не понять. Отливъ населенія создалъ недостатокъ рабочихъ рукъ въ частныхъ земельныхъ хозяйствахъ и довелъ до громадныхъ размѣровъ хозяйственную „пустоту". Отъ пустоты совсѣмъ погибало хозяйство мелкаго малопомѣстнаго служилаго человѣка; ему было не съ чего явиться на службу и „впередъ служити печѣмъ"; онъ самъ шелъ „бродить межъ дворъ", бросая опустѣлое хозяйство, пока не попадалъ на новый помѣстный участокъ или не находилъ пріюта въ боярскомъ дворѣ. Крупные землевладѣльцы—равно служилые и церковные—имѣли гораздо больше экономической устойчивости. Льготы, которыми они умѣли запастись, сами по себѣ влекли на ихъ земли трудовое населеніе. Возможность сохранить мірское устройство въ большой боярской или монастырской вотчинѣ была второю причиною тяготѣнія крестьянства въ крупнымъ земельнымъ хозяйствамъ. Наконецъ, и выходъ крестьянина отъ крупнаго владѣльца былъ не такъ легокъ; администрація крупныхъ вотчинъ въ борьбѣ за крестьянъ имѣла достаточно искусства, вліянія и средствъ, чтобы не только удерживать за собою своихъ крестьянъ, но еще и „называть" на свои земли чужихъ. Такимъ образомъ, когда мелкіе землевладѣльцы разорялись въ конецъ, болѣе крупные и знатные держались и даже пытались возобновлять хозяйство на случайно запустѣвшихъ и обезлюдѣвшихъ участкахъ.

Первое средство для этого заключалось въ привлеченіи крестьянъ съ другихъ земель, частныхъ и правительственныхъ. Землевладѣльцы выпрашивали у государя на свои пустыя вотчины „льготу", то-есть освобожденіе земли на нѣсколько лѣтъ отъ государевыхъ податей съ тѣмъ, чтобы имъ „въ тѣ льготныя лѣта въ той своей вотчинѣ на пустѣ дворы поставити и крестьянъ назвати и пашня розпахати". Опираясь на уцѣлѣвшее въ другихъ участкахъ хозяйство, дѣйствуя посредствомъ свободнаго денежнаго капитала, пользуясь льготами, выпрошенными у правительства, эти владѣльцы дѣйствительно успѣвали обновлять упавшее хозяйство. Имѣя право „называть" и сажать у себя крестьянъ только свободныхъ отъ тягла, а не „съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ", они на самомъ дѣлѣ перезывали и перевозили къ себѣ всѣхъ безъ разбора, кого только могли вытянуть изъ-за другихъ землевладѣльцевъ. Рядъ насилій, сопровождавшихъ эту операцію, давалъ большую работу судамъ и озабочивалъ правительство, которому пришлось вмѣшаться въ дѣло крестьянскаго перевоза для охраны своего интереса и интересовъ мелкихъ служилыхъ владѣльцевъ. Перевозъ крестьянъ, сидѣвшихъ на тяглѣ, лишалъ правительство правильнаго дохода съ тяглой земли, а уходъ крестьянъ отъ служилаго человѣка лишалъ его и доходовъ, и возможности служить. Указы 1601 и 1602 года были первымъ закономъ, поставившимъ опредѣленныя границы передвиженію крестьянъ. Переходъ крестьянъ съ мелкихъ земельныхъ хозяйствъ на крупныя былъ вовсе остановленъ;

крупнымъ землевладѣльцамъ было запрещено возить крестьянъ „промежъ себя и у сторонних людей“. Въ мелкихъ же служилыхъ владѣніяхъ дозволено было мѣняться крестьянами полюбовно—безъ зацѣпокъ и задоровъ, боевъ и грабежей, которыми обыкновенно сопровождался въ тѣ годы крестьянскій „отказъ“. Очевидно, что цѣлью подобныхъ ограниченій была охрана мелкаго служилаго землевладѣнія, наиболѣе страдавшаго отъ кризиса.

Другое средство для борьбы съ кризисомъ землевладѣльцы находили въ экономическомъ закабаленіи своего крестьянства. Принимало ли это закабаленіе юридически-опредѣленныя формы или нѣтъ,—все равно, оно было очень дѣйствительнымъ препятствіемъ къ выходу крестьянина изъ-за владѣльца. Хотя разсчеты по земельной арендѣ, опредѣленные порядными, по закону не связывались съ разсчетами крестьянъ по инымъ обязательствамъ, однако прекращеніе арендныхъ отношеній съ землевладѣльцемъ естественно вело къ ликвидаціи всѣхъ прочихъ денежныхъ съ нимъ разсчетовъ. Крестьянъ не выпускали безъ окончательной расплаты, и чѣмъ болѣе былъ опутанъ крестьянинъ, тѣмъ крѣпче сидѣлъ онъ на мѣстѣ. Его, правда, могъ выкупить черезъ своего „отказчика“ другой землевладѣлецъ, но это требовало ловкости и было не всегда возможно: право выхода не признавалось за старожильцами, да и крестьянъ, жившихъ съ порядными, владѣльцы не всегда выпускали даже по „отказу“. Они прибѣгали ко всякимъ средствамъ, чтобы предупредить уходъ работника или ему воспрепятствовать. Однимъ изъ такихъ средствъ, и притомъ довольно обычнымъ, были „поручныя“ записи, выдаваемыя нѣсколькими поручителями по крестьянинѣ въ томъ, что ему за порукою тамъ-то жить, „земля пахати и дворъ строити, новыя хоромы ставити, а старыя починивати, а не збѣжати“. Въ случаѣ же побѣга, поручители, „порущики“, отвѣчали условленною суммою, размѣры которой иногда вырастали до неимовѣрности. Иногда выходу, даже законному, препятствовали прямымъ насиліемъ: крестьянъ мучили, грабили и въ желѣза ковали. Полученная отъ землевладѣльца хозяйственная подмога, „ссуда“, или сдѣланный крестьяниномъ у владѣльца долгъ, „серебро“, какъ тогда называли, разсматривались землевладѣльцемъ, какъ условіе личной крѣпости крестьянина-должника хозяину-кредитору. Конечно, только удобствами для землевладѣльцевъ помѣщать свои капиталы въ крестьянское „серебро“ слѣдуетъ объяснять чрезвычайное развитіе крестьянской задолженности. Не разъ указанъ былъ для второй половины XVI вѣка разительный фактъ, что изъ полуторы тысячи вытей земли, арендуемой у Кириллова монастыря его крестьянами, 1.075 вытей засѣвались сѣменами, взятыми у монастыря; такимъ образомъ, 70% пашни, снятой у монастыря, находилось въ пользованіи „людей, безъ помощи вотчинника не имѣвшихъ чѣмъ засѣять свои участки“. Если допустить, что таково же было положеніе дѣла и на другихъ владѣльческихъ земляхъ, то возможно совершенно удовлетворительно объяснить себѣ перерожденіе крестьянскаго „выхода“ въ крестьянскій „вывозъ“. Охудалая и задолженная крестьянская масса неизбѣжно должна была отказаться отъ самостоятельнаго передвиженія: для выхода у нея не было средствъ. Крестьянамъ, задолжавшимъ хозяину и желавшимъ уйти отъ него, оставалось или „выбѣжать“ безъ разсчета съ владѣльцемъ, или ждать отказчика, который бы ихъ выкупилъ и вывезъ. Около 1580 года въ тверскихъ дворцовыхъ земляхъ великаго князя Симеона Бекбулатовича считали 2.060 жилыхъ и 332 пустыхъ дворовъ, а въ дворахъ 2.217 крестьянъ. На всю эту массу писцо-

вая книга отмѣтила 333 крестьянскихъ перехода за нѣсколько предшествовавшихъ переписи лѣтъ. Вышло изъ-за „великаго князя“ на земли другихъ владѣльцевъ и перешло въ предѣлахъ его владѣній изъ волости въ волость всего 300 человѣкъ: пришло „ново“ къ Симеону Бекбулатовичу 27 человѣкъ и считалось безъ осѣдлости 6 человѣкъ. Изъ общаго числа трехсотъ ушедшихъ крестьянъ перешло самостоятельно всего 53, убѣжало незаконно 55 и было „вывезено“ 188. Стало-быть, 63% ушедшихъ оставило свои мѣста съ чужимъ посредничествомъ и помощью, а 18% просто сбѣжало безъ разсчета. Только одна шестая часть могла „выйти“ сама, и то въ большинствѣ случаевъ не покидая земли своего господина, а переходя изъ одной его волости въ другую, стало-быть, не мѣняя своихъ отношеній къ хозяину. Такой подсчетъ, какъ бы ни былъ онъ несовершененъ, даетъ очень опредѣленное впечатлѣніе: какъ правило, крестьянскій выходъ не существуетъ, существуетъ вывозъ и побѣгъ. Не законъ отмѣнилъ старый порядокъ выхода, а крестьянская нужда, искусственно осложненная владѣльческимъ „серебромъ“, привязывала крестьянъ, имѣвшихъ право на переходъ, къ извѣстной осѣдлости.

Экономическая зависимость задолженнаго крестьянина, такимъ образомъ, могла и не переходить въ юридическое ограниченіе права выхода и все-таки была дѣйствительнымъ житейскимъ средствомъ держать земледѣльца на владѣльческой пашнѣ. Но эта зависимость могла получить и юридическій характеръ, превративъ крестьянина въ холопа, полнаго или кабальнаго. Судебникъ 1550 года допускаетъ, въ статьѣ 88-й, возможность того, что „крестьянинъ съ пашни продастся кому въ полную въ холопи“. По записнымъ книгамъ служилыхъ кабалъ конца XVI вѣка можно установить десятки случаевъ, когда въ число кабальныхъ людей вступали бобыли и крестьянскія дѣти. Выходъ изъ крестьянскаго состоянія въ рабство закономъ не былъ закрытъ или ограниченъ до самаго конца XVI вѣка, чѣмъ и пользовалась практика.

Мы представили перечень тѣхъ способовъ, какими частныя земельныя хозяйства осваивали и укрѣпляли за собою рабочую силу. Всѣ эти способы одинаково вели къ ограниченію свободы и правъ крестьянской и вообще тяглой массы, а нѣкоторые изъ нихъ клонились и къ нарушенію правительственныхъ интересовъ. Когда землевладѣльцы сажали на пустоши новыхъ работниковъ и ихъ трудомъ переводили эти пустоши „изъ пуста въ жило“, правительство выигрывало во всѣхъ отношеніяхъ: населенная и обработанная вотчина прямо увеличивала средства и силы самого правительства. Но когда этихъ новыхъ работниковъ хищнически вырывали изъ чужого хозяйства, терпѣло не только это послѣднее, но терпѣло и правительство: оно должно было разбирать тяжбу о крестьянахъ и лишалось дохода и службы съ потерпѣвшаго хозяйства. Когда владѣлецъ кабалилъ ссудою и серебромъ своего крестьянина, правительство могло оставаться спокойнымъ; за разореннаго мужика платилъ подати его владѣлецъ, а надъ общимъ вопросомъ о послѣдствіяхъ обнищанія земледѣльческаго класса тогда еще не задумывались. Но когда разоренный крестьянинъ превращался въ непашеннаго бобыля или продавался съ пашни въ холопи, оставаясь въ рукахъ прежняго владѣльца, правительство теряло: крестьянская деревня обращалась въ пустошь и не давала податей. И такъ бывало во многихъ случаяхъ: одно и то же дѣйствіе, смотря по его обстановкѣ, обращалось то въ пользу, то во вредъ господствовавшему порядку. Этимъ обстоятельствомъ прежде всего должно объяснять ту нерѣшительность и осторожность, какую мы видимъ въ

дѣйствіяхъ правительства. Жизнь заставляла его въ одно и то же время служить различнымъ цѣлямъ: поддерживать землевладѣльцевъ, особенно служилыхъ, въ ихъ усиліяхъ привязать трудовое населеніе къ мѣсту, вмѣстѣ съ тѣмъ охранять свой собственный интересъ часто нарушаемый землевладѣльческою политикою, и охранять интересы крестьянства, когда они сближались и совпадали съ правительственными. Не будучи въ состояніи примирить и согласить разныя и въ существѣ непримиримыя стремленія, правительство до самаго конца вѣка не могло выработать опредѣленнаго и рѣшительнаго образа дѣйствій въ постигшемъ его кризисѣ и этимъ еще болѣе осложняло дѣло.

Оно, безъ сомнѣнія, желало укрѣпленія крестьянъ на мѣстахъ, стремилось остановить ихъ выходъ изъ-за владѣльцевъ или, по крайней мѣрѣ, думало направлять ихъ броженіе сообразно своимъ видамъ: но оно не дошло до полнаго и категорическаго провозглашенія крестьянской крѣпости. Предпринявъ общую „перепись 7101 года", какъ ее обыкновенно принято называть, правительство записывало въ книгахъ крестьянъ за владѣльцами и затѣмъ сдѣлало писцовую книгу своего рода крѣпостнымъ актомъ, которымъ землевладѣлецъ могъ доказывать свое право на записаннаго въ книгу крестьянина. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно какъ бы понимало, что книги не могли исчислить всей наличности крестьянскаго населенія, и спокойно смотрѣло на выходъ изъ тяглыхъ хозяйствъ сыновей, племянниковъ, захребетниковъ и тому подобнаго не записаннаго въ тягло люда; оно иногда выпускало и дворо хозяевъ-тяглецовъ, если они передавали свой тяглый жеребей новому „жильцу". Такимъ образомъ, на право передвиженія крестьянъ правительство не налагало безусловнаго и общаго запрета: оно только его ограничивало условіями государственнаго порядка и владѣльческаго интереса. Въ этомъ собственно и заключались первыя мѣры къ укрѣпленію крестьянъ. Дѣйствуя въ такомъ смыслѣ, правительство стояло на сторонѣ владѣльческихъ стремленій. Допуская обращеніе въ холопство лицъ, происходящихъ изъ крестьянскихъ семей, оно также удовлетворяло владѣльческимъ вожделѣніямъ. Но, съ другой стороны, и въ концѣ вѣка оно продолжало заселеніе вновь пріобрѣтенныхъ окраинъ и Сибири, при чемъ тяглыхъ „приходцевъ" изъ центральныхъ областей водворяло тамъ въ служилыхъ слободахъ и просто на пашнѣ, не возвращая ихъ въ прежнюю владѣльческую зависимость. Чтобы наполнить, по словамъ А. Палицына, „предѣлъ земли своея воинственнымъ чиномъ", Грозный и Борисъ Годуновъ извлекали людей изъ коренныхъ частей государства, всячески содѣйствуя заселенію рубежей. Такая политика въ сущности поддерживала то самое народное броженіе, съ которымъ боролись въ центрѣ страны, и шла совершенно противъ землевладѣльческой политики.

Но врядъ ли это противорѣчіе было плодомъ политическаго двуличія: скорѣе въ немъ отразилось безсиліе подняться надъ двумя порядками явленій и подчинить ихъ своему распоряженію. Когда на новозанятыхъ мѣстахъ укрѣпилось московское населеніе и подъ охраною новыхъ крѣпостей возможна стала правильная хозяйственная дѣятельность, здѣсь повторились тѣ же самыя явленія, которыми сопровождался кризисъ въ старомъ центрѣ. Появившіеся на окраинахъ, на югѣ отъ Оки, привилегированные землевладѣльцы, въ громадномъ большинствѣ служилые, пользовались всяческимъ покровительствомъ правительства въ ущербъ тяглымъ классамъ. Въ городахъ служилыя слободки уничтожали посады, а въ уѣздахъ служилыя вотчины и помѣстья уничтожали крестьянское мір-

ское устройство. Условія, вызвавшія кризисъ въ центральныхъ волостяхъ, перешли на югъ и вызвали дальнѣйшее разсѣяніе населенія. Оно уходило за рубежи и наполняло собою казачьи городки и становища на южныхъ рѣкахъ. Тамъ питалось и росло неудовольствіе на тотъ государственный порядокъ, который лишалъ крестьянство его земли и предпочиталъ выходы служилаго человѣка, жившаго чужимъ трудомъ, интересамъ тяглаго работника.

XXVII. Придворныя интриги въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича и смерть царевича Димитрія.

(*Изъ «Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ» Кулиша*).

Въ 1584 г. умеръ Іоаннъ IV. Ему наслѣдовалъ сынъ его Ѳеодоръ, юноша слабый здоровьемъ, застѣнчивый, склонный болѣе къ иноческой жизни, чѣмъ къ дѣламъ государственнымъ. И будучи наслѣдникомъ престола, и сдѣлавшись царемъ, онъ проводилъ время въ комнатѣ, убранной многочисленными иконами и освѣщенной многочисленными лампадами, за чтеніемъ св. книгъ, самъ нерѣдко надѣвалъ монашескую одежду, бесѣдовалъ долго съ иноками. Заботы правленія возложилъ онъ на членовъ верховной думы, предоставивъ себѣ только право миловать и благотворить. Къ нему являлся ежедневно въ четыре часа утра духовникъ съ крестомъ, благословеніемъ, святой водой и съ образомъ угодника Божія, означеннаго на тотъ день въ святцахъ. Послѣ земныхъ поклоновъ и молитвъ предъ образомъ, отправлялся онъ къ своей супругѣ, царицѣ Иринѣ, и вмѣстѣ съ нею къ заутренѣ. Ѳеодоръ строго соблюдалъ налагаемые на себя посты и другіе благочестивые обѣты.

Естественно, что члены верховной думы, имѣя въ своихъ рукахъ болѣе власти, нежели въ предшествовавшее царствованіе, старались взять верхъ одни надъ другими. Еще въ ночь кончины Іоанна Грознаго начальные люди раздѣлились на партіи: одни были преданы Ѳеодору, другіе младшему брату его, Димитрію. „Димитрій младенецъ,—говорили эти послѣдніе,—но въ немъ виденъ отцовскій умъ, а Ѳеодоръ хоть и взрослый, да разумомъ ребенокъ“. Прежде всего осмѣлился высказать такую мысль бояринъ Богданъ Бѣльскій, которому царь Іоаннъ предъ смертью поручилъ надзоръ за воспитаніемъ Димитрія. Возведеніе на престолъ воспитанника доставило бы воспитателю первенство въ государствѣ. Родственники Димитрія, Нагіе, постарались распространить въ народѣ убѣжденіе въ пользу младшаго царевича, и далеко бы это пошло, если бы сторона царевича Ѳеодора не приняла мѣръ рѣшительныхъ. Къ Нагимъ приставлена была стража; нѣкоторые опасные люди удалены были изъ столицы, и въ ту же ночь всѣ знатные москвитяне присягнули старшему брату.

Нагіе тогда поняли, что Димитрію опасно оставаться долѣе въ Москвѣ, и поспѣшили увезти его въ городъ Угличъ, назначенный ему отцомъ въ удѣлъ. Бѣльскій самъ хлопоталъ объ этомъ, но хлопоталъ для того только, чтобъ удаленіемъ Ѳеодорова совмѣстника усыпить осторожность противной партіи. Онъ полагался на усердіе къ нему стрѣльцовъ, которые столько же любили въ немъ своего стараго предводителя (во

время опричнины), сколько народъ его ненавидѣлъ. Съ его возвышеніемъ стрѣльцы сами надѣялись имѣть больше значенія, нежели подъ правленіемъ кроткаго Ѳеодора. Но сторона Ѳеодора была управляема братомъ его жены, Борисомъ Годуновымъ, человѣкомъ умнымъ, хитрымъ и рѣшительнымъ. Годуновъ происходилъ изъ рода мурзы Чета, поселившагося въ Москвѣ въ XIV в. Въ концѣ царствованія Іоанна IV Годуновъ пользовался весьма значительнымъ вліяніемъ. Родство съ Малютою Скуратовымъ много этому способствовало, а женитьба Ѳеодора Іоанновича на Иринѣ, сестрѣ Годунова, еще болѣе упрочила видное положеніе послѣдняго. Онъ повернулъ умы сограждапъ противъ опаснаго соперника. Среди ночи неожиданно вспыхнулъ мятежъ. Купцы, ремесленники, жильцы московскіе и боярскія дѣти, сверкая при свѣтѣ фонарей ножами, рогатинами и боевыми сѣкирами, приступили къ Кремлю, обратили царь-пушку въ Фроловскимъ воротамъ и угрожали разбить ихъ. У стрѣльцовъ опустились руки при видѣ двадцатитысячной толпы раздраженнаго народа. На вопросы высланныхъ отъ царя сановниковъ нестройные крики множества голосовъ высказали подозрѣніе народа, будто бы Бѣльскій задумалъ возвратить времена опричнины и низложить царя. Въ то же время тысяча другихъ голосовъ кричали только „Бѣльскаго! Выдайте намъ злодѣя Бѣльскаго!“ Застигнутый такимъ образомъ посреди своихъ недовершенныхъ замысловъ, Бѣльскій потерялъ отвагу: забился въ царскую спальню, трепаталъ и молилъ о пощадѣ. Но приговоръ его напередъ уже былъ приготовленъ въ умахъ приверженцевъ Ѳеодора: Бѣльскаго немедленно сослали въ Нижній-Новгородъ на воеводство. Народъ удовлетворенный успѣхомъ своего требованія, разошелся по домамъ съ восклицаніями: „Да здравствуетъ царь! Да здравствуютъ вѣрные бояре!“ Все успокоилось. Но въ то время, когда народъ кричалъ противъ Бѣльскаго, въ толпѣ раздавались крики, направленные противъ Годунова. Годуновъ видѣлъ, что и онъ не принадлежитъ къ числу любимцевъ народныхъ, да и между боярами имѣетъ много завистниковъ, нелюбовь народа къ себѣ онъ не могъ объяснить иначе, какъ боярскими интригами.

Между боярами на первомъ мѣстѣ стоялъ князь Иванъ Мстиславскій, славный по знатности рода между придворными. Но его ограниченныя способности и робкій характеръ ясно доказывали, что это не его было дѣло. За нимъ слѣдовали потомки удѣльныхъ князей Шуйскихъ. Они потеряли удѣлъ въ борьбѣ съ великими князьями, сражались противъ Москвы подъ новгородскими знаменами и, когда Новгородъ палъ, перешли въ ряды бояръ московскихъ. На нихъ-то пала подозрительность Годунова. Онъ не имѣлъ еще средства дать имъ почувствовать свою силу, но, зная навѣрное, что съ этой стороны будутъ новыя на него покушенія, готовился къ противодѣйствію.

Между тѣмъ власть его въ государствѣ возрасла. Въ прежнее царствованіе онъ былъ любимымъ человѣкомъ грознаго государя; но сила его между вельможами заключалась только въ умственномъ превосходствѣ да въ тайномъ страхѣ, какой внушалъ онъ каждому своимъ хитрымъ и мстительнымъ характеромъ. Теперь онъ вдругъ взошелъ и титуломъ, и богатствомъ на возможно высокую степень въ государствѣ. Послѣ вѣнчанія Ѳеодоръ далъ ему древній, высокій санъ конюшаго и титулъ *ближняго великаго боярина* и намѣстника царствъ казанскаго и астраханскаго, а предоставленные ему доходы съ областей составляли, вмѣстѣ съ особымъ денежнымъ жалованьемъ, громадное богатство. Испуганный

мятежемъ, Θеодоръ вручилъ ему безотвѣтственную власть въ управленіи царствомъ, и Бориса Годунова называли *правителемъ* не только въ отечествѣ, но и въ иностранныхъ государствахъ! Годуновъ теперь безъ труда привлекъ на свою сторону, по крайней мѣрѣ наружно, искуснѣйшихъ людей государственныхъ, дьяковъ Щелкаловыхъ, а для связи съ старыми родами подружился съ именитѣйшимъ по происхожденію бояриномъ, княземъ Иваномъ Мстиславскимъ.

Шуйскіе, съ своей стороны, опирались на приверженность многихъ фамилій княжескихъ и дворянскихъ, на любовь простолюдиновъ и на дружбу митрополита Діонисія, естественно имѣвшаго великое вліяніе на Θеодора; однако же боялись дѣйствовать прямо и зашли съ той стороны, съ которой Годуновъ меньше всего ожидалъ опасности: рѣшились дѣйствовать отъ имени сановитаго и почетнаго на Москвѣ князя Ивана Мстиславскаго. Мстиславскій былъ самый несчастный простакъ, клонившійся на всѣ стороны. Ласкаетъ его Годуновъ—онъ радуется своему почету у самовластнаго правителя; Шуйскіе говорятъ ему о родовомъ старшинствѣ — онъ вѣритъ, что ему легко достигнуть въ государствѣ старшинства дѣйствительнаго. Долго колеблясь между робостью и тщеславіемъ, старикъ, наконецъ, положился на могущество партіи Шуйскихъ и обѣщалъ, чего отъ него требовали: въ назначенный день позвать Годунова на пиръ и предать убійцамъ. Годуновъ открылъ заговоръ и надѣялся разомъ отдѣлаться отъ своихъ противниковъ, но долженъ былъ ограничиться насильственнымъ постриженіемъ въ монахи бѣднаго Мстиславскаго, ссылкою въ дальнія мѣста Воротынскихъ, Головиныхъ и заточеніемъ въ темницы другихъ заговорщиковъ; Шуйскихъ же, при всей своей силѣ, на сей разъ, безъ явныхъ доказательствъ, коснуться не осмѣлился.

Вслѣдъ за тѣмъ Шуйскіе избрали другой путь отважный и рѣшительный. Вмѣстѣ съ митрополитомъ Діонисіемъ, у котораго были свои неудовольствія на Годунова, они составили отъ лица всего народа челобитную, въ которой всѣ сословія, устрашенныя будто бы мыслью, что безплодіе Ирины угрожаетъ отечеству прекращеніемъ Рюрикова дома, торжественно просятъ Θеодора развестись съ нею, отпустивъ въ монастырь, и взять другую супругу. чтобы имѣть наслѣдника престола, для общаго спокойствія. Начали собирать подписки, а между тѣмъ волновали чернь, чтобы устрашить Θеодора и заставить его на все согласиться. Но медленность и нѣкоторая гласность, неизбѣжныя при такомъ дѣлѣ, дали Годунову время принять свои мѣры. Судъ о разводѣ зависѣлъ отъ митрополита. Годуновъ спѣшитъ въ палаты къ Діонисію и употребляетъ въ дѣло все, что могъ внушить ему, какъ духовному хранителю народнаго спокойствія, и все, чѣмъ искушаются люди со стороны честолюбія. Видѣть въ своей кельѣ самовластнаго правителя государства съ мольбою о спасеніи, обязать такого человѣка въ столь трудное для него время и обладать средствомъ привести снова его въ такое положеніе, въ умѣ Діонисія это значило, что отнынѣ онъ раздѣлитъ съ Годуновымъ поровну верховное господство надъ государствомъ. Годуновъ видѣлъ его насквозь со всѣми его поползновеніями и, наружно предъ нимъ унижаясь, внутренно торжествовалъ надъ нимъ и изрекалъ роковой приговоръ ему и его сообщникамъ.

Лишь только слухи о разводѣ стихли, нашелся доносчикъ на Шуйскихъ, что они въ заговорѣ съ московскими купцами и думаютъ измѣнить царю. Доносчикъ былъ ничтожный слуга самихъ же обвиняемыхъ;

но его извѣту повѣрили и немедленно взяли подъ стражу главныхъ представителей фамиліи Шуйскихъ, вмѣстѣ съ друзьями ихъ. Нельзя было, однако же, употребить законной строгости съ Шуйскими, и потому придуманы средства беззаконныя. Сдѣлали видъ, будто бы изъ уваженія къ заслугамъ щадятъ князя Ивана Петровича, знаменитаго защитника Пскова противъ Баторія, и отправили его на Бѣлоозеро, а князя Андрея Ивановича, по милосердію, въ Каргополь; но оба были тайно удавлены. Прочихъ взятыхъ подъ стражу также разослали по дальнимъ городамъ, а нѣкоторымъ купцамъ, для острастки московской черни, всенародно отрубили головы. Митрополитъ Діонисій самъ ускорилъ свое паденіе. Въ порывѣ огорченія за друзей своихъ, онъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, крутицкимъ архіепископомъ Варлаамомъ, явился въ царскія палаты и смѣло изъяснилъ царю поступки Годунова, беззаконные и опасные для государства. Едва они удалились, Годуновъ внушилъ царю, что эти извѣтники не пастыри церкви, а волки хищные въ одеждѣ овчей. Діонисія и Варлаама схватили въ тотъ же день, лишили сана и заточили въ дальніе монастыри. На первосвятительскій престолъ возведенъ былъ Іовъ, смиренный богомолецъ, устремлявшій все свое вниманіе на исправленіе духовенства и на церковное благолѣпіе. Өнъ представлялъ противоположность Діонисію, гордому своими познаніями, высокомѣрному умомъ, пылкому сердцемъ, и Годуновъ, облекши его въ высшій духовный санъ, надѣялся сдѣлать изъ него послушное себѣ орудіе.

Чѣмъ больше возвышался Годуновъ въ государствѣ, тѣмъ больше обнаруживалъ правительственной дѣятельности: составлялись описи земель, населялись пустыни, пограничныя мѣста укрѣплялись новыми городами; судъ и расправа замѣтно улучшились. Имя Годунова было въ устахъ народа чаще всякаго другого имени. Здѣсь его славили за рѣшеніе судебнаго дѣла безъ проволочки, за оправданіе бѣдняка въ тяжбѣ съ богачемъ, за осужденіе родственника и ближняго человѣка по жалобѣ простолюдина; въ другомъ мѣстѣ построенные на счетъ казны, безъ отягощенія жителей, гостиные дворы, городскія стѣны и общественныя зданія производили въ народѣ самые выгодные о немъ толки. Даже въ переговорахъ съ иноземными государями и министрами московскіе послы величали его начальнымъ человѣкомъ въ Россіи, говорили, что вся земля отъ государя ему приказана и что никогда еще такого мудраго правленія въ ней не бывало.

Въ 1589 г., Өеодоръ, по внушенію своего любимца, учредилъ въ Россіи патріаршество. Іовъ получилъ санъ патріарха московскаго и всея Россіи. Умноживъ и возвыся такимъ образомъ духовныхъ сановниковъ, Годуновъ пріобрѣлъ въ нихъ, на всякій случай, крѣпкую себѣ опору.

Сановники свѣтскіе и потомки знаменитыхъ древнихъ родовъ, изъ личныхъ выгодъ, тѣснились вокругъ него усердною толпою. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Шуйскіе, таили въ душѣ желаніе и надежду отомстить ему за братьевъ и друзей: но благоразуміе заставляло ихъ до времени скрывать свои чувства. „На всѣхъ людей,—говоритъ лѣтопись,—нашелъ страхъ, и всѣ стали ему покоряться и во всемъ творить его волю". Была при томъ же еще одна причина согласія аристократовъ съ Годуновымъ. Уже шесть лѣтъ Өеодоръ царствовалъ; слабость здоровья не обѣщала ему долголѣтія, а дѣтей у него не было. Умри Өеодоръ сегодня, завтра провозгласятъ царемъ Димитрія; а извѣстно, что, по смерти Іоанна IV, Шуйскіе съ товарищами были, равно какъ и Годуновы, противниками Димитріевой партіи. Молодой царевичъ

воспитывался въ мрачномъ угличскомъ дворцѣ, похожемъ на монашескую обитель, вдали отъ брата, вдали отъ столицы. Ему было уже около девяти лѣтъ. Мать и дяди его, Нагіе, внушали ему ненависть къ московскому правительству, толковали объ ожидающемъ его престолѣ, призывали даже ворожей къ царевичу, чтобы узнать, долго ли жить Ѳеодору. Ходили слухи, что рѣзвый мальчикъ часто хвалился передъ дворцовыми слугами, какъ онъ отомститъ своимъ гонителямъ; говорили, что однажды, слѣпивъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми изъ снѣга нѣсколько человѣческихъ фигуръ, онъ назвалъ ихъ именами придворныхъ и началъ рубить саблею: одному отсѣкъ голову, другому руку, третьяго пронзилъ насквозь, говоря будто бы: „Такъ будетъ имъ въ мое царство!".

Подобные слухи, при всей своей ничтожности, тревожили въ Москвѣ начальнѣйшихъ людей. Рѣшено было освободиться отъ опаснаго царевича насильственною мѣрою. Неизвѣстно, всѣхъ ли приверженцевъ Годунова должно упрекать въ этомъ ужасномъ замыслѣ наравнѣ съ нимъ, только убійство, очевидно, было задумано въ Москвѣ. Выполнить его поручено было дьяку Михаилу Битяговскому. Михайло Битяговскій, опредѣленный къ должности дворецкаго при царевичѣ, нашелъ средства согласить на кровавое свое дѣло брата своего Данила, племянника Качалова, мамку царевича боярыню Волохову и ея брата Осипа. Они условились сложить бѣду на падучую болѣзнь царевича, о которой распространились слухи въ Угличѣ и въ столицѣ, и выжидали только удобной минуты для совершенія ужаснаго своего предпріятія. Однажды, въ майское утро, мамка вывела царевича на крыльцо. Тутъ одинъ изъ убійцъ, взявъ его за руку, спросилъ: „У тебя государь новое ожерелье"?—„Нѣтъ, старое", отвѣчалъ царевичъ, приподнявъ голову. Въ эту минуту сверкнулъ въ рукѣ убійцы ножъ; но ударъ по горлу былъ невѣренъ. Крикъ показавшейся въ дверяхъ кормилицы испугалъ злодѣя; онъ бросилъ ножъ и убѣжалъ. Но двое другихъ убійцъ вырвали несчастнаго царевича изъ рукъ кормилицы, зарѣзали и быстро скрылись. Мать прибѣжала на шумъ, но уже поздно: бездыханное тѣло сына, какъ будто оживленное ея воплемъ, затрепетало послѣднимъ трепетомъ. Вслѣдъ затѣмъ явились дяди царевича, Нагіе, и велѣли бить въ набатъ. Гонцы поскакали по всѣмъ улицамъ, отъ воротъ къ воротамъ: „Чего стоите? Царя у насъ нѣтъ", говорили они жителямъ, выскакивавшимъ на громкій стукъ ихъ. Страшная вѣсть облетѣла Угличъ въ одну минуту; каждый спѣшитъ ко дворцу. Народъ отыскиваетъ убійцъ, влечетъ на мѣсто преступленія и, вмѣстѣ съ виновными, убиваетъ многихъ невинныхъ. Но страсти наконецъ успокоились, и Нагіе вмѣстѣ съ угличанами ужаснулись послѣдствія столькихъ убійствъ безъ суда законнаго. Написали донесеніе къ царю, отправили въ Москву гонца, а между тѣмъ постарались дать убитымъ Битяговскимъ съ товарищами видъ вооруженныхъ разбойниковъ. Однимъ вложили въ руку обагренные куриною кровью ножи, на другихъ бросили желѣзныя палицы, сабли, самопалы и оставили въ ожиданіи суда изъ Москвы, а тѣло царевича Димитрія положили во гробъ и поставили въ соборной церкви.

Въ Москвѣ давно ожидали этого извѣстія. Гонца къ царю не допустили, переписали грамоту по-своему, объяснили смерть Димитрія падучею болѣзнью; Борисъ Годуновъ взялъ на себя увѣдомить Ѳеодора о горестномъ событіи. Благочестивый царь долго плакалъ, не говоря ни слова, и изъявилъ согласіе на предложеніе Бориса—для погребенія царевича и изслѣдованія дѣла отправить въ Угличъ митрополита Геласія, кн. Ва-

силія Ивановича Шуйскаго и окольничаго Клешнина. Не удивительно, что Годуновъ выбралъ въ эту опасную для него коммиссію митрополита Геласія: Геласій былъ обязанъ ему своимъ повышеніемъ. Не удивителенъ и выборъ Клешнина: онъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ злоумышленниковъ противъ Димитрія. Но выбору Шуйскаго многіе дивились: съ этимъ именемъ каждый привыкъ соединять ненависть къ Годунову. Никто не подозрѣвалъ, что этого-то и хотѣлось дальновидному крамольнику. Онъ предвидѣлъ, что смерть царевича припишется ему, и въ доказательство совершенной своей невинности избралъ въ слѣдственные судьи своего стариннаго врага. Когда самъ Шуйскій привезъ изъ Углича подтвержденіе исторіи о падучей болѣзни царевича, это зажало рты многимъ обвинителямъ Годунова. А могъ ли онъ повредить Борису, когда противъ его внушеній Θеодору не устоялъ и самъ Діонисій, глава духовенства?

Патріахъ Іовъ, которому Θеодоръ передалъ на верховный судъ донесеніе членовъ угличской коммиссіи, основался на этомъ донесеніи и объявилъ на соборѣ предъ царемъ, что „смерть царевича Димитрія учинилась судомъ Божіимъ, и что Михайло Нагой государевыхъ приказныхъ людей Битяговскихъ и другихъ велѣлъ побить напрасно, изъ личной злобы, за ихъ усердіе къ государю". „За столь великую измѣну—продолжалъ Іовъ—Михайло Нагой съ братьями и углицкіе мужики заслуживаютъ всякаго наказанія; но это дѣло земское, зависящее отъ гнѣва и милости государя, а наша обязанность молиться о тишинѣ междоусобной брани". Θеодоръ, основавшись на этомъ мнѣніи, поручилъ судъ надъ „виновными" боярамъ; а тѣ, чтобы скрыть концы, разослали всѣхъ Нагихъ по темницамъ въ отдаленные города, несчастную мать Димитрія постригли въ монахини и отправили въ дикую пустыню св. Николая на Выскѣ (близъ Череповца); около двухъ сотъ угличанъ, обвиненныхъ въ убіеніи невинныхъ, казнили смертью; многимъ отрѣзали языки, многихъ заточили; большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымь.

Неизвѣстно, теперь-ли родилась въ умѣ Годунова мысль объ обладаніи московскимъ престоломъ или уже и прежде она управляла его дѣйствіями; но съ этого времени царственное величіе, очевидно, сдѣлалось его цѣлью. Θеодоръ заболѣлъ, дряхлѣлъ и видимо приближался къ смерти; право на престолъ переходило послѣ него къ родственникамъ его, Рюриковичамъ, Гедиминовичамъ, Романовымъ; а кто бы изъ нихъ ни воцарился, паденіе временщика было неизбѣжно. Значитъ, уже не одно безграничное властолюбіе, но и самая заботливость о личной безопасности указывала ему, въ чемъ искать опоры. Нужно было только устранить соискателей престола и возвысить свое право надъ ними. Предусмотрительный умъ ясно представилъ Борису положеніе властей въ безгосударное время. Начальнымъ человѣкомъ дѣлался тогда патріархъ, и какъ, по недостатку прямого наслѣдника, предстояло избраніе на царство, то первый и сильнѣйшій голосъ въ этомъ избраніи принадлежалъ ему. Борису нужно было только заставить Θеодора завѣщать престолъ царицѣ Иринѣ, или, по крайней мѣрѣ, увѣрить въ томъ верховную думу. При содѣйствіи царскаго душеприказчика, Іова, легко было и этого достигнуть.

XXVIII. Учрежденіе въ Россіи патріаршества.

(По „Очеркамъ русской культуры“ П. Н. Милюкова, „Лекціямъ“ С. Ѳ. Платонова и соч. Хлѣбникова: „О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи“).

Какъ извѣстно, со времени принятія христіанства русская церковь находилась въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, составляя просто одну изъ подвѣдомственныхъ ему епархій. До татарскаго нашествія кіевскій митрополитъ, высшее духовное лицо въ Россіи, прямо назначался изъ Константинополя. Только два раза русскіе попытались посвятить себѣ митрополита сами, соборомъ русскихъ епископовъ. Но и то въ одномъ изъ этихъ случаевъ они принуждены были, въ концѣ концовъ, признать власть патріарха. Со времени нашествія татаръ отношеніе русской церкви къ патріарху начало измѣняться. Прежде всего, въ связи съ тѣмъ же наплывомъ тюрковъ изъ Азіи, Византія попала въ руки крестоносцевъ, участвовавшихъ въ четвертомъ крестовомъ походѣ. Среди этой двойной неурядицы — въ Россіи и на Балканскомъ полуостровѣ—русскіе митрополиты все чаще стали посвящаться дома, а въ Константинополь ѣздили только за утвержденіемъ. Такъ продолжалось два вѣка — до середины XV столѣтія. Въ это время изъ Константинополя стали приходить на Русь страшныя вѣсти. Началось съ того, что одинъ изъ митрополитовъ, присланныхъ въ Москву патріархомъ, объявилъ великому князю московскому, что долженъ ѣхать въ Италію, къ латинамъ, на духовный соборъ во Флоренцію. Византія сама воспитала насъ въ ненависти къ западной церкви. По внушеніямъ восточной церкви, нельзя было даже ѣсть и пить изъ однихъ сосудовъ съ латинами. Естественно, что сборы митрополита (Исидора) въ Италію показались москвичамъ „новы, и чужды, и непріятны“. Изъ Флоренціи онъ привезъ съ собой еще болѣе неожиданную новость: унію восточной и западной церквей. Это было уже слишкомъ. Митрополитъ былъ низложенъ и осужденъ соборомъ русскаго духовенства: вмѣсто него выбранъ соборомъ же свой митрополитъ—изъ русскихъ (Іона)—и заготовлена объяснительная грамота въ Византію. Въ грамотѣ этой великій князь требовалъ разрѣшенія—впредь поставлять митрополита въ Россіи. Требованіе это мотивировалось дальностью пути, непроходимостью дорогъ въ Византію, нашествіемъ татаръ. Но между строкъ легко было прочесть, что главныя причины просьбы—„новоявльшіяся разгласія“ въ самой восточной церкви.

Но и такую грамоту не пришлось отправить. Не прошло полутора десятка лѣтъ со времени великаго преступленія греческой церкви,—принятія уніи,—какъ пришла въ Москву вѣсть страшнѣе первой: „безбожные турки“ взяли „Богомъ хранимый Константиноградъ“. Ясно, это было Божіе наказаніе, не замедлившее покарать грековъ за ихъ отступленіе въ латинство. „Сами вы знаете, дѣти мои,—развиваетъ эту мысль митрополитъ Іона въ окружномъ посланіи, писанномъ пять лѣтъ спустя послѣ паденія Константинополя,—сколько бѣдъ перенесъ царствующій градъ отъ болгаръ и отъ персовъ, державшихъ его семь лѣтъ, какъ въ сѣтяхъ; однако же онъ нисколько не пострадалъ, пока греки соблюдали благочестіе. А когда они отступили отъ благочестія, знаете, какъ пострадали, каково было плѣненіе и убійство: а ужъ о душахъ ихъ—одинъ Богъ вѣсть“.

Выводъ былъ, опять-таки, ясенъ. Теперь надо было самимъ позаботиться о собственныхъ душахъ. Страшная отвѣтственность свалилась, такимъ образомъ, на представителей русской церкви. Они отвѣчали теперь не только за свои души: они отвѣчали за судьбу православія во всемъ мірѣ, послѣ того какъ въ центрѣ православія, въ царствующемъ градѣ, „померкло солнце благочестія". Подъ этимъ впечатлѣніемъ сложилась знаменитая теорія о всемірно-исторической роли Московскаго государства,—о „Москвѣ—третьемъ Римѣ". Уже въ концѣ XV вѣка мы встрѣчаемъ полное развитіе этой теоріи въ посланіяхъ игумена одного псковскаго монастыря, Филоѳея. „Церковь стараго Рима пала невѣріемъ аполлинаріевой ереси", — пишетъ Филоѳей Ивану III, — „второго же Рима—константинопольскую церковь изсѣкли сѣкирами агаряне. Сія же нынѣ третьяго новаго Рима—державнаго твоего царствія—святая соборная апостольская церковь—во всей поднебесной паче солнца свѣтится. И да вѣдаетъ твоя держава, благочестивый царь, что всѣ царства православной христіанской вѣры сошлись въ твое единое царство: одинъ ты во всей поднебесной христіанамъ царь... Блюди же и внемли, благочестивый царь, что всѣ христіанскія царства сошлись въ твое единое, что два Рима пали, а третій стоитъ, а четвертому не быть; твое христіанское царство уже инымъ не достанется". Такимъ образомъ, русскій царь долженъ былъ сохранить единственный, сохранившійся въ мірѣ, остатокъ истиннаго православія—нерушимымъ до второго пришествія Христова.

Эта теорія должна была явиться прекраснымъ средствомъ для достиженія давнишнихъ стремленій русской церкви къ національной самостоятельности. Прежде, въ домонгольское и даже въ удѣльное время, русская церковь довольствовалась и даже гордилась своимъ происхожденіемъ отъ греческой церкви при святомъ Владимірѣ. Теперь для національной русской церкви такое происхожденіе казалось уже недостаточно почетно. Надо было вывести начало русскаго христіанства прямо отъ апостоловъ, минуя греческое посредничество Какъ русскій великій князь началъ вести свою власть непосредственно отъ Пруса—„брата императора Августа", такъ и русская вѣра должна была идти непосредственно отъ Андрея—„брата апостола Петра". „Что вы намъ указываете на грековъ",— отвѣчалъ царь Иванъ Грозный папскому послу Поссевину на его убѣжденія послѣдовать примѣру Византіи и принять флорентійскую унію:— „Греки для насъ не Евангеліе, мы вѣримъ не въ грековъ, а въ Христа: мы получили христіанскую вѣру при началѣ христіанской церкви, когда Андрей, братъ апостола Петра, пришелъ въ эти страны, чтобы пройти въ Римъ. Такимъ образомъ, мы на Москвѣ приняли христіанскую вѣру въ то же самое время, какъ вы въ Италіи, и съ тѣхъ поръ и доселѣ мы соблюдали ее ненарушимою".

Итакъ, русская церковь къ концу XVI в. нравственно и духовно эмансипировалась отъ Византіи. Но формально она попрежнему считалась зависимой отъ константинопольскаго патріарха. И эта зависимость казалась русскимъ людямъ съ каждымъ днемъ явленіемъ все болѣе и болѣе ненормальнымъ. Правда, она выражалась лишь въ платоническомъ уваженіи, которое выказывали московскіе митрополиты восточнымъ патріархамъ, и въ различныхъ пособіяхъ, которыя часто выдавались восточнымъ церквамъ; но восточные іерархи придавали этому факту бо́льшее значеніе, полагая, что русская церковь подчинена восточной. А между тѣмъ, съ паденіемъ Константинополя московскій митрополитъ сталъ богаче

средствами и выше властью всѣхъ восточныхъ патріарховъ. На востокѣ же жизнь была стѣснена, матеріальныя средства сильно оскудѣли, и вотъ восточные патріархи стали считать себя въ правѣ обращаться въ Москву, какъ въ городъ, подчиненный имъ въ церковномъ отношеніи, за пособіями. Отсюда начинаются частыя поѣздки въ Москву за милостыней, но это только возвысило Московскаго митрополита въ глазахъ русскаго общества. Стали думать, что главный вселенскій Константинопольскій патріархъ долженъ быть замѣненъ Московскимъ вселенскимъ патріархомъ. Но греческіе патріархи держались того мнѣнія, что санъ этотъ можетъ быть только у нихъ, ибо искони имъ принадлежалъ. Несмотря на это, Москва лишь ждала удобнаго случая, чтобы поставить своего собственнаго патріарха. Этотъ случай представился въ царствованіе Өеодора Іоанновича. Лѣтомъ 1586 года пріѣхалъ въ Москву Антіохійскій патріархъ Іоакимъ. Ему дали знать о желаніи царя Өеодора учредить въ Москвѣ патріаршій престолъ. Іоакимъ отвѣчалъ уклончиво, однако взялся пропагандировать эту мысль на востокѣ. Русскій агентъ, Адатовъ, отправленъ былъ вслѣдъ за Іоакимомъ, чтобы наблюдать, какъ пойдетъ это дѣло. Но Адатовъ привезъ неутѣшительныя вѣсти. Такъ прошло два года въ неопредѣленномъ положеніи. Вдругъ, лѣтомъ 1588 года разошлась вѣсть, что въ Смоленскъ пріѣхалъ старшій изъ патріарховъ, Византійскій, Іеремія. Въ Москвѣ всѣ были взволнованы, дѣлались различныя предположенія, зачѣмъ и съ какой стати онъ пріѣхалъ. Приставъ, отправленный встрѣчать и провожать патріарха до Москвы, получилъ наказъ развѣдать, „есть ли съ нимъ отъ всѣхъ патріарховъ съ соборнаго приговора къ государю приказъ“. По пріѣздѣ въ Москву Іеремія былъ помѣщенъ на дворѣ Рязанскаго владыки. Къ нему приставили такихъ людей, которые были покрѣпче, при чемъ имъ было приказано не допускать къ патріарху никого изъ иностранцевъ. Вообще, его держали, какъ въ тюрьмѣ. Разговоры велись съ нимъ по преимуществу такіе, которые клонились къ учрежденію патріаршества въ Россіи. Іереміи, наконецъ, предложили перенести патріаршество изъ Константинополя въ Москву. Онъ согласился. Того только и ждали. Но самъ Іеремія былъ неудобенъ: въ Москвѣ понимали хорошо, что это значило бы допустить ново-греческія ереси въ русскую церковь. Поэтому говорили, что въ Москвѣ Іеремій оставаться неудобно, такъ какъ тамъ есть Іовъ, а онъ долженъ переѣхать во Владиміръ. Итакъ, вмѣсто Москвы, Іеремій предложили поселиться во Владимірѣ, городѣ, неимѣвшемъ никакого политическаго значенія. Греки поняли это такъ, что москвитяне ихъ обманули, что они вовсѣ не хотѣли имѣть своимъ патріархомъ Іеремію, и Іеремія отказался отъ Владиміра. Однако, вопросъ принципіально былъ рѣшенъ. Если Іеремія самъ не хочетъ быть патріархомъ, то долженъ вмѣсто себя поставить другого. Но теперь уже, конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы перенести патріаршество во Владиміръ, такъ что Іеремія поставилъ Іова на Московское и на Владимірское патріаршество. Іеремія понялъ, что его согласіе на постановленіе Іова будетъ встрѣчено несочувственно на востокѣ. Дѣйствительно, тамъ извѣстіе объ учрежденіи на Москвѣ новаго патріаршества было принято холодно. Тамъ были увѣрены, что Іеремію обманули, и не хотѣли санкціонировать совершившагося факта. Но противиться долго было нельзя, ибо Москва была сильна, и въ случаѣ отказа, могла отказать въ пособіяхъ. И вотъ состоялся соборъ, гдѣ, хотя и согласились признать вновь учрежденное патріаршество на Москвѣ, но Москов-

скій патріархъ долженъ былъ занимать младшее мѣсто. Въ Москвѣ на первый разъ были довольны и этимъ.

При этомъ отмѣтимъ: 1) какія установились отношенія между новымъ патріархомъ и подвластнымъ ему клиромъ; 2) какія отношенія установились между нашимъ патріархомъ и византійскимъ.

1) Что касается правъ новаго патріарха въ подвластномъ ему діоцезѣ, то они были тѣ же, какъ и митрополита всея Руси, а именно: а) патріарху, какъ и митрополиту всея Руси, окончательно принадлежалъ судъ церковный, но съ прежнимъ ограниченіемъ: дѣла, важныя для всей церкви, рѣшались соборомъ; б) патріаршеская область была очень обширна, но та же, какъ и митрополита всея Руси; с) дворъ и управленіе патріарха въ сущности остались тѣ же, какъ и при митрополитѣ.

Перемѣна въ степеняхъ іерархіи, происшедшая по учрежденіи патріаршества, состояла въ томъ, что установлено было 4 митрополіи, 6 архіепископій и 8 епископій. Впослѣдствіи число митрополій было увеличено.

2) Отношенія русскаго патріарха къ византійскому приняли слѣдующій видъ: патріархъ Іеремія, при учрежденіи въ Россіи патріаршества, дѣйствовалъ, не унижая константинопольской патріархіи; первенство ея было утверждено въ ряду прочихъ патріархій. Русскому патріарху назначено мѣсто по іерусалимскомъ, хотя царь Θеодоръ желалъ, чтобы нашей патріархіи дано было 3-е мѣсто и старшинство надъ антіохійскою и іерусалимскою. Въ Москвѣ Іеремія далъ Іову уложенную грамоту, скрѣпленную подписью русскихъ и греческихъ духовныхъ, участвовавшихъ на соборѣ.

Съ этого времени русская церковь стала вполнѣ независимой; Русь стала царствомъ, а Москва сдѣлалась патріаршимъ городомъ, и этотъ послѣдній шагъ къ патріаршеству былъ плодомъ дипломатическаго умѣнія Бориса Годунова, который въ то время руководилъ всею дѣятельностью московскаго правительства и прямо гордился этимъ успѣхомъ.

XXIX. Борисъ Годуновъ и его царствованіе.

(Ст. С. В. Вознесенскаго [1]).

Смерть царевича Димитрія въ 1591 году приподняла передъ Борисомъ завѣсу будущаго, и его взорамъ открылась дорога къ престолу. Дѣйствительно, теперь, съ кончиною Θеодора, становилось почти очевиднымъ прекращеніе царствующей династіи, а изъ рукъ, которыя могли бы протянуться къ коронѣ московскаго государя, наиболѣе сильныя были у Годунова. Никто изъ бояръ не обладалъ такимъ могуществомъ, не пользовался такимъ значеніемъ въ государствѣ, какъ онъ. Надломленное опричниной Грознаго, боярство было окончательно добито Борисомъ во время придворныхъ смутъ 1585 и 1587 годовъ [2]). Съ этого момента у послѣдняго

---

[1]) Статья составлена по слѣд. трудамъ: „Очерки смуты" и „Лекціи" проф. Платонова, „Курсъ русской исторіи" проф. Ключевскаго, „Ист. Россіи" Соловьева, т. VIII, критич. разборъ послѣдняго въ I т „Сочиненій" К. Аксакова, „Объ ист. значеніи царствованія Бориса Годунова" Павлова, „Смутное время московскаго государства" Костомарова и „О вліяніи общества на организацію государства" и т. д. Хлѣбникова.

[2]) Объ этихъ смутахъ см. ст. Кулиша: „Придворныя интриги" и т. д. въ т. II „Хрестоматіи".

уже не стало опасныхъ соперниковъ, и онъ сдѣлался настоящимъ „властодержавнымъ правителемъ“, достигнувъ, наконецъ, положенія, къ которому стремился съ необыкновеннымъ упорствомъ и умѣніемъ съ самаго начала царствованія Ѳедора. Событіе въ Угличѣ, въ обстоятельствахъ котораго, по замѣчанію проф. Платонова, заключается много темныхъ и даже неразрѣшимыхъ вопросовъ, поставило Борису иную, болѣе заманчивую цѣль. И какъ раньше онъ постепенно и вѣрно овладѣвалъ властью въ государствѣ и укрѣплялъ свое исключительное положеніе въ правительственной средѣ, такъ и теперь онъ также постепенно и вѣрно началъ готовиться къ тому, чтобы изъ „правителя“ превратиться въ „государя“. Главное средство для этого онъ видѣлъ въ своей государственной дѣятельности, хотя не пренебрегалъ, если это ему было выгодно, и ловкой интригой, и угодничествомъ. Теперь мы и познакомимся съ тѣмъ путемъ къ трону, который прошелъ Годуновъ.

Получившій политическое воспитаніе въ опричнинѣ, хорошо усвоившій программу Грознаго, но чуждый ея крайностей, Борисъ, ставъ у кормила правленія, неизмѣнно являлся въ своей правительственной дѣятельности врагомъ боярства и покровителемъ служилаго сословія. Но при этомъ онъ не былъ только ученикомъ, рабски копировавшимъ своего учителя. По отношенію къ боярамъ онъ не прибѣгалъ къ террору — ненужнымъ казнямъ и пыткамъ, а ограничивался лишь такими средствами борьбы, какъ ссылка и постриженіе, за предѣлы которыхъ не выходилъ даже при счетахъ со своими личными врагами, какъ, напр., съ Шуйскими. По отношенію же къ служилымъ людямъ онъ твердо пошелъ по тому пути, который былъ лишь намѣченъ Грознымъ, именно, онъ хотѣлъ залѣчить главную язву ихъ жизни—укрѣпить расшатанное экономическимъ кризисомъ и опричниной ихъ матеріальное состояніе.

Какъ извѣстно, во второй половинѣ XVI в. въ центральныхъ областяхъ московскаго государства, благодаря развитію служилаго и вообще частнаго землевладѣнія, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ котораго была потеря крестьянами ихъ былой независимости, необыкновенно усилился крестьянскій выходъ. Съ этой потерей крестьяне не мирились. Они массами покидали насиженныя мѣста и уходили на окраины государства, въ „поле“—искать „новыхъ землицъ“ или казацкой воли. Усиленный крестьянскій выходъ привелъ въ страшное разстройство частновладѣльческія земли, лишавшіяся рабочихъ рукъ и приходившія въ „пустошь“. Особенно страдали отъ этого обезлюдѣнія своихъ помѣстій и вотчинъ мелкіе служилые люди, такъ какъ съ ихъ земель преимущественно и выбѣгали крестьяне: у крупныхъ владѣльцевъ послѣднимъ жилось легче, да и уйти отъ нихъ было труднѣе [1]) И мелкіе служилые люди въ конецъ разорялись. Отъ „пустоты“ ихъ хозяйство совсѣмъ погибало, имъ не съ чего было явиться на службу и „впредь служити нечѣмъ“, и сами они нерѣдко шли „бродить межъ дворъ“, пока не попадали на новый помѣстный участокъ или не находили пріюта въ боярской дворнѣ.

Это опустѣніе служилыхъ земель заставило еще Грознаго вмѣшаться въ дѣло. На первый разъ, чтобы не давать служилымъ землямъ уходить въ другія руки, онъ запретилъ въ 1572 и 1580 гг. передавать ихъ во владѣніе духовенства, а въ 1584 г. отмѣнилъ тарханы (податныя льготы) въ церковныхъ вотчинахъ, такъ какъ „съ тѣхъ (земель),—говорится въ

[1]) Подробности объ экономическомъ кризисѣ см. въ ст. С. Ѳ. Платонова: „Соціальное противорѣчіе Московской жизни“ во II т. „Хрестоматіи“.

соборномъ актѣ, проводившемъ послѣднюю мѣру,—никакія царскія дани и земскихъ разметовъ не платятъ, а воинство, служилые люди, тѣ ихъ земли оплачиваютъ; и сего ради многое запустѣніе за воинскими людьми въ вотчинахъ и помѣстьяхъ, платячи за тарханы, а крестьяне, вышедъ изъ-за служилыхъ людей, живутъ за тарханы во льготѣ". Это были слишкомъ палліативныя средства, но они ясно указали Годунову, какъ замѣтилъ проф. Платоновъ, что̀ надо дѣлать и о чемъ заботиться. Главной задачей правительства стало удержать за служилыми людьми ихъ земли, а на земляхъ рабочее населеніе. Если Грозный изъ этихъ двухъ заботъ отдавалъ главное мѣсто первой, то Борисъ на первый планъ выдвинулъ вторую.

Прежде всего, указами 1586 и 1597 гг. онъ предписалъ непремѣнно формальнымъ порядкомъ, черезъ записку крѣпостныхъ документовъ, укрѣплять „людей" и запретилъ держать „вольныхъ холоповъ" безъ крѣпостей [1]). Эта мѣра была направлена противъ „гулящихъ людей": въ то время многіе часто шли добровольно служить въ боярскую дворню, покидая свои тяглыя жеребья или даже оставляя свою государеву службу, и такимъ образомъ „закладывались" за какого-нибудь сильнаго человѣка, способнаго ихъ укрыть какъ отъ долговъ частнымъ людямъ, такъ и отъ государственныхъ повинностей. Теперь всѣ эти лица, даже противъ ихъ воли, становились крѣпостными слугами тѣхъ господъ, у кого ихъ засталъ указъ 1597 г. Раньше думали, что этотъ законъ былъ изданъ въ интересахъ боярства, такъ какъ у нихъ главнымъ образомъ и жили „закладчики", превращавшіеся съ этого времени изъ вольныхъ людей въ холоповъ. Въ дѣйствительности же онъ прежде всего преслѣдовалъ выгоду государства, стремясь, какъ мы отмѣтили, уменьшить приростъ совершенно безполезныхъ для него „гулящихъ людей", а затѣмъ, косвенно, отвѣчалъ и желаніямъ мелкихъ землевладѣльцевъ: вѣдь эта мѣра затрудняла притокъ новыхъ слугъ въ боярскую дворню, одинаково, какъ изъ среды крестьянъ, жившихъ на государственныхъ земляхъ, такъ и изъ среды крестьянъ, жившихъ на земляхъ служилыхъ: и тѣмъ и другимъ теперь было выгоднѣе тянуть тягло на волостной землѣ или землѣ мелкаго помѣщика, чѣмъ попасть въ кабалу къ боярину.

Еще болѣе въ интересахъ служилаго класса была проведена другая мѣра. Въ 1592—93 гг. правительство предприняло такъ называемую перепись „7101 года" и послѣ нея приняло за правило считать старожильцами, лишенными права перехода, всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые были записаны въ этомъ году въ книгахъ на тягломъ жеребьѣ. Такимъ путемъ оно дѣлало значительную часть крестьянъ юридически крѣпкими тѣмъ помѣщикамъ, на земляхъ которыхъ они жили во время переписи. Теперь право перехода оставалось лишь у крестьянскихъ сыновей, племянниковъ, захребетниковъ, вообще у людей, не записанныхъ въ тягло. А относительно бѣглыхъ крестьянъ, т.-е. крестьянъ, ушедшихъ съ тѣхъ земель, на которыхъ они были записаны въ переписныхъ книгахъ, въ

[1]) „Люди" или холопы были рабами—частной собственностью—своихъ владѣльцевъ. Понятно, что правительство запрещало крестьянамъ и служилымъ записываться въ холопство, такъ какъ не хотѣло лишаться лицъ, которые несли тягло или службу государству. Поэтому въ холопьемъ приказѣ, гдѣ совершались всѣ сдѣлки по покупкѣ и продажѣ „людей", лишь въ томъ случаѣ выдавались „крѣпости" на холоповъ, если въ холопы продавались нетяглые и неслужилые. На практикѣ этотъ законъ землевладѣльцы часто обходили: принимая въ холопы лицъ, которые не имѣли права продаваться въ неволю, держали ихъ безъ всякихъ документовъ.

1597 г. вышелъ указъ, разрѣшавшій землевладѣльцамъ искать ихъ въ теченіе пяти лѣтъ [1]).

Желая подобными мѣропріятіями обезпечить положеніе служилаго сословія, что было тѣсно связано не только съ личной выгодой Бориса, но и съ государственной пользой, послѣдній не задумывался жертвовать для этого интерессами и народныхъ низовъ, и общественныхъ верховъ. Что крестьянская масса дѣйствительно пострадала отъ нихъ, это понятно само собой. А то, что они больно били и крупныхъ землевладѣльцевъ, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующихъ словъ послѣдняго указа царя Василія Шуйскаго: „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса, *не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ*, выходъ крестьянамъ заказалъ". Но Годуновъ не боялся ни недовольства народной массы, ни недовольства бояръ. Зато онъ болѣе внимательно прислушивался къ духовенству, которое, какъ отмѣтилъ Павловъ, также относилось съ большимъ несочувствіемъ къ прикрѣпленію крестьянства по тѣмъ же мотивамъ, какъ и бояре. И здѣсь онъ дѣйствовалъ уже посредствомъ ловкой интриги. Церковь обладала на Руси огромной нравственной силой и огромнымъ матеріальнымъ могуществомъ. И Борисъ, естественно, захотѣлъ ее такъ или иначе подчинить себѣ. А для этого,—говоритъ Хлѣбниковъ,—„прежде всего нужно было сосредоточить всю власть духовенства въ однѣхъ рукахъ и поставить во главѣ его человѣка преданнаго". Этого онъ достигъ учрежденіемъ патріаршества и возведеніемъ въ санъ патріарха вполнѣ преданнаго ему Іова. Кромѣ того, — продолжаетъ Хлѣбниковъ, — „заручивъ себѣ главу церкви, Борисъ не оставилъ и ея главныхъ членовъ: четыре епископа были сдѣланы митрополитами, пять архіепископами". Наконецъ, чтобы привлечь на свою сторону и монастыри, онъ снова далъ имъ тарханныя грамоты и даже допустилъ пріобрѣтеніе имѣній по завѣщанію.

Своей внутренней политикой Годуновъ создалъ себѣ прочную опору въ лицѣ склонившихся передъ нимъ духовенства и служилаго класса— сословій, какъ разъ и пользовавшихся въ тогдашнемъ обществѣ наибольшимъ значеніемъ. Изъ нихъ, по выраженію Хлѣбникова: первое „владѣло всѣмъ умственнымъ и нравственнымъ вліяніемъ, а другое сосредоточивало главную военную силу".

Что же касается внѣшней политики Годунова, то она отличалась чрезвычайно миролюбивымъ характеромъ. Русскимъ пришлось вести лишь недолгую войну со Швеціей, въ результатѣ которой они вернули назадъ города, потерянные Грознымъ. Немудрено, что страна, только что пережившая ужасы опричнины и разоренная неудачными войнами, теперь, въ годы, когда Ѳедоръ звонилъ въ колокола и молился, а государственными дѣлами завѣдывалъ Борисъ, стала понемногу оправляться. И служилые люди, и торгово-промышленные слои населенія ясно почувствовали, по выраженію одного современника, это наступленіе „тихаго и безмятежнаго житія". Народъ былъ прямо „изумленъ" правленіемъ Годунова, по словамъ бывшаго тогда въ Россіи Буссова, и прочилъ его въ цари, если прекратится династія.

Къ этому нужно прибавить, что помимо своего исключительнаго значенія въ государствѣ, основаннаго, съ одной стороны, на офиціальномъ положеніи правителя, съ другой—на сочувствіи среднихъ классовъ обще-

[1]) Подробности о происхожденіи и развитіи крѣпостного права въ Россіи и о существующихъ по этому вопросу въ наукѣ разногласіяхъ см. въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ послѣднемъ отдѣлѣ т. II. „Хрестоматіи".

ства, Борисъ сумѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ и огромныя матеріальныя средства. „Со времени вступленія Ѳеодора на престолъ,—говоритъ Павловъ,—Годуновъ сталъ получать ежегодно царскаго жалованья 15,000 р.; сверхъ того, въ качествѣ конюшаго, съ царскихъ конюшенныхъ слободъ имѣлъ ежегодно дохода 12,000 р.; съ торговыхъ бань за валами города Москвы 1,500, съ пожалованной Ѳеодоромъ области Ваги или Шенкурска 32,000 р., изъ княжествъ Рязанскаго и Сѣверскаго 30,000 р., изъ городовъ Твери и Торжка 8,000 р., съ наслѣдственныхъ своихъ владѣній въ Вяземскомъ и Доргобужскомъ уѣздахъ, умноженныхъ другими отчинами, имѣлъ Борисъ 8,000 р. дохода; слѣдственно, всего 106,500 р. Будучи такимъ богачемъ, Годуновъ, по свидѣтельству Горсея, со своими ближними въ 40 дней могъ вывести въ поле 100,000 вооруженныхъ людей". Обладаніе такимъ имуществомъ дало ему возможность небывалой благотворительностью пріобрѣсти народную привязанность, а во время междуцарствія развить широкую агитацію въ народѣ. Понятно поэтому, что наканунѣ смерти Ѳеодора Борисъ такъ хорошо владѣлъ положеніемъ, что никто не осмѣливался вступить съ нимъ въ открытую борьбу. Будущее ему улыбалось—для его осуществленія было все предусмотрѣно,—и онъ спокойно его ожидалъ.

Въ крещенскій вечеръ 1598 г. царь Ѳеодоръ скончался. Передъ смертью онъ отвѣтилъ на вопросъ патріарха Іова о преемникѣ: „Въ семъ моемъ царствѣ и въ васъ воленъ создавшій насъ Богъ; како Ему угодно, тако и будетъ, а съ царицею моей Богъ воленъ, како ей жить, и о томъ у насъ уложено". По духовному завѣщанію, умирающій вручалъ послѣ себя скипетръ своей супругѣ Иринѣ, а душу свою приказывалъ „отцу своему и богомольцу", святѣйшему Іову патріарху, да брату своему царскому Ѳеодору Никитичу Романову-Юрьеву, да шурину своему Борису Ѳеодоровичу Годунову. На разсвѣтѣ, какъ только разнесся по Москвѣ слухъ о царскомъ преставленіи, въ „царствующемъ градѣ" раздались вопль, стенаніе, воздыханіе, „послышалось персей біеніе", и народъ устремился ко дворцу, гдѣ патріархъ и бояре присягали царицѣ Иринѣ. Если бы послѣдняя захотѣла принять власть, ей никто бы не прекословилъ. Все государство признало ея права на престолъ: ея именемъ отдавались приказанія, на ея имя писались отписки въ Москвѣ и городахъ, на ектеніяхъ молились о ея здравіи. Но она не пожелала остаться на осиротѣвшемъ престолѣ, мучимая сознаніемъ, что ею единою „царскій корень конецъ пріятъ", и ушла въ Новодѣвичій монастырь; здѣсь „оставивъ превысокую царскую свѣтлость", она приняла въ 9-й день Ѳеодоровой кончины постриженіе въ иночество. Возможно, что отказъ отъ власти съ ея стороны послѣдовалъ не безъ вліянія Годунова.

Съ этого момента, какъ указываетъ проф. Платоновъ, „въ Москвѣ открылось междуцарствіе и началось исканіе царя". Кромѣ Бориса, народная молва указывала и другихъ претендентовъ на вакантный престолъ. Изъ нихъ наибольшіе шансы были у популярнаго въ Москвѣ Ѳеодора Никитича Романова: ему, по преданію, самъ царь Ѳеодоръ „приказалъ быти по себѣ на престолѣ", какъ „братаничу своему по матери". А въ глазахъ тогдашняго общества близкая кровная связь съ угасшей династіей—Романовы были связаны съ потомствомъ Калиты уже въ двухъ поколѣніяхъ, и самъ покойный царь былъ ихъ крови, — признавалась сильнѣйшимъ аргументомъ въ пользу наслѣдованія престола. Кромѣ того, Романовы занимали видное мѣсто и въ средѣ боярства: вокругъ ихъ сплоченной и многолюдной семьи собралось много другихъ близкихъ имъ по

родству и свойству фамилій. На ряду съ Өедоромъ Никитичемъ въ народѣ называли еще Ѳ. И. Мстиславскаго и Б. Я. Бѣльскаго, по выраженію проф. Платонова, „типичнаго политическаго карьериста, легко идущаго на беззаконіе“ Но кандидатуру послѣдняго, кромѣ его самого, едва-ли кто-либо изъ бояръ поддерживалъ бы, такъ какъ онъ происходилъ изъ второстепеннаго служилаго рода Плещеевыхъ и, сверхъ того, пользовался слишкомъ дурной репутаціей. Точно также не высоко цѣнили бояре и породу Мстиславскихъ, находя, что ихъ учинилъ „великими“ Грозный не по отечеству, а по родству—бабка Ѳ. И. Мстиславскаго была двоюродной сестрой Іоанна IV. Наконецъ, ходили еще темные слухи о кандидатурѣ цесарскаго принца Максимиліана, возникшіе еще въ 1593—4 гг. въ связи съ дѣломъ дьяка А. Щелкалова. Но безспорными претендентами на престолъ являлись, главнымъ образомъ, двое: Борисъ Годуновъ, опиравшійся на средніе классы общества, вполнѣ довольные имъ въ годы его правленія, и Өедоръ Романовъ, поддерживаемый придворной знатью.

Чтобы обезпечить себѣ побѣду, Годуновъ пустилъ въ ходъ всѣ зависѣвшія отъ него средства. Прежде всего онъ занялся дѣятельной агитаціей въ среднихъ слояхъ столичнаго и городского населенія. Какъ глава правительства, онъ съ этой цѣлью назначилъ на административныя должности въ Москвѣ и другихъ городахъ надежныхъ лицъ. Есть извѣстіе, напр., объ отправленіи новыхъ чиновниковъ во Псковъ, новыхъ воеводъ въ Смоленскъ. Въ то же время онъ занялся и прямой агитаціей, разсылая повсюду своихъ агентовъ. Иванъ Тимофеевъ сообщаетъ, напр., что Борисъ всю Москву наполнилъ своими родственниками и „спомогателями“, такъ что вездѣ были его „слухъ и око“. О томъ же говоритъ и враждебно относящійся къ Борису авторъ „Иного сказанія“. По его словамъ, послѣ кончины Өедора Годуновъ „нача посылати злосовѣтниковъ своихъ и рачителей по царствующему граду Москвы и по всѣмъ сотнямъ и по слободамъ и по всѣмъ градомъ Россійскія области ко всѣмъ людямъ, чтобы на царство всѣмъ міромъ просили Бориса“. Старые историки, особенно, Костомаровъ, видѣли въ этомъ какое-то беззаконіе и приписывали его одному лишь Годунову. Однако, уже помимо того, что подобныя агитаціонныя средства во время избирательной борьбы являются обычными, къ нимъ прибѣгали и другіе претенденты: проф. Платоновъ указываетъ, напр., на приходившія во Псковъ письма, въ которыхъ избирательныя дѣла въ столицѣ представлены въ неблагопріятной для Бориса окраскѣ. При этомъ соперники Годунова пользовались въ своей агитаціонной дѣятельности такими орудіями пропаганды, какъ обвиненіе Бориса въ смерти Димитрія и даже Өедора, въ сожженіи Москвы, съ цѣлью отвлечь вниманіе народа отъ углицкаго преступленія, и въ цѣломъ рядѣ другихъ злодѣйствъ.

Но, конечно, кандидатура Бориса имѣла гораздо больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ остальныя. Его офиціальное положеніе правителя государства и огромныя матеріальныя средства дали ему возможность повести широкую агитацію, а прежняя государственная дѣятельность его обезпечила ей успѣхъ. Онъ встрѣтилъ горячія симпатіи и въ служиломъ классѣ, и въ торгово-промышленномъ населеніи городовъ, и въ духовенствѣ. Боярство же, выдвигавшее Романова, было слишкомъ незначительной силой и для осуществленія своихъ цѣлей могло пользоваться только интригой. Оно и попробовало взяться за нее.

Пока Борисъ находился съ сестрой въ монастырѣ и дѣйствовалъ тайно, въ правительственныхъ сферахъ, въ боярской средѣ, возникла

мысль о необходимости предоставить временную власть боярской думѣ. Тогда бояре сдѣлались бы господами положенія, могли бы сами по своему вкусу выбрать царя и даже ограничить его власть въ свою пользу. Но ихъ замыслы разрушила собравшаяся на кремлевской площади толпа, вѣроятно, достаточно подготовленная агентами Годунова. Въ отвѣтъ на предложеніе присягнуть боярской думѣ, сдѣланное по порученію бояръ дьякомъ В. Щелкаловымъ, она отвѣтила крикомъ: „Да здравствуетъ отецъ нашъ, Борисъ Ѳеодоровичъ! Онъ будетъ преемникомъ матери нашей, царицы!“ И бояре уступили желанію московскаго населенія. Но при этомъ они „не хотѣли, — какъ говоритъ проф. Ключевскій, — довольствоваться простымъ обычаемъ, на которомъ держалось ихъ политическое значеніе при прежней династіи. Они ждали отъ Бориса болѣе прочнаго обезпеченія этого значенія, т.-е. ограниченія его власти формальнымъ актомъ— „чтобы онъ государству по предписанной грамотѣ крестъ цѣловалъ“, какъ говоритъ извѣстіе, дошедшее отъ того времени въ бумагахъ историка XVIII в. Татищева“. Правда, бояре прямо объ этомъ не говорили, но ждали, когда Борисъ самъ заговоритъ. Чтобы избѣгнуть этого, ему оставалось дѣлать то же, что дѣлали и они: молча ждать земскаго собора, который выбралъ бы его безъ всякихъ ограниченій: вѣдь главная масса избирателей на немъ должна была выйти изъ среднихъ классовъ общества, гдѣ Годуновъ пользовался огромной популярностью. Вотъ почему неоднократныя настоянія народа и мольбы патріарха встрѣчали съ его стороны отказъ. Онъ понималъ, что согласившись принять власть изъ рукъ толпы, предводительствуемой духовенствомъ, а не путемъ соборнаго избранія онъ неминуемо долженъ былъ бы попасть подъ опеку боярства. И Борисъ, какъ всегда, перехитрилъ своихъ противниковъ: онъ, какъ выразился проф. Ключевскій, „перемолчалъ бояръ и былъ выбранъ безъ всякихъ условій“.

17 февраля 1598 г. собрался въ Кремлѣ земскій соборъ, по поводу котораго такъ горячо упрекали Бориса Карамзинъ, Костомаровъ, Бѣляевъ Павловъ и вообще большинство историковъ. Они смотрѣли на этотъ соборъ, какъ на послушную „игрушку“ въ рукахъ лукаваго правителя, и въ его избраніи на престолъ видѣли одну грубую „комедію“. Но этотъ взглядъ не выдерживаетъ современной научной критики. Проф. Ключевскій убѣдительно доказалъ, что „въ составѣ избирательнаго собора (1598 г. С. В.) нельзя подмѣтить никакого слѣда выборной агитаціи или какой-либо подтасовки членовъ“. Этотъ соборъ былъ совершенно похожъ на соборъ 1566 г. Въ составѣ его были обычныя четыре группы членовъ: одна въ лицѣ освященнаго собора представляла собой высшее церковное управленіе; другая, боярская дума,—высшее управленіе государства; третья состояла изъ военно-служилыхъ людей, четвертая изъ людей торгово-промышленныхъ—гостей, старостъ купеческихъ сотенъ и сотскихъ черносошныхъ обществъ. При этомъ третья группа была представлена такъ же, какъ и на соборѣ 1566 г. (гдѣ ея представители составляли до 55%), сильнѣе другихъ: число членовъ ея на соборѣ 1598 г. доходило до 52%. Всѣхъ же лицъ, участвовавшихъ на избирательномъ соборѣ, какъ указалъ проф. Ключевскій, было 512. Изъ нихъ, по вычисленію проф. Платонова, духовныхъ было около 100 человѣкъ, бояръ до 15, придворныхъ чиновъ до 200, городскихъ и московскихъ дворянъ до 150 и тяглыхъ людей до 50. Эти цифры ясно показываютъ, что большинство членовъ собора вышло изъ среднихъ классовъ общества, благопріятно настроенныхъ по отношенію къ Борису. Немудрено, что искусно

сказанная патріархомъ рѣчь, несмотря на противодѣйствіе нѣкоторыхъ бояръ, особенно, какъ предполагаетъ проф. Платоновъ, Романовыхъ, склонила соборъ къ избранію на престолъ Годунова. Послѣ новыхъ упрашиваній уже отъ лица земли, Борисъ, наконецъ, согласился принять власть. 1 сентября въ Новый годъ произошло вѣнчаніе его на царство, во время котораго онъ, принимая отъ Іова благословеніе, сказалъ: „Отче, великій патріархъ Іовъ! Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ бѣднаго человѣка!" — и тряся воротъ своей рубашки, прибавилъ: „и эту послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми".

Свое вступленіе на престолъ Борисъ ознаменовалъ цѣлымъ рядомъ милостей. Нѣкоторымъ изъ своихъ родственниковъ и друзей онъ пожаловалъ боярство или окольничество; служилымъ людямъ выдалъ двойное жалованье; купцамъ далъ право безпошлинной торговли на два года, земледѣльцевъ освободилъ отъ податей на годъ; есть извѣстіе, что онъ хотѣлъ даже опредѣлить закономъ, сколько крестьяне должны были работать на господъ и платить имъ; вдовамъ и сиротамъ русскимъ и чужеземнымъ были розданы деньги и съѣстные припасы; заключенные въ темницахъ освобождены и получили вспоможеніе, была облегчена и участь нѣкоторыхъ опальныхъ Ѳедорова царствованія. Новгородцамъ были предоставлены особыя льготы: были у нихъ два кабака, отъ которыхъ имъ нужда, тѣснота, убытки и оскуденье учинились; поэтому царь, царица, и царскіе дѣти пожаловали гостей и всѣхъ посадскихъ людей — царскіе денежные доходы съ кабаковъ отставили и кабакамъ на посадѣ быть не велѣли. Кромѣ того пожаловали гостей и всѣхъ посадскихъ людей: съ ихъ дворовъ, лавокъ, прилавковъ, скамей, анбаровъ, лавочные денежные оброки сложили, и мелкіе промыслы для младшихъ посадскихъ людей никому на откупъ давать и оброки съ нихъ брать не велѣли, свою отчину великое государство великій Новгородъ во всемъ отарханили. Инородцы также были освобождены на цѣлый годъ отъ ясака, „чтобъ они дѣтей своихъ и братью, дядей, племянниковъ и друзей отовсюду призывали и сказывали имъ царское жалованье, что мы ихъ пожаловали, ясаку съ нихъ брать не велѣли, а велѣли, имъ жить безоброчно, и въ городахъ бы юрты и въ уѣздахъ волости они полнили". Эти мѣры еще болѣе способствовали популярности Бориса.

Что же касается до государственной дѣятельности Годунова, то характеръ ея оставался прежній. Какъ и раньше, онъ продолжалъ держаться крайней осторожности во внѣшнихъ дѣлахъ. Конечно, онъ не прочь былъ расширить предѣлы государства въ цѣляхъ, главнымъ образомъ, промышленныхъ, но лишь въ томъ случаѣ, если этого возможно было достигнуть безъ упорной борьбы. Война его пугала и не только, какъ указываетъ проф. Платоновъ, „вслѣдствіе общаго разстройства страны", не успѣвшей еще отдохнуть отъ лихихъ годовъ царствованія Грознаго. Были тутъ, безъ сомнѣнія, и чисто личные мотивы. Борисъ, — говоритъ Соловьевъ.—„самъ не имѣлъ ни духа ратнаго, ни способностей воинскихъ, воеводамъ не довѣрялъ, страшился неудачею затмить свое прежнее счастливое въ глазахъ народа правленіе". Вотъ почему онъ не воспользовался, какъ слѣдуетъ, ожесточенной враждой Польши со Швеціей. Прими онъ въ ней участіе, Россія получила бы Ливонію, а вмѣстѣ съ нею и желанный выходъ къ морю. Добиться этого въ то время было не трудно. Но Годуновъ велъ, по выраженію Соловьева, дѣйствительно, „мелочную и двоедушную политику". Думая, что Швеція уступитъ ему Нарву, а Польша Ливонію, онъ грозилъ Швеціи союзомъ съ Польшей,

а Польшѣ союзомъ со Швеціей, и вмѣстѣ съ тѣмъ тайно склонялъ на свою сторону и Нарву, и Ливонію. „Но понятно,—замѣчаетъ Соловьевъ,—что всѣ эти средства, неподкрѣпляемыя дѣйствіями прямыми и рѣшительными, не вели ни къ чему". Несмотря на все желаніе Бориса, ему не удалось прорубить въ Европу окно.

Лучшимъ успѣхомъ сопровождалась политика Годунова по отношенію къ сосѣдямъ на восточной и южной границахъ государства, гдѣ онъ проявлялъ больше энергіи и твердости. На востокѣ ему удалось окончательно утвердить за Россіей цѣлый промышленный міръ—покоренную Ермакомъ Сибирь. Послѣдній независимый владѣтель ея, престарѣлый и слѣпой Кучумъ, послѣ пораженія въ 1598 г. воеводою Воейковымъ на р. Оби, бѣжалъ къ ногаямъ, бросивъ свое царство. Въ новопріобрѣтенномъ краѣ стали возникать города, укрѣпленные и населенные русскими выходцами и ссыльными. Кромѣ уже раньше построенныхъ Кети, Тюменя, Тобольска и др., появились теперь Верхотурье, Туринскъ, Мангазея и др.

На югѣ Борисъ стремился упорядочить охрану границъ отъ набѣговъ крымцевъ. Съ этой цѣлью онъ строилъ крѣпости и засѣки, вновь укрѣплялъ и перестраивалъ раньше существовавшіе города, и провелъ сторожевую линію, посредствомъ которой быстро передавались воеводамъ и въ Москву извѣстія о движеніяхъ татаръ. Въ то же время Годуновъ хотѣлъ и укрѣпить свою власть въ приволжскихъ степяхъ, гдѣ жили ногаи, раздѣлявшіеся на три орды. Изъ нихъ только одна подчинялась Москвѣ, другія же поддерживали сношенія съ Турціей и Крымомъ. Умѣлой политикой натравливанія Борисъ вызвалъ между этими ордами кровопролитную войну, совершенно уничтожившую одинъ изъ враждебныхъ русскимъ улусовъ. Зато въ далекомъ Закавказьѣ Борисъ потерпѣлъ крупную неудачу. Присоединившаяся въ царствованіе Ѳедора Кахетія снова вернулась въ подданство Персіи; въ Дагестанѣ же утвердившіеся было въ Таркахъ воеводы Бутурлинъ и Плещеевъ были вытѣснены отсюда турками, а при отступленіи подверглись нападенію кумыковъ, которые убили воеводъ и вырѣзали до 7000 русскихъ. Случайно пріобрѣтенныя владѣнія въ Закавказьѣ были такимъ образомъ утеряны: Москвѣ еще не хватало силъ стать и здѣсь твердой ногой.

Но, безъ сомнѣнія, важной заслугой Годунова въ области внѣшней политики являются его сношенія съ культурными государствами Европы, что впервые было признано К. С. Аксаковымъ. „Время Бориса,—говоритъ онъ,—это былъ первый, такъ сказать, досугъ Россіи, послѣ 1224 года, послѣ долгаго томительнаго времени татарскаго тяготѣнія. И въ это время досуга случился на престолѣ и досужій царь". Онъ обратилъ пристальное вниманіе на внутреннее состояніе Россіи и хотѣлъ съ помощью „мирнаго братскаго общенія" съ европейцами поднять въ ней очень низкій уровень просвѣщенія и матеріальнаго благосостоянія. Для образованія народа Борисъ думалъ завести въ Москвѣ свѣтскія школы и велъ переговоры съ Любекомъ и Тосканой о присылкѣ преподавателей, которые могли бы научить русскихъ разнымъ наукамъ и иностраннымъ языкамъ. Но этому воспротивилось духовенство, говорившее, что обширная страна русская едина по религіи, нравамъ и языку, а если будетъ много языковъ, встанетъ смута въ землѣ. Тогда царь обратился къ другому средству: уже давно было у русскихъ въ обычаѣ посылать молодыхъ людей въ Константинополь учиться греческому языку; то же сталъ дѣлать и Годуновъ, только посылая молодыхъ дворянъ не къ грекамъ, а въ Любекъ,

Англію, Францію и Австрію. Но и изъ этой попытки ничего не вышло: изъ 18 отправленныхъ за границу юношей вернулся лишь одинъ.

Между тѣмъ потребность въ знающихъ людяхъ, особенно техникахъ и мастерахъ, была въ Москвѣ сильная. И вотъ Борисъ дѣлаетъ то же, что не разъ дѣлали и его предшественники,—вызываетъ въ Россію иностранцевъ, преимущественно врачей, рудознатцевъ, суконниковъ и пр. Возникшая при Грозномъ въ Москвѣ Нѣмецкая свобода, гдѣ были поселены плѣнные ливонцы, теперь стала пополняться нѣмцами, занимавшимися ремеслами и торговлей или же служившими въ войскѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ при Годуновѣ успѣшно развивалась и внѣшняя торговля. Онъ далъ жалованную грамоту ганзейскимъ городамъ, причемъ для Любека пошлина была уменьшена наполовину. О размѣрахъ и характерѣ этой торговли можно судить, напр., по слѣдующему факту: въ 1604 г. въ Архангельскій портъ приходило 29 кораблей изъ Англіи, Голландіи и Франціи, привезшихъ разныя украшенія и предметы домашняго обихода, фрукты и колоніальные товары, порохъ, свинецъ и сталь. Наконецъ, при Борисѣ иностранныя державы не разъ посылали въ Москву посольства, причемъ иногда пріѣзжали сюда и владѣтельныя лица,—принцы шведскій Густавъ и датскій Іоаннъ, за которыхъ царь хотѣлъ выдать свою дочь Ксенію. И это общеніе съ Западомъ не прошло для Россіи безслѣдно. „Ясно высказанная правительствомъ необходимость сближенія съ иностранцами для заимствованія у нихъ знаній,—говоритъ Соловьевъ,—ясно высказанное, слѣдовательно, убѣжденіе въ превосходствѣ иностранцевъ, у которыхъ должно учиться, умноженіе числа этихъ иностранцевъ въ войскѣ, появленіе ихъ въ сословіи торговомъ, почесть, которую оказывалъ имъ царь, державшій медиковъ своихъ, какъ князей или бояръ,—все это не могло не породить въ нѣкоторыхъ русскихъ людяхъ желанія подражать иностранцамъ и начать это подражаніе, по извѣстному закону, съ внѣшняго вида. Современники Борисова царствованія, и свои, и чужіе, согласно говорятъ о пристрастіи русскихъ къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ“.

Что же касается внутренней политики Годунова, то она приняла нѣсколько иное направленіе, въ какомъ шла въ годы его правленія. По прежнему главнымъ объектомъ правительственныхъ попеченій было служилое сословіе. Но оберегая его, Борисъ уже не приносилъ въ жертву его интересамъ такъ прямолинейно, какъ раньше, интересы народной массы. Онъ видѣлъ въ ея средѣ глухое раздраженіе, вызванное отмѣной Юрьева дня послѣ переписи 7101 года, когда огромная часть жившаго на частно-владѣльческой землѣ крестьянства потеряла право свободнаго выхода. И этого раздраженія онъ опасался. Но вернуться къ старому—вновь допустить крестьянскій переходъ—значило въ конецъ разорить служилыхъ людей, такъ какъ ихъ крестьяне попрежнему стали бы уходить на земли монастырей и бояръ, гдѣ жилось имъ гораздо легче. И Годуновъ пошелъ на компромиссъ. Указомъ 1601 года онъ возстановилъ временно старое право перехода, но далеко не во всемъ его объемѣ. Именно, дѣйствіе этого распоряженія не распространялось, во-первыхъ, на весь Московскій уѣздъ, гдѣ находились владѣнія преимущественно крупныхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, во-вторыхъ, и на крестьянъ въ другихъ областяхъ, если они жили на обширныхъ частновладѣльческихъ земляхъ. Такимъ образомъ, могли воспользоваться разрѣшеніемъ перехода лишь крестьяне, жившіе у мелкихъ землевладѣльцевъ—дворянъ, дѣтей боярскихъ, подъячихъ, иноземцевъ, патріаршихъ и архіерейскихъ приказныхъ

людей и т. п. Но и положеніе ихъ едва ли отъ этого значительно улучшилось. Чтобы уйти отъ господина, крестьянинъ долженъ былъ заплатить пожилое—по Судебнику Грознаго, одинъ рубль и два алтына [1]), а также ту ссуду, которую онъ обыкновенно бралъ для хозяйственнаго обзаведенія, когда садился на участокъ. Но денегъ у него въ большинствѣ случаевъ не было, и онъ долженъ былъ подыскивать новаго господина, который внесъ бы прежнему владѣльцу требуемую сумму и такимъ образомъ „вывезъ" бы его къ себѣ. При этомъ требовалось, чтобы и новый господинъ былъ непремѣнно мелкимъ землевладѣльцемъ. Въ 1602 г. это разрѣшеніе было вновь подтверждено. Въ городахъ и по сельскимъ торжкамъ было велѣно биричу кликать: кто изъ крестьянъ хочетъ идти въ крестьяне же къ другимъ землевладѣльцамъ, можетъ какъ и въ прошломъ году выходить на Юрьевъ день осенній: помѣщики и вотчинники обязаны выпускать такихъ крестьянъ безъ всякой зацѣнки и въ крестьянской возкѣ не чинить между людьми боевъ и грабежей; тѣ, кто станетъ грабить крестьянъ или изъ-за себя не выпускать, подвергнутся опалѣ.

Въ тѣхъ же цѣляхъ привлеченія къ себѣ народнаго сочувствія были проведены Годуновымъ и еще нѣкоторыя мѣры. Мы уже отмѣтили, что сейчасъ же по вступленіи на престолъ, Борисъ отмѣнилъ на нѣсколько лѣтъ взиманіе податей. И послѣ онъ не разъ облегчалъ въ той или иной мѣстности налоги и повинности, прощалъ недоимки. Такъ, въ 1601 г. была послана въ Серпуховъ и Коломну грамота, которою отмѣнялись цѣловальники и дьяки для денежныхъ сборовъ, и жители освобождались отъ платежа или подмоги, собиравшейся съ сохъ, и постройки на свой счетъ тюремъ.

Но къ гулящему люду Борисъ относился постарому сурово. Онъ не разъ пытался взять подъ постоянный и бдительный надзоръ Донъ. Лѣтъ черезъ двадцать послѣ его смерти московское правительство напоминало вольнымъ казакамъ, какая неволя была имъ при прежнихъ царяхъ московскихъ и особенно при царѣ Борисѣ: „не вольно было вамъ не токмо къ Москвѣ пріѣхать,—и въ украинные города къ родителемъ своимъ приттить; и купити и продати вездѣ заказано". И дѣйствительно, неволя для казачества была тяжелая. При Годуновѣ правительственная заимка „поля" происходила въ усиленныхъ размѣрахъ. Здѣсь строились города-крѣпости, въ нихъ ставились гарнизоны, вокругъ новыхъ поселеній происходила принудительная запашка земель „на государя", кромѣ того, часто случалось и подневольное верстаніе въ службу тѣхъ, кто служить не хотѣлъ. Къ этому нужно прибавить рядъ строгостей по отношенію къ бродячему казачеству и особенно попадавшимся въ разбойныхъ и татебныхъ дѣлахъ.

Понятно, что казачья масса, организовавшаяся въ это время въ казачьи товарищества, „станицы", съ излюбленными вожаками—„атаманами", относилась къ Годунову враждебно. Не могло простить ему закрѣпощенія и крестьянство, недовольство котораго его половинчатыя, нерѣшительныя мѣры, конечно, не могли уничтожить. Въ то же время Борисъ имѣлъ тайнаго недруга также и въ лицѣ бояръ. Послѣдніе ненавидѣли его и за то, что онъ „перемолчалъ" ихъ и тѣмъ разрушилъ ихъ политическія расчеты, и за то, что попрежнему своей политикой покровительства служилымъ людямъ подрывалъ ихъ экономическое положеніе. И бояре рѣшились на борьбу, причемъ главное участіе въ ней приняли,

---

[1]) Рубль второй половины XVI в. на наши деньги стоилъ до 25 р.

естественно, тѣ изъ нихъ, кто тянулись въ 1598 г. къ царскому вѣнцу. А это были главнымъ образомъ представители новой царской родни некняжескаго происхожденія и ея дворцовые друзья—Романовы и стоявшія за нихъ боярскія фамиліи. Старая титулованная знать держалась пока въ сторонѣ: репрессіи Грознаго и Годунова слишкомъ ее обезсилили.

Первое активное выступленіе боярства произошло спустя два мѣсяца по воцареніи Бориса. „Проигравъ сами въ качествѣ кандидатовъ на царство,—говоритъ проф. Платоновъ,—противники Бориса стали агитировать въ пользу человѣка, не бывшаго до тѣхъ поръ претендентомъ и не испытавшаго избирательной неудачи, но имѣвшаго нѣкоторое основаніе искать вновь той власти въ государствѣ, которою онъ уже разъ номинально обладалъ по прихоти Грознаго". Это былъ Симеонъ Бекбулатовичъ. Но боярская попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Избранный всею землею—соборное избраніе считалось именно таковымъ,—Борисъ являлся вполнѣ законнымъ государемъ, и кандидатура Симеона была для него не опасна. Однако, бояре не отчаивались. Чтобы свести съ престола Годунова, они придумали выдвинуть противъ него человѣка, который въ глазахъ народа имѣлъ бы неоспоримыя права на престолъ. И вотъ, около 1600 г. они пустили легенду о спасеніи царевича Димитрія. Мало того, они нашли и человѣка, принявшаго на себя его имя [1]).

И когда слухи о самозванцѣ дошли до Годунова, онъ сразу понялъ, кто ихъ пустилъ: „это ваше дѣло"—сказалъ онъ боярамъ. Съ этого момента для послѣднихъ вновь воскресли еще незабытые ужасы опричнины. Прежде всего и особенно Борисъ обрушился на тѣхъ изъ нихъ, кто такъ или иначе противодѣйствовалъ его воцаренію. Сперва попалъ въ ссылку Бѣльскій, затѣмъ больше всего пострадали Романовы и цѣлый рядъ близкихъ или родственныхъ имъ фамилій—Черкасскіе, Репнины, Карповы, Сицкіе, Шереметевы, Шестовы и мн. др. Борисъ хотѣлъ съ помощью этого „розыска" напасть на слѣдъ самозванца, но послѣдній ускользнулъ отъ него и пробрался въ Польшу. А между тѣмъ эти преслѣдованія, усиливая вражду бояръ, волновали и народъ. Многочисленная челядь опальныхъ, получавшая свободу и обрекавшаяся на голодъ, теперь расходилась въ разныя стороны, всюду разнося свое озлобленіе на Бориса и свои надежды на царевича. А мы уже знаемъ, какъ относились къ Годунову низы московскаго общества—крестьянство и казачество.

Въ это же время противъ Бориса стала и сама судьба. Страну постигъ трехлѣтній неурожай, вызвавшій небывалый голодъ, а за нимъ и моръ. Несмотря на всю энергію царя, не жалѣвшаго ни государственной, ни своей казны, правительство было безсильно бороться съ этими естественными бѣдствіями. А въ нихъ народъ усмотрѣлъ гнѣвъ Божій на Бориса, незаконно похитившаго престолъ, и тогда сердце и воля народныя окончательно отвернулись отъ него. Задавить боярскую крамолу Годуновъ могъ бы, но справиться съ народной массой ему было не по силамъ. Приведшій въ 1604 г. въ предѣлы Россіи горсть польскихъ авантюристовъ и казаковъ, самозванецъ сразу привлекъ на свою сторону и верхъ и низъ московскаго общества. При такихъ обстоятельствахъ побѣда его была обезпечена, а послѣдовавшая 13 апрѣля 1605 г. смерть Бориса лишь ускорила ее.

---

[1]) См. объ этомъ въ т. II „Хрестоматіи" ст. проф. Платонова: „Вопросъ о происхожденіи Лжедимитрія" и ст. проф. Ключевскаго: „Лжедимитрій I".

XXX. Пребыванiе Лжедимитрiя въ Польшѣ.

(Изъ ст. Костомарова: «Смутное время Московскаго государства», помѣщ. въ «Вѣстн. Евр.» за 1866 г.).

Въ 1600—1601 гг., когда Борисъ учреждалъ по границѣ заставы и не пропускалъ никого даже съ проѣзжими памятьями, сталъ по Кiеву бродить молодой монахъ. Онъ говорилъ о себѣ, что онъ вышелъ изъ Московской земли. Это былъ перехожiй калика, странникъ: много шаталось такихъ повсюду. Онъ поступилъ во дворъ кн. Острожскаго, кiевскаго воеводы. Этотъ столѣтнiй старецъ, главный дѣятель защиты православiя противъ римскаго католичества, былъ гостепрiименъ, особенно для православныхъ духовныхъ; много ихъ проживало у него на его счетъ. Но таинственный монахъ оставался у него недолго: онъ оставилъ его и перешелъ къ панамъ Гойскимъ. Гойскiе были люди чрезвычайно влiятельные и извѣстные. Они были арiане и въ то время оставались самыми ревностными двигателями этой вольнодумной секты въ Рѣчи Посполитой. Православные паны дружили съ еретиками во имя свободы совѣсти. Въ такой кругъ попалъ нашъ калика и сбросилъ съ себя монашеское платье: которые говорятъ, будто онъ служилъ на кухнѣ у Гойскаго, другiе говорятъ, что онъ училъ дѣтей; но вѣроятнѣе третье извѣстiе, что онъ самъ тамъ учился. Сколько мы его знаемъ впослѣдствiи, онъ кое-чему учился и успѣлъ нахвататься вершковъ польскаго либеральнаго воспитанiя. Здѣсь, вѣроятно, онъ прiобрѣлъ навыкъ къ стрѣльбѣ и верховой ѣздѣ и вообще ту ловкость и развязность, которою послѣ отличался. Нашъ калика, побывши нѣсколько времени при дворѣ Гойскаго, сдѣлался ловкимъ молодымъ человѣкомъ, и гимнастика далась ему лучше, чѣмъ латинская грамматика. Сверхъ того, пребыванiе въ этой школѣ свободомыслiя наложило на него печать того религiознаго индифферентизма, которой не стерли впослѣдствiи и отцы iезуиты. Отъ Гойскаго калика перешелъ въ мѣстечко Брагинъ къ кн. Адаму Вишневецкому и поступилъ къ нему на дворовую службу.

Знатные паны держали у себя на дворахъ большiе *оршаки* слугъ. Изъ нихъ одни назывались дворяне, были шляхетскаго происхожденiя и занимали ближайшiя къ панской особѣ должности; изъ нихъ-то составлялась надворная команда, выходившая въ поле подъ панскою хоругвью. Другiе, подъ общимъ названiемъ *либерiи*, составляли дворню: между ними различались гайдуки, казаки, хлопцы, пахолки, пахолята. У пана, какъ у независимаго владѣтельнаго лица, были свои придворные чины. Дворы Вишневецкихъ отличались многолюдствомъ, и паны не были разборчивы въ прiемѣ слугъ, даже сами не знали, кто у нихъ служитъ; приходили къ нимъ и уходили отъ нихъ бродяги разныхъ странъ: стоило только попросить маршала записать себя въ реестрѣ. Молодой московскiй человѣкъ былъ лѣтъ двадцати, худощавъ, небольшаго роста, съ русыми волосами, лицо у него было кругловатое, некрасивое, смуглое, большой расплюснутый носъ, подъ носомъ бородавка, голубые глаза отдавались какою-то задумчивостью, голосъ его былъ прiятенъ, говорилъ онъ складно, съ воодушевленiемъ. Поживши недолго въ ряду другихъ слугъ, онъ заболѣлъ или сказался больнымъ, легъ въ постель и попросилъ къ себѣ русскаго священника. Его исповѣдали. Онъ сказалъ духовнику: „Если

я умру отъ этой болѣзни. похороните меня съ честью, какъ погребаютъ царскихъ дѣтей". Священникъ изумился и спросилъ: „Что значитъ это?"—„Я не открою тебѣ теперь,—отвѣчалъ слуга,—пока я живъ, не говори объ этомъ никому, такъ Богу угодно: по смерти моей возьми у меня изъ-подъ постели бумагу, прочитаешь, узнаешь послѣ моей смерти, кто я таковъ, но и тогда знай самъ, а другимъ не разсказывай". Священникъ, вмѣсто того, чтобы исполнить такъ, какъ говорилъ больной, сдѣлалъ такъ, какъ, быть можетъ, втайнѣ хотѣлось больному: онъ побѣжалъ къ Вишневецкому и разсказалъ все. Вишневецкій вмѣстѣ съ этимъ исповѣдникомъ самъ пришелъ къ больному и сталъ его распрашивать. Тотъ молчалъ. Вишневецкій отыскалъ подъ постелью свитокъ, прочиталъ и узналъ изъ него, что предъ нимъ находится сынъ московскаго царя Іоанна Васильевича Грознаго, Дмитрій, котораго считали убитымъ въ Угличѣ въ царствованіе Ѳеодора Ивановича. Голова закружилась у пана: пріятно стала щекотать его самолюбіе мысль, что въ его домѣ, между его слугами, пришелъ искать убѣжища несчастный изгнанный царевичъ, законный наслѣдникъ великаго сосѣдняго царства. Вишневецкій приложилъ попеченіе о его выздоровленіи. Дмитрій поднялся на ноги очень скоро. Тогда князь одѣлъ его въ богатое платье, началъ обращаться съ уваженіемъ и повезъ его къ брату своему, воеводѣ Константину Вишневецкому. Между тѣмъ дали знать объ этомъ королю. Называвшій себя Димитріемъ разсказывалъ, что Борисъ, посягая завладѣть царствомъ, когда умретъ его зять, царь Ѳеодоръ, тайно приказалъ убить царевича Димитрія, но царевича спасъ его пѣстунъ. Провѣдавъ, что ребенка хотятъ убить, онъ подмѣнилъ его другимъ мальчикомъ, который и былъ убитъ подосланными убійцами на постелѣ, ночью.

Вишневецкіе имѣли большое значеніе въ южно-русскомъ краѣ; домъ ихъ всегда былъ биткомъ набитъ шляхтою. Теперь вѣсть о чудесно спасенномъ царевичѣ распространилась быстро, и всѣ бѣжали смотрѣть на такое диво. Вишневецкій показывалъ его передъ всѣми. Молодой человѣкъ говорилъ о своей судьбѣ съ жаромъ и возбуждалъ сочувствіе въ слушавшей шляхтѣ. „Я долженъ былъ скрываться подъ вымышленными именами,—говорилъ онъ:—я зналъ, какого я происхожденія, и, когда пришелъ въ возрастъ, тяжело мнѣ стало въ Московской землѣ, и я ушелъ къ вамъ и теперь принялъ твердое намѣреніе — возвратить отеческое достояніе. Я не изъ честолюбія хочу этого, а чтобы не торжествовало злодѣяніе: многіе московскіе бояре желаютъ этого, многіе знаютъ, что я живъ, ожидаютъ меня, ненавидятъ тиранна и готовы признать меня законнымъ государемъ". Въ этомъ краѣ, несмотря на сосѣдство, мало были знакомы съ подробностями обстоятельствъ Московской земли и потому легко вѣрили. Этому помогло одно обстоятельство: нашелся въ Польшѣ какой-то ливонецъ, который увѣрялъ, что служилъ царевичу Димитрію въ его дѣтствѣ и былъ тогда въ Угличѣ, когда случилось убійство. „Я не знаю,—говорилъ онъ,—настоящаго ли тогда убили или подмѣненнаго, но я помню царевича и узнаю его, если тотъ, кто называется его именемъ, дѣйствительно настоящій". Король приказалъ послать этого ливонца къ Вишневецкому. Ливонецъ, поговоривши съ претендентомъ, потомъ всѣмъ говорилъ: „Это настоящій царевичъ Димитрій. Я узналъ его по знакамъ на тѣлѣ; кромѣ того, я его распрашивалъ, онъ помнитъ много такого, что случилось въ его дѣтствѣ и чего другой не могъ бы знать". Вѣроятно, отъ этого ливонца пошло въ ходъ доказывать истинность Димитрія, между прочимъ, тѣмъ, что у него на лѣ-

вомъ плечѣ красная родинка, которую, будто бы, видѣли на немъ тогда, когда онъ, будучи еще ребенкомъ, жилъ въ Угличѣ.

Проживая у Вишневецкаго, Димитрій завелъ сношенія съ казаками и побуждалъ ихъ помочь ему достигнуть московскаго престола. Онъ отправилъ поджигать противъ Бориса и донскихъ казаковъ. Это порученіе принялъ на себя, по увѣренію современника, Григорій Отрепьевъ: бывъ монахомъ въ Чудовомъ монастырѣ, онъ служилъ у патріарха Іова для письмоводства и ходилъ съ нимъ въ царскую думу, а потомъ былъ обвиненъ въ чернокнижествѣ и убѣжалъ въ 1602 г. въ Польшу.

Вишневецкій завезъ молодого царевича къ своему тестю Юрію Мнишку, сендомирскому воеводѣ, въ Самборъ, городъ „королевскихъ добръ", отданный въ управленіе Мнишку. Воевода былъ въ восторгѣ, когда узналъ, какого знатнаго и страннаго гостя привезъ ему зять; онъ расточилъ все, чтобы понравиться гостю и плѣнить его. Самборъ зашумѣлъ гостями. Съ разныхъ сторонъ спѣшили посмотрѣть на московскаго царевича. Съѣзжались къ Мнишку сосѣдніе паны. У Мнишка начались пиры, гдѣ всего роскошнѣе выказывалась приманчивая сторона польской жизни. Не скупился Мнишекъ, надѣясь воротить съ лихвою потраченное на счетъ московщины. Димитрій тутъ разсказывалъ о козняхъ Бориса, о собственномъ терпѣніи. Шляхтичи обѣщали служить ему и положить за него жизнь. Димитрій нравился полякамъ.

Дочь Мнишка, Марина, употребила всю силу женской прелести, чтобы овладѣть царевичемъ; а это было нетрудно. Монахъ-скиталецъ влюбился, и первыя впечатлѣнія любви, какъ бываетъ часто, опредѣлили его послѣдующую судьбу. Тутъ, вѣроятно, утвердилось то предпочтеніе всему польскому предъ русскимъ, та любовь къ польскимъ нарядамъ, къ польскому языку, къ польскому образу жизни и къ польскимъ понятіямъ,—все, что впослѣдствіи очертило характеръ этого человѣка и погубило его.

Чтобы увѣрить гостей въ подлинности Димитрія,—какъ, разумѣется, захотѣлось Мнишку съ перваго раза, — призваны были слуги, которые когда-то находились въ плѣну въ московщинѣ. Слуги, разумѣется, говорили такъ, какъ желательно господамъ, увѣряли предъ всѣми, что знали и видали Дмитрія въ московщинѣ, и клялись, что это поистинѣ царевичъ. Ихъ не спрашивали, какъ и гдѣ они могли видѣть царевича; всѣ вѣрили имъ, потому что пріятнѣе было вѣрить, чѣмъ не вѣрить. Въ южно-русскомъ краѣ жило много московскихъ дѣтей боярскихъ, перешедшихъ на жительство во владѣнія польскаго короля: многіе убѣжали туда отъ тиранства Іоанна Васильевича, другіе спасались отъ Бориса. Услышали они, что явился царевичъ. Имъ было подручно признать его за настоящаго.

Кромѣ женскихъ сѣтей, наслѣдника московскаго престола опутывали въ то же время иными сѣтями. Въ Западной Европѣ знали, что въ Московскомъ государствѣ царь всемогущъ, ничто не можетъ остановить его воли: народы привыкли повиноваться ей безъ размышленія и считать справедливымъ то, что царь такимъ почитаетъ. Казалось, нужно только, чтобы московскій государь былъ расположенъ присоединиться къ западной церкви, и весь управляемый имъ край послѣдуетъ за нимъ. При стремленіи римской пропаганды проникнуть въ Московское государство, Димитрій появился чрезвычайно кстати для нея; да и для него, въ его положеніи, она была необходима. Чтобы сыскать себѣ поддержку въ Польшѣ, Димитрію выгодно было показаться готовымъ принять католи-

чество и обѣщать его ввести въ Московское государство, а католической пропагандѣ отыскивался, наконецъ, самый удобный случай для ея видовъ. Димитрія побудили написать письмо къ папскому нунцію Рангони, жившему въ Краковѣ, и искать его покровительства. Кругомъ царевича все твердило, что если онъ пріобрѣтетъ его благосклонность, то успѣхъ несомнѣненъ: нунцій напишетъ святому отцу, а слово святого отца все можетъ—вся Польша пойдетъ за него. Наконецъ, изъ Кракова послѣдовало новое приглашеніе къ Вишневецкому и Мнишку, чтобы они ѣхали въ столицу и везли съ собою спасеннаго чудесно царевича и представили королю.

Димитрій съ панами прибылъ въ Краковъ въ мартѣ 1604 года. На другой день пріѣзда нунцій посѣтилъ Димитрія. Онъ слушалъ съ участіемъ его разсказъ о чудесномъ спасеніи, удивлялся промыслу Божію и говорилъ: „Перстъ Божій явно показываетъ, что Провидѣніе сохранило тебя для великаго дѣла человѣческаго спасенія. Призваніе твое велико!“ Наконецъ, нунцій объявилъ положительно, что король и польская нація будутъ ему помогать только въ такомъ случаѣ, если онъ приметъ покровительство папы и соединеніе со св. римско-католическою религіею. Претенденту некуда было дѣваться: въ случаѣ отказа, онъ лишался помощи. Этого мало: онъ могъ бояться, что когда Борисъ начнетъ усиленно домогаться его выдачи, то его могутъ и выдать, какъ существо безполезное для цѣлей Польши и, напротивъ, вредное для согласія съ сосѣдями. Димитрій обѣщалъ. Обдѣлавши, какъ слѣдуетъ, свое дѣло, монсиньоръ ввелъ самъ царевича къ королю. Сигизмундъ III давно уже ждалъ его и желалъ видѣть. Получивши извѣстіе о появленіи его у Вишневецкихъ, польскій король тотчасъ сообразилъ, что изъ этого можно извлечь выгоды для страны, которою управлялъ, и разослалъ письма къ разнымъ важнымъ панамъ: извѣщалъ о событіи, просилъ совѣта, какъ поступить, а съ своей стороны склонялся къ мнѣнію, что слѣдуетъ принять благосклонно претендента на московскій престолъ, но не излагалъ этого мнѣнія настойчиво, готовясь, во всякомъ случаѣ, послѣдовать чужимъ совѣтамъ. Этимъ поступкомъ король хотѣлъ оградить себя на будущее время отъ укоровъ, которые бы его постигли, еслибъ онъ самовольно поступилъ такъ или иначе въ такомъ важномъ дѣлѣ. Король получалъ различные отвѣты: нѣкоторые совсѣмъ были противъ участія въ этомъ дѣлѣ; другіе не прочь были обратить это явленіе въ пользу Рѣчи Посполитой, но боялись войны съ Московскимъ государствомъ. Выпытавши мнѣніе пановъ, король приготовился принять Димитрія ласково, но сдержанно. Самъ онъ лично былъ болѣе расположенъ въ его пользу, чѣмъ сколько смѣлъ высказать. Онъ встрѣтилъ претендента стоя, съ горделивой, но привѣтливой осанкой, опершись одной рукой на маленькій столикъ, и протянулъ ему руку съ улыбкой. Изгнанникъ поцѣловалъ ее. Король былъ въ шляпѣ. Димитрій съ открытой головой. Димитрій, по обычаю, пересыпалъ рѣчь свою примѣрами изъ исторіи и кончилъ ее такъ: „Вспомните ваше величество, что вы родились узникомъ: Богъ освободилъ васъ и вашихъ родителей; Богъ хочетъ, чтобы вы освободили меня отъ изгнанія и потери отеческаго престола“. Сигизмундъ ничего не отвѣчалъ, но далъ знакъ своему дворецкому; тотъ попросилъ царевича на минуту выйти. Король сталъ совѣтоваться съ нунціемъ наединѣ. Черезъ нѣсколько минутъ царевича позвали снова, за нимъ вошли и паны. Король далъ ему такой отвѣтъ: „Боже тебя сохрани въ добромъ здоровьѣ, московскій князь Димитрій. Мы тебя признаемъ княземъ; мы

вѣримъ тому, что отъ тебя слышали, вѣримъ письменнымъ доказательствамъ, тобою доставленнымъ, и свидѣтельствамъ другихъ; поэтому мы назначаемъ тебѣ на твои нужды сорокъ тысячъ золотыхъ въ годъ; съ этого времени ты другъ нашъ и находишься подъ нашимъ покровительствомъ; мы позволяемъ тебѣ имѣть свободное обращеніе съ нашими подданными и пользоваться ихъ помощью и совѣтомъ, насколько будешь имѣть нужду". Въ этихъ словахъ не было никакого обѣщанія со стороны короля и еще менѣе польской націи: всякое политическое дѣло зависѣло отъ сейма, а не отъ короля. Но и этого уже было достаточно. Сигизмундъ по крайней мѣрѣ заявилъ, что не станетъ противодѣйствовать тѣмъ, которые возымѣли бы доброе желаніе помогать Димитрію. Претендентъ не отвѣчалъ ни слова, пришелъ въ смущеніе; нунцій за него изъявлялъ чувства благодарности. Отъ короля Димитрій отправился къ воеводѣ. Туда прибылъ и нунцій. Снова онъ обнималъ и цѣловалъ Димитрія, совѣтовалъ быть дѣятельнымъ, просилъ присутствовавшихъ пановъ помогать ему всѣми силами къ пріобрѣтенію короны. Димитрія просилъ не забывать своего великаго назначенія—содѣйствовать распространенію римско-католической вѣры. Здѣсь нунцій вручилъ Димитрію письмо отъ папы: святой отецъ посылалъ ему свое благословеніе, назидательные и утѣшительные совѣты и побужденія — преслѣдовать неуклонно предположенную цѣль и возвратить себѣ родительское достояніе. Къ Димитрію назначили отца іезуита Савицкаго, который поучалъ его въ догматахъ католической вѣры, показывалъ ему величіе католическаго богослуженія и укоренялъ въ немъ мысль о соединеніи съ католическою церковью для блага и согласія всего христіанства.

Во время пребыванія его въ Краковѣ явилась толпа московскихъ людей. Во главѣ ихъ былъ какой-то Иванъ Порошинъ съ товарищами: они услышали, что во владѣніи короля польскаго есть кто-то, называющій себя царевичемъ Димитріемъ, и хотѣли взглянуть на него. Когда ихъ допустили, они поклонились ему и признали его своимъ законнымъ государемъ. Тогда же съ Дону прибыло двое атамановъ, Корела и Нѣжакожъ, отправленныхъ на вывѣдку, настоящій ли Димитрій явился. Казацкіе атаманы, видя, что знатные паны и самъ польскій король признаютъ явившагося Димитрія настоящимъ, объявили ему готовность служить всѣмъ тихимъ Дономъ и, воротившись къ своимъ, увѣряли, что царевичъ дѣйствительный. Димитрій воротился съ Мнишками и съ Вишневецкими въ Самборъ. Тутъ паны кликнули кличъ, приглашали шляхту и казаковъ идти съ ними въ московщину добывать законному царю престолъ. Не трудно было набрать охотниковъ на какой-нибудь набѣгъ въ Украйнѣ, особенно Вишневецкимъ, когда они владѣли тамъ множествомъ имѣній, и голосъ ихъ былъ повсюду знаемъ и уважаемъ. Пока собирались охотники, претендентъ опять поселился у Мнишка, и опять начались пиры и веселости. Свидѣвшись вновь съ Мариной, Димитрій, уже признанный отъ короля въ званіи царевича, сталъ смѣлѣе. На помощь ему поспѣлъ патеръ Савицкій, втершійся къ нему въ дружбу іезуитъ. Онъ началъ ему совѣтовать жениться на Маринѣ. Мнишекъ обрадовался, обнималъ нареченнаго зятя, плакалъ отъ умиленія. Но свадьба была отложена до того счастливаго времени, когда Димитрій, низвергнувши Бориса, сядетъ на престолъ московскій. Удостовѣрившись, что дочь совершенно плѣнила Димитрія, Мнишекъ потребовалъ крупную цѣну за свою красавицу. 23-го мая 1604 г. Димитрій вручилъ Мнишку запись, гдѣ давалъ слово жениться на Маринѣ по восшествіи на престолъ, обѣщалъ

дать Мнишку 100,000 польскихъ золотыхъ на подъемъ и на заплату долговъ его, для покупки убранствъ невѣсты и столоваго серебра, а потомъ обѣщалъ во владѣніе будущей женѣ своей Новгородъ и Псковъ со всѣми уѣздами этихъ государствъ и отрекался самъ владѣть въ нихъ. Существуетъ еще другая запись отъ 12-го іюня 1604 г. Тамъ претендентъ обѣщалъ дать самому Мнишку въ вѣчное и потомственное владѣніе Смоленское и Сѣверское княжества, за исключеніемъ половины Смоленской земли и шести городовъ Сѣверской, которые отдавалъ польской коронѣ ради дружелюбія съ польскимъ королемъ.

Живучи у сендомирскаго воеводы, Димитрій написалъ грамоты къ московскому народу и просилъ послать ихъ впередъ, прежде чѣмъ онъ войдетъ въ свое наслѣдіе. Въ этихъ грамотахъ онъ благодаритъ тѣхъ, которые помогли ему спастись, и увѣщевалъ народъ русскій отстать отъ Бориса и признать законнаго государя. Эти грамоты появились въ украинныхъ земляхъ и подготовляли народъ къ появленію царевича. Борисъ принялъ чрезвычайныя мѣры, чтобы ничего и никого не пропускать изъ Литвы; но грамоты Димитрія входили въ Московское государство въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, который привозился въ Россію по случаю дороговизны. Явилось множество незванныхъ слугъ и пособниковъ претенденту, и его грамоты переписывались и распространялись по дорогамъ, на улицахъ городовъ и посадовъ.

XXXI. Борьба Лжедимитрія съ Годуновымъ.

(*Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева*).

15-го августа 1604 г. Лжедимитрій выступилъ въ походъ. Подъ Глинянами поляки, сопровождавшіе его, собрались въ коло и выбрали гетманомъ Юрія Мнишка, выбрали и полковниковъ. Въ октябрѣ 1604 г. Лжедимитрій вошелъ въ области Московскаго государства. Жители перваго пограничнаго города, Моравска, узнавъ, что идетъ царь съ польскимъ войскомъ, стали волноваться и больше изъ страха, чѣмъ по доброй волѣ, отправили къ Димитрію пословъ съ покорностью и присягнули ему. Казаки, которые всегда шли впереди главнаго войска, приблизились къ Чернигову и были встрѣчены выстрѣлами; но потомъ черниговцы вступили въ переговоры и связали воеводу, не хотѣвшаго сдаваться царевичу. Несмотря на то, казаки, до прихода главнаго войска, бросились на посадъ и пограбили его. Димитрій послалъ сказать имъ, чтобы отдали добычу: иначе онъ поведетъ противъ нихъ рыцарство; казаки долго ругались и отговаривались, однако принуждены были возвратить добычу, хотя и не всю. Черниговъ поддался; но не поддался Новгородъ Сѣверскій, гдѣ засѣлъ воевода Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, любимецъ Годунова, который возвысилъ его наперекоръ мѣстничеству. На требованіе сдачи изъ Новгорода Сѣверскаго отвѣчали полякамъ: „Вы пріѣхали на наши деньги съ воромъ!“ Басмановъ отбилъ приступъ, не далъ зажечь города, и нетерпѣливый Лжедимитрій, раздраженный помѣхою, началъ укорять поляковъ: „Я думалъ больше о полякахъ,—говорилъ онъ,—а теперь вижу, что они такіе же люди, какъ и другіе“. Рыцарство отвѣчало ему: „Мы не имѣемъ обязанности брать города приступомъ, однако, не отказываемся и отъ этого, пробей только отверстіе въ стѣнѣ“. Поляки хотѣли-было

уже покинуть его, какъ пришла вѣсть, что воевода князь Василій Рубецъ-Мосальскій сдалъ Путивль, самый важный городъ въ Сѣверской землѣ. Примѣру Путивля послѣдовали другіе украинскіе города, и на протяженіи 600 верстъ отъ запада къ востоку Лжедимитрій уже признавался истиннымъ царевичемъ. Народъ видѣлъ этого царевича, окруженнаго поляками, но видѣлъ и усердіе его къ вѣрѣ православной: такъ, онъ велѣлъ принести въ Путивль изъ Курска чудотворную икону Богородицы, встрѣтилъ ее съ честью, и поставилъ въ своихъ палатахъ, и каждый день горячо молился предъ нею; эта икона сопровождала его и въ Москву, гдѣ онъ держалъ ее также во дворцѣ. Царскій воевода Димитрій Шуйскій стоялъ неподвижно у Брянска, не помогалъ Басманову и писалъ царю, что надобно выслать больше войска. Борисъ велѣлъ набирать полки, но въ приговорѣ объ этомъ наборѣ долженъ былъ признаться, что „войска очень оскудѣли: одни, прельщенные воромъ, передались ему; многіе казаки, позабывъ крестное цѣлованіе, измѣнили, иные отъ долгаго стоянія изнурились и издержались, по домамъ разошлись многіе люди, имѣя великія помѣстья и отчины, службы не служатъ ни сами, ни дѣти ихъ, ни холопы, живутъ въ домахъ, не заботясь о гибели царства и святой церкви“. „Мы судили и повелѣли,—продолжаетъ царь, — чтобы всѣ патріаршіе, митрополичьи, архіепископскіе, епископскіе и монастырскіе слуги, сколько ни есть ихъ годныхъ, немедленно собравшись, съ оружіемъ и запасами, шли въ Калугу; останутся только старики да больные“. Новая рать была поручена первому боярину, кн. Мстиславскому, который сошелся съ войсками самозванца подъ Новгородомъ Сѣверскимъ 18-го декабря: царскаго войска было отъ 40,000 до 50,000, у самозванца же не болѣе 15,000. И прежде, при недостаткѣ ратнаго искусства, многочисленность московскихъ войскъ мало оказывала пользы въ чистомъ полѣ, а теперь шаткость, недоумѣніе отнимали нравственныя силы у воеводъ и воиновъ. Шереметевъ и Салтыковъ еще прежде говорили, что трудно сражаться съ прирожденнымъ государемъ; послѣ этого легко понять, почему, какъ выражается очевидецъ, у русскихъ не было рукъ для сѣчи. Мстиславскій подступилъ къ стану самозванца, но медлилъ, ожидая еще подкрѣпленія: 50,000 противъ 15,000 казалось ему еще мало! Лжедимитрій не хотѣлъ медлить: 21 декабря, одушевивъ свое войско рѣчью, которая дышала полною увѣренностью въ правотѣ дѣла, онъ ударилъ на царское войско, которое тотчасъ дрогнуло. Мстиславскій былъ смятъ въ общемъ разстройствѣ, сбитъ съ лошади, получилъ нѣсколько ранъ въ голову; царское войско потеряло 4,000 человѣкъ убитыми, и только неопытность Лжедимитрія въ ратномъ дѣлѣ помѣшала ему нанесть Мстиславскому совершенное пораженіе. Обозрѣвая послѣ битвы поле сраженія и видя столько труповъ съ русской стороны, Лжедимитрій заплакалъ.

Несмотря, однако, на эту побѣду, которая по настоящему должна была бы сильно возвысить духъ въ сподвижникахъ Лжедимитрія, дѣла его грозили принять очень дурной оборотъ. Левъ Сапѣга писалъ Мнишку, что въ Польшѣ на его предпріятіе смотрятъ очень дурно, и совѣтовалъ возвратиться. И Мнишекъ, подъ предлогомъ сейма, сталъ сбираться въ Польшу; рыцарство начало требовать у Лжедимитрія денегъ. Лжедимитрій ѣздилъ отъ одной роты къ другой, уговаривая рыцарство остаться, но встрѣчалъ только оскорбленія: одинъ полякъ сказалъ ему: „Дай Богъ, чтобы посадили тебя на колъ“. Лжедимитрій далъ ему за это въ зубы, но этимъ не унялъ рыцарства, которое сташило съ него соболью шубу; русскіе приверженцы царевича должны были потомъ выкупать ее. Съ

Лжедимитріемъ осталось только 1,500 поляковъ, которые вмѣсто Мнишка выбрали гетманомъ Дворжицкаго. Но эта убыль въ войскѣ скоро была вознаграждена: пришло 12,000 казаковъ малороссійскихъ, съ которыми самозванецъ засѣлъ въ Сѣвскѣ. Такъ какъ главный воевода кн. Мстиславскій былъ раненъ, то другіе воеводы, Дмитрій Шуйскій съ товарищами, не позаботились извѣстить царя о битвѣ подъ Новгородомъ Сѣверскимъ. Борисъ узналъ объ ней стороною и тотчасъ послалъ къ войску чашника Вельяминова-Зернова съ рѣчью и милостивымъ словомъ. Съ тѣмъ же посланнымъ Борисъ отправилъ Мстиславскому для лѣченія ранъ медика и двоихъ аптекарей. У дворянъ, дѣтей боярскихъ и всѣхъ ратныхъ людей царь и сынъ его велѣли также спросить о здоровьѣ. Такое благоволеніе могло быть оказано войску только за самую блистательную побѣду; слѣдовательно, здѣсь обнаружилась вся робость Годунова предъ опасностью,—робость, заставившая его унизиться до ласкательства предъ войскомъ. Если и разбитое войско получило знаки царскаго благоволенія, то понятно, что Борисъ спѣшилъ осыпать милостями воеводу, который одинъ исполнилъ свою обязанность, какъ должно,—Басманова, защитника Новгорода Сѣверскаго: онъ былъ вызванъ въ Москву, куда имѣлъ торжественный въѣздъ, получилъ боярство, богатое помѣстье, множество денегъ и подарковъ.

На помощь къ больному отъ ранъ Мстиславскому былъ посланъ кн. Василій Ивановичъ Шуйскій, который, при появленіи самозванца, торжественно, съ Лобнаго мѣста, свидѣтельствовалъ предъ московскимъ народомъ, что истинный царевичъ умеръ и погребенъ имъ, Шуйскимъ. Самозванецъ вышелъ изъ Сѣвска и 21-го января 1605 г. ударилъ на царское войско при Добрыничахъ, гдѣ, несмотря на храбрость необыкновенную, потерпѣлъ пораженіе. Но радость Бориса не была продолжительна: скоро пришли вѣсти, что самозванецъ не истребленъ окончательно, а усиливается. Послѣ пораженія при Добрыничахъ самозванецъ заперся въ Путивлѣ и, видя малочисленность своего войска, хотѣлъ-было уѣхать въ Польшу: но теперь между русскими было уже много людей, которые тѣсно соединили свою судьбу съ его судьбою и которые не хотѣли ни сбѣжать въ Польшу, ни отдаваться въ руки Борису: они удержали Лжедимитрія, грозя, что могутъ спасти себя, выдавъ его живымъ Годунову, и утверждая, что, несмотря на пораженіе, средствъ у него еще много, что у Бориса много враговъ. Враги Бориса, которымъ нужно было поддержать самозванца, не замедлили предложить послѣднему свою помощь: 4,000 донскихъ казаковъ явилось въ Путивль. Что же дѣлали въ это время царскіе воеводы? Они пошли осаждать Рыльскъ: но тутъ поляки распустили слухъ, что къ нимъ на помощь идетъ Жолкѣвскій, гетманъ польный: языкъ сообщилъ эту вѣсть царскимъ воеводамъ, которые испугались, отступили поспѣшно отъ Рыльска, стали въ Комарицкой волости и начали страшно мстить ея жителямъ за приверженность къ Лжедимитрію: не было пощады ни старикамъ, ни женщинамъ, ни дѣтямъ, что, разумѣется, еще болѣе усилило ненависть къ Борису и привязанность къ Лжедимитрію. Недѣятельность воеводъ разсердила царя: онъ послалъ сказать воеводамъ, что они ведутъ дѣло нерадиво: столько рати побили, а самозванца не поймали. Бояре и все войско оскорбились: при шаткости, при усобицѣ, первая немилость уже производила сильное неудовольствіе, заставляла много думать, какъ бы избыть немилостиваго государя; уже многіе начали смотрѣть на свою службу не какъ на необходимую обязанность въ отношеніи къ царю и царству, но какъ на милость, которую

они оказывали Борису, и при первомъ неудовольствіи начинали думать объ отступленіи отъ него.

Побуждаемые царемъ, воеводы пошли осаждать Кромы, гдѣ засѣлъ приверженецъ Лжедимитрія Акинфіевъ да донскіе казаки съ атаманомъ Корелою. Воеводы, по словамъ иностранца-очевидца, при осадѣ Кромъ, занимались дѣлами, достойными одного смѣха: но русскій лѣтописецъ говоритъ еще о другихъ дѣлахъ, достойныхъ не одного смѣха: когда деревянная стѣна Кромъ уже сгорѣла и нужно было порѣшить дѣло, Салтыковъ велѣлъ отвезти нарядъ отъ крѣпости, „норовя окаянному Гришкѣ“. Къ шаткости, ослабленію нравственному присоединилось еще бѣдствіе физическое, открылась сильная смертность въ станѣ царскомъ; Борисъ прислалъ лѣкарства ратнымъ людямъ, а между тѣмъ попытался отдѣлаться отъ самозванца отравою, подослалъ къ нему въ Путивль монаховъ съ зельемъ; но умыселъ былъ открытъ, и скоро разнеслась вѣсть о смерти самого Бориса: 13-го апрѣля, когда онъ всталъ изъ-за стола, кровь хлынула у него изъ рта, ушей и носа, и послѣ двухчасовыхъ страданій онъ умеръ, постриженный въ монахи подъ именемъ Боголѣпа. Пронесся слухъ, что онъ погибъ отъ яда, собственною рукою приготовленнаго.

Послѣ Бориса остался сынъ, Ѳедоръ, который, по отзыву современниковъ, хотя былъ и молодъ, но смысломъ и разумомъ превосходилъ многихъ стариковъ сѣдовласыхъ, потому что былъ наученъ премудрости и всякому философскому естественнословію. Дѣйствительно, какъ видно, Борисъ первый изъ царей московскихъ расширилъ для своего сына кругъ знаній, которымъ ограничивались при воспитаніи русскихъ людей: такъ, извѣстна карта Московскаго государства, начерченная рукою Ѳедора. Жители Москвы спокойно присягнули Ѳедору, цѣловали крестъ „государынѣ своей царицѣ и великой княгинѣ Марьѣ Григорьевнѣ всея Руси и ея дѣтямъ, государю царю Ѳедору Борисовичу и государынѣ царевнѣ, Ксеніи Борисовнѣ“, при чемъ прибавлено: „И къ вору, который называется княземъ Дмитріемъ Углицкимъ, не приставать, съ нимъ и съ его совѣтниками не ссылаться ни на какое лихо, не измѣнять, не отъѣзжать, лиха никакого не сдѣлать, государства не подыскивать, не по своей мѣрѣ ничего не искать и того вора, что называется царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣть не хотѣть“. Въ Москвѣ всѣ присягнули безъ сопротивленія; но состояніе умовъ въ жителяхъ областей было подозрительно. Доносили, что въ отдаленныхъ сѣверныхъ областяхъ разносятся слухи о грамотахъ Лжедимитрія, въ которыхъ онъ обѣщаетъ быть въ Москвѣ, „какъ на деревѣ станетъ листъ разметываться“.

Недѣятельность бояръ Мстиславскаго и Шуйскаго, воеводъ огромной рати, неумѣніе или нежеланіе ихъ истребить самозванца, вождя дружины малочисленной, сбродной, заставили новое правительство отозвать обоихъ князей въ Москву и на ихъ мѣсто послать уже показавшаго свою вѣрность и мужество Басманова. Басмановъ увидалъ, что съ войскомъ, въ которомъ господствовала шаткость умовъ и нравственная слабость, ничего сдѣлать нельзя, что дѣло Годуновыхъ проиграно окончательно смертью Бориса, въ которой многіе видѣли указаніе свыше на рѣшеніе борьбы; при томъ же за Ѳедора, при всѣхъ личныхъ достоинствахъ его, извѣстныхъ, впрочемъ, не всѣмъ, не было старины, какъ за отца его, а это въ то время очень много значило. Басмановъ видѣлъ, что воеводы сколько нибудь дѣятельные, способные сообщать дѣятельность, одушевленіе войску, не хотятъ Годуновыхъ, видѣлъ, что противиться общему

расположенію умовъ, значитъ идти на явную и безполезную въ его глазахъ гибель, и, не желая пасть жертвою присяги, рѣшился покончить дѣло. Онъ соединился съ князьями Голицыными, Василіемъ и Иваномъ Васильевичами, съ Салтыковымъ, и 7-го мая объявилъ войску, что истинный царь есть Димитрій. Полки безъ сопротивленія провозгласили послѣдняго государемъ; только немногіе не захотѣли нарушить присяги Өедору и съ двумя воеводами, князьями Ростовскимъ и Телятевскимъ, побѣжали въ Москву. Послѣ измѣны войска, гонцы съ грамотами отъ Лжедимитрія безпрестанно являлись въ Москвѣ, но ихъ хватали и замучивали до смерти. 1-го іюня пріѣхали съ грамотами Наумъ Плещеевъ и Гаврило Пушкинъ; отправились сперва въ Красное село, гдѣ жили богатые купцы и ремесленники, которые еще при царѣ Өедорѣ были не за Годунова. Плещеевъ и Пушкинъ прочли красносельцамъ Лжедимитріеву грамоту. Лжедимитрій напоминалъ въ ней о присягѣ, данной отцу его, Іоанну, о притѣсненіяхъ, претерпѣнныхъ имъ въ молодости отъ Годунова, о своемъ чудесномъ спасеніи, въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ; извинялъ бояръ, войско и народъ въ томъ, что они присягнули Годунову, не вѣдая злокозненнаго нрава его. Въ заключеніе самозванецъ обѣщалъ награду всѣмъ, въ случаѣ признанія, гнѣвъ Божій и свой царскій, въ случаѣ сопротивленія. Красносельцы съ радостью приняли посланныхъ и собрались шумною толпою провожать ихъ въ городъ. Правительство выслало-было противъ нихъ стрѣльцовъ, но тѣ, испугавшись, возвратились съ дороги, и послы Лжедимитрія съ красносельцами достигли безпрепятственно Лобнаго мѣста, гдѣ прочли народу грамоту Лжедимитріеву. Народъ волновался, просилъ Василія Ивановича Шуйскаго объявитъ правду, точно ли онъ похоронилъ Димитрія царевича въ Угличѣ. Шуйскій отвѣчалъ, что царевичъ спасся отъ убійцъ, и вмѣсто его убитъ и похороненъ поповъ сынъ. Ворота въ Кремль не были заперты; толпы народа ворвались туда, схватили царя Өедора съ матерью и съ сестрою во дворцѣ и вывели ихъ въ прежній боярскій домъ Борисовъ; родственниковъ ихъ взяли подъ стражу, имѣніе ихъ разграбили, домы разломали. 3-го іюня отправлены были изъ Москвы къ самозванцу въ Тулу съ повинною бояринъ кн. Иванъ Воротынскій и кн. Андрей Телятевскій, тотъ самый, который убѣжалъ въ Москву, увидя измѣну Басманова и войска. Еще прежде пріѣзда Воротынскаго и Телятевскаго, какъ скоро узнано было о присягѣ Лжедимитрію, отправились въ Москву князья Василій Голицынъ и Василій Мосальскій да дьякъ Сутуповъ покончить съ Годуновыми. Посланные начали съ патріарха Іова, самаго ревностнаго приверженца послѣднихъ; его съ безчестіемъ вывели изъ собора во время самой службы и, какъ простого монаха, сослали въ Старицкій монастырь; сидѣвшихъ подъ стражею родныхъ бывшаго царя также разослали въ заточеніе. Покончивъ съ патріархомъ и Годуновыми, Голицынъ и Мосальскій съ Молчановымъ, Шелефединовымъ и тремя стрѣльцами пошли въ старый домъ Борисовъ: царицу Марью удавили скоро, молодой Өедоръ боролся отчаянно; наконецъ, одному изъ убійцъ удалось умертвить его самымъ отвратительнымъ образомъ; народу объявили, что царица Марія и сынъ ея со страху отравились. Царевна Ксенія осталась въ живыхъ. Тѣло царя Бориса выкопали въ Архангельскомъ соборѣ, положили въ простой гробъ и вмѣстѣ съ женою и сыномъ погребли въ бѣдномъ Варсонофьевскомъ монастырѣ, на Срѣтенкѣ.

XXXII. Лжедимитрій I.

(Изъ «Курса русской исторіи» проф. Ключевскаго).

Въ гнѣздѣ наиболѣе гонимаго Борисомъ боярства съ Романовыми во главѣ, по всей вѣроятности, и была высижена мысль о самозванцѣ. Винили поляковъ, что они его подстроили; но онъ былъ только испеченъ въ польской печкѣ, а заквашенъ въ Москвѣ. Не даромъ Борисъ, какъ только услыхалъ о появленіи Лжедимитрія, прямо сказалъ боярамъ, что это ихъ дѣло, что они подставили самозванца. Этотъ *невѣдомый кто-то*, возсѣвшій на московскій престолъ послѣ Бориса, возбуждаетъ большой анекдотическій интересъ. Его личность доселѣ остается загадочной, несмотря на всѣ усилія ученыхъ разгадать ее. Долго господствовало мнѣніе, идущее отъ самого Бориса, что это былъ сынъ галицкаго мелкаго дворянина, Юрій Отрепьевъ, въ иночествѣ Григорій. Не буду разсказывать о похожденіяхъ этого человѣка, намъ достаточно извѣстныхъ. Упомяну только, что въ Москвѣ онъ служилъ холопомъ у бояръ Романовыхъ и у князя Черкасскаго, потомъ принялъ монашество, за книжность и составленіе похвалы московскимъ чудотворцамъ взятъ былъ къ патріарху въ книгописцы и здѣсь вдругъ съ чего-то началъ говорить, что онъ, пожалуй, будетъ и царемъ на Москвѣ. Ему предстояло за это заглохнуть въ дальнемъ монастырѣ; но какіе-то сильные люди прикрыли его, и онъ бѣжалъ въ Литву въ то самое время, когда обрушились опалы на романовскій кружокъ. Тотъ, кто въ Польшѣ назвался царевичемъ Димитріемъ, признавался, что ему покровительствовалъ В. Щелкаловъ, большой дьякъ, тоже подвергавшійся гоненію отъ Годунова. Трудно сказать, былъ ли первымъ самозванцемъ этотъ Григорій, или кто другой, что̀, впрочемъ, менѣе вѣроятно. Но для насъ важна не личность самозванца, а его личина, роль, имъ сыгранная. На престолѣ московскихъ государей онъ былъ небывалымъ явленіемъ. Молодой человѣкъ роста ниже средняго, некрасивый, рыжеватый, неловкій, съ грустно-задумчивымъ выраженіемъ лица, онъ въ своей наружности вовсе не отражалъ своей духовной природы: богато одаренный, съ бойкимъ умомъ, легко разрѣшавшимъ въ боярской думѣ самые трудные вопросы, съ живымъ, даже пылкимъ темпераментомъ, въ опасныя минуты доводившимъ его храбрость до удальства, податливый на увлеченія, онъ былъ мастеръ говорить, обнаруживалъ и довольно разнообразныя знанія. Онъ совершенно измѣнилъ чопорный порядокъ жизни старыхъ московскихъ государей и ихъ тяжелое, угнетательное отношеніе къ людямъ, нарушалъ завѣтные обычаи священной московской старины, не спалъ послѣ обѣда, не ходилъ въ баню, со всѣми обращался просто, обходительно, не по-царски. Онъ тотчасъ показалъ себя дѣятельнымъ управителемъ, чуждался жестокости, самъ вникалъ во все, каждый день бывалъ въ боярской думѣ, самъ обучалъ ратныхъ людей. Своимъ образомъ дѣйствій онъ пріобрѣлъ широкую и сильную привязанность въ народѣ, хотя въ Москвѣ кое-кто подозрѣвалъ и открыто обличалъ его въ самозванствѣ. Лучшій и преданнѣйшій его слуга П. Ѳ. Басмановъ подъ рукой признавался иностранцамъ, что царь—не сынъ Ивана Грознаго, но его признаютъ царемъ потому, что присягали ему, и потому еще, что лучшаго царя теперь и не найти. Но самъ Лжедимитрій смотрѣлъ на себя совсѣмъ иначе: онъ

держался какъ законный, природный царь, вполнѣ увѣренный въ своемъ царственномъ происхожденіи; никто изъ близко знавшихъ его людей не подмѣтилъ на его лицѣ ни малѣйшей морщины сомнѣнія въ этомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что и вся земля смотритъ на него точно такъ же. Дѣло о князьяхъ Шуйскихъ, распространявшихъ слухи о его самозванствѣ, свое личное дѣло, онъ отдалъ на судъ всей земли и для того созвалъ земскій соборъ, первый соборъ, приблизившійся къ типу народно-представительнаго, съ выборными отъ всѣхъ чиновъ или сословій. Смертный приговоръ, произнесенный этимъ соборомъ, Лжедимитрій замѣнилъ ссылкой, но скоро вернулъ ссыльныхъ и возвратилъ имъ боярство. Царь, сознававшій себя обманщикомъ, укравшимъ власть, едва ли поступилъ бы такъ рискованно и довѣрчиво, а Борисъ Годуновъ въ подобномъ случаѣ, навѣрное, раздѣлался бы съ попавшимися келейно въ застѣнкѣ, а потомъ переморилъ бы ихъ въ тюрьмахъ. Но какъ сложился въ Лжедимитріи такой взглядъ на себя, это остается загадкой столько же исторической, сколько и психологической.

Какъ бы то ни было, но онъ не усидѣлъ на престолѣ, потому что не оправдалъ боярскихъ ожиданій. Онъ не хотѣлъ быть орудіемъ въ рукахъ бояръ, дѣйствовалъ слишкомъ самостоятельно, развивалъ свои особые политическіе планы, во внѣшней политикѣ даже очень смѣлые и широкіе, хлопоталъ поднять противъ турокъ и татаръ всѣ католическія державы съ православной Россіей во главѣ. По временамъ онъ ставилъ на видъ своимъ совѣтникамъ въ думѣ, что они ничего не видали, ничему не учились, что имъ надо ѣздить за границу для образованія; но это онъ дѣлалъ вѣжливо, безобидно. Всего досаднѣе было для великородныхъ бояръ приближеніе къ престолу мнимой незнатной родни царя и его слабость къ иноземцамъ, особенно къ католикамъ. Въ боярской думѣ рядомъ съ однимъ кн. Мстиславскимъ, двумя князьями Шуйскими и однимъ кн. Голицынымъ, въ званіи бояръ сидѣло цѣлыхъ пятеро какихъ-нибудь Нагихъ, а среди окольничихъ значилось три бывшихъ дьяка. Еще болѣе возмущали не однихъ бояръ, но и всѣхъ москвичей своевольные и разгульные поляки, которыми новый царь наводнилъ Москву. Въ запискахъ польскаго гетмана Жолкевскаго, принимавшаго дѣятельное участіе въ московскихъ дѣлахъ Смутнаго времени, разсказана одна небольшая сцена, разыгравшаяся въ Краковѣ, выразительно изображающая положеніе дѣлъ въ Москвѣ. Въ самомъ началѣ 1606 г. туда пріѣхалъ отъ Лжедимитрія послъ Безобразовъ извѣстить короля о вступленіи новаго царя на московскій престолъ. Справивъ посольство по чину, Безобразовъ мигнулъ канцлеру въ знакъ того, что желаетъ поговорить съ нимъ наединѣ, и назначенному выслушать его пану сообщилъ данное ему князьями Шуйскими и Голицыными порученіе—попенять королю за то, что онъ далъ имъ въ цари человѣка низкаго и легкомысленнаго, жестокаго, распутнаго мота, недостойнаго занимать московскій престолъ и не умѣющаго прилично обращаться съ боярами; они де не знаютъ, какъ отъ него отдѣлаться, и ужъ лучше готовы признать своимъ царемъ королевича Владислава. Очевидно, большая знать въ Москвѣ что-то затѣвала противъ Лжедимитрія и только боялась, какъ бы король не заступился за своего ставленника. Своими привычками и выходками, особенно легкимъ отношеніемъ ко всякимъ обрядамъ, отдѣльными поступками и распоряженіями, заграничными сношеніями Лжедимитрій возбуждалъ противъ себя въ различныхъ слояхъ московскаго общества множество нареканій и неудовольствій, хотя внѣ столицы, въ народныхъ массахъ популярность его не ослабѣ-

вала замѣтно. Однако, главная причина его паденія была другая. Ее высказалъ коноводъ боярскаго заговора, составившагося противъ самозванца, кн. В. И. Шуйскій. На собраніи заговорщиковъ наканунѣ возстанія онъ откровенно заявилъ, что признал Лжедимитрія только для того, чтобы избавиться отъ Годунова. Большимъ боярамъ нужно было создать самозванца, чтобы низложить Годунова, а потомъ низложить и самозванца, чтобы открыть дорогу къ престолу одному изъ своей среды. Они такъ и сдѣлали, только при этомъ раздѣлили работу между собою: романовскій кружокъ сдѣлалъ первое дѣло, а титулованный кружокъ съ кн. В. И. Шуйскимъ во главѣ исполнилъ второй актъ. Тѣ и другіе бояре видѣли въ самозванцѣ свою ряженую куклу, которую, подержавъ до времени на престолѣ, потомъ выбросили на задворки. Однако заговорщики не надѣялись на успѣхъ возстанія безъ обмана. Всего больше роптали на самозванца изъ-за поляковъ; но бояре не рѣшались поднять народъ на Лжедимитрія и на поляковъ вмѣстѣ, а раздѣлили обѣ стороны, и 17 мая 1606 г. вели народъ въ Кремль съ крикомъ: „поляки бьютъ бояръ и государя". Ихъ цѣль была окружить Лжедимитрія будто для защиты и убить его.

XXXIII. Гибель Лжедимитрія.

(Изъ «Московской лѣтописи Бера», помѣщенной въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитіи Самозванцѣ»).

На другой день Пасхи, 24-го апрѣля, пріѣхалъ въ Москву воевода сендомирскій, отецъ Марины: его пышно встрѣтили князья, бояре и стрѣльцы. А черезъ пять дней, 1-го мая, и царская невѣста пожаловала. Въ продолженіе всего этого дня какъ на главныхъ воротахъ, такъ и на внутреннихъ играли безъ умолку московскіе музыканты. Не всѣ, однако, веселились: во время шествія, между Никитенкою и Кремлевскими воротами, поднялась буря, какъ и въ день пріѣзда Димитріева. Многіе считали это бѣдственнымъ предзнаменованіемъ; въ особенности пріуныли москвитяне: они весьма неохотно принимали гостей иноземныхъ, тѣмъ болѣе, что польскіе всадники были вооружены съ головы до ногъ. Они спрашивали знакомыхъ нѣмцевъ: развѣ по ихъ обычаямъ въ полномъ вооруженіи пріѣзжаютъ на свадьбу? А какъ начали поляки изъ своихъ повозокъ вынимать, между прочими вещами, по 5 и по 6 ружей, опасенія москвитянъ еше болѣе увеличились: они ждали большой бѣды. Уже и прежде народъ, замѣтивъ особенную милость Димитрія къ полякамъ и нѣмцамъ, сталъ вѣрить словамъ Шуйскаго, который, вмѣстѣ съ другими боярами, разглашалъ, что царь есть самозванецъ; прибытіе многихъ вооруженныхъ поляковъ дало новую пищу подозрѣнію: москвитяне жалѣли о Борисѣ и думали, что поляки и нѣмцы непремѣнно ихъ перебьютъ.

Шуйскій, котораго Димитрій помиловалъ себѣ на бѣду, свѣдавъ о народномъ негодаваніи, созвалъ въ свой домъ единомышленныхъ бояръ, купцовъ, сотниковъ, пятидесятниковъ и сказалъ имъ, что Москва, наполненная иноземцами, находится въ крайней опасности, что онъ давно это предсказывалъ и хотѣлъ пособить горю, но москвитяне его не поддержали, а онъ едва не потерялъ головы. Теперь они видятъ слѣдствія: Россія въ рукахъ поляковъ. Да и самъ Димитрій полякъ: его признали

цесаревичемъ только для того, чтобы свергнуть Бориса, надѣясь, впрочемъ, найти въ юномъ героѣ защитника вѣры и отечественныхъ обычаевъ; но всѣ жестоко обманулись: онъ любитъ только иноземцевъ, презираетъ святыхъ, оскверняетъ храмы чудотворца Николая и пречистой дѣвы Маріи, дозволилъ входить въ нихъ некрещенымъ, ляхамъ, да еще съ собаками, онъ изгоняетъ пастырей церковныхъ изъ домовъ ихъ, которые отдаетъ латинамъ, а самъ женится на поганой полькѣ. „Если мы—продолжалъ Шуйскій,—не примемъ заранѣе мѣръ, то онъ надѣлаетъ намъ еще болѣе бѣдствій. Я же, для спасенія православной вѣры, снова готовъ на все рѣшиться; только бы вы мнѣ помогали съ усердіемъ и вѣрностью: каждый сотникъ долженъ объявить подчиненнымъ, что царь есть самозванецъ и что онъ замышляетъ злое съ своими поляками; пусть посовѣтуются съ гражданами московскими, какимъ образомъ отклонить бѣду. За насъ нѣсколько сотъ тысячъ, а у него только пять тысячъ поляковъ, да и тѣ разсѣяны по разнымъ мѣстамъ города. Стоитъ только назначить день, чтобы избить ихъ сонныхъ вмѣстѣ съ обманщикомъ". Въ заключеніе Шуйскій убѣждалъ единомышленниковъ приступить къ дѣлу заблаговремено и тотчасъ его извѣстить, на что рѣшатся граждане. Народъ, уже склоненный къ мятежу, охотно согласился очистить городъ православный отъ невѣрныхъ и обѣщалъ принять сторону Шуйскаго, лишь только настанетъ часъ къ исполненію заговора. Тогда условились въ планѣ: по первому набату, москвитяне долженствовали броситься во дворецъ съ воплемъ: „Поляки губятъ царя", и, окруживъ государя, будто бы для защиты, предать его смерти; потомъ ворваться въ польскія жилища, которыя наканунѣ будутъ означены русскими буквами, и всѣхъ чужестранцевъ истребить, не трогая, однако же, нѣмцевъ, всегда преданныхъ Россіи.

Такъ составленъ былъ тайный заговоръ. Димитрій отчасти провѣдалъ о зломъ умыслѣ, но ни мало не безпокоился; онъ думалъ, что имѣетъ довольно силы для усмиренія русскихъ, а того не размыслилъ, что поляки, разсѣянные по городу, жили далеко отъ дворца. Онъ испыталъ это во время бунта.

8-го мая совершилось царское бракосочетаніе. Вскорѣ потомъ царица была коронована. Наканунѣ свадьбы Димитрій имѣлъ жаркій споръ съ своими боярами: поляки хотѣли нарядить невѣсту въ польское платье, говоря, что къ иноземному она еще не привыкла: русскіе же требовали, чтобы какъ царь, такъ и царица вѣнчались по старинѣ, въ русскомъ. Послѣ долговременнаго пренія Димитрій сказалъ: „Хорошо! я согласенъ исполнить желаніе бояръ и обычай народный, чтобы никто не жаловался, будто я замышляю великія перемѣны. Одинъ день ничего не значитъ!" Потомъ, убѣдивъ невѣсту надѣть русское платье, онъ обвѣнчался съ нею въ церкви Пресвятыя Богородицы, но въ слѣдующій день (9-го мая) прислалъ къ супругѣ польскую одежду, объявивъ при томъ: „Вчера я сдѣлалъ угодное народу, теперь же намѣренъ дѣйствовать по собственной волѣ". Съ того времени царица всегда наряжалась по-польски. Праздновали эту свадьбу очень весело; поляки при семъ случаѣ напились допьяна и, возвращаясь домой, дозволяли себѣ самые наглые поступки; рубили саблями встрѣчавшихся москвитянъ и позволяли себѣ другія насилія. Народъ все это бралъ на замѣчаніе.

Въ субботу, 10-го мая, царь приказалъ изготовить всѣ мясныя кушанья изъ телятины, презрѣвъ народный обычай: такую пищу русскіе признаютъ заповѣдною. Русскіе повара не упустили разгласить о томъ въ

народѣ, и москвитяне еще болѣе убѣдились, что царь ихъ полякъ, но скрывали свое негодованіе, выжидая удобнаго случая.

11-го мая Мартинъ Беръ, уроженецъ нейштатскій, говорилъ во дворцѣ, съ дозволенія государя, первую лютеранскую проповѣдь для господъ капитановъ, докторовъ и другихъ нѣмцевъ, коимъ слишкомъ далеко было ходить въ нѣмецкую слободу.

12-го мая разнеслась въ городѣ молва, что Димитрій измѣнилъ православію; говорили, что онъ весьма рѣдко посѣщаетъ Божіи храмы, гдѣ прежде такъ часто присутствовалъ, слѣдуетъ чуждымъ обычаямъ, ѣстъ нечистую пищу, не выпарившись ходитъ къ обѣднѣ, не кладетъ поклоновъ предъ образомъ чудотворца Николая, послѣ свадьбы ни разу со своею поганою женою не мылся въ банѣ, хотя она безпрестанно топится: все убѣждало народъ, что царь не истинный Димитрій, и что страшная бѣда грозитъ отечеству. Такъ говорили вслухъ на всѣхъ рынкахъ. Двое алебардщиковъ, схвативъ одного изъ такихъ говоруновъ, привели его во дворецъ и донесли государю, какой умыселъ затѣяли измѣнники. Димитрій сдѣлался осторожнѣе, собралъ всю гвардію, велѣлъ ей быть во дворцѣ безотлучно и приказалъ допросить возмутителя; но коварные бояре смотрѣли на бездѣльника сквозь пальцы и увѣрили царя, что виновный болталъ дерзкія рѣчи отъ глупости, въ пьяномъ видѣ, что и трезвый онъ умнѣе не бываетъ; говорили при томъ, что государь напрасно слушаетъ пустыя вѣсти наушниковъ нѣмцевъ и что у него довольно силы для усмиренія мятежа, если бы кто либо его затѣялъ. Эти увѣренія успокоили безстрашнаго героя: онъ не обратилъ даже вниманія на донесенія своихъ капитановъ, которые 13-го, 14-го и 15-го мая увѣдомляли его о таившейся измѣнѣ, спряталъ ихъ письменные извѣты и, сказавъ: „Все это ничего не значитъ“, оставилъ изъ всей гвардіи во дворцѣ попрежнему не болѣе 50 воиновъ, а прочимъ велѣлъ разойтись по домамъ и ожидать его приказанія. Но справедливо говоритъ пословица: чѣмъ менѣе думаемъ, тѣмъ скорѣе бѣда сбывается. Димитрій оправдалъ изреченіе св. апостола Павла: „Егда бо рекутъ миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападаетъ на нихъ все губительство“. Царь, не вѣрившій ни предзнаменованіямъ, ни очевиднымъ свидѣтельствамъ, былъ сраженъ измѣнниками прежде, нежели успѣлъ опомниться.

Ночью на 16-е мая случился такой морозъ, какого еще никогда не бывало: всѣ овощи завяли. Это не предвѣщало ничего добраго.

Наконецъ, на 17 мая свершился дьявольскій умыселъ, таившійся въ продолженіе цѣлаго года. Въ 3 часа пополуночи, когда царь и польскіе господа покоились глубокимъ сномъ и не успѣли еще проспаться отъ вчерашняго похмелья, измѣнники вдругъ ударили во всѣ колокола. Народъ взволновался: нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, схвативъ дубины, ружья, сабли, копья, кто что могъ, устремились ко дворцу съ крикомъ: „Кто умерщвляетъ царя?“—„Поляки“, отвѣчали бояре. Димитрій, изумленный тревогою, немедленно приказалъ своему любимцу Басманову узнать о причинѣ смятенія. Но коварные бояре отвѣчали вельможѣ, что имъ неизвѣстно, отчего волнуется народъ, и что, вѣроятно, случился гдѣнибудь пожаръ. Когда же съ громомъ набатовъ соединились неистовые крики, достигшіе внутреннихъ царскихъ покоевъ, Димитрій выслалъ Басманова вторично съ повелѣніемъ удостовѣриться, точно ли открылся пожаръ, и самъ оставилъ свое ложе и спѣшилъ одѣться. Басмановъ видитъ весь дворъ наполненный людьми вооруженными и спрашиваетъ,

чего они хотятъ, что значитъ колокольный звонъ. Народъ завопилъ: „Выдай самозванца, тогда узнаешь отвѣтъ нашъ!"

Не сомнѣваясь въ бунтѣ, Басмановъ бросился назадъ, приказалъ копьеносцамъ не впускать ни одного человѣка, а самъ въ отчаяніи прибѣжалъ къ царю, рвалъ на себѣ волосы и говорилъ ему: „Бѣда, государь! Народъ требуетъ головы твоей! Ты самъ виноватъ: зачѣмъ не послушалъ вѣрныхъ нѣмцевъ!" Между тѣмъ одинъ изъ бояръ ворвался сквозь толпу тѣлохранителей въ царскій покой и закричалъ Димитрію: „Ну, безвременный царь! Проспался ли ты? Зачѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?" Вѣрный Басмановъ, схвативъ царскій палашъ, срубилъ голову наглецу. Самъ Димитрій вышелъ въ переднюю, гдѣ были его алебардщики, схватилъ мечъ у курляндскаго дворянина Вильгельма Шварцгофа и, грозя имъ народу, закричалъ: „Я вамъ не Борисъ!" Но, встрѣченный выстрѣлами, спѣшилъ удалиться. Басмановъ подошелъ къ толпѣ бояръ и просилъ ихъ не выдавать государя. Татищевъ, знатный вельможа, обругалъ его какъ нельзя хуже и ударилъ своимъ длиннымъ ножемъ такъ, что онъ палъ мертвый. Бояре бросили его съ крыльца, вышиною въ 12 саженъ. Такъ погибъ за царя этотъ герой, другъ и покровитель нѣмцевъ.

Мятежники, ободренные смертью храбраго и осторожнаго мужа, какъ псы кровожадные, кинулись на тѣлохранителей, требуя выдачи обманщика. Царь снова явился предъ буйною толпою и хотѣлъ разогнать ее палашемъ. Но легко ли было одолѣть такое множество? Чернь вырубила нѣсколько досокъ въ стѣнѣ, вломилась въ палаты и обезоружила копьеносцевъ. Димитрій едва могъ убѣжать во внутренніе покои. Нѣмцы заперлись извнутри и стали за дверьми.

Устрашенный царь бросилъ палашъ, не говорилъ ни слова, рвалъ на себѣ волосы и потомъ скрылся въ другой комнатѣ. Русскіе, стрѣляя въ дверь перваго покоя, заставили нѣмцевъ отойти въ сторону; наконецъ, раздробили ее топорами. „О, для чего, — говорили между собою алебардщики, — мы здѣсь не всѣ вмѣстѣ и не имѣемъ ружей! Тогда мы увѣнчались бы славою и спасли бы царя: это оружіе годится только для красы, а не для дѣла. И онъ, и мы пропали. Горе женамъ, дѣтямъ и друзьямъ нашимъ! Ихъ вѣрно уже нѣтъ въ живыхъ! Горе и царю, отвергшему совѣты наши! Погибая самъ, онъ губитъ и насъ!" Они удалились въ другую комнату, куда скрылся Димитрій, и заперли ее; но видя, что его тамъ нѣтъ, бросились въ третью, гдѣ также его не было.

Царь между тѣмъ пробѣжалъ царицыны покои, достигнулъ Каменнаго дворца и выскочилъ отъ страха въ окно, вышиною отъ земли на 15 саженъ; но вся надежда на спасеніе исчезла: онъ вывихнулъ себѣ ногу. Русскіе, преслѣдуя его изъ одной комнаты въ другую, напали на тѣлохранителей, стоявшихъ подлѣ царской умывальни, и, отнявъ у нихъ оружіе, приставили къ нимъ столько людей, что лишили ихъ всякаго средства къ освобожденію, при чемъ, распрашивая, куда дѣвался царь, обыскивали дворецъ и похитили множество сокровищъ. Бояре же и князья вломились къ царицѣ. Женщины ея обмерли отъ страха, а сама она спряталась подъ юбку своей гофмейстерины. „Гдѣ царь и царица?" воскликнули бояре (имя грубыхъ мужиковъ было имъ приличнѣе). „Вамъ лучше должно знать, куда вы дѣвали царя. Мы не обязаны его караулить", было отвѣтомъ. „Непотребныя, — закричали бояре, — гдѣ царица ваша?" „На что же вамъ царица?" спрашиваетъ гофмейстерина. Ей отвѣчаютъ страшными угрозами. Послѣ того бояре раздѣлили между собою

всѣхъ дѣвицъ, благородныхъ полекъ, и отослали ихъ въ свои дома. Гофмейстерину же, толстую старуху, подъ платьемъ коей притаилась Марина, бояре оставили въ покоѣ, только бранили ее безъ пощады и требовали непремѣнно, чтобы она призналась, куда скрылась ея царица. „Сегодня рано поутру, — сказала гофмейстерина, — мы отправили ее въ домъ пана воеводы сендомирскаго; тамъ она и теперь“.

Между тѣмъ стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ у чертольскихъ воротъ, увидѣвъ лежачаго государя и услышавъ стоны его, спѣшили помочь ему и хотѣли отнести его во дворецъ. Народъ, замѣтивъ это, увѣдомилъ бояръ, которые тотчасъ оставили гофмейстерину и бросились съ крыльца, въ намѣреніи умертвить Димитрія. Тщетно стрѣльцы, имъ убѣжденные, старались спасти его: положивъ на мѣстѣ одного или двухъ бояръ ружейными выстрѣлами, они вскорѣ должны были уступить силѣ.

Бояре схватили разбившагося въ паденіи царя и повлекли его такъ, что онъ могъ бы сказать съ плѣнникомъ Плавта: „Слишкомъ несправедливо тащить и колотить въ одно время“. Его внесли въ комнаты, прежде великолѣпно убранныя, но тогда уже разграбленныя и изгаженныя. Въ прихожей было нѣсколько тѣлохранителей подъ стражею, сбезоруженныхъ и печальныхъ. Царь взглянулъ на нихъ, и слезы потекли изъ глазъ его; онъ протянулъ одному изъ нихъ руку, но не могъ выговорить ни слова; что думалъ, извѣстно только Богу-сердцевѣдцу; можетъ быть, онъ вспомнилъ неоднократныя предостереженія своихъ вѣрныхъ нѣмцевъ. Одинъ изъ копьеносцевъ, ливонскій дворянинъ Вильгельмъ Фирстенбергъ, пробрался въ комнату, желая знать, что будетъ съ царемъ, но былъ заколотъ однимъ изъ бояръ подлѣ самого государя. „Смотри,—говорили нѣкоторые вельможи,—какъ усердны псы нѣмецкіе! И теперь не покидаютъ своего царя; побьемъ ихъ до послѣдняго!“ Но другіе не согласились.

Принесшіе Димитрія въ комнату поступали съ нимъ не лучше жидовъ: тотъ щипнетъ, другой кольнетъ. Вмѣсто царской одежды, нарядили его въ платье пирожника и осыпали насмѣшками. „Поглядите на царя всероссійскаго,—сказалъ одинъ,—у меня такой царь на конюшнѣ!“. „А я бы этому царю далъ знать“, говорилъ другой. Третій, ударивъ его по лицу, закричалъ: „Говори, кто ты, кто твой отецъ, и откуда ты родомъ?“ „Вы всѣ знаете, — отвѣчалъ Димитрій, — что я царь вашъ, сынъ Іоанна Васильевича. Спросите мать мою, она въ монастырѣ; или выведите меня на лобное мѣсто и дозвольте мнѣ объясниться“. Тутъ выскочилъ сь ружьемъ одинъ купецъ, по имени Валуевъ, и, сказавъ: „Чего толковать съ еретикомъ? Вотъ я благославлю этого польскаго свистуна!“— прострѣлилъ его насквозь.

Между тѣмъ старый измѣнникъ Шуйскій разъѣзжалъ на дворѣ верхомъ и уговаривалъ народъ скорѣе умертвить вора. Всѣ мятежники бросились ко дворцу; но какъ онъ былъ уже наполненъ людьми, то они остановились на дворѣ и хотѣли знать, что говорилъ польскій шутъ; имъ отвѣчали, что Димитрій винится въ самозванствѣ (чего онъ, впрочемъ, не сдѣлалъ). Тутъ всѣ завопили: „Бей его, руби его“. Князья и бояре обнажили сабли и ножи: одинъ разсѣкъ ему лобъ, другой затылокъ; тотъ отхватилъ ему руку, этотъ ногу; нѣкоторые вонзали въ животъ ему ножи. Потомъ вытащили трупъ убіеннаго въ сѣни, гдѣ погибъ вѣрный Басмановъ, и, сбросивъ его съ крыльца, кричали: „Ты любилъ его живаго, не разставайся и съ мертвымъ!“ Такимъ образомъ, тотъ, кто вчера гордился своимъ могуществомъ и въ цѣломъ свѣтѣ гремѣлъ славою, теперь лежитъ въ пыли и прахѣ. Бѣдствіе поразило и его, и супругу, и

гостей въ девятый день послѣ брака. Не худо бы было и другимъ остерегаться такой же свадьбы: она была не лучше парижской. Димитрій царствовалъ безъ 3 дней 11 мѣсяцевъ.

XXXIV. Вопросъ о происхожденіи перваго Лжедимитрія.

(Изъ ст. С. Θ. Платонова, помѣщенной въ «Вѣстникѣ и Библіотекѣ Самообразованія» за 1904 г.).

Одинъ изъ современниковъ самозванца записалъ о немъ, что „во 112 (1604) году, августа въ 15 день, поиде злонравный въ Россійскіе предѣлы двѣма дороги: отъ Кіева чрезъ Нѣпръ рѣку, а иные идоша по Крымской дорогѣ“. Съ тѣхъ поръ междоусобіе на Руси не прекращалось цѣлый десятокъ лѣтъ, пока потрясенный общественный порядокъ не нашелъ для себя новыхъ прочныхъ формъ.

Загадочное происхожденіе перваго самозванца, сложность и важность поднятого имъ движенія, изумительный успѣхъ самозванческой интриги, сказочный интересъ многихъ подробностей этой интриги—все это привлекало и теперь привлекаетъ къ себѣ вниманіе ученыхъ и писателей. Начиная съ XVIII вѣка и до нашихъ дней самозванецъ и его дѣло служатъ одною изъ любимыхъ „ходячихъ“ темъ для научныхъ монографій, романовъ, драмъ и иного рода литературныхъ произведеній. Вѣковая работа ученой мысли и творческаго воображенія еще не сняла покрова тайны съ самозванца, но успѣла разгадать въ немъ кое-какія черты, неизвѣстныя и непонятныя прежде, но любопытныя и важныя для правильнаго пониманія эпохи и дѣйствовавшихъ въ ней лицъ. Если мы и теперь не знаемъ, кто именно былъ самозванецъ, то можемъ уже догадываться, откуда онъ могъ появиться и кѣмъ могъ быть придуманъ и поддержанъ. Въ этомъ надобно видѣть большой успѣхъ историческаго знанія, возбуждающій надежду на еще большіе успѣхи въ будущемъ.

Внѣшняя исторія самозванческой интриги представляется теперь въ такихъ достовѣрныхъ чертахъ. Смутные слухи о существованіи человѣка, присвоившаго себѣ имя царевича Димитрія, появились въ Москвѣ въ 1598 году, лѣтъ черезъ 6—7 послѣ кончины настоящаго царевича. Въ 1600—1601 гг. эти слухи стали безпокоить царя Бориса. Лѣтомъ 1603 года уже на самомъ дѣлѣ появился въ Рѣчи Посполитой (въ Польшѣ) „царевичъ Димитрій“ и вскорѣ былъ признанъ польскимъ правительствомъ за истиннаго царевича несмотря на то, что изъ Москвы называли его самозванцемъ и оффиціально извѣщали, что онъ монахъ Григорій Отрепьевъ. Въ мартѣ 1604 года этотъ Димитрій сошелся съ іезуитами и 24 апрѣля былъ присоединенъ къ католичеству, о чемъ самъ онъ и извѣстилъ папу Климента VIII торжественнымъ письмомъ на польскомъ языкѣ. Поддержанный нѣкоторыми панами, самозванецъ собралъ небольшой отрядъ польско-литовской шляхетской конницы, человѣкъ въ тысячу съ небольшимъ, вошелъ въ сношеніе съ Московскимъ казачествомъ и, разсчитывая на казачью помощь, началъ походъ на Москву, переправясь черезъ Днѣпръ подъ Кіевомъ. Въ это же время восточнѣе, на такъ называемомъ „полѣ“ или „польской (степной) украйнѣ“ началось движеніе на сѣверъ ставшихъ „за царевича Димитрія“ казаковъ. Самъ Лжедимитрій, повидимому, намѣревался въ случаѣ удачи идти прямо къ

Москвѣ чрезъ Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Брянскъ. Но высланные Борисомъ воеводы успѣли укрѣпить Новгородъ-Сѣверскъ и задержали самозванца подъ его стѣнами надолго. Дальше къ сѣверу самозванецъ и не двинулся. Получая извѣстія, что на „полѣ" казаки привлекли на его сторону много пограничныхъ городковъ, самозванецъ свернулъ вправо и пошелъ-было, вмѣсто Москвы, на „польскую украйну", чтобы оттуда уже направиться на сѣверъ, обойдя войска Бориса. Но во время этого марша на востокъ московскіе воеводы настигли самозванца, разбили его на-голову и гнали до Путивля, то-есть до самой московской границы. Самозванецъ едва спасся въ каменной путивльской крѣпости, его польскія дружины разбѣжались, и, казалось, его затѣѣ приходилъ конецъ.

Но въ это время Самозванца поддержали казаки, ненавидѣвшіе Бориса за заимку „дикаго поля"—нынѣшнихъ курскихъ и орловскихъ мѣстъ, за рядъ строгостей по отношенію къ бродячимъ казакамъ, за принудительную запашку земель, навязанную осѣдлымъ, наконецъ, роспускъ боярской челяди, которая, послѣ гибели своихъ господъ, принуждена была, голодая, идти на то же „поле", гдѣ ждали ее новыя притѣсненія. Призванная къ мятежу посланіями или, какъ ихъ тогда называли, „прелестными письмами" самозванца, казачья масса возстала на Бориса, склубилась въ большіе отряды, захватила на имя царя Димитрія много городовъ на „полѣ" и двинулась на сѣверъ къ Москвѣ по разнымъ дорогамъ. Когда 13 апрѣля 1605 года умеръ Борисъ, его войско подъ Кромами признало самозванца истиннымъ царемъ Димитріемъ, и самозванцу оставалось только совершить торжественный переѣздъ изъ Путивля до Москвы. Этотъ послѣдній актъ кампаніи не совсѣмъ ясенъ для историковъ, потому что измѣна войска Годуновымъ подготовлялась тайно и совершилась внезапно. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что руководили дѣломъ самые знатные изъ московскихъ бояръ—князья Шуйскіе и Голицыны. Имъ трудно было бороться съ самимъ Борисомъ, который обладалъ большимъ политическимъ талантомъ и располагалъ громадными средствами. Борисъ-правитель и Борисъ-царь былъ очень непріятенъ отборной московской знати княжескаго происхожденія: но онъ былъ для нея неодолимъ. Когда его не стало, эта знать осмотрѣлась и поняла, что династія Годуновыхъ сама по себѣ очень слаба. Пользуясь именемъ царевича Димитрія, возстановлявшаго старую вѣковую династію, бояре отвлекли войско отъ Годуновыхъ; но это еще не значило, чтобы они хотѣли доставить торжество самозванцу, въ котораго они несомнѣнно не вѣрили. Когда ихъ измѣна Годуновымъ погубила семейство Бориса, бояре задумали не допустить самозванца воцариться и попробовали поднять на него Москву еще раньше, чѣмъ онъ въ нее въѣхалъ. Однако, эта попытка не удалась, и ея руководитель князь В. И. Шуйскій угодилъ въ ссылку.

Признанный Москвою, сопровождаемый казаками и небольшимъ отрядомъ поляковъ, самозванецъ торжественно въѣхалъ въ столицу и вѣнчался на царство. Онъ отпустилъ свое войско по домамъ, въ Украйну и на „поле", окружилъ себя стрѣльцами и наемными отрядами иноземцевъ и почти годъ правилъ Москвою и царствомъ.

Такова вкратцѣ правдивая исторія появленія и воцаренія самозванца. Изъ нея слѣдуетъ, что появился самозванецъ помимо польскаго правительства, которое, однако, тотчасъ его признало, и помимо католическаго духовенства, которое, однако, за него крѣпко схватилось. Вторженіе самозванца въ московскіе предѣлы гораздо болѣе было разсчитано на возстаніе

недовольныхъ Москвою казачьихъ массъ, чѣмъ на поддержку польской власти и общества. Наконецъ, побѣда самозванцу была доставлена не польскимъ войскомъ, а именно казачьими массами и содѣйствіемъ высшей боярской знати, не желавшей повиноваться династіи Годуновыхъ. Но это высшее боярство смотрѣло на самозванца лишь какъ на орудіе борьбы съ Годуновыми, которое слѣдовало бросить, когда борьба эта окончится; а казачьи станицы, приведя на Москву „истиннаго царевича", самимъ же самозванцемъ были отправлены назадъ, какъ только самозванецъ сѣлъ на Москвѣ.

Именно этими обстоятельствами объясняется какъ непрочность власти самозванца, такъ и его скорое паденіе. Въ русской исторической литературѣ не разъ высказывался взглядъ на самозванца, какъ на богато одаренную и свѣтлую личность, которая поражала и очаровывала москвичей блескомъ своего ума и своимъ культурнымъ превосходствомъ. Основанный на одностороннихъ и поверхностныхъ отзывахъ иностранцевъ, этотъ взглядъ очень далекъ отъ правды. Самозванецъ никому въ Москвѣ не нравился и никому не могъ да и не заботился угодить. Значенія и силы боярскихъ партій и кружковъ онъ не понималъ; друзей не цѣнилъ, а враговъ раздражалъ: православнаго обряда и обычая держался не твердо, а иновѣрцевъ и иноземцевъ баловалъ и явно предпочиталъ русскимъ людямъ; самъ не отличаясь добродѣтелями и воздержаніемъ, онъ попускалъ дурные нравы вокругъ себя. Немудрено, что уже черезъ полгода послѣ его воцаренія, въ январѣ 1606 года, шелъ упорный слухъ, что на Москвѣ уже точно дознались, будто царь Димитрій не настоящій царь. Населеніе Москвы стало проявлять признаки вражды къ самозванцевымъ гостямъ, полякамъ и литвѣ, и стало „поговаривать" про самого самозванца. Начались поэтому розыски и опалы, еще болѣе раздражавшія московское населеніе. Понятно, что, когда наиболѣе смѣлые представители знати начали готовить возстаніе противъ самозванца, народная масса послѣдовала за ними: кто желалъ свергнуть самого „разстригу"—самозванца, а кто желалъ избить и изгнать изъ Москвы тѣхъ иноземцевъ, которые окружали „разстригу" и очень надоѣли москвичамъ. Къ маю заговоръ былъ готовъ. Руководила имъ московская родовая знать, бояре; силу его составлялъ столичный гарнизонъ, ставшій почти поголовно на сторону знати, и московская толпа. Друзья самозванца и враги „лихихъ бояръ", то-есть, казаки, были далеко—на своихъ украйнахъ. Самозванцевы гости и стража не были въ силахъ его защитить,—и вотъ, 17-го мая 1606 г., самозванецъ былъ убитъ, „испровергъ свою злосмрадную душу", по современному выраженію. Взамѣнъ его воцарился глава заговора, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, и сейчасъ же объявилъ, что низверженный царь былъ не кто иной, какъ монахъ Григорій Отрепьевъ.

Такимъ образомъ, и въ самомъ началѣ дѣла съ самозванцемъ, когда еще никто его не видалъ въ глаза, московское правительство объявило самозванца Григорьемъ Отрепьевымъ; и въ концѣ этого дѣла, когда самозванца успѣла узнать вся Москва, о немъ оффиціально говорилось, что это—Гришка Отрепьевъ. Можно ли удивляться тому, что въ теченіе двухъ послѣдующихъ столѣтій держалось твердое убѣжденіе, что семозванцемъ былъ Гр. Отрепьевъ? Это была, казалось, вѣками освященная истина. Но въ XIX вѣкѣ, сначала вскользь и робко, затѣмъ все настойчивѣе и смѣлѣе, стали раздаваться голоса сомнѣнія, а, наконецъ, въ 60-хъ годахъ XIX вѣка вопросъ о личности самозванца былъ поставленъ съ полною рѣшительностью. Старая традиція потеряла обязательную

силу, и о происхожденіи самозванца стали судить, не стѣсняясь преданіемъ. Съ тѣхъ поръ на вопросъ о томъ, кто былъ первый самозванецъ, предлагаются въ сущности четыре отвѣта: 1) самозванецъ былъ дѣйствительно Отрепьевъ; 2) самозванецъ былъ не Отрепьевъ, а какое-то невѣдомое лицо, руководимое Отрепьевымъ; 3) самозванецъ былъ не московскій человѣкъ, а зарубежный—изъ Литвы или Польши, и, наконецъ, 4) тотъ, кого обыкновенно называютъ самозванцемъ, былъ истинный царевичъ Димитрій, спасшійся отъ покушенія на его жизнь въ Угличѣ.

Было время, когда мнѣніе или преданіе о тожествѣ самозванца и Отрепьева казалось совсѣмъ оставленнымъ. Остроумныя статьи Н. И. Костомарова („Кто былъ первый Лжедимитрій?“) и Н. М. Павлова („Правда о Лжедимитріи“) показали, что, настаивая на этомъ тожествѣ, ученые попадаютъ въ большое затрудненіе, такъ какъ не все могутъ объяснить въ исторіи самозванца и его окружавшихъ лицъ. Показанія современныхъ документовъ и разсказы современниковъ о самозванцѣ и Отрепьевѣ полны противорѣчій и несообразностей, которыхъ, по мнѣнію Костомарова и Павлова, нельзя объяснить. Однако, пересмотрѣвъ всѣ эти документы и разсказы, найдя кое-что и новое, позднѣйшіе изслѣдователи все-таки не отстали отъ мысли объ Отрепьевѣ. Такъ, напримѣръ, гг. Добротворскій и Казанскій (въ журнальныхъ статьяхъ 60-хъ и 70-хъ годовъ) предпочитали опредѣленное имя Отрепьева неопредѣленнымъ гаданіямъ Костомарова и Бицына. Въ самое же послѣднее время о. П. О. Пирлингъ во многихъ своихъ статьяхъ о Смутномъ времени съ осторожностью, но опредѣленно высказываетъ мысль, что самозванецъ могъ быть всего скорѣе именно Отрепьевымъ. Такимъ образомъ, это мнѣніе еще живетъ, и съ нимъ еще слѣдуетъ считаться. Оно сильно тѣмъ, что точно опредѣляетъ извѣстную личность, взявшую на себя роль царевича Димитрія, тогда какъ мнѣніе Костомарова и Павлова,—что самозванецъ былъ не Отрепьевъ, а кто-то другой, Отрепьевъ же былъ его вожакомъ или товарищемъ,—страдаетъ неопредѣленностью и, въ сущности, вопроса не рѣшаетъ. Если не Отрепьевъ, то кто же? И на этотъ вопросъ отвѣта нѣтъ, если не считать отвѣтомъ догадку, что невѣдомый самозванецъ былъ москвичъ и, повидимому, носилъ имя „инока Леонида“.

Третье мнѣніе, что самозванецъ былъ родомъ не изъ московской Руси и былъ приготовленъ къ своей роли иноземною интригою,—наиболѣе искусственное и наименѣе удачное. Въ послѣднее время въ нашей литературѣ его защищаетъ г. Иловайскій (въ книгѣ „Смутное время московскаго государства“). Онъ думаетъ, что самозванецъ былъ мелкимъ шляхтичемъ, западно-русскимъ по происхожденію и ополяченнымъ; подготовили его къ самозванству нѣкоторые польско-русскіе паны. Немногимъ лучше и тѣ мнѣнія, которыя видятъ въ самозванцѣ побочнаго сына то одной, то другой изъ знатныхъ персонъ Рѣчи Посполитой; такого рода мнѣнія отъ-времени-до-времени слышатся въ заграничной, по преимуществу польской печати. Они настолько анекдотичны, что на нихъ нѣтъ нужды останавливаться.

Интереснѣе мнѣніе о подлинности царя Димитрія, основанное на томъ, что царевичъ Димитрій будто бы не былъ убитъ въ Угличѣ, а спасся. Въ 60-хъ годахъ такую мысль можно было уловить въ брошюрѣ В. С. Иконникова („Кто былъ первый самозванецъ?“). Въ послѣднее десятилѣтіе эта мысль воскресла. Въ изданной ученой перепискѣ К. Н. Бестужева-Рюмина съ гр. С. Д. Шереметевымъ („Письма К. Н. Бестужева-

Рюмина о Смутномъ времени". Спб. 1898) есть намеки на то, что оба корреспондента вѣрятъ въ спасеніе маленькаго царевича отъ покушенія на его жизнь. Въ недавно напечатанной статьѣ гр. С. Д. Шереметева, „Отъ Углича къ морю Студеному" („Старина и Новизна", книга 7-я. Спб. 1904), дается понять, что именно къ морю Студеному могли увезти царевича изъ Углича.

Трудно сказать, чтобы какое-нибудь изъ приведенныхъ мнѣній было научно доказано. Нельзя утверждать, что самозванцемъ былъ Отрепьевъ; но нельзя также утверждать, что Отрепьевъ имъ не могъ быть. Нельзя быть увѣреннымъ, что царевичъ Димитрій не могъ спастись отъ ранней смерти; но трудно повѣрить, что его дѣйствительно спасли въ 1591 году. Такъ какъ истина отъ насъ пока сокрыта, то правильнѣе будетъ, не рѣшая категорически вопроса о происхожденіи самозванца, отмѣтить въ этомъ вопросѣ лишь тѣ частности, которыя можно считать разъясненными.

Прежде всего недавно разъяснено съ достовѣрностью, что самозванецъ былъ не только русскій человѣкъ, но русскій именно московскаго происхожденія. Въ 1898 году о. Пирлингъ нашелъ и фототипически издалъ собственноручное письмо самозванца папѣ отъ 24 апрѣля 1604 года (Lettre de Dmitri dit le Faux à Clément VIII publiée par le P. Pierling S. I. Paris). Письмо это, въ 60 строкъ, только переписано самозванцемъ съ польскаго оригинала, составленнаго какимъ то польскимъ стилистомъ. И вотъ изслѣдованіе этого письма, произведенное свѣдующими людьми (С. Л. Пташицкимъ и И. А. Бодуеномъ-де-Куртенэ), показало, что самозванецъ привыкъ писать польскимъ московскимъ письмомъ и потому писалъ польскій алфавитъ на московскій ладъ, что онъ не вполнѣ понималъ литературную польскую рѣчь, которую переписывалъ, что онъ извращалъ польскія слова, изображая ихъ такъ, какъ мысленно произносилъ ихъ по-московски. Словомъ, самозванецъ является предъ нами достовѣрно великороссомъ, мало привыкшимъ къ польской графикѣ и языку.

Разъ это такъ, нельзя думать, что самозванству обучили его въ Польшѣ, а не въ Москвѣ. Мы знаемъ, что самозванецъ объявилъ себя раньше въ частныхъ, и, прибавимъ, мало вліятельныхъ кружкахъ польскаго панства, а уже потомъ получилъ оффиціальное признаніе и только полгода спустя послѣ своего объявленія попалъ въ руки іезуитовъ. Иначе бы было дѣло, если бы самозванца создала польская политическая интрига. Поэтому можно съ увѣренностью предполагать, что самозванецъ былъ подготовленъ въ Москвѣ, и, разумѣется, въ боярскихъ кругахъ. Сохранилось указаніе, что при первыхъ же слухахъ о появленіи самозванца, царь Борисъ сказалъ боярамъ, что это—ихъ дѣло. Кто именно изъ бояръ былъ причастенъ къ самозванщинѣ, обнаружить нельзя; но въ видѣ догадки можно сказать, что наиболѣе родовитая княжеская знать была здѣсь не при чемъ, о самозванцѣ ничего интимнаго не знала, въ него не вѣрила и сначала воспользовалась имъ для сверженія династіи Годуновыхъ, а затѣмъ немедля попыталась свергнуть и самого самозванца. Не успѣвъ въ этомъ сразу, она добилась своего менѣе чѣмъ черезъ годъ.

Далѣе, тщательное изученіе всѣхъ документовъ, касающихся кончины истиннаго царевича Димитрія, убѣждаетъ въ томъ, что онъ дѣйствительно умеръ въ 1591 г., и потому легенда о его чудесномъ спасеніи, вѣроятно, останется навсегда легендою. Объ Отрепьевѣ же въ послѣдніе годы получилась возможность утверждать, что онъ не могъ

быть старше истиннаго царевича Димитрія болѣе, чѣмъ на годъ, на два, иначе говоря, былъ его ровесникомъ. Къ этому выводу приводятъ нѣкоторыя данныя дворянскихъ списковъ („десятенъ“) XVI вѣка. Установить такое наблюденіе важно потому, что ранѣе существовало мнѣніе, будто Григорій Отрепьевъ былъ значительно старше царевича и уже потому не могъ играть его роли.

Итакъ, всего вѣроятнѣе, что самозванецъ, бывшій великороссомъ по происхожденію, былъ подготовленъ въ средѣ враждебныхъ Годунову московскихъ бояръ и ими былъ выпущенъ въ Польшу. Въ своемъ походѣ на Москву онъ получилъ поддержку въ средѣ казачества и именно казачеству былъ обязанъ военнымъ успѣхомъ. Окончательное торжество подготовила ему политика знатнѣйшаго московскаго боярства; но она же его и погубила. Польское правительство и католическое духовенство стремилось воспользоваться самозванцемъ въ своихъ видахъ; но ихъ участіе въ дѣлѣ вовсе не было руководящимъ или рѣшающимъ и привело къ неудачѣ ихъ плановъ и къ гибели многихъ поляковъ и католиковъ въ Московскомъ переворотѣ 17 мая 1606 года.

XXXV. Воцареніе Василія Шуйскаго.

(Изъ «Очерковъ по исторіи Смуты» С. О. Платонова).

Черезъ два дня послѣ смерти царя Димитрія изъ среды боярскаго правительства избранъ былъ въ цари князь В. И. Шуйскій. Родъ Рюрика снова занималъ престолъ въ лицѣ старшаго изъ своихъ великорусскихъ представителей. Боярско-княжеская реакція въ Москвѣ, овладѣвъ политическимъ положеніемъ, возвела на царство своего родовитѣйшаго вожака. Извѣстно, какъ „обрали“ царя Василія на престолъ: его провозгласили царемъ совѣтники и сотрудники его въ борьбѣ съ „разстригою“ и поляками. Они пріѣхали въ Кремль, „взяли“ князя Василія на Лобное мѣсто, нарекли его тамъ царемъ и пошли съ нимъ въ Успенскій соборъ, гдѣ онъ тотчасъ же сталъ „цѣловать всей землѣ крестъ“ на томъ, что не будетъ злоупотреблять поручаемою ему властью. Совершенно очевиденъ во всемъ этомъ церемоніалѣ предварительный уговоръ, главнымъ исполнителемъ котораго называютъ „Михалка“ Татищева, наиболѣе дерзкаго и грубаго во всей тогдашней думѣ человѣка. Сохранилось преданіе, что въ уговорѣ участвовали изъ большихъ бояръ, кромѣ самого Шуйскаго съ братьями, князья В. В. Голицынъ съ братьями, Ив. Сем. Куракинъ и Ив. М. Воротынскій. Они положили по убіеніи самозванца „общимъ совѣтомъ Россійское царство управлять“, тому же изъ нихъ, кто будетъ царемъ, не мстить никому за прежнія досады. Царство досталось Шуйскому потому, что Воротынскій будто бы склонился въ его пользу противъ Голицына. Если это преданіе и не вполнѣ точно передаетъ факты, то оно вполнѣ правильно указываетъ лицъ, образовавшихъ княжеско-боярскую реакціонную партію. Шуйскіе и Воротынскій, Голицыны и Куракинъ—это какъ разъ тѣ фамиліи, которымъ въ то время принадлежало родословное первенство и которыя необходимо должны были выйти въ первые ряды при всякомъ княжеско-боярскомъ движеніи. Оставшись послѣ Годуновыхъ и самозванца распорядителями дѣлъ, эти князья и рѣшили дать Москвѣ царя изъ своей среды.

Шуйскій и былъ такимъ государемъ. Аристократическій принципъ руководилъ кружкомъ и получилъ свое выраженіе прежде всего въ тѣхъ манифестахъ, съ которыми Шуйскій тотчасъ по воцареніи обратился къ странѣ. Въ нихъ онъ неизмѣнно указывалъ на свое происхожденіе отъ Рюрика, „иже бѣ отъ римскаго кесаря“, и называлъ московскій престолъ „отчиною прародителей нашихъ“. То обстоятельство, что на царствѣ онъ учинился по праву рожденія, онъ даже объявлялъ ранѣе народнаго „прошенія“, говоря, что онъ „за помочію великого Бога принялъ скифетръ Россійскаго царствія по прародительской нашей царской степени и по моленью“ всѣхъ людей Московскаго государства. Тотъ же аристократическій принципъ отразился косвенно и къ знаменитой „записи, по которой самъ царь цѣловалъ крестъ“ и которую иногда называютъ „ограничительною“ записью. Взглянемъ на ея содержаніе.

Самъ царь Василій въ первой своей грамотѣ о вступленіи на престолъ говоритъ объ этой записи въ такихъ словахъ: „хотимъ держати Московское государство по тому же, какъ прародители наши великіе государи россійскіе цари, а васъ хотимъ жаловати и любити свыше прежняго и смотря по вашей службѣ; на томъ на всемъ язъ царь... цѣловалъ животворящій крестъ всѣмъ людемъ Московскаго государства..; а по которой записи цѣловалъ язъ, царь и великій князь, и по которой записи цѣловали бояре и вся земля, и мы тѣ записи послали къ вамъ“. Здѣсь нѣтъ ни слова объ ограниченіи власти, да еще въ пользу бояръ; напротивъ, царь указываетъ, что онъ цѣловалъ крестъ на томъ, чтобы править, какъ правили его полновластные „прародители“, цари XVI вѣка, и цѣловалъ онъ крестъ не боярамъ, а „всѣмъ людямъ“. И въ самой записи не найдемъ чего-либо похожаго на ограниченіе верховныхъ правъ, если не будемъ умышленно ударять на слова „не осудя истиннымъ судомъ *съ бояры своими*“ и думать, что упоминаніе о боярахъ значитъ здѣсь отказъ царя отъ правъ въ пользу его бояръ. Въ записи царь говоритъ: Божіею милостіею я вступилъ на прародительскій престолъ по желанію духовенства и народа и по праву родового старшинства. Нынѣ я желаю, чтобы подъ моею властью „православное христіанство“ пользовалось тишиною, покоемъ и благоденствіемъ. И потому „поволилъ есми язъ... цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ, великому государю, (1) всякого человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати; (2) и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отымати, будетъ которые съ ними въ мысли не были; (3) также у гостей и у торговыхъ и у черныхъ людей, хотя который по суду и по сыску доидетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отымати, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны; (4) да и доводовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити съ очей на очи;... а кто на кого солжетъ, и, сыскавъ, того казнити, смотря по винѣ его“. На всемъ на томъ, на чемъ царь „поволилъ“ крестъ цѣловать, онъ его и цѣловалъ, повторивъ вкратцѣ изложенныя „условія“: „Цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіаномъ, что мнѣ ихъ, жалуя, (1) судити истиннымъ праведнымъ судомъ, (2—3) и безъ вины ни на кого опалы своей не класти, и (4) недругомъ никому никого въ неправдѣ не подавати и ото всякаго насильства оберегати“. Въ этомъ резюме нѣтъ упоминанія о судѣ „съ бояры“, хотя очень точно передается сущность всѣхъ четырехъ пунктовъ ранѣе выраженныхъ обѣщаній; между тѣмъ въ окончательной формулѣ присяги упоминаніе объ ограниченіи въ пользу

именно бояръ по существу дѣла было бы совершенно необходимо. Но не боярамъ, а „всѣмъ православнымъ христіанамъ“ обѣщается здѣсь „праведный судъ“, уничтоженіе опалъ безъ вины, отмѣна групповой отвѣтственности и искорененіе „ложныхъ доводовъ“, то-есть клеветническихъ доносовъ и наушничества. Во всемъ этомъ очень трудно найти дѣйствительное ограниченіе царскаго полновластія, а можно видѣть только отказъ этого полновластія отъ недостойныхъ способовъ его проявленія. Здѣсь царь не поступается своими правами, такъ какъ самъ говоритъ, что будетъ „держать царство“ по образцу „своихъ прародителей“, московскихъ самодержцевъ старой династіи; онъ обѣщаетъ лишь воздерживаться отъ причудъ личнаго произвола и дѣйствовать посредствомъ суда бояръ, который существовалъ одинаково во всѣ времена Московскаго государства и былъ всегда правоохранительнымъ и правообразовательнымъ учрежденіемъ, не ограничивающимъ, однако, власти царя.

Однимъ словомъ, въ „записи“ царя Василія нельзя найти ничего такого, что̀ по существу ограничивало бы его власть и было бы для него юридически обязательно; только слова „съ бояры своими“ да необычный фактъ царской присяги на этой записи заставляютъ видѣть въ ней „политическій договоръ“ царя съ боярами. Скудость его содержанія ведетъ къ тому, что договоръ этотъ считаютъ неразвитымъ и направленнымъ исключительно „къ огражденію личной и имущественной безопасности отъ произвола сверху“. Это было такъ, говорятъ, потому, что боярство „не понимало необходимости обезпечивать подробными условіями свое общее участіе въ управленіи, и безъ того освященное вѣковымъ обычаемъ“. Но въ такомъ случаѣ обязательство царя судить съ боярами въ правду, наказывать сообразно дѣйствительной винѣ и не слушать клеветниковъ было также излишне, потому что и безъ этого обязательства, по вѣковому народному воззрѣнію, царь долженъ былъ, по Писанію, „разсуждать люди Божьи въ правду“. Это очень хорошо толковалъ царь Алексѣй Михайловичъ, размышляя въ письмахъ къ князю Н. И. Одоевскому, „какъ жить мнѣ государю и вамъ бояромъ“. Онъ никому креста не цѣловалъ и властью не поступался, а между тѣмъ, совсѣмъ какъ Шуйскій, говорилъ, что блюсти правосудіе даровано Богомъ государю и его *бояромъ*: Богъ „даровалъ намъ, великому государю, и вамъ, бояромъ, съ нами единодушно люди Его Свѣтовы разсудити въ правду, всѣмъ равно“. Именно потому, что Шуйскій хотѣлъ присягою обязать себя къ тому, къ чему обязанъ былъ и безъ присяги, народъ въ церкви пробовалъ протестовать противъ намѣренія новаго царя. „Бояре и всякіе люди ему говорили, чтобъ онъ въ томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелося; онъ же никого не послуша,—разсказываетъ лѣтопись,—и поцѣлова крестъ на томъ всемъ“. Между новымъ царемъ и его подданными выходило недоразумѣніе: царь предлагалъ обязательства въ пользу подданныхъ, а они не только стѣснялись ихъ принять, но и не совсѣмъ ихъ уразумѣли. Лѣтописецъ впослѣдствіи не умѣлъ даже точно передать того, что говорилъ царь въ соборѣ; онъ записалъ его слова не согласно съ текстомъ подлинной подкрестной записи и не вполнѣ вразумительно.

Дѣло разъяснится, если мы станемъ на ту точку зрѣнія, что „запись“ царя Василія есть не договоръ царя съ боярами, а торжественный манифестъ новаго правительства, скрѣпленный публичною присягою его главы и представителя. Царь Василій говорилъ и думалъ, что возстановляетъ старую династію и старый порядокъ своихъ прародителей „ве-

ликихъ государей". Старый порядокъ онъ понималъ такъ, какъ понимали люди его круга—родовитая знать, княжата, задавленные опричниною и теперь поднявшіе свою голову. Это былъ порядокъ, существовавшій именно до опричнины, до того періода опалъ, когда московскіе государи стали „всеродно" губить знать, отнимать родовыя земли, налагать опалы по подозрѣніямъ и доносамъ на цѣлыя группы княжескобоярскихъ семей и вмѣсто великородныхъ людей на ихъ степени возводить людей худородныхъ. Со смертью Бориса и его семьи окончился этотъ періодъ униженія знати и торжества дворцовыхъ временщиковъ съ ихъ роднею. Старая знать опять заняла первое мѣсто въ странѣ. Устами своего царя въ его записи она торжественно отрекалась отъ только что дѣйствовавшей системы и обѣщала „истинный судъ" и избавленіе отъ „всякаго насильства" и неправды, въ которыхъ обвиняла предшествовавшія правительства. Вотъ каковъ, кажется намъ, истинный смыслъ записи Шуйскаго: она возвѣщала не новый политическій порядокъ, а новый правительственный режимъ, не умаленіе царской власти, а ея возвращеніе на прежнюю нравственную высоту, утраченную будто бы благодаря господству во дворѣ недостойныхъ „рабовъ". Не даромъ Шуйскій, по словамъ лѣтописи, упоминалъ въ Успенскомъ соборѣ о „грубости", бывшей при царѣ Борисѣ; удобнѣе было связать ненавистный порядокъ съ именемъ этого „рабоцаря", чѣмъ съ именемъ Ивана Васильевича Грознаго, родъ котораго собирался продолжать царь Василій Ивановичъ.

Такъ въ записи царя Василія выразилось настроеніе аристократическаго кружка, владѣвшаго тогда Москвою и думавшаго править государствомъ.

XXXVI. Воцареніе Василія Шуйскаго.

(*Изъ «Курса русской исторіи» проф. Ключевскаго*).

Воцареніе кн. Василія составило эпоху въ нашей политической исторіи. Вступая на престолъ, онъ ограничилъ свою власть и условія этого ограниченія оффиціально изложилъ въ разосланной по областямъ записи, на которой онъ цѣловалъ крестъ при воцареніи.

Запись слишкомъ сжата, неотчетлива, производитъ впечатлѣніе спѣшнаго черпового наброска. Въ концѣ ея царь даетъ всѣмъ православнымъ христіанамъ одно общее клятвенное обязательство судить ихъ „истиннымъ, праведнымъ судомъ", по закону, а не по усмотрѣнію. Въ изложеніи записи это условіе нѣсколько расчленено. Дѣла о наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ, караемыхъ смертью и конфискаціей имущества преступника, царь обязуется вершить непремѣнно „съ бояры своими", т.-е. съ думой, и при этомъ отказывается отъ права конфисковать имущество у братьи и семьи преступника, не участвовавшихъ въ преступленіи. Вслѣдъ за тѣмъ царь продолжаетъ: „да и доводовъ (доносовъ) ложныхъ мнѣ не слушать, а сыскивать всякими сысками накрѣпко и ставить съ очей на очи", а за ложный доносъ по сыску наказывать смотря по винѣ, взведенной на оболганнаго. Здѣсь рѣчь идетъ какъ будто о дѣяніяхъ менѣе преступныхъ, которыя разбирались однимъ царемъ, безъ думы, и точнѣе опредѣляется понятіе истиннаго суда. Такъ запись повидимому

различаетъ два вида высшаго суда: судъ царя съ думой и единоличный судъ царя. Запись оканчивается условіемъ особаго рода: царь обязуется „безъ вины опалы своей не класти". Опала, немилость государя падала на служилыхъ людей, которые чѣмъ-либо вызывали его недовольство. Она сопровождалась соотвѣтственными неисправности опальнаго или государеву недовольству служебными лишеніями, временнымъ удаленіемъ отъ двора, отъ „пресвѣтлыхъ очей" государя, пониженіемъ чина или должности, даже имущественной карой, отобраніемъ помѣстья или городского подворья. Здѣсь государь дѣйствовалъ уже не судебной, а дисциплинарной властью, охраняющей интересы и порядокъ службы. Какъ выраженіе хозяйской воли государя, опала не нуждалась въ оправданіи и при старомосковскомъ уровнѣ человѣчности подчасъ принимала формы дикаго произвола, превращаясь изъ дисциплинарной мѣры въ уголовную кару: при Грозномъ одно сомнѣніе въ преданности долгу службы могло привести опальнаго на плаху. Царь Василій далъ смѣлый обѣтъ, котораго потомъ, конечно, не исполнилъ, опаляться только за дѣло, за вину, а для разысканія вины необходимо было установить особое дисциплинарное производство.

Запись, какъ видите, очень одностороння. Всѣ обязательства, принятыя на себя царемъ Василіемъ по этой записи, направлены были исключительно къ огражденію личной и имущественной безопасности подданныхъ отъ произвола сверху, но не касались прямо общихъ основаній государственнаго порядка, не измѣняли и даже не опредѣляли точнѣе значенія, компетенціи и взаимнаго отношенія царя и высшихъ правительственныхъ учрежденій. Царская власть ограничивалась совѣтомъ бояръ, вмѣстѣ съ которымъ она дѣйствовала и прежде; но это ограниченіе связывало царя лишь въ судныхъ дѣлахъ, въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ. Впрочемъ, происхожденіе подкрестной записи было сложнѣе ея содержанія: она имѣла свою закулисную исторію. Лѣтописецъ разсказываетъ, что царь Василій тотчасъ по своемъ провозглашеніи пошелъ въ Успенскій соборъ и началъ тамъ говорить, чего искони вѣковъ въ Московкомъ государствѣ не важивалось: „цѣлую крестъ *всей землѣ* на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не дѣлати *безъ собору*, никакого дурна". Бояре и всякіе люди говорили царю, чтобы онъ *на томъ* креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось; но онъ никого не послушалъ. Поступокъ Василія показался боярамъ революціонной выходкой: царь призывалъ къ участію въ своей царской судной расправѣ не боярскую думу, исконную сотрудницу государей въ дѣлахъ суда и управленія, а земскій соборъ, недавнее учрежденіе, изрѣдка созываемое для обсужденія чрезвычайныхъ вопросовъ государственной жизни. Въ этой выходкѣ увидѣли небывалую новизну, попытку поставить соборъ на мѣсто думы, перемѣстить центръ тяжести государственной жизни изъ боярской среды въ народное представительство. Править съ земскимъ соборомъ рѣшался царь, побоявшійся воцариться съ его помощью. Но и царь Василій зналъ, что́ дѣлалъ. Обязавшись предъ товарищами наканунѣ возстанія противъ самозванца править „по общему совѣту" съ ними, подкинутый землѣ кружкомъ знатныхъ бояръ, онъ являлся царемъ боярскимъ, партійнымъ, вынужденнымъ смотрѣть изъ чужихъ рукъ. Онъ, естественно, искалъ земской опоры для своей некорректной власти и въ земскомъ соборѣ надѣялся найти противовѣсъ боярской думѣ. Клятвенно обязуясь передъ всей землей не карать безъ собора, онъ разсчитывалъ избавиться отъ боярской опеки,

стать земскимъ царемъ и ограничить свою власть учрежденіемъ, къ тому непривычнымъ, т.-е. освободить ее отъ всякаго дѣйствительнаго ограниченія. Подкрестная запись въ томъ видѣ, какъ она была обнародована, является плодомъ сдѣлки царя съ боярами. По предварительному негласному уговору царь дѣлилъ свою власть съ боярами во всѣхъ дѣлахъ законодательства, управленія и суда. Отстоявъ свою думу противъ земскаго собора, бояре не настаивали на обнародованіи всѣхъ вынужденныхъ ими у царя уступокъ: съ ихъ стороны было даже неблагоразумно являть всему обществу, какъ чисто удалось имъ ощипать своего стараго пѣтуха. Подкрестная запись усиленно отмѣчала значеніе боярской думы, только какъ полномочной сотрудницы царя въ дѣлахъ высшаго суда. Въ то время высшему боярству только это и было нужно. Какъ правительственный классъ, оно дѣлило власть съ государями въ продолженіе всего XVI в.; но отдѣльныя лица изъ его среды много терпѣли отъ произвола верховной власти при царяхъ Иванѣ и Борисѣ. Теперь, пользуясь случаемъ, боярство и спѣшило устранить этотъ произволъ, оградить частныя лица, т.-е. самихъ себя, отъ повторенія испытанныхъ бѣдствій, обязавъ царя призывать къ участію въ политическомъ судѣ боярскую думу, въ увѣренности, что правительственная власть и впредь останется въ его рукахъ въ силу обычая.

При всей неполнотѣ своей подкрестная запись царя Василія есть новый дотолѣ небывалый актъ въ московскомъ государственномъ правѣ: это—первый опытъ построенія государственнаго порядка на основѣ формально ограниченной верховной власти. Въ составъ этой власти вводился элементъ или точнѣе актъ, совершенно измѣнявшій ея характеръ и постановку. Мало того, что царь Василій ограничивалъ свою власть: крестной клятвой онъ еще скрѣплялъ ея ограниченіе и являлся не только выборнымъ, но и присяжнымъ царемъ. Присяга отрицала въ самомъ существѣ личную власть царя прежней династіи, сложившуюся изъ удѣльныхъ отношеній государя-хозяина: развѣ домохозяева присягаютъ своимъ слугамъ и постояльцамъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ царь Василій отказывался отъ трехъ прерогативъ, въ которыхъ наиболѣе явственно выражалась эта личная власть царя. То были: 1) „опала безъ вины", царская немилость безъ достаточнаго повода, по личному усмотрѣнію; 2) конфискація имущества у непричастной къ преступленію семьи и родни преступника—отказомъ отъ этого права упразднялся старинный институтъ политической отвѣтственности рода за родичей; наконецъ 3) чрезвычайный слѣдственно-полицейскій судъ по доносамъ съ пытками и оговорами, но безъ очныхъ ставокъ, свидѣтельскихъ показаній и другихъ средствъ нормальнаго процесса. Эти прерогативы составляли существенное содержаніе власти московскаго государя, выраженное изреченіями дѣда и внука, словами Ивана III: кому хочу, тому и дамъ княженіе, и словами Ивана IV: жаловать своихъ холопей вольны мы и казнить ихъ вольны же. Клятвенно стряхая съ себя эти прерогативы, Василій Шуйскій превращался изъ государя холоповъ въ правомѣрнаго царя подданныхъ, правящаго по законамъ.

XXXVII. Движеніе кн. Шаховскаго и Болотникова.

(*Изъ «Лекцій по русской исторіи» С. Ѳ. Платонова*),

Для народа, конечно, не могла остаться тайной настоящая обстановка избранія Шуйскаго: вся Москва до малаго ребенка знала, что посаженъ Василій не всѣмъ народомъ, а своей „кликой“ и что его не избрали, а выкрикнули. Въ избраніи и поведеніи Шуйскаго была непозволительная фальшь, и эту фальшь не могли не чувствовать московскіе люди. Много было обстоятельствъ, мѣшавшихъ народу относиться довѣрчиво къ новому правительству. Личность новаго царя далеко не была такъ популярна, какъ личность Бориса. Новый царь захватилъ престолъ, не дожидаясь земскаго собора, а многіе помнили, что Борисъ ожидалъ этого собора шесть недѣль. Новый царь очень сбивчиво и темно говорилъ какъ о Самозванцѣ, такъ и о сверженіи Дмитрія, про котораго самъ же прежде свидѣтельствовалъ, что это истинный царевичъ. Наконецъ, необычайность самыхъ событій, разыгравшихся въ Москвѣ, способна была возбудить много толковъ и сомнѣній. Все это смущало народъ и лишало новое правительство твердой опоры въ народѣ. Силою самихъ обстоятельствъ Шуйскій долженъ былъ при своемъ воцареніи опереться на боярскую партію и не могъ опереться на весь народъ; въ этомъ и заключалось его несчастіе. Народъ, признавая Шуйскаго царемъ, не былъ соединенъ съ нимъ той нравственной связью, той симпатіей, которая одна въ состояніи сообщить власти несокрушимую силу. Шуйскій не былъ народомъ посаженъ на царство и сѣлъ на него самъ, и народная масса, смотря на него косо, чуждалась его, давала возможность свободно бродить всѣмъ дурнымъ общественнымъ сокамъ. Это броженіе, направляясь противъ порядка вообще, тѣмъ самымъ направлялось противъ Шуйскаго какъ представителя этого порядка, хотя, можетъ быть, представителя и неудачнаго.

А дурныхъ соковъ было много во всѣхъ общественныхъ слояхъ и во всѣхъ мѣстахъ русской земли. Та часть боярства, которая съ Шуйскимъ была во власти, проявляла олигархическіе вкусы, ссылала на дальнія воеводства неугодныхъ ей, не приставшихъ къ заговору и вѣрныхъ Лжедмитрію бояръ (М. Салтыковъ, Шаховской, Масальскій, Бѣльскій), давала волю своимъ противообщественнымъ личнымъ стремленіямъ. Современники говорятъ, что при Шуйскомъ бояре имѣли больше власти, чѣмъ самъ царь, ссорились съ нимъ,—словомъ дѣлали, что хотѣли. Другая часть боярства, не попавшая во власть, неимѣвшая вліянія на дѣла и недовольная вновь установившимся порядкомъ, стала, по своему обыкновенію, въ скрытую оппозицію. Во имя кого и чего могла быть эта оппозиція? Конечно, во имя своихъ личныхъ выгодъ и разъ уже испытаннаго самозванца. Не говоря уже о казачествѣ, которое жило въ лихорадкѣ и сильно бродило, разъ проводивъ самозванца до Москвы, и „русскій материкъ“, какъ выражается И. Е. Забѣлинъ, т.-е. среднія сословія народа, на которыхъ держался государственный порядокъ, были смущены происшедшими событіями, и кое-гдѣ просто не признали Шуйскаго во имя того же Дмитрія, о которомъ ничего достовѣрнаго не знали, въ еретичество и погибель котораго не вѣрили, а Шуйскаго на царство не хотѣли. И верхъ, и низъ общества или потеряли чувство правды во всѣхъ полити-

ческихъ событіяхъ и не знали во имя чего противостать смутѣ, или были сами готовы на смуту во имя самыхъ разнообразныхъ мотивовъ.

Смута въ умахъ очень скоро перешла въ смуту на дѣлѣ. Съ перваго же дня царствованія Шуйскаго началась эта смута и смела царя, какъ раньше смела Бориса и Лжедмитрія. Но теперь, во время Шуйскаго, смута имѣетъ иной характеръ, чѣмъ имѣла она прежде. Прежде она была, такъ сказать, дворцовой, боярской смутой. Люди, стоявшіе у власти, спорили за исключительное обладаніе ею еще при Ѳеодорѣ, чувствуя, какъ будетъ важно это обладаніе въ моментъ прекращенія династіи. Въ этотъ моментъ побѣдителемъ остался Борисъ и завладѣлъ престоломъ. Но затѣмъ и его уничтожила придворная боярская интрига, дѣйствовавшая, впрочемъ, средствами не одной придворной жизни, а вынесенная наружу, возбудившая народъ. Въ этой интригѣ, результатомъ которой явился Самозванецъ, такимъ образомъ участвовали народныя массы, но направлялись и руководились онѣ, какъ бы неразумная сила, изъ той же дворцовой боярской среды. Заговоръ, уничтожившій Самозванца, равнымъ образомъ имѣлъ характеръ олигархическаго замысла, а не народнаго движенія. Но далѣе дѣло пошло иначе. Когда олигархія осуществилась, то олигархи съ Шуйскимъ во главѣ вдругъ очутились лицомъ къ лицу съ народной массой. Они не разъ для своихъ цѣлей поднимали изъ покоя эту массу, а теперь, какъ-будто пріучась къ движенію, эта масса заколыхалась и уже и не въ качествѣ простого оружія, а какъ стихійная сила, преслѣдуя какія то свои цѣли. Олигархи почувствовали, что нити движеній, которыя они привыкли держать въ своихъ рукахъ, выскользнули изъ ихъ рукъ, и почва подъ ихъ ногами заколебалась. Въ тотъ моментъ, когда они думали почить на лаврахъ въ роли властей Русской земли, эта Русская земля начала противъ нихъ подниматься. Такимъ образомъ, воцареніе Шуйскаго можетъ считаться поворотнымъ пунктомъ въ исторіи нашей смуты: съ этого момента изъ смуты въ высшемъ классѣ она окончательно принимаетъ характеръ смуты народной, которая побѣждаетъ и Шуйскаго, и олигархію.

Если слѣдить хронологически, постепенно, за развитіемъ смуты въ этотъ новый періодъ, то невольно теряешься въ массѣ подробностей, но, внимательно къ нимъ присматриваясь, получаешь возможность различить здѣсь три основные факта: 1) первоначальное движеніе противъ Шуйскаго, въ которомъ первая роль принадлежитъ Болотникову. 2) появленіе Тушинскаго вора, борьба Москвы съ Тушиномъ и 3) иноземное вмѣшательство въ смуту. Эти факты, однако, не смѣняются постепенно одинъ другимъ, а развиваются часто параллельно, рядомъ. Когда Болотниковъ, потерявъ шансы на успѣхъ, сидитъ еще крѣпко въ осадѣ отъ Шуйскаго, является Тушинскій воръ, въ разгарѣ борьбы Шуйскаго съ Воромъ являются на Руси Шведы и Поляки.

Обратимся сначала къ первому изъ указанныхъ фактовъ—къ движенію Шаховского и Болотникова. Еще не успѣли убрать съ Красной Площади трупъ Лжедмитрія I, какъ разнесся слухъ даже въ самой Москвѣ, какъ это не кажется страннымъ, что убили во дворцѣ не Дмитрія, а кого-то другого. Еще ранѣе, въ самый день переворота, одинъ изъ приверженцевъ Самозванца, Михаилъ Молчановъ, бѣжалъ изъ Москвы, пробрался къ Литовской границѣ и явился въ Самборъ распространять слухи о спасеніи царя. На себя брать роль Самозванца Молчановъ вовсе не желалъ, а подыскивалъ кого-нибудь другого, который рѣшился бы явиться въ такой роли и былъ бы къ ней способенъ.

Слухи о Дмитріи сдѣлали положеніе Шуйскаго сразу очень шаткимъ. Недовольныхъ положеніемъ дѣлъ было очень много, и они хватались за имя Дмитрія: одни потому, что искренно вѣрили въ спасеніе его при переворотѣ, другіе потому, что кромѣ его имени не было другого такого, которое могло бы ихъ соединить и придать возстанію характеръ законной борьбы за правду. Одновременно со слухами, распускаемыми Молчановымъ, такіе же слухи появились въ Сѣверскихъ городахъ и тамъ всего раньше вызвали дѣйствительную смуту. Князь Григорій Шаховской, приверженецъ Лжедмитрія, сосланный за это на воеводство въ Путивль, сразу показалъ Шуйскому неудобство такого рода наказанія. Онъ объявилъ въ Путивлѣ, что Дмитрій живъ, и сразу поднялъ противъ Шуйскаго весь городъ во имя этого Дмитрія. По примѣру Путивля очень скоро поднимаются и другіе Сѣверскіе города, между прочимъ Елецъ и Черниговъ. Въ Черниговѣ начальствовалъ князь Андрей Телятевскій, который годъ тому назадъ долго не хотѣлъ перейти на сторону Лжедмитрія, а теперь, когда Лжедмитрій былъ убитъ, сразу переходитъ на сторону его призрака, не зная еще, когда и гдѣ этотъ призракъ воплотится. Это его, быть можетъ, и неособенно интересовало, потому что поднялся онъ за Дмитрія исключительно по непріязни къ Шуйскому. Когда затѣмъ царскія войска, посланныя усмирить мятежные города, были мятежниками разбиты, то къ движенію противъ Шуйскаго на югѣ примкнули и другіе города, въ числѣ ихъ Тула и Рязань. Дальше возникли безпорядки и въ Поволжскихъ городахъ. Въ Перми явилась смута между войсками, набранными для царя: они начали побивать другъ друга и разбѣжалась со службы. Въ Вяткѣ открыто бранили Шуйскаго и сочувствовали Дмитрію, котораго считали живымъ. Во многихъ мѣстностяхъ поднимались крестьяне и холопы. Смутами пользовались инородцы, обрадованные случаемъ сбросить съ себя подчиненіе русскимъ. Они дѣйствовали заодно съ крестьянскими шайками. Мордва, соединясь съ холопами и крестьянами, осадила Нижній-Новгородъ. Въ далекой Астрахани поднялся на царя самъ воевода, князь Хворостининъ. Въ самой Москвѣ было замѣтно броженіе въ народѣ, хотя не доходившее до возмущенія, но очень безпокоившее Шуйскаго.

Всѣ эти волненія, происходя въ разныхъ мѣстностяхъ безъ всякой связи одно съ другимъ, различаются и мотивами, и дѣятелями: въ нихъ участвуютъ люди разныхъ сословій и положеній, и преслѣдуются очень разнообразныя цѣли. Всѣхъ серьезнѣе было движеніе на югѣ, въ Сѣверской землѣ. Въ центрѣ его стоялъ первоначально Шаховской. Поднялъ онъ движеніе во имя Дмитрія, но не находилъ человѣка, который взялъ бы на себя его роль, а такой человѣкъ былъ ему необходимъ, иначе движеніе въ народѣ могло заглохнуть.

Боясь этого и узнавъ, что Молчановъ выдавалъ себя за Дмитрія, Шаховской звалъ его къ себѣ, но Молчановъ не ѣхалъ, и поднятое дѣло грозило неудачей. Въ это время случай послалъ Шаховскому чрезвычайно выдающуюся энергіей и способностями личность, Ивана Болотникова. Жизнь этого человѣка полна приключеній; онъ былъ холопомъ князя Телятевскаго, какъ-то попалъ въ плѣнъ къ татарамъ, былъ проданъ туркамъ и нѣсколько лѣтъ работалъ въ Турціи на галерахъ. Затѣмъ, неизвѣстно какъ, освободился оттуда и попалъ въ Венецію. Изъ Венеціи онъ пробирался черезъ Польшу на Русь, но въ Польшѣ его задержали. Тамъ онъ встрѣтился съ Молчановымъ, и Молчановъ нашелъ его пригоднымъ для своихъ дѣлъ человѣкомъ, сблизился съ нимъ и послалъ его

въ Путивль къ Шаховскому. Шаховской принялъ Болотникова хорошо и поручилъ ему цѣлый отрядъ. Онъ призываетъ подъ свои знамена скопившіяся на Украинѣ подонки: гулящихъ людей, разбойниковъ, бѣглыхъ крестьянъ, холопей, именемъ несуществующаго Дмитрія обѣщаетъ имъ прощеніе и льготы. Разсылая своихъ агентовъ и свои грамоты, онъ вездѣ, гдѣ можетъ, поднимаетъ низшіе классы не только противъ Шуйскаго и не только за Дмитрія, но и противъ высшихъ классовъ, и этимъ самымъ сообщаетъ смутѣ до нѣкоторой степени характеръ соціальнаго движенія.

При первой встрѣчѣ Болотникова съ царскими войсками у Ельца и Кромъ, побѣда осталась на его сторонѣ, и это очень подѣйствовало на успѣхъ возстанія въ южной половинѣ государства. Поднялись: Тула, Веневъ, Кашира, Орелъ, Калуга, Вязьма, нѣкоторые Тверскіе города, хотя сама Тверь и осталась вѣрна Василію Шуйскому. Съ особенной силой и энергіей проявилось движеніе въ Рязани, гдѣ во главѣ этого движенія стали: Григорій Сунбуловъ и дворяне два брата Ляпуновыхъ— Прокопій и Захаръ. Рязанское населеніе отличалось, по отзывамъ сказателей того времени, особенно храбрымъ и дерзкимъ характеромъ. Благодаря самому географическому положенію, Рязанской землѣ приходилось чаще другихъ подвергаться татарскимъ нашествіямъ и быть оплотомъ Руси отъ татаръ. Немудрено, что сложился у Рязанцевъ такой суровый и воинственный характеръ и что лѣтописцы отзываются о нихъ, какъ о народѣ удивительномъ по дерзости и „высокимъ рѣчамъ". Братья Ляпуновы были весьма типичными представителями своего края, отличались замѣчательной энергіей, дѣйствовали очень рѣшительно и смѣло, и дѣйствовали порывомъ, жили впечатлѣніемъ, а не спокойной трезвой жизнью. По своимъ выдающимся личнымъ способностямъ Ляпуновы (особенно Прокопій) могли стать во главѣ возстанія въ Рязани и сдѣлать его опаснымъ для Шуйскаго. И дѣйствительно въ Рязани очень скоро составилось ополченіе противъ Шуйскаго. То же произошло и въ Тулѣ, гдѣ во главѣ возстанія сталъ сынъ боярскій Истома Пашковъ. Какъ Тульское, такъ и Рязанское ополченіе были, по преимуществу, дворянскими и направлялись противъ боярскаго правительства Шуйскаго за Дмитрія. На своемъ пути къ Москвѣ эти дворянскія ополченія соединялись съ шайками Болотникова, которыя несли съ собою общее разореніе и вражду не вполнѣ политическаго характера. Онѣ шли не только противъ правительства Шуйскаго, но противъ общественнаго строя, существовавшаго тогда. И не много надо проницательности, чтобы понять, что въ данномъ случаѣ во имя Дмитрія соединялись соціальные враги. Стремленія холопей и гулящаго люда, шедшаго съ Болотниковымъ, были совершенно противоположны стремленіямъ дворянства, бывшаго тогда тѣмъ высшимъ классомъ, противъ котораго возбуждалъ Болотниковъ Украйну. Заранѣе можно было видѣть, что этотъ союзъ Ляпуновыхъ съ Болотниковымъ долженъ былъ прерваться, какъ только союзники ознакомятся другъ съ другомъ. Такъ и случилось. Соединенныя ополченія мятежниковъ подошли къ Москвѣ и остановились въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ. Положеніе Шуйскаго стало крайне опаснымъ: вся южная половина государства была противъ него, и мятежныя войска осаждали его въ Москвѣ. Не только для подавленія возстанія, но и для защиты Москвы у него не было войска. Въ самой Москвѣ не доставало хлѣба, такъ какъ подвозъ его былъ прекращенъ мятежниками, открылся голодъ. „А кто же хотѣлъ терпѣть голодъ для Шуйскаго?", мѣтко замѣчаетъ Соловьевъ (VIII, стр. 163). Но на этотъ разъ Шуйскій уцѣлѣлъ, благодаря тому, что у его враговъ

очень скоро открылась рознь: дворянское ополченіе узнало симпатіи и цѣли своихъ союзниковъ по ихъ разбойничьему поведенію. Болотниковъ и не не скрывалъ своихъ намѣреній: онъ черезъ своихъ людей посылалъ въ Москву грамоты и въ нихъ открыто поднималъ чернь на высшіе классы. Объ этомъ мы узнаемъ изъ окружныхъ грамотъ патріарха Гермогена, который говоритъ, что воры изъ Коломенскаго „пишутъ къ Москвѣ проклятые свои листы и велятъ боярскимъ холопамъ побивати своихъ бояръ и женъ ихъ и вотчины и помѣстья имъ сулятъ и шпынямъ и безыменникомъ воромъ (т.-е. черни) велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити, и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество".

Такое поведеніе и направленіе Болотникова и его шаекъ заставило Рязанскихъ и Тульскихъ дворянъ отшатнуться отъ дальнѣйшаго единенія съ ними и перейти на сторону Шуйскаго, который былъ все-таки охранителемъ и представителемъ государственнаго порядка, хотя, можетъ быть, и несимпатичнымъ. Первые заводчики мятежа противъ Шуйскаго—Сунбуловъ и Ляпуновъ, первые же явились съ повинной къ Шуйскому. За ними стали переходить и другіе Рязанскіе и Тульскіе дворяне. Тогда же на помощь Шуйскому подоспѣли дворянскія ополченія изъ Твери, изъ Смоленска, и дѣло Шуйскаго было выиграно. Онъ сталъ уговаривать Болотникова „отстать отъ воровства", но Болотниковъ побѣжалъ на югъ, подошелъ къ Серпухову и, узнавъ, что тамъ мало запасовъ на случай осады, ушелъ въ Калугу, гдѣ запасовъ было много. Оттуда онъ перешелъ въ Тулу и засѣлъ въ ней вмѣстѣ съ казачьимъ самозванцемъ Петромъ, котораго призвалъ къ себѣ не дождавшись Дмитрія. Этотъ Петръ былъ оригинальнымъ Самозванцемъ. Онъ явился при жизни Лжедмитрія среди Терскихъ казаковъ и выдавалъ себя за сына царя Ѳеодора, родившагося будто бы въ 1592 году и, въ дѣйствительности, никогда не существовавшаго. Онъ началъ свои дѣйствія съ того, что послалъ извѣстить о себѣ царя Дмитрія, который очень умно желалъ вызвать къ себѣ поближе этого проходимца съ его шайкой, чтобы лучше и вѣрнѣе его захватить. Но на дорогѣ въ Москву Лжепетръ узналъ о погибели Дмитрія, обратился назадъ, сошелся съ Шаховскимъ и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ къ Болотникову въ Тулу. Такимъ образомъ, Тула стала центромъ движенія противъ Шуйскаго. Однако, ни Шаховской, ни Болотниковъ не удовольствовались Лжепетромъ и какъ прежде хлопотали о самозванцѣ, способномъ замѣнить убитаго Лжедмитрія. Такой наконецъ явился, хотя и не успѣлъ соединиться съ ними. Весною 1607 года Шуйскій рѣшился дѣйствовать энергично, осадилъ Тулу, стоялъ подъ нею цѣлое лѣто, устроилъ плотину на р. Упѣ, затопилъ весь городъ и выморилъ мятежниковъ голодомъ. Въ октябрѣ 1607 года Тула сдалась царю Василію. Болотниковъ былъ сосланъ въ Каргополь и утопленъ, Шаховского сослали въ пустынь на Кубенское озеро, а Лжепетра повѣсили. Шуйскій съ торжествомъ вернулся въ Москву, но не долго пришлось ему праздновать побѣду.

XXXVIII. Появленіе второго Лжедимитрія.

(*Изъ ст. Костомарова: «Смутное время Московскаго государства», помѣщ. въ «Вѣстникѣ Европы» за 1866 г.*).

Давно желанный Димитрій явился. Царь Василій Шуйскій узналъ о немъ тогда еще, когда стоялъ подъ Тулою. Одни говорятъ, что его

звали Богданомъ и что онъ былъ литвинъ; другіе называли его Матвѣемъ Веревкинымъ изъ Стародуба, третьи—Иваномъ; четвертые говорятъ, что онъ былъ сынъ убѣжавшаго въ Литву при Грозномъ кн. Курбскаго; пятые—что онъ былъ еврей и т. п. По однимъ извѣстіямъ, его выслала въ Московское государство жена Мнишка, чрезъ своего агента Мѣховецкаго; по другимъ, его отыскалъ въ Кіевѣ посланный нарочно съ цѣлью найти Димитрія путивльскій попъ Воробей. Намъ кажется болѣе достовѣрнымъ сказаніе, записанное въ одномъ изъ западно-русскихъ хронографовъ. Былъ онъ родомъ стародубецъ, переселился въ Бѣлую Русь, училъ дѣтей у священника въ Шкловѣ, потомъ перешелъ въ Могилевъ и тамъ также договорился учить дѣтей у священника Сашковича, который, подобно многимъ своимъ собратіямъ, держалъ школу. Учитель такъ былъ бѣденъ, что лѣтомъ ходилъ въ изорванномъ тулупѣ и носилъ бараній шлыкъ, потому что не на что было ему сдѣлать лѣтней одежи. Изъ Могилева онъ перешелъ въ Пропойскъ, и тамъ сочли его шпіономъ, задержали и посадили въ тюрьму Тогда онъ, для своего избавленія, сказалъ на себя, что онъ московскій бояринъ Нагой, дядя царя Димитрія. Пропойскій подстароста Рогоза Чечерскій извѣстилъ объ этомъ своего старосту пана Зѣновича, а тотъ приказалъ его отпустить и проводить въ Московское государство. Къ нему пристало тогда двое молодцовъ: одинъ по имени Грицько, другой Рагозинскій. Они провели его въ Попову-Гору. Тамъ, какъ узнали, что идетъ Нагой, стали его разспрашивать о Димитріи, и такъ какъ всѣ толковали, что онъ живъ, то и названный Нагой сталъ увѣрять ихъ, что Димитрій живъ и скоро придетъ изъ Польши. Еще пристало къ нему нѣсколько молодцовъ, и въ томъ числѣ Алексѣй Рукинъ, подьячій. Съ ними онъ отправился въ Стародубъ и тамъ говорилъ такъ: „Я Нагой, родной дядя царя; самъ царь недалеко, идетъ съ паномъ Мѣховецкимъ, ведетъ тысячу конныхъ. Вотъ онъ скоро васъ обрадуетъ, пріѣдетъ и пожалуетъ васъ за вашу вѣрность, дастъ вамъ большія льготы“.

Прошло нѣсколько времени. Не приходилъ Мѣховецкій съ Димитріемъ. Его товарищъ Алексѣй Рукинъ отправился по сосѣднимъ городамъ разсказывать, что Димитрій живъ. Было легко найти легковѣрныхъ, потому что Шаховскій уже подготовилъ къ этому Сѣверскую землю. Рукинъ пріѣхалъ въ Путивль. „Гдѣ Димитрій?“ спрашивали его. Онъ отвѣчалъ: „Въ Стародубѣ“. Они задержали его, послали съ нимъ въ Стародубъ нѣсколько своихъ путивлянъ и сказали ему: „Мы тебя замучимъ, если ты не покажешь намъ Димитрія“. Стародубцы уже теряли терпѣніе, когда пришли къ нимъ путивляне. Въ Стародубѣ толпа жителей, вмѣстѣ съ пришедшими изъ Путивля, приступила къ названному Нагому и спрашивала: „Гдѣ же Димитрій, почему онъ не приходитъ? Гдѣ онъ, туда мы пойдемъ къ нему головами!“ Нагой говорилъ: „Не знаю!“ Тогда стародубцы стали грозить пыткою. Нагой увѣрялъ, что ничего не знаетъ. Тогда стародубцы и путивляне принялись за Рукина за то, что онъ увѣрялъ ихъ ложно. Стали полосить ему спину кнутомъ, приговаривая: „Говори, гдѣ Димитрій, гдѣ Димитрій?“ Тогда, не стерпя муки, Алешка закричалъ: „Смилуйтесь, ради Николы Чудотворца! Я покажу вамъ Димитрія!“

Его отпустили. Тогда онъ указалъ на того, кто назвался Нагимъ, и сказалъ: „Вотъ Димитрій Ивановичъ! Онъ предъ вами и смотритъ, какъ вы меня мучите. Онъ у васъ въ рукахъ! Вы можете и его убить рядомъ со мною. Онъ для того не объявляется вамъ сразу, чтобы узнать,

рады ли вы его приходу будете!“ Новопоказанному Димитрію оставалось или принять на себя это имя, или подвергнуться пыткѣ. Онъ, принявъ повелительный видъ, махнулъ грозно палкою и сказалъ: „Вы все еще меня не знаете! Я государь!“ Это было сказано съ такою рѣшимостью. что стародубцы, пораженные, невольно упали къ ногамъ его и закричали: „Виноваты, государь, передъ тобой, не узнали тебя! Помилуй насъ! Рады тебѣ служить противъ твоихъ недруговъ! Животъ свой положимъ за тебя!“ Его повели съ колокольнымъ звономъ въ городъ (замокъ), убрали для него покои, какъ могли, чтобы они казались царскимъ жилищемъ, несли ему подарки и деньги.

Изъ Стародуба разосланы были грамоты въ сосѣдніе сѣверскіе города, чтобы люди русскіе спѣшили къ своему царю. Посланы были гонцы съ грамотами и въ Москву. Въ нихъ извѣщалось всѣмъ, что, „съ Божіею помощью, Димитрій спасся отъ убійцъ, благодаритъ московскихъ людей за то, что, при ихъ пособіи, онъ достигъ престола, и снова проситъ, чтобы его въ другой разъ посадили на царство“. Изъ Сѣверской земли, гдѣ такъ давно ждали Димитрія, собрались къ нему тысячи три вольницы, севрюковъ. Явился въ Стародубъ и Мѣховецкій съ отрядомъ украинской вольницы. Современники думали, что этотъ Мѣховецкій и выпустилъ Димитрія изъ литовскихъ предѣловъ въ Россію.

Въ это время прибылъ въ Стародубъ Заруцкій, посланный отъ Болотникова искать Димитрія. Казацкій атаманъ явился къ Димитрію и сразу увидалъ, что это вовсе не тотъ, который царствовалъ въ Москвѣ. Но Заруцкому нужно было Димитрія какого-нибудь; Заруцкій поклонился ему, увѣрялъ всѣхъ, что дѣйствительно узналъ въ немъ настоящаго государя. Онъ не поѣхалъ назадъ въ Тулу, остался при Димитріи, сдѣлался его всегдашнимъ товарищемъ, довѣреннымъ лицомъ. Вору хотѣлось испытать, точно ли преданы и вѣрны ему стародубцы. И вотъ однажды онъ выѣхалъ за ворота съ Заруцкимъ, и начали они разъѣзжаться и сражаться копьями. По тайному приказу Димитрія, Заруцкій сбилъ его съ коня. Димитрій упалъ и показывалъ видъ, будто сильно ушибленъ, Заруцкій пустился бѣжать. Народъ закричалъ: „Ловите, держите измѣнника!“ Схватили его, связали и привели къ Димитрію. Тотъ всталъ и, засмѣявшись, сказалъ: „Благодарю васъ, православные христіане! Вотъ теперь я дважды увѣрился, что вы мнѣ вѣрны!“ Всѣ стародубцы смѣялись, а Заруцкій все-таки схватилъ нѣсколько порядочныхъ пинковъ; но послѣ того всѣ знали, что Заруцкій самый близкій человѣкъ къ царю Димитрію.

Димитрій нѣсколько времени оставался въ Стародубѣ, ожидая болѣе силъ, а между тѣмъ отправилъ къ Шуйскому, находившемуся подъ Тулою, посланца, одного боярскаго сына изъ Стародубскаго уѣзда. Этотъ человѣкъ смѣло явился предъ царемъ Василіемъ съ грамотою. Въ ней Димитрій называлъ Шуйскаго измѣнникомъ, похитителемъ и требовалъ уступить ему престолъ. Посланецъ, съ своей стороны, сказалъ царю: „Прямой-ты измѣнникъ! Подыскался царства подъ нашимъ государемъ“. Царь приказалъ его пытать, вѣроятно, чтобы вывѣдать отъ него о состояніи дѣлъ. Но у посланца не вывѣдали никакой вѣсти. Онъ жарился на огнѣ да въ то же время расточалъ на Шуйскаго всевозможныя ругательства. Такъ онъ и умеръ въ мукахъ.

Когда, наконецъ, понабралось у Димитрія сѣверской вольницы, онъ двинулся на Карачевъ, взялъ его, оттуда повернулъ къ Козельску: разбилъ и взялъ въ плѣнъ московскій отрядъ и вернулся къ Карачеву.

Тутъ литовскіе люди, бывшіе съ нимъ, заспорили за добычу, полученную подъ Козельскомъ отъ разбитаго московскаго отряда, и думали уйти. Димитрій былъ непредпріимчиваго и нехрабраго нрава и при томъ подозрителенъ. Онъ сообразилъ, что поляки его оставляютъ, а русскимъ нельзя довѣриться. Димитрій поэтому хотѣлъ бѣжать. Но тутъ прислалъ за нимъ изъ-подъ Карачева Мѣховецкій, оставшійся при войскѣ. „Воротись,—извѣщалъ онъ его,—будешь самъ здѣсь на лицо, такъ войско тебя послушается и не разойдется!" Димитрій пробылъ съ недѣлю въ Орлѣ, раздумывалъ такъ и сякъ и, наконецъ, воротился, по просьбѣ Мѣховецкаго, въ Карачевъ, но опять увидалъ, что поляки не слишкомъ расположены служить ему, и думаютъ только о добычѣ, а московскіе люди готовы при первомъ случаѣ выдать его. Сообразивши все это, Димитрій опять тайно убѣжалъ. На этотъ разъ онъ уже не остановился въ Орлѣ, а бѣжалъ въ Путивль. По всему видно, онъ хотѣлъ вовсе отказаться отъ званія Димитрія, случайно принятаго въ Стародубѣ. Онъ не чувствовалъ въ себѣ настолько силы, чтобы носить это имя, и радъ былъ случаю улизнуть и избавиться отъ своей роли. Но и теперь, какъ въ первый разъ, не удалось ему. На дорогѣ встрѣтился съ нимъ нѣкто Валавскій, Съ нимъ была тысяча человѣкъ. Онъ шелъ изъ Украйны отъ знатнаго пана Ружинскаго на помощь Димитрію. Потомъ Самуилъ Тышкевичъ привелъ украинскую вольницу. Современники говорятъ, что игравшій роль Димитрія не хотѣлъ имъ сказаться и называть себя царскимъ именемъ; но всѣ стали допытываться и уличать его, и онъ не могъ извернуться и долженъ былъ сознаться, что онъ тотъ самый, который уже признавалъ себя за Дмитрія. „Куда же ты это бредешь?" спрашивали его. „Меня,—говорилъ онъ,—поляки оставляютъ, а своимъ я не довѣряю: они меня выдадутъ или убьютъ. Я хотѣлъ бѣжать въ Путивль. Тамъ люди мнѣ издавна преданы. Оттуда я въ первый разъ, по смерти Годунова, былъ приглашенъ на царство". Его не пустили. Вслѣдъ затѣмъ явились къ нему новые пособники изъ Бреславльскаго воеводства: Хмѣлевскій, Хруслинскій и князь Адамъ Вишневецкій. Послѣднему, должно быть, очень дико было признавать новое лицо за то самое, которое онъ зналъ такъ близко, какъ рѣдкій тогда могъ знать въ Польшѣ.

Понятно, что такими пособниками руководила обычная въ Украйнѣ охота къ шатанію и разбоямъ. Руководило ими и желаніе отмстить за тѣхъ, которые потерпѣли въ Москвѣ во время войны, и за тѣхъ, которые томились въ плѣну. Много было въ Польшѣ женъ и дѣтей, которыя въ томительной неизвѣстности о судьбѣ своихъ мужей и отцовъ взывали о справедливой карѣ лживому московскому народу, говоритъ современникъ. Это чувство должно было служить нравственнымъ предлогомъ къ оправданію своей лжи. Доблестные поляки, говоритъ тотъ же современникъ, вступая съ призракомъ царя, увѣряли единогласно, что Димитрій ушелъ изъ Москвы отъ смерти. Самъ Богъ помогъ ихъ справедливому дѣлу: они мстили за тяжкія оскорбленія своимъ согражданамъ.

Съ этими новыми силами Димитрій воротился опять къ Карачеву, а изъ Карачева со всѣмъ полчищемъ пошелъ къ Брянску. Русскіе предупредили его и сожгли Брянскій посадъ, а въ самый городъ ввели крѣпкій гарнизонъ. Воръ стоялъ подъ Брянскомъ нѣсколько недѣль. За девять дней до Рождества прибылъ на помощь Брянску воевода кн. Куракинъ. Зима была въ тотъ годъ теплая, и въ декабрѣ все еще не замерзала Десна. По ней плавали льдины: былъ большой холодъ и въ водѣ, и въ воздухѣ. Литовскіе люди никакъ не ожидали, чтобы ихъ не-

пріятели рѣшились идти вплавь. Но московскіе люди не побоялись холода, перешли рѣку и дружнымъ натискомъ выбили изъ окоповъ толпу; тутъ же ударили на нее осажденные въ Брянскѣ. Довольно воровъ побили и побрали въ плѣнъ. Шайка снялась съ обоза и отступила къ Карачеву, а оттуда воръ опять пріѣхалъ въ Орелъ.

XXXIX. Борьба Москвы съ Тушиномъ.

(*По «Исторіи смутнаго времени въ Россіи» Бутурлина*).

Послѣ брянской битвы самозванецъ расположился на зимовку въ Орлѣ, а царскіе воеводы въ Болховѣ. Глубокіе снѣга и морозы препятствовали важнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ самозванецъ все болѣе и болѣе усиливался. Къ нему изъ Польши стекались не одни бездомные витязи, но даже знатнѣйшіе паны, напр., Тышкевичъ, прибывшій въ Орелъ съ 700 конныхъ, Рожинскій съ 1000 и др. Подъ знаменами вора собралось всего 7,000 поляковъ, 8,000 донскихъ и запорожскихъ казаковъ да довольно русскихъ злодѣевъ. Изъ всѣхъ польскихъ пановъ Рожинскій почитался достойнѣйшимъ и домогался главнаго начальства; Мѣховецкій, прежній гетманъ, долженъ былъ уступить ему свое званіе. По открытіи весны съ обѣихъ сторонъ стали готовиться къ походу. Самозванецъ, уповая столько же на измѣну, сколько и на открытую силу, разсылалъ повсюду грамоты, въ коихъ старался убѣждать, что онъ тотъ же Димитрій Іоанновичъ, спасшійся во время московскаго бунта. Въ царскомъ войскѣ притомъ оказалась измѣна, что̀ очень облегчило самозванцу побѣду надъ нимъ и движеніе къ самой Москвѣ. Дѣйствія самозванца становились опасными, въ особенности потому, что онъ распоряжался совершенно въ духѣ предначертаній Болотникова. По повелѣнію его объявили повсюду, что крестьянамъ, присягнувшимъ ему, отдавались земли господъ ихъ, служившихъ Василію, и что даже дозволялось имъ жениться на барскихъ дочеряхъ, коихъ успѣютъ захватить въ помѣстьяхъ. Чернь возставала въ пользу злодѣя. Устрашенные дворяне и дѣти боярскія покидали дома свои и уходили въ Москву съ женами и дѣтьми. Хотя междоусобіе болѣе чѣмъ когда-либо принимало видъ рѣшительной борьбы, и хотя, казалось, посему надлежало высшимъ сословіямъ способствовать утвержденію власти царя Василія, но нашлись вельможи, какъ кн. Катыревъ, Троекуровъ, Трубецкой, которые стали подговаривать воиновъ къ измѣнѣ. Но злоумышленіе ихъ было во̀-время открыто, и заговорщики разсажены были по темницамъ, а менѣе знатные изъ нихъ были казнены.

1-го іюня самозванецъ расположился въ селѣ Тушинѣ, въ 15 верстахъ отъ Москвы по волоколамской дорогѣ. Здѣсь на высотахъ позади селенія возникъ укрѣпленный станъ самозванца, который поэтому и получилъ отъ лѣтописцевъ названіе *тушинскій воръ*. Въ продолженіе двухъ недѣль обѣ стороны находились въ бездѣйствіи. Самозванецъ, вѣроятно, надѣялся овладѣть столицей посредствомъ одной измѣны, но всѣ старанія его, чтобы взволновать въ свою пользу столичную чернь, остались безуспѣшными: московскіе обыватели гнушались покориться явному злодѣю. Между тѣмъ польскіе отряды ходили по окрестностямъ и брали города. Городъ Коломна былъ взятъ и почти разрушенъ Лисовскимъ, который съ другой

стороны подступилъ къ Москвѣ: но царскіе воеводы успѣшно отбили его и заставили удалиться въ Тушино.

Несмотря на этотъ успѣхъ, положеніе царя не становилось лучше, ибо Василій только могъ удерживаться въ Москвѣ, не имѣя достаточныхъ силъ, чтобы дѣйствовать наступательно противъ Тушина; притомъ предвидѣлось, что трудно будетъ удержать въ службѣ помѣщиковъ, всегда тяготящихся продолжительнымъ отсутствіемъ изъ своихъ имѣній. Въ виду этого Василій рѣшился добиваться достиженія соглашенія съ польскими послами, съ коими уже шли переговоры. 25-го іюля царь подписалъ договоръ съ ними, причемъ они обязались отозвать на родину своихъ соотечественниковъ, находящихся съ воромъ и составляющихъ его главную опору. Но условіе это выполнено не было.

По договору, царь отпустилъ всѣхъ поляковъ, оставшихся въ Москвѣ, со времени перваго Лжедимитрія. Ихъ, въ томъ числѣ и Мнишка съ дочерью, отправили въ обходъ на Угличъ, Тверь и Бѣлую къ смоленскому рубежу, подъ конвоемъ кн. Долгорукаго, чтобы они не были захвачены воромъ. Случилось, впрочемъ, иначе: плѣнники попали въ руки отряда войскъ самозванца. Марина долго колебалась между тщеславіемъ и позоромъ, не рѣшаясь признать завѣдомаго обманщика своимъ мужемъ; но Мнишекъ, прельщенный разными обѣщаніями самозванца, склонилъ дочь свою къ позорному шагу. Самозванца съ нею прежде тайно обвѣнчалъ одинъ іезуитъ, а затѣмъ она явилась въ Тушино и имѣла торжественное свиданіе съ воромъ, причемъ съ обѣихъ сторонъ притворная нѣжность изъявлялась радостными слезами. Присутствіе Марины въ станѣ самозванца много возвысило послѣдняго въ общемъ мнѣніи.

Царь надѣялся на помощь извнѣ и отправилъ Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ для собиранія рати и веденія переговоровъ со Швеціей, король которой, Карлъ IX, обѣщалъ прислать помощь. Между тѣмъ подъ Москвою битвы продолжались. Царь, узнавъ, что войско самозванца раздѣлилось, такъ какъ одинъ изъ польскихъ военачальниковъ, Сапѣга, вздумалъ дѣйствовать отдѣльно противъ Троицко-Сергіевскаго монастыря, выслалъ противъ него сорокатысячную рать, которая, однако, близъ села Рахманова потерпѣла пораженіе. Ужасъ столицы былъ неизобразимъ. Казалось, что исчезалъ послѣдній лучъ надежды. При общемъ уныніи, не только простолюдины, но даже важныя лица стали шайками выѣзжать въ Тушино. Царь сначала хотѣлъ дѣйствовать великодушными средствами. Онъ объявилъ всенародно, что никого не желаетъ удерживать при себѣ принужденно, что всякому дается воля избрать одно изъ двухъ: или свободно выѣхать изъ Москвы, или цѣловать крестъ въ томъ, что останется въ осадѣ безъ всякой шатости. Но въ несчастныя времена ничто не удается, и многіе изъ присягнувшихъ на другой же день уѣхали въ Тушино. Таковы были: кн. Димитрій Черкасскій, кн. Алексѣй Сицкій, Бутурлинъ. Напрасно встревоженный царь обратился тогда къ понудительнымъ мѣрамъ. Повсемѣстно разосланными указами было повелѣно всѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ ѣхать на службу въ Москву, подъ опасеніемъ смертной казни за ослушаніе. Такому же наказанію и отобранію всего имущества въ казну подвергались тѣ изъ обывателей, которые бы стали укрывать *нѣтовъ* (т.-е. неявившихся на службу), или даже принимать ихъ только на ночлегъ. Изнемогающее правительство было такъ мало уважаемо, что вездѣ предписанныя строгости оставались безъ исполненія.

Если бы Рожинскій и Сапѣга рѣшились воспользоваться первою тре-

вогою въ столицѣ для приступа, то, вѣроятно, они бы овладѣли Москвою. Но польскіе вожди не хотѣли траты людей на приступѣ и, имѣя въ виду, что среди ужасовъ его трудно было бы уберечь отъ расхищенія московскія сокровища, коими надѣялись овладѣть, стояли на томъ, чтобы столицу не добывать открытою силою, а вынуждать къ сдачѣ посредствомъ строгаго стѣсненія. Да и самозванецъ, видя, что вся Россія постепенно покоряется ему, надѣялся безъ большихъ усилій одолѣть царя и вынудить къ сдачѣ столицу чувствомъ ея одиночества среди измѣны государства. Стоящіе еще за царя города: Москва, Переяславль-Рязанскій, Нижній, Смоленскъ, Новгородъ и геройская обитель Троицко-Сергіева представлялись, какъ лучезарные, но малочисленные оазисы среди мрачнаго господства мятежа, распространявшагося на все государство, кромѣ ледовитыхъ окраинъ онаго. Правда, вѣрные города отличались отъ прочихъ богатствомъ и многолюдствомъ, а потому не нуждались еще въ военныхъ средствахъ, но разобщенныя силы ихъ не могли дѣйствовать въ совокупности, необходимой для успѣха, а слѣдственно можно было предвидѣть постепенное паденіе самыхъ послѣднихъ оплотовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конечное торжество разрушителей общественнаго устройства въ Россіи.

Въ самой Москвѣ, до тѣхъ поръ еще пребывавшей въ повиновеніи, появилась шаткость даже въ рядахъ тѣхъ изъ защитниковъ престола, которые по своему званію должны были менѣе прочихъ колебаться въ вѣрности своей. Всѣ болѣе или менѣе дѣйствовали по одному только разсчету, и самыя даже преступныя связи съ измѣнниками казались одною только дозволенною осторожностью. Многіе знатные отъѣзжали въ Тушино по тайному соглашенію со своими родственниками, еще остававшимися при царѣ, дабы во всякомъ случаѣ имѣть вездѣ заступниковъ и такимъ образомъ обезопасить родъ свой, какая бы сторона ни восторжествовала. Другіе слуги царскіе открыто торговали своимъ вѣроломствомъ и часто переѣзжали изъ Москвы въ Тушино и обратно для полученія жалованья отъ царя. Лѣтописецъ называетъ ихъ *перелетами* и увѣряетъ, что многіе изъ нихъ до десяти разъ перебѣгали отъ одной стороны къ другой. Имъ нигдѣ не довѣряли, но они были вездѣ принимаемы благосклонно, ибо строгость казалась неумѣстною, и каждый надѣялся поощреніемъ побѣговъ ослабить своего врага. Корыстолюбіе жителей столицы побуждало ихъ еще къ другимъ преступленіямъ. Хотя тушинскій станъ утопалъ въ изобиліи съѣстныхъ припасовъ, но въ немъ нуждались въ соли, въ лѣкарственныхъ зеліяхъ. И то, и другое было туда доставляемо изъ Москвы, съ большою выгодою для занимавшихся симъ промысломъ; случалось, что и оружіе поступало изъ Москвы на продажу въ Тушино.

Василій не измѣнилъ себѣ. Окруженный вельможами вѣроломными, чиновниками безусердными и чернью строптивою, онъ бодрствовалъ и удерживалъ въ повиновеніи столицу при содѣйствіи какъ украинскихъ помѣщиковъ, коихъ преданность ему основана была на личныхъ выгодахъ, такъ и духовенства, единственнаго сословія, непричастнаго беззаконію. Онъ надѣялся на переговоры Скопина со шведами, на рать, которую Шеинъ собиралъ въ Смоленскѣ, а Шереметьевъ въ низовой землѣ. Къ тому же мятежники, на мѣсто того, чтобы добрымъ обхожденіемъ стараться привлечь къ себѣ жителей занимаемыхъ ими городовъ и волостей, обращались съ ними неистово и искали только наживы и удовлетворенія гнуснѣйшихъ страстей. Самозванецъ, всѣмъ обязанный полякамъ, не

смѣлъ ни въ чемъ имъ противорѣчить. Знатнѣйшіе изъ нихъ, къ крайней досадѣ и угнетенію русскихъ, выпросили себѣ въ собственность разные города; паны своевольничали, обирали обывателей и отнимали красивыхъ женъ и дочерей у мужей и отцовъ; польскіе воины толпами выходили изъ тушинскаго стана, подъ предлогомъ отыскиванія фуража, и, собираясь въ шайки, усиленныя множествомъ приставаыпихъ къ нимъ русскихъ злодѣевъ, чинили ужасные разбои по селамъ и деревнямъ. Самозванецъ, чувствуя, сколько это вредило ему, разсылалъ всѣмъ воеводамъ своимъ настоятельныя приказанія ловить и строго наказывать разорителей; но злодѣи находили безсовѣстныхъ покровителей въ польскихъ вождяхъ. Замосковскіе люди, поддавшіеся вору въ надеждѣ обезопасить себя отъ убійства и разоренія, видѣли, что жестоко обманулись. Власть самозванца нисколько не предохраняла ихъ отъ свирѣпѣйшаго насилія, и постыднымъ малодушіемъ они обезчестили себя безъ всякой пользы. Тогда рѣшились они свергнуть постыдное иго и снова покориться царской власти. Почти въ одно время Галичъ, Кострома, Вологда, Городецъ, Кашинъ и др. отложились отъ вора. Также и на правой сторонѣ Волги дѣла принимали лучшій оборотъ для царя при содѣйствіи непоколебимой твердости Нижняго-Новгорода. Шереметьевъ имѣлъ въ этой странѣ много успѣховъ надъ бунтовщиками. Въ столицѣ однако часто стали повторяться смуты, особенно, когда вслѣдствіе прекращенія подвоза, хлѣбъ повысился въ цѣнѣ до 7 рублей за четверть. Чернь буйными толпами приступала къ царю и кричала, что нѣтъ силъ болѣе терпѣть нуждъ продолжительнаго обложенія. Патріархъ увѣщевалъ богатыхъ хлѣботорговцевъ сбавить цѣны, но корыстолюбіе превозмогло въ нихъ всякое чувство состраданія. Тогда прибѣгнули къ помощи Троицко-Сергіевскаго монастыря, имѣвшаго въ Москвѣ житницы и въ нихъ громадное количество хлѣба. Появленіе этого хлѣба на рынкѣ понизило цѣны и нѣсколько успокоило волновавшуюся Москву.

Между тѣмъ блеснулъ новый лучъ надежды. Скопинъ съ новгородскимъ ополченіемъ и вспомогательнымъ шведскимъ отрядомъ шелъ къ Москвѣ. Самозванецъ очень безпокоился этимъ, польскіе военачальники также. Сапѣга, неудачно до сихъ поръ осаждавшій Троицко-Сергіевскій монастырь, вознамѣрился предупредить пришествіе Скопина и выступилъ ему на встрѣчу. Битва произошла недалеко отъ Калязина, поляки были опрокинуты и гонимы до Рябова монастыря. Скопинъ, обрадованный успѣхомъ, возвратился въ Калязинъ. Сапѣга стоялъ еще четыре дня въ бездѣйствіи при Рябовѣ, не отваживаясь на новое нападеніе и стыдясь отступленія. Но наконецъ войско его возмутилось вслѣдствіе распространившагося слуха, что король польскій вступаетъ въ Россію и призываетъ всѣхъ поляковъ на службу къ себѣ, лишая ихъ такимъ образомъ возможности довершить торжество Лжедимитрія и получить богатыя награды. Тогда Сапѣга повернулъ назадъ.

Скопинъ употребилъ въ пользу свое стояніе въ Калязинѣ. Неусыпныя старанія его были обращены на разные предметы, ведущіе къ одной цѣли: къ составленію могущественнаго ополченія для освобожденія Москвы. Для пополненія казны онъ разослалъ во всѣ сѣверные города, не занятые непріятелемъ, грамоты, коими приказывалъ прислать къ нему всѣ находящіеся въ сборѣ государственные доходы, собрать вновь по 50 руб. съ сохи и, кромѣ того, призвать всѣхъ вѣрныхъ россіянъ къ добровольнымъ пожертвованіямъ какъ деньгами, такъ сукнами и тафтами. Въ мѣстахъ же, гдѣ продавцы этихъ товаровъ, нужныхъ для снаряженія войска,

отказались бы добровольно ставить, предписывалось отбирать ихъ по описи и безъ согласія хозяевъ, впрочемъ удовлетворяя купцовъ немедленно, по оцѣнкѣ, изъ государственной казны. Почти вездѣ безропотно исполнялись его требованія.

Постепенное умноженіе силъ, сосредоточивавшихся подъ хоругвью Скопина, подало наконецъ надежду на близкое избавленіе Троицы и Москвы. Россія видѣла въ юномъ героѣ предназначеннаго къ спасенію отечества. Но самое влеченіе къ нему всѣхъ сердецъ уже открывало предъ нимъ гибельную бездну. Пылкій Прокопій Ляпуновъ не переставалъ властвовать надъ рязанцами, очарованными его умомъ и отвагою. Подъ руководствомъ его они не измѣняли еще царю. Но вѣрность Ляпунова не имѣла прочнаго основанія: онъ хотя презрѣлъ Болотникова, презиралъ и самозванца, не любилъ и Василія и твердо былъ увѣренъ, что Россія не успокоится подъ его злосчастною державой. Глаза его обращались на Скопина, любимца всего народа. Ляпуновъ отправилъ къ нему посланцевъ съ грамотою, въ коей предлагалъ вступить на престолъ вмѣсто Василія, оглашеннаго недостойнымъ. Скопинъ съ прискорбнымъ изумленіемъ прочиталъ грамоту, гнѣвно разорвалъ ее, но не отправилъ, движимый великодушіемъ, посланцевъ, молившихъ о пощадѣ, къ царю для вѣрной казни. Это имѣло пагубныя послѣдствія: завистники воспользовались симъ случаемъ для клеветы, и искра злобы заронилась въ сердцѣ царя противъ надежнѣйшаго защитника его престола.

Между тѣмъ въ тушинскомъ станѣ господствовала безурядица. Король, начавшій войну съ Россіей, дѣйствительно прислалъ своихъ пословъ, которые должны были передать его приказъ тушинскимъ полякамъ оставить вора и идти къ Смоленску. Поляки были недовольны этимъ, кричали, что король хочетъ ихъ лишить заслуженной награды, которую они должны получить, возведя на престолъ Лжедимитрія. Большинство ихъ высказывалось за неповиновеніе королевскому приказу. Рожинскій былъ того же мнѣнія. Однако переговоры сіи тревожили самозванца. Поляки признавали его государемъ только по имени, а на самомъ дѣлѣ вовсе не уважали его. Рожинскій въ его присутствіи билъ палкой его любимцевъ, а Тышкевичъ въ глаза называлъ его обманщикомъ. Боясь, чтобы при такихъ условіяхъ поляки не выдали его королю, какъ къ этому тоже побуждали королевскіе послы своихъ соотечественниковъ, самозванецъ задумалъ бѣжать. Рожинскій, однако, нагналъ его, вернулъ въ Тушино и учредилъ даже за нимъ надзоръ: поляки не желали упустить его изъ рукъ своихъ. Теперь положеніе самозванца еще болѣе ухудшилось. Когда, 27-го декабря, онъ рѣшился спросить Рожинскаго, въ какомъ положеніи находится дѣло переговоровъ съ королевскими послами, то этотъ панъ отвѣчалъ: „Какое тебѣ дѣло, зачѣмъ послы пріѣхали ко мнѣ? Чортъ знаетъ, кто ты таковъ. Довольно мы крови за тебя пролили, а пользы не видимъ!“ Слова эти, сопровождаемыя не только бранью, но даже угрозами побоевъ, такъ устрашили самозванца, что онъ рѣшился, во что бы то ни стало, удалиться изъ стана. Въ тотъ же день, когда трубили вечернюю зорю, онъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, отправился въ навозныхъ саняхъ въ Калугу съ шутомъ своимъ Иваномъ Кошелевымъ. Поляки старались поймать его, но напрасно; они страшно негодовали. Въ концѣ концовъ большинство ихъ, съ Рожинскимъ во главѣ, порѣшило, что, упустивъ самозванца, имъ ничего не остается, какъ идти къ королю подъ Смоленскъ.

Скопинъ, подкрѣпленный новою русскою ратью и шведскимъ вспо-

могательнымъ войскомъ, достигалъ наконецъ своей цѣли: отступленіе Рожинскаго предоставляло ему возможность идти въ Москву, не подвергаясь опасностямъ рѣшительнаго боя. 12-го марта онъ уже былъ въ столицѣ. Восторгъ москвитянъ обратилъ прибытіе его въ народное торжество. Въ Москвѣ онъ ревностно занимался приготовленіями къ походу противъ Сигизмунда. Онъ хотѣлъ избавленіемъ Смоленска заслужить новую признательность отечества, уже прославлявшаго его за освобожденіе столицы. Но въ неисповѣдимыхъ совѣтахъ Всевышняго не ему суждено было довершить спасеніе Россіи... Московскіе жители не переставали честить героя. Несмотря на свою скромность, онъ занялъ въ глазахъ народа такое положеніе, что даже царь казался второстепеннымъ лицомъ въ столицѣ. При столь всеобщемъ влеченіи сердецъ, вѣроятно, многіе предполагали, что онъ можетъ быть наслѣдникомъ бездѣтнаго Василія.

Царскій братъ Димитрій видѣлъ въ побѣдоносномъ сроднинѣ опаснаго для себя соперника. Шведскій военачальникъ предупреждалъ Скопина о какихъ-то тайныхъ ковахъ противъ него и совѣтовалъ для безопасности своей поспѣшить выступленіемъ изъ Москвы. Но чистой душѣ Скопина не легко было подозрѣвать въ злодѣйствѣ ближайшихъ родственниковъ. Будучи 23-го апрѣля на пиру у кн. Воротынскаго, онъ не отказался выпить меду изъ чашки, поднесенной ему супругой Димитрія Шуйскаго, и тотчасъ заболѣлъ. Едва успѣли его живого отнесть къ нему въ домъ. Кровь рѣкою лилась у него изъ носа, и въ ночь онъ скончался. Москва дрогнула при сей вѣсти. Народъ называлъ Димитрія убійцею. Царь на спасеніе брата принужденъ былъ выслать дружину свою, которая и отстояла домъ его. Неутѣшнымъ москвичамъ, удержаннымъ силою отъ мести, по мнѣнію ихъ праведной, оставалось только оплакивать кончину героя.

Но дѣйствительно ли онъ отравленъ? Доказательствъ преступленія не было да и быть не могло, ибо естественно, что никто не осмѣливался приступить къ изслѣдованію происшествія, навлекавшаго подозрѣніе на лица, приближенные къ царю. Съ другой стороны, должно ли слѣпо вѣрить молвѣ народной, всегда готовой приписывать насилію скоропостижную кончину знаменитыхъ мужей? Изъ современныхъ писателей только нѣмецъ Беръ и псковской лѣтописецъ прямо обвиняютъ въ отравленіи Скопина, первый самого царя, а послѣдній — жену Димитрія Шуйскаго. Но Беръ врагъ Василія и недоброжелатель русскихъ. Псковская лѣтопись, писанная въ замѣтномъ духѣ ненависти ко всѣмъ высшимъ сословіямъ Россіи и къ поддерживаемому ими царю, также не должна была усомниться дать вѣру клеветамъ. Какъ бы то ни было, однако, а опуская въ землю гробъ доблестнаго защитника своего, царь погребалъ не его одного, но и престолъ свой.

XL. Договоръ 4 февраля 1610 года, заключенный тушинцами съ Владиславомъ.

(По «Очеркамъ смуты» С. Ѳ. Платонова и изъ «Курса русской исторіи» проф. Ключевскаго).

Бѣгство Вора въ Калугу привело въ полное разстройство лагерь въ Тушинѣ, и его приверженцы распались на отдѣльныя группы, уже ни-

чѣмъ болѣе не связанныя между собой. Казачество, служившее Лжедимитрію II, стало тянуть къ Калугѣ. Поляки частью пошли къ королю подъ Смоленскъ, частью отправились туда же, куда и казаки. Что же касается до русскихъ тушинцевъ, то имъ оставалось лишь одно: обратиться съ приглашеніемъ на престолъ къ королевичу Владиславу. Въ ихъ средѣ проф. Платоновъ различаетъ два слоя. Одинъ составляла московская дворцовая знать во главѣ съ патріархомъ Филаретомъ, приставшая къ Вору изъ-за ненависти къ Шуйскому и стоявшимъ вокругъ него боярамъ-княжатамъ. Къ этой знати принадлежали князья Шаховскіе, Трубецкіе, Черкасскіе, Сицкіе, Троекуровы-Ярославскіе, Мосальскіе и бояре Плещеевы, Вельяминовы, Годуновы, Волынскіе и др. Все это были люди, которые первенствовали при Московскомъ дворѣ въ эпоху опричнины, а при Василіи терпѣли отъ олигарховъ княжеской „породы", руководившихъ царемъ-шубникомъ. Другой слой состоялъ изъ лицъ совсѣмъ неродовитыхъ, авантюристовъ, увлеченныхъ на службу Вору личнымъ честолюбіемъ или случайными невзгодами и опасностью гоненій и опалы въ Москвѣ. Изъ нихъ можно отмѣтить Миколку Молчанова, который еще при Годуновѣ заслужилъ кличку „государева измѣнника" и былъ потомъ въ числѣ убійцъ семьи Бориса, затѣмъ дьяковъ Ив. Грамотина и „поповича" Ваську Юрьева и цѣлый рядъ „самыхъ худыхъ людей, торговыхъ мужиковъ, молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ". Оба эти слоя служилыхъ людей не хотѣли ни вернуться къ Василію Шуйскому, ни продолжать поддерживать Вора: въ первомъ случаѣ имъ грозила полная потеря всякаго политическаго значенія, во второмъ—полная потеря соціальнаго положенія: вѣдь движеніе Лжедимитрія II теперь приняло ярко выраженный анархическій характеръ и стало не столько политическимъ движеніемъ противъ Василія, сколько соціальнымъ движеніемъ противъ бояръ и вообще землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, единственнымъ выходомъ былъ путь переговоровъ съ Сигизмундомъ относительно занятія русскаго престола его сыномъ Владиславомъ. Съ этой цѣлью тушинцы въ январѣ 1610 г. отправили къ королю посольство, во главѣ съ Салтыковымъ, которое договорилось бы объ условіяхъ, на какихъ возможно воцареніе на Москвѣ королевича. Выработанныя посольствомъ условія и были предложены Сигизмунду въ видѣ договора 4 февраля 1610 года, который проф. Ключевскій характеризуетъ слѣдующимъ образомъ [1]).

„Ни въ одномъ актѣ Смутнаго времени,—говоритъ названный изслѣдователь,—русская политическая мысль не достигаетъ такого напряженія, какъ въ договорѣ М. Салтыкова и его товарищей съ королемъ Сигизмундомъ. Этотъ договоръ, заключенный 4 февраля 1610 г. подъ Смоленскомъ, излагалъ условія, на которыхъ тушинскіе уполномоченные признавали московскимъ царемъ королевича Владислава. Этотъ политическій документъ представляетъ довольно разработанный планъ государственнаго устройства. Онъ, во-первыхъ, формулируетъ права и преимущества всего московскаго народа и его отдѣльныхъ классовъ, во-вторыхъ, устанавливаетъ порядокъ высшаго управленія. Въ договорѣ прежде всего обезпечивается неприкосновенность русской православной вѣры, а потомъ опредѣляются права всего народа и отдѣльныхъ его классовъ. Права, ограждающія личную свободу каждаго подданнаго отъ произвола власти, здѣсь разработаны гораздо разностороннѣе, чѣмъ въ записи царя Василія. Можно сказать, что

[1]) Далѣе идетъ отрывокъ изъ „Курса" проф. Ключевскаго. *Прим. ред.*

самая идея личныхъ правъ, столь мало замѣтная у насъ прежде, въ договорѣ 4 февраля впервые выступаетъ съ нѣсколько опредѣленными очертаніями. Всѣ судятся по закону, никто не наказывается безъ суда. На этомъ условіи договоръ настаиваетъ съ особенной силой, повторительно требуя, чтобы не сыскавъ вины и не осудивъ судомъ „съ бояры всѣми“, никого не карать. Видно, что привычка расправляться безъ суда и слѣдствія была особенно наболѣвшимъ недугомъ государственнаго организма, отъ котораго хотѣли излѣчить власть возможно радикальнѣе. По договору, какъ и по записи царя Василія, отвѣтственность за вину политическаго преступника не падаетъ на его невиновныхъ братьевъ, жену и дѣтей, не ведетъ къ конфискаціи ихъ имуществъ. Совершенной новизной поражаютъ два другія условія, касающіяся личныхъ правъ: большихъ чиновъ людей безъ вины не понижать, а малочиновныхъ возвышать по заслугамъ; каждому изъ народа московскаго для науки вольно ѣздить въ другія государства христіанскія, и государь имущества за то отнимать не будетъ. Мелькнула мысль даже о вѣротерпимости, о свободѣ совѣсти. Договоръ обязываетъ короля и его сына никого не отводить отъ греческой вѣры въ римскую и ни въ какую другую, потому что вѣра есть даръ Божій и ни совращать силой, ни притѣснять за вѣру не годится: русскій воленъ держать русскую вѣру, ляхъ — ляцкую. Въ опредѣленіи сословныхъ правъ тушинскіе послы проявили меньше свободомыслія и справедливости. Договоръ обязываетъ блюсти и расширять по заслугамъ права и преимущества духовенства, думныхъ и приказныхъ людей, столичныхъ и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, частію и торговыхъ людей. Но „мужикамъ хрестьянамъ“ король не дозволяетъ перехода ни изъ Руси въ Литву, ни изъ Литвы на Русь, а также и между русскими людьми всякихъ чиновъ, т.-е. между землевладѣльцами. Холопы остаются въ прежней зависимости отъ господъ, а вольности имъ государь давать не будетъ. Договоръ, сказали мы, устанавливаетъ порядокъ верховнаго управленія. Государь дѣлитъ свою власть съ двумя учрежденіями земскимъ соборомъ и Боярской думой. Такъ какъ Боярская дума вся входила въ составъ земскаго собора, то послѣдній въ московской редакціи договора 4 февраля, о которой сейчасъ скажемъ, называется *думою бояръ и всей земли*. Въ договорѣ впервые разграничивается политическая компетенція того и другого учрежденія. Значеніе земскаго собора опредѣляется двумя функціями. Во-первыхъ, исправленіе или дополненіе суднаго обычая, какъ и Судебника, зависитъ „отъ бояръ и всей земли, а государь даетъ на то свое согласіе. Обычай и московскій Судебникъ, по которымъ отправлялось тогда Московское правосудіе, имѣли силу основныхъ законовъ. Значитъ, земскому собору договоръ усвоялъ учредительный авторитетъ. Ему же принадлежалъ и законодательный починъ если патріархъ съ Освященнымъ соборомъ, Боярская дума и всѣхъ чиновъ люди будутъ бить челомъ государю о предметахъ, не предусмотрѣнныхъ въ договорѣ, государю рѣшать возбужденные вопросы съ Освященнымъ соборомъ боярами и со всею землей „по обычаю Московскаго государства“. Боярская дума имѣетъ законодательную власть: вмѣстѣ съ ней государь ведетъ текущее законодательство, издаетъ обыкновенные законы. Вопросы о налогахъ, о жалованьи служилымъ людямъ, объ ихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ рѣшаются государемъ съ боярами и думными людьми; безъ согласія думы государь не вводитъ новыхъ податей и вообще никакихъ перемѣнъ въ налогахъ, установленныхъ прежними государями. Думѣ принадлежитъ и высшая судебная власть: безъ

слѣдствія и суда со всѣми боярами государю никого не карать, чести не лишать, въ ссылку не ссылать, въ чинахъ не понижать. И здѣсь договоръ настойчиво повторяетъ, что всѣ эти дѣла, какъ и дѣла о наслѣдствахъ послѣ умершихъ бездѣтно, государю дѣлать по приговору и совѣту бояръ и думныхъ людей, а безъ думы и приговора бояръ такихъ дѣлъ не дѣлать".

XLI. Осада Троицко-Сергіевской лавры.

(*Изъ «Сказанія о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ поляковъ и Литвы и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ» Авраамія Палицына*).

Сказаніе, чего ради Троицкій Сергіевъ монастырь былъ въ осадѣ. Наказуя, Господь всегда насъ не оставляетъ, и прибѣгающихъ къ нему пріемлетъ, а отвращающихся съ долготерпѣніемъ ожидаетъ, и сего ради попустилъ насъ въ самовластіи быть, чтобы когда въ сѣтяхъ безумно увязнемъ, ниоткуда помощи не обрѣтши, опять къ нему, раскаявшись очи возвели и оттуда помощь получили. Такъ попустилъ Господь Богъ, чтобы владѣлъ нами попратель иноческаго чина, растрига Григорій Отрепьевъ, назвавшійся царскимъ сыномъ Дмитріемъ Ивановичемъ всея Россіи. И на царскій престолъ возшелъ, и въ недолгое время тотъ Григорій достойную месть пріялъ отъ Бога, позорно скончался. Потомъ же въ его мѣсто иной назвался, и достигаетъ онъ до царствующаго града Москвы, но не былъ здѣсь принятъ. Всюду же въ Россіи слухъ о немъ прошелъ, и сего ради всѣ воры къ нему собрались, не за тѣмъ, чтобы на царскій престолъ его возвести, но чтобы всѣ древнія царскія сокровища присвоить. Вся же Россія отъ ложныхъ царей очень страдаетъ, и богатство всѣхъ градовъ на царей отъемлемо бываетъ, народъ же изъ окольныхъ странъ всюду отъ меча гибнетъ. Хотя царемъ всей Россіи Василій Ивановичъ нарицается, но отъ тушинскаго вора все Россійское государство разоряется, и лишь немногіе грады въ Поморіи не соблазнились и крестному цѣлованію остались вѣрны. Иные же, ради дальняго разстоянія, примкнули къ врагамъ россійскимъ, измѣнникамъ сѣверскимъ и полякамъ. Труденъ путь бываетъ отвсюду приходить къ Москвѣ всѣмъ, доброхотствующимъ по правдѣ, ибо окружили враги царствующій градъ, и на всѣхъ путяхъ хотящіе къ нему притекать побиваемы бываютъ, а градъ Москва, ради недостатка въ необходимомъ, въ озлобленіи бываетъ; потому изъ него многіе бѣгаютъ и къ врагамъ пристаютъ, а надежно о семъ враги веселятся. Долгое время помогали граду люди, приходящіе отъ Троицы живоначальныя Сергіева монастыря, одни прямо, другіе пробиваясь окольными стезями и лѣсами, и тутъ съ избранными воинами и съ неизмѣнными хранителями предъ всѣмъ народомъ оставались. Измѣнники же, отбѣгающіе отъ царя Василія, всегда объ этомъ вору съ поляками доносили, и сихъ враговъ христіанскихъ на домъ св. Троицы возбуждали. Долгое время подъ Москвою стоя, они хотѣли сію святыню себѣ покорить; но всевидящему Оку иное угодно было сотворить. Все же царь Василій имъ сопротивляется, дани и оброки отъ царства своего пріемля по троицкой дорогѣ, все получаемое воинамъ раздавая. Измѣнники же отъ его руки дары принимали и вскорѣ сребролюбія ради и кровопролитія къ врагамъ притекали. Царствующій же

градъ Москва сихъ ради измѣнъ колеблется, но, искусившись и отъ Гриши, и отъ Петруши, того вора не принимаетъ. Но поляки часто перехватывали московскіи посылки: тогда великая польза царствующему граду была отъ обители чудотворца Сергія, ради святыхъ его молитвъ, ибо въ ней скопилось много народа, преданнаго царю законному, изъ разныхъ земель. Тогда же въ той великой лаврѣ архимандритъ Іоасафъ и келарь старецъ Авраамій Палицынъ, съ прочими доброхотствующими къ царствующему граду, со всѣмъ усердіемъ великое тщаніе показали, и велика помощь была отъ обители чудотворца всѣмъ людямъ, къ Москвѣ правящимъ, во всякихъ нуждахъ, и относительно посылокъ, и относительно передачи вѣстей: ибо, себя защищая, обитель и городъ охраняла, до конца монастырской казны не жалѣла. Воинствующіе же люди всѣ питаемы были отъ трапезы преподобныхъ чудотворцевъ и, елико возможно, храбро сражались. Ихъ братолюбія сердца враговъ ужасались, боясь, чтобы оно не было начальнымъ свѣтиломъ, смотря на которое прочіе отъ нихъ отступятъ и къ правдѣ обратятся.

О совѣтѣ вора съ Литвою, какъ бы разорить домъ пресвятыя Троицы. Собралось сонмище сатанинское, и отверзли псы уста свои, такъ говоря: „О, царь великій Димитрій Ивановичъ! Доколѣ будутъ мѣшать великому твоему благородству вороны сіи, вогнѣздившіеся во гробѣ каменномъ, и доколѣ эти старцы будутъ вредить намъ повсюду? Не только на путяхъ вѣстниковъ нашихъ хватаютъ, изъ лѣсовъ выходя, какъ звѣри, но и смертямъ лютымъ предаютъ безъ пощады: паче же всего имѣютъ многихъ единомышленниковъ, и всѣ грады развращаютъ, служить учатъ царю Шуйскому. Тебѣ, о, великій россійскій браздодержатель, самому извѣстно, также и намъ, что многіе знатные, принявъ иночество, здѣсь живутъ, и, если не обратить на нихъ вниманія, они могутъ всегда зло устроять намъ; слухъ же пошелъ, что ждутъ князя Михаила Скопина съ черными псами, со шведскими нѣмцами, и Ѳедора Шереметева съ понизовскими людьми; и такъ вкупѣ всѣ собравшись и твердыню сію занявъ, могутъ насъ побѣдить. И посему, пока они не укрѣпились, да повелитъ твое благородіе смирить ихъ; если не покорятся, то разсыплемъ въ воздухъ прахомъ всѣ жилища ихъ“. Велехвально же берется за это гетманъ Сапѣга съ подручнымъ ему воинствомъ и Александръ Лисовской и воры русскіе. Такъ они на путь злой поспѣшаютъ.

О приходѣ подъ Троицкій Сергіевъ монастырь гетмана Петра Сапѣги да пана Александра Лисовскаго и иныхъ многихъ, съ польскими и литовскими людьми и съ русскими измѣнниками. Въ лѣто 1717 Богъ попустилъ за грѣхи наши, что сентября въ 23-й день пришелъ подъ Троицкій Сергіевъ монастырь литовскій гетманъ Петръ Сапѣга и панъ Александръ Лисовской, со многими польскими и литовскими людьми и съ русскими измѣнниками, по московской дорогѣ. И когда они были на Клементьевскомъ полѣ, осадные люди изъ града вышли конные и пѣшіе, и съ ними бой великій имѣли и, милостью пребезначальныя Троицы, многихъ литовскихъ людей побили и поранили, сами же во градъ благополучно возвратились. Богоотступники же, польскіе и литовскіе люди и русскіе измѣнники, сіе видя, воскричали нелѣпыми голосами, поспѣшно и сурово окружили съ всѣхъ странъ Троицкій Сергіевъ монастырь. Архимандритъ Іоасафъ и весь освященный соборъ со множествомъ народа вошелъ во св. церковь св. живоначальныя Троицы и молился образу пречистыя Богородицы и многоцѣлебнымъ мощамъ великаго чудотворца

Сергія объ избавленіи и о помощи противъ враговъ. Градскіе же люди вокругъ обители слободы и всякія службы огню предали, чтобы не дать врагамъ жилищъ. Гетманъ Сапѣга и Лисовской, разсмотрѣвши мѣсто, гдѣ имъ съ воинствомъ своимъ стать, и раздѣлившись, начали строить себѣ станы и поставили два острога, а въ нихъ крѣпости многія сотворили и ко обители пути заняли, и никому пройти было невозможно, ни въ домъ, ни изъ дома чудотворца.

О укрѣпленіи осады и о великой тѣснотѣ во градѣ. Осадные же воеводы, князь Григорій Борисовичъ Долгорукій да Алексѣй Голохвастовъ, и дворяне приговорили со архимандритомъ Іоасафомъ и съ соборными старцами, что слѣдуетъ, для большей безопасности, всѣхъ людей привести къ крестному цѣлованію, а начальствовать старцамъ и дворянамъ, и раздѣлить градскія стѣны, и башни, и ворота, и нарядъ устроить по башнямъ и внизу, чтобы всякій вѣдалъ свое мѣсто. Градскіе люди воздыхали и плакали, ибо изъ окольныхъ странъ многіе прибѣжали, и такова тѣснота была въ обители, что не было мѣста празднаго. Многіе люди и скоты безъ крова остались, и потому расхищали всякія дерева и камни на постройку убѣжищъ, ибо осень настала, и зима приближалась. Всѣ изнемогали, жены дѣтей рождали предъ всѣми, не имѣя куда скрыться, всякое богатство гибло, и всякій смерти просилъ со слезами. Если бы кто и каменное сердце имѣлъ, и тотъ, видя сію тѣсноту и напасти, восплакалъ бы, ибо исполнилось на насъ пророческое слово „Праздники ваши свѣтлыя въ плачъ вамъ переложу и въ сѣтованіе, и веселіе ваше въ рыданіе“.

Отписка къ полякамъ и ко всѣмъ измѣнникамъ. Да вѣдаетъ ваше темное держство, гордые начальники, Сапѣга и Лисовской, и прочая ваша дружина, что напрасно прельщаете насъ, Христово стадо православныхъ христіанъ. Богоборцы, мерзость запустѣнія, вѣдайте, что и десяти лѣтъ христіанское отроча въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ посмѣется вашему безумному совѣту, а ваши грамоты мы, принявъ, оплевали. Какая же польза человѣку возлюбить тьму паче свѣта и преложить ложь на истину, честь на безчествіе, свободу на горькое рабство, оставить св. истинную свою православную христіанскую вѣру греческаго закона и покориться еретикамъ, которые прокляты отъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ? Или какое пріобрѣтеніе и почесть оставить намъ своего православнаго государя-царя и покориться самозванцу-врагу и вамъ, латынамъ иновѣрнымъ, и быть какъ жиды или хуже ихъ? Жиды, не познавъ Господа своего, распяли его; мы же знаемъ своего православнаго государя, подъ властью царей христіанскихъ отъ прародителей нашихъ мы рождались въ вертоградѣ истиннаго пастыря Христа. Какъ оставить намъ повелѣваете христіанскаго царя и ложною ласкою, и тщетною лестью, и суетнымъ богатствомъ прельстить насъ хотите? Не хотимъ и богатства всего міра за нарушеніе своего крестнаго цѣлованія.

XLII. Сверженіе Василія Шуйскаго съ престола.

(*Изъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова*).

17-го февраля 1609 г. толпа, подъ начальствомъ кн. Романа Гагарина, Григорія Сумбулова, бросилась въ Кремль; она состояла изъ мно-

гихъ служилыхъ людей разныхъ городовъ и, обратившись къ боярамъ, кричала: „Надобно перемѣнить царя! Василій сѣлъ самовольствомъ, не всею землею выбранъ“. Нѣкоторые бояре уже были не въ ладахъ съ Шуйскимъ, особенно Голицыны, такъ какъ Василій Васильевичъ Голицынъ самъ помышлялъ о престолѣ. Но они не рѣшились стать заодно съ мятежниками, потому что за Шуйскаго былъ патріархъ Гермогенъ. Замѣчательно, что патріархъ самъ постоянно не ладилъ съ царемъ, но изъ чувства законности стоялъ за него, какъ за существующую верховную власть. Толпа мятежниковъ вышла изъ Кремля на Красную площадь. Ударили въ набатъ. Явился патріархъ „Князь Василій Шуйскій нелюбъ намъ на царствѣ! — кричала толпа:—онъ тайно убиваетъ и сажаетъ нашу братію въ воду!“ „А кого же казнилъ Шуйскій?“ — спросилъ патріархъ. Мятежники не назвали именъ, но кричали: „Изъ-за Василія кровь льется, и земля не усмирится, пока онъ будетъ на царствѣ. Его одна Москва выбрала, и мы хотимъ избрать иного царя!“ Патріархъ на это сказалъ: „До сихъ поръ Москва всѣмъ городамъ указывала, а ни Новгородъ, ни Псковъ, ни Астрахань и никакой другой городъ не указывалъ Москвѣ; а что кровь льется, то это дѣлается по волѣ Божіей, а не по хотѣнію вашего царя“.

Убѣжденія патріарха спасли на этотъ разъ Василія; между тѣмъ дороговизна жизненныхъ припасовъ въ столицѣ, окруженной непріятелемъ, увеличилась; въ апрѣлѣ бояринъ Крюкъ-Колычевъ составилъ заговоръ убить Василія. Умыселъ былъ открытъ. Зачинщика казнили. Положеніе царя становилось все ужаснѣе: до него доходили слухи, что его убьютъ то на Николинъ день, то на Вознесенье. Народъ врывался къ нему во дворецъ и кричалъ: „Чего еще намъ дожидаться! Развѣ голодною смертью помирать?“ Царь обнадеживалъ москвичей скорымъ прибытіемъ Скопина со шведскими людьми и убѣждалъ купцовъ не поднимать цѣны на хлѣбъ. Но московскіе купцы поступали такъ же, какъ нѣкогда при Борисѣ: припрятывали хлѣбъ, чтобы продавать его по дорогой цѣнѣ. На счастье Василія, въ это время дѣла тушинскаго вора пошли неудачно. Города, прежде признававшіе его, выведенные изъ терпѣнія безчинствомъ поляковъ и русскихъ воровъ, одинъ за другимъ отпадали и признавали царя Василія. Крестьяне собирались шайками, били и топили шатавшихся тушинцевъ. Сапѣга ничего не могъ сдѣлать съ Троицкимъ монастыремъ. Попытки тушинцевъ овладѣть Москвою не имѣли успѣха. Но болѣе всего поправились дѣла Василія послѣ успѣховъ Скопина. Зимою тушинскій лагерь пришелъ въ совершенное разстройство. 12-го января 1610 г. Сапѣга отступилъ отъ Троицы; въ февралѣ воръ убѣжалъ въ Калугу, а въ началѣ марта Тушино совершенно опустѣло. Почти вся Русь покорилась Василію; но съ запада на него наступала бѣда: Сигизмундъ стоялъ подъ Смоленскомъ, а русскіе, бывшіе въ Тушинѣ, явились къ польскому государю просить на московское царство Владислава. Судьба, казалось, не давала Василію ни минуты отдыха. Одна бѣда проходила, другая наступала. Въ концѣ апрѣля скоропостижно скончался Скопинъ, и это приблизило паденіе Василія. Народная молва считала царя участникомъ его смерти. Уже поляки и запорожцы забирали южные города; Стародубъ, Почепъ, Черниговъ взяты были приступомъ и ограблены; Новгородъ-Сѣверскій и Рославль цѣловали крестъ Владиславу.

Вмѣсто Скопина царь назначилъ главнымъ предводителемъ войска своего брата Димитрія, но русскіе не терпѣли его, а жену его считали

убійцею Скопина. Шведскій полководецъ Делагарди презиралъ Димитрія Шуйскаго за неспособность. Московскіе плѣнники сообщили подъ Смоленскомъ полякамъ, что народъ не любитъ Василія, что войско не захочетъ за него биться, и вся Русь охотно признаетъ Владислава царемъ. По этимъ извѣстіямъ, Сигизмундъ отправилъ къ Москвѣ войско подъ начальствомъ короннаго гетмана Жолкѣвскаго. Войско Шуйскаго, тысячъ въ тридцать, двинулось къ Можайску; съ нимъ шелъ и Делагарди со своею ратью, состоящею изъ людей разныхъ націй. Въ московскомъ войскѣ было много новобранцевъ, въ первый разъ шедшихъ на бой. Охоты защищать царя Василія не было ни у кого. Враги встрѣтились между Москвою и Можайскомъ, при деревнѣ Клушино. Отъ перваго напора поляковъ побѣжала московская конница, смяла пѣхоту; иноземцы, бывшіе подъ начальствомъ Делагарди, взбунтовались и стали передаваться непріятелю. Тогда начальники московскаго войска съ Димитріемъ Шуйскимъ убѣжали въ лѣсъ, а за ними и всѣ бросились вразсыпную. Жолкѣвскому досталась карета Димитрія Шуйскаго, его сабля, булава, знамя, много денегъ и мѣховъ, которые Димитрій намѣревался раздать войску Делагарди, но не успѣлъ. Делагарди, оставленный своими подчиненными, изъявилъ желаніе переговорить съ гетманомъ Жолкѣвскимъ и, когда гетманъ пріѣхалъ къ нему, то Делагарди выговорилъ у него согласіе уйти безпрепятственно изъ предѣловъ Московскаго государства. „Наша неудача—сказалъ Делагарди — происходитъ отъ неспособности русскихъ и вѣроломства моихъ наемныхъ воиновъ. Не то было бы съ тѣми же русскими, если бы ими начальствовалъ доблестный Скопинъ. Но его извели, и счастье измѣнило московскимъ людямъ“.

Жолкѣвскій принудилъ сидѣвшихъ въ Царевѣ-Займищѣ Елецкаго и Валуева присягнуть Владиславу, присоединиться къ нему съ ихъ пятитысячнымъ отрядомъ и пошелъ прямо на Москву. Можайскъ сдался ему безъ сопротивленія. Волокъ-Ламскій, Ржевъ, Погорѣлое Городище, Іосифовъ монастырь покорились добровольно. По совѣту Валуева, Жолкѣвскій послалъ агентовъ своихъ въ Москву съ грамотами, въ которыхъ обѣщалъ Русской землѣ тишину и благоденствіе подъ управленіемъ Владислава, если русскіе изберутъ королевича царемъ. Эти грамоты разбрасывались по улицамъ, ходили по рукамъ, всенародно читались на сходкахъ. Царь Василій не могъ ничего сдѣлать. Съ другой стороны подходилъ тушинскій воръ изъ Калуги и 11-го іюля сталъ въ Коломенскомъ селѣ. Тогда Прокопій Ляпуновъ написалъ своему брату Захару и Василію Васильевичу Голицыну, что слѣдуетъ удалить и Шуйскаго, и вора.

17-го іюля Захаръ Ляпуновъ собралъ сходку дворянъ и дѣтей боярскихъ за Арбатскими воротами и сказалъ: „Наше государство доходитъ до конечнаго разоренія. Тамъ поляки и Литва, тутъ калужскій воръ, а царя Василія не любятъ. Онъ не по правдѣ сѣлъ на престолъ и несчастенъ на царствѣ. Будемъ бить ему челомъ, чтобъ онъ оставилъ престолъ, а калужскимъ людямъ пошлемъ сказать, пусть они своего вора выдадутъ; и мы сообща выберемъ всею землею иного царя и встанемъ единомысленно на всякаго врага“. Послали въ Коломенское.

Русскіе, бывшіе при ворѣ, сказали: „Сведите Шуйскаго, а мы своего Димитрія свяжемъ и приведемъ въ Москву“. Послѣ такого отвѣта толпа отправилась къ царю Василію. Выступилъ впередъ дюжій, плечистый Захаръ Ляпуновъ и сказалъ царю: „Долго ли за тебя кровь христіанская будетъ литься? Ничего добраго отъ тебя не дѣлается. Земля раздѣлилась, разорена, опустошена; ты воцарился не по выбору всей

земли; братья твои окормили отравою государя нашего Михаила Васильевича, оборонителя и заступника нашего. Сжалься надъ нами, положи посохъ свой! Сойди съ царства. Мы посовѣтуемъ сами о себѣ иными мѣрами". Василій вышелъ изъ себя, обнажилъ большой ножъ, который носилъ при себѣ, бросился на Ляпунова и закричалъ: „Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить, когда бояре мнѣ того не говорятъ?" Ляпуновъ погрозилъ ему своею крѣпкою рукою и сказалъ: „Василій Ивановичъ! Не бросайся на меня, а то я тебя вотъ такъ тутъ и изотру!" Бывшіе съ Ляпуновымъ дворяне сказали; „Пойдемъ, объявимъ народу".

Они вышли на Красную площадь и зазвонили въ колоколъ. Народъ сбѣжался. Захаръ Ляпуновъ съ лобнаго мѣста приглашалъ патріарха, духовенство, бояръ, служилыхъ людей и всякаго чина православныхъ христіанъ за серпуховскія ворота на всенародную сходку. Народъ повалилъ за Серпуховскія ворота. Пріѣхали патріархъ, бояре. „Вотъ три года-четвертый сидитъ Василій Шуйскій на царствѣ,—говорили народу:—неправдою сѣлъ, не по выбору всей земли, и нѣтъ на немъ благословенія Божія, нѣтъ счастья землѣ! Какъ только его братья пойдутъ на войну, такъ и понесутъ пораженіе; сами прячутся, а ратные разбѣгаются! Собирайтесь въ совѣтъ, какъ намъ Шуйскаго, отставить, а иного выбрать всею землею".

Патріархъ хотѣлъ-было защищать Шуйскаго, котораго не любилъ, но потомъ уѣхалъ. Бояре отправились къ царю. Своякъ царя Василія, Иванъ Михайловичъ Воротынскій сказалъ ему: „Вся земля бьетъ тебѣ челомъ: оставь свое государство ради междоусобной брани, за тѣмъ, что тебя не любятъ и служить тебѣ не хотятъ".

Царю Василію ничего не осталось, какъ повиноваться. Онъ положилъ свой царскій посохъ и переѣхалъ изъ царскихъ палатъ въ свой княжій домъ. Верховное правленіе на время перешло къ боярскому совѣту, подъ предсѣдательствомъ кн. Мстиславскаго.

На другой день, 18-го іюля, толпа москвичей вышла къ Данилову монастырю и послала въ Коломенское сказать: „Мы свое клятвенное слово совершили, Шуйскаго свели, теперь ведите къ намъ своего вора". Но изъ Коломенскаго села имъ дали такой отвѣтъ: „Дурно, что вы не помните крестнаго цѣлованія своему государю, а мы за своего помереть рады". Тогда многимъ въ Москвѣ стало жаль Шуйскаго, а Шуйскій, узнавши это, послалъ денегъ стрѣльцамъ, которыхъ было тысячъ до восьми въ Москвѣ, чтобы съ ихъ помощью возвратить себѣ престолъ. Патріархъ началъ осуждать низложеніе царя.

Тогда. 19-го іюля, Захаръ Ляпуновъ подобралъ себѣ товарищей, подговорилъ чудовскихъ іеромонаховъ. Они пришли въ домъ къ Василію Шуйскому, разлучили его съ женой, увезли ее въ Вознесенскій монастырь и объявили, что Василію слѣдуетъ постричься въ монахи. „Люди московскіе, что я вамъ сдѣлалъ?—сказалъ Шуйскій:—какую обиду учинилъ? Развѣ мнѣ это за то, что я воздалъ месть тѣмъ, которые содѣяли возмущеніе на нашу православную вѣру и тщалися разорить домъ Божій?" Ему повторили, что надобно постричься. Шуйскій наотрѣзъ сказалъ, что не хочетъ. Тогда іеромонахамъ велѣно было совершить обрядъ постриженія, и когда, по обряду, спросили его, желаетъ ли онъ, Василій громко закричалъ: „Не хочу!" Но князь Тюфякинъ, одинъ изъ соумышленниковъ Ляпунова, произносилъ за него обѣщаніе, а Ляпуновъ крѣпко держалъ Василія за руки, чтобы онъ не отмахивался. Его одѣли въ иноческое платье и увезли въ Чудовъ монастырь. Въ то же время въ Воз-

несенскомъ монастырѣ насильно постригли жену Василія. Патріархъ Гермогенъ вопіялъ противъ такого беззаконія и говорилъ, что инокомъ сталъ теперь тотъ, кто за Василія отрекался отъ міра.

Василій былъ послѣдній государь изъ дома св. Владиміра.

XLIII. Временное правительство боярской думы и диктатура польскаго войска въ Москвѣ.

(Ст. С. В. Вознесенскаго [1]*).*

По низложеніи съ престола Шуйскаго верховная власть, естественно, должна была временно перейти къ боярской думѣ—единственному учрежденію, которое могло стать тогда во главѣ правительства. И это ясно сознавали въ Москвѣ: „всѣ люди,—читаемъ мы въ крестоприводной записи,—били челомъ князю Мстиславскому съ товарищи, чтобъ пожаловали, приняли Московское государство, пока... Богъ дастъ государя“. Этимъ послѣднимъ была поставлена задача выбрать новаго царя „со всякими людьми, всею землею, сослався съ городы“. Но выполнить ее имъ не удалось; созывъ настоящаго земскаго собора изъ представителей служилыхъ людей и посадскихъ міровъ оказался совершенно невозможнымъ, такъ какъ южная и западная части государства уже давно не слушались столицы, центръ его былъ ареною смуты, а сѣверные города находились слишкомъ далеко, чтобы успѣть въ короткій срокъ прислать въ Москву выборныхъ. А между тѣмъ, съ избраніемъ государя приходилось торопиться: въ Коломенскомъ стоялъ Воръ со своими дружинами казаковъ и ватагами крестьянъ и холоповъ, угрожая гибелью московскому, сложившемуся вѣками, соціальному строю; изъ Можайска же подвигался къ столицѣ гетманъ Жолкевскій, неся съ собой угрозу національнаго порабощенія. Бояре хорошо понимали, что для успѣшнаго отраженія обоихъ враговъ, надлежало какъ можно скорѣе сплотить всѣ элементы общества, для которыхъ были дороги и существующій соціальный порядокъ, и національная независимость. А этого можно было достигнуть только путемъ немедленнаго избранія царя. Такимъ образомъ, силою обстоятельствъ Мстиславскому „съ товарищи“ или иначе боярской думѣ приходилось взять на себя такія полномочія, какими, по установившейся въ Московскомъ государствѣ практикѣ, обладалъ только земскій соборъ. Впрочемъ, боярская дума сдѣлала это не сразу, а послѣ того, какъ изъ ея попытки обратиться къ „совѣту всея земли“ ничего не вышло: вѣрные Москвѣ сѣверные города, какъ мы уже отмѣтили, слишкомъ далеко отстояли, а остальные были охвачены броженіемъ.

При рѣшеніи вопроса объ избраніи царя, боярская дума, само собой разумѣется, стала въ зависимость отъ тѣхъ настроеній и взглядовъ, какія высказывались на этотъ счетъ въ средѣ московскаго боярства. Послѣднее относительно кандидатуры въ цари раскололось сначала на двѣ партіи. Одна сгруппировалась вокругъ В. В. Голицына, представителя той

---

[1]) Статья составлена по „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина, „Исторіи Россіи“, т. VIII, С. М. Соловьева, „Очеркамъ Смуты“ С. Ѳ. Платонова и „Курсу русской исторіи“ проф. Ключевскаго.

родовой знати, которая посадила на престолъ царя Василія и образовала около него кружокъ олигарховъ; къ ней, наряду съ нѣкоторыми боярами, примкнули и братья Ляпуновы вмѣстѣ съ другими, находившимися въ Москвѣ, служилыми людьми изъ Рязани. Эта партія прочила въ цари своего главу—Голицына. Вторую партію, вдохновителями и наиболѣе энергичными дѣятелями которой являлись митр. Филаретъ Никитичъ и И. Н. Салтыковъ, составляло новое, дворцовое боярство. Эта партія, по крайней мѣрѣ, входившіе въ нее такъ называемые тушинскіе бояре, еще при Василіи хотѣла избранія на престолъ Владислава и съ этой цѣлью заключила въ Тушинѣ договоръ 4 февраля. Послѣ же низложенія Шуйскаго она частью продолжала стоять на прежней точкѣ зрѣнія, частью не прочь была сдѣлать царемъ четырнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича. Среди приверженцевъ этого послѣдняго теченія первое мѣсто занималъ самъ Филаретъ. Еще недавно, въ бытность свою въ Тушинскомъ лагерѣ, онъ горячо пропагандировалъ кандидатуру польскаго королевича, а теперь круто повернулъ фронтъ. Сохранилось извѣстіе, что онъ однажды выходилъ на Лобное мѣсто и увѣщевалъ народъ: „Не прельщайтесь, мнѣ самому подлинно извѣстно королевское злое умышленіе надъ Московскимъ государствомъ: хочетъ онъ имъ съ сыномъ завладѣть и нашу христіанскую вѣру разорить и свою латинскую утвердить“.

Обѣ эти партіи—и приверженцы Голицына, и сторонники Владислава и Михаила—спорили другъ съ другомъ, и разладъ между ними выдвинулъ еще одну группу бояръ, которая подъ предводительствомъ Ѳ. И. Мстиславскаго и И. С. Куракина и захватила въ свои руки руководство дѣлами. Ее такъ же, какъ и партію Голицына, составляли представители родовой аристократіи. „Настроеніе этого боярскаго круга, — говоритъ проф. Платоновъ,—можно опредѣлить только наугадъ, однако же безъ большого риска впасть въ грубую ошибку. Надобно помнить, что Куракинъ и Мстиславскій входили въ составъ олигархическаго правительства, съ которымъ Шуйскіе думали произвести въ государствѣ княжескій, реакціонный переворотъ. Они были ближайшими свидѣтелями постоянныхъ неудачъ Шуйскаго и тѣхъ вопіющихъ злоупотребленій властью, передъ которыми не останавливался царь Василій, обѣщавшій странѣ справедливость и законность. Лучше другихъ могли они понять, какъ слабо и неустойчиво было господство боярина, не имѣвшаго въ странѣ иной опоры, кромѣ родословныхъ притязаній; какъ мало могло оно обезпечить порядокъ и охранить интересы населенія; какъ мало, наконецъ, представляло оно гарантій для сохраненія единства и согласія въ самомъ правительствѣ. Чувство глубокаго разочарованія должны были вынести эти княжата изъ допущеннаго ими опыта боярскаго государствованія. Естественно, что они не желали его повторенія и не допустили провозглашенія царемъ князя Голицына. Они должны были признать справедливою и правильною высказанную въ Тушинѣ мысль о томъ, чтобы не избирать на царство никого изъ бояръ; эта мысль была имъ тѣмъ ближе, что сами они не искали царства—Мстиславскій по внутреннему убѣжденію, а Куракинъ потому, что не принадлежалъ къ старшимъ вѣтвямъ своего рода“.

И когда разногласія въ боярскихъ кругахъ заставили правительство—боярскую думу—вынести вопросъ объ избраніи царя на рѣшеніе того же сборища за Арбатскими воротами, которое свергло Василія Шуйскаго, эта третья группа бояръ сумѣла провести постановленіе: „никого изъ московскаго господарства на государство не избирати“. Послѣ этого къ ней

примкнули и тушинскіе бояре во главѣ съ Салтыковымъ, и приверженцы Романовыхъ, а также въ концѣ концовъ и В. В. Голицынъ.

Составившаяся такимъ образомъ правительственная коалиція изъ представителей родовой и дворцовой знати, естественно, остановилась на избраніи въ цари Владислава. При создавшемся положеніи это являлось единственнымъ средствомъ спасти государство—превратить поляковъ изъ враговъ въ друзей и побѣдить Вора. Сразу же и открыто предложить московскому „вѣчу" кандидатуру Владислава Мстиславскій „съ товарищи" не хотѣли: вѣдь тогда имъ пришлось бы признать и тѣ условія, на какихъ польскій королевичъ былъ избранъ въ Тушинѣ, но согласиться на нихъ родовитые бояре считали для себя слишкомъ невыгоднымъ. Вотъ почему, не допустивъ Голицына и Михаила до власти, они провели на народной сходкѣ сначала лишь резолюцію избрать государя изъ иноземныхъ родовъ, дававшую имъ достаточно времени, чтобы обратиться съ предложеніемъ короны къ Владиславу отъ своего лица и на новыхъ условіяхъ, ими самими составленныхъ.

Выработка этихъ условій, естественно, была поручена боярской думѣ, въ составѣ которой находились тогда представители обоихъ слоевъ московскаго боярства—и родового и дворцоваго. Именно, представителями перваго въ ней были князья Ѳ. И. Мстиславскій, И. М. Воротынскій, А. В. Трубецкой, А. В. Голицынъ, В. В. Голицынъ и Б. М. Лыковъ, а представителями второго—И. Н. Романовъ и Ѳ. И. Шереметевъ. Понятно, что пользуясь численнымъ перевѣсомъ, бояре-княжата провели въ новый договоръ свои специфически аристократическія стремленія. Ими руководило, какъ говоритъ проф. Платоновъ, „твердое желаніе охранить и обезпечить основы московскаго церковнаго, государственнаго и общественнаго порядка отъ всякихъ потрясеній со стороны не только польско-литовскаго правительства, но и московскихъ новаторовъ". Чтобы вполнѣ гарантировать неприкосновенность національной самобытности и политическаго строя, они поставили непремѣннымъ условіемъ воцаренія принятіе Владиславомъ православія и постоянное обращеніе его за совѣтомъ въ сферѣ суда къ боярской думѣ, а въ сферѣ законодательства къ земскому собору. И здѣсь они шли по слѣдамъ тушинцевъ, договоръ которыхъ въ этой части послужилъ для нихъ оригиналомъ. Зато другая часть его, касающаяся соціальныхъ отношеній, была подвергнута боярской думой значительнымъ измѣненіямъ, которыя придали ей совершенно иной характеръ. Всѣ подробности о людяхъ „меньшаго стана", о ихъ возвышеніи по заслугамъ, были зачеркнуты, а взамѣнъ того для всѣхъ „становъ" было опредѣлено соотвѣтственное съ точки зрѣнія родового боярства мѣсто. Точно также въ новомъ договорѣ ничего не говорилось и о правѣ русскихъ людей ѣздить для науки въ европейскія христіанскія страны: „московская знать, по замѣчанію проф. Ключевскаго, считала это право слишкомъ опаснымъ для московскимъ завѣтныхъ порядковъ". Наконецъ, чтобы обезпечить свое положеніе, первостепенные бояре внесли особую статью о томъ, чтобы „московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ и въ чести не тѣснить и не понижать".

Для приданія ограничительнымъ условіямъ бо́льшей авторитетности, боярская дума хотѣла предъявить ихъ Жолкевскому не только отъ своего имени, но и отъ имени всего государства. Но такъ какъ для полученія необходимой санкціи собрать настоящій соборъ на началѣ представительства по земскому выбору было невозможно, она составила „совѣтъ

всея земли" на началѣ правительственнаго избранія. О томъ, кто былъ приглашенъ на него, можно узнать изъ грамотъ, которыми народъ извѣщался объ избраніи королевича. Въ одной изъ нихъ находится заявленіе, что бояре, кн. Мстиславскій „съ товарищи", дѣйствовали „всѣмъ Московскимъ государствомъ, совѣтовавъ со святѣйшимъ съ Ермогеномъ патріархомъ всея Русіи, съ митрополиты и съ архіепископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ бояры и съ окольничими и съ дворяны и съ дьяки думными, и стольниками и съ стряпчими и съ дьяки, и съ дворяны и съ дѣтьми боярскими, и съ гостями и съ торговыми людьми, и съ стрѣльцы и съ козаки, и со всякими служивыми и съ жилецкими людьми всего Московскаго государства". Этотъ-то „соборъ" случайнаго состава, изъ назначенныхъ правительствомъ бывшихъ въ столицѣ подходящихъ людей, и утвердилъ въ августѣ 1610 г. избраніе Владислава на предложенныхъ думой условіяхъ. Такъ поступить, повидимому, заставило призванныхъ на него „всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей" сознаніе, что „лучше служить королевичу, чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей и въ вѣчной работѣ отъ нихъ мучиться". А возможность этого послѣдняго была въ то время слишкомъ реальной: агенты Вора рыскали по Москвѣ и волновали чернь, которая съ нетерпѣніемъ ждала удобнаго случая, чтобы подняться на своихъ соціальныхъ враговъ.

Получивъ нужныя полномочія, позволявшія ей дѣйствовать отъ лица „всей земли", боярская дума вступила въ сношенія съ Жолкевскимъ, стоявшимъ всего въ семи верстахъ отъ Москвы. Послѣ неоднократныхъ и продолжительныхъ переговоровъ былъ заключенъ наконецъ 17 августа съ гетманомъ договоръ объ избраніи на московское государство Владислава. На половинѣ дороги отъ польскаго стана къ столицѣ происходила присяга москвичей новому царю, а вслѣдъ затѣмъ были разосланы и по другимъ городамъ грамоты съ приказаніемъ дѣлать тоже. Одновременно съ этимъ для окончательнаго утвержденія договора, особенно условій относительно крещенія королевича въ Москвѣ, готовилось, по требованію Жолкевскаго, великое посольство къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, выѣхавшее изъ Москвы 11 сентября. Благодаря искусной политикѣ гетмана, въ качествѣ пословъ были отправлены наиболѣе видные дѣятели изъ правительственной среды — Голицынъ, какъ одинъ изъ главныхъ претендентовъ на престолъ, и Филаретъ, отецъ другого главнаго претендента и человѣкъ, авторитетъ котораго и самъ по себѣ былъ очень великъ. Вмѣстѣ съ ними поѣхали окольничій кн. Д. И. Мезецкій, думный дворянинъ В. Б. Сукинъ и думный дьякъ Томило Луговской. Эти пять человѣкъ составляли уполномоченную для переговоровъ коллегію, при которой находились представители разныхъ группъ населенія, городовыхъ дворянъ, стрѣльцовъ и торговыхъ людей, являвшіеся, по догадкѣ проф. Платонова, частью земскаго собора 1610 г. Такимъ образомъ, московское правительство оказалось расколотымъ: боярская дума, получившая названіе „семибоярщины" или „седмочисленныхъ бояръ" [1]) съ остатками „совѣта всея земли" оставались въ Москвѣ, а „великое посольство" находилось въ польскомъ лагерѣ подъ Смоленскомъ. И такое раздѣленіе не могло не обезсилить правительственной власти.

А между тѣмъ и внѣшнее и внутреннее положеніе государства въ это время значительно ухудшилось. Благодаря избранію Владислава

[1]) Съ отъѣздомъ къ Сигизмунду В. В. Голицына, въ думѣ оставалось какъ-разъ семь человѣкъ.

Москва пріобрѣла новаго врага—Швецію, которая раньше, изъ-за вражды къ Польшѣ, была ея союзницей. Вмѣстѣ съ тѣмъ народныя массы, возбужденныя ненавистью отчасти къ иноземцамъ, отчасти къ дворянско-боярскому классу, все болѣе и болѣе тянули къ Вору. Временное правительство не могло расчитывать также и на преданность многихъ группъ служилаго сословія, недовольныхъ аристократическимъ характеромъ предложенныхъ королевичу условій. При такихъ обстоятельствахъ, когда шайки Вора стали все сильнѣе стягиваетъ Москву кольцомъ, а чернь въ столицѣ начала глухо волноваться, боярская дума рѣшила опереться на войска Жолкевскаго: находившійся въ ея распоряженіи московскій гарнизонъ, численность котораго простиралась до 15.000 человѣкъ, быстро таялъ, съ одной стороны, оттого, что изъ него видѣлялись большіе отряды для сопровожденія посольства и для „посылокъ" въ города, съ другой—благодаря отъѣздамъ къ самозванцу. И вотъ, въ ночь на 21 сентября по приглашенію боярской думы поляки вступили въ Москву, помѣстились въ Кремлѣ, Китаѣ, Бѣломъ городѣ и Новодѣвичьемъ монастырѣ, а для безопасности сообщеній съ королемъ заняли Можайскъ Борисовъ и Верею. И послѣдствія этой мѣры не замедлили сказаться. „Не бояре,—замѣчаетъ проф. Платоновъ,—стали владѣть дѣлами въ Москвѣ, а то войско, изъ котораго они думали создать себѣ опору и орудіе".

Въ то же время неудачу потерпѣло и „великое посольство". Желая самъ воцариться на московскомъ престолѣ, Сигизмундъ отвергъ договоръ 17 августа объ избраніи своего сына. Но его собственная кандидатура встрѣтила энергичное сопротивленіе со стороны пословъ, заявившихъ что принятіе ея зависитъ исключительно отъ „совѣта всѣхъ людей Московскаго государства". Сознавалъ это и самъ король, который и попытался составить такой „общій совѣтъ".

Голицына и Филарета и вмѣстѣ съ ними до двадцати дворянъ онъ задержалъ у себя, а большинство другихъ членовъ посольства, особенно лицъ, принадлежавшихъ къ составу земскаго собора, склонивъ на свою сторону, отправилъ въ Москву. Цѣль, которую преслѣдовалъ Сигизмундъ, состояла, по мнѣнію проф. Платонова, въ томъ, чтобы, во-первыхъ, превратить упорствовавшихъ пословъ, надѣленныхъ извѣстными полномочіями, „въ случайную группу политическихъ упрямцевъ, съ которыми можно было болѣе не церемониться"; во-вторыхъ, чтобы дать „возможность московскимъ боярамъ собрать вокругъ себя новый совѣтъ „всея земли" и принять съ нимъ вмѣстѣ новыя условія уніи съ Рѣчью Посполитою". Но ожиданія короля не оправдались.

Одновременно съ распаденіемъ великаго посольства въ станѣ подъ Смоленскомъ, распалось и боярское правительство въ Москвѣ, выродившись въ военную диктатуру польскаго войска. Жолкевскій, еще до занятія столицы освѣдомленный о планахъ Сигизмунда, теперь окончательно убѣдился, что король непреклоненъ въ своемъ намѣреніи сѣсть на московскій престолъ. Но онъ понималъ, что какъ только вѣсть объ этомъ выйдетъ изъ тѣснаго круга довѣренныхъ лицъ и сдѣлается достояніемъ широкихъ слоевъ общества, все государство во главѣ со столицей неминуемо будетъ охвачено возстаніемъ. Поэтому онъ въ концѣ октября выѣхалъ къ Смоленску. „Съ одной стороны,—говоритъ Соловьевъ,—личнымъ присутствіемъ хотѣлъ онъ подкрѣпить своихъ единомышленниковъ [1], уговорить короля исполнить договоръ; съ другой сто

[1]) Онъ, какъ и нѣкоторые изъ польскихъ патріотовъ, желалъ воцаренія на Москвѣ Владислава.

роны, онъ долженъ былъ спѣшить изъ Москвы для сохраненія своей славы, для выхода изъ положенія, которое скоро грозило стать крайне затруднительнымъ: съ необыкновеннымъ успѣхомъ закончилъ онъ походъ свой, а теперь безславно могъ погибнуть съ своимъ ничтоженнымъ отрядомъ среди всеобщаго возстанія". Боярская дума прямо испугалась отъѣзда Жолкевскаго, и не даромъ: при новомъ начальникѣ польскихъ войскъ, Гонсѣвскомъ, ея значеніе было сведено къ нулю. Для видимости правительственная власть попрежнему оставалась въ рукахъ „седмочисленныхъ бояръ", но на дѣлѣ послѣдніе чувствовали себя „все равно, что въ плѣну" и дѣлали то, что приказывалъ гетманъ съ русскими „измѣнниками".

Ядро новаго правительственнаго кружка, въ центрѣ котораго стоялъ самъ Сигизмундъ, дѣйствовавшій чрезъ Гонсѣвскаго, составляли бывшіе тушинцы—М. Г. Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ, князья Ю. Дм. Хворостининъ и В. М. Масальскій и дворяне Н. Вельяминовъ, И. Безобразовъ и Л. Плещеевъ; къ нимъ примыкали люди безъ роду и племени, „самые худые люди", какъ опредѣлилъ ихъ одинъ позднѣйшій оффиціальный документъ. Это были знаменитый думецъ Вора Ѳ. Андроновъ, разные дьяки и „мужики", прельщенные щедрыми подарками и обѣщаніями короля. Раньше всѣ они служили Вору, а когда для нихъ оказалось выгоднѣе служить Сигизмунду, перешли на его сторону. Объ этихъ людяхъ король выражался, что они ему „почали служити прежъ всѣхъ" и „нынѣ служатъ вѣрнѣ". Часть ихъ прибыла въ Москву еще съ Жолкевскимъ, но лишь при Гонсѣвскомъ они вполнѣ завладѣли положеніемъ. Теперь наиболѣе важныя административныя должности постепенно замѣщались ими, пока, наконецъ, распоряженіемъ короля отъ 10 января 1611 г. они всѣ не были распредѣлены по московскимъ приказамъ. Съ этого времени не бояре, а, по справедливому выраженію Карамзина, „сильные мечомъ ляховъ, они законодательствовали въ робкой думѣ". И послѣдняя дѣйствительно являлась игрушкой въ рукахъ гетмана и окружавшихъ его русскихъ дѣльцовъ-измѣнниковъ: одни изъ ея членовъ въ погонѣ за жалованьемъ и „деревнишками" примирились съ мыслью о воцареніи Сигизмунда; другихъ, которые не были такъ сговорчивы, напр., А. В. Голицына и И. М. Воротынскаго, Гонсѣвскій устранилъ изъ думы и даже арестовалъ, „затѣявъ" дѣло о сношеніяхъ ихъ (конечно, вымышленныхъ) съ Воромъ. „И такъ,—говоритъ проф. Платоновъ,—временное московское правительство, образованное послѣ сверженія Шуйскаго и состоявшее изъ думы „седмочисленныхъ бояръ" и земскаго собора при ней, совершенно распалось... Думая достигнуть равноправной уніи Московскаго государства съ Рѣчью-Посполитой, оно привело свою родину къ зависимости отъ чуждаго правительства Сигизмунда". Эта, окончившаяся полной неудачей, попытка возстановить пошатнувшійся государственный строй съ помощью призванія на престолъ Владислава, не только тяжело отозвалась на всемъ русскомъ народѣ, но она нанесла и смертельный ударъ тому классу общества, который ее предпринялъ,—родовой знати; съ этого момента политическая роль въ Московскомъ государствѣ бояръ-княжатъ, потомковъ удѣльныхъ князей, была окончательно сыграна, и они безславно сошли съ арены исторіи. Но еслибъ имъ удалось привести въ исполненіе задуманный ими планъ—возвести на престолъ ограниченнаго въ своей власти государя—они надолго упрочили бы свое правительственное значеніе, заставивъ пойти

политическую жизнь Россіи по тому руслу, которое было начерчено въ договорѣ 17 августа—этой лебединой пѣсни русской аристократіи.

На смѣну разбитаго боярскаго класса въ борьбу за сохраненіе національности и государственно-общественнаго порядка вступилъ теперь другой классъ, которому и удалось одержать побѣду—служилое дворянство. Оно помѣшало Сигизмунду осуществить его замыслы: организовать въ Москвѣ новый „совѣтъ всея земли“ и подчинить его королевской волѣ, а послѣ этого выбрало себѣ царя, положивъ, такимъ образомъ, конецъ смутѣ.

Въ этомъ движеніи, особенно при самомъ зарожденіи его, важную роль сыгралъ патр. Гермогенъ. Строгій и неподкупный ревнитель православія и неразрывно связанной съ нимъ національной самобытности, онъ былъ противъ кандидатуры на московскій престолъ Владислава, страшась, что съ нимъ проникнетъ на Русь и ненавистная ему латинская схизма. Когда боярская дума рѣшила впустить въ Москву польское войско, онъ оказалъ ей стойкое, хотя и безуспѣшное, сопротивленіе. За это боярско-польское правительство съ первыхъ же дней своего правленія Москвой совершенно отстранило его для участія въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, на какое давалъ ему право его санъ. Но положеніе дѣлъ измѣнилось, когда боярская дума потеряла всякое значеніе, и власть перешла къ Гонсѣвскому и русскимъ „вѣрникамъ“ Сигизмунда. „Московскіе люди не могли не понимать,—говоритъ проф. Платоновъ,—что ихъ собственное правительство было упразднено, властью овладѣвали недостойныя и беззаконныя руки, государству грозила зависимость отъ чужеземной и иновѣрной силы, которая не желала связать себя закономъ и правомъ. Національное и религіозное чувство заговорило въ московскихъ людяхъ громче другихъ чувствъ, личныхъ и мелкихъ. Своекорыстная погоня за личною карьерой и добычею, приводившая москвичей къ раздѣленію и враждѣ, къ измѣнамъ и обманамъ, теперь смѣнялась опасеніемъ за цѣлость общаго достоянія—родины и вѣры. Русскіе люди начали отрезвляться отъ собственной смуты, когда почувствовали надъ собою чужую руку“. Въ обществѣ снизу и до верху росло и крѣпло глубокое чувство настоящаго патріотизма, и всѣ, кто былъ имъ захваченъ, съ надеждой обращали свои взоры къ патріарху, какъ борцу за народное дѣло, такъ какъ онъ оказался единственнымъ изъ „начальныхъ людей“, авторитетъ и личность котораго пользовались попрежнему глубокимъ уваженіемъ и симпатіей. И Гермогенъ не уклонился отъ того бремени, какое народъ возложилъ на его старческія плечи, сдѣлавъ его своимъ нравственнымъ вождемъ. Уже въ октябрѣ извѣщенный нѣкоторыми изъ находившихся у Сигизмунда пословъ о замыслахъ послѣдняго, онъ тотчасъ же открыто заявилъ себя противникомъ королевскихъ притязаній на московскій престолъ. Пославъ своихъ людей „по сотнямъ“ и собравъ гостей и торговыхъ людей въ Успенскій соборъ, патріархъ откровенно выяснилъ положеніе вещей и запретилъ присягать Сигизмунду. Но призвать народъ къ вооруженной защитѣ православія и національности онъ рѣшился лишь послѣ того, какъ распалось „великое посольство“ подъ Смоленскомъ (въ началѣ декабря 1610 г.) и вслѣдъ за тѣмъ въ Москвѣ возникла диктатура польскаго войска, во время которой бояре, по выраженію одного современника, „къ подножію своему припали и государское свое прирожденіе перемѣнили въ худое рабское служеніе“. Съ этого момента для всего народа стало яснымъ, что поляки самый глав-

ный врагъ, такъ какъ они угрожаютъ его національному существованію... И Гермогенъ рѣшился „повелевати на кровь дерзнути".

Въ то же время какъ-разъ случилось и еще одно очень важное событіе—11 декабря былъ убитъ Воръ. Смерть его оттолкнула отъ поляковъ и тѣ слои общества—служилыхъ и посадскихъ людей,—которые держались за воцареніе Владислава единственно изъ-за страха передъ тѣмъ соціальнымъ переворотомъ, какой принесла бы съ собой побѣда Лжедимитрія. Теперь и они готовы были единодушно возстать по призыву Гермогена. А послѣдній не заставилъ себя ждать.

Такъ какъ Москва была въ крѣпкихъ рукахъ Гонсѣвскаго и русскихъ измѣнниковъ, то „помощь патріарху, — говоритъ проф. Платоновъ,—могла идти только изъ-за Московскихъ стѣнъ, оттуда, гдѣ еще было цѣло и могло дѣйствовать привычное земское устройство, не задавленное польскою властью. Служилые люди, державшіеся городскихъ воеводъ, поставленныхъ еще при Шуйскомъ, да тяглый городской людъ съ своими выборными старостами,—вотъ тѣ общественныя силы, на которыя могъ расчитывать Гермогенъ, задумывая борьбу съ врагами". И къ этимъ-то элементамъ общества чрезъ головы москвичей онъ и обратился съ призывомъ къ возстанію. Уже съ конца декабря (1610 г.) стали разсылатся по странѣ патріаршія грамоты, въ которыхъ глава церкви объяснялъ королевскую „измѣну", разрѣшалъ народъ отъ присяги Владиславу и просилъ служилыхъ и посадскихъ, чтобы они, не мѣшкая, по зимнему пути, „собрався всѣ въ зборъ со всѣми городы, шли къ Москвѣ на литовскихъ людей". Этотъ смѣлый подвигъ не прошелъ Гермогену безнаказанно. Чтобы не дать ему возможности переписываться съ занятыми организаціей возстанія элементами общества, у него были „діяки и подьячіе и всякіе дворовые люди поиманы, а дворъ его весь разграбленъ", самъ онъ попалъ подъ тяжкій надзоръ и томился въ Кремлѣ „аки птица въ заклепѣ". Но зато на его зовъ откликнулись не только служилые и посадскіе люди, а также и казачество. На выручку Москвы спѣшили и земское ополченіе во главѣ съ Ляпуновымъ и отряды вольницы подъ предводительствомъ Трубецкаго, Заруцкаго и Просовецкаго. Однако, Гермогену не удалось дожить до полнаго торжества того дѣла, которому онъ такъ безкорыстно отдалъ всего себя. За отказъ успокоить разбуженный имъ народъ и вернуть назадъ двигавшіяся къ столицѣ войска онъ погибъ въ рукахъ поляковъ и дѣйствовавшихъ заодно съ ними русскихъ измѣнниковъ. Но часъ господства послѣднихъ уже пробилъ: 25 марта подошла къ Москвѣ стотысячная рать и 1 апрѣля обложила Кремль и Китай-городъ, гдѣ засѣли поляки, спасавшіеся отъ возставшихъ москвичей.

XLIV. Поляки въ Москвѣ въ 1611 году.

(Изъ «Московской лѣтописи Бера, помѣщенной въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ»).

По смерти Лжедимитрія II, города, воевавшіе съ Москвою, прислали къ жителямъ ея письмо слѣдующаго содержанія: „Попуталъ насъ лукавый! Сгубилъ наше царство проклятый самозванецъ! Мы хотимъ жить съ вами въ добромъ согласіи, но прежде прогоните нехристей, поганыхъ по-

ляковъ: только тогда Россія успокоится и кровь христіанская перестанетъ литься“.

Москвитяне отвѣчали, что они будутъ рады и благодарны, если областные жители опомнятся и исправятся, но что нельзя нарушить присяги Владиславу: иначе въ Россіи никогда единодушіе не водворится. Вмѣстѣ съ симъ отвѣтомъ разослали тайно грамоты, въ коихъ совѣтовали своимъ единоземцамъ признать царемъ королевскаго сына, чтобы внутренніе раздоры прекратились и города воевать между собою перестали; но въ то же время они убѣждали исподволь истреблять поляковъ, имѣющихъ въ Россіи помѣстья или просто въ нихъ жившихъ. „Такимъ образомъ,—писали москвитяне, — государство незамѣтно очистится отъ невѣрныхъ. Мы же съ своей стороны довольно имѣемъ силъ побить при случаѣ всѣхъ поляковъ, въ столицѣ живущихъ, хотя они и не скидаютъ съ себя ни латъ, ни шлемовъ“. Слѣдуя внушенію, города присягнули Владиславу въ январѣ 1611 года и думали оставить поляковъ въ дуракахъ; но русскіе скоро испытали на себѣ половицу: „Не рой ямы другому, самъ въ нее попадешь!“

25-го января московскіе обыватели жаловались намѣстнику Владислава, Гонсѣвскому, что поляки притѣсняютъ народъ, не уважаютъ русскаго богослуженія, ругаются надъ св. иконами, даже стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей, что русскимъ и въ домахъ нѣтъ безопасности, казна государственная расхищена, и непомѣрныя суммы выдаются на содержаніе 6,000 воиновъ, а царь Владиславъ не является, и что король, вопреки обѣщанію, до сихъ поръ не соглашаясь прислать своего сына, обнаруживаетъ намѣреніе только разорить въ конецъ Русскую землю. Въ заключеніе же недовольные велѣли сказать наотрѣзъ намѣстнику и всѣмъ его ротмистрамъ, чтобы они позаботились о скорѣйшемъ прибытіи королевича, а въ противномъ случаѣ убрались бы сами туда, откуда пришли: иначе имъ укажутъ дорогу. „Для такой невѣсты,—говорили москвитяне,—какова Россія, мы скоро найдемъ и другого жениха!“

Панъ Гонсѣвскій ласково принялъ жалобу и просилъ москвитянъ быть покойными, особенно же не замышлять ничего вреднаго, къ собственному несчастію, ибо, говорилъ намѣстникъ, его величество такъ озабоченъ разными дѣлами въ своемъ государствѣ, что не имѣетъ никакого средства ввести въ Россію своего сына съ приличнымъ царскому сану достоинствомъ; притомъ же король хочетъ непремѣнно овладѣть Смоленскомъ, искони принадлежавшимъ польской коронѣ, чтобы впослѣдствіи не имѣть объ немъ спора съ собственнымъ сыномъ. Впрочемъ, Гонсѣвскій обѣщалъ немедленно просить Сигизмунда о скорѣйшемъ пріѣздѣ избраннаго русскими государя и далъ слово строго наказывать поляковъ, которые станутъ нарушать спокойствіе столицы.

Народъ, узнавъ о столь добромъ намѣреніи Гонсѣвскаго, тотчасъ приступилъ къ нему съ просьбою явить примѣрный судъ надъ пьянымъ польскимъ дворяниномъ, выстрѣлившимъ въ образъ Богоматери, соглашаясь забыть о прочихъ своихъ обидахъ. Дворянинъ былъ взятъ немедленно и осужденъ на смерть. Близъ Срѣтенскихъ воротъ, гдѣ находилась эта икона, ему отсѣкли обѣ руки и повѣсили ихъ подъ образомъ, а самого виновника вывели за городъ и сожгли. При семъ случаѣ Гонсѣвскій обнародовалъ объявленіе, что скоро прибудетъ царь Владиславъ, что москвитяне должны молиться о здравіи его величества, что государь повелѣлъ строжайшимъ образомъ наблюдать за правосудіемъ, наказывать своевольство, охранять гражданъ и святыню ихъ, и что казнь виновнаго

дворянина служитъ яснымъ доказательствомъ попеченій Владислава о благѣ и спокойствіи Россіи.

Москвитяне казались довольными; но поляки, испытавъ на дѣлѣ ихъ вѣроломство, не дремали: разставили при всѣхъ воротахъ сильную стражу въ полномъ вооруженіи, запретили русскимъ имѣть при себѣ что-либо смертоносное, обыскивали всѣ возы, пріѣзжавшіе въ городъ, опасаясь, нѣтъ ли въ нихъ оружія. Если же москвитяне изъявляли досаду, поляки говорили имъ: „Осторожность не мѣшаетъ; насъ горсть, а васъ тысячи; мы не думаемъ ничего дурного, вы же, москвитяне, насъ не любите". Не взирая на убѣжденія, москвитяне весьма негодовали на поляковъ. „Уже и теперь,—говорили они,—нѣтъ намъ воли; что же будетъ, когда наберется поболѣе этихъ лысыхъ головъ? По всему видно, они хотятъ быть нашими господами. Но мы ихъ проучимъ! Мы выбрали царемъ поляка только не для того, чтобы каждый безмозглый ляхъ здѣсь поднималъ носъ; мы не думали отказываться и отъ своего права. Старая собака король не хотѣлъ отпустить своего щенка: теперь оба они могутъ навѣки остаться дома. Не хотимъ Владислава! А эти пусть добромъ отсюда убираются: не то переколотимъ ихъ, какъ псовъ. Насъ вѣдь семьсотъ тысячъ! если на что рѣшимся, постоимъ за себя!

Злоба народа безпрестанно увеличивалась. Москвитяне насмѣхались надъ стражею Гонсѣвскаго и нерѣдко поносили поляковъ, приходившихъ на рынокъ за покупками. „Эй, пучки!—кричали насмѣшники:—долго ли вамъ здѣсь пировать? Видно, придется собакамъ потѣшиться надъ плѣшивыми головами, когда не хотите добромъ оставить нашего города!" За все, что ни покупали, поляки должны были платить вдвое дороже русскихъ или возвращаться съ рынка домой съ пустыми руками. Благоразумные поляки, видя всеобщую ненависть, старались удерживать своихъ пылкихъ товарищей. „Смѣйтесь, какъ хотите,—говорили они русскимъ,—для насъ все равно; мы не будемъ зачинщиками. Но берегитесь, не пришлось бы вамъ раскаиваться!"—и уходили домой осмѣянные.

13-го февраля польскіе дворяне велѣли своимъ служителямъ купить овса на рынкѣ, за московскою дорогою. Одинъ изъ поляковъ, замѣтивъ, сколько платили русскіе, приказалъ отмѣрить нѣсколько бочекъ и хотѣлъ заплатить за нихъ по одному флорину, такъ же, какъ платили и другіе. Московскій торгашъ, недовольный этою платою, требовалъ съ него за каждую бочку по два флорина. „Эй ты, москаль,—закричалъ слуга,—какъ смѣешь ты грабить насъ? Развѣ мы не одному царю служимъ?" „Коли не хочешь дать за бочку по 2 флорина,—возразилъ москвитянинъ,—возьми свои деньги и отдай мнѣ овесъ. Полякамъ не покупать его дешевле. Убирайся къ чорту!" Полякъ выхватилъ саблю съ намѣреніемъ проучить москаля, какъ вдругъ сбѣжалось человѣкъ 40 или 50, вооруженныхъ дрекольемъ; въ минуту собралось такое множество народу, что польская стража, находившаяся у Водяныхъ воротъ, должна была прибыть на мѣсто драки. Слуги же, покупавшіе овесъ, искали спасенія въ бѣгствѣ и, преслѣдуемые москвитянами, просили помощи у своихъ единоземцевъ, объявивъ имъ, что трое изъ товарищей ихъ убиты народомъ единственно за несогласіе платить вдвое болѣе русскихъ. Тутъ 12 польскихъ воиновъ ударили на многія сотни москвитянъ, убили человѣкъ 15, а прочихъ разогнали.

Какъ скоро узнали объ этой дракѣ жители предмѣстья и Бѣлаго города, со всѣхъ сторонъ набѣжало такое множество москвитянъ, недовольныхъ поляками, что дѣло едва не окончилось всеобщимъ бунтомъ.

Благоразуміе намѣстника отвратило бѣдствіе. Онъ самъ явился среди народа и сказалъ: „Москвитяне! Вы считаете себя наилучшими христіанами въ мірѣ; но боитесь ли вы Бога, когда жаждете крови и помышляете только о вѣроломствѣ и измѣнѣ? Или вы думаете, что Богъ васъ не накажетъ? Нѣтъ! вы испытаете всю тяжесть Его десницы. Умертвивъ не одного изъ собственныхъ царей, вы избрали наконецъ государемъ нашего королевича; но, едва присягнули ему въ вѣрности, вы уже стали поносить его только за то, что онъ не можетъ сюда пріѣхать такъ скоро, какъ вамъ хотѣлось бы; называете отца его старою собакою, а его самого щенкомъ, забывъ, что Богъ избралъ ихъ своими намѣстниками. Вы сами нарушаете клятву, не признавая царемъ своего законнаго государя, а насъ, его подданныхъ, пріѣхавшихъ сюда по вашему приглашенію, предаете смерти! Или не помните, что мы спасли васъ отъ злодѣя Димитрія? Не повинуясь царю, вы раздражаете Бога, который шутить не любитъ. Не хвалитесь силою и многочисленностью: конечно, шести тысячамъ трудно устоять противъ семисотъ тысячъ; но побѣда зависитъ не отъ числа, а отъ Бога; и горстью людей Онъ можетъ истребить несмѣтныя полчища. Что возбуждаетъ васъ къ бунту? Развѣ мы служимъ не тому же государю, которому и вы присягнули? Если же вы хотите кровопролитія, то будьте увѣрены, что Богъ насъ не оставитъ: мы постоимъ за правое дѣло!“

„Полно врать,—закричали изъ толпы: — безъ ружей и дубинъ, мы побьемъ васъ колпаками“.

„Нѣтъ, братцы,—продолжалъ намѣстникъ: — колпаками и съ дѣвками не управитесь: и онѣ васъ утомятъ; чего же не сдѣлаютъ 6,000 героевъ? Прошу васъ, умоляю, будьте смирны и покойны!“

„Ну, такъ убирайтесь отсюда и очистите нашъ городъ!“—сказали москвитяне.

„Этого не дозволяетъ намъ присяга,—возразилъ намѣстникъ:—государь не затѣмъ прислалъ насъ, чтобы мы тотчасъ же разбѣжались по вашему требованію: мы должны ожидать его пріѣзда“.

„Такъ не долго вамъ оставаться въ живыхъ!“—воскликнулъ народъ.

„Это зависитъ не отъ васъ, а отъ Бога. Если вы начнете ссору, да не сумѣете кончить ее, тогда помилуй Богъ женъ и дѣтей вашихъ! Я довольно вразумлялъ васъ; повторяю: будьте покойны, а не то вы пропали. Съ нами Богъ!“ Сказавъ это, намѣстникъ возвратился въ замокъ, а москвитяне разошлись по домамъ, скрывая въ душѣ злые умыслы.

Миновало еще нѣсколько недѣль, а королевича все не было. Между тѣмъ, разнеслась молва, что король не отпускаетъ своего сына, изъ опасенія ввѣрить его столь вѣроломнымъ людямъ.

Москвитяне были въ изступленіи, которое достигло высшей степени, когда польскій военачальникъ потребовалъ съѣстныхъ припасовъ и жалованья своему войску. „Пусть требуютъ платы отъ своего царя“, говорилъ народъ.

Болѣе всего москвитяне злились на своихъ вельможъ: Михаила Глѣбовича Салтыкова, Ѳедора Андронова, Ивана Тарасовича Граматина и требовали выдачи этихъ измѣнниковъ, вѣроломно предавшихъ царство королевичу Владиславу. Около 3,000 мятежниковъ устремились въ Кремль и уже ворвались въ него, но едва начальникъ нѣмецкой дружины Борковскій ударилъ тревогу и нѣмцы бросились къ ружью, москвитяне поспѣшили удалиться. Стража хотѣла запереть ворота, чтобы напасть на вѣроломныхъ; капитанъ удержалъ ее, сказавъ: „Пусть ихъ ругаются!

Собака лаетъ, а вѣтеръ несетъ, но если вздумаютъ драться, тогда узнаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло!" Въ четверть часа не было уже видно ни одного русскаго. Но поляки ежеминутно ожидали новой тревоги. Видя вездѣ волненіе народа, полководцы ихъ отмѣнили торжественный выходъ въ Вербное воскресенье, которое послѣ Николина дня считается важнѣйшимъ праздникомъ: они опасались при семъ случаѣ неминуемаго бунта. Обыкновенно, въ этотъ день выходитъ къ народу царь и отъ двора своего до церкви, называемой Іерусалимомъ, ведетъ за узду осла, на коемъ сидитъ патріархъ; шествіе открываетъ клиръ, воспѣвая *осанну* съ приличными обрядами; за нимъ слѣдуетъ болѣе 20 боярскихъ дѣтей въ красномъ платьѣ и разстилаютъ его по дорогѣ, гдѣ царь ведетъ патріаршаго осла. Какъ скоро проѣдетъ патріархъ, они подбираютъ свою одежду и, забѣжавъ впередъ, снова разстилаютъ ее до самой церкви. За первосвященникомъ везутъ въ саняхъ огромное съ разными плодами дерево, на коемъ сидятъ три или четыре отрока и поютъ священные гимны; шествіе заключаютъ князья, бояре и купцы. На этотъ праздникъ стекается безчисленное множество народа, причемъ такая бываетъ тѣснота, что люди слабаго сложенія не смѣютъ присутствовать на церемоніи, если хотятъ остаться живыми.

Чернь, узнавъ о запрещеніи намѣстника праздновать столь великій день, изъявила сильный ропотъ и лучше хотѣла погибнуть, чѣмъ стерпѣть такое насиліе: волю народную надлежало исполнить: узду осляти держалъ, вмѣсто царя, знатнѣйшій изъ московскихъ вельможъ Андрей Гундуровъ. Нѣмцы же и поляки, въ полномъ вооруженіи, охраняли тишину столицы.

Между тѣмъ дали знать намѣстнику, что москвитяне, подстрекаемые патріархомъ, отложили мятежъ до Страстной недѣли и что бояре приготовили сани съ дровами, которые намѣрены въ минуту возмущенія разставить по улицамъ и лишить поляковъ средствъ подавать другъ другу помощь. Свѣдавъ о томъ, намѣстникъ и Борковскій отдали приказъ, чтобы ни одинъ нѣмецъ, ни одинъ полякъ, подъ смертною казнью, не оставался въ городѣ и не выходилъ изъ крѣпости.

XLV. Возстаніе противъ поляковъ въ Москвѣ.

(Изъ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина).

19-го марта, во вторникъ Страстной недѣли, въ часъ обѣдни, услышали въ Китаѣ-городѣ тревогу, вопль и стукъ оружія. Гонсѣвскій прискакалъ изъ Кремля, увидѣлъ кровопролитіе между ляхами и россіянами, хотѣлъ остановить, не могъ и далъ волю первымъ, которые дѣйствовали наступательно, рѣзали купцовъ и грабили лавки, вломились въ домъ къ боярину князю Андрею Голицыну и безчеловѣчно умертвили его. Жители Китая искали спасенія въ Бѣломъ городѣ и за Москвою-рѣкою: конные ляхи гнали, топтали, рубили ихъ, но въ Тверскихъ воротахъ были удержаны стрѣльцами. Еще сильнѣйшая битва закипѣла на Срѣтенкѣ: тамъ явился витязь знаменитый, отряженный ли впередъ Ляпуновымъ, или собственною ревностью приведенный одушевить Москву, князь Димитрій Пожарскій. Онъ кликнулъ доблихъ, устроилъ дружины, снялъ пушки съ башенъ и встрѣтилъ ляховъ ядрами и пулями, отбилъ и втопталъ въ

Китай. Иванъ Бутурлинъ въ Яузскихъ воротахъ и Колтовской за Москвою-рѣкою также стали противъ нихъ съ воинами и народомъ. Бились еще въ улицахъ Тверской, Никитской и Чертольской, на Арбатѣ и Знаменкѣ. Гонсѣвскій подкрѣплялъ своихъ, но число россіянъ несравненно болѣе умножалось: при звукѣ набата старые и малые, вооруженные дрекольемъ и топорами, бѣжали въ пылъ сѣчи; изъ оконъ и съ кровель разили непріятеля камнями и чурбанами; преграждали улицы столами, лазками, дровами, стрѣляли изъ-за нихъ и двигали сіе укрѣпленіе впередъ, гдѣ ляхи отступали. Уже москвитяне вездѣ имѣли верхъ, когда приспѣлъ изъ Кремля съ нѣмцами капитанъ Маржеретъ, вѣрный слуга Годунова и разстриги, изгнанный Шуйскимъ и принятый гетманомъ въ королевскую службу: торгуя вѣрностью и жизнью, сей честный наемникъ ободрилъ ляховъ неустрашимостью и, нѣкогда ливъ кровь свою за россіянъ, жадно облился ихъ кровью. Битва снова сдѣлалась упорною; многолюдство однакожъ преодолѣвало; и москвитяне тѣснили непріятеля къ Кремлю, его послѣдней оградѣ и надеждѣ. Тутъ въ часъ рѣшительный, услышали голосъ: „Огня! Огня!“ и первый вспыхнулъ въ Бѣломъ городѣ домъ Михаила Салтыкова, зажженный себственною рукою хозяина; гнусный измѣнникъ уже не могъ имѣть жилища въ столицѣ отечества, имъ преданнаго иноплеменнику. Зажгли и въ другихъ мѣстахъ: сильный вѣтеръ раздувалъ пламя въ лицо москвитянамъ, съ густымъ дымомъ, несноснымъ жаромъ, въ улицахъ тѣсныхъ. Многіе кинулись тушить, спасать домы; битва ослабѣла, и ночь прекратила ее, къ счастію для изнуреннаго непріятеля, который удержался въ Китаѣ-Городѣ, опираясь на Кремль. Тамъ все затихло, но другія части Москвы представляли шумное смятеніе. Бѣлый городъ пылалъ; набатъ гремѣлъ безъ умолку; жители съ воплемъ гасили огонь или бѣгали, искали, кликали женъ и дѣтей, забытыхъ въ часы жаркаго боя. Послѣ такого дня и предвидя такой же, никто не думалъ успокоиться.

Ляхи въ пустыхъ домахъ Китая-города среди труповъ отдыхали, а въ Кремлѣ, при свѣтѣ зарева, бодрствовали и разсуждали вожди ихъ, что дѣлать? Тамъ еще находилось мнимое правительство россійское съ знатнѣйшими сановниками, воинскими и гражданскими: ужасаясь мысли желать побѣды иноплеменникамъ, дымящимся кровью москвитянъ, но малодушно боясь и мести своего народа, или не вѣря успѣху возстанія, Мстиславскій и другіе легкоумные вельможи, упорные въ вѣрности къ Владиславу, были въ изумленіи и бездѣйствіи. Тѣмъ ревностнѣе дѣйствовали измѣнники ожесточенные: прервавъ на вѣки связь съ отечествомъ, заслуживъ его ненависть и клятву церковную, пылая адскою злобою и жаждою губительства, они сидѣли въ сей ночной думѣ ляховъ и совѣтовали имъ разрушить Москву для ихъ спасенія. Гонсѣвскій принялъ совѣтъ и въ слѣдующее утро 2,000 нѣмцевъ съ отрядомъ коннымъ вышли изъ Кремля и Китая въ Бѣлый городъ и къ Москвѣ-рѣкѣ, зажгли въ разныхъ мѣстахъ домы, церкви, монастыри и гнали народъ изъ улицы въ улицу не столько оружіемъ, сколько пламенемъ; жители, осыпаемые искрами и головнями, задыхаясь отъ жара и дыма, уже не хотѣли сражаться за пепелище: бѣжали во всѣ стороны, на коняхъ и пѣшіе, не съ богатствомъ, а только съ семействами. Нѣсколько сотъ тысячъ людей вдругъ разсыпалось по дорогамъ къ лаврѣ, Владиміру, Коломнѣ, Тулѣ; шли и безъ дорогъ, вязли въ снѣгу еще глубокомъ, цѣпенѣли отъ сильнаго, холоднаго вѣтра, смотрѣли на горящую Москву и вопили, думая, что съ нею исчезаетъ и Россія. Нѣкоторые засѣли въ крѣпкой Симонов-

ской обители ждать избавителей. Но, оставленная въ жертву огню и ляхамъ, Москва еще имѣла ратоборца: Пожарскій еще стоялъ твердо въ облакахъ дыма, между Срѣтенкою и мясницкою, въ укрѣпленіи, имъ сдѣланномъ; онъ бился съ ляхами и долго не давалъ имъ жечь за каменною городскою стѣною, не берегъ себя отъ пуль и мечей, изнемогъ отъ ранъ и палъ на землю. Вѣрные ему до конца, немногіе сподвижники взяли и спасли будущаго спасителя Россіи: отвезли въ лавру. До самой ночи уже безпрепятственно губилъ огонь столицу, ляхи съ гордостью побѣдителей возвратились въ Китай и Кремль любоваться зрѣлищемъ, ими произведеннымъ—бурнымъ пламеннымъ моремъ, которое, разливаясь вокругъ ихъ, обѣщало имъ безопасность, какъ они думали, не заботясь о дальнѣйшихъ, вѣковыхъ слѣдствіяхъ такого дѣла и презирая месть россіянъ.

Москва пустая горѣла двое сутокъ. Гдѣ угасалъ огонь, тамъ ляхи, выѣзжая изъ Китая, снова зажигали; наконецъ вездѣ потухло пламя, ибо все сдѣлалось пепломъ, среди коего возвышались только черныя стѣны, церкви и погреба каменные. Сія громада золы, въ окружности на двадцать верстъ или болѣе, курилась еще нѣсколько дней, такъ что ляхи въ Китаѣ и Кремлѣ, дыша смрадомъ, жили какъ въ туманѣ, но ликовали и грабили казну царскую: взяли всю утварь нашихъ древнихъ вѣнценосцевъ, ихъ короны, жезлы, сосуды, одежды богатыя, чтобы послать къ Сигизмунду или употребить вмѣсто денегъ на жалованье войску; сносили добычу, найденную въ гостинномъ дворѣ, въ жилищахъ купцовъ и людей знатныхъ; сдирали съ иконъ оклады, дѣлили на равныя части золото, серебро, жемчугъ, камни и ткани драгоцѣнныя, съ презрѣніемъ кидая мѣдь, олово, холсты, сукна, рядились въ бархатъ и штофъ, пили изъ бочекъ венгерское и мальвазію; изобиловали всѣмъ роскошнымъ, не имѣя только нужнаго: хлѣба; бражничали, играли въ зернь и въ карты, распутствовали и пьяные рѣзали другъ друга... А россіяне, ихъ клевреты гнусные или невольники малодушные, праздновали въ Кремлѣ Свѣтлое Воскресеніе и молились за царя Владислава, съ іерархомъ, достойнымъ такой паствы, Игнатіемъ, угодникомъ разстригинымъ, коего вывели изъ Чудовой обители, гдѣ онъ пять лѣтъ жилъ опальнымъ инокомъ, и снова назвали патріархомъ, свергнувъ и заключивъ Гермогена на Кирилловскомъ подворьѣ.

Вѣсть о бѣдствіи Москвы, распространивъ ужасъ, дала и новую силу народному движенію. Ревностные иноки лавры, едва услыхавъ, что дѣлается въ столицѣ, послали къ ней всѣхъ ратныхъ людей монастырскихъ, написали умилительныя грамоты къ областнымъ воеводамъ и заклинали ихъ угасить ея дымящійся пепелъ кровью измѣнниковъ и ляховъ.

XLVI. Прокопій Ляпуновъ и казаки подъ Москвою.

(*По «Очеркамъ по исторіи смуты» и «Лекціямъ» С. Ѳ. Платонова*).

Патріархъ, лишенный возможности дѣйствовать правильно, черезъ „освященный соборъ“, „царскій синклитъ“ и „совѣтъ всея земли“, обратился прямо къ народной массѣ, вызывая ее стать на защиту отечества. Въ этой массѣ, потерявшей привычное для нея руководство столичной

власти, скоро должны были обнаружиться свои вожаки, долженъ былъ образоваться свой руководящій кругъ излюбленныхъ авторитетныхъ людей. Если въ податныхъ слояхъ подъемъ народнаго чувства вызывалъ готовность жертвовать имуществомъ и людьми, то въ средѣ наиболѣе виднаго провинціальнаго дворянства чувствовалась не одна необходимость жертвъ, но и обязанность взять въ свои руки предводительство народнымъ движеніемъ. Съ паденіемъ боярскаго правительства въ Москвѣ и съ разложеніемъ центральной администраціи подъ властью „измѣнниковъ“, общественное первенство переходило къ наиболѣе „честнымъ“ людямъ провинціальнаго служилаго класса. Когда стало извѣстно, что въ Москвѣ „владѣютъ всѣмъ“ измѣнники и поляки, что „дьяки съ доклады“ приходятъ къ Гонсѣвскому не только „въ верхъ“, то-есть во дворецъ, но „и къ нему на дворъ“, что большіе бояре посажены „за приставы“, а „по приказомъ бояре и дьяки въ приказахъ не сидятъ“,— то въ уѣздахъ служилые люди „большихъ статей“ поняли, что общественная вершина разрушена и что теперь они оказываются наверху московскаго общественнаго порядка. Они нерѣдко были связаны родствомъ съ столичнымъ дворянствомъ, „выборъ“ изъ ихъ среды служилъ постоянно въ самой Москвѣ съ московскими дворянами; поэтому московскія событія имъ были понятны и близки. Они настолько живо чувствовали необходимость заступиться за своихъ угнетенныхъ въ Москвѣ товарищей и родныхъ и встать на защиту всей народности и церкви, что раньше прямого призыва со стороны Гермогена уже справлялись о теченіи дѣлъ въ столицѣ и обсуждали политическое положеніе.

Въ этомъ отношеніи особенно энергичны были рязанцы, у которыхъ, образовались тѣсныя связи съ столицею за время тушинской осады. Благодаря этимъ связямъ рязанское дворянство привыкло играть дѣятельную роль въ московскихъ дѣлахъ и даже получило рѣшающее значеніе въ переворотѣ, низложившемъ Шуйскаго. Избраніе Владислава Москвою совершилось не безъ сочувствія и участія рязанцевъ. Воевода рязанскій Прокопій Ляпуновъ, по словамъ Жолкѣвскаго, „радовался (content bul), услышавъ, что бояре учинили съ гетманомъ договоръ о королевичѣ“. Его братъ Захаръ Ляпуновъ былъ въ числѣ земскихъ пословъ къ Сигизмунду и подъ Смоленскомъ не одинъ разъ получалъ отъ короля жалованныя грамоты на земли. Но рязанскіе вожаки только до тѣхъ поръ дружили съ литвою и поляками, пока не увидѣли признаковъ королевскаго двуличія. Когда возникли сомнѣнія въ томъ, что королевичъ пріѣдетъ въ Москву, Прокопій Ляпуновъ сдѣлалъ запросъ объ этомъ московскимъ боярамъ и сталъ показывать непріязнь къ полякамъ и московскому правительству.

Положеніе Прокопія Ляпунова на Рязани давало ему особую силу и вліяніе. Во-первыхъ, онъ былъ облеченъ властью воеводы и въ то же время принадлежалъ къ составу мѣстнаго дворянства; административныя полномочія соединялись у него съ возможностью житейскаго вліянія на среду, ему давно близкую и хорошо извѣстную. Во-вторыхъ, онъ уже нѣсколько лѣтъ въ качествѣ главнаго воеводы дѣйствовалъ въ краѣ, имѣвшемъ для столицы особенное значеніе: Рязань снабжала Москву хлѣбомъ и содержала своимъ земельнымъ фондомъ лучшіе отряды Московскаго гарнизона. Именно потому онъ и считалъ за собою право и обязанность вмѣшиваться въ общегосударственныя дѣла и возвышать свой голосъ предъ членами боярской думы, къ числу которыхъ онъ и самъ принадлежалъ по чину думнаго дворянина.

Одновременно съ движеніемъ на Рязани начиналось одинаковое движеніе и въ другихъ московскихъ областяхъ, причемъ здѣсь первоначальными очагами были Нижній-Новгородъ и Ярославль.

Такимъ образомъ, рѣчи патріарха Гермогена, обращенныя къ его паствѣ и призывавшія ее на подвигъ, пали на землѣ доброй и дали плодъ. Населеніе крупнѣйшихъ общественныхъ центровъ было уже готово встать на защиту народной самостоятельности отъ иноземнаго покушенія и по первому слову Гермогена рванулось къ Москвѣ съ такою быстротою, какая можетъ удивить наблюдателя, знакомаго съ обычною медлительностью массовыхъ московскихъ движеній. Около Рождества 1810 года началъ „второй Златоустъ" Гермогенъ свой открытый призывъ къ народу на Рязани и въ Поволжьѣ, а уже 8-го февраля началось движеніе нижегородскихъ отрядовъ къ Москвѣ; 21-го февраля ярославскій передовой отрядъ, „первая посылка", выступилъ подъ Москву; 28-го февраля пошла и вся ярославская рать съ „нарядомъ", то-есть съ орудіями; 3-го марта Ляпуновъ съ „нарядомъ" и съ гуляй-городомъ вышелъ къ Москвѣ уже изъ Коломны. Во второй же половинѣ марта къ Москвѣ подошли уже многія земскія и казачьи дружины, и у стѣнъ сожженной столицы образовалось знаменитое подмосковное ополченіе 1611 года.

Интересенъ его составъ. Ядро его составляли дворяне „зарѣчныхъ" городовъ, клязьменскіе и заволжскіе мужики да остатки новгородскихъ войскъ Скопина-Шуйскаго. Первые изъ нихъ сидѣли съ Шуйскимъ въ московской осадѣ и держали за царемъ Васильемъ Рязань и Коломну; вторые прогнали тушинцевъ съ Волги и Клязьмы, третьи пришли на освобожденіе Москвы съ Волхова, Мсты и Волжскихъ верховій. Вѣрная служба московскому правительству и вражда къ Тушину соединяла ихъ въ одномъ движеніи въ теченіе 1608—1610 годовъ и пріучила ихъ къ политической солидарности. Призывъ Гермогена указалъ имъ, вмѣсто побѣжденнаго Тушина, новаго врага, и они, легко возобновивъ свои прежнія сношенія, скоро и согласно встали для новаго подвига на защиту исконнаго государственнаго порядка.

Но къ этимъ старымъ борцамъ за народное дѣло теперь пристали люди иныхъ общественныхъ теченій. Все, что прежде въ Замосковьѣ держалось Тушина, теперь увлеклось въ движеніе противъ польской власти. Дѣти боярскіе разныхъ городовъ, романовскіе татаре, казаки московскіе и черкасы, прежде дѣйствовавшіе во имя вора, а послѣ его смерти застигнутые въ Замосковныхъ городахъ патріотическимъ подъемомъ народнаго сознанія, пошли теперь на „очищеніе" Москвы „въ сходъ" къ главнымъ вожакамъ земщины. Присоединеніе старыхъ враговъ не испугало московскихъ патріотовъ.

Эти элементы, приставшіе къ ополченію П. Ляпунова и принятые имъ въ союзъ очевидно по политическому разсчету, состояли изъ двухъ группъ: это были, во-первыхъ—„изъ Колуги бояре и воеводы и всѣ ратные люди, которые служили Колужскому" (подразумѣвается—вору), и, во-вторыхъ, казачьи скопища: изъ Тулы „Ивашка Заруцкаго полку атаманы и казаки"; изъ Суздаля Андрея Просовецкаго „казаки волжскіе и черкасы, которые подо Псковомъ были"; наконецъ, отдѣльныя казачьи станицы, сошедшіяся по призывнымъ грамотамъ къ Москвѣ съ Поля и изъ городовъ. Каждый слой этой рати имѣлъ своего вождя: Пр. Ляпуновъ стоялъ во главѣ старыхъ борцовъ за народное дѣло; кн. Дм. Т. Трубецкой былъ знатнѣйшимъ изъ калужскихъ воровскихъ бояръ; Заруцкій и Просовецкій были атаманами крупнѣйшихъ казачьихъ отрядовъ.

Это ополченіе по справедливости можно назвать политическимъ союзомъ соціальныхъ враговъ: въ немъ соединилась земщина съ казачествомъ, общество съ врагомъ общественнаго порядка. A priori можно было предвидѣть, что въ этомъ ополченіи должна проявиться рознь, должно произойти междоусобіе. Можно, пожалуй, предсказать даже его гибель и разложеніе, если сообразить, что во время долгой осады было много времени и поводовъ для столкновенія двухъ міровъ—земскаго и казачьяго. Ополченіе дѣйствительно и погибло.

Сойдясь подъ стѣнами московскаго Бѣлаго или Каменнаго города, разныя части войска стали особыми лагерями отъ устья Яузы до р. Неглинной и до Тверскихъ воротъ (западная часть Каменнаго города оставалась до времени въ обладаніи польскаго гарнизона Москвы). При этомъ, однако, случилось такъ, что казачій таборъ Трубецкого и Заруцкаго сталъ „противъ Воронцовскаго поля", между станомъ Ляпунова съ его рязанцами (у Яузскихъ воротъ) и лагерями другихъ земскихъ дружинъ (отъ Покровскихъ воротъ до Трубы и далѣе). Земскія дружины такимъ образомъ были разрознены и раздѣлены казачьими,—ошибка, которой постарались избѣжать вожди ополченія 1612 года, но которая имѣла роковое значеніе для ополченія 1611 года.

Военная задача подмосковнаго ополченія была не сложна, но и не легка. Польскій гарнизонъ занималъ двѣ внутреннія цитадели Москвы, Кремль и Китай-городъ, и сверхъ того удержался въ западныхъ башняхъ Каменнаго Бѣлаго города. Ополченію надобно было овладѣть этими укрѣпленіями, что̀ при тогдашнемъ состояніи осаднаго искусства не могло быть скоро достигнуто. Не отваживаясь на общій штурмъ и не располагая хорошею артиллеріею, воеводы стремились лишь къ тому, чтобы овладѣть сполна всею стѣною Каменнаго города и такимъ образомъ запереть поляковъ въ стѣнахъ Кремля и Китая, отрѣзавъ имъ сообщеніе съ окрестною страною. Но и этого удалось добиться только въ іюлѣ 1611 года. До тѣхъ же поръ ополченіе осуждено было на простое выжиданіе и заботилось лишь о томъ, чтобы не допустить къ осажденнымъ помощи и самимъ отстояться въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ между Яузою и Неглинною отъ польскихъ нападеній со стороны крѣпости и отъ поля, гдѣ долго стоялъ Я. П. Сапѣга.

Важнѣе и сложнѣе была задача государственная—организовать правительство не только для ополченія, но и для всей страны, которая создала и питала это ополченіе. Пестрота состава народныхъ дружинъ была естественною причиною внутреннихъ недоразумѣній въ рати: „бысть у нихъ подъ Москвою межъ себя рознь великая", говоритъ лѣтопись, „и дѣлу ратному спорыни (пользы и толка) не бысть межъ ними". Необходимо было устроить порядокъ. Въ первое же время московской осады, съ апрѣлѣ и маѣ 1611 года, вопросъ объ этомъ порядкѣ получилъ опредѣленную постановку. Подъ Москвою „всею ратью" московскіе люди начали разсуждать, что имъ слѣдуетъ „выбрати однихъ начальниковъ, кому ими владѣть, и имъ бы однихъ ихъ и слушати". И сошлись „всею ратью" и выбрали Д. Т. Трубецкого, Ляпунова и Заруцкаго: „они же начаша всѣми ратными людьми и всею землею владѣти".

Но между этими воеводами, какъ и во всемъ ополченіи, стала „рознь великая". Ляпуновъ, представитель служащаго, земскаго элемента въ ополченіи, старался дать преобладаніе своимъ, Заруцкій мирволилъ казачеству, а Трубецкому отъ нихъ двоихъ было „мало чести": онъ не пользовался вліяніемъ. Тѣмъ не менѣе эти военноначальники правили не

только ополченіемъ, но и землею. Возлѣ запертыхъ въ Кремлѣ бояръ создалось волею земщины другое правительство; бояре же, которымъ годъ тому назадъ присягала земля, потеряли всякое значеніе въ землѣ. Военноначальники дѣлали распоряженія о сборѣ денегъ и ратныхъ людей по областямъ, смѣняли воеводъ въ городахъ, заботились о защитѣ Новгорода отъ шведовъ, раздавали помѣстья,—словомъ были не только военной, но и земской властью, играли роль правительства. Этотъ знаменательный фактъ показываетъ намъ, какимъ большимъ кредитомъ пользовалось въ странѣ ополченіе; ему вѣрила и его слушалась страна.

Но еще знаменательнѣе то обстоятельство, что воеводы, управлявшіе землею и ратью, не были безконтрольны и зависѣли въ своей дѣятельности отъ общаго совѣта рати. Хотя мы не знаемъ достовѣрно внутренняго устройства ополченія, но имѣемъ полное основаніе думать, что во-первыхъ, подмосковная рать считала себя выразительницею воли „всей земли“ и себя ставила выше воеводъ въ отношеніи власти; во-вторыхъ, ополченіе имѣло свою думу, свой совѣтъ. Этотъ совѣтъ называлъ свои постановленія „приговорами всей земли“ и стало быть считалъ себя тѣмъ, что мы называемъ земскимъ соборомъ. Отъ этого ратнаго совѣта сохранился до насъ одинъ изъ такихъ „приговоровъ всей земли“.

Въ іюнѣ 1611 г. ополченіе обратилось къ своимъ вождямъ, прося общимъ совѣтомъ подумать о прекращеніи безпорядковъ и злоупотребленій, какія совершались въ войскѣ. Объ этихъ безпорядкахъ лѣтописецъ роняетъ лишь нѣсколько словъ; онъ говоритъ, что въ войскѣ одни попрекали другихъ прошлой службой Тушинскому Вору или ополяченной Москвѣ, людей ратныхъ „жаловали не по достоянію“, а „лицепріятно“; не знали, наконецъ, что дѣлать и какъ обращаться съ тѣми холопами, которые убѣжали отъ своихъ господъ и теперь служили въ войскѣ казаками, уже какъ вольные люди. Сначала этихъ бѣглыхъ людей воеводы ополченія призывали подъ свои знамена, обѣщая считать ихъ вольными казаками. Но служилый элементъ въ ополченіи не могъ относиться сочувственно къ такой мѣрѣ: она создавала очень непріятный для служилаго люда прецедентъ въ будущемъ: имъ могли воспользоваться и другіе холопы и убѣгать отъ господъ въ надеждѣ потомъ вернуться на Русь свободными людьми. Поэтому положеніе бѣглыхъ людей въ ополченіи составляло очень важный вопросъ.

И вотъ, по просьбѣ ополченія, Ляпуновъ и другіе воеводы согласились собрать соборъ всея рати, чтобы обдумать и рѣшить всѣ вопросы, заботившіе рать. 30 іюня 1611 г. сошлись на соборъ выборные отъ войска: отъ всякихъ чиновъ служилые люди „всѣхъ городовъ“ и представители казачества — атаманы и казаки (отъ этого собора и дошелъ до насъ упомянутый приговоръ). Оба элемента (и служилый, и казачій) приняли, такимъ образомъ, участіе въ обсужденіи дѣлъ и составленіи приговора. Дальше будетъ видно, какой элементъ взялъ верхъ на этомъ соборѣ.

Приговоръ 30-го іюня очень обширенъ и касается не только войска, но и всего государства: очевидно, выборные изъ войска считали себя въ правѣ рѣшать общеземскія дѣла. Прежде всего они „приговорили и выбрали всею землею“ или, лучше сказать, утвердили раньше уже выбранныхъ троихъ начальниковъ—Ляпунова, Трубецкого и Заруцкаго—и опредѣлили границы ихъ власти: „воеводы должны были строить землю и всякимъ, и ратнымъ дѣломъ промышлять“, т.-е. управлять не только войскомъ, но и государствомъ. Въ то же время они не могли, „смертной

казнью безъ земскаго и всей земли приговора... не по винѣ... казнити и ссылати"; казнить же дѣйствительно виновныхъ опи должны были: „поговоря со всею землею". А кто кого убьетъ, безъ земскаго приговора и того самаго казнити смертію, прибавляетъ приговоръ 30-го іюня. Такимъ образомъ высшая власть по приговору принадлежитъ „всей землѣ", иначе говоря, войсковому совѣту, который, по представленію войска, олицетворялъ собою „всю землю"; воеводы же—только исполнительные органы земли. Ихъ земля можетъ смѣнить, когда найдетъ это нужнымъ. Если главные или второстепенные воеводы дурно будутъ вести дѣла или не станутъ слушать земскаго приговора, то вмѣсто нихъ земля можетъ выбирать другихъ, такихъ, „кто будетъ бою, и земскому дѣлу пригоденъ". Такъ были рѣшены приговоромъ 30-го іюня основные вопросы: управленіе рати и земли.

Вторая группа постановленій войскового собора касается устройства въ войскѣ Приказовъ, которые вѣдали бы управленіе вмѣсто Московскихъ Приказовъ, осадой осужденныхъ бездѣйствовать, да и не признаваемыхъ болѣе за власть со стороны земли. Рѣшено было учредить Приказы: Большой Разрядъ и Помѣстный, которые вѣдали бы службу и средства содержанія служилыхъ людей—помѣстья; затѣмъ Большой Приказъ, который долженъ былъ вѣдать финансы; приказы Разбойный и Земскій, вѣдавшіе уголовные дѣла и имѣвшіе судебный характеръ.

Третья группа постановленій собора касается помѣстій. Смута внесла безпорядокъ въ помѣстныя дѣла: одни незаконно захватили себѣ лишнія земли, а у другихъ была отнята и послѣдняя земля; нужно было распутать происшедшую путаницу и водворить порядокъ. Въ этихъ видахъ рѣшили отобрать: 1) всѣ тѣ помѣстныя земли, владѣльцы которыхъ не служили въ войскѣ, и 2) всѣ тѣ лишнія земли, какія окажутся у помѣщиковъ сверхъ ихъ нормальнаго помѣстнаго оклада, хотя бы владѣльцы и находились на службѣ. Отобранныя земли рѣшено было отдать въ помѣстья неимущимъ и разореннымъ служилымъ людямъ, служащимъ въ войскѣ. Но не всѣ земли, съ какихъ не было службы, рѣшили отобрать; оставлены были помѣстья: 1) у женъ и дѣтей тѣхъ дворянъ, которые были въ великомъ посольствѣ и которыхъ вмѣстѣ съ главными послами задержалъ Сигизмундъ, 2) у вдовъ и дѣтей дворянъ, убитыхъ на службѣ, 3) у тѣхъ дворянъ, которымъ помѣстья, хотя бы и лишнія, сверхъ оклада даны М. В. Скопинымъ-Шуйскимъ за походъ отъ Новгорода къ Москвѣ. (Чѣмъ, кромѣ уваженія къ памяти Скопина, можно объяснить это любопытное постановленіе?) Далѣе позволено было и казакамъ получать помѣстья и входить такимъ путемъ въ ряды служилыхъ людей. Это позволеніе можно разсматривать, какъ единственную уступку приговора казачеству. Въ остальномъ же приговоръ, какъ сейчасъ увидимъ, направленъ противъ него.

Послѣднюю группу постановленій составляютъ постановленія о казакахъ и о тѣхъ, кто къ нимъ тянулъ, т.-е. о бѣглыхъ. Во избѣжаніе грабежей, приговорили воротить подъ Москву въ войско всѣхъ казаковъ, разосланныхъ на службу и ушедшихъ въ города; впредь за припасами не посылать однихъ казаковъ, а съ ними командировать служилыхъ людей. Этимъ стѣснялась казачья вольность, надъ казаками учреждался контроль, отнималась у нихъ возможность поживиться грабежомъ гдѣнибудь въ сторонѣ отъ войска. Еще большій ударъ наносился казачеству тѣмъ, что постановили бѣглыхъ крестьянъ и холопей, до сихъ поръ счи-

тавшихся казаками, возвращать ихъ прежнимъ господамъ и обращать въ прежнее состояніе.

Изъ анализа приговора 3-го іюня неизбѣжно слѣдуетъ выводъ, что редакція даннаго законодательнаго акта принадлежала той сторонѣ подмосковнаго ополченія, которую можно назвать консервативною и землевладѣльческою. Представителемъ ея былъ Ляпуновъ. Понимая его силу, какъ вожака торжествовавшей въ рати партіи, лѣтописецъ о приговорѣ 30-го іюня выразился такъ, какъ будто Ляпуновъ „*повелѣ* написати приговоръ“. Неточное формально, это выраженіе, однако, вполнѣ справедливо приписываетъ починъ и руководство въ совѣтѣ 30-го іюня не тушинскимъ „боярамъ“, а предводителю земскихъ дружинъ, еще недавно ведшихъ открытую борьбу съ Тушиномъ. Эти земскія дружины Поморья и Замосковья еще одинъ лишній разъ обнаружили, что онѣ сильнѣе казачьихъ полковъ. Одолѣвая казаковъ въ открытыхъ бояхъ временъ царя Василья, онѣ и теперь, въ мирныхъ отношеніяхъ, взяли верхъ надъ казачествомъ и думали подчинить его своимъ земскимъ порядкамъ, своему начальственному надзору. Приговоромъ 30-го іюня они набросили на вольную казачью массу сѣть стѣсненій и обязательствъ, скрѣпленныхъ подписями казачьихъ „атамановъ, судей, ясауловъ и сотниковъ“ на подлинной приговорной грамотѣ. Казаки, разумѣется, поняли то положеніе, въ какое ихъ поставилъ земскій приговоръ, и не были склонны съ нимъ помириться. Не имѣя законныхъ средствъ повернуть дѣло по-своему и передѣлать приговоръ въ свою пользу, они пошли на открытый мятежъ противъ земской власти. Особенно раздражались казаки на того, кого считали виновникомъ приговора,—на Ляпунова,—„и съ тое же поры начаша надъ Прокофьемъ думати, како бы его убить“. Поводомъ послужило дѣятельное примѣненіе постановленій 30-го іюня, направленныхъ противъ казачьихъ разбоевъ. Говорили, будто бы Ляпуновъ „велѣлъ въ городы писать грамоты: воровъ казаковъ имать и присылать подъ Москву, а иныхъ воровъ, на кого пріѣдутъ, (тому) съ ними битися и отъ своихъ животовъ (то-есть имущества) побивать“. Этимъ правомъ самообороны съ особенною ревностью воспользовался одинъ изъ Плещеевыхъ (Матвѣй) и превратилъ его въ самосудъ. Онъ „поймалъ“,—вѣроятно, на „воровствѣ“—28 казаковъ и посадилъ ихъ въ воду. Товарищи ихъ спасли и привели въ таборы подъ Москву. Въ таборахъ поднялся бунтъ: „шумяху на Прокофья“ и покушались его убить. Ляпуновъ даже рѣшилъ бѣжать на Рязань, и уже ушелъ изъ своего стана. Его догнали и убѣдили остаться; дѣло затихло, хотя и не надолго. При новой вспышкѣ страстей враги Ляпунова заманили его для объясненій въ казачій „кругъ“ и тамъ измѣннически убили (22-го іюля 1611 года). Насиліе было такъ возмутительно, что поразило даже „врага“ Ляпунова Ивана Никитича Ржевскаго, типичнаго „перелета“ того времени, измѣнившаго и Шуйскимъ, и Вору съ Рожинскимъ, и Сигизмунду съ Владиславомъ. Онъ „казакомъ сталъ говорить: за посмѣшно де Прокофья убили, Прокофьевы де вины нѣтъ“,—и былъ убитъ вмѣстѣ съ Ляпуновымъ.

Смерть Ляпунова послужила началомъ открытаго междоусобія въ подмосковномъ ополченіи. Казаки не скрывали своей вражды къ противной сторонѣ и грозили служилымъ людямъ боемъ и грабежомъ. Служилые же люди, земская часть ополченія, были, очевидно, подавлены внезапнымъ убійствомъ своего вождя и растерялись. Поставленные между двумя врагами—поляками и казачествомъ—и утративши единство и силу, дворяне и дѣти боярскіе ударились въ бѣгство.

Земское ополченіе разсыпалось, побѣжденное не врагомъ, а союзникомъ, и побѣжденное въ такую минуту, когда оно законнымъ образомъ, въ „приговорѣ всея земли", опредѣлило въ свою пользу весь строй административныхъ и общественныхъ порядковъ. Замосковные и рязанскіе ратные люди пошли изъ-подъ Москвы по своимъ мѣстамъ, и съ августа 1611 года подъ Кремлевскими стѣнами уже не стало земскаго стана и земскаго „совѣта всея земли". Остались только „казачьи таборы" и „воровскія" казачьи власти: рядомъ съ тушинцемъ кн. Д. Т. Трубецкимъ „бояриномъ же писался Ивашко Мартыновъ сынъ Заруцкой". Правительственная организація, созданная усиліями земщины, теперь стала служить казачеству. „А Розрядъ и Помѣстной приказъ и Печатной и иные приказы подъ Москвою были", говоритъ современникъ: „и въ Розрядѣ и въ Помѣстномъ приказѣ и въ иныхъ приказѣхъ сидѣли дьяки и подьячіе и изъ городовъ и съ волостей на казаковъ кормы сбирали и подъ Москву привозили". Такое обладаніе центральнымъ административнымъ механизмомъ обращало воровскихъ вожаковъ въ правительственную власть и открывало имъ возможность распоряжаться всею страною. Въ этомъ была большая опасность для московскаго общества. Оно теперь имѣло надъ собою два правительства: польско-литовское въ Москвѣ и подъ Смоленскомъ и казацко-воровское въ таборахъ подъ Москвою. Первое грозило ему политическимъ порабощеніемъ, второе—общественнымъ переворотомъ. Первое было страшно потому, что опиралось на военную силу; второе—потому что овладѣло только-что созданнымъ въ рати 1611 года правительственнымъ устройствомъ. Ни тому, ни другому московское общество не могло противопоставить никакой организованной силы, никакого общеземскаго авторитета.

XLVII. Призывныя грамоты изъ троицкаго монастыря и подготовленіе нижегородскаго ополченія для освобожденія Москвы.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).

Благодаря польскому безнарядью, безнарядное ополченіе Трубецкаго и Заруцкаго могло держаться подъ Москвою, придавая себѣ попрежнему видъ людей, пришедшихъ сражаться за православную вѣру противъ богоборныхъ польскихъ и литовскихъ людей. Но русскіе люди вовсе не такъ смотрѣли на это ополченіе по смерти Ляпунова; вотъ что писали казанцы къ пермичамъ: „Подъ Москвою, господа, промышленника и поборника по Христовой вѣрѣ, который стоялъ за православную христіанскую вѣру, за домъ пресвятой Богородицы и за Московское государство противъ польскихъ и литовскихъ людей и русскихъ воровъ, Прокофія Петровича Ляпунова, казаки убили, преступя крѣстное цѣлованье. Митрополитъ, мы и всякіе люди Казанскаго государства согласились съ Нижнимъ Новгородомъ и со всѣми городами поволжскими, съ горными и луговыми татарами и луговою черемисою на томъ, что намъ быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньи, за Московское и Казанское государство стоять, другъ друга не побивать, не грабить и дурнаго ничего не надъ кѣмъ не дѣлать; а кто до вины дойдетъ, тому указъ чинить по

приговору, смотря по винѣ; новыхъ воеводъ, дьяковъ, головъ и всякихъ приказныхъ людей въ города не пускать и прежнихъ не перемѣнять, быть всѣмъ попрежнему; казаковъ въ городъ не пускать; стоять на томъ крѣпко до тѣхъ поръ, пока Богъ дастъ на Московское государство государя, а выбрать бы намъ на Московское государство государя всею землею Россійской державы; если же казаки станутъ выбирать государя по своему изволью, одни, не согласившись со всею землею, то такого государя намъ не хотѣть".

Изъ этой грамоты мы видимъ, что земскіе люди, жители чистой половины Московскаго государства, жители Поволжья, противоположнаго казацкой украйнѣ, вовсе не пришли въ отчаяніе отъ гибели Ляпунова и торжества казаковъ подъ Москвою, вовсе не соединяли дѣла очищенія земли съ личностью одного человѣка, одного воеводы; скорбно отзываясь о гибели представителя своего, они въ то же время даютъ знать, что общее дѣло отъ этого не проиграно, что между ними господствуютъ совѣтъ и соединеніе, даютъ знать, что они не допускаютъ никакой перемѣны, никакой новизны до возстановленія законнаго порядка, до избранія царя всею землею, и повторяютъ свой первый приговоръ надъ казаками: казаковъ въ города не пускать и государя, ими одними избраннаго, не хотѣть.

Нравственныя силы чистаго, общественнаго народонаселенія были напряжены попрежнему, и попрежнему раздались увѣщанія къ единодушному стоянію за вѣру отцовскую противъ боговъ богоборныхъ. Прежде призывалъ къ возстанію за вѣру начальный человѣкъ въ безгосударное время, патріархъ; теперь не было его слышно изъ темницы кремлевской; но, вмѣсто грамотъ патріаршихъ, шли призывныя грамоты отъ властей прославленнаго недавно новою славою Троицкаго Сергіева монастыря, отъ архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына. Хитрый келарь не хотѣлъ терпѣть нужды подъ Смоленскомъ, не хотѣлъ дожидаться заточенія въ глубь Польши и уѣхалъ, не повидавшись съ послами. По пріѣздѣ въ свой монастырь, онъ нашелъ, что дѣло Владислава проиграно, и сталъ ревностно за дѣло освобожденія: когда ополченіе Ляпунова подошло къ Москвѣ, Авраамій явился къ нему со святою водою. Другимъ характеромъ отличался человѣкъ, котораго имя стоитъ вмѣстѣ съ именемъ Палицына въ знаменитыхъ посланіяхъ троицкихъ, архимандритъ Діонисій: съ нимъ-то мы и должны теперь познакомиться.

Однажды, при началѣ смутнаго времени, въ Москвѣ, на рынокъ, гдѣ продавались книги, пришелъ молодой монахъ, высокій, стройный, красивый. Глаза у всѣхъ обратились на него, и одинъ изъ присутствовавшихъ, вспомнивъ поведеніе нѣкоторыхъ монаховъ, обратился къ нему съ неприличными словами. Монахъ, вмѣсто того чтобы осердиться, глубоко вздохнулъ, облился слезами и сказалъ ему: „Да, братъ! Я въ самомъ дѣлѣ такой грѣшникъ, какъ ты обо мнѣ подумалъ. Богъ тебѣ открылъ обо мнѣ правду. Еслибъ я былъ настоящій монахъ, то не бродилъ бы по этому рынку, не скитался бы между мірскими людьми, а сидѣлъ бы въ своей кельѣ, прости меня грѣшнаго, Бога ради, въ моемъ безуміи!" Всѣ присутствовавшіе, тронутые этими рѣчами, обратились съ крикомъ на человѣка, который осмѣлился оскорбить достойнаго инока, называли его дерзкимъ невѣждою. „Нѣтъ, братья,—говорилъ имъ монахъ,—дерзкій невѣжда я, а не онъ. Всѣ слова его обо мнѣ справедливы; онъ посланъ отъ Бога на мое утвержденіе, чтобъ мнѣ впередъ не скитаться по рынку, а сидѣть въ кельѣ". Съ этими словами монахъ

ушелъ: обидчикъ бросился за нимъ просить прощенія. Этотъ монахъ былъ изъ старицкаго Богородскаго монастыря, именемъ Діонисій.

Скоро опять увидали Діонисія на площадяхъ московскихъ, и тутъ уже онъ не говорилъ, что неприлично было ему, какъ монаху, показываться среди народа: тутъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Увѣщевая духовенство, патріархъ Гермогенъ ставилъ въ примѣръ Діонисія: „Смотрите,—говорилъ онъ,—на старицкаго архимандрита: никогда онъ отъ соборной церкви не отлучается, на царскихъ и всемірныхъ соборахъ всегда тутъ". Подъ всемірными соборами патріархъ разумѣлъ эти шумныя собранія народа, гдѣ противники царя Василія требовали его низверженія, гдѣ патріархъ защищалъ царя, а Діонисій былъ подлѣ патріарха и увѣщевалъ народъ, несмотря на оскорбленія, которымъ подвергались увѣщатели отъ буйной толпы.

Изъ Старицкаго монастыря Діонисій былъ переведенъ на архимандрію въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Когда Москва была разорена и воры свирѣпствовали въ окрестныхъ областяхъ, толпы бѣглецовъ съ разныхъ сторонъ устремились къ Троицкому монастырю; и страшно было смотрѣть на нихъ: одни были изломаны, обожжены, у другихъ ремни изъ хребтовъ вырѣзаны, волосы съ головъ содраны, руки и ноги обсѣчены; многіе приходили въ монастырь для того только, чтобы исповѣдаться пріобщиться и умереть; многіе не успѣвали достигнуть монастыря, умирали на дорогѣ; монастырь, слободы, окрестныя деревни и дороги наполнены были мертвыми и умирающими. Діонисій призвалъ келаря, казначея, всю братію, слугъ и крестьянъ монастырскихъ и началъ имъ говорить, что во время такой бѣды надобно изъ всѣхъ силъ помогать людямъ, которые ищутъ пріютъ у св. Сергія. И вотъ пошелъ промыслъ всѣмъ бѣднымъ, живымъ и умирающимъ, въ монастырѣ и кругомъ монастыря. Прежде всего начали строить домы, больницы для раненыхъ, избы на странопріимство всякаго чина людямъ, прибѣгавшимъ изъ Москвы и другихъ городовъ, особыя избы мужчинамъ, особыя женщинамъ, въ Служней слободѣ и въ селѣ Клементьевѣ; монастырскіе люди ѣздили по селамъ и дорогамъ, подбирали раненыхъ и мертвыхъ; женщины, которымъ монастырь далъ пріютъ и содержаніе, безпрестанно шили и мыли рубашки живымъ, саваны мертвымъ. А внутри монастыря, въ кельѣ архимандричьей, сидѣли *писцы борзые*, изъ которыхъ особенно отличался Алексѣй Тихоновъ, собирали они учительныя слова изъ божественныхъ писаній, составляли увѣщательныя посланія и разсылали по городамъ и полкамъ, призывая къ очищенію земли.

Лѣтомъ 1611 г., когда еще Ляпуновъ былъ живъ, разосланы были Діонисіемъ грамоты въ Казань, во всѣ понизовыя города, въ Новгородъ Великій, на Поморье, въ Вологду и Пермь: „Православные христіане!—говорилось въ грамотѣ:—вспомните истинную православную христіанскую вѣру, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатью, святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать въ св. Троицу; возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой, молите служилыхъ людей, чтобъ быть всѣмъ православнымъ христіанамъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ, Михайлы Салтыкова и Ѳедьки Андронова, и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства, польскихъ и литовскихъ людей. Сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіанамъ, видите, какое разоренье учинили они въ Московскомъ государствѣ. Гдѣ св. Божія церкви и Божіе образы? Гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе, иноки, добродѣтелями украшенные? Не все ли

до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Не пощажены ни старики, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью, чтобъ васъ самихъ также лютая не постигла смерть. Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканія спѣшатъ къ Москвѣ, въ сходъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время надлежитъ, безвременное же всякому дѣлу начинаніе суетно и бездѣльно бываетъ; хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, для Бога отложите все это на время, чтобы всѣмъ вамъ сообща потрудиться для избавленія православной христіанской вѣры, пока къ врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это дѣло поскорѣе, ратными людьми и казною помогите, чтобы собранное теперь здѣсь подъ Москвою отъ скудности не разошлось".

6-го октября троицкія власти опять разослали грамоты по областямъ съ извѣстіемъ, что „пришелъ къ Москвѣ, къ литовскимъ людямъ на помощь, Ходкѣвичъ, а съ нимъ пришло всякихъ людей съ 2,000 человѣкъ, и стали по дорогамъ въ Красномъ селѣ и по коломенской дорогѣ, чтобы имъ къ боярамъ, воеводамъ и ратнымъ людямъ, которые стоятъ за православную христіанскую вѣру, никакихъ запасовъ не пропустить и голодомъ отъ Москвы отогнать, и насъ, православныхъ христіанъ, привести въ конечную погибель, а бояре, воеводы и всякіе ратные люди стоятъ подъ Москвою крѣпко и неподвижно, хотятъ за православную христіанскую вѣру, по своему обѣщанію, пострадать и смертью животъ вѣчный получить. А каширяне, калужане, туляне и другихъ замосковскихъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди къ Москвѣ пришли, а изъ сѣверныхъ городовъ Юрій Беззубцевъ со всѣми людьми идетъ къ Москвѣ же на спѣхъ, а на другой сторонѣ многихъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе, и всякіе служилые, и ратные люди собираются теперь въ Переяславлѣ Залѣсскомъ и хотятъ идти къ Москвѣ же". Грамота оканчивается тѣмъ же увѣщаніемъ, какое мы видѣли и въ прежнихъ грамотахъ. Конечно, у Троицы очень хорошо знали о поведеніи казаковъ въ подмосковскомъ станѣ; но все же это войско стояло подъ хоругвью православной вѣры и Московскаго государства, держало въ осадѣ вѣчныхъ враговъ креста Христова и успѣшно билось съ ними: потому неудивительно, что троицкія власти считаютъ своею обязанностью въ минуту опасности призывать русскихъ людей на помощь ополченію Трубецкаго и Заруцкаго.

Народъ былъ готовъ встать, какъ одинъ человѣкъ; непрерывный рядъ смутъ и бѣдствій не сокрушилъ могучихъ силъ его, но очистилъ общество, привелъ его къ сознанію необходимости пожертвовать всѣмъ для спасенія вѣры, угрожаемой врагами внѣшними, и наряда государственнаго, которому грозили враги внутренніе, воры. Явились признаки сознанія необходимости нравственнаго очищенія жителей для подвига очищенія земли отъ враговъ,—признаки того, что народъ, не видя никакой внѣшней помощи, углубился во внутреній, духовный міръ свой, чтобы оттуда извлечь средства спасенія. По областямъ промчалось слово, города переслали другъ другу грамоты, гдѣ писали, что въ Нижнемъ Новгородѣ было откровеніе Божіе какому-то благочестивому человѣку, именемъ Григорію, велѣно ему Божіе слово проповѣдать во всемъ Россійскомъ государствѣ; говорили, что этотъ Григорій сподобился страшнаго видѣнія въ полуночи: видѣлъ онъ, какъ снялась съ его дома крыша, и свѣтъ великій облисталъ комнату, куда явились два мужа съ пропо-

вѣдью о покаяніи, очищеніи всего государства. Во Владимірѣ было также видѣніе. Вслѣдствіе этого, по совѣту всей земли Московскаго государства, во всѣхъ городахъ, всѣмъ православнымъ народомъ приговорили поститься, отъ пищи и питья воздержаться три дня, даже и съ грудными младенцами. И по приговору, по своей волѣ, православные христіане постились: три дня—въ понедѣльникъ, вторникъ и среду ничего не ѣли, не пили, въ четвергъ и пятницу сухо ѣли. Такъ, при господствѣ религіознаго чувства, выразилась въ народѣ мысль о необходимости очищенія всей земли, отдѣленія себя отъ настоящаго смутнаго и оскверненнаго общественнымъ развратомъ времени. Еще Шуйскій думалъ объ этомъ очищеніи, и два патріарха хотѣли очистить народъ отъ грѣха недавнихъ клятвопреступленій; но это дѣйствіе было произвольно съ ихъ стороны, и потому преждевременно; теперь же народъ, путемъ испытаній, самъ пришелъ къ мысли о необходимости очищенія: православные христіане постились,—говоритъ грамота,—по своему изволенію.

Итакъ все было готово; ждали только начала движенія. Движеніе обнаружилось въ Нижнемъ Новгородѣ. Правительственными лицами здѣсь въ описываемое время были: воеводы—князь Василій Андреевичъ Звенигородскій и Андрей Семеновичъ Алябьевъ, стряпчій Иванъ Ивановичъ Биркинъ, дьякъ Василій Семеновъ; въ числѣ земскихъ старостъ былъ Кузьма Мининъ Сухорукій, мясной торговецъ. Когда, въ октябрѣ 1611 г., нижегородцы получили троицкую грамоту, то старшіе люди въ городѣ съ духовенствомъ собрались для совѣта, и Мининъ сказалъ: „Св. Сергій явился мнѣ во снѣ и приказалъ возбудить уснувшихъ; прочтите грамоты Діонисіевы въ соборѣ, а тамъ что будетъ угодно Богу“. На другой день нижегородцы сошлись въ соборной церкви; тамъ протопопъ Савва увѣщевалъ ихъ стать за вѣру, а потомъ прочелъ троицкую грамоту; послѣ протопопа началъ говорить Мининъ: „Захотимъ помочь Московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать и бить челомъ, кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ“. Послѣ этого начались частыя сходки. Мининъ продолжалъ свои увѣщанія. „Что же намъ дѣлать?“ спрашивали его. „Ополчиться,—отвѣчалъ Мининъ:—сами мы не искусны въ ратномъ дѣлѣ, такъ станемъ кличъ кликать по вольныхъ служилыхъ людей“.—„А казны намъ откуда взять служилымъ людямъ?“—послышался опять вопросъ. Мининъ отвѣчалъ: „Я убогій съ товарищами своими: всѣхъ насъ 2,500 человѣкъ, а денегъ у насъ въ сборѣ 1,700 рублей: брали третью деньгу: а у меня было 300 рублей, и я 100 рублей въ сборныя деньги принесъ; то же и вы всѣ сдѣлайте“. „Будь такъ, будь такъ!“—закричали всѣ. Начался сборъ; пришла одна вдова и сказала: „Осталась я послѣ мужа бездѣтна, и есть у меня 12,000 рублей, 10,000 отдаю въ сборъ, 2,000 оставлю себѣ“. Кто не хотѣлъ давать волею, у тѣхъ брали силою. Но, прежде чѣмъ скликать ратныхъ людей, надобно было найти воеводу. Въ это время въ Суздальскомъ уѣздѣ жилъ стольникъ и воевода извѣстный, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, который пріѣхалъ сюда отъ Троицы и долѣчивался отъ ранъ, полученныхъ при разореніи Москвы. Мининъ снесся съ нимъ, уладилъ дѣло и сказалъ народу, что не за кѣмъ больше посылать, кромѣ князя Пожарскаго. Посланы были къ нему архимандритъ Ѳеодосій, дворянинъ Болтинъ да изо всѣхъ чиновъ лучшіе люди. Пожарскій отвѣчалъ посланнымъ: „Радъ я вашему совѣту, готовъ хоть сейчасъ ѣхать, но выберите прежде изъ посадскихъ людей, кому

со мною у такого великаго дѣла быть и казну сбирать". Посланные отвѣчали, что у нихъ въ городѣ такого нѣтъ. Пожарскій сказалъ имъ на это: „Есть у васъ Кузьма Мининъ; бывалъ онъ человѣкъ служивый, ему это дѣло за обычай".

Когда посланные возвратились и объявили нижегородцамъ слова Пожарскаго, тѣ стали бить челомъ Кузьмѣ, чтобы принялся за дѣло; Мининъ отказывался для укрѣпленія, чтобы нижегородцы сдались на всю его волю: „Соглашусь,—говорилъ онъ, — если напишете приговоръ, что будете во всемъ послушны и покорны, и будете ратнымъ людямъ давать деньги". Нижегородцы согласились, и Мининъ написалъ въ приговорѣ свои прежнія слова, что не только отдавать имѣнія, но женъ и дѣтей продавать. Когда приговоръ былъ подписанъ, Кузьма взялъ его и отправилъ къ Пожарскому, чтобы нижегородцы, охладѣвъ въ усердіи, не взяли его назадъ.

Вѣсть, что нижегородцы встали и готовы на всякія пожертвованія для ратныхъ людей, скоро распространилась по городамъ ближайшимъ; смоленскіе дворяне, лишившіеся помѣстій въ своей области вслѣдствіе завоеванія ея поляками и получившіе земли въ Арзамасскомъ уѣздѣ, прислали бить челомъ нижегородцамъ, чтобы тѣ приняли ихъ къ себѣ, потому что Заруцкій выгналъ ихъ изъ новыхъ помѣстій, не велѣвши крестьянамъ слушаться ихъ. Нижегородцы послали этихъ челобитчиковъ къ Пожарскому, упрашивать его, чтобы шелъ къ Нижнему немедленно; онъ поѣхалъ, на дорогѣ присоединилъ къ себѣ служилыхъ людей дорогобужскихъ и вяземскихъ и вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Нижній, гдѣ былъ принятъ съ великою честью. Прежде всего новый начальникъ ополченія занялся раздачею жалованья ратнымъ людямъ; но скоро нижегородской казны стало недостаточно: нужно было писать по всѣмъ городамъ, просить ихъ содѣйствія. Эти грамоты написаны отъ имени Пожарскаго, Ивана Биркина, Василія Юдина и всякихъ ратныхъ и земскихъ людей Нижняго Новгорода; въ нихъ говорится, что, „по Христову слову, встали многія лжехристи, и въ ихъ прелести смялась вся земля наша, встала междоусобная брань въ Россійскомъ государствѣ и длится не малое время. Усмотря между ними такую рознь, хищники нашего спасенія, польскіе и литовскіе люди, умыслили Московское государство разорить, и Богъ ихъ злокозненному замыслу попустилъ совершиться. Видя такую ихъ неправду, всѣ города Московскаго государства согласились другъ съ другомъ, утвердились крестнымъ цѣлованіемъ—быть намъ, всѣмъ православнымъ христіанамъ, въ любви и соединеніи, прежняго междоусобія не начинать, Московское государство отъ враговъ очищать и своимъ произволомъ, безъ совѣта всей земли, государя не выбирать, а просить у Бога, чтобы далъ намъ государя благочестиваго, подобнаго прежнимъ христіанскимъ государямъ. Изо всѣхъ городовъ Московскаго государства дворяне и дѣти боярскіе подъ Москвою были, польскихъ и литовскихъ людей осадили крѣпкою осадою, но потомъ дворяне и дѣти боярскіе изъ-подъ Москвы разъѣхались для временной сладости, для грабежей и похищенья: многіе покушаются, чтобы быть на Московскомъ государствѣ паньѣ Маринкѣ съ законопреступнымъ сыномъ ея. Но теперь мы, Нижняго Новгорода всякіе люди, сославшись съ Казанью и со всѣми городами понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми, видя Московскому государству конечное разоренье, прося у Бога милости, идемъ всѣ головами своими на помощь Московскому государству; да къ намъ же пріѣхали въ Нижній изъ Арзамаса смоляне, дорогобужане и вятчане и

другихъ многихъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе, и мы, всякіе люди Нижняго Новгорода, посовѣтовавшись между собою, приговорили животы свои и домы съ ними раздѣлить, жалованье имъ и подмогу дать и послать ихъ на помощь Московскому государству. И вамъ бы, господа, помнить свое крестное цѣлованіе, что намъ противъ враговъ нашихъ до смерти стоять: идти бы теперь на литовскихъ людей всѣмъ вскорѣ. Если вы, господа дворяне и дѣти боярскіе, опасаетесь отъ казаковъ какого-нибудь налогу или какихъ-нибудь воровскихъ заводовъ, то вамъ бы никакъ этого не опасаться: какъ будемъ всѣ верховые и понизовые города въ сходу, то мы всею землею о томъ совѣтъ учинимъ и дурна никакого ворамъ дѣлать не дадимъ; самимъ вамъ извѣстно, что къ дурну ни къ какому до сихъ поръ мы не приставали, да и впередъ никакого дурна не захотимъ: непремѣнно быть бы вамъ съ нами въ одномъ совѣтѣ и ратными людьми на польскихъ и литовскихъ людей идти вмѣстѣ, чтобы казаки попрежнему не разогнали низовой рати воровствомъ, грабежомъ, иными воровскими заводами и Маринкинымъ сыномъ. А какъ мы будемъ съ вами въ сходѣ, то станемъ надъ польскими и литовскими людьми промышлять вмѣстѣ заодно, сколько милосердный Богъ помощи подастъ, о всякомъ земскомъ дѣлѣ учинимъ крѣпкій совѣтъ, и которые люди подъ Москвою или въ какихъ-нибудь городахъ захотятъ дурно учинить или Маринкою и сыномъ ея новую кровь захотятъ начать, то мы дурна никакого имъ сдѣлать не дадимъ. Мы, всякіе люди Нижняго Новгорода, утвердились на томъ и въ Москву къ боярамъ и ко всей землѣ писали, что Маринки и сына ея и того вора, который стоитъ подъ Псковомъ, до смерти своей въ государи на Московское государство не хотимъ, точно также и литовскаго короля".

Въ этой грамотѣ, возвѣщавшей второе возстаніе земли, объявляется движеніе чисто земское, направленное столько же, если не больше, противъ казаковъ, сколько противъ польскихъ и литовскихъ людей; основная мысль грамоты: надобно намъ соединиться и дѣйствовать вмѣстѣ, чтобы не дать казакамъ сдѣлать ничего дурного. Грамота имѣла сильное дѣйствіе, ибо въ областяхъ всѣ были готовы къ возстанію и ждали только начала. Отовсюду слали въ Нижній выборныхъ на совѣтъ, присылали и казну, шли ратные люди. Первые пришли коломничи. За коломничами пришли рязанцы, за ними служилые люди украинскихъ городовъ; пришли добрые казаки и стрѣльцы, которые сидѣли въ Москвѣ въ осадѣ съ царемъ Василіемъ. Всѣ получили жалованье. Между всѣми этими гостями и нижегородцами былъ великій совѣтъ и любовь, говоритъ лѣтописецъ. Кн. Пожарскій, Кузьма и всѣ ратные люди положили упованіе на Бога, и какъ Іерусалимъ, говоритъ лѣтопись, былъ очищенъ послѣдними людьми, такъ и въ Московскомъ государствѣ послѣдніе люди собрались и пошли противъ безбожныхъ латынъ и противъ своихъ измѣнниковъ. Дѣйствительно, это были послѣдніе люди Московскаго государства, коренные, основные люди: когда ударили бури смутнаго времени, то потрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности; но когда коснулись основаній общественныхъ, то встрѣтили и людей основныхъ, о силу которыхъ напоръ ихъ долженъ былъ сокрушиться. Такъ окончился 1611 и начался 1612 годъ.

XLVIII. Движеніе нижегородскаго ополченія къ Москвѣ и очищеніе ея отъ поляковъ.

(*Изъ ст. Забѣлина: «Launching Мининъ и Пожарскій», помѣщ. въ «Русскомъ Архивѣ» за 1872 г.).*

Обыкновенно историки разсказываютъ, что нижегородцы поднялись и вошли, такъ сказать, въ разумъ только съ той минуты, какъ прочитали призывную грамоту изъ Троицкаго монастыря. Дѣло вообще представляется въ такомъ видѣ, что нижегородцы до того времени какъ-будто, по словамъ легенды, въ самомъ дѣлѣ спали и слухомъ не слыхали, что дѣлается въ Москвѣ: изъ этой только грамоты они узнали именно о томъ, что настоитъ необходимость помочь отечеству. Такъ написалъ объ этомъ Авраамій Палицынъ, и ему одному повѣрили историки предпочтительно предъ всѣми лѣтописцами, которые о такомъ дѣйствіи троицкихъ грамотъ и даже о самихъ грамотахъ не говорятъ ни слова.

Но теперь доказано, что старецъ Авраамій, въ своемъ сказаніи „Объ осадѣ Троицкаго монастыря“, писалъ въ нѣкоторомъ смыслѣ эпическую поэму, даже въ иныхъ мѣстахъ книжно-стихотворнымъ складомъ, а главное писалъ своему монастырю и особенно себѣ высокопарный панегирикъ, похвальное слово. Такимъ образомъ, свѣдѣнія, сообщаемыя старцемъ, исторія должна принимать съ великою осторожностью. Дабы выставить на видъ благочестивому читателю, что все хорошее и доброе дѣлалось и совершалось въ то время почином Троицкаго монастыря, старецъ беззастѣнчиво, напр., расписываетъ, что ляпуновское ополченіе было собрано и подвинуто къ Москвѣ именно троицкими грамотами, которыя будто разосланы были тотчасъ послѣ московской разрухи, т.-е. въ то время, когда уже ополченіе со всѣхъ сторонъ приближалось къ Москвѣ. О томъ, что поднялъ это ополченіе никто иной, какъ патріархъ Гермогенъ, старецъ Авраамій вовсе не знаетъ, или какъ бы не хочетъ знать, въ то время какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ вся тогдашняя переписка городовъ между собою. Онъ, напротивъ, говоритъ, что „тѣ ихъ граматы отъ обители живоначальныя Троицы во всѣ россійскіе города достигли, и слухъ сей въ уши всѣхъ распространился, и милостію пребезначальныя Тройцы по всѣмъ городамъ всѣ бояре и воеводы и все воинство и всенародное множество православныхъ христіанъ мало-помалу разгоралисъ духомъ ратнымъ и вскорѣ, согласившись между собою, сподвиглись отъ всѣхъ городовъ къ Москвѣ на отмщеніе крови христіанской“.

Этихъ грамотъ исторія до сихъ поръ еще не открыла. Ей извѣстны двѣ окружныя грамоты отъ Троицы: одна, написанная въ іюлѣ, другая 6-го октября; обѣ писаны по просьбѣ стоявшихъ подъ Москвою воеводъ, а не по начину самого монастыря, какъ свидѣтельствуетъ и самъ Авраамій. Первая писана еще при жизни Ляпунова и проситъ помощи ратными людьми и казною. Самъ Ляпуновъ еще въ апрѣлѣ писалъ въ Казань (гдѣ грамота получена мая 1-го) о томъ же, объявляя и боярскимъ холопамъ волю, если пойдутъ къ Москвѣ. Но Казань не двигалась, и потому повторительная просьба пошла отъ Троицы, кромѣ Ка-

зани, и въ другіе города. Однако, въ томъ же іюлѣ пришла наконецъ казанская рать съ бояриномъ В. П. Морозовымъ; но она Ляпунова уже не застала и на приступахъ къ Дѣвичьему монастырю, вѣроятно, потерпѣла позоръ отъ казаковъ. Очень хорошо понималъ стремленіе казаковъ и чутко слѣдилъ за ними патріархъ Гермогенъ. Въ августѣ онъ торопливо и въ душевномъ волненіи пишетъ въ свой любезный Нижній Новгородъ грамоту съ твердымъ наказомъ скорѣе писать въ Казань къ митрополиту, чтобы писалъ въ полки (подъ Москву) къ боярамъ и казацкому войску *учительскую* грамоту, чтобы они стояли крѣпко въ вѣрѣ, и боярамъ бы и *атаманьѣ* говорили (отъ Казани) безстрашно, чтобы они отнюдь на царство проклятаго Маринкина сына не сажали. Эта грамота была получена въ Нижнемъ 25-го августа. 30-го числа она пошла въ Казань и по всѣмъ городамъ. Казанцы переслали ее въ Пермь. По всему Поволжью и съ притоками всѣ узнали, чего хотятъ казаки, и всѣ стали единодушно противъ ихъ мысли. Въ то же самое время распространилась вѣсть и объ убійствѣ промышленника и поборателя по христовой вѣрѣ, Ляпунова. Казань и объ этомъ шлетъ поспѣшно грамоту въ Пермь (получена 16-го сент.) и увѣдомляетъ, что она сослалась уже съ Нижнимъ и со всѣми поволжскими городами, „что быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньѣ, за государство стоять, новыхъ начальствъ въ города не пускать, *казаковъ въ города не пускать*; если станутъ они выбирать государя, не сославшись со всею землею, того государя не принимать“. Ясно, что вся земля отложилась уже отъ подмосковнаго ополченія, отъ казаковъ и ихъ воеводъ, что въ ней уже зарождалось дѣло независимое и самостоятельное. По всей землѣ только и говору было, что казаки опаснѣе ляховъ, что идти къ Москвѣ значитъ идти къ казакамъ на позоръ и на смерть. Это показываетъ, что казацкіе подвиги навели порядочный страхъ на всю землю. Вся земля теперь знала, что въ Москвѣ сидятъ собственно два врага отечеству, поляки и казаки, съ которыми требуются почти одинаковые счеты.

Все это даетъ намъ основаніе не вѣрить сказанію Палицына, что нижегородцы возбуждены были троицкими грамотами. Нѣтъ, они давно были возбуждены, съ самаго начала смуты, и постоянно поддерживались въ своихъ мысляхъ патріархомъ Гермогеномъ, который еще 25-го августа дѣлаетъ ихъ живымъ центромъ переписки со всѣми городами противъ замысла казаковъ присягнуть Маринкину сыну; а прошелъ сентябрь, и нижегородцы принялись за дѣло уже настоящимъ образомъ. Сильнѣе всего возбудить ихъ къ дѣлу могла именно грамота патріарха, принесшая имъ самое возмутительное свѣдѣніе о намѣреніяхъ бояръ и казацкой *атаманьи*. Надо же было покончить со всѣми подобными воровствами и смутами. Ни одинъ живой человѣкъ не могъ этого не почувствовать. Пора было возбудить спящихъ, т.-е. указать выходъ изъ безвыходнаго, погибельнаго положенія. Такой живой человѣкъ, возбудитель спящихъ, и явился въ лицѣ Минина. Но онъ поднялся не Ходкѣвича отбивать, какъ призывали троицкія власти, прося, чтобы не мѣшкали, чтобы „въ долгомъ времени, главнымъ утѣсненіемъ, боярамъ и воеводамъ и всѣмъ ратнымъ людямъ (казакамъ) какія порухи не учинили“. Мининъ поднялся съ мыслью создать свое независимое, сильное и крѣпкое ополченіе, сильное настолько, чтобы не бояться и казаковъ съ ихъ казацкими воеводами.

Очень понятно, что для такого ополченія нуженъ былъ и воевода иной, вовсе не рядовой, съ какимъ можно было отправить полки только

противъ Ходкѣвича. Въ этомъ случаѣ нравственныя качества воеводы, быть можетъ, становились несравненно важнѣе, чѣмъ военныя качества. Вотъ почему дѣлается яснымъ, что Пожарскаго не одинъ Мининъ желалъ и выбиралъ, а приневолили его къ воеводству бояре и вся земля, *сильно*, т.-е. насильно, какъ онъ, на глазахъ у всѣхъ, свидѣтельствовалъ самъ въ переговорахъ съ новгородскими послами. Затѣмъ на глазахъ у всѣхъ же, въ окружныхъ своихъ грамотахъ, онъ свидѣтельствовалъ, что посылали за нимъ многажды ѣхать въ Нижній для земскаго совѣта, что по прошенію онъ пріѣхалъ, и стали къ нему въ Нижній пріѣзжать бояре, воеводы, стольники, стряпчіе, дворяне большіе и меньшіе дѣти боярскіе, т.-е. все служилое сословіе, которое въ выборѣ воеводы должно было имѣть, конечно, сильнѣйшій голосъ; что, главное, съ ними со всѣми и съ выборнымъ человѣкомъ Козьмою и съ посадскими людьми на совѣтѣ они и всѣ дали Богу души свои, т.-е. поклялись, цѣловали крестъ на всемъ томъ, на чемъ стоять порѣшили. Слѣдовательно, воеводство Пожарскаго утверждено было всѣмъ міромъ, и служилыми, и посадскими.

Нижегородцы не торопились. Они работали всю осень и всю зиму до великаго поста, когда, въ началѣ марта, и тронулись въ походъ къ Ярославлю, задумавъ устроить въ этомъ городѣ, такъ сказать, главную свою квартиру, ибо онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ серединный городъ для сбора рати.

Между тѣмъ прослышали о нижегородскомъ собраніи и въ Москвѣ. И вотъ что здѣсь обнаружилось. И враги, сидѣвшіе въ Кремлѣ, на которыхъ поднимались нижегородцы, и свои, которые *стояли* вокругъ Кремля и должны были бы очень обрадоваться такой вѣсти, стали дѣйствовать заодно, причемъ свои-то показали еще больше ловкости и энергіи въ замыслахъ остановить движеніе. Кремлевскіе измѣнники-бояре приступили къ патріарху Гермогену, заставляя его писать въ Нижній, чтобы не собирались и не ходили подъ Москву, и, когда онъ остался неколебимъ, сами написали въ Ярославль и Кострому, а вѣроятно и въ другіе значительные города, чтобы народъ образумился и оставался вѣренъ Владиславу, ибо безъ него ничего хорошаго и сдѣлаться не можетъ.

Заруцкій послалъ въ Ярославль казаковъ, за которыми слѣдомъ пошелъ съ полками Просовецкій, чтобы занять Ярославль и всѣ поморскіе города, чтобы не соединились съ нижегородцами. Трубецкой, конечно, не замѣчалъ, что затѣваетъ его властелинъ—товарищъ. Вотъ какъ было хотѣли встрѣтить нижегородцевъ изъ-подъ Москвы тѣ именно воеводы, къ которымъ на помощь призывали народъ троицкія грамоты. Правду нижегородцы говорили, отправляясь въ походъ, что они теперь послѣдніе люди. Однако попытка Заруцкаго не удалась. Тотчасъ былъ посланъ изъ Нижняго передовой полкъ подъ начальствомъ Пожарскаго-Лопаты, который прибылъ въ Ярославль прежде Просовецкаго; казаковъ переловили, посажали въ тюрьмы, и Просовецкій, узнавъ объ этомъ, не пошелъ къ Ярославлю

Первые шаги ополченія повсюду были для него торжествомъ. Вездѣ встрѣчали его съ истинною радостью, доставляя казну на помогу и собирая ратныхъ изъ окрестныхъ мѣстъ. Такъ оно двигалось изъ города въ городъ вверхъ по Волгѣ и прошло Балахну, Юрьевъ, Рѣшму, Кинешму, Кострому и пришло въ Ярославль еще по зимнему пути. Въ Ярославлѣ ополченіе было встрѣчено съ особенною радостью и съ большимъ почетомъ. Пожарскому и Минину ярославцы принесли даже мно-

гіе дары, но предводители ничего не приняли. Не затѣмъ они шли, чтобы собирать себѣ дары по городамъ, хотя это была самая обычная почесть въ русскомъ старинномъ быту при всякой встрѣчѣ и при всякой радости. Дары-то именно и бывали знакомъ и выраженіемъ радости.

Изъ Ярославля походъ замѣшкался надолго, главнымъ образомъ потому, что изъ-подъ Москвы Трубецкой и Заруцкій увѣдомили, что они присягнули псковскому вору Сидоркѣ, представлявшему лицо тушинскаго вора, будто не убитаго въ Калугѣ. Это была новая *ложной лжи ложь*; они присягали ему еще 2-го марта, разумѣется, съ тою цѣлью, чтобы смять и спутать нижегородское движеніе, которое тогда только-что выступило въ походъ. Но когда нижегородцы стали уже въ Ярославлѣ, куда они успѣли придти еще по зимнему пути, то Трубецкой, узнавъ, вѣроятно, что дѣло выходитъ не шуточное, которое смять и разстроить уже невозможно, повернулъ свой воеводскій флюгеръ въ эту же сторону и 28-го марта послалъ къ другу-келарю въ Троицкій монастырь объясненіе, что присягнулъ онъ неволею, какъ и другіе, что онъ радъ соединенію съ Пожарскимъ, что нельзя ли отъ монастыря послать о томъ Пожарскому грамоту. Конечно, грамота была послана. Въ ней троицкія власти просили Пожарскаго идти подъ Москву *на-спѣхъ*, чтобы тѣ люди, которые нынѣ подъ Москвою, розныю своею не потеряли большого Каменнаго города и остроговъ-укрѣпленій и пушекъ. Вслѣдъ затѣмъ Пожарскій пишетъ въ Путивль, для извѣщенія украиннымъ городамъ и съ увѣщаніемъ, чтобы отстали отъ псковскаго вора.

Такимъ образомъ, только въ половинѣ іюня нижегородцы узнали, что подъ Москвою, по крайней мѣрѣ хоть съ виду, воровство утихло. Но они очень желали, чтобы оно утихло и за Москвою, въ украйныхъ городахъ, къ югу, и для того писали грамоту въ Путивль.

Уже изъ этихъ двухъ грамотъ на сѣверъ и на югъ отъ Москвы, выясняется, что нижегородское ополченіе, прежде чѣмъ двигаться дальше, стояло на одномъ, добивалось одного, самаго главнаго, т.-е. общаго соединенія всѣхъ городовъ въ одной мысли. Съ этою цѣлью отовсюду оно постоянно требовало присылки выборныхъ, человѣка по два и по три, для общаго земскаго совѣта, т.-е. неутомимо, на походѣ же, собирало этотъ совѣтъ и всѣми силами старалось образумить города, привлечь ихъ на путь неподвижной правды. Оно очень хорошо понимало, что только „всемірное соединеніе“ можетъ положить конецъ криводушію этихъ воеводъ. Дѣйствуя изъ Ярославля по этому направленію слишкомъ два мѣсяца, оно добилось наконецъ того, что тушинскіе бояре прислали повинную даже съ великимъ моленіемъ. По мѣрѣ того, какъ росла въ Ярославлѣ нижегородская, не военная только, а именно нравственная, сила, какъ все виднѣе и виднѣе восходило это солнце общаго избавленія отъ всякихъ враговъ, чужихъ и домашнихъ, все больше разсѣивался туманъ всякаго лукавства и криводушія въ людяхъ. Но для того, чтобы достигнуть единенія мыслей въ городахъ, очень удаленныхъ другъ отъ друга, потребно было время. Напоминаемъ о состояніи тогдашнихъ путей и о многихъ другихъ препонахъ, какія всегда являются въ военное и притомъ смутное время. Ни почтъ, ни телеграфовъ не было, и все это дѣлали *нарочные*, успѣвавшіе служить съ истинною отвагою и преданностью.

Вообще, мы можемъ утвердительно сказать, что нижегородское ополченіе, оставаясь такъ долго въ Ярославлѣ, не потеряло для главной своей цѣли ни одной минуты. Оно неисчислимо больше завоеваній сдѣ-

лало безъ меча, однимъ своимъ поведеніемъ, привлеченіемъ всѣхъ къ неподвижной правдѣ. И это самое важное изъ того, что можно ставить ему въ заслугу. Дѣло меча, послѣ успѣховъ этого мирнаго дѣла, стало уже дѣломъ второстепеннымъ и не столько затруднительнымъ. Прежде всего надо было осадить со всѣхъ сторонъ, взять приступомъ свою собственную смуту, и эта осада была несравненно мудренѣе осады Китай-города и Кремля.

Только 26-го іюля ополченіе могло безъ помѣхъ двинуться въ Москву. И оно не помедлило. Но въ это время Заруцкій употребилъ послѣднее средство: онъ подослалъ къ Пожарскому убійцъ. Подосланный Заруцкимъ казакъ Стенька хотѣлъ пырнуть ножомъ Пожарскаго и попалъ по ногѣ казаку Роману. Вся рать и всѣ посадскіе зашумѣли, поймали Стеньку и стали пытать. Онъ повинился, указалъ товарищей, которыхъ тоже похватали и разослали въ города по тюрьмамъ, а иныхъ взяли съ собой въ Москву для обличенія злодѣйства. Тамъ они предъ всею ратью вину свою объявили и были всѣ отпущены на свободу. „А убить ни единаго не далъ кн. Димитрій Михайловичъ“, прибавляетъ лѣтопись. Конечно, толпа не пощадила бы, по крайней мѣрѣ, главныхъ злодѣевъ. Но не кровь начинать шелъ Пожарскій.

Въ то время Трубецкой съ Заруцкимъ прислали пословъ (оффиціальныхъ) и просили идти подъ Москву не мѣшкая, ибо идетъ близко Ходкѣвичъ. Пожарскій тотчасъ отправилъ передовой отрядъ, велѣлъ спѣшить, но, пришедъ въ Москву, въ таборы казацкіе не входить, и стать особо, укрѣпивъ свой собственный острожекъ у Петровскихъ воротъ. Затѣмъ послалъ еще отрядъ подъ начальствомъ Пожарскаго-Лопаты, велѣлъ тоже спѣшить, но стать также особо, у Тверскихъ воротъ.

Между тѣмъ въ Москву пришли и ратные изъ украинныхъ городовъ, вѣроятно, по призывнымъ грамотамъ Пожарскаго. Они стали тоже особо, но потому, что Заруцкій не пустилъ ихъ къ себѣ. И было имъ отъ него и отъ казаковъ великое утѣсненіе, такъ что всею ратью они отправили посольство въ Ярославль съ просьбою идти не медля и избавить ихъ отъ казацкаго насилія. Между тѣмъ Заруцкій, услышавъ, что ополченіе уже двинулось изъ Ярославля, собрался съ казаками, мало не съ половиною войска, и побѣжалъ отъ Москвы къ Маринкѣ на Коломну, а потомъ въ рязанскія мѣста, чѣмъ и доказалъ какъ нельзя лучше, съ какими цѣлями онъ стоялъ слишкомъ годъ подъ Москвою. Отъ оставшагося войска съ Трубецкимъ нѣсколько атамановъ и казаковъ явились къ Пожарскому еще въ Ростовѣ съ просьбою идти подъ Москву не мѣшкая: а пришли вовсе не для того,—прибавляетъ лѣтописецъ,—пришли развѣдать, нѣтъ ли какого умышленія надъ ними, потому что, по пословицѣ: „на ворѣ шапка горитъ“, они ожидали отъ нижегородской силы расправы за свое воровство. Кн. Димитрій и Козьма, по своему обычаю, пожаловали пословъ деньгами и сукнами и отпустили съ честью.

Ополченіе наконецъ пришло подъ Троицкій монастырь, было встрѣчено съ великою честью и хотѣло тутъ стоять нѣкоторое время, желая, по своему обычаю, укрѣпиться съ подмосковными казачьими таборами, чтобы другъ на друга никакого зла не умышлять. Но скоро изъ Москвы явились дворяне и казаки съ вѣстью, что Ходкѣвичъ приближается и скоро будетъ въ Москвѣ. Пожарскому было уже не до уговора съ казаками. Отпѣли молебны и съ благословеніемъ троицкихъ властей и братіи тронулись въ походъ; но шли съ большимъ опасеніемъ, были „въ вели-

кой ужасти, какъ на такое великое дѣло идти!“ Это значитъ, что ополченіе до послѣдней минуты сомнѣвалось въ своемъ успѣхѣ и боялось особенно казаковъ, съ которыми въ одной мысли не успѣло укрѣпиться никакимъ уговоромъ. Опасенія были не напрасны.

Наконецъ, ополченіе придвинулось къ Москвѣ. Оно пришло вечеромъ и расположилось ночевать на Яузѣ, за 5 верстъ отъ города. Между тѣмъ были посланы разъѣздные осмотрѣть мѣста, гдѣ бы стать правильнымъ станомъ. Трубецкой безпрестанно присылалъ къ нижегородцамъ, звалъ къ себѣ стоять въ таборы, т.-е. у Яузскихъ воротъ, съ восточной стороны города, а Ходкѣвичъ двигался съ западной стороны. Нижегородцы всею ратью отказались: отнюдь тому не быть, чтобы стать вмѣстѣ съ казаками: опять они начнутъ враждовать съ земскими; *всею ратью*, слѣдовательно, выражено старое и полное недовѣріе къ таборамъ и къ ихъ воеводѣ. На это она имѣла множество причинъ и въ числѣ ихъ весьма недавнюю и яркую причину со стороны только-что бѣжавшаго Заруцкаго.

На утро отъ Яузы ополченіе вступило въ городъ. Трубецкой со всѣмъ полкомъ встрѣтилъ его и снова звалъ Пожарскаго стоять къ себѣ, въ свои укрѣпленія; Пожарскій снова ему отвѣтилъ, что отнюдь ему вмѣстѣ съ казаками не стаивать, и сталъ у Арбатскихъ воротъ. Ходкѣвичъ стоялъ уже на Поклонной горѣ и скоро перешелъ Москву-рѣку у Новодѣвичьяго монастыря. Съ нимъ, кромѣ поляковъ, были венгры и малороссійскіе казаки подъ предводительствомъ Наливайки. Онъ придвинулся именно къ той мѣстности, гдѣ стояли полки Пожарскаго. Первому Пожарскому и выпала честь встрѣтить враговъ. Трубецкой съ своими сталъ подальше, по другую сторону Москвы рѣки, за Крымскимъ бродомъ, и въ добавокъ прислалъ къ Пожарскому просить конныхъ сотенъ себѣ на подмогу, чтобы промыслить надъ Ходкѣвичемъ со стороны, сбоку. Пожарскій, надѣясь въ правдѣ быть, отпустилъ къ нему пять сотенъ, выбравъ лучшихъ изъ своихъ полковъ. Между тѣмъ Ходкѣвичъ и наступалъ только съ одними конными, а Пожарскому самому конные были бы очень надобны.

Началась битва и продолжалась съ перваго часа до осьмого. Бился Пожарскій одними своими конными. Отъ Трубецкаго ни одинъ не вышелъ на помощь. Казаки только, какъ псы, лаяли и поносили нижегородцевъ, приговаривая: „богаты пришли изъ Ярославля, и одни могутъ отбиться отъ гетмана!“ Трубецкой не выпускалъ въ бой даже и присланныхъ сотенъ. Не ясенъ ли былъ его умыселъ обезсилить Пожарскаго и именно коннымъ войскомъ, когда у Ходкѣвича только конные и были? Нижегородцы бились до послѣднихъ силъ, а гетманъ наступалъ жестоко. Могли ли они стоять противъ польской, венгерской, малороссійской конницы, неизмѣримо болѣе опытной и искусной? Рѣшено было слѣзть съ коней и биться пѣшими. „И былъ бой зѣло крѣпокъ“: хваталися за руки съ врагами и сѣкли другъ друга безъ пощады. Отосланныя къ Трубецкому конныя сотни не могли вытерпѣть и бросились на помощь безъ его приказанія. Онъ было не пускалъ, но головы не послушали, ринулись и помогли своимъ. За ними также самовольно ринулись и прямые люди изъ казацкой атаманьи: Филатъ Межаковъ, Аѳанасій Колошна, Дружина Рослановъ, Марко Козловъ, крикнувъ Трубецкому: „Для чего не помогаешь погибающимъ? Изъ вашей (воеводской) нелюбви только пагуба творится и государству, и ратнымъ“.

Гетманъ былъ отбитъ, воротился на Поклонную гору, а оттуда пе-

ребрался къ Донскому монастырю, на сторону Трубецкаго, ибо не могъ не замѣтить, что дѣйствія Трубецкаго были двусмысленны и могли быть ему очень полезны. Онъ пошелъ по сторонѣ Трубецкаго, по зарѣчью, и повелъ свои атаки жестокимъ обычаемъ: смялъ полки, втопталъ ихъ въ рѣку и побилъ бы многихъ, еслибъ не устоялъ съ своимъ полкомъ кн. Пожарскій. Тогда Трубецкой съ казаками ушелъ въ свои таборы, къ устью Яузы. Гетманъ занялъ зарѣчье противъ Кремля, выбивъ оттуда и остальныхъ казаковъ. Такимъ образомъ, добрый подвигъ кн. Пожарскаго, оттѣснившаго поляковъ съ своей стороны, пропалъ даромъ по несостоятельности казацкихъ полковъ, которые, видимо, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, все еще продолжали играть въ смуту. Нижегородцы пріуныли и даже впали въ большой страхъ и отчаяніе. Воеводы посылали въ таборы, чтобы за-едино подняться на гетмана. „Они же не хотяху". Тогда Пожарскій отправилъ къ нимъ старца Авраамія. Старецъ посулилъ имъ дать много монастырской казны. Казаки на обѣщаніе склонились и тогда только, условившись съ полкомъ Пожарскаго, двинулись на гетмана вмѣстѣ съ обѣихъ сторонъ. Тотчасъ былъ отбитъ острожекъ Климентовскій, причемъ однихъ венгровъ было побито 700 человѣкъ. Потомъ пѣшіе засѣли по рвамъ, ямамъ и крапивамъ, гдѣ только можно было попрятаться чтобы не пропустить въ городъ польскихъ запасовъ. Однако большой надежды на успѣхъ не было ни въ комъ. Всѣ крѣпко молились, полагаясь лишь на милость Божію, и вкупѣ всѣ дали обѣщаніе построить храмъ, да поможетъ Господь одолѣть врага.

День склонялся къ вечеру. Господь услышалъ вопль призывающихъ Его съ вѣрою, говоритъ лѣтопись, и послалъ свыше помощь—слабаго и къ ратному дѣлу неискуснаго, Господь охрабрилъ нижегородца Козьму Минина Сухорука, отъ него же перваго началось и собраніе этого ополченія на спасеніе и очищеніе государства. При этомъ лѣтописецъ, какъ-бы съ радостью, восклицаетъ: „Да не похвалятся сильные своею силою и не говорятъ, что такъ это мы совершили! Не въ крѣпкой силѣ пребываетъ Господь, но въ творящихъ Его волю". Козьма задумалъ самъ ударить на враговъ, пришелъ къ кн. Пожарскому и сталъ просить людей. „Бери, кого хочешь!" отвѣчалъ князь. Козьма взялъ роту Хмѣлевскаго да дворянъ три сотни. На томъ берегу, у Крымскаго двора (церковь Іоанна Воина), стояли двѣ гетманскія роты, конная и пѣшая. Козьма, переправясь за рѣку, съ великою прыткостью ударилъ впрямь на эти роты. Онѣ, не дождавшись еще дѣла, дрогнули и побѣжали; конные потоптали пѣшихъ. Козьма еще прытче погналъ за ними. Тогда засѣвшіе въ ямахъ и крапивахъ наши ратные, услыша крики битвы и увидя, что Козьма съ великимъ стремленіемъ гонитъ поляковъ, всѣ, въ одинъ часъ, отъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ скрывались, повскакали, какъ одинъ человѣкъ, и ринулись тискомъ на гетманскіе таборы. Слѣдомъ за ними напустили конные полки. Гетманъ не выдержалъ этого натиска, дрогнулъ и побѣжалъ со всѣмъ войскомъ, оставивъ храбрымъ въ добычу свои таборы со всѣми запасами, къ которымъ, конечно, бросились первые казаки, запасы отнимали, а таборы разграбили дочиста. Въ такихъ дѣлахъ казаки были первые мастера. Всѣ ратные такъ охрабрились, что порывались идти слѣдомъ за врагами, гнать гетмана дальше. Но воеводы остановили храбрыхъ. Довольно нынче одной радости, сказали они, чтобы послѣ скорбь не приключилась! Это вѣдь Божіею помощью прогнаны наши враги! Однако, расположивъ казаковъ и стрѣльцовъ по городскому рву, они велѣли всю ночь держать неумолкаемую стрѣльбу изъ

ружей. Такая была стрѣльба, что не было слышно, кто что говоритъ, а огонь и дымъ стояли какъ отъ великаго пожара. Гетманъ, отодвинувшись къ Донскому монастырю, всю ночь стоялъ на коняхъ, ожидая новаго нападенія, и на разсвѣтѣ побѣжалъ совсѣмъ отъ Москвы.

Казалось, въ виду такого славнаго и радостнаго дѣла, должна была смолкнуть всякая злоба, всякій раздоръ. Но корень смуты не исчезалъ. Онъ, какъ огонекъ, тлѣлся подъ пепломъ общаго разгрома и тотчасъ загорался болѣе или менѣе яркимъ пламенемъ, какъ скоро находилъ себѣ средство и случай выказаться. Этотъ корень заключался въ самовластныхъ боярскихъ притязаніяхъ, во всякихъ притязаніяхъ великородства и владычества, какими была исполнена боярская среда снизу и до верху. И вотъ, какъ только пріобрѣтенъ былъ успѣхъ надъ врагами и стало всѣмъ легче и свободнѣе, боярство заговорило о своихъ правахъ. Начальники между собою стали не въ совѣтѣ. Тушинскій бояринъ Трубецкой сталъ величаться своимъ боярствомъ и потребовалъ отъ нижегородской рати, отъ Пожарскаго и Минина и ото всѣхъ, чтобы пріѣзжали къ нему на совѣтъ, какъ къ честнѣйшему, въ его таборы. Но къ нему никто не ѣхалъ, не для того, чтобы не хотѣли ему честь воздавать, а боялись отъ казаковъ убійства. Была всѣмъ очень памятна смерть Ляпунова, къ которому на защиту не вышелъ Трубецкой, не заступился за него. Всею ратью порѣшили устроить совѣтные съѣзды на Трубѣ, почти на срединѣ между таборами и нижегородскимъ станомъ. Здѣсь воеводы съ выборнымъ человѣкомъ Козьмою установили одно правительство: перенесли сюда разрядъ и другіе приказы и всякія дѣла стали дѣлать заодно, о чемъ и написали въ города грамоты, присовокупивъ, что если которыя грамоты будутъ приходить къ нимъ отъ кого-либо одного изъ воеводъ, то тѣмъ грамотамъ не вѣрить, и свои грамоты писать тоже на имя обоихъ воеводъ. О томъ же соединеніи правящей власти были посланы грамоты и особо, отъ всей рати, для утвержденія. Это происходило въ началѣ октября или даже въ началѣ сентября. Для нижегородцевъ и для друзей отечества это было тоже своего рода немалое завоеваніе и побѣда надъ врагомъ, ибо всякое соединеніе въ одну мысль объ истинномъ добрѣ и благѣ отечества было исключительно задачею нижегородскаго ополченія. Но прежде, чѣмъ такъ устроилось, боярская и боярствующая среда употребила свои завѣтныя попытки разстроить всякій союзъ въ подмосковской рати и поворотить дѣло на прежній путь. Видимо, что приверженцы поляковъ и Владислава не теряли надежды на поворотъ дѣла въ его сторону до послѣдней минуты. Видимо, что нижегородцы были для нихъ великою помѣхою, и они всѣ силы употребляли, чтобы разсѣять это ополченіе, въ которомъ преобладалъ исключительно духъ земства, посадскій, мужичій духъ, стоявшій крѣпко и прямо на правдѣ, раскрывавшій безъ ужимокъ всякую ложь и неправду, сводившій очень правильно земскіе счеты, кто что забралъ и чѣмъ завладѣлъ незаконно.

Съ большимъ сочувствіемъ къ Пожарскому лѣтописцы описываютъ его поведеніе при сдачѣ поляками Кремля. Эти сказанія дороги, какъ свидѣтельства, что и людямъ XVII в. вовсе не чужды были симпатіи къ поступкамъ человѣчнымъ, вполнѣ гуманнымъ.

Кремлевскіе сидѣльцы въ осадѣ испытывали въ это время страшный, неизобразимый голодъ. Поляки, чтобы освободить себя отъ безполезныхъ ртовъ, стали мало-по-малу выпроваживать голодныхъ вонъ изъ Кремля. Такимъ образомъ, дошла очередь до боярскихъ женъ и дѣтей. Велико-

родные бояре, продававшіе постоянно отечество, очень опечалились, боясь безчестья и всякаго насилія своимъ женамъ со стороны осаждавшаго ихъ войска. Къ кому было обратиться, кто-бъ ихъ защищалъ отъ позора, сохранилъ, взялъ на свои руки? Бояре послали просить объ этомъ прямо къ Пожарскому и къ Козьмѣ. Здѣсь они надѣялись найти добрыхъ людей. Пожарскій не только обѣщалъ исполнить ихъ просьбу, но, во время выхода боярынь изъ Кремля, самъ выѣхалъ къ нимъ, встрѣтилъ и принялъ *честью*, съ почетомъ, проводилъ каждую въ безопасное мѣсто къ ихъ знакомымъ и велѣлъ обезпечить ихъ содержаніе. Казаки за это хотѣли убить нижегородскаго воеводу: они собирались грабить боярынь-измѣнницъ.

Скоро сдались и поляки. Въ переговорахъ о сдачѣ они просили за себя и за бояръ-измѣнниковъ не погубить ихъ и ставили условіемъ, чтобы приняли ихъ въ полки Пожарскаго, а къ Трубецкому отнюдь не хотѣли идти, боясь казаковъ. Дѣйствительно, и въ этомъ случаѣ Пожарскій явился защитникомъ несчастныхъ и беззащитныхъ. Принять бояръ онъ пришелъ съ своимъ полкомъ. Это было на Каменномъ мосту, у Троицкихъ воротъ Кремля. Какъ только завидѣли выходящихъ бояръ, казаки поднялись тоже всѣмъ полкомъ, вооружились, распустили знамена и хотѣли постоять за ожидаемую добычу. Едва-едва прошло безъ кровавой ссоры, и дѣло, вѣроятно, уладилось какими-либо обѣщаніями. Казаки отошли въ свои таборы, и Пожарскій принялъ бояръ съ великимъ почетомъ. Изъ поляковъ полкъ Струся взялъ Трубецкой. Казаки весь полкъ побили, такъ что не многіе остались. Другой полкъ, Будиловъ, взялъ кн. Пожарскій и разослалъ его по городамъ: ни единаго не убили и не ограбили.

23-го октября 1612 г. Кремль и вся Москва были очищены, по крайней мѣрѣ отъ явныхъ враговъ. Трубецкой по своему великородству сталъ въ Кремлѣ на царя-борисовскомъ дворѣ. Пожарскій не коснулся царскихъ палатъ и сталъ въ Воздвиженскомъ монастырѣ, поближе къ своимъ нижегородцамъ. Казаки, однако, готовили эпилогъ своего *стоянья* подъ Москвою. Они безпрестанно стали просить у воеводъ жалованья, а того не помня (замѣчаетъ лѣтопись), что всю казну во многихъ городахъ выграбили, теперь же едва и послѣдней казны у начальниковъ силою не отняли. Они пришли однажды въ Кремль толпою съ прямымъ намѣреніемъ побить начальниковъ и захватить казну. Но собрались дворяне и не дали совершить убійства: много вражды было, едва безъ крови прошло.

XLIX. Происхожденіе кандидатуры Михаила Θеодоровича Романова на царство.

(Изъ ст. С. Θ. Платонова: «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ», помѣщенной въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за 1906 г.).

Черезъ мѣсяцъ по очищеніи Москвы главныя силы земскаго ополченія были уже демобилизованы. По обычному московскому порядку, съ окончаніемъ похода служилые отряды получали разрѣшеніе возвращаться въ свои уѣзды „по домамъ“. Взятіе Москвы было тогда понято, какъ конецъ похода. Содержать многочисленное войско въ разоренной Москвѣ

было трудно; еще труднѣе было служилымъ людямъ кормиться тамъ самимъ. Не было и основанія для того, чтобы держать въ столицѣ большія массы полевого войска—дворянской конницы и даточныхъ людей. Оставивъ въ Москвѣ необходимый гарнизонъ, остальныхъ сочли возможнымъ отпустить домой. Это-то и разумѣетъ лѣтопись, когда говоритъ о концѣ ноября: „людіе же съ Москвы всѣ разъѣхалися". Въ составѣ гарнизона, опять-таки по обычному порядку, были московскіе дворяне, нѣкоторыя группы провинціальныхъ, „городовыхъ" дворянъ, далѣе стрѣльцы и, наконецъ, казаки. Получилось такое положеніе, которое врядъ ли могло нравиться московскимъ властямъ. Съ роспускомъ городскихъ дружинъ служилыхъ и тяглыхъ людей казаки получили численный перевѣсъ въ Москвѣ. Ихъ некуда было распустить по ихъ бездомовности и ихъ нельзя было разослать на службу къ города по ихъ ненадежности.

Съ одной стороны, казаки настойчиво и беззастѣнчиво требовали „кормовъ" и всякаго жалованья, а съ другой—они „примѣривали" на царство своихъ кандидатовъ. Такими оказывались сынъ бывшаго Тушинскаго и Калужскаго „вора" царя, увезенный Заруцкимъ, и сынъ бывшаго Тушинскаго патріарха Филарета Романова. Московскимъ властямъ приходилось до времени терпѣть всѣ казачьи выходки и притязанія, потому что привести казаковъ въ полное смиреніе можно было или силою, собравъ въ Москву новое земское ополченіе, или авторитетомъ всея земли, собравъ земскій соборъ. Торопясь съ созывомъ собора, правительство, конечно, понимало, что произвести мобилизацію земскихъ ополченій послѣ только-что оконченнаго похода подъ Москву было бы чрезвычайно трудно. Другихъ средствъ воздѣйствія на казачество въ распоряженіи правительства не было. Терпѣть приходилось еще и потому, что въ казачествѣ правительство видѣло дѣйствительную опору противъ вожделѣній королевскихъ приверженцевъ.

Таковы были обстоятельства московской политической жизни въ концѣ 1612 года. Изъ разсмотрѣнныхъ здѣсь данныхъ ясенъ тотъ выводъ, что побѣда, одержанная земскимъ ополченіемъ надъ королемъ и казаками, требовала дальнѣйшаго упроченія. Враги были побѣждены, но не уничтожены. Они пытались, какъ могли, вернуть себѣ утраченное положеніе, и если имя Владислава произносилось въ Москвѣ не громко, то громко раздавались имена „Филаретова сына и Воровскаго Калужскаго". Земщинѣ предстояла еще забота—на земскомъ соборѣ настоять, чтобы не прошли на престолъ ни иноземцы, ни самозванцы, о которыхъ, какъ видимъ, еще смѣли мечтать побѣжденные элементы. Успѣху земскихъ стремленій въ особенности могло мѣшать то обстоятельство, что земскому собору предстояло дѣйствовать въ столицѣ, занятой въ большинствѣ казачьимъ гарнизономъ. Преобладаніе казачьей массы въ городѣ могло оказать нѣкоторое давленіе и на представительное собраніе, направивъ его такъ или иначе въ сторону казачьихъ вожделѣній.

Насколько мы можемъ судить, нѣчто подобное и случилось на избирательномъ соборѣ 1613 года. Собравшись въ Москву въ исходѣ 1612 или въ самомъ началѣ 1613 года, земскіе выборные хорошо представили собою „всю землю". Окрѣпшая въ эпоху смуты практика выборнаго представительства позволила избирательному собору на самомъ дѣлѣ представить собою не одну Москву, а Московское государство въ нашемъ смыслѣ этого термина. Въ Москвѣ оказались представители не менѣе 50-ти городовъ и уѣздовъ; представлены были и служилый и тяглый классъ населенія; были и представители казаковъ. Въ своей

массѣ соборъ оказался органомъ тѣхъ слоевъ московскаго населенія, которые участвовали въ очищеніи Москвы и возстановленіи земскаго порядка; онъ не могъ служить ни сторонникамъ Сигизмунда, ни казачьей политикѣ. Но онъ могъ и неизбѣжно долженъ былъ стать предметомъ воздѣйствія со стороны тѣхъ, кто еще надѣялся на возстановленіе королевской власти или же казачьяго режима. И вотъ, отнимая надежду какъ на то, такъ и на другое, соборъ прежде всякаго иного рѣшенія торжественно укрѣпился въ мысли: „а Литовскаго и Свійскаго короля и ихъ дѣтей, за ихъ многія неправды, и иныхъ нѣкоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать, и Маринки съ сыномъ не хотѣть“. Въ этомъ рѣшеніи заключалось окончательное пораженіе тѣхъ, кто думалъ еще бороться съ результатами московскаго очищенія и съ торжествомъ среднихъ консервативно-настроенныхъ слоевъ московскаго населенія. Исчезало навсегда „хотѣніе“ бояръ и „лучшихъ людей“, которые „служили“ королю, по выраженію Философова, и желали бы снова „просити на государство“ Владислава. Невозможно было долѣе „примѣривать“ на царство и „Воровскаго Калужскаго“, а стало быть мечтать о соединеніи съ Заруцкимъ, который держалъ у себя „Маринку“ и ея „Воровскаго Калужскаго“ сына.

Побѣда надъ боярами, желавшими Владислава, досталась собору, думается, очень легко: вся партія короля въ Москвѣ была разгромлена временнымъ правительствомъ тотчасъ по взятіи столицы, и даже знатнѣйшіе бояре, „которые на Москвѣ сидѣли“, вынуждены были уѣхать изъ Москвы и не были на соборѣ вплоть до той поры, когда новый царь былъ уже избранъ: ихъ вернули въ Москву только между 7 и 21 февраля. Другое дѣло было земщинѣ одолѣть казаковъ: они были сильны своимъ многолюдствомъ и дерзки сознаніемъ своей силы. Чѣмъ рѣшительнѣе земщина становилась противъ Маринки и противъ ея сына, тѣмъ внимательнѣе должна была она отнестись къ другому кандидату, выдвинутому казаками,—къ „Филаретову сыну“. Онъ былъ не чета „воренку“. Нѣтъ сомнѣнія, что казаки выдвигали его по тушинскимъ воспоминаніямъ, потому что имя его отца Филарета было связано съ Тушинскимъ таборомъ. Но имя Романовыхъ было связано и съ инымъ рядомъ московскихъ воспоминаній. Романовы были популярнымъ боярскимъ родомъ, извѣстность котораго шла съ первыхъ временъ царствованія Грознаго. Незадолго до избирательнаго собора 1613 года, именно въ 1610 году, совсѣмъ независимо отъ казаковъ, М. Ѳ. Романова въ Москвѣ считали возможнымъ кандидатомъ на царство, однимъ изъ соперниковъ Владислава. Когда соборъ настоялъ на уничтоженіи кандидатуры иноземцевъ и Маринкина сына и „говорили на соборѣхъ о царевичахъ, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и о великихъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ на Московскомъ государствѣ быти государемъ“,—то изъ всѣхъ великихъ родовъ возобладалъ родъ, указанный мнѣніемъ казачества. На Романовыхъ могли сойтись и казаки и земщина—и сошлись: предлагаемый казачествомъ кандидатъ удобно былъ принятъ земщиною. Кандидатура М. Ѳ. Романова имѣла тотъ смыслъ, что мирила въ самомъ щекотливомъ пунктѣ двѣ еще не вполнѣ примиренныя общественныя силы, и давала имъ возможность дальнѣйшей солидарной работы. Радость обѣихъ сторонъ по случаю достигнутаго соглашенія, вѣроятно, была искренняя и велика, и Михаилъ былъ избранъ дѣйствительно „единомышленнымъ и неразвратнымъ совѣтомъ“ его будущихъ подданныхъ.

L. Фамилія Романовыхъ.

(Изъ «Курса русской исторіи» проф. Ключевскаго).

Михаила вынесла не личная или агитаціонная, а фамильная популярность. Онъ принадлежалъ къ боярской фамиліи, едва ли не самой любимой тогда въ московскомъ обществѣ. Романовы—недавно обособившаяся вѣтвь стариннаго боярскаго рода Кошкиныхъ. Давно, еще при вел. кн. Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ выѣхалъ въ Москву изъ „Прусскія земли", какъ гласитъ родословная, знатный человѣкъ, котораго въ Москвѣ прозвали Андреемъ Ивановичемъ Кобылой. Онъ сталъ виднымъ бояриномъ при московскомъ дворѣ. Отъ пятаго сына его Ѳедора Кошки и пошелъ „Кошкинъ родъ", какъ онъ зовется въ нашихъ лѣтописяхъ. Кошкины блистали при московскомъ дворѣ въ XIV и XV вв. Это была единственная нетитулованная боярская фамилія, которая не потонула въ потокѣ новыхъ титулованныхъ слугъ, нахлынувшихъ къ московскому двору съ половины XV в. Среди князей Шуйскихъ, Воротынскихъ, Мстиславскихъ Кошкины умѣли удержаться въ первомъ ряду боярства. Въ началѣ XVI в. видное мѣсто при дворѣ занималъ бояринъ Романъ Юрьевичъ Захарьинъ, шедшій отъ Кошкина внука Захарія. Онъ и сталъ родоначальникомъ новой вѣтви этой фамиліи — Романовыхъ. Сынъ Романа Никита, родной братъ царицы Анастасіи, — единственный московскій бояринъ XVI в., оставившій по себѣ добрую память въ народѣ: его имя запомнила народная былина, изображая его въ своихъ пѣсняхъ о Грозномъ благодушнымъ посредникомъ между народомъ и сердитымъ царемъ. Изъ шести сыновей Никиты особенно выдавался старшій Ѳедоръ. Это былъ очень добрый и ласковый бояринъ, щеголь и очень любознательный человѣкъ. Англичанинъ Горсей, жившій тогда въ Москвѣ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что этотъ бояринъ непремѣнно хотѣлъ выучиться по-латыни, и по его просьбѣ Горсей составилъ для него латинскую грамматику, написавъ въ ней латинскія слова русскими литерами. Популярность Романовыхъ, пріобрѣтенная личными ихъ качествами, несомнѣнно, усилилась отъ гоненія, какому подверглись Никитичи при подозрительномъ Годуновѣ; А. Палицынъ даже ставитъ это гоненіе въ число тѣхъ грѣховъ, за которые Богъ покаралъ землю Русскую смутой. Вражда съ царемъ Васильемъ и связи съ Тушиномъ доставили Романовымъ покровительство и второго Лжедимитрія и популярность въ казацкихъ таборахъ. Такъ двусмысленное поведеніе фамиліи въ смутные годы подготовило Михаилу двустороннюю поддержку и въ земствѣ, и въ казачествѣ. Но всего больше помогла Михаилу на соборныхъ выборахъ родственная связь Романовыхъ съ прежней династіей. Въ продолженіе Смуты русскій народъ столько разъ неудачно выбиралъ новыхъ царей, и теперь только то избраніе казалось ему прочно, которое падало на лицо, хотя какъ-нибудь связанное съ прежнимъ царскимъ домомъ. Въ царѣ Михаилѣ видѣли не соборнаго избранника, а племянника царя Ѳедора, природнаго, наслѣдственнаго царя. Современный хронографъ прямо говоритъ, что Михаила просили на царство „сродственнаго его ради соуза царскихъ искръ". Не даромъ Авраамій Палицынъ зоветъ Михаила „избраннымъ отъ Бога прежде его рожденія", а дьякъ И. Тимо-

ѳеевъ въ непрерывной цѣпи наслѣдственныхъ царей ставитъ Михаила прямо послѣ Ѳеодора Ивановича, игнорируя и Годунова, и Шуйскаго, и всѣхъ самозванцевъ. И самъ царь Михаилъ въ своихъ грамотахъ обычно называлъ Грознаго своимъ дѣдомъ. Трудно сказать, насколько помогъ избранію Михаила ходившій тогда слухъ, будто царь Ѳедоръ, умирая, устно завѣщалъ престолъ своему двоюродному брату Ѳедору, отцу Михаила. Но бояръ, руководившихъ выборами, должно было склонять въ пользу Михаила еще одно удобство, къ которому они не могли быть равнодушны. Есть извѣстіе, будто бы Ѳ. И. Шереметевъ писалъ въ Польшу кн. Голицыну: „Миша де Романовъ молодъ, разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ поваденъ". Шереметевъ, конечно, зналъ, что престолъ не лишитъ Михаила способности зрѣть и молодость его не будетъ перманентна. Но другія качества обѣщали показать, что племянникъ будетъ второй дядя, напоминая его умственной и физической хилостью, выйдетъ добрымъ, кроткимъ царемъ, при которомъ не повторятся испытанія, пережитыя боярствомъ въ царствованіе Грознаго и Бориса. Хотѣли выбрать не способнѣйшаго, а удобнѣйшаго. Такъ явился родоначальникъ новой династіи, положившій конецъ Смутѣ.

LI. Избраніе Михаила Ѳедоровича и вступленіе его на престолъ.

(Изъ соч. Вейдемейера: «О Россіи подъ державою дома Романовыхъ» и изъ ст. Полевого: «Вступленіе на престолъ Михаила Ѳедоровича», помѣщ. въ «Библіотекѣ для чтенія» за 1834 г.).

Освободивъ Москву отъ враговъ, вожди ополченія народнаго послали во всѣ города Россіи съ извѣщеніемъ о семъ радостномъ событіи. Они вмѣстѣ съ другими сановниками и духовенствомъ, бывъ убѣждены опытомъ, что народъ русскій можетъ быть счастливымъ только подъ скипетромъ государя самодержавнаго и православнаго, созвали изъ многихъ городовъ замѣчательнѣйшихъ лицъ. Изъ нихъ составился земскій совѣтъ для избранія царя. Важность предмета приводила ихъ въ недоумѣніе. Всѣ имѣли одну цѣль: желали царя крови русской, способнаго къ соглашенію разномыслящихъ партій и въ то же время твердаго для защиты отечества отъ притязанія иностранныхъ державъ; но кого избрать? Земскій совѣтъ истощился въ преніяхъ; долго не могли они рѣшиться. Наконецъ, по общему согласію, 21 февраля 1613 г., избрали того, кого Гермогенъ (тогда уже не существовавшій) при жизни своей хотѣлъ благословить на царство— шестнадцатилѣтняго отрока Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрьева, непричастнаго ни къ какой партіи, чистаго совѣстью, знатнаго родомъ. Въ тотъ же день присягнула ему вся Москва, а затѣмъ вся Россія. Земскій совѣтъ послалъ двѣ грамоты; одну къ Михаилу, другую къ родительницѣ его, въ коихъ изъяснено было общее желаніе имѣть царемъ Михаила Ѳеодоровича, съ убѣдительною просьбою о скоромъ прибытіи въ Москву. Посламъ, коимъ поручено было вручить сіи грамоты, велѣно убѣждать Михаила принять корону, а родительницу его согласиться на то и благословить на царство сына. Земскій совѣтъ писалъ и къ Сигизмунду: въ грамотѣ своей къ нему упомянувъ о всѣхъ сношеніяхъ нашихъ съ Польшей отъ времени Бориса Годунова, укорялъ поляковъ въ пособіи са-

мозванцамъ, въ явномъ нарушенiи договоровъ, просилъ короля и сына его отмѣнить желанiе быть на россiйскомъ престолѣ и, возстановляя миръ, размѣняться плѣнниками.

Скоро въ Москву прiѣхали посланные изъ Костромы, зарайскiй протоiерей Димитрiй и гонецъ Иванъ Усовъ. Радостную вѣсть привезли они въ Москву: Михаилъ принялъ вѣнецъ, поднесенный ему; Русская земля пережила безгосударственное время; въ Россiи былъ царь, избранный по думѣ и согласiю православныхъ. Онъ не могъ отказаться: народъ уже любилъ его, уже видѣлъ въ немъ избранника Божiя, присягалъ ему предъ престоломъ Бога, не дожидаясь его согласiя, и кровью доказывалъ вѣрность свою юному государю.

Михаила избрали въ Москвѣ февраля 21-го. 25-го присягала первопрестольная столица, и посланы были всюду грамоты о присягѣ ему. Быстро летѣла между тѣмъ молва, предупреждая приказы. Мать и сынъ жили въ костромской своей вотчинѣ, страшась смутъ, тоскуя о томъ, что дѣлается въ Москвѣ, слыша о раздорѣ вельможъ и опасаясь буйныхъ мятежниковъ и литовскихъ наѣздниковъ, всюду бродившихъ отчаянными шайками. Вѣсть объ избранiи Михаила въ цари распространилась въ костромской области, и удалой начальникъ одного изъ бродящихъ польскихъ отрядовъ вздумалъ изумить русскихъ смѣлымъ, неожиданнымъ предпрiятiемъ: схватить избраннаго царя и увезти его въ Польшу или умертвить, если не успѣетъ захватить въ неволю. Скрытно пробрался онъ въ окрестности помѣстья Романовыхъ. Остановясь въ сосѣдствѣ села Домнина, селенiи Деревницахъ, поляки взяли старика, тамошняго крестьянина, и спрашивали его о дорогѣ къ помѣстью и о томъ, въ этомъ ли помѣстьѣ находится теперь Михаилъ. Сей старикъ былъ Иванъ Сусанинъ. Онъ вызвался самъ провести убiйцъ къ помѣстью Романовыхъ и по глубокимъ снѣгамъ въ тамошнихъ лѣсахъ завелъ ихъ окольными дорогами въ сторону. Поляки увидѣли, наконецъ, обманъ, но было поздно. Въ ярости начали они терзать Сусанина. Ни пытки, ни побои—ничто не поколебало великодушнаго старика. Онъ умеръ въ мученiяхъ, и Михаилъ былъ спасенъ: посланные отъ Сусанина предупредили его объ опасности; Мароа поспѣшила укрыться съ юнымъ сыномъ своимъ въ Кострому. Здѣсь съ изумленiемъ узнали они неожиданную вѣсть. Ожидая избранныхъ пословъ изъ Москвы, костромичи просили Мароу и Михаила поселиться въ келiяхъ знаменитаго Ипатьевскаго монастыря.

Марта 13-го прибыло посольство земскаго совѣта и остановилось въ подгороднемъ селѣ Новоселкахъ. Вся Кострома взволновалась; жители спѣшили поклониться принесеннымъ изъ Москвы иконамъ. Послали къ Михаилу спросить, когда позволитъ онъ предстать посламъ земскаго совѣта всего Русскаго государства. Получивъ позволенiе, ночь провели въ сношенiяхъ съ мѣстнымъ начальствомъ; на другой день, утромъ, открылось трогательное зрѣлище: костромское духовенство, въ сопровожденiи множества народа, подняло чудотворную икону Θеодоровскiя Богоматери и торжественно пошло изъ собора къ Ипатьевской обители. Съ другой стороны двинулись присланные изъ Москвы съ чудотворною Владимiрскою иконою. Тутъ были архiепископъ Θеодоритъ, келарь Авраамiй, бояре, воины. Народъ сопровождалъ ихъ. Раздалось священное пѣнiе. Мароа и Михаилъ встрѣтили великое шествiе за вратами монастыря и смиренно поверглись предъ иконами и крестами. Ихъ просили послѣ сего идти въ почетномъ мѣстѣ въ главную Троицкую церковь обители Ипатьевской.

Мареа не хотѣла. „Знаю,—говорила она,—знаю, что вы пришли звать сына моего въ цари, но онъ не захочетъ, и я не благословлю его!“ Едва могли упросить благочестивую инокиню не противиться и идти къ моленію во храмъ, предоставляя будущее волѣ Бога. Она и сынъ ея шли заливаясь слезами. Въ церкви отслужили молебенъ, и тогда архіепископъ Ѳеодоритъ преклонился предъ Михаиломъ и проговорилъ: „Московскаго государства митрополитъ Кириллъ, ростовскій и ярославскій архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь освященный соборъ благословляютъ тебя, великаго государя-царя и великаго князя Михиила Ѳеодоровича, Бога о тебѣ молятъ и челомъ тебѣ бьютъ“.

Бояринъ Шереметевъ слѣдовалъ за нимъ и сказалъ: „Великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи! Твои, государь, бояре, окольничіе, чашники, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и приказные люди, дворяне изъ городовъ, жильцы, головы, стрѣлецкіе сотники, атаманы, казаки, стрѣльцы и всякіе служилые люди, гости, торговые люди Московскаго государства и всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ люди велѣли тебѣ, государь, челомъ ударить и о твоемъ государевомъ многолѣтнемъ здравіи спросить“.

Громогласно началъ Ѳеодоритъ читать посланіе земскаго совѣта. Упомянувъ о пресѣченіи на престолѣ московскомъ царскаго корня, о злодѣйствахъ измѣнниковъ и насиліи поляковъ, хотѣвшихъ „попрать вѣру греческаго закона и учинить въ Россіи проклятую латинскую вѣру, онъ говорилъ, что наконецъ Москва очищена, церкви Божіи облеклись въ прежнюю лѣпоту, попрежнему славится въ нихъ имя Божіе; но о Московскомъ государствѣ пещись и Божьими людьми промышлять некому: государя у насъ нѣтъ“. Земскій совѣтъ извѣщалъ объ избраніи Михаила въ Успенскомъ соборѣ, объ единодушной всѣхъ клятвѣ служить ему, прямить, биться за него до смерти; молили его, да идетъ на царство свое „и да возвыситъ Богъ десницу его; православная вѣра да будетъ нерушима въ великомъ Россійскомъ государствѣ, возсіявъ во всю вселенную, какъ подъ небомъ пресвѣтлое солнце; а христіане да получатъ тишину, покой и благоденствіе“. Бояринъ Шереметевъ подтвердилъ чтеніе словами. Онъ и Ѳеодоритъ обратились къ матери Михаила, проговорили повелѣнныя рѣчи и умоляли: „моленья и челобитья не презрить и идти съ сыномъ на царскій престолъ“.

Ожидали отказа Мареы и Михаила, но не столь упорнаго и рѣшительнаго, какой услышали. Вѣримъ искренности отрицанія ихъ: это не были хитрый Годуновъ или честолюбивый Шуйскій. Кроткій юноша и мать его, инокиня, испытанная бѣдствіями, вблизи видѣвшая смерть стольких царей и ужасы безначалія, едва только не полгода вышедшая изъ кремлевскаго гибельнаго заточенія, гдѣ голодъ и сабля врага ставили ее и сына на край могилы, еще за нѣсколько дней едва не потерявшая сына своего,—при одномъ слухѣ, что онъ избранъ въ цари, она и онъ могли трепетать, ужасаться чести, имъ предлагаемой. Мысль, что Михаила окружитъ буйный сонмъ бояръ, что Сигизмундъ будетъ мстить отцу за избраніе сына на царство и состояніе Русской земли, опустошенной, кипящей измѣною и крамолою, все это страшнымъ видѣніемъ предстояло очамъ Мареы и Михаила. „Сыну моему не быть царемъ; не благословлю его; въ мысли у меня того не было и въ разумъ мой прійти не могло!“ воскликнула инокиня Мареа. „Не хочу царствовать и могу-ль быть наслѣдникомъ великихъ царей русскихъ?“ говорилъ Михаилъ. Тщетно молили ихъ. „Его ли, юнаго, отдамъ вамъ въ цари?—отвѣчала

Марѳа.—Люди русскіе! Вспомните прошедшее: по грѣхамъ нашимъ, всѣ вы измалодушествовались, и кому вы прямо служили, отдавая души свои подъ клятвою? Когда судомъ Божіимъ не стало царя Бориса, не вы ли клялись быть вѣрными сыну его и передались вору, разстригѣ, убійцѣ дѣтей Бориса? Когда погубленъ былъ разстрига, не вы ли клялись царю Василію и поѣхали къ тушинскому вору, предали вашего царя, постригли его, отдали врагамъ? И послѣ сихъ прежнимъ государямъ клятвопреступленій, позора, убійствъ, поруганія, какъ сѣсть на царство, зная ваши измѣны, непостоянство, крестопреступленіе? И что же такое ваше Русское царство? Сокровища и села царскія разграблены, разобраны измѣнниками; народъ страждетъ, обѣднѣлъ. Чѣмъ будетъ царь вашъ жаловать служилыхъ людей, обиходы полнить и противъ враговъ стоять? И для того ли благословлю сына моего на царство, чтобы надъ отцомъ его, въ неволѣ польской сущимъ, враги всякое зло сдѣлали? И могу ли приступить къ тому безъ благословенія отца его?"

„Благослови только, великая инокиня!—возражалъ Ѳеодоритъ.—Ты упрекаешь насъ прошедшимъ; но то были грѣхи и наказаніе Божіе за грѣхи наши. Не самъ сынъ твой восхотѣлъ: мы, всею Русскою землею, его выбрали. Ты говоришь о Борисѣ: но вспомни, что Борисъ извелъ царскій корень, убилъ Димитрія царевича и разстрига былъ мститель ему за преступленія его. Когда судомъ Божіимъ погибъ разстрига, царя Василія выбрали немногіе люди; другіе не хотѣли ему служить; сдѣлалась рознь, явилось междоусобство, и возникъ злодѣй тушинскій, обольщая народъ на пагубу. Сигизмундъ увлекъ насъ надеждою мира и счастія, сохраненіемъ православія. Мы били челомъ Василію, да оставитъ онъ царство свое, для блага Русской земли, и онъ добровольно оставилъ царство. Не мы предали его врагамъ: наша ли была тогда воля? Поляки измѣнили свою присягу; измѣнники Михайло Салтыковъ и Ѳедька Андроновъ предали царя злодѣю Жолкѣвскому. И если было при томъ наше участіе, не наказаны ли мы довольно? Всѣ мы каемся, пришли въ соединеніе, хотимъ стоять за церковь Божію; всею землею избрали мы сына твоего, хотимъ за него головы класть и кровь лить. Не испытывай судебъ Божіихъ, хоть и погибли Годуновы и Шуйскій: судьбами царей воля Божія дѣйствуетъ; ей-ли воспротивиться? Не страшись и за государя нашего митрополита Филарета: мы послали уже въ Польшу и отдаемъ за выкупъ его всѣхъ плѣнныхъ поляковъ".

Но тщетны были сіи слова. Напрасно Ѳеодоритъ многорѣчиво приводилъ примѣры изъ исторіи, говорилъ о Константинѣ и Ѳеодосіи, Давидѣ, Маркіонѣ и Іосифѣ: напрасно восклицалъ: „Гласъ народа—гласъ Божій; кого предъизберетъ Богъ, того и возлюбитъ; кого наречетъ, того и оправдаетъ; кого оправдаетъ, того и прославитъ. Назначенному во чревѣ матери честь приложится, и изъ младенчества онъ на то предустроенъ будетъ". Марѳа и Михаилъ плакали и отрицались. Тогда, какъ будто вдохновенный Богомъ, Ѳеодоритъ взялъ образъ Владимірскія Богоматери, Аврамій подалъ образъ московскихъ чудотворцевъ; оба понесли святыя иконы къ мѣсту, гдѣ стоялъ Михаилъ. „Что дѣлаете!—воскликнулъ благочестивый юноша:—зачѣмъ сей подвигъ Божіимъ иконамъ, трудъ вамъ и дѣло выше силъ моихъ мнѣ!"—„Если вѣришь имъ,—говорилъ владыка, указывая на образа,—вѣрь, что ихъ, а не нашею волею ты избранъ, и что они дадутъ тебѣ силы царствовать и спасутъ отца твоего! Что человѣкъ, и что имъ дѣлается? Волею Бога сіи святыя иконы совершили путь изъ Москвы: преклонись же предъ ними и повинуйся!"

Михаилъ бросился къ мѣсту, гдѣ стояла и плакала мать его. Духовенство съ образами приблизилось къ ней; послы, воины, народъ повергались предъ нею на колѣни; сквозь растворенныя двери храма видны были толпы воиновъ и народа, повергшіяся на землю и вопившія о пощадѣ, о согласіи. Матери бросили на землю дѣтей и соединили клики свои съ рыданіемъ старцевъ и младенцевъ.

Уже около шести часовъ продолжалось умилительное зрѣлище. „Итакъ, вы не внемлете мольбамъ!—возгласилъ наконецъ Ѳеодоритъ.— Совершилось; да будетъ по вашему: мы идемъ обратно и скажемъ Москвѣ и пославшимъ насъ, что вы отвергли мольбы и слезы наши. Бѣдствуй, Русская земля! Пусть возстанетъ прежнее безначаліе, пусть плачетъ снова народъ, опозорятся церкви! Но предъ симъ святымъ образомъ говорю тебѣ, царь Михаилъ, что отнынѣ на тебя падетъ бѣдствіе отчизны! И ты, инокиня благочестивая, ты будешь отвѣчать предъ судомъ Божіимъ за кровь и слезы христіанъ! Да настанетъ вновь междоусобіе; да расточится царство Московское; да услышатъ о безгосударствѣ нашемъ враги, да прійдутъ и расхитятъ насъ!“

Голосъ его казался грознымъ голосомъ Божіимъ. Марѳа повергласъ предъ святыми иконами и изрекла согласіе. Ѳеодоритъ благословилъ избраннаго царя; возложили на Михаила наперстный крестъ, вручили ему царскій посохъ. Онъ сталъ близъ приготовленнаго царскаго мѣста и слушалъ литургію; запѣли благодарственный молебенъ и провозгласили многолѣтіе царю Михаилу. Сидя на тронѣ своемъ, юный царь принималъ поздравленія. Звонъ колоколовъ. радостный кликъ народа— оглашали воздухъ, когда онъ появился въ царскомъ великолѣпіи изъ храма и шелъ къ келіи, гдѣ обиталъ, уже облаченный великолѣпными уборами. Три дня продолжался колокольный звонъ, и тогда же духовенство и бояре постановили навсегда праздновать въ Костромѣ иконѣ Ѳеодоровскія Богоматери въ 14-й день марта,—день принятія Михаиломъ престола царскаго.

Вѣсти изъ Костромы получены были вечеромъ, наканунѣ дня Благовѣщенія (24-го марта). На другой день, съ ранняго утра, Кремль былъ наполненъ народомъ. Въ Успенскомъ соборѣ читали донесеніе Ѳеодорита, пѣли молебенъ и благословляли новаго царя, при радостныхъ восклицаніяхъ народа. Веселье сдѣлалось общее.

Марта 19-го, сопровождаемый духовенствомъ, присланнымъ отъ земскаго совѣта, и множествомъ съѣхавшихся въ Кострому разнаго званія людей, Михаилъ, въ предшествіи святыхъ иконъ, отправился въ Москву. Мать слѣдовала за нимъ. Путь его до Ярославля казался торжественнымъ шествіемъ; народъ выбѣгалъ на дорогу съ хлѣбомъ и солью; духовенство встрѣчало его при церквахъ со крестами. Ярославль весь двинулся въ срѣтеніе царя. Путь Михаила изъ Ярославля продолжался болѣе двухъ недѣль. Царь поклонился въ Ростовѣ и Переяславлѣ св. мощамъ, посѣщалъ монастыри и прожилъ Святую недѣлю въ Троицкой лаврѣ. Путь отъ Троицкой обители до Москвы былъ истиннымъ торжествомъ дѣтей, встрѣчающихъ отца своего. Москвичи ѣхали, шли, бѣжали на встрѣчу государю и съ восторгомъ смотрѣли на благолѣпнаго, кроткаго, юнаго властителя Русской земли. Ряды войскъ, граждане съ хлѣбомъ-солью предшествовали Михаилу и толпились на пути. Близъ Москвы все духовенство, всѣ бояре, съ крестами и иконами, вышли привѣтствовать царя. Улицы заперлись народомъ, плачущимъ отъ радости и громко благословляющимъ царя. Преклонясь предъ святынею Успенскаго собора и поклонясь гробамъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ, Ми-

хаилъ вошелъ въ царскіе чертоги: Мареа благословила его и удалилась на житье въ Вознесенскій монастырь.

Царь былъ теперь въ древнихъ кремлевскихъ чертогахъ; его встрѣтилъ радостный народъ; предъ нимъ смиренно ударилъ челомъ сонмъ вельможъ и царедворцевъ, недавно торжествовавшій спасеніе столицы отъ враговъ; уже по слѣдамъ остатка измѣнниковъ, за скопищами Заруцкаго, пошли войска; другіе двинулись противъ враждебныхъ шведовъ; Польша не начинала военныхъ дѣйствій. Такъ казалось все благопріятнымъ, но не таково было въ самомъ дѣлѣ. Гдѣ было царское войско? Гдѣ была казна царская?

И въ такомъ состояніи Россіи бремя правленія падало на царя едва не отрока, юнаго, неопытнаго, страшившагося за участь своего родителя, трепетавшаго окружающихъ его; ибо кто окружалъ его, кто были его совѣтниками?

Совѣтъ царя представлялъ страшное смѣшеніе вельможъ и царедворцевъ, переживших пять царей и страшныя времена безначалія. Кромѣ того, что никто изъ всѣхъ царскихъ сановниковъ не отличался достоинствами, многіе ли изъ нихъ не были еще запятнаны измѣною, вѣроломствомъ, малодушіемъ? Своевольство въ совѣтахъ, ничтожное мѣстничество, гордость другъ предъ другомъ, охлажденіе къ чести государственной были общимъ удѣломъ царедворцевъ Михаила, плодомъ, возращеннымъ событіями минувшаго, но еще не прошедшаго времени.

Царь не смѣлъ употребить строгости, долженъ былъ снисходить своевольству, если знатность и санъ защищали вельможу. Вѣроятно, руководимый матерью, онъ прибавилъ только въ совѣтъ вельможъ знатнѣйшее духовенство. Дѣла стали означаться прежде всего именемъ духовенства, потомъ вельможъ и чиновниковъ.

Вѣрные юному Михаилу совѣтовали поспѣшить великимъ таинствомъ коронованія, освѣщавшимъ главу избраннаго царя въ глазахъ его подданныхъ. Еще прежде сего торжества избраніе Михаила ознаменовали составленіемъ соборно утвержденной грамоты: „Да незабвенно будетъ писаніе въ ней въ роды и роды и во вѣки вѣковъ“. Предложеніе объ этомъ учинено было въ земскомъ совѣтѣ духовенствомъ апрѣля 14-го дня, когда Михаилъ находился въ Троицкой лаврѣ. Общій кликъ собранія: „Благословенъ Богомъ глаголъ вашъ, святители, пастыри душъ нашихъ!“ „Да будетъ тако, да будетъ тако!“ было отвѣтомъ. Цѣлый мѣсяцъ составляли грамоту, сочинили ее со всею роскошью риторики, переписали на девяти большихъ листахъ, читали въ земскомъ совѣтѣ и подписали всѣ, кто былъ въ собраніи. Важное писаніе это начиналось указаніемъ на происхожденіе русскихъ царей отъ Августа цесаря, потомъ содержало въ себѣ краткую исторію русскихъ царей. Съ честью упоминая о Годуновѣ и Шуйскомъ, умалчивали о убіеніи Димитрія; всю вину послѣднихъ бѣдствій и междоусобій слагали на „богоотступника, проклятаго еретика и чернокнижника Отрепьева“, на Сигизмунда клятвопреступника, на Михаила Салтыкова и Өедора Андронова. Подробно излагали, наконецъ, избраніе Михаила, отрицаніе его и матери отъ престола, согласіе ихъ только изъ страха, да не будутъ онъ и она виноваты предъ Богомъ въ конечномъ разореніи отечества. Грамота заключалась страшнымъ проклятіемъ и угрозою казни всякому, кто будетъ противникъ опредѣленія и присяги царю Михаилу.

Земскій совѣтъ былъ уничтоженъ послѣ подписанія утвержденной грамоты. Михаилъ царствовалъ.

Іюля 11-го, въ тотъ день, когда Михаилу совершилось ровно семнадцать лѣтъ, совершено было его коронованіе.

Народъ ликовалъ, взирая на царя юнаго, видя обновленіе древняго царскаго велѣнія. „Самъ Богъ предъизбралъ и помазалъ его на царство въ чревѣ матери!—говорилъ народъ.—Не даромъ ненавидѣлъ и гналъ родъ Романовыхъ Борисъ, по волхвованію предузнавъ о будущей славѣ его и о томъ, что роду Романовыхъ предопредѣлено царствовать въ Россіи". Пиры, милостыни, колокольный звонъ и веселье продолжались три дня.

LII. Результатъ смуты.

(Изъ «Очерковъ по исторіи смуты» С. Ѳ. Платонова).

Знакомясь съ причинами смуты, мы назвали ее послѣднимъ выраженіемъ того двусторонняго кризиса, который переживало Московское государство въ XVI вѣкѣ. Политическая сторона этого кризиса имѣла видъ борьбы между верховною властью и родовой аристократіею. Борьба привела еще до смуты къ полному разгрому княжескаго боярства и къ образованію дворцовой знати. Въ первомъ періодѣ смуты новая дворцовая знать сама истощила свои силы въ борьбѣ за престолъ и стала жертвою внутренняго междоусобія. Паденіе виднѣйшихъ семей дворцоваго круга дало возможность остаткамъ родовой знати съ Шуйскими во главѣ снова стать у власти съ явною реакціонною программою. Но несочувствіе общества и рядъ возстаній ниспровергли олигархическое правительство княжатъ. Тогда, въ видѣ компромисса между родовою знатью и знатью позднѣйшей формаціи, созданъ былъ проектъ уніи съ Рѣчью Посполитой, по которому власть должна была принадлежать думѣ подъ главенствомъ государя изъ дома Вазы. Но этотъ проектъ повелъ къ полному паденію боярскаго правительственнаго класса. Раздавленное Сигизмундомъ и его „вѣрниками", боярство больше не поднималось, и новая династія XVII вѣка, по своему усмотрѣнію, искусственно и безъ внѣшнихъ стѣсненій, могла образовать свой собственный правительственный классъ на почвѣ бюрократической выслуги и дворцоваго фаворитизма. Это было одно изъ видныхъ послѣдствій смуты.

Другая сторона кризиса XVI вѣка представляла собою очень сложный процессъ борьбы за землю и рабочія руки. Правительственная практика и житейскія отношенія связывали право землевладѣнія съ правомъ на крѣпостной трудъ. Недовольство закрѣпощаемой трудовой массы выразилось, въ центрѣ и на окраинахъ государства, усиленнымъ выходомъ крѣпостныхъ на новыя земли и въ казачество. Выселеніе повело за собою попытки, со стороны власти и землевладѣльцевъ, регулировать выходъ и задерживать населеніе за владѣльцами. Но эти попытки только ссорили между собою представителей мелкаго и крупного, тарханнаго, землевладѣнія и обостряли вражду крѣпостного люда къ угнетавшему его общественному порядку. Выходя на поле и собираясь въ казачьи станицы, или же снова попадая на новой осѣдлости въ постылую зависимость, „боярскіе люди" готовы были силою дѣйствовать противъ государства. Они воспользовались движеніемъ перваго самозванца и поддержали его, а затѣмъ вторично пошли за Болотниковымъ на Москву

уже съ открытымъ желаніемъ общественнаго переворота. Оказавшись слабѣе того порядка, на который возстали, „воры" казаки и холопи понесли пораженіе отъ Шуйскаго; но немедля снова пришли подъ Москву съ тушинскимъ воромъ. Новая неудача заставила ихъ стать подъ одни знамена съ земскими людьми для борьбы съ иноземнымъ игомъ. Въ общемъ станѣ подъ Москвою имъ впервые удалось одолѣть служилыхъ людей, овладѣть правительственнымъ положеніемъ и стать властью въ странѣ. Но это самое торжество „воровъ" вызвало дружный отпоръ земщины, начавшей немедля прямую войну съ казаками и побѣдившей ихъ. Стѣсненные Пожарскимъ, подмосковные казаки раздѣлились: часть ихъ вступила на земскую службу въ прямое подчиненіе земской власти, а часть ушла изъ государства. Ея предводитель Заруцкій мечталъ объ основаніи своего государства на Каспіѣ, завелъ сношенія съ кочевниками и съ Персіей, думалъ организовать казачество на Полѣ, на казачьихъ рѣкахъ. Но десятилѣтняя борьба казачества съ государствомъ уже всѣмъ показала, что казакамъ съ нимъ не сладить. Хорошій наблюдатель событій (иностранецъ) И. Масса, въ августѣ 1614 года, писалъ на родину о Заруцкомъ: „я твердо увѣренъ, что ранѣе двухъ мѣсяцевъ будетъ ему конецъ". Побѣду М. Ѳ. Романова надъ казаками Масса называлъ „одною изъ главнѣйшихъ побѣдъ царя". Такъ думали всѣ. Донское казачество не пристало къ Заруцкому; оно предпочло мирныя сношенія съ Москвою новымъ рискованнымъ предпріятіямъ противъ Москвы, и у государства съ казачествомъ понемногу установился своеобразный порядокъ отношеній, не то прямого подданства, не то политическаго протектората. Въ этомъ заключалось важное послѣдствіе земскихъ побѣдъ 1612 года.

Итакъ, въ смутѣ уничтожилось старое боярство и было поражено казачество. Верхъ и низъ московскаго общества проиграли игру, а выиграли ее средніе общественные слои. Ихъ ополченіе овладѣло Москвою; ихъ „начальники" правили страною до царскаго избранія; ими же, наконецъ, былъ избранъ царь Михаилъ. Передъ смутою и въ ея началѣ еще жива была память о боярахъ „государяхъ" Русской земли, которые шли отъ „великихъ и удѣльныхъ князей" и посужались только „великимъ государемъ" московскимъ. Они были господствующимъ классомъ въ обществѣ и сообщали обществу аристократическій оттѣнокъ. Съ ними боролся Грозный. Онъ разгромилъ ихъ, но не могъ истребить ихъ памяти, и новая, созданная Грознымъ знать тянулась подражать во всемъ, кромѣ политическихъ тенденцій, тѣмъ же „государямъ". Она усвоила формы ихъ княжескаго землевладѣльческаго быта и готова была унаслѣдовать ихъ гордость и заботливость объ „отечествѣ" и „чести". Смута смела всѣ эти аристократическіе пережитки и выдвинула впередъ простого дворянина и „лучшаго" посадскаго человѣка. Они стали дѣйствительно силою въ обществѣ на мѣсто разбитаго боярства. Произошла, словомъ, смѣна господствующаго класса, и исчезли послѣдніе остатки стараго соціальнаго режима.

Такъ опредѣляется основной фактъ нашей общественной исторіи начала XVII вѣка. Въ немъ находитъ свое объясненіе внутренняя политика новой династіи въ первое время послѣ смуты. Созданная средними слоями населенія на ихъ земскомъ соборѣ и даже въ отсутствіи бояръ седмочисленной думы, новая династія была тѣсно связана съ избравшею ее средою и дѣйствовала съ ея постоянною поддержкой. Царь и земскій соборъ составляли единое и вполнѣ согласное правительство, главною

заботой котораго было поддержать и укрѣпить возстановленный государственный порядокъ. Обѣ силы дорожили одна другою: соборъ былъ единственною опорою власти, дѣйствовавшей въ разстроенномъ государствѣ, а царь былъ внѣшнимъ символомъ народной независимости и порядка. Не соборъ стремился раздѣлить съ властью ея прерогативы, а царь желалъ раздѣлить съ соборомъ тяжелое бремя управленія и отвѣтственность за возможныя неудачи. Къ полной солидарности власть и ея совѣтъ приводились сознаніемъ общей пользы и взаимной зависимости. Поэтому политика правительства царя Михаила совпадала съ стремленіями земскаго собора, служившаго органомъ господствовавшихъ въ странѣ классовъ. Она была холодна къ интересамъ старой родословной знати. Даже Пожарскій, клонившій свои симпатіи къ этой знати, не былъ, несмотря на свои исключительныя заслуги, хорошо поставленъ въ Кремлевскомъ дворцѣ: его выдали головою Борису Салтыкову всего черезъ годъ послѣ освобожденія имъ Москвы. А перворазрядныя княжескія фамиліи изъ уцѣлѣвшихъ послѣ смуты, напримѣръ, Голицыны и Куракины, до конца XVII вѣка сошли съ перваго плана придворной жизни. Гораздо внимательнѣе относилась новая династія къ простому служилому классу. Его землевладѣніе было одною изъ самыхъ большихъ заботъ правительства. Уже 5-го іюня 1613 года новый царь слушалъ указы Ивана Грознаго объ ограниченіи права распоряженія вотчинами и возстановилъ ихъ силу: „впередъ бояромъ и дьякомъ Помѣстнаго приказу велѣлъ о княженецкихъ и о монастырскихъ вотчинахъ дѣлати по прежнему указу царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи". Такимъ образомъ, на земельныя операціи тарханныхъ владѣльцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ, правительство попрежнему налагало свою руку. Простымъ же служилымъ людямъ въ ихъ хозяйственной нуждѣ правительство шло навстрѣчу. Оно устраивало ихъ на помѣстьяхъ и, по ихъ челобитьямъ, крѣпило за ними крестьянъ, обѣщая полную отмѣну знаменитыхъ „урочныхъ лѣтъ". Крѣпостной трудъ, безъ котораго не умѣли жить землевладѣльцы, правительство признавало, какъ и они, непремѣннымъ условіемъ земельнаго хозяйства служилаго человѣка. Въ жертву потребностямъ этого хозяйства и приносилась гражданская независимость сельскаго работника. Зато въ другихъ своихъ слояхъ, на земляхъ черныхъ и дворцовыхъ, тяглое сословіе „торговыхъ", „посадскихъ" и „уѣздныхъ" людей пользовалось большимъ правительственнымъ вниманіемъ. Правительство не разъ высказывало свое пожеланіе, чтобы всѣ эти люди отъ бѣдъ и скорбей своихъ „поразживались". Всѣми подобными мѣропріятіями, взглядами, пожеланіями правительство въ сущности давало отвѣтъ на то, что говорили ему его избиратели въ своихъ челобитьяхъ и въ рѣчахъ на земскихъ соборахъ.

Но были и такія послѣдствія смуты, которыя осложняли положеніе новаго правительства и мѣшали ему работать согласно съ желаніями его подданныхъ. Это—политическія отношенія московскаго государства къ его сосѣдямъ, образованныя неудачами смутнаго времени. Нельзя было оставлять за шведами Новгородъ, за Сигизмундомъ Смоленскъ, за Владиславомъ титулъ государя московскаго. Неизбѣжныя войны требовали большой траты силъ и денегъ. Служба ложилась тяжело на служилыхъ людей, и они роптали на ея напряженность и неравномѣрное распредѣленіе служебныхъ тяготъ между отдѣльными служилыми людьми. Платежи истощали послѣднія средства тяглыхъ міровъ, и тяглые люди роптали на тяжесть тягла, на неравномѣрное распредѣленіе податного

бремени, наконецъ, на угнетающую конкурренцію иностранныхъ капиталовъ, допущенныхъ на московскіе рынки правительствомъ. Выходило такъ, что, будучи вѣрно серединнымъ слоямъ населенія, которые его избрали и поддерживали, московское правительство все-таки не удовлетворяло ихъ и вызывало откровенныя жалобы на тягость жизни и на его собственную дѣятельность. Когда при царѣ Алексѣѣ отъ жалобъ народная масса перешла кое-гдѣ къ открытому ропоту и волненіямъ, правительство поставило земскому собору 1648 года общій вопросъ объ улучшеніи житейскихъ условій путемъ упорядоченія законодательства. На земскомъ соборѣ и сказалось еще разъ, кому въ то время въ государствѣ принадлежало преобладаніе силы и вліянія. Не казачество и „боярскіе люди", не старая знать, не тарханные землевладѣльцы изъ духовенства и высшаго чиновничества, а опять-таки средніе слои общества, сильные соборною организаціею, дали направленіе общественнымъ реформамъ уложенія 1648—1649 гг. Насколько это уложеніе вышло за предѣлы простой кодификаціи, настолько оно было работою земскихъ представителей служилаго и тяглаго класса. Служилые люди добились уничтоженія урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ, запрещенія духовенству пріобрѣтать вотчины, уничтоженія судебныхъ льготъ духовенства. Тяглые люди достигли закрытія посадовъ, возвращенія въ тягло закладчиковъ, конфискаціи частновладѣльческихъ слободъ на городскихъ земляхъ, уничтоженія иностраннаго торга внутри страны. Право челобитій сослужило добрую службу тѣмъ, кто умѣлъ имъ во-время воспользоваться.

Въ 1648—49 годахъ, стало быть, мы видимъ такое же торжество середины московскаго общества надъ его верхомъ и низомъ, какъ и въ 1613 году. Но времена за 35 лѣтъ перемѣнились. Если низшіе слои населенія попрежнему не могли, даже и позже, въ разинское время, низвергнуть крѣпостной порядокъ, то въ высшихъ слояхъ общества къ серединѣ XVII вѣка успѣла окрѣпнуть новая сила—знать дворца и приказа. Она оцѣнила значеніе событій, совершившихся на земскомъ соборѣ 1648 года и настоящій характеръ реформъ уложенія. Организація общественной середины на земскихъ соборахъ ей казалась опасною для правительственнаго авторитета, и она старалась упразднить эту организацію. Не даромъ Никонъ, соединявшій въ себѣ авторитетъ пастыря съ вліяніемъ временщика, писалъ о соборѣ 1648 года, что онъ „былъ не по воли, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей". Со вступленіемъ Никона въ соправительство съ царемъ, земскіе соборы исчезли изъ Московскаго обихода. Напрасно московскіе горожане въ 1662—1663 годахъ, когда отъ нихъ требовалось мнѣніе объ общемъ земскомъ дѣлѣ, просили о созваніи земскаго собора и говорили такія рѣчи: „о томъ у великаго государя милости просимъ, чтобъ пожаловалъ великій государь, указалъ для того дѣла взять изъ всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей по пяти человѣкъ; а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить не возможно". Государь на это ничего не указалъ.

Опиравшаяся до тѣхъ поръ на средніе классы общества и ими даже созданная власть искала для себя иной опоры.

ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА.

LIII. Состояніе государства въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича.

(*Изъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова*).

Мало въ исторіи найдется примѣровъ, когда бы новый государь вступилъ на престолъ при такихъ крайне печальныхъ обстоятельствахъ, при какихъ избранъ былъ шестнадцатилѣтній Михаилъ Ѳедоровичъ. Съ двумя государствами, Польшею и Швеціею, не окончена была война. Оба эти государства владѣли окраинами Московской державы и выставляли двухъ претендентовъ на московскій престолъ, двухъ соперниковъ новоизбранному царю. Третьяго соперника ему провозглашала казацкая вольница въ Астрахани въ особѣ малолѣтняго сына Марины, и Заруцкій во имя его затѣвалъ двинуть турокъ и татаръ на окончательное разореніе Московскаго государства. Внутри государства многіе города были сожжены до тла, и самая Москва находилась въ развалинахъ. Повсюду бродили шайки подъ названіемъ казаковъ, грабили, сожигали жилища, убивали и мучили жителей. Внутреннія области сильно обезлюдѣли. Поселяне еще въ прошломъ году не могли убрать хлѣба и умирали отъ голода. Повсюду господствовала крайняя нищета, въ казнѣ не было денегъ и трудно было собрать ихъ съ разоренныхъ подданныхъ. Одна бѣда вела за собою другія; но величайшая бѣда состояла въ томъ, что московскіе люди, по мѣткому выраженію матери царя, „измалодушествовались". Всякій думалъ только о себѣ, мало было чувства чести и законности. Всѣ лица, которымъ повѣрялось управленіе и правосудіе, были склонны для своихъ выгодъ грабить и утѣснять подчиненныхъ не лучше казаковъ, наживаться на счетъ крови бѣднаго народа, вытягивать изъ него послѣдніе соки, зажиливать общественное достояніе въ то время, когда необходимо было для спасенія отечества крайнее самопожертвованіе Молодого царя тотчасъ окружили кривые и корыстолюбивые люди, которые старались захватить себѣ какъ можно болѣе земель и присвоивали даже государевы дворцовыя села. Въ особенности родственники его матери, Салтыковы, стали играть тогда первую роль и сдѣлались первыми совѣтниками царя, между тѣмъ какъ лучшіе, наиболѣе честные, дѣятели смут-

наго времени оставались въ тѣни заурядъ съ другими. Кн. Пожарскій, за нежеланіе объявлять боярство новопожалованному боярину Борису Салтыкову, выданъ былъ ему головою. Близъ молодого царя не было людей, отличавшихся умомъ и энергіей. Прежняя печальная исторія русскаго общества приносила горькіе плоды. Мучительства Грознаго, коварное правленіе Бориса, наконецъ смуты и полное разстройство всѣхъ государственныхъ связей выработали поколѣніе жалкое, мелкое, поколѣніе тупыхъ и узкихъ людей, которые мало способны были стать выше повседневныхъ интересовъ. При новомъ шестнадцатилѣтнемъ царѣ не явилось ни Сильвестра, ни Адашева прежнихъ временъ. Самъ Михаилъ былъ отъ природы добраго, но, кажется, меланхолическаго нрава, не одаренъ блестящими способностями, но не лишенъ ума; зато не получилъ никакого воспитанія и, какъ говорятъ, вступивши на престолъ, едва умѣлъ читать.

Въ высшей степени знаменательно сужденіе одного голландца о тогдашнемъ состояніи Россіи: „Царь ихъ подобенъ солнцу, котораго часть покрыта облаками, такъ что земля Московская не можетъ получить ни теплоты, ни свѣта... Всѣ приближенные царя—несвѣдущіе юноши; ловкіе и дѣловые приказные—алчные волки, всѣ безъ различія грабятъ и разоряютъ народъ. Никто не доводитъ правды до царя; къ царю нѣтъ доступа безъ большихъ издержекъ; прошенія нельзя подать въ приказъ безъ огромныхъ денегъ, и тогда еще неизвѣстно, чѣмъ кончится дѣло; будетъ ли оно задержано или пущено въ ходъ“. Смутное время, однако, сдѣлало большую перемѣну въ строѣ государственнаго правленія противъ прежнихъ временъ: оно выдвинуло значеніе собора всей земли Русской. Во все свое царствованіе, а въ первыхъ годахъ въ особенности, царь Михаилъ въ важныхъ дѣлахъ собиралъ земскую думу изъ выборныхъ всей земли и вообще во всѣхъ дѣлахъ дѣйствовалъ заодно съ боярскимъ приговоромъ, какъ и значится въ законодательныхъ актахъ того времени. Это объясняется новостью династіи и тѣмъ, что Михаилъ былъ посаженъ на царство волею собора; при смутныхъ обстоятельствахъ онъ долженъ былъ, для собственной безопасности, опираться на волю земли. Участіе земскихъ соборовъ въ правленіи не могло остановить лихоимства, неправосудія и всякаго рода насилій, дозволяемыхъ себѣ воеводами и вообще начальными людьми, потому что, какъ бы ихъ не смѣщали, кѣмъ бы ихъ не замѣняли, все-таки неизбѣжно происходили одни и тѣ же явленія, коренившіяся во всеобщей порчѣ нравовъ. Поэтому-то Масса, голландецъ, чужой человѣкъ, наблюдавшій и близко знавшій русскую жизнь, говоря о началѣ царствованія Михаила, выразился такъ: „Надѣюсь, что Богъ откроетъ глаза юному царю, какъ то было съ прежнимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, ибо такой царь нуженъ Россіи, иначе она пропадетъ, народъ этотъ благоденствуетъ только подъ дланью своего владыки, и только въ рабствѣ онъ богатъ и счастливъ“. Первою заботою новаго правительства былъ сборъ казны. Это было естественно, потому что какъ только новый царь вступилъ на престолъ, такъ къ нему обратились всякихъ чиновъ служилые люди, представляли, что они проливали кровь свою за государство, терпѣли всякую нужду и страданія, а между тѣмъ ихъ помѣстья и вотчины запустѣли, разорены, не даютъ никакихъ доходовъ; недостаетъ имъ ни платья, ни вооруженія. Они просили денегъ, хлѣба, соли, суконъ и безъ обиняковъ прибавляли, что если имъ царскаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья не будетъ, то они отъ бѣдности станутъ грабить, воровать, разбивать проѣзжихъ по дорогамъ,

убивать людей, и не будетъ никакой возможности ихъ унять. Царь и соборъ разослали повсюду грамоты, приказывали собирать скорѣе и точнѣе подати и всякіе доходы, слѣдуемые въ казну, сверхъ того умоляли всѣхъ людей въ городахъ, монастыряхъ давать въ казну взаймы все, кто что можетъ дать: денегъ, хлѣба, суконъ и всякихъ запасовъ. Приводилось въ худой примѣръ то, что московскіе гости и торговые люди въ прошлые годы пожалѣли дать ратнымъ людямъ денегъ на жалованье и черезъ то потерпѣли страшное разореніе отъ поляковъ. Такія грамоты посылались преимущественно въ сѣверо-восточный край, менѣе другихъ пострадавшій, и въ особенности къ богатымъ Строгановымъ, оказавшимъ важное пособіе Пожарскому и Минину. То, что поступало въ казну, оказывалось недостаточнымъ. А между тѣмъ нужно было много чрезвычайныхъ усилій для поддержанія порядка и огражденія государства, котораго части съ трудомъ подчинялись единству власти. Понадобилось нѣсколько лѣтъ, чтобы расправиться съ Заруцкимъ и съ буйными казацкими шайками, бродившими по Россіи. Въ 1614 году правительство снова просило денегъ и должно было бороться со всякаго рода сопротивленіемъ. Дворяне и дѣти боярскія бѣгали со службы; ихъ принуждены были ловить и въ наказаніе отбирать треть имущества на государя. Иные пристали къ казакамъ. Посадскіе люди не платили положенныхъ на нихъ податей по 175 руб съ сохи и другихъ поборовъ, тѣмъ болѣе, что сборщики и воеводы наблюдали при этомъ свои противозаконныя выгоды. Но въ то время, когда тяглыхъ, посадскихъ и волостныхъ людей доводили до ожесточенія сборами и правежами, монастыри одинъ за другимъ выпрашивали для себя и своихъ имѣній льготы, жаловались на разореніе и дѣйствовали въ этомъ случаѣ черезъ посредство богомольной матери государя, которая тогда записывала имъ и вотчины.

Такъ 1614—1615 годы проходили въ усиленной борьбѣ съ внутреннимъ неустройствомъ. На юго-востокѣ въ іюнѣ 1614 г, порѣшили съ Заруцкимъ. Но множество другихъ казацкихъ шаекъ продолжало разорять государство почти во всѣхъ его предѣлахъ подъ начальствомъ полковника Яська Баловня. Между тѣмъ въ Сѣверской странѣ началъ свирѣпствовать Лисовскій съ нѣсколькими тысячами разнаго сброда, носившими общее названіе лисовчиковъ. Русская земля, пострадавшая и обѣднѣвшая въ смутное время, потерпѣла новое разореніе отъ разбойниковъ Лисовскаго, а между тѣмъ угрожающее положеніе со стороны Швеціи и Польши требовало увеличенія ратныхъ силъ и, вслѣдствіе этого, умноженія денежныхъ средствъ. Сдѣланы были распоряженія о новыхъ поборахъ. Строгановы обѣщали давать деньги въ казну, и съ ихъ приказчиковъ велѣно было взять 13.810 рублей. Положено было брать во всѣхъ городахъ со двора по гривнѣ, а съ уѣздовъ всѣхъ волостей—съ сохи по 120 рублей; но когда дѣло дошло до сбора, то въ разныхъ мѣстахъ опять началось сопротивленіе. Воеводы должны были употреблять на ослушниковъ ратныхъ людей, но въ то же время сами воеводы, сборщики и разные приказные люди, пріѣзжавшіе для царскихъ дѣлъ, брали прежде всего съ народа для себя то, чего имъ не слѣдовало брать. отягощали жителей кормами (сборомъ продовольствія) въ свою пользу, а потомъ уже правили съ низшихъ посадскихъ и крестьянъ государственныя подати. Многихъ забивали и замучивали до смерти на правежахъ и доносили въ Москву, что нечего взять. Посадскіе изъ городовъ посылали челобитчиковъ жаловаться на утѣсненія въ Москву, но это стоило также лишнихъ денегъ. Въ Москвѣ, въ приказахъ съ челобитчиковъ

брали взятки, да и сами челобитчики, пріѣзжавшіе въ столицу отъ своихъ обществъ, присваивали себѣ порученныя имъ мірскія деньги. Тогда правительство думало усилить свои доходы продажею напитковъ, приказывало вездѣ строить кабаки, курить вино, запрещало служилымъ и посадскимъ держать напитки для продажи. И это средство не могло принести много пользы: для того, чтобы пить, нуженъ былъ достатокъ; тѣ же, которые пропивали послѣднюю деньгу, могли доставить только ничтожный доходъ казнѣ и зато менѣе были въ состояніи платить прямые налоги. Эти сборы были недостаточны, а служилымъ надобно было платить, и дѣти боярскія, вытребованныя на службу, роптали, что не получаютъ жалованья, и разбѣгались. Въ это время правительство старалось умножить и усилить въ войскѣ отдѣлъ стрѣльцовъ, какъ болѣе организованное войско; на нихъ тогда полагались всѣ надежды, и потому по городамъ приказано было набирать въ стрѣльцы охочихъ вольныхъ людей, умѣющихъ стрѣлять.

Правительство, не въ силахъ будучи сладить съ поборами, созвало въ 1616 году земскій соборъ. Приказано было выбрать лучшихъ уѣздныхъ, посадскихъ и волостныхъ людей для „великаго государева земскаго дѣла на совѣтъ". Этотъ соборъ постановилъ всемірный приговоръ: собрать со всѣхъ торговыхъ людей пятую деньгу съ имущества, непремѣнно деньгами, а не товарами, а съ уѣздовъ по 120 рублей съ сохи. Со Строгановыхъ, по разсчету, приходилось взять 16.000 рублей, но, кромѣ того, соборъ наложилъ на нихъ еще 40.000. „Не пожалѣйте своихъ животовъ,—писалъ къ Строгановымъ царь,—хоть и себя приведете въ скудость. Разсудите сами: если отъ польскихъ и литовскихъ людей будетъ конечное разореніе Россійскому государству, нашей истинной вѣрѣ, то въ тѣ поры и у васъ, и у всѣхъ православныхъ христіанъ животовъ и домовъ совсѣмъ не будетъ".

LIV. Власть Михаила Ѳедоровича и характеръ правительственной среды въ первые годы его царствованія.

(По «Лекціямъ» и ст. С. Ѳ. Платонова: «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ» («Журналъ Мин. Нар. Пр». 1906 г.) и «Курсу русской исторіи» проф. Ключевскаго).

При опредѣленіи характера власти, какой былъ надѣленъ при избраніи на престолъ первый представитель новой династіи, ученые не пришли пока ни къ какому соглашенію. Одни признаютъ, что власть новаго государя была ограничена и даже формально, другіе это отрицаютъ, но никто изъ нихъ до сихъ поръ не можетъ привести въ подтвержденіе своего мнѣнія достаточно убѣдительныя доказательства. Объясняется это тѣмъ, что послѣднихъ вовсе не существуетъ. О дѣятельности избирательнаго собора сохранился лишь одинъ офиціальный документъ, — утвержденная грамота объ избраніи М. Ѳ. Романова,—изъ котораго совершенно не видны обстоятельства, предшествовавшія избранію и сопровождавшія его; въ немъ говорится лишь о голомъ фактѣ избранія, но нѣтъ ни слова о томъ, былъ ли при этомъ ограниченъ государь или нѣтъ. Зато до насъ дошло нѣсколько частныхъ извѣстій, свидѣтельствующихъ объ ограниченіи избраннаго царя. Вотъ эти извѣстія.

Въ одномъ псковскомъ сказаніи („Полн. Собр. Русск. Лѣтописей", V, стр. 55 и слѣд.), вышедшемъ, по мнѣнію проф. Платонова, изъ низшихъ слоевъ псковскаго общества, разсказывается, что при новомъ государѣ „подъ нимъ правила и поддерживала царство" его мать „со своимъ родомъ", такъ какъ „бѣ же царь младъ... и не бѣ ему толика разума, еже управляти землею". Но „владущіе" бояре снова стали насиловать православныхъ, а „царя ни во что же вмѣниша и не боящеся его, понеже дѣтескъ сый". Они рѣшились даже обмануть его — „царя лестію уловиша: первіе егда его на царство посадиша и къ ротѣ (присягѣ) приведоша, еже отъ ихъ вельможеска роду и болярска, аще и вина будетъ преступленію ихъ, не казнити ихъ, но разсылати въ затоки" [1]). Такъ „окаянные" умыслили... „Если вѣрить этому сказанію,—говоритъ проф. Платоновъ,—то можно подумать, что при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ воскресло одно изъ боярскихъ ограниченій царя Шуйскаго, и получается такая картина: Михаилъ ограниченъ боярами, которые его обманываютъ, и только царица Марѳа съ родней его поддерживаютъ. А между тѣмъ даже псковскій сказатель, повѣствуя объ интересахъ Салтыковыхъ, родни царицы Марѳы, ставитъ ихъ рядомъ съ „владущими" и говоритъ, что Салтыковы избавились отъ казни, благодаря родству съ царемъ: сразу два противорѣчія. Врядъ ли по этому можно предположить, что у сказателя-провинціала было ясное и связное представленіе о московскихъ отношеніяхъ и происшествіяхъ".

Другое извѣстіе заключается въ сочиненіи „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича", написанномъ извѣстнымъ русскимъ эмигрантомъ Гр. Котошихинымъ, бѣжавшимъ изъ Россіи при царѣ Алексѣѣ сначала въ Польшу, затѣмъ въ Пруссію и, наконецъ, поселившимся въ Швеціи. Говоря о воцареніи Алексѣя Михайловича, онъ замѣчаетъ, что этотъ государь, такъ какъ казался кротокъ и тихъ, „письма на себя не далъ никакого", тогда какъ отецъ его Михаилъ Ѳеодоровичъ, „хотя самодержцемъ писался, однако, безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлать ничего". При этомъ Котошихинъ прибавляетъ, что и всѣ вообще цари русскіе послѣ Ивана Грознаго „обязаны" были на царство съ ограниченіемъ своей власти: „на нихъ были писаны письма, что имъ быть не жестокимъ и непальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнити ни за что и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ думными людьми сопча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати". Но это показаніе не достовѣрное историческое свидѣтельство, а только мнѣніе общества и притомъ мнѣніе, въ которомъ есть несомнѣнная ошибка: не всѣ цари послѣ Ивана Грознаго были ограничены — Борисъ, какъ извѣстно, былъ настоящимъ самодержцемъ. Кромѣ того, это извѣстіе, по справедливому замѣчанію проф. Платонова, „какъ по своей неопредѣленности вообще, такъ и потому, что объ ограниченіяхъ собственно Михаила Ѳеодоровича въ немъ ничего фактическаго не говорится, также можетъ быть заподозрѣно".

Еще свидѣтельства объ ограниченіи Михаила находятся въ сочиненіяхъ иностранцевъ: Фоккеродта, писавшаго о Россіи при Петрѣ Великомъ, и у Страленберга, издавшаго свою книгу въ 1730 г. Оба они записали, вѣроятно, тѣ слухи, какіе ходили по этому поводу въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Первый говоритъ, что царь долженъ былъ присягнуть на томъ, чтобы судъ держать по старинѣ, никого собствен-

[1]) Интересно отмѣтить, что судьба казненнаго Шеина наглядно опровергаетъ это утвержденіе.

ною властью не судить и безъ согласія собора не вводить новыхъ законовъ и налоговъ, не объявлять войны и не заключать мира. Второй просто замѣчаетъ, что Михаилъ былъ ограниченъ, но не указываетъ, какимъ учрежденіемъ. Оба эти извѣстія, опять-таки, не могутъ считаться достовѣрными: Фоккеродтъ, очевидно, смѣшиваетъ думу съ соборомъ, Страленбергъ вообще не отличается правдивостью: въ его книгѣ есть не мало курьезовъ и несообразностей.

Послѣднее извѣстіе принадлежитъ Татищеву. Въ запискѣ, составленной по дѣлу верховниковъ въ 1730 г., онъ свидѣтельствуетъ, что, хотя Михаилъ былъ избранъ на престолъ „порядочно всенародно" (на соборѣ), однако, и съ него была взята такая же запись, какъ съ царя Шуйскаго. И Татищеву можно было бы вѣрить, такъ какъ онъ не разъ имѣлъ подъ руками такіе источники, какихъ до насъ не дошло. Но онъ самъ подрываетъ свое показаніе, когда, разбирая въ другомъ сочиненіи извѣстіе объ ограниченіи Михаила, сообщаемое Страленбергомъ, рѣшительно заявляетъ, что онъ не знаетъ объ этомъ ограниченіи никакихъ ни письменныхъ, ни устныхъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ, ни одно изъ указанныхъ нами извѣстій, взятое отдѣльно, не является безусловно достовѣрнымъ. Но всѣ они вмѣстѣ невольно приводятъ къ мысли, что въ самомъ дѣлѣ, вѣроятно, было то, о чемъ они толкуютъ такъ неопредѣленно и сбивчиво. Иначе совершенно непонятно, почему вѣрятъ ограниченію Михаила и современники его (авторъ псковскаго сказанія), и люди второй половины XVII в. (Котошихинъ), и люди начала XVIII в., отъ которыхъ заимствовали свои показанія Фоккеродтъ и Страленбергъ. На этой именно точкѣ зрѣнія стоитъ проф. Ключевскій. Хотя,—говоритъ онъ,—„подкрестная запись Михаила неизвѣстна, и обязательствъ, имъ принятыхъ, въ тогдашнихъ офиціальныхъ документахъ незамѣтно", тѣмъ не менѣе „преданіе объ этомъ пошло отъ современниковъ Михаила и держалось долѣе столѣтія". И для этого факта проф. Ключевскій предлагаетъ въ своемъ „Курсѣ русской исторіи" слѣдующее объясненіе. „Наиболѣе довѣрія внушаетъ псковская повѣсть, передающая дѣло въ томъ видѣ, когда носившіеся слухи еще не успѣли разростись въ сказаніе, въ политическую легенду. Въ первыя пять лѣтъ царствованія Михаила, до возвращенія его отца изъ польскаго плѣна, при дворѣ всѣмъ ворочала родня Романовыхъ, Салтыковы, Черкасскіе, Сицкіе, Лыковы, Шереметевы. Но были еще цѣлы большіе бояре Голицыны, Куракинъ, Воротынскій, навязавшіе крестоцѣловальную запись своему собрату царю Василію Шуйскому и потомъ съ Мстиславскимъ во главѣ признавшіе королевича Владислава. Они были не безопасны для стороны Романовыхъ, могли затѣять новую смуту, если бы съ ними не подѣлились добычей. Да и для сторонниковъ Михаила власть, случайно или нечисто добытая, была костью, изъ-за которой они при случаѣ готовы были перегрызться. Общимъ интересомъ обѣихъ сторонъ было оградить себя отъ повторенія испытанныхъ уже непріятностей, когда царь или временщикъ его именемъ расправлялся съ боярами, какъ съ холопами. Такъ за кулисами земскаго собора состоялась негласная придворная сдѣлка, подобная той, какая была разбита Годуновымъ и удалась при Шуйскомъ. Эта сдѣлка прежде всего была направлена къ обезпеченію личной безопасности боярства отъ царскаго произвола. Ничего не стоило связать слабодушнаго Михаила подобными клятвенными обязательствами, особенно при содѣйствіи его матери, инокини Мароы, своенравной интриганки, державшей сына въ крѣпкихъ рукахъ. Трудно только рѣшить, была ли

при этомъ взята съ Михаила присяжная запись: повѣсть умалчиваетъ о записи, говоря только о присягѣ. Первые годы Михаилова правленія оправдываютъ мысль о такой сдѣлкѣ. Тогда видѣли и разсказывали, какъ своевольничали въ странѣ правящіе люди, „гнушаясь" своимъ государемъ, вынужденнымъ смотрѣть сквозь пальцы на дѣянія своихъ приближенныхъ. Можно понять и то, почему не была обнародована присяжная запись царя, если только она существовала. Со времени В. Шуйскаго въ выборномъ царѣ съ ограниченной властью видѣли партійнаго государя, орудіе боярской олигархіи. Теперь, передъ лицомъ земскаго собора, особенно неловко было выносить на свѣтъ подобный слишкомъ партійный актъ. Негласное ограниченіе власти, какое бы оно ни было, разумѣется, не помѣшало Михаилу удержать титулъ *самодержца* и даже впервые изобразить его на новой царской печати, имъ заказанной".

Такимъ образомъ, признавая вполнѣ достовѣрность вышеуказанныхъ свидѣтельствъ, проф. Ключевскій признаетъ, что власть Михаила была ограничена боярами. Но нѣкоторые ученые вышли за предѣлы этихъ извѣстій и поставили вопросъ, не былъ ли молодой царь такъ или иначе еще ограниченъ и земскимъ соборомъ, который, какъ извѣстно, сдѣлался постояннымъ органомъ государственнаго управленія въ первое десятилѣтіе царствованія Михаила. Останавливается на этомъ вопросѣ и проф. Ключевскій, представляющій себѣ роль земскаго собора при Михаилѣ въ слѣдующемъ видѣ:

„Высшимъ правительственнымъ органомъ втихомолку стакнувшагося правящаго круга,—говоритъ онъ,—служила Боярская дума. Но въ царствованіе Михаила эта дума не была единственнымъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ при царѣ: рядомъ съ нею часто является другой высшій правительственный органъ, земскій соборъ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ онъ измѣнился въ своемъ составѣ, сталъ настоящимъ представительнымъ собраніемъ. Царствованіе Михаила было временемъ усиленной работы правительства совмѣстно съ земскимъ соборомъ. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не собирались такъ часто выборные отъ всѣхъ чиновъ людей Московскаго государства. Едва не каждый важный вопросъ внѣшней и внутренней политики заставлялъ правительство обращаться къ содѣйствію земли. По документамъ извѣстно за время царствованія Михаила до 10 созывовъ земскаго собора. Что еще важнѣе, земскій соборъ въ это время является съ компетенціей болѣе широкой, какой онъ не имѣлъ прежде и какой ему не давалъ даже договоръ Салтыкова. Теперь земскій соборъ разсматриваетъ такія дѣла, которыя прежде вѣдала только Боярская дума, текущія дѣла государственнаго управленія, напримѣръ, вопросы о налогахъ, которые, по договору Салтыкова, рѣшалъ царь съ думой. Значитъ, соборъ прямо входилъ въ кругъ дѣлъ Боярской думы. Но къ царю съ первыхъ минутъ по его избраніи соборъ сталъ въ особое отношеніе. Какъ временное правительство, онъ съ боярами во главѣ, до пріѣзда новоизбраннаго царя въ Москву, распоряжается всѣмъ въ государствѣ. Однако, не онъ предписываетъ условія своему избраннику, а наоборотъ. Въ переговорахъ со стороны царя, точнѣе—его руководителей, все настойчивѣе звучитъ повелительная нота: „учинились мы царемъ по вашему прошенію, а не своимъ хотѣньемъ, выбрали насъ, государя, всѣмъ государствомъ, крестъ намъ цѣловали вы своею волею, обѣщались служить и прямить намъ и быть въ соединеніи, а теперь вездѣ грабежи и убійства, разные непорядки, о которыхъ намъ докучаютъ; такъ вы эти докуки отъ насъ отведите и все приведите въ по-

рядокъ". И это говорилось соборнымъ посламъ иногда „съ большимъ гнѣвомъ и слезами". Сами просили меня на царство, такъ и давайте мнѣ средства царствовать, а лишними хлопотами меня не обременяйте: такой тонъ данъ былъ переговорамъ. Учредительное собраніе, какимъ былъ избирательный соборъ 1613 г., по отношенію къ царю какъ-то превратилось въ исполнительное, отвѣтственное передъ тѣмъ, кому оно дало власть.

Это значеніе земскаго собора въ царствованіе Михаила позволяетъ проф. Ключевскому и окончательно опредѣлить характеръ ограниченія государя боярами. „Соображая изложенныя извѣстія, — говоритъ онъ,— можно утверждать согласно съ однимъ извѣстіемъ, что власть царя Михаила была стѣснена обязательствами, подобными тѣмъ, какія были наложены на власть царя В. Шуйскаго, т.-е. ограничена была Боярской думой. Но послѣ Смуты, когда нужно было возстановлять государственный порядокъ, дума на каждомъ шагу встрѣчала затрудненія, съ которыми не могла справиться сама, и волей-неволей должна была искать содѣйствія у земскаго собора. Прямое участіе въ правительственной дѣятельности, какое принимала земля въ Смуту, не могло прекратиться тотчасъ по ея окончаніи; царь, избранный народной волей, совѣтомъ всей земли, естественно, долженъ былъ и править при содѣйствіи народа, земскаго представительства. Если Боярская дума стѣсняла власть царя, то земскій соборъ, помогая думѣ, сдерживалъ ее самое, служилъ ей противовѣсомъ. Итакъ, подъ дѣйствіемъ политическихъ понятій и потребностей, вызванныхъ Смутой, которыя не погасали и по ея прекращеніи, власть царя получила очень сложную и условную, сдѣлочную конструкцію. Она была двойственна, даже двусмысленна и по своему происхожденію, и по составу. Дѣйствительнымъ ея источникомъ было соборное избраніе; но она выступала подъ покровомъ политической фикціи наслѣдственнаго преемства по родству. Она была связана негласнымъ договоромъ съ высшимъ правительственнымъ классомъ, который правилъ черезъ Боярскую думу, но публично, передъ народомъ, въ офиціальныхъ актахъ являлась самодержавной въ томъ неясномъ, скорѣе титулярномъ, чѣмъ юридическомъ смыслѣ, который не мѣшалъ даже В. Шуйскому въ торжественныхъ актахъ титуловаться самодержцемъ. Такимъ образомъ, власть новаго царя составлялась изъ двухъ параллельныхъ двусмыслицъ: по происхожденію она была наслѣдственно-избирательной, по составу ограниченно-самодержавной".

Съ противоположнымъ взглядомъ по вопросу объ ограниченіи Михаила выступилъ проф. Платоновъ. Въ своей статьѣ: „Московское правительство при первыхъ Романовыхъ" (въ „Журналѣ Мин. Нар. Пр." за 1906 г., № 12) онъ, во-первыхъ, вновь пересмотрѣлъ всѣ извѣстія, указывающія на ограниченіе власти Михаила, и пришелъ къ выводу, что ни одно изъ нихъ не возбуждаетъ ни малѣйшей вѣры: во-вторыхъ, изучилъ характеръ тѣхъ общественныхъ силъ, которыя могли играть роль въ моментъ избранія новаго царя и въ первые годы его правленія, и пришелъ къ заключенію, что ни одинъ общественный классъ, въ томъ числѣ и боярство, не могъ въ то время ограничить власть государя или даже попытаться сдѣлать это. Всѣ слухи о какомъ-то ограниченіи возникли отъ того, что при Михаилѣ Ѳедоровичѣ все рѣшалось „общимъ совѣтомъ" въ интересахъ и правительства и земли. Этотъ общій совѣтъ не перешелъ въ право, а породилъ смутное представленіе въ умахъ современниковъ и смутное воспоминаніе въ умахъ потомства. Что это, дѣй-

ствительно, было такъ, проф. Платоновъ и доказываетъ характеристикою тогдашней правительственной среды (см. еще ст. С. Ѳ. Платонова въ т. II „Хрестоматіи“ объ избраніи Михаила Ѳедоровича на престолъ).

„Въ моментъ царскаго избранія подъ верховенствомъ земскаго собора и начальствомъ Трубецкаго и Пожарскаго,—говоритъ онъ,—дѣйствовала въ Москвѣ обычная центральная администрація, „приказы“ и „чети“. Врядъ ли есть возможность возстановить во всѣхъ подробностяхъ ея составъ. Но можно видѣть, что въ ней соединились остатки стараго московскаго приказнаго штата, уцѣлѣвшаго отъ бѣдствій осады, съ тѣми приказными людьми, которые пришли подъ Москву въ разныхъ ополченіяхъ и въ пору московской осады сидѣли во временныхъ „приказахъ“, устроенныхъ въ осадномъ лагерѣ. Въ Москвѣ, освобожденной отъ народнаго врага, временная правительственная власть не разбирала политическаго прошлаго тѣхъ лицъ, съ которыми ей приходилось работать, и довольствовалась лишь убѣжденіемъ, что эти лица въ данное время надежны и годны. Какъ само временное правительство составилось изъ лицъ различныхъ политическихъ симпатій, служившихъ когда-то взаимно враждовавшимъ господамъ, такъ и орудія этого правительства отличались большою политическою пестротою. Нѣтъ сомнѣнія, что такая пестрота была очень удобна для новаго государя и развязывала ему руки въ дѣлѣ предстоявшаго ему правительственнаго подбора, избавляя его отъ возможности борьбы съ однороднымъ и одностороннимъ, неудобнымъ или непріятнымъ для него административнымъ составомъ.

„Новый государь оставилъ у дѣлъ всѣхъ тѣхъ, кого застало на мѣстахъ его избраніе. Не было ни одной опалы, ни одного удаленія въ пору „нареченія“ новаго монарха. Любопытно, что даже дѣлопроизводство о такъ называемыхъ „измѣнникахъ“, то-есть предавшихся Сигизмунду московскихъ людяхъ, старались какъ будто не связывать съ именемъ новаго царя и доносили ему, напримѣръ, что извѣстнаго Андронова „вершатъ по его злодѣйскимъ дѣламъ, какъ всякихъ чиновъ, и черные люди о немъ приговорятъ“: новый царь не долженъ былъ выступать съ своей санкціей въ мрачныхъ дѣлахъ смутнаго прошлаго. Но принимая отъ собора власть и съ нею извѣстный составъ правительственныхъ лицъ, государь немедля ввелъ въ него своихъ близкихъ людей. Изъ переписки Михаила Ѳедоровича съ земскимъ соборомъ и московскими боярами видно, что уже въ началѣ апрѣля въ государевѣ походѣ у государя былъ образованъ приказъ Большого дворца. Въ немъ были посажены Борисъ Михайловичъ Салтыковъ и дьяки Иванъ Болотниковъ и Богданъ Тимоѳеевъ. Изъ нихъ И. И. Болотниковъ извѣстенъ намъ, какъ членъ земскаго посольства и дѣятель ярославскаго ополченія, вѣроятно, вѣдавшій дворцовыя дѣла и во время боярскаго правительства въ Москвѣ. Салтыковъ же былъ лицомъ, что называется, своимъ у царя Михаила, по родству съ его матерью и по житейской близости: два брата Борисъ и Михаилъ Салтыковы „съ нимъ, государемъ, жили въ Ипатскомъ монастырѣ“, когда земское посольство туда явилось. Подъ руководствомъ государева пріятеля, старшаго Салтыкова, „дворецъ“ принялъ въ свое завѣдываніе дворцовыя и монастырскія села и земли и сталъ собирать съ нихъ „кормъ“ на государя и его свиту и казаковъ. Въ то же время младшій Салтыковъ, Михаилъ Михайловичъ, получилъ званіе кравчаго. Обозначались одновременно и другіе „ближніе“ люди: въ концѣ апрѣля 1613 года на стану въ селѣ Любиловѣ смотръ служилымъ людямъ производили князь Аф. Вас. Лобановъ-Ростовскій и Константинъ Ивановичъ Михалковъ. Оба они, не-

сомнѣнно, принадлежали къ довѣреннымъ лицамъ новой царской семьи. Первый изъ нихъ получилъ званіе чашника, крупную помѣстную дачу и былъ назначенъ въ завѣдующіе Стрѣлецкимъ приказомъ. Второй сдѣланъ постельничимъ и „намѣстникомъ трети московскія“, получалъ многіе знаки царской ласки, до прощенія казеннаго долга, а родъ его былъ офиціально признанъ не „обычнымъ“: бояре въ своемъ приговорѣ по одному мѣстническому дѣлу установили, что „Михалковы и у прежнихъ государей бывали ближніе люди“. Немногимъ позднѣе названныхъ явился и еще одинъ довѣренный человѣкъ—Никифоръ Васильевичъ Траханіотовъ, пожалованный 13-го іюля 1613 года въ казначеи. Трудно прослѣдить за тѣмъ, какія именно соображенія и житейскія связи повліяли на приближеніе къ молодому царю столь „обычныхъ“ лицъ, каковы въ сущности были Михалковъ да Траханіотовъ. Врядъ ли могли они причитать себя въ близкое родство съ новою династіей; скорѣе это были ея довѣренные агенты, введенные въ ряды ранѣе сформированной администраціи въ качествѣ такихъ лицъ, на которыхъ новый государь могъ вполнѣ положиться.

„Рядомъ съ довѣренными дѣльцами, Михаилъ Ѳедоровичъ выдвигалъ понемногу и свою родню вообще. Не говоря уже о царскомъ дядѣ Иванѣ Никитичѣ Романовѣ, замѣтны становятся многія лица Романовскаго круга, ранѣе затертыя въ водоворотѣ „смутныхъ лѣтъ и московскаго разоренья“. Большее значеніе, чѣмъ прежде, получаютъ теперь бояре Ѳ. И. Шереметевъ и князь Б. М. Лыковъ-Оболенскій. Первому изъ нихъ преданіе усвояетъ очень видную роль въ дѣлѣ избранія Михаила Ѳедоровича, какъ родственнику Романовыхъ, представлявшему ихъ на земскомъ соборѣ. Дѣйствительно, сверхъ общаго происхожденія отъ Ѳедора Кошки, Ѳ. И. Шереметевъ былъ близокъ Романовымъ еще и потому, что былъ женатъ на внучкѣ Никиты Романовича (Иринѣ Борисовнѣ Черкаской), двоюродной сестрѣ царя Михаила Ѳедоровича. Въ смутные годы Ѳ. И. Шереметевъ неизмѣнно тяготѣлъ къ Романовымъ и въ 1613 году былъ первымъ посломъ отъ собора къ избранному въ цари его сородичу. Князь Б. М. Лыковъ былъ женатъ на дочери Никиты Романовича (Анастасіи), родной теткѣ царя Михаила, и Романовымъ былъ несомнѣнно свой. И онъ и Шереметевъ сдѣлали свою служебную карьеру ранѣе воцаренія Романовыхъ: оба получили боярство при Разстригѣ, благоволившемъ, какъ извѣстно, Романовскому кругу; оба они служили Шуйскому и думою и мечемъ; оба были въ „семибоярщинѣ“ и оба сидѣли въ московской осадѣ. Новый государь приблизилъ ихъ къ себѣ, и въ его думѣ оба они стали одними изъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ сановниковъ. Приближенъ былъ и тотъ „племянникъ“ Романовыхъ, который во время ихъ опалы при царѣ Борисѣ былъ съ ними вмѣстѣ судимъ,—князь Иванъ Борисовичъ Черкаскій, сынъ Марѳы Никитишны, двоюродный братъ царя Михаила и шуринъ Ѳ. И. Шереметева. Онъ былъ первый, кого новый государь пожаловалъ изъ стольниковъ въ бояре: въ день вѣнчанія Михаила на царство, 11-го іюля 1613 года, было сказано боярство по мѣстническому старшинству сначала стольнику князю И. Б. Черкаскому, затѣмъ стольнику князю Д. М. Пожарскому. Въ первые дни царствованія въ царской близости видимъ и стольника князя Ив. Ѳ. Троекурова, сына Анны Никитишны Романовой, двоюроднаго же брата государева: на пиру 11-го іюля онъ „вина наряжалъ“ вмѣстѣ съ другими „ближними“ людьми; но боярство ему было сказано только въ 1620 году, такъ какъ „отечествомъ“ Троекуровы не были велики. Близко къ государю сталъ и его шуринъ

князь И. М. Катыревъ-Ростовскій, за которымъ была замужемъ рано умершая сестра царя, Татьяна Ѳедоровна Романова. Вызванный подъ Москву боярскимъ правительствомъ 1612 года изъ Тобольска, куда онъ былъ посланъ Шуйскимъ на воеводство, Катыревъ поспѣлъ въ столицу къ царскому избранію и съ начала новаго царствованія сталъ близко ко дворцу, хотя почему-то и не былъ въ боярахъ.

„Если припомнимъ, что за этими наиболѣе замѣтными „зятьями", „племянниками" и „шурьями" Романовской семьи потянулись во дворецъ ихъ менѣе замѣтные родственники изъ князей Черкаскихъ, князей Сицкихъ, Головиныхъ, Салтыковыхъ, Морозовыхъ и другихъ, — то мы поймемъ, что расположеніе новаго государя быстро наполнило дворецъ новою придворною знатью. Эта новая среда ничѣмъ не была стѣснена и ограничена въ своей дворцовой и государственной карьерѣ и, соединясь съ приказною средою довѣренныхъ дѣльцовъ, скоро составила въ Москвѣ многолюдный правящій кругъ, общія свойства котораго намъ, можетъ быть, удастся до извѣстной степени опредѣлить. Поставленныя у власти личнымъ довѣріемъ царя, связанныя часто родствомъ съ новою династіею, не имѣвшія между собою иныхъ связей, кромѣ родства или службы, эти лица помимо династіи не имѣли ни особой силы, ни широкаго авторитета для того, чтобы тянуться къ власти черезъ формальное ограниченіе ея высшаго носителя. Они пользовались и даже злоупотребляли тѣмъ вліяніемъ, которое имъ давала близость къ царю, но, разумѣется, они понимали, на чемъ основано ихъ вліяніе, и не могли колебать его основанія".

Что же касается до земскаго собора, то проф. Платоновъ думаетъ, подобно проф. Ключевскому, что и въ его лицѣ нельзя видѣть „такой организаціи, которой можно было бы приписать ограниченіе Михаила".

„Въ дѣятельности постояннаго земскаго собора за первое десятилѣтіе царствованія М. Ѳ. Романова, — говоритъ проф. Платоновъ, — были такія черты, которыя далеко выводили соборы за предѣлы чисто-совѣщательныхъ функцій. Соборъ выступалъ рядомъ съ государемъ, какъ верховный національно-политическій авторитетъ въ дѣлахъ особой важности. На него ссылались даже въ дипломатическихъ сношеніяхъ, говоря (Дж. Мерику), что отвѣтъ по дѣлу „безъ совѣту всего государства" дать нельзя. Въ отношеніяхъ внутреннихъ соборъ являлся иногда рядомъ съ государемъ, заслоняя собою обычные правительственные органы. Казакамъ на Волгу посылались грамоты непосредственно отъ собора вмѣстѣ съ царскими. Ворамъ-казакамъ въ 1614 году послано было увѣщаніе отъ собора съ особымъ соборнымъ посольствомъ, въ составъ котораго вошли духовныя и свѣтскія лица. Такіе же послы отъ собора, „окольничіе и дворяне болшіе, а съ ними изо властей архимандриты и игумены и изъ приказовъ дьяки", собирали по городамъ въ 1614 же году экстренные денежные сборы. Населеніе видѣло надъ собою не одного царя съ его приказными людьми, но и соборъ съ его выборными послами. Соправительство собора съ государемъ было для всѣхъ явно; но оно не было результатомъ формальнаго ограниченія власти государя, а было только слѣдствіемъ единства стремленій центральнаго правительства и создавшаго его представительнаго собранія. И царь, и соборъ были представителями одной и той же соціальной среды, овладѣвшей положеніемъ дѣлъ въ государствѣ и стремившейся создать свой порядокъ. Обѣ силы дѣйствовали согласно, ибо имѣли одно и то же происхожденіе и одинаковыя цѣли, и потому заботились не объ опредѣленіи своихъ правъ, а

объ обезпеченіи взаимной помощи. И ни одинъ изъ изслѣдователей исторіи земскихъ соборовъ не рискуетъ утверждать, что въ данное время соборамъ принадлежали ограничительныя полномочія. Даже тѣ историки, которые вѣрятъ въ существованіе „письма", даннаго на себя Михаиломъ, не утверждаютъ, что это письмо было взято соборомъ. Въ виду такой опредѣленности дѣла намъ нѣтъ нужды долго останавливаться на вопросѣ о возможности ограниченія земскимъ соборомъ власти царя Михаила Ѳедоровича. На этотъ вопросъ надлежитъ отвѣчать отрицательно.

„Итакъ, всѣ наши соображенія и наблюденія приводятъ къ тому выводу, что власть царя Михаила Ѳедоровича ни въ моментъ его избранія, ни въ ближайшее за нимъ время не была подвергнута никакому ограниченію и выражалась совершенно свободно какъ въ распоряженіяхъ, шедшихъ отъ имени самого государя, такъ и въ подборѣ лицъ, которыхъ государь назначалъ на должности во дворцѣ и въ приказахъ. Этотъ подборъ привелъ къ тому, что въ одинъ правительственный кругъ были сведены дѣятели временнаго правительства 1612—1613 гг. и люди Романовскаго круга, близкіе къ государю по родству и свойству или же удостоенные его довѣрія по старымъ житейскимъ связямъ. Дѣятельность новаго чиновничества не стѣсняла государя въ его власти и сама не была, повидимому, ничѣмъ стѣсняема, такъ что весьма скоро заслужила упреки въ испорченности и продажности. Не только терпѣвшіе отъ произвола администраціи, но, надо думать, и самъ государь съ надеждою ожидали пріѣзда государева отца изъ Польши, видя въ Филаретѣ возможнаго избавителя отъ приказныхъ и придворныхъ злоупотребленій".

Таковы взгляды проф. Ключевскаго и проф. Платонова. Который изъ нихъ справедливъ или ближе къ истинѣ, при современномъ состояніи источниковъ, рѣшить трудно. Можетъ быть, дѣйствительно была сдѣлана при избраніи Михаила попытка ограничить его власть; можетъ быть, дѣйствительно эта попытка увѣнчалась успѣхомъ, и съ молодого царя была взята ограничительная запись; но несомнѣнно одно: въ ту пору это ограниченіе, если только оно было, не имѣло никакого практическаго значенія: государь, избранный соборомъ безъ всякихъ условій, правилъ вполнѣ самодержавно, не подчиняясь юридически, а лишь допуская по собственному желанію (на которое, конечно, вліяли тогдашнія обстоятельства) совѣтъ Боярской думы или Земскаго собора.

LV. Дѣятельность патріарха Филарета.

(*Изъ соч. Смирнова: «Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ»*).

Поляки, прославляя воинскія доблести Сигизмунда и Владислава, говорили, что „московское кесарство такъ разорено было войнами и запустошено въ смутное время, что не только городовъ, но и деревень на поляхъ не видишь, а гдѣ хотя деревенька и осталася—и тутъ людей нѣтъ". Они не преувеличивали. И нашъ лѣтописецъ также говоритъ, что почти вся земля русская была пуста. И въ этой-то пустой, разоренной землѣ самовластвовали „сильники", не только воеводы и намѣстники гражданскіе, но и даже высшія власти духовныя. Такую терпѣвшую и терпящую отъ своихъ и чужихъ враговъ землю долженъ былъ устраивать Филаретъ Никитичъ, по святому обычаю печалованія, бывшаго луч-

шею чертою дѣятельности русскихъ святителей. Должно думать, что еще на пути изъ Польши въ Москву ему привелось отчасти познакомиться съ тѣми безпорядками въ жизни отечества, причины которыхъ лежали какъ въ недавнемъ переворотѣ, какой произвело смутное время, такъ и въ тѣхъ лицахъ, которыя и при установившемся уже, повидимому, государственномъ порядкѣ нечестно и противогосударственно относились къ дѣлу устроенія. Вслѣдъ затѣмъ, какъ Филаретъ Никитичъ сѣлъ на престолъ патріаршій, его начальною заботою было—узнать достовѣрно настоящее состояніе Русской земли. Съ соборомъ пастырей онъ пришелъ къ сыну-государю съ совѣтомъ—сдѣлать общую перепись государству и раздѣлить на всѣхъ поровну тяжесть улучшенія и исправленія отечества. Соборъ, съ патріархомъ во главѣ, донесъ Михаилу Ѳедоровичу, что прежніе дозорщики, со времени восшествія на престолъ Михаила до возвращенія Филарета Никитича изъ Польши, „дозирали и писали по дружбѣ за иными легко, за иными не по дружбѣ тяжело; что отсюда— несправедливость, постоянныя жалобы, просьбы разныхъ льготъ, и многіе люди бьютъ челомъ на бояръ и на всякихъ чиновъ людей въ насильствѣ и въ обидахъ, чтобъ ихъ пожаловати велѣти отъ сильныхъ людей оборонить“. По такому благому совѣту и разумнѣйшему начинанію патріарха, положено было послать дозорщиковъ въ разоренные и неразоренные города Русской земли, давъ имъ полные наказы, чтобъ они „описали и дозрили всѣ города вправду, безъ посуловъ, чтобы пріостановили переходъ крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому, сыскивали про сильныхъ людей во всякихъ обидахъ; сыскивали бы, что отъ разоренія запустѣло, отъ такихъ людей, которые умѣли бы честно и правдиво разсказать обиды и насильства и разоренье... чтобы всякія нужды и тѣсноты и разоренья и всякіе недостатки были вѣдомы, и государь бы съ патріархомъ начали промышлять, чтобы во всемъ поправить, какъ лучше“. Такая подробная перепись была лучшимъ средствомъ узнать существенные недостатки, опредѣлить и начертать планъ устроительной дѣятельности. Судя по грамотѣ, перепись должна была имѣть, повидимому, гражданскій характеръ и выгоду—правильную раскладку повинностей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ описываемы были города и у всякихъ людей села и деревни, были описываемы и церкви, въ которомъ селѣ который храмъ и чье сооруженіе; видно, что желало правительство узнать нужды церковныя, происшедшія отъ разоренія поляковъ, русскихъ измѣнниковъ и казаковъ. Такъ какъ къ участію въ разузнаваніи нуждъ государства были призваны и лица духовныя, и отъ нихъ спрашивали и сыскивали о недостаткахъ церкви и притѣсненіяхъ отъ сильныхъ людей, то понятно, что этою мѣрою обличались нарушенныя въ смутное время и позднѣе сильными людьми права церкви и ея служителей и опредѣлялся характеръ церковно-устроительной и административной дѣятельности Филарета Никитича.

Въ переписныхъ книгахъ того времени слишкомъ часто можно встрѣтить такую формулу, выражавшую состояніе русскихъ церквей: „На посадѣ монастырь, а въ немъ церковь ветха, стоитъ безъ пѣнія, запустѣла съ такого-то года“, или: „Такой-то монастырь разоренъ до основанія, игумена въ томъ монастырѣ и старцевъ нѣтъ ни одного человѣка, и церковь стоитъ безъ пѣнія, и образовъ и книгъ нѣтъ, и вотчины всѣ разорены до основанія“. Хотя общею переписью могло достигаться то, что крестьяне оставались при прежнихъ владѣльцахъ, но эта мѣра не могла быть еще существенною поддержкою для церквей и монастырей,

за которыми числились прежде вотчины, потому что жалованныя грамоты на нихъ большею частью были сожжены или утратились какимъ-нибудь образомъ при разореніи. Въ древней же Руси было закономъ представлять по временамъ грамоты, не только данныя прежними царями, но даже если онѣ были даны царствующимъ еще лицомъ, для новой подписи и утвержденія царя; иначе онѣ были рушены всякими сильными лицами или общинами. Монастыри жаловались, что они вслѣдствіе потери грамотъ оскудѣли, что братіи питаться нечѣмъ. Слѣдовательно, нужно было возстановленіе прежнихъ жалованныхъ грамотъ и подтвержденіе ихъ. Этимъ путемъ давалась возможность существованію небогатыхъ монастырей, совершенно лишившихся во время безурядицъ своихъ владѣній, которыя переходили какими-то путями къ богатымъ монастырямъ. Такъ, Филаретъ Никитичъ долженъ былъ по жалобѣ разбирать дѣло о завладѣніи Троицкимъ монастыремъ рыбными ловлями и садами у бѣднаго переяславскаго Данилова монастыря; точно то же случалось и при спорахъ монастырей и церквей съ частными лицами. Но при такихъ разбирательствахъ нужно было дѣйствовать съ осмотрительностью. Если были примѣры того, что частныя лица завладѣвали несправедливо собственностью другихъ и общины оттягали земли у другихъ, слабѣйшихъ, конечно, основываясь на различныхъ жалованныхъ грамотахъ, которыми особенно богато время самозванцевъ и Сигизмунда, то нѣкоторые монастыри и сельскія церкви желали увеличить свои имѣнія и доходы, пользуясь тоже этимъ общимъ разореніемъ и сожженіемъ актовъ, хотя бы у нихъ послѣднихъ и не существовало. Но допущеніе такого незаконнаго увеличенія церковныхъ имѣній, всегда пользовавшихся бо̀льшими или меньшими льготами въ отношеніи даней и различныхъ послугъ государству, особенно было бы невыгодно теперь, при устроеніи и исправленіи многихъ земскихъ нуждъ, требовавшихъ безотлагательно капиталовъ. Не желая оскорблять церкви отказомъ въ удовлетвореніи ея законныхъ требованій и нарушать завѣщанія прежнихъ царей и доброхотныхъ дателей въ пользу церквей и, съ другой стороны, сохраняя интересы государства и не допуская преобладанія, основаннаго притомъ на сомнительныхъ правахъ, въ льготахъ и имѣніяхъ надъ государствомъ и его тяглымъ и бѣднымъ крестьянствомъ, царь и патріархъ постановили: „Тѣ списки съ жалованныхъ грамотъ, у которыхъ архимандричьихъ и игуменскихъ, и соборныхъ старцевъ, и дьячихъ рукъ нѣтъ,—тѣмъ спискамъ не вѣрить“, если бы на нихъ кто-либо основывалъ свои права на какія-либо имѣнія и льготы. Изъ этого постановленія видно, что списки съ прежнихъ дѣйствительныхъ жалованныхъ грамотъ иногда писались или возстановлялись какъ монастырями, такъ и церквами, владѣвшими прежде какими-либо имѣніями, на память, а иногда составлялись и подложныя жалованныя грамоты. Одного только подтвержденія прежнихъ жалованныхъ грамотъ было, однако же, недостаточно для того, чтобы устроить церковь русскую, разоренную въ смутное время. Нѣкоторые монастыри били челомъ, что „прежнихъ государей вотчины дано имъ мало, что монастырскія деревнишки разорены ворами“. Постоянныя просьбы монастырей и жалобы не оставались въ этомъ случаѣ неудовлетворенными: однимъ монастырямъ жаловались земли, лѣса и рыбныя ловли, или давалось право зазывать въ запустѣлыя земли крестьянъ, распахивать дарственныя земли и во всемъ устроить попрежнему, или же давались выморочныя имѣнія хотя и на оброки. Иногда въ пользу церкви шла половина мыта со всѣхъ судовъ, прохо-

дящихъ по рѣкамъ той мѣстности, гдѣ находился монастырь: крестьяне монастырскіе избавлялись отъ нѣкоторыхъ налоговъ. Такія льготы давались иногда или на вѣчныя времена, или на опредѣленное время, или на неопредѣленное.

Съ заботливостью о внѣшнемъ благоустройствѣ русской церкви Филаретъ Никитичъ соединилъ заботливость и о внутреннемъ ея благолѣпіи. Въ 1627 году повелѣніемъ и благословеніемъ его было составлено „Сказаніе о дѣйственныхъ чинахъ московскаго Успенскаго собора“. Большая часть сказанія состоитъ изъ перечня: въ какіе дни и гдѣ бываетъ служеніе патріаршее и бываетъ ли при служеніи этомъ царь. Въ статьяхъ, касающихся крестныхъ ходовъ, значится: какія иконы и изъ какихъ церквей должны быть воздвигаемы и по какому пути долженъ быть направленъ ходъ. Къ нѣкоторымъ сказаніямъ о крестныхъ ходахъ приложено краткое историческое повѣствованіе о причинѣ и времени установленія хода. Есть правила относительно звона. Устроивъ церкви Божіи въ землѣ московской, нужно было обратить патріарху свое вниманіе и попеченіе на далекую Сибирь, тѣмъ болѣе, что тамъ дѣло просвѣщенія было вновѣ и, при смутныхъ обстоятельствахъ церкви русской, не могло быть ведено и поддерживаемо съ тою ревностью и наблюдательностью, какихъ требовала непросвѣщенная страна. Недостатокъ пастырей въ языческой странѣ былъ причиною того, что дѣло просвѣщенія христіанскаго шло медленно между туземцами. Рѣшено было учредить въ Сибири, состоявшей до того времени въ вѣдомствѣ московской епархіи, каѳедру архіепископскую. Мѣстомъ каѳедры былъ назначенъ Тобольскъ, столица Сибири. Былъ избранъ на каѳедру тобольскую архимандритъ новгородскаго Хутынскаго монастыря Кипріанъ. Памятниками его ревности и трудовъ въ этомъ отношеніи осталось до 30 храмовъ и 12 монастырей, которые онъ или самъ строилъ, или возобновлялъ и поддерживалъ прежде его бывшіе. Порядокъ жизни въ монастыряхъ вводилъ онъ тѣмъ, что поставлялъ въ игумены лично извѣстныхъ ему строгою жизнью монаховъ, прибывшихъ съ нимъ въ Сибирь изъ Волокаламскаго, Соловецкаго и другихъ монастырей.

Время перваго самозванца, окруженнаго католиками, какъ оно ни было коротко, имѣло свое вліяніе на русское общество: въ Москвѣ были уже латинскія библіи, переводы съ польскихъ книгъ, латинскія изображенія страстей Христовыхъ. Постоянныя столкновенія съ поляками не могли пройти безслѣдно, особенно для лицъ, принадлежавшихъ высшимъ слоямъ русскаго общества. Правда, такихъ лицъ, зараженныхъ иновѣрными мыслями, мы знаемъ не много: это князь Хворостининъ и еще какой-то князь, считавшій москвитянъ невѣждами въ дѣлахъ вѣры потому именно, что они крѣпко стоятъ за свое православіе. Какія же мѣры были приняты нашею церковью противъ вторженія католицизма, которое могло разростись и охватить многихъ? Если не могло быть серьезной полемической борьбы съ католицизмомъ частью потому, что проявленія его были большею частью одиночны, частью по недостатку людей, способныхъ вступить въ борьбу съ нимъ на южныхъ, напримѣръ, границахъ Россіи, все-таки нельзя было оставить зло неразслѣдованнымъ. Въ распоряженіи патріарха Филарета Никитича были только мѣры и средства: или уединить лицъ, зараженныхъ латинствомъ и свободомысліемъ, или пресѣчь и уничтожить причины, могущія породить измѣну православію, т.-е. не дать возможности русскимъ сближаться съ католиками. Когда патріархъ узналъ о Хворостининѣ и его заблужденіяхъ, онъ сослалъ его

въ заточеніе въ Кирилловъ монастырь, гдѣ князь долженъ былъ содержаться подъ крѣпкимъ надзоромъ и исполнять келейное монашеское правило. Ему запрещено было давать для чтенія какія-нибудь книги, кромѣ книгъ церковныхъ. Филаретъ Никитичъ, какъ и большая часть народа русскаго того времени, особенно не терпѣлъ католиковъ и старался не допускать ихъ въ Россію. Для сохраненія чистоты вѣры такими путями правительство даже жертвовало важными государственными интересами. Когда, напримѣръ, въ 1627 г., французскій король Людовикъ XIII присылалъ въ Москву посольство для исходатайствованія своимъ подданнымъ свободной торговли въ Россіи, причемъ была попытка просить и о построеніи костела, посольству было отказано во всемъ наотрѣзъ. Даже въ трудное время для Россіи, предъ смоленской войною, при недостаткѣ собственныхъ военныхъ силъ, когда нужно было обратиться за помощью иностранныхъ войскъ, положено было закономъ „людей римской вѣры одноличнo не наймовать", и, когда между наемными войсками какимъ-то образомъ оказалось нѣсколько католиковъ, ихъ вывезли обратно за границу. Иностранные писатели замѣчали, что изъ всѣхъ иновѣрцевъ только католики и жиды нетерпимы были русскими. Послѣ московскаго разоренія поляки стали особенно ненавистны русскимъ за тѣ оскорбленія отечественной святыни, до которыхъ доходило рыцарство, оскверняя Божіи церкви, ругаясь надъ алтарями, иконами, мощами и проч. Свою ненависть русскіе перенесли съ поляковъ и на всѣхъ католиковъ.

Самое видное мѣсто въ дѣятельности святѣйшаго патріарха занимаетъ печатаніе и исправленіе богослужебныхъ книгъ. Поляки и шведы, разоряя русскія церкви, жгли и книги церковныя. Въ Москвѣ, въ единственномъ мѣстѣ, откуда выходили для сѣверной Россіи печатныя богослужебныя книги, „вся штанба печатнаго дѣла отъ враговъ и супостатъ разорился и огнемъ пожжена бысть, погибе до конца и не остася ничтоже таковаго орудія. Хитріи на то людіе мали осташася и въ иные грады отбѣгоша". Понятно, что печатное дѣло пріостановилось. Съ восшествіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича дѣло печатанія возобновилось; была устроена типографія, и печатались церковно богослужебныя книги. Но печатаніе сравнительно шло неуспѣшно. И тогда, когда возвратился изъ Литвы Филаретъ, „зельною ревностію одержимъ бывъ къ божественнымъ книгамъ, повелѣлъ печатанію строитися безпрестани и предавать книги по всей русской землѣ святымъ Божіимъ церквамъ", такъ въ нихъ нуждавшимся. Патріархъ и царь видѣли, что въ книгахъ „многое нѣкое и преизлишно разногласіе и несличное стихословіе. О семъ разумно внемлюще, они повелѣли отъ градовъ книги харатейныя добрыхъ переводовъ древнихъ собрати и отъ тѣхъ древнихъ божественныхъ писаній стихословіе исправляти, яже неисправленіемъ отъ преписующихъ и многолѣтныхъ обычаевъ погрѣшено". Изъ описи книгъ лаврской библіотеки видно, что при патріархѣ Филаретѣ были взяты отсюда списки церковныхъ книгъ въ Москву для исправленія по нимъ книгъ, печатаемыхъ вновь. Такимъ образомъ, пособіями при исправленіи были избраны добрые хартейные славянскіе переводы. Въ рѣдкихъ случаяхъ справщики пользовались и греческимъ текстомъ, особенно когда онъ оказывался сходнымъ съ древними славянскими переводами. Греческія книги и тогда уже не пользовались довѣріемъ. Книги грековъ считали искаженными латинянами. Однако, и при такихъ неширокихъ пріемахъ исправленія, какіе были приняты, желанія патріарха, направленныя къ тому,

чтобы, „все исправивъ, въ единогласіе привести всѣ потребы и чины церковнаго священноначалія“, были выражены самимъ дѣломъ. Особенно было обращено вниманіе патріарха на пересмотръ требника и служебника; первый былъ печатанъ четыре раза, второй шесть разъ. Хотя патріархъ строго слѣдилъ за печатаніемъ, самъ досматривалъ отпечатанныя уже книги, но, не знакомый съ языкомъ греческимъ, можетъ быть даже не чуждый такого-жъ взгляда на грековъ, какой имѣли другіе, онъ не могъ многаго сдѣлать для исправленія книжнаго. Выборъ старыхъ переводовъ безъ свѣрокъ по тексту греческому не избавлялъ отъ повторенія важныхъ погрѣшностей. Исправленіемъ по древнимъ переводамъ ограничивалась только дальнѣйшая порча книгъ богослужебныхъ. Оттого-то въ служебникахъ и другихъ книгахъ времени патріарха Филарета встрѣчаются еще важные недостатки.

Иностранцы-современники говорятъ, что русскіе не любили никакихъ высшихъ знаній, и одинъ изъ нихъ писалъ; „Невѣжество русскихъ таково, что во всей землѣ ни изъ высшаго сословія, ни изъ духовенства нѣтъ человѣка, который бы разумѣлъ словцо по-латыни, хотя этотъ языкъ есть корень и орудіе всякаго благоустройства, мудрости и искусства“. Школы при церквахъ, впрочемъ, какъ говорятъ иностранцы же, были, но въ нихъ немногіе священники или дьячки учили юношество только читать и писать на русскомъ языкѣ. Никакихъ общеобразовательныхъ книгъ не было. О русскомъ духовенствѣ и монашествѣ иностранцы говорятъ, что они ничего не могутъ отвѣтить, если ихъ спросить что-нибудь изъ библіи или изъ святыхъ отцовъ, или объ ихъ вѣрѣ. Живое слово было забыто; священники не читали никакихъ проповѣдей, не дѣлали никакихъ толкованій библейскихъ текстовъ, а ограничивались только ихъ чтеніемъ, и то въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Суевѣріе въ духовенствѣ было такъ же обычно, какъ и въ простомъ народѣ. Съ малообразованностью и суевѣріемъ духовенство соединяло порокъ пьянства, доходившій до того, что нетрезвые священники вступали въ стачки съ крестьянами, выходили на грабежи и разбои, творя соблазнъ и вѣрнымъ и невѣрнымъ своимъ поведеніемъ. Грубые пороки, неразлучные съ порокомъ пьянства унижали и бѣлое и черное духовенство. Въ монастыряхъ было многое нестроенье, пьянство и своевольство: держали и питье пьяное, и табакъ; близъ монастырей харчевни были настроены, и продавалась брага, а старцы по пирамъ и братчинамъ ходили, постоянно бражничали и безчинствовали. Если таковы были тѣ, которые должны были служить примѣромъ доброй жизни для другихъ, можно представить, насколько высокъ былъ умственный и нравственный уровень простого народа. Иностранцы не находятъ словъ, описывая его грубые пороки. Что же предпринималъ патріархъ относительно возвышенія умственнаго и нравственнаго состоянія русскаго народа? Къ сожалѣнію, только въ послѣдніе годы своей жизни Филаретъ нашелъ время обратить вниманіе на устройство школъ. Но вслѣдствіе недостатка людей, способныхъ заняться дѣломъ обученія русскаго юношества, нужно было обращаться съ просьбами объ учителяхъ на востокъ. Съ такою просьбою и обращался Филаретъ Никитичъ къ Кириллу, патріарху константинопольскому. Протосингелъ александрійскаго патріарха Іосифъ, по всей вѣроятности вслѣдствіе просьбъ изъ Россіи, пріѣхалъ въ 1633 г. въ Москву на службу по дѣламъ духовнымъ—переводить греческія книги на славянскій языкъ и учить малыхъ ребятъ греческому языку и грамотѣ на учительскомъ дворѣ. Корму положено было ему по полтинѣ на день и,

сверхъ того, ежегодно царскаго жалованья по десяти аршинъ камки и по сорока куницъ. Олеарій видѣлъ московскую школу, заведенную въ послѣдніе годы жизни патріарха. Въ какихъ размѣрахъ шло обученіе, мы не знаемъ. Филаретъ желалъ поднять уровень народнаго образованія. Онъ призывалъ и архіепископовъ къ участію въ устроеніи училищъ при домахъ архіерейскихъ. Но позднее, вслѣдствіе другихъ нуждъ, начатіе дѣятельности по отношенію къ народному образованію' и недостатокъ людей, способныхъ къ этому дѣлу въ землѣ Русской, можетъ быть и недостатокъ въ грекахъ, готовыхъ отправиться въ Москву по требованію патріарха, все это было причиною того, что школа не могла приносить желанныхъ плодовъ. Не далѣе, какъ въ 1640 г., кіевскій митрополитъ Петръ Могила писалъ Михаилу Ѳеодоровичу: „Пожалуй, царь, повели въ царствующемъ своемъ градѣ монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братія кіевскаго братскаго монастыря живучи, дѣтей боярскихъ и простаго чину грамотѣ греческой и славянской учили. Нынѣ волошскій воевода добре позна, какова мзда отъ Бога для воздвиженія училищъ. Аще возможно и величеству твоему въ семъ прошеніи митрополита кіевскаго пожаловати, по своей воли сотвори, и митрополитъ кіевскій старцевъ со учителями пришлетъ". Эта просьба кіевскаго митрополита объ устроеніи монастыря въ Москвѣ съ цѣлью обученія русскихъ грамотѣ славянской и греческому языку ясно доказываетъ, что устроенная патріархомъ школа была слишкомъ недостаточна для своей цѣли.

Заботились царь и патріархъ и объ уничтоженіи пьянства, безчиній въ словѣ и дѣлѣ какъ между духовенствомъ, такъ и въ народѣ. Распущенность въ этомъ отношеніи была такъ велика, что даже такіе монастыри, изстари отличавшіеся строгостью жизни, какъ Сергіева лавра и обитель Соловецкая, были увлечены общимъ потокомъ. И здѣсь пьянство, развратъ, нарушенія уставовъ нашли себѣ пріютъ въ смутное время. И вотъ съ первыхъ лѣтъ патріаршества Филарета Никитича было обращено посильное вниманіе на уничтоженіе такихъ пороковъ и своеволія въ монастыряхъ. Въ 1621 г., царь пишетъ грамоту въ Соловки, „чтобы братія жила по божественному уставу, по правиламъ отцевъ и по преданію Зосимы и Савватія, чтобы не самовластвовали, питья не держали". Но дѣло нравственнаго исправленія общества, ранѣе поставленнаго въ самыя удобныя условія для того, чтобы распущенность взяла верхъ надъ сдержанностью, каково время смутное, не можетъ быть достигнуто силами и временемъ одного человѣка. Въ нравственномъ отношеніи общество воспитывается поколѣніями.

Конецъ XVI и начало XVII вѣка были очень тяжелымъ временемъ для церкви православной. Если она по временамъ—и ранѣе XVII вѣка, и позднѣе — страдала въ какой-либо странѣ, то въ другой, по крайней мѣрѣ, она не терпѣла особыхъ притѣсненій. Не таково было положеніе церкви за это время. Тяжелыя бѣдствія постигали ее одновременно и на Востокѣ, и въ Греціи, гдѣ ее разоряло и унижало своеволіе и фанатизмъ турокъ, и въ Грузіи, тѣснимой и разоряемой Шахъ-Аббасомъ. Церковь южно-русскую раздирала унія; церковь сѣверной Руси — самозванщина со всѣми ея ужасами. Если когда, то именно въ тяжелыя времена, члены церкви нуждаются въ общеніи, взаимной помощи, въ сохраненіи единенія и мира духовнаго. Успокоенное Русское государство и церковь русская, получившія свою вѣру изъ Греціи, связанныя узами племеннаго родства съ угнетенными и нуждающимися въ по-

мощи братіями другихъ церквей, имѣли теперь случай подать съ своей стороны помощь, какую могли, братьямъ по духу и тѣлу. Церковь восточная, крайне бѣдствовавшая въ то время, и прежде обращалась съ просьбами о милостыни къ церкви русской; но смуты государственныя прервали на время эти сношенія, и они возобновились только съ умиротвореніемъ государства. За милостынею пріѣзжаютъ: митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты и простые старцы изъ іерусалимской, александрійской, константинопольской патріархій, а черезъ эти каѳедры русскіе не забывали и каѳедру антіохійскую. Особенно часто писалъ въ Россію патріархъ константинопольскій Кириллъ. Вся церковь восточная ни откуда не ждала помощи, какъ только отъ русской церкви, не имѣла ни откуда надежды, какъ только изъ Россіи. И русская церковь оправдывала надежды церквей восточныхъ. Чтобы судить о русской милостынѣ на востокѣ въ первую четверть XVII в., укажемъ на то, что только въ одномъ 1624 г. русскими послами роздано было по разнымъ монастырямъ восточныхъ патріархій за здравіе царское 1590 золотыхъ. Кромѣ восточныхъ церквей, приходили за милостынею изъ Угорской земли, Сербіи, Болгаріи. Замѣтимъ, однако, что отказывали тѣмъ лицамъ, которыя, приходя въ Русскую землю, не приносили какихъ-либо политическихъ новостей изъ Турецкой или Литовской земли, или вообще той страны, чрезъ которую кому случалось ѣхать. Правительство желало знать о томъ, что дѣлается въ политическомъ мірѣ. Пріѣзжающихъ обыкновенно прежде всего спрашивали въ посольскомъ приказѣ: гдѣ кто ѣхалъ, какою землею, и что слышали, какія отношенія между сосѣдними дворами, и нѣтъ ли какихъ либо замысловъ? Не сообщавшіе политическихъ новостей принимаемы были холодно. Православная церковь южно-русская также не была забываема милостями царя и патріарха. Начиная съ 1621 г., мы видимъ приходящихъ за милостынею изъ Львова, Галича, Кіева; архимандритъ печерскій Петръ Могила часто сносился грамотами съ патріархомъ Филаретомъ то по личнымъ нуждамъ, то ходатайствуя за другихъ. Въ 1620 г. было посольство въ Москву отъ Сагайдачнаго съ просьбою о покровительствѣ. Православные казаки Малороссіи около 1625 г. отправили въ Москву посольство, во главѣ котораго былъ епископъ луцкій Исаакій, съ просьбою принять казаковъ подъ русское покровительство отъ гнета католицизма. „У малороссіянъ одна только дума,—говорилъ Исаакій,—какъ бы поступить подъ государеву руку“. Но эти посольства и просьбы не достигали своей цѣли. Михаилъ Ѳеодоровичъ и патріархъ, не желая нарушить до урочнаго времени мирнаго договора съ поляками, обнадежили пословъ обѣщаніемъ быть полезными въ свое время, щедро одарили ихъ, но, связанное договоромъ 1618 г., правительство хотя и не могло начать войны съ Польшею изъ-за казаковъ, тѣмъ не менѣе желало знать о всѣхъ притѣсненіяхъ, какія терпѣли православные отъ католиковъ.

Патріарха Филарета лѣтописецъ не даромъ назвалъ государственнѣйшимъ патріархомъ. Мы видимъ въ характерѣ и образѣ дѣйствій его искуснаго дипломата и правителя: въ лицѣ его совершилось дѣйствительное соединеніе высшей духовной и гражданской власти. Въ граматахъ и указахъ того времени значилось: „Государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи и великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Россіи указали“. И титулъ „великаго государя“ не былъ у Филарета Никитича только почетнымъ титуломъ, но дѣйствительнымъ обозначеніемъ и государственной

власти, и государской дѣятельности патріарха. Въ полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи есть указъ о наслѣдствахъ, изданный только однимъ великимъ государемъ патріархомъ, безъ участія царя. Когда вступилъ на престолъ Михаилъ, еще „не бѣ ему толика разума", чтобы исправить разстроенный государственный порядокъ; бояре окружавшіе престолъ царя, своевольствовали и не боялись молодого государя. Мать немного могла пособить въ дѣлѣ управленія. Патріархъ Филаретъ, богатый опытностью, въ ранніе годы занимавшій видное мѣсто при дворѣ московскомъ, всего лучше могъ быть руководителемъ и совѣтникомъ своего сына, и лѣтописецъ справедливо замѣтилъ, что онъ „всякими царскими и ратными дѣлами владѣлъ". Онъ съ перваго же раза понялъ нужду экономическаго устроенія страны и посовѣтовалъ царю произвесть общую перепись въ видахъ облегченія и уравненія раскладокъ въ государственныхъ повинностяхъ. Такъ же хорошо понялъ онъ и нужду усиленія самодержавной власти, когда, по его совѣту, было уничтожено мѣстничество на службѣ при полкахъ и при отправленіи посольскихъ обязанностей. Со времени возвращенія изъ Польши и до самой смерти Филарета всѣ важныя госрдарственныя постановленія и распоряженія производились по совѣту и благословенію его. Бояре часто собирались у государя патріарха предъ крестовою палатою въ сѣняхъ для разсужденія о дѣлахъ государственныхъ. О нихъ докладывали царю и патріарху. До самой смерти патріархъ былъ преданъ интересамъ государства и дѣятельно участвовалъ въ правленіи государствомъ. Это двоевластіе заявлялось официально при торжественныхъ пріемахъ пословъ иностранныхъ и въ судахъ надъ русскими боярами. Патріархъ присутствовалъ при аудіенціяхъ посламъ. Въ такихъ случаяхъ онъ сидѣлъ по правую руку государя въ своемъ святительскомъ мѣстѣ, обитомъ чернымъ бархатомъ, въ бархатной мантіи съ саженными источниками, въ большомъ клобукѣ съ золотыми дробницами, съ каменьемъ и жемчугами. Когда патріархъ не присутствовалъ при пріемахъ или отпускахъ пословъ у царя, они официально представлялись одному патріарху. Церемоніи пріема пословъ были тѣ же, что и при представленіи ихъ царю.

LVI. Внѣшнія дѣла въ царствованіе Михаила Ѳедоровича.

(*Изъ «Лекцій по русской исторіи» С. Ѳ. Платонова, по «Исторіи Россіи» (т. IX) С. М. Соловьева и по соч. Берха: «Царствованіе царя Михаила Ѳедоровича и взглядъ на междуцарствіе»).*

Въ своихъ „Лекціяхъ" проф. Платоновъ развертываетъ слѣдующую картину тяжелаго внѣшняго положенія России въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича: „казаки продолжали бродить и грабить даже подъ Москвой, а часть ихъ, подъ начальствомъ Заруцкаго, захватившаго съ собой и Марину Мнишекъ, сперва грабила русскія области, потомъ разбитая царскими войсками, ушла въ Астрахань. Иногда грабили и служилые люди, не обезпеченные содержаніемъ; грабила иногда и сама администрація и вызывала смуту слишкомъ тяжелыми поборами и крутыми мѣрами; да и земскіе люди сами затѣвали по временамъ смуты, какъ было на Бѣлоозерѣ, гдѣ земщина отказалась платить подати. У правительства въ это тяжелое время не было ни денегъ, ни людей, а

между тѣмъ война съ Польшей все еще продолжалась, выражаясь тѣмъ, что летучіе польскіе отряды грабили и разоряли русскія области.

„И вотъ Московское правительство прежде всего заботится о сборѣ денегъ для содержанія ратныхъ людей и удовлетворенія прочихъ важныхъ нуждъ. Въ первые же дни по пріѣздѣ царя соборомъ приговорили: собрать недоимки, а затѣмъ просить, у кого можно, взаймы (просили даже у торговыхъ иностранцевъ); особая грамота отъ царя и особая отъ собора были отправлены къ Строгановымъ съ просьбой о помощи разоренному государству. И Строгановы скоро откликнулись: они прислали 3,000 р., сумму довольно крупную для тогдашняго времени. Годъ спустя соборъ призналъ необходимымъ сборъ пятой деньги, и даже не съ доходовъ, а съ каждаго имущества по городамъ, съ уѣздовъ же по 120 р. съ сохи. На Строгановыхъ по разверсткѣ приходилось 16,000 р.; но на нихъ наложили 40,000 р., и царь уговаривалъ ихъ „не пожалѣть животовъ своихъ".

„Далѣе правительство заботилось и о защитѣ государства отъ враговъ. Главное вниманіе сначала привлекалъ Заруцкій, засѣвшій въ Астрахани и старавшійся привлечь на свою сторону казаковъ съ Волги, Дона и Терека, обѣщая имъ выгодный походъ на Самару и Казань. У Донскихъ казаковъ онъ встрѣтилъ мало симпатій, а часть Волжскихъ, именно молодежь, которой все равно было, „гдѣ бы ни добыть себѣ зипуновъ", склонялась на его сторону; Терскіе же казаки сперва всѣ поголовно поддались ему. Московское правительство точно такъ же, какъ и Заруцкій, хорошо понимало, что казаки представляютъ силу, и старалось ихъ отвлечь отъ Заруцкаго къ себѣ. Москва шлетъ имъ жалованье, подарки и даже до нѣкоторой степени имъ льститъ. Казачество, однако, въ большинствѣ, теперь понимаетъ, что выгоднѣе дружить съ Москвой, которая теперь окрѣпла и могла справиться съ Заруцкимъ, и потому не идетъ къ послѣднему, хоти Марина Мнишекъ съ сыномъ находятся еще у него. Этимъ объясняется, что Заруцкій. опасный постольку, поскольку его поддерживали казаки, кончилъ очень скоро и очень печально: Астрахань возмутилась противъ него, и небольшой стрѣлецкій отрядъ (700 чел.), выгнавъ Заруцкаго изъ Астраханскаго кремля, гдѣ онъ заперся, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ съ Мариной Мнишекъ и ея сыномъ. Привезенный послѣ этого въ Москву, Заруцкій и сынъ Марины были казнены, Марина же въ тюрьмѣ окончила свое бурное, полное приключеній существованіе, оставивъ по себѣ темную память въ русскомъ народѣ: всѣ воспоминанія его объ этой „еретицѣ" дышатъ злобою, и въ литературѣ XVII в. мы не встрѣчаемъ ни одной нотки сожалѣнія, ни даже слабаго сочувствія къ ней.

„Уничтоженъ былъ Заруцкій, умиротворены Волга и Донъ, оставалось покончить съ казачьими шайками внутри страны и на сѣверѣ. 1-го сентября 1614 г. земскій соборъ, разсуждая объ этихъ послѣднихъ, рѣшилъ послать къ нимъ для увѣщанія архіеп. Герасима и кн. Лыкова. Лыковъ, отправленный по рѣшенію собора, извѣщалъ, что казаки то соглашались оставить грабежи и служить Москвѣ, то снова отказывались и бунтовали. Особенно буйствовалъ атаманъ Баловень, шайка котораго жестоко мучила и грабила населеніе, а затѣмъ, послѣ переговоровъ съ Лыковымъ, порѣшила идти къ Москвѣ. Подойдя къ ней, они стали по Троицкой дорогѣ въ селѣ Ростокинѣ и прислали къ государю бить челомъ, что хотятъ ему служить; когда же начали ихъ переписы-

вать, они снова упорствовали и стали угрожать Москвѣ. Но въ то время пришелъ къ Москвѣ съ сѣвера кн. Лыковъ съ отрядомъ войска, а изъ Москвы окольничій Измайловъ и напалъ на казаковъ. Казаки нѣсколько разъ были разбиты, послѣ чего и разбѣжались. Часть ихъ была переловлена и разослана по тюрьмамъ, а Баловень казненъ.

„При такихъ-то тяжелыхъ обстоятельствахъ приходилось еще считаться съ Польшей. Находясь въ крайнихъ финансовыхъ затрудненіяхъ, Сигизмундъ не могъ предпринять похода на Москву, но польскія шайки, (иррегулярныя) дѣлали постепенно набѣги на русскія, даже сѣверныя области, воюя русскую землю „проходомъ", какъ мѣтко выражается лѣтопись; точно также поступали Малороссійскіе казаки или черкасы. Противъ нихъ энергично дѣйствовали и жители областей, и сама Москва. Правильной войны, такимъ образомъ, не было, но и по избраніи Михаила Ѳедоровича, Владиславъ все еще считался кандидатомъ на московскій престолъ, миръ формально не былъ заключенъ и отецъ царя, Филаретъ Никитичъ, находился въ плѣну. Еще въ 1613 г. (въ мартѣ) изъ Москвы для размѣна плѣнныхъ отправленъ былъ земскимъ соборомъ дворянинъ Аладьинъ. Чтобы не затянуть освобожденія Филарета, Аладьину запрещено было говорить объ избраніи Михаила, въ случаѣ же, если объ этомъ спросятъ, утверждать, что это неправда. Аладьинъ видѣлся съ Филаретомъ и узналъ также, что Польша, къ выгодѣ Москвы, теперь совсѣмъ не готова къ войнѣ. Это такъ обнадежило Москву, что было приказано воеводамъ кн. Черкасскому и Бутурлину осадить Смоленскъ, но здѣсь имъ пришлось простоять безъ всякаго дѣйствія до іюня 1615 г. Бродившіе по Руси польскіе отряды были въ то время стѣснены царскими войсками, и только съ шайкой Лисовскаго немогли ничего подѣлать; онъ былъ положительно неуловимъ со своими „Лисовчиками". Противъ него отправили кн. Пожарскаго, который и столкнулся съ Лисовскимъ около Орла, но здѣсь онъ чуть не погибъ со своимъ небольшимъ отрядомъ отъ 3000 Лисовчиковъ. Пожарскій тогда огородился телѣгами и сѣлъ въ обозъ, а Лисовскій, не зная, что у него такъ мало людей, не посмѣлъ напасть, къ утру же къ Пожарскому явилась помощь. Смѣлый наѣздникъ, преслѣдуемый погоней, какъ тѣнь, пробирался между городами, опустошая все на своемъ пути и дѣлая обширный кругъ: онъ прокрался между Ярославлемъ и Костромой по суздальскимъ мѣстамъ, потомъ между Владиміромъ и Муромомъ, между Коломною и Переяславлемъ Рязанскимъ, между Тверью и Серпуховымъ до Алексина и т. д. вокругъ Москвы. Наконецъ, онъ вернулся въ Литву послѣ своего изумительно скораго похода, много разоривъ и награбивъ.

„Въ концѣ 1614 г. опять начались дипломатическіе переговоры съ Польшей. Она сама начала ихъ и предлагала съѣхаться посламъ на рубежѣ и начать переговоры о мирѣ. Изъ Москвы была отправлена съ Желябужскимъ отвѣтная грамота съ согласіемъ на съѣздъ, и съѣздъ состоялся въ сентябрѣ 1615 г., недалеко отъ Смоленска. Со стороны русскихъ въ немъ приняли участіе кн. Воротынскій, Сицкій и окольничій Измайловъ. Со стороны поляковъ Ходкевичъ, Левъ Сапѣга и Гонсѣвскій (все знакомые русскимъ люди). Посредникомъ же служилъ императорскій посолъ Эразмъ Ганзеліусъ. Но переговоры эти, длившіеся до января 1616 г., ничѣмъ не кончились, сношенія двухъ державъ продолжали оставаться неопредѣленными, и это было тѣмъ болѣе тяжело, что также неопредѣленны были отношенія къ Швеціи. Послѣдняя тоже

имѣла своего кандидата въ русскіе цари, королевича Филиппа, и вмѣстѣ съ нимъ состояла въ войнѣ съ Москвой. Какъ въ переговорахъ Россіи съ Польшей посредникомъ былъ нѣмецъ—Ганзеліусъ, такъ здѣсь ту же роль игралъ англичанинъ—Джонъ Мерикъ. Только Швеція раньше начала серьезную войну (осенью 1614 г.), хотя Густавъ Адольфъ, какъ и Сигизмундъ, нуждался въ средствахъ. Несмотря на то, что онъ довольно удачно велъ войну и взялъ нѣсколько городовъ, онъ въ то же время съ удовольствіемъ согласился на мирные переговоры, продолжавшіеся цѣлый годъ, съ января 1616 г. по февраль 1617 г., сначала въ Эдеринѣ, а потомъ въ Столбовѣ. По Столбовскому договору 1617 г. рѣшено было слѣдующее: Густавъ-Адольфъ уступалъ русскимъ всѣ свои завоеванія, не исключая Новгорода, бралъ 20,000 р. и оставлялъ за собой южный берегъ Финскаго залива съ Невой и городами: Ямомъ, Ивангородомъ, Копорьемъ и Орѣшкомъ, тѣми самыми городами, которые въ 1595 г. Борисомъ Годуновымъ были возвращены русскимъ. Миромъ Густавъ-Адольфъ остался доволенъ: дѣйствительно, онъ избавился отъ одного изъ враговъ (ихъ оставалось теперь еще два: Данія и Польша), кромѣ того, онъ сильно нуждался въ деньгахъ и получилъ 20,000 р. Да и дипломатическія цѣли его были достигнуты: онъ не разъ хвастливо говорилъ на сеймѣ про Москву, что теперь этотъ врагъ безъ нашего позволенія не можетъ ни одного корабля спустить на Балтійское море; большія озера—Ладожское и Пейпусъ, Нарвская область, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ него. У Россіи отнято море и, дастъ Богъ, теперь русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ. Но Столбовскимъ миромъ и Москва достигла своей цѣли: во-первыхъ, къ ней вернулась имѣющая большое для нея значеніе Новгородская область; во-вторыхъ, однимъ претендентомъ, какъ и однимъ врагомъ, стало меньше. Теперь можно было смѣлѣе обращаться съ Польшей.

„И вотъ еще лѣтомъ 1616 г. Москва начала наступательную войну противъ Польши, которая, впрочемъ, никакихъ серьезныхъ послѣдствій не имѣла. И въ это же время варшавскій сеймъ рѣшилъ отправить Владислава добывать Москву, но дѣйствовать поляки не спѣшили и много силъ не тратили. Королевичъ выступилъ только черезъ годъ съ маленькимъ войскомъ, всего въ 11,000. Но теперь Москва не была готова выступить даже противъ незначительнаго войска Владислава. Она расположила по городамъ сильные гарнизоны и ограничилась одной обороной. Между тѣмъ славное войско Владислава, шедшее навести заблудшихъ на путь мира, не получало жалованья, а потому бунтовало и грабило, а Владиславъ тщетно просилъ помощи изъ Польши, „его питавшей“, пока въ 1618 г. сеймъ не ассигновалъ ему небольшую сумму денегъ съ обязательствомъ окончить войну въ тотъ же годъ. Тогда лѣтомъ 1618 г. королевичъ сталъ дѣйствовать подъ Можайскомъ, чтобы, при движеніи къ Москвѣ, не оставить у себя въ тылу Лыкова съ войскомъ, который сидѣлъ въ Можайскѣ; онъ нѣсколько разъ пытался овладѣть городомъ, но всѣ усилія его были тщетны. Въ этой осадѣ прошло семь мѣсяцевъ, такъ что Владиславу для пріобрѣтенія славы оставалось ихъ только пять; изъ Варшавы же шли одни обѣщанія, войско, не получая жалованья, опять начало бунтовать, а потому въ сентябрѣ 1618 г. Владиславъ рѣшилъ идти на Москву, не взявъ Можайска; туда же шелъ съ юга и гетманъ Сагайдачный. Соединившись, они сдѣлали приступъ, но взять Москвы не могли, потому что москвичи

успѣли приготовиться къ осадѣ. Тогда Владиславъ отступилъ къ Троицкой лаврѣ и требовалъ, но также безуспѣшно, ея сдачи. Наконецъ, онъ вступилъ въ переговоры, и заключено было въ деревнѣ Деулинѣ (около лавры) такъ называемое Деулинское перемиріе. Рѣшили размѣняться плѣнниками; Польша удержала свои завоеванія (Смоленскъ и Сѣверскую землю), а Владиславъ отказался отъ претензій на Московскій престолъ. Тяжелы были условія для Москвы, но не велика и слава королевича".

„На Деулинское перемиріе,—говоритъ Соловьевъ,—согласились въ Москвѣ, не имѣя средствъ съ успѣхомъ вести войну, желая отдохнуть хоть немного, собраться съ силами и освободить отца государева (митр. Филарета) изъ заточенія; но долго оставаться въ томъ положеніи, въ какое царь Михаилъ былъ поставленъ Деулинскимъ перемиріемъ, было нельзя: Владиславъ не отказался отъ правъ своихъ на московскій престолъ, польское правительство не признавало Михаила царемъ, не хотѣло сноситься съ нимъ, называть его,—и это при безпрерывныхъ столкновеніяхъ, безпрерывныхъ сношеніяхъ двухъ сосѣднихъ государствъ! Русскіе никакъ не могли войти въ подобныя отношенія, требовали, чтобъ польскіе державцы называли въ своихъ грамотахъ великаго государя Михаила Ѳедоровича, тѣ отказывались, а нѣкоторые изъ нихъ осмѣливались писать про Михаила непригожія рѣчи, называть его полуименемъ, порочить его избраніе! „Иногда дерзость польскихъ „державцевъ" доходила до того, что они требовали, чтобъ и русскіе воеводы не называли Михаила царемъ. Такъ, напримѣръ, литовскій серпейскій „державца" писалъ московскому масальскому воеводѣ Хитрову: „Ты къ намъ пишешь грамоты не по мирному постановленію, своего М. [1]), величаешь царемъ, какъ будто не знаешь, что все государство Московское, думаю и самъ ты и М. тотъ, королевичу нашему крестъ цѣловали; миръ заключенъ былъ между государствами, а не съ М"... На эту грамоту отвѣчалъ калужскій воевода Вельяминовъ: „Изъ вашего письма видно, что вы не шляхетскаго, а холопскаго неучтиваго ложа дѣти, и по своей неучтивой, послѣдней, наипростѣйшей природѣ скверныя ваши уста на великаго государя нашего, помазанника Божія, отверзаете подобно бѣшеному псу; на такого помазанника Божія вамъ собакамъ непристойно было хульныхъ своихъ устъ отверзать, и такимъ простымъ именемъ его, государя, злословить". Эта грамота вызвала еще болѣе дерзкій отвѣтъ серпейскаго державцы, передъ которымъ Вельяминовъ въ долгу не остался. Съ обѣихъ сторонъ ругательства усиливались все болѣе и болѣе, и „дѣло дошло до послѣдней брани"... И такихъ случаевъ происходило много. Московское правительство объявляло польскому, что не можетъ терпѣть подобныхъ вещей и требовало наказанія „баламутамъ", а польское отвѣчало, что они мирнаго постановленія не нарушаютъ ни въ чемъ, и давало знать, что если Москва захочетъ осуществить свои угрозы, Польша снова выпуститъ самозванца—какого-то Ивана Дмитріевича, царевича Московскаго.

Въ такомъ положеніи находились польскія дѣла, когда въ августѣ 1621 г. пріѣхалъ въ Москву турецкій посланникъ, грекъ Ѳома Кантакузинъ. Онъ привезъ отъ султана Османа грамоту, въ которой послѣдній писалъ, что онъ идетъ съ войскомъ на литовскаго короля: такъ чтобъ царь воспользовался этимъ случаемъ отомстить полякамъ и закрѣ-

[1]) Стоитъ уменьшительное имя государя. *Ред.*

пить дружбу съ нимъ, султаномъ, шелъ бы немедленно со всѣмъ своимъ войскомъ на короля. Посланнику была вручена отвѣтная грамота Филарета. „Хотя бы въ маломъ въ чемъ польскій король миръ нарушилъ,— писалъ патріархъ,—то сынъ мой для султанской любви пошлетъ на него рать". Въ то же время, 12 октября 1621 г., былъ у великихъ государей соборъ въ золотой большой грановитой палатѣ. На немъ говорили великіе государи о неправдахъ и крестопреступленіи искони вѣчнаго врага Московскому государству, Жигимонта короля, сына его Владислава, польскихъ и литовскихъ людей. Въ отвѣтъ на ихъ рѣчь соборъ билъ челомъ государямъ, чтобъ они за святыя Божія церкви, за свою государеву честь и за свое государство противъ недруга своего стояли крѣпко; а они, освященный соборъ, будутъ молить Бога о побѣдѣ и мирѣ; а они, бояре, окольничіе и т. д. и всякіе служилые люди за нихъ государей и за ихъ государство рады биться, не щадя головъ своихъ. Да били челомъ дворяне и дѣти боярскіе, чтобъ государи ихъ пожаловали, велѣли ихъ въ городахъ разобрать, кому можно государеву службу служить, чтобъ ни одинъ человѣкъ въ избылыхъ не былъ. Гости и торговые люди били челомъ, что они въ помощь государевой казнѣ рады съ себя давать деньги, какъ кому можно, смотря по ихъ прожиткамъ.

Но вскорѣ пришли вѣсти, что предпріятіе Османа противъ Польши окончилось неудачно; а по возвращеніи въ Константинополь султанъ былъ убитъ янычарами. Польша же, освободившаяся отъ турокъ, заключила перемиріе и со шведами, а безъ союзниковъ московское правительство не могло рѣшиться начать войну.

Но, тѣмъ не менѣе, на Москвѣ дѣятельно приготовлялись къ неминуемому столкновенію. Выписывали ратныхъ людей изъ-за границы и даже сдѣлали шагъ рѣшительный, чего при прежнихъ государяхъ не бывало,—велѣли русскихъ ратныхъ людей учить иноземному строю.

Въ апрѣлѣ 1632 г. умеръ король Сигизмундъ, наступило междуцарствіе въ Польшѣ, избирательный сеймъ, смуты; надобно было пользоваться временемъ. И война вспыхнула. Русское войско подъ начальствомъ боярина М. Б. Шеина выступило въ походъ. Численность его простиралась до 32,082 человѣкъ съ 158 орудіями. Кромѣ того, къ Шеину спѣшили и другіе отряды. Сначала этотъ походъ для русскихъ былъ очень успѣшнымъ. 12 октября сдался Серпейскъ головѣ кн. Гагарину; 18 октября сдался Дорогобужъ головѣ Сухотину и полковнику Лесли. Государи велѣли Шеину идти изъ Дорогобужа подъ Смоленскъ и, чтобъ не было обычной помѣхи успѣшному ходу дѣлъ, приказали всѣмъ воеводамъ, головамъ и дворянамъ „быть безъ мѣстъ" до окончанія войны съ тѣмъ, что при послѣдующихъ случаяхъ разряды этой войны не будутъ имѣть значенія. Теперь Бѣлая сдалась кн. Прозоровскому, сдались Рославль, Невль, Себежъ, Красный, Почепъ, Трубчевскъ, Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, Овсей, Друя, Сурожъ, Батуринъ, Роменъ, Иванъ-Городище, Мена, Миргородокъ, Борзна, Пропойскъ, Ясеничи и Носеничи; посадъ Полоцкій былъ взятъ и выжженъ съ помощью русскихъ православныхъ горожанъ; взяты были посады подъ Велижемъ, Усвятомъ, Озерищемъ, Лужею, Мстиславлемъ, Кричевымъ. Шеинъ съ Измайловымъ осадили Смоленскъ; губернаторъ его, Станиславъ Воеводскій, отбивался 8 мѣсяцевъ, наконецъ, за недостаткомъ припасовъ, готовъ былъ уже сдаться, какъ получилъ помощь: въ эти 8 мѣсяцевъ дѣла въ Польшѣ устроились, въ короли былъ избранъ сынъ покойнаго Сигизмунда, Владиславъ, первымъ дѣломъ котораго было идти на помощь Смоленску; собрано было 23,000

войска, казакамъ дозволено было вторгнуться въ московскія владѣнія и пустошить ихъ; къ тому же были подучены и крымцы. Когда въ войскѣ Шеина узнали о вторженіи татаръ и казаковъ, началось повальное бѣгство служилыхъ людей, желавшихъ отстаивать свои помѣстья. Между тѣмъ 25 августа подошелъ къ Смоленску Владиславъ, начались стычки, пока поляки не сожгли бывшаго въ тылу русскаго войска Дорогобужа, гдѣ погибли всѣ припасы. Съ конца октября русскіе начали терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, особенно въ конскомъ корму—была уже зима. Вслѣдствіе голода и холода въ русскомъ станѣ открылась сильная смертность. Узнавъ объ этомъ, король, въ послѣднихъ числахъ декабря, послалъ Шеину и чужестраннымъ офицерамъ грамоты съ увѣщаніемъ обратиться къ его милости, вмѣсто того, чтобы погибать понапрасну отъ меча и болѣзней. Въ половинѣ января 1634 г. Шеинъ, подъ видомъ переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ, началъ обнаруживать готовность свою вступить и въ мирныя соглашенія съ королемъ, тѣмъ болѣе, что его вынуждали къ этому, какъ говорятъ, иностранные наемники, которые не привыкли сносить голодъ и холодъ, какъ привыкли къ тому русскіе. Поляки предъявили цѣлый рядъ требованій, изъ которыхъ главными были выдача знаменъ, орудій и провіанта, роспускъ иноземныхъ войскъ и присяга русскихъ на томъ, что они въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ не будутъ принимать участія въ дѣйствіяхъ противъ Польши. Шеинъ согласился и 19 февраля 1634 г. двинулся къ Москвѣ.

Что же во все это время дѣлалось въ Москвѣ? Князья Черкасскій и Пожарскій стояли въ Можайскѣ, ожидая сбора ратныхъ людей. Казна была истощена до крайности, а къ тому же 1 октября 1633 г. скончался патріархъ Филаретъ. И вотъ снова правительство обращается къ совѣту земли. 28 января 1634 г. Михаилъ созвалъ соборъ для изысканія денежныхъ средствъ, который и постановилъ собрать пятинныя деньги. Но вскорѣ пришла въ Москву вѣсть о поступкѣ Шеина. Однако она нисколько не поколебала рѣшимости московскаго правительства во что бы то ни стало продолжать войну; что же касается до виновниковъ перемирія подъ Смоленскомъ, то ихъ было рѣшено примѣрно наказать: Шеинъ, Измайловъ и старшій сынъ послѣдняго были публично казнены, нѣкоторые изъ другихъ воеводъ биты кнутомъ и сосланы.

А тѣмъ временемъ Владиславъ осадилъ Бѣлую. Упоенные смоленскимъ успѣхомъ, поляки отложили всякую осторожность: этимъ воспользовались русскіе, сдѣлали вылазку на полкъ Вейгера и забрали 8 знаменъ прежде, нежели поляки успѣли схватиться за оружіе. Какъ тяжка была осада Бѣлой для поляковъ, видно изъ того, что канцлеръ Радзивиллъ совѣтовалъ называть этотъ городъ не Бѣлою, а Красною, по причинѣ сильнаго кровопролитія. Къ тому же, въ польскомъ лагерѣ наступилъ голодъ, и дѣло доходило до того, что самъ королевичъ съѣдалъ одну половину курицы за обѣдомъ, а другую откладывалъ до ужина, для остальныхъ же кусокъ хлѣба съ холодной водой былъ лакомствомъ; отъ такой скудости начались болѣзни и смертность въ войскѣ. Съ другой стороны, приходили вѣсти, что турецкое войско приближается къ границамъ Польши, у которой кромѣ того, въ скоромъ времени должно было кончиться и перемиріе со Швеціей. При такихъ обстоятельствахъ королю нужно было какъ можно скорѣе заключить миръ съ Москвою, миръ вѣчный, который бы упрочилъ за Литвою пріобрѣтенія Сигизмундовы. И паны первые прислали къ боярамъ предложеніе о мирѣ. И Москва на него согласилась: вѣдь сборъ новаго войска и новыхъ денеж-

ныхъ средствъ требовалъ большого времени и представлялъ много затрудненій; миръ же при стѣсненномъ положеніи поляковъ, сулилъ нѣкоторыя выгоды. И вотъ, въ мартѣ 1634 г., начались переговоры, въ маѣ съѣхались уполномоченные съ обѣихъ сторонъ и послѣ 30 жаркихъ совѣщаній, 15 іюня 1634 г. подписали при рѣчкѣ Поляновкѣ, недалеко отъ Вязьмы, мирный трактатъ, главное содержаніе коего состояло изъ слѣдующихъ статей: 1) вѣчный миръ и забвеніе всего прошедшаго; 2) польскій король отказывается отъ своихъ притязаній на московскій престолъ; 3) въ вознагражденіе за это царь Михаилъ уступаетъ Польшѣ Черниговъ и Смоленскъ съ ихъ уѣздами, Новгородъ Сѣверскій и рядъ другихъ, отобранныхъ русскими въ началѣ войны, городовъ; 4) царь московскій не долженъ писаться всея Руси, дабы не разумѣли подъ этимъ названіемъ часть Россіи, принадлежавшую Польшѣ; 5) Москва отказывается отъ притязаній на Лифляндію, Эстляндію и Курляндію; 6) купцамъ обоихъ государствъ предоставляется свобода торговли, но русскимъ запрещенъ въѣздъ въ Краковъ и въ Вильно, а польскимъ—въ Москву; 7) плѣнные возвращаются обоюдно, безъ всякаго возмездія. „Если миръ сей не имѣлъ существенныхъ выгодъ,—говоритъ Берхъ,—то для отечества нашего былъ онъ полезенъ въ двоякомъ отношеніи: царь Михаилъ Ѳедоровичъ пріобрѣлъ чрезъ оный возможность возстановить силы своего государства, устроить разоренную Москву и укрѣпить границы; притомъ торжественнымъ отреченьемъ Владислава отъ правъ на россійскій престолъ успокоились умы кичливыхъ, которые при малѣйшемъ неудовольствіи передавались Владиславу“.

Помимо отношеній Россіи къ Польшѣ и Швеціи важны еще и ея отношенія къ Турціи и западно-европейскимъ государствамъ. Мы уже видѣли, что до польскаго мира Москва не прочь была дружить съ Оттоманской Портой, которая могла быть ей полезна въ войнѣ съ Польшей. Послѣ же заключенія вѣчнаго мира съ послѣдней дружба съ турками потеряла для московскаго правительства всякое значеніе. А тутъ еще случилось одно событіе: въ 1637 г. донскіе казаки взяли Азовъ. Царь сначала было отправилъ къ султану пословъ съ заявленіемъ, что казаки сдѣлали это „воровствомъ“, „безъ нашего позволенія“, „самовольствомъ“, но потомъ сталъ на сторону побѣдителей. Султанъ Мурадъ началъ готовить большое войско, но умеръ, такъ что турки могли двинуться къ Азову лишь въ маѣ 1641 г. Но всѣ приступы 240 тысячной арміи ихъ были отбиты казаками, и турки уже 26 сентября сняли осаду. Тогда казаки послали вѣсть о своемъ торжествѣ въ Москву, прося помощи. Царь отвѣчалъ имъ очень милостиво, прислалъ 5000 р. и побуждалъ ихъ къ „крѣпкостоятельству“, а 3 января 1642 г. созвалъ соборъ для обсужденія вопроса, взять ли Азовъ и вступить вслѣдствіе этого въ войну съ турками или же оставить казаковъ на произволъ судьбы. На этомъ соборѣ, въ общемъ, была выражена готовность къ войнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ показаній выборныхъ правительство увидѣло, что страна была въ конецъ разорена. Поэтому правительство рѣшило отказаться отъ Азова, чтобы не подвергать бѣдствіямъ и Москву, и подвластные туркамъ христіанскіе народы; послѣдніе султанъ поклялся, въ случаѣ объявленія войны Москвой, поголовно истребить. Такъ, геройскій подвигъ казачества, воспѣтый въ народной пѣснѣ-былинѣ, не принесъ Москвѣ никакой реальной пользы.

Что касается до сношеній съ Западной Европой, прерванныхъ въ годы Смуты, то при Михаилѣ они снова возобновились. Въ Москву пріѣзжали

послы изъ Англіи, Франціи и Голландіи, желавшихъ добиться разрѣшенія свободнаго пропуска чрезъ Россію товаровъ въ Индію и Персію. Но пока былъ живъ Филаретъ, ихъ стремленія не осуществились. По смерти же патріарха взглядъ правительства на этотъ счетъ, какъ видно, перемѣнился, и въ 1634 г. заключенъ былъ договоръ съ голштинскими послами о дозволеніи компаніи голштинскихъ купцовъ торговать съ Персіей и Индіей чрезъ Московское государство, въ продолженіе 10 лѣтъ. Компанія обязалась давать ежегодно въ царскую казну по 600,000 большихъ ефимковъ, за что пошлинъ она уже никакихъ не платила. Но при уплатѣ перваго взноса возникли несогласія—русскіе требовали 300,000, а герцогъ голштинскій предлагалъ только 25,000—и дѣло кончилось ничѣмъ. Но не только западныя страны завязывали сношенія съ Москвой. Сама она также не разъ посылала пословъ въ государства Западной Европы, напр., въ Данію, желая выдать царевну Ирину за датскаго принца Вольдемара. Послѣдній даже пріѣзжалъ въ Россію, но свадьба разстроилась, такъ какъ королевичъ отказался принять православіе.

LVII. Обзоръ правительственныхъ актовъ первой половины XVII в., опредѣляющихъ положеніе крестьянъ.

(Изъ «Исторіи крѣпостного права въ Россіи» Н. Энгельмана, М. 1900 г.).

Прикрѣпленіе крестьянъ играло далеко не послѣднюю роль въ ряду причинъ, вызвавшихъ общее недовольство смутнаго времени. Не всѣ землевладѣльцы были удовлетворены этою мѣрою, богатые увидѣли въ ней ограниченіе своихъ правъ. Крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, онъ не могъ ее оставить, но и землевладѣлецъ не могъ его прогнать. Результаты этой перемѣны не замедлили сказаться: начали возникать безконечные споры и тяжбы. Писцовыя книги, составленныя ради податныхъ цѣлей, получили затѣмъ значеніе документовъ, установлявшихъ права владѣльцевъ на записанныхъ за ними крестьянъ. Это открывало широкій просторъ для всякихъ случайностей и произвола. Землевладѣльцы старались избавиться отъ стѣсненій, которыя они считали нарушеніемъ своихъ правъ, и охотно признавая своихъ крестьянъ прикрѣпленными къ землѣ, въ то же время были не прочь принимать и селить у себя чужихъ бѣглыхъ крестьянъ. Само собою разумѣется, что еще сильнѣе было недовольство у крестьянъ, у которыхъ отняли свободу. Правительство, пуская въ ходъ свое простое средство, очевидно, не представляло себѣ всѣхъ возможныхъ слѣдствій его примѣненія и, когда возникъ цѣлый рядъ затрудненій, оно оказалось готовымъ на уступки. Борисъ Годуновъ возстановилъ свободу переходовъ съ нѣкоторыми ограниченіями. Онъ старался регламентировать переходы и тѣмъ самымъ увеличить вліяніе правительственной власти, подчинивъ ея усмотрѣнію дозволеніе или недозволеніе переходовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ [1]).

Лже-Дмитрій не внесъ никакихъ измѣненій въ правительственную политику по крестьянскому вопросу; при немъ было издано слѣдующее

---

[1]) Таковы указы его 1601 и 1602 гг.

постановленіе: „По Государству Цареву и Великаго Князя Дмитрія Ивановича Всея Россіи слову... бояре приговорили.... про котораго крестьянина скажутъ, что онъ въ тѣ голодные лѣта отъ помѣщика или отъ вотчинника сбрелъ отъ бѣдности, что было ему прокормиться немочно; и тому крестьянину жити за тѣмъ, кто его въ голодные лѣта прокормилъ, а истцу отказати; не умѣлъ онъ своего крестьянина кормити въ тѣ голодные лѣта, а нынѣ его не пытай... А которые крестьяне бѣжали во 110 и во 111 году въ голодные годы съ животы, прожити имъ было мочно, а пришли за иныхъ помѣщиковъ жити во крестьяне и въ холопи, и тѣхъ сыскивая отдавати старымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ". Такимъ образомъ мы видимъ, что и Лже-Дмитрій не рѣшился посягнуть на крестьянское прикрѣпленіе, что и для него выгоды служилыхъ людей имѣли главное значеніе.

Къ царствованію Шуйскаго относится важный указъ о крестьянахъ и холопахъ. „Лѣта 7115 (1607 г.) марта въ 9 день Государь Царь и Великій князь Василій Іоанновичъ всея Русіи съ отцомъ своимъ Святѣйшимъ Гермогеномъ Патріархомъ, со всѣмъ освященнымъ Соборомъ и со своимъ царскимъ Синклитомъ, слушавъ доклада Помѣстной Избы отъ Бояръ и Дьяковъ, что переходомъ крестьянъ причинилися великія крамолы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, приговорили есми и уложили по святымъ великимъ соборамъ и по правиламъ святыхъ отецъ.

Которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 году положены, и тѣмъ быть за тѣми, за кѣмъ писаны; а буде тѣ крестьяне вышли за кого иного, и въ томъ есть на крестьянъ тѣхъ или на тѣхъ, кто ихъ держитъ, челобитье и тѣ дѣла не вершены, или кто сентябри по 1-е число сего года будетъ бить челомъ, и тѣхъ крестьянъ отдавати по тѣмъ книгамъ со всѣми ихъ животы тѣмъ, за кѣмъ они писаны, до сроку Рождества Христова 116 г. безъ пожилого: а не отдастъ кто на тотъ срокъ, ино на томъ брати за пріимъ и пожилое по сему уложенію, а не было о которыхъ крестьянахъ челобитья по сей день и сентября по 1-е не будетъ, и тѣхъ послѣ того срока по тѣмъ книгамъ не отдавати, а написати ихъ въ книги за кѣмъ они нынѣ живутъ, и впредъ за пятнадцать лѣтъ о крестьянахъ суда не давати и крестьянъ не вывозити". Далѣе слѣдуетъ назначеніе пени въ 10 руб. за укрывательство бѣглыхъ и „пожилого" въ размѣрѣ 3 р. съ каждаго двора и за каждаго холостого крестьянина. Но къ этому прибавлено слѣдующее: „А придетъ къ кому крестьянинъ наняться въ работу на лѣто или на зиму или на весь годъ, а не семьями, и кто найметъ не далѣ года, о томъ не винити за пріимъ и пожилого не правити, потому что его государь свѣдомъ, гдѣ онъ живетъ". Кто женился на бѣглой, того должны были отдавать со всѣми его дѣтьми господину бѣглой. Если у господина въ числѣ его холопей оставались не выданными замужъ дѣвушки до 18 лѣтъ, а вдовы—въ теченіе двухъ лѣтъ или мужчины — холостыми до 20 лѣтъ, то холопій приказъ долженъ былъ выдавать имъ вольныя; если же отъ ихъ господина поступали жалобы на воровство или дурное поведеніе холопей, то такихъ жалобъ не разрѣшалось принимать. „Не держи неженатыхъ надъ (вопреки) Законъ Божій и правила святыхъ отецъ, да не умножится блудъ и скверное дѣяніе въ людехъ".

„А которые послѣ сего Уложенія крестьяне или холопи, или раба побѣжитъ отъ своего государя и придетъ къ иному, и государю искати

своего холопа, и рабу, и крестьянина въ пятнадцати лѣтахъ отъ побѣга, а за пятнадцать лѣтъ не искать".

Указъ Шуйскаго весьма любопытенъ, такъ какъ онъ даетъ намъ возможность заглянуть въ самую суть порядковъ того времени и ясно представить себѣ стремленія и взгляды тогдашняго общества.

Вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ сыгралъ важную роль въ борьбѣ царя Василія Шуйскаго со вторымъ Лже-Дмитріемъ. Перечисляя преступленія перваго самозванца, Шуйскій обвинялъ его между прочимъ въ намѣреніи истребить всѣхъ бояръ и служилыхъ людей, дьяковъ и купцовъ и всѣхъ „лучшихъ" людей. Въ виду этого второй Лже-Дмитрій сдѣлалъ попытку опереться на холоповъ и крестьянъ. Тогда служилые люди вездѣ начали принимать сторону Шуйскаго и требовали, чтобы онъ велъ ихъ противъ самозванца, который всталъ во главѣ холоповъ, крестьянъ и казаковъ. Благодаря нерѣшительности Шуйскаго, борьба затянулась, и противники нѣсколько разъ мѣняли тактику, стараясь привлечь каждый на свою сторону то служилыхъ людей, то крестьянъ и холоповъ. Ясно, что вопросъ о положеніи холоповъ и закрѣпощенныхъ крестьянъ игралъ немаловажную роль въ этой борьбѣ. Но различные указы и постановленія, относящіеся къ тому времени, не заключали въ себѣ ничего существеннаго для рѣшенія этого вопроса.

Изъ числа другихъ памятниковъ того времени только договоръ бояръ съ Владиславомъ отъ 30-го августа 1610 года объ избраніи его на царство содержитъ одно постановленіе, имѣющее отношеніе къ вопросу о прикрѣпленіи крестьянъ:... „а торговымъ и пашеннымъ крестьяномъ въ Литву изъ Руси и изъ Литвы на Русь выходу не быти, такоже и на Руси промежъ себя крестьяномъ выходу не быти".

Хотя договоръ бояръ съ Владиславомъ и не получилъ законной силы, но онъ даетъ намъ понятіе о томъ, какъ смотрѣли на крестьянскій вопросъ бояре, въ рукахъ которыхъ находилась въ то время власть. Повидимому, они разсчитывали этимъ постановленіемъ привлечь на свою сторону и на сторону избраннаго ими царя симпатіи служилой массы.

Всеобщая анархія и угрожающее господство поляковъ и католицизма вызвали реакцію со стороны здоровыхъ общественныхъ элементовъ. Служилые люди со своими холопами и крестьянами, купцы и посадскіе, черносошные крестьяне поднялись и общими силами отняли Москву у поляковъ, занимавшихъ ее съ согласія бояръ и отъ имени Владислава. Боярское правительство было низвергнуто, и для возстановленія порядка и для избранія новаго царя собрался земскій соборъ. На земскомъ соборѣ присутствовали и старосты черныхъ волостей. Соборъ возстановилъ неограниченную власть царя, подтвердивъ ее въ вполнѣ опредѣленныхъ выраженіяхъ. О положеніи крестьянъ на соборѣ не было рѣчи: рѣшеніе и урегулированіе всѣхъ вопросовъ, волновавшихъ тогдашнее общество, было предоставлено усмотрѣнію государя.

Но хотя никакихъ прямыхъ постановленій о прикрѣпленіи крестьянъ не состоялось, тѣмъ не менѣе съ самаго начала царствованія Михаила Ѳеодоровича прикрѣпленіе было уже совершившимся фактомъ. Это нетрудно объяснить всею совокупностью тогдашнихъ условій. Страна была переполнена разбойничьими и казацкими шайками, которыя пополнялись бѣглыми крестьянами и холопами; повсюду являлись искатели приключеній, выступавшіе въ роли претендентовъ на царскій престолъ; цѣлыя области оставались во власти у поляковъ и шведовъ. Всѣ усилія

государства были направлены на возстановленіе порядка, и сословіе служилыхъ людей было важнѣйшимъ исполнительнымъ органомъ правительства. Кто противился служилымъ людямъ, хотя бы даже не изъ политическихъ видовъ, какъ противились имъ крестьяне, тотъ представлялся врагомъ существующаго строя и врагомъ царя. Когда же волны всеобщей смуты мало-по-малу улеглись и все пришло въ обычный порядокъ, одни крестьяне оказались въ убыткѣ: ни о свободѣ переходовъ, ни о другихъ мѣрахъ, направленныхъ въ ихъ пользу, не было и рѣчи. Напротивъ, начали поступать челобитья объ отмѣнѣ давности для исковъ о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ.

Еще за 150 лѣтъ до общаго запрещенія крестьянскихъ переходовъ знаменитый Троицко-Сергіевъ монастырь получилъ привилегію не отпускать своихъ крестьянъ, и эта привилегія явилась первымъ предзнаменованіемъ будущаго переворота въ положеніи крестьянской массы; теперь тотъ же самый Троицкій монастырь выступилъ первый съ челобитьемъ о дальнѣйшемъ ограниченіи правъ крестьянъ и о расширеніи правъ землевладѣльцевъ. Согласно этому челобитью, монастырю было предоставлено право сыскивать назадъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ теченіе 10-лѣтняго срока. Другіе монастыри и землевладѣльцы старались обезпечить себя путемъ заключенія съ крестьянами частныхъ договоровъ. Въ нихъ назначалась денежная пеня или вставлялось условіе, согласно которому владѣлецъ получалъ право силою задерживать и возвращать къ себѣ уходившихъ крестьянъ. Въ другихъ случаяхъ крестьянинъ, снимая землю, долженъ былъ найти поручителя въ томъ, что онъ не уйдетъ прочь; если же крестьянинъ уходилъ, поручитель долженъ былъ внести пеню и найти новаго съемщика, а до тѣхъ поръ самъ обрабатывалъ землю и платилъ съ нея подати. Указами 1621 и 1629 гг. былъ назначенъ 10-лѣтній срокъ для возвращенія черныхъ крестьянъ, вышедшихъ изъ своихъ общинъ. Въ 1637 году поступило челобитье отъ служилыхъ людей украинскихъ городовъ съ жалобою на то, что, находясь на службѣ въ Москвѣ, они подолгу не бываютъ въ своихъ помѣстьяхъ, а потому пятилѣтній срокъ для розыска бѣглыхъ грозитъ имъ совершеннымъ разореніемъ: крестьяне уходятъ отъ нихъ на государевы, монастырскія и боярскія земли, скрываются тамъ въ теченіе пяти лѣтъ и послѣ того ихъ нельзя возвращать къ прежнимъ владѣльцамъ. Челобитчикамъ была дана привилегія, раньше предоставленная Троицкому монастырю. Въ отвѣтъ на новое челобитье служилыхъ людей въ 1641 г. та же привилегія была дана всѣмъ служилымъ людямъ, отбывавшимъ свою службу въ Москвѣ. Въ послѣдующемъ челобитьи служилые люди просили объ отмѣнѣ всякихъ сроковъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ; это ходатайство было отклонено, но 10-лѣтняя давность, установленная въ видѣ привилегіи сначала для Троицкаго монастыря, потомъ для украинскихъ служилыхъ людей и, наконецъ, для опредѣленной группы служилыхъ людей въ видѣ спеціальнаго закона, получили значеніе общаго закона по указу 9-го марта 1642 г., внесенному 11 марта въ дополнительныя статьи къ Судебнику. Въ томъ же году была установлена пятнадцатилѣтняя давность для жалобъ о насильственномъ свозѣ крестьянъ. Но служилые люди продолжали подавать челобитья, добиваясь полной отмѣны сроковъ для сыска бѣглыхъ. Указомъ отъ 19-го октября 1645 года ихъ просьба была отклонена: той статьѣ о крестьянахъ, говорится въ указѣ, быть по уложенію прежнихъ государей, какъ было опредѣлено въ 1641 г., потому что сравнительно съ

уложеніемъ прежнихъ государей уже было прибавлено пять лѣтъ, а потомъ еще вдвое, т.-е. 10 лѣтъ. Но то самое, въ чемъ было отказано служилымъ людямъ, когда они просили объ охранѣ своихъ правъ, въ слѣдующемъ году стало закономъ, какъ только оказалось, что этого требуютъ и интересы казны и административныя соображенія. Московская бюрократія неуклонно слѣдовала своему основному правилу: не церемониться съ чьими бы то ни было правами, когда эти права становятся неудобными съ точки зрѣнія администраціи. Въ писцовомъ наказѣ 1646 г. сроки для сыска бѣглыхъ на будущее время отмѣнялись и всѣ вопросы о прикрѣпленіи крестьянъ предписывалось разрѣшать на основаніи новыхъ переписныхъ книгъ: „А какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ, и которые народятся послѣ той переписки, и учнутъ жить дворами вновь, и тѣхъ дворовъ лишними дворами не ставить, потому что отцы ихъ въ переписныхъ книгахъ написаны“.

Изъ текста наказа видно, что при составленіи переписныхъ книгъ производилось разслѣдованіе, кого изъ приписанныхъ къ имѣнію слѣдовало считать дворовыми, изстаринными или кабальными холопами, и кого — крестьянами, и по какимъ крѣпостямъ и актамъ. Кто скрывалъ своихъ крестьянъ, пряталъ ихъ въ лѣсахъ, выдавалъ чужихъ крестьянъ за своихъ (чтобы послѣ требовать ихъ себѣ по суду на основаніи подложныхъ данныхъ переписныхъ книгъ), кто показывалъ населенные дворы пустыми или называлъ крестьянъ холопами, тѣмъ грозили извѣстныя наказанія. По окончаніи переписи иски о возвращеніи бѣглыхъ могли быть возбуждаемы въ теченіе пяти лѣтъ, а затѣмъ рѣшеніе всѣхъ споровъ и тяжбъ о крестьянахъ должно было основываться исключительно только на данныхъ переписныхъ книгъ. Только для исковъ, начатыхъ въ прежніе годы, былъ оставленъ прежній десятилѣтній срокъ давности. Въ 1648 г. служилые люди подали новое челобитье, а въ 1649 г., согласно Уложенію, давность была отмѣнена также и для прежнихъ исковъ, и такимъ образомъ новый законъ получилъ обратное дѣйствіе.

ЗАПАДНАЯ РУСЬ ПОДЪ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ ВЪ XVI И XVII СТ.

LVIII. Соединеніе Литвы съ Польшею и Люблинская унія.

(По соч. Кояловича: «Люблинская унія»).

Сто восемьдесятъ три года прошло со времени перваго соединенія Литвы съ Польшею при Ягеллѣ (1386) до послѣдняго, рѣшительнаго соединенія ихъ при королѣ польскомъ и великомъ князѣ литовскомъ Сигизмундѣ-Августѣ (1569). Очевидно, что процессъ сліянія двухъ государствъ въ одно тормозился многими препятствіями, если государства эти, состоя подъ управленіемъ одной династіи, иногда подъ управленіемъ однихъ и тѣхъ же государей, при несомнѣнномъ желаніи этихъ послѣднихъ добиться сліянія, долго не могли соединиться въ одно прочное и неразрывное цѣлое. Соединеніе Литвы съ Польшею при Ягеллѣ было рѣшено случайностью существованія въ Польшѣ царственной невѣсты, на которой и женился в. князь литовскій. Съ другой стороны, Литва, въ виду усиливавшагося Московскаго государства, въ виду набѣговъ крымцевъ, въ виду того, что сама была обременена многочисленными русскими землями, должна была искать себѣ союзниковъ и нашла ихъ въ полякахъ, королемъ которыхъ сдѣлался ея великій князь. О народныхъ симпатіяхъ, ведшихъ въ XIV столѣтіи Литву и Польшу во взаимныя объятія, не можетъ быть и рѣчи: симпатій этихъ не существовало, по крайней мѣрѣ онѣ ни въ чемъ не проявились. Но соединеніе Литвы съ Польшею на первыхъ же порахъ вызвало многочисленныя затрудненія. Противоположность между строемъ литовскимъ и строемъ польскимъ была слишкомъ значительна, чтобы дѣло могло сладиться вполнѣ мирно и спокойно. Въ Литвѣ государи были наслѣдственные, почти съ неограниченною властью, въ Польшѣ они были избирательные съ очень ограниченною властью. Аристократія литовская принадлежала къ княжескимъ фамиліямъ, нѣкогда владѣтельнымъ. Въ Литвѣ между аристократіей и простымъ народомъ былъ многочисленный средній классъ, такъ называемое боярство, которое, примыкая съ одной стороны нечувствительно къ аристократіи, а съ другой — къ простому народу, давало

возможность этому послѣднему быть свободнымъ классомъ земледѣльцевъ. Въ Польшѣ крупный аристократизмъ терялся въ шляхетствѣ, которое, съ другой стороны, сосредоточивъ въ себѣ всѣ права, приготовило для крестьянскаго сословія почти рабское состояніе. Поэтому въ Литвѣ ни крестьянству, ни аристократіи не могло особенно нравиться близкое соединеніе съ Польшею, причемъ эта послѣдняя должна была неминуемо навязать первой свой политическій и общественный строй. Зато литовско-русское боярство могло желать и дѣйствительно желало соединенія, при которомъ оно надѣялось преобразиться въ шляхетство.

Пользуясь дѣйствіемъ элементовъ, нерасположенныхъ къ уніи, двоюродный братъ Ягелла—Витовтъ, вскорѣ послѣ 1386 года поднялъ смуту, которая угрожала расторгнуть тѣ слабыя узы, какими Ягелло старался привязать исконное владѣніе своихъ предковъ въ своему новому королевству. Пришлось за Витовтомъ утверждать личное право управлять Литвою. Литовцы задобрены были дарованіемъ польскихъ дворянскихъ гербовъ, польскихъ чиновныхъ названій, дозволеніемъ сеймовъ по образцу польскихъ, и въ свою очередь обѣщали быть въ неразрывномъ союзѣ съ Польшею. Это соглашеніе достигнуто было на сеймѣ въ Городлѣ въ 1413 г. Витовтъ, однако, держалъ себя отдѣльно и ограждалъ, насколько могъ, свои владѣнія отъ польскаго вліянія. Онъ даже намѣревался провозгласить себя королемъ, но польско-литовская интрига помѣшала этому. Впрочемъ, главная причина неудачи скрывалась не въ этихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ: Литва дѣйствовала врозь съ Русью. По городельскому акту польскими преимуществами могли пользоваться только принявшіе католичество, а такъ какъ таковыми были главнымъ образомъ литовцы, то новыя ихъ привилегіи внесли рознь между ними и русскими.

После смерти Витовта рѣзкая отдѣльность Литвы отъ Польши продолжалась по прежнему. Польскій король и в. князь литовскій Казиміръ (1440 — 1492) ничего не сдѣлалъ для слiянія двухъ половинъ своихъ владѣній. При немъ въ Литвѣ усилился даже элементъ русскій, ибо король особенно благоволилъ къ нему. Цѣлая масса русскихъ князей переходила добровольно подъ его власть; даже Новгородъ искалъ его покровительства и чуть было не примкнулъ къ Литвѣ. При сынѣ Казиміра, Александрѣ, управлявшемъ Литвою въ то время, когда братъ его Янъ-Альбертъ управлялъ Польшею, значеніе русскаго элемента въ Литвѣ возросло до того, что Глинскій былъ самымъ приближеннымъ человѣкомъ, и даже, послѣ смерти Александра, возникла серьезная опасность, чтобы онъ не утвердился на виленскомъ престолѣ. Но столь благопріятныя для отдѣльнаго существованія Литвы обстоятельства прекратились съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Янъ-Альбертъ, и Александръ явился государемъ обоихъ государствъ. Теперь онъ долженъ былъ хлопотать объ уніи и при этомъ о возвращеніи подъ власть Польши Кіевской и Волынской областей, что обѣщалъ еще сдѣлать Ягелло, но не могъ выполнить на самомъ дѣлѣ. Литовцы всполошились, собрали всѣ свои силы и затормозили это дѣло такъ, что новый актъ соединенія Литвы съ Польшей съ подчиненіемъ послѣдней областей Кіевской и Волынской составлялся нѣсколько лѣтъ, подписанъ только немногими литовцами и остался безъ исполненія. Тѣмъ не менѣе народное западно-русское дѣло понесло невозвратимую потерю. Русскія области обѣднѣли лучшими людьми, перешедшими въ Московское государство, даже иныя русскія земли отпали совсѣмъ отъ Литвы. Народное дѣло осталось въ рукахъ однихъ литов-

цевъ немногочисленныхъ, значительно ополяченныхъ и олатиненныхъ, а потому мало способныхъ опираться на поддержку народа. Можно думать, что если бы Сигизмундъ, наслѣдникъ Александра, менѣе любилъ Литву, то онъ безъ особаго труда достигъ бы окончательной ея уніи съ Польшею. Но онъ самъ нарочно не поднималъ вопроса ни объ укрѣпленіи прежнихъ договоровъ, ни о передачѣ областей Кіевской и Волынской. Онъ даже далъ Литвѣ особаго правителя въ лицѣ своего сына Сигизмунда-Августа.

Несмотря на то, что и этотъ послѣдній былъ, подобно отцу, ревностнымъ литовскимъ патріотомъ, онъ, сдѣлавшись польскимъ королемъ, поставленъ былъ въ необходимость хлопотать объ уніи. До сихъ поръ одною изъ сильнѣйшихъ связей между двумя смежными государствами была династія Ягеллоновъ, любимая въ Литвѣ и доставлявшая Польшѣ королей. Сигизмундъ Августъ былъ бездѣтенъ и послѣдній изъ Ягеллоновъ. Смерть его угрожала полнымъ разъединеніемъ, такъ какъ поляки выбрали бы, вѣроятно, на свой престолъ одно лицо, литовцы — другое, причемъ трудно было разсчитывать на тѣсную дружбу какъ обоихъ государей, такъ и обоихъ народовъ. Хотя и патріотъ литовскій, Сигизмундъ-Августъ не желалъ допустить разрыва между Литвою и Польшею, — разрыва, который считалъ одинаково неудобнымъ для обѣихъ сторонъ. Во что бы то ни стало, слѣдовало покончить дѣло въ томъ смыслѣ, чтобы не допускать разобщенія. Сигизмундъ-Августъ принялся за разрѣшеніе этой трудной задачи.

Онъ началъ съ того, что часть доходовъ, идущихъ съ государственныхъ литовскихъ земель въ его кассу и находившихся во владѣніи литовскихъ вельможъ, подарилъ польской коронѣ. Это значило, что король, избранный въ Польшѣ, тѣмъ самымъ дѣлается великимъ княземъ литовскимъ; это значило также, что если Литва сольется съ Польшей, то и тамъ будетъ участвовать въ избраніи короля; въ противномъ же случаѣ ей придется принимать того, кого изберутъ поляки. Этотъ „варшавскій рецессъ" сильно разсердилъ литовскихъ вельможъ. Они протестовали, но безъ успѣха, такъ какъ великій князь могъ по своему произволу распорядиться тѣмъ, что считалось его собственностью. Между недовольными ходила мысль даже о томъ, чтобы передаться царю московскому, мысль, которая могла бы имѣть значительный успѣхъ, еслибъ на московскомъ престолѣ сидѣлъ вмѣсто Іоанна IV, уже прославившагося тогда своими жестокостями, кто-либо другой.

Намъ уже извѣстно, что изъ всѣхъ сословій Литвы одно лишь боярство могло желать слиться съ Польшею. Но оно жило на земляхъ аристократіи и потому было отъ нихъ зависимо. Когда въ Литву проникли многія польскія новости въ родѣ сеймовъ, гербовъ и т. д., дѣлавшіяся доступными лишь для аристократіи, то боярство стало очень негодовать на свое положеніе. Аристократія сдѣлала ему уступку допущеніемъ областныхъ сеймовъ, на которыхъ участвовали и бояре; они-то могли избирать депутатовъ и на главный сеймъ. Но понятно, что, сидя на землѣ аристократовъ, бояре не могли имѣть существеннаго значенія ни на областныхъ сеймахъ, ни на главномъ. Король замѣтилъ эту слабую сторону и воспользовался ею. Онъ юридически уравнялъ литовское боярство съ аристократіей во всѣхъ правахъ. Такимъ образомъ, сразу получалась значительная сила въ самой Литвѣ, готовая способствовать полному слiянію съ Польшею. Подготовивъ такимъ образомъ все дѣло, король велѣлъ (1569) съѣхаться и полякамъ, и литовцамъ на сеймъ въ

Люблинъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о полномъ сліяніи обоихъ союзныхъ государствъ.

Сеймъ открылся 10-го января. Поляки рѣшились дѣйствовать энергично и думали, что имъ удастся дѣло покончить вдругъ. Предполагая вопросъ о томъ, что унія неминуемо состоится, какъ бы находящимся внѣ всякаго сомнѣнія, они предложили литовскимъ представителямъ сразу засѣсть съ ними вмѣстѣ и такимъ образомъ вести дальнѣйшее обсужденіе дѣла. Но литовцы, для которыхъ предлагаемая унія была не особенно желательною, этого предложенія не приняли. Они ссылались на обычай, по которому до сихъ поръ сеймы польскій и литовскій собирались отдѣльно и сносились другъ съ другомъ при помощи короля или особыхъ комиссаровъ; къ тому же они говорили, что желаютъ прежде покончить съ королемъ свои собственныя, чисто литовскія дѣла. Подъ послѣдними должно подразумѣвать то, что они добивались отъ Сигизмунда-Августа—утвержденія своего собственнаго статута для Литвы и нѣкоторыхъ другихъ особыхъ правъ. Король сообразилъ, что удовлетворить ихъ желанію — значитъ сдѣлать полное сліяніе Польши и Литвы невозможнымъ, и потому отказалъ въ просьбѣ литовскихъ депутатовъ, пригласивъ ихъ прежде всего покончить важнѣйшее дѣло — дѣло уніи. Такимъ образомъ, тактика литовцевъ не удалась; но не удалась и тактика поляковъ, желавшихъ сразу устроить совмѣстныя засѣданія: литовцы заявили, что они по-прежнему будутъ засѣдать отдѣльно до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ соглашеніе по всѣмъ пунктамъ. Вслѣдъ затѣмъ обнаружилось, что обѣ стороны придерживаются весьма различныхъ точекъ зрѣнія на унію. Литовцы требовали оставленія въ сторонѣ вопроса о государственномъ слитіи Литвы съ Польшей и высказывались лишь за закрѣпленіе нравственнаго братскаго союза. Поляки выдвигали на первый планъ актъ уніи Александра и варшавскій рецессъ. Первый изъ этихъ актовъ литовцы называли пустою бумагою, о второмъ говорики, что, такъ какъ сами, подобно полякамъ, имѣютъ право на избраніе государя, который въ Литвѣ можетъ получать власть не только по наслѣдству, то Сигизмундъ-Августъ, подаривъ Польшѣ на вѣчныя времена доходы съ литовскихъ государственныхъ имуществъ, подарилъ ей то, чего самъ не имѣетъ. Желая достигнуть соглашенія, король предложилъ обѣимъ сторонамъ слѣдующій проектъ уніи: сліяніе Литвы съ Польшею въ одно государство и въ одинъ народъ; признаніе одного монарха, избраннаго на общемъ сеймѣ; уничтоженіе особыхъ сеймовъ, особыхъ печатей, особой монеты, а также всѣхъ статей статута, нарушающихъ подобное единство; собственная Литва и Бѣлоруссія могутъ сохранить литовскій государственный титулъ, государственныя должности и очищенный статутъ; что касается до остальныхъ (малорусскихъ) частей княжества, то эти особенности на нихъ не распространяются, и онѣ переходятъ въ непосредственное польское управленіе. Литовцы отвергли этотъ проектъ, противопоставивъ ему слѣдующій свой: Польша свободно избираетъ себѣ короля, а Литва, также свободно, избираетъ этого короля своимъ великимъ княземъ, причемъ послѣ коронаціи въ Краковѣ должна слѣдовать коронація въ Вильнѣ; сохраняется отдѣльность сеймовъ, монеты, управленія; литовскій статутъ остается въ силѣ и не подвергается передѣлкѣ; Литва сохраняетъ всѣ свои владѣнія, не исключая Кіевской и Волынской областей, а Польша обязана гарантировать цѣльность этихъ владѣній. Но этотъ проектъ въ свою очередь отвергли поляки, говоря, что тутъ вовсе нѣтъ уніи, ибо „мы и съ невѣрными мо-

жемъ имѣть такой союзъ“. Король, въ качествѣ защитника уніи въ польскомъ смыслѣ, рѣшился на хитрость. Онъ секретно условился съ польскими депутатами, чтобы они незамѣтно собрались въ назначенный день и часъ въ замокъ. Предполагалось затѣмъ, что король къ тому же времени призоветъ къ себѣ своею властью всѣхъ литовцевъ и введетъ ихъ въ польскій сеймъ. Поляки приготовились, король послалъ за литовцами, но тѣ, провѣдавъ, въ чемъ дѣло, не явились и даже на слѣдующій день (28-го февраля), не желая впредь подвергаться подобнымъ сюрпризамъ, и уѣхали изъ Люблина почти всѣ.

Такимъ образомъ, дѣло уніи казалось неудавшимся, сеймъ разстроеннымъ. Поляки страшно негодовали и, въ пылу гнѣва, кричали, что литовцы хуже турокъ, что ихъ слѣдуетъ проучить оружіемъ. Понятно, что о войнѣ серьезно не думали, какъ потому, что исходъ ея могъ быть плачевнымъ для самой Польши, такъ и потому, что въ такомъ случаѣ пришлось бы навсегда отказаться отъ полнаго сліянія, на какое можно было разсчитывать лишь при мирной политикѣ. Поляки рѣшились продолжать занятія сейма, какъ-бы игнорируя какъ уѣхавшихъ, такъ и оставшихся литовцевъ, но зато они пригласили въ Люблинъ представителей Подлясья, литовской области, расположенной къ югу отъ Бѣловѣжской пущи. Многіе граждане Подлясья были недовольны литовскими аристократами, обращавшимися съ ними очень безцеремонно. Подлясскимъ депутатамъ обѣщаны были нѣкоторыя льготы въ податяхъ, если они признаютъ, отъ имени своей области, унію и засядутъ на сеймѣ вмѣстѣ съ поляками. Къ тому же большинство этихъ депутатовъ были должностныя лица, а должности ихъ были соединены съ поземельнымъ владѣніемъ, которое могло быть отнято королемъ въ случаѣ упорства съ ихъ стороны. Все дѣло сладилось такъ, какъ желалъ король. За подлясьемъ очередь дошла до Волыни, съ представителями которой люблинскій сеймъ думалъ поступить подобнымъ же образомъ. Предполагалось оттягать отъ Литвы одну область за другой, обезсилить ее и такимъ путемъ заставить согласиться на унію, сообразную съ польскимъ проектомъ. Литовцы поняли тактику и испугались. Они прислали королю просьбу о закрытіи существующаго сейма и о назначеніи новаго, на который будутъ присланы и новые депутаты отъ Литвы. Король былъ не прочь поступить сообразно этой просьбѣ, но польскіе политики стали настаивать, что если отсрочить дѣло, то унія можетъ погибнуть, что это маневръ со стороны литовцевъ, что, напротивъ, именно теперь открывается возможность сломить ихъ упрямство, ибо дѣло присоединенія Подлясья и Волыни заставитъ непремѣнно литовцевъ пріѣхать въ Люблинъ и сдаться. Представленія эти взяли верхъ: рѣшено было продолжать сеймъ, издать актъ соединенія Литвы съ Польшей и назначить литовскимъ депутатамъ, не новымъ, а прежнимъ, прибыть черезъ шесть недѣль.

Между тѣмъ волынское дѣло продолжалось. У малороссійскихъ аристократовъ не было сознательныхъ и сильныхъ побужденій отрѣшиться отъ Польши, а между тѣмъ, независимо отъ всякихъ отношеній къ ней, были побужденія предпочитать союзъ съ этой страной союзу съ Литвой. Русскія области больше всѣхъ страдали отъ татаръ, и къ нимъ гораздо скорѣе могла поспѣть помощь польская, чѣмъ литовская. Къ тому же послѣ Глинскаго Ю. З. Русь обѣднѣла русскими людьми. Ихъ стали замѣнять литовцы, причемъ затрогивались интересы оставшихся русскихъ людей. О симпатіяхъ боярства къ Польшѣ говорено было выше. Несмотря на все это, представители Волыни на сеймъ ѣхали неохотно. А

представителями этими были не депутаты, избранные мѣстными сеймиками, но тоже должностныя лица, у которыхъ король, какъ в. князь литовскій, могъ отнять ихъ земли. Это обстоятельство и не могло не влiять на податливость волынцевъ. Хотя, прибывъ въ Люблинъ, они говорили, что русскій народъ ихъ растерзаетъ за сліяніе ихъ области съ Польшею, но тѣмъ не менѣе они, руководствуясь вышеуказанными причинами и, быть можетъ также, той привычкою покоряться волѣ монарха, которая такъ свойственна русскому человѣку, заканчивали свои рѣчи заявленіемъ: „Однако волю государя готовы исполнить". Въ концѣ концовъ волынцы присягнули на унію и засѣли вмѣстѣ съ польскими депутатами.

Литовскіе депутаты, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, вернулись въ Люблинъ. Они попытались было оттянуть русскихъ депутатовъ на свою сторону, но тѣ, связанные присягою, не могли дѣятельно помочь имъ, хотя искренно того желали и умоляли сеймъ, чтобы онъ ихъ „не разлучалъ съ литовцами". Теперь уже литовцамъ невозможно было настаивать на своихъ прежнихъ условіяхъ уніи. Допуская въ принципѣ избирательную систему государя, они, оставляя за собою вопросъ о наслѣдственности своей династіи, требовали поочередныхъ литовскихъ сеймовъ, оставленія особой печати литовской и статута, въ чемъ видѣли гарантію противъ безусловнаго польскаго господства въ Литвѣ. Что касается до основанія Александровской уніи и варшавскаго рецесса, то литовцы „съ великою болью и стѣсненіемъ сердца, по приказанію вашей королевской милости", изъявляли на нихъ свое согласіе. Но поляки рѣшились не уступать ни на шагъ и потому отказались принять даже тѣ немногія требованія, которыя имъ теперь представляли литовцы. За этимъ дѣло опять остановилось и грозило опять разстроиться. Обѣ стороны, измученныя борьбою, какъ-бы по взаимному соглашенію, обратились къ слѣдующему средству: потребовали, чтобы самъ король велъ дальше дѣло посредствомъ польскаго сената съ одной стороны, литовскаго съ другой. Оба сената съѣзжались во дворецъ и располагались въ двухъ смежныхъ комнатахъ. Король присутствовалъ поочередно въ обѣихъ, склоняя стороны къ уступкамъ и передавая уступки одной стороны другой сторонѣ. Но король, въ роли посредника, далеко не могъ быть безпристрастнымъ. Двигатель уніи, онъ долженъ былъ больше сочувствовать настойчивости поляковъ, ибо ихъ требованія, хотя и невыгодныя и несправедливыя относительно Литвы, въ сущности ставили унію на прочную почву. То обстоятельство, что въ Польшѣ онъ былъ государемъ избраннымъ и очень ограниченнымъ, а въ Литвѣ наслѣдственнымъ и самодержавнымъ, давало королю возможность своимъ авторитетомъ импонировать больше одной сторонѣ, чѣмъ другой. Въ продолженіе двухъ дней сряду тянулись эти новыя совѣщанія, во время которыхъ король, еле передвигая ноги, ходилъ изъ одной комнаты въ другую, вымаливая уступки. 30-го іюня, въ послѣдній разъ попытавшись безуспѣшно отстоять литовскую печать, литовцы сдались, и объявлено было, что на слѣдующій день, 1-го іюля, будетъ происходить присяга на унію, что и дѣйствительно состоялось.

Литовцамъ, присягнувшимъ на декретъ о люблинской уніи столь недобровольно, оставалась только надежда, что король не приведетъ въ исполненіе всего этого декрета. Дѣйствительно, ни Сигизмундъ-Августъ, ни его преемники не исполнили его въ точности, не уничтожили литовской печати, которая имѣла болѣе важное значеніе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Она, вмѣстѣ съ литовскими государственными чинами и, глав-

ное, вмѣстѣ съ литовскимъ статутомъ, служила живымъ напоминаніемъ литовской отдѣльности отъ Польши.

LIX. Происхожденіе малороссійскаго козачества.

(По «Очерку исторіи украинскаго народа» (Спб., 1906 г., изд. 2) проф. Грушевскаго).

Козачество—явленіе очень интересное, какъ вслѣдствіе своей оригинальности, такъ и благодаря громкой роли, сыгранной имъ въ исторіи восточной Европы. Очагомъ его было среднее Поднѣпровье, его предстепная полоса, пониже Кіева, входившая въ XIV—XVII в. въ составъ Кіевскаго княжества (позже—Кіевскаго воеводства), а почву для него приготовили колонизаціонныя условія этого края.

Начиная съ половины X в. онъ (этотъ край) жилъ тревожною, воинственною жизнью, на границѣ осѣдлой колонизаціи, въ вѣчной борьбѣ съ кочевниками. И слово „козакъ“ — тюркское слово, издавна жившее въ устахъ кочевого населенія нашихъ степей, извѣстное уже въ половецкомъ словарѣ (1303 г.) въ значеніи „сторожъ“—„воинъ“, вполнѣ приложимо было въ этомъ значеніи къ порубежному населенію, этой передовой стражѣ Украины. Вмѣстѣ съ воинственностью и выносливостью эта порубежная жизнь развивала личность, чувство свободы. Предоставленные княжеско-дружиннымъ правительствомъ своимъ собственнымъ силамъ, эти пограничники очень чутки были къ его притязаніямъ. Въ XIII в. какъ разъ пограничныя со степью территоріи видимъ среди „людей Татарскихъ“, и эти пограничныя враги княжеско-дружиннаго строя являются полнымъ прототипомъ козачества, а союзъ ихъ съ Ордою предвосхищаетъ политику вождей козачества XVI—XVIII вв. въ ихъ стремленіяхъ найти въ турецко-татарскихъ силахъ помощь противъ соціально-политическаго строя Польши и централизаціонной политики Москвы.

Съ упадкомъ государственной жизни на Поднѣпровьѣ въ серединѣ XIII в. населеніе этихъ пограничныхъ со степью пространствъ было еще болѣе предоставлено себѣ, а жизнь подъ татарскою протекціею не отличалась спокойствіемъ, особенно въ періодъ разложенія Орды. В. кн. Литовское, присоединивъ эти пространства, также очень мало занималось ими, а возстановленное подъ властью князей Гедиминовой династіи Кіевское княжество очень слабо насаждало здѣсь привилегированное владѣльческое сословіе и еще слабѣе прививало формы и результаты соціальной эволюціи в. кн. Литовскаго. Страшные періодическіе набѣги татаръ Крымской орды Менгли-Гирея, съ 1482 г. обрушивающіеся на украинскія земли и затѣмъ въ нѣсколько ослабленныхъ формахъ продолжающіеся почти все XVI ст., смели съ лица земли и эти слабые результаты правительственной работы и вмѣстѣ съ ними—всю осѣдлую колонизацію предстепной полосы Поднѣпровья,—вплоть до Кіева, Чернигова, Житомира, Летичева.

Территорія на обѣихъ сторонахъ Днѣпра до Кіева и даже выше его превратилась въ совершенную пустыню и въ такомъ видѣ пролежала до послѣдней четверти XVI в. Единственными осѣдлыми поселеніями были городки, снабженные замками, небольшими гарнизонами и артиллеріею—Кіевъ, Каневъ, Черкасы, Житомиръ, Браславъ—на правой сто-

ронѣ Днѣпра, Остеръ—на лѣвой. Подъ стѣнами этихъ укрѣпленій ютилось все населеніе этихъ обширныхъ пространствъ: здѣсь жили крестьяне сосѣднихъ селъ и отсюда выходили на полевыя работы. Все населеніи жило подъ постояннымъ страхомъ татарскихъ набѣговъ, на военномъ положеніи: мѣщане и крестьяне этихъ пограничныхъ мѣстностей обязаны были имѣть коней и принимать участіе въ походахъ и погонѣ за татарами, и они дѣйствительно „имѣютъ ружья и умѣютъ хорошо стрѣлять", какъ свидѣтельствуютъ ревизоры пол. XVI в. Земледѣльческое и всякое другое хозяйство внѣ стѣнъ города велось вооруженною рукою— какъ описываетъ путешественникъ конца XVI в. пограничныхъ крестьянъ Волыни: „выходя на работу, онъ несетъ на плечѣ ружье, а къ боку привѣшиваетъ саблю или мечъ".

Но природныя богатства этихъ дѣвственныхъ странъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра увлекали населеніе далеко отъ замковъ, въ такъ называемые „уходы"—рыбныя ловли и мѣста охоты, къ устроеннымъ въ степномъ привольѣ бортямъ и пасѣкамъ. Тутъ эти промышленники проживали подолгу, соединяясь въ вооруженныя партіи. Оборона въ этихъ степяхъ, сосѣднихъ съ кочевьями татаръ, въ районѣ ихъ нападеній, незамѣтно переходила въ нападенія на такихъ же промышленниковъ противной, татарской стороны, въ степныя мелкія войны, „лупленье татарскихъ чабановъ", какъ онѣ технически назывались. Это подвижное, кочевое, закаленное въ невзгодахъ военно-промышленное населеніе и составило основу козачества.

Среди этихъ степныхъ авантюристовъ встрѣчались люди разныхъ общественныхъ классовъ и національностей. Встрѣчаются люди съ именами восточными—очевидно, разные забулдыги изъ татаръ же, разные „Москвитины", „Литвины", „Ляхи". Когда козачество пріобрѣло себѣ громкую военную славу, молодые люди шляхетскихъ фамилій принимали участіе въ козацкихъ походахъ, въ этой очаровывавшей своими опасностями и удальствомъ жизни; въ первыхъ козацкихъ движеніяхъ встрѣчаемъ въ качествѣ участниковъ и даже предводителей представителей мѣстныхъ, украинскихъ шляхетскихъ фамилій. Но инородные элементы были лишь сравнительно незначительною примѣсью среди козачества, а люди изъ высшихъ общественныхъ классовъ—временными гостями; главный и наиболѣе постоянный контингентъ „козаковавшихъ" все время поставляло пограничное украинское крестьянство и мѣщанство—наиболѣе закаленное и выносливое, привычное къ страшнымъ лишеніямъ и неудобствамъ, неразлучно связаннымъ съ этимъ занятіемъ.

На протяженіи XVI в. очень медленно слагается изъ этихъ „козаковавшихъ" козацкое сословіе. Чрезвычайно быстрое возрастаніе козачества и формированіе его въ особое сословіе падаетъ на конецъ XVI и начало XVII вв., а повліяли на это—съ одной стороны, колонизаціонный ростъ украинскаго предстепья, а съ другой — образованіе козачьяго иммунитета.

На усиленный приливъ сельскаго населенія на юго-восточную часть Украины оказало свое дѣйствіе улучшеніе колонизаціонныхъ условій; отпоръ, который козачество дало татарскимъ набѣгамъ, и самое уплотненіе населенія, умноженіе укрѣпленныхъ поселеній. Но главное значеніе имѣли спеціальныя обстоятельства, усилившія бѣгство крестьянъ изъ западной Украины и Полѣсья: ухудшеніе положенія крестьянства въ этихъ областяхъ, развитіе панщины, отбираніе крестьянскихъ земель, а также и та агитація, какую повели черезъ своихъ агентовъ шляхтичи, заняв-

шіеся хозяйствомъ на Украинѣ въ выпрошенныхъ отъ короля имѣніяхъ и озабоченные привлеченіемъ рабочихъ рукъ. Все это вызывало чрезвычайное усиленіе побѣговъ изъ гуще заселенныхъ и вкусившихъ уже всю сладость помѣщичьяго хозяйства западныхъ и сѣверныхъ территорій Украины. Козацкій же иммунитетъ и самая идея его сложились опять-таки подъ воздѣйствіемъ цѣлаго ряда такихъ условій, какъ вѣчная борьба козаковавшихъ авантюристовъ съ городскими и провинціальными властями, протекція, которую оказывали имъ мѣстные администраторы въ своихъ интересахъ; еще болѣе важное значеніе имѣли пробы организаціи козацкаго сословія самимъ правительствомъ и, наконецъ,—сознаніе собственной силы у самого козачества.

Козачество, сильно возраставшее въ численности, продолжаетъ свои походы на турецкія и татарскія земли, особенно на Молдавію, принимая участіе въ борьбѣ разныхъ претендентовъ на нее. Турки и Татары грозятъ войною. Перепуганное угрозами польское правительство берется за ту же, столько разъ испытанную и оказавшуюся негодной мѣру: поручаетъ организовать козацкій отрядъ изъ 1.000 человѣкъ, позже беретъ на службу еще двѣ или три тысячи ихъ. Эти козаки имѣли очистить „Низъ“ отъ своевольныхъ козаковъ и занять гарнизоны на степномъ пограничьѣ. Но очевидно—не надѣясь на осуществимость такого очищенія Низа, правительство одновременно приказывало не пускать никого на Низъ, хотя бы на промыслы, не впускать въ города и мѣстечки людей, приходящихъ съ Низу, не продавать имъ никакихъ припасовъ, арестовывать тѣхъ, которые будутъ приносить изъ степей какую-нибудь добычу, и т. д. (1590).

Всѣ эти правительственныя мѣропріятія, не достигая цѣли, какую имѣли въ виду—т.-е. прекращенія козацкихъ походовъ на сосѣднія земли, усмиренія „украиннаго своеволія“—производили эффектъ совсѣмъ иного рода. Эти опыты правительственной организаціи козачества весьма существенно повліяли на сформированіе идеи козацкаго иммунитета. Они дали ей нѣкоторое юридическое оправданіе. Принимая козаковъ на службу, правительство освобождало ихъ изъ-подъ власти всякихъ „урядовъ“: отнынѣ они подлежали власти и суду только своихъ козацкихъ властей. И хотя эта привилегія предназначалась только для козаковъ, вписанныхъ въ правительственный реестръ, на нее претендуютъ всѣ, причислявшіе себя къ козакамъ, всѣ „козаковавшіе“. Они уже и прежде очень неохотно и слабо подчинялись всякимъ властямъ; теперь изъятіе реестровыхъ козаковъ давало иллюзію юридическаго оправданія такимъ стремленіямъ козачества къ полной независимости отъ всякой правительственной или помѣщичьей власти. Создается убѣжденіе, что всякій козакъ eo ipso свободенъ отъ всякихъ властей: отъ власти старосты, если онъ сидитъ на землѣ, входящей въ непосредственное вѣдѣніе правительственныхъ чиновниковъ, отъ власти городского магистрата—если онъ сидитъ на территоріи общины магдебургскаго права, отъ власти помѣщика—если сидитъ на землѣ помѣщичьей; онъ не подлежитъ ихъ юрисдикціи, свободенъ отъ всякихъ даней, оплатъ и работъ на нихъ вмѣстѣ со своимъ хозяйствомъ и семьею. Нужды нѣтъ, внесенъ ли онъ въ реестръ или нѣтъ: вѣдь и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ не перестаетъ себя считать козакомъ, ничѣмъ не уступающимъ реестровому. Оправданіе такому взгляду даетъ само правительство, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему нужны были болѣе значительныя военныя силы, оно безъ разбора

привлекаетъ къ участію въ походахъ й военныхъ дѣйствіяхъ реестровыхъ и нереестровыхъ.

Можно себѣ представить, какой переворотъ производитъ въ общественныхъ отношеніяхъ юго-восточной Украины эта идея, когда она доходитъ до полной сознательности,—что мы видимъ въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Въ это время, подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ указанрыхъ представленій о привилегіяхъ, связанныхъ съ козацкимъ званіемъ, окончательно формируется понятіе о козачьемъ сословіи, и къ нему начинаютъ причислять себя въ этихъ пограничныхъ краяхъ всѣ общественные элементы, желавшіе освободиться отъ стѣснительныхъ рамокъ польской общественной схемы: крестьяне помѣщичьихъ и государственныхъ имѣній, мѣщане городовъ самоуправляющихся и подчиненныхъ власти старостъ или помѣщиковъ, даже боярство и мелкая шляхта, привлекаемая старостами къ тяжелой замковой службѣ. И такъ какъ на это время падаетъ, съ одной стороны—небывалый прежде приливъ крестьянскаго населенія въ юго-восточную Украину, а съ другой—распространеніе въ нихъ польскихъ порядковъ, господство шляхты и крѣпостныхъ отношеній, отъ которыхъ считали себя освобожденными всѣ причислявшіеся къ козачеству, то козачество необыкновенно быстро растетъ, увеличиваясь съ сотенъ на тысячи и десятки тысячъ.

Но, конечно, ни правительство, ни тѣмъ менѣе—мѣстные помѣщики и державцы государственныхъ земель не имѣли ни малѣйшаго желанія признавать этой узурпированной свободы и привилегій. Въ ихъ глазахъ „покозачившіеся" ихъ „подданные" были только „непослушные крестьяне", „непослушные мѣщане", какъ они часто и обозначаютъ ихъ въ тогдашнихъ актахъ. Но безтолковая политика правительства лишала мѣстную администрацію и помѣщиковъ возможности положить предѣлъ „украинному своеволію". Только въ десятилѣтіе передъ возстаніемъ Хмельницкаго, послѣ большихъ народныхъ движеній 1637 и 1638 гг., сдѣланы были серьезныя усилія, чтобы задавить козачину и это удалось на довольно продолжительное время (почти цѣлое десятилѣтіе), но было уже слишкомъ поздно: ферментъ былъ уже настолько силенъ, что этотъ правительственный гнетъ только увеличилъ силу народной реакціи.

Вообще Польша не была ни достаточно сильна, ни достаточно дальновидна, чтобы или уничтожить козачество, или дисциплинировать и организовать его (восточной Украинѣ она вообще очень мало удѣляла вниманія въ своей внутренней политикѣ). Репрессіи и кровопролитія не останавливали роста козачества и лишь раздражали его.

Если значительная часть козаковъ—эти покозачившіеся мѣщане и крестьяне—цѣнили въ козачествѣ его соціальныя и общественныя привилегіи и, состоя подъ козацкимъ „присудомъ", спокойно хозяйничали на своихъ земляхъ, то для иной, значительной массы козачества война была его настоящею стихіею, главнымъ источникомъ пропитанія, а походы на татарскія и турецкія земли—такимъ же неизмѣннымъ рессурсомъ, какъ рыбные и звѣриные промыслы. Въ интересахъ поддержанія добрыхъ отношеній съ Турціею и Крымомъ польское правительство хотѣло прекратить эти походы. Но въ такомъ случаѣ нужно было дать иной исходъ энергіи этой воинственной части козачества и одновременно нужно было подыскать для нея иной источникъ пропитанія. Безъ этого удержать козаковъ отъ походовъ не могли и наиболѣе вліятельные вожди козачества. Правительственныя же запрещенія, стѣсненія и преслѣдованія со стороны украинскихъ старостъ и помѣщиковъ только возбуждали

въ немъ раздраженіе и ненависть. Чувствуя невозможность при такихъ условіяхъ установить прочныя отношенія къ правительству и понимая, что только фактическая сила козачества не даетъ правительству и шляхтѣ возможности его сломить, вожди козачества стремятся возможно увеличивать его численную силу, расширять его территорію все далѣе и далѣе вглубь осѣдлой колонизаціи, привлекая въ его среду все новыя и новыя массы украинскаго крестьянства. Съ другой стороны, раздраженія на стѣсненія и репрессіи выливаются въ борьбѣ съ пограничными старостами и панами.

Такъ начинаются первыя козацкія войны. Въ нихъ обыкновенно идутъ солидарно козаки реестровые и вся масса вольницы. Правительство, какъ я уже сказалъ, не было въ состояніи дисциплинировать реестровыхъ; притомъ эти послѣдніе чувствовали, что ихъ сила и значеніе лежитъ въ этой массѣ вольницы, стоявшей за ихъ спиной. Поэтому только временами правительству удавалось разъединить эти двѣ категоріи козачества, по большей же части между ними не было никакой ощутительной границы, и самый реестръ очень часто существовалъ только на бумагѣ или даже въ воображеніи.

LX. Морскіе походы запорожскихъ казаковъ.

(*Изъ соч. Боплана: «Описаніе Украйны»* *).

Задумавъ *погулять* на морѣ, казаки испрашиваютъ дозволенія не у короля, а у гетмана, потомъ составляютъ раду, т.-е. военный совѣтъ, и выбираютъ походнаго атамана, такъ точно, какъ и главнаго вождя. Впрочемъ, атаманъ походный ставится на время. Послѣ сего они отправляются въ войсковую *скарбницу*, сборное свое мѣсто, строятъ тамъ челны, длиною въ 60, шириною отъ 10 до 12, а глубиною въ 12 футовъ. Челны сіи безъ киля; дно ихъ состоитъ изъ выдолбленнаго бревна ивоваго или липоваго; оно обшивается съ боковъ на 12 ф. въ вышину досками, которыя приколачиваются одна къ другой такъ точно, какъ при постройкѣ рѣчныхъ судовъ, до тѣхъ поръ, пока челнъ не будетъ имѣть въ вышину 12, а въ длину 60 ф.: толстые канаты изъ камыша, обвитые лыкомъ или боярышникомъ, какъ связанные боченки, обхватываютъ челнъ отъ кормы до носа. Челны казацкіе, имѣя съ каждой стороны по 10 и 15 веселъ, плывутъ на греблѣ скорѣе турецкихъ галеръ. Ставится также и мачта, къ которой привязываютъ въ хорошую погоду довольно плохой парусъ; но при сильномъ вѣтрѣ казаки охотнѣе плывутъ на веслахъ. Челны не имѣютъ палубы; если же ихъ зальетъ волнами, то камышевые канаты предохраняютъ отъ потопленія. Сухари складываютъ въ бочки, длиною въ 10, а въ поперечникѣ около 4 ф.; достаютъ ихъ черезъ втулку. Сверхъ того, каждый казакъ запасается горшкомъ варенаго проса и горшкомъ тѣста, распущеннаго въ водѣ, которое они ѣдятъ, смѣшавъ съ просомъ. Тѣсто сіе, вкусомъ кисловатое, служитъ казакамъ для пищи и для питья: называютъ его *саламатою*, т.-е. лакомымъ кушаньемъ, хотя я не находилъ въ немъ большой пріятности и употреблялъ оное въ путе-

---

*) Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne. Par le sieur de Bauplan. A Rouen. 1650.

шествіяхъ только при недостаткѣ лучшей пищи. Казаки во время похода всегда трезвы, и, если замѣшается пьяница, атаманъ тотчасъ приказываетъ выбросить его за бортъ; имъ не позволено также брать съ собою водки, ибо трезвость считаютъ необходимою при исполненіи своихъ предпріятій.

Для отмщенія татарамъ за разореніе Украйны казаки выбираютъ осеннее время; заранѣе отправляютъ въ Запорожье снаряды и запасы, необходимые для похода и для постройки челновъ. Въ Запорожьѣ собирается отъ 5 т. до 6,000 хорошо вооруженныхъ казаковъ, которые немедленно принимаются за постройку лодокъ. Не менѣе 60 человѣкъ, искусныхъ во всѣхъ ремеслахъ, трудится около одного челна и отдѣлываютъ оный чрезъ 15 дней, такъ что въ двѣ или три недѣли изготовляютъ около 80 или 100 лодокъ съ 4 или 5 фальконетами. На челнъ садится отъ 50 до 70 казаковъ, изъ коихъ всякій имѣетъ саблю, двѣ пищали, 6 фунтовъ пороха, достаточное количество пуль и квадрантъ; тутъ же кладутъ ядра для фальконетовъ и необходимые жизненные припасы. Походная одежда состоитъ изъ рубахи, двухъ шароваръ (одни для перемѣны), кафтана изъ толстаго сукна и шапки. Вотъ какіе витязи садятся на летучій флотъ, приводящій въ трепетъ многолюдные города Анатоліи!

Челны казацкіе спускаются по Днѣпру и плывутъ такъ тѣсно, что едва не задѣваютъ другъ друга веслами; атаманскій флагъ развѣвается впереди. Турки обыкновенно заранѣе провѣдываютъ о намѣреніи казаковъ и, чтобы удержать ихъ, разставляютъ галеры свои на устьѣ днѣпровскомъ; но хищные казаки для входа въ море избираютъ ночь самую темную, предъ новолуніемъ, а до того времени скрываются въ 3 или 4 миляхъ отъ устья, въ камышахъ, куда галеры турецкія, помня прежнюю неудачу, не смѣютъ показаться: онѣ стерегутъ казаковъ только на устьѣ и всегда безъ успѣха. Впрочемъ, проѣздъ казаковъ чрезъ Лиманъ не можетъ совершенно укрыться отъ стражи; вѣсть о выходѣ ихъ въ море быстро распространяется по морскому берегу до самаго Константинополя. Султанъ разсылаетъ гонцовъ по берегамъ Анатоліи, Болгаріи и Румеліи для предостереженія жителей. Но все это ни къ чему не служитъ. Казаки, чрезъ 36 или 40 часовъ по выходѣ изъ Днѣпра, причаливаютъ къ берегамъ Анатоліи и, оставивъ для караула на каждой лодкѣ по два товарища и по два мальчика, вооруженныхъ пищалями, дѣлаютъ высадку, нападаютъ врасплохъ, приступомъ берутъ города, грабятъ, жгутъ, опустошаютъ Анатолію, нерѣдко, на цѣлую милю отъ морского берега, потомъ немедленно возвращаются къ судамъ, нагружаютъ ихъ добычею и плывутъ далѣе на новые поиски. Есть надежда на успѣхъ—вновь дѣлаютъ высадку; если нѣтъ—возвращаются съ добычею на родину; встрѣтятся ли имъ на морѣ турецкія галеры или купеческіе корабли, они бросаются на нихъ въ абордажъ. Открываютъ же непріятельскій корабль или галеру прежде, нежели турки замѣтятъ ихъ челны, возвышающіеся надъ морскою поверхностью не болѣе $2^1/_2$ футовъ. Увидѣвъ вдали корабль, казаки немедленно складываютъ мачты, замѣчаютъ направленіе вѣтра и становятся такимъ образомъ, чтобы къ вечеру солнце у нихъ было за спиною. За часъ до захожденія онаго на всѣхъ веслахъ плывутъ къ кораблю и останавливаются на милю отъ него, чтобы не упустить непріятеля изъ вида. Наконецъ, въ полночь, по данному знаку, устремляются на врага: половина удальцовъ, готовыхъ къ бою, съ нетерпѣніемъ ждетъ абордажа и, сцѣпившись съ турецкимъ судномъ, въ одно

мгновеніе входитъ въ оное. Турки, изумленные нападеніемъ 80 или 100 лодокъ и множествомъ враговъ, уступаютъ, а казаки, забравъ деньги, негромоздкіе товары, которымъ не вредитъ подмочка, пушки и все то, что можетъ быть для нихъ полезно, пускаютъ корабль на дно со всѣмъ его экипажемъ. Если бы они умѣли править морскими судами, то уводили-бы съ собою и взятые корабли; но они еще не дошли до этого искусства.

Наконецъ, настаетъ время къ возвращенію на родину. Турки между тѣмъ усиливаютъ стражу на устьѣ днѣпровскомъ; но казаки смѣются надъ этимъ даже и тогда, когда битвы съ непріятелемъ уменьшили число ихъ, или волны морскія поглотили нѣкоторые изъ утлыхъ челновъ: они причаливаютъ въ заливѣ въ 3 или 4 миляхъ на востокъ отъ Очакова. Отъ сего залива къ Днѣпру идетъ узкая лощина, длиною около 3 миль, которую иногда море заливаетъ на $^1/_4$ мили, покрывая ее водою не болѣе какъ на $^1/_2$ фута. Чрезъ сію лощину казаки перетаскиваютъ свои суда: надъ каждымъ челномъ трудится 200 или 300 человѣкъ, и чрезъ 2 или три дня весь флотъ, обремененный добычею, является на Днѣпрѣ. Такимъ образомъ казаки избѣгаютъ сраженія съ турецкими галерами, стоящими на устьѣ днѣпровскомъ близъ Очакова, возвращаются въ войсковую скарбницу и дѣлятъ тамъ добычу.

Впрочемъ, и казаки въ свою очередь, попадаютъ въ западню, если встрѣтятся съ турецкими галерами среди бѣла дня на открытомъ морѣ. Тогда отъ пушечныхъ выстрѣловъ челны ихъ разсыпаются, какъ стая скворцовъ, и многіе гибнутъ въ морской пучинѣ; удальцы теряютъ все свое мужество и въ быстромъ бѣгствѣ ищутъ спасенія. Но, когда рѣшаются на битву, привязываютъ весла по мѣстамъ и вступаютъ въ бой: одни, не трогаясь съ лавокъ, палятъ безпрерывно изъ пищалей; другіе заряжаютъ ихъ и подаютъ своимъ товарищамъ; мѣткіе выстрѣлы ихъ не допускаютъ турокъ до ручной схватки. При всемъ томъ пушки наносятъ казакамъ вредъ ужасный: они обыкновенно теряютъ въ сраженіяхъ съ галерами около двухъ третей своихъ сподвижниковъ, рѣдко возвращается ихъ на родину болѣе половины; зато привозятъ богатую добычу: испанскіе реалы, арабскіе цехины, ковры, парчу, бумажныя и шелковыя ткани и иные драгоцѣнные товары. Вотъ славный ихъ промыселъ: они живутъ одною добычею, ибо, возвратясь на родину, ничѣмъ не занимаются.

Казаки выходятъ на морскіе поиски послѣ Иванова дня и возвращаются не позже первыхъ чиселъ августа мѣсяца.

LXI. Подготовка церковной уніи.

(Изъ «Историческихъ монографій и изслѣдованій» Костомарова, т. III).

Съ тѣхъ временъ, какъ историческія судьбы повлекли русскія земли къ сближенію и, наконецъ, къ соединенію съ Польшею, выступаетъ въ нихъ новая борьба между греческимъ и римскимъ богослуженіемъ; на сторонѣ перваго было большинство народонаселенія и привычки старины, на сторонѣ другого—пособія правительственныхъ личностей и орудія западной образованности. Борьба эта то ослабѣвала и почти угасала, то оживала снова. Папское всевластіе ни на шагъ не оставляло своихъ привычныхъ

стремленій подчинить себѣ русскую церковь и не пренебрегало мірскими обстоятельствами, если они, по своему стеченію, наклонялись ему въ пользу.

Съ принятія католичества Ягелломъ, устроившимъ, посредствомъ своего бракосочетанія съ Ядвигою, соединеніе Польши съ Литвою, католическій обрядъ сталъ внѣдряться въ русскіе края. Въ 1413 г., на городленскомъ сеймѣ, гдѣ совершился первый актъ соединенія Литвы съ Польшей, постановлено распространить права, которыми пользовалась польская шляхта, на Русь, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускать къ должностямъ только такихъ лицъ, которыя не отрекаются отъ послушанія апостольскому престолу. На этомъ сеймѣ было заявлено, что разновѣріе признается вреднымъ для цѣльности и безопасности государства. Тогда многіе, получившіе званіе шляхты, приняли католичество. Впрочемъ, это произошло болѣе собственно съ литовцами. Что касается до Руси, то это грозное предпочтеніе католичества и исключеніе русскихъ отъ правъ едва ли только не на бумагѣ существовало: все, что входило въ область Литовскаго княжества, было отдано удѣльной власти Витовта, а этотъ благоразумный князь, всю жизнь стремившійся устроить независимость русско-литовскаго государства, понималъ, что отдѣльность Руси отъ Польши въ религіозномъ отношеніи способствуетъ его политическимъ видамъ. При немъ (1415) церковь русская въ іерархическомъ отношеніи отдѣлилась отъ московской избраніемъ особаго кіевскаго митрополита. Въ земляхъ южнорусскихъ, принадлежавшихъ Польшѣ при Ягеллѣ, католичество успѣшнѣе дѣлало шаги къ господству, но болѣе чрезъ увеличеніе массы иноземцевъ, получавшихъ въ странѣ должности, а не чрезъ обращеніе русскихъ.

Наслѣдникъ Ягелла Владиславъ II уничтожилъ всякое стѣсненіе греческой религіи и далъ равныя права ея исповѣдникамъ съ послѣдователями римской. Тогда совершилась первая унія на флорентійскомъ соборѣ. Митрополитъ Исидоръ, изгнанный изъ Москвы, провозгласилъ унію въ литовскихъ владѣніяхъ; католическое правительство не могло этому не благопріятствовать, но православные люди приняли нововведеніе дурно. Исидору неудобно оказалось жить въ южной Руси, и онъ долженъ былъ удалиться въ Римъ.

Унія XV вѣка болѣе существовала въ воображеніи немногихъ, чѣмъ въ религіозной жизни и церковномъ управленіи. Великій князь Казимиръ въ своихъ привилегіяхъ не дѣлалъ разницы между послѣдователями греческой церкви, признающими и не признающими унію. Сынъ его Александръ, на котораго Иванъ III пошелъ войною подъ благовиднымъ предлогомъ защиты вѣры, далъ привилегію на свободное отправленіе богослуженія греческой вѣры и не дѣлалъ различія между признававшими и отвергавшими единство восточной церкви съ западною. Безъ сомнѣнія, признавать его и не признавать было все равно въ то время.

При обоихъ Сигизмундахъ всѣ вѣроисповѣданія пользовались равенствомъ правъ и безусловною свободою. Тогда въ Польшѣ, а особенно въ Литвѣ, распространилось реформатство: оно годъ отъ году болѣе и болѣе угрожало ниспроверженіемъ католической религіи. И православные увлекались новизною и принимали новое ученіе. Въ Польшѣ нашло пріютъ и свободу ученіе, повсюду гонимое, отвергавшее троичность Божества и видѣвшее въ Христѣ не Бога, а учителя и благодѣтеля человѣчества, избраннаго промысломъ возвѣстителя вѣчныхъ истинъ; это ученіе называли аріанствомъ. Съ другой стороны, ереси занесли въ литовскую Русь

выходцы изъ Московщины, послѣдователи бродившихъ въ разныхъ формахъ остатковъ древняго новгородскаго и псковскаго вольнодумства. Правительство терпѣло, ничему не мѣшало, ничего не преслѣдовало. Дворяне-католики, оставаясь вѣрны своей религіи, не поднимали голоса противъ свободы мысли, потому что считали ее драгоцѣннѣйшимъ правомъ своего сословія. Сами католическіе духовные не смѣли вопіять противъ общаго направленія и старались только объ удержаніи своихъ матеріальныхъ выгодъ. Для нѣкоторыхъ было все равно, хоть бы вся Рѣчь Посполитая отпала отъ католичества, лишь бы не отнимались имѣнія, приписанныя къ духовнымъ должностямъ. Такъ, по кончинѣ Сигизмунда-Августа, куявскій епископъ на сеймѣ предложилъ утвердить постановленіемъ полную свободу религіозныхъ мнѣній и равенство правъ послѣдователей какихъ бы то ни было толковъ; себѣ взамѣнъ снисходительный іерархъ требовалъ укрѣпленія за духовенствомъ церковныхъ имуществъ. Предложеніе его было принято и многими духовными, и большинствомъ свѣтскихъ. 6-го января 1573 г. послѣдовало постановленіе о свободѣ вѣроисповѣданій и равенствѣ правъ ихъ послѣдователей. Это постановленіе затѣмъ не разъ повторялось вплоть до 1589 г., когда польско-литовскій престолъ занялъ Сигизмундъ Ваза.

Польша гордилась и имѣла право гордиться, что нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы такъ цѣнилась свобода совѣсти, мысли, слова и дѣла. Но безграничная свобода, которою такъ гордилось шляхетское сословіе, воспитала противъ себя въ своемъ нѣдрѣ враждебное свободѣ начало. Сигизмундъ-Августъ, по ходатайству кардинала Гозіуса, допустилъ ввести во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой орденъ іезуитовъ. Король поступалъ послѣдовательно и справедливо. Принявъ за правило оказывать терпимость всякому толку, всякому религіозному товариществу въ государствѣ, нельзя было отказать въ законномъ покровительствѣ обществу, дѣйствовавшему въ пользу той церкви, которую исповѣдывалъ самъ король предъ лицомъ всего свѣта. Сначала іезуиты вступили исключительно въ Пруссію, но въ 1564 г. вошли въ Великую Польшу, призванные туда познанскимъ епископомъ Конарскимъ, и водворились въ Брунсбергѣ; потомъ, въ 1570 г., вошли въ Литву и явились въ Вильнѣ, вслѣдъ затѣмъ, при Стефанѣ Баторіи, въ Полоцкѣ, а потомъ проникли въ южную Русь. Баторій оказывалъ имъ покровительство не съ цѣлью содѣйствовать ихъ задушевной мысли—истреблять все некатолическое, а потому что считалъ ихъ способными къ воспитанію юношества. Іезуиты твердили, что ихъ единственная цѣль—распространеніе просвѣщенія. Они повсюду заводили школы и ничего не брали за ученіе. Большинство уважало и любило ихъ, хотя проницательные люди очень скоро поняли настоящее ихъ направленіе и предвидѣли, что они принесутъ больше вреда, чѣмъ пользы. Цѣль ихъ была—подчинить Рѣчь Посполитую власти апостольскаго престола въ церковномъ отношеніи и тѣснить несогласныя съ католичествомъ ученія. Сначала, пока они еще не укрѣпились на польской почвѣ, чтобы не подать на себя подозрѣнія, они, заманивъ дѣтей протестантовъ въ свои школы, выпускали ихъ протестантами и увѣряли, что, заботясь единственно о просвѣщеніи, не хотятъ обращать никого въ католичество, но, когда получили довольно силы, начали дѣло обращенія быстро, стараясь толковать такъ, какъ будто собственно не они виною обращенія, а ихъ ученики сами, получивши образованіе, узнавши истину, додумались, отреклись отъ заблужденій и возвратились къ истинной церкви. Но потомъ сами іезуиты возбуждали въ обращенныхъ фанатизмъ

и даже подстрекали къ насиліямъ. Такъ же дѣйствовали они противъ православія и сначала приступили къ нему еще мягче, чѣмъ къ протестантству. Они не только не показывали неуваженія къ греческой церкви, напротивъ, доказывали, что обряды ея и догматы, установленные боговдохновенными мужами, святы и достойны уваженія, но для греческой церкви необходимо было бы вступить въ древнее единство съ римскою. Ревностнѣйшіе православные не отвращались отъ мысли о такомъ соединеніи, тѣмъ болѣе, что видѣли въ немъ средство къ улучшенію церковнаго устройства и благолѣпія и къ просвѣщенію своего духовенства.

Князь Константинъ Острожскій, по своему вліянію, происхожденію, богатству бывшій важнѣйшимъ лицомъ въ южной Россіи, раздѣлялъ эту мысль и дружелюбно толковалъ съ іезуитами о соединеніи церквей. Петръ Скарга, написавши свою книгу о единствѣ вѣры, посвятилъ ее Острожскому; по его свидѣтельству, дѣти этого православнаго вельможи были уже въ царствованіе Стефана расположены къ латинству. Завлекая вообще церковь въ соединеніе съ латинствомъ, іезуиты старались, вмѣстѣ съ тѣмъ, пока духовенство не поддастся на ихъ уловки, отрывать отъ церкви ея послѣдователей поодиночно и такимъ образомъ бросать рознь и смуту между русскими. Тотъ же Скарга, въ томъ же своемъ сочиненіи, даетъ такое нравоученіе свѣтскому человѣку греко-русской вѣры: „Если сами духовные не хотятъ церковной любви—отступись отъ нихъ, ибо они сами отступились отъ папы: считай ихъ людьми иной вѣры, упрямцами, отщепенцами, вошедшими въ духовный санъ воровствомъ, мимо ключей св. Петра; у нихъ нѣтъ права отпускать грѣхи; отъ нихъ не получишь спасенія, если же тебѣ нравятся греческіе обряды, можешь ихъ соблюдать по буллѣ папы Александра VI, съ дозволенія твоего исповѣдника; безопаснѣе, однако, для тебя принять латинскіе обряды, исполненные большаго величія, сердечнаго и духовнаго благочестія“. Православному духовенству они представляли выгоды и всеобщее уваженіе, какими оно будетъ пользоваться наравнѣ съ католическими духовными, если соединится съ римскою церковью, изображали въ черныхъ краскахъ униженіе, въ какомъ, по ихъ толкованію, находилась православная церковь, признавая надъ собою верховную власть константинопольскаго патріарха, раба турецкаго султана. Между тѣмъ, они внушеніями незамѣтно подготовляли людей, способныхъ занять важныя духовныя мѣста въ православной церкви, чтобы потомъ посредствомъ ихъ достичь предположенной цѣли. Такъ вели свое дѣло іезуиты во времена Баторія. Но при этомъ королѣ невозможно было приступить къ какому-нибудь явному, всеобщему насилію. Баторій ласкалъ іезуитовъ, но въ то же время былъ очень далекъ отъ введенія уніи. Янъ Замойскій, заправлявшій при Стефанѣ всѣми дѣлами, говорилъ диссидентамъ: „Я—католикъ и отдалъ бы половину жизни за то, чтобы и вы были католики; но отдамъ всю свою жизнь за ваши права и свободу, еслибъ васъ стали насиловать и принуждать быть католиками“. Когда вступилъ на престолъ Сигизмундъ III, іезуитамъ было гораздо удобнѣе. Скарга сталъ его духовникомъ. Іезуитское внушеніе побуждало короля пріобрѣсть вѣнецъ безсмертія на небеси и вѣчную славу въ исторіи совершеніемъ спасительнаго подвига соединенія христіанъ въ единое стадо. Іезуиты убѣждали политическихъ людей въ выгодности церковнаго соединенія для цѣлости государства, ибо тогда Русь, составляющая въ Рѣчи Посполитой особую народность, можетъ слиться съ Польшею, и уничтожится нравственно-духовная связь, соединяющая съ Московіею русскія области Рѣчи Посполитой,—связь,

которую уже тогда дальновидные люди находили опасною въ будущемъ для государственной прочности.

Плану іезуитовъ способствовали тогдашнія отношенія русской церкви къ константинопольскому патріарху. Отправляясь изъ Греціи въ Москву, тогдашній патріархъ Іеремія испросилъ у короля Сигизмунда III дозволеніе употребить въ дѣло свое право судить и рядить по церковному управленію и низложилъ кіевскаго митрополита Онисифора Дѣвочку, потому что онъ, до своего посвященія находясь въ свѣтскомъ званіи, былъ женатъ на второй женѣ, а посвящать двоеженцевъ было противно церковнымъ правиламъ. Вмѣсто него патріархъ, по желанію нѣкоторыхъ дворянъ, посвятилъ въ санъ митрополита минскаго архимандрита Михаила Рагозу, креатуру іезуитовъ, тайно расположеннаго къ уніи, но искусно принимавшаго личину ревностнаго православнаго и даже простачка. Укоряя русское духовенство въ безпорядочной жизни и уклоненіяхъ отъ церковнаго благочинія, патріархъ грозилъ, по своемъ возвращеніи изъ Москвы, учинить розыскъ и сдѣлать то же съ другими церковными сановниками, что онъ сдѣлалъ съ Онисифоромъ, а пока, для примѣра, патріархъ лишилъ чина архимандрита супральскаго Тимоѳея Злобу, котораго обвиняли въ убійствѣ.

Іеремія ознаменовалъ проѣздъ свой через южную Русь утвержденіемъ львовскаго братства: это было явленіе новое и чрезвычайно важное. Мысль о братствахъ перешла къ русскимъ отъ западной церкви, гдѣ въ обычаѣ было составлять добровольныя корпораціи на религіозныхъ началахъ. Іезуиты особенно любили учреждать братства, которыхъ цѣль ограничивалась чтеніемъ извѣстныхъ молитвъ, соблюденіемъ такихъ или иныхъ правилъ благочестія и воздержанія; къ этому обязывали себя вступившіе въ братство, дававшіе при вступленіи извѣстный положенный вкладъ, а потомъ ежегодно жертвовавшіе въ общую кружку. Подобно тому завелись братства и въ православной церкви, но приняли здѣсь значеніе высокое. Львовское братство завелось при церкви Успенія Богородицы и монастырѣ св. Онуфрія въ 1586 г, по благословенію антіохійскаго патріарха Іоакима. Членомъ этого общества могъ быть всякій православный, платящій ежегодно въ общую кружку шесть грошей. Изъ этихъ вкладовъ и изъ добровольныхъ пожертвованій образовалась сумма, которую употреблять слѣдовало на вспоможеніе тѣмъ изъ братій, которые пришли бы въ состояніе, требующее поддержки. Эти братья сходились въ опредѣленное время, выбирали каждогодно четырехъ начальниковъ всего братства, обязывались помогать другъ другу. Братство львовское, по волѣ благословившаго его учрежденіе патріарха антіохійскаго, присвоило себѣ надзоръ за благочиніемъ и порядкомъ всей русской церкви. Братья обязаны были всюду наблюдать и слѣдить за порядкомъ церковнаго, религіознаго и нравственнаго быта, все узнавать и обо всемъ доносить своему собранію. Живетъ ли не по закону священнослужитель или причетникъ—члены братства обличали его предъ епископомъ; но если братство находило, что и епископъ ведетъ себя не такъ, какъ слѣдуетъ, то имѣло право обличать его и, въ случаѣ неисправленія, не признавать его власти, противиться ему, какъ врагу истины. Братство смотрѣло также за нравственностью мірянъ и особенно обязывало себя преслѣдовать волшебниковъ и волшебницъ и предавать ихъ епископскому суду. Епископъ не смѣлъ противиться постановленіямъ братства. Епископъ былъ безсиленъ передъ приговоромъ толпы, состоявшей, кромѣ духовныхъ и дворянъ, изъ мѣщанъ, пекарей, воскобойниковъ и другого

рода ремесленниковъ и торгашей. Это не могло нравиться епископамъ. Патріархъ Іеремія не только утвердилъ устройство, данное братству Іоакимомъ, но еще расширилъ права его. Онъ постановилъ, чтобы братство находилось внѣ всякой зависимости отъ мѣстнаго епископа или отъ какого-нибудь другого іерарха, кромѣ патріарха константинопольскаго, и во Львовѣ далъ ему монополію воспитанія; тамъ не дозволялось быть иному православному училищу, кромѣ братскаго, гдѣ предположено учить дѣтей св. писанію, а также славянскому и греческому языку, если для этого найдутся учители. Вмѣстѣ съ тѣмъ братство получило право печатать священныя и церковныя книги и ученыя: граматику, риторику, піитику и философію. Патріархъ поощрялъ заводить такія же братства повсюду, но оставилъ первенство за львовскимъ. Такимъ образомъ, заведено было троицкое братство въ Вильнѣ, а за нимъ и многія другія въ городахъ православнаго края.

Понятна цѣль, какую имѣлъ патріархъ. Такое общество, завися исключительно отъ власти патріарха, давало ему возможность знать все, что происходитъ на Руси, и держать въ рукахъ всю русскую церковь. Какихъ бы довѣренныхъ лицъ ни поставилъ патріархъ на епископскихъ мѣстахъ—живучи вдали, онъ всегда могъ опасаться, что эти люди увлекутся своими личными и мѣстными интересами въ ущербъ церкви, тогда какъ разнородное общество, съ правомъ надзора надъ епископами, станетъ крѣпко держаться воли вдалекѣ пребывающаго патріарха, какъ ради независимости отъ ближайшихъ властей, такъ и потому, что для братствъ не было иного пути проводить свои намѣренія и предположенія, какъ черезъ покровительство патріарха.

По возвращеніи изъ Московскаго государства, патріархъ остановился въ Замостьѣ. Тутъ онъ поручилъ митрополиту созвать синодъ для слѣдствія надъ поведеніемъ духовныхъ лицъ, обличаемыхъ братствомъ. Митрополитъ медлилъ, боялся, чтобы на этомъ синодѣ не было доносовъ и на него самого. Владыки чувствовали за собою грѣхи и также просили митрополита не созывать собора. Говорятъ, что, по тайному приказанію луцкаго владыки, посланный патріархомъ къ митрополиту писарь митрополичій Григорій былъ ограбленъ въ пинскихъ лѣсахъ: у него взяли патріаршія письма, которыя такимъ образомъ не доходили до митрополита. Патріархъ продолжалъ жить въ Замостьѣ. Тутъ, не дожидаясь собора, явился къ нему львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, обвиненный также братствомъ, и доносилъ въ свою очередь на луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго, что его въ народѣ обвиняютъ въ наѣздахъ, буйствѣ, развратѣ, дѣланіи фальшивой монеты. Гедеонъ вообще хотѣлъ настроить патріарха такъ, чтобы послѣдній готовъ былъ обратить въ дурную сторону все, что услышитъ о луцкомъ владыкѣ; но патріархъ, вмѣсто того, чтобы получить предубѣжденіе противъ Кирилла, какъ хотѣлось Гедеону, потребовалъ къ себѣ Кирилла и свелъ его съ глазу на глазъ съ Гедеономъ. Тогда Гедеонъ не сталъ обвинять Кирилла, а увѣрялъ, что все, что говорятъ о немъ въ народѣ, клевета, восхвалялъ святую жизнь луцкаго епископа и въ присутствіи патріарха обращался съ нимъ по-братски, дружелюбно. Патріархъ отпустилъ Кирилла милостиво. Гедеонъ послѣ того, пользуясь тѣмъ, что патріархъ не умѣетъ читать и писать по-русски и по-польски, подсунулъ ему къ подписи бумагу, гдѣ заключалось обвиненіе на Кирилла. Патріархъ подписалъ, а потомъ, узнавъ, что его обманули, составилъ Кириллу оправдательную грамоту, гдѣ повелѣвалось не вѣрить тому, что прежде написано было на Кирилла Терлецкаго, и что

его обманули; въ знакъ своего особаго благоволенія, онъ нарекъ луцкаго епископа своимъ экзархомъ или намѣстникомъ на предстоящій соборъ, котораго онъ долго ждать не рѣшался. Само собою разумѣется, что это было сдѣлано въ ущербъ достоинству митрополита. Соборъ подъ предсѣдательствомъ нареченнаго экзарха могъ судить всѣхъ владыкъ и самого митрополита. Гедеона, на котораго возстало львовское братство, патріархъ оставилъ подъ запрещеніемъ до покаянія. Тогда Гедеонъ отправился къ львовскому католическому епископу Соликовскому, кланялся ему, объяснялъ, что патріархъ притѣсняетъ владыкъ, желая съ нихъ что-нибудь сорвать, совѣтовался о средствахъ избавить русскую церковь отъ неволи и тутъ же высказалъ мысль, какъ бы хорошо было подчинить русскую церковь папѣ; она бы избавилась на будущее время отъ произвола константинопольскихъ іерарховъ.

Патріархъ уѣхалъ, не открывши собора. Русскіе духовные говорили, что патріархъ затѣвалъ розыски надъ поведеніемъ духовныхъ только для того, чтобы имѣть возможность придираться и брать поборы. Находясь подъ властью Турціи, патріархи и вообще греческіе духовные были поневолѣ въ такомъ положеніи, что нуждались въ подаяніи, собираемомъ преимущественно въ независимыхъ православныхъ странахъ; православный востокъ терялъ къ себѣ уваженіе, по мѣрѣ того, какъ духовные чины, носившіе званіе архимандритовъ, игуменовъ и даже епископовъ, блуждали по Литвѣ и Руси, собирали милостыню, выпрашивали себѣ у правительства и у знатныхъ вельможъ мѣста къ ущербу туземцевъ и часто затѣвали смуты и несогласія. Заведеніе братствъ, независимыхъ отъ епископовъ, русскіе іерархи считали для себя оскорбленіемъ и вообще униженіемъ духовныхъ властей. Между тѣмъ іезуиты указывали на все это русскимъ духовнымъ и доказывали, что присоединеніе къ римской церкви есть единственное средство избавиться отъ зависимости отъ патріарха, раба невѣрныхъ.

Мудрено ли, что въ вѣкъ всеобщаго прозелитизма такіе ловкіе на діалектику проповѣдники, какими были іезуиты, не встрѣчали себѣ достойнаго отпора, а обращаемыхъ ими изъ православія некому было поддерживать въ отеческой вѣрѣ? „Изъ духовныхъ греческой вѣры,—говоритъ современникъ,—не нашлось бы десятка во всей Руси, чтобъ умѣли объяснить: что такое таинство, чистилище, папская власть и пр.; а когда владыки и игумены порывались показать свое просвѣщеніе, то возбуждали смѣхъ, когда какую-нибудь простонародную польскую или русскую поговорку приписывали какому-нибудь Солону или Пиѳагору“.

При такомъ состояніи духовенства, простой народъ только по имени былъ христіанскимъ; а были такіе, что безъ крещенія оставались во всю жизнь. Народъ жилъ своею старою жизнью, нераздѣльно отъ природы, безъ первоначальныхъ понятій о сущности христіанской религіи. Во всемъ еще господствовалъ языческій строй понятій и вѣрованій. Понятія о душѣ и загробной жизни сохранялись отъ временъ отдаленныхъ и почти чужды были христіанскаго рая и ада. Русскій поселянинъ воображалъ, что души умершихъ летаютъ по деревьямъ, превращаются въ деревья, въ птицъ, въ звѣрей, блуждаютъ по лѣсамъ, болотамъ и полямъ, а потомъ уходятъ въ отдаленную страну, гдѣ-то на востокѣ солнца; божество рисовалось въ неопредѣленномъ образѣ верховной силы, безъ яснаго сознанія, является ли эта сила въ одномъ или во множествѣ образовъ.

Въ дворянствѣ греческой вѣры развилась холодность къ отцовской

религіи, переходившая часто и скоро въ убѣжденіе о превосходствѣ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій: православная церковь безпрестанно теряла своихъ членовъ дворянскаго происхожденія. Во время Сигизмунда-Августа, когда въ Польшѣ и Литвѣ распространилась реформація, многіе покидали вѣру отцовъ и принимали кальвинство или аріанство, другіе хотя явно не переходили въ иновѣрство, но оставались безъ всякой сердечной и нравственной связи со своею вѣрою и почти такъ же были ей чужды, какъ и перешедшіе въ другую; коль скоро русскій шляхтичъ получилъ воспитаніе или даже только воображалъ себя воспитаннымъ, у него понятія и чувства обращались къ иному міру, и онъ старался быть чуждымъ православію. Съ тѣхъ поръ, какъ іезуиты накинули на Рѣчь Посполитую свою католическую сѣть, русскіе стали переходить въ католичество.

Въ южной Руси отцу семейства невозможно было найти учителя, который бы преподавалъ законъ Божій и первоначальныя свѣдѣнія, и родители поневолѣ поручали воспитаніе дѣтей иновѣрцамъ, а тѣ, по духу прозелитизма, общему тогда всѣмъ толкамъ, старались воспитанникамъ внушить предпочтеніе чужой вѣрѣ. Князь Острожскій, одинъ изъ немногихъ знатныхъ людей, преданныхъ православію, съ сердечною болью указывалъ на упадокъ церковнаго благочинія въ русской церкви, невѣжество священниковъ, матеріальное своеволіе архипастырей, лѣность и равнодушіе мірянъ къ дѣламъ вѣры. Острожскій завелъ у себя школу, типографію, всѣхъ православныхъ дворянъ побуждалъ дѣлать то же. Но мало было охотниковъ слѣдовать его примѣру, да и трудно было. Учителей негдѣ было набирать на всю Русь: своихъ нѣтъ, съ востока также получить нельзя было, въ Московщинѣ тоже невѣжество. Естественно было поддаваться іезуитскимъ внушеніямъ и приходить невольно къ мысли о соединеніи съ римской церковью.

Митрополитъ въ 1590 г. (а по нѣкоторымъ въ 1591) созвалъ въ Брестѣ синодъ для совѣта объ улучшеніяхъ въ церкви. Онъ жаловался, что константинопольская каѳедра занимается по произволу турецкой власти, указывалъ на тягость зависимости отъ патріарха. Съ нимъ совѣщались: Кириллъ Терлецкій, уже давно расположенный къ латинству, пинскій епископъ Леонтій Пелчицкій, холмскій Діонисій Збируйскій и львовскій Гедеонъ Балабанъ. Всѣ нашли, что было бы полезно для церкви исполнить ея древнее желаніе соединенія съ западной. Тогда епископы, но безъ митрополита, составили запись, гдѣ изложили, что, по своему долгу, заботясь о приведеніи своихъ, порученныхъ имъ Богомъ, овецъ къ христіанскому согласію, они желаютъ признать власть римскаго первосвященника, если только божественная служба и весь церковный уставъ восточной церкви останутся ненарушимыми во вѣки. Это было первое и исходное дѣло уніи.

LXII. Брестскій соборъ и церковная унія.

(По соч. Кулиша «Исторія возсоединенія Ю.-З. Руси», Кояловича: «Литовская унія» и Сливова: «Іезуиты въ Литвѣ»).

Все было подготовлено къ церковной уніи: люди, интересы, страсти. Это былъ результатъ сложной работы іезуитскаго ордена и многихъ сознательныхъ и безсознательныхъ орудій его. Оставалось только сдѣлать

послѣдній шагъ. И вотъ въ 1590 г. собрался въ литовскомъ городѣ Брестѣ соборъ изъ православныхъ духовныхъ лицъ и русской шляхты, съ цѣлью установить церковное благочестіе на прочныхъ основаніяхъ. Соборъ этотъ былъ назначенъ патріархомъ Іереміею; онъ самъ желалъ на немъ присутствовать; но митрополитъ Рагоза медлилъ конвокацiею до тѣхъ поръ, пока патріархъ не удалился. Его мѣсто занялъ теперь человѣкъ, лучше котораго невозможно было и желать для предположенной іезуитской цѣли.

Еще въ 1577 г. іезуитъ Петръ Скарга издалъ на польскомъ, тогда общедоступномъ, языкѣ сочиненіе: „О единствѣ церкви Божіей и объ отступленіи грековъ отъ единства, съ предостереженіемъ и наставленіемъ народамъ русскимъ". Книга эта предназначалась программою для совращенія православныхъ въ унію, а чрезъ посредство уніи — въ латинство. Въ ней прежде всего указаны причины, по которымъ въ русской церкви никогда не можетъ быть порядка. Первая причина — семейная жизнь священниковъ, которые вслѣдствіе этого заботятся только о мірскомъ, оставляя безъ всякаго пастырскаго попеченія свою паству. Вторая причина—славянскій языкъ. Греки, говоритъ Скарга, обманули русскихъ и съ умысломъ не дали имъ своего языка, оставивъ у нихъ языкъ славянскій, потому что только при помощи латинскаго и греческаго языковъ можно быть доскональнымъ въ наукѣ и въ вѣрѣ. Третья причина, не позволяющая быть порядку въ русской церкви, это униженіе духовнаго сословія и вмѣшательства свѣтскихъ лицъ въ церковныя дѣла.

Показавъ несостоятельность церкви православной, какъ со стороны догматической, такъ и со стороны нравственной, Скарга указываетъ средства выйти изъ этого безвыходнаго положенія: 1) чтобы кіевскій митрополитъ принималъ благословеніе не отъ константинопольскаго патріарха, но отъ папы; 2) каждый русскій долженъ быть согласенъ съ римскою церковью во всѣхъ артикулахъ вѣры; 3) русскіе должны признавать верховную власть столицы римской; что же касается церковныхъ обрядовъ, то они могутъ оставаться попрежнему неприкосновенными.

На первомъ же съѣздѣ русскіе іерархи выполнили главную для нихъ часть программы, составленной Скаргою. Они заключили съ панами весьма знаменательное условіе—не позволять простымъ людямъ держать монастыри. Это значило—лишить магдебургскія, цеховыя и братскія общины патроната надъ монастырями, которые епископы и архимандриты обращали въ экономическія заведенія, оставляя церкви безъ иконъ, безъ книгъ, безъ утвари и богослуженія, а не то — даже и запертыми. На второмъ съѣздѣ 1591 года рѣшено было избавиться уніею отъ вмѣшательства свѣтскихъ людей вообще въ церковныя дѣла. Но мысль эта выразилась открыто только въ протестаціяхъ противъ королевскихъ урядниковъ и помѣщиковъ за то, что они вступаютъ въ дѣла духовенства, судятъ священниковъ, разводятъ браки; а тайно отъ большинства присутствовавшихъ на соборѣ составленъ четырьмя архіереями актъ признанія папы главою церкви. Эти архіереи были: Кириллъ луцкій, Гедеонъ львовскій, Леонтій пинскій и Діонисій холмскій. Митрополитъ показывалъ видъ, будто ничего не знаетъ, и заставляетъ іезуитовъ тайно убѣждать себя (просто-напросто — дѣло шло о возвышеніи, въ глазахъ короля, цѣны отступничеству).

Приверженцы римской куріи въ Польшѣ считали православную Русь не только вѣрною, но и легкою добычею латинской церкви. Общество было разрознено въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ; связи

между различными его частями были порваны; соперничество и недовѣріе господствовали тамъ, гдѣ бы слѣдовало царствовать согласію; просвѣщеніе въ высшемъ классѣ было только кажущееся; мракъ, свойственный народной массѣ, едва мѣстами начиналъ уступать случайнымъ проблескамъ знанія. Но практика показала, что добыча была не такъ легка.

Придворные патеры Сигизмунда III работали дѣятельно посредствомъ своихъ агентовъ на Руси. Православныхъ пановъ они, что называется, обернули вокругъ пальца; мѣщанъ имѣли они больше всего въ виду, но меньше всего боялись на поприщѣ интриги, такъ какъ мѣщане лишены были голоса на сеймѣ, а шляхетнымъ ихъ представителямъ, этимъ „старшимъ братчикамъ“ мѣщанскимъ, іезуиты всегда готовы были давать полную свободу проявлять силу свою въ словоизверженіи. Притомъ іезуиты разочли, что паны, охладѣвъ къ реформаціи, охладѣютъ и къ православію. Только задоръ однихъ пановъ къ новаторству, въ противодѣйствіе королю и его католической радѣ, подстрекалъ другихъ къ упорству въ древнемъ благочестіи, на зло той же самой придворной лигѣ. Знали очень хорошо іезуиты, что православные паны всѣ очутятся въ одной церкви съ королемъ и сенаторами, но никакъ не съ торгашами и холопами, которымъ они давали свои охранныя грамоты въ качествѣ старшихъ братчиковъ. А безъ привилегированныхъ, неприкосновенныхъ для самого короля, членовъ братства, какая религіозная корпорація въ низшихъ сферахъ можетъ устоять противъ шляхетскаго полноправства? О казакахъ іезуиты вовсе не думали вначалѣ: начинали они думать о казакахъ только тогда, когда мѣщане и ихъ духовенство ухватились за эту послѣднюю защиту противъ допускаемыхъ закономъ насилій.

Итакъ, іезуиты дѣйствовали смѣло, быстро, настойчиво. Безъ вѣдома такихъ тузовъ православія, какъ Острожскій, Скуминъ-Тышкевичъ и другіе, составленъ былъ актъ отреченія отъ православія: помимо ихъ согласія отправлена была, осенью 1595 г., депутація въ Римъ, съ выраженіемъ готовности греко-русской церкви признать своимъ главою папу. Послами были извѣстный уже намъ Кириллъ Терлецкій и новый владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй. Поцѣй принадлежалъ къ панамъ аристократамъ. Папскій нунцій Коммендони обратилъ его изъ православія въ католичество; но іезуиты настаивали его снова обратиться въ православіе, чтобы тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовать въ пользу латинской церкви, въ званіи уніатскаго архіерея. Замыливая глаза православнымъ, согласно іезуитской практикѣ, Поцѣй учредилъ самъ православное братство въ Брестѣ, наподобіе львовскаго. Братство брестское было похоже на львовское только именемъ, но не духомъ. Не понимали этого „старшіе братчики“, и въ ихъ числѣ Острожскій. Онъ, глубокій уже старикъ, уважалъ Поцѣя за хорошую нравственность, ученость и благочестіе, онъ не противился возведенію въ санъ архіерейскій этого человѣка, который еще недавно носилъ военную одежду по должности каштеляна, а потомъ облачился въ одежду святительскую. Этотъ то новый православный архипастырь, вмѣстѣ съ старымъ другомъ дома Острожскихъ, Терлецкимъ, явился въ Римѣ искать благословенія своему дѣлу у папы. Поцѣй и Терлецкій имѣли сначала частное свиданіе съ папою, потомъ начались совѣщанія съ іезуитами и кардиналами, и, наконецъ, когда все было улажено, 23-го декабря папа Климентъ VIII далъ имъ торжественную аудіенцію въ присутствіи всего ватиканскаго двора. Епископы, приложившись къ туфлѣ святѣйшаго отца, представили ему грамоту, писан-

ную по-русски. Ее громко прочелъ Евстафій Воловичъ, еще въ юности совращенный въ католичество, виленскій каноникъ (впослѣдствіи епископъ), ученикъ и сподручникъ іезуитовъ, пріѣхавшій въ Римъ съ епископами въ качествѣ королевскаго секретаря. Вслѣдъ затѣмъ прочтенъ былъ переводъ грамоты на латинскомъ языкѣ. Папа благодарилъ епископовъ за пріѣздъ, обѣщалъ сохранить неприкосновенными всѣ церковные обряды восточной церкви. Затѣмъ Поцѣй прочелъ по-латыни отъ имени митрополита и всѣхъ епископовъ обѣщаніе, особенно составленное по этому случаю, и епископъ луцкій Терлецкій прочелъ то же самое по-русски, а вслѣдъ затѣмъ епископы, также отъ имени митрополита и всѣхъ отсутствующихъ епископовъ, приняли присягу на вѣрность папѣ. Послѣ этого Климентъ VIII, не скрывая своей радости, подозвавъ къ себѣ епископовъ, сказалъ имъ: „Желаю не господствовать надъ вами, но немощи ваши носить на себѣ“. На слѣдующій день, наканунѣ Рождества, папа торжественно совершилъ вечерню въ соборѣ св. Петра, причемъ находились и епископы въ восточномъ облаченіи. Въ память событія вычеканена была медаль.

Присяга принята была и отъ имени Рагозы. Нельзя было долѣе скрываться. Православные теперь уже ясно видѣли, что митрополитъ измѣнилъ завѣтамъ церкви. Въ началѣ 1596 г. на сеймѣ въ Варшавѣ кн. Острожскій и православные депутаты, въ присутствіи короля, объявили сейму, что они протестуютъ противъ уніи, что не признаютъ Поцѣя и Терлецкаго своими епископами. Составленъ былъ особый официальный протестъ: Мартынъ Буховецкій долженъ былъ прочесть его публично; но сеймъ до этого не допустилъ. Тогда Острожскій внесъ этотъ протестъ въ актовыя книги сейма, а копіи съ онаго разослалъ по всему краю между православными.

Дѣло принимало оборотъ крайне затруднительный. Никакихъ уступокъ нельзя было добиться отъ православныхъ, и іезуиты увидѣли необходимость дѣйствовать круто, чего въ предварительныхъ планахъ вовсе не имѣлось въ виду, ибо полагали, что унія пойдетъ легко, и что всѣ православные незамѣтно перейдутъ въ нее.

Въ отвѣтъ на протестъ король далъ подтвердительныя грамоты епископамъ, обѣщая защищать ихъ противъ всѣхъ тѣхъ, которые бы рѣшились не признавать ихъ епископами. Къ народу же онъ издалъ манифестъ, въ которомъ извѣщалъ о послѣдовавшемъ соединеніи церквей, но ручался, что всѣ догматы и обряды восточной церкви будутъ сохранены неприкосновенно, согласно постановленіямъ и древнимъ ученіямъ св. отцовъ греческихъ и апостольскихъ соборовъ. Въ этомъ же манифестѣ король приказывалъ митрополиту Михаилу созвать соборъ въ Брестъ-Литовскѣ, въ которомъ могли участвовать какъ духовные, такъ и свѣтскіе православнаго и католическаго исповѣданій. Итакъ, соборъ долженъ былъ рѣшить судьбу уніи. Всѣ ревнители православія готовились къ этому собору, чтобы самоотверженно отстаивать свою родную церковь. Время собора назначено было въ октябрѣ 1596 г.

Никогда въ западно-русской церкви не было собора, который представлялъ бы собою такую торжественность и величіе, какъ соборъ 1596 г. въ Брестѣ. На этотъ соборъ прибыли: Никифоръ, экзархъ константинопольскаго патріарха въ Литвѣ и во всемъ константинопольскомъ патріархатѣ, человѣкъ извѣстный своею ученостью и сильными связями въ Константинополѣ; Кириллъ Лукарисъ, экзархъ александрійскаго патріарха; западно-русскій митрополитъ Михаилъ съ семью епископами; мно-

жество архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ западно-русской церкви; далѣе кн. Острожскій съ многочисленною свитою, послы отъ всѣхъ областей и множество людей всякаго чина и званія. Представителями латинянъ были: главнѣйшіе двигатели уніи—луцкій епископъ, епископъ львовскій съ іезуитами, епископъ холмскій: потомъ, гетманъ литовскій кн. Николай Радзивиллъ, канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга и подскарбій литовскій Димитрій Фалецкій, тоже со свитами. Всѣ съѣхавшіеся на соборъ немедленно раздѣлились на двѣ половины. Латиняне соединились съ будущими уніатами, Поцѣемъ и другими епископами, не отказавшимися отъ уніи, и взяли чуть ли не подъ стражу Михаила Рагозу. Патріаршіе экзархи и другіе представители восточной церкви соединились съ двумя западно-русскими епископами, Гедеономъ львовскимъ и Михаиломъ перемышльскимъ, съ Острожскимъ, съ послами областными; къ нимъ присоединились почти всѣ духовные и мірскіе представители православной западно-русской церкви. Обѣ половины представляли собою грозное ополченіе; шатры и пушки покрывали окрестности Бреста; и когда обѣ стороны измѣрили взаимныя силы, то перевѣсъ на сторонѣ православныхъ былъ такъ великъ во всѣхъ отношеніяхъ, что привелъ въ ужасъ уніатскую половину, и она обратилась съ тревожными вопросами къ Острожскому. Но онъ увѣрилъ ее, что спокойствіе не будетъ нарушено, и, вѣроятно, слово князя было выраженіемъ мыслей большинства православныхъ. Они такъ были увѣрены въ правотѣ своего дѣла и въ сочувствіи цѣлаго народа, что никакъ не думали обращаться къ силѣ безъ прямаго вызова противной стороны и, какъ увидимъ сейчасъ, даже совершенно пренебрегли этою силою. Собираясь около двухъ патріаршихъ экзарховъ, двухъ своихъ епископовъ и всего духовенства, они, выжидали, пока митрополитъ, согласно всегдашнему обычаю, назначитъ имъ мѣсто для собора. Но тотчасъ оказалось, что ихъ благородное обѣщаніе—не нарушать спокойствія — подало поводъ противной сторонѣ устроить противъ нихъ козни. Митрополита не пускали къ нимъ и укрывали отъ всѣхъ поисковъ. Православные узнали, что его даже окружаетъ военная сила. Мало того; они узнали, что Поцѣй, какъ мѣстный епископъ, приказалъ запереть всѣ церкви, чтобы лишить соборъ православный приличнаго мѣста и будущія его дѣйствія церковнаго освященія. Связанные благороднымъ словомъ князя, они не посмѣли употребить силу и рѣшились избрать для собора частный домъ, какой можно было найти въ Брестѣ пообширнѣе. Такой домъ предложили протестанты. Православные раздѣлились на двѣ половины, духовную и мірскую, установили порядокъ засѣданій въ обѣихъ половинахъ и, освятивъ залу духовнаго собора приличнымъ молитвословіемъ, приступили къ дѣлу. Дѣйствія этого собора въ обѣихъ его половинахъ (духовной и мірской) поражаютъ насъ изумительно вѣрнымъ знаніемъ церковныхъ и гражданскихъ литовско-польскихъ законовъ и еще болѣе изумительно строгимъ исполненіемъ ихъ. Всѣ увидѣли теперь, что митрополитъ и окружавшіе его епископы предаютъ латинянамъ свою церковь и, слѣдовательно, подлежатъ суду. Судъ этотъ православные считали въ правѣ произвести надъ высшимъ своимъ іерархомъ и епископами теперь, потому что имѣли на сторонѣ своей представителей восточныхъ патріарховъ, уполномоченныхъ произвесть этотъ судъ; слѣдовательно, на сторонѣ православныхъ были судьи по власти выше митрополита и всѣхъ западно-русскихъ епископовъ. Экзархъ Никифоръ черезъ пословъ позвалъ митрополита на судъ согласно съ церковными правилами судить виновнаго лично. Посланные

не находили его: соборъ продолжалъ посылать ихъ для новыхъ поисковъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ посольствъ, митрополита, наконецъ, нашли въ кругу латинянъ и получили отвѣтъ, что онъ не явится на соборъ православныхъ. Соборъ теперь имѣлъ право судить виновнаго и заочно также по церковнымъ правиламъ. Выбранный отъ собора прочиталъ грамоты Никифора къ митрополиту съ убѣжденіемъ не приставать къ уніи, писанныя одна до пріѣзда на соборъ, другая въ день самаго пріѣзда: затѣмъ прочитаны были всѣ „позвы" митрополиту и послѣдній его отвѣтъ. Виновность его и единомышленныхъ съ нимъ епископовъ не подлежала никакому сомнѣнію. Но такъ какъ, осуждая митрополита и единомышленныхъ съ нимъ епископовъ, нужно было вмѣстѣ съ тѣмъ осудить и унію, то члены собора, оставивъ въ сторонѣ виновниковъ ея, занялись рѣшеніемъ вопроса объ уніи. Сдѣлано было опроверженіе ея, и затѣмъ духовный соборъ обратился къ мірской половинѣ и требовалъ ея мнѣній. Съѣздъ православныхъ мірянъ прочиталъ посольскія инструкціи отъ всѣхъ областей и представилъ духовному собору единогласное мнѣніе, что уніи не желаетъ весь литовско-русскій народъ. Тогда соборъ приступилъ къ окончательному рѣшенію: виновные въ уніи митрополитъ и епископы осуждены на низложеніе съ каѳедръ. Опредѣленіе собора было послано къ виновнымъ, и всѣ члены собора составили протестъ противъ уніи и владыкъ, принявшихъ ее, и отправили къ королю пословъ съ просьбою назначить имъ новыхъ іерарховъ.

Въ это время, въ страхѣ отъ православныхъ, будущіе уніаты окружали себя военною силою и, вопреки всѣмъ правиламъ церкви, допустили въ качествѣ членовъ собора иновѣрцевъ, т.-е. латинянъ. Далѣе, подобно православнымъ, они считали нужнымъ снестись съ непринявшими уніи; но сносились частнымъ образомъ, не съ собора и не чрезъ грамоту, а словесно, посредствомъ иновѣрцевъ. На основаніи этихъ частныхъ и канонически незаконныхъ сношеній, они сочли неучаствовавшихъ въ уніи виновными, руководствуясь не обличеніемъ ихъ и высказаннымъ ими отвѣтомъ, а тѣмъ убѣжденіемъ, что уніи всѣ упорно противятся. Еще далѣе. Православный соборъ разсуждалъ объ уніи и опровергалъ ее. Уніатскому собору нельзя было разсуждать о ней и вести преній: унія давно была рѣшена безъ собора и теперь утверждена была уже папою; разсуждать было не о чемъ, и уніатскій соборъ ограничился чтеніемъ папской утвердительной грамоты на унію. Наконецъ, православный соборъ, слѣдуя вполнѣ соборнымъ правиламъ, допустилъ совѣщательное участіе мірянъ, потому что дѣло касалось всего народа и его гражданскихъ отношеній къ церкви. Уніатскому собору некого было спрашивать о мнѣніи народа, потому что на немъ не было ни одного земскаго посла. Поэтому уніатскій соборъ только объявилъ унію, какъ дѣло рѣшенное, представилъ отъ себя тоже протестъ королю противъ непринявшихъ уніи, съ просьбою низложить силою виновныхъ епископовъ и принять мѣры противъ народа.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что общій съѣздъ разногласящихъ сторонъ, собравшійся для примиренія ихъ въ дѣлахъ вѣры, какъ предполагалось въ универсалѣ короля и въ грамотѣ митрополита, вовсе не достигъ этой цѣли: онъ раздѣлился на двѣ половины, православную и латинствующую, которыя остались еще болѣе враждебными, и каждая по своему рѣшила дѣло уніи: одна отвергла ее, другая приняла. Значитъ, произвести окончательный приговоръ о соборѣ и принять рѣшеніе предоставлено было будущему времени.

Конечно, взаимныя проклятія и отрѣшенія нисколько не препятствовали какъ православнымъ, такъ и уніатамъ оставаться при своихъ мѣстахъ и званіяхъ. Но положеніе православныхъ, оставшихся вѣрными восточной церкви, было гораздо труднѣе. Епископовъ, подчинившихся папѣ, защищало правительство; другихъ оно преслѣдовало. Тотчасъ послѣ брестскаго собора Сигизмундъ III издалъ грамоту, въ которой говоритъ: „Митрополитъ съ епископами, со всѣмъ духовенствомъ и многими людьми греческой русской вѣры, сошлись въ соборной брестской церкви св. Николы, послѣ молитвы, три дня разбирали дѣло, справляясь со священнымъ писаніемъ, съ правилами св. отецъ, братски призывали къ себѣ епископовъ Михаила и Гедеона съ ихъ товарищами; но они, хотя сначала сами добровольно приступали къ уніи и объ этомъ къ намъ писали, но теперь, по наущенію упорныхъ людей, оставили св. храмъ Божій, въ которомъ во все время собора ни разу не были, пожелали соединиться съ анабаптистами, аріанами, богохульниками и съ другими старыми еретиками, непріятелями и поругателями вѣры православной русской. Мало того: соединяясь съ какимъ-то еретикомъ Никифоромъ и другими греками, со шпіонами и измѣнниками нашими, засѣли въ еретической божницѣ, гдѣ съ окаменѣлымъ фараоновымъ сердцемъ, съ упорствомъ и злостью, осмѣлились рѣшать дѣла, къ нимъ не подлежащія, возстали противъ насъ, своего господаря, противъ Рѣчи Посполитой и своихъ начальниковъ, отлучились отъ церкви Божіей, составили тайные протесты и заговоры, подписывали бланкеты и прикладывали печати, призывали къ рукоприкладству людей, не принадлежащихъ къ собору, насильно заставляя ихъ подписываться, а потомъ на этихъ бланкетахъ что-то писали и по государству нашему разсылали“. Далѣе король извѣщалъ всѣхъ, что епископы Михаилъ и Гедеонъ прокляты, а потому запрещается почитать ихъ епископами и входить съ ними въ какія-либо сношенія; всѣ же правительственныя власти и должностныя лица обязываются уважать постановленіе брестскаго собора, въ противникахъ же онаго видѣть преступниковъ.

Такимъ образомъ, король призналъ однихъ уніатовъ преданными престолу и отечеству и объявилъ, что на противниковъ уніи, т.-е. православныхъ, смотритъ, какъ на нарушителей общественнаго спокойствія, оступниковъ отъ церкви Божіей. Это было начало преслѣдованій, открывшее широкое поприще интригѣ, мелкой зависти, фанатичнымъ проискамъ.

Несправедливое рѣшеніе короля не столько испугало, сколько озлобило православныхъ. Еще 9-го октября въ Брестѣ православные избрали изъ среды своей двухъ свѣтскихъ депутатовъ, Малиновскаго и Древинскаго, и снабдили ихъ инструкціей, какъ они должны дѣйствовать и чего требовать отъ короля и сейма. Въ инструкціи говорится, что предки ихъ и они сами болѣе шестисотъ лѣтъ подчинялись константинопольскому патріарху; что, составляя только часть восточной церкви, они не могутъ признать надъ собою власти папы. Въ заключеніе просили короля низложить митрополита Михаила и епископовъ, принявшихъ унію, и лишить ихъ правъ на церковныя имущества. Въ 1598 г. православные подали сейму жалобу на митрополита и епископовъ, принявшихъ унію; но разсмотрѣніе жалобы было отложено. Между тѣмъ (1600) умеръ митрополитъ Рагоза, не добившись все-таки осуществленія завѣтной своей мысли—засѣдать въ сенатѣ. Современники пишутъ, что совѣсть преслѣдовала его, и въ послѣднюю минуту онъ объявилъ желаніе умереть

православнымъ; но окружавшіе ложе больного уніаты не допустили до этого.

Королевскою грамотой 8-го апрѣля 1600 г. преемникомъ ему назначенъ вѣрный и надежный сподвижникъ іезуитовъ Ипатій Поцѣй, утвержденный въ санѣ уніатскаго митрополита. Тогда дѣло уніи уже всецѣло поступило въ вѣдѣніе іезуитовъ.

LXIII. Извлеченіе изъ письма іезуитовъ къ митрополиту кіевскому Михаилу Рагозѣ.

(Изъ «Исторіи возсоединенія Ю. З. Руси» Кулиша).

Мы бы желали, чтобы ваша милость благоволили видѣть въ нашихъ совѣтахъ такую же преданность къ вашей особѣ, какъ и къ общему благу католической церкви. Конечно, долгъ и профессія наша велятъ намъ имѣть въ виду прежде всего увеличеніе вселенской церкви подъ послушаніемъ единаго пастыря; но та же самая ревность къ общему благу тѣмъ больше влечетъ насъ къ расположенію вашей милости, чѣмъ больше усматриваемъ въ особѣ вашей милости заслуги и задатки дальнѣйшаго продолженія благочестивой ревности къ той же церкви. Велика будетъ радость всѣхъ католиковъ, когда они, благодаря мудрымъ стараніямъ столь великаго архипастыря, увидятъ осуществленіе давно желаннаго соединенія; но не менѣе блистательное украшеніе будетъ и для вашей милости, когда, будучи въ нашихъ краяхъ примасомъ восточной церкви, возсядете вы въ сенатѣ рядомъ съ коронным примасомъ. А это невозможно, доколѣ вы будете оставаться къ какой-либо зависимости отъ патріарха, находящагося подъ нехристіанскою властью, или имѣть съ нимъ какія бы то ни было сношенія. Доколѣ этотъ узелъ не будетъ разрубленъ, дотолѣ и у самого короля его милости, и у коронныхъ чиновъ не развяжутся руки. Скажите, почему коронныя провинціи, принимающія обряды западной церкви, должны считаться хуже московскихъ, имѣющихъ собственныхъ патріарховъ? Ваша милость уже сломали первый ледъ счастливо, и какъ, вступая на свой высокій постъ, вы не искали благословенія цареградскаго патріарха, по причинѣ суевѣрія, котораго набрались греки въ бусурманской средѣ, живя вдали отъ центра истиннаго ученія, такъ можете обойтись безъ него и впослѣдствіи. Да не устрашаютъ вашу милость разныя препятствія. Большею частью они уже устранены; остальныя могутъ быть устранены мудрымъ совѣтомъ и постоянствомъ въ задуманномъ предпріятіи. Развѣ маловажное преодолѣно препятствіе благимъ нашимъ намѣреніямъ тѣмъ, что выборъ іерарховъ начинаетъ ускользать изъ рукъ у русской шляхты? Она почуяла здѣсь нашу твердость въ обращеніи народа русскаго, она могла бы и впослѣдствіи почуять эту рѣшимость. Потому что надобно бояться, чтобы на ту должность, которую занимаете нынѣ вы, не поставлялись такіе люди, которые могли бы разрушать основанія этого труда и начатаго вашею милостью зданія. Не безъ Божіей воли это сталось, что они, не избирая вашей милости на эту должность, не могутъ столкнуть и низвести съ нея вашей милости. Ибо имѣете ваша милость королевскую привилегію; есть у васъ въ Коронѣ и Литвѣ тайныя связи, родство;

пріятели и могущественная партія; за васъ стоитъ вся католическая церковь, которая, въ случаѣ надобности, поддержитъ васъ могущественно. Кто же вашей милости можетъ помѣшать, для подготовленія себѣ преемника, подбирать себѣ коадъютора? А для него при дворѣ его королевской милости привилегія будетъ готова, только бы онъ, съ своей стороны, былъ готовъ слѣдовать по стопамъ вашей милости. Наконецъ, не смотрите на ваше духовенство, ни на ничтожные бунты безумной черни. Что касается духовенства, то ваша милость всего удобнѣе можете держать его въ послушаніи слѣдующимъ способомъ: замѣщайте всѣ вакансіи не знатными людьми, чтобъ не брыкались, а простыми, убогими и такими, которые бы вполнѣ зависѣли отъ вашей милости. А если бы на духовныхъ прелатурахъ оказались строптивые, тогда, подъ предлогомъ надобности въ ревностныхъ наставникахъ и порядочныхъ игуменахъ, смѣщайте противящихся и непослушныхъ вамъ прелатовъ, а на ихъ бенефиціи возвышайте преданныхъ вамъ; а чтобъ и эти не разжирѣли, отправляйте подозрѣваемыхъ на иныя мѣста и, по указанію обстоятельствъ, перемѣщайте. Не мѣшаетъ иныхъ охлаждать почетнѣйшими поѣздками и посольствами, которыя бы они совершали на собственный счетъ. Протопоповъ, которые попроще, берите съ собой въ дорогу и заблаговременно пріучайте при себѣ и направляйте къ тому, чтобъ они усвоили вашъ способъ дѣйствія. На поповъ накладывайте подати для общаго блага св. церкви и всего больше наблюдайте за тѣмъ, чтобъ они безъ вашей милости, своего пастыря, не отправляли синодовъ и всяческихъ сходокъ, а кто бы изъ нихъ осмѣлился преступить строгое запрещеніе, тѣхъ подвергать наказанію. Что касается свѣтскихъ, и особливо черни, то какъ донынѣ ваша милость поступали очень благоразумно, такъ и на будущее время, по мѣрѣ возможности, вы будете осмотрительны, чтобъ не подать имъ никакого повода къ уразумѣнію замысловъ и намѣреній вашей милости. Потому если бы надобно было опасаться войны съ ними, то мы не совѣтуемъ наступать на нихъ явно. Гораздо лучше въ мирное время передовыя между ними головы различными способами уловлять и обязывать то черезъ посредство своихъ агентовъ, то какими-либо иными дѣйствіями и награжденіями. Церемоній не вносить въ церковь разомъ: онѣ могутъ быть измѣнены мало-по-малу. Диспутовъ и споровъ съ западною церковью для виду не оставляйте, равно какъ и другихъ подобныхъ способовъ для уничтоженія слѣда своего предпріятія, чѣмъ можно замылить глаза не только шляхтѣ, но и черни. Для молодежи греческаго закона открывайте особыя школы, лишь бы имъ не запрещали посѣщать католическіе костелы и доканчивать образованіе въ нашихъ школахъ (іезуитскихъ). Слово унія должно быть изгнано: не трудно придумать другое, которое бы не такъ было противно для народа. Кто ходитъ около слоновъ, тотъ бережется носить красное платье. Что касается, въ особенности, до сословія шляхетскаго, то ему больше всего внушайте, дѣйствуя на совѣсть, чтобъ не имѣло общенія съ еретиками въ Коронѣ и Литвѣ, а, напротивъ, помогало бы искренно католикамъ къ ихъ искорененію. Отъ этого предостереженія, по нашему мнѣнію, такъ много зависитъ, что, доколѣ еретики не будутъ истреблены въ Рѣчи Посполитой, до тѣхъ поръ нельзя надѣяться совершеннаго согласія уніи греческихъ церквей въ отечествѣ съ костеломъ католическимъ. Ибо какимъ образомъ могли бы послѣдователи восточной церкви обратиться вполнѣ подъ послушаніе св. отца, доколѣ въ Польшѣ будутъ отказывать ему въ послушаніи тѣ, которые нѣкогда были членами западной церкви? Осталь-

ное возложимъ на Господа Бога, на раздачу духовныхъ бенефицій, и на ревность коронныхъ чиновъ, которые имѣя въ своихъ владѣніяхъ права патроната, станутъ допускать къ отправленію богослуженія однихъ только уніатовъ. Будемъ надѣяться, что нашъ богобоязненный, благочестивый государь и столь горячая, при его покровительствѣ, къ католическому обряду королевская рада не перестанутъ притѣснять то на сеймахъ, то въ судахъ, отступниковъ отъ св. католической вѣры, а этимъ потянутъ и упорныхъ въ русскомъ народѣ схизматиковъ: волею-неволею принуждены они будутъ поддаться подъ послушаніе св. отца. А мы всѣ, члены ордена, не оставимъ содѣйствовать съ нашей стороны не только молитвами, но и работою въ вертоградѣ Господнемъ".

LXIV. Кіево-Могилянская коллегія и ея значеніе въ XVII вѣкѣ.

(*Изъ «Исторіи Кіевской Академіи» Макарія Булгакова*).

Кіевская академія явилась въ концѣ XVI столѣтія, и явилась, какъ необходимый плодъ того времени и тогдашнихъ обстоятельствъ православной церкви въ западной части Россіи. XVI вѣкъ для цѣлой Европы былъ такимъ временемъ, когда она, послѣ великихъ религіозныхъ и политическихъ переворотовъ, въ высшей степени чувствовала въ себѣ жажду просвѣщенія, и когда поэтому во всѣхъ почти лучшихъ городахъ разныхъ государствъ ея, какъ бы наперерывъ, спѣшили заводить университеты и коллегіи, въ которые толпами стремилось любознательное юношество, Россія еще не входила въ составъ европейскихъ государствъ и продолжала жить своею отдѣльною жизнью. Но западная часть ея, съ 1560 г. будучи присоединена къ Польшѣ и чрезъ Польшу пришедши въ соприкосновеніе съ Европою, не могла не ощутить въ себѣ тѣхъ особенныхъ движеній, какія происходили въ общей жизни Европы, не могла не принять въ нихъ нѣкотораго участія. И кіевское училище, съ нѣсколькими другими, заведенное тогда у насъ, по образцу европейскихъ, было явнымъ слѣдствіемъ и свидѣтельствомъ сего участія—перваго участія Россіи въ умственной жизни Европы. Но здѣсь только одна и отнюдь еще не главная причина появленія кіевской академіи.

Для Россіи, въ ея отдѣльной жизни, XVI вѣкъ былъ также временемъ пробужденія отъ двухвѣковаго умственнаго сна, въ которомъ держало ее татарское порабощеніе, временемъ глубокаго, но еще робкаго сознанія потребности въ просвѣщеніи. Жалоба новгородскаго архіепископа Геннадія (1500 г.) всероссійскому митрополиту Симону на недостатокъ училищъ для образованія пастырей церкви, жалобы на совершенный недостатокъ училищъ, высказанныя самому царю отцами, присутствовавшими на Стоглавомъ соборѣ, училище Заиконоспасское, открытое по приказанію Бориса Годунова (около 1599 г.)—суть прямыя доказательства той мысли, что русскіе глубоко уже сознавали потребность просвѣщенія. Западная Россія, состоявшая вмѣстѣ съ Польшею подъ владычествомъ потомковъ Ягелла, хотя и отдѣлена была, повидимому, отъ Руси восточной, но внутренно не прерывала совершенно и не могла прервать родственнаго союза съ нею. Посему-то, принимая чрезъ Польшу естественнымъ и необходи-

мымъ образомъ нѣкоторое участіе въ жизни Европы, она, въ то же самое время, не переставала жить по преимуществу русской жизнью. Кіевское православное училище, учрежденное въ ней вмѣстѣ съ другими подобными, было выраженіемъ этого глубокаго сочувствія ея съ образованнымъ Западомъ и съ твердою въ вѣрѣ и православіи Русью восточною, начавшею въ свою очередь сознавать потребность въ просвѣщеніи. Вотъ гдѣ можно полагать другую, но опять еще не главную, причину появленія училища собственно въ Кіевѣ. XVI вѣкъ для западной Россіи былъ временемъ, когда она въ первый разъ увидѣла крайнюю опасность лишиться перваго и драгоцѣннѣйшаго своего достоянія—православія. Давнее покушеніе папы подчинить русскихъ своей духовной власти теперь воскресло съ новою силою. Іезуиты, проникшіе въ Польшу еще при Сигизмундѣ-Августѣ, управляя теперь всею польскою политикою, немедленно и съ жаромъ приступили къ своему любимому дѣлу. Желая совращать съ пути православія людей взрослыхъ, но нетвердыхъ и неискусныхъ въ вѣрѣ, они распустили разныя полемическія сочиненія на восточную церковь; а чтобы посѣвать и укоренять свои неправыя мысли въ душахъ еще юныхъ и неопытныхъ, они заводили въ Вильнѣ, Полоцкѣ и на Волыни свои училища. Въ такихъ обстоятельствахъ что оставалось дѣлать православнымъ? Училищамъ надобно было противопоставить училища, сочиненіямъ сочиненія; а для этого нужны были люди ученые, и, значитъ, опять нужны были училища. И вотъ они начинаютъ возникать одно за другимъ. Первое православное училище явилось въ Острогѣ около 1580 г. Его учредилъ величайшій въ то время ревнитель православія Константинъ Константиновичъ князь Острожскій. Второе основано во Львовѣ около 1586 г. Третье благословилъ завести въ Вильнѣ въ 1588 г. константинопольскій патріархъ Іеремія II, путешествовавшій по Россіи. Православное братство, только-что образовавшееся предъ тѣмъ, при церкви монастыря Святодуховскаго, не замедлило привести въ исполненіе священную волю іерарха. Точно такое же православное училище открыто, наконецъ, и въ Кіевѣ, столицѣ православія. Святая ревность по вѣрѣ успѣла и здѣсь связать узами христіанскаго братства нѣсколько лицъ разныхъ сословій, которыя, предположивъ себѣ цѣлью попеченіе о всемъ, касающемся до благосостоянія церкви, рѣшились, между прочимъ, содѣйствовать всѣми мѣрами успѣхамъ и процвѣтанію лучшей изъ кіевскихъ приходскихъ школъ, находившейся при Богоявленской церкви. Сіе-то благочестивое братство, на обратномъ пути патріарха Іереміи II изъ Москвы въ Константинополь, испросило у него благословеніе преобразовать свою школу въ высшее православное училище, по образцу другихъ, существовавшихъ уже въ княжествѣ Литовскомъ. Первосвятитель восточной церкви, на одномъ концѣ Россіи утвердившій патріаршій престолъ и давшій ей перваго патріарха, на другомъ—положилъ своимъ благословеніемъ основной камень православному училищу, тогда четвертому въ кіевской православной митрополіи. Итакъ, ревность по провославію—вотъ главная и ближайшая причина появленія кіевской академіи. Такимъ образомъ, академія сія, по своему происхожденію, служитъ живымъ памятникомъ трехъ важнѣйшихъ въ исторіи событій: она напоминаетъ намъ великую эпоху пробужденія Европы къ просвѣщенію и вмѣстѣ съ тѣмъ первое участіе Россіи въ умственной европейской жизни; она служитъ памятникомъ дѣятельнаго сознанія потребности просвѣщенія народа русскаго, послѣ удручавшаго его татарскаго ига, и дружелюбнаго участія въ семъ дѣлѣ великаго княжества Литовскаго или, частнѣе, Малороссіи; памятникомъ, наконецъ, первой

явной опасности для западной Россіи лишиться православія и вмѣстѣ памятникомъ особенной ревности кіевлянъ къ православной вѣрѣ.

Первыя двадцать пять лѣтъ существованія кіевской школы остаются для насъ почти неизвѣстными. Сеймъ 1597 г., объявившій народъ русскій отступнымъ, вѣроломнымъ, бунтливымъ, далъ полную волю фанатизму ревнителей папскаго престола, и скоро вся Украйна запылала страшною, непримиримою войною. Это продолжалось до 1607 г., когда новымъ сеймомъ ограждены были нѣсколько права христіанъ православныхъ. Легко представить себѣ, каково долженствовало быть состояніе кіевскаго училища и въ это десятилѣтіе. Тогда какъ всѣ православныя училища были всячески тѣснимы и разрушаемы іезуитами, главнѣйшими дѣятелями въ сихъ гоненіяхъ, могло ли оно укрыться отъ ихъ преслѣдованія? Если они старались довести до совершеннаго упадка училище острожское, львовское, то не упускали, безъ сомнѣнія, ничего ко вреду училища братскаго, которое, находясь въ самой столицѣ православія, служило оплотомъ правой вѣры. Наконецъ, къ довершенію бѣдствій, претерпѣнныхъ симъ училищемъ, огонь испепелилъ его въ концѣ 1614 г. Къ счастію, кіевская школа не пала навсегда: и послѣ пожара ревность по православію возродила ее изъ пепла. Анна Гугулевичевна, единствено по усердію и приверженности къ православной церкви, въ нѣдрахъ коей она родилась и была воспитана, пожертвовала для помѣщенія братской школы нѣсколько зданій и дворъ на Подолѣ (тотъ самый, гдѣ доселѣ существуетъ академія), съ условіемъ, чтобы при школахъ заведенъ былъ и монастырь, и гостепріимный домъ для православныхъ странниковъ духовнаго званія.

Чему обучали въ кіевскомъ училищѣ? Патріархъ Ѳеофанъ назвалъ его въ одной изъ своихъ грамотъ школою наукъ эллино-словенскаго и латино-польскаго письма; однако, отсюда не должно заключать, будто бы, кромѣ оказанныхъ четырехъ языковъ, ничего болѣе здѣсь не преподавали. Такъ назывались и училища острожское, львовское и виленское, по примѣру которыхъ заведено наше; но въ нихъ не только были сообщаемы желающимъ первоначальныя свѣдѣнія въ этихъ языкахъ, а на всѣхъ ихъ преподаваемы были и словесныя науки, т.-е. поэзія и риторика. Преподаваніе, независимо отъ постороннихъ пропятствій, было въ состояніи цвѣтущемъ. Хотя здѣшніе наставники большею частью воспитывались въ православныхъ училищахъ, но слушали тамъ науки, пересаженныя изъ Европы. Послѣднее подтверждается тѣмъ, что по крайней мѣрѣ извѣстные изъ сихъ наставниковъ были весьма достаточно приготовлены къ своему дѣлу. Таковы: Мелетій Смотрицкій, мужъ, въ свое время ученѣйшій и славный между соотечественниками многими сочиненіями, но, къ сожалѣнію, запятнявшій свое имя измѣною православію. Онъ первоначально преподавалъ свою славянскую грамматику, которую издалъ уже впослѣдствіи въ Вильнѣ (1616 г.). Іовъ Борецкій, потомъ кіевскій митрополитъ. „Сей митрополитъ,—говоритъ объ немъ святитель ростовскій,—бѣ благочестивъ и премудръ, въ божественномъ писаніи искусенъ, греческій и латинскій языкъ добрѣ умѣвый и тѣхъ языковъ иныя въ школахъ учивый“. Вообще же учителями во все это время являются здѣсь монашествующіе, которыхъ ввела во дворъ свой Анна Гугулевичевна.

Кіевское училище было открыто и поддерживаемо братствомъ, состоявшимъ изъ людей всѣхъ сословій; потому и вступать въ него имѣли право дѣти всякаго званія. Анна Гугулевичевна, жертвуя своимъ домомъ на школы, изъявила желаніе, чтобы въ нихъ обучались дѣти и

дворянскія, и мѣщанскія всѣхъ православныхъ, оставшихся въ воеводствахъ Кіевскомъ, Волынскомъ и Брацлавскомъ. Что касается до числа обучавшихся, то оно, можно думать, было постоянно не малое. Послѣ сего можно уже судить, сколько пользы принесло кіевское училище всему Малороссійскому краю. Самъ Богданъ Хмельницкій здѣсь получилъ первоначальное образованіе. Сколько, наконецъ, воспиталось здѣсь смиренномудрыхъ пастырей церкви, которые, по самому мѣсту, ими занимаемому, и по своему долгу, болѣе другихъ могли распространять и словесно, и письменно свѣтъ познаній и особенно свѣтъ спасительной вѣры между единоземцами!

Между тѣмъ, какъ кіево-братское училище болѣе и болѣе обезпечивало свое существованіе и содержаніе, день ото дня пріобрѣтая себѣ новыхъ покровителей и защитниковъ почти по всей Украйнѣ, и наконецъ утверждено было граматою королевскою,—въ это самое время незамѣтно и намѣренно ему готовилась опасность, которая, безъ сомнѣнія, много повредила бы ему, если бы не обращена была Промысломъ для нашего училища въ начало продолжательнаго и великаго счастія. Въ 1625 г. въ Кіево-Печерскую лавру прибылъ, съ твердымъ желаніемъ поступить въ число братій, одинъ иностранецъ, знаменитый своимъ происхожденіемъ и своими личными заслугами въ польской военной службѣ, своимъ образованіемъ, самымъ полнымъ и лучшимъ въ тѣ времена. Это былъ воеводичъ земель молдавскихъ, Петръ Могила. Съ самаго поступленія на новое поприще онъ не могъ безъ величайшей скорби смотрѣть на бѣдственное состояніе православной церкви въ тогдашней Малороссіи, не могъ безъ огорченія сносить, какъ ученые іезуиты и уніаты наводняли ее своими полемическими сочиненіями и соблазняли православныхъ, не имѣвшихъ у себя образованныхъ пастырей, которые способны были бы отразить такія нападенія. Получивъ санъ архимандрита Кіево-Печерской лавры, а съ тѣмъ вмѣстѣ и значительные доходы, Петръ Могила отправилъ на собственномъ иждивеніи нѣсколько даровитыхъ и довольно уже приготовленныхъ юношей въ лучшія иностранныя училища для окончательнаго образованія на пользу церкви. Прошло четыре года; посланные возвратились на родину съ запасомъ свѣдѣній, съ рѣшимостью принесть ей въ жертву все, что имѣли. Тогда воспитатель ихъ приступилъ къ другому важному дѣлу: онъ вознамѣрился, съ согласія всей братіи своей, открыть при лаврскомъ монастырѣ училище для дѣтей православныхъ. Можно было ожидать, что училище братское будетъ оставлено даже прежними своими питомцами и, пріобрѣтая мало новыхъ, падетъ неминуемо. Къ счастію братскаго училища, эта угрожавшая ему опасность не укрылась отъ заботливаго взора многочисленнаго братства Богоявленскаго, и три просительныхъ листа отъ трехъ главнѣйшихъ тогда сословій въ Малороссіи, участвовавшихъ въ лицѣ нѣсколькихъ представителей своихъ въ семъ братствѣ, одинъ за другимъ поданы были Петру Могилѣ въ той силѣ, чтобы онъ не заводилъ особаго училища въ лаврѣ, а соединилъ бы его съ братскимъ, находящимся на Подолѣ. Гетманъ Иванъ Петржицкій съ своими эсаулами, полковниками и со всѣмъ запорожскимъ войскомъ клятвенно обѣщали защищать братское училище и все, ему принадлежащее, изъ рода въ родъ, отъ всѣхъ непріятелей и притѣснителей, хотя бы то стоило крови; дворянство давало обѣтъ ежегодно избирать изъ среди своей старостъ для попеченія о содержаніи сего училища. Могила согласился. Признательная коллегія никогда не забывала своего величайшаго благодѣтеля. Болѣе ста лѣтъ, переимено-

ванная уже и въ академію, она, во имя его, называлась собственно Кіево-Могилянскою.

Много сдѣлалъ Петръ Могила для своей коллегіи относительно внѣшняго ея благосостоянія, еще больше относительно ея внутренняго устройства. Онъ распространилъ въ ней кругъ наукъ, ввелъ новый училищный порядокъ, завелъ при ней необходимое учебное пособіе—библіотеку. Предметы обученія въ коллегіи были слѣдующіе: три языка — славянскій, греческій и латинскій, нотное пѣніе, православный катихизисъ, ариѳметика, поэзія, риторика, философія и богословіе. Есть основаніе думать, что, по крайней мѣрѣ первоначально, здѣсь обучали юношей геометріи, музыкѣ и отчасти астрономіи.

Первые наставники коллегіи воспитывались въ академіяхъ и университетахъ заграничныхъ. А извѣстно, какъ преподавались тогда науки въ Европѣ. Въ богословіи, съ одной стороны, преобладалъ схоластицизмъ. Съ другой стороны, по случаю отторженія лютеранъ отъ римской церкви и происхожденія многихъ другихъ религіозныхъ обществъ, изъ которыхъ каждое всячески старалось защищать свое ученіе, подвергавшееся нападенію прочихъ, и опровергать все чужое,—науки богословскія были обращены въ жаркую полемику. Самая строгая схоластика господствовала и въ философіи. Аристотель оставался попрежнему въ уваженіи; его сочиненія издаваемы были вновь, и знаменитые ученые продолжали писать на нихъ огромные комментаріи. Правда, Англія имѣла уже Бэкона и Локка, Франція—Декарта; но творенія этихъ великихъ мыслителей были пока мало извѣстны и не успѣли освободить философіи отъ тяжкихъ оковъ схоластики. По риторикѣ методы Аристотеля, Димитрія Александрійскаго и особенно Цицерона и Квинтиліана почитались лучшими руководствами и единственными образцами при составленіи учебниковъ. Новые авторы писали комментаріи на эти образцы, или сочиняли цѣлые томы о томъ, какъ писать письма, какъ умножать при сочиненіи слова и мысли и т. п. Поэзія въ школахъ занималась только стихосложеніемъ латинскимъ и разными его родами и видами. Изрѣдка преподаваемы были воспитанникамъ немногія правила стихосложенія на языкахъ отечественныхъ. Въ такомъ точно видѣ всѣ эти науки явились и въ коллегіи нашей. Изъ языковъ главнѣйшимъ почитался латинскій, который потому и находился здѣсь въ самомъ цвѣтущемъ состояніи съ первыхъ годовъ училища. На этомъ языкѣ излагались всѣ науки, кромѣ славянской грамматики и православнаго катихизиса; на немъ писались почти всѣ сочиненія ученическія. По-латыни обязаны были говорить всѣ воспитанники и въ классахъ, и въ жилыхъ комнатахъ, и на улицахъ, словомъ вездѣ, гдѣ только могли сойтись другъ съ другомъ. Вторымъ языкомъ послѣ латинскаго считался здѣсь славянскій. И объ немъ также заботились здѣсь, хотя и не столько, сколько о первомъ. На немъ писались какъ наставниками, такъ и воспитанниками разныя стихотворенія по силлабическому размѣру: учитель поэзіи обязанъ былъ ежегодно приготовить драму, комедію или трагедію для лѣтнихъ рекреацій, а ученики нѣсколько діалоговъ, акростиховъ и другихъ виршей. На немъ сочиняемы были разныя поздравительныя рѣчи; на немъ произносились наставниками въ храмахъ Божіихъ поученія. Но болѣе всего изученію его содѣйствовало то, это на немъ изложено св. писаніе, которое составляло всегда главнѣйшій предметъ занятій для обучавшихся богословію. На самой низшей степени, сравнительно съ другими, находился здѣсь языкъ греческій. Между науками, преподававшимися въ коллегіи, первое мѣсто

занимало богословіе, которое наиболѣе и процвѣтало здѣсь. Побужденіемъ къ подробнѣйшему и основательнѣйшему изученію его служила отчасти унія, заставлявшая воспитанниковъ знать какъ можно лучше особенно спорные пункты вѣроученія, съ одной стороны, чтобы впослѣдствіи вразумлять и утверждать въ нихъ православныхъ, а съ другой, чтобы быть въ состояніи отражать всѣ нападенія враговъ и даже побѣждать ихъ. Съ этою цѣлью богословіе читалось здѣсь, преимущественно въ трактатахъ о предметахъ спорныхъ, съ величайшею обширностью и отчетливостью, и полный курсъ его продолжался цѣлыхъ четыре года, между тѣмъ какъ преподаваніе курса философіи ограничивалось двумя годами, а преподаваніе риторики, равно какъ и поэзіи, только однимъ. Процвѣтанію богословія содѣйствовало, конечно, и то, что по этой наукѣ постоянно, когда только она преподавалась, были прекрасные профессора, знавшіе ее въ совершенствѣ.

Съ радостью, еще при жизни своей, видѣлъ Могила плоды отъ своей коллегіи для церкви Божіей и просвѣщенія. Промыслу угодно было въ такой краткій промежутокъ времени вывести изъ сего училища столькихъ знаменитыхъ пастырей, подобно свѣтиламъ просіявшихъ на тверди русской православной церкви и русскаго просвѣщенія. Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій, и Іоанникій Голятовскій, архимандритъ, являются изъ кіевской коллегіи первымъ по времени яркимъ созвѣздіемъ на этомъ горизонтѣ. Оба они были славные состязательные богословы. Когда, около половины XVII ст., уніаты и римско-католики стали издавать противъ восточной церкви разныя бранныя сочиненія, тогда для состязанія съ ними, съ общаго согласія всѣхъ малороссійскихъ церквей, избраны были Барановичъ и Голятовскій. И они достойно оправдали сіе избраніе.

Поприщемъ дѣятельности для выходившихъ изъ коллегіи была главнымъ образомъ Малороссія, хотя нѣкоторые изъ нихъ имѣли случай служить Великой Россіи. Но затѣмъ они проникаютъ во всѣ страны обширнѣйшаго царства Русскаго, занимаютъ бо́льшую часть пастырскихъ каѳедръ и всюду разносятъ съ собою свѣтъ просвѣщенія. Питомцы кіевской коллегіи являлись защитниками православія не на одномъ западѣ нашего православнаго отечества, ратуя только противъ уніатовъ: многіе изъ нихъ являются столпами всей россійской церкви, обуреваемой расколами. На престолѣ россійскомъ возсѣлъ величайшій изъ государей, который, думая преобразовать свое царство, собиралъ себѣ отвсюду достойныхъ сподвижниковъ: коллегія принесла ему, какъ священную дань, лучшихъ своихъ воспитанниковъ, какихъ только когда либо имѣла. Св. Димитрій Туптало, Стефанъ Яворскій, Феофилактъ Лопатинскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, св. Иннокентій Кульчинскій и Гавріилъ Бужинскій—вотъ извѣстнѣйшіе изъ нихъ.

LXV. Состояніе юго-западной Руси подъ польскимъ владычествомъ наканунѣ возстанія Хмельницкаго.

(Изъ соч. Костомарова: «Богданъ Хмельницкій»).

Дворянство южно-русское, при появленіи уніи, зашумѣло: составились братства, конфедераціи, съ цѣлью защищать отеческую вѣру; но

лѣтъ тридцать съ небольшимъ послѣ того французскій инженеръ Бопланъ, служившій въ Польшѣ, говорилъ: „Дворянство русское походитъ на польское и стыдится исповѣдывать иную вѣру, кромѣ римско-католической, которая съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ себѣ новыхъ приверженцевъ, несмотря на то, что всѣ вельможи и князья ведутъ свой родъ отъ русскихъ“.

Многіе русскіе дворяне, происходя отъ св. Владиміра или Гедимина, пользовались предъ польскимъ дворянствомъ знатностью рода, обладали богатствами и, участвуя на сеймахъ, могли быть двигателями государственнаго управленія. Они полюбили эту роль, промѣняли тѣсное поприще на обширное и свыклись съ мыслью, что отечество ихъ цѣлая Рѣчь Посполитая, а не присоединенная къ ней южная Русь. Принявъ, по необходимости, польскій языкъ, употребляемый при дворѣ и на сеймѣ, они скоро перемѣнили и вѣру, потому что перемѣна освобождала ихъ отъ невыгоднаго взгляда на нихъ римско-католическаго духовенства, столь сильнаго въ то время въ католической Польшѣ, и открывала имъ дорогу къ пріобрѣтенію старостовъ; притомъ ободряли ласки короля и двора и всеобщія похвалы шляхетскаго сословія. Другіе потеряли вѣру и народность черезъ браки съ польками; а если сами заимствовали отъ супругъ единственно языкъ, то всегда почти предоставляли дѣтямъ слѣдовать внушеніямъ матерей въ отношеніи вѣры. Такимъ образомъ перерождались цѣлыя фамиліи. Еще болѣе дѣйствовало на перерожденіе русскаго дворянства воспитаніе. Дѣти русскихъ дворянъ учились въ Краковѣ, во Львовѣ, въ Ярославлѣ и прочихъ городахъ внутреннихъ странъ Рѣчи Посполитой, иные за границею, въ Австріи, во Франціи, въ Испаніи, Италіи; іезуиты вездѣ овладѣвали тогда воспитаніемъ. Какъ только прибудетъ въ училище молодой русинъ, на него устремляется все вниманіе: ему внушаютъ отвращеніе къ вѣрѣ отцовъ его, описываютъ ее ересью, представляютъ догматы римско-католической церкви истинными, а обряды ея стараются выставить въ привлекательномъ видѣ. Молодое чувство покоряется внушеніямъ наставниковъ: русскій принимаетъ римско-католическое исповѣданіе, возвращается на родину, и все въ ней кажется ему варварскимъ: онъ затыкаетъ уши, слыша рѣчь южно-русскую, на подданнаго своего онъ смотритъ не только какъ на презрѣннаго раба, но какъ на существо, отверженное Богомъ, лишенное облегченія своей горькой участи и за предѣлами гроба. Наконецъ, многіе дворяне, живя на родинѣ, увлечены были убѣжденіями іезуитовъ, которые разсыпались тогда по всей южной Руси и разными путями выгоняли и унижали православныхъ духовныхъ, которыхъ поляки съ намѣреніемъ лишали средствъ къ образованію, дабы они не были въ состояніи спорить съ римско-католическими духовными и опровергать ихъ. Болѣе двадцати лѣтъ послѣ введенія уніи большая часть православныхъ епископскихъ каѳедръ оставалась незанятою; посвященіе священниковъ сопряжено было съ затрудненіями. Дворяне видѣли вокругъ себя католиковъ и уніатовъ, которые притомъ были образованнѣе православныхъ. Польскіе дворяне съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе разселялись на Руси, а русскіе дворяне незамѣтно стали расположены быть отступниками.

Польское право предоставляло владѣльцамъ безусловную власть надъ подданными: не только не было никакихъ правилъ, которыя бы опредѣляли отношенія подчиненности крестьянина, но помѣщикъ могъ, по произволу, казнить его смертью, не давая никому отчета. Даже всякій шлях-

тичъ, убившій простолюдина, вовсе ему не принадлежащаго, чаще всего оставался безъ наказанія, потому что для обвиненія его требовались такія условія, какія рѣдко могли встрѣтиться. „Нѣтъ государства—,говорилъ въ своихъ проповѣдяхъ іезуитъ Скарга,—гдѣ бы подданные и земледѣльцы были такъ угнетены, какъ у насъ, безпредѣльною властью шляхты: разгнѣванный землянинъ (владѣлецъ) или королевскій староста не только отниметъ у бѣднаго холопа все, что у него есть, но и самого убьетъ, когда захочетъ и какъ захочетъ, и за то ни отъ кого слова дурного не потерпитъ“. Со времени уніи панъ готовъ былъ поступать безжалостнѣе съ крестьяниномъ, чуждымъ ему и по языку, и по вѣрѣ. Надобно прибавить, что въ то же время между дворянствомъ Рѣчи Посполитой распространились чрезмѣрная роскошь и мотовство, требовавшія огромныхъ издержекъ. По сказанію Боплана, обыкновенный обѣдъ въ знатномъ польскомъ домѣ превышалъ знатные столы во Франціи. Серебряная и вызолоченная посуда, множество кушаньевъ, иноземныя вина, въ то время дорогія, музыка при столѣ и толпы служителей составляли условія тогдашняго обѣда. Такая же расточительность господствовала въ одеждѣ. Паны содержали при дворахъ своихъ толпы шляхтичей, которые существовали на счетъ господъ и вовсе ничего не дѣлали. Такихъ дармоѣдовъ въ иномъ домѣ было по нѣскольку тысячъ. Все это падало на крестьянскій классъ. „Крестьяне въ Польшѣ,—говоритъ современникъ,—мучатся какъ въ чистилищѣ, въ то время когда господа ихъ блаженствуютъ какъ въ раю“. Кромѣ обыкновенной барщины, зависѣвшей отъ произвола пана, „хлопъ“ былъ обремененъ различными работами. Помѣщикъ бралъ у него въ дворовую службу дѣтей, не облегчая повинностей семейства; сверхъ того, крестьянинъ былъ обложенъ поборами: три раза въ годъ, предъ Пасхою, Пятидесятницею и Рождествомъ, онъ долженъ былъ давать такъ называемый *осыпъ*, т.-е. нѣсколько четвериковъ хлѣбнаго зерна, нѣсколько паръ каплуновъ, куръ, гусей; со всего имущества: съ быковъ, лошадей, свиней, овецъ, меда и плодовъ долженъ былъ отдавать десятую часть, и кромѣ того, каждый улей въ его пчельникѣ былъ подвергнутъ пошлинѣ подъ именемъ *очковаго*, каждый волъ—пошлинѣ подъ названіемъ *рогатаго*; за право ловить рыбу платилъ онъ *ставщину*, за право пасти скотъ—*спаское*; за право собирать жолуди—*жолудное*, за измолъ муки—*сухомельщину* и т. п. Крестьянамъ не дозволялось не только приготовлять у себя въ домахъ напитки, но даже покупать въ иномъ мѣстѣ, кромѣ панской корчмы, отданной обыкновенно жиду на аренду, а тамъ продавали хлопамъ такое пиво, медъ и водку, что и скотъ пить не станетъ. Случится у пана какая-нибудь радость, подданнымъ его печаль: надобно давать поздравительное; если панъ владѣетъ мѣстечкомъ, торговцы должны были въ такомъ случаѣ нести ему матерію, мясники—мясо, корчмари—напитки; по деревнямъ хлопы должны были давать *стацію* его гайдукамъ и казакамъ. Ѣдетъ ли панъ на сеймикъ или на богомолье въ Ченстохово, или на свадьбу къ сосѣду, на его подданныхъ налагалась всегда какая-нибудь новая тягость. Куда ни проѣдетъ панъ со своимъ своевольнымъ оршакомъ (свитою), тамъ истинное наказаніе для бѣднаго хлопа: панскіе слуги шляхетскаго происхожденія портятъ на поляхъ хлѣбъ, забираютъ у хлопа куръ, барановъ, масло, колбасы, а пойдетъ хлопъ жаловаться пану, такъ его за то по ушамъ отшлепаютъ, зачѣмъ безпокоитъ его милость, тѣмъ болѣе, что самъ панъ привыкъ поступать, какъ его слуги. Не умѣя или лѣнясь управлять лично имѣніями, паны отдавали какъ родовыя, такъ и коронныя, имъ пожало-

ванныя въ пожизненное владѣніе, мѣстности на аренды, обыкновенно жидамъ, а сами или жили и веселились въ своихъ дворцахъ, или уѣзжали за границу и тамъ выказывали предъ иноземцами блескъ польской аристократіи. Жиды вымышляли новые поборы, какіе только могли прійти въ голову корыстолюбивой разсчетливости. Если раждалось у крестьянина дитя, онъ не могъ крестить его, не заплативъ такъ называемаго *дудка*; если крестьянинъ женилъ сына или отдавалъ дочь, прежде долженъ былъ заплатить *поемщизну*. Жидъ обыкновенно требовалъ съ хлопа еще больше того, сколько было назначено, и если крестьянинъ не могъ заплатить, то дитя оставалось некрещеннымъ нѣсколько лѣтъ, нерѣдко и умирало безъ таинства, а молодые люди принуждены были сходиться между собою безъ вѣнчанья. Кромѣ того, имущество, жизнь крестьянина, честь и жизнь жены и дѣтей находились въ безотчетномъ распоряженіи жида-арендатора. Жидъ, принимая въ аренду имѣніе, получалъ отъ владѣльца право судить крестьянъ, брать съ нихъ денежныя пени и казнить смертью. Въ коронныхъ имѣніяхъ положеніе хлоповъ было ужаснѣе, нежели въ родовыхъ, даромъ что тамъ подданные имѣли право жаловаться на злоупотребленія.

Рядомъ съ утѣсненіемъ народа шло поруганіе православной вѣры. До смерти короля Владислава, со времени введенія уніи, польское правительство издало десять *конституцій*, обезпечивавшихъ спокойствіе послѣдователей греко-русскаго исповѣданія; но, во-первыхъ, духовные считали себя въ правѣ не слушаться никакихъ конституцій на томъ основаніи, что церковь выше государства, а во-вторыхъ—эти конституціи, по самымъ правамъ польскимъ, могли относиться только къ дворянскому сословію. Дворянинъ православной вѣры могъ въ своемъ имѣніи или староствѣ построить церковь, монастырь, покровительствовать духовнымъ; но тамъ, гдѣ владѣлецъ—католикъ и не благопріятствуетъ вѣротерпимости, тамъ подобныя конституціи не могли имѣть ровно никакой законной силы, ибо и совѣсть, какъ честь и жизнь хлоповъ, зависѣла отъ произвола пана. А такъ какъ пановъ католической вѣры со дня на день становилось больше, чѣмъ православныхъ, то эти конституціи давались въ полной увѣренности, что онѣ не могутъ остановить стремленія лишить русскихъ своенародности. Владѣльцы захватывали церковныя имѣнія, приписанныя къ тѣмъ храмамъ или обителямъ, которые находились на землѣ ихъ вотчинъ или староствъ, обращали насильно православныя церкви въ уніатскія; нерѣдко толпа шляхтичей, жившихъ у пана, врывалась въ монастырь, разгоняла и мучила иноковъ, принуждая къ уніи. Ихъ заключали въ оковы, вырывали имъ волосы, томили голодомъ, иногда же топили и вѣшали. Тогда жиды, смекнувъ, что въ новомъ порядкѣ вещей можно для себя извлечь новыя выгоды, убѣдили пановъ отдавать въ ихъ распоряженіе, вмѣстѣ съ имѣніями, церкви гонимаго вѣроисповѣданія. Жидъ бралъ себѣ ключи отъ храма и за каждое богослуженіе взималъ съ прихожанъ пошлину, не забывая при этомъ всякаго рода нахальства и пренебреженія къ религіи, за которую некому было вступиться. Часто люди, изнуренные работою и поборами, не въ состояніи были платить, а священники, не получая содержанія, притомъ терпя оскорбленіе отъ жидовъ, разбѣгались; тогда приходъ приписывали къ уніатской церкви; православная церковь, если не нужно было обращать ее въ уніатскую, уничтожалась, а вся святыня переходила въ руки жидовъ. Римско-католическіе духовные подстрекали отдавать православныя церкви на поруганіе, думая этимъ скорѣе склонить народъ къ уніи.

Въ городахъ одни католики были выбираемы въ должности и, въ качествѣ членовъ городского начальства, потакали римско-католическому духовенству и допускали распоряженія, стѣснительныя для православія. Въ Львовѣ запрещено было православнымъ не только участвовать въ муниципальномъ совѣтѣ, но даже торговать и записываться въ ремесленные цехи. Не дозволяли хоронить православныхъ съ христіанскими обрядами; священникъ не смѣлъ идти къ больному съ дарами; наглость львовскихъ католиковъ и уніатовъ доходила до того, что толпы врывались въ церковъ во время богослуженія. Въ Кіевѣ насильно обратили большую часть церквей въ уніатскія, и въ томъ числѣ св. Софію и Выдубицкій монастырь.

Русское дворянство легко поддавалось польскому вліянію и теряло народность, а за народностью и вѣру предковъ. Простой народъ, порабощенный дворянствомъ, показалъ бы далѣе страдательное противодѣйствіе, роптатъ бы на судьбу, вздыхалъ бы о вѣрѣ отцовъ своихъ, а въ концѣ концовъ, подъ силою всеизглаживающаго времени, уступилъ бы гнету обстоятельствъ и забылъ бы старину такъ же точно, какъ нѣкогда, послѣ введенія христіанства, онъ долго вздыхалъ о своемъ язычествѣ и втайнѣ обращался къ своимъ прежнимъ божествамъ, а между тѣмъ время дѣлало свое, и мало-по-малу народъ сроднился съ новою вѣрою и сталъ чуждъ языческой старинѣ своей. По общечеловѣческимъ законамъ то же должно было, если не сразу, то въ теченіе не малаго времени, совершиться съ православіемъ и съ русскою жизнью. Все должно было ополячиться и окатоличиться, если бы, на бѣду польскимъ и римско-католическимъ затѣямъ, не стояло противъ нихъ казачество, вооруженное, крѣпкое, составлявшее цвѣтъ и матеріальную силу русскаго народа. Наполняясь изъ простого народа, оно готово было защищать оружіемъ то, что было дорого простому народу. Холопъ, бѣжавшій въ казачество, вносилъ туда сердечную глубокую ненависть ко всему панскому, шляхетскому, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ко всему ляхскому, потому что ненавистный ему панъ былъ или сдѣлался ляхомъ: заурядъ со всѣмъ панскимъ стала ему противна и враждебна римско-католическая вѣра; еще противнѣе была для него унія, какъ вѣра, которую, въ довершеніе своего произвола надъ хлопомъ, насильно навязывалъ панъ послѣднему на совѣсть. Такимъ путемъ сдѣлались казаки единственными борцами за православную вѣру и русскую народность.

ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

LXVI. О свадьбѣ и бракосочетаніи царя Алексѣя Михайловича.

(Изъ соч. Олеарія: «Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 г.» Переводъ Барсова).

Когда великій князь Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ, то былъ еще очень молодъ, и при немъ все еще оставался его бывшій дворецкій и воспитатель Морозовъ, по волѣ и усмотрѣнію котораго великій князь и велъ управленіе. Этотъ Морозовъ прежде всего привлекъ на свою сторону тѣхъ, которые наиболѣе готовы были служить его волѣ; родственниковъ же его царскаго величества и въ особенности родственниковъ матери его, бывшей великой княгини, удалилъ отъ двора на воеводства и другія видныя должности съ тѣмъ, чтобы онъ могъ наполнить дворъ людьми, ему приверженными, и важнѣйшія должности распредѣлить между друзьями, которые, по его усмотрѣнію, должны были оставаться заодно съ нимъ. Никто изъ знатнѣйшихъ вельможъ не долженъ былъ превзойти Морозова въ болѣе ревностномъ служеніи молодому царю и постоянномъ при немъ пребываніи. Чтобы удалить отъ в. князя тѣхъ изъ бояръ, которыя могли явиться къ нему съ какими-нибудь скучными и для его возраста даже съ тягостными служебными занятіями, Морозовъ часто возилъ его на охоту и доставлялъ ему всякаго рода и другія удовольствія. Для того же, чтобы прочнѣе удержать за собою расположеніе царя, Морозовъ помышлялъ о томъ, какъ бы вступить въ ближайшее родство съ нимъ. Разсчетъ его былъ таковъ: онъ зналъ, что его царское величество долженъ былъ скоро жениться, и для того, чтобы царь оставался въ родствѣ съ среднимъ сословіемъ, къ которому принадлежалъ Морозовъ, онъ рѣшилъ предложить ему въ супруги дочь одного дворянина, на сестрѣ которой думалъ жениться самъ. Между придворными дворянами былъ тогда одинъ, по имени Илья Даниловичъ Милославскій, который имѣлъ двухъ дочерей-красавицъ и ни одного наслѣдника мужескаго пола. Этотъ Илья часто прислуживалъ Морозову, бывшему тогда въ силѣ при дворѣ, былъ его, какъ говорится, *factotum*, ревностно помогалъ ему, такъ что Морозовъ охотно терпѣлъ его не ради только его красивой дочери, но и ради его угодливости. Однажды, улучивъ удобное время, Морозовъ началъ выхвалять красоту сказанныхъ

двухъ сестеръ и возбудилъ въ молодомъ государѣ сильное желаніе увидѣть ихъ. Обѣ сестры были приглашены къ дѣвицамъ—сестрамъ его царскаго величества, какъ бы только для посѣщенія сихъ послѣднихъ. Когда его царское величество увидѣлъ тутъ дочерей Милославскаго, то почувствовалъ тотчасъ же любовь къ старшей изъ нихъ. Милославскому объявлена поэтому милость его царскаго величества и то, что онъ долженъ сдѣлаться тестемъ царя. Милославскій, конечно, не задумался дать тотчасъ же свое согласіе и благодарить за великую милость. Затѣмъ, такъ какъ Милославскій былъ небогатъ, ему послано большое количество денегъ и разныя дорогія вещи въ домъ, чтобы онъ снарядилъ себя и своихъ приличнымъ образомъ. Вскорѣ же послѣ того затѣяна и свадьба, и въ 1647 г., на 22 году невѣсты, совершено бракосочетаніе, но безъ всякой торжественности и втиши, чтобы не было наслано на невѣсту и жениха какого-либо чародѣйства, отъ чего бываетъ худо и чего въ то время очень опасались русскіе, по своему суевѣрію. Черезъ 8 дней послѣ этого царскаго бракосочетанія бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ сыгралъ и свою свадьбу, взявши за себя сестру молодой великой княгини, и сдѣлался такимъ образомъ зятемъ его царскаго величества.

LXVII. Городскіе бунты въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

(Ст. С. В. Вознесенскаго) [1].

Бури смутнаго времени значительно подорвали международное положеніе Московской земли, достигнутое ею въ годы правленія и царствованія Бориса Годунова. Наступившее было тогда „благополучное время“ дало возможность русскимъ оправиться отъ того тяжкаго удара, какой нанесли имъ при Грозномъ совокупныя силы Швеціи и Польши, и даже занять по отношенію къ этимъ сосѣдямъ угрожающую позицію. Но теперь, послѣ „великой разрухи“, Москва принуждена была думать не о новыхъ завоеваніяхъ, а о возвращеніи собственныхъ земель, утраченныхъ благодаря Смутѣ: Столбовскій договоръ, какъ извѣстно, отдалъ шведамъ приморскую область съ городами: Ямами, Копорьемъ, Ивангородомъ и Орѣшкомъ, а по Деулинскому перемирію поляки получили Смоленскую область и волости Сѣверскую и Велижскую. Понятно, что главной правительственной заботой стало теперь возможно большее увеличеніе военныхъ силъ страны; ея боевой готовности. И вотъ, уже при Михаилѣ, наряду съ прежними дворянской конницей и крестьянской посохой [2], которыя призывались только въ военное время, и небольшимъ постояннымъ войскомъ стрѣльцовъ, устраиваются цѣлые полки изъ иностранцевъ, приглашаются пар-

---

[1]) Статья составлена по слѣдующимъ трудамъ: П. Н. Милюкова: „Очерки по ист. русской культуры“, ч. I; проф. Ключевскаго: „Курсъ русск. ист.,“ ч. III; С. М. Соловьева: „Исторія Россіи“, т. X и XI; И. И. Дитятина: „Когда и почему возникла рознь въ Россіи между „командующими классами“ и „народомъ“ въ „Статьяхъ по ист. русс. права“; Бестужева-Рюмина: „Моск. бунтъ 23 іюня 1648 г.“; Зерцалова: „О мятежахъ въ Москвѣ и въ с. Коломенскомъ въ 1648, 1662 и 1771 гг“; Зернина: „О смутахъ въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича“; С. Ѳ. Платонова: „Новый источникъ для ист. моск. волненій 1648 г.“ и „Моск. волненія 1648 г.“ и др.

[2]) Посохой называлась пѣхота, набиравшаяся изъ черныхъ слободъ.

тіями „нѣмецкіе“ офицеры и даже составляются по иноземному образцу регулярныя пѣхота и конница изъ русскихъ людей.

Содержаніе новаго войска требовало огромныхъ средствъ, и правительству, естественно, пришлось страшно увеличить податное бремя тяглыхъ классовъ общества—крестьянъ и посадскихъ. Какъ можно больше использовать всѣ платежныя силы страны являлось единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія. Государственная казна послѣ недавняго хозяйничанья въ Москвѣ поляковъ и русскихъ „измѣнниковъ“ была пуста. „Московское государство,—какъ справедливо замѣтила инокиня Марѳа при самомъ избраніи на престолъ Михаила,—разорилось до конца: прежнія сокровища царскія, изъ давнихъ лѣтъ собранныя, литовскіе люди вывезли“. А съ другой стороны, новые расходы оказывалось совершенно немыслимымъ покрывать старыми налогами, тѣмъ болѣе, что послѣдніе, благодаря обезцѣненію денегъ въ Смутное время, приносили дохода вдвое меньше, чѣмъ раньше. И волей-неволей правительство начало создавать новые виды обложенія. Старую ямскую подать населеніе платило въ размѣрѣ 10 р. съ сохи [1]; рядомъ съ ней въ XVII в. вводится большая ямская, доходившая до 800 р. съ той же самой единицы обложенія; наряду съ прежними „пищальными деньгами“ возникаютъ стрѣлецкія, составлявшія въ разные годы отъ 90 до 240 р. съ сохи; наконецъ, каждая экстренная военная нужда вызывала новые налоги: такимъ образомъ возникли процентные сборы съ капитала и дохода, извѣстные подъ названіемъ „пятыхъ“, „десятыхъ“, „пятнадцатыхъ“ и „двадцатыхъ денегъ“, и стали собираться „полоняничныя деньги“, сначала временно, по особому правительственному распоряженію, а въ срединѣ XVII в. уже постоянно. Кромѣ этихъ старыхъ и новыхъ „окладныхъ“ налоговъ, оставались въ силѣ всѣ прежніе неокладые (напр., пошлины съ разныхъ частныхъ сдѣлокъ, съ просьбъ, какія подавались частными лицами въ административныя и судебныя мѣста, съ грамотъ, какія оттуда выдавались, съ судебныхъ приговоровъ и т. д.), а также косвенные (на соль и другіе предметы потребленія). Въ то же время росли и платежи съ „оброчныхъ статей“—съ рыбныхъ ловель, бортныхъ лѣсовъ, лавокъ, амбаровъ и т. п.,—являвшіеся отчасти доходомъ съ государственныхъ имуществъ, которыя отдавались въ пользованіе частнымъ лицамъ за опредѣленные денежные взносы, отчасти налогомъ съ промысла.

Чтобы населеніе не могло ускользнуть отъ обложенія, „избыть тягла“, правительство въ 1620-хъ годахъ снова предприняло перепись и одновременно съ тѣмъ начало закрѣплять къ мѣсту жительства и тотъ слой тяглыхъ жителей, который еще пользовался правомъ передвиженія, именно, посадскихъ людей. Послѣдніе, не имѣя возможности выносить бремени падавшихъ на нихъ налоговъ, часто бѣжали изъ городовъ въ деревни, въ холопство къ частнымъ лицамъ, въ дальнія области. И подобно тому, какъ прежде правительство издавало указы о прикрѣпленіи крестьянъ, такъ теперь оно издаетъ указы о прикрѣпленіи горожанъ. Напр., въ 1613 г. боярская дума именемъ царя приказала вернуть въ Москву бѣжавшихъ изъ нея тяглецовъ, а въ 1619 г. земскій соборъ постановилъ, что всѣ ушедшіе посадскіе люди должны быть водворены на прежнихъ мѣстахъ. И такіе

[1]) Сохой называлась въ Московскомъ государствѣ единица обложенія; въ деревнѣ она равнялась 800, 1000 и 1200 „четвертямъ пашни“, а въ городѣ—80, 100 и 120 дворамъ.

указы повторялись еще нѣсколько разъ въ первую половину XVII в., такъ что уже ко времени Уложенія посадское населеніе было закрѣпощено.

Это прикрѣпленіе еще болѣе усилило для городскихъ общинъ тяжесть налоговъ, сборъ которыхъ, къ тому же, сопровождался необычайнымъ произволомъ со стороны вѣдавшихъ его лицъ—все равно, назначенныхъ правительствомъ или выбранныхъ самимъ населеніемъ. Выколачивая изъ народа деньги для казны, правительственные агенты не забывали и собственнаго интереса, причемъ ихъ личные аппетиты бывали настолько неумѣренны, что иногда сама верховная власть принуждена была вводить ихъ въ извѣстные предѣлы. „Извѣстились мы,—писалъ царь въ 1620 г. въ разосланныхъ по городамъ грамотахъ,—что въ городахъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлаютъ не по нашему указу, монастырямъ, служилымъ, посадскимъ, уѣзднымъ, проѣзжимъ всякимъ людямъ чинятъ насильства, убытки и продажи великія, посулы, поминки и кормы берутъ многія: великій государь, посовѣтовавшись съ отцемъ, приговорилъ съ боярами: послать въ города къ воеводамъ и приказнымъ людямъ наши грамоты, чтобъ они насильствъ и продажъ не дѣлали, посуловъ, поминковъ и кормовъ не брали..., а если въ которыхъ городахъ воеводы станутъ дѣлать не по нашему указу и будутъ на нихъ челобитчики, то мы велѣли взять на нихъ вдвое, да имъ же быть отъ насъ въ великой опалѣ". Но царская „оборона" населенія отъ воеводъ и приказныхъ не могла быть успѣшной, такъ какъ самъ же царь требовалъ слишкомъ энергичнаго взиманія податей. Такъ, однажды онъ былъ недоволенъ сборщикомъ, у котораго случился недоборъ, хотя этотъ сборщикъ въ свое оправданіе могъ заявить: „я, государь, посадскимъ людямъ не норовилъ..., правилъ на нихъ твои государевы доходы нещадно, побивалъ на смерть"... И посадскіе люди имѣли полное право заявить царю на соборѣ 1642 г.: мы „обнищали и охудали въ конецъ отъ твоихъ государевыхъ воеводъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, народное хозяйство, подорванное Смутой, находилось въ отчаянномъ состояніи. Еще долгіе годы послѣ лихолѣтья конца XVI и начала XVII вв. народъ страдалъ отъ набѣговъ казачьихъ и разбойничьихъ шаекъ, которыя во множествѣ рыскали по всей странѣ. Въ частности, экономическое положеніе города было едва-ли не хуже положенія деревни. Кромѣ гнета платежей, произвола администраціи и грабежа вольницы, посадскіе люди много терпѣли и отъ конкуренціи съ ними лицъ, не тянувшихъ посадскаго тягла, а также иностранныхъ купцовъ. Жалобы на бѣломѣстцевъ [1]) громко раздавались на соборѣ 1642 г. и еще болѣе рѣзко и опредѣленно были повторены въ „письменныхъ сказкахъ", поданныхъ царю въ 1662 г. гостями и торговыми людьми гостинной и суконной сотенъ, а также черныхъ сотенъ и слободъ московскихъ. Указавъ, что по закону право городского торга и промысла неразрывно связано съ платежомъ торговыхъ податей и пошлинъ, они жаловались, что всякими бо̀льшими и лучшими торгами, „презрѣвъ государственное правленіе (т.-е. законъ), завладѣлъ духовный, и воинскій, и судебный чинъ: архіереи, монастыри, попы, служилые люди торгуютъ въ тарханахъ безпошлинно" и тѣмъ чинятъ посадскимъ людямъ немалый подрывъ. Что же касается до иностранныхъ купцовъ, то на нихъ

[1]) Такъ назывались люди, имѣвшіе въ городахъ обѣленные дворы, т.-е. дворы, съ которыхъ не бралось въ казну податей и налоговъ,—преимущественно, духовенство и служилые.

посадскіе люди били челомъ царю въ 1646 г. и просили его запретить этимъ „нѣмцамъ“ торговлю внутри государства, такъ какъ они „не только насъ безъ промысловъ сдѣлали, они все Московское государство оголодили: покупая въ Москвѣ и въ городахъ мясо и всякій харчъ и хлѣбъ, вывозятъ въ свою землю“.

Понятно, что обезсиленные экономически посадскіе люди не могли не испытывать чувства невыносимой тяжести отъ тѣхъ жертвъ, какія требовала отъ нихъ государственная казна. А къ этому чувству тяжести присоединилось еще и недовольство общимъ характеромъ внутренней политики правительства. Возстановляя порядокъ послѣ Смуты, новая династія хотѣла сберечь въ полной неприкосновенности его прежнюю основу — самодержавіе, располагающее послушной бюрократіей и опирающееся на средніе классы общества—дворянство (включая въ него обломки смирившагося боярства) и высшее купечество. Поэтому всѣ тѣ финансовыя затрудненія, съ которыми пришлось столкнуться при этомъ возстановленіи, и новые цари думали устранить исключительно на счетъ народныхъ низовъ, какъ это дѣлалось при ихъ предшественникахъ. А между тѣмъ народъ, благодаря невзгодамъ Смутнаго времени, сталъ гораздо впечатлительнѣе и раздражительнѣе, чѣмъ былъ раньше, утратилъ ту, по словамъ проф. Ключевскаго, „политическую выносливость“ или ту, какъ выразился Карамзинъ, „покорность волѣ монаршей“, какой удивлялись въ немъ иностранные наблюдатели XVI в. Въ его сознаніи,—говоритъ проф. Ключевскій, — „стали переверстываться..., приходить въ иное соотношеніе основныя стихіи государственнаго порядка: государь, государство и народъ. Какъ прежде изъ-за государя не замѣчали государства и народа и скорѣе могли представить себѣ государя безъ народа, чѣмъ государство безъ государя, такъ теперь опытомъ убѣдились, что государство, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, можетъ быть безъ государя, но ни государь, ни государство не могутъ обойтись безъ народа“. Въ XVI в. государь считался полнымъ хозяиномъ государства, которое представляло собой его вотчину, гдѣ населеніе, какъ мѣтко выразился названный ученый, являлось лишь постояльцемъ, временнымъ жильцомъ. Тѣ элементы его, которымъ было трудно ужиться съ существующимъ порядкомъ, не возставали противъ него, не стремились его передѣлать, а просто уходили туда, гдѣ не чувствовалось его гнета. Но въ XVII в. отношеніе народа къ государству рѣзко измѣнилось: народъ изъ государевыхъ холоповъ и сиротъ началъ перерождаться въ гражданъ. У него возникли новые запросы, онъ сталъ требовательнѣе, его психика сдѣлалась легко возбудимой. Теперь выходъ за предѣлы государства, какъ форма политическаго протеста, еще практиковался по традиціи, но рядомъ съ нимъ возникли и другія формы, въ которыя выливалось народное недовольство: челобитья царю „молодшихъ“ людей на „сильныхъ“ и бунты. Раннія вспышки послѣднихъ прорвались еще при Михаилѣ—особенно знаменательны были мятежи на Бѣлоозерѣ и въ Сольвычегодскѣ,—но огромнымъ заревомъ они охватили царствованіе Алексѣя, которое по справедливости можетъ быть названо „бунташнымъ временемъ“. При этомъ государѣ „міръ“, сначала посадскій, потомъ сельскій, по оригинальному выраженію современника, началъ „качаться“.

Первое качаніе городского міра при Алексѣѣ Михайловичѣ произошло въ 1648 г. Юнаго государя окружала тогда тѣсно сплоченная клика придворныхъ во главѣ съ „временниками“—такъ окрестили въ XVII в. на Руси фаворитовъ—Б. И. Морозовымъ и И. Д. Милославскимъ, типич-

ными представителями новой придворно-приказной знати. Первый изъ нихъ, по характеристикѣ Соловьева, былъ „человѣкъ умный, ловкій, по тому времени образованный, понимавшій новыя потребности государства, но не умѣвшій возвыситься до того, чтобы не быть временщикомъ". Главной пружиной его дѣятельности, какъ свидѣтельствуетъ Мейерберъ, было непомѣрное корыстолюбіе, и въ этомъ отношеніи достойнаго сотрудника онъ нашелъ въ лицѣ выдвинутаго имъ и породнившагося съ царемъ Милославскаго. Своими приверженцами они наводнили всю администрацію и стали усердно заботиться о приращеніи собственнаго добра. Въ правительственныхъ учрежденіяхъ быстро и съ необыкновенной силой развились всякаго рода насилія, хищенія и вымогательства, которыя особенно практиковались главными морозовскими „подручниками": судьей земскаго приказа Л. С. Плещеевымъ, начальникомъ пушкарскаго приказа П. Т. Траханіотовымъ и думнымъ дьякомъ Н. Н. Чистымъ, прототипомъ „прибыльщика" петровскаго времени. Первый завелъ цѣлый штатъ „негодныхъ молодцовъ", на обязанности которыхъ было возводить ложныя обвиненія на зажиточныхъ людей, разорявшихся благодаря заведенной имъ судебной волокитѣ; кромѣ того, по словамъ Олеарія, онъ „безъ мѣры дралъ и скоблилъ кожу съ простого народа"; второй попросту грабилъ мастеровъ, пушкарей и другихъ лицъ, вѣдавшихся въ управлявшемся имъ приказѣ: „со всѣми этими людьми,—говоритъ тотъ же иностранецъ,—онъ поступалъ самымъ жестокосердымъ образомъ и удерживалъ у нихъ заслуженную ими заработную плату"; третій, наконецъ, считался иниціаторомъ новой тяжелой пошлины на соль, установленной въ 1646 г. и послужившей непосредственнымъ поводомъ къ московскому мятежу 1648 г. Раньше казна взимала съ пуда соли 5 копеекъ, теперь стала брать 20 [1]). Народъ сократилъ до минимума потребленіе соли, и тысячи пудовъ рыбы, которою онъ обыкновенно питался, сгнили на берегахъ Волги, такъ какъ промышленники не были въ состояніи посолить ее.

„Затѣсненное и изобиженное многими обидами" городское и прежде всего столичное населеніе глухо заволновалось, и, наконецъ, въ іюнѣ 1648 г. его раздраженіе перешло въ открытый мятежъ на Москвѣ: „черные люди" поднялись на „сильныхъ", „всколыбалась чернь на бояръ". Началось съ того, что народъ подалъ 1 іюня царю челобитную, а „тишайшій" указалъ отдать ее своимъ приближеннымъ. Тогда народныя массы на другой день снова подкараулили государя, окружили его и подняли крикъ, требуя выдачи ненавистныхъ имъ правителей, и прежде всего Плещеева. Неожидавшій новой встрѣчи съ толпой Алексѣй Михайловичъ милостивой рѣчью успокоилъ было расходившіяся страсти; но въ это время нѣсколько придворныхъ, друзья Плещеева, врѣзались верхомъ на лошадяхъ въ народъ и стали ругать его и даже бить нагайками, а морозовскіе холопы ударили на стрѣльцовъ, которые, по словамъ шведскаго посла Поммеренинга, заявили, что „сражаться за бояръ противъ простого народа они не хотятъ, а готовы вмѣстѣ съ нимъ избавить себя отъ ихъ насилій и обидъ". Послѣ этого нападенія разсвирѣпѣвшая толпа бросилась къ хоромамъ Морозова, разрушила ихъ и сожгла, при чемъ изъ боярскаго добра ничего не было похищено: слишкомъ сильна была въ народѣ ненависть къ „временнику". Мятеж-

[1]) Тогдашняя копейка равнялась на наши деньги 12-ти (по вычисленію проф. Ключевскаго).

ники,—говоритъ одинъ современникъ,—„препятствовали всякой попыткѣ вынести что-либо, неистово крича при этомъ: „то кровь наша!“ Разгромивъ Морозова, народныя толпы принялись за другіе боярскіе, дворянскіе и дьячьи дома; при этомъ былъ убитъ попавшійся въ ихъ руки Чистой, трупъ котораго бросили въ навозную кучу, приговаривая: „вотъ тебѣ, измѣнникъ, за соль“. На другой день съ подобнымъ же издѣвательствомъ былъ убитъ и Плещеевъ, и та же участь постигла бы и гостя Шорина, котораго молва обвиняла въ возвышеніи цѣны на соль, но онъ успѣлъ выбраться изъ города.

Полная безнаказанность опьянила народъ, и онъ предъявилъ царю уже новыя требованія—выдать ему головами Морозова и Траханіотова. Дворъ и правительство, запершись въ Кремлѣ вмѣстѣ съ нѣмецкими полками, не рѣшались дѣйствовать силой. Царь вступилъ съ возставшими въ переговоры и выслалъ къ нимъ цѣлую депутацію во главѣ съ патр. Іосифомъ и бояриномъ Н. И. Романовымъ, въ которомъ общественные низы видѣли своего доброхота. Послѣдній вышелъ къ народу съ шапкой въ рукахъ и сказалъ, что царь исполнитъ желаніе своихъ подданныхъ и увѣщеваетъ ихъ разойтись. И мятежъ, безъ сомнѣнія утихъ бы, если бы морозовскіе холопы снова не вмѣшались въ дѣло. По приказу своего господина они подожгли Москву, половина которой выгорѣла—„бысть аки поле“. На другой день за „великую измѣну и пожогъ“ народъ еще настойчивѣе потребовалъ головъ Морозова и Траханіотова. Траханіотовымъ пришлось пожертвовать, но Морозова государь отстоялъ, лично упросивъ толпу оставить его въ живыхъ, потому что „онъ государя царя дядька, вскормилъ его, государя“ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ царь обѣщалъ впредь править государствомъ посредствомъ новыхъ людей, съ незапятнанной репутаціей, „честныхъ и пріятныхъ народу, которые будутъ чинить расправу безъ посуловъ и всѣмъ одинаково“; самому же Морозову и его роднымъ и пріятелямъ „нигдѣ въ приказѣхъ у государевыхъ дѣлъ, ни на воеводствахъ, не бывать“. И „въ отвѣтъ на это,—говоритъ Олеарій,—народъ низко клянялся, благодарилъ и желалъ долголѣтней жизни царю“. 5 іюня по государеву указу казнили на пожарищѣ „предъ міромъ“ Траханіотова, а 12-го Морозовъ былъ отправленъ подъ сильнымъ конвоемъ въ Кирилловъ монастырь.

Слухи о томъ, что „нынѣча государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ“, вскорѣ перекинулись и въ другіе города. Ихъ населеніе, какъ и столичное, представляло собой легко воспламеняющійся горючій матеріалъ, готовый при малѣйшей искрѣ вспыхнуть пожаромъ. А въ искрахъ, способныхъ превратить глухое народное недовольство въ открытую ярость, недостатка не было. И какъ только являлся какой-нибудь поводъ, города начинали бунтовать. Въ Сольвычегодскѣ, напр., мятежъ произошелъ отъ того, что, когда пришла вѣсть о московскихъ событіяхъ, о томъ, что Морозовъ уже не у власти, населеніе потребовало отъ присланнаго для сбора жалованія ратнымъ людямъ Приклонскаго, чтобы онъ вернулъ данную ему всѣмъ уѣздомъ взятку въ 20 р. „Деньги-то ты сбираешь на измѣнника, воровски“,—кричала толпа, отбирая отъ него документы и собранныя суммы. Интересно отмѣтить, что среди вожаковъ здѣсь оказался уѣздный староста Богданъ Шулѣповъ—лицо, находившееся, хотя и по избранію общества, на правительственной службѣ. Почти то же самое произошло и въ Устюгѣ, гдѣ обыватели стали отнимать у подъячаго Михайлова полученную имъ отъ нихъ взятку въ 260 р. Онъ былъ убитъ,

[1]) Морозовъ былъ воспитателемъ Алексѣя.

воеводскій и еще нѣсколько дворовъ разграблены, причемъ возставшіе дѣйствовали именемъ царя: церковный дьячекъ Ивашка Яхлаковъ носилъ бумагу и кричалъ во весь міръ, что пришла государева грамота, въ которой велѣно разграбить на Устюгѣ 17 дворовъ. Крупныя волненія произошли и въ Томскѣ, жители котораго—служилые и посадскіе — возстали на воеводу кн. Щербатова и „отказали" ему отъ воеводства, заперевъ на воеводскомъ дворѣ. Ждали удобнаго момента для мятежа и многіе другіе города, напр., Нарымъ и Кузнецкъ въ Сибири, Талицкъ и Козловъ на югѣ Россіи, причемъ въ послѣднемъ низшіе классы населенія, „многихъ людей пограбили и перебили", и, какъ „хвалились" нѣкоторые изъ участниковъ этого мятежа, „имъ-де ничего не учинили" за это.

Московскій іюньскій бунтъ, на который громкимъ эхомъ отозвались многіе провинціальные города и при томъ въ разныхъ частяхъ государства, не на шутку перепугалъ правительство. Оно поняло, что далеко еще не достаточно задобрить стрѣлецкое войско, которому царь и патріархъ жаловали деньги, и столичную чернь, выборныхъ которой царскій тесть Милославскій нѣсколько дней сряду угощалъ у себя въ хоромахъ. Оно поняло, что для умиротворенія народа необходимо предпринять что-либо болѣе существенное. На первый разъ было рѣшено привлечь городскихъ и вообще земскихъ представителей къ участію въ той работѣ, которая была поручена незадолго до мятежа правительственной комиссіи изъ пяти человѣкъ — выработкѣ новаго Уложенія. 1 сентября 1649 г. собрался въ Москвѣ земскій соборъ, про который патр. Никонъ вполнѣ основательно замѣтилъ, что его созвали „не по волѣ, боязни ради и междуусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради". На этомъ соборѣ господами положенія оказались помѣщикъ и купецъ, почему только ихъ интересы главнымъ образомъ и отразились на Уложеніи. Послѣднее, въ пользу служилаго сословія, окончательно закрѣпостило крестьянъ; въ пользу торгово-промышленнаго класса оно запретило торгъ и промыселъ бѣломѣстцамъ и удалило изъ посадовъ крестьянскіе дворы; наконецъ, преимущественно въ пользу тѣхъ и другихъ [1]) оно провозгласило равенство суда и расправы для всѣхъ безъ всякихъ классовыхъ или сословныхъ льготъ, постановивъ, чтобы „всякихъ чиновъ людемъ отъ большого и до меньшого чину судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна".

Но и съ изданіемъ Уложенія, положеніе посадскихъ людей не улучшилось значительно. Налоговое бремя, которое они несли, осталось прежнимъ, административно-судебныя учрежденія, въ которыхъ они судились, тоже не измѣнились. Къ этому присоединилось еще и то, что вскорѣ во главѣ правительства опять сталъ Морозовъ, еще въ октябрѣ 1648 г. прибывшій въ Москву, а съ его возвращеніемъ снова воцарилась во всей силѣ прежняя система управленія. Немудрено, что уже вскорѣ послѣ іюньскаго мятежа опять началось на Москвѣ броженіе. „Государь молодой и глядитъ все изо рта бояръ Морозова и Милославскаго; они всѣмъ владѣютъ, и самъ государь все это знаетъ, да молчитъ",— раздавались въ народѣ голоса. Даже пронесся слухъ, что „быть замятнѣ въ Крещенье, какъ государь пойдетъ на воду", что тогда популярный бояринъ Романовъ выйдетъ на Лобное мѣсто, чтобы говорить къ народу, что „за него всѣмъ міромъ станутъ, Морозова и другихъ

[1]) Для огромной части крестьянъ—крѣпостныхъ—это равенство было пустымъ звукомъ.

станутъ побивать и грабить". Однако попытка недовольныхъ вновь раздуть мятежъ была подавлена въ самомъ началѣ.

Но когда въ столицѣ все повидимому успокоилось, бунтъ запылалъ въ сѣверо-западномъ краѣ—во Псковѣ и Новгородѣ, городахъ, въ которыхъ еще не совсѣмъ замерли историческія воспоминанія о былой волѣ и слишкомъ жива была ненависть къ московскимъ приказнымъ порядкамъ. Поводомъ для возникновенія этого движенія, извѣстнаго подъ именемъ „хлѣбныхъ" бунтовъ, послужила отправка московскимъ правительствомъ хлѣба въ Швецію. Дѣло въ томъ, что по договору 1648 г. Москва обязалась уплатить шведамъ 190,000 р. въ видѣ выкупа за „перебѣжчиковъ", то-есть русскихъ, ушедшихъ въ Россію изъ уступленныхъ Швеціи въ 1617 г. Кареліи и Ингріи, выдачи которыхъ требовало шведское правительство. „Исполнить это требованіе,—замѣчаетъ Соловьевъ,—въ глазахъ московскаго правительства значило отдать православныхъ христіанъ въ люторскую вѣру; благочестивый царь никакъ не могъ рѣшиться взять на свою душу такой грѣхъ, и потому положено было выкупить перебѣжчиковъ". Заплативъ пріѣхавшему въ Москву шведскому комиссару Нуммепсу часть этой суммы деньгами, правительство рѣшило въ счетъ остальной отпустить шведамъ хлѣба. Чтобы провести эту операцію выгоднѣе, въ Москвѣ задумали искусственно повысить рыночную цѣну на хлѣбъ. „Для того, чтобъ цѣны приподнять, чтобъ нѣмцамъ по дорогой цѣнѣ продать", было приказано богатѣйшему изъ псковскихъ купцовъ, финансовому агенту правительства Ѳедору Емельянову, закупить 2000 четвертей хлѣба въ псково-новгородской области. Между тѣмъ здѣсь былъ неурожай: изъ псковичей многіе ѣли по деревнямъ „оловину и сосну и ужовину", а новгородцы опасались помереть „голодною смертью". Однако, несмотря на это, Емельяновъ закупилъ во Псковѣ „про государевъ обиходъ" весь хлѣбъ „на ряду" (на рынкѣ) и не позволялъ обывателямъ пріобрѣтать его безъ своего разрѣшенія, которое можно было получить только за большую взятку. Тогда псковичи, уже и раньше злобившіеся на Ѳедора, что онъ дружитъ съ „нѣмцами", хвалитъ ихъ вѣру и переписывается съ нарвскимъ „нѣмчиномъ" Арманомъ Офромѣевымъ, и роптавшіе на „воровство" его при сборѣ пошлинъ, подняли настоящій мятежъ. Среди нихъ распространились слухи объ „измѣнѣ" Морозова, котораго считали главнымъ виновникомъ отпуска хлѣба шведамъ и про котораго говорили, что онъ извѣстный другъ нѣмцевъ. И какъ только пришелъ въ концѣ февраля 1650 г. указъ изъ приказа Большой Казны (которымъ незадолго передъ тѣмъ управлялъ Морозовъ, смѣненный послѣ іюньскаго бунта въ Москвѣ Милославскимъ) объ отпускѣ изъ государевыхъ житницъ 10,000 четвертей ржи на нѣмецкій гостиный дворъ, „псковичи, посадскіе и всякихъ чиновъ многіе люди, опричь дворянъ и дѣтей боярскихъ", рѣшили: „воленъ Богъ да государь, станемъ у житницъ сами, хотя велитъ государь всѣхъ перевѣшать, а въ Свейскую землю хлѣба изъ государевыхъ житницъ не давать". Но воевода окольничій Собакинъ заявилъ, что хлѣбъ шведы все-таки получатъ, а имъ онъ совѣтуетъ избрать лучшихъ людей, которыхъ бы онъ могъ повѣсить. Тогда „учала межъ ихъ быть выпрека большая", пока, наконецъ, воевода не прекратилъ спора, приказавъ арестовать коноводовъ. Въ отвѣтъ на это толпа обезчестила его, отняла городскіе ключи и овладѣла боевыми снарядами.

На другой день псковичи снова собрались на площади у всегородной избы, но лучшіе люди и стрѣльцы стали говорить, что самовольствомъ ничего не надобно дѣлать, а если въ хлѣбѣ скудость, то слѣ-

дуетъ бить объ этомъ челомъ государю. Вдругъ какъ разъ въ это время прошелъ слухъ, что „ѣдетъ нѣмецъ, везетъ казну изъ Москвы“. Толпа бросилась къ Власьевскимъ воротамъ и схватила этого нѣмца, оказавшагося Нумменсомъ. „Если казна послана изъ Москвы съ государева вѣдома,—разсуждали въ народѣ,—то можно было съ нею ѣхать и городомъ, а не по загородью“. Поэтому Нумменса хотѣли-было убить ослопами, но онъ просилъ дать ему возможность повидаться съ Емельяновымъ. Имя ненавистнаго гостя возбудило еще большую ярость Толпа отобрала у Нумменса казну и бумаги и отвела его на Святогорское подворье, а сама направилась къ дому Емельянова, гдѣ отняла у жены его государеву грамоту, которая оканчивалась такими словами: „А сего бы нашего указа никто у васъ не вѣдалъ“. Изъ этихъ словъ народъ увидѣлъ, что „грамота тайная“ и рѣшилъ, что значитъ „государю про то невѣдомо“. И вотъ начался настоящій бунтъ.

Прежде всего псковичи разграбили домъ главнаго виновника зла, Емельянова; затѣмъ 1 марта на мѣсто арестованнаго воеводы они избрали своего рода временное правительство, въ которое вошли площадной подъячій Томило Слѣпой и стрѣльцы Прохоръ Коза и Никита Сорокоумъ. Гражданскія власти оказались безсильными успокоить псковичей, но зато взять движеніе въ руки попытался, и небезуспѣшно, архіеп. Макарій. Онъ созвалъ гражданъ въ соборъ, гдѣ привелъ ихъ къ присягѣ государю. Собравшіеся „всѣ до одного человѣка сказали, что государю въ крѣстномъ цѣлованіи крѣпки и, помремъ за государя своего“. Такимъ образомъ возставшіе, какъ и въ Москвѣ, выдѣлили царя изъ окружавшей его правительственной среды. Тотъ же Макарій, приведшій населеніе къ присягѣ, пустилъ мысль и о подачѣ государю челобитья, которое и было вскорѣ составлено. Черезъ нѣсколько дней въ Москву были отправлены выборные изъ купцовъ, стрѣльцовъ и казаковъ. Царь долго укорялъ ихъ за мятежъ, гнѣвался, но потомъ „положилъ на милость“: отпустилъ ихъ назадъ съ указомъ, чтобъ псковичи повинились и выдали бы своихъ вожаковъ, „учинившихъ во Псковѣ воровской заводъ“. Но возставшіе не повѣрили, будто этотъ указъ подлинно государевъ, и „государево жалованье поставили ни во что“. А присланный изъ Москвы для розыска кн. Ѳ. Ѳ. Волконскій едва не былъ убитъ. Послѣ этого въ маѣ псковичи составили новое челобитье, на которое послѣдовала еще болѣе суровая резолюція: „холопи намъ, великимъ государямъ, николи не указывали“, заявилъ Алексѣй Михайловичъ. Вскорѣ затѣмъ, въ концѣ мая, царь приказалъ боярину кн. Хованскому, занятому тогда розыскомъ по поводу мятежа въ Новгородѣ, двинуться съ войскомъ на усмиреніе псковичей. Но послѣдніе не растерялись и встрѣтили Хованскаго жестокимъ пушечнымъ и пищальнымъ огнемъ. „Онъ Великій Новгородъ обманомъ взялъ, мы его въ котлѣ сваримъ да будемъ ѣсть“, кричали псковичи. Недостатокъ въ людяхъ и припасахъ, а также наказъ изъ Москвы прибѣгать къ силѣ лишь въ крайнемъ случаѣ не позволили князю войти въ городъ или даже осадить его, такъ что ему пришлось ограничиться лишь ролью наблюдателя. Онъ вступилъ было съ псковичами въ переговоры, но изъ этого не вышло никакого толку: среди возставшихъ распространилась молва, что царь изъ страха, чтобъ его не извелъ Морозовъ, бѣжалъ въ Польшу и собирается теперь съ литовскими людьми идти на выручку Пскова.

Въ ожиданіи государя прошелъ весь іюнь, въ теченіе котораго псковичи не разъ дѣлали нападенія на лагерь Хованскаго. „Вылазки,

государь, и бои ежедневные,—доносилъ послѣдній въ Москву,—а у дворянъ и дѣтей боярскихъ (находившихся въ его отрядѣ) запасовъ мало: дѣти боярскіе мелкіе, казаки, стрѣльцы и въ постные дни ѣдятъ мясо“. А мятежъ, между тѣмъ, распространился изъ города въ псковскіе уѣзды и даже въ новгородскія земли — Шелонскую и Водскую пятины. „Многіе люди, — писалъ царю хорошо освѣдомленный о положеніи дѣлъ Никонъ, — дворяне и дѣти боярскіе, ихъ жены и дѣти посѣчены и животы ихъ пограблены, села и деревни пожжены, а иные всякихъ чиновъ люди подо Псковомъ и на дорогахъ побиты“. И онъ совѣтовалъ какъ можно скорѣе уладить дѣло миромъ, увѣряя, что „промысломъ Пскова не взять; которые люди подъ Псковомъ, и тѣхъ придется потерять“, что „у псковичей учинено укрѣпленье великое и крестное цѣлованье было, что другъ друга не выдать“. Не хотѣло слать большой рати на Псковъ и правительство, предпочитавшее тогда вообще избѣгать крутыхъ мѣръ, можетъ быть, въ виду того, что въ самой Москвѣ въ это время было не совсѣмъ спокойно. По крайней мѣрѣ, въ Посольскій приказъ призывались московскіе тяглецы, и имъ здѣсь указали „извѣщать государя о всякихъ людяхъ, которые станутъ воровскіе рѣчи говорить“. Поэтому, чтобы успокоить возставшихъ псковичей, власть рѣшила прибѣгнуть къ авторитету земли, и въ концѣ іюля въ столицѣ былъ созванъ земскій соборъ „о псковскомъ воровскомъ заводѣ“, на которомъ вѣроятно и рѣшили дѣйствовать на псковичей мѣрами кротости. Мы говоримъ—вѣроятно, такъ какъ подлиннаго постановленія собора до насъ не сохранилось, и о немъ мы можемъ судить лишь косвенно, на основаніи характера послѣдующихъ правительственныхъ мѣропріятій. Въ половинѣ августа во Псковъ „для унятія христіанской крови“ былъ посланъ епископъ коломенскій и каширскій Рафаилъ съ царскою и патріаршею грамотами, а вмѣстѣ съ ними отправились и выборные люди. И порученная имъ миссія сопровождалась, на этотъ разъ, полнымъ успѣхомъ. Увѣщанія епископа и прощеніе виновныхъ царемъ успокоили псковичей, и безъ того утомленныхъ черезчуръ уже затянувшимся мятежомъ. Бунтъ прекратился, а спустя немного времени все же, несмотря на возвѣщенную милость, многіе изъ главарей движенія были арестованы; попытку же нѣкоторыхъ изъ псковичей подняться на ихъ защиту правительство сумѣло своевременно предупредить.

Въ болѣе короткій срокъ и легче справилось правительство съ движеніемъ въ Новгородѣ, которое представляло собой сколокъ съ псковскаго. Уже въ мартѣ дошли сюда вѣсти о мятежѣ во Псковѣ, заводчики котораго старались втянуть въ него и новгородцевъ. Поводомъ послужили и здѣсь слухи объ измѣнѣ Морозова и поставленный съ нею въ связь пріѣздъ датскаго посла Краббе и нѣмецкихъ купцовъ. Въ народѣ стали говорить, что нѣмцы ѣдутъ изъ Москвы въ свои страны съ казной, полученной отъ „собиннаго“ друга царя (т.-е. отъ Морозова), что они хотятъ „покупать около Новгорода овесъ и сѣно и солому и всякій обиходъ да за рубежъ провадить“. Раздавались даже упреки и по адресу самого царя: „государь о насъ не радѣетъ, деньгами помогаетъ и хлѣбомъ кормитъ нѣмецкія земли“. И новгородцы взбунтовались, ограбили и жестоко избили датскаго посла, разгромили нѣсколько купеческихъ домовъ, а потомъ, подобно псковичамъ, учредили у себя временное правительство, во главѣ котораго сталъ освобожденный толпой изъ тюрьмы митрополичій приказный Иванъ Жегловъ.

Соединившись съ стрѣльцами и казаками, „воры-гилевщики“ бросились въ Кремль къ воеводскому двору. „Вы всѣ друзья Морозова и за-

одно съ нимъ измѣняете, условившись отпускать за рубежъ хлѣбъ и мясо; намъ же причиняете скудость, почему у насъ и дороговизна",— вопила толпа. Воевода кн. Хилковъ принужденъ былъ скрыться у владыки, но мятежники бросились къ дому митрополита. Въ эту минуту, по разсказу очевидеца бунта, клирика Шушерина, передъ народомъ появился Никонъ. „Съ оружіемъ ли изыдете на мя? — сталъ говорить онъ:— „азъ по вся дни бѣхъ съ вами и не ясте мя, нынѣ почто тако пріидосте ко мнѣ? Видите, яко азъ предъ вами стою и не скроюся, понеже азъ есьмь пастырь, подобаетъ ми душу положити за вы". Но „крамольники" не вняли увѣщаніямъ митрополита и съ крикомъ: „онъ заступникъ измѣнничій и хранитель", бросились на него и избили палками. Но это „злое дѣло" многихъ изъ возставшихъ отрезвило. Страхъ обуялъ мятежниковъ, и лучшіе люди,—писалъ самъ Никонъ царю,—„всѣмъ городомъ приходили не по одинъ день и прощенія просили" у оскорбленнаго и избитаго ими владыки. Стали думать, какъ бы „бѣду утишить", и рѣшили послать царю челобитную. Въ ней новгородцы старались оправдать свои поступки, взваливъ всю вину на воеводу и митрополита: первый, по ихъ словамъ, норовилъ „шведскимъ людямъ", а второй учинилъ „многія неистовства и великую смуту" еще въ прошломъ 1649 г., намѣреваясь сдѣлать нѣкоторыя передѣлки въ соборной церкви, на что новгородцы не желали согласиться: „прежде многія власти были, — говорили они, — а старины не портили". Но еще до пріѣзда въ Москву челобитчиковъ Алексѣй Михайловичъ прислалъ въ Новгородъ грамоту, гдѣ требовалъ, чтобы населеніе выдало заводчиковъ смуты, а также приказалъ идти туда князю Хованскому съ войскомъ изъ новгородскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Въ срединѣ апрѣля тотъ былъ уже подъ стѣнами города, гдѣ „бунташное" настроеніе сильно упало. Никонъ, на волю котораго царская грамота отдавала участь виновныхъ, обѣщалъ испросить у государя милость: „государю за ихъ вину бить челомъ", чтобы „людямъ порухи никакой не было". 17 апрѣля пришелъ и царскій отвѣтъ на челобитье: государь писалъ о своемъ прощеніи и о замѣнѣ воеводы Хилкова княземъ Ю. П. Буйносовымъ-Ростовскимъ. Мятежники успокоились, и черезъ три дня Хованскій прислалъ въ Москву извѣстіе, что „гиль" кончилась. Благородное заступничество Никона, съ одной стороны, нежеланіе сильнѣе раздражить все еще бунтовавшихъ псковичей, съ другой, сдѣлали то, что сыскъ новгородской „замятни" закончился сравнительно милостиво: казненъ былъ лишь одинъ Волкъ, оскорбившій Краббе, а Жегловъ и 10 главнѣйшихъ сообщниковъ его лишь были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь.

Такъ закончились хлѣбные бунты, и послѣ которыхъ правительство однако ничего не дѣлало для устраненія коренныхъ причинъ народнаго недовольства—облегченія налоговаго бремени и уничтоженія злоупотребленій со стороны „сильныхъ" людей. Поэтому народъ попрежнему ждалъ лишь удобнаго повода, чтобы снова подняться.

Такимъ поводомъ сначала послужило производившееся Никономъ исправленіе книгъ, непонятность котораго для народныхъ массъ вызвала было волненія; но развиться имъ не позволила свирѣпствовавшая въ 1653 г. въ Москвѣ моровая язва. Точно также ожидало народное возмущеніе и въ 1660 г., послѣ того, какъ русскія войска были разбиты подъ Конотопомъ. Однако, оно разразилось нѣсколько позже, въ 1662 г., и не подъ вліяніемъ внѣшнихъ неудачъ, а благодаря новой финансовой операціи, которую предприняло еще въ 1656 г. московское правительство. Тогда

только что окончилась побѣдоносная первая война съ Польшей и готовился разрывъ со Швеціей. Войску необходимо было заплатить жалованье, а денегъ въ казнѣ не было, несмотря на сборъ „пятой деньги" съ торговыхъ людей и другіе новые налоги. И правительство, по совѣту Ѳ. М. Ртищева, рѣшило выпустить въ обращеніе мѣдныя деньги съ принудительнымъ курсомъ серебряныхъ. Сама по себѣ эта мѣра, какъ справедливо замѣтилъ проф. Платоновъ, не сопровождалась бы гибельными послѣдствіями, если-бы, во-первыхъ, казна не выпустила мѣдной монеты въ слишкомъ большомъ количествѣ; во-вторыхъ, если бы проведеніе этого проекта въ жизнь было поручено болѣе добросовѣстнымъ людямъ. Но оба эти условія не были соблюдены. По словамъ Мейербера, въ пять лѣтъ правительство начеканило мѣдныхъ денегъ на 20 милліоновъ рублей—громадную для того времени сумму. Кромѣ того, съ самаго же начала дѣло пошло „кривымъ путемъ" и въ другомъ отношеніи—попало, по выраженію проф. Ключевскаго, въ „падкія на соблазнъ руки" московской бюрократіи. Послѣдняя во главѣ съ Милославскимъ и думнымъ дворяниномъ Матюшкинымъ, завѣдывавшими выпускомъ мѣдныхъ денегъ, запятнала себя чудовищнымъ казнокрадствомъ и лихоимствомъ. Не говоря уже о томъ, что часть мѣдной монеты, чеканившейся на денежномъ дворѣ, прямо присваивалась правительственными лицами, они еще покрывали за „посулы большіе" и другихъ „воровъ", спасая ихъ отъ судебнаго преслѣдованія. Денежные мастера и литейщики, жившіе до того „небогатымъ обычаемъ", вдругъ теперь, „при мѣдныхъ деньгахъ, испоставили себѣ дворы каменные и деревянные, и платье себѣ и женамъ подѣлали зъ боярскаго обычая". Богатые купцы и гости, приставленные присяжными надзирателями мѣднаго дѣла прямо привозили купленную для себя мѣдь на Денежный дворъ, передѣлывали ее вмѣстѣ съ казенной въ деньги и увозили ихъ на свои дворы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ появилась и масса фальшивомонетчиковъ и даже стали привозить мѣдныя деньги изъ-за границы. Правда, случайно попадавшихся виновниковъ „воровства", которые почему-либо не могли отдѣлаться отъ судебнаго разбирательства взятками, жестоко казнили, заливали имъ горло расплавленнымъ металломъ, разсѣкали на части и прибивали руки у денежныхъ дворовъ на стѣнахъ; по свидѣтельству Котошихина, всего „за тѣ деньги" были „казнены въ тѣ годы смертной казнью больше 7000 человѣкъ". Но все же заманчивость легкой наживы и возможность откупиться отъ наказанія были настолько велики, что уничтожали всякій страхъ. Рынокъ быстро наводнился „воровскими", краденными у государства, мѣдными деньгами. Въ то же время притокъ серебряной монеты, наоборотъ, совершенно прекратился: и казна, и богатые люди прятали ее въ сундукахъ, производя всѣ платежи на мѣдныя деньги. И вотъ мѣдныя деньги, ходившія сначала „съ серебряными заодно", начали быстро обезцѣниваться. Уже въ концѣ 1660 г. за серебряный рубль давали два мѣдныхъ, а въ 1663 г. сперва 12, а затѣмъ даже 15 рублей мѣдныхъ. Соотвѣтственно паденію курса мѣдной монеты дорожали товары, и надъ страной нависъ сильный экономическій кризисъ. Само правительство поняло необходимость „розыска", но въ результатѣ его пострадали только „меньшіе люди"; главари остались безнаказанными. Одновременно съ тѣмъ было поручено Милославскому и Стрѣшневу допросить московскихъ обывателей разныхъ состояній о „настоящей дороговизнѣ", о томъ, „отъ чего на Москвѣ и въ городахъ хлѣбъ и всякіе харчевые запасы и товары стали дороги". Поданныя этимъ боя-

рамъ „сказки“ нарисовали яркую картину народнаго разоренія. „Въ прежнихъ лѣтахъ можно было мастеровому человѣку и съ женою быти сыту днемъ алтыннымъ хлѣбомъ, а нынѣ мастеровому человѣку одного хлѣба саму другу надобно на 20 алтынъ“,—говорится въ одной изъ нихъ.

Но еще раньше, чѣмъ былъ оконченъ сборъ этихъ „сказокъ“, столичное населеніе на святой недѣлѣ 1662 г. рѣшило пойти къ царю и лично искать у него управы на „измѣнниковъ“. Въ іюлѣ, когда Алексѣй Михайловичъ жилъ въ Коломенскомъ селѣ, а въ Москвѣ былъ оставленъ бояринъ кн. Ѳ. Ѳ. Куракинъ, на Срѣтенкѣ у церкви Троицы въ Листахъ происходило совѣщаніе народа о „пятинной деньгѣ“, сборъ которой велъ гость Василій Шоринъ, причастный къ „воровству“ мѣдной монеты. Въ толпѣ сталъ ходить неизвѣстно кѣмъ составленный листъ, на которомъ были написаны „о дву столбцахъ“ слѣдующія слова: „Измѣнникъ Илья Даниловичъ Милославскій, да окольничій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, да Иванъ Михайловичъ Милославскій, да гость Василій Шоринъ“. Этотъ документъ, изобличающій виновниковъ народныхъ бѣдъ, сборище рѣшило передать самому царю. Застигнутый врасплохъ, Алексѣй Михайловичъ принужденъ былъ отъ обѣдни выйти къ пришедшей въ Коломенское толпѣ, которая заявила: „Изволь, государь, вычесть письмо передъ міромъ, а измѣнниковъ привесть передъ себя“.— „Ступайте домой,—отвѣчалъ царь „тихимъ обычаемъ“,—а я, какъ только отойдетъ обѣдня, поѣду въ Москву и въ томъ дѣлѣ учиню сыскъ и указъ“. Но народъ не выпускалъ государя, нѣкоторые держали его „за платье, за пуговицы“ и съ „невѣжествомъ“ спрашивали: „чему вѣрить?“ Царь побожился—„обѣщался имъ Богомъ“ и „далъ имъ на своемъ словѣ руки, и одинъ человѣкъ изъ тѣхъ людей билъ съ царемъ по рукамъ“. Лишь послѣ этого толпа повернула обратно.

Тѣмъ временемъ оставшаяся въ Москвѣ часть сборища на Срѣтенкѣ принялась за грабежъ шоринскаго дома, покончивъ съ которымъ также рѣшила пойти къ Алексѣю Михайловичу. Этимъ моментомъ воспользовались бояре и съ помощью стрѣльцовъ, по выходѣ бунтовщиковъ изъ столицы, заперли всѣ городскія ворота, разставили караулы и арестовали до 200 „грабельщиковъ“. Кромѣ того былъ посланъ отрядъ стрѣлецкаго войска и въ Коломенское. Между тѣмъ шедшая изъ Москвы и двигавшаяся въ Москву толпы встрѣтились и направились вовторой разъ къ царю, котораго и застали въ то время, когда онъ садился на лошадь, чтобъ ѣхать въ столицу. „Сердито и невѣжливо и съ угрозами“ народъ потребовалъ немедленной выдачи ему виновныхъ лицъ. „Буде добромъ тѣхъ бояръ не отдашь,—кричали въ толпѣ,—сами учнемъ ихъ имать по своему обычаю“. Царь началъ было говорить, что самъ „онъ для сыску ѣдетъ въ Москву“; тѣмъ не менѣе толпа продолжала стоять на своемъ. „Не дай погибнуть напрасно“, „Время нынѣ побить измѣнниковъ“,—раздавались голоса. Но тутъ какъ разъ подошли отправленные изъ столицы стрѣльцы, и „тишайшій“ приказалъ имъ вмѣстѣ съ придворными чинами ударить на народъ. По разсказу Котошихина, онъ велѣлъ мятежниковъ „бить и рубить и живыхъ ловить“, а по свидѣтельству Мейербера, закричалъ, обращаясь къ стрѣльцамъ: „Избавьте меня отъ этихъ псовъ“. А бунтовщикамъ „было противиться не умѣть, потому что въ рукахъ у нихъ не было ничего ни у кого“, и они побѣжали. Всего было перебито и забрано свыше 7000 человѣкъ, да потонуло при бѣгствѣ въ рѣкѣ больше 100. Изъ забранныхъ въ тотъ же день повѣсили около Коломенскаго 150 человѣкъ, да на другой день

многихъ „по указу,—разсказываетъ названный современникъ,—пытали и жгли и по сыску за вину отсѣкали руки и ноги и у рукъ пальцы,“ а иныхъ били „кнутьемъ“ и до красна раскаленнымъ желѣзомъ выжигали имъ на лицѣ „буки, то-есть бунтовщикъ, чтобы былъ до вѣку признатенъ“. Повѣшено же еще было 12 человѣкъ и больше 100 сослано „на вѣчное житье“ въ дальніе города: въ Казань, Астрахань, на Терки, въ Сибирь. Мѣдный бунтъ кончился, но онъ не остался безрезультатнымъ. „И умысля царь,—говоритъ Котошихинъ,—чтобъ еще чего межъ людьми о деньгахъ не учинилося, велѣлъ тѣ мѣдныя деньги отставить“. Въ іюнѣ 1663 г. вышелъ указъ, возстановлявшій въ государствѣ серебряное обращеніе и запрещавшій держать и пускать въ оборотъ мѣдныя деньги: тѣмъ, кто ихъ имѣлъ, велѣно было или перелить ихъ въ вещи или приносить въ казну, гдѣ за мѣдный рубль платили по 10 денегъ серебромъ, по словамъ Котошихина, а по указу 26 іюня, только по 2 деньги. „Казна,—замѣчаетъ по этому поводу проф. Ключевскій,—поступила какъ настоящій банкротъ: заплатила кредиторамъ по 5 коп. или даже по 1 коп. за рубль“. „А что же бояре-измѣнники, какъ величалъ ихъ народъ?“—спрашиваетъ Дитятинъ и отвѣчаетъ: „Они остались цѣлы и невредимы, даже царской опалы не потерпѣли. Правда, на Милославскаго царь, какъ выражается Соловьевъ, „долго сердился“, а его и царскій свойственникъ Матюшкинъ былъ отставленъ отъ приказа, которымъ завѣдывалъ. И только. Да и то это было еще до возстанія, когда были доказаны злоупотребленія этихъ администраторовъ. За то едва-ли не другъ и сообщникъ ихъ, купецъ гость Шоринъ, „деньги дѣлавшій“ и потерпѣвшій во время бунта,—его домъ былъ разграбленъ, сына таскали въ Коломенское,—былъ пожалованъ: „царь не велѣлъ съ него,—говоритъ Котошихинъ,—имѣть пятые деньги (т.-е. налогъ, пятую часть съ доходовъ), а довелось было съ него взять больше 15,000 рублевъ“.

Мѣднымъ бунтомъ завершается рядъ городскихъ волненій, возникшихъ на почвѣ финансоваго гнета и административнаго произвола, подъ тяжестью которыхъ въ конецъ разорялось и безъ того экономически разстроенное посадское населеніе. Въ борьбѣ съ этими мятежами власть иногда шла на уступки, но она ничего не сдѣлала для устраненія коренныхъ причинъ народнаго недовольства. Впрочемъ, для нея было очень затруднительно сдѣлать въ этомъ отношеніи что-либо существенное. Ослабить податное бремя представлялось невозможнымъ, не отказавшись отъ выполненія тѣхъ задачъ, какія ставила внѣшняя политика. Ограничить злоупотребленія въ рядахъ бюрократіи значило ни болѣе ни менѣе, какъ отдать ее подъ контроль постояннаго земскаго представительства, сдѣлать ее отвѣтственной передъ страной. На это единственное средство обуздать произволъ въ правительственной средѣ, какъ справедливо замѣтилъ проф. Ключевскій, указывали государю и городскіе выборные на соборѣ 1642 г., и московскіе торговые люди въ сказкахъ 1662 г. Но направленіе внѣшней политики, требовавшей постояннаго роста налоговъ, зависѣло не столько отъ воли правительства, сколько диктовалось международнымъ положеніемъ Московскаго государства; а на радикальную реформу государственнаго строя, на превращеніе земскаго собора изъ органа народнаго совѣта въ органъ народной воли правительство не могло пойти, такъ какъ это совершенно не соотвѣтствовало политическому порядку Москвы—самодержавной власти государя, на сторонѣ которой стояли самые сильные классы тогдашняго общества—служилое сословіе и верхи купечества.

Вотъ почему послѣ городскихъ мятежей нисколько не измѣнились ни характеръ внутренней политики правительства, ни характеръ дѣятельности его представителей. Поэтому почва для новаго взрыва недовольства въ средѣ общественныхъ низовъ по прежнему питалась обильно. И взрывъ, исключительный по своей грандіозности, не замедлилъ произойти. На этотъ разъ застрѣльщиками явились казаки: на призывъ, вышедшій изъ могучей груди ихъ атамана, Стеньки Разина, откликнулась теперь не только одна городская, но уже и деревенская Русь.

LXVIII. Изъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича.

Глава I. О богохульникахъ и о церковныхъ мятежникахъ.

1) Будетъ кто, иновѣрцы какой-нибудь вѣры или русскій человѣкъ, возложитъ хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, или на рожьдшую Его пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію, или на честный Крестъ, или на святыхъ Его угодниковъ, и про то сыскивать всякими сысками накрѣпко, если сыщется на то допряма, того богохульника, обличивъ, казнить—сжечь.

Глава II. О государевой части, и какъ его государское здоровье оберегать.

1) Будетъ кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить на государское здоровье злое дѣло, и про то его злое умышленіе кто извѣститъ, и по тому извѣту про то его злое умышленіе сыщется допряма, что онъ на царское величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ, и такого по сыску казнить смертью.

3) А будетъ кто царскаго величества недругу городъ сдастъ измѣною, или въ городъ кто царскаго величества приметъ изъ иныхъ государствъ зарубежныхъ людей для измѣны-же, а сыщется про то допряма, такихъ измѣнниковъ казнить смертью же.

9) А будетъ кто измѣнитъ, а послѣ его въ Московскомъ государствѣ останутся отецъ, мать, братья родные или не родные, дядья, или иной кто его роду: а жилъ онъ съ ними вмѣстѣ и животы и вотчины у нихъ были общіе, то сыскивать всякими сысками накрѣпко, знали-ли отецъ, мать и родъ его про ту его измѣну; если сыщется допряма, что они про измѣну того измѣнника знали, ихъ казнить смертью, и вотчины и помѣстья ихъ и животы взять на государя.

10) А будетъ кто, свѣдавъ или услыша на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умыслъ, государю и его государевымъ боярамъ и ближнимъ людямъ, а въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ про то не извѣститъ, а государю про то будетъ вѣдомо, что онъ про такое дѣло вѣдалъ, а не извѣстилъ, и сыщется про то допряма, и его за то казнить смертью безъ всякой пощады.

Глава III. О государевомъ дворѣ, чтобъ на государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было.

2) А будетъ кто въ государевомъ дворѣ кого задеретъ и съ дерзости ударитъ рукою, и такого тутъ же изъимать и, не отпуская его, про тотъ его бой сыскать, и сыскавъ допряма, за честь государева двора посадить въ тюрьму на мѣсяцъ. А кого онъ ударитъ, и тому на немъ управить безчестіе. А будетъ кого онъ ударитъ до крови, и на немъ

тому, кого онъ окровитъ, безчестіе доправить вдвое, да его же за честь государева двора посадить въ тюрьму на шесть недѣль.

Глава IV. О подпищикѣхъ и которые печати поддѣлываютъ.

Глава V. О денежныхъ мастерахъ, которые учнутъ дѣлать воровскія деньги

1) Которые денежные мастера учнутъ дѣлать мѣдныя, или оловянныя, или укладныя деньги, или въ денежное дѣло въ серебро учнутъ прибавлять мѣдь, или олово, или свинецъ, и тѣмъ государевой казнѣ учнутъ чинить убыль, и тѣхъ денежныхъ мастеровъ за такое дѣло казнить смертью—залить горло.

Глава VI. О проѣзжихъ грамотахъ въ иныя государства.

1) А будетъ кому случится ѣхать изъ Московскаго государства, для торговаго промысла или инаго для какого своего дѣла, въ иное государство, съ Московскимъ государствомъ мирное, и тому на Москвѣ бить челомъ государю, а въ городахъ воеводамъ о проѣзжей грамотѣ, а безъ проѣзжей грамоты не ѣздить; а въ городахъ воеводамъ давать имъ проѣзжія грамоты безъ всякаго задержанія.

3) А будетъ кто поѣдетъ въ которое государство безъ проѣзжей грамоты и, бывъ въ иномъ государствѣ, пріѣдетъ въ Московское государство, а иной кто учнетъ на него извѣщать, что онъ ѣздилъ безъ проѣзжей грамоты самовольствомъ для измѣны или для инаго какого дурна, про того сыскивать всякими сысками накрѣпко. Если про него въ сыску скажутъ, что онъ впрямъ ѣздилъ въ иное государство безъ проѣзжей грамоты для измѣны или для инаго какого лихаго дѣла, то по сыску за измѣну казнить смертью.

4) А будетъ кто въ сыску объявится, что онъ ѣздилъ въ иное государство безъ проѣзжей грамоты для торговаго промыслу, а не для измѣны, и ему за то учинить наказаніе, бить кнутомъ, чтобы, на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлать.

Глава VII. О службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства.

Глава VIII. О искупленіи плѣнныхъ.

Глава IX. О мытахъ и о перевозахъ и о мостахъ.

Глава X. О судѣ.

1) Судъ государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всей Руси судить боярамъ и окольничимъ, и думнымъ людямъ, и дьякамъ и всякимъ приказнымъ людямъ, и судьямъ, и всякую расправу дѣлать всѣмъ людямъ Московскаго государства, отъ большаго и до меньшаго чину, вправду. Также и пріѣзжихъ иноземцевъ, и всякихъ прибыльныхъ людей, которые въ Московскомъ государствѣ будутъ, тѣмъ же судомъ судить, и расправу дѣлать по государеву указу вправду, а своимъ вымысломъ въ судныхъ дѣлахъ по дружбѣ и по недружбѣ ничего не прибавлять, ни убавлять; ни въ чемъ другу не дружить, недругу не мстить, никому ни въ чемъ ни для чего не норовить, дѣлать всякія государевы дѣла не стыдясь лица сильныхъ, избавлять обиженнаго отъ руки неправеднаго.

2) А спорныя дѣла, которыхъ въ приказахъ почему-либо вершить будетъ нельзя, вносить изъ приказовъ въ докладъ къ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу и къ его государевымъ боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ. А боярамъ и окольничимъ, и думнымъ людямъ сидѣть въ палатѣ и, по государеву указу, государевы всякія дѣла дѣлать всѣмъ вмѣстѣ.

3) А будетъ который судья истцу будетъ недругъ, а отвѣтчику другъ или свой, и о томъ истецъ учнетъ бить челомъ государю до суда, что ему передъ тѣмъ судьею искать не можно; если и отвѣтчикъ до суда учнетъ бить челомъ, что истцу его судья другъ или свой, и отвѣчать ему передъ тѣмъ судьею не можно: то истца и отвѣтчика тому судьѣ, на кого будетъ такое челобитье, не судить, а судить ихъ иному судьѣ, кому государь укажетъ.

5) А будетъ который бояринъ, или окольничій, или думный человѣкъ, или дьякъ, или иной какой судья, истца или отвѣтчика по посуламъ, или по дружбѣ, или по недружбѣ праваго обвинитъ, а виноватаго оправитъ, а сыщется про то допряма, и на тѣхъ судьяхъ взять истцовъ искъ втрое, и отдать истцу, да и пошлины, и пересудъ, и правой десятокъ взять на государя на нихъ же; да за ту же вину у боярина и у окольничаго, и у думнаго человѣка отнять честь. А будетъ который судья такую неправду учинитъ не изъ думныхъ людей, то ему учинить торговую казнь, и впредь ему у дѣла не быть.

30) А будетъ патріарха, или митрополита, или архіепископа, или архимандрита, или игумена, или келаря, или казначея, или иной иноческій чинъ, обезчеститъ словомъ стольникъ, или стряпчій, или дворянинъ московскій, или гость, или дьякъ, или жилецъ, или дворянинъ, или сынъ боярскій городовой, или иноземецъ, или дворовый человѣкъ, а сыщется про то допряма, и имъ за такое безчестье чинить указъ. За патріарха бить батогами. За митрополита посадить въ тюрьму. За архіепископа и епископа въ тюрьму же посадить.

31) А будетъ патріарха, или митрополита, или архіепископа, или епископа, или архимандрита, или игумена, или келаря, или казначея, или иной иноческій чинъ, обезчеститъ словомъ гостинной и суконной сотни или черныхъ сотенъ и слободъ тяглой человѣкъ, или стрѣлецъ, или казакъ, или пушкарь, или кто какого инаго чина, а про то сыщется допряма, и имъ за то чинить указъ. За патріарха учинить торговую казнь, да посадить въ тюрьму на мѣсяцъ. За митрополита бить батогами, да въ тюрьму посадить на четыре дня. За архіепископа и епископа бить батогами, да въ тюрьму посадить на три дня. А архимандритамъ и игуменамъ, и архидіякону, и Троицы Сергіева и всѣхъ моностырей келарямъ, и казначеямъ, и соборнымъ старцамъ, и рядовой братіи править за безчестіе.

132) А который отвѣтчикъ умретъ послѣ того, какъ онъ въ истцовомъ искѣ обвиненъ, и съ истцомъ онъ до смерти своей не раздѣлался, и за такихъ умершихъ отвѣтчиковъ велѣть истцовъ искъ править на женѣ его и на дѣтяхъ, или на братьяхъ, кто послѣ его во дворѣ и въ имѣніи его останется.

174) А будетъ кто холопа своего или рабу, по какому-нибудь случаю, отъ себя отпуститъ на волю, а послѣ того на томъ, кто того холопа или рабу на волю отпуститъ, или на его сынѣ учнетъ кто чего искать, и при искѣ своемъ учнетъ ссылаться на того отпущеннаго холопа или рабу, то тѣхъ отпущенныхъ холопа и рабу по такой ссылкѣ не допрашивать и въ свидѣтели не ставить.

176) А будетъ въ судѣ отвѣтчикъ сошлется на истцова отца или мать, то по тѣмъ ссылкамъ отца и мать допрашивать; никому не дозволяется отца и матери на судѣ отводить, и дѣло вершить должно отцовымъ и материнскимъ свидѣтельствомъ.

201) А будетъ кто самъ кого задеретъ, и учинится межъ ними бой, и на томъ бою того, кто напередъ задеретъ, кто ранитъ, и онъ на

того, кто его ранитъ, учнетъ бить челомъ за увѣчье; а тотъ, на кого онъ учнетъ бить челомъ, въ томъ не запрется и скажетъ, что онъ его ранилъ, себя обороняя, а сыщется про то допряма, что тотъ бой почался отъ того челобитчика отъ самого, то отвѣтчика въ томъ бою не винить и за увѣчье на немъ раненому ничего не указывать, потому что раненый самъ не правъ.

228) А будетъ кто, ради вражды или разграбленія, зажжетъ у кого дворъ, и послѣ того онъ будетъ пойманъ, и сыщется про него допряма, что пожаръ онъ учинилъ съ умысломъ, такого зажигальщика казнить сожженіемъ.

233) А будетъ кто у кого насильствомъ отъиметъ землю, или межи или грани передѣлаетъ, а сыщется про то допряма, и у того, кто такъ учинитъ, ту чужую землю взявъ, отдать тому, у кого отнялъ, да на немъ-же доправить владѣнье по государеву указу; а за насильство учинить наказаніе, какое государь укажетъ.

279) А будутъ у кого на дворѣ хоромы высокія, а у сосѣда его близко тѣхъ хоромъ будутъ хоромы поземныя, и ему изъ своихъ высокихъ хоромъ на тѣ низкія хоромы сосѣда своего воды не лить и сору не сметать и иныхъ притѣсненій тому своему сосѣду не дѣлать. А будетъ онъ на тѣ сосѣднія низкія хоромы учнетъ воду лить, соръ метать, или иную какую пакость чинить, а на судѣ сыщется про то допряма, и ему тѣ свои высокія хоромы отъ тѣхъ сосѣднихъ хоромъ велѣть отнести. А будетъ онъ тѣхъ своихъ хоромъ отъ сосѣднихъ не отнесетъ, и тѣсноту тому своему сосѣду учнетъ дѣлать попрежнему, и у него тѣ хоромы велѣть отломать, чтобы впредь сосѣду его отъ него никакого насильства не было.

Глава XI. Судъ о крестьянахъ.

1) Которые государевы дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей крестьяне и бобыли, выбѣжавъ изъ государевыхъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей, живутъ за патріархомъ или за митрополитами архіепископами и епископами, или за монастырями, или за боярами, или за окольничими, и за думными, и за комнатными людьми, и за стольниками, и за стряпчими, и за дворянами московскими, и за дьяками, и за жильцами, и за городовыми дворянами и дѣтьми боярскими, и за иноземцами, и за всякими вотчинниками и помѣщиками, а въ писцовыхъ книгахъ, которыя книги писцы подали въ помѣстный и иные приказы послѣ московскаго пожара прошлаго 134 года, тѣ бѣглые крестьяне или отцы ихъ написаны за государемъ, то тѣхъ государевыхъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей сыскивать и свозить въ государевы дворцовыя села и въ черныя волости на старые ихъ надѣлы по писцовымъ книгамъ съ женами и съ дѣтьми и со всѣми ихъ крестьянскими животами безъ урочныхъ лѣтъ.

Глава XII. О судѣ патріаршихъ, приказныхъ и дворовыхъ всякихъ людей и крестьянъ.

Глава XIII. О монастырскомъ приказѣ,

Глава XIV. О крестномъ цѣлованіи.

Глава XV. О вершенныхъ дѣлахъ.

Глава XVI. О помѣстныхъ земляхъ.

Глава XVII. О вотчинахъ.

Глава XVIII. О печатныхъ пошлинахъ.

Глава XIX. О посадскихъ людяхъ.

1) Которыя слободы на Москвѣ патріарши и митрополичьи, и вла-

дычни, и монастырскія, и бояръ, и окольничихъ, и думныхъ, и ближнихъ, и всякихъ чиновъ людей, а въ тѣхъ слободахъ живутъ торговые и ремесленные люди и всякими торговыми промыслами промышляютъ и лавками владѣютъ, а государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ, и всѣ тѣ слободы со всѣми людьми, которые въ тѣхъ слободахъ живутъ, взять за государя въ тягло и въ службы безлѣтно и безповоротно, кромѣ кабальныхъ людей; а кабальныхъ людей, если по распросу скажется, что они ихъ вѣчные, отдавать тѣмъ людямъ, чьи они и велѣть ихъ свести на свои дворы. А которые и кабальные люди, а отцы ихъ и родители ихъ были посадскіе люди или изъ государственныхъ волостей, и тѣхъ причислять къ посадамъ. А впредь кромѣ государевыхъ слободъ ничьимъ слободамъ на Москвѣ и въ городахъ не быть. А у патріарха слободы взять совсѣмъ, кромѣ тѣхъ дворовыхъ людей, которые изстари за прежними патріархами живали въ ихъ патріаршихъ чинахъ, какъ-то: дѣти боярскія, пѣвчіе, дьяки, подъячіе, истопники, сторожи, повары и хлѣбники, конюхи и иныхъ чиновъ дворовые люди, которымъ дается годовое жалованье и хлѣбъ.

40) А кого изъ русскихъ людей дворы на Москвѣ, въ Китаѣ и въ Бѣломъ и въ Земляномъ городѣ въ загородныхъ слободахъ, тѣхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ у русскихъ людей нѣмцамъ и нѣмкамъ-вдовамъ не покупать и въ закладъ не имать. А которые нѣмцы и ихъ жены и дѣти у русскихъ людей дворы или мѣста дворовыя учнутъ покупать или по закладнымъ учнутъ бить челомъ на русскихъ людей, и купчія и закладныя учнутъ приносить къ запискѣ въ земскій приказъ, и тѣхъ купчихъ закладныхъ не записывать. Если русскіе люди учнутъ нѣмцамъ или нѣмкамъ дворы и дворовыя мѣста продавать, то имъ за то отъ государя быть въ опалѣ. А на которыхъ нѣмецкихъ дворахъ поставлены нѣмецкія кирки, и тѣ кирки сломать и впредь въ Китаѣ, въ Бѣломъ и въ Земляномъ городѣ на нѣмецкихъ дворахъ киркамъ не быть; а быть имъ за городомъ Землянымъ отъ церквей Божіихъ въ дальныхъ мѣстахъ.

Глава XX. Судъ о холопахъ.

Глава XXI. О разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ.

1) Которые разбойники разбиваютъ и людей побиваютъ, и тати крадутъ въ Московскомъ уѣздѣ и въ городахъ, на посадахъ и въ уѣздахъ, и такія разбойныя и убійственныя и татиныя дѣла вѣдать въ разбойномъ приказѣ.

3) А вѣдать въ городахъ разбойныя и убійственныя и татиныя дѣла губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ по наказамъ изъ разбойнаго приказа, а воеводамъ въ городахъ такихъ дѣлъ не вѣдать. А гдѣ губныхъ старостъ нѣтъ, въ тѣхъ городахъ губныя дѣла вѣдать воеводамъ и приказнымъ людямъ.

8) А которые люди привезутъ въ губу татя или разбойника, а тѣ разбойники или тати учнутъ на тѣхъ людей и на ихъ дворовыхъ людей и на крестьянъ, которые ихъ въ губу приведутъ, возводить разбой, татьбу или иное какое воровство, то ему не вѣрить, для того чтобы всякимъ людямъ безстрашно было воровъ имати и въ губу приводить.

9) А приведутъ татя и доведутъ на него одну татьбу, тогда татя пытать и въ иныхъ татьбахъ, и въ убійствѣ; если съ пытки въ иныхъ татьбахъ и въ убійствѣ не повинится, а скажетъ, что кралъ впервые, а убійства не учинилъ, то его за первую татьбу бить кнутомъ и отрѣзать ему лѣвое ухо и посадить его въ тюрьму на два года, а животы его

отдать истцамъ въ выть; во время содержанія въ тюрьмѣ должно его посылать въ кандалахъ работать на всякія издѣлья, гдѣ государь укажетъ. А какъ онъ два года въ тюрьмѣ отсидитъ, его послать въ украинные города, гдѣ государь укажетъ, и велѣть ему въ украинныхъ городахъ быть, въ какой чинъ онъ пригодится, и дать ему письмо за дьячею подписью, что онъ за свое воровство въ тюрьмѣ урочные годы отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущенъ.

10) А будетъ того татя изъимаютъ на другой татьбѣ, то его пытать и въ иныхъ татьбахъ. Если онъ повинится только въ двухъ татьбахъ, а убійства онъ не учинилъ, его послѣ пытки бить кнутомъ и, урѣзавъ у него праваго уха, посадить въ тюрьму на четыре года, изъ тюрьмы посылать на всякія государевы издѣлья въ кандалахъ. А какъ онъ въ тюрьмѣ урочныя лѣта отсидитъ, его сослать въ украинные города, гдѣ государь укажетъ, и дать ему письмо, что онъ за другую татьбу урочные годы въ тюрьмѣ отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущенъ.

11) А приведутъ татя и доведутъ на него татьбѣ три или четыре или больше, и того татя, пытавъ, казнить смертью, хотя онъ и убійства не учинилъ, а животы его отдать истцамъ на выть.

12) А будетъ тать учинитъ и на первой татьбѣ убійство, его казнить смертью.

Глава XXII. Указъ, за какія вины кому чинить смертную казнь, и за какія вины смертью не казнить, а чинить наказаніе.

1) Будетъ который сынъ или дочь учинитъ отцу своему или матери смертное убійство, то ихъ за отеческое или за матернее убійство казнить смертью безо всякой пощады.

2) А будетъ который сынъ или дочь отцу своему или матери смертное убійство учинятъ съ инымъ съ кѣмъ, а сыщется про то допряма, тогда тѣхъ, которые съ нимъ такое дѣло учинятъ, казнить смертью же безо всякой пощады.

3) А будетъ отецъ или мать сына или дочь убьетъ до смерти, и ихъ за то посадить въ тюрьму на годъ; отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходить имъ къ церкви Божіей, у церкви объявлять тотъ свой грѣхъ всѣмъ людямъ въ слухъ; а смертью отца или мать за сына и за дочь не казнить.

8) А будетъ чей-нибудь человѣкъ помыслитъ смертное убійство на того, кому онъ служитъ, или противъ его вынетъ какое оружіе, съ цѣлью его убить, и ему за такое его дѣло отсѣчь руку.

10) А будетъ кто, не боясь Бога и не опасаяся государской опалы и казни, учинитъ надъ кѣмъ нибудь мучительское надругательство, отсѣчетъ руку или ногу или носъ, или ухо, или губы обрѣжетъ, или глазъ выколетъ, а сыщется про то допряма, и за такое его надругательство самому ему тоже учинить; да на немъ же взять изъ вотчинъ его и изъ животовъ тому, надъ кѣмъ онъ такое надругательство учинитъ; будетъ отсѣчетъ руку, и за руку 50 рублей; а будетъ отсѣчетъ ногу, и за ногу 50 рублей; а за носъ и за ухо, и за губы, и за глазъ, по тому же за всякую рану, по 50 рублей.

14) А будетъ жена учинитъ мужу своему смертное убійство, или окормитъ его отравою, а сыщется про то допряма, и ее за то казнить: живую окопать въ землю и держать ее въ землѣ до тѣхъ поръ, пока она умретъ.

19) А будетъ кто надъ кѣмъ учинитъ смертное убійство по чьему

наученію, а сыщется про то допряма, и того, кто на смертное убійство научалъ, и кто убилъ, обоихъ казнить смертью.

Глава XXIII. О стрѣльцахъ.

1) Стрѣльцовъ во всякихъ дѣлахъ, кромѣ разбоя и татьбы съ поличнымъ, судить и управу межъ ними чинить въ стрѣлецкомъ приказѣ.

Глава XXIV. Указъ о атаманахъ и о казакахъ.

Глава XXV. Указъ о корчмахъ.

1) У кого корчму найдутъ впервые, или кто на продажу вино куритъ, и на тѣхъ впервые заповѣди править 5 рублей, а на питухахъ по полуполтинѣ на человѣка. А у кого корчму вторично найдутъ, на тѣхъ людяхъ заповѣди править вдвое—по десяти рублей, а на питухахъ по полтинѣ на человѣка; да тѣхъ же людей, у кого корчму найдутъ вторично, бить кнутомъ на торгу, а питуховъ бить батогами.

8) А которымъ людямъ питія у себя безъявочно держать не велѣно, а они у себя питіе держать учнутъ, не явя, и то неявочное питіе у нихъ найдутъ, и на тѣхъ людяхъ имать заповѣди пять рублей съ человѣка, а питіе имать на государя.

11) Да въ прошломъ, въ 142 году, по указу блаженной памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи на Москвѣ и въ городахъ, о табакѣ заказъ учиненъ крѣпкій подъ смертною казнью, чтобъ нигдѣ русскіе люди и иноземцы всякіе табаку у себя не держали и табакомъ не торговали. А кто русскіе люди и иноземцы табакъ учнутъ держать или табакомъ учнутъ торговать, и тѣхъ людей продавцевъ и покупателей велѣно имать и присылать въ новую четверть, и за то тѣмъ людямъ чинить наказаніе большое безъ пощады подъ смертною казнью, а дворы ихъ и животы продавать, а деньги имать въ государеву казну. А нынѣ государь и царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи указалъ и бояре приговорили: тѣмъ людямъ, у кого табакъ объявился, указъ чинить противъ того же, какъ о томъ указано въ прошломъ, во 142 году.

Совершена сія книга повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи самодержца въ третье лѣто Богомъ хранимой его державы и при сынѣ его государевѣ благовѣрномъ царевичѣ и великомъ князѣ Димитріи Алексѣевичѣ, въ первое лѣто рожденія его, лѣта 7157, января въ 29 день.

LXIX. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и новоуказныя статьи.

(Изъ «Обзора исторіи русскаго права» проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Кіевъ. 1905 г.).

Исторія составленія Уложенія. 16 іюля 1648 г. царь и дума вмѣстѣ съ соборомъ духовенства рѣшили согласить между собою всѣ источники действовавшаго права и, дополнивъ ихъ новыми постановленіями, свести въ одинъ кодексъ. Проектъ кодекса тогда же поручено составить комиссіи изъ бояръ: кн. Н. И. Одоевскаго, кн. Сем. В. Прозоровскаго, окольничаго кн. Ѳ. Ѳ. Волконскаго и дьяковъ Гавр. Леонтьева и Ѳед. Грибоѣдова (послѣдніе были образованнѣйшими людьми своего

вѣка). Тогда же рѣшено было собрать, для разсмотрѣнія и утвержденія этого проекта, земскій соборъ къ 1-му сентябрю [1]). Активное участіе собора въ дѣлѣ составленія и утвержденія Уложенія не подлежитъ сомнѣнію. Въ частности, напр., 30 октября 1648 г. отъ дворянъ и посадскихъ была представлена челобитная объ уничтоженіи частныхъ боярскихъ и церковныхъ слободъ и пашней вокругъ г. Москвы и другихъ городовъ, а также о возвращеніи городамъ, перешедшихъ къ тѣмъ же боярамъ и монастырямъ, тяглыхъ городскихъ имуществъ внутри городовъ; предложеніе выборныхъ принято и вошло въ XIX главу Уложенія. Около того же времени „выборные отъ всея земли“ просили о возвращеніи назадъ въ казну и о раздачѣ служилымъ лицамъ церковныхъ имуществъ, неправильно пріобрѣтенныхъ церковью послѣ 1580 г., когда всякое новое пріобрѣтеніе было уже ей воспрещено; законъ въ этомъ смыслѣ введенъ въ XVII главѣ Уложенія (ст. 42). Точно также свѣтскіе выборные, не находя управы на обиды со стороны духовенства, просили подчинить иски на него государственнымъ учрежденіямъ; въ удовлетвореніе этого ходатайства, возникла XIII глава Уложенія (о монастырскомъ приказѣ). Но главная роль собора состояла въ утвержденіи всего Уложенія. Обсужденіе Уложенія закончено въ слѣдующемъ 1649 г. Подлинный свитокъ Уложенія, отысканный по приказанію императрицы Екатерины II Миллеромъ, хранится нынѣ въ Москвѣ. Уложеніе есть первый изъ русскихъ законовъ, напечатанный тотчасъ по утвержденіи его. Оно печатано было въ первый разъ отъ 7 апрѣля по 20 мая 1649 г.; а затѣмъ, когда всѣ экземпляры быстро разошлись, то въ томъ же 1649 г. Уложеніе напечатано во 2-ой разъ съ 26 августа по 21 декабря (съ нѣкоторыми измѣненіями и поправками въ редакціи статей). Когда было сдѣлано 3-е изданіе Уложенія при Алексѣѣ Михайловичѣ, неизвѣстно. Съ тѣхъ поръ печатаніе законовъ входитъ необходимымъ условіемъ въ составъ публикаціи законовъ.

Источники Уложенія отчасти указаны были законодателемъ при назначеніи редакціонной комиссіи, отчасти взяты самими редакторами. Это: 1) Судебникъ царя и Указныя книги приказовъ; первый составляетъ одинъ изъ источниковъ X-й главы Уложенія—„о судѣ“, которая, сверхъ того, по всей вѣроятности черпала изъ Указныхъ книгъ приказовъ судныхъ (нынѣ утраченныхъ). Указныя книги послужили источниками каждая соотвѣтствующей главы Уложенія;—2) Источники Уложенія греко-римскіе взяты изъ кормчей, а именно изъ эклоги, прохирона, новеллъ Юстиніана и правилъ Василія Великаго; изъ нихъ болѣе обильнымъ источникомъ былъ прохиронъ (для главъ Уложенія X, XVII и XXII); новеллы послужили источникомъ I главы Уложенія („о богохульникахъ“). Вообще же заимствованія изъ кормчей немногочисленны и фрагментарны и иногда противорѣчатъ постановленіямъ, взятымъ изъ туземныхъ источниковъ о томъ же самомъ предметѣ и включеннымъ въ то же Уложеніе (ср. Ул. XIV гл., ст. 10 съ гл. XI, ст. 27). Многія черты жестокости уголовнаго права проникли въ Уложеніе изъ кормчей.—3) Обильнѣйшимъ источникомъ Уложенія былъ Литовскій статутъ 3-й редакціи (1588 г.). Заимствованія изъ статута отмѣчены (но далеко не всѣ) на подлинномъ свиткѣ Уложенія. Путь для заимствованій былъ облегченъ тѣмъ, что уже раньше приказные дьяки брали и переводили изъ статута нѣкоторые пригодные

[1]) О томъ, чѣмъ было вызвано это послѣднее рѣшеніе, см. выше, въ ст. С. Вознесенскаго: „Городскіе бунты въ царствованіе Алексѣя Михайловича“.

артикулы. Способъ заимствованія разнообразенъ: иногда заимствуется содержаніе статута буквально; иногда берется только система и порядокъ предметовъ; иногда заимствуется только предметъ закона, а рѣшеніе дается свое; большею частію Уложеніе дробитъ одинъ артикулъ на нѣсколько статей. Заимствованія изъ статута иногда вводятъ Уложеніе въ погрѣшности противъ системы и даже разума узаконеній. Но вообще статутъ, какъ памятникъ также русскаго права, весьма сходный съ Русскою Правдою, можетъ быть признанъ почти туземнымъ источникомъ Уложенія. Несмотря на такое множество заимствованій изъ чужихъ источниковъ, Уложеніе не есть компиляція иноземнаго права, а кодексъ вполнѣ національный, переработавшій сухой матеріалъ по духу старо-московскаго права, чѣмъ онъ совершенно отличается отъ переводныхъ законовъ XVIII в.—4) Что касается до новыхъ статей въ Уложеніи, то ихъ, вѣроятно, не много (нѣкоторыя изъ нихъ указаны выше, какъ составленныя по просьбамъ земскаго собора); надо думать, что комиссія (до собора) сама не сочиняла новыхъ узаконеній (кромѣ заимствованій).

Содержаніе и система Уложенія. Уложеніе состоитъ изъ XXV главъ, весьма неравныхъ, раздѣленныхъ (въ совокупности) на 967 статей. Система (впрочемъ довольно безпорядочная), усвоенная Уложеніемъ, въ 1-й части кодекса копируетъ систему статута. Всѣ главы Уложенія могутъ быть раздѣлены на пять группъ: 1) гл. I—IX составляютъ тогдашнее государственное право; здѣсь ограждается богопочтеніе (I), личность государя (II) и честь государева двора (III), воспрещается поддѣлка государственныхъ актовъ (IV), монеты и драгоцѣнныхъ вещей (V), что̀ включено сюда потому, что поддѣлку монеты статутъ считалъ преступленіемъ противъ величества; здѣсь же паспортный уставъ (гл. VI) и уставъ военной службы и вмѣстѣ спеціальное военно-уголовное уложеніе (VII), законы о выкупѣ плѣнныхъ (VIII) и, наконецъ, о мытахъ и путяхъ сообщенія (IX).—2) Гл. X—XV содержатъ уставъ судоустройства и судопроизводства; здѣсь (въ гл. X) изложено и обязательственное право.—3) Гл. XVI—XX—вещное право: вотчинное, помѣстное, тяглое (гл. XIX) и право на холоповъ (XX).—4) Гл. XXI—XXII составляютъ уголовное уложеніе (1-я изъ Уставной книги разбойнаго приказа, 2-я изъ Литовскаго статута), хотя и во всѣ прочія части Уложенія вторгается уголовное право по частямъ.—5) Гл. XXIII—XXV составляютъ добавочную часть (первыя двѣ о стрѣльцахъ и казакахъ, послѣдняя—уставъ питейный: „о корчмахъ“.

Форма постановленій Уложенія отличается ясностью и опредѣленностью, за что̀ такъ хвалила этотъ кодексъ Екатерина Великая. Этимъ Уложеніе обязано своему конкретному пріему выраженія (но не „казуистическому“, какъ говорятъ нерѣдко).

Значеніе Уложенія. Несмотря на чужіе источники и на новыя статьи свои, Уложеніе есть не болѣе, какъ итогъ ко всему предшествующему законодательству Московскаго государства, сводъ его.

Новоуказныя статьи. Какъ ни казалось Уложеніе полнымъ, какъ ни старалось оно воплотить въ себѣ всѣ правовыя нормы, но опытъ тотчасъ показалъ, что оно (какъ и вообще какой бы то ни было кодексъ) не можетъ ни обнять всю сумму дѣйствующихъ нормъ, ни остановить дальнѣйшее развитіе юридической жизни народа. Въ самомъ дѣлѣ, въ Уложеніи вовсе нѣтъ многихъ главныхъ частей права (напр., такъ-называемыхъ законовъ основныхъ, законовъ о государственныхъ учрежденіяхъ какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ; нѣтъ семейнаго права, об-

щаго наслѣдственнаго права и другихъ). Во 2-й половинѣ XVII в. возникаютъ, во-первыхъ, законы, дополняющіе и измѣняющіе Уложеніе (новоуказныя статьи въ точномъ смыслѣ); во-вторыхъ, законы новые—уставы уже съ реформаторскимъ направленіемъ.

а) Новоуказными статьями въ обширномъ смыслѣ называются всѣ законы, изданные послѣ Уложенія; но въ тѣсномъ смыслѣ этимъ названіемъ обозначаются законы, касающіеся предметовъ, уже вошедшихъ въ Уложеніе, но дополняющіе и измѣняющіе постановленія о нихъ этого кодекса. Таковы: 1) Новоуказныя статьи о разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ 1669 г. (Полн. Собр. Зак., № 441)—уголовный кодексъ, превышающій своею полнотою уголовную часть Уложенія и существенно дополняющій его; въ немъ уголовный законъ хотя постоянно обращается къ греко-римскимъ источникамъ, но значительно смягчаетъ ту строгость каръ, которая въ Уложеніи навѣяна была кормчею и статутомъ.—2) Новоуказныя статьи о помѣстьяхъ 1676 г. (П. С. З., № 633) и Новоуказныя статьи о помѣстьяхъ и вотчинахъ 1677 г. (П. С. З., № 700) показываютъ, что не всегда законодательство неуклонно идетъ къ усовершенствованію: первый изъ упомянутыхъ законовъ во многомъ безъ нужды отмѣняетъ постановленія Уложенія, 2-й—большей частью возстановляетъ вотчинное право Уложенія.—3) Писцовый наказъ 1684 г. (П. С. З., № 1074) и 4) Новоуказныя статьи о чернослободскихъ и бѣломѣсцовыхъ дворахъ 1686 г. (П. С. З., № 1157) дополняютъ вотчинное право Уложенія. Первый составленъ на основаніи прежнихъ наказовъ.

б) Уставы представляютъ новую форму закона преимущественно учредительнаго характера; они служатъ уже предвѣстіемъ Петровскихъ регламентовъ. Уставомъ именуется законодательный актъ, установляющій что-либо новое, по теоретическому усмотрѣнію законодателя. Духъ реформы начинаетъ вѣять уже вскорѣ по изданіи Уложенія; таковы уставы финансовые: Уставная грамота 1654 г. (П. С. З., № 122), въ которой законодатель заявляетъ, что онъ дѣйствуетъ „на лучшее преуспѣвающее, якоже Богу угодно и намъ", и старается искоренить „злодѣйство, превзошедшее обычаи"; самая форма этого закона имѣетъ характеръ церковнаго поученія. Новоторговый уставъ 1677 г. (П. С. З. № 408), хотя изданъ „по всенародному слезному челобитью", но заключаетъ въ себѣ совершенную реформу торговаго права и управленія торговымъ классомъ (который превращается въ сословіе) по примѣру „всѣхъ государствъ окрестныхъ", именно по системѣ меркантилизма. Но вполнѣ реформаторскій духъ и формы принимаетъ наше законодательство со времени царствованія Ѳеодора Алексѣевича: въ 1682 г. задуманъ законъ о призрѣніи „по новымъ еуропскимъ обычаямъ".—Съ того времени (въ періодѣ имперіи) законъ идетъ впереди права, создаетъ его, а не слѣдуетъ за нимъ, фиксируя его, какъ было въ цѣлый Московскій періодъ.

LXX. Уложеніе 1649 г. и крѣпостное право.

(Изъ «Исторіи крѣпостного права въ Россіи» Н. Энгельмана, М. 1900 г.).

До тѣхъ поръ, пока существовала давность для вчиненія исковъ о возвращеніи бѣглыхъ, у крестьянъ сохранялась еще слабая возможность оставить землю, на которой они жили, и уйти отъ чрезмѣрнаго гнета.

Отнынѣ эта возможность исчезла; бѣглаго крестьянина и даже его потомковъ могли требовать обратно и возвращать на старыя мѣста во всякое время. Этимъ постановленіемъ окончательно утверждалось крестьянское прикрѣпленіе. Дѣло, начало которому было положено указомъ 1597 года, завершилось Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича. Постановленіе, выраженное въ писцовомъ наказѣ, вошло въ составъ этого Уложенія, и такимъ образомъ крестьянское прикрѣпленіе не только получило дальнѣйшее развитіе, но и было поставлено на совершенно новое основаніе, благодаря чему только и сдѣлалось возможнымъ образованіе крѣпостного права на почвѣ крестьянскаго прикрѣпленія. Указъ 1597 г. установилъ неразрывность договоровъ между крестьянами и землевладѣльцами. Такимъ образомъ, прикрѣпленными оказались только тѣ крестьяне, у которыхъ были заключены договоры съ владѣльцами, и судебные иски о бѣглыхъ крестьянахъ должны были опираться на эти договоры, наличность которыхъ предстояло доказать истцамъ. Итакъ, крестьянское прикрѣпленіе являлось все еще частно-гражданской сдѣлкой. Напротивъ, въ писцовомъ наказѣ (относящаяся сюда статья котораго вошла въ Уложеніе. Ред.) договоръ оставленъ совершенно въ сторонѣ: рѣшающее значеніе получилъ фактъ внесенія въ переписныя книги. Только тѣ крестьяне считались крѣпостными, имена которыхъ были внесены въ эти книги, но зато вмѣстѣ съ ними прикрѣплялись и ихъ семьи и все ихъ потомство. Крестьянинъ и его наслѣдники считались крѣпкими землѣ не потому, что они арендовали земельный участокъ, а потому, что крестьянинъ былъ приписанъ въ книгахъ къ такому-то имѣнію; но разъ онъ былъ записанъ въ книги, всѣ его потомки должны были оставаться въ томъ же имѣніи, и владѣлецъ имѣлъ право посадить ихъ на землю, не заключая съ ними новаго договора, а возникшія такимъ образомъ поселенія не считались прибылыми. Смыслъ этого послѣдняго правила былъ слѣдующій. Способы измѣренія земли въ то время не отличались точностью, а потому измѣренія земель часто возобновлялись, при этомъ за помѣщиками нерѣдко оказывались лишніе дворы и земли, сверхъ того, что имъ было пожаловано и что за ними значилось по документамъ. Всѣ такіе излишки отписывались на государя. Теперь, согласно писцовому наказу, новые дворы, не записанные въ книги, не считались прибылыми и не подлежали отобранію, если они появились вслѣдствіе того, что владѣлецъ переводилъ въ нихъ сыновей и племянниковъ своихъ прежнихъ крестьянъ. Для землевладѣльцевъ новое постановленіе было весьма выгодно; но для крестьянъ оно получило совсѣмъ иное значеніе: въ немъ по прежнему игнорировались личныя права крестьянъ. Въ основѣ этого постановленія лежала новая идея, которую еще не рѣшались высказать открыто, что крестьяне принадлежатъ землевладѣльцу и что потому именно и земля, на которой они сидятъ, должна принадлежать ему же, хотя бы ея оказалось больше, чѣмъ слѣдуетъ. Раньше господствовало совершенно обратное воззрѣніе. Земля считалась собственностью помѣщика, а потому и крестьяне, сидѣвшіе на ней, признавались его людьми. Итакъ, въ Уложеніи были введены три совершенно новыхъ принципа: крестьянская крѣпость была признана наслѣдственной и распространена на всѣхъ членовъ семьи и на все потомство крестьянина, тогда какъ раньше заключенный имъ договоръ былъ обязателенъ только для него самого и для того лица, которое наслѣдовало его имущественныя права; далѣе въ основу крестьянскаго прикрѣпленія былъ положенъ государственный актъ: записка крестьянина за владѣльцемъ въ писцо-

выхъ и переписныхъ книгахъ и, наконецъ, въ результатѣ этого послѣдняго нововведенія была отмѣнена давность для исковъ о возвращеніи бѣглыхъ. Всѣ эти постановленія, развитыя въ Уложеніи, вытекали изъ одной основной мысли, хотя мысль эта нигдѣ не высказывалась прямо и опредѣленно: крестьянинъ составляетъ собственность владѣльца. Развивая эту мысль, Уложеніе въ сущности превращало крестьянское прикрѣпленіе къ землѣ въ полную крѣпостную зависимость, причемъ это превращеніе было произведено не путемъ ясно выраженныхъ законодательныхъ опредѣленій, а путемъ упорнаго игнорированія личныхъ правъ крестьянъ со стороны администраціи и закона.

Личная зависимость крестьянъ отъ землевладѣльцевъ возникала и укрѣплялась de facto, хотя она и не была признана de jure (вплоть до Уложенія. Ред.). Посмотримъ, каковы были важнѣйшіе признаки постепеннаго перехода поземельнаго прикрѣпленія крестьянъ въ крѣпостную зависимость.

1) Поземельное прикрѣпленіе породило право землевладѣльца на трудъ извѣстнаго числа крестьянъ. Убійство одного изъ этихъ крестьянъ являлось не только уголовнымъ преступленіемъ, но и нарушеніемъ имущественныхъ правъ землевладѣльца, за что послѣдній могъ требовать вознагражденія. Право землевладѣльца на такое вознагражденіе было закрѣплено слѣдующимъ указомъ 1625 г.:

Если какой-нибудь помѣщикъ или лицо, за дѣйствія котораго онъ отвѣчаетъ, убьетъ крестьянина, гласитъ этотъ указъ, то слѣдуетъ „изъ его помѣстья взяти лучшаго крестьянина съ женою и дѣтьми, которые дѣти живутъ съ нимъ вмѣстѣ, а не въ раздѣлѣ и со всѣми животы, и отдать тому помѣщику, у кого крестьянина убили, во крестьяне, а въ долгу отказывати; а жену того убитаго крестьянина и съ дѣтьми и съ животами, у того помѣщика, у котораго крестьянина убили не отъимати, а тѣхъ убойцовъ, кто крестьянина убилъ... метати въ тюрьму до Государева указа“. Этотъ указъ ярко освѣщаетъ намъ взгляды правительства на отношенія крестьянъ и землевладѣльцевъ.

Уже ранѣе существовалъ аналогичный указъ относительно убійства холопей. Теперь этотъ указъ просто-на-просто былъ повторенъ въ примѣненіи и къ крестьянамъ, и такимъ образомъ еще до изданія Уложенія 1649 г. было положено начало уравненію крестьянъ съ холопами.

2) Согласно дѣйствовавшему въ то время праву кредиторъ могъ подвергать неисправнаго должника экзекуціи, могъ, какъ тогда говорилось, поставить его на правежъ. Должника, который не имѣлъ возможности или не хотѣлъ платить, били палками на дворѣ судной избы въ дни, назначенные для судебнаго разбирательства, и эта экзекуція продолжалась въ теченіе извѣстнаго срока, если самъ должникъ не вносилъ денегъ раньше или за него не платилъ кто-нибудь другой. Правительство убѣдилось, что мѣра эта оказывается безрезультатной, что тѣ изъ землевладѣльцевъ, которые готовы скорѣе переносить правежъ, чѣмъ платить долги, могутъ легко уклоняться отъ выполненія обязательствъ передъ заимодавцами, и въ 1628 году кредиторамъ было предоставлено право обращать взысканіе не на имѣніе должника, которое должно было оставаться неприкосновеннымъ, потому что съ него отбывалась служба, но на прикрѣпленныхъ къ имѣнію крестьянъ. Долгъ землевладѣльца взыскивался на его холопахъ и крестьянахъ. Правительство въ данномъ случаѣ исходило изъ той мысли, что для крестьянъ безразлично, вносить ли

деньги сначала землевладѣльцу, чтобы тотъ передалъ ихъ своему кредитору, или платить непосредственно послѣднему.

Если бы требованія заимодавца подлежали удовлетворенію исключительно изъ тѣхъ денегъ, которыя еще не были внесены крестьянами въ счетъ аренды или другихъ платежей, то противъ такого порядка нельзя было бы ничего возразить съ точки зрѣнія права. Но для примѣненія этого порядка потребовалось бы по каждому отдѣльному случаю подробное разслѣдованіе, которое весьма осложнило бы дѣло, а между тѣмъ права крестьянъ не составляли предмета особой заботливости для правительства. Правительство и тутъ нашло удобное и простое средство, благодаря которому—правда цѣною нарушенія крестьянскихъ правъ—устранялось множество затрудненій. Расчеты крестьянъ съ землевладѣльцами были признаны частнымъ дѣломъ послѣднихъ; землевладѣльцамъ лишь запрещалось притѣснять и истязать крестьянъ. Въ данномъ случаѣ крестьяне уже прямо оказывались причисленными къ имуществу землевладѣльца; въ развитіи крѣпостного права былъ сдѣланъ новый шагъ впередъ.

3) Подобно землевладѣльцу и самъ крестьянинъ могъ войти въ долги и въ случаѣ его неисправности взысканіе этихъ долговъ могло быть обращено на самую личность должника, при чемъ заимодавецъ имѣлъ право требовать, чтобы прикрѣпленнаго къ землѣ крестьянина отдали ему во временное холопство. Въ такихъ случаяхъ законъ предписывалъ отпустить крестьянина съ мѣста его прикрѣпленія. Въ 1642 г. правительство пришло къ заключенію, что такой порядокъ стѣснителенъ для землевладѣльца, а потому долговыя обязательства, заключенныя крестьянами, были признаны не подлежащими удовлетворенію. Указъ, содержащій это постановленіе, мотивировалъ его слѣдующимъ нравоученіемъ: „потому не примай чюжихъ крестьянъ, не давай имъ ссуды". Въ этомъ случаѣ крестьяне опять приравнивались къ холопамъ, т.-е. низводились изъ положенія прикрѣпленныхъ къ землѣ до положенія крѣпостныхъ.

4) Крестьяне вовсе не были рабами: государство прикрѣпило ихъ къ землѣ въ своихъ интересахъ и землевладѣльцы очевидно не могли освобождать ихъ отъ обязательства, возложеннаго на нихъ государствомъ. Но такъ какъ случаи отпущенія на волю все-таки встрѣчались въ дѣйствительности, то правительство запретило отпускать на волю крестьянъ съ помѣстій. Запрещеніе это вошло въ ту главу уложенія, въ которой трактуется о помѣстьяхъ, а отсюда землевладѣльцы сдѣлали выводъ, что этимъ запрещеніемъ косвенно подтверждается ихъ право отпускать крестьянъ съ вотчинъ и такимъ образомъ избавляться отъ лишнихъ людей, когда они становятся въ тягость.

5) Пока отношеніе землевладѣльца къ крестьянамъ основывалось на договорѣ, землевладѣлецъ имѣлъ право, согласно этому договору, подвергать не исполнившаго обязательствъ крестьянина денежному штрафу, могъ даже прогнать его со своей земли. Послѣ прикрѣпленія послѣдняя мѣра стала, конечно, непримѣнимой, и уже въ началѣ XVII столѣтія землевладѣльцы могли по договорамъ налагать только денежныя пени на своихъ крестьянъ, а крестьяне, согласно тѣмъ же договорамъ, обязывались платить эти пени. Но еще въ древнѣйшій періодъ, въ то время, когда судъ творили княжескіе и царскіе волостели и намѣстники, многіе владѣльцы успѣли получить право суда на своихъ земляхъ. Уложеніемъ 1649 года всѣ подобныя привилегіи были уничтожены, и для всѣхъ под-

данныхъ безъ исключенія, а слѣдовательно и для крестьянъ былъ установленъ одинаковый судъ, всѣ были подчинены одинаковому произволу воеводъ и приказной администраціи. Равенство всѣхъ предъ закономъ и предъ судомъ представляетъ великое благо, когда судьи пользуются самостоятельностью и ни отъ кого не зависятъ. Но одинаковое всеобщее подчиненіе произволу и административному усмотрѣнію является несообразною безсмыслицей. Изъ такого уравненія вытекло слѣдствіе, не имѣвшее ничего общаго съ равенствомъ предъ лицомъ закона: установленіе неограниченной судебно-полицейской и административной власти землевладѣльцевъ надъ крѣпостными крестьянами въ интересахъ общественнаго спокойствія и порядка.

LXXI. О русскихъ судахъ, законахъ и родáхъ наказанія въ эпоху Уложенія.

(*Изъ соч. Олеарія: «Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію»*).

Что касается до судебныхъ дѣлъ, то производятся они въ приказахъ (канцеляріяхъ). Каждый, назначенный управляющимъ приказа, бояринъ или судья, имѣетъ при себѣ дьяка или секретаря и вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами или засѣдателями выслушиваетъ тяжущихся, которые являются предъ нимъ, и присуждаетъ имъ рѣшеніе. До послѣдняго времени русскіе имѣли только нѣкоторые, немногіе письменные законы и обычаи, данные различными в. князьми, и лишь противъ измѣнниковъ отечеству, противъ преступниковъ въ оскорбленіи его царскаго величества, противъ воровъ, убійцъ и должниковъ. Во всемъ же остальномъ, въ произнесеніи приговора судьи руководствовались большею частью собственнымъ своимъ усмотрѣніемъ, а иногда и желаніемъ сдѣлать кому добро или зло. Нѣсколько же лѣтъ назадъ (1649), по указу его царскаго величества, собраны были разумнѣйшіе изъ всѣхъ сословій люди, которые составили и написали нѣкоторые законы и постановленія, и законы эти были затѣмъ утверждены царемъ и его боярами и напечатаны по-русски во всеобщее свѣдѣніе; эта книга въ листъ, въ два добрыхъ пальца толщиною, называется Соборное Уложеніе, т.-е. единогласно принятое и собранное законоположеніе, по которому судьи и постановляютъ теперь свои приговоры, или, по крайней мѣрѣ, должны постановлять. Такъ какъ всѣ приговоры эти дѣлаются отъ имени царя, то они безпрекословно должны быть исполняемы, и никто не смѣетъ подавать на нихъ дальнѣйшія жалобы.

Въ прежнее время съ тяжущимися соблюдался такой порядокъ судопроизводства: если кто обвиняетъ другого и не можетъ ничѣмъ доказать своего обвиненія, то судья присуждаетъ тяжущимся рѣшить дѣло присягою. Затѣмъ онъ спрашиваетъ обвиняемаго (отвѣтчика), такъ какъ отъ него зависитъ выборъ: „Хочешь-ли взять присягу на свою душу, или отдать ее на душу обвинителю (истцу)?“. Кто послѣ этого захочетъ принять присягу, тотъ въ продолженіе трехъ недѣль, однажды въ недѣлю, приводится къ судьѣ, который его наставляетъ и увѣщеваетъ относительно того, какое великое и опасное дѣло есть присяга, и вообще пре-

достерегаетъ его не присягать. Если, несмотря на то, увѣщеваемый все-таки присягаетъ, то, хотя бы онъ присягнулъ и въ правомъ дѣлѣ, всѣ присутствующіе при присягѣ плюютъ ему въ лицо, выгоняютъ его изъ церкви, въ которой онъ присягалъ, и вообще послѣ этого всѣ презираютъ его, указываютъ на него пальцами, и онъ не можетъ болѣе ходить въ церковь, а тѣмъ болѣе не можетъ быть допущенъ до принятія св. тайнъ, до которыхъ допускается онъ только тогда, какъ его постигнетъ тяжкая болѣзнь, и въ немъ будутъ усмотрѣны очевидные признаки приближающейся смерти.

Въ недавнее время, впрочемъ, для присяги установленъ слѣдующій порядокъ: того, кто долженъ присягать, спрашиваютъ прежде передъ образами, хочетъ-ли онъ взять себѣ на душу и на спасеніе свое присягу? Когда онъ отвѣчаетъ утвердительно, то берутъ крестъ, величиною въ пядень, держатъ этотъ крестъ передъ присягающимъ, и этотъ послѣдній крестится и цѣлуетъ крестъ; затѣмъ снимаютъ со стѣны образъ и также даютъ ему приложиться къ нему. Присягнувшій такимъ образомъ и въ правомъ дѣлѣ не смѣетъ принимать св. причастія иначе, какъ только по истеченіи трехъ лѣтъ, что, впрочемъ, мало смущаетъ рѣшающихся на присягу. Если будетъ дознано, что присяга дана ложно, то виновнаго сѣкутъ кнутомъ по голому тѣлу и ссылаютъ на заточеніе въ Сибирь, лишая причастія до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ находиться при послѣднемъ издыханіи.

Хотя русскіе не легко рѣшаются на присягу, особенно во 2-й или въ 3-й разъ, что способенъ сдѣлать только отчаянный и совсѣмъ развратный человѣкъ, тѣмъ не менѣе у нихъ въ большомъ ходу, когда они сойдутся, покупаютъ или продаютъ, чтобы увѣрить кого въ чемъ, божиться, причемъ они говорятъ: „Вотъ тѣ крестъ!“ и крестятъ себя пальцами, по своему обыкновенію; но такой легкой божбѣ не всегда слѣдуетъ вѣрить.

У русскихъ употребляются разнаго рода страшныя мученія для того, чтобы допытаться правды. Между прочими родами пытокъ, вотъ, напримѣръ, одна: преступнику связываютъ за спиною руки, поднимаютъ его на веревкѣ къ перекладинѣ между двумя столбами, а къ ногамъ привязываютъ тяжелый брусъ, на которомъ палачъ прыгаетъ, и такимъ образомъ вытягиваетъ члены преступника. На землѣ подъ ногами раскладывается иногда при этомъ огонь, который причиняетъ ужасныя мученія несчастному, опаляя жаромъ ноги и дымомъ захватывая ему дыханіе. Иногда же преступнику на головѣ пробриваютъ волосы и на выбритое мѣсто каплютъ холодною водою; эта пытка должна быть невыносимо мучительна. Нѣкоторыхъ преступниковъ, смотря по роду преступленія, при такихъ пыткахъ бьютъ еще кнутомъ, и по ранамъ, образующимся у нихъ на тѣлѣ отъ разсѣченія кнутомъ, водятъ раскаленнымъ желѣзомъ.

По жалобамъ на драку, у русскихъ тотъ, кто первый началъ, считается виновнымъ: обыкновенно же правъ у нихъ бываетъ тотъ, кто прежде подалъ жалобу.

Убійца не вслѣдствіе необходимой обороны (которая у русскихъ дозволяется), но умышленно убившій кого-либо, ввергается въ темницу, въ которой онъ шесть недѣль долженъ выдержать наказаніе на хлѣбѣ и водѣ; затѣмъ его допускаютъ къ принятію св. таинъ и обезглавливаютъ.

Если кто обвиняется въ воровствѣ и будетъ въ томъ уличенъ, то его немедленно подвергаютъ пыткѣ, чтобы узнать, не укралъ ли онъ еще

чего нибудь? Если онъ въ воровствѣ чего-либо другого на пыткѣ не сознается, и то воровство, въ которомъ онъ обвиняется и уличенъ, было первое, то его сѣкутъ плетью на всемъ пути отъ Кремля до большой площади, гдѣ палачъ отрѣзаетъ у него одно ухо, затѣмъ сажаютъ его на два года въ темницу и потомъ выпускаютъ на свободу. Если онъ будетъ пойманъ въ воровствѣ въ другой разъ, то у него, прежнимъ же порядкомъ, отрѣзываютъ другое ухо и подъ конецъ опять сажаютъ въ темницу, гдѣ онъ и содержится до тѣхъ поръ, пока не наберется нѣсколько подобныхъ ему птицъ (воровъ), съ которыми онъ отсылается въ Сибирь; смертной же казни собственно за воровство, при которомъ убійства совершено не было, никто въ Россіи не подвергается. Если воръ на пыткѣ признается, кому именно продалъ онъ накраденное имъ имущество, то судъ призываетъ тѣхъ покупателей и присуждаетъ ихъ къ тому, чтобы они истцу, у котораго покрадено было имущество, сдѣлали достаточное вознагражденіе, и такую уплату русскіе называютъ *выть*. Такіе распорядки многихъ воздерживаютъ отъ покупки подозрительныхъ вещей или имущества.

Но правосудіе русское особенно дѣятельное вниманіе обращаетъ на долги и должниковъ. Кто не хочетъ, или не можетъ платить, тотъ препровождается къ приставу, т.-е. долженъ сидѣть въ домѣ прислужника судьи, подобно тому, какъ у насъ сидятъ подъ стражей или на послушаніи. Если въ обѣщанный должнику срокъ уплаты долга отъ него не послѣдуетъ, то его сажаютъ въ долговую темницу (яму), безъ всякаго воззрѣнія на лица: русскій ли то, или иностранецъ, мужчина или женщина, купецъ или ремесленникъ, священникъ, монахъ или монахиня. Ежедневно выводятъ его на общественную площадь предъ приказомъ и тамъ въ продолженіе часа бьютъ его по голенямъ гибкими прутьями толщиною въ мизинецъ, такъ что несчастный громко вопитъ отъ сильной боли. Иногда исполнитель такого наказанія, если получитъ посулъ или подарокъ отъ должника, дѣлаетъ легкіе удары, или и совсѣмъ даетъ промахъ. Съ другой стороны нѣкоторые должники сами иногда засовываютъ себѣ въ сапоги толстые куски шерсти или деревянные лубки, по которымъ въ такомъ случаѣ и приходятся удары прутьевъ. По выдержаніи такого наказанія и позора, должникъ обязанъ или снова отправиться въ темницу, или же представить поручительство за себя въ томъ, что завтра онъ снова предстанетъ на площадь и дастъ себя на дальнѣйшее битье. Этотъ родъ наказанія русскіе называютъ: поставить на правежъ. Если должникъ рѣшительно не имѣетъ никакихъ средствъ уплатить долгъ, то долженъ поступить въ кабалу къ заимодавцу и служить ему.

Остальныя наказанія, употребляемыя надъ преступниками, суть слѣдующія: разрѣзываніе или вырываніе ноздрей, битье батогами и сѣченіе кнутомъ по обнаженной спинѣ. Ноздри вырываютъ тѣмъ, которые наслаждаются нюханьемъ табаку, и наказанныхъ такимъ образомъ мы нерѣдко встрѣчали въ Россіи. Бить батогами можетъ каждый господинъ своего слугу или всякаго другого, надъ кѣмъ онъ имѣетъ хотя какую-нибудь власть. Наказаніе это состоитъ въ томъ, что преступникъ снимаетъ съ себя кафтанъ и все остальное платье до рубахи и животомъ ложится на землю, затѣмъ двое людей садятся на него, одинъ на голову а другой на ноги и бьютъ его гибкими прутьями по спинѣ, будто скорняки, выколачивающіе мѣхъ. Такого рода наказаніе часто употреблялось

во время нашего путешествія между русскими, которые сопровождали насъ.

Сѣченіе кнутомъ, на наши глаза, одно изъ варварскихъ родовъ наказанія. Такое наказаніе я видѣлъ 25-го сент. 1634 г. въ Москвѣ, когда оно совершалось надъ 8 мужчинами и надъ одной женщиной, оказавшимися виновными въ нарушеніи запрещенія въ продажѣ табаку и водки. Преступники, предъ приказомъ, называемымъ Новая четверть, должны были обнажить свое тѣло по поясъ и прилечь на спину стоящаго на ногахъ прислужника палача, охвативъ руками шею этого прислужника. Ноги преступниковъ были крѣпко связаны и сдерживались за конецъ веревки другимъ прислужникомъ палача, такъ что подвергавшіеся наказанію не могли двигаться, ни вверхъ, ни внизъ. За преступникомъ становился палачъ, въ трехъ добрыхъ шагахъ отъ него, и начиналъ длиннымъ и толстымъ крутомъ наносить ему удары по спинѣ изо всей своей силы, такъ что послѣ каждаго удара выступала кровь и струилась внизъ по тѣлу преступника. Рѣзкость ударовъ увеличивалась еще и тѣмъ, что на концѣ кнута обыкновенно прикрѣпляются три ремня длиною въ палецъ, изъ жесткой, невыдѣланной лосиной кожи, которые рѣжутъ, словно ножи. За тяжкія преступленія нѣкоторые преступники этого рода наказаніемъ засѣкаются до смерти. Предъ исполненіемъ описываемаго мною наказанія, служитель судьи, находившійся тутъ же, прочелъ въ особой запискѣ, сколько ударовъ должно было дать каждому изъ преступниковъ, и затѣмъ, когда означенное число ударовъ было нанесено, онъ кричалъ: „Полно!“ На этотъ разъ мужчины получили отъ 20 до 26 ударовъ каждый, а женщина 16 ударовъ, послѣ которыхъ она упала безъ чувствъ. По исполненіи этого наказанія на спинахъ несчастныхъ не осталось цѣлой кожи даже на палецъ шириной, и они имѣли видъ животныхъ, съ которыхъ содраны были кожи. Тѣмъ не менѣе, послѣ всего этого, каждому, виновному въ продажѣ табаку, привѣшивалась на шею пачка съ табакомъ, а продавцамъ водки на шею водочная фляга или стклянка, и въ такомъ видѣ, связанныхъ за руки попарно и сопровождаемыхъ по обѣ стороны прислужниками палача, сказанныхъ преступниковъ провели сперва изъ города и затѣмъ обратно въ Кремль и во все это время продолжали бить ихъ кнутомъ. Разсказываютъ, что нѣкоторые наказанные такимъ образомъ молодцы натягиваютъ на израненную спину свою еще теплую шкуру только что убитой овцы, и этимъ способомъ скоро излѣчиваются отъ ранъ своихъ

Въ прежнія времена съ понесшими наказаніе обходились такъ же почтительно, какъ и со всѣми другими, водили съ ними всякія дѣла; въ настоящее же время на такихъ людей начинаютъ смотрѣть съ нѣкотораго рода презрѣніемъ. Такъ какъ русскіе во внѣшнихъ пріемахъ своихъ, съ теченіемъ времени, во многомъ стали лучше прежняго и очень подражаютъ нѣмцамъ, то они чувствительнѣе стали теперь и ко всему тому, что касается чести или безчестія. Палачи ихъ прежнее время вовсе не считались такими безчестными, какими считаются они тамъ въ настоящее время. Ни одинъ честный и почтенный человѣкъ не захочетъ теперь у нихъ знаться съ высѣченнымъ человѣкомъ, который считается уже какъ бы человѣкомъ негоднымъ, развѣ будетъ дознано, что такому наказанію подвергся онъ по ненависти судьи; въ такомъ случаѣ его скорѣе жалѣютъ, чѣмъ призираютъ, и честные люди, въ доказательство его невинности, не стыдятся тогда вести съ нимъ дальнѣйшее знакомство. Почтенные люди теперь также избѣгаютъ сообщества съ живодерами и пала-

чами; эти послѣднiе хотя и могутъ вести даже и торговлю, но занимаются ею неохотно, потому что собственная должность ихъ доставляетъ имъ довольно большiя деньги. Кромѣ того, что они получаютъ отъ правительства, за исполненiе разныхъ наказанiй, деньги, по мѣрѣ возможности и съ преступниковъ получаютъ за то, чтобы они не такъ жестоко ихъ наказывали. Они продаютъ также, хотя потихоньку, и водку заключеннымъ, которыхъ ежедневно сидятъ множество, и это также доставляетъ имъ значительный доходъ. Вслѣдствiе такой прибыльности должности палача, въ прежнее время ее покупали разными подарками, но теперь никто уже не смѣетъ перепродать ее. Если же случается недостатокъ въ исполнителяхъ наказанiй, что и бываетъ не рѣдко по множеству экзекуцiй, то цехъ мясниковъ обязанъ поставить ихъ изъ среды своей.

LXXII. Возникновенiе раскола въ русской церкви XVII столѣтiя.

(Изъ «Исторiи Россiи» Соловьева и «Русской исторiи въ жизнеописанiяхъ» Костомарова).

При Iоаннѣ III и сынѣ его Василiи видимъ страдательное пользованiе чужимъ знанiемъ, искусствомъ, видимъ вызовъ иностранныхъ мастеровъ; Iоаннъ IV хотѣлъ сдѣлать этотъ вызовъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, но ему помѣшали ливонцы; при Годуновѣ являются иностранныя дружины, и слышатся жалобы на пристрастiе русскихъ къ иностраннымъ обычаямъ, на потаковничество царя этому пристрастiю; русскiе люди отправляются учиться за границу. Лжедимитрiй затѣваетъ преобразованiя въ широкихъ размѣрахъ, но гибнетъ; смута останавливаетъ движенiе къ новому, особенно когда приверженцы новаго явились по преимуществу въ тушинскомъ станѣ и потомъ подъ Смоленскомъ у польскаго короля, когда противъ нихъ направилось народное возстанiе, восторжествовавшее во имя отцовской вѣры. Но какъ скоро смута утихла, стремленiе ко введенiю западныхъ новизнъ усиливается все болѣе и болѣе: русскiя войска устраиваются на иностранный образецъ: происходитъ небывалый наплывъ иностранцевъ въ Москву; иностранные мастера заводятъ производства свои, получаютъ привилегiи съ условiемъ учить русскихъ людей; пользованiе плодами цивилизацiи изъ чужихъ рукъ стремится стать болѣе дѣятельнымъ. Но если правительство, если люди, обладавшiе болѣе широкимъ взглядомъ, чувствовали необходимость преобразованiй и шли къ нимъ, разумѣется, сперва ощупью, колеблющимися шагами, то въ этомъ движенiи своемъ они должны были встрѣтить сильныя препятствiя, сильныхъ и многочисленныхъ противниковъ. Эти препятствiя происходили, естественно отъ долговременнаго застоя, отъ долговременной особной жизни русскихъ людей вдали отъ общества другихъ образованныхъ народовъ, отъ недостатка внутренняго движенiя. Горизонтъ русскаго человѣка былъ до крайности тѣсенъ, жизнь проходила среди немногочисленнаго ряда неизмѣнныхъ явленiй: эта неизмѣняемость явленiй необходимо приводила къ мысли о ихъ вѣчности, божественномъ освященiи; они получали религiозный характеръ, религiозную

неприкосновенность, измѣненіе ихъ считалось дѣломъ грѣховнымъ; такъ жили дѣды и отцы; измѣненіе ихъ образа жизни есть грѣховное оскорбленіе ихъ памяти. Такова обыкновенно бываетъ жизнь сельскаго народонаселенія, которое потому такъ упорно держится стараго, такъ тяжело на подъемъ; здѣсь все новое, каждое измѣненіе является чѣмъ-то страшнымъ, враждебнымъ, грѣховнымъ, является произведеніемъ высшихъ, таинственныхъ и враждебныхъ силъ. Въ обществѣ развитомъ начало движенія представляется городомъ: здѣсь человѣкъ безпрерывно сталкивается съ новыми людьми, съ новыми родами дѣятельности, чрезъ это горизонтъ его расширяется, онъ привыкаетъ къ перемѣнѣ; перестаетъ бояться новизны и начинаетъ упражнять свои духовныя силы, выказывать свое господство надъ веществомъ, измѣняя его, выказывать свое господство надъ силами природы, заставляя ихъ служить себѣ; тогда какъ въ сельской жизни, въ занятіяхъ земледѣльческихъ, человѣкъ особенно чувствуетъ могущество силъ природы, находится подъ ихъ вліяніемъ. Но въ Московскомъ государствѣ городъ не могъ имѣтъ такого значенія, какое онъ имѣлъ въ Западной Европѣ, не могъ представлять въ такой степени начала движенія, развитія. Московское государство было государство сельское по преимуществу; въ немъ городъ былъ большое огороженное село, и земледѣліе принадлежало къ числу занятій городскихъ жителей, промышленность мануфактурная была на низкой ступени развитія, торговля очень слаба. Отсюда понятно, почему введеніе новизнъ должно было такъ сильно взволновать общество. Если въ обществѣ, подобномъ русскому XVII вѣка, вообще вся внѣшняя обстановка жизни, вслѣдствіе долговременной неизмѣняемости своей, пользуется религіознымъ уваженіемъ, если считается грѣхомъ прикоснуться къ ней, измѣнить, исправить, то понятно, что еще болѣе грѣховнымъ должно являться покушеніе произвести перемѣну во внѣшней обстановкѣ религіи, въ обрядѣ богослужебномъ. При отсутствіи просвѣщенія, дающаго возможность различать существенное отъ несущественнаго, перемѣна во внѣшнемъ кажется измѣненіемъ существеннаго, измѣненіемъ религіи; мысль, что перемѣна есть исправленіе, не допускается: предки, святые отцы такъ молились и спасались, угодили Богу, прославились чудесами, а теперь говорятъ, что надобно молиться не такъ, говорятъ, что святые молились не такъ, какъ надобно! Легко понять, какъ долженъ былъ встревожиться древній русскій человѣкъ при такихъ новизнахъ или новшествахъ, по тогдашнему выраженію; легко понять, что первою мыслью многихъ было: надобно стоять за вѣру, переданную отцами!

Исправленіе св. книгъ продолжалось, ибо нельзя было печатать книгъ, не исправивши, не приведши текста къ единству; но гдѣ было взять исправителей? Вслѣдствіе недостатка учености явилась возможность посредствомъ видимаго исправленія вносить искаженія въ книги, что̂ и было сдѣлано при патріархѣ Іосифѣ исправителями: Степаномъ Вонифатьевымъ, Иваномъ Нероновымъ—ключаремъ Успенскаго собора, Никитою—священникомъ суздальскимъ, Логгиномъ—протопопомъ муромскимъ, и другими. Они внесли въ церковныя книги утвердившееся еще въ XVI вѣкѣ и внесенное въ Стоглавъ ученіе о сугубой аллилуи, о двуперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія, которое такимъ образомъ и сдѣлалось господствующимъ въ Московскомъ государствѣ. Патріархъ Іосифъ крестился двумя перстами; Никонъ, будучи митрополитомъ новгородскимъ и въ началѣ патріаршества, крестился также. Мудреный вопросъ о книж-

номъ исправленіи не могъ быть доступенъ многимъ; но лучшимъ людямъ бросался въ глаза страшный безпорядокъ въ богослуженіи; въ одно время въ церквахъ пѣли и читали въ два, три и нѣсколько голосовъ, такъ что ничего нельзя было разобрать. Никонъ, какъ сказано, подобно всѣмъ исправителямъ, крестился двумя перстами; но черезъ годъ съ чѣмъ-нибудь по вступленіи на патріаршество съ нимъ произошла перемѣна. По указаніямъ Епифанія Славинецкаго, греческаго духовенства и по собственному изслѣдованію, Никонъ убѣдился, что книги испорчены. Легко понять, какъ этимъ убѣжденіемъ оскорблялось самолюбіе исправителей, являвшихся теперь исказителями. Никонъ не обратилъ вниманія на ихъ оскорбленное самолюбіе. Во дворцѣ, въ присутствіи царя (въ концѣ 1653 или самомъ началѣ 1654 г.), патріархъ держалъ соборъ, указалъ разности въ печатныхъ русскихъ книгахъ съ греческими и древними рукописями славянскими и предложилъ вопросъ: „Слѣдовать ли новымъ нашимъ печатнымъ служебникамъ или греческимъ и нашимъ старымъ?“ Большинство отвѣчало утвердительно на вторую часть вопроса; но прямо воспротивился этому рѣшенію коломенскій епископъ Павелъ и старые исправители съ нѣкоторыми другими духовными лицами. Дѣло исправленія было поручено Епифанію съ товарищами и греческому монаху Арсенію. Соборъ греческихъ архіереевъ въ Константинополѣ подтвердилъ рѣшеніе московскаго. Пріѣхавшій въ Москву антіохійскій патріархъ Макарій, вмѣстѣ съ другими восточными архіереями, торжественно объявилъ въ Успенскомъ соборѣ, въ недѣлю православія, что надобно креститься тремя перстами, и проклялъ тѣхъ, кто крестится двумя. Московскій соборъ 1656 г. подтвердилъ окончательно дѣло.

Такимъ образомъ, соборъ этотъ объявилъ рѣшительную войну двуперстному сложенію. Дѣло было до крайности необдуманное. Если троеперстное сложеніе, какъ повсемѣстное у восточныхъ православныхъ народовъ, дѣйствительно имѣло за собою всѣ признаки древности и правильности, то не надо было забывать, что вся Русь давно уже крестилась двуперстнымъ сложеніемъ и уважала многихъ святыхъ, которые осѣняли себя такимъ же крестнымъ знаменіемъ. Возложить проклятіе на двуперстіе, въ глазахъ противниковъ Никона, значило предать проклятію святыхъ русской церкви, отрѣшиться разомъ отъ священныхъ преданій. Восточные архіереи, чуждые Россіи, могли отнестись, не зная ни духа русскаго народа, ни склада его понятій, такъ легко къ этому вопросу, не сообразивши всѣхъ условій; Никонъ не долженъ былъ поступить такъ круто и легкомысленно.

Но были люди, которые не хотѣли успокоиться на соборныхъ рѣшеніяхъ и свидѣтельствѣ греческихъ архіереевъ. Нероновъ съ товарищами прислали царю челобитную: „Арсеній грекъ взятъ въ Москвѣ и живетъ у патріарха Никона въ келіи; Никонъ его, врага, свидѣтелемъ поставляетъ, а древнихъ великихъ мужей и св. чудотворцевъ свидѣтельство отмѣняетъ. Охъ, увы, благочестивый царю! Стани добрѣ, церковное чадо, и вонми плачу и моленію твоихъ государевыхъ богомольцевъ. И паки молимъ тебя, государь, иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ совѣтъ не принимай: зримъ въ нихъ ниедину отъ добродѣтелей: крестнаго знаменія истиннаго на лицѣ вообразить не хотятъ и сложенію перстовъ противятся; на колѣни же поклониться Господеви покоя ради не хотятъ“. Царь не обращалъ вниманія на эти посланія, передавалъ ихъ Никону; но въ народѣ обращали на нихъ большое вниманіе.

Въ 1658 г. явилась грамота къ патріарху: „Бьютъ челомъ и извѣ-

щаютъ богомольцы твои, Соловецкаго монастыря попы: Виталій, Кириллъ, Садофъ, Никонъ, Спиридонъ и Германъ, на архимандрита Илію и его совѣтниковъ: въ прошломъ 1657 г. присланы въ Соловецкій монастырь служебники твоего государева исправленія; архимандритъ Илья принялъ ихъ тайно съ своими совѣтниками и, не объявя ихъ никому изъ насъ, положилъ въ казенную палату, и лежатъ они тамъ другой годъ непереплетенные; но когда объ нихъ узнали, то стали между собою говорить: для чего это служебниковъ намъ не покажутъ? И вотъ въ нынѣшнемъ 1658 г., на шестой недѣлѣ великаго поста, архимандритъ съ своими совѣтниками написали приговоръ о служебникахъ, и, созвавши насъ, всѣхъ поповъ, принудилъ архимандритъ великими угрозами и прещеніемъ прикладывать руки къ своему бездѣльному приговору, складывая смуту и бѣду съ себя на насъ, будто онъ служебники намъ давалъ, а мы у него не приняли; но мы у него служебниковъ просили посмотрѣть, а онъ намъ и посмотрѣть не далъ; меня, попа Германа, дважды плетьми били за то только, что обѣдню я пропѣлъ по новымъ служебникамъ. Какъ начали съ Руси въ монастырь пріѣзжать богомольцы и стали зазирать, что въ Соловкахъ служатъ по старымъ служебникамъ, то архимандритъ, услыхавъ это, вымыслилъ новый приговоръ, уже не тайно, а объявилъ всей братіи, что отнюдь нынѣшнихъ служебниковъ не принимать, а намъ, всей братіи, за архимандрита стоять, и написавъ приговоръ 8-го іюня, собралъ онъ всю братію въ трапезу на черный соборъ; случились въ то время богомольцы разныхъ городовъ, и произошелъ шумъ великій; началъ архимандритъ говорить всей братіи со слезами: „Видите, братья, послѣднее время; встали новые учители, отъ вѣры православной и отеческаго преданія насъ отвращаютъ и велятъ намъ служить на ляцкихъ крыжахъ по новымъ служебникамъ. Помолитесь, братія, чтобъ насъ Богъ сподобилъ въ православной вѣрѣ умереть, какъ и отцы наши!“ Тутъ всѣ закричали великими голосами: „Намъ латинской службы и еретическаго чина не принимать, причащаться отъ такой службы не хотимъ, и тебя, отца нашего, ни въ чемъ не выдадимъ“. Да и все Поморье онъ, архимандритъ, утверждаетъ, по волостямъ монастырскимъ и по усольямъ заказываетъ, чтобъ отнюдь служебниковъ новыхъ не принимали. Мы къ такому приговору рукъ прикладывать не хотѣли, такъ на насъ архимандритъ закричалъ съ своими совѣтниками, какъ дикіе звѣри: „Хотите еретическую службу служить! Живыхъ не выпустимъ изъ трапезы!“ Мы испугались и приложили руки“. Враги новшествъ подали государю длинную жалобу на Никона, въ которой они вооружились противъ него, не какъ противъ нововводителя только, но какъ противъ дурнаго патріарха: здѣсь Никона обвиняютъ въ томъ, что онъ не отстранилъ тѣхъ тяжкихъ для духовенства обычаевъ, какіе ввелъ его предшественникъ по своему корыстолюбію; но главное, положительное обвиненіе Никону состоитъ въ томъ, что онъ уничтожилъ прежнюю общительность между верховнымъ святителемъ и подчиненнымъ ему духовенствомъ, преимущественно бѣлымъ: патріархъ окружилъ себя недоступнымъ величіемъ, „возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко“.

По совѣту, данному константинопольскимъ патріархомъ, Никонъ началъ поступать рѣшительно со своими противниками: Павелъ коломенскій былъ лишенъ сана и сосланъ, Нероновъ былъ отправленъ въ заточеніе въ вологодскій монастырь. Но этими ссылками и заточеніями нельзя было утишить волненія. Когда патріархъ разослалъ свои новыя богослужебныя книги и приказывалъ служить по нимъ и креститься

тремя перстами, ропотъ поднялся разомъ во многихъ мѣстахъ. Кромѣ крестнаго знаменія, поднялись старые толки о сугубой и трегубой аллилуи; защитники старины видѣли ересь въ написаніи имени Іисусъ, вмѣсто Исусъ, какъ писали и печатали прежде. Начались толки объ осьмиконечномъ и четвероконечномъ крестѣ. Распространились мистическія предсказанія о скоромъ появленіи антихриста, которое, по апокалипсическимъ вычисленіямъ, приходилось на 1666 годъ. Пошли ходить по рукамъ грамотѣевъ книги: „О вѣрѣ“ и „Орелъ“, гдѣ тогдашніе мудрецы излагали свои прорицанія о послѣднихъ временахъ міра. Всего болѣе помогло развитію противодѣйствія то, что было много нелюбившихъ Никона. Бояре, за исключеніемъ немногихъ, не терпѣли его за постоянное вмѣшательство въ мірскія дѣла и за рѣзкія выходки. Духовенство было озлоблено противъ него за надменность, строгость и притѣсненія, которыя терпѣло оно отъ его приказныхъ. Никонъ требовалъ отъ священниковъ трезвой жизни, точнаго исполненія требъ и заставлялъ читать въ церкви поученія народа,—новость, которая не нравилась невѣжественному духовенству. Для Никона ничего не стоило священника, за небрежность въ исполненіи своихъ обязанностей, посадить на цѣпь, мучить въ тюрьмѣ и сослать куда-нибудь на нищенскую жизнь. Пророки и сновидцы возмущали своими ложными откровеніями противъ Никона. Патріархъ въ 1656 г. написалъ всенародную грамоту, гдѣ убѣждалъ не вѣрить лжепрорицателямъ; но народъ, привыкши къ прежнему крестному знаменію, увидя внезапное измѣненіе церковныхъ обычаевъ, болѣе расположенъ былъ вѣрить врагамъ Никона, убѣждавшихъ русскихъ людей хранить древнее благочестіе, чѣмъ голосу патріарха, ненавидимаго духовенствомъ. Была у Никона одна сильная подпора въ царѣ, но скоро онъ потерялъ и ее.

LXXIII. Церковный расколъ.

(Изъ «Курса русск. исторіи» проф. Ключевскаго).

Русскимъ церковнымъ расколомъ называется отдѣленіе значительной части русскаго православнаго общества отъ господствующей русской православной Церкви. Это раздѣленіе началось въ царствованіе Алексѣя Михайловича вслѣдствіе церковныхъ новшествъ патріарха Никона и продолжается доселѣ. Раскольники считаютъ себя такими же православными христіанами, какими считаемъ себя и мы. Старообрядцы въ собственномъ смыслѣ не расходятся съ нами ни въ одномъ догматѣ вѣры, ни въ одномъ основаніи вѣроученія; но они откололись отъ нашей Церкви, перестали признавать авторитетъ нашего церковнаго правительства во имя „старой вѣры“, будто бы покинутой этимъ правительствомъ; потому мы и считаемъ ихъ не еретиками, а только раскольниками, и потому же они насъ называютъ церковниками или никоніанами, а себя старообрядцами или старовѣрами, держащимися древняго дониконовскаго обряда и благочестія.

До патріарха Никона русское церковное общество было единымъ церковнымъ стадомъ съ единымъ высшимъ пастыремъ; но въ немъ въ разное время и изъ разныхъ источниковъ возникли и утвердились нѣкоторые мѣстные церковные мнѣнія, обычаи и обряды, отличные отъ при-

нятыхъ въ Церкви греческой, отъ которой Русь приняла христіанство. Таковы были двуперстное крестное знаменіе, образъ написанія имени *Ісусъ*, служеніе литургіи на семи, а не на пяти просфорахъ, хожденіе *по-солонь*, т.-е. по солнцу (отъ лѣвой руки къ правой, обратившись лицомъ къ алтарю), въ нѣкоторыхъ священнодѣйствіяхъ, напримѣръ, при крещеніи вокругъ купели или при вѣнчаніи вокругъ аналоя, особое чтеніе нѣкоторыхъ мѣстъ символа вѣры („царствію Его *нѣсть* конца", „и въ Духа Святаго, *истиннаго* и животворящаго"), двоеніе возгласа *аллилуіа*. Нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ и особенностей были признаны русской церковной іерархіей на церковномъ соборѣ 1551 г. и такимъ образомъ получили законодательное утвержденіе со стороны высшей церковной власти. Со второй половины XVI в., когда въ Москвѣ началось книгопечатаніе, эти обряды и разночтенія стали проникать изъ рукописныхъ богослужебныхъ книгъ въ печатныя ихъ изданія и черезъ нихъ распространялись по всей Россіи. Такимъ образомъ печатный станокъ придалъ новую цѣну этимъ мѣстнымъ обрядовымъ и текстуальнымъ разностямъ и расширилъ ихъ употребленіе. Нѣкоторыя изъ такихъ разностей внесли въ свои изданія справщики церковныхъ книгъ, напечатанныхъ при патріархѣ Іосифѣ въ 1642—1652 гг. Такъ какъ вообще текстъ русскихъ богослужебныхъ книгъ былъ неисправенъ, то преемникъ Іосифа патріархъ Никонъ съ самаго начала своего управленія русскою Церковью ревностно принялся за устраненіе этихъ неисправностей. Въ 1654 г. онъ провелъ на церковномъ соборѣ постановленіе переиздать церковныя книги, исправивъ ихъ по вѣрнымъ текстамъ, по славянскимъ пергаменнымъ и древнимъ греческимъ книгамъ. Съ православнаго Востока и изъ разныхъ угловъ Россіи въ Москву навезли горы древнихъ рукописныхъ книгъ греческихъ и церковно-славянскихъ; исправленныя по нимъ новыя изданія разосланы были по русскимъ церквамъ съ приказаніемъ отобрать и истребить неисправныя книги, старопечатныя и старописьменныя. Ужаснулись православные русскіе люди, заглянувши въ эти новоисправленныя книги и не нашедши въ нихъ ни двуперстія, ни Ісуса, ни другихъ освященныхъ временемъ обрядовъ и начертаній, они усмотрѣли въ этихъ новыхъ изданіяхъ новую вѣру, по которой не спасались древніе святые отцы, и прокляли эти книги, какъ еретическія, продолжая совершать служеніе и молиться по старымъ книгамъ. Московскій церковный соборъ 1666—1667 гг., на которомъ присутствовали два восточные патріарха, положилъ на непокорныхъ клятву (анаѳему) за противленіе церковной власти и отлучилъ ихъ отъ православной Церкви, а отлученные перестали признавать отлучившую ихъ іерархію своей церковной властью. Съ тѣхъ поръ и раскололось русское церковное общество, и этотъ расколъ продолжается до настоящаго времени.

Отъ чего же произошелъ расколъ? По объясненію старообрядцевъ, отъ того, что Никонъ, исправляя богослужебныя книги, самовольно отмѣнилъ двуперстіе и другіе церковные обряды, составляющіе святоотеческое древле-православное преданіе, безъ котораго невозможно спастись, и когда вѣрные древнему благочестію люди встали за это преданіе, русская іерархія отлучила ихъ отъ своей испорченной Церкви. Но въ такомъ объясненіи не все ясно. А какимъ образомъ двуперстіе или хожденіе по-солонь сдѣлалось для старообрядцевъ святоотеческимъ преданіемъ, безъ котораго невозможно спастись? Какимъ образомъ простой церковный обычай, богослужебный обрядъ или текстъ могъ пріобрѣсти такую важность, стать неприкосновенной святыней, догматомъ? Православные

даютъ болѣе глубокое объясненіе. Расколъ произошелъ отъ невѣжества раскольниковъ, отъ узкаго пониманія ими христіанской религіи, отъ того, что они не умѣли отличить въ ней существенное отъ внѣшняго, содержаніе отъ обряда. Но и этотъ отвѣтъ не разрѣшаетъ всего вопроса. Положимъ, извѣстные обряды, освященные преданіемъ, мѣстной стариной, могли получить неподобающее имъ значеніе догматовъ; но вѣдь и авторитетъ церковной іерархіи освященъ стариной и притомъ не мѣстной, а вселенской, и его признаніе необходимо для спасенія: св. отцы не спасались и безъ него, какъ безъ двуперстія. Какимъ образомъ старообрядцы рѣшились пожертвовать однимъ церковнымъ установленіемъ для другого, отважились спасаться безъ руководства законной іерархіи, ими отвергнутой?

Объясняя происхожденіе раскола, у насъ часто съ особеннымъ удареніемъ и нѣкоторымъ пренебреженіемъ указываютъ на слѣпую привязанность старообрядцевъ къ обрядамъ и текстамъ, къ буквѣ Писанія, какъ къ чему-то очень неважному въ дѣлѣ религіи. Я не раздѣляю такого пренебрежительнаго взгляда на религіозный обрядъ и текстъ.

Въ религіозныхъ текстахъ и обрядахъ выражается сущность, содержаніе вѣроученія. Вѣроученіе слагается изъ вѣрованій двухъ порядковъ: одни суть *истины*, которыя устанавливаютъ міросозерцаніе вѣрующаго, разрѣшая ему высшіе вопросы мірозданія; другія суть *требованія*, которыя направляютъ нравственные поступки вѣрующаго, указывая ему задачи его бытія. Эти истины и эти требованія выше познавательныхъ средствъ логически мыслящаго разума и выше естественныхъ влеченій человѣческой воли; потому тѣ и другія и почитаются свыше откровенными. Мыслимыя, т.-е. доступныя пониманію формулы религіозныхъ истинъ суть *догматы*; мыслимыя формулы религіозныхъ требованій суть *заповѣди*. Усвояя догматы и заповѣди, вѣрующій усвояетъ себѣ извѣстныя религіозныя идеи и нравственныя побужденія, которыя такъ же мало поддаются логическому разбору, какъ и идеи художественныя. Педагогическимъ пособіемъ для ихъ усвоенія служатъ извѣстныя церковныя дѣйствія, совокупность которыхъ составляетъ богослуженіе. Догматы и заповѣди выражены въ священныхъ текстахъ, церковныя дѣйствія облечены въ извѣстные обряды. Все это лишь формы вѣрованій, оболочка вѣроученія, а не его сущность. Но религіозное пониманіе, какъ и художественное, отличается отъ логическаго и математическаго тою особенностью, что въ немъ идея или мотивъ неразрывно связаны съ формой, ихъ выражающей. Когда православный русскій священникъ восклицаетъ въ алтарѣ *Горѣ имѣимъ сердца*, въ православномъ вѣрующемъ совершается привычный ему подъемъ религіознаго настроенія, помогающій ему отложить всякое житейское попеченіе. Но пусть тотъ же священникъ сдѣлаетъ возгласъ католическаго патера *Sursum corda*—тотъ же вѣрующій, какъ бы хорошо онъ ни зналъ, что это тотъ же самый возгласъ, только на латинскомъ языкѣ и въ стилистическомъ отношеніи даже болѣе энергичный, вѣрующій не поднимется духомъ отъ этого возгласа, потому что не привыкъ къ нему. *Такъ религіозное міросозерцаніе и настроеніе каждаго общества неразрывно связаны съ текстами и обрядами, ихъ воспитавшими.*

Но, можетъ-быть, такая тѣсная связь религіозныхъ обрядовъ и вообще формъ съ сущностью вѣроученія сама по себѣ есть только недостатокъ религіознаго воспитанія, и вѣрующій духъ можетъ обойтись безъ этихъ тяжелыхъ обрядовыхъ накладокъ, а потому надобно помогать ему

безъ нихъ обходиться? Да, можетъ быть, со временемъ, когда-нибудь эти накладки и станутъ излишними, когда человѣческій духъ путемъ дальнѣйшаго совершенствованія освободитъ свое религіозное чувство отъ вліянія внѣшнихъ впечатлѣній и отъ самой потребности въ нихъ, будетъ молиться „духомъ и истиною". Тогда и религіозная психологія будетъ другая, непохожая на ту, какую воспитывала практика всѣхъ доселѣ извѣстныхъ религій. Но съ тѣхъ поръ, какъ люди стали себя помнить, въ продолженіе тысячелѣтій и до нашихъ дней они не умѣли обойтись безъ обряда ни въ религіи, ни въ другихъ житейскихъ отношеніяхъ нравственнаго характера.

Но если такова религіозная психологія всякаго церковнаго общества, что оно не можетъ обойтись безъ обряда и текста, то почему же нигдѣ изъ-за обряда и текста не поднималось такого шумнаго спора и не бывало раскола, какъ это случилось у насъ въ XVII в.? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надобно припомнить нѣкоторыя явленія нашей церковной жизни до XVII в.

До XV в. русская Церковь была послушной дочерью Византіи, своей митрополіи. Оттуда она принимала своихъ митрополитовъ и епископовъ, церковные законы, весь чинъ церковной жизни. Авторитетъ греческаго православія много вѣковъ стоялъ у насъ непоколибимо. Но съ XV в. этотъ авторитетъ началъ колебаться. Великіе князья московскіе, почувствовавъ свое національное значеніе, поспѣшили внести это чувство и въ церковныя отношенія, не хотѣли и въ церковныхъ дѣлахъ зависѣть отъ посторонней власти, ни отъ императора, ни отъ патріарха цареградскаго. Они завели обычай назначать и посвящать всероссійскихъ митрополитовъ у себя дома, въ Москвѣ, и только изъ русскаго духовенства. Провести эту перемѣну было тѣмъ легче, что греческихъ іерарховъ не чтили на Руси особенно высоко. Древняя Русь высоко ставила церковный авторитетъ и святыни греческаго Востока, но грекъ и плутъ всегда считались у насъ синонимами: „былъ онъ льстивъ, потому что былъ онъ грекъ", говоритъ наша лѣтопись XII в. объ одномъ епископѣ-грекѣ. А потомъ греческая іерархія въ XV в. страшно уронила себя въ глазахъ Руси, принявъ флорентійскую унію 1439 г., согласившись на союзъ православной Церкви съ католической, устроенный на соборѣ во Флоренціи. Нѣсколько лѣтъ спустя Царьградъ былъ завоеванъ турками. Уже и прежде на Руси привыкли посматривать на грековъ свысока и подозрительно. Теперь въ паденіи цареградскихъ стѣнъ передъ безбожными агарянами увидѣли на Руси знакъ окончательнаго паденія греческаго православія. Послушайте, какъ самоувѣренно объясняетъ связь міровыхъ событій своего времени русскій митрополитъ Филиппъ I. Въ 1471 г. онъ пишетъ замутившимся противъ Москвы новгородцамъ: „и о томъ, дѣти, подумайте: Царьградъ непоколебимо стоялъ, пока въ немъ, какъ солнце, сіяло благочестіе, а какъ скоро покинулъ онъ истину да соединился съ латиной, такъ и попалъ въ руки поганыхъ". Померкъ тогда въ глазахъ Руси свѣтъ православнаго Востока; какъ палъ древній первый Римъ отъ ересей и гордости, такъ теперь палъ и второй Римъ—Царьградъ отъ непостоянства и безбожныхъ сыроядцевъ. Эти событія произвели на Русь глубокое, но не безотрадное впечатлѣніе. Старыя свѣтила церковныя погасли, греческое благочестіе подернулось мракомъ. Одинокой почувствовала себя православная Русь во всемъ поднебесномъ мірѣ. Міровыя событія невольно заставляли ее противопоставлять себя Византіи. Москва сбрасывала съ себя агарянское иго почти въ то самое время, когда Ви-

зантія надѣвала его на свою шею. Если другія царства падали за измѣну православію, то Москва будетъ непоколебимо стоять, оставаясь вѣрна ему. Она—третій и послѣдній Римъ, послѣднее и единственное въ мірѣ убѣжище правой вѣры, истиннаго благочестія. Эти помыслы возвышали и расширяли историческій кругозоръ древнерусскихъ мыслителей XVI в. и наполняли ихъ тревожными думами о судьбахъ Россіи. Отечество тогда получило въ ихъ глазахъ новое высокое значеніе. Русскій инокъ Филоѳей писалъ вел. кн. Василію, отцу Грознаго: „Внимай тому, благочестивый царь! Два Рима пали, третій—Москва—стоитъ, а четвертому не бывать". Такъ писали наши книжники XVI в. И такой взглядъ сталъ вѣрованіемъ образованнаго древне-русскаго общества, даже проникъ въ народную массу и вызвалъ рядъ легендъ о бѣгствѣ святыхъ и святынь изъ обоихъ павшихъ Римовъ въ новый, третій Римъ, въ Московское государство. Такъ сложились у насъ въ XV—XVI вв. сказанія о приплытіи преп. Антонія-Римлянина по морю на камнѣ со святынями въ Новгородъ, о чудесномъ переселеніи чудотворной Тихвинской иконы Божіей Матери съ византійскаго Востока на Русь и пр. Къ тому же люди, пріѣзжавшіе съ разореннаго православнаго Востока на Русь просить милостыни или пріюта, укрѣпляли въ русскихъ это національное убѣжденіе. Въ царствованіе Ѳедора Ивановича пріѣхалъ въ Москву за милостыней цареградскій патріархъ Іеремія, который въ 1589 г. посвятилъ московскаго митрополита Іова въ санъ всероссійскаго патріарха, чѣмъ окончательно закрѣпилъ давно совершившееся іерархическое обособленіе русской Церкви отъ константинопольскаго патріархата. Какъ будто этотъ пріѣзжій іерархъ подслушалъ задушевные помыслы русскихъ людей XVI в.: такъ близки къ мыслямъ Филоѳея его слова объ учрежденіи патріаршества въ Москвѣ, обращенныя къ московскому царю: „Воистину въ тебѣ Духъ Св. пребываетъ и отъ Бога такая мысль внушена тебѣ; ветхій Римъ палъ отъ ересей, вторымъ Римомъ—Константинополемъ завладѣли агарянскіе внуки, безбожные турки, твое же великое россійское царство, третій Римъ, всѣхъ превзошло благочестіемъ; ты одинъ во всей вселенной именуешься христіанскимъ царемъ".

Всѣ эти явленія и впечатлѣнія очень своеобразно настроили русское церковное общество. Къ началу XVII в. оно прониклось религіозной самоувѣренностью; но эта самоувѣренность воспитана была не религіозными, а политическими успѣхами православной Руси и политическими несчастіями православнаго Востока. Основнымъ мотивомъ этой самоувѣренности была мысль, что православная Русь осталась въ мірѣ единственной обладательницей и хранительницей христіанской истины, чистаго православія. Изъ этой мысли посредствомъ нѣкоторой перестановки понятій національное самомнѣніе вывело убѣжденіе, что христіанство, которымъ обладаетъ Русь, со всѣми его мѣстными особенностями и даже съ туземной степенью его пониманія есть единственное въ мірѣ истинное христіанство, что другого чистаго православія кромѣ русскаго нѣтъ и не будетъ. Но по нашему вѣроученію, хранительница христіанской истины есть не какая-либо помѣстная, а вселенская Церковь, соединяющая въ себѣ не только живущихъ въ извѣстное время и извѣстномъ мѣстѣ, но и всѣхъ когда-либо и гдѣ-либо жившихъ правовѣрныхъ. Какъ скоро русское церковное общество признало себя единственнымъ хранителемъ истиннаго благочестія, мѣстное религіозное сознаніе было имъ признано мѣриломъ христіанской истины, т.-е. идея вселенской Церкви замкнулась въ тѣсные географическіе предѣлы одной изъ помѣстныхъ

церквей; вселенское христіанское сознаніе заключалось въ узкій кругозоръ людей извѣстнаго мѣста и времени. Тогда на мѣсто вселенскаго сознанія мѣриломъ христіанской истины стала національная церковная старина. Русскимъ церковнымъ обществомъ было признано за правило, что подобаетъ молиться и вѣровать, какъ молились и вѣровали отцы и дѣды, что внукамъ ничего не остается болѣе, какъ хранить безъ размышленія дѣдовское и отцовское преданіе. Но это преданіе — остановившееся и застывшее пониманіе: признать его мѣриломъ истины значило отвергнуть всякое движеніе религіознаго сознанія, возможность исправленія его ошибокъ и недостатковъ. Съ минуты такого признанія всѣ усилія русской религіозной мысли должны были направиться не къ тому, чтобы углубляться въ тайны христіанскаго вѣроученія, усвоять себѣ возможно вѣрнѣе и полнѣе, жизненнѣе вселенское религіозное сознаніе, а единственно къ тому, чтобы сберечь свой наличный мѣстный запасъ религіознаго пониманія со всѣми мѣстными обрядами и оградить его отъ измѣненія и нечистаго прикосновенія со стороны.

Изъ такого настроенія и склада религіозныхъ понятій вышли два важныя слѣдствія, съ которыми тѣсно связалось возникновеніе раскола: 1) церковные обряды, завѣщанные мѣстной стариной, получили значеніе неприкосновенной и неизмѣнной святыни; 2) въ русскомъ обществѣ установилось подозрительное и надменное отношеніе къ участію разума и научнаго знанія въ вопросахъ вѣры. Эта наука, процвѣтавшая въ другихъ христіанскихъ обществахъ, — такъ стали думать на Руси, — не спасла же она тѣхъ обществъ отъ ересей, свѣтъ разума не помѣшалъ тамъ померкнуть вѣрѣ. Смутно помня, что корни мірской науки кроются въ языческой греко-римской странѣ, у насъ брезгливо помышляли, что эта наука все еще питается нечистыми соками такой дурной почвы. Поэтому гадливое и боязливое чувство овладѣвало древле-русскимъ человѣкомъ при мысли о риторской и философской еллинской мудрости: все это дѣло грѣшнаго ума, предоставленнаго самому себѣ. Такой взглядъ питалъ самоувѣренность незнанія: „аще не ученъ словомъ, но не разумомъ, писалъ про себя древне-русскій книжникъ, не ученъ діалектикѣ, риторикѣ и философіи, но разумъ Христовъ въ себѣ имѣю". Такъ древнерусскимъ церковнымъ обществомъ утрачивались средства самоисправленія и даже самыя побужденія къ нему.

Органическій порокъ древне-русскаго церковнаго общества состоялъ въ томъ, что оно считало себя единственнымъ истинно-правовѣрнымъ въ мірѣ, свое пониманіе Божества исключительно правильнымъ, Творца вселенной представляло своимъ собственнымъ русскимъ богомъ, никому болѣе не принадлежащимъ и невѣдомымъ, свою помѣстную Церковь ставило на мѣсто вселенской. Самодовольно успокоившись на этомъ мнѣніи, оно и свою мѣстную церковную обрядность признало неприкосновенной святыней, а свое религіозное пониманіе нормой и коррективомъ боговѣдѣнія. Встрѣча этихъ воззрѣній съ тѣмъ, что дѣлалось въ государствѣ, усилило ихъ возбужденный характеръ.

Мы видѣли, что съ воцареніемъ новой династіи у насъ предприняты были политическія и экономическія нововведенія, предметомъ которыхъ было устройство народной обороны и государственнаго хозяйства. Почувствовавъ потребность въ новыхъ, заимствованныхъ техническихъ средствахъ, государство во множествѣ призывало иноземцевъ, лютеранъ и кальвинистовъ. Правда, ихъ призывали для обученія солдатъ, литья пушекъ, стройки заводовъ, все это очень мало касалось нравственныхъ

понятій и еще менѣе религіозныхъ воззрѣній. Но древне-русскій человѣкъ своимъ конкретнымъ мышленіемъ не привыкъ различать житейскія отношенія, не умѣлъ и не хотѣлъ раздѣлять разныя стороны жизни. Если нѣмецъ командуетъ русскими ратными людьми и учитъ ихъ своей ратной хитрости, стало быть, надо и одѣваться, и бороду брить по-нѣмецки, и вѣру принять нѣмецкую, табакъ курить, молоко пить по средамъ и пятницамъ, а свое древнее благочестіе покинуть. Совѣсть русскаго человѣка въ раздумьи стала между родной стариной и Нѣмецкой слободой. Все это настроило русское общество къ половинѣ XVII в. чрезвычайно тревожно и подозрительно, и это настроеніе обнаруживалось при каждомъ случаѣ. Въ 1648 г., когда молодой царь Алексѣй собирался жениться, въ Москвѣ вдругъ пошли толки, что скоро настанетъ конецъ древнему благочестію и будутъ введены новые иноземные обычаи. При такомъ настроеніи попытка исправить церковные обряды и текстъ богослужебныхъ книгъ легко могла показаться смущенному и пугливому церковному обществу посягательствомъ на самую вѣру. Случилось такъ, что за это исправленіе принялся іерархъ, который по самому характеру своему способенъ былъ довести это настроеніе до крайней степени напряженія.

LXXIV. Соціальныя условія, благопріятствовавшія распространенію раскола.

(*Изъ соч. Щапова: «Русскій расколъ старообрядства»*).

Гражданское состояніе Россіи во второй половинѣ XVII и первой половинѣ XVIII в., не менѣе церковнаго состоянія ея заключало въ себѣ элементовъ, благопріятствовавшихъ развитію раскола. И въ государствѣ Московскомъ, въ ту переходную эпоху, когда оно преобразовалось въ имперію Всероссійскую, совершалась борьба разрозненныхъ силъ, началъ старой и новой Россіи. Въ народномъ бытѣ, въ гражданскомъ устройствѣ русскаго общества много было внутреннихъ противорѣчій, разрозненности, разлада, питавшихъ разъединеніе въ духѣ народномъ. Соединенная централизующая сила государства стремится сосредоточить, примирить разрозненные народные элементы въ государственномъ единствѣ, въ крѣпости общественной, въ единствѣ законодательства и управленія, уничтожаетъ старую подвижность, расплывчивость народонаселенія, укрѣпляетъ его къ государственной землѣ, короче—стремится *собрать разсыпанныя храмины*, по выраженію великаго Петра; а большинство народа, масса, движимая еще средневѣковыми стремленіями къ разобщенію, не сознающая государства, упруго стремится удержать старое положеніе, или, по характеристическому выраженію актовъ, *бредетъ врознь*. Правительство обращаетъ строгое вниманіе на личныя рабочія, производительныя силы народонаселенія: для этого вводитъ перепись подушную, ревизію душъ и государственное тягло и государственную службу переноситъ съ земли на лицо, каждому назначаетъ службу, работу въ своемъ опредѣленномъ общинномъ кругѣ, съ каждаго требуетъ также опредѣленной подушной подати. Такимъ образомъ, каждый членъ той или другой сословной общины строго, окончательно подчиняется, укрѣпляется къ государству. Тяжкимъ

казалось большей части народа, воспитаннаго въ средневѣковой вольности, это строгое, личное подчиненіе и служба государству, эта личная-подушная зависимость отъ него. И вотъ множество было недовольныхъ этимъ, такъ сказать, личнымъ тяготѣніемъ къ государству, личнымъ укрѣпленіемъ къ общинамъ, невозможностью попрежнему исключиться изъ списка податныхъ и служилыхъ. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича расколъ призналъ и донынѣ признаетъ противнымъ вѣрѣ Христовой. Расколъ отвергъ также законы и регламенты Петра В. Въ расколѣ сходились всѣ частныя антипатіи и стремленія: и недовольство деспотизмомъ власти и преобладаніемъ сильныхъ, и недовольство крѣпостнымъ состояніемъ, и недовольство областными управителями и чиновниками, и стѣсненіе свободы и своеволія законами, и тягость податнаго состоянія, и прочія. Демократическая раскольническая община всѣмъ открывала и давала убѣжище и чрезъ то сама росла. Раскольническая община принимала всѣхъ тѣхъ, кто одержимъ былъ еще старымъ противогосударственнымъ духомъ противленія гражданской власти, личнаго произвола и необузданной свободы. Но особенно развитію раскола благопріятствовалъ духъ противогосударственной вольности и самоуправства, господствовавшій въ стрѣльцахъ и казакахъ, преимущественно по украйнамъ Россіи. Стрѣльцы по городамъ были главными зачинщиками мятежей. Солдаты и особенно казаки, жившіе безъ строгаго надзора, также необузданно предавались своевольству и буйству, по уѣздамъ опустошали и разоряли храмы, мучили, сожигали и убивали народъ и причиняли вредъ государству. Извѣстно, что донскіе казаки, которыхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича считалось до 20.000, въ расколѣ принимали дѣятельное участіе. Бунтъ Разина, бунтъ Булавина и другихъ мятежниковъ, тысячи буйныхъ казаковъ и всякой вольницы, разбойничавшихъ вмѣстѣ съ ними на Дону и Волгѣ,—это было буйное проявленіе всѣхъ старыхъ анархическихъ, противогосударственныхъ элементовъ, къ концу XVII в. все болѣе и болѣе вытѣснявшихся изъ средины Россіи, скопившихся въ Украйнѣ, куда еще не проникли благоустроительныя начала государства и подъ конецъ древней Россіи, такъ сказать, всплывшихъ наверхъ для того, чтобы показать весь хаосъ старыхъ, отжившихъ, противогосударственныхъ началъ и всю необходимость государственнаго возрожденія и обновленія Россіи. Тутъ были и бѣглые дворяне, оставившіе службу, и бѣглые попы и монахи, которыхъ преслѣдовала церковь за порочную жизнь, тутъ были и приказные, писавшіе переметныя письма измѣнникамъ для своей корысти, тутъ были и боярскіе люди и холопы, и крестьяне, не хотѣвшіе служить своимъ помѣщикамъ, и всякаго рода люди, одержимые противогосударственнымъ духомъ. И вотъ, среди этой-то толпы противогосударственныхъ людей расколъ нашелъ подкрѣпленіе, и она, подъ его знаменіемъ, ратовала противъ государства. Всѣ бунты донскихъ казаковъ въ концѣ XVII в. были вмѣстѣ и бунтами раскольниковъ. Такимъ образомъ, въ то время, когда по Россіи распространялся расколъ, почти во всѣхъ концахъ ея, среди кореннаго туземнаго народонаселенія, находилось множество людей пришлыхъ, бѣглыхъ, гулящихъ. Много было такихъ людей въ сѣверной области Россіи, въ пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, гдѣ расколъ преимущественно распространился. Изъ московскихъ предѣловъ множество бѣжало народа въ понизовые города и въ Заволжье. Вотъ въ какомъ броженіи находилось русское народонаселеніе въ то время, когда по Россіи распространялся расколъ! При такомъ бродяжничествѣ, трудно ли было распространиться ему? Удивительно ли, что

сначала расколъ, прикрываясь именемъ пустынничества, самъ принялъ характеръ бродяжничества, потворствовалъ склонности и страсти къ бродяжничеству? Поучая, что паспортъ есть печать антихриста, раскольники отрекаются отъ принадлежности своей обществу, говоря: „Града настоящаго не имамы, но грядущаго взыскуемъ“. По ихъ преданію, слова эти въ первый разъ сказаны были будто бы какими-то бродягами Петромъ и Евдокимомъ еще царю Алексѣю. Гражданское начальство Россіи, въ періодъ распространенія раскола во второй половинѣ XVII и первой половинѣ XVIII в., въ нѣкоторомъ отношеніи само было причиною усиленія народной, раскольнической оппозиціи противъ правительства и начальства. Народъ часто не находилъ правды на судѣ, и страдалъ невинно. Не даромъ чернь до того озлоблена была противъ бояръ, окольничихъ и другихъ чиновниковъ, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича неоднократно поднимала бунты противъ нихъ и неистово требовала у царя позволенія избивать виновниковъ народныхъ бѣдствій. Не даромъ тотъ же неистовый вопль раздавался въ бунтѣ стрѣлецкомъ, въ бунтѣ Стеньки Разина, бунтахъ донскихъ казаковъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, раскольники принимали самое дѣятельное участіе. Наконецъ, не безъ причинъ раскольники доселѣ питаютъ злобную вражду къ начальству, чиновникамъ и нападаютъ даже на внѣшніе знаки, отличающіе чиновника отъ другихъ разрядовъ людей. Въ раскольническихъ стихахъ и сочиненіяхъ нерѣдко встрѣчаются жалобы на неправду судей, на притѣсненія, причиняемыя народу чиновниками, какъ на прямые знаки господства антихристова. Купцы и крестьяне всего болѣе страдали отъ чиновниковъ въ періодъ распространенія раскола: потому въ купцахъ и крестьянахъ всего болѣе замѣтна донынѣ раскольническая злоба противъ чиновниковъ и вообще противъ начальства. Поэтому основателей раскольническихъ сектъ, послѣ бѣглыхъ поповъ, дьяконовъ и дьяковъ, всего болѣе было изъ купцовъ и поселянъ. Бѣдные крестьяне страдали также и отъ крѣпостного состоянія. Крѣпостное положеніе ихъ было самое тяжкое. Если, съ одной стороны, гражданскіе начальники и помѣщики своими притѣсненіями отталкивали народъ отъ православнаго общества и невольно заставляли его уклоняться въ расколъ, то, съ другой стороны, многіе гражданскіе начальники и помѣщики, изъ-за корыстныхъ видовъ, потворствовали расколу и тѣмъ способствовали его распространенію. Расколу часто потворствовали разныя начальствующія лица, особенно въ областяхъ. Почти во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда укрывались раскольники, преслѣдуемые церковнымъ и гражданскимъ правительствомъ, они, къ сожалѣнію, находили между мѣстными управителями и чиновниками покровителей и помощниковъ, особенно по украйнамъ Россіи, напр., въ сѣверномъ Поморьѣ, въ Сибири, въ Заволожскомъ краю, гдѣ вообще слабъ былъ надзоръ начальства. Такъ, когда расколоучитель попъ Козьма бѣжалъ изъ Москвы послѣ 1667 г. съ 20 единомышленниками въ Стародубскій край, „бяше ему́ на той ча̑съ—стародубскій полковникъ зѣло знаемъ и другъ Гаврила Ивановичъ“. Пользуясь покровительствомъ своего друга-полковника, попъ Козьма положилъ основаніе знаменитымъ въ исторіи раскола 17 стародубскимъ слободамъ. Весьма много также способствовало распространенію раскола корыстное потворство раскольникамъ помѣщиковъ, промышленниковъ на заводахъ и ихъ управляющихъ и приказчиковъ. Раскольники, чтобы жить свободно въ помѣстьяхъ, старались угождать помѣщикамъ. Зажиточные крестьяне-раскольники исправно выплачивали оброкъ, а богатые раскольники охотно платили даже много

лишняго оброка, лишь бы имъ было жить льготно, свободно въ помѣстьяхъ господъ. Потому помѣщикамъ выгодно было имѣть въ своихъ владѣніяхъ такихъ раскольниковъ, и вотъ они потворствовали имъ, а иногда и сами придерживались раскола. И такъ дѣлали не только свѣтскіе помѣщики, но и духовные вотчиники.

Въ заключеніе замѣтимъ, что самыя гражданскія мѣры противъ раскола, какія употреблялись во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII в. не столь уничтожали расколъ, сколько иногда еще болѣе способствовали его усиленію и распространенію. Не говоря о жестокихъ гражданскихъ казняхъ, которымъ подвергали раскольниковъ и которыя только сильнѣе раздражали, озлобляли, ожесточали ихъ и тѣмъ еще болѣе усиливали оппозицію раскола, самая ссылка раскольниковъ немало способствовала распространенію раскола. Въ самомъ началѣ, какъ только открылся расколъ, царь Алексѣй Михайловичъ „многихъ раскольниковъ послалъ въ оземствованіе и въ темницы заточи“. Многіе изъ этихъ сосланныхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ въ мѣстахъ ссылки и заточенія, какъ извѣстно, были первыми расколоучителями. Многіе раскольники ссылаемы и заточаемы были въ монастыри, и здѣсь они, какъ сказано въ актахъ, притворствомъ и лукавымъ ухищреніемъ выманивались и, уходя изъ монастырей въ иныя мѣста, чинили противность горше перваго. Въ 1683 и въ 1702 г. сосланы были зараженные расколомъ стрѣльцы въ южную Россію на Яикъ: отъ нихъ и здѣсь заразились расколомъ донскіе и яицкіе казаки. А ссылки раскольниковъ въ Сибирь такъ много способствовали распространенію раскола въ этой странѣ, что въ 1722 г Петръ В. по этому поводу и по ходатайству епископа нижегородскаго Питирима издалъ указъ о прекращеніи ссылки раскольниковъ въ Сибирь и о посылкѣ ихъ, вмѣсто Сибири, въ Рогервикъ на вѣчную работу.

LXXV. Ревнители русской церковной старины и ихъ глава Аввакумъ.

(*Изъ «Очерковъ по исторіи русской культуры»* П. Н. *Милюкова*).

Предпринятое главой русской церкви исправленіе книгъ раскололо русское общество на двѣ части. На одной сторонѣ стоялъ Никонъ, вооруженный авторитетомъ восточныхъ патріарховъ, а также и той „веревкой“, которой, по его собственному признанію, онъ иногда „смирялъ помалу въ церкви“ своихъ подчиненныхъ, и которая въ его употребленіи сильно напоминаетъ знаменитую дубинку Петра Великаго. На другой сторонѣ очутилась вся масса ревнителей русскаго благочестія, пріученная авторитетомъ церкви вѣрить въ непогрѣшимость этого благочестія и въ русскую всемірно-историческую задачу — сохранить его неприкосновеннымъ до второго пришествія. Что должна была теперь дѣлать вся эта масса? Ей оставалось только одно: приложить къ русской оффиціальной церкви ту же теорію, которую она прилагала къ церквамъ римской, греческой и малороссійской. Въ знаменитой „Книгѣ о вѣрѣ“, изданной въ 1648 году, это приложеніе было уже предусмотрѣно напередъ. Римская церковь, говорилось тамъ, отложилась въ 1000 году, малороссійская — въ 1595; въ 1666 году должна придти очередь и великорусской церкви.

Случилось такъ, что 1666 годъ былъ годомъ собора, осудившаго противниковъ Никона; а въ слѣдующемъ году этотъ приговоръ закрѣпленъ былъ проклятіемъ, произнесеннымъ надъ раскольниками самими восточными патріархами. Такимъ образомъ, пророчество „Книги о вѣрѣ“ сбылось. Никонъ „истребилъ древнее отеческое благочестіе“ и „утвердилъ инославное римское нечестіе“. Царь вмѣстѣ съ патріархомъ отступилъ отъ святой православной вѣры. До собора 1667 г. и провозглашенныхъ имъ клятвъ сторонники національнаго благочестія могли еще надѣяться, что ихъ мнѣніе восторжествуетъ. Ссора Никона съ царемъ и восьмилѣтнее междупатріаршество поддерживали эту надежду. Съ каждымъ годомъ, однако, становилось все яснѣе, что склонить царя на возстановленіе старой вѣры не удастся. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялось и настроеніе ревнителей древняго благочестія. Все, что было въ ихъ рядахъ умѣреннаго и нерѣшительнаго, — все это стушевалось по мѣрѣ того, какъ выяснилась полная безнадежность положенія. Одни открыто смирились; другіе замолчали; первыя роли въ борьбѣ перешли къ людямъ такого закала, какъ юрьевскій протопопъ Аввакумъ. И Аввакумъ, однако, не сразу потерялъ надежду на мирный исходъ борьбы. „Вздохни-ка по старому,— обращается онъ къ царю въ одну изъ своихъ оптимистическихъ минутъ,— какъ при Стефанѣ (Вонифатьевѣ) бывало, и рцы по русскому языку: Господи, помилуй мя грѣшнаго! А „кирієлейсон“-отъ отставь: такъ еллины говорятъ, плюнь на нихъ! Ты, вѣдь, Михайловичъ, руссакъ, а не грекъ. Говори своимъ природнымъ языкомъ; не унижай его ни въ церкви, ни въ дому, ни въ простой рѣчи... Любитъ насъ Богъ не меньше грековъ: предалъ намъ и грамоту нашимъ языкомъ чрезъ Кирилла и Меѳодія. Чего-жъ намъ еще хочется лучше того? Развѣ языка ангельскаго? Да нѣтъ, нынѣ не дадутъ,—до общаго воскресенія“. Совсѣмъ другимъ языкомъ говоритъ съ царемъ тотъ же Аввакумъ въ горькія минуты своего одиночнаго заключенія въ Пустозерскомъ подземельѣ. „Нынѣ послѣднее тебѣ плачевное моленіе приношу изъ темницы, яко изъ гроба..., помилуй единородную душу твою и вниди въ первое твое благочестіе... Здѣсь ты намъ праведнаго суда съ отступниками не далъ, такъ тамъ, на Христовомъ судѣ, будешь самъ отвѣчать всѣмъ намъ... Тамъ будетъ и тебѣ тошно,—да тогда не пособишь себѣ ни мало... Жаль намъ твоей царской души, да помочь не можемъ: самъ ты не хочешь своего спасенія... А что ты не велѣлъ насъ по смерти у церкви хоронить и при жизни лишилъ святыхъ таинъ..., хорошо ты это придумалъ съ своими властями... И мученикамъ святымъ, какъ ты всякій день слышишь въ церкви, не было честнаго погребенія...: чѣмъ мы ихъ лучше?.. Чѣмъ ты больше насъ оскорбляешь, и мучишь, и томишь, тѣмъ мы тебя, царя, больше любимъ и Бога за тебя молимъ до смерти твоей... Спаси, Господи, и обрати къ истинѣ твоей! Если же не обратитесь, то всѣ погибнете вѣчно, а не временно... Нѣтъ, государь, будетъ плакать о тебѣ: вижу не исцѣлить тебя! Ну, прости же, Господа ради, пока не увидимся съ тобою тамъ. Присылалъ ты мнѣ сказать: разсудитъ-де, протопопъ, меня съ тобою праведный судія, Христосъ. И я на томъ же положилъ: будь по твоей волѣ; тебѣ, государь, такъ угодно,—ино и мнѣ такъ любо. Ты царствуй много лѣтъ, а я много лѣтъ мучусь; и пойдемъ вмѣстѣ въ дома свои вѣчные, когда Богу будетъ угодно. Видишь ли, самодержавный: ты владѣешь, живя на свободѣ, одной только русской землей; а мнѣ Сынъ Божій, за темничное сидѣнье, покорилъ небо и землю. Ты, отъ здѣшняго своего царствія отойдя въ вѣчное жилище, только возь-

мешь гробъ да саванъ; а я, по вашему распоряженію, не сподоблюсь савана и гроба: нагія мои кости псами и птицами небесными растерзаны будутъ и по землѣ влачимы. Но и такъ—хорошо мнѣ и пріятно на землѣ лежать, свѣтомъ быть одѣту, небомъ быть покрыту... Ну, да хоть, государь, и приказалъ ты выкинуть меня собакамъ, благословляю тебя еще разъ послѣднимъ благословеніемъ".

Мрачнымъ паѳосомъ проникнутъ этотъ послѣдній земной расчетъ съ царемъ, не лишенный, впрочемъ, тайной мысли подѣйствовать на его мягкую душу. Совсѣмъ инымъ настроеніемъ дышетъ послѣднее завѣщаніе знаменитаго расколоучителя къ паствѣ. Это бодрый, одушевленный призывъ къ неустанной борьбѣ за вѣрное дѣло. „Нут-ко, правовѣрне,—нареки имя Христово, стань среди Москвы, перекрестись знаменіемъ Спасителя нашего Христа, двумя перстами, какъ мы отъ святыхъ отецъ пріяли; вотъ тебѣ—царство небесное дома родилось. Богъ благословитъ: мучься за сложеніе перстъ; не разсуждай много. А я съ тобой за это о Христѣ умереть готовъ. Хоть я и не смысленъ гораздо,—не ученый человѣкъ,—зато знаю, что вся въ церкви, отъ святыхъ отецъ преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти, яко же пріяхъ... До насъ положено: лежи оно такъ во вѣки вѣковъ".

Такъ, положа руку на сердце, готовое громко исповѣдывать свою вѣру среди Москвы, отдѣлялось русское народное благочестіе отъ благочестія господствующей церкви. Болѣзненный и обильный послѣдствіями разрывъ между интеллигенціей и народомъ, за который славянофилы упрекали Петра, совершился полвѣка раньше, и совершился въ сферѣ гораздо болѣе деликатной, нежели та, которую непосредственно задѣвала Петровская реформа. Религіозный протестъ могъ удесятерить свои силы, соединившись съ протестомъ политическимъ и соціальнымъ; но это нисколько не измѣняетъ того основного факта, что вопросы совѣсти были первой и главной причиной разрыва. Русскому человѣку въ серединѣ XVII вѣка пришлось проклинать то, во что столѣтіемъ раньше его учили свято вѣровать. Для только-что пробужденной совѣсти переходъ былъ слишкомъ рѣзокъ. Естественно, что масса отказалась на этотъ разъ слѣдовать за своими руководителями и, предоставленная самой себѣ, очутилась въ совершенныхъ потемкахъ.

LXXVI. Разрывъ патріарха Никона съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

(Изъ «Русскихъ юридическихъ древностей» проф. Сергѣевича).

На царствованіе Ѳедора Ивановича выпадаетъ учрежденіе въ Москвѣ высшаго церковнаго сана, „превысочайшаго престола патріаршескаго", какъ выразился онъ самъ передъ думою духовенства и бояръ. Учрежденіе патріаршества придало новую силу и блескъ высшему представителю духовной власти и создало новыя опасности для власти свѣтской. Уже въ патріаршество третьяго русскаго патріарха престолъ московскаго государства занималъ не одинъ только всенародно избранный государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ, но и отецъ его, великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ. Время правленія Михаила

Θедоровича съ 1619 года по 1634, въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ, представляетъ явленіе чистѣйшаго двоецарствія. Патріархъ носитъ титулъ великаго государя: правительственныя дѣла докладываются и рѣшаются не однимъ только свѣтскимъ государемъ, но и духовнымъ.

Какъ это случилось? Какими причинами порождено было это оригинальное явленіе? Явленіе это многопричинное. Ближайшая причина заключалась въ томъ, что патріархъ былъ отцомъ государя. Но это далеко не единственная и не главная причина. Очень сомнительно, чтобы Филарету Никитичу удалось занять мѣсто на престолѣ рядомъ съ своимъ сыномъ, если бы онъ не былъ патріархомъ, а оставался бы въ санѣ боярина. Всенародно избранъ былъ государемъ не онъ, а его сынъ, и возвышеніе отца могло породить смуты. Онъ, во всякомъ случаѣ, имѣлъ бы большое вліяніе на дѣла, но обнаруживалъ бы его келейно, а не въ качествѣ великаго государя. Если же онъ возсѣлъ на царскій престолъ рядомъ съ государемъ, то, конечно, потому, что былъ патріархомъ. Возвышеніе же патріарха до высоты престола было подготовлено всей предшествующей исторіей духовенства въ Россіи. Двоецарствіе начала XVII вѣка есть только дальнѣйшее слѣдствіе того положенія, какое принадлежало у насъ духовенству съ самаго момента принятія православной вѣры. А съ другой стороны, это двоецарствіе, продолжавшееся цѣлыхъ 15 лѣтъ, не могло пройти безслѣдно и должно было сказаться и въ нашей послѣдующей исторіи. И не только сказаться, но могло причинить и большія затрудненія свѣтской власти. Если никакихъ затрудненій не вышло изъ двоевластія Михаила и Филарета, — это объясняется тѣмъ, что Михаилъ былъ послушнымъ сыномъ своего отца, и никакія придворныя интриги не могли породить между ними распри. При иныхъ обстоятельствахъ дѣло легко могло дойти до враждебныхъ столкновеній и открытой борьбы, примѣры чего даетъ и древняя наша исторія, когда представители церкви не достигали еще той высоты, на какой очутился третій патріархъ московскій и всея Русіи.

Слѣдующій за Филаретомъ патріархъ, блаженный Іосафъ, отличался смиреніемъ, кротостью и благочестіемъ; въ дѣла государственныя не вмѣшивался и титула великаго государя не носилъ. Его преемникъ, Іосифъ, даже управленіе церковными дѣлами предоставилъ патріаршимъ дьякамъ и московскимъ протопопамъ.

Несмотря на крайнюю правительственную слабость и далеко не безупречную жизнь этого патріарха, онъ, тѣмъ не менѣе, производилъ подавляющее впечатлѣніе на благочестивую душу царя (Алексѣя Михайловича. *Ред.*). Вотъ въ какомъ состояніи находился государь въ моментъ смерти патр. Іосифа. Въ письмѣ къ Никону онъ говоритъ:

„Да буди тебѣ, великому святителю, вѣдомо, за грѣхи всего православнаго христіанства, но и паче за мои окаянные грѣхи. Содѣтель и Творецъ и Богъ нашъ изволилъ взять отъ здѣшняго прелестнаго и лицемѣрнаго свѣта отца нашего и пастыря, великаго господина куръ Іосифа, патріарха московскаго и всея Русіи, изволилъ его вселити въ нѣдра Авраама и Исаака и Іакова, и тебѣ бъ, отцу нашему, было вѣдомо. А мати наша, соборная и апостольская церковь вдовствуетъ зѣло слезно и вельми сѣтуетъ по женихѣ своемъ; и какъ въ нее войтить и посмотрѣть, и она, мати наша, какъ есть пустынная голубица пребываетъ, не имѣющи подружія: такъ же и она не имѣя жениха своего печалуетъ. И все перемѣнилось, не только въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ. Духовнымъ дѣламъ зѣло разсужденія нѣтъ и худо безъ пастыря дѣтямъ жить“.

При такомъ настроеніи государя стоило только появиться на патріаршемъ престолѣ человѣку сильному, властному и гордому, и положенію царя Алексѣя могла угрожать величайшая опасность. Человѣкъ этотъ не замедлилъ.

Еще въ 1646 году царь обратилъ вниманіе на Никона, тогда игумена Кожеозерской обители, назначилъ его архимандритомъ Новоспасскаго монастыря и еженедѣльно принималъ во дворцѣ для духовной бесѣды.

Чрезъ два года Никонъ былъ возведенъ въ санъ митрополита новогородскаго. Въ это время царь былъ совершенно уже покоренъ строгою и подвижническою жизнью Никона.

Никонъ былъ проникнутъ самыми высокими воззрѣніями на значеніе духовной власти и еще до вступленія своего на патріаршій престолъ вознамѣрился дать урокъ царю. Извѣстны отношенія митрополита Филиппа къ Ивану Грозному. Онъ не хотѣлъ вступать на митрополичью каѳедру, при существованіи опричнины. Русскіе іерархи, надѣясь на благотворное вліяніе Филиппа, уговорили его принять санъ безусловно. Блаженный Филиппъ принялъ и до конца исполнилъ свой долгъ, осуждая порядки опричнины и поучая царя на доброе. Ивану Грозному не нравилось это вмѣшательство митрополита въ дѣла управленія, онъ задумалъ низложить его, и совершилъ низложеніе съ соблюденіемъ внѣшнихъ формъ правосудія. Собраны были пункты обвиненія, созванъ соборъ іереевъ, суду которыхъ и преданъ былъ святитель, объвинявшійся, между прочимъ, и въ волшебствѣ. Соборъ нашелъ его виновнымъ и приговорилъ къ низложенію. Митрополитъ былъ сосланъ въ Отрочъ монастырь, гдѣ его задушилъ любимецъ царскій, Малюта Скуратовъ, присланный царемъ для испрошенія ему благословенія на путь. Всѣ пружины этого вопіющаго дѣла были въ рукахъ царя, но дѣйствовалъ не онъ, а соборъ и Малюта Скуратовъ. Малюта могъ и не имѣть царскаго повелѣнія задушить святителя; онъ могъ сдѣлать это изъ угодливости. Несмотря на дѣятельное участіе духовнаго собора въ низложеніи Филиппа, Никонъ считалъ виноватымъ въ этомъ дѣлѣ одного царя и убѣдилъ Алексѣя Михайловича въ необходимости принести торжественное покаяніе передъ покойнымъ, испросить у него прощеніе за своего предка и перенести мощи его въ Москву. Съ этою цѣлью было написано покаянное посланіе святителю и отправлено торжественное посольство въ Соловки, съ митрополитомъ Никономъ и бояриномъ княземъ Хованскимъ во главѣ, для перенесенія его мощей въ Москву.

Свое желаніе господствовать надъ свѣтскою властью Никонъ заявилъ съ совершенною ясностью и въ моментъ поставленія своего въ патріархи. По смерти Іосифа былъ созванъ соборъ святителей для избранія новаго патріарха. Избранъ былъ любимецъ царя, новгородскій митрополитъ Никонъ. Согласно составленному на этотъ разъ чину избранія, казанскій митрополитъ Корнилій предложилъ государю идти въ соборную церковь пресвятой Богородицы и св. чудотворцевъ московскихъ помолиться, чтобы Господь Богъ „то великое дѣло совершилъ". По окончаніи молебствія, царь, посовѣтовавшись со всѣмъ соборомъ, послалъ по новоизбраннаго патріарха митрополита сарскаго, архіепископа рязанскаго да съ ними боярина Бутурлина, окольничаго князя Ромодановскаго и думнаго дьяка Волошенинова. По „чину" предполагалось, что новоизбранный придетъ, скажетъ государю рѣчь и приметъ поздравленія. На дѣлѣ же произошло нѣчто совершенно неожиданное и чрезвычайное. Никонъ

не пришелъ. Послали во второй, въ третій разъ, послали и еще много разъ. Никонъ не слушался царскаго и соборнаго веленія и не шелъ. Царь, наконецъ, послалъ архіереевъ и знатнѣйшихъ своихъ бояръ съ приказаніемъ взять Никона и привести въ соборъ противъ его воли. Никона привели. И началъ царь со всѣмъ своимъ синклитомъ, духовенствомъ и народомъ умолять его принять избраніе. Никонъ отказался, называя себя смиреннымъ, неразумнымъ и не могущимъ пасти словесныхъ овецъ стада Христова. Тогда царь и за нимъ всѣ присутствовавшіе пали на колѣни и со слезами молили Никона принять патріаршество. Видя царя, весь освященный соборъ и народъ повергнутымъ на землю, Никонъ сказалъ:

„Вы знаете, что мы отъ начала приняли св. евангеліе, вѣщанія св. апостоловъ, правила св. отцовъ и царскіе законы изъ православной Греціи и потому называемся христіанами, но на дѣлѣ не исполняемъ ни заповѣдей евангельскихъ, ни правилъ св. апостоловъ и св. отецъ, ни законовъ благочестивыхъ царей греческихъ. Если вамъ угодно, чтобы я былъ у васъ патріархомъ, дайте мнѣ слово и произнесите обѣтъ въ этой соборной церкви предъ Господомъ и Спасителемъ Нашимъ и его Пречистою Матерью, ангелами и всѣми святыми, что будете содержать евангельскіе догматы и соблюдать правила св. апостоловъ и св. отцевъ и законы благочестивыхъ царей. Если обѣщаетесь слушаться и меня, какъ вашего главнаго архипастыря и отца, во всемъ, что буду возвѣщать вамъ о догматахъ Божіихъ и о правилахъ, тогда я, по вашему желанію и прошенію, не стану болѣе отрекаться отъ великаго архіерейства“.

Царь, всѣ бояре, и освященный соборъ произнесли обѣтъ исполнять все, что предлагалъ Никонъ. Вотъ при какихъ условіяхъ вступилъ новый патріархъ на патріаршество. Что такое произошло 22 іюля 1652 года въ соборной церкви Успенія Пресвятой Богородицы, при поставленіи Никона въ патріархи? 1652 года 22 іюля произошло ограниченіе царской власти. Царь всенародно обѣщался исполнять не только догматы церкви, но и всѣ правила, относящіяся до церкви, хотя бы они входили въ составъ свѣтскаго законодательства византійскихъ императоровъ. Что касается толкованія этихъ правилъ, царь далъ обѣщаніе слушать, что возвѣститъ о нихъ патріархъ. Это обѣщаніе, въ силу котораго царь обязывался не измѣнять церковнаго законодательства византійскихъ императоровъ и подчиняться тому толкованію церковныхъ правилъ, какое будетъ имъ давать патріархъ, было скрѣплено всенародной его клятвой. Никонъ хорошо понималъ, чего хотѣлъ, и высказалъ свои желанія всенародно и съ совершенною ясностью. Будучи новгородскимъ митрополитомъ, онъ успѣлъ уже убѣдиться, что представители свѣтской власти не очень-то склонны повиноваться его требованіямъ; это сопротивленіе надо было сломить, и цѣль эта была достигнута публичнымъ подчиненіемъ самаго царя патріаршимъ распоряженіямъ. Цѣли русскаго патріарха Никона весьма совпадаютъ съ цѣлями вселенскаго патріарха Фотія, предполагаемаго автора извѣстныхъ статей Эпанагоги о патріаршей власти. Несмотря на всю разницу времени и условій быта, высшіе представители церковной власти вездѣ преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли. Они и не могутъ не преслѣдовать цѣлей господства, если церковь ихъ признана господствующей и они имѣютъ свободу дѣйствія.

Въ первое время притязанія патріарха не встрѣтили никакой оппозиціи въ свѣтскомъ правительствѣ. Въ сценѣ, разыгранной Никономъ при поставленіи, царь не усмотрѣлъ нарушенія своихъ прерогативъ. Совер-

шенно наоборотъ, онъ пошелъ на встрѣчу желаніямъ честолюбиваго іерарха: Никонъ сталъ принимать широкое участіе въ дѣлахъ свѣтскаго управленія и, по примѣру патріарха Филарета, именоваться великимъ государемъ. Самъ царь назвалъ его такъ 23 октября 1653 года, въ Успенскомъ соборѣ, объявляя свой государевъ указъ.

Съ этого времени титулъ этотъ вошелъ во всеобщее употребленіе. Такъ называютъ патріарха владыки, бояре и всѣ частные люди, такъ называетъ себя онъ самъ, съ этимъ титуломъ печатается его имя и въ церковныхъ книгахъ.

Новый соправитель русскаго царя внимательно изучалъ памятники византійскаго законодательства и извлекалъ изъ нихъ все, что могло служить въ пользу его властолюбивыхъ притязаній. Мы знаемъ, что въ VI новеллѣ Юстиніана говорится о священствѣ и царствѣ, какъ о двухъ Божіихъ дарахъ, имѣющихъ общее происхожденіе свыше. Никонъ воспользовался этой мыслью и съ большой смѣлостью развилъ ее въ предисловіи къ Служебнику, изданному съ его благословенія въ августѣ 1655 года. Тамъ говорится:

„Богъ даровалъ Россіи два великіе дара, благочестиваго и христолюбиваго, великаго государя, царя Алексѣя Михайловича, и великаго государя, святѣйшаго Никона патріарха; оба эти великіе государи предстательствоваста на московскомъ соборѣ 1654 года, богоизбранная сія и богомудрая двоица, по окончаніи собора, повелѣша собрать въ Москву древнія св. книги; богоизбранная сія сугубица послала свои грамоты къ цареградскому патріарху Паисію; по полученіи отвѣта отъ Паисія, благочестивая сія и богомудрая двоица созвала новый соборъ въ Москвѣ“ и т. д.

Это торжественный гимнъ двоевластію, сочиненный представителемъ церковной іерархіи, одержавшимъ, наконецъ, рѣшительную побѣду надъ властью свѣтской.

Посмотримъ теперь, какъ относился ограниченный въ своихъ правахъ царь къ патріарху. Любопытную картину этихъ отношеній даетъ архидіаконъ аллепскій Павелъ, проживавшій въ Москвѣ съ начала февраля 1655 по конецъ мая слѣдующаго года.

„Любовь царя и царицы къ Никону,—пишетъ архидіаконъ,—превышаетъ всякое описаніе. При личномъ свиданіи съ патріархомъ царь всегда испрашиваетъ у него благословеніе и цѣлуетъ у него руку, а Никонъ въ то же время цѣлуетъ царя въ голову“.

И въ древности епископы были отцами князей, учили ихъ и наказывали, но едва ли отношенія ихъ доходили когда-либо до такого порабощенія свѣтской власти духовной, какъ при царѣ Алексѣѣ.

Неудивительно, что Никонъ нашелъ себѣ противниковъ. Этимъ противникамъ удалось, наконецъ, открыть глаза царю. У царя возникло охлажденіе къ патріарху, которое скоро привело къ открытой розни двухъ властей. Эта рознь имѣетъ для насъ значеніе въ томъ отношеніи, что она дала поводъ патріарху всея Руси высказать и такія свои мысли, обнаруживать которыя до разрыва съ царемъ ему не было надобности. Эти мысли проливаютъ яркій свѣтъ на занимающій насъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ духовной власти къ свѣтской.

10 іюля 1658 года Никонъ оставилъ патріаршій престолъ и удалился въ Воскресенскій монастырь. Надо полагать, что онъ ожидалъ повторенія исторіи Ивана III съ митрополитомъ Геронтіемъ. Но Алексѣй Михайловичъ въ Воскресенскій монастырь не поѣхалъ и у патріарха прощенія не просилъ. Наоборотъ, по истеченіи года и 7 мѣсяцевъ съ отъ-

ѣзда Никона, въ Москвѣ созванъ былъ освященный соборъ, которому царь и предложилъ на рѣшеніе вопросъ, какъ надо поступить въ виду оставленія Никономъ патріаршаго престола? Соборъ отвѣчалъ, что, по церковнымъ правиламъ, въ данномъ случаѣ надо поставить новаго патріарха. Царь это постановленіе собора не спѣшилъ, однако, приводить въ исполненіе. Ко времени, послѣдовавшему за соборомъ 1660 года, и относятся заявленія Никона, которыя мы имѣемъ въ виду привести.

Ближайшій поводъ къ нимъ былъ данъ спорнымъ поземельнымъ дѣломъ Воскресенскаго монастыря съ окольничимъ Романомъ Боборыкинымъ и вопросами боярина Стрѣшнева о дѣйствіяхъ Никона, на которые газскимъ митрополитомъ, Паисіемъ Лигаридомъ, были составлены отвѣты. Въ опроверженіе этихъ вопросовъ и отвѣтовъ Никонъ написалъ обширное „Возраженіе", въ которомъ и изложилъ свои мысли.

Никонъ утверждаетъ, что священство гораздо выше царства, потому что отъ священства на царство помазуются, а не отъ царей пріемлется начальство священства.

Отсюда, царь не можетъ собирать соборы безъ патріарха. Соборъ 1660 г. Никонъ называетъ „сонмищемъ іудейскимъ" и даже „бѣсовскимъ".

Далѣе, церковный чинъ не подлежитъ суду царя и мірскихъ властей. Составители Уложенія, учредившіе монастырскій приказъ, съ величайшимъ ожесточеніемъ порицаются Никономъ. Они „беззаконники, враги Божіи и всякой истины, богоборцы, отступники отъ Христа". „Князь Никита Ивановичъ Одоевскій — человѣкъ прегордый, страха Божія въ сердцѣ не имѣетъ, правилъ апостольскихъ и отеческихъ никогда не читаетъ и не разумѣетъ, и врагъ всякой истины; а товарищи его—люди простые, божественнаго писанія не вѣдущіе; дьяки же — это завѣдомые враги Божіи и дневные разбойники". Церковные люди судятся въ духовномъ судѣ; патріарха же не могутъ судить даже всѣ епископы. „Человѣку можно жить безъ руки, безъ ноги, но безъ головы невозможно; потому не могутъ члены тѣла отсѣчь свою голову и остаться живыми и дѣйствующими". „Патріарха судитъ вся вселенная", утверждалъ Никонъ позднѣе на судѣ. Наконецъ, церковное имущество должно остаться неприкосновеннымъ. „Патріархъ не имѣетъ своихъ вотчинъ; его вотчины и крестьяне—Божіе наслѣдіе. Цари, князья и другіе боголюбцы жертвуютъ свои имѣнія Господу Богу и святымъ Его церквамъ въ вѣчный поминокъ, а не патріарху, не владыкамъ, не монастырямъ".

Языкъ Никона отличается крайней рѣзкостью и необузданностью, но высказываемыя имъ мысли мы давно слышали. О преимуществѣ священства передъ царствомъ говорили еще митрополиты Петръ, Фотій, Даніилъ, Макарій; преимущества же иноческаго чина предъ мірскимъ признавались самими великими князьями и даже царемъ Иваномъ Грознымъ. Право епископовъ отлучать князей отъ церкви практиковалось у насъ съ XII вѣка. Неприкосновенность церковныхъ имуществъ подверглась было сомнѣнію въ началѣ XVI в., но она нашла себѣ сильныхъ защитниковъ среди церковныхъ іерарховъ, которымъ и удалось одержать побѣду надъ своими противниками. Никонъ не есть случайное явленіе, это зрѣлый плодъ всей нашей древности. Царствованіе Ѳеодора Ивановича, этого монаха на престолѣ, составляетъ послѣднюю ступень къ патріаршему престолу Никона.

Какъ же разрѣшилось столкновеніе двухъ великихъ государей всея Руси, этой „богоизбранной и богомудрой двоицы и сугубицы"? Разрѣшеніе столкновенія на первый взглядъ можетъ представляться довольно

простымъ. Никонъ уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, оставивъ патріаршество. Если патріархъ дѣйствительно отказался отъ патріаршества, надо поставить новаго. Въ этомъ смыслѣ высказался и соборъ, созванный царемъ въ 1660 году. Но члены собора разошлись по вопросу о томъ, что же дѣлать съ Никономъ: переставъ быть патріархомъ, остается онъ епископомъ, или нѣтъ? Нѣкоторые высказали мнѣніе, что остается; другіе утверждали, что отрекшійся отъ каѳедры можетъ быть снова на нее возведенъ, если окажется того достойнымъ. Обсужденіе этого вопроса вызвало заявленіе и новыхъ мнѣній по первому, т.-е. о послѣдствіяхъ отъѣзда Никона въ Воскресенскій монастырь.

Вопросъ, такимъ образомъ, осложнялся, и царь не рѣшался утвердить состоявшееся уже опредѣленіе собора. Грозная фигура Никона внушала страхъ и по отъѣздѣ въ Воскресенскій монастырь: боялись, что Никонъ будетъ патріаршествовать и по поставленіи новаго патріарха и еще болѣе смутитъ церковь.

Какъ же покончить съ Никономъ и успокоить церковь? Царская власть не нашла другого средства, какъ снова обратиться къ суду Греціи, съ которой всѣ расчеты давно уже были покончены. Этотъ выходъ изъ затрудненія внушалъ и грекъ, бывшій тогда въ Москвѣ, газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, успѣвшій пріобрѣсти большое къ себѣ довѣріе царя Алексѣя. По его совѣту царь рѣшилъ собрать соборъ для обсужденія всякихъ церковныхъ „винъ“, которыя учинились на Москвѣ при бытіи патріарха Никона и донынѣ дѣйствуютъ, и пригласить на этотъ соборъ восточныхъ патріарховъ и всѣхъ русскихъ архіереевъ.

По первому приглашенію восточные патріархи не нашли возможнымъ прибыть въ Москву, а рѣшили отвѣчать царю письменно. Но не выслушавъ Никона, они не могли произнести никакого мнѣнія по его дѣлу, а потому въ ихъ грамотѣ рѣчь идетъ не о Никонѣ, а вообще объ отношеніяхъ патріарха къ царю. Мнѣніе восточныхъ патріарховъ XVII вѣка ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ, что высказывали по этому же вопросу ихъ предшественники XV в. и болѣе отдаленной древности. О послушаніи русскаго государя патріарху нѣтъ больше рѣчи. Совершенно наоборотъ, въ монархіи признается одно верховное лицо, царь; онъ имѣетъ право наказывать всѣхъ сопротивляющихся ему подданныхъ, хотя бы кто изъ нихъ занималъ и самое высшее мѣсто въ церкви. „Если патріархъ дерзнетъ сопротивляться царю или измѣнять древніе уставы, то да будетъ лишенъ своего достоинства“. Но Нектарій іерусалимскій, подписавшій это мнѣніе вмѣстѣ съ другими митрополитами, нашелъ нужнымъ послать царю грамоту отъ себя лично, въ которой онъ передаетъ содержаніе коллективной грамоты и исторію ея составленія, а въ заключеніе совѣтуетъ царю покончить дѣло мирнымъ путемъ и просить Никона возвратиться на патріаршій престолъ.

Положеніе царя Алексѣя и по полученіи свитка четырехъ греческихъ патріарховъ оставалось затруднительнымъ. Патріархи осуждаютъ не Никона, а вообще патріарха, если онъ виновенъ. Но кто же будетъ рѣшать вопросъ о томъ, виновенъ Никонъ въ нарушеніи древнихъ уставовъ или нѣтъ, отрекся онъ отъ патріаршества или нѣтъ? Соборъ русскихъ іерарховъ? Но соборъ русскихъ іерарховъ, созванный Иваномъ Грознымъ, осудилъ митрополита Филиппа, а царю Алексѣю Михайловичу пришлось же принести покаяніе и просить прощеніе за это дѣяніе своего предшественника. Для успокоенія возмущенной совѣсти царя нужно было рѣшеніе такого суда, члены котораго не были бы ему подчинены, а этого нельзя

было сказать о русскихъ епископахъ. Нужны были восточные патріархи. Къ нимъ были посланы новыя призывныя грамоты, и на этотъ разъ патріаршій судъ состоялся.

Этотъ судъ былъ послѣднимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшимъ актомъ униженія московской свѣтской власти передъ властію духовной— своей и чужой.

Кого судилъ московскій соборъ 1667 года? Соборъ судилъ не вину только Никона, а распрю его съ царемъ. На этомъ судѣ московскій государь явился стороной: онъ то обвинялъ Никона, то самъ оправдывался отъ его обвиненій.

Царь былъ чрезвычайно возбужденъ во время суда. Онъ всталъ съ своего мѣста, какъ только явился Никонъ, и, обливаясь слезами, началъ обвинять его въ самовольномъ оставленіи престола (а также въ укоризнахъ и клеветѣ на него, выраженныхъ въ перехваченныхъ правительствомъ письмахъ Никона къ восточнымъ патріархамъ. *Ред.*).

Никонъ былъ обвиненъ по первому пункту, т.-е. признанъ сложившимъ съ себя званіе патріарха безъ всякаго понужденія, а увлекаясь человѣческою страстію и чувствомъ мщенія; по второму обвиненію онъ признанъ виновнымъ въ томъ, что въ грамотахъ своихъ писалъ, будто христіаннѣйшій самодержецъ Алексѣй Михайловичъ есть латиномудренникъ, мучитель, обидчикъ, Іеровоамъ и Озія. Кромѣ того, онъ былъ признанъ виновнымъ еще въ восьми винахъ и, между прочимъ, въ томъ, что коварно не допускалъ быть на патріаршей каѳедрѣ иному патріарху, и государь, архіереи и синклитъ, понимая это лукавство, не осмѣливались ввести на московскій престолъ иного патріарха, да не будетъ разомъ два патріарха. Приговоромъ собора патріархъ Никонъ былъ низведенъ въ званіе простого монаха.

Столкновеніе царя Алексѣя съ патріархомъ Никономъ кончилось, но былъ ли этимъ разрѣшенъ вопросъ объ отношеніи свѣтской власти къ духовной въ Московскомъ государствѣ? Нисколько. И послѣ собора 1667 года дѣло оставалось въ томъ же неопредѣленномъ и опасномъ для свѣтской власти положеніи, въ какомъ оно было съ момента принятія православія. Новый энергическій патріархъ, новый монахъ на престолѣ, и порабощеніе свѣтской власти духовною могло повториться подъ готовой уже формой „богоизбранной и богомудрой двоицы и сугубицы“. Даже между судьями Никона нашлись два епископа, крутицкій митрополитъ Павелъ, блюститель патріаршаго престола, и рязанскій митрополитъ Иларіонъ, отказавшіеся подписать окончательное опредѣленіе суда потому, что въ немъ помѣщено было выраженіе, изъ извѣстнаго намъ уже свитка четырехъ восточныхъ патріарховъ, о подчиненіи патріарха царю. Они увидали въ этомъ униженіе духовной власти предъ свѣтской. Недовольные формой рѣшенія, они подали записки, въ которыхъ говорилось не только о превосходствѣ патріаршей власти надъ царской, но и о превосходствѣ вообще епископской власти надъ свѣтской. Главнымъ защитникомъ свѣтской власти снова выступилъ грекъ, Паисій Лигаридъ. Онъ говорилъ много и горячо о свойствахъ царской власти и доводы свои подкрѣплялъ ссылками не только на христіанскихъ писателей, но и на языческихъ. Царь былъ огорченъ и встревоженъ этимъ протестомъ двухъ митрополитовъ. Чтобы успокоить его, они обратились къ восточнымъ патріархамъ съ просьбой исходатайствовать имъ у государя прощеніе за выказанную смѣлость и противленіе.

Паисій Лигаридъ снова составилъ длинное и краснорѣчивое воз-

раженіе. Послѣ новыхъ и продолжительныхъ преній патріархи предложили:

„Пусть будетъ заключеніемъ и результатомъ всего нашего спора мысль, что царь имѣетъ преимущество въ политическихъ дѣлахъ, а патріархъ—въ церковныхъ“.

Эту новую формулу Никоновской двоицы и сугубицы всѣ приняли съ удовольствіемъ, рукоплескали и взывали: „Многія лѣта нашему побѣдоносному государю! многія лѣта и вамъ, святѣйшіе патріархи!“ Послѣ этого митрополиты-протестанты подписали актъ о низложеніи Никона, но не безусловно, а съ оговоркой: „На изверженіе Никона, по священнымъ правиламъ содѣявшееся, подписалъ“ (имя).

Никонъ не былъ одинокъ. Онъ и по паденіи имѣлъ сторонниковъ и вызывалъ чувства восторга. Преосвященный Макарій приводитъ въ своей исторіи мнѣніе о судѣ надъ Никономъ одного изъ судей, епископа черниговскаго, Лазаря Барановскаго. Этотъ свидѣтель всего событія изумляется благодушію и кротости царя, осуждаетъ Никона за упорство, говоритъ, что смиреніе одержало бы верхъ, и заключаетъ такъ:

„Зрѣлище было изумительное для глазъ и ужасное для слуха. Я страдалъ и издыхалъ отъ ударовъ, переносилъ ужасы и упалъ духомъ, когда погасло великое свѣтило“.

Вѣковой споръ духовной власти со свѣтской былъ разрѣшенъ у насъ только Петромъ Великимъ.

LXXVII. Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству.

(Изъ «Очерка исторіи украинскаго народа» проф. Грушевскаго, Спб. 1906 г.).

Украинскій мемуаристъ (такъ называемый Самовидецъ), описавшій великое украинское народное движеніе XVII в. по личнымъ воспоминаніямъ и представляющій взгляды украинской буржуазіи, стоявшей въ сторонѣ отъ чисто-козацкихъ интересовъ, указываетъ слѣдующія причины возстанія: недовольство своимъ положеніемъ козаковъ-выписчиковъ, обращенныхъ въ крѣпостныхъ крестьянъ и слугъ; гнетъ и несправедливости, испытываемыя реестровыми подъ управленіемъ польскихъ шляхтичей въ роли старшины; раздраженіе крестьянъ—„хотя богато жившихъ“, по его словамъ, на „вымыслы“ помѣщиковъ, старостъ и арендаторовъ-евреевъ, и наконецъ — притѣсненіе православія и распространеніе уніи и католичества въ восточной Украинѣ, послѣ подавленія козачества.

Указанія сдѣланы довольно полно и вѣрно, хотя сравнительное значеніе этихъ причинъ авторъ не старался оцѣнить. Главную массу участниковъ возстанія дало крестьянство, которое сильно возрасло численно (это было время наибольшаго развитія крестьянской колонизаціи въ юго-восточной Украинѣ) и съ развитіемъ шляхетскихъ польскихъ порядковъ среди десятилѣтняго затишья на Украинѣ прониклось особенно острымъ раздраженіемъ противъ польско-шляхетскаго господства. Горючій матеріалъ дала масса выписчиковъ, лишенныхъ козацкихъ правъ и особенно живо чувствовавшихъ на себѣ давленіе польскихъ порядковъ. Буйства

и притѣсненія расквартированныхъ на Украинѣ польскихъ солдатъ доставляли вѣчно новую и обильную пищу этому раздраженію. Религіозныя притѣсненія дали кличъ, объединившій въ борьбѣ противъ польскихъ порядковъ всѣхъ недовольныхъ ими, безъ различія сословныхъ и экономическихъ интересовъ, во имя интересовъ національныхъ. А толчокъ къ движенію вышелъ изъ среды реестроваго козачества, раздраженнаго притѣсненіями со стороны поляковъ-начальниковъ. Типическимъ образцомъ этихъ притѣсненій, этого униженія козачества, было дѣло Б. Хмельницкаго, заставившее его открыто выступить противъ водворившихся на Украинѣ порядковъ и, связавъ свою личную участь съ участью обиженныхъ этими порядками, искать отклика у всѣхъ угнетенныхъ польско-шляхетскимъ режимомъ.

Богданъ Хмельницкій происходилъ изъ состоятельной помѣщичьей (но не шляхетской) чигринской семьи, получилъ для своего времени хорошее образованіе, издавна служилъ въ козацкомъ войскѣ и достигъ въ немъ выдающагося значенія. Послѣдующая дѣятельность обнаруживаетъ въ немъ опытнаго и искуснаго воина и человѣка вообще очень талантливаго, но импульсивнаго, безъ большой выдержки и настойчивости. Даровитый полководецъ, геніальный, можно сказать, администраторъ, искусный политикъ-дипломатъ, онъ не способенъ былъ къ созданію и послѣдовательному проведенію плановъ, далеко идущихъ въ даль будущаго, тѣмъ болѣе, что и не возвышался надъ уровнемъ политическихъ и общественныхъ воззрѣній выростившей его среды. Его дѣятельность до возстанія извѣстна намъ очень мало. Въ 1636 г. мы видимъ его въ числѣ депутатовъ къ королю отъ реестровыхъ, среди участниковъ возстанія 1637 г. встрѣчаемъ его въ должности войскового писаря, т.-е. правителя войсковой канцеляріи, а при организаціи 1638 г., когда всѣ высшіе посты въ козацкомъ войскѣ были замѣщены поляками, онъ получилъ должность чигринскаго сотника—высшую должность, какая была доступна для козака при новозаведенныхъ порядкахъ. Но, несмотря на заслуги и значеніе Хмельницкаго, когда у него произошло столкновеніе съ мѣстною польскою администраціею, онъ подвергся цѣлому ряду тяжелыхъ моральныхъ обидъ и матеріальныхъ утратъ: у него отобрано отцовское имѣніе, сынъ его забитъ на смерть плетьми при наѣздѣ на его домъ, устроенномъ недругомъ, а самъ онъ арестованъ и жизнь его была въ опасности. Въ концѣ концовъ, выпущенный изъ-подъ ареста, онъ бѣжалъ на исходѣ 1647 г. въ запорожскія убѣжища и началъ возбуждать выписчиковъ и своевольныхъ козаковъ, скитавшихся здѣсь, къ возстанію противъ порядковъ, созданныхъ реформою 1638 г.

Его слова нашли на Запорожьѣ сочувственный откликъ—слишкомъ сильно и широко было распространено неудовольствіе, а Хмельницкій при этомъ обнадеживалъ, что и самъ король сочувствуетъ угнетенному козачеству. Для успѣха возстанія онъ старался заручиться, какъ и цѣлый рядъ его предшественниковъ, помощью Крыма, и ему дѣйствительно удалось то, что не удавалось его предшественникамъ: обстоятельства сложились благопріятно для него: крымскій ханъ Исламъ-гирей былъ раздраженъ на Польшу за неаккуратную уплату „упоминковъ“, въ Крыму свирѣпствовалъ сильный голодъ, и татарамъ непремѣнно нужна была война и добыча. Ханъ обѣщалъ Хмельницкому помощь и дѣйствительно исполнилъ обѣщаніе.

Между тѣмъ вѣсти о приготовленіяхъ къ войнѣ вызвали броженіе на Украинѣ, какъ она ни была, казалось, основательно придавлена.

Шляхта требовала помощи отъ коронныхъ гетмановъ, призывала ихъ къ репрессіямъ противъ готовящагося возстанія. Въ половинѣ апрѣля 1648 г. оба гетмана—великій (Потоцкій) и польный (Калиновскій) двинулись со всѣми силами на Хмельницкаго. Впередъ былъ посланъ сынъ Ник. Потоцкаго Стефанъ съ отрядомъ польскаго войска и реестровые козаки подъ предводительствомъ своего комиссара Шемберга; другой отрядъ козаковъ съ польскими войсками былъ посаженъ въ лодки и посланъ по Днѣпру. Но реестровые козаки перешли на сторону Хмельницкаго. Оставленные ими Потоцкій и Шембергъ защищались нѣкоторое время въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ на р. Желтыхъ водахъ отъ окружившихъ ихъ войскъ Хмельницкаго, затѣмъ пробовали отступать, но тутъ ихъ отрядъ былъ смятъ и совершенно уничтоженъ; Потоцкій былъ взятъ въ плѣнъ, Шембергъ убитъ. Покончивъ съ передовымъ отрядомъ, Хмельницкій двинулся противъ главныхъ польскихъ силъ, которыя, почувствовавъ опасность, хотя вѣсти отъ передового отряда до нихъ и не доходили, тѣмъ временемъ начали отступать, разрушая города и мѣстечки, „чтобъ не достались врагамъ". Подъ Корсунемъ настигъ ихъ Хмельницкій съ татарами; отступая, польская армія попала въ устроенные козаками на ея пути рвы и засѣки и была совершенно уничтожена (26 мая); Потоцкій и Калиновскій попали въ плѣнъ и были отданы татарамъ.

Корсунская битва лишила всякой защиты польско-шляхетскій режимъ Украины—войска были уничтожены, вожди въ плѣну. Возстаніе безпрепятственно охватило правобережныя земли и лѣвобережныя, значительно колонизированныя въ предшествовавшее десятилѣтіе. Въ какойнибудь мѣсяцъ вся восточная Украина—воеводства Кіевское, Черниговское и Браславское—была вполнѣ охвачена возстаніемъ и находилась во власти Хмельницкаго, о которомъ ходили слухи, что онъ замышляетъ образовать новое государство, украинскую монархію, принявъ титулъ великаго князя, и тому подобное.

Но такихъ плановъ Хмельницкій тогда вовсе еще не имѣлъ. Въ петиціи, посланной правительству отъ козацкаго войска, послѣднее проситъ увеличенія реестра до 12 тыс., уплаты задержаннаго жалованья и отмѣны ординаціи 1638 г. относительно замѣщенія высшихъ должностей въ козацкомъ войскѣ поляками. Какъ видимъ, желанія скромныя, очень скромныя,—но нужно помнить, что полувѣковая практика научила козаковъ въ сношеніяхъ съ правительствомъ довольствоваться малымъ—на бумагѣ.

На бѣду, какъ разъ въ это время (20 мая) умеръ король Владиславъ, къ которому питали большое довѣріе какъ самъ Хмельницкій, такъ и козаки вообще. Ни временное правительство, ни сеймъ не имѣли въ ихъ глазахъ достаточно авторитета, и Хмельницкій съ козаками не имѣли желанія вступать съ ними въ переговоры.

Когда польскія войска, наново организованныя и порученныя одному изъ бездарнѣйшихъ волынскихъ магнатовъ — кн. Доминику Заславскому (также украинскаго происхожденія) перешли въ наступленіе, произошла новая катастрофа. 20 сентября польское войско напало на Хмельницкаго подъ Пилявцами (въ южной Волыни), но послѣ перваго же сраженія, довольно неудачнаго для Поляковъ, въ польскомъ лагерѣ среди приготовленій къ отступленію распространилась паника, и въ безграничномъ страхѣ это довольно значительное войско разбѣжалось, куда глаза глядятъ. Польша опять очутилась безъ войска. Волынь и почти вся По-

долія оказались во власти возстанія. Движеніе скоро распространилось и въ Галичинѣ.

До сихъ поръ движеніе, вызванное Хмельницкимъ, только своими размѣрами и небывалымъ дотолѣ успѣхомъ отличалось отъ предшествующихъ козацкихъ движеній. Оно исходило изъ интересовъ козачьяго сословія и, хотя оперировало крестьянскими массами, обращалось все еще въ рамкахъ козацкой сословной программы, съ нѣкоторымъ только оттѣнкомъ общенаціональныхъ требованій, сообщеннымъ ей уже со временъ Сагайдачнаго. Мы видѣли требованія возставшихъ—они не выходили за границы чисто-козацкихъ интересовъ; позже Хмельницкій присоединилъ къ нимъ еще требованіе отмѣны уніи, но собственно окончательною цѣлью движенія оставалась отмѣна стѣсненій, введенныхъ въ 1638 г, и возстановленіе козачьихъ льготъ, такъ что Хмельницкій пока являлся только непосредственнымъ преемникомъ Сагайдачнаго, Дорошенка, Тараса Федоровича и др. Только въ Кіевѣ, по возвращеніи изъ побѣдоносной кампаніи, почувствовалъ онъ разницу въ положеніи; его подхватила волна небывалаго народнаго воодушевленія, и подъ вліяніемъ послѣдняго происходитъ переломъ въ его взглядахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ входитъ въ новый фазисъ и все освободительное движеніе.

Хмельницкаго въ Кіевѣ встрѣтили не какъ простого козацкаго вождя, а какъ національнаго героя. И среди этого общаго энтузіазма, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ высшими представителями интеллигенціи тогдашняго культурнаго центра Украины, мысли Хмельницкаго начинаютъ выходить за горизонтъ чисто-козацкихъ интересовъ. Конечно, на сцену выступалъ прежде всего религіозный вопросъ—тогдашнее боевое національное знамя; но на немъ мысли Хмельницкаго не останавливались и, разъ выйдя изъ атмосферы чисто-козацкихъ движеній, шли гораздо дальше. Передъ его взоромъ поднимались образы возрожденія украинскаго народа, совершенно освобожденнаго отъ польскаго господства и устроеннаго на новыхъ началахъ, подъ охраною козацкаго войска.

Когда въ февралѣ 1649 года прибыли къ Хмельницкому королевскіе комиссары, чтобы вручить ему знаки гетманскаго достоинства, впервые признаннаго за козацкимъ вождемъ, и установить новую козацкую ординацію,—вмѣсто увѣреній въ вѣрности и преданности королю и Рѣчи Посполитой Польской, они услышали отъ него совершенно иныя рѣчи. Онъ не хотѣлъ уже вступать ни въ какіе договоры, заявлялъ рѣшимость „выбить изъ лядской неволи весь украинскій народъ“, опершись на крестьянство и для охраны его организовавъ многотысячное козацкое войско.

Отказавшись отъ переговоровъ, Хмельницкій дѣятельно приготовлялся къ войнѣ. Въ Польшѣ также почувствовали, что это будетъ борьба не на жизнь, а на смерть. Самъ король двинулся въ походъ. Но перевѣсъ силъ и таланта былъ несомнѣнно на сторонѣ Хмельницкаго. Театромъ войны оказалась южная Волынь. Неосторожно двинувшіяся противъ него польскія войска Хмельницкій окружилъ подъ Збаражемъ, въ очень неудобной для нихъ позиціи, и довелъ до крайности, а когда на отчаянный призывъ осажденныхъ двинулся на выручку король во главѣ шляхетскаго „посполитаго рушенія“ (всеобщаго ополченія), онъ попалъ въ руки Хмельницкаго. Послѣдній слѣдилъ за движеніями короля и, перерѣзавъ ему путь недалеко отъ Збаража, подъ Зборовымъ, поставилъ короля съ его арміею въ безвыходное положеніе. Но въ этотъ моментъ, когда Хмельницкій готовился уже диктовать королю свои усло-

вія, всѣ планы его разбились объ измѣну татаръ: Полякамъ удалось подкупить хана, находившагося со своею ордою въ лагерѣ Хмельницкаго; послѣдній очутился между двухъ огней и долженъ былъ пойти на уступки. Подъ Зборовымъ, въ половинѣ августа 1649 г., заключенъ былъ трактатъ между Хмельницкимъ и королемъ. Козацкій реестръ устанавлялся въ размѣрѣ 40 тыс., въ него могли быть вписаны козаки, жительствовавшіе въ коронныхъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ воеводствъ Кіевскаго, Браславскаго и Черниговскаго; на территорію этихъ воеводствъ не могли быть вводимы польскія войска, въ нихъ не могли жить ни евреи, ни іезуиты. Православная церковь должна была получить удовлетвореніе въ своихъ жалобахъ на уніатовъ на ближайшемъ сеймѣ; православный митрополитъ получалъ мѣсто въ сенатѣ; на всѣ должности въ упомянутыхъ трехъ воеводствахъ впредь должны были назначаться только православные.

Все это было огромнымъ тріумфомъ, если сравнить съ первоначальными требованіями Хмельницкаго, но полнымъ фіаско—въ сравненіи съ тѣми болѣе широкими планами, для осуществленія которыхъ онъ возобновилъ войну. Если въ Польшѣ были возмущены чрезмѣрностью уступокъ, сдѣланныхъ Зборовскимъ трактатомъ козакамъ, то на Украинѣ онъ возбудилъ негодованіе противъ Хмельницкаго, какъ измѣна цѣлямъ возстанія. Народныя массы, такъ дружно двинувшіяся на призывъ Хмельницкаго, почувствовали себя обманутыми и отвернулись отъ него.

Хмельницкій нѣкоторое время дѣлалъ возможное для выполненія Зборовскаго трактата: составилъ реестръ, оставшійся, впрочемъ, только на бумагѣ, опубликовалъ универсалъ противъ „своевольныхъ бунтовщиковъ"—крестьянъ и т. п., но очень скоро долженъ былъ убѣдиться въ невозможности выполнить его въ дѣйствительности, т.-е. возстановить прежній польско-шляхетскій режимъ. Война была неизбѣжна, тѣмъ болѣе, что и съ польской стороны не было искренняго желанія установить какія либо сносныя отношенія. Но Хмельницкій не рѣшался опереться исключительно на народныя силы—тѣмъ болѣе, что перемѣна въ настроеніи массъ для него не была секретомъ, и потому искалъ помощи извнѣ. Онъ замышляетъ очень сложную систему союзовъ противъ Польши: входитъ въ непосредственныя сношенія съ Портою и, признавъ себя вассаломъ султана, заручается оттуда наказомъ для крымскаго хана—помогать Хмельницкому противъ Польши. Кромѣ того, старается втянуть въ войну съ Польшею Москву, а нѣсколько позже съ подобными же цѣлями входитъ въ сношенія съ Молдавіею, съ энергическимъ владѣтелемъ Трансильваніи Юріемъ Ракочи и со Швеціею.

Но онъ вынужденъ былъ разорвать отношенія къ польскому правительству раньше, чѣмъ эти дипломатическіе ходы доставили ему реальное содѣйствіе новыхъ союзниковъ. Война возобновилась уже въ 1650 г. Единственнымъ союзникомъ Хмельницкій имѣлъ только хана, да и тотъ помогалъ ему неохотно, лишь подчиняясь распоряженіямъ султана; у него были иные планы—онъ замышлялъ войну съ Москвою, въ союзѣ съ Польшею и Хмельницкимъ, и снова испортилъ кампанію Хмельницкому. Она закончилась Бѣлоцерковскимъ трактатомъ, который представлялъ собою ухудшенную, обрѣзанную копію Зборовскаго и, конечно, еще меньше могъ установить прочныя отношенія, чѣмъ послѣдній.

Снова составляется реестръ; производятся экзекуціи надъ непокорными крестьянами, не мирившимися съ возвращеніемъ на Украину шляхты и съ возобновленіемъ постоя польскихъ войскъ, и, послѣ нѣ-

скольких мѣсяцевъ такого невыносимаго мира—снова война. Военныя дѣйствія возобновились лѣтомъ 1652 г. Холодное ожесточеніе смѣнило былое воодушевленіе. Обѣ стороны, утомленныя безплодною борьбою, напрягали послѣднія силы, стараясь добить противника. Однако ни та, ни другая сторона не осмѣливалась сдѣлать первый шагъ къ рѣшительной битвѣ, и почти два мѣсяца стояли обѣ арміи на Подоліи въ бездѣйствіи, пока измѣна татаръ (6 декабря 1653 г.) не прервала еще разъ кампаніи. На этотъ разъ однако Хмельницкій не придавалъ уже значенія такому обороту: его дипломатическія комбинаціи начинали приносить плоды—въ это именно время, послѣ долгихъ колебаній, рѣшилась вмѣшаться въ его борьбу съ Польшею Москва. Объ установленіи отношеній къ Польшѣ Хмельницкій больше не думалъ.

Хмельницкій вошелъ въ сношенія съ Москвою почти въ самомъ началѣ своего возстанія. Онъ предлагалъ признать надъ собою верховную власть царя (какъ онъ уже призналъ, для той же цѣли, власть султана), завоевать для него Крымъ и т. п. Но Москва не рѣшалась нарушить свой миръ съ Польшей и вступить въ рискованную войну и отвѣчала на всѣ предложенія Хмельницкаго ничего не стоющими комплиментами. Однако обстоятельства скоро заставили ее призадуматься. Съ одной стороны польскіе политики обнаруживали намѣреніе направить козаковъ и татаръ противъ Москвы, чтобы отвлечь ихъ силы въ ту сторону, и Москва имѣла всѣ основанія опасаться, что Хмельницкій при всемъ желаніи въ концѣ концовъ не будетъ въ состояніи воспрепятствовать такому плану. Съ другой стороны неудачи, которыя терпѣла Польша въ борьбѣ съ козаками, возбуждали въ московскихъ политикахъ желаніе воспользоваться ея затруднительнымъ положеніемъ, чтобы вознаградить себя за утраты, понесенныя въ періодъ „Смутнаго времени". Подъ вліяніемъ этихъ соображеній московское правительство рѣшило наконецъ выйти изъ своего нейтральнаго положенія, и созванный по этому вопросу „земскій соборъ" вполнѣ одобрилъ его намѣреніе—принять Украину подъ свою протекцію и объявить по этому поводу войну Польшѣ. О принятомъ рѣшеніи немедля извѣстили изъ Москвы Хмельницкаго, а вслѣдъ затѣмъ было выслано на Украину чрезвычайное посольство—привести населеніе Украины къ присягѣ на вѣрность московскому царю.

Идея автономнаго украинскаго государства, замкнутой украинской территоріи, только начинала формироваться въ умахъ украинскихъ вождей, но фактически уже нѣсколько лѣтъ Хмельницкій былъ главою государства, обнимавшаго восточно-украинскія земли и жившаго вполнѣ самостоятельною жизнью. Эти фактическія отношенія Хмельницкій и козацкая старшина хотѣли оставить въ силѣ и подъ московскою протекціею, хотя и не ставили этого требованія вполнѣ опредѣленно. Но московскіе политики схватились за заявленіе Хмельницкаго, неосторожно сдѣланное имъ въ томъ смыслѣ, что московское правительство должно утвердить сословныя привилегіи козачества, шляхты и православнаго духовенства, а въ остальномъ можетъ свободно править на Украинѣ,—и не хотѣли дать никакихъ гарантій автономіи Украины. Московское правительство прежде всего распорядилось поставить въ Кіевѣ сильный гарнизонъ, устроивъ для него отдѣльную крѣпость, цѣлый особый городокъ, и посадить воеводу, который являлся непосредственнымъ представителемъ московской власти на Украинѣ. Такихъ воеводъ оно намѣревалось ввести и во всѣ болѣе значительные города Украины, передавъ имъ администрацію и сборъ налоговъ.

Когда Хмельницкій и козацкая старшина уяснили себѣ эту перспективу, понравиться имъ она никакъ не могла, но, дорожа союзомъ съ Москвою и не желая сразу же портить свои отношенія къ ней, они не рѣшились рѣзко поставить вопросъ. Когда вслѣдъ за приведеніемъ Украины къ присягѣ царю, пришлось выяснить дальнѣйшій modus vivendi Украины подъ московскою протекціею, и московскіе послы направили украинскую старшину къ центральному правительству [1]), Хмельницкій со старшиною въ петиціяхъ, предложенныхъ московскому правительству (въ мартѣ 1654 г.), не ставя вопроса по существу, хотѣли обойти его и рядомъ оговорокъ по возможности свести на нѣтъ участіе московскаго правительства во внутреннемъ управленіи Украины. Но въ Москвѣ оказались очень несговорчивыми относительно этого пункта и хотя по московской осторожности въ виду заявленій козацкой старшины отложили дальнѣйшее осуществленіе своихъ плановъ на управленіе Украиною, но отвѣтили отказомъ на всѣ тѣ желанія козацкой старшины, которыя имѣли цѣлью ограничить роль Москвы во внутреннихъ отношеніяхъ Украины.

Вообще, благодаря недомолвкамъ съ обѣихъ сторонъ, между Украиною и Москвою этими мартовскими статьями 1654 года устанавливались довольно неопредѣленныя отношенія. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ за гетманомъ были признаны права верховной, суверенной власти (напр., право сношеній съ иностранными государствами); фактически оставлены были за нимъ функціи общегосударственнаго управленія. Но московское правительство принципіально оставляло за собою право непосредственнаго управленія и осуществляло дѣйствительно такіе акты, которые входили въ эту сферу. И при этомъ, въ противоположность стремленіямъ козацкой старшины къ расширенію и упроченію украинской автономіи, оно имѣло въ виду именно расширять современемъ свое непосредственное участіе во внутреннихъ отношеніяхъ Украины, превращая ее постепенно въ обыкновенную провинцію Московскаго государства.

Самъ Хмельницкій очень скоро почувствовалъ тяжесть своей зависимости отъ Москвы. Этотъ искусный игрокъ-дипломатъ, получивъ карту, которой такъ долго желалъ, неожиданно замѣтилъ, что она совершенно запутала ему игру. Этимъ объясняется загадочное на первый взглядъ поведеніе Хмельницкаго послѣ осуществленія союза съ Москвою. Вмѣсто того, чтобы съ новыми силами, при помощи Москвы, рѣшительно ударить на Польшу, онъ избѣгаетъ войны, уклоняется отъ походовъ, проектируемыхъ московскимъ правительствомъ, или ведетъ себя въ нихъ вовсе двусмысленно.

Театромъ войны сдѣлалась Бѣлоруссія, которою московское правительство задумало овладѣть. Въ оккупаціи Бѣлоруссіи принималъ участіе и козацкій корпусъ, высланный Хмельницкимъ по требованію московскаго правительства, но на этой почвѣ возникъ дипломатическій конфликтъ, улаженный только по смерти Хмельницкаго: козаки, занятыя ими въ сосѣдствѣ съ Украиною бѣлорусскія земли хотѣли оставить въ своемъ владѣніи, а московское правительство на это не хотѣло согласиться. Одновременно съ оккупаціей Бѣлоруссіи оно поручило Хмельницкому открыть также военныя дѣйствія на Украинѣ и соединиться съ московскою арміею, дѣйствовавшею въ Бѣлоруссіи, но Хмельницкій этого порученія не исполнилъ и подвергся упрекамъ со стороны Москвы. Только наступленіе поль-

[1]) Они совѣтовали явиться въ Москву самому Хмельницкому, но тотъ уклонился подъ предлогомъ грозящей войны съ Поляками.

скихъ войскъ на Браславщину, зимою 1654 года, принудило его къ отпору, но, отразивъ ихъ (въ битвѣ подъ Охматовымъ, въ началѣ 1655 г.), онъ не воспользовался удобными обстоятельствами и прекратилъ военныя дѣйствія. Подчиняясь усиленнымъ требованіямъ московскаго правительства, лѣтомъ 1655 г. онъ двинулся вмѣстѣ съ московскимъ войскомъ на Подолію, оттуда въ Галичину, но дѣйствовалъ чрезвычайно вяло и, наконецъ, покинувъ московское войско, вернулся назадъ. Съ начальниками московскаго войска онъ находился въ открытой враждѣ, а во время осады Львова соединенными козацкими и московскими силами генеральный писарь Выговскій, человѣкъ очень близкій къ Хмельницкому, совѣтовалъ львовскимъ мѣщанамъ не сдаваться на царское имя.

Одновременно съ такимъ апатичнымъ отношеніемъ къ военнымъ планамъ Москвы, Хмельницкій дѣятельно продолжалъ свои дипломатическія сношенія, ища новыхъ союзниковъ, новыхъ политическихъ комбинацій, на которыхъ онъ могъ бы опереться и противъ Польши, и противъ Москвы. Онъ возобновляетъ свой союзъ съ Турціей (1655), потомъ съ Крымомъ; въ концѣ 1656 г. заключаетъ союзъ съ Ракочи; еще большее значеніе имѣли отношенія къ Швеціи, которая въ это время начала войну съ Польшею. Такая политика шла совершенно вразрѣзъ съ политикою Москвы, которая тѣмъ временемъ заключила съ Польшею перемиріе и затѣмъ даже начала, въ союзѣ съ Польшею же, войну со Швеціею. Поляки подали надежду царю Алексѣю, что онъ будетъ избранъ польскимъ королемъ, и въ надеждѣ на осуществленіе личной уніи московское правительство хотѣло щадить Польшу и протестовало противъ поведенія Хмельницкаго. Но послѣдній рѣшительно заявилъ, что не разорветъ союза со Швеціею.

Противъ союза Москвы и Польши составился такимъ образомъ союзъ Украины, Трансильваніи и Швеціи. Разрывъ былъ неизбѣженъ, и Хмельницкій сознательно шелъ навстрѣчу ему. Настойчивость, съ какой московское правительство, не обращая вниманія на давленіе гетмана и старшины, стремилось къ осуществленію своей централистической политики на Украйнѣ, чрезвычайно раздражала гетмана и дѣлала отношенія невыносимыми въ виду стремленій гетмана и старшины къ полной автономіи.

Но среди этихъ плановъ, въ критическій моментъ отношеній къ Москвѣ, Хмельницкій умеръ отъ апоплексіи 27-го іюля 1657 года.

Хмельницкій оставилъ неразвязаннымъ узелъ, которымъ онъ связалъ такъ поспѣшно Украину съ Москвою. Политическій кругозоръ козачьей старшины быстро расширялся, со дня на день она выростала политически, и въ умахъ сподвижниковъ Хмельницкаго первоначальныя неясныя представленія вырисовывались все яснѣе, слагаясь въ идею автономнаго государства, выраженную уже довольно ясно годъ спустя въ Гадяческомъ трактатѣ съ Польшею. Въ этомъ государствѣ, обнимающемъ всю этнографическую территорію Украйны и организованномъ на конституціонныхъ, выборныхъ началахъ, гетманъ являлся государемъ—главою всесословной, государственной организаціи, главою всего народа, а не только козачьяго войска. Отношенія этого автономнаго государства къ московскому правительству, московскому царю, могли быть только отношеніями вассальности, признанія верховенства, протектората. Московское же правительство хотѣло воспользоваться смертью Хмельницкаго, чтобы ввести на Украйнѣ свое управленіе, водворивъ здѣсь своихъ воеводъ и финансовыхъ агентовъ, ограничить власть гетмана сферою козачьей админи-

страціи и подчинить московскому патріарху украинскую церковь, до сихъ поръ вполнѣ автономную, признававшую надъ собою только верховенство константинопольскаго патріарха. Весь строй украинскаго управленія съ его принципомъ свободнаго выбора, суверенности народа и отвѣтственности передъ нимъ, былъ противенъ строго монархическому строю Московскаго государства, съ его безпощадной централизаціей, и поэтому съ точки зрѣнія московской бюрократіи подлежалъ перестройкѣ и упраздненію.

Встрѣчаясь съ такими стремленіями московской политики, украинскіе автономисты, отъ Выговскаго до Мазепы, поочередно старались опереться на тѣ же политическія силы, въ которыхъ искалъ опоры уже Хмельницкій: Турціи и Крымѣ, Польшѣ, Швеціи. Въ союзѣ съ ними носители идеи украинской автономіи пробовали сбросить съ себя зависимость отъ Москвы и обезпечить автономію Украины. Но у Москвы оказалась мертвая хватка. Такъ нерѣшительно принявъ протекцію надъ Украйною, она потомъ, когда присоединеніе Украины стало совершившимся фактомъ, держалась за нее упорно. Убѣдившись, что всей Украины она удержать не въ силахъ, Москва отказалась отъ земель на западъ отъ Днѣпра (правобережныхъ), оставивъ ихъ Польшѣ, къ великому негодованію украинскихъ патріотовъ, роптавшихъ на это раздѣленіе украинской и тѣснѣе—козачьей территоріи, тѣмъ болѣе, что этотъ важный шагъ московское правительство сдѣлало безъ ихъ участія и вѣдома. Зато лѣвобережной Украины (на востокъ отъ Днѣпра) и Кіева Москва не выпускаетъ изъ рукъ и при этомъ настойчиво и неуклонно, ни передъ чѣмъ не останавливаясь и ничѣмъ не смущаясь, ведетъ политику ограниченія украинской автономіи, стѣсненія самоуправленія, а въ виду сопротивленія козачьей старшины, чтобы подорвать ея силу и оппозицію, пользовалась внутреннимъ раздвоеніемъ, антагонизмомъ старшины и народныхъ массъ.

Дѣйствительно, въ историческихъ фактахъ контрастъ старшины и „черни“ выступаетъ вполнѣ осязательно уже непосредственно по смерти Хмельницкаго, но главнымъ образомъ пока въ сферѣ политики. Партія старшины стремится оттѣснить гетмана, избраннаго войсковою радою, провести своего человѣка и вообще оттѣснить войсковую раду и козацкую „чернь“ на второй планъ. Въ защиту козацкихъ массъ и войскового правленія выступаетъ Запорожье и агитируетъ среди черни. Противники старшины ищутъ поддержки у московскаго правительства, которое и пользуется этимъ раздвоеніемъ къ своихъ видахъ, чтобы сбить старшину съ позиціи, сломить ея стремленія къ автономіи и принудить къ уступкамъ въ вопросахъ политики за цѣну неприкосновенности сословныхъ интересовъ. Вопросы сословные и экономическіе еще не выступаютъ въ полной опредѣленности. Но самое противопоставленіе „пановъ“ и „черни“ даетъ понять, что уже въ этой борьбѣ, начинающейся въ концѣ 1650-хъ годовъ и продолжающейся затѣмъ въ 1660-хъ, участвовали интересы классовые и экономическіе, придававшіе политической борьбѣ ея жгучесть и упорство.

LXXVIII. Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству.

(*Изъ «Разсказовъ о Западной Руси» Щебальскаго*).

Съ самаго введенія уніи, въ продолженіе почти пятидесяти лѣтъ, не прекращались насилія со стороны поляковъ, а со стороны русскихъ возстанія. Русь приходила въ конечное разореніе. Славный Кіевъ обратился въ это время въ ничтожный городишко; въ немъ было не болѣе 6.000 жителей. Домишки были всѣ низенькіе, крытые соломой, а по вечерамъ освѣщались лучинами; изъ множества церквей, украшавшихъ эту колыбель православія, оставалось только десять: всѣ прочія были или разорены, или обращены въ унію. Что было съ Кіевомъ, то и съ другими городами. Сынъ Острожскаго, сынъ Сапѣги, дѣти многихъ другихъ ревностныхъ православныхъ стали католиками. Іезуиты вездѣ торжествовали, а потомки старинныхъ князей русскихъ и литовскихъ дѣлались ихъ усердными помощниками, утѣсняя вѣру своихъ предковъ, утѣсняя своихъ братьевъ единоплеменниковъ.

Одна надежда была, казалось, на Россію, на ея защиту и покровительство. Русскіе западные стали вспоминать, что они одного племени съ восточными московскими; что они отдѣлились отъ своей братіи, когда надъ тѣми тяжело лежало татарское иго, но вотъ объ игѣ татарскомъ тамъ уже и память прошла, Москва пережила годину самозванцевъ, а западной Руси, которой было сначала легче, чѣмъ восточной, теперь съ каждымъ годомъ становилось все тяжелѣе. Видя это, кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій посылалъ въ Москву сказать царю Михаилу: „У Малороссіи одна только дума, какъ бы поступить подъ твою государскую руку; намъ, кромѣ государя, некуда дѣваться“. Но Московское государство еще не вполнѣ оправилось послѣ смутнаго времени: принять Малороссію значило вступать въ тяжелую борьбу съ Польшей, а на это не было еще силъ у восточной Руси; слѣдовательно, Малороссіи должно было надѣяться только на свои собственныя силы.

По счастію, силъ этихъ еще было много: ими были братства, духовенство, простой народъ; опорою православія и русской народности были также казаки. Поляки были недовольны казаками за ихъ безпокойный духъ, за набѣги, которые тѣ дѣлали на крымскія и турецкія земли и за которые нерѣдко приходилось отвѣчать Польшѣ; но съ ними поляки долго боялись поступать такъ безцеремонно, какъ съ остальною частью русскаго народа. Впрочемъ, ловкіе іезуиты всегда умѣли доставить назначеніе въ старосты, каштеляны и другія должности въ русскихъ земляхъ горячимъ католикамъ, которые готовы были усердствовать въ католическомъ духѣ даже тогда, когда уже на польскомъ сеймѣ составлялись рѣшенія, не одобряющія религіозной нетерпимости. Это, положимъ, было еще понятно при королѣ Сигизмундѣ, который самъ былъ изувѣръ и негодовалъ на постановленія сеймовъ, если они оказывали снисхожденіе *схизматикамъ*; но то же самое продолжалось и при его сынѣ Владиславѣ, государѣ вообще очень милостивомъ. Народъ русскій не переставали притѣснять. Украйна же не переставала возмущаться.

Казакамъ были, однакожъ, обѣщаны въ это время нѣкоторыя права, а именно: чтобы въ войсковые реестры вписывать уже не шесть, а два-

дцать тысячъ казаковъ и попрежнему избирать своего старшину. Король, кромѣ того, прислалъ имъ, въ знакъ своего благоволенія, булаву. Онъ это дѣлалъ отчасти потому, что точно благоволилъ къ казакамъ, а отчасти потому, что замышлялъ походъ противъ турокъ. На сказанныя льготы была прислана привилегія, но привилегія эта была передана только двумъ довѣреннымъ казакамъ, гетману Барабашу и войсковому писарю Богдану Хмельницкому, съ тѣмъ при томъ, чтобы они до времени держали ее втайнѣ. А какъ война съ турками не состоялась, то и привеллегія королевская такъ и осталась подъ спудомъ у Барабаша. Объ этомъ зналъ только одинъ Хмельницкій.

Зиновій-Богданъ Хмельницкій былъ природный казакъ, учился въ кіевскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ одной изъ школъ, заведенныхъ на Украйнѣ іезуитами, и считался между своими земляками очень книжнымъ, ученымъ человѣкомъ. Службу свою онъ началъ при дворѣ одного изъ богатѣйшихъ украинскихъ пановъ, Потоцкаго, у котораго завѣдывалъ конюшнями. Разсказываютъ, что однажды этотъ Потоцкій, напившись пьянъ за обѣдомъ, чуть не отрубилъ голову своему конюшему такъ, для потѣхи. Но Хмельницкому была дорога своя голова: онъ убѣжалъ въ Сѣчь, а оттуда перешелъ на Украйну и записался въ казаки, между которыми скоро заслужилъ уваженіе за свою храбрость, смѣтливость и расторопность. Онъ дослужился черезъ нѣсколько лѣтъ до званія генеральскаго писаря, одного изъ самыхъ важныхъ между казачьею старшиной. Научившись въ іезуитской школѣ скрытности и лукавству, Хмельницкій велъ себя очень искусно: былъ всегда заодно съ казаками, участвовалъ во всѣхъ возстаніяхъ, бывшихъ въ его время, а между тѣмъ ладилъ съ поляками, которые, видя его образованность и цѣня умѣнье его говорить по-латыни, обращались съ нимъ, какъ съ шляхтичемъ. Но вотъ произошелъ случай, который навсегда разсорилъ его съ поляками. У Хмельницкаго былъ небольшой хуторъ, гдѣ и жилъ онъ съ своимъ семействомъ. Хуторъ этотъ понравился польскому подстаростѣ Чаплинскому, и онъ сталъ просить его для себя у гетмана, объясняя, что хуторъ этотъ заселенъ, а по закону казакъ не можетъ держать людей на своей землѣ. Кончилось тѣмъ, что Чаплинскій собралъ жолнеровъ, напалъ однажды на хуторъ Хмельницкаго и взялъ его себѣ вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ и даже женою Хмельницкаго, а одного изъ его сыновей засѣкъ до смерти. Самому Богдану удалось уйти, захвативъ съ собою только ту королевскую привилегію, которую держалъ подъ спудомъ Барабашъ и которую не задолго передъ тѣмъ Хмельницкій укралъ у него, напоивъ его пьянымъ. Онъ кинулся къ гетману съ жалобой на Чаплинскаго, но удовлетворенія не получилъ, жаловался суду, но и тамъ отказались защитить его. Тогда озлобленный казакъ вышелъ и сказалъ: „Маю шаблю въ руци: еще казацька не умерла мати!“ За эти слова онъ былъ посаженъ въ тюрьму. Бывъ оттуда освобожденъ чрезъ нѣсколько времени, онъ поѣхалъ въ Варшаву искать правосудія у сената и наконецъ у самого короля; но и тамъ жалобы его не были уважены. Тогда уже ничего болѣе не оставалось Хмельницкому, какъ взяться за свою „шаблю“. Онъ такъ и рѣшился. Возвращаясь изъ Варшавы, онъ ѣхалъ медленно, останавливался въ каждомъ селѣ, заводилъ знакомства, вездѣ разсказывалъ о своихъ обидахъ и вывѣдывалъ, готовъ ли народъ подняться теперь, какъ во время Наливайки и Остраницы. Эту готовность онъ находилъ вездѣ. Пробравшись наконецъ на Украйну, Хмельницкій повѣстилъ о томъ своимъ пріятелямъ и просилъ ихъ пріѣхать на сви-

даніе съ нимъ въ какой-то лѣсъ. На зовъ его пріѣхало много старыхъ казаковъ съ сивымъ усомъ и съ рубцами отъ польскихъ сабель на морщинистыхъ лбахъ. Хмельницкій сталъ имъ говорить, что нѣтъ для казаковъ въ Польшѣ ни суда, ни защиты, что нечего имъ дѣлать другаго, какъ, по примѣру отцовъ, добывать себѣ правду саблями. „Вотъ,—говорилъ онъ,—показывая украденную привилегію, король хочетъ насъ пожаловать, да паны не допускаютъ. Чего ждать? Весь народъ русскій только ждетъ отъ насъ примѣра!“ Однакожъ для большей осторожности, Хмельницкій совѣтовалъ позвать къ себѣ на помощь татаръ. Казаки слушали, иные возражали; кончили однакожъ тѣмъ, что всѣ съ нимъ согласились. Хмельницкаго тутъ же выбрали въ гетманы, чтобы вести казаковъ, когда наступитъ часъ. Это было въ 1646 году.

Уговорившись такимъ образомъ съ казаками украинскими, Хмельницкій поѣхалъ въ Сѣчь, чтобы оттуда пробраться въ Крымъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Кіевъ поклониться св. угодникамъ русскимъ. Полагаютъ, что онъ видѣлся также съ митрополитомъ Петромъ Могилою и получилъ отъ него благословеніе на замышленное дѣло. Потомъ онъ отправился къ запорожцамъ. Побывши нѣсколько времени въ Сѣчи и условившись съ главными запорожскими коноводами, Хмельницкій направилъ путь къ татарамъ и скоро воротился оттуда съ нѣсколькими тысячами наѣздниковъ. На другой день по прибытіи его собралась рада, на которой Хмельницкій объявилъ, что все готово для выступленія въ походъ. Рада весело зашумѣла и назначила Хмельницкаго гетманомъ.

Между тѣмъ польское начальство узнало о рѣчахъ Хмельницкаго въ Сѣчи, о поѣздкѣ его въ Крымъ и начало собирать коронное войско; строгія взысканія были объявлены тѣмъ, кто вздумалъ бы уходить въ Запорожье. Но это никого не остановило: Украйна начинала уже колыхаться. Казаки, крестьяне, вообще русскіе и православные люди толпами кинулись къ Запорожью. Такъ прошла зима. Въ началѣ 1647 г., какъ только стаялъ снѣгъ и Днѣпръ вскрылся, Хмельницкій съ казаками и татарами переправился чрезъ него и сталъ недалеко отъ впаденія въ него рѣки Тясьмина. Собрались между тѣмъ и поляки: командовалъ ими коронный гетманъ Потоцкій. Онъ послалъ противъ Хмельницкаго два войска: одно сухопутьемъ, другое Днѣпромъ, на судахъ. Узнавъ, что на судахъ плывутъ все свои же, казаки, Хмельницкій выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Какъ только увидѣли они его, замахали шапками, пристали къ берегу и сказали: „Веди насъ вмѣстѣ съ другими на поляковъ“. Барабашъ, который былъ тутъ же на байдакахъ, былъ выброшенъ въ воду. „Братья рыцари-молодцы,—сказалъ имъ Хмельницкій,—да будетъ вамъ вѣдомо, что мы взялись за сабли не ради одной славы или добычи, а ради обороны живота, женъ и дѣтей нашихъ. Всѣ народы защищаютъ жизнь свою и свободу, звѣри и птицы тоже дѣлаютъ, на то имъ Богъ далъ зубы и когти“. Соединивши казаковъ, пришедшихъ на судахъ и прибывшихъ съ нимъ, Хмельницкій повелъ ихъ противъ польскаго войска. Оно стояло обозомъ на рѣчкѣ Желтыя Воды. Казаки съ гикомъ кинулись на польскій обозъ; оттуда навели на нихъ пушки; ядра полетѣли съ громомъ и визгомъ; въ то же самое время съ тыла раздался другой гикъ: то неслись татаре. Поляки смѣшались было, но скоро оправились, засѣли въ своемъ обозѣ и отсиживались въ немъ слишкомъ сутки. Хмельницкій наконецъ остановилъ бой и, подъѣхавъ къ польскому обозу, закричалъ зычнымъ голосомъ, чтобы оттуда выслали переговорщика. Выслали. Хмельницкій обласкалъ его, угостилъ по обычаю, но потребовалъ, чтобы поляки

сдали всѣ свои пушки, а сами возвратились съ миромъ домой. Поляки, нечего дѣлать, согласились и поднялись съ своего обоза. Казаки слѣдовали за ними издали. Но вдругъ, когда поляки дошли до одного яра, на нихъ бросились татары и однихъ истребили, другихъ захватили въ плѣнъ; казаки же только стояли поодаль и посмѣивались. Въ то время, какъ на Желтыхъ Водахъ происходила эта рѣзня, коронный гетманъ Потоцкій стоялъ близъ Черкасъ съ остальнымъ войскомъ и проводилъ время въ пированьи. Однако разъѣзды, которые онъ высылалъ отъ времени до времени по сторонамъ, доносили ему, что окрестности пустѣютъ, что народъ выбирается изъ деревень, а по перелѣскамъ и степнымъ курганамъ показываются вооруженные люди.

Смутился Потоцкій и рѣшился подвинуться впередъ. Идетъ: все пусто. Народъ какъ будто вымеръ. Вдругъ разъѣзды замѣтили человѣка, который одинъ тащился степью: это былъ шляхтичъ, которому удалось какъ-то, хотя и израненному, спастись отъ желтоводской гибели. Онъ разсказалъ Потоцкому, что́ и какъ было. Очнувшись отъ этого страшнаго извѣстія, гетманъ велѣлъ отступать; но казаки были уже близко вмѣстѣ съ татарами. Настигнувъ поляковъ, Хмельницкій пошелъ за ними слѣдомъ, не тревожа ихъ однакожъ, а самъ заслалъ самыхъ доброконныхъ людей впередъ, чтобы испортить дорогу и сдѣлать засаду въ лѣсу; черезъ который надобно было проходить. Какъ только поляки подошли къ этому лѣсу, казаки и татары кинулись на нихъ, а изъ лѣса открылась перестрѣлка. Тогда началась рѣзня еще ужаснѣе прежней. Мало кому удалось уйти съ побоища, да и тѣхъ, кому это удавалось, окрестные крестьяне ловили и приводили къ Хмельницкому. Побѣда была полная. Казаки прежде всего отпѣли благодарственный молебенъ, а потомъ начали пировать. Двадцать пять бочекъ горѣлки было выпито заразъ. Помня, что первые помощники всему дѣлу были запорожцы, Хмельницкій, одаривъ тѣхъ, которые были съ нимъ, послалъ оставшимся на пиво 1.000 талеровъ да 300 на свѣчу въ сѣчевую церковь.

Какъ только сдѣлалось извѣстно о совершенномъ истребленіи поляковъ, вся Украйна закипѣла и поднялась; зашевелилась и вся Русь западная, повсюду началъ стекаться народъ въ Бѣлую Церковь, гдѣ между тѣмъ расположился Хмельницкій, и записываться въ казаки. Эти прибылые люди такъ же, какъ и казаки, сговорившись по нѣскольку десятковъ, а иногда и сотенъ человѣкъ вмѣстѣ, отправились, какъ они говорили, очищать русскую землю отъ жидовъ и ляховъ, и очищали ее такъ, что только пепелъ и кровь оставались тамъ, гдѣ они проходили. Дворяне, ксендзы, уніатскіе священники и евреи, заслышавъ и приближеніи *гайдамаковъ*, убѣгали опрометью, оставляя все свое имущество, лишь бы спасти головы. Но и это имъ удавалось рѣдко, потому что вся прислуга панская состояла изъ русскихъ, и она сама зазывала гайдамаковъ на своихъ пановъ.

Духовенство, съ своей стороны, проповѣдывало всеобщее возстаніе и призывало народъ на защиту православія: народъ западной Руси или поднимался, или готовился подняться; католическіе костелы подвергались поруганію и разграбленію, ксендзовъ вѣшали вмѣстѣ съ жидами и собаками, латинскихъ покойниковъ вырывали изъ могилъ и ругались надъ ними; живыхъ же, особенно евреевъ, истребляли цѣлыми толпами вдругъ, и такъ свирѣпствовали на обоихъ берегахъ Днѣпра, въ Подоліи и Сѣверской землѣ. Польская шляхта, владѣвшая имѣніями въ русскихъ земляхъ, либо разбѣгалась, стараясь пробраться въ Польшу, либо иногда,

собравшись вокругъ какого-нибудь магната, запиралась въ его замкѣ, и случалось, хотя и рѣдко, что успѣвала отбиться отъ страшныхъ гайдамаковъ. Между такими панами, которые стыдились уходить отъ казаковъ и крестьянъ, замѣчательнѣе всѣхъ былъ Вишневецкій. Происходилъ онъ изъ стариннаго православнаго рода, одинъ изъ его предковъ былъ даже гетманомъ надъ казаками, но самъ онъ перешелъ въ латинство и съ большимъ усердіемъ строилъ костелы, утѣснялъ православіе и обращалъ въ унію. Узнавъ о движеніи казаковъ и крестьянъ, онъ собралъ всю свою челядь, нѣсколько сотъ человѣкъ мелкой шляхты, жившей въ его обширныхъ имѣніяхъ, и выступилъ съ ними противъ гайдамаковъ, совершая надъ ними такія жестокости, какія они совершали надъ поляками и евреями.

Между тѣмъ царствовавшій въ Польшѣ король Владиславъ умеръ. Слѣдовало приступить къ избранію новаго государя, и неурядица въ польскомъ управленіи сдѣлалась хуже прежняго. Со времени пораженія Потоцкаго все собирались и не могли собраться послать новое войско противъ казаковъ. Наконецъ собрались и назначили трехъ начальниковъ. Согласія между ними не было: „У пановъ Богъ умъ отнялъ,—говорилъ о нихъ Хмельницкій,—каждый хочетъ быть старшимъ, а гдѣ старшихъ много, тамъ войско нездорово". Но паны думали высоко о себѣ и своемъ войскѣ. „Противъ такой сволочи,—говорили они о казакахъ,—не стоитъ тратить пуль: мы ихъ плетьми разгонимъ". Хмельницкій выступилъ противъ нихъ изъ Бѣлой Церкви, собравъ прежде всѣ гайдамацкія партіи. Такимъ образомъ у него составилось войско тысячъ въ полтораста, несравненно больше, чѣмъ у поляковъ. Хмельницкій встрѣтился съ ними недалеко отъ Константинова и еще разъ жестоко разбилъ ихъ. Затѣмъ они возвратились въ Польшу, гайдамаки опять разсыпались во всѣ стороны, а гетманъ отправился въ Галицкую Русь, гдѣ, при его приближеніи, народъ точно такъ же, какъ и въ остальной Руси, поднялся противъ своихъ пановъ. Изъ Галиціи онъ перешелъ въ восточную часть нынѣшняго Царства Польскаго, гдѣ тоже жилъ и живетъ народъ русскаго происхожденія. И здѣсь крестьяне встрѣчали его какъ освободителя. Такимъ образомъ, вся земля русская, 250 лѣтъ уже бывшая подъ польскимъ владычествомъ, приступила къ великому союзу.

Такого всеобщаго возстанія еще не было ни разу, и ни разу Рѣчь Посполитая не находилась въ такой страшной опасности. Татары, которые въ первое время слѣдовали только издали за казаками, послѣ первыхъ успѣховъ сдѣлались горячими ихъ союзниками. Крымскій ханъ, довольный множествомъ плѣнниковъ и богатою добычею, которыми снабжалъ его Хмельницкій, представилъ султану турецкому, что и ему самому, султану, будетъ выгодно тѣснѣе сойтись съ казаками. Къ Хмельницкому прибылъ посолъ изъ Константинополя. Гетманъ обласкалъ его и обѣщалъ уступить ему часть своихъ завоеваній съ тѣмъ, чтобы турки, въ случаѣ надобности, пособили казакамъ отторгнуть Русь отъ Польши. Отъ государей валахскаго и молдавскаго, отъ князя семиградскаго точно также пріѣзжали къ Хмельницкому посланники; наконецъ и съ московскимъ царемъ казачій вождь вступилъ въ сношенія, совѣтуя ему воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Польши и возвратить Смоленскую и Сѣверскую землю. Посреди всѣхъ этихъ гонцовъ и пословъ, получая грамоты сильныхъ государей, Хмельницкій и самъ имѣлъ видъ какъ-бы государя или независимаго владѣтеля, хотя въ жизни своей ни на шагъ не отступалъ отъ обыкновенной казачьей простоты и изъ золо-

тыхъ чаръ пилъ простую горѣлку. Въ началѣ 1649 г., возвратившись изъ-подъ Львова и Замостья, Хмельницкій вступилъ въ Кіевъ при звонѣ колоколовъ; встрѣченный духовенствомъ, самимъ митрополитомъ, окруженный безчисленными толпами народа, онъ ѣхалъ подъ войсковымъ знаменемъ, держа въ рукахъ гетманскую булаву.

Между тѣмъ, избранъ былъ, наконецъ, на польскій престолъ новый государь—Янъ Казимиръ. Про него говорили, что онъ ласковъ, снисходителенъ, насилія не терпитъ и готовъ защищать русскую церковь отъ католиковъ и уніатовъ. Говорили также, что онъ обвинялъ самихъ поляковъ за нынѣшнее казачье возстаніе и будто бы однажды выразился такъ: „Не слѣдовало у Богдана отнимать его хутора, срамить жены и убивать его сына“. Слыша про все это, казаки были довольны. И точно: первою заботою новаго короля было послать къ казакамъ слово милости и прощенія. Выбранъ для этого былъ человѣкъ знатный, русскаго происхожденія и православной вѣры, по имени Адамъ Кисель. Хмельницкій принялъ королевскихъ пословъ въ Переяславлѣ. Онъ хотѣлъ показаться имъ во всемъ своемъ величіи и могуществѣ: надъ нимъ держали бунчуки, полковники окружали его, держа въ рукахъ свои полковничьи булавы. Кругомъ толпился народъ, потому что свиданіе было на площади. Когда послы передали грамоту королевскую и осыпанную дорогими камнями булаву, то Кисель началъ говорить рѣчь; но одинъ изъ полковниковъ перебилъ его: „Кисель! Ты кость отъ костей нашихъ, и ты отщепился отъ насъ и присталъ къ ляхамъ!“ Хмельницкій приказалъ не мѣшать послу, но какъ было заставить молчать цѣлую толпу народа! „Зачѣмъ вы принесли эти *цацы*? Хотите обмануть насъ!“ закричалъ одинъ.— „Не обманете!“ подхватилъ другой. „Пусть за вами остается ваша Польша, а Украйна намъ, казакамъ, пускай остается“. Хмельницкій былъ въ этотъ разъ спокоенъ и вѣжливъ, но это было только одинъ разъ. Когда начались переговоры, онъ горячился, кричалъ, грозилъ. „Либо мнѣ со всѣмъ войскомъ запорожскимъ пропасть, либо землѣ Польской со всѣми сенаторами, *дуками*, корольками и шляхтою сгинуть!“ Кисель упрашивалъ Хмельницкаго, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, написалъ, въ чемъ состоятъ его желанія, и что, по его мнѣнію, долженъ сдѣлать король, дабы успокоить Русь. На это Хмельницкій написалъ слѣдующія условія: чтобы и памяти и слѣда уніи не было на Руси; чтобы кіевскій митрополитъ былъ первымъ сенаторомъ послѣ примаса; чтобы всѣ воеводы, каштеляны и другіе сановники на Руси были изъ православныхъ; чтобы казачьему войску были подтверждены его стародавнія права; чтобы во всей Украйнѣ не оставалось ни одного жида; чтобы гетманъ зависѣлъ отъ одного только короля. Съ этимъ и уѣхало польское посольство.

Условія Хмельницкаго были отправлены для утвержденія королемъ и сеймомъ, а между тѣмъ положено было, чтобы и съ русской, и съ польской стороны быть перемирію. Но перемиріе было плохо соблюдаемо: опять начали бродить шайки гайдамаковъ, опять нѣкоторые паны польскіе съ жолнерами и слугами своими нападали на русскія деревни. Тѣхъ и другихъ трудно было теперь успокоить. Въ Кіевѣ, напримѣръ, поляки, надѣясь на перемиріе, стали показываться на улицахъ: народу это не понравилось, и однажды онъ побросалъ въ Днѣпръ слишкомъ сто человѣкъ вдругъ. А какъ между тѣмъ срокъ перемирія оканчивался, то Хмельницкій сталъ исподволь подвигаться къ польской границѣ. Со всѣхъ сторонъ стекался къ нему народъ: русскіе крестьяне, волохи, сербы, донскіе казаки, даже черкесы пристраивались къ казакамъ; сильная орда

татарская къ нимъ тоже примкнула. Между тѣмъ и изъ Польши выступило войско и расположилось близъ замка Збаражъ, на Волыни. Войско это, однакожъ, было слабо въ сравненіи съ казачьимъ. Присоединился къ нему князь Вишневецкій съ нѣсколькими тысячами своихъ слугъ и пріятелей, а Вишневецкій даже безъ войска своего, самъ лично, былъ уже большою помощью, потому что не было между панами человѣка столь рѣшительнаго и смѣлаго, какъ онъ, и столько любимаго жолнерами и шляхтою.

Узнавъ о приближеніи несмѣтной казачьей силы, поляки окопались въ своемъ обозѣ. Подступивъ къ нимъ, татары и казаки захотѣли овладѣть ими съ налета, но это не удалось. Тогда Хмельницкій обложилъ польскій обозъ кругомъ, велѣлъ насыпать валъ и, поставивъ на него пушки, открылъ по полякамъ сильный огонь. Поляки подняли свои окопы выше; поднялъ и свои Хмельницкій, такъ что не только изъ пушекъ, но и изъ ружей можно было въ польскомъ обозѣ бить на выборъ. Поляки пришли-было въ отчаяніе и уже говорили, чтобы сдаться, но Вишневецкій и нѣкоторые другіе начальные люди удержали ихъ. Внутри окопа стали дѣлать другіе окопы; каждая хоругвь обводила около себя небольшой валикъ, чтобы за нимъ найти защиту, или вырывала въ землѣ для себя логовище. Поляки рылись, какъ кроты, но не сдавались. А между тѣмъ положеніе ихъ было отчаянное: отъ множества убитыхъ воздухъ сдѣлался смраднымъ, провіантъ весь вышелъ, такъ что не только простые жолнеры, но и самые знатные паны принуждены были ѣсть крысъ и падаль. Казаки же съ своихъ укрѣпленій подсмѣивались и ругались надъ ними: „Когда вы, панове, станете на Украйнѣ собирать чиншъ (оброкъ)?“ кричали они имъ, издѣваясь. „Вотъ вамъ аренды, вотъ ставщины, вотъ пересуды, вотъ сухомельщины“ (разные сборы, которые взыскивали паны съ своихъ крестьянъ). Приходилось все это выслушивать полякамъ, но они все-таки не сдавались. Вишневецкій стыдилъ трусливыхъ, а нѣкоторыхъ изъ своихъ рукъ закалывалъ; обнадеживалъ другихъ на скорую помощь и всегда былъ на ногахъ, не зналъ ни отдыха, ни покоя. „Лучше умремъ всѣ до единаго, чѣмъ порадуемъ подлое холопство нашею трусостью“, говорилъ онъ. Пока все это происходило на Волыни, король по всей Польшѣ объявилъ „посполитое рушеніе“, т.-е. поголовное вооруженіе шляхетства, и самъ принялъ надъ нимъ начальство Хмельницкій кинулся на встрѣчу королю подъ городомъ Зборовомъ. Началась страшная рѣзня. Король самъ не жалѣлъ своей головы и кидался туда, гдѣ было болѣе опасности. Бой продолжался до глубокой ночи. Поляки не дали одолѣть себя, но они были окружены со всѣхъ сторонъ, и держаться долго имъ не было никакой возможности. Когда наступила ночь, и сѣча должна была прекратиться, знатнѣйшіе паны собрались къ королю и стали убѣждать его, чтобы онъ, спасая свою жизнь, постарался тайно уйти изъ обоза. „Никогда,—отвѣчалъ онъ,— не покажу я примѣра гнусной трусости. Я готовъ жить и умереть съ вами“. Онъ приказалъ окапывать обозъ и готовиться на утро къ послѣднему бою. Дѣйствительно, какъ только засіялъ день, началась сѣча. Неоконченные окопы не могли выдержать сильнаго напора. Казаки ворвались въ польскій обозъ и внутри его рѣзали, истребляли все, что имъ попадалось. Нѣсколько хоругвей собралось вокругъ короля, чтобы защищать его до послѣдней крайности... Въ это время неожиданно раздались крики: „Згода! Згода!“ Это Хмельницкій приказалъ остановить бой. Онъ не хотѣлъ, какъ говорилъ и прежде, воевать противъ своего государя, а

истреблялъ пановъ и ксендзовъ да ихъ пособниковъ жидовъ, угнетавшихъ Русь. Когда битва прекратилась, прибыли гонцы отъ Хмельницкаго и отъ хана, предлагая окончить дѣло миролюбивымъ соглашеніемъ. Нѣсколько времени король и паны не рѣшались было вступить въ переговоры съ возмутившимися холопами, какъ называли они украинцевъ, но наконецъ рѣшились, и слѣдующія условія были тогда утверждены. Все случившееся предавалось забвенію; казакамъ разрѣшалось быть въ числѣ 40,000 и жить въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Кіевской, Подольской, Полтавской и Черниговской; обѣщано было, что коронныя войска не будутъ вступать въ ту часть Руси, гдѣ дозволялось жить и селиться казакамъ; евреямъ не дозволено было тамъ жить; всѣ должности въ этой части Руси положено было раздавать только православнымъ; относительно уніи опредѣлено было сдѣлать особое постановленіе, съ согласія кіевскаго митрополита; іезуитамъ запрещалось находиться въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ существуютъ русскія школы; кіевскому митрополиту дано право засѣдать въ сенатѣ. Когда эти условія были подписаны королемъ, Хмельницкій просилъ дозволенія принести свою и народа русскаго признательность королю; бывъ къ нему допущенъ, онъ, ставъ на колѣна, сказалъ ему: „Много уже лѣтъ, наияснѣйшій и могущественнѣйшій государь, свирѣпая и кровавая ненависть почти всѣхъ польскихъ пановъ была обращена на насъ, вѣрныхъ слугъ твоихъ. Всѣми возможными средствами они топтали привилегіи нашихъ старшинъ, считали казаковъ запорожскихъ не войскомъ величества твоего, а своими рабами. Священники наши для нихъ были хуже магометанъ. Захвативъ въ государствѣ власть, они не давали намъ свободнаго голоса на сеймахъ; насилія, убійства, крайнія оскорбленія всякаго рода мы претерпѣвали отъ нихъ безнаказанно. Прости смѣлости рѣчи моей, государь милостивый; мы не обманывали тебя, представляя причины, вынудившія насъ защищать жизнь свою. Терпѣніе наше лопнуло, мы принуждены были заключить союзъ съ чужестранцами и употребить ихъ помощь противъ шляхетства. Какъ осуждать насъ за это, когда мы защищали жизнь свою и имущество, что свойственно даже животному? Скотъ, если его мучатъ, бодается. У меня въ мысли никогда не было поднимать оружіе противъ вашего величества, государя нашего милостиваго и невиннаго въ страданіяхъ нашихъ. Мы возстали противъ тѣхъ только, которые презирали казаковъ, какъ пресмыкающихся, угнетали насъ, какъ самыхъ послѣднихъ рабовъ!“

Если сравнить зборовскій договоръ съ тѣми условіями, которыя были переданы Хмельницкимъ Киселю, и особенно съ тѣмъ, что гетманъ нѣсколько разъ говорилъ послу королевскому въ Переяславлѣ, то окажется большая разница. Въ Переяславлѣ Хмельницкій говорилъ за весь народъ западной Руси, а въ зборовскихъ статьяхъ шла рѣчь только о казакахъ да о той странѣ, гдѣ имъ разрѣшалось жить и которую обыкновенно называютъ Украйною. Казачество уже начинало отдѣляться отъ остальнаго народонаселенія. Очевидно, что положеніе Хмельницкаго, не взирая на его побѣды, было довольно затруднительно: правда, крымцы были его союзниками, но между ними и гетманомъ нерѣдко происходили ссоры; они безпрестанно требовали денегъ и подарковъ, грозя въ противномъ случаѣ уйти въ Крымъ. Для нихъ ничего не значило бы даже вдругъ перейти на сторону поляковъ, если бы король обѣщалъ болѣе добычи, чѣмъ казаки. На такихъ союзниковъ положиться было нельзя, а безъ союзниковъ одному Хмельницкому противъ Рѣчи Посполитой устоять

было трудно. Поэтому онъ искалъ помощи у сосѣднихъ государей. Султанъ охотно вызывался на союзъ съ нимъ, требуя, однако, его подданства; но Хмельницкій боялся, что такой союзъ съ бусурманами не понравится народу и особенно духовенству. Московскій царь, которымъ въ это время былъ Алексѣй, сынъ Михаила Θеодоровича, не оказалъ ему помощи во время послѣдней войны съ поляками; но народъ, а особенно чинъ духовный, былъ, не взирая на то, расположенъ искать у него покровительства и защиты. Посолъ царскій, который въ это время пріѣзжалъ къ Хмельницкому, писалъ въ Москву, что народъ вообще склоненъ къ государю православному и желаетъ быть подъ его высокою рукою. Хмельницкій самъ хоть и досадовалъ на неподаніе царемъ помощи, но разсыпалъ предъ его посланникомъ льстивыя рѣчи. „Если Богъ насъ помилуетъ, отъ проклятыхъ ляховъ освободитъ, то я, гетманъ, и войско иного государя, кромѣ великаго государя, свѣтила русскаго, имѣть не будемъ“. Такъ говорилъ Богданъ, но на слова лукаваго старика положиться было нельзя. Вѣрно было только то, что онъ безъ союзниковъ и покровителей не надѣялся одолѣть польской силы и предвидѣлъ, что зборовскому договору существовать недолго. Въ Варшавѣ были этимъ договоромъ очень недовольны. Сеймъ и паны радные едва-едва согласились его утвердить, да и то съ непремѣннымъ намѣреніемъ нарушить его при первомъ случаѣ. Они даже нарушили его немедленно, не допустивши кіевскаго митрополита на сеймъ. Недовольны были и жители земель русскихъ, не попавшіе въ число условленныхъ 40,000 казаковъ. „Гдѣ же обѣщанія гетмана? — кричали они: — развѣ мы тоже не были казаками? А теперь опять будетъ панщина“. И точно: паны, которые во время возстанія повыбрались изъ русскихъ земель, стали возвращаться въ свои помѣстья и требовать отъ своихъ крестьянъ прежнихъ работъ и прежнихъ поборовъ. Нѣкоторые начинали дѣлать отместки за разореніе своихъ усадьбъ и за понесенныя обиды. Народъ съ своей стороны начиналъ разбѣгаться и собираться въ гайдамацкія шайки. По всему становилось замѣтно, что тишинѣ не устоять, и, дѣйствительно, въ началѣ 1651 г. началась рѣзня.

Хмельницкій, предвидя, что войнѣ быть неизбѣжно, держалъ татаръ наготовѣ, а чтобы помощь съ ихъ стороны была вѣрнѣе, онъ ласкался къ турецкому султану, отъ котораго татаре зависѣли. Еще въ началѣ года онъ послалъ повѣстить хана, чтобы онъ, не мѣшкавъ, шелъ на помощь. Но ханъ не торопился на этотъ разъ, а безъ него Хмельницкій не рѣшился выступить навстрѣчу королевскому войску, которое было притомъ въ этомъ году особенно многочисленно. Хмельницкій и потому еще не рѣшался идти на короля безъ союзниковъ, что народъ не такъ охотно стекался по его призыву, какъ прежде, недоволенъ будучи за то, что былъ совершенно забытъ въ зборовскихъ статьяхъ. Наконецъ прибылъ ханъ: соединившись съ нимъ, казаки двинулись противъ поляковъ. Начался бой близъ рѣки Стыри у Берестечка. Татары не выдержали и побѣжали. Хмельницкій кинулся къ хану убѣждать его, чтобъ онъ воротилъ своихъ татаръ. Но тотъ только пришпоривалъ коня, а когда гетманъ ему надоѣлъ своими просьбами и упреками, то онъ велѣлъ захватить и его съ собою. „Ты самъ виноватъ, — говорилъ онъ; — увѣрилъ меня, что поляковъ мало. Будешь у меня въ плѣну, пока не заплатишь вмѣсто поляковъ мнѣ и моимъ мурзамъ“.

Между тѣмъ поляки стали крѣпко напирать на казаковъ. Тѣ мѣшались и путались, однако, огородившись по обычаю повозками, держались нѣсколько дней; но, потерявъ наконецъ надежду, пустились на утекъ

топкими болотами, къ которымъ примыкалъ ихъ обозъ. Множество казаковъ и еще болѣе бывшихъ съ ними крестьянъ при этомъ потонуло, другіе были настигнуты поляками; самая большая часть умерла съ голоду въ дремучихъ лѣсахъ, которые тянутся по Стыри и Припети. Долго на Украйнѣ не было никакихъ вѣстей ни о гетманѣ, ни о казакахъ. Наконецъ онъ явился, вырвавшись кое-какъ изъ рукъ татаръ, почти голый; затѣмъ начали появляться и бѣглецы изъ-подъ Берестечка, отощалые, изнуренные, едва волоча ноги. Отъ цѣлыхъ полковъ едва возвращалось по нѣскольку десятковъ человѣкъ. Но это было еще не все; возстаніе, которое тоже было, хоть и не очень сильное, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, было подавлено литовскимъ гетманомъ Радзивилломъ. Гоня передъ собою казаковъ, которые были въ Сѣверской странѣ, онъ шелъ вдоль Днѣпра къ Кіеву и овладѣлъ имъ. Потоцкій въ то же время шелъ къ Кіеву же изъ-подъ Берестечка.

Противъ соединенныхъ войскъ, польскаго или короннаго и литовскаго, Хмельницкому не съ чѣмъ было стать. Страшное пораженіе, понесенное казаками, хоть и не сломило русскаго народа, который опять началъ собираться въ гайдамацкія партіи, но уничтожило большое войско гетмана. Тогда онъ послалъ къ Потоцкому письмо, прося мира и свидѣтельствуясь Богомъ въ своей преданности королю. Потоцкій согласился вступить въ переговоры; но когда казаки заикнулись о подтвержденіи зборовскихъ статей, то онъ хотѣлъ ихъ перевѣшать. Хмельницкій понималъ, что послѣ неудачи нельзя надѣяться на выгодный миръ, и рѣшился сдѣлать уступки. Число казаковъ должно было не превышать двадцати тысячъ; имъ было дозволено сохранить свои старинныя права и жить только въ Кіевскомъ воеводствѣ (Кіевской и Полтавской губерніяхъ); всѣ прочіе простолюдины западной Руси были признаны крестьянами, и имъ было приказано по старому служить своимъ помѣщикамъ; гетманъ казачьяго войска былъ подчиненъ коронному; объ уніи не было сказано ни слова; о правѣ кіевскаго митрополита засѣдать въ сенатѣ— тоже; войску королевскому не дозволялось квартировать только въ казачьихъ мѣстечкахъ; евреямъ разрѣшалось по прежнему вездѣ жить, арендовать имѣнія и пр. Таковы были тяжелыя условія, подписанныя въ Бѣлой Церкви. Но если зборовскій договоръ не устоялъ, то не устоять было и бѣлоцерковскому. Самъ Хмельницкій не думалъ его исполнять, а чернь и казаки не хотѣли знать его. Видя, что прежніе паны возвращаются въ свои помѣстья, они ихъ грабили и сожигали имѣнія, или же, бросивъ свои домы и забравъ съ собою, что было полегче, перебирались за Днѣпръ въ Московское царство. Многія тысячи перешли такимъ образомъ. Царь Алексѣй принималъ ихъ охотно и отводилъ имъ земли по Ворсклѣ, по Донцу и въ другихъ незаселенныхъ мѣстахъ. Такъ выстроились казачьи слободы, а нынѣ города: Сумы, Лебединъ, Харьковъ и многіе другіе. Хмельницкій, видя, что народъ тянетъ къ царству православному, и что на татаръ и турокъ мало надежды, сильнѣе прежняго сталъ упрашивать въ Москвѣ, чтобы царь принялъ подъ свою руку народъ украинскій. Долго не рѣшался на это царь, но наконецъ, въ 1653 г. осенью, онъ собралъ земскую думу, чтобы, по общему приговору, принять или отвергнуть ходатайство Хмельницкаго.

Въ самый Покровъ день, отслушавъ обѣдню, которую совершалъ патріархъ Никонъ, царь вступилъ въ Грановитую палату, гдѣ уже ожидали его выборные люди отъ духовнаго и свѣтскаго чина всего государства Московскаго. По знаку царя дьякъ сталъ громко читать, что гет-

манъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ въ прошедшихъ годахъ многократно извѣщалъ государя объ утѣсненіяхъ, которыя терпятъ отъ поляковъ народъ русскій и церковь православная, и просилъ его принять ихъ подъ свою высокую государеву руку. Прочитавъ это, потребовали мнѣнія, какъ поступить. Патріархъ, митрополитъ и прочее духовенство, черное и бѣлое, бояре и окольничьи, дѣти боярскіе и посадскіе люди единогласно сказали, чтобъ русскій народъ украинскій и литовскій подъ государеву руку принять и войну Рѣчи Посполитой, если нужно, объявить. Тогда царь приказалъ отправить великихъ пословъ къ гетману для принятія присяги на вѣрное подданство отъ него и отъ всего народа русскаго, украинскаго и литовскаго. Главнымъ бояриномъ въ этомъ посольствѣ былъ Бутурлинъ. Въ послѣдній день 1653 г. онъ съ товарищами прибылъ въ Переяславль, гдѣ была назначена на 8 января великая рада. Раннимъ утромъ ударили въ литавры, на городскую площадь повалилъ народъ, потомъ явился туда старый гетманъ подъ бунчуками и войсковой старшина. Поклонясь на всѣ стороны, Хмельницкій сказалъ: „Панове полковники, эсаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные христіане! Всѣмъ вамъ извѣстно, какъ насъ Богъ освободилъ изъ рукъ враговъ, преслѣдующихъ церковь Божію и хотящихъ искоренить насъ такъ, чтобъ и имя русское не упоминалось въ землѣ нашей. Всѣмъ намъ уже это стало несносно, и видно нельзя намъ жить болѣе безъ царя. Изберите себѣ государя изъ четырехъ, какого захотите: султана турецкаго, хана крымскаго, короля польскаго и царя православнаго Великой Руси. Царь турецкій—бусурманъ. Всѣмъ намъ извѣстно, какую бѣду терпятъ наши братья православные христіане, греки, и въ какомъ утѣсненіи они отъ безбожниковъ. Крымскій ханъ—тоже бусурманъ; хотя мы по нуждѣ и вели съ нимъ дружбу, однако приняли черезъ то нестерпимыя бѣды, плѣненіе и нещадное пролитіе крови христіанской. Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ нечего и говорить: сами знаете, что они лучше почитали жида и собаку, чѣмъ нашего брата христіанина. А православный христіанскій царь восточный одного съ нами греческаго благочестія, единаго закона и исповѣданія, едино мы тѣло церковное съ православіемъ Великой Россіи, имѣющее главою Іисуса Христа. Этотъ великій царь христіанскій склонилъ къ намъ теперь свое милостивое христіанское сердце и прислалъ своихъ ближнихъ людей съ царскою милостью. Если мы его съ усердіемъ возлюбимъ, то, кромѣ его царской высокой руки, благотишайшаго пристанища не обрящемъ. Кто же съ нами несогласенъ,—тому вольная дорога: идти куда хочешь". Вся толпа на площади переяславской и всѣ тѣ, которые тѣснились вокругъ на заборахъ и на крышахъ, въ одинъ голосъ воскликнули: „Волимъ подъ царя восточнаго, православнаго!" Спросивши еще разъ, всѣ ли такъ желаютъ, гетманъ сказалъ громкимъ голосомъ: „Буди тако! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царскою крѣпкою рукою!" А народъ восклицалъ: „Боже, утверди! Боже, укрѣпи, чтобъ мы навѣки всѣ были едино!" Вслѣдъ затѣмъ были прочитаны казакамъ статьи, по которымъ Украйна подчинялась царю. Статьи эти состояли въ слѣдующемъ: Украйна будетъ управляться тамошними уроженцами, они же будутъ собирать подати въ царскую казну; гетманъ будетъ избираться по старинному, вольными голосами; царь опредѣлитъ жалованье старшинѣ и казакамъ; реестровымъ казакамъ быть въ числѣ 60.000; гетману предоставлялось право попрежнему принимать иностранныхъ пословъ, кромѣ, однакожъ, отъ польскаго короля и турецкаго султана; ка-

заки просили, и царь согласился, чтобы въ помощь имъ и для охраненія ихъ границъ было прислано московское войско.

Это происходило въ началѣ 1654 г. Между царемъ и польскимъ королемъ началась изъ-за Украйны война, и война эта шла весьма счастливо для Россіи. Въ Москвѣ знали, что не только на русскихъ земляхъ польскаго короля, но и на литовскихъ живетъ не малое число православныхъ, поэтому, начиная войну, царь обратился къ нимъ съ грамотою, въ которой говорилъ: „отъ многихъ временъ обращались къ намъ православные жители Литвы и русскихъ земель, прося помощи и заступленія на досадителей святой восточной церкви греческаго закона“. И вы-бъ всѣ,—заключалъ царь,—на супостатовъ восточнаго благочестія возстали“. Приказаніе это было дѣйствительно многими услышано. Въ Бѣлоруссіи крестьяне охотно принимали царскія войска, нѣкоторые города защищались только для вида, а иные сами отворяли ворота. Войско же литовское постоянно терпѣло неудачи. Въ нѣсколько мѣсяцевъ русскіе заняли Смоленскъ, Оршу, Минскъ, Могилевъ, Вильну, главный городъ Литвы, доходили до самаго Балтійскаго моря у Риги и овладѣли Дерптомъ, вообще же пріобрѣли болѣе 200 городовъ. Въ то же время Хмельницкій, съ своими казаками, и бояринъ Бутурлинъ, съ небольшимъ отрядомъ русскихъ войскъ, прошли всю Подолію, проникли въ Галицію, радостно встрѣчаемые крестьянами, и принудили Львовъ уплатить себѣ окупъ. Польское государство было въ это время въ самомъ отчаянномъ положеніи. Когда казаки и царскія дружины врывались съ востока, шведскій король, переправившись чрезъ Балтійское море, вступилъ въ Польшу, прошелъ ее съ сѣвера на югъ и занялъ Варшаву и Краковъ. Яну Казиміру не оставалось болѣе мѣста въ своемъ королевствѣ; онъ принужденъ былъ уйти за границу. Царь Алексѣй, по занятіи Вильны, сталъ себя именовать самодержцемъ литовскимъ, волынскимъ и подольскимъ. Когда же король Янъ Казиміръ прислалъ къ царю просить мира, то московскіе бояре повели съ нимъ рѣчь о томъ, чтобы послѣ смерти короля Яна, который былъ бездѣтенъ, сеймъ избралъ ему преемникомъ Алексѣя Михайловича. Но дѣлу этому трудно было устроиться. Не говоря о католическомъ духовенствѣ, котораго было множество во всѣхъ владѣніяхъ Рѣчи Посполитой, и которое было сильно нерасположено къ Россіи, не питала къ ней расположенія и большая часть шляхты, не только въ Литвѣ, но даже и въ русскихъ земляхъ, гдѣ она успѣла уже сильно ополячиться. Были противники московскому подчиненію и между казацкой старшиною, потому что многіе изъ этой старшины были шляхтичи, обучавшіеся въ польскихъ и іезуитскихъ школахъ и привыкшіе къ необузданной свободѣ, которой, какъ они знали, московскія власти не допускали. Такимъ образомъ, когда Украйна, вслѣдъ за Хмельницкимъ, присягала московскому царю, два казачьихъ полковника отказались присягать ему. Одинъ изъ нихъ, Вогунъ, скоро принялъ однакожъ участіе въ войнѣ противъ поляковъ, а другой, Сѣрко, ушелъ къ запорожцамъ, которые, кому бы ни присягали, служили сегодня одному, а завтра другому. Не безъ розни было и между высшимъ духовенствомъ украинскимъ. Попы были на сторонѣ Россіи, но митрополитъ, которымъ былъ въ это время Сильверстъ Коссовъ, природный шляхтичъ, отказался подчиниться московскому патріарху, признавая надъ собою власть только одного патріарха цареградскаго. Были слухи, что онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ и засылалъ къ нему просить, чтобы онъ опять возвратилъ Украйну подъ свою державу. Къ этому присоединить

надобно еще, что и Хмельницкій хитрилъ и тянулъ на обѣ стороны, къ Москвѣ и Варшавѣ.

Въ Москвѣ не слишкомъ довѣряли Хмельницкому. Бояринъ Бутурлинъ оказывалъ ему надлежащій почетъ, но зорко за нимъ присматривалъ, и войско московское неотлучно находилось при войскѣ казацкомъ. Старому гетману, который уже привыкъ не знать надъ собою никакой власти и стѣсненія, не нравилось соглядатайство московскаго боярина: онъ увидѣлъ, что подъ крѣпкою московскою властью ему не удастся быть царькомъ на Украйнѣ, а потому и онъ, подобно кіевскому митрополиту, сталъ тайно обсылаться съ польскими панами. Стоя подъ Львовомъ и переговариваясь относительно окупа, онъ выдавалъ себя за вѣрнаго союзника короля польскаго и между прочимъ сказалъ: „Постановляйте, какія хотите, условія съ москалями, я ихъ оставлю и иду въ *свое русское владѣніе*". Быть господаремъ особаго владѣнія, кажется, и было истиннымъ, тайнымъ желаніемъ Хмельницкаго. Объ этомъ онъ договаривался тайно съ королемъ шведскимъ и княземъ семиградскимъ, съ которыми у него положено было раздѣлить польское государство. Но все это было извѣстно въ Москвѣ, а потому и не могло исполниться. Притомъ же приближалась и смерть Хмельницкаго. Онъ умеръ 14-го августа 1657 г.

Послѣ смерти Хмельницкаго, гетманомъ былъ избранъ Иванъ Выговскій. Избраніе это было сдѣлано, не обославшись съ Москвою, прежде даже, нежели тамъ узнали о смерти Богдана. Это, разумѣется, не понравилось въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что Выговскому тамъ не совсѣмъ довѣряли. Выговскій былъ шляхтичъ, и сердце его лежало къ Польшѣ, ему не столько хотѣлось быть независимымъ господаремъ, сколько польскимъ княземъ и сенаторомъ. Скоро послѣ избранія своего онъ обнаружился: московское войско вступило въ Украйну, съ тѣмъ-ли, чтобы защищать ее отъ поляковъ, или чтобы не допускать въ ней самой безпорядковъ—неизвѣстно; но Выговскій собралъ раду и объявилъ, что Москва нарушаетъ переяславльскія условія, и что потому онъ не хочетъ быть гетманомъ. Однако, рада упросила его остаться.

Между тѣмъ на Украйнѣ было много недовольныхъ избраніемъ Выговскаго, особенно между казаками и жителями лѣваго берега Днѣпра. Они говорили что избраніе произведено было неправильно, что на избирательной радѣ были почти одни только полковники да другія лица изъ старшинъ, а простыхъ казаковъ и крестьянъ почти не было. Недовольны были избраніемъ этимъ и въ Запорожьѣ, откуда никого не было на избирательной радѣ. Выговскій собралъ преданные ему полки, выступилъ съ тѣмъ, чтобы смирить своихъ противниковъ, и требовалъ, чтобы московское войско помогло ему. Но воевода московскій, кн. Ромодановскій, не рѣшался этого сдѣлать безъ приказанія отъ царя; онъ видѣлъ, что гетманъ хочетъ употребить московское войско для наказанія людей, наиболѣе преданныхъ царю. Это раздражало Выговскаго: онъ и его приверженцы стали распускать слухи, что царь хочетъ уменьшить казачье войско до 10,000 человѣкъ, да и тѣхъ обратить въ драгуны, „вѣчными невольниками сдѣлать, а женъ заставить ходить въ лаптяхъ". Съ другой стороны, напротивъ, жаловались, что гетманъ собираетъ поборы не въ войсковой скарбъ, а въ свои собственные сундуки, и дѣлится ими со старшиною, что онъ умышляетъ измѣнить царю и призываетъ хана на Украйну.

Между тѣмъ пріѣхали польскіе комиссары. Переговоривъ съ ними

и условившись, Выговскій собралъ въ Гадячѣ раду, но на радѣ этой, какъ и на той, которая избрала Выговскаго, было много казачьей старшины, а простыхъ казаковъ и черни было мало. Гетманъ явился туда и привелъ польскихъ комиссаровъ. Поклонившись радѣ, онъ сказалъ комиссарамъ, что войско желаетъ мира и союза съ Рѣчью Посполитой. Статьи, на которыя согласились польскіе комиссары, обѣщали очень много. Украйна, которой на этотъ разъ даны были болѣе обширные размѣры, а именно нынѣшнія губерніи: Кіевская, Полтавская, Черниговская съ частью Подоліи и Волыни; Украйна должна была примкнуть къ Польскому королевству на тѣхъ же правахъ, какъ Литовское княжество, т.-е. высылать на общій сеймъ нѣкоторое число пословъ, имѣть особаго гетмана, маршалковъ, подскарбіевъ и другихъ чиновниковъ и урядниковъ, не иначе какъ изъ русскихъ, а также свои суды и трибуналы; казаковъ и другихъ обывателей украинскихъ король, по представленію гетмана, обѣщалъ дѣлать шляхтичами; изъ духовенства и шляхетства украинскаго должны были нѣкоторые назначаться въ сенатъ; унію положено было совершенно уничтожить.

Какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ князю Ромодановскому о переговорахъ въ Гадячѣ и о вступленіи въ Украйну татаръ, онъ объявилъ царскую грамоту, въ которой Выговскій провозглашался измѣнникомъ, и казакамъ повелѣвалось избрать себѣ новаго гетмана. Чернь и простые казаки, особенно лѣвобережскіе, толпами повалили къ Ромодановскому, когда къ нимъ дошла эта царская грамота; обозъ гетманскій таялъ, какъ снѣгъ отъ лучей солнца. Выговскій собралъ было раду, чтобы прочесть гадячскія условія, но рада не стала его слушать; гетмана громко упрекали въ измѣнѣ, въ томъ, что онъ накликалъ татаръ на Украйну, что онъ ее продаетъ полякамъ. Началась свалка, и дѣло кончилось тѣмъ, что Выговскій принужденъ былъ бѣжать и отдать свою булаву и печать войсковую казакамъ, которые бросились за нимъ въ догонку.

Такъ кончилась затѣя Выговскаго. Но какъ подобная затѣя была не послѣднею на Украйнѣ, то о ней и другихъ ей подобныхъ стоитъ поразмыслить. Хмельницкій задумывалъ устроить особое владѣніе украинское; но онъ только задумывалъ это, а въ дѣйствіе не приводилъ; умный старикъ видѣлъ, что Украйнѣ особымъ владѣніемъ быть невозможно, что у нея нѣтъ ни горъ, ни рѣкъ, которыя отдѣляли бы ее отъ Россіи и Польши, и могли бы защищать ее въ случаѣ нападенія съ ихъ стороны. Онъ видѣлъ также, что простонародье, рядовые казаки и низшее духовенство сильно тянутъ къ Москвѣ, а часть войсковой старшины и шляхты къ Польшѣ, что поэтому, въ случаѣ войны съ Россіей или Польшей, въ Украйнѣ всегда будетъ много людей, готовыхъ передаться, и слѣдовательно ослабить украинскія силы. Итакъ, оставалось рѣшить, куда выгоднѣе было Украйнѣ примкнуть, къ Москвѣ или Польшѣ. По мнѣнію Хмельницкаго, къ Москвѣ; по мнѣнію Выговскаго, къ Польшѣ. Кто же изъ этихъ двухъ людей смотрѣлъ прямѣе и видѣлъ вѣрнѣе? Это рѣшилъ самъ народъ украинскій: за Польшу были сотни, или, можетъ быть, тысячи человѣкъ, а за Россію милліоны.

Измѣна Выговскаго сильно встревожила Москву. Надо не забывать, что война съ Польшею еще продолжалась, и именно въ это время русскія рати въ Литвѣ потерпѣли большія неудачи. Причиною этихъ неудачъ было отчасти неискусство воеводъ, а еще болѣе безпорядки и насилія, которыя дозволили себѣ ратные люди. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ мѣстамъ, какъ напримѣръ, въ Оршѣ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ пе-

редъ тѣмъ царскія войска были встрѣчаемы съ хлѣбомъ-солью, ихъ теперь истребляли сами жители, или наводили на нихъ поляковъ. Польскому королю удалось притомъ отбиться отъ шведовъ, а потому онъ могъ обратить всѣ свои силы противъ русскихъ. Къ довершенію затрудненій, Выговскій замутилъ Украйну.

Измѣна Украйны была однако не всеобщая: почти весь лѣвый берегъ Днѣпра и Запорожье остались вѣрны. но Заднѣпровье сильно бушевало. Московскіе бояре, надѣясь, что имя Хмельницкаго опять соединитъ казаковъ воедино, отыскали его сына Юрія и поставили его гетманомъ. Но Юрій Хмельницкій былъ еще очень молодой человѣкъ, слабый умомъ и характеромъ. Его окружила старшина по большей части преданная Польшѣ, и увлекла за собою. Тогда началась совершенная неурядица: то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ казаки собирались и избирали себѣ гетмана; эти гетманы называли одинъ другого измѣнникомъ, вели свои полки другъ противъ друга, и дѣла до такой степени перепутались, что уже трудно было разобрать, кто стоитъ за Москву, кто за Польшу. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ появились татары, принялись жечь и грабить и уводить въ плѣнъ, не разбирая, кто имъ союзникъ, кто врагъ.

Надо было однакожъ вывесть страну изъ этого жалкаго состоянія; нужно было выставить знамя, около котораго люди могли бы сражаться, нужно было дать Украйнѣ гетмана. Но гдѣ было взять человѣка, котораго имя, какъ знамя, собрало бы вокругъ себя украинскій народъ? Такого человѣка не было. Многіе полковники посылали въ Москву грамоты и гонцовъ съ завѣреніями въ преданности, но и Выговскій не пересталъ увѣрять въ ней, даже послѣ гадячской рады; подобныя же увѣренія не переставалъ посылать и Юрій Хмельницкій. Какъ же было положиться на слова такихъ людей? Надежнѣе прочихъ казался кошевой атаманъ запорожскій Иванъ Брюховецкій: вотъ что о немъ писали русскіе воеводы въ Москву: „Хотя не ученъ, да уменъ, и ужасть какъ воровать исправенъ"; посадивъ его на границѣ, „можно спать въ Москвѣ безъ торопливости".

Брюховецкій былъ точно неглупый казакъ, но лживый и притомъ злой. Запорожцы любили его, но онъ имѣлъ худую славу на Украйнѣ; однако, такъ какъ не было другого человѣка, на котораго можно было бы положиться, Москва рѣшилась его поддерживать. Избирательная рада собралась въ Нѣжинѣ, и хоть всѣ рады казацкія не обходились безъ шума, но подобной нѣжинской радѣ врядъ ли когда бывало; запорожцы силою отбили другихъ кандидатовъ и угрозою заставили признать Брюховецкаго гетманомъ. Новый гетманъ далеко не оказался человѣкомъ, какой былъ нуженъ въ то время Украйнѣ, человѣкомъ, который могъ бы собрать вокругъ себя разметавшійся на всѣ стороны народъ и успокоить страну. Онъ понималъ и любилъ только крутыя мѣры, производилъ казни, лишалъ города привилегій, отбиралъ имѣнія у монастырей и пользовался общественными деньгами. Поэтому ни духовенство, ни горожане не любили его. и назначеніе его въ гетманы не усилило Россіи на Украйнѣ.

Между тѣмъ въ Заднѣпровьѣ Хмельницкій, наскучивъ неурядицей, которая была вокругъ него, и не имѣя силъ съ ней управиться, пошелъ въ монастырь, уступивъ мѣсто человѣку, болѣе способному жить и дѣйствовать среди всеобщей сумятицы. Человѣкъ этотъ былъ Петръ Дорошенко. Послѣ смерти стараго Богдана никто не пользовался на Украйнѣ

такою извѣстностью и славой, какъ онъ. Извѣстность эта и истинно казацкая удаль привлекали къ нему даже лѣвобережскихъ казаковъ, недовольныхъ Брюховецкимъ. Онъ опять пробудилъ мысль о независимости Украйны и, чтобы отбиться въ одно время и отъ Москвы, и отъ Польши, рѣшился поддаться турецкому султану. Втянутый противъ воли въ войну съ Турціей, король польскій пожелалъ примириться съ Россіей, чего не менѣе его желалъ и царь. Русскіе и польскіе послы съѣхались въ селеніи Андрусовѣ и, послѣ долгихъ споровъ, постановили перемиріе (1667) на тринадцать лѣтъ, на такихъ условіяхъ: границѣ между Русскимъ и Польскимъ государствами быть по Днѣпру, причемъ земли Смоленская и Сѣверская отходили къ Россіи; Кіеву, хотя и находящемуся на правомъ берегу этой рѣки, оставаться за Россіей два года; Запорожью быть въ повиновеніи какъ царю, такъ и королю.

Въ Россіи были очень довольны андрусовскимъ миромъ и особенно радовались возвращенію Кіева, надѣясь удержать его не на два года, а навсегда; но на Украйнѣ хотя и были довольны тѣмъ, что старинный православный Кіевъ былъ изъятъ изъ-подъ власти поляковъ, однакожъ, сильно негодовали на то, что Украйна была разорвана на двѣ части.

LXXIX. Дорошенко и турецкое вмѣшательство въ малороссійскія дѣла.

(*По «Исторіи Малороссіи» Маркевича*).

Андрусовскій договоръ раздѣлилъ Малороссію на двѣ части, что очень не нравилось какъ казакамъ, такъ и простому народу. Гетманъ западной стороны Дорошенко задумалъ поэтому воспользоваться всеобщимъ неудовольствіемъ и добиться не только цѣлости, но и независимости Малороссіи. Тѣмъ не менѣе самъ онъ не былъ настолько вліятеленъ, насколько Хмельницкій, по слову котораго вся Украйна единодушно бралась за оружіе. Да, наконецъ, и борьба, предпринятая во имя независимости Малороссіи, вызывала не только примиреніе, но даже союзъ между двумя могущественными государствами, Польшею и Россіею, противъ соединенныхъ силъ которыхъ Дорошенко не въ состояніи былъ бороться безъ посторонней помощи, тѣмъ болѣе, что въ самой Украйнѣ были партіи, исключавшія возможность единодушнаго дѣйствія. Запорожскій атаманъ Сирко ненавидѣлъ Дорошенка, иные изъ старшинъ льнули къ Польшѣ, иные къ Московскому государству. Желая во что-бы то ни стало добиться своей цѣли, хотя-бы и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, Дорошенко обратилъ свои взоры на Турцію, и подданствомъ Малороссіи султану, подданствомъ, конечно, болѣе номинальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ, онъ разсчитывалъ купить содѣйствіе турецкихъ и татарскихъ силъ для веденія борьбы съ польскимъ и московскимъ правительствами.

Побуждаемый клевретами Дорошенка, султанъ сталъ заявлять самыя высокомѣрныя требованія на счетъ Малороссіи польскому посланнику въ Константинополѣ; когда-же посланникъ отвѣчалъ на нихъ отрицательно и заявилъ, что западная Украйна есть достояніе Польши, а вмѣшательство посторонней державы во внутреннія дѣла Польши не можетъ быть

терпимо, то султанъ велѣлъ посадить его въ Семибашенный замокъ и послалъ сказать хану, чтобы тотъ съ восемьюдесятью тысячами своего войска шелъ на соединеніе съ Дорошенкомъ. Такимъ образомъ открылась новая война въ Польшею. Но уже съ самаго-же начала обнаружилось, что Дорошенко не пользуется между казаками полною симпатіею. Сирко и запорожцы не только отказались дѣйствовать заодно съ нимъ, но даже лишили его татарской помощи, сдѣлавъ набѣгъ на Крымъ, когда большинство крымскихъ воиновъ отправилось за свои предѣлы, по приказанію султана, для поддержки Дорошенка. Оставленный крымцами, гетманъ былъ вынужденъ къ миру съ поляками, которые, утомленные и истощенные прежними войнами, легко согласились объявить ему отъ имени короля прощеніе и даже сдѣлали нѣкоторыя незначительныя уступки въ пользу гетмана и казацкой старшины.

Но безпокойный Дорошенко не удовольствовался одною попыткою: онъ продолжалъ мечтать объ осуществленіи своихъ завѣтныхъ желаній. Присягнувъ королю, онъ тайно сносился съ московскими боярами, съ Брюховецкимъ, продолжалъ свои сношенія съ турецкимъ правительствомъ и на родинѣ старался приготовить умы къ новому, рѣшительному шагу. Пользуясь нелюбовью казаковъ къ Брюховецкому, Дорошенко ловко подвелъ подъ него интригу, думая, что съ исчезновеніемъ гетмана восточной стороны, достигнется соединеніе Малороссіи. Брюховецкій дѣйствительно былъ уничтоженъ, но провозглашеніе Дорошенка гетманомъ обѣихъ сторонъ встрѣтило сильное препятствіе: въ московской половинѣ казаки, преданные царю, выбрали въ гетманы Многогрѣшнаго, и выборъ ихъ былъ подтвержденъ царемъ, въ польской—король назначилъ гетманомъ Ханенка. Закипѣла въ Малороссіи ожесточенная междоусобная война, явились и другіе претенденты на гетманство, напр., Юрій Хмельницкій, сынъ Богдана, который нашелъ себѣ поддержку у хана крымскаго. Дорошенку пришлось опять искать помощи въ Константинополѣ и, для полученія ея, заключить съ султаномъ (1669) договоръ, въ силу котораго казаки объявляли себя подручниками Турціи, за что послѣдняя обязалась ихъ защищать отъ Польши и Россіи и утвердить за Дорошенкомъ пожизненное гетманское достоинство. Хотя магометанская Турція и не пользовалась расположеніемъ православнаго народа и казачества, хотя многіе изъ бывшихъ друзей Дорошенка перешли на сторону его соперниковъ, узнавъ о договорѣ съ султаномъ, тѣмъ не менѣе сначала Дорошенко имѣлъ успѣхъ. Султанскія приказанія отвлекли значительныя татарскія силы отъ Юрія Хмельницкаго и передали ихъ въ распоряженіе Дорошенка. Юрій былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Константинополь, гдѣ ему нашли мѣсто въ Семибашенномъ замкѣ. Почти одновременно съ этимъ и Ханенко потерпѣлъ цѣлый рядъ неудачъ, хотя и не переставалъ воевать съ Дорошенкомъ. Такимъ образомъ Украйна раздѣлилась на три гетманства: въ столицѣ своей Батуринѣ сидѣлъ Многогрѣшный, преданный Москвѣ, Чигиринъ былъ мѣстопребываніемъ Дорошенка, гетмана турецкаго, а въ Умани находился Ханенко, сторонникъ Польши. Въ Кальникѣ жилъ присланный изъ Стамбула паша, который выдавалъ отъ имени султана фирманы.

Но военное счастіе скоро измѣнило Дорошенку. Татары не столько помогали ему, сколько грабили украинскій народъ, и этимъ все болѣе и болѣе подрывали авторитетъ гетмана, который долженъ былъ опираться на такихъ союзниковъ; другой помощи Турція не присылала, между тѣмъ какъ къ Ханенку приходили польскія войска. Города Могилевъ, Брац-

лавъ, Баръ, Немировъ, Ладыжинъ и Рашковъ покорились полякамъ, уманцы нанесли пораженіе самому Дорошенку. Тогда онъ рѣшился обратиться опять въ Москву, писалъ царю о своей готовности служить ему вѣрно, о томъ, что возсталъ собственно противъ поляковъ и желалъ добиться единства своего отечества, а потому будетъ счастливъ, если православный царь возьметъ всю Малороссію подъ свою высокую руку. Но въ Москвѣ не вѣрили въ искренность заявленій вѣроломнаго чигиринскаго гетмана, да и не хотѣли ссориться съ Польшею, а потому на просьбу Дорошенка послѣдовалъ такой отвѣтъ: „Для блага Украйны отстань отъ турокъ и, по андрусовскому постановленію, будь вѣрноподданнымъ короля польскаго“. Дорошенко былъ въ отчаяніи; казалось, насталъ послѣдній часъ его гетманства, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что султанъ Магометъ IV хочетъ окончательно обезпечить за собою обладаніе Украйной, и потому двинулъ туда не только войска Крыма, но и многочисленную турецкую рать. Хотя султанъ направилъ свои войска на западную сторону, но царь Алексѣй Михайловичъ понималъ, что и восточная не безопасна въ случаѣ, если турки утвердятся въ западной, а потому рѣшился оказать помощь Польшѣ, для чего разрѣшилъ батуринскому гетману Самуйловичу, смѣнившему Многогрѣшнаго, который, по доносу казацкихъ старшинъ, былъ сосланъ въ Сибирь, оказать содѣйствіе Ханенку. Но удачныя дѣйствія Самуйловича противъ крымцевъ не повели ни къ чему. Войска султана вездѣ побѣждали, тѣмъ болѣе, что Польша могла выставить противъ нихъ лишь незначительныя силы. Крѣпость Каменецъ была взята, турецкая армія осадила Львовъ. Дорошенко былъ свидѣтелемъ, какъ призванная имъ турецкая рать истребляла христіанское населеніе, мостила улицы иконами, обращала церкви въ мечети. Польша успѣла спастись лишь тѣмъ, что отказалась отъ Украйны, Подоліи и Каменца въ пользу Турціи и обязалась выплачивать ей ежегодную дань.

Послѣ того какъ турки ушли, предоставивъ опять Дорошенка своимъ собственнымъ силамъ, положеніе его стало снова незавиднымъ: ненависть народа и казачества къ нему проявлялась все сильнѣе. Вотъ почему, когда Самуйловичъ, съ соизволенія царя, задумалъ присоединить къ себѣ и западную Украйну, которая теперь считалась подвластною Турціи, онъ не встрѣтилъ почти никакого сопротивленія. Даже Ханенко, отчаявшись въ польской помощи, добровольно сложилъ съ себя гетманство и явился въ станъ Самуйловича. Дорошенко упорствовалъ, но не могъ, за недостаткомъ силъ, отражать своихъ противниковъ, въ руки которыхъ переходили города праваго берега Днѣпра одинъ за другимъ. Наконецъ въ Переяславлѣ собралась, въ присутствіи кн. Ромодановскаго, казацкая рада, которая провозгласила соединеніе обѣихъ сторонъ подъ верховною властью царя и избрала Самуйловича общимъ гетманомъ.

Долго еще послѣ этого держался Дорошенко въ Чигиринѣ съ горстью преданныхъ ему малороссовъ, заводя переговоры то съ Москвою, то съ Польшею, то посылая просить помощи въ Крымъ и Константинополь. Турецкія и татарскія войска приходили, разоряли страну, дрались то съ Самуйловичемъ, то съ поляками, но всѣ эти кровопролитія не привели ни къ какому рѣшительному результату. Новый польскій король Янъ Собѣсскій ознаменовалъ себя рядомъ блистательныхъ побѣдъ надъ магометанами, но своими собственными силами очистить отъ нихъ страну не былъ въ состояніи. Онъ обращался съ просьбою о помощи къ Москвѣ, доказывалъ, что борьба противъ турокъ и татаръ должна быть об-

щимъ дѣломъ Польши и Россія. Царь не торопился оказывать эту помощь, хотя и не отказывалъ въ ней рѣшительно. Все вниманіе его было обращено на удержаніе за собою Кіева, отошедшаго по Андрусовскому договору къ Москвѣ только на два года, и на соединеніе, если это возможно, обоихъ береговъ подъ своею властью. Въ началѣ 1675 года русскіе и польскіе послы съѣхались опять въ Андрусовѣ. Поляки говорили, что готовы заключить вѣчный миръ, но жаловались, что царь не оказываетъ имъ надлежащей помощи въ войнѣ съ турками и не возвращаетъ Кіева. На это русскій уполномоченный кн. Одоевскій отвѣчалъ: „Россія не въ противность договорамъ владѣетъ всею западною Украйною, и слѣдовательно Кіевомъ. Всѣ эти города завоеваны Россіею не у поляковъ, а у турокъ. Польша не имѣла права, безъ совѣщанія съ Россіей, отдавать султану заднѣпровскую Украйну; но если уже она отдала ее, то не въ правѣ имѣть на нее никакихъ притязаній. Напротивъ того, королю должно быть пріятнѣе, чтобы Кіевомъ овладѣла держава христіанская, а не магометане. Впрочемъ, какъ бы ни судили о томъ поляки, Кіевъ, пріобрѣтенный отъ Порты, не можетъ быть возвращенъ королевству“. Съѣздъ кончился только установленіемъ перемирія на 30 съ половиной лѣтъ, а польскіе уполномоченные отказались утвердить за Россіею ея пріобрѣтенія.

Между тѣмъ междоусобная война въ Малороссіи, съ участіемъ москвитянъ, поляковъ, татаръ и турокъ, продолжалась попрежнему. Страна замѣтно пустѣла, жители ея спасались на востокъ и тамъ, далеко отъ театра военныхъ дѣйствій, основывали свои поселенія. Но Самуйловичъ дѣйствовалъ противъ Дорошенка удачно, отвлекая отъ него все болѣе и болѣе казаковъ. Сначала султанскій гетманъ заявилъ, что скорѣе сядетъ на бочку съ порохомъ и взорветъ себя, чѣмъ отдастся Самуйловичу и откажется отъ гетманства въ его пользу; но неблагопріятныя обстоятельства сломили его упорство. Кошевой атаманъ войска запорожскаго Сирко, принимавшій и самъ дѣятельное участіе въ смутахъ, теперь явился миротворцемъ и, боясь успѣховъ польскаго короля, который началъ заводить дружественныя сношенія съ ханомъ, сталъ совѣтовать Дорошенку поддаться царю и не соперничать съ Самуйловичемъ. Не имѣя средствъ продолжать войну, Дорошенко такъ и сдѣлалъ: за нѣсколько времени до кончины царя Алексѣя Михайловича, сдалъ свои города и вручилъ свои знаки гетманскаго достоинства Самуйловичу, а самъ получилъ отъ царя богатыя помѣстья и сошелъ съ политической сцены.

Самуйловичъ продолжалъ носить титулъ гетмана обѣихъ сторонъ, но въ сущности власть его на правомъ берегу не была прочна, и въ гетманскомъ достоинствѣ для праваго берега польскимъ королемъ утвержденъ былъ Гоголь. Однако принадлежность Кіева Москвѣ и титулъ Самуйловича постоянно безпокоили Польшу. Въ 1677 г. пріѣхалъ въ Москву уже къ царю Ѳеодору королевскій посолъ Свидерскій съ грамотою. Въ ней хвалился король своими подвигами противъ турокъ, увѣнчанными миромъ безъ содѣйствія христіанскихъ державъ, жаловался на кіевскаго воеводу кн. Голицына, который, пренебрегая завѣтною пятиверстною чертою отъ города, цѣлое лѣто не пропускалъ въ Бѣлую Церковь провіанта, разными грабежами и разореніями вытѣснилъ изъ Василькова жителей и ссорился съ польскими начальниками. На Самуйловича была также жалоба; она состояла въ томъ, что онъ именуетъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и присваиваетъ себѣ города и полки

заднѣпровскіе. Прилагая при семъ подлинныя письма гетманскія, король просилъ на этотъ счетъ скорѣйшаго удовлетворенія. Черезъ три дня данъ былъ Свидерскому слѣдующій отвѣтъ: „Хотя по договору Андрусовскому положено Россіи владѣть землею на 5 только верстъ отъ Кіева, но, по Бужданомскому договору, Польша уступила Турціи западную Украйну. Россія отняла эту Украйну отъ Турціи. Признанный Россіею, Турціею и Польшею западный гетманъ Дорошенко объявилъ себя и всѣ свои города и земли царскими вѣрноподданными. Итакъ, Польшѣ дѣла нѣтъ до Украйны. Что касается до ссоры кіевскаго воеводы съ комендантомъ бѣлоцерковскимъ, то царь запретилъ воеводѣ продолжать эту ссору, остается королю запретить тоже коменданту. Самуйловичъ не виноватъ, именуя себя гетманомъ обѣихъ сторонъ; таковъ былъ его титулъ и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, нынѣ же про то знать скорѣе туркамъ, а не полякамъ“.

LXXX. Возмущеніе Разина.

(Изъ соч. Костомарова: «Бунтъ Стеньки Разина»).

Когда падала удѣльная стихія подъ ударами торжествующаго самодержавія, образовалось казачество, служившее какъ бы протестомъ новому порядку вещей. Ряды казачества постоянно пополнялись тѣми, которые были недовольны этимъ порядкомъ и связанными съ нимъ стѣсненіями. Русскій міръ былъ раздѣленъ на два государства, Литовское и Московское, и въ обѣихъ половинахъ явилось казачество. Въ южной Руси Запорожье сдѣлалось его центромъ и развило казаческій духъ по всей Украйнѣ; въ Руси Московской тѣ же причины произвели наплывъ народа на Донъ, откуда уже казачество распространилось по Волгѣ, Тереку, Яику, а также проникло и въ Сибирь. Долго независимая община донскихъ казаковъ при царѣ Михаилѣ признала надъ собой власть Москвы, присягнула ея государю и обѣщала отказаться отъ разбоевъ и нападеній на сосѣдей. Но обѣщаніе соблюдалось плохо: правда, между казаками была партія вѣрныхъ, хотѣвшихъ согласовать свою вольность съ повиновеніемъ Москвѣ; но были и казаки воровскіе, которые хотѣли дѣйствовать свободно и считать Донъ вполнѣ вольнымъ. Число послѣднихъ было значительнѣе, ибо малѣйшее неудовольствіе обращало въ ихъ ряды и тѣхъ, которые при другихъ обстоятельствахъ были вѣрными. Закрѣпощеніе крестьянскаго люда въ концѣ XVI в. еще болѣе усилило эту партію, такъ какъ на Донъ стали толпами бѣгать крестьяне, не выносящіе новаго, почти рабскаго положенія, и таившіе въ глубинѣ сердца ненависть къ своимъ притѣснителямъ. Обремененіе безчисленными повинностями вело туда же людей изъ посадовъ и черносошныхъ селъ. Злоупотребленія воеводъ и вообще служебныхъ лицъ и дурныя стороны правосудія увеличивали тягостное положеніе жителей. Воеводы посылались на кормленіе, смотрѣли на свою должность, какъ на доходъ. Судъ, находясь въ ихъ рукахъ, до крайности былъ продаженъ. Сила выборнаго управленія со старостами и цѣловальниками въ XVII в. упала; оно подчинилось вліянію воеводъ и дьяковъ; тогда выборные сами по себѣ были грабителями не хуже воеводъ и дьяковъ. Выборы производились подъ вліяніемъ послѣднихъ и притомъ только богатыми членами общины.

Разъ выбранныхъ нельзя было смѣнить до срока, и случалось, что земскіе старосты, стакнувшись съ воеводами и дьяками, да съ товарищами ихъ—откупщиками, сбирали съ жителей поборы не по закону, брали лишнее себѣ и дѣлились съ приказнымъ людомъ. Иногда даже воеводамъ приказывалось при сборахъ охранять народъ отъ выборнаго начальства, богатыхъ мужиковъ-горлановъ, какъ ихъ называютъ акты. Отъ всѣхъ такихъ злоупотребленій жители разбѣгались, пустѣли цѣлые посады и большія села. Усиленная ловля бѣглецовъ не прекращала бродяжничества, но развила разбойничество. Царствованіе Алексѣя Михайловича богато разбоями, особенно въ десятилѣтіе передъ появленіемъ Стеньки Разина. Въ 1667 г. они совершались въ Московскомъ государствѣ повсюду, и правительство то и дѣлало, что разсылало по областямъ сыщиковъ да воинскія команды, при чемъ, однако, цѣль оставалась далеко не достигнутою. Въ самой Москвѣ убійства и грабежи приняли большіе размѣры. Было ясно, что Русь готовится къ какому-то страшному волненію, и волненіе произошло, когда за него принялся Стенька Разинъ.

О Разинѣ извѣстно, что онъ съ своимъ братомъ, атаманомъ одного казацкаго отряда, участвовалъ въ 1665 г. въ походѣ противъ поляковъ. Къ осени атаману надоѣло воевать вдали отъ родины, и онъ просилъ у воеводы кн. Долгорукова позволенія вернуться на тихій Донъ. Князь позволенія не далъ, и атаманъ ушелъ самовольно, но былъ настигнутъ и казненъ смертію за ослушаніе. У казненнаго было два брата: Степанъ (Стенька) и Фролъ (Фролка). Неизвѣстно, ушли ли они сейчасъ на Донъ или дождались окончанія похода, но несомнѣнно, что въ душу ихъ, особенно въ душу Стеньки, запало пламенное желаніе отмстить за казнь брата. Стенька обладалъ значительною физическою силою, ловко владѣлъ оружіемъ, былъ храбръ. Суровый и сосредоточенный, онъ нерѣдко предавался самому необузданному пьянству и разврату. Врагъ всего, что стояло выше его, онъ былъ неразборчивъ на средства при стремленіи къ разъ предположенной цѣли, былъ строгъ, даже жестокъ до изувѣрства, вольнодумно, по тогдашнему, смотрѣлъ на церковь. Во взорѣ и голосѣ его было столько повелительнаго, что всѣ, которые сближались съ нимъ, невольно становились исполнителями его воли; его даже считали чародѣемъ, застрахованнымъ и отъ пули, и отъ холоднаго оружія.

На Дону были казаки „домовитые", старые, прямые, настоящіе казаки, и „голутвенные" или „голытьба". Къ послѣднимъ принадлежали разные бѣглецы и бездомные скитальцы. Ихъ собралось на Дону особенно много послѣ того, какъ московское правительство стало усиленно преслѣдовать разбойниковъ и бродягъ. Все это были бѣглецы, готовые на бунтъ и разбой, если сыщется голова, умѣющая собрать ихъ въ одну ватагу. Стенькѣ не трудно было сойтись съ этой голытьбою. Но въ Черкаскѣ былъ атаманъ Корнило Яковлевъ, старый заслуженный воинъ, глава партіи домовитыхъ казаковъ, стремящихся къ спокойной жизни и къ миру съ Москвою. При нихъ нельзя было Стенькѣ разгуляться; къ тому же у Стеньки не было еще ни денегъ, ни достаточнаго вліянія, чтобы рѣшиться на великое дѣло—„тряхнуть Москвою". Съ небольшимъ отрядомъ онъ думалъ было двинуться къ турецкимъ берегамъ за добычею и славою. Корнило помѣшалъ этому предпріятію и даже выжилъ съ Дона удалого предводителя небольшого отряда голутвенной черни.

На нѣсколькихъ стругахъ шайка Разина поплыла вверхъ по Дону,

затѣмъ очутилась на Волгѣ и тутъ стала разбойничать порядкомъ. Она напала даже на казенныя суда, охраняемыя стрѣльцами, при чемъ какъ стрѣльцы, такъ и чернорабочіе казенныхъ судовъ не оказали существеннаго сопротивленія нападающимъ. Суда были захвачены, разграблены; шайка раздобылась деньгами, оружіемъ и увеличилась въ числѣ. Весною 1668 г. она уже выступаетъ въ Каспійское море, достигаетъ персидскихъ береговъ, наводитъ ужасъ на ближайшіе персидскіе города, жжетъ, грабитъ, убиваетъ, и только осенью 1669 г. опять возвращается къ русскимъ берегамъ.

Во все время, когда казаки гуляли по Каспію, по устью Волги плавали служилые люди и провѣдывали, не возвращаются ли удальцы, чтобы тотчасъ дать о томъ знать воеводамъ въ Астрахань. Воеводы однако не думали вступать во враждебныя отношенія съ ними и заране выправили такую милостивую грамоту отъ имени царя, которая давала прощеніе казакамъ, если они принесутъ повинную. Очевидно, они не разсчитывали на свои силы и боялись, что въ самомъ ихъ городѣ удалецъ, слава котораго уже гремѣла, безъ труда найдетъ сообщниковъ, готовыхъ затѣять смуту. Поэтому, какъ только казаки стали приближаться къ Астрахани, воеводы послали къ нимъ на встрѣчу Никиту Скрипицына съ государевою грамотою и слѣдующими словами: „Вамъ ничего не будетъ, вы пойдете спокойно домой на Донъ, если отдадите пушки, которыя пограбили на Волгѣ и въ Яикѣ-городкѣ, также отдадите струги, отпустите служилыхъ людей, что забрали на Волгѣ и въ Яикѣ-городкѣ, и пришлете кн. Семену Ивановичу Львову (товарищу воеводы кн. Прозоровскаго) купеческаго сына Сехамбета и прочихъ плѣнныхъ“. Казакамъ кстати было такое предложеніе, и они на него согласились. Послѣ этого Стенька и его дружина расположилась становъ подъ Астраханью, въ качествѣ мирныхъ гостей, и въ продолженіе десяти дней посѣщали городъ. Между ними и астраханцами завязалась дѣятельная торговля; она была выгодна для обѣихъ сторонъ. Награбленныя въ Персіи драгоцѣнности покупались нарасхватъ какъ астраханцами, такъ армянами и персіянами, проживающими въ этомъ городѣ. Одинъ голландецъ говоритъ: „Я самъ купилъ за 40 рублей огромную золотую цѣпь величиною въ сажень; за каждымъ золотымъ кольцомъ было по пяти драгоцѣнныхъ камней“. Всѣ казаки были одѣты въ шелковыя, бархатныя одежды; жемчугъ и драгоцѣнные камни въ видѣ вѣнцовъ украшали ихъ шапки. Десятидневное пребываніе Разина подъ Астраханью произвело сильное впечатлѣніе на народъ и пробудило въ немъ симпатію къ счастливому атаману и даже благоговѣніе передъ нимъ.

Вернувшись на Донъ, Разинъ выбралъ себѣ мѣсто между Кагальницкою и Ведерниковскою станицами на островѣ, который имѣлъ 3 версты протяженія. Тамъ устроилъ онъ городокъ Кагальникъ и приказалъ обнести его земельнымъ валомъ. Голытьба, подъ вліяніемъ молвы о его славѣ, стекалась къ нему со всѣхъ сторонъ. Были пришельцы и изъ Сѣчи запорожской. Разинъ былъ для всѣхъ щедръ и привѣтливъ, раздѣлялъ съ пришельцами свою добычу, одѣлялъ бѣдныхъ и голодныхъ, которые, не зная куда дѣваться, искали у него и пріюта, и ласки. Его называли батюшкой, считали чудодѣемъ, вѣрили въ его умъ, въ его силу, въ его счастье. Подозрительно поглядывали изъ Черкаска домовитые казаки на этого зловѣщаго предводителя голытьбы, тревожились и въ Москвѣ. Къ концу зимы правительство послало въ Черкаскъ грамоту, и посланному съ ней, Евдокимову, велѣно тайно вывѣдать, что дѣлаетъ

и замышляетъ Стенька. Во время пребыванія Евдокимова въ Черкаскѣ, явился туда и Стенька. Заподозривъ Евдокимова въ шпіонствѣ, онъ велѣлъ своимъ приверженцамъ умертвить царскаго гонца, что и было исполнено, несмотря на противодѣйствіе со стороны законнаго атамана Яковлева. Теперь этотъ послѣдній былъ атаманомъ только по имени. Толпа переходила къ Стенькѣ; онъ распоряжался, кричалъ, что настало время идти противъ бояръ, и созывалъ молодцовъ съ собою на Волгу. Бояръ ненавидѣли многіе; имя царя, напротивъ, было священнымъ и для самой крайней вольницы. Но Стенька пошелъ еще дальше: онъ сталъ врагомъ самой вѣры. Въ Черкаскѣ незадолго передъ тѣмъ сгорѣли церкви. Зная щедрость Стеньки, нѣкоторые убѣждали его поусердствовать на возобновленіе храмовъ. „На что церкви? Къ чему попы? Вѣнчаться что ли? Да не все ли равно: станьте въ парѣ подлѣ дерева, да попляшите вокругъ него, вотъ и повѣнчались!“—говорилъ Стенька.

Наконецъ въ маѣ 1670 г. поплылъ Стенька вверхъ по Дону вмѣстѣ съ удалымъ воромъ Васькой Усомъ и толпою вольницы. Вскорѣ онъ очутился подъ Царицынымъ. Царицынцевъ онъ увѣрялъ, что царское войско скоро придетъ къ нимъ и истребитъ ихъ, а потому царицынцы передались бы ему, Стенькѣ. Несмотря на противодѣйствіе своего воеводы, царицынцы открыли ворота казакамъ. Воевода былъ схваченъ и утопленъ, а Стенька ввелъ въ городѣ, ко всеобщей радости жителей, казацкое устройство: раздѣлилъ жителей на десятки и сотни, назначивъ имъ городоваго атамана. Изъ Царицына Стенька разослалъ по всему Поволжью своихъ эмиссаровъ. Кн. Львовъ изъ Астрахани двинулся было съ нѣсколькими тысячами стрѣльцовъ на выручку Царицына, но не успѣлъ въ своемъ предпріятіи, ибо воины его подъ Чернымъ Яромъ встрѣтившись съ казаками, побратались съ ними, перебили своихъ начальниковъ и поступили на службу къ Разину. Они говорили, что весь астраханскій людъ ждетъ „батюшку“ къ себѣ, и что представители Московскаго правительства въ этомъ городѣ безсильны, чтобы противопоставить серьезное препятствіе. Во второй половинѣ іюня Стенька уже былъ у низовьевъ Волги.

Астраханскій воевода кн. Прозоровскій давно уже ожидалъ нападенія и готовился къ нему: онъ дѣятельно вооружалъ ратниковъ, усиливалъ оборону, преслѣдовалъ возмутителей. Митрополитъ своимъ духовнымъ авторитетомъ старался вліять на поддержаніе преданности правительству. Но двусмысленныя, угрюмыя лица стрѣльцовъ и астраханскихъ посадскихъ не переставали тревожить воеводу. 21-го іюня вечеромъ казаки явились подъ городомъ и начали приступъ. Астраханцы не защищались, а напротивъ, помогли осаждающимъ перелѣзать черезъ стѣны. Лишь только значительное число казаковъ очутилось въ городѣ, астраханская чернь бросилась на дворянъ, дѣтей боярскихъ, пушкарей и вообще всѣхъ тѣхъ, которые защищали городъ серьезно. Бунтовщики ранили и Прозоровскаго. Стенька приказалъ умертвить плѣнныхъ. Прозоровскому онъ что-то сказалъ на ухо, но когда тотъ въ отвѣтъ отрицательно покачалъ головою, то послѣдовало приказаніе умертвить и его. Всѣхъ казненныхъ оказалось 441; ихъ зарыли въ одной могилѣ. Астрахань получила, какъ и Царицынъ, казацкое устройство: она должна была управляться кругомъ или народнымъ сборищемъ, выборными атаманами, эсаулами, сотниками и десятниками. Вслѣдъ затѣмъ въ Астрахани начались пиры, продолжавшіеся три недѣли, при чемъ Разинъ бывалъ по-

стоянно пьянъ и потѣшалъ какъ себя, такъ и чернь лютыми казнями, совершаемыми надъ „лиходѣями“.

Увеличивъ свою армію толпами астраханцевъ и оставивъ Ваську Уса, въ качествѣ атамана, въ Астрахани, Стенька пошелъ мимо Царицына вверхъ по Волгѣ. Саратовъ сдался ему безъ сопротивленія. Стенька приказалъ утопить тамошняго воеводу; умерщвлены были всѣ дворяне и приказные люди, а въ городѣ введено казацкое устройство. Самара представила нѣкоторое сопротивленіе, но и она была скоро взята, благодаря возмутительному настроенію черни. Агенты Разина распространялись все болѣе и болѣе. Всего успѣшнѣе дѣйствовали они въ нынѣшнихъ губерніяхъ Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, проникали до Новгорода, до береговъ Бѣлаго моря, показывались въ Москвѣ. Въ своихъ воззваніяхъ Стенька говорилъ, что идетъ истреблять бояръ, дворянъ, приказныхъ людей, искоренять всякое чиноначаліе и власть, установить по всей Руси казачество и учинить такъ, чтобы всякъ всякому былъ равенъ. Заслышавъ объ успѣхахъ Стеньки, холопъ вооружался на господина, служилый на своего начальника, язычникъ и магометанинъ на христіанина. Стенька сносился съ крымскимъ ханомъ и пытался призвать его опустошительныя орды на Русь. Каждый новый успѣхъ Стеньки усиливалъ броженіе, которое къ началу осени приняло ужасающіе размѣры.

5-го сентября Стенька подступилъ къ Симбирску. Посадскіе люди Симбирска приняли его съ распростертыми объятіями, но собственно городъ или кремль, расположенный на горѣ, укрѣпленный довольно сильно и защищаемый храбрымъ бояриномъ Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ, оказывалъ сопротивленіе. Стенька началъ осаду и довелъ Милославскаго до крайности: еще немного времени, и бояринъ былъ бы поставленъ въ невозможность продолжать защиту. Но вдругъ явился на выручку изъ Казани сильный отрядъ, предводимый кн. Барятинскимъ. Онъ пробился сквозь мѣстности, занятыя возмутившимися чувашами и черемисами и во́-время подоспѣлъ къ Симбирску. Въ войскѣ Разина было много нестройныхъ отрядовъ, составленныхъ изъ русскихъ бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ, а также изъ инородцевъ. Эти отряды не выдержали напора Барятинскаго, въ отрядѣ котораго были части, обученныя европейскому военному строю, и побѣжали. Казаки сражались храбро, но когда наступленіе вечера раздѣлило сражающихся, оказалось, что Барятинскому удалось одержать значительныя преимущества надъ противниками. Въ рукахъ его очутилось нѣсколько пушекъ, много плѣнныхъ, Стенька, считавшійся до сихъ поръ неуязвимымъ для пуль и мечей, получилъ нѣсколько ранъ. Во время ночи онъ усумнился въ возможности поправить дѣло и созвалъ донцевъ на совѣтъ тайно отъ прочихъ сообщниковъ-крестьянъ. Надежды на послѣднихъ было мало: воевать они не умѣли и могли бы, при всемъ многолюдствѣ, только испортить дѣло, когда бы имъ пришлось сражаться вновь съ непріятелемъ, знающимъ ратное искусство. Казаки рѣшились оставить ихъ на произволъ судьбы и бѣжать. Чтобы скрыть свое намѣреніе отъ крестьянъ, Стенька выстроилъ послѣднихъ въ боевой порядокъ и сказалъ: „Стойте здѣсь, а я съ казаками пойду на новоприбылыхъ людей“. Пользуясь темнотою ночи, казаки сѣли на суда и уплыли внизъ по Волгѣ. Утромъ мятежники увидѣли, что казаки ихъ оставили. Въ страхѣ они кинулись бѣжать къ Волгѣ, преслѣдуемые царскими войсками. Тутъ истреблены ихъ цѣлыя

массы. Болѣе 600 человѣкъ попались въ плѣнъ и были казнены на мѣстѣ безъ всякаго слѣдствія и суда.

Впечатлѣніе, произведенное симбирскою битвою было очень сильно. Жители подгородныхъ симбирскихъ слободъ явились съ повинною; воевода отобралъ изъ нихъ по человѣку со слободы и наказалъ кнутомъ, а прочихъ только привелъ къ присягѣ. Еслибъ исходъ симбирской битвы былъ иной, мятежъ несомнѣнно принялъ бы ужасные размѣры. Стенька находилъ сочувствіе не только въ окрестныхъ жителяхъ, но и въ далекихъ углахъ Россіи: масса поднялась бы страшнымъ пластомъ. Теперь проигрышъ уронилъ значеніе Стеньки въ глазахъ народа. Оставленныя казаками, шайки крестьянъ не могли долго держаться противъ отрядовъ царскаго войска. Отовсюду жители приносили повинную и обыкновенно увѣряли, что воровали поневолѣ, хотя часто неправдоподобіе такой отговорки было очень явно. Они выдавали зачинщиковъ, которыхъ воеводы тотчасъ допрашивали, потомъ вѣшали, менѣе виновныхъ сѣкли кнутомъ, а массу приводили къ присягѣ. Воровскія письма, волновавшія умы, собирали и отправляли въ Москву.

То обстоятельство, что Стенька оставилъ чернь на произволъ судьбы, не прошло для него даромъ. Когда онъ со своими казаками, спасаясь отъ пораженія, присталъ къ Самарѣ, самарцы не пустили его въ городъ; тоже повторилось и въ Саратовѣ. Стенька прибылъ въ Царицынъ и нѣсколько времени оправлялся отъ ранъ, полученныхъ подъ Симбирскомъ, а потомъ, съ горстью своихъ вѣрныхъ донцовъ и царицынцевъ, вернулся на Донъ, надѣясь еще поправить дѣло какъ при помощи казаковъ, такъ и при помощи астраханцевъ. Но долгое отсутствіе его на Дону способствовало усиленію вліянія Яковлева, а слухи о пораженіяхъ Стеньки рѣшительно дали перевѣсъ этому домовитому, миролюбивому атаману. Когда Стенька со своею шайкою оставилъ Донъ, Корнило Яковлевъ тайно отправилъ въ Москву товарища умерщвленнаго Евдокимова, но не послалъ никакой отписки, а только велѣлъ словесно объяснить обо всемъ. Онъ, очевидно, лавировалъ, не высказываясь долго ни за московское правительство, ни за Разина. Но когда послѣдній, не побывавъ „на Москвѣ", какъ хвалился, возвратился на Донъ, Яковлеву незачѣмъ было продолжать прежнюю двойную игру. Онъ высказался противъ него, а съ нимъ и всѣ домовитые казаки. Напрасно Стенька разсылалъ по станицамъ свои воровскія письма: бѣглецы изъ Московскаго государства уже прежде выведены были имъ изъ Дона и погибли или разбѣжались; настоящіе казаки не увлекались его призывами, зная, что попытка къ новому возмущенію, совершенная при ихъ участіи, въ случаѣ неудачи грозитъ появленіемъ московскихъ войскъ на Дону и, быть можетъ, уничтоженіемъ Донского казачества. Понимая, что Яковлевъ и жители Черкаска въ сильной степени парализуютъ успѣхъ воззваній, приглашающихъ къ бунту, Стенька въ февралѣ отправился къ Черкаску. Сначала ласково, потомъ съ угрозами онъ требовалъ, чтобы его впустили въ городъ. Ему отказали. Переговоры продолжались недѣлю. Черкаскъ былъ укрѣпленъ. Стенькины силы были недостаточны. Освободившись отъ посѣщенія, Яковлевъ послалъ въ Москву вѣсть о нападеніи Стеньки на Черкаскъ и просилъ прислать войска для защиты Черкаска и для истребленія гнѣзда мятежниковъ. Видно, Стенька возбудилъ противъ себя большую вражду въ Черкаскѣ, такъ какъ донскіе казаки никогда до того не рѣшались призывать къ себѣ московскія войска, боясь за свои льготы. Изъ Москвы немедленно послали Яковлеву приказаніе чи

нить промыселъ надъ Стенькою Разинымъ и доставить его въ Москву на расправу, а бѣлгородскому воеводѣ кн. Ромодановскому велѣно отправить на Донъ отрядъ въ 1000 человѣкъ.

Въ апрѣлѣ казаки поплыли изъ Черкаска къ Кагальнику; 14 апрѣля сожгли его до основанія и перевѣшали всѣхъ сообщниковъ Стеньки. Неизвѣстны подробности взятія Стеньки. Одни источники говорятъ, что онъ былъ взятъ силою, другіе—что обманомъ. Яковлевъ былъ его крестный отецъ, а потому въ глазахъ Стеньки могъ пользоваться до нѣкоторой степени особеннымъ довѣріемъ. И этотъ Яковлевъ, какъ говорятъ, сталъ убѣждать Стеньку въ томъ, что дѣло его проиграно, и что покорностью онъ можетъ пріобрѣсти царское прощеніе. Стенька мало вѣрилъ такимъ убѣжденіямъ, но повиновался изъ отчаянія; притомъ жизнью онъ не дорожилъ. Захвативъ Стеньку и его брата Фролку, Яковлевъ самъ повезъ ихъ въ Москву. Фролка былъ отъ природы тихаго нрава и затосковалъ. „Вотъ, братъ, говорилъ онъ съ грустью, это ты виною нашихъ бѣдъ". Стенька отвѣчалъ: „Никакой бѣды нѣтъ! Насъ пріймутъ почестно: самые большіе господа выйдутъ на встрѣчу посмотрѣть на насъ".

Въ Москвѣ ихъ привезли прямо въ Земскій приказъ и начали пытать. Самыя страшныя пытки не заставили Стеньку проронить хоть бы одно слово, хотя бы одинъ вздохъ. Вмѣстѣ съ нимъ пытали и Фролку, который кричалъ отъ боли. Стенька сказалъ ему: „Экая ты баба! Вспомни наше прежнее житье! Долго мы прожили со славою, повелѣвали тысячами людей; надобно же теперь бодро переносить и несчастье. Развѣ это больно? Словно баба уколола". 6-го іюня его вывели на лобное мѣсто вмѣстѣ съ братомъ. Множество народа стеклось на кровавое зрѣлище. Прочитали длинный приговоръ, гдѣ изложены были всѣ преступленія обвиненныхъ. Стенька слушалъ чтеніе спокойно, съ гордымъ видомъ. По окончаніи чтенія палачъ взялъ его подъ руки. Стенька обратился къ церкви Покрова пресв. Богородицы, перекрестился, потомъ поклонился на всѣ четыре стороны и сказалъ: „Простите!" Его положили межъ двухъ досокъ. Палачъ отрубилъ ему сначала правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу по колѣно. Стенька при этихъ страданіяхъ не издалъ ни одного стона, не показалъ знака, что чувствуетъ боль. Ужасное зрѣлище истязаній надъ братомъ, окончательно лишило Фролку мужества. „Я знаю слово государево!"—закричалъ онъ. „Молчи, собака!"—сказалъ ему Стенька. То были послѣднія его слова. Палачъ отрубилъ ему голову. Его туловище разсѣкли на части и воткнули на колья, какъ и голову, а внутренности бросили собакамъ на съѣденіе.

LXXXI. Разиновщина.

(Изъ очерка Н. Н. Ѳирсова: «Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни». Спб. 1907 г.).

Разиновщина—это одно изъ самыхъ крупныхъ и самыхъ острыхъ проявленій народной оппозиціи тяжестямъ политическаго режима и соціальнаго быта въ Московскомъ государствѣ.

Эта оппозиція въ сущности была непрерывна и въ своей хронической формѣ выражалась въ бѣгствѣ наиболѣе непримиримыхъ индиви-

довъ изъ названнаго государства. Эмиграціонный потокъ сначала разливался преимущественно по рѣкамъ юго-восточной окраины, а позднѣе перелился и за Уралъ и ко 2-й половинѣ XVII стол. дошелъ до береговъ Тихаго океана.

Донъ былъ самымъ старымъ и наиболѣе вліятельнымъ центромъ эмиграціи изъ Московскаго государства, все равно, какъ низовье Днѣпра съ давнихъ поръ привлекало выходцевъ главнымъ образомъ изъ Польши. Всѣ эти бѣглецы считали себя вольными людьми, назывались казаками, и если признавали власть—одни московскаго царя, другіе польскаго короля, то дѣлали это по доброй волѣ, а не по принужденію. Быстро развившееся казачество внушало Москвѣ и Варшавѣ серьезныя опасенія, и эти опасенія были вполнѣ основательны.

Запорожское казачество въ XVII ст. подняло всю Малороссію противъ Польши и тѣмъ нанесло ей смертельную рану, которая въ концѣ слѣдующаго столѣтія и свела Рѣчь Посполитую въ политическую могилу. Часть донского казачества въ томъ же XVII столѣтіи, хотя и нѣсколько позднѣе, подняла противъ Москвы низшіе классы населенія, сильно потрясла государство и, если и проиграла эту ставку, то все-таки не сочла своего дѣла окончательно погибшимъ...

Московскому правительству было хорошо извѣстно, какое явленіе вызвали на Дону усилившіеся туда побѣги. „Во многіе донскіе городки,— читаемъ мы въ одной грамотѣ царя Алексѣя Михайловича,—пришли съ Украйны бѣглые боярскіе люди и крестьяне, съ женами и дѣтьми, и отъ того нынѣ на Дону голодъ большой“. Вотъ въ чемъ основная причина начавшагося „воровского собранія“: на Дону голодъ большой. Въ грамотѣ точно указана и причина голода: на Дону скопилось слишкомъ много пришлаго люда.

Не забудемъ, что Донъ принималъ всѣхъ, даже преступниковъ, и никого не выдавалъ. Обычай не выдавать бѣглыхъ родился на Дону вмѣстѣ съ зарожденіемъ донского казачества и былъ первымъ устоемъ свободы и независимости этой своеобразной общественной группы. Этотъ, такъ сказать, основной законъ неписаннаго, обычнаго казацкаго права признавало и само московское правительство. Вѣдь оно, подъ видомъ государева жалованья, въ сущности платило дань владѣльцамъ тихаго Дона и тѣмъ какъ-бы санкціонировало правомѣрность создавшагося на Дону уклада жизни. Съ другой стороны и коренное донское казачество не любило ссориться съ московскимъ правительствомъ, не потому, что его боялось, а потому, что для донцевъ была-бы слишкомъ неудобна остановка въ привозѣ отъ „великаго государя“ на Донъ хлѣба, вина, пороху, свинцу, одежды. Во всемъ этомъ донское казачество очень нуждалось, особенно въ хлѣбѣ, ибо Донъ совсѣмъ не имѣлъ своего хлѣба. Бывшіе мужики, превратившіеся въ воиновъ, не желали на волѣ быть земледѣльцами, и хлѣбопашество на Дону было запрещено подъ страхомъ смертной казни.

При такомъ же положеніи дѣла на Дону хлѣбное жалованье государя московскаго не могло устранить здѣсь возможности большого голода, ибо оно не увеличивалось въ той же прогрессіи, въ какой увеличивалось число кандидатовъ на него послѣ окончательнаго закрѣпощенія крестьянъ. Жалованье посылали главнымъ образомъ для стараго, коренного казачества, которое успѣло уже обжиться на Дону и сдѣлаться домовитымъ, верхнимъ слоемъ донского населенія: въ рукахъ этого казачества собственно и находилась правительственная власть надъ всѣмъ Дономъ; но

домовитое казачество, какъ уже сказано, было лишь частью всего донского казачества, это была казацкая буржуазія; другая его часть, не сумѣвшая или еще не успѣвшая пріобрѣсти прочное матеріальное положеніе на Дону, представляла казацкую голытьбу, это была казацкая демократія, которая и являлась наиболѣе страстной, энергичной выразительницей настоящаго казацкаго духа и пользовалась наибольшимъ сочувствіемъ народныхъ массъ.

Выше отмѣченныя условія жизни въ Московскомъ государствѣ повели къ тому, что именно эта часть донского казачества и стала увеличиваться съ необыкновенной быстротой; конечно, царское жалованье, вообще довольно консервативное, не могло спасти Донъ отъ голода, и голодъ, и притомъ большой, здѣсь возникъ...

Надо было какъ-нибудь выйти изъ отчаяннаго положенія, въ которомъ очутилось немало бездомнаго, голоднаго люда на Дону. Единственное средство къ тому видѣлось въ организованіи предпріятія за добычей, или, по казацкой терминологіи, за „зипунами"... Но вотъ бѣда: одинъ знакомый казакамъ путь—на Черное море—былъ закрытъ „учиненными отъ турскихъ людей крѣпостями", оставался другой, не менѣе знакомый путь—на Волгу... Среди голытьбы началось сильное броженіе и, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, у нея скоро нашелся и предводитель, свой атаманъ, Степанъ Тимофеевичъ Разинъ...

Прежде всего предъ нами вопросъ о тѣхъ общественныхъ элементахъ, которые приняли участіе въ движеніи Степана Разина.

Разумѣется, первый элементъ—сами казаки, та ихъ соціальная категорія, которая носила названіе голутвенныхъ казаковъ. Эта категорія по своему этнографическому составу, какъ и все донское казачество, представляла по преимуществу недовольную Великороссію, но въ ней было немало представителей и оппозиціонной Малороссіи. Вообще слѣдуетъ помнить, что донское казачество составилось изъ бродягъ всей Руси, какъ собственно изъ Московскаго государства, такъ отчасти изъ Украйны и Запорожья. Связь, и притомъ тѣсная связь Дона съ Запорожьемъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Разинъ вступилъ въ сношенія съ запорожцами, и изъ Сѣчи пришло къ нему немало волонтеровъ.

Кромѣ отмѣченной связи тихаго Дона съ Днѣпромъ, также несомнѣнна связь его съ Яикомъ. Эта послѣдняя связь была даже прочнѣе, ибо Яикъ былъ ближе по происхожденію къ Дону: Яикъ составился главнымъ образомъ изъ великоруссовъ, изъ которыхъ многіе переселились на эту рѣку съ Дона; Яикъ, слѣдовательно, былъ младшимъ братомъ Дона и въ эпоху Разина относился къ своему старшему брату весьма почтительно. Такъ, когда у Разина еще не было славы, когда онъ только „собирался" съ голытьбою и обдумывалъ, куда бы идти за „зипунами", съ Яика пришло къ нему приглашеніе идти туда, къ Яицкому городку—„воровать большими людьми", „городокъ взять и учюгъ разорить, а самому сѣсть въ томъ городкѣ и, выходя изъ того городка, на морѣ и на Волгѣ воровать".

Такимъ образомъ движеніе Стеньки Разина вскрываетъ предъ наблюдателемъ весьма грозный фактъ солидарности казачества въ его „воровскихъ" предпріятіяхъ. Казачество занимало обширныя пространства нынѣшней южной и юго-восточной Россіи, и такая солидарность уже сама по себѣ была достаточна, чтобы внушить московскому правительству и его агентамъ большія опасенія и даже страхъ; но этого мало:

солидарность была болѣе глубокой; она обнаруживается не только между отдѣльными центрами казачества, но и вообще между всѣми общественными элементами, стремящимися въ казачество, способными моментально заразиться настоящимъ казацкимъ „воровскимъ“ духомъ. Въ самомъ дѣлѣ, кого только не было въ казацкой вольницѣ Разина! „Какая смѣсь одеждъ и лицъ“: главная масса, какъ сказано,—великоруссы, потомъ малороссы, но здѣсь можно было встрѣтить представителей и разныхъ другихъ народностей—новокрещенныхъ татаръ, ляховъ и проч.

Соціальный составъ этой вольницы ясенъ уже изъ выше сказаннаго: говоря кратко, это было общество бѣглыхъ холоповъ, крестьянъ, посадскихъ и преступниковъ, приговоренныхъ къ казни за „разбойныя татины и иныя дѣла“. Послѣ же того, какъ Разинъ пріобрѣлъ извѣстность своими подвигами за Каспіемъ и на Волгѣ и, по заключеніи договора съ Московскимъ правительствомъ, вернулся на Донъ, къ нему потянулись гулящіе люди толпами со всѣхъ сторонъ: и съ самаго Дона, и съ Хопра, и съ Волги. Большія шайки „голутвенныхъ“ казаковъ начала вбирать въ себя внушительная дружина Разина, скоро достигшая до 7000 человѣкъ. Такъ, голытьба, разсѣянная повсюду въ обширномъ раіонѣ казачества, сконцентрировалась около Разина, и уходъ ея съ Дона равнялся очисткѣ этой рѣки отъ крайне безпокойнаго элемента. На Волгѣ войско Разина пополнилось еще болѣе разными бездомными людьми, волжскими судовыми рабочими и измѣнившими правительству стрѣльцами. Но при всѣхъ успѣхахъ по составленію своей казацкой дружины, Стенька Разинъ сдѣлался опаснымъ московскому государству, такъ же, какъ и Хмельницкій Польшѣ, не своимъ казацкимъ войскомъ, а сочувствіемъ народныхъ массъ борьбѣ, предпринятой казачествомъ. Сочувствовалъ Разину весь черный людъ—города и села и, разумѣется, мѣстности, ближайшія къ Дону и волжскому театру казацкихъ воровскихъ дѣйствій были, въ силу этого сочувствія, всегда менѣе надежны въ глазахъ правительственныхъ агентовъ. Въ волжскихъ городахъ, во время второго похода Разина на Волгу, ждали его съ нетерпѣніемъ, а уѣздные люди—крестьяне—шли къ нему толпами, и такимъ образомъ казацкое войско воровского атамана существенно пополнилось многочисленными народными ополченіями. Кромѣ того, обширный край, взволнованный слухами объ успѣхахъ Разина и его воззваніями, представлялъ сплошное зарево народнаго мятежа. Изучая источники, можно опредѣленно выяснить составъ бунтующихъ массъ. Это прежде всего городскіе жители изъ низовъ населенія и сельскіе „мужики“, главнымъ образомъ, конечно, крестьяне, а этнографически это—русскіе и инородцы. Инородческое населеніе бунтовало не меньше, чѣмъ русское: поднялись чуваша, черемиса, мордва; въ мятежѣ принимали также участіе калмыки, башкиры и небольшими партіями татары. И достойно вниманія то обстоятельство, что русскіе мятежники дѣйствовали рука объ руку съ инородцами. Если мы ко всему сказанному прибавимъ, что руководителями этого объединеннаго бѣдствіями и ненавистью русско-инородческаго „міра“ были не только воровскіе казаки, не только всѣ эти Ивашки, Проньки, Ѳедьки, Савки, Васьки Усы, Шелудяки, но мѣстами и попы, то соціальный составъ Разиновщины будетъ указанъ достаточно полно. При такой солидарности разныхъ разрядовъ простого народа, при сочувствіи движенію, какъ со стороны всего простого народа, такъ и со стороны нѣкоторыхъ представителей бѣлаго духовенства, неудивительно, что Разиновщина захватила въ свои страшныя объятія все Нижнее и Средне Поволжье и прилегаю-

щія къ нему мѣстности, особенно на западъ отъ Волги, на обширномъ пространствѣ приблизительно до Рязани и Воронежа—въ нынѣшнихъ губерніяхъ Симбирской, Пензенской и Тамбовской.

Но и при такомъ объясненіи Разиновщины, какъ сильнаго обостренія хронической народной оппозиціи государственному и общественному порядку, вовсе не сводится къ нулю историческая роль того лица, которое явилось вождемъ движенія. Крупная историческая роль Разина не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Стенька Разинъ обладалъ всѣми физическими и психологическими данными, чтобы оказать могущественное вліяніе на толпу, *вызвать ея подражаніе*. Обладатель физической мощи древняго *историческаго* богатыря, Разинъ совмѣщалъ въ своей психикѣ острый, умѣющій пользоваться обстоятельствами, умъ съ необузданнымъ чувствомъ и непреклонной волей. Это была натура столь же широкая, какъ необозримая, ее породившая, русская степь. Это несомнѣнно былъ одинъ изъ тѣхъ самородковъ, которые иногда выбрасываются изъ таинственныхъ нѣдръ народной жизни на ея поверхность и поражаютъ наблюдателя преимущественно какою-то истинно богатырскою неукротимостью воли. Постоянная кровавая борьба, постоянное исканіе добычи, въ чемъ вѣками упражнялось наше казачество, постоянныя опасности и беззаботно-презрительное отношеніе къ своей и чужой жизни и смерти, создавая, путемъ наслѣдственности, самородки воли, въ то же время и закаляли ихъ до такой твердости, что смять ихъ, согнуть не оставалось никакой возможности: ихъ можно было только разбить чѣмъ-нибудь болѣе крѣпкимъ, болѣе громоздкимъ... Разинъ и былъ такимъ прирожденнымъ и закаленнымъ условіями жизни и среды стальнымъ характеромъ, богатыремъ воли и дѣйствія; онъ видѣлъ, что пришло время, когда можно посмѣть и рѣшиться на многое, ибо голытьбы на Дону становилось слишкомъ обильно и отъ нея на Дону становилось слишкомъ тѣсно. Народная пѣсня знаетъ и помнитъ тяготѣніе Разина именно къ голытьбѣ:

„Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, казаками, думы не думывалъ,
Ходилъ-гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпкую думушку съ голытьбою“.

Естественно, голытьба, видя, что Степанушка радѣетъ объ ея интересахъ, сама стала тяготѣть къ Разину, сдѣлала его своимъ кумиромъ и вождемъ. Пѣсня подчеркиваетъ эту тѣсную связь Разина и голытьбы на почвѣ кровныхъ интересовъ и вкусовъ послѣдней, на почвѣ той пропаганды, которую велъ Степанушка среди „кабацкой голи“:

„Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять;
Разобьемъ, братцы, басурмански корабли—
Возьмемъ мы казны сколько надобно!“

Привязавъ къ себѣ голытьбу своею личностью и своими подвигами въ добываніи вмѣстѣ съ нею казны „сколько надобно“, Разинъ *самъ считалъ себя признаннымъ вождемъ этой части донского казачества*. Когда же Разинъ началъ брать волжскіе города и, истребляя воеводъ, дьяковъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и приказныя дѣла, приступилъ къ установленію казацкаго порядка, то и вообще низшіе классы населенія стали вѣрить, что наступило время освобожденія отъ всѣхъ тягостей Москов-

скаго государства, отъ воеводъ, приказныхъ и помѣщиковъ. Во время второго, гораздо болѣе серьезнаго похода на Волгу, походившаго уже не столько на разбойничье, сколько на анти-правительственное и анти-общественное казацкое предпріятіе, Разинъ привѣтствовалъ высланныхъ противъ него стрѣльцовъ такъ: „Здравствуйте, братья! Мстите теперь вашимъ мучителямъ, что хуже турокъ и татаръ держали васъ въ неволѣ: я пришелъ даровать вамъ льготы и свободу. Вы мнѣ братья и дѣти, и будете вы такъ же богаты, какъ я, если останетесь мнѣ вѣрны и храбры“. Подобныя привѣтствія производили на толпу потрясающее впечатлѣніе: толпа вѣрила, что она дѣйствительно—братья и дѣти, а Степанъ Тимофеевичъ—батюшка. „Здравствуй, нашъ батюшка Степанъ Тимофеевичъ“,—кричала она, и этотъ крикъ съ „матушки“ Волги громкимъ, внятнымъ эхомъ отозвался въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ русской земли и заставилъ затрепетать радостью ожиданія сердца чернаго люда. Говоря вообще, Разинъ былъ силенъ тѣмъ, что объявилъ народу освобожденіе, волю. Разинъ говорилъ, что онъ не хочетъ быть царемъ, а стремится только къ добру и пользѣ для всего народа. Добро и пользу онъ понималъ, разумѣется, по своему, по-казацки. Пріобрѣтеніе имущества высшихъ классовъ и раздѣленіе этого имущества поровну между собой было ближайшимъ стремленіемъ Разина и его казаковъ, а за ними и всѣхъ неимущихъ, обездоленныхъ людей. Казаки дуванили (дѣлили) добычу, и иного идеала распредѣленія имѣющихся въ обществѣ цѣнностей они не могли предложить и простому народу. Къ тому же такой взглядъ на распредѣленіе имуществъ находилъ полное признаніе, какъ самый правильный, и въ народныхъ массахъ, вытекая изъ убѣжденія, что бояре, приказные и купцы наживаютъ богатства неправедными путями, что всѣ они—лиходѣи народные... Второе, къ чему стремился Разинъ съ товарищами, это—введеніе казацкаго устройства повсюду, обращеніе всего народа въ вольныхъ казаковъ, и это казацкое стремленіе вполнѣ совпадало съ симпатіями, каковыя питалъ къ казачеству каждый простой человѣкъ на Руси, хорошо испытавшій на себѣ воеводско-приказное управленіе съ его способной разорить всякаго ужасной „московской волокитой“. Дѣйствительно, во всѣхъ взятыхъ Разинымъ городахъ вводилось казацкое устройство: все населеніе города составляло кругъ, который пользовался распорядительной властью; онъ выбиралъ атамановъ, есауловъ, сотниковъ и десятниковъ, сообразно съ казацкимъ административно-военнымъ раздѣленіемъ города на тысячи, сотни и десятки.

Итакъ, казацкіе дуванъ и кругъ съ выборнымъ атаманомъ во главѣ—вотъ идеалъ Разина и его вольницы. Этотъ идеалъ, вообще совпадавшій съ понятіями, чувствами и вкусами низшихъ классовъ, вызывалъ къ себѣ народную симпатію главнымъ образомъ потому, что онъ несъ съ собою „волю“, освобожденіе городскихъ черныхъ людей отъ тяжелыхъ финансовыхъ повинностей, отъ произвола приказно-воеводскаго управленія, отъ притѣсненія богачами-купцами, освобожденіе боярскихъ людей и крестьянъ отъ холопской и крѣпостной зависимости, освобожденіе всѣхъ, подпавшихъ подъ тотъ или другой гнетъ въ боярско-владѣльческомъ царствѣ. Коренной интересъ низовъ населенія сводился прежде всего къ освобожденію, а потомъ къ пріобрѣтенію, къ тому, чтобы стать не только вольнымъ, но и богатымъ, какъ Стенька Разинъ. Вождь вольницы это и обѣщалъ народу. Въ своихъ обращеніяхъ къ народнымъ массамъ Разинъ твердилъ: „идетъ, де, онъ установить на Руси казачество и учинить такъ, чтобы всякъ всякому былъ равенъ“. Уди-

вительно-ли, что воззваніе такого рода имѣло великій успѣхъ въ низшихъ слояхъ населенія повсюду, куда доходили „прелестныя письма“ Разина, распространяемыя его агентами, или же просто долетала слава о невиданномъ казацкомъ атаманѣ, разносимая по всей Руси стоустой молвой. Броженіе сказывалось въ самой Москвѣ: и тамъ чернь ждала съ нетерпѣніемъ провозвѣстника „воли“ и всего добраго для простого народа, говоря, что Разинъ вовсе не воръ. „Народъ,—толковали въ Москвѣ,—долженъ встрѣтить его съ почестями, съ хлѣбомъ и солью“. Пропагандируя казацкій укладъ жизни, Разинъ, однако, не могъ не считаться съ двумя большими силами Московскаго царства: съ двумя государями, свѣтскимъ и церковнымъ, царемъ и патріархомъ. Дѣло въ томъ, что въ широкихъ народныхъ массахъ, въ городѣ и селѣ съ давнихъ поръ жило убѣжденіе, что всякія тягости и притѣсненія идутъ на народъ не отъ царя, а отъ бояръ, злоупотребляющихъ царскимъ довѣріемъ, заслоняющихъ царя отъ народа; бояре прямо-таки держатъ царя въ невѣдѣньи и даже въ неволѣ, самъ же царь—носитель только правды и справедливости, въ его рукахъ праведный судъ и оборона народа; но до царя далеко, все равно, какъ до Бога высоко. Правда, не всегда и не вездѣ выражалось такое убѣжденіе; на царя и сердились по временамъ, но вѣдь и на Бога иногда сердятся, однако, это не мѣшаетъ имѣть къ нему культъ; такъ и огорченія отъ царя и на него досада въ общемъ не мѣшали русскому народу питать къ царю чувства, аналогичныя съ религіознымъ культомъ, чувства благоговѣнія и страха. Въ виду этого, Разину ничего не оставалось, какъ объявить народу, что царь находится въ неволѣ у бояръ-измѣнниковъ; отсюда вытекала необходимость идти противъ бояръ-измѣнниковъ для освобожденія и царя; такимъ образомъ и особа царя была включена въ разрядъ всѣхъ, нуждающихся въ освобожденіи. Теперь выходило не очень яснымъ одно; какое положеніе займетъ царь по введеніи казацкаго общественнаго устройства,—долженъ ли онъ будетъ обратиться въ вольнаго казака или батюшка Степанъ Тимофеевичъ принужденъ будетъ уступить царю постъ главнаго атамана; но Разинъ не заботился объ особой ясности своей политической программы; да и къ царю лично относился не очень почтительно, когда хвалился, что онъ сожжетъ „на верху у государя“ всѣ дѣла. Товарищи Разина не отставали отъ него, и въ Астрахани про царя говорили такія рѣчи, что, какъ показывалось на допросахъ, и „помыслить страшно“. Разинъ стремился прежде всего поднять народныя массы, и ради этой ближайшей цѣли пускалъ въ ходъ всѣ средства, бывшія у него подъ рукой. Заявленіемъ, что идетъ за государя, Разинъ, зная народное отношеніе къ царю, хотѣлъ до извѣстной степени легализировать начатое имъ движеніе. Въ этихъ именно видахъ Разинъ распространилъ, что у него на стругу находится царевичъ Алексѣй, незадолго до того умершій.

Но у вождя вольницы было желаніе придать движенію санкцію и со стороны духовной власти, со стороны великаго государя-патріарха, большого значенія котораго тоже нельзя было игнорировать, и вотъ пущенная молва добавляла, что, кромѣ царевича Алексѣя, на разинскомъ стругѣ находится еще патріархъ Никонъ, незадолго предъ тѣмъ лишенный сана и жившій въ заточеніи на Бѣлоозерѣ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ. На патріарха Никона у казаковъ еще до начала движенія были виды: трое богомольцевъ съ тихаго Дона по пути въ Соловки заходили къ низверженному патріарху и звали его съ собой на Волгу. Никонъ, разумѣется, на Волгу, не пошелъ, на „ту,—какъ онъ говорилъ,—воров-

скую прелесть не подался", но понялъ, что готовится большое „воровское собраніе" и, умолчавъ о приходившихъ къ нему казакахъ, пропавшихъ „невѣдомо куда", предсказывалъ тогда о смятеніи и кровопролитіи, яко бы возвѣщеннымъ ему самимъ Божествомъ. Этотъ эпизодъ съ Никономъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что здѣсь вскрывается, какъ будто бы, попытка казаковъ къ освобожденію изъ неволи и того, кто былъ нѣкогда „собиннымъ пріятелемъ" царя Алексѣя Михайловича.

Если пропаганда борьбы съ измѣнниками-боярами за государя имѣла всѣ шансы за успѣхъ, то надежды, возлагавшіяся на молву о присутствіи при Разинѣ патріарха Никона, являлись мало основательными, ибо уже начался расколъ, и Никонъ былъ непопуляренъ въ народѣ вообще и въ особенности среди оппозиціонныхъ его элементовъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ Разинъ, лично слишкомъ индифферентный къ вопросамъ вѣры, не уловилъ отрицательнаго народнаго отношенія къ патріарху-осквернителю церкви „новшествами" и, *намекая на солидарность съ нимъ патріарха Никона, сдѣлалъ крупную политическую ошибку*.

Такъ обставлена была Разинымъ пропаганда возстанія противъ государственнаго и общественнаго строя Москвы.

Теперь, въ заключеніе, подчеркнемъ двѣ стороны этого сложнаго явленія. Разиновщина прежде всего явленіе соціологическое. Начало ея, относящееся къ 1668 г., характеризуется, какъ простой казацкій набѣгъ за добычей на Волгу и на море; но избытокъ голытьбы на Дону, давшій возможность „собраться" сильной „воровской" шайкѣ, продолжалъ благопріятствовать ея предводителю, и онъ въ 1670 г. предпринялъ уже не съ шайкой, а съ цѣлымъ казацкимъ войскомъ борьбу противъ государства. Съ государствомъ казацкая голытьба вообще не могла примириться: его устои находились въ полномъ противорѣчіи съ обычаями казаковъ, главнымъ образомъ съ обычаемъ болѣе чѣмъ безпечно относиться къ чужимъ „зипунамъ", къ чьей бы то ни было собственности; но государство осязательно давало себя чувствовать и вообще простому народу, вслѣдствіе чего казацкое движеніе, имѣвшее ближайшею цѣлью свои интересы—добычу, совпало съ интересами низовъ городского населенія и обратилось въ возстаніе городовъ противъ боярско-приказной администраціи. Слѣдующею стадіею движенія является возмущеніе крестьянской русской и инородческой массы противъ того же боярско-приказнаго управленія, а также и противъ помѣщиковъ; такимъ образомъ, движеніе изъ чисто разбойничьяго, превратившись въ политическое, подъ конецъ получило и соціальный оттѣнокъ. „Воровское собраніе" на Дону около Разина никогда бы не развилось въ движеніе политическаго и соціальнаго характера, если бы не народное недовольство, вызванное тягостями политическаго режима и соціальнаго быта, если бы не готовность народныхъ массъ подняться противъ тѣхъ, кого онъ считалъ виновниками всѣхъ своихъ бѣдъ. Возбужденный смѣлымъ предпріятіемъ голутвенныхъ казаковъ, народъ поддержалъ Разина и тѣмъ самымъ создалъ Разиновщину, но у Разина и казацкой вольницы не оказалось достаточныхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ поддержать народъ, и послѣдній ничего не получилъ отъ Разиновщины, кромѣ новаго горя по подавленіи мятежа.

Итакъ, изучая Разиновщину, мы можемъ уяснить себѣ, какъ бездомная часть казачества и низшіе слои населенія реагировали на тяжелое положеніе народныхъ массъ въ московскомъ государствѣ XVII-го вѣка. Лишенныя возможности повліять на характеръ управленія и ходъ зако-

нодательства на легальной почвѣ, эти массы, вслѣдъ за казацкой вольницей, перешли на нелегальную или, по официальному выраженію того времени, на „воровскую“ и высказались по-казацки—„воровскимъ обычаемъ“ и соотвѣтственно низкой степени культуры задавленнаго государственнымъ и соціальнымъ ярмомъ народа... Это—одна сторона вопроса. Другая заключается вотъ въ чемъ. Разиновщина, ничего не измѣнивъ въ условіяхъ политическаго и соціальнаго существованія народа, *оставила глубокій слѣдъ въ народной психикѣ*. Будучи произведеніемъ извѣстнаго настроенія массъ, созданнаго дѣйствовавшими съ давнихъ поръ общими условіями жизни, а также и ея новыми явленіями и событіями, Разиновщина оставила послѣ себя яркія и любимыя воспоминанія. Разиновщина, мы знаемъ, была крупнымъ обостреніемъ хронической народной оппозиціи, и когда этотъ моментъ процесса прошелъ, то она, благодаря воспоминаніямъ, сдѣлалась психологическимъ элементомъ не исчезнувшей, съ подавленіемъ мятежа, народной оппозиціи, психологическимъ прецедентомъ, способнымъ, при подходящемъ случаѣ, оживлять разинское настроеніе въ народѣ. Такимъ образомъ, подъ терминомъ „Разиновщина“ можно разумѣть не только опредѣленную политическую и соціальную борьбу, извѣстный историческій фактъ, но и опредѣленный комплексъ чувствъ и стремленій, вызываемый живущими въ народѣ воспоминаніями о знаменитомъ вождѣ „голи кабацкой“, „голутвеннаго“ казачества и чернаго, простого народа.

LXXXII. Грамота царя Алексѣя Михайловича донскимъ казакамъ по случаю возмущенія Разина.

(Изъ «Матеріаловъ для исторіи возмущенія Стеньки Разина», изданныхъ Поповымъ).

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, на Донъ въ нижніе и верхніе городки атаманамъ и казакамъ Корнилову Яковлеву и всему войску Донскому милостивое слово. Въ нынѣшнемъ въ 178 году въ маѣ мѣсяцѣ къ намъ, великому царю, пріѣхалъ съ Дону атаманъ Михайло Самаренинъ. А въ распросѣ сказалъ: нынѣшней зимы въ мартѣ мѣсяцѣ воръ Стенька Разинъ съ товарищами, съ Волги пришедъ къ вамъ на Донъ, учинилъ кругъ и началъ говорить воровскія развратныя рѣчи, наговаривая, чтобъ къ ихъ воровству иные приставали. И вы, атаманъ и старые казаки, помня Бога и нашу государскую милость, не принимая Стенькихъ злыхъ развратныхъ рѣчей, начали съ нимъ спорить; и онъ, Стенька, съ товарищами своими, желая учинить страхъ, добрыхъ казаковъ побивалъ и въ воду металъ. И онъ, Стенька, поносилъ имя Господне и св. церковь хулилъ, и священниковъ съ Дону началъ сбивать, желая жить безъ брака и тѣмъ истинные христіанскіе народы отъ Бога отлученными учинить и осквернить. А вы тому его злому воровскому совѣту не слѣдуйте, въ чемъ и впредь милостивый Богъ въ христіанской истинной вѣрѣ страхомъ своимъ святымъ васъ утвердитъ; такъ же, какъ и въ прежнія времена намъ, великимъ государямъ-царямъ, храбро и мужественно служили, и нынѣ намъ, великому государю, служите вѣрно, а относительно бояръ

нашихъ и воеводъ указа нашего царскаго величества никогда не преступайте. И по совѣту всего Донского войска, по выбору съ атаманами, сколько можно, вы бы бусурманскихъ народовъ тѣснили и между ними на Дону смѣлымъ сердцемъ стояли, въ чемъ и впредь мы, великій государь, на васъ надѣемся, что въ прежнемъ постоянствѣ пребудете, а воровскихъ шатостныхъ людей за крѣпкимъ атаманскимъ постереганіемъ и старшинъ всего войска береженіемъ сдержите. И отъ указа нашего государскаго, и отъ истиннаго своего послушанія не отступайте. А что повсегодно по нашему государскому милостивому указу на Донъ запасы вамъ посылаютъ, и тѣ запасы изготовлены и по причинѣ той ссоры воровской на Воронежѣ до времени задержаны. А для обнадеживанія нашей государской ко всему войску Донскому милости Михайло Самаренинъ съ товарищами пожалованъ нашимъ государскимъ жалованьемъ; а до подлинной отъ васъ съ Дону вѣдомости по нашему великаго государя указу дожидаютъ отпуска своего на Москвѣ. Да іюля въ 3-й день, къ намъ великому государю, писалъ бояринъ нашъ и воевода князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій. Іюля въ 20-й день объявились въ украйнскихъ городахъ Донскіе казаки Семенъ Болдырь съ товарищами семнадцатью человѣками, и о своемъ отпускѣ съ Дону письма у себя не имѣли. И въ нынѣшнее время, такъ какъ воръ Стенька съ товарищами злыми, богоотступными на кровь христіанскую сталъ наступать, нужно, чтобы у васъ добрымъ казакамъ отлучнымъ отъ злыхъ быть, и гдѣ кому случится для промысловъ въ русскіе города ѣхать, брали бы отъ васъ, атамана, проѣзжія памяти. И какъ къ вамъ сія наша великаго государя милостивая грамота прійдетъ, и вы бы, атаманъ, и все войско Донское, читали ее всѣмъ въ слухъ во многіе дни, и для православной христіанской вѣры святыя Божія церкви созидали, и священническій чинъ при себѣ имѣли, и въ войсковомъ послушаніи, въ чемъ нашъ государскій указъ исполнять, были неотступно. А если тотъ воръ и богоотступникъ, церквамъ Божіимъ врагъ, скверный песъ Стенька Разинъ съ товарищами на погибель свою смертную съ Дону отъ васъ ушелъ на Волгу, то и нашъ великаго государя указъ въ города поволжскіе къ боярамъ и воеводамъ нашимъ посланъ, велѣно ратныхъ людей на нихъ посылать, и, за такія ихъ богомерзскія дѣла, какъ отступниковъ побивать безъ пощады, чтобы въ вѣрныхъ христіанскихъ народахъ отъ такихъ воровъ и богоотступниковъ смута не была, и кровь христіанская невинно отъ нихъ не проливалась. А вы бы, нашего царскаго величества атаманъ и старшина и все войско Донское, со всякимъ впредь опасеніемъ въ милости Божіей и въ нашемъ государскомъ жалованьи были надежны и неотступны, и невинная кровь христіанская не лилась бы. А когда такія воровскія ссоры на Дону перестанутъ, и казаки въ послушаніи будутъ, то по нашему великаго государя указу съ Воронежа къ вамъ на Донъ всѣ запасы безъ задержанія будутъ отпущены. А что у васъ, помощью Всесильнаго Бога и нашимъ государскимъ счастьемъ, вѣрною вашею службою учнется дѣлать, о томъ бы къ намъ, великому государю, извѣстія присылали, и для вѣдомости въ украйнскіе города къ воеводамъ нашимъ и къ приказнымъ людямъ для опасенья писали, чтобы служилые и торговые люди отъ тѣхъ воровъ во всемъ оберегались. Писана въ Москвѣ лѣта 7178, іюля въ 8-й день.

LXXXIII. Ординъ-Нащокинъ.

(*Изъ «Курса русской исторіи» проф. Ключевскаго*).

Царь Алексѣй создалъ въ русскомъ обществѣ XVII в. преобразовательное настроеніе. Первое мѣсто въ ряду государственныхъ дѣльцовъ, захваченныхъ такимъ настроеніемъ, безспорно принадлежитъ самому блестящему изъ сотрудниковъ царя Алексѣя, наиболѣе энергическому провозвѣстнику преобразовательныхъ стремленій его времени, боярину Аѳанасію Лаврентьевичу Ордину-Нащокину.

Аѳанасій Лаврентьевичъ былъ сынъ очень скромнаго псковскаго помѣщика; въ Псковскомъ и въ ближнемъ Торопецкомъ уѣздахъ ютилось цѣлое фамильное гнѣздо Нащокиныхъ, которое шло отъ одного виднаго служилаго человѣка при московскомъ дворѣ XIV в. Изъ этого гнѣзда, захудавшаго послѣ своего родоначальника, вышелъ и нашъ Аѳанасій Лаврентьевичъ. Онъ сталъ извѣстенъ еще при царѣ Михаилѣ: его не разъ назначали въ посольскія комиссіи для размежеванія границъ со Швеціей. Въ началѣ Алексѣева царствованія Ординъ-Нащокинъ уже считался на родинѣ виднымъ дѣльцомъ и усерднымъ слугой московскаго правительства. Вотъ почему во время псковскаго бунта 1650 г. мятежники намѣревались убить его. При усмиреніи этого бунта московскими полками Ординъ-Нащокинъ показалъ много усердія и умѣнья. Съ тѣхъ поръ онъ пошелъ въ гору. Когда въ 1654 г. открылась война съ Польшей, ему порученъ былъ чрезвычайно трудный постъ: съ малыми военными силами онъ долженъ былъ сторожить московскую границу со стороны Литвы и Ливоніи. Онъ отлично исполнилъ возложенное на него порученіе. Въ 1656 г. началась война со Швеціей, и самъ царь двинулся въ походъ подъ Ригу. Когда московскія войска взяли одинъ изъ ливонскихъ городовъ на Двинѣ, Кокенгаузенъ (старинный русскій Кукейносъ, когда-то принадлежавшій полоцкимъ князьямъ), Нащокинъ былъ назначенъ воеводой этого и другихъ новозавоеванныхъ городовъ. На этой должности Ординъ-Нащокинъ дѣлаетъ очень важныя военныя и дипломатическія дѣла, сторожитъ границу, завоевываетъ ливонскіе городки, ведетъ переписку съ польскими властями; ни одно важное дипломатическое дѣло не дѣлается безъ его участія. Въ 1658 г. его усиліями заключено было Валіесарское перемиріе со Швеціей, условія котораго превзошли ожиданія самого царя Алексѣя. Въ 1665 г. Ординъ-Нащокинъ сидѣлъ воеводой въ родномъ своемъ Псковѣ. Наконецъ, онъ сослужилъ самую важную и тяжелую службу московскому правительству: послѣ утомительныхъ восьмимѣсячныхъ переговоровъ съ польскими уполномоченными онъ заключилъ въ январѣ 1667 г. въ Андрусовѣ перемиріе съ Польшей, положившее конецъ опустошительной для обѣихъ сторонъ тринадцатилѣтней войнѣ. Въ этихъ переговорахъ Нащокинъ показалъ много дипломатической сообразительности и умѣнья ладить съ иноземцами и вытягалъ у поляковъ не только Смоленскую и Сѣверскую землю и восточную Малороссію, но и изъ западной Кіевъ съ округомъ. Заключеніе Андрусовскаго перемирія поставило Аѳанасія очень высоко въ московскомъ правительствѣ, составило ему громкую дипломатическую извѣстность. Дѣлая всѣ эти дѣла, Нащокинъ быстро поднимался по чиновной лѣстницѣ. Городовой дворянинъ *по отечеству*, по происхожденію, по заключеніи упомянутаго пе-

ремирія онъ былъ пожалованъ въ *бояре* и назначенъ главнымъ управителемъ Посольскаго приказа съ громкимъ титуломъ „царской большой печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя", т.-е. сталъ государственнымъ канцлеромъ.

Такова была служебная карьера Нащокина. Его родина имѣла нѣкоторое значеніе въ его судьбѣ. Псковскій край, пограничный съ Ливоніей, издавна былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними нѣмцами и шведами. Раннее знакомство съ иноземцами и частыя сношенія съ ними давали Нащокину возможность внимательно наблюдать и изучить ближайшія къ Россіи страны западной Европы. Это облегчалось еще тѣмъ, что въ молодости Ордину-Нащокину какъ-то посчастливилось получить хорошее образованіе: онъ зналъ, говорили, математику, языки латинскій и нѣмецкій. Служебныя обстоятельства заставили его познакомиться и съ польскимъ языкомъ. Такъ онъ рано и основательно подготовился къ роли дѣльца въ сношеніяхъ Московскаго государства съ европейскимъ Западомъ. Его товарищи по службѣ говорили про него, что онъ „знаетъ нѣмецкое дѣло и нѣмецкіе обычаи знаетъ же". Внимательное наблюденіе надъ иноземными порядками и привычка сравнивать ихъ съ отечественными сдѣлали Нащокина ревностнымъ поклонникомъ западной Европы и жестокимъ критикомъ отечественнаго быта. Такъ, онъ отрѣшился отъ національной замкнутости и исключительности и выработалъ свое особое политическое мышленіе: онъ первый провозгласилъ у насъ правило, что „доброму не стыдно навыкать и со стороны, у чужихъ, даже у своихъ враговъ". Послѣ него остался рядъ бумагъ, служебныхъ донесеній, записокъ или докладовъ царю по разнымъ политическимъ вопросамъ. Это очень любопытные документы для характеристики какъ самого Нащокина, такъ и преобразовательнаго движенія его времени. Видно, что авторъ говорунъ и бойкое перо; не даромъ даже враги признавали, что Аѳанасій умѣлъ „слагательно", складно писать. У него было и другое еще болѣе рѣдкое качество—тонкій, цѣпкій и ёмкій умъ, умѣвшій быстро схватывать данное положеніе и комбинировать по-своему условія минуты. Это былъ мастеръ своеобразныхъ и неожиданныхъ политическихъ построеній. Съ нимъ было трудно спорить. Вдумчивый и находчивый, онъ иногда выводилъ изъ терпѣнія иноземныхъ дипломатовъ, съ которыми велъ переговоры, и они ему же пеняли за трудность имѣть съ нимъ дѣло: не пропуститъ ни малѣйшаго промаха, никакой непослѣдовательности въ дипломатической діалектикѣ, сейчасъ поддѣнетъ и поставитъ втупикъ оплошнаго или близорукаго противника, отравитъ ему чистыя намѣренія, самимъ же имъ внушенныя, за что однажды пеняли ему польскіе комиссары, съ нимъ переговаривавшіеся. Такое направленіе ума совмѣщалось у него съ неугомонной совѣстью, съ привычкой колоть глаза людямъ ихъ несообразительностью. Ворчать за правду и здравый разсудокъ онъ считалъ своимъ долгомъ и даже находилъ въ томъ большое удовольствіе. Въ его письмахъ и докладахъ царю всего рѣзче звучитъ одна нота: всѣ они полны немолчныхъ и часто очень желчныхъ жалобъ на московскихъ людей и московскіе порядки. Ординъ-Нащокинъ вѣчно на все ропщетъ, всѣмъ недоволенъ: правительственными учрежденіями и приказными обычаями, военнымъ устройствомъ, нравами и понятіями общества. Его симпатіи и антипатіи, мало раздѣляемыя другими, создавали ему неловкое, двусмысленное положеніе въ московскомъ обществѣ. Привязанность его къ западно-европейскимъ порядкамъ и порицаніе своихъ нравилось иноземцамъ, съ нимъ сближавшимся, которые снисходительно признавали въ

немъ „неглупаго подражателя“ своихъ обычаевъ. Но это же самое надѣлало ему множество враговъ между своими и давало поводъ его московскимъ недоброхотамъ смѣяться надъ нимъ, называть его „иноземцемъ“. Двусмысленность его положенія еще усиливалась его происхожденіемъ и характеромъ. Свои и чужіе признавали въ немъ человѣка остраго ума, съ которымъ онъ пойдетъ далеко; этимъ онъ задѣвалъ много встрѣчныхъ самолюбій и тѣмъ болѣе, что онъ шелъ не обычной дорогой, къ какой предназначенъ былъ происхожденіемъ, а жестокій и нѣсколько задорный нравъ его не смягчалъ этихъ столкновеній. Нащокинъ былъ чужой среди московскаго служебнаго міра и какъ политическій новикъ долженъ былъ съ бою брать свое служебное положеніе, чувствуя, что каждый его шагъ впередъ увеличиваетъ число его враговъ, особенно среди московской боярской знати.

Въ его бумагахъ можно набрать значительный запасъ идей и проектовъ, которые при надлежащей практической разработкѣ могли стать и стали надолго руководящими началами внутренней и внѣшней политики.

Первая идея, на которой упорно стоитъ Нащокинъ, заключалась въ томъ, чтобы во всемъ брать образецъ съ Запада, все дѣлать „съ примѣру сторонних чужихъ земель“. Это—исходная точка его преобразовательныхъ плановъ; но не все нужно брать безъ разбора у чужихъ. „Какое намъ дѣло до иноземныхъ обычаевъ, говаривалъ онъ: ихъ платье не по насъ, а наше не по нихъ“. Это былъ одинъ изъ немногихъ западниковъ, подумавшихъ о томъ, что можно и чего не нужно заимствовать, искавшихъ соглашенія общеевропейской культуры съ національной самобытностью. Потомъ Нащокинъ не могъ помириться съ духомъ и привычками московской администраціи, дѣятельность которой неумѣренно руководилась личными счетами и отношеніями, а не интересомъ государственнаго дѣла, порученнаго тому или другому дѣльцу. „У насъ, пишетъ онъ, любятъ дѣло или ненавидятъ его, смотря не по дѣлу, а по человѣку, который его дѣлаетъ: меня не любятъ, а потому и дѣломъ моимъ пренебрегаютъ“. Когда царь выражалъ Нащокину неудовольствіе за его нелады съ тѣмъ или другимъ знатнымъ завистникомъ, Аѳанасій отвѣчалъ, что личной вражды у него нѣтъ, но „о государевѣ дѣлѣ сердце болитъ и молчать не даетъ, когда въ государевѣ дѣлѣ вижу чье нерадѣнье“. Итакъ, дѣло въ дѣлѣ, а не въ лицахъ — вотъ второе правило, которымъ руководился Нащокинъ. Главнымъ его поприщемъ была дипломатія, и это былъ дипломатъ первой величины, по признанію современниковъ, даже иностранцевъ; по крайней мѣрѣ, онъ едва ли не первый изъ русскихъ государственныхъ людей заставилъ иностранцевъ уважать себя. Англичанинъ Коллинсъ, врачъ царя Алексѣя, прямо называетъ Нащокина великимъ политикомъ, который не уступитъ ни одному изъ европейскихъ министровъ. Зато и онъ уважалъ свое дѣло. Дипломатія составляетъ, по его мнѣнію, главную функцію государственнаго управленія, и только достойные люди могутъ браться за такое дѣло. „На государственныя дѣла, писалъ онъ, подобаетъ мысленныя очеса устремлять безпорочнымъ и избраннымъ людямъ къ расширенію государства со всѣхъ сторонъ, а это есть дѣло одного Посольскаго приказа“.

У Нащокина были свои дипломатическіе планы, своеобразные взгляды на задачи внѣшней московской политики. Ему пришлось дѣйствовать въ ту минуту, когда ребромъ были поставлены самые щекотливые вопросы, питавшіе непримиримую вражду Московскаго государства съ Польшей и

Швеціей, вопросы о Малороссіи, о Балтійскомъ берегѣ. Обстоятельства поставили Нащокина въ самый водоворотъ сношеній и столкновеній, вызванныхъ этими вопросами. Но у него не закружилась голова въ этомъ водоворотѣ: въ запутанныхъ дѣлахъ онъ умѣлъ отдѣлить важное отъ шумнаго, привлекательное отъ полезнаго, мечты отъ достижимаго. Онъ видѣлъ, что въ тогдашнемъ положеніи и при наличныхъ средствахъ Московскаго государства для него неразрѣшимъ въ полномъ объемѣ вопросъ малороссійскій, т.-е. вопросъ о возсоединеніи югозападной Руси съ Великороссіей. Вотъ почему онъ склонялся къ миру и даже къ тѣсному союзу съ Польшей и хотя хорошо зналъ, какъ онъ выражался, „зѣло шаткій, бездушный и непостоянный польскій народъ", но отъ союза съ нимъ ждалъ разнообразныхъ выгодъ. Между прочимъ, чаялъ онъ, турецкіе христіане, молдаване и волохи, прослышавъ про этотъ союзъ, отложатся отъ турокъ, и тогда всѣ дѣти Восточной Церкви, обитающія отъ самаго Дуная вплоть до предѣловъ Великой Россіи и нынѣ разъединяемыя враждебной Польшей, сольются въ многочисленный христіанскій народъ, покровительствуемый православнымъ царемъ московскимъ, и сами собою прекратятся шведскія козни, возможныя только при русско-польской распрѣ. Въ 1667 г. польскимъ посламъ, пріѣхавшимъ въ Москву для подтвержденія Андрусовскаго договора, Нащокинъ въ одушевленной рѣчи развивалъ свои мечты о томъ, какой великой славой покрылись бы всѣ славянскіе народы и какія великія предпріятія увѣнчались бы успѣхомъ, если бы племена, населяющія наши государства и почти всѣ говорящія по-славянски отъ Адріатическаго до Нѣмецкаго моря и до Сѣвернаго океана, соединились, и какая слава ожидаетъ оба государства въ будущемъ, когда они, стоя во главѣ славянскихъ народовъ, соединятся подъ одною державою.

Помыслы о соединеніи всѣхъ славянъ подъ дружнымъ руководительствомъ Москвы и Польши были политической идилліей Нащокина. Какъ практическаго дѣльца, его больше занимали интересы болѣе дѣлового свойства. Его дипломатическій взглядъ обращался во всѣ стороны, всюду внимательно высматривая или заботливо подготовляя новыя прибыли для казны и народа. Онъ старался устроить торговыя сношенія съ Персіей и Средней Азіей, съ Хивой и Бухарой, снаряжалъ посольство въ Индію, смотрѣлъ и на Дальній Востокъ, на Китай, помышлялъ объ устройствѣ казацкой колонизаціи Поамурья. Но въ этихъ поискахъ на первомъ планѣ, разумѣется, оставалась въ его глазахъ ближайшая западная сторона, Балтійское море. Руководясь народно-хозяйственными соображеніями не меньше, чѣмъ національно-политическими, онъ понималъ торгово-промышленное и культурное значеніе этого моря для Россіи, и потому его вниманіе было усиленно обращено на Швецію, именно на Ливонію, которую, по его мнѣнію, слѣдовало добыть во что бы ни стало: отъ этого пріобрѣтенія онъ ждалъ громадной пользы для русской промышленности и казны царя. Увлекаемый идеями своего дѣльца, царь Алексѣй смотрѣлъ въ ту же сторону, хлопоталъ о возвращеніи бывшихъ русскихъ владѣній, о пріобрѣтеніи „морскихъ пристанищъ", гаваней, Нарвы, Иванъ-города, Орѣшка и всего теченія рѣки Невы со шведской крѣпостцой Канцами (Ніеншанцъ), гдѣ позднѣе возникъ Петербургъ. Но Нащокинъ и здѣсь шире смотрѣлъ на дѣло: онъ доказывалъ, что изъ-за мелочей не слѣдуетъ выпускать изъ виду главной цѣли, что Нарва, Орѣшекъ — все это неважные пункты; нужно пробраться прямо къ морю, пріобрѣсти Ригу, пристань которой открываетъ ближайшій

прямой путь въ западную Европу. Составить коалицію противъ Швеціи, чтобы отнять у нея Ливонію—это была завѣтная мысль Нащокина, составлявшая душу его дипломатическаго плана. Для этого онъ хлопоталъ о мирѣ съ ханомъ крымскимъ, о тѣсномъ союзѣ съ Польшей, жертвуя западной Малороссіей. Эта мысль не увѣнчалась успѣхомъ; но Петръ Великій цѣликомъ унаслѣдовалъ эти помыслы отцова министра.

Впрочемъ политическій кругозоръ Нащокина не ограничивался вопросами внѣшней политики. Нащокинъ по-своему смотрѣлъ и на порядокъ внутренняго управленія въ Московскомъ государствѣ: онъ былъ недоволенъ какъ устройствомъ, такъ и ходомъ этого управленія. Онъ возставалъ противъ излишней регламентаціи, господствовавшей въ московскомъ управленіи. Здѣсь все держалось на самой стѣснительной опекѣ высшихъ центральныхъ учрежденій надъ подчиненными исполнителями: исполнительные органы были слѣпыми орудіями данныхъ имъ сверху наказовъ. Нащокинъ требовалъ извѣстнаго простора для исполнителей: „не во всемъ дожидаться государева указа, писалъ онъ: вездѣ надобно воеводское разсмотрѣніе“, т.-е. дѣйствіе по собственному соображенію уполномоченнаго. Онъ указывалъ на примѣръ Запада, гдѣ во главѣ войска ставится знающій полководецъ, самъ разсылающій указы подчиненнымъ начальникамъ, а не требующій на всякую мелочь указа изъ столицы. „Гдѣ глазъ видитъ и ухо слышитъ, тутъ и надо промыслъ держать неотложно“, писалъ онъ. Но требуя самостоятельности для исполнителей, онъ возлагаетъ на нихъ и большую отвѣтственность. Не по указу, не по обычаю и рутинѣ, а по соображенію обстоятельствъ минуты должна дѣйствовать администрація. Такую дѣятельность, основанную на личной сообразительности дѣльца, Нащокинъ называетъ „промысломъ“. Грубая сила мало значитъ. „Лучше всякой силы промыслъ; дѣло въ промыслѣ, а не въ томъ, что людей много; и много людей, да промышленника нѣтъ, такъ ничего не выйдетъ; вотъ шведъ всѣхъ сосѣднихъ государей безлюднѣе, а промысломъ надъ всѣми верхъ беретъ; у него никто не смѣетъ отнять воли у промышленника; половину рати продать да промышленника купить—и то будетъ выгоднѣе“.

Таковы административные взгляды и пріемы Нащокина. Онъ дѣлалъ нѣсколько попытокъ практическаго примѣненія своихъ идей. Наблюденія надъ жизнью западной Европы привели его къ сознанію главнаго недостатка московскаго государственнаго управленія, который заключался въ томъ, что это управленіе направлено было единственно на эксплуатацію народнаго труда, а не на развитіе производительныхъ силъ страны. Народно-хозяйственные интересы приносились въ жертву фискальнымъ цѣлямъ и цѣнились правительствомъ лишь какъ вспомогательныя средства казны. Изъ этого сознанія вытекали вѣчные толки Нащокина о развитіи промышленности и торговли въ Московскомъ государствѣ. Онъ едва ли не раньше другихъ усвоилъ мысль, что народное хозяйство само по себѣ должно составлять одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ государственнаго управленія. Нащокинъ былъ однимъ изъ первыхъ политико-экономовъ на Руси. Но чтобы промышленный классъ могъ дѣйствовать производительнѣе, надо было освободить его отъ гнета приказной администраціи. Управляя Псковомъ, Нащокинъ попытался примѣнить здѣсь свой проектъ городского самоуправленія, взятый „съ примѣру сторонныхъ чужихъ земель“, т.-е. западной Европы. Это единственный въ своемъ родѣ случай въ исторіи мѣстнаго московскаго управленія XVII в., не лишенный даже нѣкотораго драматизма и ярко характеризующій какъ

самого Нащокина, его виновника, такъ и порядки, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Пріѣхавъ въ Псковъ въ мартѣ 1665 г., новый воевода засталъ въ родномъ городѣ страшную неурядицу. Онъ увидѣлъ великую вражду между посадскими людьми: „лутчіе", состоятельнѣйшіе купцы, пользуясь своей силой въ городскомъ общественномъ управленіи, обижали „середнихъ и мелкихъ людишекъ" въ разверсткѣ податей и въ нарядахъ на казенныя службы, вели городскія дѣла „своимъ изволомъ", безъ вѣдома остального общества: тѣ и другіе разорялись отъ тяжебъ и приказной неправды; изъ-за нѣмецкаго рубежа въ Псковъ и изъ Пскова за рубежъ провозили товары безпошлинно; маломочные торговцы, не имѣя оборотнаго капитала, тайно брали у нѣмцевъ деньги на подрядъ, скупали подешевле русскіе товары и какъ свои продавали, точнѣе, передавали ихъ своимъ довѣрителямъ, довольствуясь ничтожнымъ комиссіоннымъ заработкомъ.—„изъ малаго прокормленія"; этимъ они донельзя сбивали цѣны русскихъ товаровъ, сильно подрывали настоящихъ капиталистовъ, должали неоплатно иноземцамъ, разорялись. Нащокинъ вскорѣ по пріѣздѣ предложилъ псковскому посадскому обществу рядъ мѣръ, которыя земскіе старосты Пскова, собравшись съ лучшими людьми въ земской избѣ (городской управѣ) „для общаго всенароднаго совѣту", должны были обсудить со всякимъ усердіемъ. Здѣсь, при участіи воеводы выработаны были „статьи о градскомъ устроеніи", своего рода положеніе объ общественномъ управленіи гор. Пскова съ пригородами въ 17 статьяхъ. Положеніе было одобрено въ Москвѣ и заслужило милостивую похвалу царя воеводѣ за службу и радѣнье, а псковскимъ земскимъ старостамъ и всѣмъ посадскимъ людямъ „за ихъ добрый совѣтъ и за радѣнье во всякихъ добрыхъ дѣлѣхъ".

Важнѣйшія статьи положенія касаются преобразованія посадскаго общественнаго управленія и суда и упорядоченія внѣшней торговли, одного изъ самыхъ дѣятельныхъ нервовъ экономической жизни Псковскаго края. Посадское общество гор. Пскова выбираетъ изъ своей среды на три года 15 человѣкъ, изъ коихъ пятеро по очереди въ продолженіе года ведутъ городскія дѣла въ земской избѣ. Въ вѣдѣніи этихъ „земскихъ выборныхъ людей" сосредоточиваются городское хозяйственное управленіе, надзоръ за питейной продажей, таможеннымъ сборомъ и торговыми сношеніями псковичей съ иноземцами; они же и судятъ посадскихъ людей въ торговыхъ и другихъ дѣлахъ; только важнѣйшія уголовныя преступленія, измѣна, разбой и душегубство, остаются подсудны воеводамъ. Такъ, псковскій воевода добровольно поступался значительной долей своей власти въ пользу городского самоуправленія. Въ особо важныхъ городскихъ дѣлахъ очередная треть выборныхъ совѣщается съ остальными и даже призываетъ на совѣтъ лучшихъ людей изъ посадскаго общества.

Нащокинъ видѣлъ главные недостатки русской торговли въ томъ, что „русскіе люди въ торговлѣ слабы другъ передъ другомъ", неустойчивы, не привыкли дѣйствовать дружно и легко попадаютъ въ зависимость отъ иностранцевъ. Главныя причины этой неустойчивости—недостатокъ капиталовъ, взаимное недовѣріе и отсутствіе удобнаго кредита. На устраненіе этихъ недостатковъ и были направлены статьи псковскаго положенія о торговлѣ съ иноземцами. Маломочные торговцы распредѣляются „по свойству и знакомству" между крупными капиталистами, которые наблюдаютъ за ихъ промыслами. Земская изба выдаетъ имъ изъ городскихъ суммъ ссуды для покупки русскихъ вывозныхъ то-

варовъ. Для торговли съ иноземцами учреждаются подъ Псковомъ двѣ двухнедѣльныя ярмарки съ безпошлиннымъ торгомъ, отъ 6 января и отъ 9 мая. Къ этимъ ярмаркамъ мелкіе торговцы на полученную ссуду при поддержкѣ капиталистовъ, къ которымъ приписаны, скупаютъ вывозные товары, записываютъ ихъ въ земской избѣ и передаютъ своимъ принципаламъ; тѣ уплачиваютъ имъ покупную стоимость принятыхъ товаровъ для новой закупки къ слѣдующей ярмаркѣ и дѣлаютъ имъ „наддачу" къ этой покупной цѣнѣ „для прокормленія", а продавъ иноземцамъ довѣренный товаръ по установленнымъ большимъ цѣнамъ, выдаютъ своимъ кліентамъ причитающуюся имъ „полную прибыль", компанейскій дивидендъ. Такое устройство торговаго класса должно было сосредоточить обороты внѣшней торговли въ немногихъ крѣпкихъ рукахъ, которыя были бы въ состояніи держать на надлежащей высотѣ цѣны туземныхъ товаровъ.

Въ Новоторговомъ уставѣ Нащокинъ провелъ мысль объ особомъ приказѣ, который вѣдалъ бы купецкихъ людей и служилъ бы имъ въ пограничныхъ городахъ обороной отъ другихъ государствъ и во всѣхъ городахъ защитой и управой отъ воеводскихъ притѣсненій. Этотъ *Приказъ купецкихъ дѣлъ* имѣлъ стать предшественникомъ учрежденной Петромъ Великимъ Московской ратуши или Бурмистерской палаты, вѣдавшей все городское торгово-промышленное населеніе государства.

Таковы преобразовательные планы и опыты Нащокина. Можно подивиться широтѣ и новизнѣ его замысловъ, разнообразію его дѣятельности: это былъ плодовитый умъ съ прямымъ и простымъ взглядомъ на вещи. Въ какую бы сферу государственнаго управленія ни попадалъ Нащокинъ, онъ подвергалъ суровой критикѣ установившіеся въ ней порядки и давалъ болѣе или менѣе ясный планъ ея преобразованія. Онъ сдѣлалъ нѣсколько военныхъ опытовъ, замѣтилъ недостатки въ военномъ устройствѣ и предложилъ проектъ его преобразованія. Конную милицію городовыхъ дворянъ онъ признавалъ совсѣмъ непригодной въ боевомъ отношеніи и считалъ необходимымъ замѣнить ее обученнымъ иноземному строю ополченіемъ изъ пѣшихъ и конныхъ „даточныхъ людей", рекрутовъ. Очевидно, это—мимоходомъ высказанная мысль о регулярной арміи, комплектуемой рекрутскими наборами изъ всѣхъ сословій. Что бы ни задумывалось новаго въ Москвѣ, заведеніе ли флота на Балтійскомъ или Каспійскомъ морѣ, устройство заграничной почты, даже просто разведеніе красивыхъ садовъ съ выписными изъ-за границы деревьями и цвѣтами,—при всякомъ новомъ дѣлѣ стоялъ или предполагался непремѣнно Ординъ-Нащокинъ. Одно время по Москвѣ ходили даже слухи, будто онъ занимается пересмотромъ русскихъ законовъ, перестройкой всего государства и именно въ духѣ децентрализаціи, въ смыслѣ ослабленія столичной приказной опеки надъ мѣстными управленіями, съ которой Нащокинъ воевалъ всю свою жизнь. Можно пожалѣть, что ему не удалось сдѣлать всего, что́ онъ могъ сдѣлать; его неуступчивый и строптивый характеръ положилъ преждевременный конецъ его государственной дѣятельности. У Нащокина не было полнаго согласія съ царемъ во взглядахъ на задачи внѣшней политики. Оставаясь вполнѣ корректнымъ дипломатомъ, виновникъ Андрусовскаго договора крѣпко стоялъ за точное его исполненіе, т.-е. за возможность возвращенія Кіева Польшѣ, что царь считалъ нежелательнымъ, даже прямо грѣшнымъ дѣломъ. Это разногласіе постепенно охлаждало государя къ его любимцу. Назначенный въ 1671 г. для новыхъ переговоровъ съ Польшей, въ которыхъ ему пред-

стояло разрушать собственное дѣло, нарушать договоръ съ поляками, скрѣпленный всего годъ тому назадъ его присягой, Нащокинъ отказался исполнить порученіе, а въ февралѣ 1672 г. игуменъ псковской Крыпецкой пустыни Тарасій постригъ Аѳанасія въ монахи подъ именемъ Антонія. Онъ записалъ себѣ на память день своей отставки, 2 декабря 1671 г., когда царь при всѣхъ боярахъ его „милостиво отпустилъ и отъ всее мірские суеты свободилъ явно". Послѣднія мірскія заботы инока Антонія были сосредоточены на устроенной имъ во Псковѣ богадѣльнѣ. Онъ умеръ въ 1680 г.

Ординъ-Нащокинъ во многомъ предупредилъ Петра и первый высказалъ много идей, которыя осуществилъ преобразователь. Это былъ смѣлый, самоувѣренный бюрократъ, знавшій себѣ цѣну, но при этомъ заботливый и доброжелательный къ управляемымъ, съ дѣятельнымъ и дѣловымъ умомъ; во всемъ и прежде всего онъ имѣлъ въ виду государственный интересъ, общее благо. Онъ не успокоивался на рутинѣ, всюду зорко подмѣчалъ недостатки существующаго порядка, вѣрно соображалъ средства для ихъ устраненія, чутко угадывалъ задачи, стоявшія на очереди. Обладая сильнымъ практическимъ смысломъ, онъ не ставилъ далекихъ цѣлей, слишкомъ широкихъ задачъ. Умѣя найтись въ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности, онъ старался устроить всякое дѣло, пользуясь наличными средствами. Но твердя безъ умолку о недостаткахъ дѣйствующаго порядка, онъ не касался его основаній, думалъ поправлять его по частямъ. Въ его умѣ неясные преобразовательные порывы Алексѣева времени впервые стали облекаться въ отчетливые проекты и складываться въ связный планъ реформы; но это не былъ радикальный планъ, требовавшій общей ломки: Нащокинъ далеко не былъ безразсчетнымъ новаторомъ. Его преобразовательная программа сводилась къ тремъ основнымъ требованіямъ: къ улучшенію правительственныхъ учрежденій и служебной дисциплины, къ выбору добросовѣстныхъ и умѣлыхъ правителей и къ увеличенію казенной прибыли, государственныхъ доходовъ посредствомъ подъема народнаго богатства путемъ развитія промышленности и торговли.

LXXXIV. Возвышеніе Матвѣева и начало борьбы между Нарышкиными и Милославскими.

(Изъ соч. Щебальскаго: «Чтенія изъ русской исторіи съ исхода XVII в.»).

Около двухсотъ лѣтъ тому назадъ (1669 г.) съ высокой башни Ивана-Великаго разнеслись на всю Москву рѣдкіе, печальные удары колокола: это была вѣсть народу о преставленіи царицы Маріи Ильинишны. Народъ, правда, мало зналъ своихъ царицъ, которыя никогда не являлись публично, а выѣзжали не иначе, какъ въ закрытыхъ каретахъ, но онъ питалъ уваженіе и преданность къ царскому семейству и не былъ равнодушенъ къ потерямъ, которыя его постигали.

Царь Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ супругѣ своей великолѣпныя похороны, заказалъ по ней поминанья во всѣхъ московскихъ церквахъ, въ иныя сдѣлалъ богатые вклады, тосковалъ, печалился, глядя на дѣтей своихъ, оставшихся сиротами, но наконецъ сталъ скучать и тяготиться

своимъ одиночествомъ. Не меньше царя печалились и родственники покойной царицы — Милославскіе, а также ихъ друзья и свойственники: Соковкины, Хитрово, Урусовы; всѣ они были въ милости, силѣ и почетѣ по свойству своему съ покойною. Бывало, чего бы ни пожелали они для себя или для своихъ, чести ли боярской, воеводства ли доходнаго, придворной-то должности приближенной, тотчасъ къ Ильѣ Даниловичу, отцу царицы; тотъ къ дочери, а она къ царю, и дѣло слажено. Теперь ужъ на это нельзя было больше надѣяться; а хуже всего для нихъ было то, что государь могъ вступить во второй бракъ, а съ новою царицей приблизилась бы новая родня, новые люди.

Уже въ послѣднее время, при прежней царицѣ, стали появляться новые люди, на которыхъ царская родня косо посматривала, напримѣръ, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Это былъ умный, дѣльный, ловкій человѣкъ. Началъ онъ съ небольшого: былъ сынъ небогатаго человѣка, безъ родства и безъ связей, но малу-по-малу сдѣлался чуть не первымъ лицомъ въ государствѣ. Когда онъ появился при дворѣ, никто не обращалъ на него вниманія; жилъ онъ тихо и скромно въ небольшомъ домикѣ, въ приходѣ Николы на Столбахъ, никому не навязывался въ дружбу, но ни отъ кого и не удалялся: въ царскихъ ли палатахъ или въ думѣ заговоритъ съ нимъ какой-нибудь важный бояринъ, Матвѣевъ разумно и тихо отвѣтитъ, но самъ на разговоры не напрашивается, удивлять никого не думаетъ; и добился онъ такимъ образомъ, что привыкли его видѣть, и коситься на него родовитые бояре перестали. А между тѣмъ государь все больше къ нему привязывался, принималъ его запросто и безъ совѣта его ни на что не рѣшался; коротко сказать, онъ сдѣлался любимцемъ царя, какъ прежде бояринъ Морозовъ. Милославскіе всполошились и рады были бы оттереть его отъ двора, но уже было поздно. Государь безъ него уже не могъ обойтись, да и между первыми царедворцами не мало было такихъ, которымъ онъ вошелъ въ душу. Князь Черкасскій, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ знатныхъ въ то время людей, былъ задушевнымъ другомъ Матвѣева; Одоевскій тоже, а это былъ весьма близкій къ государю человѣкъ.

Когда скончалась царица Марья Ильинишна, и вдовцу стало казаться пусто въ его кремлевскихъ палатахъ, Матвѣевъ началъ еще чаще прежняго видаться съ государемъ. Мало того, что онъ и утромъ, послѣ думы, зайдетъ въ царскіе покои, и нѣсколько часовъ сряду просидитъ послѣ вечеренъ, государь и самъ нерѣдко сталъ къ нему жаловать. Матвѣевъ былъ тогда уже начальникомъ посольскаго приказа, т.-е. какъ бы министромъ иностранныхъ дѣлъ; слѣдовательно, не только всѣ иноземцы, проживавшіе въ Москвѣ, а ихъ было не мало, но и посланники разныхъ государей, пріѣзжавшіе въ Россію, должны были къ нему являться по своимъ дѣламъ. Въ маленькой и тѣсной избенкѣ такихъ людей принимать не приходилось. Государь и самъ любилъ, чтобы все вокругъ него было парадно, и подсмѣивался, что его министръ живетъ какъ какой-нибудь стрѣлецкій голова. Матвѣетъ долго отшучивался, понимая, очень хорошо, что заживи онъ на широкую ногу, сейчасъ найдутся люди, которые заговорятъ, что онъ корыстуется казеннымъ добромъ и хочетъ перещеголять родовыхъ князей, а это такая вина, которая показалась бы хуже самой корысти. По этому-то Матвѣевъ, какъ умный человѣкъ, и отыгрывался отъ постройки новаго дома. „Я человѣкъ маленькій, незнатный, говорилъ онъ царю; не годится мнѣ жить въ великихъ хоромахъ“. Случилось, что объ этомъ какъ-то распространился по

Москвѣ слухъ: и что же? Стрѣльцы и простые люди, съ которыми Матвѣевъ былъ всегда ласковъ и обходителенъ, пришли къ нему и сказали: „Мы разберемъ могилы нашихъ отцовъ и братій и навеземъ тебѣ каменьевъ для твоего дома, если ты жалѣешь царскую казну!“ Матвѣевъ, конечно, не принялъ такой жертвы, но немедленно построилъ себѣ новый домъ, каменный, по тогдашнему большой и красивый, въ которомъ не стыдно было принять хотя бы и цесарскаго посла. Не надобно однакожъ думать, чтобы это было что-нибудь въ родѣ нынѣшнихъ дворцовъ: самыя обширныя и великолѣпныя тогдашнія палаты удобно установились бы, и съ крышею, и съ фундаментомъ, въ иную залу Зимняго или новаго Кремлевскаго дворца. Ни дома Матвѣева, ни даже изображенія этого дома, къ сожалѣнію, не сохранилось: но есть въ Москвѣ и въ другихъ старинныхъ городахъ нашихъ много зданій, построенныхъ въ XVII в.; есть даже нѣкоторыя изъ нихъ, которыя сохраняются безъ измѣненія, какъ образчики старины, или которыя возобновлены въ старинномъ видѣ, напримѣръ, домъ князя Юсупова въ Москвѣ, домъ издавна принадлежащій фамиліи Романовыхъ, и терема царскіе въ Кремлевскомъ дворцѣ, оставшіеся въ томъ видѣ, какъ они были при Алексѣѣ Михайловичѣ. Во всѣхъ этихъ зданіяхъ комнатки маленькія, низенькія, со сводами, расписанныя *травами* или обитыя кожей съ тисненными на ней узорами; вдоль стѣнъ — лавки, вездѣ множество образовъ, независимо отъ особой молельни; въ передней или столовой палатѣ длинный дубовый столъ, за который ежедневно садилась семья и весьма не рѣдко садились гости, потому что предки наши любили угостить и угоститься. Тутъ же въ особомъ шкафѣ или на полкахъ, стояли тяжелыя серебряные блюда, кубки, ковши—драгоцѣнности, переходившія отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Женская половина была обыкновенно отдѣльная, чаще въ верхнемъ этажѣ. Это были такъ называемые *терема*. Тамъ жила сама хозяйка и дѣти; хозяинъ приходилъ туда только ночевать, и лишь очень немногіе изъ числа близкихъ родственниковъ имѣли туда доступъ. Такимъ образомъ наши прабабки вели жизнь уединенную, которая проходила въ попеченіяхъ о домашнемъ хозяйствѣ и дѣтяхъ, да въ рукодѣльныхъ занятіяхъ; на виду были одни мужчины, хотя нерѣдко бывало, что женщины имѣли вліяніе на ихъ дѣйствія.

Нижній этажъ дома всегда бывалъ занятъ кладовыми и погребами. Прадѣды наши были бережливы и имѣли вещи прочныя и цѣнныя: денегъ тогда было мало, перемѣнчивости модъ не существовало, а потому шубы, женскія парчевыя и атласныя одежды, жемчужные уборы, ковры, пуховики (которые тоже составляли предметъ роскоши) хранились въ этихъ кладовыхъ за тяжелыми замками и крѣпкими засовами. Что же касается до погребовъ, то хотя и ихъ берегли, какъ зѣницу ока, однако частенько ихъ тревожили: это были хранилища квасовъ разнаго сорта, пива, медовъ и разныхъ винъ. Какъ только у воротъ раздавался стукъ желѣзнаго кольца, замѣнявшаго теперешній колокольчикъ, ключникъ или ключница бѣжитъ въ погребъ, тяжелые засовы скрипятъ, ключъ, визжа, отворяетъ исполинскіе замки, и пѣнистое пиво изъ дубовой бочки, шипя, струится въ объемистую ендову, откупоривается и фряжское вино, и липецкій старинный медъ.

Такъ жили русскіе двѣсти лѣтъ тому назадъ. Матвѣевъ жилъ не совсѣмъ такъ, какъ другіе. Другіе любили бражничать, Матвѣевъ этого не терпѣлъ, любилъ быть одинъ и нерѣдко заглядывалъ въ книгу ду-

ховнаго или историческаго содержанія. Онъ и самъ писалъ; его собственною рукой было написано кое-что изъ исторіи нашего отечества по извѣстіямъ, вычитаннымъ въ старинныхъ хартіяхъ и лѣтописяхъ. Онъ любилъ бесѣдовать съ иностранцами, распрашивать, какъ живутъ люди въ чужихъ земляхъ, и какъ тамъ управляются государства. Прослышавъ отъ иноземныхъ своихъ знакомыхъ, что въ большихъ городахъ другихъ государствъ существуютъ театры и театральныя представленія, онъ составилъ труппу изъ своихъ дворовыхъ людей, сформировалъ кое-какой оркестръ и нерѣдко забавлялъ царя и дворъ музыкою и театральными зрѣлищами. Пьесы были большею частью духовнаго содержанія, изъ нихъ нѣкоторыя были написаны Симеономъ Полоцкимъ, ученымъ монахомъ, однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей того времени. Мало того: находя пользу и удовольствіе въ чтеніи и умной бесѣдѣ, онъ и сына пріучилъ къ тому же, давалъ ему учителей иностранныхъ языковъ и исторіи, и если бы прожилъ долѣе, то имѣлъ бы утѣшеніе видѣть, что старанія его не пропали даромъ: молодой Матвѣевъ былъ въ первое время царствованія Петра однимъ изъ полезныхъ его помощниковъ и оставилъ послѣ себя записки, въ которыхъ очень интересно разсказаны смуты, случившіяся въ Москвѣ вскорѣ послѣ смерти царя Өеодора Алексѣевича.

Дочерей у Матвѣева не было. Но въ домѣ его жила дочь одного изъ его старыхъ сослуживцевъ, небогатаго дворянина Кирилла Нарышкина. Правду сказать, образованіемъ ея занимались немного, да и никто тогда въ Россіи не думалъ, чтобы женщинѣ нужно было что-нибудь знать, кромѣ молитвъ и хозяйства; но воспитанница Матвѣева не была, по крайней мѣрѣ, отдалена отъ всего свѣта, подобно дѣвицамъ знатныхъ домовъ; онъ ея не пряталъ въ неприступныхъ теремахъ, такъ что ее видали многіе изъ пріѣзжавшихъ къ нему даже иностранцевъ. Звали ее Наталіей; она была красивая дѣвушка, высокая ростомъ, съ темнорусою косой, съ широкими рѣсницами на большихъ карихъ глазахъ.

Случилось, что увидѣлъ ее царь; красота дѣвушки сдѣлала на него впечатлѣніе. „Я не зналъ, Сергѣичъ, — сказалъ онъ, — что у тебя есть дочь". „Это не дочь моя, а пріемышъ", — отвѣчалъ Матвѣевъ и назвалъ ее. Тѣмъ на первый разъ и окончилось; но черезъ нѣсколько времени царь сказалъ Матвѣеву, что желаетъ вступить съ нею въ бракъ.

Государь сочетался бракомъ съ Натальей Кирилловной въ 1671 г. Вслѣдъ за нею явилась во дворцѣ родня ея, Нарышкины. Отецъ ея былъ сдѣланъ бояриномъ и получилъ богатыя волости, братья взяты ко двору, Матвѣевъ тоже получилъ санъ боярина.

30-го мая 1672 года въ старомъ Кремлевскомъ дворцѣ у царя родился сынъ, котораго назвали Петромъ. Этотъ младенецъ былъ будущій великій императоръ.

Около этого времени между людьми близкими ко дворцу стали ходить слухи, что между мачихой и падчерицами не стало согласія. Какъ это случилось, съ чего это началось, врядъ ли кто-нибудь могъ достовѣрно сказать; царевны ли, изъ которыхъ многія были несовершеннолѣтнія, недружелюбно встрѣтили мачиху; мачиха ли оттолкнула отъ себя падчерицъ, — дѣло темное: но между царевною и царицей не было дружества. Государь горячо привязался къ молодой своей супругѣ и къ младенцу и, казалось, охладѣлъ нѣсколько къ своимъ прежнимъ дѣтямъ. Глядя на это, и дворъ раздѣлился на двѣ партіи: Матвѣевъ и большая часть царедворцевъ были на одной сторонѣ, окружая Наталью Кирил-

ловну; другіе, родственники покойной царицы, угрюмо жались около царевенъ и двухъ царевичей отъ перваго брака. Впрочемъ, все это не выходило за черту кремлевскихъ стѣнъ: не всѣ знали это и въ Москвѣ, а по другимъ городамъ все оставалось какъ прежде, да и государь не показывалъ никакой немилости своей старой роднѣ.

Черезъ два года послѣ рожденія Петра объявленъ былъ старшій сынъ государя, Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Объявленіе было то же, что признаніе наслѣдникомъ престола. Царевичу тогда еще не исполнилось 13 лѣтъ, онъ былъ худенькій, довольно болѣзненный отрокъ, но душу имѣлъ добрую, здравый умъ и былъ прекрасно, по тому времени, образованъ умнымъ и ученымъ Симеономъ Полоцкимъ.

Съ того времени царевичъ Ѳеодоръ считался наслѣдникомъ престола: на него смотрѣли, какъ на будущаго государя Россіи. И дѣйствительно, когда Алексѣй Михайловичъ, въ январѣ 1676 года, скончался, Ѳеодоръ вступилъ на престолъ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

LXXXV. Придворныя интриги въ первые годы царствованія Ѳеодора Алексѣевича.

(*Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева*).

Царь Алексѣй Михайловичъ умеръ неожиданно, не достигши старости, и оставилъ семейство свое въ очень печальномъ для государства положеніи, предвѣщавшемъ большія смуты, и это въ такое время, когда столько важныхъ вопросовъ стояло на очереди, когда все колебалось при страшномъ поворотѣ на новый путь, когда при всеобщемъ истощеніи отъ прежнихъ войнъ предстояла еще опасная война съ могущественными турками. Старшій сынъ, торжественно объявленный при отцѣ наслѣдникомъ престола, былъ четырнадцатилѣтній болѣзненный мальчикъ; самый близкій и довѣренный человѣкъ при покойномъ государѣ былъ Матвѣевъ, по праву пользовавшійся этою близостью и довѣренностью, человѣкъ съ обширною начитанностью, большой охотникъ до образованія и людей образованныхъ, ловко владѣвшій перомъ, опытный въ дѣлахъ правленія, давно уже завѣдывавшій внѣшними сношеніями. Матвѣевъ могъ быть самымъ лучшимъ совѣтникомъ, подпорою молодого царя; но, къ несчастію, между Ѳеодоромъ и любимцемъ отца его уже разступилась бездна: воспитанница Матвѣева была мачиха Ѳеодора, а извѣстно, какое страшное значеніе имѣло тогда слово—мачиха. Никогда еще въ семействѣ царей русскихъ не было этого печальнаго явленія, этой вражды между дѣтьми отъ разныхъ матерей и, какъ нарочно, это печальное явленіе произошло въ такое опасное время, когда предстояло преобразованіе, и долженъ былъ воспитываться преобразователь; первое чувство, которое онъ встрѣтитъ въ родной семьѣ, будетъ вражда! И безъ подобныхъ извѣстій, которыхъ мы не имѣемъ, легко понять, какое вліяніе долженъ былъ имѣть на дворецъ, на тамошнія отношенія, второй бракъ царя Алексѣя при такомъ большомъ числѣ дѣтей отъ перваго брака. Помѣшать второму браку не удалось: понапрасну раскидали подметныя письма въ грановитыхъ сѣняхъ и проходныхъ съ обвиненіями Матвѣева въ чародѣйствѣ. Матвѣевъ оправдался, и государь женился на его воспитанницѣ. Алексѣй Михайловичъ жилъ долго съ первою женою, привязался къ ней, вслѣд-

ствіе чего во дворцѣ образовалось и утвердилось много крѣпкихъ отношеній. Укрѣпили свое вліяніе Милославскіе съ своими родичами, людьми близкими и сблизившимися. Милославскіе, люди даровитые, дѣятельные, умѣвшіе пріобрѣтать вліяніе и пользоваться имъ, люди съ легкою нравственностью, съ неразборчивостью средствъ. И вдругъ, вслѣдствіе новаго брака царя, все это теплое гнѣздо, свитое ими и друзьями ихъ во дворцѣ, должно разрушиться! Новая царица съ своей родней, съ своими ближними людьми, Матвѣевъ—хозяйничаютъ во дворцѣ. Столкновеніе интересовъ страшное, и ненависть страшная.

Смертью царя Алексѣя и восшествіемъ на престолъ Өеодора, сына Милославской, отношенія перемѣнились. Чего могла ждать хорошаго теперь царица Наталья съ дѣтьми и Матвѣевъ отъ этой накопившейся ненависти царевенъ, Милославскихъ и друзей ихъ? Здѣсь такъ естественно рождается вопросъ: неужели Матвѣевъ прежде не подумалъ объ этомъ и не постарался обезпечить себя и своихъ на счетъ перемѣны царствованія? Оставя въ сторонѣ нравственныя побужденія, которыя если бы не были сильны у Матвѣева, то были очень сильны у царя Алексѣя, можно объяснить дѣло разсчетомъ: царь Алексѣй былъ еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ, и очень легко могло казаться, что слабые сыновья его должны послѣдовать за своими единоутробными братьями, не переживутъ отца, и Петръ будетъ наслѣдникомъ. Но другое дѣло, когда царь умеръ скоропостижно: о движеніяхъ Матвѣева въ пользу Петра въ эту страшную минуту сохранились извѣстія у иностранцевъ. Вотъ самое подробное изъ нихъ, оставленное полякомъ, авторомъ любопытнаго разсказа о стрѣлецкомъ бунтѣ: „Когда первая жена царя умерла и оставила двоихъ сыновей и шесть дочерей, то они много терпѣли отъ Матвѣева, а потомъ подверглись еще большему преслѣдованію, когда ему удалось выдать за царя родственницу свою. Умирая, Алексѣй благословилъ на царство сына отъ Милославской, Өеодора, который въ то время лежалъ больной, и опекуномъ назначилъ князя Юрія Долгорукаго. Матвѣевъ утаилъ смерть царя, подкупилъ стрѣльцовъ, чтобы они стояли за маленькаго Петра, и потомъ уже ночью повѣстилъ боярамъ о преставленіи государя. Когда они начали собираться, онъ посадилъ маленькаго Петра на престолъ и уговаривалъ бояръ, чтобы они признали его безпрекословно государемъ, потому что Өеодоръ опухъ, лежитъ больной, и плоха надежда, что будетъ жить. Но бояре, узнавши отъ патріарха, который былъ при смерти царской, что отецъ благословилъ Өеодора на царство и Долгорукаго назначилъ опекуномъ, ждали послѣдняго. Пріѣзжаетъ наконецъ Долгорукій во дворецъ, какъ волъ реветъ съ жалости по царѣ и прямо къ патріарху: „Кого отецъ благословилъ на царство?“ „Өеодора“, отвѣчаетъ патріархъ. Тогда Долгорукій съ боярами, не слушая увѣщаній Матвѣева, стремятся къ покоямъ Өеодора; подходятъ—двери заперты. Долгорукій приказываетъ выломать двери, бояре, берутъ на руки Өеодора, потому что самъ онъ идти не можетъ, ноги распухли, несутъ, сажаютъ на престолъ и сейчасъ-же начинаютъ подходить къ рукѣ, поздравляя на царствѣ. Мать царя Петра и Матвѣевъ скрылись, видя, что ничего не могутъ сдѣлать противъ Долгорукаго и всѣхъ бояръ“.

Мы никакъ не можемъ успокоиться на этомъ извѣстіи, потому что послѣ, когда нужно было погубить Матвѣева, когда дали силу всякаго рода обвиненіямъ безъ разбора, лишь бы только къ чему-нибудь привязаться, въ это время не послышалось ни слова обличенія ни отъ кого

изъ вельможъ, которыхъ Матвѣевъ уговаривалъ мимо больнаго Ѳеодора присягнуть маленькому Петру.

Какъ бы то ни было, Ѳеодоръ вступилъ на престолъ спокойно, не произошло никакихъ перемѣнъ; Матвѣевъ остался въ прежнемъ важномъ санѣ великихъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегателя. Но враги его уже владѣли дворцомъ и не могли оставить его въ покоѣ. За больнымъ Ѳеодоромъ ухаживали тетки и шесть сестеръ одноутробныхъ, мачиха была удалена. Противъ Матвѣева дѣйствовалъ бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, злобившійся на него особенно за то, что его внушенію приписывалъ удаленіе свое на астраханское воеводство при царѣ Алексѣѣ; съ Милославскимъ заодно дѣйствовалъ другой могущественный бояринъ — дворецкій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово. Хитрово былъ самъ незнатнаго происхожденія, но онъ былъ не охотникъ до другихъ новыхъ людей, которые были виднѣе его по талантамъ, онъ былъ не охотникъ до Ордына-Нащокина, былъ не охотникъ и до Матвѣева, особенно, когда узналъ навѣрное или подозрѣвалъ, что Матвѣевъ указывалъ царю Алексѣю на злоупотребленія его по управленію приказомъ Большого Дворца.

Паденіе Матвѣева было рѣшено: представили, что нельзя такого подозрительнаго человѣка оставить правителемъ аптеки, когда государь боленъ, и аптеку отняли у Матвѣева; потомъ датскій резидентъ Монсъ Гей, уѣзжая изъ Москвы, прислалъ жалобу, что Матвѣевъ не доплатилъ ему 500 рублей за рейнское вино, поставленное имъ ко двору, и что на его требованіе прислали ему изъ посольскаго приказа фальшивый контрактъ на эту поставку. 500 рублей велѣли заплатить Гею и воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ отнять у Матвѣева завѣдываніе посольскими дѣлами и удалить его изъ Москвы. Когда Матвѣевъ пріѣхалъ, по обычаю, во дворецъ, бояринъ Стрѣшневъ вынесъ указъ изъ комнаты въ переднюю и объявилъ ему: „Указалъ великій государь быть тебѣ на службѣ въ Верхотурьѣ воеводою“. Посольскій приказъ былъ порученъ думному дьяку Ларіону Иванову. Матвѣевъ съ сыномъ и племянниками отправился въ почетную ссылку; при нихъ былъ монахъ, священникъ, учитель сына польскій шляхтичъ Поборскій, большая дворня; взяты были двѣ пушки для безопасности. Но въ Лаишевѣ Матвѣева остановили: пріѣхалъ полуголова московскихъ стрѣльцовъ Лужинъ и потребовалъ книги лѣчебника, въ которомъ многія статьи писаны цифирью, потребовалъ двоихъ людей: Ивана Еврея и Карла Захара; Матвѣевъ отвѣчалъ, что книгъ нѣтъ, а людей выдалъ. Съ мѣсяцъ послѣ этого прожилъ Матвѣевъ въ Лаишевѣ, какъ однажды разбудили его ночью: пріѣхалъ изъ Москвы думный дворянинъ Соковнинъ и думный дьякъ Семеновъ: „Давай жену Ивана Еврея, давай письма, давай имѣніе на осмотръ, давай племянниковъ, давай монаха, давай священника, давай всѣхъ людей“. Матвѣевъ сейчасъ все и всѣхъ выдалъ; Соковнинъ и Семеновъ поѣхали на съѣзжій дворъ и послали оттуда за Матвѣевымъ, чтобы пришелъ сейчасъ же. Бояринъ пошолъ пѣшкомъ; здѣсь разспрашивали его племянниковъ и людей о знаменитомъ лѣчебникѣ, взяли сказки за руками, взяли съ Матвѣева сказку о томъ, какъ составлялись и подносились лѣкарства больному царю. Матвѣевъ показалъ, что лѣкарства составлялись докторами Каскеріусомъ и Стефаномъ Симономъ, по рецепту, а рецепты хранятся въ аптекарской палатѣ; всякое лекарство отвѣдывалъ прежде докторъ, потомъ онъ, Матвѣевъ, а послѣ него дядьки государевы, послѣ же пріема, что оставалось лѣкарства, допивалъ опять онъ же, Матвѣевъ,

въ глазахъ государя. За Соковнинымъ и Семеновымъ явился въ Лапшевъ дворянинъ съ указомъ перевести Матвѣева въ Казань. Здѣсь воевода Иванъ Богдановичъ Милославскій приставилъ къ нему караулъ, и скоро пришелъ царскій указъ—отпустить людей по деревнямъ, другихъ на волю: потомъ ночью пріѣхалъ дьякъ Гороховъ: „Гдѣ имѣніе? Давай сейчасъ!" Матвѣевъ отвѣчалъ: „Въ животахъ моихъ ни краденнаго, ни разбойнаго, ни воровского, ни измѣннаго, ни заповѣднаго нѣтъ. животы отца моего и родителей его. животы матери моей и родителей ея, и мои нажитые милостью Божіею и великихъ государей жалованьемъ, за посольскія службы и за свои работы ратныя, за крови и за всякія великія работы въ 69 лѣтъ нажиты, а когда часъ пришелъ невинному нашему разоренію. что великій государь изволилъ животы всѣ взять безъ вины моей, въ томъ воля Божія и его государская!" Пріѣхалъ стольникъ Тахачевскій, назначенный приставомъ къ Матвѣеву, и потребовалъ отъ него пушекъ, пороху. свинцу, панцырей. шапокъ, наручей: „Къ унятію всякаго воровства былъ я починщикъ. а не къ начинанію", отвѣчалъ Матвѣевъ. Затѣмъ явился присланный отъ воеводы стрѣлецкій голова. взялъ Матвѣева, сына его, людей съ женами и дѣтьми и повелъ въ съѣзжую избу пѣшкомъ на позоръ людямъ. Тутъ въ съѣзжей избѣ объявилъ ему вины: онъ написалъ въ сказкѣ своей въ Лапшевѣ, что, послѣ пріема лѣкарства государемъ, остатокъ выпивалъ онъ, Матвѣевъ; но дядьки государевы объявили, что никогда онъ не выпивалъ остатковъ. Лѣкарь Давыдъ Берловъ донесъ, что лѣчилъ онъ у Матвѣева человѣка его Карлу Захара, и тотъ говорилъ ему, что боленъ отъ господскихъ побоевъ: однажды онъ заснулъ за печью въ палатѣ, въ которой Матвѣевъ съ докторомъ Стефаномъ читали черную книгу: во время этого чтенія пришло къ нимъ множество злыхъ духовъ и объявили, что есть у нихъ въ избѣ третій человѣкъ: Матвѣевъ вскочилъ и, найдя его за печью, сорвалъ съ него шубу, поднялъ, ударилъ о землю, топталъ и выкинулъ изъ палаты замертво. Берловъ прибавилъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ Матвѣевъ, съ докторомъ Стефаномъ и переводчикомъ грекомъ Спафари, запершись, читали черную книгу: Спафари училъ по этой книгѣ Матвѣева и сына его Андрея. Матвѣевъ хотѣлъ было говорить, но дьякъ Гороховъ крикнулъ: „Слушай, молчи, а не говори". У Матвѣева отняли боярство, все имѣніе, дали только тысячу рублей и сослали на житье въ Пустозерскъ, вмѣстѣ съ сыномъ.

Въ страшномъ горѣ, среди лишеній всякаго рода Матвѣевъ отправилъ три челобитныя къ царю съ оправданіемъ, къ патріарху и ближнимъ боярамъ съ просьбами о ходатайствѣ. Старикъ опытный въ дѣлахъ правленія, но неопытный въ бѣдствіяхъ жизни, не могъ отказать себѣ въ утѣшеніи жаловаться и надѣяться, что жалоба будетъ имѣть дѣйствіе, не разсудилъ, что самая безсмысленность обвиненій и незаконность заочнаго осужденія отнимали всякую надежду къ оправданію и облегченію участи, пока несовершеннолѣтній царь окруженъ Милославскими и Хитрово съ товарищами. Три письма отправилъ Матвѣевъ къ патріарху. писалъ къ духовнику царскому протопопу Никитѣ Васильевичу, кн. Долгорукову, кн. Одоевскому, къ боярину Стрѣшневу, все съ просьбами о заступничествѣ. Онъ рѣшился даже обратиться съ этими просьбами къ Милославскому и Хитрово. Не зная, что дѣлается при дворѣ, Матвѣевъ писалъ даже и къ отцу царицы Натальи, просилъ, чтобъ царица и царевичъ Петръ ходатайствовали за него у царя: Матвѣевъ не зналъ, что царица не могла защитить и родного брата своего,

Ивана Кирилловича Нарышкина, на котораго тотъ же лѣкарь подалъ доносъ.

Изъ адресовъ на письмахъ Матвѣева мы видимъ, кто были самые влiятельные, самые близкiе къ царю люди. Къ нимъ скоро присоединился другой Милославскiй, бояринъ Иванъ Богдановичъ, котораго мы видѣли воеводою въ Казани во время ссылки Матвѣева. Иванъ Богдановичъ былъ самый энергическiй изъ Милославскихъ, ибо Ивана Михайловича ставили только на интригу, на подземный подкопъ противъ кого-нибудь. По возвращенiи изъ Казани, Иванъ Богдановичъ, какъ говорятъ, схватился за всѣ дѣла, но сейчасъ же пошли на него со всѣхъ сторонъ жалобы, и это отдалило отъ него молодого царя, у котораго уже было двое любимцевъ: первый—постельничiй Иванъ Максимовичъ Языковъ, другой—комнатный стольникъ Алексѣй Тимоѳеевичъ Лихачевъ. Приближенiе Языкова объясняется легко изъ самой должности его: та же должность дала значенiе Адашеву при Iоаннѣ IV, Ртищеву при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Но есть извѣстiе, что двое бояръ, князь Долгорукiй и Хитрово, не имѣя личной возможности соперничать съ Милославскимъ и быть постоянно съ царемъ, выдвинули нарочно Языкова и Лихачева перевѣшивать влiянiе Милославскаго. Объ Языковѣ сохранились отзывы какъ о чрезвычайно ловкомъ придворномъ, его называютъ „человѣкомъ великой остроты, глубокимъ московскихъ прежде площадныхъ, потомъ же дворянскихъ обхожденiй проникателемъ". Лихачева называютъ „человѣкомъ доброй совѣсти, исполненнымъ великаго разума и самаго благочестиваго состоянiя". Понятно, что для всѣхъ этихъ лицъ самымъ важнымъ вопросомъ былъ вопросъ о бракѣ царя: молодая царица можетъ уничтожить или ослабить влiянiе царевенъ, тетокъ и сестеръ, а слѣдовательно и Милославскихъ, можетъ привести во дворецъ своихъ родственниковъ. Разсказываютъ, что идя однажды въ крестномъ ходу, Ѳедоръ увидалъ дѣвушку, которая ему очень понравилась: онъ поручилъ Языкову справиться о ней, и тотъ донесъ, что это Агафья Семеновна Грушецкая живетъ у родной тетки, жены думнаго дьяка Заборовскаго, и дьяку дано знать, чтобъ не выдавалъ племянницы впредь до указа. Милославскiй, узнавъ о намѣренiи царя жениться на Грушецкой, подумалъ, что это происки Языкова и Лихачева, сталъ чернить Грушецкую и мать ея: но Языковъ и Лихачевъ обнаружили клевету. Царь женился на Грушецкой въ iюлѣ 1680 г., и Милославскiй потерялъ съ этихъ поръ всякое влiянiе, а Языковъ и Лихачевъ стали получать все большiя и большiя пожалованiя. Такимъ образомъ самыми близкими къ царю, самыми влiятельными на дѣла правленiя явились люди новые, молодые. Но подлѣ нихъ, если не въ такой близости, однако съ сильнымъ влiянiемъ на дѣла, видимъ человѣка изъ одного изъ самыхъ стародавнихъ родовъ, еще молодого по лѣтамъ, боярина кн. Василья Васильевича Голицына, не однимъ именемъ и отчествомъ напоминавшаго знаменитаго предка своего, слывшаго столпомъ въ смутное время. Безспорно, что Голицынъ былъ представительнѣе и способнѣе всѣхъ бояръ описываемаго времени: къ этому присоединялъ онъ еще далеко не общее всѣмъ тогда образованiе, дававшее ему извѣстную широту взгляда, умѣнье покончить съ вредною стариною, хотя бы эта старина была для него выгоднѣе, чѣмъ для другихъ.

Итакъ, говоря о правительственной дѣятельности Ѳеодора Алексѣевича, царя очень молодого и болѣзненнаго, мы обязаны постоянно имѣть въ виду людей, его окружавшихъ, сначала Милославскихъ, потомъ, особенно съ 1680 г., Языкова, Лихачева и Голицына, хотя, разумѣется, по

недостатку подробныхъ извѣстій, мы не можемъ опредѣлить долю каждаго изъ нихъ въ правительственной дѣятельности.

LXXXVI. Отношенія московскаго государства къ Польшѣ и Турціи при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ.

(Изъ соч. Вейдемейера: «О Россіи подъ державою дома Романовыхъ»).

По поводу Малороссіи при царѣ Θеодорѣ возникли у насъ споры съ Польшею и Портою. Малороссія вся, кромѣ Чигирина, находилась уже подъ владычествомъ царя Алексѣя Михайловича, признавая гетманомъ Самойловича. Однако же царь Алексѣй не успѣлъ окончательно утвердить за собой заднѣпровскую часть ея. Дорошенко засѣлъ въ Чигиринѣ, призывая къ себѣ на помощь турокъ и татаръ; Янъ Собѣсскій, король польскій, требовалъ, на основаніи андрусовскаго мира, возвращенія Кіева, считалъ владычество царя за Днѣпромъ нарушеніемъ мира и грозилъ войною; но опаснѣйшій противникъ Θеодора былъ турецкій султанъ, который, по послѣднему договору съ Польшею, признавалъ заднѣпровскую часть Малороссіи ему принадлежащею. Θеодоръ не страшился противниковъ и готовился къ упорной борьбѣ, съ твердымъ намѣреніемъ защищать Малороссію, старое достояніе Россіи, возвращенное его родителемъ. Θеодоръ хотѣлъ сперва уничтожить безпокойнаго Дорошенка, который, несмотря на претерпѣнныя имъ неудачи, не переставалъ волновать Малороссію съ намѣреніемъ быть въ ней независимымъ обладателемъ. Царь послалъ къ Чигирину, гдѣ засѣлъ Дорошенко, многочисленное войско подъ начальствомъ Ромодановскаго, соединившагося съ Самойловичемъ. Сіи два военачальника убѣждали его сдаться безъ сопротивленія, обѣщая ему полную свободу. Дорошенко, не получая помощи ни отъ султана, который ему тоже не довѣрялъ, ни отъ Польши, потерялъ надежду успѣть въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ и согласился на предложенія, сдѣланныя ему русскими полководцами. 1676 г., сентября 19-го, онъ положилъ оружіе, отдалъ Самойловичу всѣ знаки гетманскаго достоинства и присягнулъ въ вѣрности съ своими подданными московскому царю.

Янъ Собѣсскій назначалъ безпрестанно новыхъ гетмановъ въ заднѣпровскую часть Украйны, требуя, чтобы Россія не вмѣшивалась въ ея дѣла; но получивъ въ отвѣтъ, что Польша уступкою Малороссіи султану турецкому лишила себя права спорить о сей землѣ, прекратилъ свои требованія, ожидая, какой конецъ будетъ имѣть война Россіи съ турками. Султанъ выслалъ подъ начальствомъ Ибрагима-паши многочисленное войско. Ибрагимъ напалъ всѣми силами своими на Чигиринъ и взорвалъ часть стѣнъ сей крѣпости; но осажденные отражали его мужественно, съ значительнымъ для него урономъ. Ромодановскій съ Самойловичемъ подоспѣли на помощь къ Чигирину, разбили на голову Ибрагима (1677 г.).

Онъ лишился въ сей битвѣ большого числа людей, пушекъ, всего обоза и бѣжалъ за Днѣпръ. Султанъ былъ такъ раздраженъ симъ извѣстіемъ, что приказалъ умертвить Ибрагима и многихъ находившихся при немъ второстепенныхъ турецкихъ военачальниковъ. Въ слѣдующемъ году

султанъ выслалъ войско еще многочисленнѣе. Ромодановскій опять его разбилъ и обратилъ въ бѣгство, но имѣлъ оплошность не преслѣдовать непріялеля, полагая его въ такомъ разстройствѣ, что онъ ничего предпринять не можетъ. Турки же между тѣмъ, собравъ разсѣянное свое войско, напали на Чигиринъ, овладѣли имъ и разорили его. Неустрашимый Ромодановскій вновь напалъ на нихъ и, послѣ жестокаго сраженія, 19-го августа 1678 г., обратилъ ихъ въ бѣгство, причемъ непріятель лишился двухъ третей своей арміи и лагеря. Ромодановскій, однако, за оплошность, слѣдствіемъ коей было взятіе турками Чигирина, былъ смѣненъ; на мѣсто его назначенъ кн. Черкасскій. Во время сей кровавой войны, ознаменованной блестящими побѣдами царскихъ войскъ, несчастная заднѣпровская часть Малороссіи была совершенно опустошена турками.

Должно замѣтить, что предъ вторымъ чигиринскимъ походомъ было отдано строгое приказаніе не считаться мѣстничествомъ; такимъ образомъ царь Ѳеодоръ готовился нанесть вскорѣ послѣдній ударъ этому пагубному предразсудку.

Варшавскій дворъ, вопреки договорамъ, не оказалъ намъ помощи въ войнѣ противъ турокъ и думалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы съ угрозами требовать возвращенія городовъ, завоеванныхъ Алексѣемъ Михайловичемъ. По поводу несогласія съ варшавскимъ дворомъ прибыло въ Москву въ маѣ 1678 г. великолѣпное польское посольство главными лицами онаго были кн. Михайло Чарторыйскій и гр. Янъ Сапѣга. При посольствѣ однихъ слугъ находилось 300 человѣкъ и отрядъ тѣлохранителей. Пріемъ былъ сдѣланъ тоже пышный. Бояре имѣли съ польскими послами 23 засѣданія, вслѣдствіе которыхъ заключенъ договоръ 3-го августа 1678 г. Главныя статьи онаго были: 1) перемиріе на 13 лѣтъ; 2) возвращеніе полякамъ Невеля, Собежа и Велижа; 3) выдача 200,000 руб. полякамъ при заключеніи трактата и 4) прекращеніе возникшихъ недоразумѣній и продолженіе дружественныхъ и торговыхъ сношеній.

Султанъ, послѣ двухъ неудачныхъ походовъ въ Малороссію, довольствовался тѣмъ, что тревожилъ насъ, подстрекая крымскаго хана дѣлать къ намъ сильные набѣги, такъ что татары подходили къ самому Кіеву; но мужественная оборона царскихъ войскъ уничтожила покушеніе ихъ овладѣть этимъ городомъ; потомъ храбрый Сирко разбилъ ихъ на голову, преслѣдовалъ и вторгнулся въ ихъ владѣнія. Неудачи сіи заставили султана думать о мирѣ съ Россіею тѣмъ болѣе, что онъ намѣревался воевать съ Австріею. Начались переговоры, вслѣдствіе коихъ 3-го января 1681 г. заключенъ миръ въ Бахчисараѣ, по коему султанъ отказался отъ заднѣпровской Украйны съ условіемъ, чтобы ни Россія, ни Турція не возобновляли разрушенныхъ тамъ городовъ, исключая Кіева, Триполя, Василькова и Стаекъ, уступленныхъ Россіи, которая также удержала за собою и Запорожье. Такимъ образомъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, одержавъ блистательныя побѣды надъ турками и татарами, имѣлъ славу окончить войну за Малороссію, продолжавшуюся 27 лѣтъ.

LXXXVII. Мѣстничество и его уничтоженіе.

(Изъ «Очерковъ общественнаго и государственнаго строя древней Руси» М. Дьяконова).

Мѣстничество явилось институтомъ, регулирующимъ взаимныя отношенія между членами служилыхъ фамилій по службѣ военной и приказной и въ обстановкѣ придворнаго этикета, напр., во время торжественныхъ пріемовъ и обѣдовъ въ государевомъ дворѣ, при государевыхъ выходахъ и выѣздахъ и т. п. Самое названіе института возникло отъ того, что взаимоотношеніе между данными служилыми людьми опредѣлялось числомъ мѣстъ, которое раздѣляло ихъ между собою, т.-е. ставило одного выше или ниже другого на одно, два, три, четыре и т. д. мѣстъ. Значитъ, должна была выработаться точная градація мѣстъ или ранговъ на службѣ и внѣ ея, напр., за государевымъ обѣденнымъ столомъ или при размѣщеніи во время засѣданій боярской думы. Съ другой же стороны необходимы были правила, на основаніи которыхъ каждому служилому человѣку отводилось бы опредѣленное мѣсто среди другихъ окружающихъ его лицъ, а именно, выше однихъ и ниже другихъ.

Правила мѣстничества начали слагаться въ ту пору, когда сталъ особенно замѣтенъ усиленный приливъ на службу въ Москву служилыхъ князей, т.-е. примѣрно съ начала XV в. Новые титулованные слуги (князья) энергично стремились оттѣснить съ первыхъ наиболѣе вліятельныхъ мѣстъ при особѣ московскаго великаго князя и государя его старинныхъ бояръ и удержать эти мѣста за собой. Въ общемъ эти стремленія увѣнчались успѣхомъ: изъ старыхъ боярскихъ родовъ удержались на первыхъ мѣстахъ среди титулованныхъ слугъ только Захарьины-Кошкины и Воронцовы-Вельяминовы. Но и титулованнымъ слугамъ предстояло размежеваться между собой и опредѣлить относительное положеніе каждаго. Къ сожалѣнію, въ этомъ процессѣ размѣщенія слугъ далеко не все разъяснено. Повидимому, потомки бывшихъ великихъ князей становились выше потомковъ князей удѣльныхъ: принималось во вниманіе также и то, началъ ли службу данный князь прямо въ Москвѣ, или онъ пробовалъ служить раньше какому-нибудь другому князю и послѣ этого пристроился въ Москвѣ. Каждый, занявъ то или иное положеніе среди другихъ на службѣ и при дворѣ, передавалъ свое служебное и общественное положеніе и дѣтямъ, для которыхъ это являлось ихъ „отечествомъ" или отеческою честью, что и послужило главнымъ основаніемъ для мѣстническихъ счетовъ.

„Отеческая честь" оказалась понятіемъ весьма своеобразнымъ и довольно сложнымъ. Она слагалась изъ элементовъ генеалогическихъ (родословія) съ одной стороны и служебныхъ съ другой. Сама по себѣ должность или высокій чинъ отца не сообщали ему самому или его дѣтямъ какихъ-либо преимуществъ по началамъ выслуги: въ 1616 г. кн. Ѳедоръ Волконскій, назначенный на второе мѣсто при торжественной встрѣчѣ, билъ челомъ на боярина П. П. Головина, „что ему по своей службѣ боярина П. П. менши быть не мочно". Это челобитье своего родича поддержалъ и окольничій кн. Гр. Волконскій. Назначенные для разбора этого спора бояре спросили кн. Волконскихъ, почему имъ „не вмѣстно быть" ниже боярина Головина? Волконскіе сказали, „что имъ

по случаемъ (служебнымъ) менши быть Головина нельзѣ", и обязались представить случаи и на судѣ. Но бояре не допустили и до суда, признавъ, что Волконскіе на Головина „въ отечествѣ били челомъ не дѣломъ; люди они не родословные; а по государеву указу неродословнымъ людемъ съ родословными людми суда и счету въ отечествѣ не бывало... а за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и денгами, а не отечествомъ". Отечествомъ, конечно, никого пожаловать нельзя; это выше власти государя. Отеческая честь пріобрѣтается единственно актомъ рожденія; это прирожденное право каждаго служилаго человѣка.

Съ другой стороны и одна генеалогія сама по себѣ не обезпечивала разъ и навсегда за служилымъ человѣкомъ уже однажды помѣченное служебное положеніе въ ряду другихъ служилыхъ фамилій. Унаслѣдованную отеческую честь необходимо было поддерживать соотвѣтственной службой въ постоянныхъ заботахъ не потерпѣть „поруху чести" или „утерку" принятіемъ несоотвѣтственнаго назначенія. Равнымъ образомъ и продолжительное уклоненіе отъ службы или неполученіе пріемлемыхъ назначеній оставляло лицо и его родичей въ тѣни, приводило къ захуданію рода и принижало его родословную честь. Такъ, кн. Богданъ Касаткинъ-Ростовскій самъ указалъ, „что отецъ его и дѣдъ въ разрядѣхъ не бывали, потому что были въ закосненьѣ". Изъ только что приведеннаго столкновенія кн. Волконскихъ съ Головинымъ явствуетъ, что высокіе по генеалогическому происхожденію Рюриковичи-Волконскіе, не достигшіе высокаго положенія при дворѣ московскихъ государей, въ началѣ XVII в. считались неродословными по сравненію съ Головиными, фамиліей, которая только въ XVII в. особенно возвысилась, и сынъ упомянутаго Головина отказался принять чинъ окольничаго, какъ низкій для него, въ 1651 г.

Положеніе каждаго лица въ ряду другихъ опредѣлялось двояко: по отношенію къ родичамъ и къ чужеродцамъ. Положеніе среди родичей опредѣлялось по родословцу, т.-е. по началамъ родового старшинства. Старшій братъ былъ выше на одно мѣсто слѣдующаго за нимъ, на два мѣста выше третьяго брата и т. д. Дядя былъ выше по крайней мѣрѣ на одно мѣсто своего племянника. Такъ, третій братъ, если онъ былъ самымъ младшимъ, былъ на одно мѣсто выше старшаго сына отъ старшаго брата. Но такъ какъ число братьевъ въ семьѣ бывало различно, то счетъ по родословцу для членовъ многочисленной семьи оказывался менѣе выгоднымъ, чѣмъ для членовъ малолюдной семьи. Для упорядоченія этихъ счетовъ при Грозномъ было издано уложеніе, въ силу котораго „перваго брата сынъ четвертому дядѣ въ версту", т.-е. обычно предполагалась семья изъ трехъ братьевъ, и старшій сынъ отъ перваго брата занимаетъ отъ отца четвертое мѣсто. Если бы въ семьѣ оказалось четыре брата, то младшій занялъ бы четвертое мѣсто подъ старшимъ, какъ и первый сынъ послѣдняго. Такимъ образомъ четвертому брату въ семьѣ и первому сыну отъ старшаго брата отводилось равное (четвертое) мѣсто; они были между собой „ровнями" или „въ версту", т.-е. каждый изъ нихъ не могъ занять мѣсто ни выше, ни ниже другого. Такой распорядокъ мѣстъ по родословцу съ точностью опредѣлялъ мѣсто каждаго члена семьи въ средѣ его родичей.

Отношеніе къ чужеродцамъ опредѣлялось счетомъ мѣстъ по разрядамъ, т.-е. по тѣмъ служебнымъ и придворнымъ назначеніямъ, которыя записывались въ особыя рязрядныя книги или „разряды". Между должностями существовала нѣкоторая градація. Напр., войска раздѣлялись на

полки, въ каждомъ изъ которыхъ было по одному, по два и даже болѣе воеводъ. Старшимъ воеводою считался воевода большого полка, на второмъ мѣстѣ стоялъ воевода правой руки, на третьемъ воеводы передового и сторожевого полковъ и на четвертомъ—воевода лѣвой руки. Вторые воеводы каждаго изъ полковъ были ниже первыхъ воеводъ. Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что строгая градація должностей полковыхъ воеводъ едва ли успѣла сложиться и была видоизмѣняема указами государей, которые желали сузить мѣстническіе счеты полковыхъ воеводъ. Такъ, въ іюлѣ 1550 г. состоялся слѣдующій приговоръ: „быти гдѣ на црве і великого князя службе бояром и воеводам по полкомъ: в болшомъ полку быти болшому воеводе, а передового полку, и правые руки, и лѣвые руки воеводам и сторожевого полку первым воеводамъ быти менши болшого полку первого воевода; а кто будет другой въ болшомъ полку воевода, и до того болшого полку другого воеводы правые руки болшому воеводе дѣла и счету нѣтъ: быти им без мѣстъ. А которые воеводы будут в правой рукѣ, и передовому полку да сторожевому полку воеводамъ первымъ быти правые руки не менши. А лѣвые руки воеводам быти не менши передового полку и сторожевого полку первыхъ воевод. А быти лѣвые руки воеводам менши правые руки перваго воеводы. А другому воеводе в лѣвой рукѣ быт менши другово ж воеводы правые“. Эта сложная и не вполнѣ вразумительная ариѳметика (какъ понять, что воевода лѣвой руки меньше воеводы правой, когда они не меньше воеводъ сторожевого и передового полковъ, а тѣ въ свою очередь не меньше воеводы правой руки?) имѣла въ виду главнымъ образомъ сокращеніе поводовъ къ мѣстническимъ столкновеніямъ. Но эти цѣли далеко не всегда достигались, и мѣстническіе споры возбуждались и вопреки указамъ. Во всякомъ случаѣ, каждый разъ, при назначеніи воеводъ по полкамъ, правительству предстояла нелегкая задача подобрать такихъ лицъ, отеческая честь которыхъ позволяла бы однимъ стоять ниже другихъ. Возбужденіе мѣстническихъ споровъ подтверждаетъ, что правительству не всегда удавалось произвести этотъ подборъ безъ нарушенія отеческой чести кого-либо изъ назначенныхъ.

Каждый назначенный долженъ былъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы не оказаться по данному рязряду ниже или хотя бы только ровнею такого лица или такихъ лицъ, служить съ которыми въ указанныхъ условіяхъ ему по отечеству своему было невозможно или, какъ выражались тогда, „не вмѣстно“. Каждый долженъ былъ хорошо „знать себѣ мѣру“, т.-е. умѣть хорошо высчитать, ниже кого ему служить „вмѣстно“, кто ему „въ версту“ и кому въ отечествѣ съ нимъ не доставало многихъ мѣстъ, т.-е. кому надлежало служить ниже его. Этотъ расчетъ своей мѣры или соизмѣреніе своего отечества съ отечествомъ другихъ чужеродцевъ возможны были только по прецедентамъ, т.-е. по прежнимъ записаннымъ въ разрядныхъ книгахъ назначеніямъ или „случаямъ“. Если *а* получалъ назначеніе ниже *б*, то ему предстояло подыскать случай совмѣстной службы своего восходящаго родственника съ восходящимъ родственникомъ лица *б*. Если такой случай найденъ, при чемъ *А* служилъ ниже *Б* на нѣсколько мѣстъ, то оставалось только высчитать генеалогическое разстояніе *А* до *а* и *Б* до *б* на основаніи счета по родословцу. При равенствѣ этихъ разстояній *а* могъ служить ниже *б* въ такой же мѣрѣ, какъ *А* служилъ ниже *Б*. Если же разстояніе между *А* и *а* было меньше разстоянія между *Б* и *б* какъ разъ на столько мѣстъ, на сколько *А* служилъ ниже *Б*, то *а* и *б* должны были служить ровнями. При еще

большей разницѣ счетовъ по родословцамъ въ пользу *а*, послѣдній долженъ былъ стоять по службѣ выше *б*. Этотъ простой схематическій примѣръ показываетъ лишь общій порядокъ счета мѣстъ между чужеродцами. Въ дѣйствительности отношенія были гораздо сложнѣе. Для выясненія служебныхъ отношеній мѣстничающихся обыкновенно приходилось выбирать такіе случаи, когда родичи соперничавшихъ служили не непосредственно другъ съ другомъ, а съ членами третьей, четвертой и болѣе фамилій, и при посредствѣ этихъ вводныхъ членовъ выяснять отношенія спорящихъ.

Всякій, усмотрѣвшій „поруху" своему отечеству въ назначеніи служить ниже такого то, обыкновенно обращался съ челобитьемъ къ государю, что ему ниже такого то служить „не вмѣстно", или просто не являлся къ выполненію служебныхъ функцій, отказывался брать списки служилыхъ людей своего полка и пр. Въ послѣднихъ случаяхъ главный воевода доносилъ государю о причинахъ уклоненія отъ службы заинтересованнаго. Въ свою очередь и то лицо, ниже котораго отказывался служить первый, обращалось къ государю съ челобитьемъ объ „оборони". Для разбора мѣстническихъ споровъ назначались особыя комиссіи изъ бояръ, которыя должны были провѣрить представленные сторонами случаи и постановить рѣшеніе. Обыкновенно приговоры бывали неблагопріятны для возбудившихъ мѣстническій споръ. Имъ объявлялось, что они могутъ служить ниже своихъ соперниковъ „многими мѣсты", а за обиды, нанесенныя соперникамъ, виновные „выдавались имъ головою". Эта выдача головою заключалась въ томъ, что приговореннаго отводили на дворъ его соперника и объявляли послѣднему, что приведенный выданъ ему головою за то, что неправильнымъ отказомъ служить ниже его задѣлъ его отеческую честь. Но нерѣдко, повидимому, мѣстническіе споры не доходили до суда, а рѣшались распоряженіями государя, что просителю можно служить ниже такого то; или что проситель пускай служитъ съ такимъ то, а послѣ службы имъ дадутъ счетъ; или же просьба отклонялась на томъ основаніи, что служба просителя съ соперникомъ объявлялась безъ мѣстъ, въ подтвержденіе чего просителю выдавалась „невмѣстная грамота"; или же, наконецъ, соперниковъ просто разводили, т.-е. одному изъ нихъ или обоимъ давали другія назначенія. Но какъ судебныя рѣшенія, такъ и распоряженія далеко не всегда удовлетворяли просителей. Они продолжали упорствовать въ своемъ отказѣ служить ниже соперниковъ и готовы были перенести какую угодно государеву опалу, лишь бы только уберечь отъ „утерки" свою отеческую честь.

Мѣстничество было институтомъ чисто аристократическимъ. Оно допускалось только между членами родословныхъ фамилій, и неродословнымъ людямъ съ родословными „суда и счета въ отечествѣ не давалось". Оно ограждало членовъ родословныхъ фамилій отъ приниженія ихъ по службѣ случайными людьми темнаго происхожденія и вынуждало правительство подбирать себѣ слугъ на важнѣйшія мѣста по военной и гражданской службѣ изъ среды титулованной знати. Этимъ самымъ мѣстничество существенно ограничивало власть московскихъ государей. Они должны были признать этотъ институтъ и считаться съ его правилами во всѣхъ областяхъ текущаго управленія. Даже Грозный, при всей его рѣшительной нелюбви къ княжатамъ и боярамъ, хотя и сознавалъ вредныя стороны мѣстничества для интересовъ государства, не рѣшился предпринять радикальныхъ мѣръ противъ мѣстничества. Онъ только стремился регулировать его и ограничить, но учрежденіемъ опричнины и раздѣленіемъ

служилыхъ людей на опричныхъ и земскихъ еще болѣе запуталъ мѣстническіе счеты.

Возбужденіе мѣстническихъ споровъ и отказъ отъ выполненія служебныхъ обязанностей особенно въ горячіе моменты военныхъ походовъ прежде всего раскрыли невыгодныя стороны мѣстничества для интересовъ государства. Въ отвращеніе столь очевиднаго вреда и принимались такія мѣры, какъ предложеніе мѣстничающимся возбуждать споры о мѣстахъ лишь послѣ окончанія службы въ данномъ походѣ. Наиболѣе же обычной правительственной мѣрой было объявленіе того или иного похода безъ мѣстъ. Это означало, что изъ даннаго разряда нельзя было впредь приводить случаи въ мѣстническихъ спорахъ. Такъ, передъ казанскимъ походомъ 1549 г. царь и митрополитъ убѣждали бояръ, воеводъ, князей и дѣтей боярскихъ, чтобъ они „служили, сколько имъ Богъ поможетъ, и розни бы и мѣстъ межъ ихъ одноличпо никоторые не было. А лучитца каково дѣло, кого съ ним црь і вел. князь на свое дѣло пошлет, а хотя будет кому с кѣм и не пригож быти своего для отечества, и бояре бъ і воеводы и князи и дѣти боярскіе для земскаго дѣла всѣ ходили без мѣстъ. А кому будетъ каково дѣло о счете, и как, оже дастъ Богъ, с своего дѣла и с земского придет, и гдрь имъ счетъ тогды дастъ“. Но какъ эти распоряженія исполнялись, видно изъ заготовленнаго обращенія Грознаго къ членамъ Стоглаваго собора: „Отецъ мой, Макарей митрополитъ, и архіепископы, и епископы, и князе, и бояре, Нарежался есмы х Казани со всѣмъ христолюбивымъ воинствомъ и положилъ есми совѣтъ своими боляры въ пречистой и соборной передъ тобою, отцемъ своимъ, о мѣстѣхъ въ воеводахъ и въ всякихъ посылкахъ въ всякомъ разрядѣ не мѣстничатися, кого с кѣмъ куды не пошлютъ, чтобы воиньскому дѣлу в томъ порухи не было; и всѣмъ бояромъ тотъ былъ приговоръ любъ... И какъ пріѣхали х Казани, и с кѣмъ кого ни пошлютъ на которое дѣло, ино всякой розмѣстничается на всякой посылкѣ и на всякомъ дѣлѣ, и въ томъ у насъ вездѣ бываетъ дѣло не крѣпко; и отселѣ кого куды с кѣмъ посылаю безъ мѣстъ по тому приговору, никако безъ кручины и безъ вражды промежь себя никоторое дѣло не минетъ, и въ тѣхъ мѣстахъ всякому дѣлу помѣшка бываютъ“.

Невыгодныя стороны мѣстничества все сильнѣе ощущались по мѣрѣ усложненія взаимныхъ отношеній между служилыми людьми. А эти отношенія запутывались съ одной стороны вслѣдствіе размноженія членовъ одного рода, при чемъ однѣ линіи родичей упадали въ своемъ значеніи, другія же возвышались. Отсюда естественное стремленіе послѣднихъ отказаться отъ счета по родословцу съ первыми, чтобы оградиться отъ „утягиванія“ въ отечествѣ захудалыми линіями. Съ другой стороны мѣры Грознаго противъ бояръ и княжатъ, въ частности введеніе опричнины, значительно содѣйствовали угасанію и искорененію нѣкоторыхъ фамилій. Не мало повліяли въ томъ же направленіи и событія смутнаго времени. Котошихинъ и отмѣтилъ, что многіе боярскіе роды „безъ остатку миновалися“. Но тѣ же общественныя событія выдвинули въ верхніе слои служилыхъ людей новыя фамиліи. Благодаря этому, понятіе родословности было значительно поколеблено. При такихъ условіяхъ относительная оцѣнка отечества оказалась болѣе затруднительной какъ для самихъ заинтересованныхъ, такъ и для судей. Въ XVII в. „знать свою мѣру“ и разбирать мѣстническіе споры стало много труднѣе, чѣмъ раньше. Къ тому же мѣстничество постепенно утрачивало свое значеніе, какъ охраны аристократическихъ притязаній родословныхъ фамилій: въ XVII в. со-

ставъ верхнихъ слоевъ служилыхъ людей оказался гораздо менѣе аристократичнымъ. Затрудненія же, испытываемыя отъ мѣстничества въ военной службѣ, значительно возрасли вслѣдствіе учащенія споровъ изъ-за мѣстъ. Все это въ совокупности и привело къ отмѣнѣ мѣстничества, хотя эта отмѣна произошла довольно неожиданно.

Въ концѣ 1681 г. созвано было совѣщаніе изъ выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ служилыхъ людей подъ предсѣдательствомъ В. В. Голицына „для лучшаго ратей устроенія и управленія", такъ какъ непріятели „показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы". Совѣщаніе проектировало новое раздѣленіе полковъ на роты подъ начальствомъ ротмистровъ и подпоручиковъ и составило примѣрный списокъ новыхъ начальниковъ изъ разныхъ разрядовъ служилыхъ людей. Но при этомъ оказалось, что въ этотъ списокъ изъ фамилій Трубецкихъ, Одоевскихъ, Куракиныхъ, Репниныхъ, Шеиныхъ, Троекуровыхъ, Лобановыхъ-Ростовскихъ, Ромодановскихъ и иныхъ никого помѣстить не пришлось, „за малыми лѣты". Поэтому служилые люди просили писать въ новые чины изъ вышеуказанныхъ фамилій съ достиженіемъ возраста, „чтобы имъ впредь отъ тѣхъ родовъ въ попрекѣ и въ укоризнѣ не быть". Вмѣстѣ съ тѣмъ выборные возбудили и общій вопросъ, „для совершенной въ его государскихъ ратныхъ и въ посольскихъ и во всякихъ дѣлѣхъ прибыли и лучшаго устроенія, указалъ бы великій государь всѣмъ бояромъ и окольничимъ и думнымъ людямъ и всѣмъ чинамъ быти на Москвѣ въ приказѣхъ, и въ полкѣхъ у ратныхъ и у посольскихъ и у всякихъ дѣлъ и въ городѣхъ межъ себя безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ, и никому ни съ кѣмъ впредь разрядомъ и мѣсты не считаться и разрядные случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобы впредь отъ тѣхъ случаевъ въ его государевыхъ ратныхъ и во всякихъ дѣлѣхъ помѣшки не было". Это челобитье было разсмотрѣно государемъ совмѣстно съ освященнымъ соборомъ и думой и постановлено всѣ разрядны книги, „въ которыхъ писаны бывшіе случаи съ мѣсты", сжечь, „да погибнетъ, какъ сказалъ патріархъ, во огни оное, Богомъ ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспомянется во вѣки". Но какъ бы вмѣсто мѣстничества учреждены были при разрядномъ приказѣ родословныя книги, куда должны быть занесены различныя служилыя фамиліи „имъ и впредь-будущимъ ихъ родомъ на память". Для составленія и пополненія ихъ заинтересованные должны были представить родословныя росписи. Въ основу же родословной книги положенъ былъ составленный при Грозномъ „Государевъ родословецъ". Этотъ приговоръ состоялся 12 янв. 1682 г. Формально мѣстничество было уничтожено. Но переживаніе этого института въ нравахъ наблюдается и очень долгое время спустя.

LXXXVIII. Вліяніе малорусской образованности въ Москвѣ и учрежденіе въ ней академіи.

(Изъ «Очерковъ по исторіи русской культуры» П. Н. Милюкова).

Кіевская академія надолго оставалась единственнымъ разсадникомъ (въ юго-западной Руси) духовныхъ лицъ, обладавшихъ высшимъ бого-

словскимъ образованіемъ: уже съ 30-хъ годовъ воспитанники академіи стали появляться и въ Москвѣ, въ качествѣ экспертовъ по исправленію книгъ и переводчиковъ съ греческаго и латинскаго. Въ Москвѣ не только „свободныя знанія“ казались подозрительными, но даже и простое начетчичество не всѣмъ казалось безвреднымъ. „Не читайте много книгъ“, говорили москвичи; „вотъ такой-то отъ книгъ съ ума сошелъ, а другой въ книгахъ зашелся, а третій въ ересь впалъ“. „Не высокоумствуйте братіе“, читаемъ въ одномъ памятникѣ, „но въ смиреніи пребывайте... Если кто тебѣ скажетъ: знаешь ли философію,—ты ему отвѣчай: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономовъ не читахъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣды не бывахъ, — учусь книгамъ благодатнаго закона, аще бы можно моя грѣшная душа отъ грѣхъ очистить“. Такимъ образомъ, высшей наукѣ противопоставляется христіанское смиреніе, теоретической работѣ мысли — дѣятельное богословіе. Еще въ концѣ XVII в. приходилось доказывать неправильность такой постановки вопроса. „Полезнѣе ли намъ учиться грамматикѣ, риторикѣ, философіи и богословію—и оттуда познавать божественныя писанія, или же, не учась этимъ хитростямъ, въ простотѣ Богу угождать и изъ чтенія познавать разумъ святыхъ писаній?“ Такъ формулировано основное недоразумѣніе русскаго ревнителя вѣры въ заглавіи одной статьи 80-хъ годовъ XVII столѣтія. Статья старается уничтожить это недоразумѣніе. Простота бываетъ двоякая, отвѣчаетъ авторъ статьи на поставленный вопросъ. Одна простота есть незлобіе (т.-е. извѣстное нравственное состояніе), а другая — невѣжество. Можно сочувствовать „простотѣ“ нравственной — вполнѣ совмѣстимой съ образованіемъ — и бороться противъ „простоты“ умственной. Невѣжество — это тьма, ослѣпляющая очи ума, а ученіе — ясный лучъ, разрушающій тьму и просвѣщающій естественное зрѣніе человѣческаго разума.

Раньше, чѣмъ подѣйствовали на русскаго человѣка эти теоретическіе доводы, онъ долженъ былъ убѣдиться въ необходимости высшей науки чисто-практическими соображеніями. Въ преніяхъ съ датчанами (въ 1644 г.) о вѣрѣ пришлось обратиться къ помощи южно-русской богословской литературы и замѣнить русскаго начетчика кіевскимъ богословомъ. Московская церковь попала въ этомъ случаѣ въ то самое положеніе, въ которомъ постоянно находилась южная и которое привело къ самому основанію кіевской академіи. Естественно, что и въ Москвѣ сталъ теперь на очередь вопросъ о высшей богословской школѣ. Еще за четыре года до споровъ съ датчанами, въ 1640 г., самъ преобразователь кіевской академіи, митрополитъ Петръ Могила, прислалъ въ Москву предложеніе: основать въ Москвѣ монастырь изъ монаховъ кіевскаго монастыря, съ тѣмъ, чтобы эти монахи учили „грамотѣ греческой и славянской“. Митрополитъ благоразумно умолчалъ о „латинской“ грамотѣ, но, конечно, и она имѣлась въ виду. Въ 1640 г. предложеніе Петра Могилы осталось безъ послѣдствій. Но нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ преній о вѣрѣ, правительство новаго царя Алексѣя принимается за усиленную просвѣтительную дѣятельность. Московскій печатный дворъ начинаетъ усиленно выпускать учительныя и учебныя книги; новое предложеніе (1645) случайно подвернувшагося палеопатрасскаго митрополита Ѳеофана—завести греческую школу—удостоивается вниманія, и рекомендованный имъ учитель, преподававшій греческій языкъ въ кіевской академіи, переводится, хотя и не надолго (до 1647 г.) въ Москву. Одновременно съ этимъ и идея латинской школы пускаетъ корни. Прави-

тельство предполагаетъ поручить „реторическое ученье“ греку Арсенію, рекомендованному іерусалимскимъ патріархомъ. Предложеніе это, повидимому, не осуществляется, и Арсеній остается въ Москвѣ только въ роли переводчика. Зато въ то же время (1648—1649) осуществляется идея Петра Могилы. Царскій любимецъ Ѳ. М. Ртищевъ создаетъ на свои средства новый монастырь (Андреевскій, близъ Воробьевыхъ горъ) и населяетъ его южно-русскими монахами. „Хотящіе внимати“ новому ученію могли теперь, подъ руководствомъ ртищевскихъ монаховъ, не только поучиться „грамматикѣ словенской и греческой“, но „дойти даже до реторики и философіи“. Первымъ изъ добровольцевъ оказался самъ Ртищевъ; но, кромѣ него, были у андреевской братіи и другіе вольнослушатели. Двое изъ нихъ добились даже съ помощію Ртищева разрѣшенія доучиться по-латыни въ Кіевѣ.

Начиная съ половины XVII в. на полтора десятка лѣтъ просвѣтительное движеніе какъ будто ослабѣваетъ. Новый и сильный толчекъ даетъ ему борьба съ расколомъ. Связь раскола съ отрицательнымъ отношеніемъ къ школѣ и къ образованію была слишкомъ ясна, чтобы можно было ее долѣе игнорировать. „Будь ты, мудрый латынникъ, съ своей вѣрой и мудростью, самъ по себѣ, а мы съ своей вѣрой и съ апостольской глупостью— сами по себѣ“: это изреченіе Вишенскаго буквально повторялось Аввакумомъ, какъ послѣдній, самый сильный аргументъ. Такіе безспорные авторитеты, какъ греческіе святители, приглашенные для разбирательства домашнихъ споровъ, единогласно признавали, что главной причиной раскола является отсутствіе богословскаго образованія. „Искалъ я корня сего духовнаго недуга“, говоритъ газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ въ своемъ опроверженіи соловецкой челобитной раскольниковъ, „и въ концѣ концовъ нашелъ два источника его: отсутствіе народныхъ училищъ и недостаточность библіотеки“... И Паисій обращается къ царю съ увѣщаніемъ — создать училища греческаго, латинскаго и славянскаго языковъ. Изъ нихъ, обѣщаетъ онъ царю, какъ изъ троянскаго коня, выйдутъ христоименитые борцы. То же внушали царю и сами восточные патріархи. Отъ имени ихъ Симеонъ Полоцкій обратился къ Алексѣю Михайловичу съ церковнаго амвона (1666): онъ призывалъ предвѣчную мудрость вложить царю мысль объ училищахъ и уговаривалъ его „положить отнынѣ въ сердцѣ своемъ“ это намѣреніе. Конечно, это означало, что дѣло уже рѣшено правительствомъ принципіально. Тотъ же Симеонъ сдѣлался руководителемъ школы, для которой за годъ передъ тѣмъ уже было отстроено даже отдѣльное помѣщеніе. Ученики въ школу назначены были на этотъ разъ самимъ правительствомъ. Это были четверо молодыхъ подъячихъ: трое дворцовыхъ и одинъ изъ приказа тайныхъ дѣлъ — Сильвестръ Медвѣдевъ. Въ 1668 г. курсъ наукъ кончился, и ученики Полоцкаго отправлены были при посольствѣ Ордынъ-Нащокина въ Курляндію: какъ студенты, они должны были кончать здѣсь свое ученье; какъ чиновники, обязывались тайно наблюдать за дѣйствіями русскихъ пословъ. Школа Полоцкаго, повидимому, и прекратила свое существованіе на этомъ первомъ выпускѣ. Но кіевская наука на этотъ разъ прошла для Москвы далеко не безслѣдно. Одинъ изъ учениковъ Симеона Полоцкаго настолько проникся настроеніемъ учителя, что при первой возможности бросилъ столицу и свѣтскую карьеру, постригся въ одномъ провинціальномъ монастырѣ и скоро вернулся въ Москву ревностнымъ пропагандистомъ какъ взглядовъ своего учителя вообще, такъ и идеи латинской богословской школы въ особенности. Эта идея, однако,

продолжаетъ встрѣчать препятствія со стороны высшаго московскаго духовенства. Во главѣ протестующихъ противъ латинскаго типа школы становится кіевлянинъ же, но воспитанный кіевской академіей до реформы, произведенной въ ней (въ пользу латинскаго типа преподаванія) Петромъ Могилой. Это былъ именно Епифаній Славинецкій. Вызванный въ Москву для переводовъ съ греческаго, Епифаній не занимался учительствомъ, но успѣлъ также приготовить себѣ ревностнаго послѣдователя, совсѣмъ не ученаго, но очень усерднаго чудовскаго монаха Евѳимія. Какъ учитель, такъ и ученикъ много поработали надъ переводами съ греческаго и были ревностными приверженцами греческой богословской литературы. Напротивъ, Симеонъ Полоцкій почти не зналъ греческаго языка и всю свою ученость зачерпнулъ изъ латинскихъ католическихъ авторовъ.

Что высшая богословская школа нужна въ Москвѣ, на это теперь готова была согласиться и партія Славинецкаго и Евѳимія. Но центральнымъ предметомъ спора между послѣдователями Епифанія и Симеона сдѣлался теперь вопросъ, въ какомъ направленіи должно было идти преподаваніе въ будущей школѣ? Орудіемъ для преподаванія программы „свободныхъ искусствъ“ былъ латинскій языкъ. Но старомосковская православная партія старалась настоять, чтобы исключительнымъ языкомъ, преподаваемымъ въ школѣ, былъ греческій. Изъ Греціи пришло на Русь христіанство; по-гречески написанъ былъ Новый Завѣтъ и большинство произведеній отцовъ церкви; греческій языкъ былъ языкомъ оригинальной античной литературы и науки: онъ гораздо „ближе и свойственнѣе“ славянскому, чѣмъ латинскій; наконецъ, латинскій языкъ привелъ бѣлоруссовъ къ уніи и вообще ведетъ къ искаженію православнаго вѣроученія: таковы были аргументы, приводившіеся въ пользу введенія греческаго языка въ православную богословскую школу. Противники отвѣчали, что сами греки не могутъ обойтись безъ латинской науки, и лучше уже черпать ее въ первомъ источникѣ.

Особенно горячими сдѣлались всѣ эти споры, когда, наконецъ, вопросъ объ открытіи высшей духовной школы, цѣлый вѣкъ дожидавшійся рѣшенія, сталъ при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ на практическую почву. Сильвестръ Медвѣдевъ „молилъ царя Ѳеодора... построить въ Москвѣ академію“, очевидно, по образцу кіевской. Подъ рукой, онъ рекомендовалъ царю и нѣсколько кіевскихъ ученыхъ для преподаваніи въ будущей академіи. Впрочемъ, не дожидаясь открытія академіи, онъ добился отъ царя разрѣшенія возобновить школу Полоцкаго въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Въ 1682 г. школа была отстроена и Сильвестръ приступилъ къ преподаванію „грамоты, словенскаго ученія и латыни. Еще въ 1686 году въ той школѣ было 23 ученика. Но и сторонники греческой школы не дремали. Воспользовавшись прибытіемъ въ Москву изъ Палестины (1681) русскаго іеромонаха Тимоѳея, эта партія добилась открытія, „на первый случай“ греческаго училища при типографіи. Въ 1684—6 гг., въ этой школѣ было 200 учениковъ и изъ нихъ 23 въ первый годъ, 54 во второй, и 67 въ третій—учились „греческаго языка книжному писанію“.

Такимъ образомъ, оба типа школы, греческій и латинскій, теперь существовали въ Москвѣ фактически. Надо было окончательно рѣшить, въ какомъ духѣ будетъ вестись въ Москвѣ высшее богословское преподаваніе. Сильвестръ мечталъ о преобразованіи въ академію заиконоспасской школы. Его противники, Іоакимъ и Евѳимій, усердно доказывали преимущества греческаго языка и вредъ латинской премудрости. Неожиданно для обоихъ враждующихъ сторонъ явился и представитель

третьяго, болѣе крайняго направленія, „философіи и ѳеологіи профессоръ“, котораго самъ Медвѣдевъ уличалъ въ еретичествѣ. Это былъ кальвинистъ Янъ Бѣлободскій, самъ себя предлагавшій въ учителя, скептикъ въ дѣлахъ вѣры и сторонникъ новой образованности, проникавшей къ намъ изъ Европы черезъ Польшу. Припомнимъ, что то было время, когда, по выраженію Медвѣдева, замѣчалось „въ царствующемъ градѣ въ вѣрѣ колебаніе и ереси прозябеніе отъ неискусныхъ нашей вѣры, римскія, люторскія и кальвинскія книги на польскомъ языкѣ читающихъ“. Естественно, что противъ этого направленія одинаково возстали обѣ спорившія въ Москвѣ партіи; оно и было тотчасъ же устранено. Между двумя другими, греческимъ и латинскимъ, правительство выбрало средній путь. Оно согласилось, наконецъ, принять болѣе широкую программу преподаванія, но исполненіе этой программы не захотѣло ввѣрить кіевлянамъ. Рекомендаціи Медвѣдева не только не были приняты во вниманіе, но въ уставъ будущей академіи введенъ былъ даже параграфъ, по которому кіевляне и впредь не могли быть преподавателями академіи. Запрещеніе это было, при томъ, сдѣлано въ такихъ выраженіяхъ, которыми прямо задѣвались и Симеонъ Полоцкій, уже покойный († 1680), и самъ Медвѣдевъ. Напротивъ, грекамъ открывался въ академію свободный доступъ. Несомнѣнно, такая редакція устава свидѣтельствовала о полной побѣдѣ Іоакима и греческой партіи. Однако, въ окончательномъ видѣ уставъ былъ врученъ царевнѣ Софьѣ (1685) Сильвестромъ Медвѣдевымъ. Послѣдній отплатилъ врагамъ кіевлянъ тѣмъ, что къ проекту устава сдѣлалъ прибавку, которою задѣвались, въ свою очередь, и греки. По этой вставкѣ и ихъ опредѣлялось испытать въ вѣрѣ, чтобы не повторилась исторія митрополита Исидора. Это было, во всякомъ случаѣ, уже чисто платоническое удовлетвореніе обиженнаго самолюбія. Выборъ преподавателей для академіи былъ предоставленъ константинопольскому патріарху, и грамота съ этой просьбой была еще при жизни Ѳеодора, въ 1681 году, отправлена въ Константинополь. Въ 1685 году рекомендованные патріархомъ учителя, братья Іоанникій и Софроній Лихуды, получившіе высшее образованіе въ Венеціи и Падуѣ, пріѣхали въ Москву. Тогда же они начали обучать „греко-латинскому книжному писанію“ болѣе подготовленныхъ учениковъ типографскаго училища. Въ 1688 году школа Лихудовъ была переведена во вновь отстроенныя въ Спасскомъ монастырѣ каменныя палаты. Съ этихъ поръ и упомянутыя выше два училища, латинское и греческое, перестали существовать, передавъ своихъ учениковъ новоучрежденной „славяно-греко-латинской академіи“.

Итакъ, плоды долговременной пропаганды Полоцкаго и его ревностнаго ученика пришлось пожать старомосковской партіи. Въ лицѣ Лихудовъ Медвѣдевъ встрѣтилъ гораздо болѣе опасныхъ противниковъ, чѣмъ были для него патріархъ Іоакимъ, „человѣкъ добрый, но учившійся мало и рѣчей богословскихъ не знавшій“, или даже Евѳимій, научившійся съ трудомъ пополамъ по-гречески „изъ лексиконовъ“, „не младъ и не въ училищѣ, но въ монастырѣ за медомъ, за пивомъ и за виномъ“. Воспитанникамъ падуанскаго университета сразу удалось зарекомендовать и свое православіе и свою ученость, найдя латинскую ересь въ томъ самомъ ученіи Медвѣдева, въ которомъ до тѣхъ поръ даже его враги, Іоакимъ и Евѳимій, принуждены были признавать, слѣдуя установившейся въ XVII в. практикѣ, истинно-православное мнѣніе (о пресуществленіи св. даровъ и поклоненіи имъ при словахъ Христа). Патріархъ, раз-

умѣется, очень радъ былъ возможности „подвигнуть въ помощь себѣ" противъ Медвѣдева такихъ сильныхъ союзниковъ, какъ Лихуды. При ихъ услужливомъ содѣйствіи, полемика противъ латинскихъ и кіевскихъ мнѣній (начатая, быть можетъ, уже до пріѣзда ихъ) приняла сразу (1686—89) тѣ обширные размѣры и тотъ острый характеръ, при которыхъ дѣло могло кончиться лишь рѣшительнымъ пораженіемъ одной изъ партій, боровшихся за вліяніе со временъ Полоцкаго. Въ результатѣ полемики, старомосковская партія восторжествовала. Казалось, побѣда въ догматическомъ спорѣ должна была окончательно закрѣпить и побѣду старомосковской партіи въ школьномъ вопросѣ. Посмотримъ же, какъ въ дѣйствительности отозвалась вся эта борьба партій на постановкѣ въ Москвѣ высшаго богословскаго преподаванія.

Прежде всего, обѣ боровшіяся партіи относились вполнѣ отрицательно къ проникавшему тогда въ Москву религіозному вольномыслію. Какая бы изъ нихъ не побѣдила,—результатъ, вѣроятно, былъ бы одинаковъ. Общій врагъ долженъ былъ быть истребленъ, и высшая школа облекалась для этой цѣли самыми широкими правами цензуры. Со времени открытія академіи монополія обученія иностраннымъ языкамъ и свободнымъ наукамъ, по уставу, предоставлялась ей. Никто не могъ безъ разрѣшенія академіи держать у себя домашнихъ учителей греческаго, латинскаго, польскаго и др. языковъ, подъ страхомъ конфискаціи имущества. Одно это распоряженіе можетъ показать намъ, что подобные учителя были уже не рѣдкостью въ Москвѣ конца XVII вѣка. Далѣе, мы видимъ въ уставѣ академіи указаніе и на плоды ихъ ученія. Тѣмъ, кто не прошелъ школы „свободныхъ ученій", безусловно запрещалось держать у себя польскія, латинскія, нѣмецкія и иныя лютеранскія и кальвинистскія сочиненія, разсуждать о вѣрѣ и вступать, хотя бы частнымъ образомъ, въ религіозные споры, подъ страхомъ наказанія. За „иностранными учеными свободныхъ наукъ" академія должна была имѣть строгое наблюденіе; только съ ея одобренія подобныя лица могли оставаться на житье въ Россіи и вступать въ царскую службу. Подъ такой же надзоръ академіи отдавались иновѣрцы, перешедшіе въ православную вѣру. Всякое ихъ колебаніе въ вѣрѣ наказывалось ссылкой на Кавказъ и въ Сибирь, а за сохраненіе прежнихъ религіозныхъ убѣжденій полагалось сожженіе.

Вотъ въ какой обстановкѣ и при какихъ предосторожностяхъ „свободныя науки" сдѣлались у насъ впервые предметомъ офиціальнаго школьнаго преподаванія. Выражаясь словами историка Соловьева, „Московская академія—это цитадель, которую хотѣла устроить для себя православная церковь при необходимомъ столкновеніи своемъ съ иновѣрнымъ Западомъ; это не училище только,—это страшный инквизиціонный трибуналъ. Произнесутъ блюстители (директора) съ учителями слова: виновенъ въ неправославіи,—и костеръ запылаетъ для преступника". Что это были не простыя слова и не пустыя угрозы, объ этомъ свидѣтельствуетъ участь Квирина Кульмана.

Однако же, намѣреніе монополизировать всякую свободную мысль и всякое высшее знаніе оказалось уже въ концѣ XVII столѣтія совершенно невыполнимымъ. Зло успѣло пустить слишкомъ глубокіе корни, чтобы можно было надѣяться на его полное уничтоженіе. „Цитадель" не могла выдержать напора окружающей жизни уже по одному тому, что врагъ былъ въ самой цитадели. Какъ ни скромна была доза просвѣщенія и науки, предлагавшаяся на первый разъ русскому обществу, но и она

стояла въ противорѣчіи съ привычнымъ міровоззрѣніемъ старины. Господствующая партія это чувствовала съ самаго начала: не даромъ она отстранила вовсе кіевскихъ ученыхъ и согласилась оставить подъ сомнѣніемъ греческихъ; не даромъ и отъ принятыхъ на службу учителей академическій уставъ требовалъ присяги на вѣрность православію и грозилъ имъ также сожженіемъ, если, вопреки присягѣ, они будутъ предлагать толкованія, ведущія къ „усумнѣнію восточной вѣры“, или приравняютъ православную вѣру другимъ, или даже будутъ ставить иныя вѣры выше русской. Лихуды, дѣйствительно, прилагали всѣ старанія, чтобы преподать Аристотеля „согласно съ религіей и православіемъ“. Западные схоластическіе пріемы они вносили въ свои курсы въ возможно умѣренной степени. Но при всемъ томъ, преподаваемая ими наука была схоластическая, потому что никакой другой науки и не существовало въ то время ни въ западной, ни въ восточной школѣ. Понятно, что Лихудамъ, при всей ихъ покладливости и при всѣхъ усиліяхъ „оставить всякія буесловства“ въ сторонѣ, все-таки не удалось удовлетворить требованіямъ старо-московской партіи, чтобы въ академіи преподавались однѣ только „благочестивыя науки“. И они подверглись скоро упрекамъ въ томъ, что, вмѣсто простой грамматики, „забавляются около физики и философіи“; и имъ въ укоръ ставилось преподаваніе латинскаго языка, на которомъ они читали лекціи для высшихъ курсовъ.

Итакъ, побѣда консервативной партіи не помѣшала латинской программѣ проникнуть въ высшую школу. Это было совершенно естественно, такъ какъ высшей школы съ чисто греческой программой нигдѣ не существовало—и неоткуда было ее заимствовать. Старая партія,—враждебная, въ сущности, всякой школѣ,—могла сдѣлать теперь только одно для своей собственной побѣды: именно, взять назадъ и тѣ уступки, которыя она сдѣлала умѣренному направленію. Она такъ и поступила, тѣмъ болѣе, что на этомъ настаивалъ и самъ константинопольскій патріархъ. Вмѣсто прежнихъ похвалъ Лихудамъ, онъ теперь сравнивалъ ихъ съ Іудой предателемъ и требовалъ ихъ отставки. „Вы насъ презрѣли“, писалъ онъ имъ лѣтомъ 1693 г.: „вы учите латинскому языку, чтобы ввести въ простыя души латинскія беззаконія“. Надо учить по-гречески, а не по-латыни, и преподавать одну грамматику „и иныя ученія“ (патріархъ самъ хорошенько не знаетъ, какія,—только не физику и философію). Въ концѣ 1694 г. Лихуды были, дѣйствительно, удалены,—раньше чѣмъ отъ риторики, логики и физики (естественной философіи) успѣли довести своихъ учениковъ до высшаго класса—богословія. Преподаваніе въ академіи передано было на время ихъ недоучившимся ученикамъ и ограничено одними грамматическими предметами, которые, кажется, преподавались по тетрадкамъ тѣхъ же Лихудовъ. На нѣсколько лѣтъ академія пришла въ полное запустѣніе. Въ этомъ случаѣ опять проявилась та черта стараго московскаго направленія, съ которой мы уже встрѣчались раньше.

Выступая противъ новшествъ, хотя бы и самыхъ умѣренныхъ, это направленіе ничего не могло предложить взамѣнъ ихъ и такимъ образомъ достигало результатовъ, діаметрально противоположныхъ своимъ собственнымъ намѣреніямъ: оно открывало только дорогу болѣе крайнему направленію. Въ Москвѣ и въ Константинополѣ не хотѣли, чтобы латинскій языкъ и высшія знанія преподавались у насъ—хотя бы и грекомъ, хотя бы и между прочимъ. Но такъ какъ, съ своей стороны, эти люди не могли дать никакой другой программы и никакого спеціалиста, способнаго выполнить ее, то, въ концѣ концовъ, къ началу XVIII столѣтія

преподаваніе перешло цѣликомъ въ руки сторонниковъ латинской школы. Такимъ образомъ, старо-московская партія не сумѣла воспользоваться собственной побѣдой и упустила послѣдній случай взять въ свои руки дѣло высшаго образованія въ странѣ. Пока она боролась противъ умѣренной реформы, время умѣренныхъ реформъ прошло безвозвратно. Заведенная вѣкомъ или даже полувѣкомъ раньше, московская школа, можетъ быть, могла бы сыграть свою роль въ руководительствѣ отечественнымъ просвѣщеніемъ. Въ концѣ XVII вѣка ей пришлось уже только сопротивляться—и сопротивляться безуспѣшно—тѣмъ вліяніямъ, которыя руководили просвѣщеніемъ общества помимо нея. И даже въ этотъ критическій моментъ устроители этой школы были далеки отъ мысли о какихъ-либо уступкахъ, далеки отъ возможности—создать что-либо положительное, кромѣ простой работы разрушенія. Въ результатѣ, допетровское просвѣщеніе создалось помимо высшей школы, какъ допетровская грамотность развивалась помимо низшей. Въ томъ видѣ, въ какой московская академія пришла къ началу XVIII вѣка,—съ обрушившимся потолкомъ, съ развалившимися печами, съ учениками, лишенными возможности учиться,—эта академія представляла самую вѣрную картину того состоянія, въ которомъ находилась русская школа ко времени петровскихъ реформъ. Не сдѣлавъ ничего для русскаго образованія, господствующая партія сама поставила преобразователя въ необходимость все дѣлать самому и все начинать сначала. Какъ и въ другихъ намъ извѣстныхъ случаяхъ, древняя Русь не завѣщала здѣсь новой Россіи никакой культурной традиціи. Вотъ почему и здѣсь новое водворилось такъ легко и оказалось такъ чуждо старому.

ОБЗОРЪ ВНУТРЕННЯГО СОСТОЯНІЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА ВЪ XVI—XVII ВВ.

LXXXIX. Натуральное хозяйство и его роль въ общественной и государственной жизни Московской Руси.

(Ст. Б. Д. Грекова).

Отличительной особенностью экономической жизни современныхъ цивилизованныхъ народовъ является то, что современный человѣкъ въ хозяйственномъ отношеніи зависитъ отъ производительной дѣятельности очень многихъ лицъ. Онъ самъ не производитъ для себя всего необходимаго; наоборотъ, онъ изготовляетъ тѣ хозяйственныя блага, какія нужны не ему самому, а другимъ, и только въ обмѣнъ на нихъ онъ пріобрѣтаетъ все необходимое для себя. Это современное хозяйство называется мѣновымъ или денежнымъ, такъ какъ деньги являются необходимымъ орудіемъ общаго обмѣна. Называютъ это хозяйство еще „народнымъ", такъ какъ въ немъ заинтересованы „народы" въ собственномъ смыслѣ слова. Это наше современное хозяйство есть продуктъ тысячелѣтняго историческаго развитія. Начиналась же экономическая жизнь народовъ съ такъ называемаго „натуральнаго" хозяйства, сущность котораго состоитъ въ томъ, что весь кругъ хозяйственнаго процесса отъ производства до потребленія совершается въ предѣлахъ одного и того же хозяйства: продуктъ вырабатывается и потребляется непосредственно одними и тѣми же людьми, членами одной и той же общественной ячейки—семьи или рода. Хозяйственнаго взаимодѣйствія между подобнаго рода группами нѣтъ. Обмѣнъ не нуженъ. Существованіе автономнаго замкнутаго хозяйства тѣсно связано съ землей, но извлеченіемъ изъ земли доставляемыхъ ею благъ члены подобнаго хозяйственнаго соединенія ограничиваться не могутъ: они принуждены собственноручно изготовлять всѣ необходимыя для труда орудія и утварь, обрабатывать сырье, чтобы придавать ему формы, удобныя для потребленія. Внутри этихъ замкнутыхъ группъ развиваются разнообразные техническіе пріемы, высокая трудовая способность, вызывающая удивленіе современнаго человѣка. Раздѣленіе труда внутри такихъ замкнутыхъ союзовъ иногда достигаетъ громадныхъ размѣровъ. Нужно сказать, что такая замкнутая хозяйственная группа бываетъ весьма значительной по своему составу: это или родъ состоящій изъ людей, принадлежащихъ нѣсколькимъ поколѣніямъ, связанныхъ между собой общностью крови (на раннихъ ступеняхъ общественнаго развитія), или же съ разрушеніемъ родоваго строя обыкновенная семья, но очень расширенная рабскими и иными зависимыми элементами.

Не слѣдуетъ думать, что въ извѣстномъ обществѣ натуральное хозяйство представляется явленіемъ, абсолютно исключающимъ признаки явленій другого хозяйственнаго строя—денежнаго. Въ этомъ „чистомъ" видѣ натуральнаго хозяй-

ства мы не найдемъ въ настоящее время нигдѣ: приходится поэтому говорить только о преобладаніи той или другой формы хозяйственной жизни въ данное время: признаки обмѣна мы можемъ встрѣтить очень рано, а съ другой стороны и типичное замкнутое хозяйство можемъ наблюдать сравнительно поздно уже рядомъ съ развивающимся денежнымъ хозяйствомъ.

Прекрасную иллюстрацію такого запоздалаго натуральнаго хозяйства даетъ П. Н. Милюковъ въ своихъ „Очеркахъ русской культуры“ (т. I): „Въ началѣ XIX в. на Кузнецкомъ мосту (торговая улица въ Москвѣ) на самомъ бойкомъ мѣстѣ, стоялъ барскій домъ. Передъ домомъ оставался незастроеннымъ просторный дворъ, по обѣ стороны котораго, такъ же, какъ и позади барскаго дома, тянулись многочисленныя барскія службы: людскія, поварня, конюшни и сараи, кладовыя и амбары. Богатый владѣлецъ дома мало однако же приносилъ дохода Московскимъ лавкамъ и магазинамъ, такъ какъ все у него было свое, а не покупное: провизія привозилась ему цѣлыми обозами изъ крѣпостныхъ деревень, прислуга была тоже своя, крѣпостная, и въ составъ ея входили не только лакеи и горничныя, но и кучера, и повара, и даже музыканты и парикмахеръ. Если бы какимъ-нибудь чудомъ вся Москва исчезла съ своего мѣста, и перестала бы существовать вся Россія, кромѣ крѣпостныхъ деревень владѣльца, то въ барскомъ домѣ на Кузнецкомъ мосту обычная жизнь хозяина съ многочисленными гостями могла бы продолжать свое теченіе, какъ будто нигдѣ ничего не измѣнилось“.

Большую живучесть обнаруживаютъ подобныя общественныя соединенія: явленія, свойственныя мѣновому хозяйству, только постепенно разрушаютъ натуральный строй и получаютъ тѣмъ большее развитіе, чѣмъ быстрѣе и дальше идетъ экономическій ростъ страны.

Затѣмъ нельзя забывать, что и натуральное хозяйство можетъ быть разное: въ примѣрѣ, только что приведенномъ, мы имѣли дѣло съ высоко развитымъ и весьма сложнымъ типомъ натуральнаго хозяйства, которое несомнѣнно выросло изъ болѣе элементарныхъ формъ, господствовавшихъ въ сѣверо-восточной Руси XIII—XVI вв., къ характеристикѣ которыхъ мы теперь и обратимся.

Населеніе этой части нынѣшней Россіи, постепенно колонизуя верхнее Поволжье, занимало страну съ непочатыми естественными богатствами. Подчиняясь свойству человѣческой природы—не затрачивать на поддержаніе своего существованія больше труда, чѣмъ это безусловно необходимо,—населеніе верхняго Поволжья начинаетъ пользоваться даровыми или требующими наименьшаго приложенія труда богатствами природы—сначала зоологическими, потомъ ботаническими и почвенными. Въ теченіе XVI в. бобровники и бортники встрѣчаются уже рѣже, новые поселки бобровниковъ и бортниковъ не возникаютъ совсѣмъ; владѣльцы бобровыхъ гоновъ и бортнаго лѣса превращаютъ свои доходныя поселенія въ „пашенныя села“. Это значитъ, что зоологическія богатства цетральной Московской Руси сильно истощились, и трудъ населенія преимущественно сосредоточивался теперь на земледѣліи. Но и въ области земледѣльческой культуры русское населеніе еще долго будетъ пользоваться системой экстенсивной, какъ требующей наименьшей затраты труда и возможной вполнѣ при значительномъ количествѣ годной для обработки земли.

При отсутствіи обмѣна здѣсь не возникали города, подобные городамъ Кіевской Руси, которые расположились по великому водному пути. Сельскія поселенія получили здѣсь рѣшительный перевѣсъ надъ городскими. Поселенецъ среди лѣсовъ и болотъ (особенность верхняго Поволжья) отыскивалъ сухое мѣсто и здѣсь оставался жить. Два, три крестьянскихъ двора составляли обычную картину сѣверо-восточной русской деревни. Вокругъ такой деревни располагалась земля, годная для обработки далеко не сплошными пространствами, такъ какъ выбрать сухое мѣсто, выжечь лѣсъ, выкорчевать его не вездѣ было одинаково удобно. Конечно пахали только для удовлетворенія своимъ насущнымъ потребностямъ: о производствѣ на сбытъ не могло быть и рѣчи. Къ скудному земледѣльческому заработку прибавлялись промыслы—лыкодерство, мочальный промыселъ, звѣрогонство. бортничество, рыболовство, солевареніе, смолокуреніе, желѣзное дѣло.—Форма хозяйства—натуральная. Таковы основы экономической жизни въ Сѣверо-восточной Руси въ XIII—XVI ст.

Зная первобытность этихъ основъ, нельзя ожидать какой-либо сложности и законченности и отъ русской общественной организаціи, и отъ русскаго государственнаго строя, хотя форма ихъ зависитъ далеко не отъ однихъ только экономическихъ условій жизни страны.

Мы имѣемъ передъ собой лишь матеріалъ, изъ котораго созидалось зданіе русской государственности и общественности; матеріалъ этотъ не предрѣшаетъ

формъ, которыя являются результатомъ взаимодѣйствія цѣлаго ряда историческихъ факторовъ.

Изъ особенно важныхъ индивидуальныхъ особенностей тогдашней русской жизни нужно прежде всего отмѣтить положеніе русской земли въ серединѣ между Европой и Азіей и какъ слѣдствіе этого положенія—непрекращающееся военное состояніе страны.

Подъ вліяніемъ военныхъ нуждъ, настоятельной необходимости самообороны, раньше другихъ видвинулись въ русскомъ историческомъ процессѣ тѣ стороны, которыя въ Западной Европѣ явились въ свое время результатомъ постепеннаго экономическаго и соціальнаго развитія. Москвѣ предстояло превратиться въ военное государство и въ значительной мѣрѣ создать общественные классы, какіе въ Западной Европѣ возникли, какъ слѣдствіе экономической эволюціи.

Но несмотря на то, что русское государство и общество строилось какъ бы сверху внизъ (центральная политическая власть въ значительной мѣрѣ создала и закрѣпила подъ собой военно-служилый классъ; служилый класъ закрѣпилъ подъ собой крестьянство), они строились, конечно, такъ, какъ позволяло состояніе этого общества и прежде всего экономическое.

Возрастаніе военныхъ и финансовыхъ потребностей русскаго государства—самое основное явленіе въ русской исторіи. Бѣдная экономически страна долгое время только и могла служить государству натурой, а не деньгами. Здѣсь мы и должны искать объясненія нѣкоторыхъ очень важныхъ сторонъ общественнаго и государственнаго устройства Московской Руси.

Московскій князь жилъ самъ и велъ свое „государево" хозяйство, приспособляясь къ натуральному экономическому строю своего государства. Самъ онъ получалъ доходъ натурой со своихъ дворцовыхъ имѣній, съ оброчныхъ земель и черныхъ волостей—хлѣбомъ, медомъ, рыбой и т. п.; чиновники его содержались также на счетъ натуральныхъ приношеній народа, которымъ они призваны были управлять („кормленіе"); военныя силы князя тоже содержались натуральными повинностями населенія.

Конечно, не надо думать, что въ это время на Руси совсѣмъ не было денегъ и что деньгами этими не пользовалось правительство, но ихъ было такъ мало, что покрыть ими государственныя нужды было совершенно немыслимо. Приходилось пользоваться наличными силами страны въ такой именно формѣ, какая единственно являлась возможной при господствѣ натурально-хозяйственнаго быта.

Чтобы имѣть войско, чтобы защитить границы Московскаго государства, необходимо было создать классъ служилыхъ людей при помощи широкой раздачи военныхъ помѣстій и наложенія служебной повинности на вотчины. Такой порядокъ вознагражденія за службу содѣйствовалъ сосредоточенію земель въ рукахъ государства и переходу ихъ отъ него къ его прямымъ слугамъ, ратнымъ людямъ и чинамъ администраціи. Другимъ естественнымъ слѣдствіемъ такой системы вознагражденія являлся порядокъ самой ратной службы: она являлась временной, опредѣлялась продолжительностью военныхъ мѣропріятій, къ участію въ которыхъ привлекались служилые люди. Заканчивались военныя мѣропріятія—ратные люди распускались по домамъ. Не будучи постоянной, рать эта и содержалась главнымъ образомъ за счетъ самихъ ратныхъ людей, которые являлись на службу „конны, людны и оружны", т.-е. со своими конями, со своими личными слугами, въ своемъ вооруженіи, даже со своимъ домашнимъ провіантомъ. При невозможности удерживать ратныхъ людей на службѣ безъ крайней необходимости (послѣдніе не могли бы вѣдь содержать себя подолгу вдали отъ своихъ хозяйствъ) государство не могло дать своимъ вооруженнымъ силамъ и соотвѣтственную военную подготовку. Чтобы служилые люди могли исправно служить, необходимо было позаботиться объ исправномъ несеніи въ ихъ пользу повинностей крестьянъ, сидѣвшихъ въ вотчинахъ и помѣстьяхъ. Съ другой стороны потребность въ обезпеченіи служилыхъ земель рабочими руками существеннымъ образомъ обусловила прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и развитіе крѣпостного права. У правительства не было денежныхъ средствъ для содержанія арміи и чиновниковъ: натуральныя средства населенія приспособляются къ этимъ цѣлямъ.

Что касается государственныхъ учрежденій, то и они выросли изъ очень простой и первобытной ячейки.

Государственное управленіе Московской Руси долго (почти до XVI в.) сливалось съ дворцовымъ. Московскій государь былъ вмѣстѣ и хозяиномъ. Дворцовое управленіе—управленіе частное и государственное вмѣстѣ.

Древнѣйшія учрежденія—кладовая князя, погребъ, конюшня, псарня и т. п.; древнѣйшіе дворцовые чиновники—казначеи, чашники, стольники, псари и т. п., а въ дворцовыхъ селахъ—приказчики.

Первые центральные органы власти—приказы—выросли изъ этихъ княжескихъ учрежденій. Чтобы понять возможность такого совмѣщенія частно-хозяйственныхъ княжескихъ учрежденій съ государственными, надо принять во вниманіе, что при отсутствіи денежныхъ средствъ (или при крайней ихъ ограниченности) вся система управленія, всѣ функціи государственной власти, должны были оставаться совершенно элементарными. Съ расширеніемъ территоріи Московскаго княжества, съ превращеніемъ вотчиннаго княжества въ національное государство усложнилась и эта система учрежденій ставшихъ изъ дворцовыхъ государственными, но долго она все еще носила слѣды своего происхожденія, долго еще царь Московскій относился къ государственному управленію, какъ къ частному своему хозяйству.

Такъ строилось Русское Государство и создавались общественные классы, приспособляясь къ экономическимъ условіямъ страны, которыя не позволяя въ силу исторической необходимости себя игнорировать, накладывали свой натуральный отпечатокъ на всю структуру русскаго государственнаго и общественнаго организма.

Экономическій ростъ страны, переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному далъ въ руки государственной власти новыя средства, съ помощью которыхъ она перестроила на новыхъ началахъ всю систему государственнаго управленія, и вызвалъ подъ вліяніемъ новыхъ условій экономической жизни перестройку самого общества.

Дальнѣйшая экономическая эволюція привела къ новымъ результатамъ.

„Не знаю хорошенько, говоритъ П. Н. Милюковъ, что именно находится теперь на мѣстѣ стараго боярскаго дома (на Кузнецкомъ мосту); вѣроятно, какой-нибудь грандіозный магазинъ, многоэтажная гостиница или банкирская контора. Но чтобы тамъ ни находилось теперь, можно навѣрное сказать, что теперешній хозяинъ, будь это собственникъ дома или содержатель магазина и гостиницы, или квартирантъ въ послѣдней, — уже не могутъ раздѣлять того философскаго равнодушія, съ какимъ имѣлъ возможность созерцать окружающее ихъ предшественникъ, владѣлецъ крѣпостныхъ деревень. Дѣло въ томъ, что никто изъ нихъ не можетъ быть сытъ предметами своего имущества—зданіями, сукнами, лампами и т. д.; всѣмъ имъ приходится, чтобы существовать и пользоваться достаткомъ, обращать свой товаръ въ деньги и деньги опять въ товаръ и такъ далѣе до безконечности: другими словами, всѣ они зависятъ отъ покупателя, и всѣ ихъ предпріятія разсчитаны на болѣе или менѣе быстрый обмѣнъ“.

Такова грандіозная перемѣна, одна изъ величайшихъ перемѣнъ, какія переживали до сихъ поръ общества. На новой почвѣ выросли и новые плоды—современные государственные организмы съ ихъ сложной и взаимно-связанной жизнью.

XC. Развитіе денежнаго хозяйства въ Московской Руси.

(Изъ соч. Н. Рожкова: «Происхожденіе самодержавія въ Россіи». М. 1906 г.).

Никто не оспариваетъ и не будетъ оспаривать того, что одной изъ основныхъ чертъ народнаго хозяйства въ Московскомъ государствѣ XVI и первой половины XVII вѣковъ является первенствующая роль сельскаго хозяйства, въ частности земледѣлія. Это положеніе настолько общепринято, что совершенно не нуждается въ доказательствахъ.

Вторая половина XVI вѣка въ исторіи Россіи была временемъ, когда въ нѣдрахъ натуральнаго хозяйства стало зарождаться хозяйство денежное, основанное на товарномъ обращеніи. Эта черта хозяйственнаго быта Московской Руси не менѣе, если не болѣе, важна, чѣмъ господство земледѣлія, и такъ какъ столь общепринятой, какъ послѣднее, ее считать нельзя, то необходимо сейчасъ въ сжатомъ видѣ повторить главныя наблюденія, подтверждающія фактъ зарожденія, первоначальнаго развитія денежнаго хозяйства въ изучаемое время.

Денежное хозяйство въ строгомъ смыслѣ слова это—такое хозяй-

ство, когда каждый отдѣльный производитель въ странѣ вовлеченъ въ торговый оборотъ, когда каждый съ продуктомъ своего труда является на рынокъ, отчуждаетъ этотъ продуктъ въ видѣ товара, т.-е. превращаетъ его въ деньги, съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь эти деньги посредствомъ той же операціи товарнаго обмѣна превратить въ предметы собственнаго потребленія. Если понимать денежное хозяйство въ такомъ строгомъ, исключительномъ смыслѣ, то придется признать, что денежное хозяйство у насъ въ Россіи мѣстами еще и теперь не существуетъ или существуетъ не вполнѣ, потому что товарное обращеніе захватило еще не всѣхъ безъ исключенія производителей хозяйственныхъ благъ въ Россіи, и многихъ изъ тѣхъ, кто даже подвергся этой участи, захватило не цѣликомъ, не заставило ихъ работать всецѣло для рынка.

Но для всякаго ясно, что Россія страна денежнаго хозяйства, несмотря на эти ограниченія. Ясно и то, что она пріобрѣла эту экономическую особенность не вчера, что денежное хозяйство въ Россіи развивалось путемъ длинной эволюціи, охватывающей не одно столѣтіе. Чтобы правильно опредѣлить ходъ этой эволюціи, ея отдѣльныя стадіи или ступени, необходимо придать термину „денежное хозяйство“ извѣстную растяжимость, эластичность. Денежнымъ съ этой точки зрѣнія надо признать не только такое хозяйство, при которомъ всѣ производители превращаютъ цѣликомъ весь свой продуктъ въ товаръ, но и такое, когда товарное обращеніе начинаетъ проникать въ глубины народной жизни, когда оно захватываетъ уже не одни высшіе классы, а отчасти и низшіе. Такъ именно надо характеризовать первую ступень развитія денежнаго хозяйства, на которую Россія поднялись въ XVI и XVII вѣкахъ.

Доказательства того, что вторая половина XVI вѣка была временемъ зарожденія денежнаго хозяйства, дѣлавшаго первые робкіе шаги впередъ въ XVII столѣтіи,—довольно многочисленны и разнообразны. Прежде всего у насъ нѣтъ недостатка въ прямыхъ свидѣтельствахъ объ оживленіи въ это время внѣшнихъ и внутреннихъ мѣновыхъ сношеній. Новгородъ продолжалъ быть важнымъ пунктомъ внѣшней торговли Россіи. Въ 50-хъ годахъ XVI вѣка завязываются постоянныя и при томъ очень важныя торговыя сношенія съ Англіей черезъ Бѣлое море, и такимъ образомъ на сѣверѣ, въ Холмогорахъ, потомъ въ Архангельскѣ и другихъ городахъ, лежавшихъ на пути къ Москвѣ, образовались новые рынки для внѣшней торговли, не уступавшіе Новгороду, скоро даже превзошедшіе его по своему значенію. Можно наблюдать довольно сильное торговое оживленіе цѣлаго ряда городовъ, лежавшихъ на дорогѣ съ сѣвера въ центръ, особенно Вологды, Ярославля и самой столицы государства—Москвы. О ростѣ внѣшней торговли Московскаго государства со второй половины XVII вѣка свидѣтельствуютъ разнообразные источники,—напримѣръ, сочиненія англичанъ, посѣщавшихъ Московскую Русь: Ченслера, Климента Адамса, Дженкинсона, Флетчера, Уложеніе 1649 года, но особенно такъ называемыя Торговыя книги, содержащія свѣдѣнія о заграничныхъ и русскихъ цѣнахъ и стоимости провоза цѣлаго ряда разныхъ продуктовъ, закупавшихся скупщиками изъ богатаго купечества на московскомъ рынкѣ въ очень значительномъ количествѣ и доставлявшихся къ Бѣлому морю для сбыта за границу.

Уже это оживленіе внѣшней торговли и расширеніе охватываемаго ею района, содѣйствовавшія образованію и развитію нѣсколькихъ новыхъ крупныхъ торговыхъ центровъ, не могли не сказаться на общемъ строѣ экономической жизни Московскаго государства во второй

половинѣ XVI и въ XVII вѣкѣ. Коренные устои натуральнаго, безобмѣннаго хозяйства начали подгнивать и колебаться подъ вліяніемъ роста заграничной торговли... У насъ нѣтъ недостатка и въ указаніяхъ на значительное оживленіе внутренняго обмѣна, и опять таки замѣчательно, что такія указанія начинаются со второй половины XVI вѣка, что служитъ очевиднымъ признакомъ зарожденія денежнаго хозяйства въ странѣ именно около этого времени. Съ этого именно хронологическаго термина въ писцовыхъ книгахъ и актахъ начинаютъ постоянно мелькать описанія отдѣльныхъ торжковъ, мѣстныхъ рынковъ и ярмарокъ, иногда охватывавшихъ своими торговыми оборотами значительную территорію. Уже на сѣверѣ въ концѣ XVI вѣка Вологда, Тотьма и Устюгъ были очень важными хлѣбными рынками. Рязанская область снабжала хлѣбомъ нижнее Поволжье, съ одной стороны, и Москву съ другой. То же приходится повторить о Ярославлѣ и Нижнемъ-Новгородѣ съ ихъ уѣздами. Цѣлая сѣть торговыхъ дорогъ по всѣмъ направленіямъ покрывала страну.

Мы имѣемъ, наконецъ, рядъ указаній на существованіе во второй половинѣ XVI вѣка обширныхъ и чрезвычайно-оживленныхъ ярмарокъ въ Старомъ Холопьѣ городкѣ на Мологѣ, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, Балахнѣ, знаемъ о конныхъ ногайскихъ ярмаркахъ въ Москвѣ и Казани, о зарождающейся Макарьевской ярмаркѣ, двухнедѣльной Петровской ярмаркѣ въ пригородѣ Пскова, Островѣ, куда съѣзжались купцы изъ Москвы, Новгорода, Пскова, Литвы и Ливоніи, и пр. и пр. Сказаннаго достаточно, чтобы внушить убѣжденіе въ многочисленности и разнообразіи прямыхъ свидѣтельствъ источниковъ объ оживленіи торговаго оборота въ Московскомъ государствѣ второй половины XVI вѣка. Таково первое доказательство зарожденія денежнаго хозяйства въ Россіи въ это время.

Второе доказательство—иного рода: оно заключается въ наблюденіяхъ за характеромъ владѣльческаго оброка съ крестьянъ. Во второй половинѣ XVI вѣка легко замѣтить ростъ денежнаго оброка насчетъ натуральнаго: тогда какъ до этого времени въ Вотской пятинѣ Великаго Новгорода только 6—9% всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ платили оброкъ деньгами, въ 1568 г. процентъ такихъ хозяйствъ повышается до 16-ти, а въ 1581 году черная волость знала здѣсь только одинъ денежный оброкъ; Въ Бѣжецкой пятинѣ уже въ 1545 году болѣе 26% всѣхъ крестьянъ сидѣли на оброкѣ деньгами, а въ Обонежской въ 1565 году такихъ крестьянъ было даже около 76%; наконецъ, во всѣхъ вотчинахъ Троицкаго-Сергіева монастыря, расположенныхъ въ центральныхъ уѣздахъ, въ послѣднее десятилѣтіе XVI вѣка совсѣмъ уже не существовало натуральнаго оброка, а всѣ монастырскіе крестьяне, сидѣвшіе на оброкѣ, вносили послѣдній деньгами. Совершенно понятно важное значеніе этихъ наблюденій: денежный оброкъ былъ бы немыслимъ, если бы не зародилось денежное хозяйство, такъ какъ безъ торговаго оборота продуктовъ сельской промышленности крестьяне не были бы въ состояніи пріобрѣсти необходимую для уплаты оброка денежную сумму.

На томъ же основаніи переходъ натуральныхъ государственныхъ повинностей въ денежные налоги, ясно обозначившійся какъ разъ съ половины XVI вѣка, слѣдуетъ считать третьимъ доказательствомъ зарожденія денежнаго народнаго хозяйства. Въ первой половинѣ XVI вѣка на землѣ лежали слѣдующія государственныя финансовыя обязанности: 1) населеніе платило казначеевы, дьячьи и подъяческія пошлины; это

былъ уже тогда денежный налогъ, хотя и незначительный по размѣрамъ; 2) кормъ намѣстниковъ и волостелей, обыкновенно поступавшій натурой, въ видѣ разнаго рода припасовъ; 3) дань; 4) ямскія деньги, сдѣлавшіяся, какъ и дань, денежной податью, но не исключавшія и особой натуральной ямской повинности; сверхъ того возникли еще: 5) полоняничныя деньги, не превратившіяся пока въ регулярную подать и собиравшіяся въ различныхъ размѣрахъ въ отдѣльные годы, смотря по количеству выкупаемыхъ изъ Крыма и Казани русскихъ „полоняниковъ" или плѣнныхъ; 6) натуральныя военныя повинности—посошная и городовое дѣло, т.-е. починка и постройка укрѣпленій. Во второй половинѣ XVI вѣка—съ 1551 года—въ податную систему внесены были важныя измѣненія: во-первыхъ, введены были новые военные денежные налоги—пищальныя и ямчужныя деньги, предназначенныя на пріобрѣтеніе и выдѣлку пищалей или ружей и пушекъ, и ямчуги, т.-е. селитры и пороха; затѣмъ налоги за городовое и засѣчное дѣло, т.-е. за починку и постройку укрѣпленій и „засѣкъ", или заставъ, образованныхъ посредствомъ вырубки лѣса и свалки его въ кучи, мѣшавшія проходу и проѣзду и укрывавшія за собой сторожевые военные посты; во-вторыхъ, полоняничныя деньги превращены были въ регулярную подать; наконецъ, въ-третьихъ, старыя натуральныя повинности — посошное и городовое дѣло — стали также переводиться кое-гдѣ временами на деньги. Если къ этому прибавить, что кормъ чѣмъ поздѣе, тѣмъ чаще переводился на деньги, что съ введаніемъ земскихъ учрежденій царя Ивана Грознаго онъ былъ замѣненъ денежной суммой, вносимой въ опредѣленные сроки въ государеву казну общиной, получившей земское самоуправленіе, что, наконецъ, къ концу XVI вѣка оклады прямыхъ денежныхъ податей возросли въ $3^1/_2$ раза сравнительно съ половиной столѣтія, то станетъ очевиднымъ, какимъ важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу зарожденія деnенежнаго хозяйства въ Московской Руси является исторія *государственнаго хозяйства* и въ частности прямого обложенія.

Наконецъ, существуетъ еще и четвертое, не менѣе, если не болѣе, серьезное доказательство описываемой экономической перемѣны: именно—измѣненіе цѣнности денегъ. Оживленное товарное обращеніе, проникающее въ народныя массы, всегда увеличиваетъ количество денегъ въ странѣ, а съ увеличеніемъ количества денегъ цѣнность послѣднихъ уменьшается. Въ этомъ отношеніи XVI вѣкъ принадлежитъ къ любопытнѣйшимъ эпохамъ русской исторіи. Изученіе стоимости русскаго рубля того времени по хлѣбнымъ цѣнамъ приводитъ къ убѣжденію въ быстромъ и неуклонномъ ея пониженіи: тогда какъ въ концѣ XV вѣка и въ началѣ XVI рубль стоилъ на наши деньги приблизительно 94 рубля,—въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVI столѣтія цѣнность его понизилась уже до 75 рублей на наши деньги, а во второй половинѣ того же вѣка даже только до 25 рублей. Такое быстрое удешевленіе денегъ рѣзко подчеркиваетъ совершившійся въ значительныхъ кругахъ населенія переходъ къ денежному хозяйству.

Кромѣ этихъ прямыхъ свидѣтельствъ, мы имѣемъ возможность сослаться и на другіе факты, подтверждающіе положеніе, что Россія того времени становилась страной денежнаго хозяйства, разсчитаннаго на обширный сбытъ. За это говорятъ данныя о цѣнахъ на хлѣбъ и о развитіи дѣятельности скупщиковъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ хлѣбныя цѣны въ одно и то же время въ разныхъ мѣстностяхъ колебались не очень сильно, что, несомнѣнно, указываетъ на живую

экономическую связь между этими мѣстностями: такъ, въ 50-хъ годахъ XVI вѣка цѣны на рожь равнялись 40 копейкамъ за нынѣшнюю четверть и въ Бѣлозерскомъ, и въ Суздальскомъ уѣздахъ, въ 60-хъ годахъ стоимость четверти ржи колебалась въ разныхъ мѣстахъ между 20 и 30 коп., въ 70-хъ—между 20 и 25 коп., въ 90-хъ—между 40 и 66 коп. Типической можно считать разницу между довольно отдаленными рынками въ $1^1/_2$ раза.

XCI. Служилые люди Московскаго государства.

(Изъ «Обзора исторіи русскаго права» М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Кіевъ, 1905 г.).

Элементы, изъ которыхъ составился служилый классъ. Люди, призванные къ отправленію военной, придворной и приказной службы, называются людьми служилыми. Этотъ классъ образовался изъ земскихъ бояръ и княжескихъ дружинъ (дворовъ) I-го (кіевскаго) періода, которые состояли изъ полноправныхъ бояръ и несвободныхъ или полусвободныхъ дворянъ. Тѣ же классы видимъ и въ XIV в. повсюду въ сѣверной Руси. Бояре были служилымъ классомъ только потому, что ихъ профессіею была высшая военная и административная служба; но служба эта не была обязательна для нихъ по отношенію къ тому или другому князю: они пользовались правомъ свободнаго перехода и служили по договору. Владѣя вотчинами (независимымъ правомъ собственности), они не утрачивали ихъ при переходѣ къ другому князю. Въ вотчинахъ пользовались нѣкоторыми правами суда и управленія поселенцами; содержали свои дворы (дружины). Они получали отъ князей города и волости въ кормленіе съ судомъ и данью.—Низшій разрядъ свободныхъ землевладѣльцевъ—дѣти боярскія; ихъ важнѣйшее отличіе отъ бояръ состоитъ только въ меньшихъ земельныхъ имуществахъ. Это — обѣднѣвшіе потомки размножившагося боярскаго рода.

Слуги (дворяне). Люди, составлявшіе постоянный дворъ князей, именовались слугами; ихъ положеніе опредѣлялось не землевладѣніемъ, а только службою. Они раздѣлялись на слугъ вольныхъ и слугъ подъ дворскимъ. Первые были лично свободы и, подобно боярамъ, могли переходить отъ одного князя къ другому, нѣкоторые изъ нихъ владѣли вотчинами, но большая часть не пользовалась прочими правами боярства; они получали или готовое содержаніе при дворѣ, или временное пользованіе земельными участками.

Слуги подъ дворскимъ, или дворяне въ тѣсномъ смыслѣ слова, исправляли въ вотчинномъ государствѣ дворовыя (которыя были въ то же время государственными) должности: казначеевъ, тіуновъ, дьяковъ, посельскихъ, ключниковъ. Отъ нихъ не отличались и слуги, исправлявшія чисто экономическія порученія: бортники, садовники, псари, бобровники, бараши. Всѣ они были люди лично несвободные — холопы, доставшіеся князю по куплѣ, или „по винѣ“ (за преступленія), по браку. Само собою разумѣется, что слуги этого рода не могли пользоваться наравнѣ съ боярами и слугами вольными правомъ перехода: „А бояромъ и слугамъ, кто будетъ не подъ дворскимъ, вольнымъ воля. А кто будетъ подъ дворьскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себя не принимаютъ“. — Дворы

имѣли всѣ владѣтельные князья; по мѣрѣ присоединенія удѣловъ, дворъ великаго князя увеличивался; но эти провинціальные дворы не пользовались одинаковымъ положеніемъ съ старымъ дворомъ Московскихъ князей; отсюда впослѣдствіи образовалось различіе дворянъ Московскихъ и городовыхъ.

Способъ образованія служилаго класса. Изъ представленныхъ, столь различныхъ элементовъ составляется одинъ служилый классъ въ XV в. чрезъ пониженіе правъ бояръ и постепенное повышеніе правъ дворянъ.

Первое (т.-е. пониженіе правъ бояръ) совершалось слѣдующимъ путемъ: вмѣстѣ съ уничтоженіемъ удѣловъ, сами удѣльные князья начали поступать на службу къ великому князю и входитъ въ разрядъ боярства; но князья не могли быть уравнены съ боярами относительно свободы вотчиннаго владѣнія: князья приходили на службу съ остатками своихъ удѣловъ и сохраняли въ нихъ нѣкоторыя прежнія владѣтельныя права. Еще въ XVI в. князья - слуги, потерявшіе владѣтельный характеръ, остаются въ своихъ прежнихъ удѣлахъ: кн. Воротынскіе и Одоевскіе въ концѣ XV в. идутъ на войну съ своими удѣльными полками; князья Оболенскіе пользуются въ своемъ удѣлѣ полными правами суда: „приставъ великаго князя къ нимъ въ Оболенскъ не въѣзжаетъ“. При такомъ сохраненіи служилыми князьями ихъ владѣтельныхъ правъ, государи Московскіе не могли предоставить имъ полныя права распоряженія на ихъ владѣнія, ибо это означало не частную свободу распоряженія имуществами, а распоряженіе государственными правами по частнымъ сдѣлкамъ. Поэтому, право свободнаго перехода съ сохраненіемъ вотчинъ прежде всего было отнято у служилыхъ князей, между тѣмъ какъ бояре еще сохраняли его: въ 1428 году договаривается вел. кн. Василій Васильевичъ Темный съ своимъ дядею Юріемъ: „А кто иметъ жити нашихъ бояръ и слугъ (въ) твоей отчинѣ, а тебѣ ихъ блюсти какъ своихъ...; а князей, ти, моихъ служебныхъ съ вотчинами... не пріимати“.

Лишь по примѣру князей, ограничиваются потомъ имущественныя права и бояръ; права эти обусловливаются уже службою; вотчинное право становится условнымъ. Въ 1504 г. Іоаннъ III пишетъ въ своей духовной: „А боярамъ и дѣтямъ боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями не отъѣхать отъ моего сына Василія, и кто отъѣдетъ,—и земли ихъ сыну моему; а служатъ ему, и онъ у нихъ въ ихъ земли не вступается, ниу ихъ женъ, ни у ихъ дѣтей“. Т.-е. сначала частныя права (наслѣдованія и др.) еще не сокращались, но, благодаря служилому характеру владѣльцевъ, и частныя права распоряженія вотчинами ограничены потомъ.

Къ этому повело особенно сокращеніе личныхъ правъ бояръ и слугъ вольныхъ. Право личнаго перехода ихъ было сначала ограничено, именно допускался переходъ отъ удѣльныхъ князей къ великому, но не наоборотъ; а затѣмъ было совсѣмъ отнято при Іоаннѣ III; съ уничтоженіемъ удѣловъ оно и не могло имѣть мѣста; оставалось переходить только въ Литву, которая не состояла въ союзѣ съ Русскими княжествами, считалась государствомъ чужимъ и враждебнымъ, а переходъ въ нее — измѣною. Лишеніе права перехода подобно уже личному кабальному холопству; великіе князья начали брать съ бояръ крестоцѣловальныя записи о непереходѣ (первая извѣстная взята съ кн. Холмскаго въ 1474 г.); такія записи почти равнялись записямъ на кабальную службу между частными лицами и имѣли тѣ же послѣдствія для закрѣпощенія высшихъ классовъ.— Тогда бояре начали занимать дворовыя должности наравнѣ съ дворянами:

при Іоаннѣ IV должность казначея занимаетъ уже бояринъ; бояре начинаютъ получать помѣстья наравнѣ съ дворянами (а не кормленія только).

Въ то же время совершался обратный процессъ возвышенія правъ дворянъ слѣдующими способами: съ присоединеніемъ удѣловъ число дворянъ у великаго князя увеличилось чрезмѣрно; главною службою ихъ дѣлается не дворовая, а военная. Содержатся они уже не при дворѣ, а испомѣщаются на земляхъ, составлявшихъ частную собственность князей, на помѣстномъ правѣ (т.-е. на правѣ временнаго пользованія съ условіемъ службы, подобно, какъ въ частныхъ отношеніяхъ—холопы, поселенные на участкахъ, именуемые „задворными“). И это—уже значительное право для лицъ несвободныхъ. Сдѣлавшись помѣщиками, они могутъ и сами пріобрѣтать имущества и передавать ихъ въ наслѣдство, однако право и на эти имущества остается еще также условнымъ и зависимымъ отъ правъ великаго князя.

Полное уравненіе бояръ и дворянъ послѣдовало при Іоаннѣ Грозномъ, отъ времени котораго сохранился указъ объ уравненіи службы бояръ, князей, дѣтей боярскихъ и „воиновъ“ (дворянъ) по ихъ вотчинамъ, помѣстьямъ и денежному жалованью. Тогда и бояре становятся дворовыми слугами и дворяне землевладѣльцами на равныхъ правахъ.

Составляетъ ли служилый классъ сословіе? Разряды служилыхъ людей. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что служилыми людьми называется классъ населенія, обязанный службою (придворною, военною, гражданскою) и пользующійся за нее частными земельными имуществами на условномъ правѣ. Основаніе для отдѣльнаго бытія этого класса дается не правами его, а обязанностями къ государству. Обязанности эти разнообразны, и никакого корпоративнаго единства члены этого класса не имѣютъ. Сколь многоразличны служебныя обязанности, столь же различны и разряды, на которые дѣлился этотъ классъ. Это: а) члены боярской думы: бояре (высшій чинъ, жалуемый царемъ), окольничіе и думные дворяне (т.-е. дворяне, введенные въ думу, допущенные къ участію въ ея засѣданіяхъ). б) Придворные чины, какъ высшіе: спальники, стольники, стряпчіе, такъ и низшіе. в) Военные люди: жильцы (гвардія), дворяне Московскіе (испомѣщенные въ Московскомъ уѣздѣ), дворяне городовые (самый многочисленный и центральный разрядъ служилаго класса, давшій имя будущему высшему сословію дворянства), дѣти боярскіе (прежде примыкавшіе къ боярскому классу, а съ XVI в. ниспавшіе въ самый низшій разрядъ служилыхъ людей). Переходомъ отъ военнаго служилаго класса къ тяглому населенію были разряды низшихъ службъ, образовавшіеся съ полов. XVI в.: стрѣльцы, пушкари, казаки, драгуны, воро́тники, рейтары и солдаты. г) Лица гражданской службы: дьяки, и подъячіе (думные дьяки, дьяки приказные, дьяки городовые, площадные и другіе). д) Къ служилымъ царскимъ людямъ нужно присоединить дворянъ и дѣтей боярскихъ архіерейскихъ и *знакомцевъ* боярскихъ (военныя дружины бояръ и служилыхъ князей); тѣ и другіе, вмѣстѣ съ частною службою, отправляли и государственную (военную въ походахъ и административную въ вотчинахъ).

Способы вступленія въ высшій классъ и выхода изъ него. Сообразно съ понятіемъ о служиломъ классѣ, основной способъ вступленія въ служилые люди есть опредѣленіе въ тотъ или другой разрядъ государственной службы (а не пожалованіе какихъ-либо правъ потомственныхъ или личныхъ). Переводъ лицъ изъ одного разряда въ другой есть возвышеніе чиновниковъ по степенямъ чиновъ и должностей. Опредѣленіе лицъ въ

разрядъ военно-служащихъ называлось верстанiемъ (запись въ полковые списки и назначенiе жалованья помѣстнаго или денежнаго). Такое поступленiе на службу прежде не принадлежало исключительно какому-либо классу по происхожденiю: въ XV, XVI и до полов. XVII в. „верстали (въ дѣти боярскiе) и холоповъ, крестьянъ и посадскихъ людей“. Въ разрядъ гражданской службы набирались изъ „поповыхъ и дьяконовыхъ дѣтей, торговыхъ людей гостинной и суконной сотенъ, изъ черныхъ сотенъ всякихъ посадскихъ людей, изъ пашенныхъ людей и ихъ дѣтей“ (Уст. кн. зем. прик. ст. XXIX). Хотя наборъ дворянъ и подъячихъ изъ лицъ неслужилыхъ классовъ были запрещены указами 1639 и 1652 гг, но на практикѣ поступленiя такихъ лицъ на службу продолжались и во второй половинѣ XVII в. Лишь въ концѣ XVII в. (указы 1675 и 1678) окончательно предписано верстать только сыновей дѣтей боярскихъ, что̀ впрочемъ относится уже къ перiоду реформъ (къ началу образованiя изъ служилыхъ людей—дворянскаго сословiя).—Какъ лица, происшедшiя не отъ служилыхъ людей, могли быть верстаны на службу, такъ и сыновья лицъ служилыхъ не получали никакихъ особыхъ правъ съ момента рожденiя; при совершеннолѣтiи (15 л.) они подвергались верстанiю и только тогда уже принадлежали къ служилому классу. Разумѣется, бо̀льшая часть дворянъ и дѣтей боярскихъ верстаны изъ сыновей прежнихъ служилыхъ людей; такимъ образомъ рожденiе лишь косвенно вело къ усвоенiю званiя служилаго человѣка.

Опредѣленiе на службу не имѣетъ ничего общаго ни съ выслугою дворянства, ни съ пожалованiемъ—явленiями перiода имперiи.

Выходъ изъ состоянiя служилаго человѣка обусловливается подобными же причинами, какъ и вступленiе въ него, а именно оставленiемъ службы. Но дворяне были прикрѣплены къ службѣ ранѣе прикрѣпленiя посадскихъ и крестьянъ; а потому дѣйствительно служащiй лишенъ былъ права выхода вовсе; въ Судебникѣ постановлено: „а дѣтей боярскихъ служивыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не прiимати никому, опричь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ“; но въ 1558 г. было разрѣшено, что сынъ дворянина, которому уже больше 15 лѣтъ, но онъ службы не служитъ и въ десятню не записанъ (значитъ, въ службу не пригодился), можетъ давать на себя служилую кабалу частнымъ лицамъ. Въ 1641 г. дворяне подали царю челобитную, что многiе изъ ихъ товарищей, „не хотя государевы службы служити и бѣдности терпѣти“, перешли въ драгуны и въ другiя службы, или били челомъ въ холопство во дворы боярамъ и дворянамъ; указомъ 1642 г. марта 9 велѣно всѣхъ такихъ (кромѣ неверстаныхъ) поворотить назадъ въ службу и на будущее время выходъ изъ служилаго состоянiя совершенно воспрещенъ.

Права и преимущества лицъ служилаго класса. Въ то самое время, когда боярство сливалось съ дворянствомъ и общiй уровень его правъ понижался, въ высшихъ слояхъ боярства зародилась мысль объ аристократическихъ привилегiяхъ бъ управленiи государствомъ (въ малолѣтство Грознаго и снова при Ѳеодорѣ Iоанновичѣ и въ смутное время) [1]); эти попытки окончились новымъ приниженiемъ боярства; но и въ нихъ шла рѣчь не о правахъ „дворянскаго сословiя“, а о привилегiяхъ олигархiи немногихъ родовъ, случайно стоящихъ тогда близъ трона. Что же касается

---

[1]) См. въ „Хрестоматiи“ статьи: *С. Вознесенскаго* о Грозномъ, Борисѣ и междуцарствiи, а также статьи по Смутѣ проф. Платонова и проф. Ключевскаго. *Ред.*

до общихъ правъ всѣхъ служилыхъ лицъ, то нѣкоторыя особыя права служилыхъ лицъ принадлежатъ имъ, какъ людямъ, состоящимъ на государственной службѣ, а не какъ членамъ сословія. *Право на охраненіе чести* не одинаково для разныхъ разрядовъ служилыхъ лицъ: „безчестіе" (денежный штрафъ за оскорбленіе служилыхъ лицъ) соразмѣряется съ денежнымъ жалованьемъ, или съ величиною доходовъ отъ кормленія, „по книгамъ" (въ которыхъ исчислялись эти доходы); низшіе разряды служилыхъ лицъ получаютъ безчестья менѣе гостей и торговыхъ людей гостинной сотни. Привилегіи въ уголовномъ правѣ изъясняются отчасти также служебнымъ положеніемъ дворянъ; сначала господствовало равенство наказаній („дворяномъ... чинить по томужъ, какъ и инымъ воромъ"; Уст. кн. Разб. прик. ст. 15); но потомъ (въ XVII в.) за непредумышленное убійство крестьяне наказывались кнутомъ, а дѣти боярскія тюремнымъ заключеніемъ (Уст. кн. Разб. прик. ук. 1625 г. февр. 17). Особенно же принципъ неравенства наказаній замѣтенъ въ Уложеніи (X, 133, 135; XXI 39 и 40, 60—73, 79 и 80; XXII, 10 и 12), но относящіяся сюда постановленія случайны и объясняются каждый разъ особыми мотивами (напр., если помѣщикъ побьетъ своихъ крестьянъ-разбойниковъ, не представивши ихъ въ губу, то наказывается лишеніемъ помѣстья, а слуга его за такое же дѣяніе подлежитъ смертной казни, очевидно потому, что помѣщикъ наказывается не за убійство, а за превышеніе предоставленной ему судебной власти надъ крестьянами). *Особенныя права при взысканіяхъ по обязательствамъ*—правежѣ—состоятъ въ томъ, что за 100 руб. долга дворянинъ подвергается правежу (битью предъ приказомъ) два мѣсяца, а лица тяглыя—одинъ (ук. 1557 г., декабря 15); это privilegium odiosum объясняется тѣмъ, что тяглый человѣкъ затѣмъ выдается головою, а дворянинъ отстаивается только правежемъ; а это въ свою очередь зависитъ отъ того, что служилый человѣкъ обязанъ службою и не можетъ вступить въ частную зависимость. Право выставлять за себя на правежъ своихъ слугъ и холоповъ принадлежитъ всѣмъ рабовладѣльцамъ. Изъ сферы имущественныхъ правъ дворянамъ принадлежитъ *право владѣть вотчинами и помѣстьями*; но право на владѣніе недвижимыми имуществами (на основаніяхъ тяглой службы) принадлежало и лицамъ тяглаго класса: вотчинами владѣли церковныя учрежденія и гости; право помѣстное принадлежитъ исключительно служилымъ людямъ потому, что это есть жалованье за службу, котораго не можетъ получать тотъ, кто не служитъ.—*Право на государственную службу* (какъ было указано выше) есть прикрѣпленіе къ службѣ, отъ котораго многіе изъ дворянъ бѣжали въ частное холопство; но мы видѣли также, что на службу верстаны были не одни дѣти служилыхъ людей, особенно на службу гражданскую (въ дьяки и подъячіе). Въ выборныхъ учрежденіяхъ тяглые люди или засѣдаютъ вмѣстѣ съ дворянами (въ губныхъ), или одни (въ земскихъ). Право быть избраннымъ на земскіе соборы (отъ котораго, однако, многіе уклонялись) простиралось и на духовныхъ, посадскихъ и крестьянъ (въ Польшѣ и Литвѣ, при дѣйствительно сословномъ строѣ государства, на сеймѣ участвуютъ только шляхтичи и наиболѣе значительные города—in corpore, но не мѣщане). Само собою разумѣется, что высшіе разряды службы и званія (боярское званіе, окольничество и пр.) доставались людямъ болѣе знатнымъ и богатымъ (особенно же — бывшимъ владѣтельнымъ князьямъ), и что каждый членъ такого рода хотѣлъ и сыновей своихъ поставить въ то же званіе, а главное—не занимать мѣста ниже рода равнаго или низшаго; отсюда возникаетъ мѣстничество.

Мѣстничество есть исключительная принадлежность Московскаго государственнаго права и не можетъ существовать въ государствахъ, въ которыхъ господствуетъ сословный строй. Оно образовалось не ранѣе XV в., т.-е. со времени обращенія бояръ въ обязательно-служилыхъ людей. Сущность его состоитъ въ спорѣ боярскихъ родовъ между собою о служебномъ старшинствѣ. Предметомъ спора были не самыя мѣста, или роды службы, а относительное положеніе на службѣ одного служилаго человѣка передъ другимъ. Причина происхожденія этого явленія заключается въ томъ, что родовая честь зависитъ отъ служебной: занятіе низшей должности можетъ понизить навсегда значеніе одного рода передъ другимъ (чего не можетъ быть въ сословіяхъ, въ которыхъ права членовъ не зависятъ отъ службы [1]).

Мѣстничавшіе ссылались на случаи, т.-е. прежнее относительное положеніе ихъ предковъ по службѣ; иногда они указываютъ такіе случаи за предѣлами Московскаго государства (на прежней службѣ въ Рязани, Твери и даже въ Крыму, если то были выходцы изъ татаръ; но послѣднее не принималось въ разсчетъ). Въ числѣ доказательствъ въ мѣстническихъ дѣлахъ представляемы были и родословныя, но не съ цѣлію доказать древность рода вообще и его заслуги государству, а съ цѣлію указать старшинство рода предъ другимъ на лѣстницѣ служебной іерархіи. Разсмотрѣніе мѣстническихъ счетовъ принадлежало боярамъ, а рѣшеніе царю; оно оканчивалось или признаніемъ притязаній, или наказаніемъ для поднявшаго споръ „за безчестіе" того, противъ кого онъ былъ начатъ (выдача головою).—Что мѣстничество не было проявленіемъ аристократическихъ тенденцій, на это указываетъ то обстоятельство, что мѣстничались между собою не одни родовыя фамиліи, но и худородные люди (дьяки по приказамъ). Хотя при одномъ случаѣ мѣстничества князя Волконскаго съ бояриномъ Головинымъ бояре стали на сторону послѣдняго и сказали, что „за службу государь жалуетъ помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ", но этимъ выразили полное отрицаніе аристократическихъ началъ, ибо князь Рюриковичъ во всякомъ случаѣ аристократичнѣе боярина изъ простыхъ грековъ-выходцевъ; бояре только хотѣли сказать, что предки Головина служили въ высшихъ чинахъ, чѣмъ предки князя Волконскаго.

Какъ явленіе въ высшей степени вредное для государственной службы, мѣстничество было ограничиваемо царями еще съ XVI в. (см. ук. 1550 г. въ ук. кн. вѣд. казн.). Въ XVII в. при частныхъ случаяхъ (особенно во время военныхъ походовъ) было часто объявляемо: „быть безъ мѣстъ" (т.-е. на данный случай не должны простираться мѣстническіе счеты). Въ 1681 г. предпринята и совершена общая реформа (по поводу новаго военнаго устройства): земскій соборъ (изъ представителей служилаго класса, подъ предсѣдательствомъ князя В. В. Голицина) рѣшилъ отмѣнить мѣстничество; царь и боярская дума (съ соборомъ духовенства) утвердили это рѣшеніе 12 января 1682 г., повелѣвъ прежнія мѣстническія дѣла предать огню (что и исполнено въ печкѣ государевой передней палаты въ присутствіи депутаціи отъ думы и архіереевъ).—Но съ уничтоженіемъ мѣстническихъ книгъ, тотчасъ же учреждены въ разрядѣ родословныя. Это означало переходъ отъ служебной іерархіи къ сословному равенству, отъ состоянія служилыхъ людей—въ состояніе „шляхетства" (подъ силь-

[1]) См. о мѣстничествѣ ст. проф. Дьяконова во II т. „Хрестоматіи". *Ред.*

нымъ вліяніемъ порядковъ литовско-польскаго государства, съ которымъ во 2-й половинѣ XVII в. московскіе люди вошли въ ближайшія столкновенія).

XCII. Вліяніе денежнаго хозяйства на формы землевладѣнія и сельскаго хозяйства и распредѣленіе хозяйственныхъ благъ.

(По соч. Н. Рожкова: «Происхожденіе самодержавія въ Россіи». М. 1906 г.).

1.

Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному всегда труденъ, мучителенъ, болѣзненъ, потому что приходится перестраивать всѣ хозяйственныя отношенія на новую основу. Въ Россіи онъ былъ тѣмъ болѣзненнѣе, что здѣсь скоро сталъ складываться обширный рынокъ для сбыта продуктовъ, такъ что получился рѣзкій экономическій переломъ. Юридическія формы не поспѣли за общими хозяйственными измѣненіями, и потому попрежнему оставались господствующими старыя формы землевладѣнія—помѣстье и монастырская вотчина [1]). Помѣстье было временнымъ и условнымъ, непрочнымъ владѣніемъ, приспособленнымъ къ условіямъ натуральнаго хозяйства и переложной системы земледѣлія: выпахавъ одно имѣніе, помѣщикъ бросалъ его и переходилъ на другое. Монастырскія вотчины были чрезвычайно обширны и разбросаны, а также часто раздавались во временное и условное владѣніе, подобное помѣстному, и въ результатѣ оказались тѣ же хозяйственныя послѣдствія этого, что и на помѣстной землѣ. Кромѣ того, юридическая природа обѣихъ господствовавшихъ тогда формъ землевладѣнія отличалась однимъ общимъ существеннымъ признакомъ: и помѣстье и монастырская вотчина — неотчуждаемы: первое—вслѣдствіе условности и временности владѣнія, вторая—въ силу каноническаго правила о вѣчности и нерушимости церковнаго имущества, о его неприкосновенности; правило это, какъ извѣстно, принято было за основу имущественныхъ правъ церковныхъ учрежденій Стоглавомъ [2]). Неотчуждаемость помѣстья и монастырской земли стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ зарождающимся денежнымъ хозяйствомъ, потому что денежное хозяйство, даже и въ зачаточномъ состояніи, превращаетъ землю въ товаръ, обращающійся на рынкѣ, требуетъ нѣкоторой, хотя бы очень ограниченной, свободы гражданскаго оборота земли: при новыхъ рыночныхъ условіяхъ настоятельно необходима возможность обращенія недвижимости въ денежный капиталъ и наоборотъ—денежнаго капитала въ недвижимость, а также необходимъ и переходъ земли изъ рукъ въ руки. Такимъ образомъ, причины кризиса заключались въ переходѣ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному съ обширнымъ рынкомъ и въ несоотвѣтствіи старыхъ, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго формъ землевладѣнія новымъ условіямъ экономическаго развитія страны.

---

[1]) Все, что здѣсь говорится о монастырской вотчинѣ, относится въ значительной мѣрѣ и къ вотчинѣ бояръ и другихъ служилыхъ людей. *Ред.*

[2]) Точно также отчасти было ограничено и право служилыхъ людей распоряженія вотчинами. *Ред.*

Къ сороковымъ годамъ XVII в. переходъ къ денежному хозяйству въ его начальной стадіи развитія завершился. Въ то же время наблюдаются серьезныя перемѣны въ относительномъ значеніи и даже въ юридической природѣ помѣстнаго и монастырскаго землевладѣнія. 11 мая 1551 года состоялся соборный приговоръ, которымъ былъ запрещенъ подъ угрозой конфискаціи вкладъ земли въ монастыри безъ доклада государю; въ 1572 году запрещеніе принимать вклады землей было выражено въ еще болѣе категорической формѣ по отношенію къ богатымъ монастырямъ; что же касается небольшихъ и бѣдныхъ монастырей, то непремѣннымъ условіемъ пріобрѣтенія ими земельныхъ имуществъ по прежнему оставался докладъ государю; въ 1581 г. и бѣдные монастыри лишены были безусловно права принимать вклады землею. Впрочемъ, на дѣлѣ монастыри получали вкладныя вотчины и послѣ изложенныхъ законодательныхъ мѣръ, но лишь до выкупа этихъ вотчинъ родственниками вкладчика или государемъ. Уложеніе 1649 г. окончательно запретило пріемъ земельныхъ вкладовъ монастырями. Параллельно такому юридическому ограниченію монастырскаго землевладѣнія шло фактическое сокращеніе его размѣровъ. Свидѣтельства писцовыхъ книгъ конца XVI вѣка и другихъ документовъ XVII столѣтія убѣждаютъ въ томъ, что неотчуждаемость монастырскихъ земель, возведенная въ принципъ Стоглавомъ, часто обращалась въ юридическую фикцію: подъ давленіемъ начавшаго свое развитіе денежнаго хозяйства монастырскія власти нерѣдко прибѣгали къ залогу вотчинъ, превращая недвижимость въ столь необходимый при новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ денежный капиталъ. Залогъ въ древней Руси былъ въ большинствѣ случаевъ вещнымъ договоромъ, т.-е. сопровождался немедленной и обязательной при полученіи ссуды передачей закладываемаго недвижимаго имущества залогопринимателю. Такимъ образомъ часть монастырской земли переходила въ руки свѣтскихъ лицъ, совершалась мобилизація церковной поземельной собственности, усложнявшаяся притомъ еще вмѣшательствомъ правительственной власти, которая, признавая незаконнымъ отчужденіе церковной земли, не возвращала однако послѣднюю церкви, а конфисковала въ пользу государства и раздавала въ помѣстья, такъ что возвратъ заложенной монастырями земли въ монастырскую собственность окончательно пресѣкался.

Гораздо менѣе податливымъ въ смыслѣ юридическихъ измѣненій оказалось въ изучаемое время помѣстье: до половины XVII вѣка утвердился только окончательно обычай передавать помѣстья послѣ смерти владѣльцевъ ихъ сыновьямъ, и стала входить въ практику мѣна помѣстныхъ земель на вотчинныя. Однако и это было уже очень знаменательно, тѣмъ болѣе, что вторая половина XVII вѣка рѣшительно сблизила помѣстья съ служилой вотчиной путемъ допущенія сдачи помѣстій, иногда и за деньги, и дозволенія обращать помѣстья на удовлетвореніе имущественныхъ исковъ.

Повліявъ на юридическую природу помѣстнаго землевладѣнія, денежное хозяйство повело и къ сокращенію размѣровъ помѣстной земли посредствомъ обильнаго и входившаго все болѣе въ обычай пожалованія помѣстій въ вотчину—въ награду за службу и заслуги. Въ царствованіе Михаила много помѣстной земли было роздано во владѣніе на вотчинномъ правѣ, т.-е. въ собственность, служилымъ людямъ въ награду за участіе въ защитѣ столицы государства въ смутное время отъ нападеній Тушинскаго вора — это такъ называемое „осадное сидѣнье при царѣ Василіи“—и во время похода на Москву Владислава—„осадное сидѣнье

королевичева приходу". Въ XVII вѣкѣ ни одинъ удачный походъ не обходился безъ обращенія части помѣстной земли его учистниковъ въ ихъ вотчину. Установилась и обычная норма такого пожалаванья: обыкновенно въ награду за службу съ каждыхъ 100 четвертей помѣстнаго склада 20 четвертей обращались въ вотчинное владѣніе. Неудивительно поэтому, что въ XVII вѣкѣ размѣры помѣстной земли сокращаются и абсолютно и относительно, и на ея счетъ увеличивается вотчинное землевладѣніе служилыхъ людей.

2.

Описанныя хозяйственныя перемѣны отразились на формахъ хозяйства и на распредѣленіи хозяйственныхъ благъ.

Когда съ развитіемъ денежнаго хозяйства образовался рынокъ для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, выгодно стало расширеніе барской, владѣльческой запашки. Уже въ XVI вѣкѣ нерѣдки были случаи, когда барская [1]) запашка составляла 16, 35, 38, даже 56% распахиваемой площади. Въ XVII столѣтіи наблюдаются подобныя же явленія: въ Повельскомъ стану Дмитровскаго уѣзда у помѣщиковъ считалось собственной запашки, по писцовой книгѣ 1626—28 г., 104 четверти въ каждомъ изъ трехъ полей, а крестьянской пашни было 83 четверти, такъ что на помѣщичью приходится 55,6%, а на крестьянскую только 44,4%. [2])

Расширенная барская запашка требовала усиленнаго приложенія рабочихъ рукъ. Вотчинники и помѣщики XVI и XVII вѣковъ употребляли всѣ средства, чтобы найти эти рабочія руки въ достаточномъ количествѣ.

Прежде всего они заставили работать на барской пашнѣ своихъ холоповъ — полныхъ и кабальныхъ. Въ XVI в. такіе холопы обыкновенно жили на дворѣ помѣщика и именовались „дѣловыми людьми"; но уже тогда нѣкоторые изъ нихъ получали еще отдѣльные участки для собственной запашки, селились своими дворами внѣ двора владѣльца или, какъ тогда говорили, „за дворомъ" его и потому назывались „задворными людьми".

Труда холоповъ однако было недостаточно для обработки всей барской пашни, и потому земледѣльцы стали облагать жившихъ на ихъ землѣ крестьянъ барщиной, которая иногда совмѣщалась и съ денежнымъ оброкомъ. Это замѣтно было уже въ XVI вѣкѣ и продолжало развиваться въ XVII-мъ, какъ показываютъ, напр., порядныя грамоты, а также и другіе источники, напр., отказныя книги.

Наконецъ, когда не хватало ни холопскихъ, ни крестьянскихъ рукъ, помѣщики и вотчинники прибѣгали къ труду бобылей. Бобылями въ XVI в., какъ извѣстно, назывались вообще люди, не имѣвшіе своей пашни, занимавшіеся ремеслами, мелкой торговлей и работой по найму. Въ XVII в. особенно умножилось, — очевидно подъ вліяніемъ экономическаго кризиса, — число этихъ бобылей, не имѣвшихъ собственной запашки. Ихъ поряжали къ себѣ землевладѣльцы и заставляли обрабатывать на себя пашню. Такихъ бобылей, сидѣвшихъ на барской пашнѣ, было очень

---

[1]) На монастырскихъ земляхъ барской запашки соотвѣтствовала монастырская. *Ред.*

[2]) И подобныхъ извѣстій для XVII в. сохранилось до насъ очень много, но мы ихъ приводить не станемъ. *Ред.*

много, судя по писцовымъ книгамъ 20-хъ годовъ и по переписнымъ 40-хъ (XVII в.).

3.

Вліяніе перехода къ денежному хозяйству и экономическаго кризиса на распредѣленіе хозяйственныхъ благъ хорошо извѣстно: эти новыя экономическія явленія сильно понизили уровень благосостоянія народной массы и, оставляя въ рукахъ крестьянъ несравненно меньшее, чѣмъ прежде, количество реальныхъ хозяйственныхъ благъ, усилили экономическое неравенство [1]).

Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и притомъ разсчитанному на обширный рынокъ, устраненіе экономическаго кризиса, приспособленіе формъ землевладѣнія къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ, организація барщиннаго труда, обезпеченіе массѣ населенія необходимаго минимума средствъ существованія—вотъ тѣ трудныя и важныя задачи, которыя стояли на очереди передъ русскимъ обществомъ и государствомъ XVI-го и первой половины XVII вѣка. Въ разрѣшеніи этихъ задачъ первая роль принадлежала тому классу, хозяйственное значеніе котораго было особенно велико, — именно классу среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, а также классу городскихъ торговцевъ-скупщиковъ. Крупное землевладѣніе не могло въ то время играть опредѣляющую роль, потому что рынокъ былъ еще не настолько обширенъ, чтобы создать капиталистическое хозяйство, и народныя массы были настолько принижены экономически и настолько малосознательны, что не могли являться активной общественной силой перваго ранга. Понятно, что и соціальныя отношенія сложились болѣе всего въ интересахъ средняго и мелкаго дворянства и зажиточныхъ посадскихъ людей [2]).

XCIII. Посадскіе люди.

(*Изъ «Обзора исторіи русскаго права» М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Кіевъ, 1905 г.*).

Посадомъ называется поселеніе вокругъ укрѣпленія (города); такъ какъ служилые люди, имѣвшіе жительство или осадные дворы въ „городахъ", отдѣлились въ особый классъ, то остальное населеніе (не служилое) уже перестало именоваться горожанами: съ XVI в. ему усвоено названіе посадскихъ людей. Посады могли возникать и помимо укрѣпленій, называясь въ такомъ случаѣ слободами, а жители—слобожанами (каковое названіе, впрочемъ, поглощалось первымъ общимъ).

Разряды посадскихъ людей. Еще отъ 1-го (Кіевскаго) періода оста-

[1]) Это экономическое неравенство, повѣдшее за собой и неравенство соціальное, было одной изъ причинъ смутнаго времени, а также сыграло видную роль въ бунтѣ Разина. См. объ этомъ ст. С. Ѳ. Платонова: „Соціальное противорѣчіе въ М. государствѣ" и Н. Ѳирсова: „Разиновщина", во 2-мъ и 5 отдѣлахъ II т. „Хрестоматіи". *Ред.*

[2]) Эти слои народа съ конца XVI в. становятся объектомъ правительственныхъ заботъ. См. объ этомъ ст. С. В. Вознесенскаго о Грозномъ и Годуновѣ и С. Ѳ. Платонова о Михаилѣ въ 1-омъ, 2-омъ и 3-емъ отдѣлахъ II т. „Хрестоматіи". *Ред.*

лось раздѣленіе городского населенія на гостей, простыхъ купцовъ и черныхъ городскихъ людей.—Полуслужилое состояніе *гостей*, начавшееся съ древнѣйшихъ временъ, укрѣпляется за ними въ Московскомъ государствѣ. Здѣсь гость есть званіе, пожалованное великимъ княземъ какому-либо торговцу; уже при Димитріи Донскомъ даваемы были жалованныя грамоты на гостинство. Въ 1598 г. царь Борисъ Годуновъ пишетъ: „пожаловали есмя нашея отчины Великаго Новгорода торговаго человѣка Ивана Онаньина сына Соскова гостинымъ имянемъ, велѣли ему быти въ гостяхъ". Пожалованіе давалось и за стороннія услуги и именно иностранцамъ (въ 1665—фонъ-Горну „за поимку вора Тимошки Анкудинова") и за устройство государственныхъ займовъ. Сначала давалось пожалованіе каждому лично; въ 1613 г. выдана общая жалованная грамота классу гостей; но за потерею этою грамотою юридической силы, выдана новая въ 1648 г. (съ прописаніемъ содержанія первой). Сущность пожалованія заключается въ слѣдующихъ привилегіяхъ: освобожденіе отъ суда подчиненныхъ властей и подчиненіе только суду царя; освобожденіе отъ общинныхъ податей и повинностей; освобожденіе отъ платежа мыта и мостовщины; право владѣть (до 1666 г.) вотчинами и получать помѣстья и др. Но пожалованіе дается за службу и подъ условіемъ службы. Служба гостей — финансовая: завѣдываніе таможнями и кружечными дворами, оцѣнка и распредѣленіе царской казны (мѣховъ, получаемыхъ изъ Сибири). Въ присутственныхъ мѣстахъ, вѣдавшихъ эти отрасли управленія, гости занимали мѣста головъ и дьяковъ. Для отправленія этой службы, всякій торговый человѣкъ, возведенный въ званіе гостя, долженъ былъ переселяться изъ родного города въ Москву. Такимъ образомъ лучшіе элементы мѣстныхъ городскихъ общинъ были отвлекаемы на службу. Впрочемъ число гостей, даже въ концѣ существованія Московскаго государства, было ограничено (по свидѣтельству Котошихина, въ его время было ихъ только 30 человѣкъ).

Торговые люди гостинной и суконной сотни составляютъ второй разрядъ послѣ гостей. Еще въ XIV и XV вв. послѣ гостей упоминаются обыкновенно „суконники", въ качествѣ богатыхъ, но не привилегированныхъ купцовъ. По Судебнику 1550 г. это званіе (въ числѣ классовъ, между которыми расписана такса за безчестіе) не упоминается. Въ XVII в. изъ богатыхъ торговцевъ, не получившихъ личнаго пожалованія званія гостя, составляются особыя общины („сотни"), отличающіяся съ другой стороны отъ черныхъ посадскихъ сотенъ. Члены гостинной и суконной сотни сгруппированы только въ Москвѣ, по назначенію правительства и по вызову изъ провинціальныхъ городовъ въ Москву лучшихъ мѣстныхъ торговцевъ. Въ такомъ, напр., смыслѣ состоялось распоряженіе въ 1647 г. и вызвало взаимную борьбу черныхъ сотенъ и посадовъ, не желавшихъ лишаться лучшихъ платежныхъ силъ, съ привилегированными сотнями, стремившимися къ увеличенію своего числа и слѣдовательно къ обложенію службы. Тогда было рѣшено возложить отправленіе службъ въ городахъ на мѣстныхъ торговцевъ. Хотя въ Уложеніи опять предписано назначеннымъ въ привилегированныя сотни продать свое имущество въ городахъ, „а самимъ жити на Москвѣ" (Ул. XIX, 34), но въ половинѣ XVII в. члены гостинной и суконной сотенъ находятся во многихъ городахъ. Служба членовъ этихъ сотенъ состояла въ томъ что они были товарищами при гостяхъ въ финансовомъ управленіи. Въ награду они получали привилегіи однородныя, но меньшія, чѣмъ гости (не нести общихъ

повинностей съ посадскими общинами). Гостинная сотня считалась много почетнѣе суконной.

Посадскіе черные люди. Съ выдѣленіемъ изъ общины гостей и членовъ привилегированныхъ сотенъ въ разрядъ полуслужилыхъ людей, личныя силы городскихъ общинъ ослабѣвали—„людишки бѣдные и молодшіе отъ того великаго тягла бѣгутъ розно, а которые были у насъ лучшіе люди, а тѣ взяты въ гостинную сотню и суконную", заявляютъ посадскіе люди въ 1621 г. Собственно городскую общину составляли уже одни простые или черные посадскіе люди, что приводило общины къ постепенному обѣдненію и затѣмъ къ мѣрамъ прикрѣпленія посадскихъ людей. Каждый посадъ составлялъ общину на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и сельскія волости, т.-е. на общинномъ землевладѣніи, круговой уплатѣ податей и отправленіи повинностей и на выборномъ управленіи. Городъ Москва, впрочемъ, не составлялъ одной общины, а дѣлился на сотни (древнѣйшія общины) и слободы (позднѣйшія на окраинахъ города); таковы сотни: Дмитровская, Ордынская, Ростовская, Ржевская, Новгородская, Срѣтенская, Покровская и Мясницкая; полусотни: Устюжская и Кожевенная; четверть-сотни: Митрополья, Арбатская и Черторская; слободы: Заяузская, Новая Кузнецкая, Екатерининская, Голутвинская и Воронцовская. Во главѣ сотенъ состоятъ сотскіе, во главѣ слободъ и провинціальныхъ посадовъ — старосты земскіе. Имущественныя силы общинъ постепенно ослаблялись внѣдреніемъ неподатныхъ классовъ (бѣломѣстцевъ) въ среду городовъ, иногда по распоряженіямъ самого правительства. Такъ какъ тяглыми имуществами посады владѣли на общинныхъ началахъ, то и самое тягло (податная служба государству) возлагалось не на лица, а на общины: кромѣ уплаты прямыхъ налоговъ (причемъ за пустыя мѣста платили наличные жители, за несостоятельныхъ—болѣе имущіе), на нихъ возложены выборы головъ и цѣловальниковъ въ кружечные и другіе дворы, съ отвѣтственностью за недоборъ, неисправность и злоупотребленія выборныхъ; далѣе, люди посадскіе не были освобождены и отъ личной службы государству—чрезъ постановку даточныхъ людей въ войска, постройку и поправку городскихъ укрѣпленій и пр. На земскомъ соборѣ 1642 г. тяглые люди заявили: „А мы сироты твои... нынѣ оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, и отъ пятинныхъ денегъ, и отъ даточныхъ людей, отъ подводъ... и отъ поворотныхъ денегъ, и отъ городового земляного дѣла, и отъ твоихъ государевыхъ великихъ податей, и отъ многихъ цѣловальничь службъ... съ гостьми и опричь гостей"... Слѣдствіемъ этого было бѣгство посадскихъ людей изъ посадовъ въ села — въ крестьяне и въ частную зависимость (въ закладчики и кабалу) къ лицамъ богатымъ, что въ свою очередь еще болѣе уменьшало населенность городовъ и отягощало положеніе остальныхъ членовъ посадскихъ общинъ. Постепенное уменьшеніе городского населенія въ XVI и XVII вв. видно изъ слѣдующихъ цифръ [1]): въ 1545 г. въ Муромѣ было: 111 дворовъ жилыхъ, 107 пустыхъ и 800 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ. Въ 1668 г. въ Ярославлѣ было: 3468 посадскихъ людей, а черезъ 10 лѣтъ—2862; въ Костромѣ тогда же 1322, а черезъ 10 лѣтъ—1044.

Образованіе отдѣльнаго класса городскихъ обывателей черезъ прикрѣпленіе. Государство, не имѣя возможности облегчить для посадовъ

[1]) Это уменьшеніе, впрочемъ, замѣчалась, главнымъ образомъ, въ центральныхъ областяхъ государства: на сѣверѣ—въ Поморьѣ—и на сѣверо-западѣ—въ Псковско-Новгородской области виденъ, наоборотъ, ростъ посадскаго населенія. *Ред.*

тягло, должно было прибѣгнуть къ прикрѣпленію городскихъ обывателей. Еще въ 1613 г. велѣно возвращать посадскихъ людей, бѣжавшихъ изъ Москвы; въ 1619 г. состоялось постановленіе земскаго собора о томъ, что вообще ушедшіе посадскіе люди должны быть возвращены на прежнія мѣста; затѣмъ то же подтверждалось частными указами и распоряженіями 1638, 1642 г., съ угрозами наказаній. Но окончательно прикрѣпленіе формулировано въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (гл. XIX): возвративъ (ст. 1 — 15) посадамъ отторгнутыя отъ нихъ земли (отъ бѣломѣстцевъ) и другія имущества: лавки, дворы (отъ крестьянъ), Уложеніе (ст. 18 и др.) старается возвратить посадамъ утраченное населеніе изъ поступившихъ въ частный закладъ (кабалу), изъ поступившихъ въ служилые люди (если только они сами, а не отцы ихъ поступили въ стрѣльцы, казаки и солдаты), изъ ушедшихъ вслѣдствіе брака (женщина посадская влечетъ обратно въ посадъ и мужа, и дѣтей). Цѣлыя слободы служилыхъ людей, населенныя около посадовъ и подрывавшія торговлю и промысла горожанъ, отчасти привлечены къ общему съ посадами тяглу (пушкари, затинщики и пр.), отчасти къ уплатѣ однѣхъ таможенныхъ пошлинъ (стрѣльцы, казаки и драгуны).—Впредь выходъ изъ посадовъ запрещается подъ угрозою ссылки въ Сибирь—на Лену. Запрещается также переходъ изъ одного посада въ другой (по указу 1658 г. подъ угрозою смертной казни).

Такой ходъ возникновенія этого класса какъ разъ противоположенъ процессу образованія средняго сословія въ Западной Европѣ. Тамъ государство, имѣя также въ виду усиленіе собственныхъ финансовыхъ средствъ, надѣялось достигнуть того чрезъ развитіе богатства въ городахъ (промышленности и торговли), а потому снабжало городскія общины привилегіями или укрѣпляло за ними тѣ права, которыя захвачены были самими городами въ средніе вѣка. Это привлекало въ города населеніе изъ селъ, бѣжавшее туда отъ крѣпостной зависимости. У насъ наоборотъ, населеніе бѣжало изъ городовъ въ частную кабалу. Территорія государства и его потребности росли не въ уровень съ населенностью и экономическими средствами, что въ особенности отразилось на судьбѣ сельскаго населенія.

XCIV. Городъ на Руси въ кіевскій, удѣльный и московскій періоды ея исторіи.

(*Ст. С. В. Вознесенскаго*) [1].

Исторія застаетъ восточныхъ славянъ, поселившихся въ бассейнѣ Днѣпра, при переходѣ ихъ изъ племеннаго быта въ бытъ городовой.

---

[1]) Статья составлена по слѣд. трудамъ: Н. В. Рожковъ. „Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія“, чч. I и 2; Проф. Никитскій. „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“; С. Ѳ. Платоновъ. „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ“; Н. В. Рожковъ. „Происхожденіе самодержавія въ Россіи“; Н. Д. Чечулинъ. „Города Московскаго государства въ XVI в.“; И. И. Дитятинъ. „Устройство и управленіе городовъ Россіи“ и М. Богословскій. „Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.“.

Скандинавскія саги, знакомыя съ Русью, называютъ ее „Гардарикъ", т.-е. страна городовъ. Первоначальная лѣтопись уже не помнитъ времени возникновенія на Руси многихъ городовъ: по ея словамъ, они были „изначала". И города являлись тогда не только центрами обороны,—первоначально, какъ это видно изъ самаго названія ихъ, они ими и были,—но имѣли и важное экономическое значеніе: на это ясно указываетъ уже одно то обстоятельство, что главнѣйшіе изъ нихъ—Новгородъ, Ростовъ, Полоцкъ, Переяславль, Любечъ, Смоленскъ, Кіевъ, Черниговъ—всѣ расположены на рѣчныхъ торговыхъ путяхъ. Такими путями были въ то время, во-первыхъ, какъ выражается лѣтопись, „путь изъ Варягъ въ Греки"—изъ Балтійскаго моря по Невѣ, Ладожскому озеру, Волхову, Ильменю, Ловати и Днѣпру въ Черное море; затѣмъ, путь отъ истоковъ Днѣпра и Западной Двины по Волгѣ въ Каспійское море и, наконецъ, путь по западной Двинѣ въ Балтійское море.

Овладѣвъ съ приходомъ на восточно-европейскую равнину этими путями, русскіе славяне невольно были втянуты въ то оживленное торговое движеніе, какое шло по нимъ еще въ глубокой древности. Клады, которые раскапываются теперь на пространствѣ отъ южнаго побережья Балтійскаго моря вплоть до Урала и въ которыхъ находятъ куфическія монеты, относящіяся къ X, IX, VIII и даже VII вв., заставляютъ думать, что уже тогда славяне вели торговыя сношенія съ арабами. Эти археологическія предположенія совпадаютъ и съ прямыми свидѣтельствами арабскихъ писателей,—въ особенности Ибнъ-Хордадбе (IX в.) и Ибнъ-Хаукаля (X в.),—что русскіе купцы торговали въ хозарской столицѣ Итилѣ и по берегамъ Каспійскаго моря и даже ѣздили въ Багдадъ. Тѣ же арабскіе писатели, а также и византійскіе, напримѣръ, Константинъ Багрянородный, говорятъ о торговлѣ восточныхъ славянъ съ Царьградомъ, и ихъ извѣстія подтверждаются договорами, какіе первые Кіевскіе князья, Олегъ, Игорь и Святославъ, часто заключали съ греками. Что же касается до торговыхъ сношеній съ Западной Европой, то и о нихъ сохранились кое-какія свѣдѣнія. Такъ, мы знаемъ, что славяне торговали въ верховьяхъ Дуная подъ именемъ „руговъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ раскопки кургановъ обнаружили существованіе на Руси серебряной западно-европейской монеты, называвшейся у насъ „шлягами". Эта монета пріобрѣталась главнымъ образомъ изъ Риги и Готланда.

Широко развитая въ древней Руси внѣшняя торговля вызывала и поддерживала торговый обмѣнъ и внутри русскихъ волостей, позже княженій. Объ этомъ наглядно свидѣтельствуютъ зарегистрованныя лѣтописью обиліе поселеній, именуемыхъ погостами—сюда окрестные жители сходились для торговли или, какъ тогда говорили, гостьбы,—существованіе по городамъ торговищъ или рынковъ—такъ, въ Кіевѣ послѣднихъ было, по словамъ Дитмара, цѣлыхъ восемь—и наличность многочисленнаго и вліятельнаго класса гостей или купцовъ, что́ видно и изъ лѣтописи, и изъ договоровъ кіевскихъ князей съ греками и новгородцевъ съ нѣмцами, и изъ Русской Правды.

Скупая излишекъ продуктовъ мѣстнаго производства, главнымъ образомъ мѣха, медъ и рыбу, для вывоза ихъ въ другія страны, эти гости или купцы еще въ до-княжескій періодъ представляли собой значительную экономическую, а вмѣстѣ съ ней и политическую силу. Благодаря ихъ дѣятельности деревня подчинилась городу и бытъ племенной перешелъ въ бытъ городовой. Прежнія кровныя связи рушились, и славяне начали объединяться связями территоріальными. Мѣсто пле-

менъ заняли городскія волости и мѣсто племенныхъ князей—городскія власти—вѣче горожанъ и должностныя лица—„старцы градскіе". Эти послѣдніе выбирались, можно думать, изъ среды денежной аристократіи изъ тѣхъ купцовъ-воиновъ, которыхъ воспѣваютъ былины въ образѣ Садко, Соловья Будимировича, Чурилы Пленковича и Василія Буслаева.

Такимъ образомъ, тогдашніе города, являясь въ экономическомъ отношеніи центрами торговли, въ политическомъ отношеніи представляли собой города-государства.

Съ появленіемъ на Руси норманнской династіи, объединившей разрозненныя до того славянскія городовыя земли, состояніе и внѣшней торговли, и городовъ по крайней мѣрѣ сначала оставалось прежнимъ. Первые варяжскіе князья, утвердившись на Руси, разселились по городовымъ волостямъ, гдѣ, на ряду съ ними, оставалась и прежняя политическая сила — вѣчевые сходы. Разница была лишь въ томъ, что теперь эти сходы дѣлили свою власть съ князьями, главной функціей которыхъ являлась охрана степныхъ путей отъ кочевниковъ и торговыя войны съ Византіей.

Однако, несмотря на то, что у восточныхъ славянъ торговля уже до прихода вяряжскихъ князей была главнымъ жизненнымъ нервомъ народнаго хозяйства, она, тѣмъ не менѣе, еще не успѣла расчленить общество на сословныя группы, отличавшіяся одна отъ другой по своимъ правамъ и обязанностямъ. Благодаря ей возникли лишь классовыя перегородки, появились классы сельскихъ жителей, купцовъ и военныхъ людей; но эти классы были лишены замкнутости и исключительности: каждый въ древней Руси могъ стать воиномъ—объ этомъ ясно говоритъ лѣтописное сказаніе о Кожемякѣ, каждый могъ стать купцомъ—для этого лишь нужно было обладать капиталомъ.

И безъ сомнѣнія, внѣшняя торговля въ Кіевской Руси въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи повела бы за собой и превращеніе класса купцовъ въ сословіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обособленіе города отъ волости въ административномъ отношеніи, выдѣленіе его изъ обще-политическаго организма въ качествѣ самостоятельной мѣстной единицы. Но этого не произошло, такъ какъ съ половины XII в. въ Кіевской Руси начался экономическій и политическій упадокъ, и въ началѣ XIII в. центръ народной жизни передвинулся на сѣверо-востокъ, въ бассейнъ верхней Волги и Оки [1]). И здѣсь, въ новой обстановкѣ возникли два типа земель-княжествъ, отличавшіеся другъ отъ друга какъ въ экономическомъ, такъ и въ соціально-политическомъ отношеніяхъ. Одинъ типъ представляли собой сѣверныя народоправства—Новгородъ и Псковъ, второй—остальныя удѣльныя княжества.

Новгородская и Псковская республики не только сохранили, но и продолжали развивать торговыя сношенія съ прибалтійской Европой, вслѣдствіе чего въ нихъ господствовало денежное хозяйство, отразившееся и на соціально-политическомъ укладѣ ихъ жизни, очень напоминавшемъ собой укладъ жизни въ городовыхъ волостяхъ Кіевской Руси. Какъ и въ Кіевской Руси, въ этихъ областяхъ главные города—Новгородъ и Псковъ—имѣли важное экономическое значеніе, являясь и мѣст-

---

[1]) Галицкую Русь, расцвѣтъ которой такъ же, какъ и Ростовско-Суздальской, относится къ XIII в., мы оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ она вскорѣ затѣмъ вошла въ составъ Литвы и Польши, и ея жизнь, такимъ образомъ, оторвалась отъ жизни остальной Руси.

ными, и международными рынками. Какъ и въ Кіевской Руси, городское населеніе въ нихъ состояло главнымъ образомъ изъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Но сравнительно съ Кіевской Русью была здѣсь и большая новость. Это—сильное развитіе въ краѣ боярскаго и монастырскаго землевладѣнія и какъ результатъ этого присвоеніе главной политической силы землевладѣльческой аристократіей. Въ Новгородѣ, напримѣръ, земскіе бояре обладали исключительнымъ правомъ участія въ высшемъ учрежденіи государства—правительственномъ совѣтѣ или, какъ называли его нѣмцы, „совѣтѣ господъ". Изъ среды же бояръ выбирались и главныя должностныя лица—посадники и тысяцкіе, а также второстепенныя—кончанскіе и уличанскіе старосты.

Зато второе мѣсто въ политическомъ отношеніи въ вольныхъ городскихъ общинахъ занимало купечество. Во-первыхъ, у него было право участія въ посольствахъ и переговорахъ, что̀ являлось очень важнымъ для его торговыхъ интересовъ; во-вторыхъ, ему принадлежалъ цѣлый рядъ корпоративныхъ правъ: его организаціи, вродѣ Ивановскаго товарищества въ Новгородѣ, вѣдали торговый судъ и имѣли надзоръ за вѣсомъ и мѣрою; точно также уголовныя и гражданскія дѣла между новгородскими и нѣмецкими купцами разбирались коллегіей изъ новгородскихъ купеческихъ старостъ и нѣмецкихъ альдерменовъ подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго. Все это уже превращало классъ купцовъ въ сословіе, правда, еще не закрытое: доступъ въ его ряды былъ возможенъ всякому, кто обладалъ необходимымъ капиталомъ.

Однако и здѣсь, въ Новгородской и Псковской земляхъ, не было городовъ, какъ административныхъ единицъ, отдѣленныхъ отъ прилегающихъ къ нимъ областей. Тѣ власти, какія существовали въ городахъ, вѣдали не только городское населеніе, но и населеніе уѣздное. И это относится не къ однимъ высшимъ государственно-городскимъ органамъ вродѣ вѣча и посадника, но и къ низшимъ, вродѣ кончанскихъ и уличанскихъ старостъ, которые въ Новгородѣ и во Псковѣ управляли концами и улицами города и приписанными къ нимъ сельскими округами. И здѣсь, какъ и въ Кіевской Руси, по справедливому замѣчанію проф. Никитскаго, „различіе между городомъ и государствомъ во всей его строгости было мало извѣстно". Спеціально городскіе интересы, отличные отъ интересовъ обще-областныхъ, не могли еще выработаться, вслѣдствіе чего и сельское, и городское населеніе входило въ одни и тѣ же союзы—концы,—и вслѣдствіе чего ни то ни другое не успѣло создать своихъ отдѣльныхъ, въ первомъ случаѣ сельскихъ, во второмъ—городскихъ учрежденій.

Если мы теперь перейдемъ къ изученію экономическаго быта другихъ удѣльныхъ княжествъ сѣверо-восточной Руси, то увидимъ, что въ нихъ этотъ бытъ носилъ чисто натуральный характеръ. Природныя условія территоріи, расположенной въ бассейнѣ верхней Волги и Оки, заставили населеніе заняться, начавшимъ развиваться еще въ Кіевской Руси сельскимъ хозяйствомъ, и, въ качествѣ подспорья къ нему, разными видами добывающей промышленности—лѣснымъ промысломъ, охотой, рыбной ловлей, бортничествомъ. А распространеніе сельскаго хозяйства вызвало сосредоточеніе земли въ рукахъ князей, монастырей и бояръ. Обладая на вотчинномъ правѣ крупными земельными владѣніями, послѣдніе сдавали отдѣльные участки въ нихъ или въ аренду крестьянамъ за оброкъ, или въ помѣстья служилымъ и дворовымъ людямъ за службу. На этихъ участкахъ и крестьяне, и помѣщики вели самостоятельныя хозяйства, которыя собственными средствами удовлетворяли всѣ

ихъ потребности, нисколько не нуждаясь въ услугахъ обмѣна. Вотъ почему и людей, посвятившихъ себя спеціально торговлѣ, въ Удѣльной Руси было не много. Можно сказать, что тогда все населеніе дѣлилось главнымъ образомъ на двѣ группы—на землевладѣльцевъ (вотчинниковъ и помѣщиковъ) и земледѣльцевъ. Тотъ городской обликъ, какой носили Кіевская Русь, Новгородъ и Псковъ, замѣнился здѣсь обликомъ сельскимъ.

Правда, и въ сѣверо-восточной Руси существовали города, но они не имѣли экономическаго значенія. Это были или столицы — мѣстожительства князей, — или военные пункты, или же административные и церковные центры для окружавшихъ ихъ областей. Въ нашемъ смыслѣ слова городскаго, торгово-промышленнаго населенія въ нихъ не было. Нерѣдко встрѣчались города, гдѣ жили одни служилые люди, правительственныя лица и духовенство; въ тѣхъ же, гдѣ попадались и другіе жители, эти послѣдніе ни по роду своихъ занятій, ни по своему соціальному положенію совершенно не выдѣлялись изъ остальной сельской массы. Какъ и деревня, городъ въ это время жилъ прежде всего тѣмъ, что пахалъ землю. Конечно, и въ удѣльное время была на Руси обрабатывающая промышленность, но исключительно въ видѣ или домашняго производства, или мелкаго кустарнаго, разсчитаннаго на очень небольшой кругъ потребителей. Обѣ эти формы производства совершенно не нуждались для своего развитія въ городѣ и, наоборотъ, были тѣсно связаны съ деревней. Каждая крестьянская семья изъ продуктовъ, полученныхъ въ собственномъ хозяйствѣ, шила себѣ одежды, выдѣлывала домашнюю утварь, строила жилище. То, чего она не могла сдѣлать сама, пріобрѣталось ею у деревенскаго ремесленника, напримѣръ, у кузнеца, бондаря и т. п. Что же касается княжескихъ дворовъ, боярскихъ усадьбъ и монастырей, то потребности ихъ обитателей въ продуктахъ обрабатывающей промышленности также удовлетворялись большей частью не съ помощью покупки на сторонѣ, а трудомъ ремесленниковъ, жившихъ въ ихъ вотчинахъ. Поэтому и высшій классъ общества очень мало нуждался въ посредничествѣ купцовъ. Онъ пріобрѣталъ черезъ нихъ только одни предметы роскоши или такіе, какихъ невозможно было получить въ собственномъ хозяйствѣ. Вотъ почему торговля не замерла совершенно и въ сѣверо-восточной Руси удѣльнаго времени, хотя ея значеніе въ народномъ хозяйствѣ оказывалось очень небольшимъ. Къ тому же она уже не была такъ тѣсно связана съ городами, какъ это мы видѣли въ первый періодъ русской исторіи и въ исторіи Новгорода и Пскова. Обыкновенно характеръ ея былъ слѣдующій: мелкіе скупщики, ѣздя по селамъ, пріобрѣтали излишекъ продуктовъ крестьянскихъ, помѣщичьихъ или вотчинныхъ хозяйствъ и перепродавали его крупнымъ капиталистамъ, которые вели коммерческія сношенія съ иностранными рынками. Извѣстно, напримѣръ, что въ XIV в. русскіе купцы привозили въ крымскіе торговые центры—Сурожъ (или Судакъ) и Кафу—рыбу и воскъ, продававшіеся ими венеціанцамъ и генуэзцамъ, и здѣсь покупали соль, вина и ткани итальянскаго и восточнаго производства—бумажныя и шелковыя. Ѣздили они также и въ татарскую столицу Сарай, гдѣ, по словамъ Плано Карпини, сбывали мѣха и пріобрѣтали оружіе и соль. Изъ договора тверскаго князя Бориса съ Литвой въ 1393 г. видно, что тверичане издавна торговали въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Кіевѣ, Дорогобужѣ и Вязьмѣ. Съ этими литовскими городами, а также съ Вильной, Полоцкомъ и Путивлемъ русскіе купцы вели торговыя сношенія и въ XV ст.

При всемъ томъ эта торговля, чрезвычайно скромная по размѣ-

рамъ, наполовину находилась въ рукахъ иностранныхъ купцовъ. Такъ, въ XIV и XV вв. въ Москвѣ упоминаются армянскіе купцы. По Дону и Воронежу татарскіе купцы пригоняли въ Московское княжество табуны лошадей. Рижская долговая книга говоритъ, что въ XIII и XIV вв. въ Суздалѣ проживали постоянно нѣмецкіе купцы. Пріѣзжали на Русь и купцы изъ Литвы — лѣтопись, напримѣръ, сообщаетъ о прибытіи въ 1216 г. въ Переяславль Залѣсскій смоленскихъ купцовъ. Наконецъ, значительную роль въ торговомъ оборотѣ сѣверо-восточныхъ земель играли Новгородцы, скупавшіе въ Московскомъ, Тверскомъ и др. княжествахъ хлѣбъ, ленъ, воскъ и продукты скотоводства и отвозившіе ихъ въ Новгородъ, а изъ Новгорода привозившіе туда западно-европейскіе товары.

Само собой разумѣется, въ теченіе изучаемаго періода торговля мало-по-малу развивалась, но до конца его, приблизительно до средины XVI ст., хозяйство въ сѣверо-восточной Руси все же продолжало оставаться натуральнымъ.

Лишь съ этого времени, когда Москва уже успѣла объединить во кругъ себя всѣ сѣверо-восточные удѣлы, здѣсь стало развиваться денежное хозяйство. Главная и самая общая причина этого явленія коренится въ ростѣ населенія. Онъ вызвалъ необходимость въ бо̀льшей продуктивности труда, а послѣдняя немыслима безъ нѣкоторой дифференціаціи въ сферѣ народнаго хозяйства. И дѣйствительно, еще въ концѣ XV в. дѣлается замѣтной эта дифференціація въ экономическомъ быту сѣверо-восточной Руси. Разныя области ея начинаютъ заниматься преимущественно тѣми отраслями хозяйства, которыя являлись наиболѣе выгодными при данныхъ природныхъ условіяхъ: однѣ, сѣверныя,—добывающей промышленностью, другія, центральныя,—земледѣліемъ и кустарничествомъ, третьи, юго-восточныя,—скотоводствомъ и т. д. Въ результатѣ хозяйственно-производительной спеціализаціи областей, между ними во̀зникъ торговый обмѣнъ, а на ряду съ внутренней во второй половинѣ XVI в. стала развиваться и внѣшняя торговля: кромѣ прежняго пункта ея сосредоточенія—Новгорода,—появился новый и не менѣе важный—Холмогоры и позже Архангельскъ [1]).

Возникшее теперь на Руси денежное хозяйство не замедлило наложить замѣтный отпечатокъ на народную жизнь. Растетъ и выдѣляется изъ остальной массы населенія торгово-промышленный классъ, получающій въ это время особое названіе „посадскихъ людей", а съ его ростомъ и городъ пріобрѣтаетъ новую физіономію. Это уже не только кремль, дѣтинецъ, острогъ или осадный городокъ, гдѣ были поселены ратные люди и должностныя лица, да въ слободкахъ ютились немногочисленные земледѣльцы: въ его составъ входитъ теперь и посадъ, въ которомъ живутъ всякіе торговцы и ремесленники. Другими словами, сохраняя свое военно-административное значеніе, городъ въ Московскомъ государствѣ становится во второй половинѣ XVI в. и торгово-промышленнымъ центромъ для болѣе или менѣе обширныхъ районовъ.

Конечно, эта эволюція не вездѣ совершалась въ одно и то же время и въ одинаковыхъ условіяхъ, вслѣдствіе чего и города въ разныхъ частяхъ Московскаго государства носили различный характеръ. Въ этомъ отношеніи ихъ можно разбить на три группы: поморскіе на сѣверѣ, центральные и пограничные на западѣ, югѣ и юго-востокѣ.

---

[1]) О развитіи на Руси денежнаго хозяйства см. ст. Н. В. Рожкова въ этомъ отдѣлѣ „Хрестоматіи".

Въ Поморьѣ, охватывавшемъ нынѣшнія Архангельскую и отчасти Вологодскую и Олонецкую губерніи, мы видимъ цѣлый рядъ городовъ съ посадскимъ населеніемъ, занимавшимся широко развитой торгово-промышленной дѣятельностью. Таковы, напримѣръ, слѣдующіе города: Архангельскъ, имѣвшій до 130 посадскихъ дворовъ при своемъ основаніи въ 1584 г.; Холмогоры съ 500 дворовъ въ 20-хъ гг. XVII в.; Пустозерскъ, гдѣ было въ началѣ XVII в. около 200 дворовъ и три церкви; Сольвычегодскъ съ 600 дворовъ во второй пол. XVI в.; Устюгъ В., въ которомъ находилось въ 1630 г. до 700 дворовъ и до 200 лавокъ и амбаровъ; и еще съ десятокъ городовъ, имѣвшихъ болѣе 100 дворовъ, и много другихъ съ числомъ дворовъ отъ 30 до 100. И всѣ они, за исключеніемъ только Архангельска, возникновеніе и процвѣтаніе котораго вызывалось развитіемъ внѣшней торговли на Бѣломъ морѣ, представляли собой мѣстные рынки, куда окрестное населеніе сбывало продукты своей хозяйственной дѣятельности, главнымъ образомъ произведенія добывающей промышленности—мѣха, соль и рыбу—и гдѣ оно пріобрѣтало то, въ чемъ нуждалось, прежде всего хлѣбъ, затѣмъ ремесленныя издѣлія.

Другой специфической чертой поморскихъ городовъ была однородность состава ихъ населенія. Поморье находилось вдали отъ тѣхъ рубежей Московскаго государства, которыми оно отдѣлялось отъ своихъ сильныхъ сосѣдей—на югѣ татаръ, на западѣ Рѣчи Посполитой и Ливоніи, на сѣверо-западѣ Швеціи. Поэтому служилый вотчинникъ или помѣщикъ здѣсь, на сѣверѣ, былъ совершенно не нуженъ. Правда, и тутъ существовали враги: со стороны Финляндіи „свейскіе“ (шведскіе) и „каянскіе (финскіе) нѣмцы“, и со стороны Урала инородцы. Но противъ тѣхъ и другихъ дворянская конница была бы безполезна: шведы и финны приходили на ладьяхъ по морю и рѣкамъ, а приуральскія инородческія племена держались въ лѣсахъ и болотахъ, пустоша страну „изгономъ“. Для борьбы съ этими врагами достаточно было крѣпостей и пограничныхъ сторожевыхъ постовъ, гдѣ гарнизованную службу несли стрѣльцы и пушкари. Впрочемъ послѣдніе были далеко не во всѣхъ городахъ и лишь въ нѣкоторыхъ—Архангельскѣ, Холмогорахъ, Устюгѣ В.—въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ. Однако этотъ служилый элементъ мало нарушалъ однородность городского населенія, такъ какъ онъ въ большинствѣ случаевъ выходилъ изъ его же среды и при этомъ не порывалъ съ ней связей. Отправляя военно-сторожевую службу, стрѣльцы и пушкари въ то же время участвовали въ городскихъ торгахъ и промыслахъ и за это, благодаря многочисленности и силѣ посадскаго населенія, принуждены были нести вмѣстѣ съ посадомъ всѣ повинности со своихъ земель или лавокъ. Не нарушала однородности посадскаго населенія и еще одна группа лицъ, часто встрѣчавшаяся въ поморскихъ городахъ, именно жившіе въ нихъ монастырскіе слуги и крестьяне, также занимавшіеся торгово-промышленной дѣятельностью и владѣвшіе лавками и амбарами. Посады упорно стремились ввести и ихъ въ государево тягло и нерѣдко въ этомъ успѣвали.

Такая однородность въ составѣ городского населенія приводила къ тому, что все оно было организовано въ посадскіе міры. Эти міры, представлявшіе собой совокупность плательщиковъ посадскаго тягла, устанавливали посредствомъ выборныхъ лицъ порядокъ платежа лежавшихъ на нихъ государственныхъ налоговъ и отбыванія „вѣрныхъ“ службъ, наблюдали за исправностью податныхъ хозяйствъ, а также распоряжались общинной посадской землей; со времени же земской реформы Грознаго, эти міры

получили въ свои руки и судъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, и сборъ разнаго рода государственныхъ поборовъ. Это самоуправленіе во многомъ сохранилось въ Поморьѣ и въ XVII в., когда въ прочихъ частяхъ государства излюбленныхъ головъ и старостъ замѣнили воеводы.

Наконецъ, третью характерную особенность поморскихъ городовъ составляло соціальное единство ихъ населенія съ населеніемъ сельскимъ и, какъ слѣдствіе этого, тѣсная податная и административная связь между посадомъ и уѣздомъ. Какъ мы уже говорили, въ Поморьѣ не было развито служилое землевладѣніе. Громадныя пространства земли являлись здѣсь собственностью или государя, или монастырей и церквей. На этихъ земляхъ жили промышленныя крестьянскія общины, изъ среды которыхъ и выдѣлились посады. Вотъ почему разница между крестьянами и посадскими была лишь та, что первые занимались главнымъ образомъ промыслами и жили въ уѣздѣ, вторые занимались опять-таки главнымъ образомъ торговлей и жили въ городахъ. Но эта разница не проводила между ними рѣзкой грани. Дѣло въ томъ, что между уѣздомъ и посадомъ въ Поморьѣ существовало не одно только экономическое взаимодѣйствіе. Многіе изъ крестьянъ, оставаясь въ волостяхъ, пріобрѣтали въ городахъ дворы, лавки и амбары; многіе изъ посадскихъ, живя въ городахъ, владѣли въ волостяхъ деревнями или отдѣльными дворами въ деревняхъ. И тѣ и другіе оказывались, благодаря этому, принадлежащими къ двумъ состояніямъ: по владѣніямъ въ городѣ они входили въ составъ посадскихъ міровъ, по владѣніямъ въ уѣздѣ они входили въ составъ сельскихъ міровъ.[1]

Являясь, такимъ образомъ, соціально однородными, поморскіе посадъ и уѣздъ представляли собой единое цѣлое и въ административно-податномъ отношеніи. На это цѣлое ложилась извѣстная доля казеннаго оклада и извѣстное количество казенныхъ службъ, а на почвѣ ихъ совмѣстнаго распредѣленія и ненесенія и установливалась связь между составлявшими это цѣлое посадскимъ и волостными мірами. Подъ воздѣйствіемъ государственнаго тягла, сѣверные городъ и уѣздъ превращались въ одну тяглую общину, заботившуюся о томъ, чтобы „государевы дани и оброки сходились сполна“ и чтобы они распредѣлялись между плательщиками болѣе или менѣе равномѣрно и отбывались аккуратно.

Подобная тяглая община вмѣстѣ съ тѣмъ, становилась и естественно сложившейся областной единицей. Еще при существованіи системы кормленій, т.-е. до второй пол. XVI в., компетенція намѣстника съ его приказчиками, тіунами и прочими „пошлинными“ людьми нерѣдко простиралась одинаково и на посадъ, и на волость. Эта административная связь уѣзда съ посадомъ была закрѣплена и реформой Грознаго, предоставившей областямъ право самоуправленія—въ Поморьѣ излюбленные головы и старосты съ цѣловальниками выбирались и управляли одинаково и сельскимъ, и посадскимъ населеніемъ; она, эта связь не порвалась и позже, въ XVII в., когда выборные земскіе люди были лишены прежней самостоятельности и поставлены подъ контроль бюрократіи въ лицѣ воеводъ и дьяковъ.

Во многомъ иная картина встаетъ передъ нами при обозрѣніи центральныхъ городовъ Московскаго государства. Эти города возникли въ большинствѣ случаевъ еще въ удѣльное время, когда Русь дробилась на множество независимыхъ княжествъ. Въ то время они представляли собой

[1]) См. ст. о земскомъ самоуправленіи въ этомъ отдѣлѣ „Хрестоматіи“.

главнымъ образомъ укрѣпленные пункты и административные центры. Съ развитіемъ же денежнаго хозяйства характеръ ихъ мѣняется: около кремля, являвшагося ядромъ центральнаго московскаго города, выростаетъ посадъ съ его торгово-промышленной жизнью. Эта торгово-промышленная жизнь въ разныхъ городахъ пріобрѣтаетъ разный оттѣнокъ. Одни изъ городовъ служатъ складочными мѣстами для внѣшней торговли, которую Москва начинаетъ вести черезъ Бѣлое море съ Англіей, позже Голландіей и др. западно-европейскими странами; экономическое значеніе другихъ покоится на внутренней межъ-областной торговлѣ; торгово-промышленная роль третьихъ обуславливается близостью столицы съ ея огромнымъ ничего непроизводившимъ населеніемъ. Для наглядности приведемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, Вологда и Ярославль, соперничавшіе по своей населенности даже съ Новгородомъ и Псковомъ, являлись складочными мѣстами для привозившихся англичанами заморскихъ товаровъ и рынками для сбыта продуктовъ мѣстнаго производства; Устюжна Желѣзопольская играла значительную посредническую роль между Приладожьемъ и Поволжьемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ была важнымъ промышленнымъ центромъ—въ ней производилась выдѣлка желѣза изъ болотной руды; Нижній-Новгородъ представлялъ собой рѣчной портъ, куда Верхняя Волга несла продукты Поморья, Ока—произведенія центра, и та и другая—заморскіе товары, которые отсюда отправлялись внизъ по Волгѣ и вверхъ по Камѣ, а взамѣнъ ихъ шли товары съ Каспійскихъ и Сибирскихъ рынковъ. Такимъ образомъ, значеніе этихъ городовъ было прежде всего торговое. Зато рядъ другихъ городовъ, расположенныхъ вокругъ столицы, имѣлъ значеніе преимущественно торгово-промышленное. Таковы были города стариннаго Владиміро-Суздальскаго княжества: Владиміръ, Суздаль, Юрьевъ-Польскій, Шуя, или города, лежавшіе на югѣ центральной области: Серпуховъ, Коломна, Можайскъ, Арзамасъ, Муромъ и др. Во всѣхъ нихъ была развита въ большихъ размѣрахъ обрабатывающая промышленность, произведенія которой находили хорошій сбытъ среди населенія Москвы. Писцовыя книги показываютъ, что въ XVI в. ремесленники здѣсь составляли отъ 20 до 25% горожанъ [1]). Кромѣ того, въ этихъ городахъ процвѣтала и торговля: или сами уѣздные жители привозили сюда продукты кустарнаго производства, широко распространеннаго въ этомъ краѣ, или посадскіе ѣздили въ волости въ качествѣ офеней-скупщиковъ.

Насколько различно было экономическое значеніе центральныхъ городовъ, настолько же разнообразнымъ являлось по своему соціальному составу и ихъ населеніе. Прежде всего на ряду съ собственно посадомъ здѣсь встрѣчалось много дворцовыхъ и частно-владѣльческихъ, боярскихъ и монастырскихъ слободокъ, которыя не сливались съ нимъ въ одну тяглую общину, не несли спеціально городскихъ службъ и платежей, а отправляли повинности и платили оброкъ своимъ владѣльцамъ. А между тѣмъ онѣ жили тѣмъ же, чѣмъ и посадъ, — торговлей и промышленностью,—и поэтому возбуждали въ городскомъ тягломъ населеніи вполнѣ справедливую вражду. Кромѣ слобожанъ, вмѣстѣ съ посадскими жили въ центральныхъ городахъ и служилые люди. Во-первыхъ, это были стрѣльцы и прочіе приборные люди, какихъ было не мало и въ помор-

[1]) Подъ горожанами здѣсь разумѣются не одни посадскіе, но служилые и зависимые отъ нихъ люди—„дворники“, вслѣдствіе чего % ремесленниковъ по отноношенію къ собственно городскому, т.-е. посадскому, населенію былъ значительно выше.

скихъ городахъ; и тамъ и здѣсь они были близки къ посадскимъ по происхожденію и занятіямъ, но только тутъ они рѣдко входили въ составъ городской тяглой общины, предпочитая торговать и промышлять, не платя посадскаго тягла. Во-вторыхъ, это были дворяне и дѣти боярскіе, которые жили въ своихъ помѣстьяхъ и общинахъ, а въ городѣ или точнѣе въ Кремлѣ, имѣли осадные дворы, куда пріѣзжали по дѣламъ службы или въ „осадное время" для обороны города. Въ мирное же время на этихъ дворахъ оставались „дворники"—холопы и зависимые крестьяне,—наблюдавшіе за ихъ цѣлостью и исправностью. Подобно слобожанамъ и стрѣльцамъ, дворники также не принадлежали къ посадскому „міру", завися не отъ него, а отъ хозяина-вотчинника или помѣщика по своей холопьей крѣпости или „по крестьянству". Такимъ образомъ и они были посторoннею для посада силою, разрушавшею его внутреннее единство и цѣлостность.

Благодаря такой сложности въ составѣ населенія центральные города не являлись, подобно поморскимъ, едиными административными организмами, а, наоборотъ, представляли собой конгломератъ самоуправлявшихся общинъ, тянувшихъ каждая свое особое тягло и связанныхъ другъ съ другомъ чисто механически—властью раньше кормленщика, позже воеводы. Онъ вѣдалъ и посадскихъ людей, и служащихъ, и слобожанъ. Въ то же время лишь одна власть воеводы объединяла въ административномъ отношеніи центральные города съ ихъ уѣздами, такъ-какъ ему подчинялось одинаково и городское, и сельское населеніе. Иныхъ, земскихъ связей, какія встрѣчались въ Поморьѣ, между посадскими людьми и уѣздными, здѣсь не было вслѣдствіе того, что посадъ въ соціальномъ отношеніи не имѣлъ ничего общаго съ уѣздомъ. Съ середины XVI ст. въ московскомъ центрѣ вся земля переходитъ въ руки монастырей, епископовъ, бояръ и служилыхъ людей, и этотъ переходъ сопровождается ломкой крестьянскаго міра и уничтоженіемъ свободы самихъ крестьянъ. Вмѣсто уѣзднаго союза самоуправляющихся крестьянскихъ общинъ, въ который могла бы войти и посадская община, какъ мы видѣли это на сѣверѣ, здѣсь появляется теперь рядъ усадебныхъ хозяйственныхъ организацій, совершенно чуждыхъ посадскому міру. Рѣзкая противоположность интересовъ посада съ одной стороны, боярско-дворянской вотчины и помѣстья съ ихъ крѣпостнымъ населеніемъ съ другой и монастырскаго владѣнья съ третьей—вызывала въ средѣ уѣздно-городскаго общества рознь, дѣлая невозможной совмѣстную общеземскую работу; зато она, наоборотъ, возвышала военно-бюрократическую власть воеводы, являвшагося единственнымъ звеномъ, связующимъ въ административное цѣлое разныя части уѣзда съ городомъ во главѣ.

Опять-таки иныя особенности встрѣтятся намъ при обозрѣніи городовъ, расположенныхъ по западной, южной и юго-восточной границамъ Московскаго государства. Сначала остановимся на городахъ „отъ нѣмецкой украины". Мы уже знаемъ, что еще въ удѣльное время главнѣйшіе изъ этихъ городовъ, Новгородъ и Псковъ, пріобрѣли громадное экономическое значеніе, благодаря своей заморской торговлѣ. Это значеніе они сохранили и послѣ того, какъ утратили политическую самостоятельность. Попрежнему они оставались крупнѣйшими торговыми центрами, являясь передаточными станціями, получавшими заграничные товары для остальныхъ областей Руси и русскіе товары для З. Европы. Въ то же время въ нихъ была чрезвычайно развита и ремесленная промышленность. Немудрено, что и Новгородъ, и Псковъ были самыми крупными, послѣ

Москвы, городами. Въ Новгородѣ насчитывалось въ 1545 г. 4355 тяглыхъ дворовъ и до 1000 бѣлыхъ, принадлежавшихъ служилымъ и духовенству. Погромъ, учиненный надъ нимъ Грознымъ въ 1570 г., уничтожилъ въ немъ болѣе 90% жилыхъ дворовъ. Но городъ не погибъ, и въ 1605 г. въ немъ уже было до 1500 жилыхъ дворовъ и до 700 лавокъ на одной только Торговой сторонѣ. О населенiи Пскова мы можемъ составить себѣ представленiе по слѣдующимъ даннымъ: въ исходѣ XVI в. на псковскомъ торгу стояло, не считая гостинныхъ дворовъ, до 1300 торговыхъ помѣщенiй, изъ которыхъ 1010 принадлежало посадскимъ тяглецамъ, до 200— церквамъ и духовенству и 48 — ратнымъ людямъ. Такимъ образомъ въ обоихъ городахъ посадская община была очень многочисленна и сильна. Изъ остальныхъ же городовъ Псковско-Новгородскаго края только Старая Руса да Торжокъ играли важную торговую роль и имѣли болѣе или менѣе значительное посадское населенiе. Всѣ же прочiе города мало отличались экономически отъ деревень. Посадскихъ людей въ нихъ было мало, и жили они больше всего земледѣлiемъ и рыболовствомъ. Во многихъ городахъ, преимущественно тѣхъ, которые находились близко отъ границы, главную массу населенiя составляли ратные и служилые люди, какъ это было въ концѣ XVI в. въ Островѣ, Вревѣ, Изборскѣ и др. Такимъ образомъ въ Псковско-Новгородскомъ краѣ замѣчается явленiе обратное тому, какое мы указали по отношенiю къ городамъ, расположеннымъ вокругъ Москвы. Тамъ столица вызывала и питала торговлю и промышленность въ цѣломъ рядѣ городовъ; здѣсь же Новгородъ и Псковъ, наоборотъ, монополизировавъ всю торгово-промышленную дѣятельность края, снабжали продуктами ея остальные города.

Слѣдующую группу пограничныхъ городовъ составляли города „отъ Литовской украины“—Себежъ, В. Луки, Велижъ, Бѣлая, Смоленскъ, Дорогобужъ, Вязьма и др. Еще въ XIV—XV вв. они служили яблокомъ раздора между Москвой и Литвой и сохраняли важное военное значенiе также и въ теченiе двухъ слѣдующихъ столѣтiй. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на боевую обстановку жизни, несмотря на частую опасность военнаго погрома, въ тѣхъ изъ нихъ, которые лежали ближе къ Пскову, процвѣтала и торговля, ведшаяся однако не мѣстными, а прiѣзжавшими сюда московскими, и особенно новгородскими и псковскими купцами. Масса же посадскаго населенiя въ этихъ городахъ жила земледѣлiемъ, вслѣдствiе чего посадскiй мiръ въ нихъ былъ такъ же слабъ, какъ въ центральной и псковско-новгородской областяхъ.

За городами „отъ Литовской украины“ шли города по южной границѣ государства — „заоцкiе“ (Калуга, Козельскъ, Мещовскъ, Медынь, Мосальскъ и др.), „украинные“ (Болховъ, Бѣлевъ, Одоевъ, Орелъ, Таруса, Тула, Чернь и др.) и „рязанскiе“ (Переяславль Залѣсскiй, Зарайскъ, Михайловъ, Пронскъ, Гремячевъ, Ряжскъ, Сапожокъ и др.) — и по юго-восточной—Казань, Лаишевъ, Свiяжскъ, Астрахань. Здѣсь весь складъ городской жизни въ значительной степени опредѣлялся потребностями обороны, вслѣдствiе чего эта жизнь носила не мирный, торгово-промышленный характеръ, а боевой. Города являлись тутъ прежде всего крѣпостями съ постояннымъ гарнизономъ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, съ одной стороны, изъ стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей, воротниковъ, затинщиковъ и прочихъ ратныхъ людей, съ другой. Посадское населенiе существовало лишь въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, почему-либо представлявшихъ больше безопасности и прежде всего въ старинныхъ, вродѣ Калуги и Тулы, или въ вновь прiобрѣтенныхъ, но имѣвшихъ и раньше важное экономиче-

ское значеніе, какъ, напримѣръ, Казань; послѣдняя лежала на пересѣченіи двухъ дорогъ: въ Сибирь по Камѣ и въ Астрахань и Персію, и такимъ образомъ являлась крупнымъ складочнымъ мѣстомъ. Но и въ этихъ городахъ не посадскіе люди были хозяевами въ области торгово-промышленной дѣятельности. Здѣсь съ ними сильно и успѣшно конкуррировалъ мелкій служилый людъ и знакомые уже намъ дворники.

Что же касается связи посадскихъ общинъ въ городахъ „отъ нѣмецкой", „литовской", южной и юго-восточной окраинъ съ населеніемъ уѣздовъ, то ея, помимо всеобъемлющей власти воеводы, не было. Какъ и въ центрѣ государства, развитіе въ уѣздахъ этихъ городовъ служилаго землевладѣнія со всѣми его результатами оторвало посадъ отъ прилегавшей къ нему волости, выдѣливъ его въ особую административно-податную единицу.

Таковъ въ общихъ чертахъ былъ характеръ городовъ въ разныхъ областяхъ Московскаго государства въ XVI—XVII вв., характеръ, обусловливавшійся развитіемъ въ странѣ денежнаго хозяйства. Московскіе города являлись уже не только военно-административными пунктами, но и центрами торгово-промышленными. И какъ въ таковыхъ, въ нихъ возникъ особый классъ жителей—посадскіе люди, которые постепенно выдѣлялись экономически изъ остальной массы городскаго и сельскаго населенія, а вслѣдъ затѣмъ, со времени Уложенія царя Алексѣя Михайловича стали отличаться и юридически, превратясь въ сословіе, прикрѣпленное къ посаду и посадскому тяглу и сосредоточившее въ своихъ рукахъ всю торгово-промышленную дѣятельность въ городахъ. Но это сословіе въ московскій періодъ исторіи еще не добилось сословной организаціи. Оно попрежнему было разбито на отдѣльныя тяглыя общины, совершенно не связанныя одна съ другой, надъ которыми тяжелымъ гнетомъ лежала власть воеводъ. Тѣмъ не менѣе мысль о необходимости учрежденія, вѣдавшаго все торгово-промышленное населеніе городовъ, уже начинаетъ мелькать и въ сознаніи московскихъ людей. Знаменитый дѣятель второй половины XVII в. Ордынъ-Нащокинъ предлагалъ въ Новоторговомъ уставѣ 1667 г. слѣдующую мѣру: учредить „пристойный приказъ", который бы судилъ и управлялъ всѣми посадскими людьми, служа для нихъ „обороною" и „защитою" „отъ воеводскихъ налогъ" и притѣсненій. Но мысль эта, на ряду со множествомъ другихъ, высказанныхъ въ XVII ст., получила осуществленіе лишь при Петрѣ Великомъ.

XCV. Крестьяне въ Московской Руси XVI—XVII вв.

(Изъ ст. П. Н. Милюкова: «Крестьяне», въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XVI А.).

Исторія крестьянъ средней Россіи становится доступна наблюденіямъ тогда, когда условія мѣстной исторической жизни успѣли уже повліять кореннымъ образомъ на положеніе крестьянства и изгладить слѣды первобытныхъ общественныхъ формъ. Большую часть земель разобрали князья, ихъ служилые люди и монастыри въ частное владѣніе. Земли, не вошедшія въ составъ частно-владѣльческихъ, называются „черными". Изъ

очень скудныхъ свѣдѣній о немногочисленныхъ черныхъ волостяхъ, сохранившихся къ этому времени въ центрѣ Россіи, можно заключить, что въ XV—XVI в. черныя волости центра были несомнѣнно „окняжены“, т.-е. принадлежали князьямъ, которые распоряжались ими, какъ полною своей собственностью: продавали, дарили, обмѣнивали на владѣльческія земли и т. д. Этимъ путемъ одна часть черныхъ волостей была „обоярена“, т.-е. превращена въ частновладѣльческія; другая слилась съ дворцовыми землями князя, которыя до середины XVI в. не выдѣлялись въ особую категорію. Итакъ, крестьяне средней (княжеской) Россіи сидѣли на чужой землѣ, все равно, была ли эта земля черная или владѣльческая. Положеніе ихъ на этой землѣ опредѣлялось ихъ отношеніемъ къ правительству, къ владѣльцамъ и другъ къ другу. Правительство было заинтересовано въ положеніи крестьянъ, такъ какъ они были главными плательщиками прямыхъ податей, „численными“, „письменными“ или „данскими“ людьми, соединенными въ податныя группы или „сотни“ и состоявшими въ вѣдѣніи „сотника“. Съ такими группами (или съ ихъ владѣльцами) и считалось правительство, требуя отъ нихъ исправной уплаты налоговъ. Каждый членъ финансовой группы былъ связанъ съ остальными общимъ обязательствомъ платежа и потому не могъ уйти съ своего участка, не поставивъ на свое мѣсто „жильца“; въ противномъ случаѣ, за его опустѣвшій участокъ подати пришлось бы платить остальнымъ членамъ общины.

Другой связью, соединявшей крестьянина съ земельнымъ участкомъ, были его отношенія къ владѣльцу земли. Каждый владѣлецъ стремился поселить на своей землѣ какъ можно бо̀льшее количество крестьянъ и привязать ихъ къ землѣ какъ можно прочнѣе. Со всякимъ новымъ поселенцемъ владѣлецъ заключалъ особое письменное условіе или „порядную“. Если крестьянинъ приглашался на готовый участокъ, только-что покинутый предшественникомъ, съ готовыми надворными строеніями и инвентаремъ, съ разработанной пашней, то условія ряда были наименѣе льготны. Но иногда надворныя строенія были ветхи, пашня запущена; иногда поселенецъ садился на совершенно новый участокъ, такъ что и дворъ ставить и пашню расчищать приходилось вновь. Въ такихъ случаяхъ измѣнялись и условія порядной: крестьянинъ освобождался на нѣсколько (2—10) лѣтъ отъ платежа государственныхъ податей и владѣльческаго оброка, получалъ „ссуду“ или „подмогу“ отъ нанимателя. Исполненіе обязательствъ крестьянина обезпечивалось обыкновенно денежной неустойкой („зарядомъ“). Порядившись въ „крестьянство“, поселенецъ сохранялъ за собой право уйти отъ своего хозяина; но уходу долженъ былъ предшествовать „отказъ“, который тогда только считался правильнымъ, когда происходилъ въ опредѣленный закономъ срокъ, по окончаніи осеннихъ работъ (недѣля до и послѣ осенняго Юрьева дня, 26 ноября) и когда, при томъ, поселенцемъ были выполнены всѣ его обязательства. Въ противномъ случаѣ оставленіе участка считалось незаконнымъ, а оставившій его крестьянинъ—бѣглымъ.

Связанные круговой отвѣтственностью въ исправности платежа, члены общины по необходимости принимали совмѣстное участіе въ раскладкѣ и взиманіи налоговъ и исполненіи повинностей. Заинтересованные въ томъ, чтобы не было недоимщиковъ, они тщательно соразмѣряли платежи каждаго члена съ его „животами и промыслами“, т.-е. съ имуществомъ и доходами, съ величиной его семьи, съ размѣрами его участка и т. д. Договорныя обязательства по отношенію къ землевладѣльцу сообщили общинѣ

хозяйственное единство. Получая участокъ земли, поселенецъ обыкновенно обязывался пахать на хозяина пашню, пропорціонально размѣрамъ полученнаго участка (обыкновенно—на пять десятинъ шестую). Въ порядныя часто вносились и обязательства дѣлать всевозможное „издѣліе" на владѣльца: возить дрова, молоть муку, чинить постройки и т. д. Всѣми этими барщинными работами, особенно употребительными въ крупныхъ хозяйствахъ, завѣдывалъ хозяйскій „прикащикъ" или „ключникъ": онъ наряжалъ крестьянъ на работу раньше солнечнаго восхода и штрафовалъ ихъ за неисправность (свѣдѣнія объ этомъ мы имѣемъ уже изъ середины XVI в.). Работа на господскомъ дворѣ или пашнѣ производилась крестьянами сообща.

На рубежѣ XVI и XVII столѣтій въ описанномъ положеніи крестьянъ происходитъ значительная перемѣна. Въ чемъ именно она состояла и какимъ образомъ совершилась—объ этомъ изслѣдователи до сихъ поръ еще не выработали отчетливаго и однообразнаго представленія. По традиціонному взгляду, формулированному еще Татищевымъ, отчасти на основаніи преданій, отчасти на основаніи историческихъ документовъ,—перемѣна заключалась въ томъ, что крестьяне прикрѣплены были къ землѣ указомъ царя Ѳеодора Іоанновича. Указъ этотъ намъ неизвѣстенъ, но о его существованіи заключали изъ ряда другихъ указовъ, собранныхъ Татищевымъ. 1) Указъ 21 ноября 1597 г. постановилъ давать судъ на бѣглыхъ крестьянъ и возвращать ихъ владѣльцамъ, если они бѣжали не дальше, какъ за 5 лѣтъ до указа, или если о нихъ уже вчинены иски за этотъ періодъ. Отсюда выводили, что за 5 лѣтъ до 1597 г. былъ изданъ указъ, запретившій крестьянамъ переходъ и постановившій считать уходившихъ крестьянъ бѣглыми. 2) Этотъ выводъ находилъ косвенное подтвержденіе въ Указѣ 21 ноября 1601 г.: здѣсь разрѣшалось низшимъ категоріямъ служилыхъ людей „возить и отказывать" крестьянъ „промежъ себя" на обычныхъ условіяхъ правильнаго отказа, не болѣе какъ по одному или по два крестьянина каждому отъ каждаго владѣльца; высшимъ же разрядамъ служилыхъ, а также и всѣмъ владѣльцамъ московскаго округа, переводъ крестьянъ запрещался. Указъ былъ изданъ на одинъ годъ, но въ слѣдующемъ 1602 г. онъ былъ повторенъ, съ прибавкой запрещенія служилымъ людямъ противиться силой законному вывозу ихъ крестьянъ. 3) Наконецъ, приговоръ 9 марта 1607 г., сохраненный Татищевымъ, постановилъ возвращать владѣльцамъ крестьянъ, записанныхъ за ними въ книгахъ 1592—93 гг. и съ тѣхъ поръ (т.-е. не далѣе 15-ти лѣтъ назадъ) „вышедшихъ за кого инаго". Въ введеніи къ этому указу разсказывалась и вся исторія колебаній законодательства по вопросу о прикрѣпленіи: при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ крестьяне выходъ имѣли вольный;... ц. Ѳеодоръ Ивановичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ и, у кого колико тогда крестьянъ было, книги учинилъ... *Царь Борисъ Ѳедоровичъ тѣ книги оставилъ и переходъ крестьянамъ далъ, да не совсѣмъ, (такъ) что судьи не знали, какъ по тому суды вершити*"; наконецъ, послѣдовало окончательное закрѣпленіе, по книгамъ 1592 г., приговоромъ 1607 года. Однако, относительно словъ, напечатанныхъ курсивомъ, уже самъ Татищевъ замѣтилъ въ примѣчаніи (обстоятельство, ускользнувшее отъ изслѣдователей), что слова эти прибавлены имъ самимъ, чтобы напомнить объ указѣ 1601 г. И все остальное введеніе (вмѣстѣ съ приговоромъ) уже Карамзинымъ было заподозрѣно „по слогу и выраженіямъ, необыкновеннымъ въ бумагахъ того времени".

Однако и онъ, и большинство послѣдующихъ изслѣдователей остались при мнѣніи, что прикрѣпленіе крестьянъ совершено законодательнымъ актомъ царя Өеодора Іоанновича, вѣроятно—въ 1592 г. Въ 1858 г. Погодинъ, въ статьѣ: „Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права“, выступилъ рѣшительнымъ противникомъ традиціоннаго взгляда на прикрѣпленіе крестьянъ. По его мнѣнію, „никакого общаго безусловнаго указа о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ Борисъ не давалъ“; „основателемъ крѣпостного права“ не былъ у насъ никто, а „винить въ его развитіи“ слѣдуетъ „обстоятельства“. Указъ 1597 г. просто устанавливаетъ пятилѣтнюю давность для „бѣглыхъ“, т.-е. незаконно ушедшихъ, а не для крестьянъ вообще; бѣглые были и раньше такъ же, какъ и указы о нихъ, и самый указъ 1597 г. признаетъ „бѣглыми“ не только бѣжавшихъ послѣ 1592 г., но и бѣжавшихъ до него, но только не велитъ ихъ возвращать владѣльцамъ. Приговоръ 1607 г. Погодинъ отвергаетъ, какъ подложный, хотя и дѣлаетъ различіе между несомнѣнно подложнымъ введеніемъ и самымъ текстомъ приговора, можетъ быть существовавшаго дѣйствительно. Наконецъ, указы 1601 и 1602 гг. Погодинъ считаетъ временными мѣрами, хотя и признаетъ, что они „все-таки предполагаютъ какое-то измѣненіе въ постановленіяхъ, какое-то предшествовавшее нововведеніе“, въ смыслѣ общаго запрещенія перехода: но онъ и это предполагаемое постановленіе склоненъ считать временнымъ. Что свободный переходъ крестьянъ не прекратился окончательно при Өеодорѣ, а продолжался еще и въ XVII вѣкѣ, это показалъ вскорѣ и Бѣляевъ, въ своихъ „Крестьянахъ на Руси“. Погодину возражалъ Костомаровъ, и прежде всего требовалъ болѣе правильной постановки вопроса. Крѣпостное право, какъ сложное соціальное явленіе, не могло, конечно, быть установлено сразу однимъ правительственнымъ актомъ; но это не устраняетъ вопроса, былъ или не былъ прекращенъ Борисомъ переходъ крестьянъ въ Юрьевъ день? Замѣчая, что съ 1597 г. сразу прекращаются упоминанія о Юрьевѣ днѣ и точно также сразу начинается рядъ указовъ о „бѣглыхъ“ и о срокахъ давности для ихъ возвращенія, Костомаровъ заключалъ, что появленіе „бѣглыхъ“ связано съ законодательной отмѣной Юрьева дня, совершившейся вѣроятно именно въ 1592 г. Свободный переходъ въ XVII столѣтіи, замѣченный, кромѣ Погодина и Бѣляева, также и К. Аксаковымъ, Костомаровъ относилъ къ бѣглымъ, которыхъ хозяева почему-нибудь отказывались преслѣдовать, а также къ гулящимъ людямъ, не успѣвшимъ еще записаться въ тягло. Полемика Погодина съ Костомаровымъ не рѣшила вопроса, но она существенно измѣнила его постановку. Центръ тяжести изслѣдованія былъ перенесенъ на условія общественнаго порядка, создавшія крѣпостное право, на ту обстановку общественнаго безправія, въ которой возникли и воспитались крѣпостныя отношенія Московскаго государства. Проф. Энгельманъ показалъ, что московское государство ограничилось, при этомъ, удовлетвореніемъ своихъ ближайшихъ нуждъ, жертвуя имъ всѣми высшими задачами государственной жизни. Крѣпостное право является у проф. Энгельмана не прямымъ продуктомъ законодательства, а результатомъ попустительства, допускавшагося государствомъ въ частныхъ отношеніяхъ землевладѣльческаго и земледѣльческаго сословія. Государство обезпечило прикрѣпленіемъ свои военныя и фискальныя потребности—и закрыло глаза на всѣ послѣдствія прикрѣпленія. Возможность особаго правительственнаго акта прикрѣпленія проф. Энгельманъ не отрицаетъ; но, по его мнѣнію, при московскихъ порядкахъ и сохранившійся указъ

1597 г. самъ по себѣ могъ оказать такое же дѣйствіе. Перепись 1592 г. занесла въ правительственныя списки всѣхъ крестьянъ, сидѣвшихъ на владѣльческихъ земляхъ на основаніи разнаго рода договоровъ съ хозяевами; правительство могло воспользоваться этими списками и молчаливо признать крѣпкими землѣ всѣхъ, въ нихъ записанныхъ. Въ сущности, то же самое повторилось при прикрѣпленіи малорусскихъ крестьянъ въ XVIII в. Проф. Ключевскій, въ статьяхъ о „Происхожденіи крѣпостного права въ Россіи", пошелъ еще далѣе Энгельмана въ признаніи внѣзаконнаго происхожденія крѣпостного права. „Законодательство не устанавливало крѣпостного права на владѣльческихъ крестьянъ, ни прямо, ни косвенно: оно не только не прикрѣпило ихъ къ землѣ, но не отмѣняло и права выхода... Не внося въ крестьянскія отношенія нежданныхъ переворотовъ, законодательство только устанавливало границы, которыхъ они не должны были переступать въ своемъ развитіи". Ключа къ объясненію исторіи крѣпостного права проф. Ключевскій ищетъ не въ законодательныхъ памятникахъ, а въ актахъ гражданскаго права; это составляетъ важное преимущество его передъ его предшественниками. Вопросъ о происхожденіи крѣпостного права, въ глазахъ г. Ключевскаго, „есть вопросъ о томъ, что такое было крѣпостное (т.-е. основанное на крѣпостныхъ документахъ) холопское право въ древней Руси, какъ это право привито было къ крестьянству и какъ переродилось вслѣдствіе этой пересадки на новую, чужую ему почву". Въ этихъ вопросахъ уже заключается тотъ отвѣтъ, который даетъ на нихъ проф. Ключевскій: крѣпостное право произошло вслѣдствіе примѣненія къ крестьянству условій холопьей крѣпости, съ тѣми измѣненіями, какія требовались особенностями соціальнаго положенія крестьянства. Исходной точкой крестьянской крѣпости служитъ, по теоріи проф. Ключевскаго, фактъ совмѣстной задолженности крестьянъ своимъ хозяевамъ. Крестьянинъ должникъ не попадалъ за свой долгъ въ личную зависимость отъ хозяина, пока идея такой зависимости не выработалась въ холопскомъ правѣ. Холопство по долговой зависимости („кабальное") развивается въ XVI в., въ концѣ котораго принимаетъ окончательную форму, съ запрещеніемъ для должника возвращать долгъ по кабалѣ. Со второй четверти XVII в. и крестьянская „порядная" или „ссудная запись" осложняется этой же самой чертой, свойственной „служилой кабалѣ"; крестьянинъ, рядясь съ хозяиномъ, самъ лишаетъ себя права уплатить долгъ и выйти когда-нибудь изъ крестьянства. Вмѣстѣ съ этимъ и другія холопскія черты проникаютъ въ практику крестьянскихъ договоровъ. Крестьянинъ самъ давалъ хозяину обязательство „всякую страду страдать и оброкъ платить, чѣмъ онъ изоброчитъ", самъ соглашался жить, „гдѣ государь ни прикажетъ, въ вотчинѣ или въ помѣстьѣ, гдѣ онъ изволитъ поселить"; одинъ крестьянинъ даже согласился на то, что „вольно ему, государю моему, меня продать и заложить". Вообще, по мнѣнію проф. Ключевскаго, „право отчужденія крестьянъ выработалось... изъ не стѣсняемаго закономъ права вольнаго человѣка при вступленіи въ крѣпость опредѣлять ея условія". Наконецъ, съ середины XVII в. крестьяне закрѣпощаютъ и своихъ дѣтей, которые до сихъ поръ, живя при отцахъ безъ тягла, сохраняли волю. Ставъ „крѣпостными, крестьянскія дѣти остаются затяглыми, и такимъ образомъ попадаютъ въ свободное распоряженіе хозяина, который можетъ и взять ихъ во дворъ, и продать отдѣльно отъ семьи". Послѣ того, какъ „во второй половинѣ XVI в. крестьянское право выхода замираетъ само собою, безъ всякой законодательной отмѣны его, прямой или косвенной",

правительству остается только регулировать замѣнившее его право вывоза крестьянина однимъ хозяиномъ отъ другого. Сперва правительство настаивало на соблюденіи законныхъ формъ правильнаго „отказа", затѣмъ оно стало, повидимому, требовать еще согласія стараго владѣльца на вывозъ отъ него крестьянина. По мѣрѣ стѣсненія права вывоза, это право превращалось мало-по-малу въ право сдѣлокъ на крестьянъ безъ земли: вывозъ съ согласія владѣльца былъ замаскированной продажей крестьянина. Правительство ничего не имѣло противъ продажи крестьянъ безъ земли, но оно позаботилось о томъ, чтобы продаваемый крестьянинъ оставался непремѣнно въ крестьянствѣ же, т.-е. не выходилъ изъ тягла. Такимъ образомъ правительство рядомъ указовъ прикрѣпило крестьянъ къ лицу помѣщика и къ крестьянскому званію, но оно и не думало прикрѣплять владѣльческихъ крестьянъ къ землѣ. Оно только наложило на владѣльца отвѣтственность за податную исправность крестьянина и слѣдило за тѣмъ, чтобы имущество крестьянъ было „юридически привязано къ мѣсту, гдѣ съ нихъ шло тягло". Наконецъ, законодательство признало и крѣпость крестьянскихъ дѣтей, подъ условіемъ ихъ записки въ тягло, въ писцовыя книги. „Крестьянская крѣпость, развившаяся изъ кабальной, отличалась отъ холопьей, во-первыхъ, тѣмъ, что она давала владѣльцу право только на часть крестьянскаго труда и имущества, во-вторыхъ, тѣмъ, что всѣ владѣльческія права на крестьянина были обусловлены государственными обязанностями". Указъ 1597 г., по мнѣнію г. Ключевскаго, имѣлъ единственно цѣлью облегчить судей отъ накопленія дѣлъ. Только приговоръ 1607 г. „первый прямо выразилъ начала, которыя легли въ основаніе крѣпостного права" (именно личное, а не поземельное прикрѣпленіе, крѣпость по писцовымъ книгамъ и государственный характеръ исковъ о бѣглыхъ). Развитіе этихъ началъ принадлежитъ послѣдующему законодательству XVII в. Теорія проф. Ключевскаго нашла себѣ оппонента въ лицѣ проф. Сергѣевича, возвращающагося къ традиціонному взгляду на прикрѣпленіе крестьянъ. Вліяніе кабальнаго права на крестьянскіе договоры онъ отрицаетъ на основаніи того соображенія, что законодательство не смѣшивало крестьянъ и холоповъ. Вліянія задолженности крестьянъ на ихъ прикрѣпленіе онъ также не признаетъ, утверждая, что „серебро" т.-е. (долгъ), числившееся на крестьянахъ по документамъ, было просто просроченнымъ оброкомъ, а „ссуда", которую давали хозяева,— простымъ займомъ, который не мѣшалъ уходу крестьянъ со стараго участка; владѣлецъ не имѣлъ права возвращать къ себѣ крестьянина, а могъ только искать съ него убытки. Согнать крестьянина съ земли до законнаго срока владѣлецъ также не могъ; напротивъ, крестьянинъ могъ уйти не въ срокъ и не уплативъ долга, не подвергаясь никакой карѣ и не рискуя быть насильственно возвращеннымъ. Всякій крестьянинъ могъ свободно переходить до общаго запрещенія перехода закономъ, а съ этого времени всякій перешедшій отъ одного хозяина къ другому крестьянинъ одинаково считается бѣглымъ, все равно, выполнилъ онъ или нѣтъ свое обязательство передъ старымъ хозяиномъ. Послѣ законодательной отмѣны Юрьева дня правительству, въ XVII в., оставалось только отмѣнить всякую давность для исковъ о бѣглыхъ и прикрѣпить, кромѣ тяглыхъ крестьянъ, также и ихъ родственниковъ, чтобы прикрѣпленіе стало полнымъ и безусловнымъ. Новѣйшая работа проф. М. А. Дьяконова, основанная отчасти на свѣжемъ архивномъ матеріалѣ, опровергаетъ взглядъ проф. Сергѣевича и вноситъ поправки въ теорію проф. Ключевскаго. По мнѣнію г. Дьяконова, прикрѣ-

пленіе крестьянъ на основаніи „старины“, т.-е. давности ихъ жительства на извѣстномъ участкѣ, вырабатывается не въ XVII в., какъ думаетъ проф. Ключевскій, а въ промежутокъ съ середины XV до середины XVI вѣка. Право помѣщика на вотчинный судъ надъ крестьянами и на судебное представительство ихъ интересовъ, отвѣтственность за исправную уплату податей также не являются слѣдствіемъ крестьянской крѣпости, а слагаются „исподволь двухвѣковою практикой“ и входятъ уже „готовымъ элементомъ въ составъ крѣпостного права“; наконецъ, и сдѣлки на крестьянъ, и дробленіе крестьянскихъ семей, и переводъ ихъ съ участка на участокъ—все это уже существуетъ во владѣльческой практикѣ конца XVI в.

На основаніи всего, что выяснилось въ результатѣ полемики, можно представить себѣ развитіе крестьянской крѣпости слѣдующимъ образомъ. Первымъ обстоятельствомъ, которое могло затруднить крестьянскій переходъ и принудить крестьянъ оставаться на разъ избранномъ мѣстѣ жительства, было прикрѣпленіе ихъ къ тяглу. Тягловая организація крестьянскихъ общинъ восходитъ къ XIII в.; съ слѣдующаго столѣтія начинается рядъ запрещеній перезывать крестьянъ, связанныхъ тягломъ; сами общины (черныя) стараются не выпускать тяглеца, если нѣтъ на лицо замѣстителя; позднѣе тоже замѣчается и во владѣльческихъ хозяйствахъ.

Вторымъ обстоятельствомъ, отчасти вытекавшимъ изъ перваго и также подготовившимъ прикрѣпленіе, было появленіе, тоже въ очень древнее время, группы крестьянъ-старожильцевъ, „застарѣвшихъ“ на своихъ участкахъ. Уже съ середины XV в. правительство начинаетъ защищать право владѣльцевъ на такихъ крестьянъ и не позволяетъ другимъ владѣльцамъ перезывать ихъ къ себѣ.

Третьимъ элементомъ крестьянской крѣпости, пущеннымъ въ ходъ самими владѣльцами, были долги крестьянъ хозяевамъ, сдѣланные для обзаведенія и составлявшіе обыкновенно нѣсколько сотъ рублей на наши деньги. Въ какой степени нуждались крестьяне въ ссудѣ, видно изъ того, что во второй половинѣ XVI в. 70% крестьянъ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря не имѣли даже своихъ сѣмянъ для посѣва. Изъ 103 крестьянскихъ договоровъ, записанныхъ въ новгородскихъ крѣпостныхъ книгахъ, 86 заключены съ полученіемъ „ссуды“ отъ хозяевъ.

Наконецъ, четвертымъ обстоятельствомъ, содѣйствовавшимъ закрѣпленію, было прямое вмѣшательство правительства, дѣйствовавшаго въ этомъ смыслѣ. На ряду съ спеціальнымъ запрещеніемъ перехода тяглыхъ и „старыхъ“ крестьянъ съ земель отдѣльныхъ владѣльцевъ, правительство старалось вообще затруднить переходы установленіемъ одного срока въ году (Юрьева дня) и введеніемъ высокихъ пошлинъ въ пользу владѣльца за пользованіе крестьянскимъ дворомъ („пожилое“). Принявъ, такимъ образомъ, крестьянскій выходъ подъ свое наблюденіе (постановленія судебниковъ), правительство этимъ самымъ установливало различіе между законнымъ выходомъ, „съ отказомъ“, т.-е. въ срокъ и съ уплатой пошлинъ, отъ незаконнаго; крестьяне, вышедшіе безъ отказа, вѣроятно уже съ этого времени стали считаться „выбѣжавшими“, т.-е. бѣглыми. Изслѣдователи, защищавшіе существованіе особаго указа о прикрѣпленіи (Костомаровъ, Сергѣевичъ), считали особенно важнымъ то обстоятельство, что терминъ „бѣглые“ становится извѣстенъ только послѣ предполагаемаго момента изданія этого указа. Но уже документъ 1580 г.—писцовая книга тверскихъ владѣній кн. Симеона Бекбулатовича—называетъ „выбѣжавшими“ крестьянъ, не исполнившихъ условій правильнаго отказа. Этотъ же

документъ знакомитъ съ фактическимъ положенiемъ вещей, которымъ опредѣлилось направленiе законодательства конца XVI в. Изъ 2217 крестьянъ вотчины Симеона ушло, въ промежутокъ времени около 5 лѣтъ передъ составленiемъ писцовой книги, 305 человѣкъ, т.-е. изъ каждыхъ семи человѣкъ одинъ (14%). Изъ общаго числа ушедшихъ только одинъ человѣкъ на шесть (53 чел. или 17%) могъ разсчитаться съ хозяиномъ и „выдти“ отъ него самостоятельно. Большая часть ушедшихъ (188 чел. или 62%) были „вывезены“ другими владѣльцами, законно или незаконно. Остальные 65 чел. (21%) ушли безъ правильнаго отказа или „выбѣжали“; это были, слѣдовательно, бѣглые, которыхъ владѣлецъ могъ требовать къ себѣ обратно. Наконецъ, вмѣсто всѣхъ 305 ушедшихъ пришло вновь и порядилось въ крестьянство всего 27 человѣкъ. Отсюда видно, что значительное большинство крестьянской массы въ концѣ XVI в. сидѣло уже прочно на одномъ мѣстѣ, изъ переходившихъ съ одного мѣста на другое, большая часть могла дѣлать это лишь съ помощью другихъ владѣльцевъ, „отказывавшихъ“ крестьянъ и „вывозившихъ“ ихъ „за себя“. Вольный и притомъ законный переходъ свелся бы къ совершенно ничтожной цифрѣ (въ данномъ случаѣ 2% съ небольшимъ), если бы не взаимная конкурренцiя хозяевъ между собою. Наконецъ, Юрьевъ день игралъ самую ничтожную роль какъ въ переходѣ, такъ и въ перевозѣ крестьянъ. Въ той же самой вотчинѣ Симеона Бекбулатовича изъ 60 случаевъ, въ которыхъ документъ прямо упоминаетъ о времени перехода, на Юрьевъ день приходится только два случая. Большинство уходовъ распредѣляется между осенью и великимъ постомъ, т.-е. по окончанiи и передъ началомъ сельскихъ работъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти сроки выхода несомнѣнно назначаются съ общаго согласiя сторонъ. Въ концѣ XVI вѣка борьба между хозяевами за рабочiя руки чрезвычайно усилилась: причиной этому могъ быть какъ отливъ населенiя во вновь колонизуемыя земли, такъ и перемѣны въ веденiи земледѣльческаго хозяйства.

Указъ 1597 г. считался съ однимъ изъ ближайшихъ послѣдствiй этой усиленной конкурренцiи—съ чрезмѣрнымъ увеличенiемъ количества исковъ о возвращенiи „выбѣжавшихъ“ крестьянъ старымъ владѣльцамъ. Указъ этотъ постановилъ,—весьма возможно, что онъ не имѣлъ при этомъ никакихъ дальнѣйшихъ цѣлей,—что хозяева, не вчинившiе своихъ исковъ въ теченiе 5 лѣтъ до времени изданiя указа, лишаются права искать „выбѣжавшихъ“ отъ нихъ крестьянъ. Самъ по себѣ онъ не создавалъ общаго прикрѣпленiя и не превращалъ въ „выбѣжавшихъ“ всѣхъ крестьянъ, уходившихъ отъ владѣльцевъ; на практикѣ, при томъ—какъ показалъ уже В. О. Ключевскiй, онъ не соблюдался и въ исторiи крестьянскаго прикрѣпленiя не съигралъ никакой роли. Правда, скоро его стали понимать, какъ постановленiе о пятилѣтней давности для исковъ о бѣглыхъ, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ первымъ распоряженiемъ своего рода. Но давность, особенно такая короткая, была своего рода премiей за удачный побѣгъ и могла только увеличить количество бѣглыхъ, а не прекратить переходы. Совсѣмъ на другую почву ставятъ насъ несомнѣнно достовѣрные указы 1601 и 1602 гг. Указы эти вовсе запрещаютъ отказывать и вывозить крестьянъ въ предѣлахъ Московскаго у., а внѣ его разрѣшаютъ „возить промежъ себя“ крестьянъ только служилымъ людямъ низшихъ чиновъ. Очевидно, цѣль указовъ—устранить два главныхъ побужденiя къ переходу крестьянъ: стремленiе крестьянства изъ центра на окраины, въ „украинные города“, и вывозъ ихъ на земли крупныхъ владѣльцевъ. Такова древнѣйшая форма законодательнаго прикрѣпленiя

крестьянъ. Существовало ли до указа 1601 г. какое-нибудь болѣе общее распоряженіе объ отмѣнѣ перехода, мы не знаемъ, такъ какъ подлинность вступительныхъ словъ этого указа („въ нынѣшнемъ въ 110 г... велѣли крестьяномъ давати выходъ") сомнительна: они противорѣчатъ содержанію указа. Правда, дѣйствіе указовъ 1601 и 1602 гг., по прямому ихъ смыслу, ограничивалось только этими годами, и въ 1610 г. московское временное правительство, судя по нѣкоторымъ признакамъ, думало издать указъ объ общемъ прикрѣпленіи. Но событія развивались такъ быстро, что намѣренія этого некогда и некому было исполнить, а новая династія оставила на первое время дѣло въ томъ положеніи, въ какомъ его застала. Всѣ дальнѣйшія хлопоты о прикрѣпленіи исходятъ отъ тѣхъ же служилыхъ людей низшаго слоя, дворянъ и дѣтей боярскихъ, интересы которыхъ ограждались указами 1601 и 1602 гг. Такъ, въ 1645 г. служилые люди называютъ „бѣглыми" и просятъ облегчить возвращеніе имъ тѣхъ крестьянъ, „которые выходятъ изъ-за нихъ за сильныхъ людей". „Сильные люди" имѣются въ виду и въ челобитной служилыхъ людей 1641 г. Что „вывозъ" продолжаетъ быть главнымъ предметомъ борьбы, видно изъ того, что въ 1642 г. правительство обставляетъ возвращеніе „вывозныхъ" крестьянъ болѣе строгими правилами, чѣмъ возвращеніе просто бѣглыхъ. Единственное, о чемъ хлопочутъ мелкіе служилые люди при Михаилѣ—это право отыскивать своихъ бѣглецовъ „безъ урочныхъ лѣтъ", т.-е. безъ ограниченія срокомъ. Мало-по-малу правительство дѣлало уступки въ этомъ вопросѣ. Сперва оно держалось пятилѣтней давности, толкуя въ этомъ смыслѣ указъ 1597 г., потомъ удлинило давность до 9—11 лѣтъ для нѣкоторыхъ монастырей, затѣмъ уже въ двадцатыхъ годахъ стало практиковать десятилѣтнюю давность для черныхъ земель; наконецъ, въ 1641 г. десятилѣтній срокъ былъ распространенъ и на служилыхъ людей. Если привительство такъ упорно и долго отказывалось отмѣнить всякій срокъ и признать крестьянъ крѣпкими навсегда своимъ владѣльцамъ, то причиной этому была, вѣроятно, неопредѣленность самого понятія „бѣглый" и вытекавшія отсюда процессуальныя затрудненія. Этихъ затрудненій не было бы, если бы существовали писцовыя книги 1592 г.: въ такомъ случаѣ бѣглымъ считался бы всякій, записанный въ этихъ книгахъ за извѣстнымъ владѣльцемъ. На практикѣ, однако, нигдѣ мы не встрѣчаемъ ссылокъ на эти книги. Хозяинъ бѣглаго крестьянина доказываетъ въ началѣ XVII в. свое право на него обыкновенно тѣмъ, что онъ „старинный" его крестьянинъ, и „старина" служитъ достаточной причиной для возвращенія бѣглаго старому владѣльцу; но та же „старина" создавалась и у новаго хозяина, съумѣвшаго скрыть переманеннаго имъ крестьянина гдѣ-нибудь въ своихъ отдаленныхъ вотчинахъ. Въ такихъ случаяхъ старому хозяину оставалось доказывать пріоритетъ своихъ правъ на крестьянина какими-нибудь документами. Въ челобитныхъ мы и встрѣчаемъ постоянныя просьбы, чтобы дозволено было доказывать старину бѣглыхъ крестьянъ „помѣстными и вотчинными дачами (въ которыхъ перечислялись крестьяне жалуемаго владѣнія), писцовыми книгами и выписями" и т. п. документами. Очевидно, въ 40-хъ годахъ крѣпостной характеръ этихъ документовъ далеко не былъ выясненъ. Иногда новые владѣльцы пускаютъ въ ходъ крѣпости особаго рода: они „емлютъ на бѣглыхъ крестьянъ, хотя укрѣпити ихъ впередъ за собою, ссудныя записи и всякія крѣпости въ большихъ ссудахъ и въ займахъ". Таково происхожденіе той формы крестьянской порядной, въ которой должникъ отказывается отъ права уплатить долгъ и уйти отъ своего новаго хо-

зяина. Это—укрѣпленіе частными средствами, возникшее или въ противоположность укрѣпленію правительственному, какъ средство борьбы противъ него, или въ дополненіе къ нему, въ виду его недостаточности. Со вступленіемъ на престолъ царя Алексѣя, въ отвѣтъ на новую челобитную объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ, служилыхъ людей рѣшено было, наконецъ, удовлетворить, но не прежде, чѣмъ будутъ составлены новые списки крестьянъ, числившихся за каждымъ владѣльцемъ, включая сюда и бѣглыхъ, выбѣжавшихъ отъ него не болѣе, какъ за 10 лѣтъ, т.-е. узаконеннаго срока давности. „И по тѣмъ переписнымъ книгамъ (1646—48 гг.) крестьяне и бобыли, и ихъ дѣти, и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ", выразился указъ о переписи 19 октября 1645 г. Подъ совмѣстнымъ вліяніемъ мѣропріятій правительства и дѣйствовавшей практики, понятіе „бѣглыхъ" распространилось на весь составъ крестьянскаго населенія, покидавшаго свои мѣста.

Это послѣднее, самое широкое опредѣленіе не захватило, однако, всѣхъ категорій крестьянства; и самый указъ о переписи оговариваетъ существованіе „вольныхъ людей", сохраняющихъ право вновь рядиться въ крестьянство. Но каждый новый уговоръ дѣлаетъ теперь крестьянина уже крѣпостнымъ; правительство обязываетъ рядящагося вновь въ крестьянство являться „къ допросу и къ запискѣ" въ помѣстный приказъ, а хозяинъ беретъ съ него порядную въ новой формѣ „ссудной записи". Хозяинъ становится для крестьянина „государемъ", а крестьянинъ для хозяина—„крѣпостнымъ". Первоначально это слово означало просто такого крестьянина или холопа, на котораго у владѣльца имѣлась „крѣпость," т.-е. какой-нибудь письменный документъ; въ этомъ смыслѣ „крѣпостные" крестьяне и люди противополагались „стариннымъ" крестьянамъ и людямъ. Но и „старинные" стали крѣпостными, когда доказательствомъ ихъ старины стала служить запись въ правительственный документъ. На ряду съ этой записью свободный договоръ сторонъ сохранилъ значеніе только для лицъ, записывавшихся вновь въ крестьянство съ воли. Частная крѣпость смѣнилась или дополнилась правительственной, и вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе „крѣпостного" получило новый смыслъ. Это былъ крестьянинъ, въ виду государственныхъ интересовъ прикрѣпленный къ служилому человѣку, точно такъ же, какъ служилый человѣкъ, въ виду тѣхъ же интересовъ, былъ прикрѣпленъ къ своимъ военно-служебнымъ обязанностямъ.

Въ ученой литературѣ много разъ обсуждался вопросъ, былъ ли крестьянинъ прикрѣпленъ къ землѣ или къ личности помѣщика? Большинство изслѣдователей, настаивавшихъ на государственномъ характерѣ прикрѣпленія, полагали, что первоначально крестьяне были прикрѣплены къ землѣ и что ихъ подчиненіе личности владѣльца есть уже продуктъ позднѣйшаго злоупотребленія. Напротивъ, В. О. Ключевскій, искавшій происхожденія крѣпостной практики въ частно-правовыхъ отношеніяхъ, утверждалъ, что съ самого начала крестьяне были крѣпки лицу, на условіяхъ своего частнаго договора съ нимъ. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется мнѣніе, высказанное еще К. П. Побѣдоносцевымъ, что было бы напрасно искать точныхъ юридическихъ опредѣленій въ крѣпостномъ правѣ XVII ст.: „цѣлью власти было не опредѣлить отношенія крѣпостныхъ людей къ владѣльцамъ, а обезпечить свои собственные, государственные и финансовые интересы; опредѣленіе юридическихъ свойствъ того или другаго отношенія крѣпостныхъ людей къ владѣльцу вовсе не входило въ разсчетъ правительства". Въ продолженіе всего

XVII в. сохраняется различіе крестьянъ отъ холоповъ, въ положеніе которыхъ государство не имѣло побужденій вмѣшиваться, пока они не были плательщиками податей; но въ область дальнѣйшихъ отношеній между крестьянами и владѣльцами государственное вмѣшательство не проникало. Предоставленныя самимъ себѣ, эти отношенія сложились фактически, а не юридически, и при томъ, въ основѣ своей—уже раньше закрѣпленія крестьянъ. Нѣкоторыя черты, характеризующія размѣры власти землевладѣльца надъ личностью и имуществомъ крестьянъ, становятся извѣстны уже въ XVI ст.; въ XVII в. она развивается уже настолько полно, что XVIII ст. почти ничего не остается добавить къ фактической постановкѣ крѣпостныхъ отношеній. Ни имущественныя, ни личныя права крѣпостныхъ крестьянъ въ XVII ст. ничѣмъ не были ограждены по закону и регулировались исключительно обычаемъ, фактическимъ положеніемъ дѣла. Никакой законъ не ограничивалъ крестьянскихъ податей и повинностей опредѣленнымъ размѣромъ; но, если вѣрить Котошихину, владѣльцу, разорившему своихъ крестьянъ, грозила конфискація помѣстьевъ и жалованныхъ вотчинъ и передача купленныхъ вотчинъ родственникамъ. Конечно, не столько эта угроза, едва ли часто исполнявшаяся, сколько собственный интересъ удерживалъ требованія владѣльца въ извѣстныхъ границахъ. Далѣе, законъ не обязывалъ помѣщика надѣлить крестьянина опредѣленнымъ участкомъ земли; хотя въ большинствѣ случаевъ крестьяне пахали опредѣленные выдѣленные имъ „пашенные жеребьи“, но никто не могъ помѣшать владѣльцу распорядиться крестьянскимъ надѣломъ по своему усмотрѣнію. Никакой законъ не предоставлялъ крестьянамъ права владѣть отдѣльнымъ имуществомъ; въ цѣломъ рядѣ случаевъ законодательство XVII в. очевидно исходитъ изъ предположенія, что крестьянскіе „животы“ входятъ въ составъ владѣльческаго имущества. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьянинъ несетъ имущественную и личную отвѣтственности по обязательствамъ своего владѣльца. Въ то же самое время крѣпостной человѣкъ можетъ, однако, вести на свой рискъ и въ свою пользу самыя обширныя предпріятія, можетъ входить со всѣми, не исключая собственнаго господина, въ имущественныя обязательства, признаваемыя закономъ и защищаемыя судомъ. Съ самаго начала XVII в. владѣльцы совершенно свободно мѣняютъ, дѣлятъ, переводятъ съ одной земли на другую или даже съ пашни въ дворъ своихъ крестьянъ; навѣрное, тогда же начинается и прямая продажа крестьянъ. Вопреки церковному закону, помѣщики женятъ и выдаютъ замужъ крѣпостныхъ по своей волѣ. Право вотчиннаго суда и наказанія принадлежитъ владѣльцу изстари. О „мученіяхъ“ крестьянъ со стороны владѣльцевъ мы знаемъ и изъ документовъ XVI в.; но въ XVII в. мы уже знакомимся обстоятельно и съ орудіями этихъ мученій: на барскомъ дворѣ является тюрьма, кандалы и колодки; батоги и кнутъ отмѣриваются, по примѣру правительства, „нещадно“; являются даже и типичныя московскія пытки—подвѣшиваніе за связанныя назадъ руки, битье при этомъ кнутомъ и поджариваніе огнемъ. Уложеніе велитъ, правда, „приказывать накрѣпко“ господину, „чтобъ онъ не убилъ, не изувѣчилъ и голодомъ не уморилъ подвластнаго ему человѣка“, но и въ этихъ скромныхъ размѣрахъ законъ ничѣмъ не обезпечиваетъ личности крѣпостного. О наказаніи господина за неумышленное убійство крѣпостного и за увѣчье, причинившее смерть, въ законѣ ничего не говорится. Особенно ярко всѣ невыгоды этой необезпеченности личности и имущества крестьянъ обнаруживались при частомъ столкновеніи съ вла-

дѣльцемъ, т.-е. во дворѣ и вообще въ мелкомъ хозяйствѣ. Въ крупныхъ служилыхъ и монастырскихъ хозяйствахъ между личностью отдѣльнаго крестьянина и владѣльцемъ становится міръ, съ своимъ выработаннымъ строемъ отношеній; повинности и подати крестьянъ опредѣлялись разъ установленными правилами, на вотчинномъ судѣ присутствовали выборные люди; такіе же выборные завѣдывали внутренней раскладкой тягла, свалкой и навалкой тяголъ и земельными передѣлами. И здѣсь, однако, представитель владѣльца—приказчикъ или посельскій—вмѣшивался въ безпорядки общины, обыкновенно поддерживая отдѣльныхъ лицъ или богатое меньшинство крестьянъ противъ бѣднаго большинства, непосильно облагавшагося налогами и выстаивавшаго на правежѣ за господскія недоимки.

XCVI. Власть Московскаго царя.

(Изъ «Обзора исторіи русскаго права», проф. Владимірскаго-Буданова. Кіевъ, 1906 г.)

Титулъ. Монархъ въ XIV и XV вв. титуловался великимъ княземъ, съ XVI в. (окончательно—съ половины XVI в.) титулуется царемъ.—Титулъ „великій князь“ усвоялся уже въ 1-мъ періодѣ старшимъ князьямъ Суздальской земли; въ XIV и XV вв. онъ усвояется и старшимъ князьямъ прочихъ самостоятельныхъ земель—Рязанской, Тверской, Смоленской, даже Суздальско-Нижегородской и Ярославской. Но съ того времени, какъ усилившееся Московское великое княжество начало стремиться къ установленію единодержавія на всемъ сѣверѣ Руси, къ титулу „великій“ князь присоединяется „всея Руси“ (первоначально при Иванѣ Калитѣ, окончательно при Іоаннѣ III—во всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ).—Старинный предикатъ, означающій вообще власть (dominium, manus, imperium)—„господинъ“ смѣняется теперь въ отношеніи къ великому князю титуломъ: „государь“.

Въ половинѣ XV в. была принята въ титулъ формула „Божіею милостію“. Въ актахъ внутренняго управленія такая формула титула встрѣчается съ начала XVI в. Она указываетъ на источникъ власти—теократическій, т.-е. происхожденіе ея изъ воли Божіей, а не изъ воли подданныхъ. Но такъ какъ всѣ государи присвоили себѣ подобную форму титула, то для означенія, что только власть православныхъ государей проистекаетъ изъ воли истиннаго Бога, стали употреблять въ титулѣ со времени Іоанна Грознаго такъ называемое богословіе, т.-е. краткое изложеніе православной вѣры.

Всѣ указанныя свойства власти совмѣщены въ титулъ „царь“, который бытовымъ образомъ усвоялся болѣе значительнымъ князьямъ и въ 1-мъ періодѣ (въ литературныхъ памятникахъ), а еще чаще въ Московскомъ государствѣ въ XIV в. (особенно съ Куликовской битвы). Это почетное наименованіе превратилось въ титулъ при Іоаннѣ III—въ сношеніяхъ съ Ливоніею и небольшими нѣмецкими государствами; вскорѣ этотъ титулъ былъ признанъ германскимъ императоромъ и Даніею; при Василіи Іоанновичѣ, по свидѣтельству Герберштейна, „царскій титулъ употреблялся въ сношеніяхъ съ римскимъ императоромъ и папой, съ королями шведскимъ и датскимъ, съ магистрами прусскимъ и ливон-

скимъ и, какъ я слышалъ, съ государемъ турецкимъ". Для всѣхъ прочихъ внѣшнихъ сношеній и для внутреннихъ актовъ титулъ этотъ принятъ Іоанномъ IV (послѣ вѣнчанія на царство 16 января 1547 г.) и утвержденъ грамотою Цареградскаго патріарха 1561 г. Признанію этого титула больше всѣхъ государствъ противилась Польша и Литва. Терминъ „царь" происхожденія византійскаго и есть сокращеніе титула: „цезарь" (въ Остромировомъ Евангеліи, въ молитвѣ Господней, читается: „да пріидетъ цесарствіе твое"); такъ титуловались государи у болгаръ и сербовъ. Хотя русскіе постоянно титуловали такъ хана татарскаго, но этотъ титулъ дали они ему сами въ ознаменованіе его власти надъ другими государями. Съ титуломъ царя дѣйствительно соединяется *международное значеніе* полной независимости отъ другихъ государствъ и, наоборотъ, признаніе за царемъ московскимъ значенія единственнаго истиннаго государя и нѣкоторыхъ преимущественныхъ правъ надъ прочими государями. Римское понятіе о всемірной имперіи, усвоенное на западѣ съ Карла Великаго, переносится теперь въ Москву, особенно послѣ паденія Византіи въ 1453 г.: „вся христіанская царства преидоша въ конецъ и спадошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, т.-е. Россійское царство; два убо Рима падоша (Римъ и Византія), а третій стоитъ (Москва), а четвертому не быть" (посланіе старца Филофея).—Подобно титулу царя, и титулъ „самодержецъ" сначала усвоялся великому князю отъ лица подданныхъ (въ писаніяхъ духовныхъ лицъ и въ лѣтописяхъ; это переводъ греческаго αὐτοκράτωρ);—но отъ лица самого царя въ оффиціальныхъ актахъ начинаетъ употребляться со времени Лжедмитрія I.

Способы усвоенія и передачи власти. Изъ двухъ способовъ преемства — наслѣдованія и избранія, первый беретъ рѣшительный перевѣсъ въ Суздальской землѣ и потомъ въ Московскомъ великомъ княжествѣ (что обнаружило большое вліяніе на успѣхъ единодержавія и характеръ власти). Однако съ конца XVI в. выступаетъ на видный планъ и принципъ избранія.

Наслѣдованіе, какъ исключительное основаніе преемства, господствуетъ въ XIV и XV вв. (пожалованіе отъ хана есть лишь утвержденіе правъ наслѣдства и внѣшная инвеститура). Здѣсь разумѣется наслѣдованіе по закону (обычаю) и именно—*родовое* въ порядкѣ старшинства, что соблюдалось строго въ XIII в. и признавалось въ принципѣ въ XIV.

Но въ Москвѣ въ XIV в. фактически по неимѣнію другихъ сыновей утверждается преемство *семейное* (отъ отца къ сыну); въ XV в. этотъ послѣдній порядокъ утверждается принципіально и потому вступаетъ въ борьбу съ началомъ родового преемства; послѣдняя и рѣшительная борьба дяди (Юрія Дмитріевича) кончилась побѣдою семейнаго начала. Семейное преемство могло бы привести снова государство къ полному уничтоженію, если бы оно получило тотъ видъ, какой свойственъ русскому частному праву наслѣдованія, т.-е. раздѣлу наслѣдства поровну между всѣми сыновьями и съ участіемъ дочерей и женъ. Въ государственномъ правѣ утверждается противоположный порядокъ—единонаслѣдія. Первоначально (въ концѣ XIV в., со времени Димитрія Донского) установляется лишь *преимущественное* право наслѣдованія старшаго сына (майоратъ); ему дается лишь большій удѣлъ „на старшій путь"; затѣмъ къ концу XV вѣка и въ 1-й половинѣ XVI в. ему одному вручается государственная власть, хотя и прочіе сыновья получаютъ удѣлы съ властію въ нихъ, зависимою отъ великаго князя (сыновья

Вас. Вас. Темнаго, кромѣ старшаго—Ивана III: Юрій, Андрей, Борисъ, Андрей меньшой; а равно и сыновья Ивана III: Юрій, Андрей, Семенъ—всѣ получили удѣлы). Наконецъ, во 2-й половинѣ XVI в. (при Грозномъ) окончательно утверждаются право первородства и единонаслѣдіе.

Наслѣдованіе по закону соединяется въ московскомъ государственномъ правѣ съ наслѣдованіемъ *по завѣщанію*; оба титула не исключаютъ другъ друга взаимно, а дѣйствуютъ въ совокупности и одновременно (какъ и въ частномъ правѣ): великій князь Андрей „благослови его (Михаила Ярославича) на свой столъ, ему же по старѣйшинству дошелъ бяше степень княженіа великаго". Въ XV в. завѣщательное начало беретъ нѣкоторый перевѣсъ предъ наслѣдованіемъ по закону; именно этотъ способъ преемства даетъ побѣду семейному наслѣдованію предъ родовымъ, принципу первородства и единонаслѣдія передъ удѣльнымъ: „государь нашъ князь великій Василей Дмитріевичь великое княженіе далъ своему сыну великому князю Василью", говорили Московскіе бояре въ доказательство правъ племянника предъ дядею. Въ началѣ XVI в. завѣщательное право вступило въ конкурренцію и съ принципомъ первородства: Іоаннъ III, когда умеръ его старшій сынъ Иванъ (при жизни отца), слѣдуя порядку первородства, „Божіимъ изволеніемъ пожаловалъ и благословилъ великимъ княжествомъ" внука своего Димитрія (сына упомянутаго сейчасъ Ивана) въ 1498 г. и даже вѣнчалъ его на царство; но затѣмъ (1502) „наложилъ на внука своего опалу... и не велѣлъ нарицати великимъ княземъ"; а „пожаловалъ сына своего (отъ Софьи) Василія, благословилъ и посадилъ на великое княженіе Володимерское и Московское и всея Русіи сомодержцемъ". Чистое примѣненіе завѣщательнаго права къ преемству ни разу не было осуществлено (ибо Ирина, которой завѣщалъ престолъ мужъ ея, царь Θеодоръ Іоанновичъ, отказалась отъ принятія власти).

Какъ при родовомъ наслѣдованіи, такъ и при первородствѣ *начало власти преемника* совпадало не съ моментомъ смерти предшественника, а со временемъ совершеннолѣтія наслѣдника; въ первомъ случаѣ ему назначался удѣлъ, во второмъ онъ призываемъ былъ къ соправительству.

Избраніе. Участіе народа въ передачѣ власти (существовавшее въ 1-мъ періодѣ рядомъ съ наслѣдованіемъ) не осуществлялось въ XIV и XV вв., когда унаслѣдованная власть укрѣплялась ханскимъ ярлыкомъ. Однако и тогда „посаженье на столъ" хотя и совершалось ханскимъ посломъ, но при участіи духовенства и множества людей, по древнему обряду. По освобожденіи отъ татаръ, непрерывное законное преемство отъ отца къ сыну, съ предварительнымъ участіемъ наслѣдника во власти, не оставляло мѣста проявленію избирательнаго начала. Лишь во время борьбы Вас. Темнаго съ дядею и двоюродными братьями (1425 и слѣдующіе годы) побѣда первому доставлена духовенствомъ, боярами и народомъ Москвы, которые не желали Юрія; когда побѣжденный и бѣжавшій великій князь явился въ Коломну, то „отовсюду начали стекаться къ нему князья, бояре, воеводы, слуги, откладываясь отъ Юрія, потому что не привыкли они служить Галицкимъ князьямъ". Съ конца XVI в. избирательное начало опять оживаетъ, и не въ качествѣ способа чрезвычайнаго, при пресѣченіи династіи, а въ видѣ способа постояннаго, какъ добавочный титулъ при наслѣдованіи. Въ 1584 г., предъ вступленіемъ Θеодора Іоанновича на престолъ, былъ созванъ земскій соборъ, который, по свидѣтельству Горсея, выбралъ его, а по нашимъ лѣтописямъ, „умолилъ его" быть государемъ. Въ 1598 г., по прекра-

щеніи династіи смертію Θеодора, Борисъ Годуновъ былъ избранъ сначала народомъ города Москвы (по предложенію патріарха), а потомъ земскимъ соборомъ. Сынъ и законный преемникъ Бориса—Θеодоръ былъ избранъ думою и народнымъ вѣчемъ („всенароднымъ множествомъ Россійскаго государства"). Проходя мимо узурпаціи царской власти Лжедимитріемъ 1-мъ (1605 г.), освященной будто бы всенароднымъ избраніемъ (судя по его окружной грамотѣ), знаемъ, что по убіеніи его (1606) г.) дума собрала народъ Москвы звономъ колокола на Красную площадь и съ лобнаго мѣста предложила избрать новаго царя, которымъ избранъ кн. Вас. Ив. Шуйскій. Каждый разъ при такомъ избраніи посредствомъ вѣча въ грамотахъ объявлялось, что новый царь избранъ „всякими людьми Московскаго государства". Но именно избраніе Шуйскаго не считалось вполнѣ правильнымъ, потому что онъ „сѣлъ не по выбору всей земли"; впослѣдствіи (1610 г.) провинціалы свергли его, однако опять при пособіи народнаго собранія на полѣ за Серпуховскими воротами, съ участіемъ думы и патріарха. Избраніе королевича Владислава состоялось въ думѣ и собраніи (подъ открытымъ небомъ) высшаго служилаго класса. Въ 1613 г. знаменитое избраніе родоначальника Дома Романовыхъ—Михаила—состоялось въ полномъ земскомъ соборѣ.—Сынъ и законный преемникъ Михаила—Алексѣй былъ избранъ (1645 г.) также на земскомъ соборѣ: „всякихъ чиновъ люди послѣ смерти прежняго царя на царство обрали сына его нынѣшняго царя" (Котош. I, 6). По смерти Алексѣя, дума разсуждаетъ, кому быть царемъ—старшему ли его сыну, больному Θеодору, или малолѣтнему Петру. Но по смерти Θеодора, дума сама не осмѣливается рѣшить вопросъ о преемствѣ и опредѣляетъ: „это должно быть рѣшено людьми всѣхъ чиновъ Московскаго государства"; въ дѣйствительности вопросъ рѣшенъ такъ: патріархъ оповѣстилъ съ крыльца народу собраніе на обычномъ мѣстѣ и, вышедши туда съ духовенствомъ и думою, спросилъ: кому изъ двухъ царевичей быть царемъ? Народъ отвѣчалъ: Петру Алексѣевичу. Призваніе къ соправительству Іоанна (1682 г.) въ оффиціальныхъ актахъ также приписано рѣшенію патріарха, духовенства, бояръ, дворянъ, гостей и чернослободцевъ. Избраніе каждый разъ укрѣпляется „утвердительною грамотою", т.-е. актомъ избранія за подписью избирателей.

Утвержденіе и религіозное освященіе власти. Активное выраженіе воли населенія въ дѣлѣ преемства престола не есть во всякомъ случаѣ основной способъ преемства; необходимая же форма участія населенія въ этомъ актѣ есть *крестное цѣлованіе* (присяга), которое, изъ обоюдной присяги князя и народа въ 1-мъ періодѣ, теперь (за исключеніемъ одного случая присяги царя Василія Шуйскаго) переходитъ въ присягу подданныхъ по предписанной формѣ—„подкрестной записи", неодинаковой для разныхъ классовъ—служилыхъ и тяглыхъ; для первыхъ излагались спеціальныя обязанности политическія (членовъ думы) и служебныя, для вторыхъ—общегражданскія. Форма присяги измѣнялась также по тому, наступало ли законное преемство или избраніе (иногда ненадежное и шаткое); въ послѣднемъ случаѣ подробнѣе перечислялись дѣянія, которыхъ могъ опасаться противъ себя новый государь (это особенно въ формѣ присяги Борису Годунову).

Религіозные обряды, несомнѣнно, совершались при вступленіи новаго князя уже съ древнихъ временъ; въ началѣ XIV в. въ обрядѣ посаженія на столъ участвуетъ митрополитъ; въ 1319 г. „пріиде благовѣрный князь Михайло (Ярославичъ Тверской) въ Русь (изъ Орды) и

посаженъ бысть на столѣ великаго княженія въ Володимери... митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси Максимомъ“ (Воскр. лѣт.); посаженье совершалось тогда въ церкви (сначала во Владимірѣ, потомъ въ Москвѣ— въ Успенскомъ соборѣ). Въ 1498 г. въ первый разъ появляется вѣнчаніе, совершенное Іоанномъ III надъ своимъ внукомъ Димитріемъ, т.-е. возложеніе „вѣнца“ (короны) и бармъ и (со времени Ѳеодора Іоанновича) врученіе скипетра; при Вас. Ив. Шуйскомъ введена новая регалія— держава; при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ—облеченіе въ порфиру и произнесеніе исповѣданія вѣры. Въ церковномъ отношеніи важнѣйшимъ актомъ было возложеніе бармъ (передъ которымъ совершалось „рукоположеніе“, какъ и при посвященіи въ церковный санъ), въ государственномъ — возложеніе вѣнца. Въ XVII в. къ вѣнчанію присоединилось мѵропомазаніе. Обрядъ вѣнчанія совершается непремѣнно митрополитомъ или патріархомъ: онъ можетъ быть совершенъ и соборомъ іерарховъ и никогда не возбуждалъ у насъ мысли о зависимости свѣтской власти отъ духовной.

Права власти великаго князя и царя. Власть великаго князя и царя именуется въ этомъ періодѣ (XVI—XVII вв.) самодержавіемъ, чѣмъ обозначается не только единоличность ея, но и неограниченная полнота правъ. Эта черта власти коренится въ древнемъ стремленіи русскаго народа къ „одиначеству“ съ властію, т.-е. въ предположеніи тождества воли верховной съ интересами населенія; въ 1-мъ періодѣ лишь Новгородское государственное устройство перешло къ законодательнымъ ограниченіямъ княжеской власти. Въ Московскомъ государствѣ, съ установленіемъ единодержавія, параллельно и постепенно устанавливается и самодержавіе, замѣтнымъ образомъ со времени Димитрія Донского, при значительномъ участіи политическихъ ученій духовныхъ писателей (Іосифъ Волоцкій, Вассіанъ). Оно слагается фактически при Іоаннѣ III и его сынѣ Василіи (о которомъ Герберштейнъ пишетъ: „онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными людьми и свободно распоряжается жизнію и имуществомъ всѣхъ“), а теоретически при Іоаннѣ IV, который писалъ: „Россійское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи. Какоже и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ“. „Имѣю нужду въ милости Божіей... наставленія человѣческаго не требую“ (изъ писемъ Грознаго къ кн. Курбскому). Но и тогда самодержавной власти приходилось еще выдерживать борьбу съ остатками старинныхъ притязаній бояръ и удѣльныхъ князей, чѣмъ особенно ознаменовалось царствованіе Іоанна IV [1]) (который рѣшился выдѣлить себя изъ „Земли“ въ опричнину), сына его Ѳеодора, Бориса Годунова (который при вѣнчаніи далъ клятву, удивившую народъ, объ уничтоженіи смертной казни), Василія Шуйскаго (который далъ при воцареніи „запись“, ограничивавшую его право по отношенію къ жизни и имуществу подданныхъ) и смутное время вообще (см. договоръ, продиктованный боярами при избраніи Владислава). Нормальный порядокъ, свойственный Московскому государству, установился при царствованіи Дома Романовыхъ, когда самодержавная власть указала извѣстную долю участія во власти боярской думѣ и земскимъ соборамъ, какъ необходимую помощь въ дѣлахъ правленія для нея самой.—Впрочемъ, существо самодержавной власти не выражено было въ законѣ до самаго конца существованія Московскаго государства. На осно-

---

[1]) См. ст. С. В. Вознесенскаго о Грозномъ въ первомъ отдѣлѣ II т. „Хрестоматіи“. *Ред.*

ваніи фактовъ и отдѣльныхъ узаконеній извлекаются слѣдующія черты правъ царской власти въ отдѣльности.

А. *По отношенію къ церкви* (теократическій характеръ государства).—Исторію отношеній церкви къ государству въ Московскій періодъ можно разсматривать по 3-мъ эпохамъ: въ XIV в. церковь и государство находятся въ равновѣсіи; церковь помогаетъ образованію государства. Съ половины XV в. и въ XVI в. государство беретъ перевѣсъ надъ церковью. Такъ какъ русская православная церковь (со времени отдѣленія Кіевской митрополіи) совпадала съ границами государства, то всѣ высшіе чины церкви были подданными великаго князя и царя. Тѣсная связь церкви съ государствомъ усилилась особенно съ того времени, когда русскіе митрополиты посвящались уже не въ Царьградѣ, а въ Москвѣ изъ русскихъ людей. Но съ установленіемъ патріаршества въ Россіи (1589 г.) наступаетъ 3-я эпоха: значеніе церкви начинаетъ не только уравновѣшиваться съ значеніемъ государства, но нѣкоторые патріархи, стремясь къ независимости въ дѣлахъ церкви, считаютъ себя равными по власти съ царями и титулуются „великими государями" (Филаретъ—при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Никонъ—при Алексѣѣ Михайловичѣ); тогда обнаруживается обратное вліяніе церкви на дѣла государственныя. Со времени паденія Никона равновѣсіе опять возстановляется [1]).

Беря средніе выводы изъ этихъ эпохъ, можемъ установить, что великому князю и царю принадлежало право участія въ выборѣ и низложеніи высшаго представителя церкви (митрополита и патріарха) и мѣстныхъ епископовъ. Когда центръ церковнаго управленія послѣдовалъ за установляющимся центромъ государства (митр. Петръ съ 1305 г. б. ч. времени жилъ уже въ Москвѣ, при Калитѣ), старинное право рекомендаціи кандидата на митрополичій престолъ, принадлежавшее Кіевскому князю, перешло къ великому князю Московскому.

Флорентійская унія ослабила прежнюю тѣсную связь русской церкви съ Византіею: въ Москвѣ рѣшились поставить митрополита (Іону) соборомъ собственныхъ епископовъ; тогда церковь становится въ ближайшую связь съ государствомъ; великій князь (Василій Васильевичъ) выразилъ уже слѣдующее общее начало: „старина наша, которая ведется со временъ прародителя нашего Владиміра, крестившаго русскую землю, состоитъ въ томъ, что выборъ митрополита принадлежитъ всегда нашимъ прародителямъ, великимъ князьямъ русскимъ, а теперь принадлежитъ намъ...; кто будетъ намъ любъ, тотъ и будетъ у насъ на всей Руси".

Въ правленіе великаго князя Василія Іоанновича наступаетъ порядокъ, описанный Герберштейномъ: „нынѣшній государь обыкновенно призываетъ извѣстныхъ ему (кандидатовъ) и самъ изъ числа ихъ избираетъ одного по своему усмотрѣнію".

При введеніи патріаршества порядокъ выбора патріарха установился такой: царь избираетъ нѣсколько кандидатовъ и тайно запечатываетъ въ воскъ имена ихъ и пересылаетъ церковному собору для избранія (по жребію); избирающіе іерархи не знаютъ имени избраннаго ими (вынутый восковой жребій для вскрытія и объявленія имени отсылается къ царю).—Впрочемъ, фактически и выборъ патріарха также большею

[1]) См. ст. проф. Сергѣевича о Никонѣ въ пятомъ отдѣлѣ II т. „Хрестоматіи". *Ред.*

частью зависѣлъ рѣшительно отъ воли царя (избраніе Филарета и Никона).

Великому князю и царю принадлежитъ далѣе право иниціативы церковнаго законодательства и участія въ самомъ обсужденіи законовъ; примѣромъ можетъ служить дѣятельность Грознаго на Стоглавомъ соборѣ 1551 г.—Въ среднюю эпоху государи вступаютъ непосредственно въ рѣшеніе обрядовыхъ и догматическихъ вопросовъ—таковы дѣйствія правительства относительно ереси жидовствующихъ. По ученію Грознаго, главная задача государственной власти есть религіозное воспитаніе подданныхъ: „тщуся съ усердіемъ людей на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ единаго истиннаго Бога, и отъ Бога даннаго имъ государя", т.-е. власть государственная имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и духовныя цѣли.

Б. *По отношенію къ территоріи* (вотчинный характеръ государства). Власть великаго князя именуется вотчинною (терминъ, введенный въ науку К. Д. Кавелинымъ). Происхожденіе вотчиннаго начала объясняется различно: С. М. Соловьевъ выводилъ его изъ наслѣдственности удѣловъ послѣ Андрея Боголюбскаго; К. Д. Кавелинъ—изъ прежней коллективной власти цѣлаго княжескаго рода надъ всею русскою землею; Н. И. Костомаровъ—изъ татарскаго государственнаго права, говоря: „верховный владыка, завоеватель Руси, ханъ, называемый правильно русскими царемъ, роздалъ князьямъ земли въ вотчины". Мы знаемъ уже, что явленіе это естественно объясняется изъ смѣшенія государственныхъ и частныхъ началъ, свойственнаго древнимъ временамъ исторіи всякаго народа.—Изъ этого не слѣдуетъ, что сущность вотчиннаго начала состоитъ (такъ думаетъ Б. Н. Чичеринъ) въ замѣнѣ государственнаго права частнымъ.

Сущность вотчиннаго начала состоитъ въ распоряженіи путемъ частныхъ сдѣлокъ государственными правами.—Отсюда, изъ вотчиннаго начала нельзя выводить право государей Московскихъ на имущество ихъ подданныхъ.

Время особеннаго господства вотчиннаго начала относится къ XIII—XIV вв., т.-е. не совпадаетъ съ полнымъ развитіемъ неограниченной великокняжеской и царской власти (XV, XVI, XVII вв.), что указываетъ на различіе основаній этихъ двухъ явленій. Болѣе характерные изъ этихъ актовъ суть духовныя грамоты князей; въ нихъ князья отказываютъ части территоріи сыновьямъ, вдовымъ княгинямъ, матерямъ и дочерямъ (Семенъ Ив. Гордый отказалъ все свое княжество женѣ своей Маріи); въ завѣщательныя распоряженія о государственной территоріи включаются и выдѣлы частныхъ имуществъ—недвижимыхъ и движимыхъ (в. кн. Ив. Дан. Калита завѣщаетъ старшему сыну 18 волостей, 9 селъ, 4 золотыхъ цѣпи, 3 золотыхъ пояса, 2 золотыхъ чаши и т. д.). Но вотчинныя права на территорію отличаются отъ правъ на частныя имущества (въ самихъ духовныхъ грамотахъ того времени) какъ объектомъ этихъ правъ, такъ и сущностью ихъ. Въ первомъ отношеніи „села" (частныя имущества князей) отдѣляются отъ „волостей". Владѣніе волостями означало государственное управленіе ими и судъ въ нихъ, вознаграждаемые доходами отъ того и другого (а не хозяйственное пользованіе ими); отсюда государственныя пошлины именуются волостями: князья распоряжаются „тамгою и иными волостями, а также и мыты".

В. *По отношенію къ населенію* власть великаго князя и царя имѣетъ патріархальный характеръ, т.-е. истекаетъ изъ древнихъ основаній власти

домовладыки и отца; общее наименованіе подданныхъ по отношенію къ государю (кромѣ служилыхъ, именуемыхъ холопами) есть „сирота". Отсюда распоряженія свободою, здоровьемъ, жизнью и имуществомъ подданныхъ дѣлаются не ради личныхъ интересовъ государя, а общественныхъ (за преступленія), при чемъ, однако, преступленія и наказанія измѣрялись большею частью личнымъ усмотрѣніемъ государя („что государь укажетъ"). Государю принадлежало право устраивать брачную судьбу своихъ подданныхъ (относительно бояръ — непосредственно; относительно прочаго населенія — эта власть передана намѣстникамъ). Къ концу Московскаго государства власть замѣтно измѣняетъ свои основанія, принимая болѣе и болѣе полицейскій характеръ.

Г. *По отношенію къ самой власти.* Царь иногда отрекается отъ власти, поручаетъ ее временно или постоянно другому лицу, раздѣляетъ власть. Іоаннъ IV раздѣлилъ власть на земскую и опричную, назначилъ русскимъ царемъ татарскаго царя Симеона Бекбулатовича (а себѣ оставилъ титулъ Ивана Московского), при чемъ всѣ государственные акты, дѣйствительно, исходили отъ имени царя Симеона; отнявъ потомъ власть у этого послѣдняго, онъ сдѣлалъ его великимъ княземъ Тверскимъ. Впрочемъ, такія дѣйствія совершаемы были только Іоанномъ IV въ эпоху болѣзненнаго напряженія его борьбы за неограниченную власть: изъ сущности же теократическаго и патріархальнаго началъ не вытекаетъ такихъ правъ; власть есть обязанность, возлагаемая Богомъ на ея носителя; онъ не можетъ уклониться отъ ея тяготы, какъ бы неподсильна она не казалась. Въ смыслѣ обязанности власть понята сѣверо-русскими князьями весьма рано. Когда въ 1319 г. бояре убѣждали великаго князя Михаила Ярославича не ѣздить въ Орду изъ самосохраненія, то онъ отвѣчалъ: „аще азъ гдѣ уклонюся, то вотчина моя вся въ полону будетъ, множество христіанъ избіени будутъ; аще ли послѣ того умрети же ми есть, то лучши ми есть нынѣ положити душу мою за многія души". Онъ, дѣйствительно, сдѣлался мученикомъ государственныхъ обязанностей власти. Объ этихъ обязанностяхъ напоминала церковная власть во время вѣнчанія царя и въ отдѣльныхъ случаяхъ; когда, напр., Іоаннъ III хотѣлъ бѣжать предъ Крымскимъ царемъ—Ахматомъ, то архіепископъ Вассіанъ назвалъ его въ посланіи „бѣгуномъ и предателемъ христіанства".

XCVII. Характеръ правительственной дѣятельности Боярской думы.

(*Изъ соч. Ключевскаго: «Боярская дума древней Руси»*).

Боярская дума древней Руси была учрежденіемъ, привыкшимъ дѣйствовать только при государѣ и съ нимъ вмѣстѣ. Дѣйствительно, давній обычай неразрывно связалъ обѣ эти политическія силы, и онѣ не умѣли дѣйствовать другъ безъ друга, срослись одна съ другой, какъ части одного органическаго цѣлаго. Эпохи, когда они разрывались, когда Боярская дума оставалась одна безъ государя, какъ въ Смутное время, или когда государь отдѣлялся отъ Думы, какъ во времена опричнины Грознаго, такія эпохи были ненормальными кризисами, болѣзненными состояніями государства. Точно также и древне-русское общество не

привыкло отдѣлять эти силы одну отъ другой, видѣло въ нихъ нераздѣльные элементы единой верховной власти: законъ являлся передъ управляемыми въ видѣ государева указа и боярскаго приговора, и какъ въ боярскомъ приговорѣ они видѣли государевъ указъ, такъ и за государевымъ указомъ предполагался боярскій приговоръ. Вотъ почему собственно нельзя говорить о правительственномъ вѣдомствѣ Боярской думы, какъ о чемъ-то очень опредѣленномъ, о ея политическомъ авторитетѣ, какъ о чемъ-то отличномъ отъ государевой власти. Пространство дѣятельности Думы совпадало съ предѣлами государевой верховной власти, потому что послѣдня дѣйствовала вмѣстѣ съ первой и черезъ первую. Изъ этого общаго основанія развились всѣ существенныя свойства правительственной дѣятельности древнерусской Боярской думы.

Непосредственная дѣятельность верховной власти въ древней Руси опредѣлялась не суммой политическихъ прерогативъ этой власти, а количествомъ наличныхъ правительственныхъ потребностей. Носители верховной власти не любили спрашивать себя о томъ, на что они имѣютъ право и на что не имѣютъ его. Они считали себя призванными тамъ, гдѣ переставали дѣйствовать другіе, дѣлать то, чего не могли сдѣлать подчиненныя имъ орудія управленія. Но эти орудія руководились въ своей дѣятельности заведеннымъ порядкомъ, должны были дѣлать только то, на что указывали имъ прямой законъ или признанный обычай. Гдѣ кончались этотъ законъ и этотъ обычай, тамъ начиналась дѣятельность высшаго правительства. Этимъ общимъ правиломъ древнерусской администраціи опредѣлялась и сфера дѣятельности Боярской думы. Она указывала исполнительнымъ органамъ управленія, какъ надобно дѣлать то, чего они не могли сдѣлать безъ указаній сверху, т.-е. на что не давали имъ указаній дѣйствующій законъ и признанный обычай. Черезъ Думу проходило множество дѣлъ, которыя мы назвали бы судебными или административными. Однако, мы неточно опредѣлили бы ея характеръ, если бы приписали ей судебныя и административныя функціи. Если подъ судебнымъ или административнымъ мѣстомъ разумѣть учрежденіе, дѣйствующее на основаніи готоваго закона, то Бояская дума не была такимъ учрежденіемъ. Она разбирала извѣстное судебное или административное дѣло не на основаніи готоваго, прямаго и яснаго закона; это дѣло и не поступило бы въ Думу, если бы существовалъ прямой и ясный законъ, на основаніи котораго можно было бы разрѣшить его. Дума разрѣшала такое дѣло, чтобы показать, какъ надобно впредь рѣшать подобныя дѣла; ея судебный или административный приговоръ становился прецедентомъ, получалъ силу закона. Значитъ, Дума законодательствовала, а не судила и не вела дѣлъ текущей администраціи; точнѣе говоря, она законодательствовала и тогда, когда судила и рѣшала дѣла текущей администраціи. Этимъ объясняются нѣкоторыя особенности въ дѣятельности Думы, которыя съ перваго взгляда кажутся странными. Однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ дѣятельности законодательныхъ учрежденій обыкновенно служатъ вопросы государственнаго хозяйства, дѣла финансовыя. Но эти дѣла всегда составляли сравнительно мало замѣтный элементъ въ вѣдомствѣ Московской Боярской думы, сколько можно судить о томъ по сохранившимся памятникамъ ея законодательныхъ трудовъ. Напротивъ, эти памятники переполнены дѣлами по службѣ и служилому землевладѣнію, иногда удивительно мелкими на нашъ взглядъ. Это потому, что теченіе государственнаго хозяйства рано вошло въ твердо установившееся русло и могло быть въ большей степени отдано въ руки исполнительныхъ

органовъ управленія, чѣмъ дѣла служилыя и поземельныя, требовавшія постояннаго надзора и заботливаго руководства со стороны законодателя.

Итакъ, Боярская дума была собственно и даже исключительно законодательнымъ учрежденіемъ. Вотъ почему при изученіи ея правительственной дѣятельности не совсѣмъ удобно прилагать къ ней обычное дѣленіе на функціи законодательныя, судебныя и административныя. Такое дѣленіе внесло бы въ эту дѣятельность распорядокъ, какого не знала или не признавала сама Дума. Это не значитъ, что думные люди тѣхъ вѣковъ не умѣли отличать дѣла законодательныя отъ судебныхъ или административныхъ. Но правительственная практика Думы основана была не на различіи дѣлъ по существу, а на различіи процессовъ, какими разрѣшались дѣла, восходившія въ Думу. Потому однородныя дѣла рѣшались иногда различными процессами, и наоборотъ—различныя по характеру дѣла шли одинаковымъ путемъ. Въ процессѣ думскаго дѣлопроизводства надобно различать порядокъ возбужденія дѣла и порядокъ его „вершенія". Дѣло возбуждалось въ Думѣ троякимъ путемъ: 1) государевымъ указомъ, 2) приказнымъ докладомъ и 3) частнымъ челобитьемъ. Дѣло вершилось: 1) думской комиссіей, 2) общимъ собраніемъ Думы безъ участія государя, 3) общимъ собраніемъ подъ предсѣдательствомъ государя и 4) соборомъ, т.-е. Думой съ высшимъ духовенствомъ.

Думные люди, какъ государственные совѣтники, а не какъ начальники приказовъ, сами очень рѣдко возбуждали въ Думѣ вопросы, подлежавшіе ея обсужденію. Это возбужденіе обыкновенно шло сверху или снизу, а не изъ среды самого совѣта: что не могло быть доложено изъ какого приказа, что не входило въ текущее приказное дѣлопроизводство, то вносилъ въ Думу самъ государь. Ему принадлежалъ починъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ внѣшней политики и внутренняго государственнаго строенія. Такія дѣла разумѣли московскіе бояре царя Василія Шуйскаго, когда въ 1608 г. писали гетману втораго Лжедимитія Рожинскому, что въ Московскомъ государствѣ во всякихъ дѣлахъ безъ царскаго „повелѣнія и начинанія ссылаться и дѣлать не привыкли". Царь или самъ лично предлагалъ вопросъ на обсужденіе боярамъ, или только указывалъ имъ „сидѣть" объ извѣстномъ дѣлѣ, ставилъ его на очередь, но самъ не присутствовалъ при его обсужденіи. Такъ, въ 1573 г., во время войны съ Швеціей, когда воеводы вернулись изъ неудачнаго похода въ Новгородъ, гдѣ находился царь, послѣдній велѣлъ боярамъ „о свейскомъ дѣлѣ поговорити, какъ съ свейскимъ королемъ впередъ быти"; первосовѣтникъ кн. Воротынскій съ боярами приговорили вступить съ шведскимъ королемъ въ переговоры, пріостановивъ военныя дѣйствія. Вскорѣ по завоеваніи Казани царь, уѣзжая къ Троицѣ, поставилъ Думѣ на очередь два вопроса, велѣлъ „безъ себя" сидѣть объ устройствѣ новозавоеваннаго царства и о кормленіяхъ, т.-е. о преобразованіи областнаго управленія. Возбуждая дѣло въ Думѣ лично, царь предлагалъ совѣтникамъ, чтобы они, „помысля о томъ крѣпко и единодушно согласясь, государю объявили, на какихъ мѣрахъ тому дѣлу быть". Въ особо важныхъ случаяхъ царь вносилъ въ Думу заранѣе заготовленныя письменныя предложенія. На Стоглавый соборъ 1551 г. царь Иванъ смотрѣлъ, какъ на государственную Боярскую думу съ участіемъ духовенства, а не какъ на сословное собраніе представителей духовенства только по дѣламъ церкви, и въ посланіи своемъ къ этому собранію обращался не только къ святителямъ, архимандритамъ и „всему священному собору", но и

къ „братіи своей, любимымъ своимъ князьямъ, боярамъ и воинамъ“. Потому кромѣ 37 вопросовъ, касавшихся собственно „церковнаго строенія“, онъ внесъ на Соборъ еще болѣе 10 предложеній, которыя касались государственнаго устройства,—того, что царь отъ лица государственнаго правительства называлъ „нашими нуждами и земскими нестроеніями“. Здѣсь царь говорилъ о мѣстничествѣ, о помѣстьяхъ и вотчинахъ, о мытахъ и корчмахъ, объ общей поземельной описи всего государства,—все о предметахъ, возбуждавшихъ самое заботливое вниманіе московской законодательной власти въ XVI в. Предложенія эти—или простые вопросы, обращенные къ Собору, или цѣлые развитые законопроекты. Они, какъ видно по ихъ изложенію, были написаны или продиктованы самимъ 21-лѣтнимъ царемъ; ихъ долженъ былъ прочитать дьякъ въ присутствіи царя, святителей и бояръ, которыхъ царь приглашалъ вмѣстѣ съ нимъ о томъ „посовѣтовать вкупѣ, приговорить и уложить“. Сохранилась единственная въ своемъ родѣ записочка царя Алексѣя Михайловича, „о какихъ дѣлахъ говорить боярамъ“. По намекамъ царя видно, что она написана въ 1657 году: упомянутый здѣсь кн. Василій — это астраханскій воевода бояринъ Ромодановскій, устроившій тогда договоръ съ калмыками. Отъ этого маленькаго документа вѣетъ тою свѣжестью и добротой, какой проникнуто все, написанное или продиктованное этимъ умнымъ и добрѣйшимъ царемъ. Читая записку, живо чувствуешь, какія отношенія существовали между этимъ царемъ и его совѣтниками, какіе вопросы обсуждались въ Думѣ и даже какъ обсуждались. Это краткій конспектъ, показывающій, какъ царь *готовился* къ засѣданіямъ Думы. Онъ не только записалъ, какіе вопросы предложить на обсужденіе бояръ, но и намѣтилъ, что самому говорить о томъ или другомъ изъ нихъ, какъ рѣшить его. Кой о чемъ онъ навелъ справки, записалъ цифры, сколько людей въ томъ или другомъ полку. О другомъ надобно будетъ навести справки въ подлежащемъ приказѣ: тамъ это знаютъ, выпишутъ въ докладъ, и по этому докладу, поговоривъ съ боярами, можно будетъ рѣшить дѣло. Объ иныхъ предметахъ царь не имѣетъ никакого мнѣнія и не знаетъ, какъ рѣшатъ бояре; о другихъ онъ имѣетъ нерѣшительное мнѣніе, отъ котораго откажется, если станутъ возражать. Онъ даже старается угадать эти возраженія и приготовить отвѣтъ на нихъ. Шведское посольство, задержанное въ Москвѣ, просило позволить ему послать въ Швецію гонца за новыми инструкціями: „сидѣть-де надокучило“. Царь думаетъ, что и позволить „не будетъ худа“. Но вѣдь гонецъ передастъ дома московскія вѣсти? — Ну такъ что же? „они давно все вѣдаютъ и кромѣ сего гонца“. По другимъ вопросамъ царь составилъ твердое мнѣніе, за которое онъ будетъ упорно бороться въ Совѣтѣ, если встрѣтитъ сопротивленіе: это вопросы не административной техники или дипломатической осторожности, а простой справедливости и служебной добросовѣстности. Астраханскій воевода въ чемъ-то провинился, по слухамъ даже уступилъ калмыкамъ православныхъ плѣнниковъ, захваченныхъ ими. Царь рѣшилъ назначить ревизора—„сыщика“, а къ воеводѣ послать наказъ, какъ ему жить, отнявъ у него честь (чинъ), да написать ему „съ грозою и милостью, чтобы онъ къ намъ, великому государю, вину свою покрылъ службою“, казнѣ сдѣлалъ бы прибыль свыше прежняго и тѣмъ возвратилъ бы себѣ отнятую честь, а смѣнять его незачѣмъ, „убыточно и Астрахани къ изводу (разорительно)“. Если же правда, что слышно о плѣнникахъ, „за то довелась ему казнь смертная, а то самое легкое, что отсѣчь руку и сослать въ Сибирь“, конфисковавъ помѣстья и вот-

чины. Составляя свой конспектъ, царь уже воображалъ себя говорящимъ въ палатѣ: за плѣнниковъ, пишетъ онъ далѣе, „учинить казнь, какую *приговорите* по сему наказу".

Всего чаще дѣла возбуждались въ Думѣ такъ называющимися *судейскими докладами* или *докладными выписками*, восходившими изъ приказовъ. Эти доклады были двухъ родовъ, казуальные и кодификаціонные. Приказъ выписывалъ о какомъ-нибудь дѣлѣ либо по справкѣ со стороны царя или Думы, либо по собственному побужденію, когда не могъ самъ рѣшить дѣла. Послѣднее бывало въ случаѣ неполноты, неясности или разногласія законовъ. Въ докладной выпискѣ излагалась сущность дѣла, приводились относящіяся къ нему статьи закона и ставился вопросъ, выведенный приказомъ изъ примѣненія этихъ статей къ данному дѣлу. Вопросъ заключалъ въ себѣ случай или отношеніе, котораго не предусмотрѣлъ законъ, и выражался въ обычной формулѣ: „и великій государь о томъ что уложитъ" или „что укажетъ"? Къ такимъ докладнымъ выписямъ можно отнести и обязательные доклады о дѣлахъ, рѣшеніе которыхъ по особому закону принадлежало исключительно государю съ Думой.

Въ докладныхъ выпискахъ кодификаціоннаго характера обобщались частные однородные случаи, возбуждавшіе недоумѣніе приказа или превышавшіе его компетенцію, и это обобщеніе выражалось въ формѣ мотивированнаго вопроса. Судья приказа либо устно излагалъ въ Думѣ этотъ вопросъ, „говоря о томъ съ бояры", либо вмѣстѣ со своими дьяками вносилъ о томъ письменный докладъ. Иногда приказъ представлялъ Думѣ цѣлый рядъ такихъ вопросовъ или „статей" объ извѣстномъ предметѣ. Часто, если не всегда, это дѣлалось по особому порученію государя и Думы. Такой докладъ носилъ спеціальное названіе *статейнаго списка*.

По извѣстнымъ намъ статейнымъ спискамъ нельзя рѣшить, всегда ли дѣла докладывались сперва однимъ боярамъ, а потомъ государю съ боярами; но въ нѣкоторыхъ спискахъ можно замѣтить слѣды вторичнаго доклада. Кромѣ отвѣтовъ, подъ каждой вопросной статьей съ обычной формулой: „государь указалъ и бояре приговорили" или „бояре, сей статьи слушавъ, приговорили", на статейныхъ спискахъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ и другихъ важныхъ предметахъ встрѣчаемъ во главѣ статей еще общую помѣту, которая гласитъ, что государь указалъ и бояре приговорили „симъ статьямъ быть такъ, какъ въ сей докладной выпискѣ написано подъ статьями". Въ иныхъ докладныхъ спискахъ отвѣты подъ статьями представляютъ не краткія помѣты, а развитыя законоположенія со слѣдами тщательной редакціонной обработки, какую они едва ли могли получить въ ту минуту, когда думный дьякъ помѣчалъ приговоры боярскаго совѣта. Притомъ здѣсь не повторяется предъ каждой отвѣтной статьей обычная законодательная формула, а только во главѣ списка отмѣчено просто: „бояре, слушавъ статей, приговорили быть такъ, какъ въ сей докладной выпискѣ написано". Можно думать, что вопросный списокъ съ помѣченными на немъ отвѣтами Думы переписывался въ доложившемъ его Приказѣ, причемъ помѣты, положенныя на немъ при первомъ докладѣ, обрабатывались, получали надлежащую редакцію и въ таковомъ отдѣланномъ видѣ вторично докладывались Думѣ, которая давала имъ окончательное утвержденіе. Впрочемъ, въ актахъ есть и болѣе прямыя указанія на то, что приговоры бояръ обрабатывались въ приказахъ. Эти приговоры по частнымъ дѣламъ представляютъ обыкновенно

развитыя, мотивированныя резолюціи съ изложеніемъ сущности дѣла и основаній его рѣшенія. Но встрѣчаются и краткіе необработанные приговоры, въ которыхъ основанія едва намѣчены, но которые заканчиваются словами: „написать въ боярскій приговоръ изъ дѣла подлинно". Это значило, по нашему мнѣнію, развить боярскій приговоръ, указавъ главныя обстоятельства дѣла и основанія его рѣшенія. Законопроектовъ въ собственномъ смыслѣ безъ предварительнаго доклада вопросныхъ статей и безъ думскихъ помѣтъ подъ ними приказы, повидимому, не составляли.

Кромѣ государева почина и приказнаго доклада, дѣла возбуждались въ Думѣ еще частными ходатайствами на государево имя, шедшими отъ отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ обществъ. Самый докладъ изъ Приказа иногда вызывался такой частной просьбой. Указъ 1694 г., пересчитывая дѣла, какія докладываются боярамъ въ Думѣ, говоритъ объ апелляціяхъ на рѣшенія приказовъ и о всякихъ челобитныхъ, въ которыхъ о чемъ-либо бьютъ челомъ государямъ. Обычнымъ средствомъ возбужденія въ Думѣ вопроса по частному дѣлу была *подписная челобитная*. Ее смѣшиваютъ иногда съ *заручной* челобитной, подававшейся „за руками" челобитчиковъ и ихъ сторонниковъ, т. е. ими подписанной. Но заручная могла быть подписной, могла и не быть. Подписная шла мимо низшихъ инстанцій прямо „на верхъ". Когда царь выѣзжалъ изъ столицы или въ праздники выходилъ изъ дворца въ церковь, всякіе люди могли подавать ему челобитныя. Существовало особое учрежденіе, Челобитный приказъ, начальникъ котораго съ дьякомъ принималъ эти челобитныя и по нимъ расправу чинилъ, а которыхъ не могъ рѣшить, тѣ „взносилъ" къ государю. По указу 1694 г., когда уже не было этого Приказа, люди высшихъ чиновъ приносили челобитныя въ Золотую палату дворца, а другіе дожидались на площади у Краснаго крыльца, пока у нихъ примутъ просьбы. Думные дьяки взносили эти челобитныя „въ верхъ", гдѣ ихъ слушали, по Котошихину, самъ царь и бояре. Если челобитная не получала „отказа", не оставлялась безъ послѣдствій, то государь и бояре направляли ее въ тотъ или другой Приказъ, гдѣ ее разсматривали и составляли по ней докладную выписку, которую вносили въ Думу. Что государь съ боярами указывалъ сдѣлать по челобитной, то на ней помѣчалъ или *подписывалъ* какой-либо думный дьякъ: отсюда и названіе подписной челобитной. Пока Челобитный приказъ не былъ въ 1685 г. слитъ съ Суднымъ Владимірскимъ, такія челобитныя съ „подписями" прочитывались его подьячими на площади передъ царскимъ дворомъ „всѣмъ людямъ" и отдавались челобитчикамъ, или вручались имъ въ самомъ Приказѣ, а тѣ, смотря по подписи, несли свои просьбы въ тотъ Приказъ, гдѣ велѣно было разсмотрѣть ихъ дѣла. Подписная челобитная подписывалась думнымъ дьякомъ по докладу; подписная по распоряженію судьи какого-либо Приказа безъ доклада, „самовольствомъ", считалась незаконной. Впрочемъ, прошенія по дѣламъ, о которыхъ существовалъ прямой и ясный законъ, кажется, предоставлено было подписывать думнымъ дьякамъ и безъ доклада; въ противномъ случаѣ Приказъ, куда поступила челобитная къ исполненію, обязанъ былъ доложить ее государю. Въ иныхъ дѣлахъ подписная была обязательна: такъ, по указу 1666 г. запрещено было высшему купечеству, гостямъ, покупать и брать въ закладъ вотчины безъ подписныхъ челобитныхъ. Это значило другими словами, что гости не могли пріобрѣтать вотчины безъ доклада государю; подписная челобитная была для чело-

битчиковъ справкой о позволенiи совершить тотъ или другой актъ. Подносныя челобитныя имѣли очень важное значенiе въ развитiи московскаго законодательства: это была наиболѣе обычная, такъ сказать, ежедневная форма участiя общества въ устроенiи общественнаго порядка. Въ памятникахъ XVII в. находимъ многочисленные слѣды коллективныхъ челобитныхъ, поданныхъ служилыми людьми московскихъ чиновъ, дворянами разныхъ уѣздовъ и другими классами съ заявленiемъ своихъ мѣстныхъ или сословныхъ нуждъ, съ указанiемъ на какой-либо пробѣлъ въ законодательствѣ. Эти челобитныя подавались обычнымъ порядкомъ, какъ и другiя частныя просьбы, проходившiя черезъ Челобитный приказъ, докладывались и подписывались думными дьяками, вызывали „выписи" и доклады изъ Приказовъ, обсуждались въ Думѣ и такимъ образомъ подавали поводъ къ очень важнымъ узаконенiямъ. Довольно сказать, что статьи уложенiя, зачислившiя въ городское тягло городскiя и подгородныя слободы частныхъ привилегированныхъ владѣльцевъ и при этомъ уничтожившiя льготное состоянiе „закладчиковъ", были внушены просьбами выборныхъ людей Земскаго собора 1648—1649 г., доложенными и помѣченными думнымъ дьякомъ, какъ докладывались и помѣчались всѣ частныя челобитныя, поданныя самому государю: о чемъ безуспѣшно хлопоталъ царь Иванъ Грозный въ своихъ предложенiяхъ собору 1551 г., то, спустя столѣтiе, проведено было снизу скромной подписной челобитной земскихъ людей. Такъ подписная челобитная получила значенiе народной петицiи, земскаго адреса на Высочайшее имя о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ.

Дѣло, возбужденное въ Думѣ предложенiемъ царя, приказнымъ докладомъ, либо подписной челобитной, рѣшалось также не одинаковымъ порядкомъ. Не имѣя наклонности распадаться на постоянныя спецiальныя отдѣленiя, департаменты, Дума любила поручать экстренныя или спецiальныя дѣла временнымъ комиссiямъ, составляя ихъ изъ своихъ же членовъ. Эти комиссiи были довольно разнообразны: *отвѣтныя* для переговоровъ съ иноземными послами, *судныя* по мѣстническимъ, поземельнымъ и другимъ тяжбамъ, *расправныя* по дѣламъ текущаго управленiя на время отъѣзда царя изъ Москвы, превратившiяся потомъ въ постоянную Расправную палату; наконецъ, въ XVII в. были комиссiи *уложенныя*, которымъ поручалось составленiе проекта уложенiя. Эти комиссiи состояли изъ двухъ, трехъ или болѣе членовъ Думы, къ которымъ иногда присоединяли и недумныхъ людей, обыкновенно дьяковъ. Проектъ уложенiя 1649 г. составленъ былъ двумя боярами, окольничимъ и двумя дьяками. Комиссiя, которой поручено было въ 1700 г. составить проектъ новаго уложенiя, состояла изъ 12 членовъ Думы, 28 стольниковъ, 2 дворянъ и 6 простыхъ дьяковъ: это былъ скромный первообразъ, неясный силуэтъ, пышной екатерининской „комиссiи о сочиненiи проекта новаго уложенiя", родоначальника которой едва-ли можно видѣть въ старомъ Земскомъ соборѣ, никогда не созывавшемся для составленiя проектовъ.

Дѣла, поручавшiяся комиссiямъ Думы, или рѣшались ими окончательно, или пересматривались однимъ государемъ, либо вершались общимъ собранiемъ Думы. Общее собранiе рѣшало иныя дѣла въ присутствiи государя, другiя безъ него. Изъ памятниковъ московскаго законодательства не видно, чтобы эта разница въ ходѣ дѣлъ зависѣла единственно отъ ихъ свойства, сравнительной политической важности. Это объясняется характеромъ отношенiй Думы къ ея верховному пред-

сѣдателю. Дума, видѣли мы, дѣйствовала по указу государя, по докладу Приказа или по частной челобитной. Возбуждаемая къ дѣятельности сверху или снизу, она можетъ показаться совершенно пассивнымъ учрежденіемъ безъ собственной иниціативы, простымъ законодательнымъ механизмомъ. Была ли она самостоятельной двигательницей законодательства? принадлежалъ ли Совѣту бояръ законодательный починъ? Изъ сохранившихся памятниковъ можно извлечь только тотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, что такой починъ не былъ въ обычаѣ; въ этомъ заключалась одна изъ слабыхъ сторонъ политическаго положенія стараго московскаго боярства. Однако, мы увидимъ ниже случай, когда самими боярами былъ возбужденъ важный законодательный вопросъ, затрогивавшій самыя основанія государственнаго устройства. Значитъ, отсутствіе обычая не вытекало изъ отсутствія права или возможности, а только указывало на недостатокъ потребности въ боярскомъ починѣ, на возможность обойтись безъ него при другихъ средствахъ возбужденія дѣлъ въ Думѣ. Отношенія Думы къ государю такъ сложились, что не развивали этой потребности. Въ устройствѣ высшаго московскаго управленія всего труднѣе точно обозначить предѣлы власти государя и его боярскаго Совѣта. Это потому, что государь и его Совѣтъ не были двумя разными властями, а составляли одно властное, верховное цѣлое. Политическое значеніе и правительственная дѣятельность Думы основывались на томъ глубоко укоренившемся въ московскомъ обществѣ воззрѣніи, лучше сказать, на томъ предположеніи, что Дума не дѣйствуетъ безъ государя, и государь не дѣйствуетъ безъ Думы. Государь ежедневно дѣлалъ много правительственныхъ дѣлъ безъ участія боярскаго Совѣта, какъ и боярскій Совѣтъ рѣшалъ много дѣлъ безъ участія государя. Но это вызывалось соображеніями правительственнаго удобства, а не вопросомъ о политическихъ правахъ и прерогативахъ, было простымъ раздѣленіемъ труда, а не разграниченіемъ власти. Такое отношеніе государя къ Думѣ выражалось въ одной изъ самыхъ существенныхъ особенностей, какими отличалась послѣдняя,—въ отсутствіи ея отвѣтственности передъ государемъ. Слѣдовъ этой отвѣтственности не замѣтно ни въ чемъ, ни въ памятникахъ законодательства, ни въ устройствѣ боярскаго Совѣта. Дума не была отвѣтственна передъ государемъ, потому что государь не былъ для нея сторонней властью, а самъ входилъ въ ея составъ, былъ ея главой. Мысль объ отвѣтственности появляется только тогда, когда дѣятельность государя и Совѣта раздѣляется, когда тотъ и другой начинаютъ дѣйствовать въ своихъ особыхъ сферахъ, и послѣдній становится орудіемъ перваго. Такъ было съ боярской „консиліей“ при Петрѣ въ первые годы XVIII в. Отъ нея мысль объ отвѣтственности перешла по наслѣдству къ Сенату. Сравнивая Боярскую думу и Сенатъ, обыкновенно отдаютъ рѣшительное предпочтеніе послѣднему по большей самостоятельности и энергіи его дѣйствій, по большей широтѣ его правительственныхъ полномочій: ему, по словамъ Петра, всякій долженъ былъ повиноваться въ отсутствіи государя, „такъ, какъ Намъ Самому подъ жестокимъ наказаніемъ или смертію“: онъ былъ установленъ „вмѣсто присутствія Его Царскаго Величества собственной персоны“; отъ него даже требовалось, чтобы онъ велъ дѣла самостоятельно, не спрашивая на всякое дѣло особаго разрѣшенія у государя. Ничего подобнаго не говорили о старой Боярской думѣ. Но здѣсь сравниваются учрежденія слишкомъ различныя, дѣйствовавшія въ слишкомъ несходныхъ положеніяхъ. По своему происхожденію, Сенатъ былъ орудіемъ верховной

власти, а Боярская дума ея участницей. Первый вызванъ былъ потребностью въ хорошо устренномъ руководителѣ управленія, а вторая служила органомъ господства извѣстнаго класса надъ обществомъ. Первый въ исторіи нашего управленія имѣлъ правительственно-техническое значеніе; значеніе второй было соціально-политическое. Въ отсутствіе государя Сенатъ, конечно, дѣйствовалъ самостоятельнѣе, но въ томъ смыслѣ, въ какомъ приказчикъ, оперирующій „на отчетѣ" вдали отъ хозяина, самостоятельнѣе товарища этого хозяина, обязаннаго дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ по соглашенію. Зато Думѣ не грозило, что за неисправность съ ней со всей поступлено будетъ, „какъ ворамъ достоитъ", чѣмъ грозилъ Петръ учрежденію, установленному вмѣсто присутствія собственной государевой персоны. Самостоятельность была обязанностью для Сената, а не его правомъ. При отсутствіи отвѣтственности по той же причинѣ не развился въ обычай и починъ Думы въ законодательствѣ. Государь и Дума не были разными властями, съ своими особыми интересами и стремленіями, которыя имъ надобно было бы усиленно заявлять и приводить путемъ законодательства. Текущія дѣла вносились въ Думу думными людьми, какъ начальниками Приказовъ, а дѣла особой важности— самимъ государемъ, какъ предсѣдателемъ Думы, и этимъ удовлетворялись потребности управленія. Оставались интересы класса, представители котораго сидѣли въ Думѣ, и эти интересы нерѣдко сталкивались съ интересами другихъ классовъ общества и самаго государя. Но эти столкновенія шли внѣ Думы и очень слабо отражались на ея устройствѣ, какъ мы видѣли изъ ея исторіи съ половины XV в. По своему историческому складу Боярская дума не сдѣлалась ареной политической борьбы. Такимъ ея характеромъ опредѣлились и ея дѣловыя правительственныя отношенія къ государю. Когда, при какихъ дѣлахъ сидѣть въ Думѣ самому государю и какія дѣла дѣлать боярамъ безъ его личнаго присутствія, это не было политическимъ вопросомъ. Въ XVI в., который былъ временемъ натянутыхъ отношеній между государемъ и боярствомъ, вопросы о прекращеніи войны, объ устройствѣ Казанскаго царства, о преобразованіи земскаго управленія разрѣшались въ Думѣ безъ государя, какъ безъ него состоялся, судя по редакціи закона, и знаменитый приговоръ 24 ноября 1597 г. о сыскѣ и возвратѣ бѣглыхъ крестьянъ, а подробности законодательства о холопахъ, какъ и о новокрещенныхъ, не годившихся въ государеву службу, разрабатывались Думой въ личномъ присутствіи государя. Въ одномъ случаѣ это присутствіе было обычно, если не необходимо, когда приговоръ бояръ по дѣлу, уже рѣшенному безъ царя, докладывался въ окончательной формѣ, данной ему думнымъ дьякомъ. Но этотъ вторичный докладъ, о которомъ говоритъ Котошихинъ, имѣлъ цѣлью провѣрку дьячей редакціи приговора и его окончательное утвержденіе, и не видно, чтобы цѣлью его была провѣрка самаго приговора бояръ государемъ. Значитъ, засѣданіе Думы въ присутствіи государя или безъ него имѣло только процессуальное значеніе, касавшееся не столько сущности дѣлъ, сколько порядка дѣлопроизводства.

Но приговоры, состоявшіеся въ Думѣ безъ государя, представлялись ли ему на утвержденіе? Изъ записки объ устройствѣ Московскаго государства, составленной въ Смутное время по польскому заказу, читаемъ: „повинность боярамъ и окольничимъ и дьякамъ думнымъ быти всегда на Москвѣ при государѣ безотступно и засѣдать въ палатѣ, думати о всякихъ дѣлахъ, о чемъ государь роскажетъ и что царству Мо-

сковскому надлежать будетъ, а *доносятъ* до государя думу дьяки думные". Изъ этого описанія Думы можно заключить, что она обыкновенно обсуждала то, что ей указывалъ или „разсказывалъ" государь, не присутствуя лично на ея засѣданіяхъ; но послѣднія неясныя слова описанія не значатъ, что приговоры Думы, состоявшіеся безъ государя, всегда представлялись думными дьяками на его утвержденіе. Памятники законодательства не поддерживаютъ такого значенія извѣстія. Судебникъ 1550 г. опредѣляетъ и порядокъ дальнѣйшаго законодательства; новые законы вносятся въ кодексъ, „приписываютъ" въ Судебникъ, какъ новыя дѣла, не предусмотрѣнныя прежними законами, „съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся". Вопросы о новыхъ законахъ вносились въ Думу изъ приказовъ всегда на государево имя въ обычной формулѣ: „и о томъ великій государь что укажетъ?" Это и есть „государевъ докладъ". Вопросъ докладывался на государево имя, и потомъ разрѣшался боярскимъ приговоромъ: таковы два момента въ созданіи новаго закона; третьяго момента, представленія приговора всѣхъ бояръ на утвержденіе государю, не указываетъ Судебникъ. Отдѣльные законодательные акты подтверждаютъ такой порядокъ законодательства. Въ 1606 г. бояре одни безъ царя постановили приговоръ о служилыхъ кабалахъ по докладу Холопьяго приказа и „весь свой приговоръ въ верху приказали въ приказѣ Холопья суда въ Судебникъ приписать", не доложивъ своего постановленія государю. Дума иногда обращалась съ докладомъ къ не присутствовавшему на засѣданіи государю, но не для того, чтобы представить на его утвержденіе свой приговоръ о дѣлѣ, а потому, что не умѣла или не хотѣла сама постановить приговоръ о немъ. Въ 1588 г. англійскій посолъ Флетчеръ просилъ себѣ аудіенціи, чтобы представить государю новую присланную изъ Англіи грамоту королевы Елизаветы. Думный дьякъ Посольскаго приказа А. Щелкаловъ сообщилъ объ этой просьбѣ боярамъ, а бояре доложили о томъ государю, „и государь приговорилъ съ бояры" отказать Флетчеру въ аудіенціи. Извѣстенъ одинъ случай доклада государю боярскихъ приговоровъ. Въ 1636 г. Помѣстный приказъ представилъ царю 13 вопросовъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Царь приказалъ рѣшить вопросы боярамъ, а что они приговорятъ, доложить себѣ. На другой день бояре разрѣшили 12 вопросовъ, а на третій день царь утвердилъ всѣ ихъ приговоры безъ перемѣны. Остался безъ отвѣта одинъ вопросъ—о правѣ владѣльцевъ продавать и закладывать вотчины, купленныя ими изъ ихъ же подмосковныхъ помѣстій или изъ порожнихъ земель: бояре съ большимъ тактомъ объявили, что „имъ о томъ приговаривать не можно, потому что за ними за самими такія вотчины". Государь самъ разрѣшилъ вопросъ, утвердивъ за владѣльцами это право. Но такой случай является рѣдкимъ исключеніемъ. Обычнымъ кажется тотъ порядокъ, какимъ, по указу 1694 г., Дума рѣшала безъ государя судныя дѣла, восходившія „въ верхъ" по челобитнымъ или по докладамъ изъ приказовъ: бояре рѣшали ихъ окончательно, докладывая государямъ лишь о томъ, чего имъ „зачѣмъ безъ ихъ, великихъ государей, именнаго указа вершить будетъ не мочно". Значитъ, докладъ былъ не обязанностью Думы, а ея отказомъ отъ своего права. Онъ не составлялъ особаго момента въ теченіи дѣла, а былъ только возстановленіемъ личнаго присутствія государя среди бояръ, слѣдствіемъ чего обыкновенно являлся приговоръ государя „съ бояры". Было, кажется, только два рода боярскихъ приговоровъ, которые всегда или часто представлялись на утвержденіе государю: это приговоры думы о мѣстническихъ спорахъ и

о наказаніи за тяжкія вины. Государь пересматривалъ такіе приговоры, и пересмотръ второго рода дѣлъ обыкновенно сопровождался помилованіемъ виновнаго или смягченіемъ его наказанія. Но по ходатайству духовенства государь смягчалъ и собственные приговоры о преступникахъ.

Перечислимъ кратко дѣла, которыя разрѣшались въ общемъ собраніи Думы, не различая ея засѣданій въ присутствіи царя или безъ него. Дума разрѣшала всѣ правительственные вопросы, на которые дѣйствовавшій законъ не отвѣчалъ прямо и ясно или къ которымъ исполнительные органы управленія не умѣли примѣнить прямого и яснаго закона. Такіе вопросы можно раздѣлить на два разряда: Дума опредѣляла частныя отношенія лицъ, входящія въ составъ гражданскаго порядка; она же опредѣляла отношенія лицъ къ государству, строила политическій порядокъ въ широкомъ смыслѣ слова. Дѣла перваго рода возбуждались въ Думѣ частными просьбами или докладами изъ Приказовъ; дѣла второго рода вносили въ Думу также Приказы и преимущественно самъ государь.

Черезъ Думу проходило множество частныхъ дѣлъ, судныхъ и другихъ. Для нѣкоторыхъ Дума служила только распорядительнымъ передаточнымъ пунктомъ, приказывая дьяку помѣтить, „подписать“, на челобитной, въ какой Приказъ должно направить дѣло, чтобы тамъ учинили по нему указъ. Это были дѣла, которыя Дума находила возможнымъ рѣшить на основаніи дѣйствующаго закона. Флетчеръ вѣрно отмѣтилъ эту распорядительную функцію Думы. Другія дѣла Дума рѣшала сама, какъ послѣдняя или первая правительственная инстанція. Въ качествѣ послѣдней инстанціи, она разсматривала судныя дѣла, рѣшенныя въ подчиненныхъ учрежденіяхъ, но обжалованныя той или другой стороной. Такой инстанціей Дума служила какъ для Приказовъ, такъ и для собственныхъ комиссій. Кромѣ того, Дума вершила частныя дѣла, начатыя въ подчиненныхъ учрежденіяхъ, комиссіяхъ или приказахъ, но не рѣшенныя ими. Въ этихъ дѣлахъ ее даже трудно назвать послѣдней инстанціей въ строгомъ смыслѣ этого слова: она не пересматривала рѣшенія, постановленнаго низшей инстанціей, а сама доканчивала дѣло и первая произносила приговоръ по нему. Обиліе такихъ дѣлъ въ Думѣ было слѣдствіемъ своеобразнаго способа, которымъ разграничивались компетенціи Думы и подчиненныхъ ей учрежденій. Раздѣльная черта между ними проводилась не степенью власти, а степенью разумѣнія, если можно такъ выразиться. Не было точно опредѣлено, какія дѣла, поступающія въ Приказъ, можетъ онъ рѣшать самъ и о какихъ долженъ докладывать Думѣ. Приказъ переносилъ въ Думу дѣла, которыхъ ему „зачѣмъ вершить было не мочно“: таково было общее опредѣленіе приказной компетенціи. Можно было бы подумать, что такое неясное опредѣленіе открывало широкій просторъ превышенію власти со стороны Приказовъ. Въ дѣйствительности было наоборотъ: старые московскіе Приказы, какъ видно по ихъ докладамъ Думѣ, скорѣе склонны были уменьшать свою власть, часто „не смѣли указать безъ государева указу“ и взносили въ верхъ къ боярамъ такія дѣла, которыя они могли рѣшить сами на основаніи дѣйствующаго закона. Такое отношеніе приказовъ къ Думѣ замѣтилъ и Флетчеръ; только онъ объяснилъ стѣсненіемъ сверху то, въ чемъ надобно видѣть слѣдствіе самоограниченія и нерѣшительности Приказовъ. Судьи, пишетъ Флетчеръ, такъ стѣснены въ отправленіи своей долж-

ности, что не смѣютъ рѣшать ни одного особеннаго дѣла сами собой, но должны пересылать его вполнѣ въ Москву въ царскую Думу.

Приговоры Думы какъ по рѣшеннымъ дѣламъ, рѣшеніе которыхъ обжаловано, такъ и по дѣламъ, восходившимъ въ Думу изъ Приказовъ для вершенья, имѣли законодательное значеніе. Апелляція или „жалоба" въ древне-русскомъ судѣ, какъ извѣстно, имѣла характеръ обвиненія низшей инстанціи недовольной стороной въ несправедливомъ рѣшеніи дѣла: апелляціонная жалоба называлась „спорнымъ челобитьемъ" или челобитной „о неправомъ вершеньи на судей"; ея цѣлью было доказать, что судья „просудился", „вершилъ дѣло не дѣломъ". Судейскіе доклады Думѣ невершенныхъ дѣлъ, какъ мы видѣли, вызывались обыкновенно недоумѣніями судей, возбужденными недостаткомъ закона или его неясностью и противорѣчивостью. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ приговоръ Думы пополнялъ, разъяснялъ и соглашалъ постановленія закона; въ первомъ случаѣ онъ провѣрялъ и исправлялъ пониманіе и примѣненіе закона подчиненнымъ мѣстомъ. Въ обоихъ случаяхъ Дума развивала дѣйствовавшее законодательство. Приговоръ бояръ не ограничивался разрѣшеніемъ частнаго случая: обыкновенно онъ обобщалъ этотъ случай и извлекалъ изъ него постоянное правило на будущее время. Это правило выражалось въ обычной формулѣ, которой заканчивался приговоръ: „да и впредь бояре приговорили" и т. д. Сохранилось множество боярскихъ приговоровъ по частнымъ дѣламъ съ такимъ общимъ законодательнымъ заключеніемъ; это былъ наиболѣе простой и обычный древне-русскій способъ выработки закона. Впрочемъ, боярскій приговоръ по частному случаю имѣлъ законодательное значеніе и безъ этой заключительной прибавки „да и впредь"; въ докладахъ и челобитныхъ его приводили, какъ прецедентъ, основаніе для рѣшенія всѣхъ подобныхъ случаевъ, „выписывали на примѣръ" наравнѣ съ статьями Уложенія. Такіе прецеденты назывались въ докладахъ „примѣрными и образцовыми дѣлами". Когда Дума измѣняла дѣйствовавшій законъ, она особой оговоркой „отставляла" примѣры и образцовыя дѣла, рѣшенныя по этому закону, т.-е. запрещала ими руководствоваться. Такимъ законодательнымъ значеніемъ приговоровъ по частнымъ дѣламъ Дума отличалась, какъ законодательная власть, отъ Приказовъ, какъ учрежденій судебно-административныхъ: приговоры Приказовъ, не доложенные Думѣ и ею не утвержденные, въ примѣръ не выписывались.

Создавая законъ, Дума строила и государственный порядокъ, обезпечивавшій его дѣйствіе. Она съ государемъ вела дѣла внѣшней политики и народной обороны, дѣлала распоряженія о мобилизаціи войскъ, составляла планы военныхъ операцій и т. п. Она же вѣдала и тѣсно связанное съ этими дѣлами государственное хозяйство. Новые налоги, постоянные и временные, прямые и косвенные, вводились обыкновенно по приговору бояръ. Участіе выборныхъ представителей земли въ этомъ дѣлѣ было лишь вспомогательнымъ средствомъ финансовой политики Думы, служило простой справкой. Характеръ этого участія выражается въ вопросѣ, какой предложенъ былъ 1681 г. выборнымъ изъ городовъ по поводу назначеннаго Думой новаго оклада „стрѣлецкихъ денегъ"; „нынѣшній платежъ платить имъ въ мочь, или не въ мочь, и для чего не въ мочь?" Когда выборные заявили, что платить имъ сполна не въ мочь, и объяснили, почему не въ мочь, ихъ отпустили по домамъ, а бояре приговорили положить новый окладъ „передъ прежнимъ съ убавкою".

Выпускъ монеты новаго чекана, назначеніе подарковъ, какіе должно было повезти къ иностранному двору московское посольство, всѣ экстраординарные расходы, назначеніе и выдача жалованья ратнымъ людямъ передъ походомъ, даже выдача окладнаго жалованья впередъ дьякамъ, ѣхавшимъ въ командировку,—эти и имъ подобныя болѣе или менѣе экстренныя мѣры вызывали докладъ и разрѣшались самой Думой. Но вообще слѣды финансовой дѣятельности Думы въ памятникахъ сравнительно скудны. Теченіе казенныхъ суммъ—это была статья московскаго управленія, наиболѣе тщательно разработанная и установленная такими заботливыми хозяевами, какъ московскіе государи; потому здѣсь меньше возникало недоумѣній, требовавшихъ указанія со стороны законодательной власти. Въ одной важной отрасли государственнаго хозяйства исполнительныя учрежденія на каждомъ шагу должны были обращаться къ Думѣ за указаніями: это была раздача казенныхъ земель въ помѣстное и вотчинное владѣніе. Здѣсь даже текущія дѣла восходили по докладу „въ верхъ".

Недостаточно извѣстны подробности того, какъ возникало и складывалось московское центральное и областное управленіе, дѣйствовавшее въ XVI и XVII вв. Но боярскій Совѣтъ надобно признать постояннымъ сотрудникомъ государя въ этомъ дѣлѣ. Крупныя и мелкія административныя реформы этихъ вѣковъ шли изъ Думы или черезъ Думу. По актамъ XVI и XVII вв. видимъ, что Дума устанавливала областное административное дѣленіе, разграничивала вѣдомства центральныхъ и областныхъ учрежденій, опредѣляла порядокъ дѣлопроизводства въ нихъ, особенно порядокъ суда уголовнаго и гражданскаго, давала общія правила для назначенія областныхъ управителей, указывала предѣлы ихъ власти, вводила новыя должности или отмѣняла старыя, предметы вѣдомства закрываемыхъ Приказовъ, вмѣстѣ съ книгами, передавала другимъ учрежденіямъ и т. п. Иногда она касалась и еще болѣе важныхъ вопросовъ государственнаго устройства.

Несмотря на скудость прямыхъ указаній, можно замѣтить, что Дума имѣла широкое вліяніе на личный составъ управленія. По характеру ея отношеній къ государю, и здѣсь, какъ въ другихъ дѣлахъ, не могло быть точно опредѣлено, въ какихъ случаяхъ назначаетъ на должности и возводитъ въ чины одинъ государь и въ какихъ вмѣстѣ съ Думой. Изъ юмористической челобитной царя Алексѣя къ боярамъ видно, что онъ иногда самъ назначалъ на воеводства и жаловалъ въ стряпчіе и стольники по частнымъ ходатайствамъ думныхъ людей. Но гетмана Брюховецкаго государь пожаловалъ боярствомъ въ 1665 г., „говоря съ бояры"; точно также по приговору царя съ боярами провинціальные дворяне за службу и полонное терпѣніе изъ „дворовыхъ" возводились въ слѣдующій чинъ, писались „по выбору". Изъ записки того же царя, о чемъ говорить съ боярами, видимъ, что въ Думѣ обсуждались вопросы о служебномъ передвиженіи самихъ полковъ по городамъ. Въ 1675 г. даже увольненіе отъ должности разбитаго параличемъ кіевскаго воеводы состоялось по приговору государя съ боярами на особомъ засѣданіи Думы, которое вызвано было докладомъ Приказа объ этомъ дѣлѣ. Въ 1677 г. вообще запрещено было смѣнять городовыхъ воеводъ и приказныхъ людей безъ именнаго указа, а въ именныхъ указахъ обыкновенно передавались приговоры государя съ Думой. Воеводы назначались въ города изъ Разряда и другихъ Приказовъ, но по докладу государю съ Думой.

По волѣ государя или по указанію Думы назначались и судьи При-

казовъ. Говоря о себѣ, какъ начальникѣ Посольскаго приказа, А. Л. Ординъ-Нащокинъ писалъ царю въ 1669 г., что онъ служитъ ему по его государской неисчетной милости, а не по *палатному* выбору; но знаменитый канцлеръ при этомъ противополагалъ себя правителямъ, которые „изъ палаты къ дѣламъ *по совѣту* выбраны". Государь вмѣстѣ съ Думой распредѣлялъ правительственныя дѣла и между членами самой Думы, при отъѣздѣ изъ Москвы совѣщался съ боярами, кому слѣдовать за нимъ и кому поручить управленіе столицей, или въ случаѣ войны — кому изъ бояръ становиться во главѣ полковъ, и какихъ именно, и кому оставаться въ Москвѣ для текущихъ дѣлъ управленія.

Надзоръ за ходомъ управленія можно признать одной изъ неясныхъ сторонъ дѣятельности Думы. У нея не было особаго механизма для административнаго контроля, и она повѣряла дѣйствія подчиненныхъ учрежденій чрезъ нихъ же самихъ. Она старалась имѣть подъ руками подробныя свѣдѣнія ибо всемъ наличномъ составѣ управленія. Сборъ этихъ свѣдѣній былъ одной изъ спеціальныхъ обязанностей Разряда, какъ главнаго отдѣленія думской канцеляріи. Онъ составлялъ въ XVII в. „годовыя смѣты" всѣмъ служилымъ людямъ—отъ боярина-воеводы до послѣдняго пушкаря, служившимъ „съ денежнаго или хлѣбнаго жалованья или съ земли". Для этого въ началѣ каждаго года онъ разсылалъ по приходамъ памяти съ требованіемъ „росписей всякимъ людямъ" по вѣдомству каждаго. Всѣ приказы вели приходо-расходныя книги, отъ времени до времени съ „верху" требовали, чтобы начальники Приказовъ велѣли сосчитать и доложили государю, сколько за извѣстное время получено дохода въ каждомъ Приказѣ и сколько, на что и по какимъ указамъ израсходовано, также сколько государевой казны числится въ недоборѣ. Казенныя постройки въ городахъ разрѣшались только по докладу боярамъ, которые указывали порядокъ осмотра ветхихъ зданій и составленія смѣтъ для постройки новыхъ; повидимому, и эти смѣты, составленныя на мѣстѣ, представлялись подлежащимъ Приказомъ на утвержденіе Думѣ. Наиболѣе обычнымъ средствомъ судебно-административнаго надзора оставался докладъ дѣлъ Думѣ для окончанія ихъ или пересмотра. Этотъ докладъ, какъ мы видѣли, былъ добровольный или невольный: первый вызывался собственнымъ недоумѣніемъ подчиненной инстанціи, второй либо особымъ закономъ, запрещавшимъ вершить извѣстныя дѣла безъ доклада, либо апелляціонной жалобой, даже „извѣтомъ", доносомъ. Приговоръ Думы, вызванный докладомъ, не только провѣрялъ дѣйствія подчиненнаго мѣста, но и давалъ указаніе, какъ впередъ дѣйствовать, создавалъ прецедентъ. Такимъ образомъ законодательный процессъ становился и средствомъ контроля за управленіемъ, или контроль становился моментомъ законодательнаго процесса. Съ другой стороны, древне-русская апелляціонная жалоба по своему характеру влекла за собою судъ о правильности дѣйствій дожностныхъ лицъ. Потому, какъ извѣстно, такой судъ сопровождался не только утвержденіемъ или отмѣной приговора низшей инстанціи, но и наказаніемъ жалобника или судьи. Челобитныя на судей, по закону, взносились къ боярамъ, т.-е. въ общее собраніе Думы или въ ея комиссію. Несмотря на строгость за ложную жалобу, тяжущіеся въ древней Руси любили бить челомъ „о неправомъ вершеньи на судей", и потому апелляція была для Думы очень энергическимъ средствомъ контроля за дѣйствіями подчиненныхъ учрежденій, областныхъ и центральныхъ. Президентъ Юстицъ-коллегіи А. Матвѣевъ, сынъ извѣстнаго боярина при царѣ Алексѣѣ, вспоминая въ 1721 г. ста-

рину XVII в., писалъ Петру, что въ прошлыхъ годахъ, когда кн. Я. Ѳ. Долгорукій сидѣлъ въ Судномъ Московскомъ приказѣ, въ одинъ годъ съ полтораста дѣлъ по челобитьямъ на его вершенье было перенесено въ Расправную палату; а кн. Я. Ѳ. Долгорукій считался образцовымъ судьей. Судъ по дѣламъ службы о неисправномъ исполненіи служебныхъ обязанностей входилъ въ составъ обширной политической юрисдикціи, принадлежавшей Думѣ. Послѣдняя не только вершила всѣ дѣла по государственнымъ преступленіямъ, но и производила по нимъ слѣдствіе, дѣлала распоряженіе объ арестѣ и обыскѣ заподозрѣннаго, сама его допрашивала. Въ 1674 г. Дума въ полномъ составѣ отправилась на Земскій дворъ, куда привезенъ былъ изъ Малороссіи самозванецъ Воробьевъ, допросила его съ пыткой, допросныя рѣчи послала съ начальникомъ Посольскаго приказа Матвѣевымъ къ государю, оставшись сама на Земскомъ дворѣ дожидаться государева указа, и когда вернулся Матвѣевъ съ указомъ государя, приговорила самозванца къ казни. Допросъ обвиняемаго въ присутствіи всѣхъ бояръ считался необходимымъ моментомъ правильно веденнаго политическаго процесса. Кн. Курбскій разсказываетъ, что когда приближенные царя Ивана оклеветали въ смерти царицы Анастасіи Сильвестра и Адашева, послѣдніе письменно и чрезъ митрополита просили у царя суда и очной ставки съ клеветниками: „да будетъ,—писали они царю,—судъ явственный предъ тобою и предо всѣмъ штатомъ твоимъ“. Упомянутый Матвѣевъ-сынъ въ запискахъ своихъ считаетъ совершенно неправильнымъ судъ надъ князьями Хованскими, которыхъ бояре и палатные люди, уступая настояніямъ царевны Софьи, въ 1682 г. осудили на смерть по заранѣе составленному приговору, „безъ всякаго розыска, какъ бы надлежало“, не выслушавъ ихъ „очистокъ“ на своихъ винахъ. Нарушеніе важныхъ служебныхъ обязанностей имѣло значеніе государственнаго преступленія, разсматривалось, какъ „воровство и измѣна“, и судилось Думой.

Даже судъ по мѣстническимъ дѣламъ былъ лишь видомъ суда о преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ: споры объ „отечествѣ“ тѣсно сплетались съ служебными отношеніями и постоянно мѣшали надлежащему теченію правительственныхъ дѣлъ. Вотъ почему эти дѣла вѣдала сама Дума, если не поручала ихъ кому-нибудь изъ своихъ членовъ. Значеніемъ Думы, какъ учрежденія, наблюдавшаго за управленіемъ и имъ руководившаго, объясняются и ея отношенія къ областной администраціи. Въ текущихъ дѣлахъ управленія между Думой и областью стоялъ приказъ, какъ посредствующая инстанція, пользовавшаяся извѣстной долей самостоятельности. Но въ вопросахъ, касавшихся самаго порядка управленія или правильности дѣйствій областныхъ управителей, этотъ посредникъ превращался въ простой передаточный пунктъ, черезъ который проходили донесенія изъ области въ Думу и распоряженія Думы въ область. Отписку изъ уѣзда о недобросовѣстныхъ дѣйствіяхъ воеводы приказъ докладывалъ боярамъ, а бояре возлагали на этотъ или другой приказъ исполненіе мѣры, принятой имъ противъ воеводы. По Судебнику 1550 г., только государь или всѣ бояре, „приговоря вмѣстѣ“, могли черезъ приказъ вызвать областного управителя къ отчету въ приказныхъ дѣлахъ раньше срока, на какой дана ему должность; самъ приказъ, въ вѣдомствѣ котораго находился этотъ управитель, не имѣлъ на то права. Въ XVII в. для повѣрки дѣйствій воеводъ въ экстренныхъ случаяхъ посылались особые назначенные Думой ревизоры, „сыщики“. Дума пользовалась даже остатками земскаго самоуправленія, чтобы установить прямой

и постоянный надзоръ за дѣйствіями областной приказной администаціи. Такъ, чтобы унять воеводъ отъ „вымышленныхъ и казнѣ и людямъ разорительныхъ поступокъ", предписывалось сообщать земскимъ избамъ копіи съ данныхъ воеводамъ инструкцій. Старосты и „земскіе всякихъ чиновъ жители", въ случаѣ нарушенія воеводой этихъ „статей", должны были посылать въ Москву челобитныя за своими руками, подробно указывая, „противъ которыхъ статей какія неправости въ доходахъ государевой казнѣ или въ ихъ обидахъ учинитъ" воевода; такія челобитныя, разумѣется, докладывались въ „верху". Въ XVI в. земскіе судьи пересылали дѣла, которыхъ не могли вершить сами, въ подлежащій приказъ, а приказъ докладывалъ ихъ прямо царю; и въ XVII в. важная тяжба переносилась изъ уѣзда прямо въ Думу, какъ скоро одна сторона „порочила", оспаривала дѣйствіе мѣстной власти; участіе средней инстанціи, приказа, мало замѣтно. Поэтому не было совершенной новостью то, что по жалованной грамотѣ 1654 г. добровольно сдавшемуся городу Могилеву дѣла, рѣшенныя выборнымъ городскимъ судомъ, переносились по жалобамъ въ Москву въ Думу, гдѣ ихъ слушали и расправу по нимъ чинили „бояре и думные люди", хотя въ данномъ случаѣ непосредственное отношеніе Думы къ городскому суду условливалось и тѣмъ, что для управленія новопріобрѣтенными въ Литвѣ городами еще не было въ Москвѣ особаго приказа, который вскорѣ возникъ подъ именемъ Литовскаго. Такой порядокъ надзора долженъ былъ имѣть значительную степень энергіи, благодаря тому, что государю и боярамъ докладывался вообще всякій необычный—случай въ центральномъ и областномъ управленіи—неповиновеніе воеводъ предписаніямъ приказовъ, какъ и пропажа ста рублей казенныхъ денегъ изъ лубяной коробки въ приказной казенкѣ. Этимъ объясняется извѣстіе Флетчера о множествѣ разнообразныхъ дѣлъ, проходившихъ черезъ Думу, какъ и ея обычай собираться утромъ и вечеромъ.

Въ устройствѣ государственнаго управленія и въ надзорѣ за нимъ, какъ и въ регулированіи частныхъ отношеній гражданскаго порядка, Дума дѣйствовала, не опираясь на готовый законъ, а во имя своего авторитета сама создавая новый законъ или прецедентъ. Такой авторитетъ ея сказывался и въ формахъ законодательства. Высшей законодательной формой въ Московскомъ государствѣ былъ государевъ *именной указъ.* Именнымъ указомъ въ собственномъ смыслѣ назывался законодательный актъ, основанный на приговорѣ государя съ боярами. Въ этомъ смыслѣ именной указъ можно отличать какъ отъ боярскаго приговора, состоявшагося безъ государя, такъ и отъ единоличнаго указа самого государя, не говоря уже о распоряженіяхъ приказа, также облекавшихся въ форму государевыхъ указовъ. Но московская правительственная практика такъ мало привыкла отдѣлять волю государя отъ воли его Совѣта, что не дѣлала этого различія и приговоры по дѣламъ, которыя „вершены въ палатѣ", принимала за „государскіе именные указы", все равно, были ли они произнесены въ присутствіи государя, или безъ него; точно также выраженіе „государь указалъ" не всегда означало единоличное повелѣніе государя. Государевъ указъ и боярскій приговоръ не противополагались другъ другу въ смыслѣ актовъ неодинаковой силы; актъ считался одинаково законнымъ, обязательнымъ, составленъ ли онъ дьякомъ по государеву приказу, или по боярскому приговору. Напротивъ, именной указъ, состоявшій по справкѣ или докладу съ указаніемъ основаній и закрѣпленный однимъ или нѣсколькими думными дьяками, отличался, какъ

законъ, отъ акта, даннаго государемъ или отъ его имени по выпискѣ за помѣтой простого дьяка, и отъ предварительнаго распоряженія самаго царя или бояръ, помѣченнаго на доложенной подписной челобитной. Все, что приговорено „въ верху“ установленнымъ законодательнымъ порядкомъ, было одинаково обязательно для исполнителей. Они должны были отличать подписную челобитную отъ именного указа; но не ихъ дѣло было знать, состоялся ли этотъ указъ въ присутствіи царя среди бояръ, или по приговору однихъ бояръ. Западно-европейскимъ наблюдателямъ высшее московское управленіе казалось построеннымъ на тонко разсчитанномъ макіавеллизмѣ, они писали, что царь московскій только дѣлалъ видъ, будто уступалъ Думѣ часть своей самодержавной власти, что онъ спрашивалъ ея мнѣнія только для того, чтобы свалить съ себя отвѣтственность за свои дѣйствія. Но если снять съ этого изображенія тенденціозную окраску, основныя черты его окажутся совершенно вѣрными: дѣля съ государемъ власть, Дума дѣлила съ нимъ и отвѣтственность. Съ такимъ же авторитетомъ являлась она и передъ управляемымъ обществомъ. Думные люди рѣзко отличались отъ него: они *по закону* не подвергались тѣлесному наказанію за то, что недумные люди искупали кнутомъ или батогами; за оскорбленіе ихъ наказывали гораздо строже, чѣмъ за оскорбленіе другихъ. Дума рѣдко входила въ прямыя отношенія къ обществу, даже какъ будто избѣгала этого. Въ XVII в. довольно часто призывали выборныхъ отъ разныхъ классовъ, чтобы выслушать ихъ мнѣнія о вопросахъ, возбужденныхъ въ Думѣ и ихъ касавшихся. Но этихъ представителей не вводили прямо въ Думу: она не выслушивала ихъ сама, а обыкновенно поручала разспросить ихъ въ извѣстномъ приказѣ, либо составляла для того особую комиссію изъ своихъ членовъ. Она и на Земскомъ соборѣ выдѣлялась изъ ряда представителей земли. Вопросъ, подлежавшій обсужденію, предлагался отъ царя выборнымъ людямъ при боярахъ, но не боярамъ вмѣстѣ съ выборными людьми. Бояре съ государемъ обыкновенно уже до Собора обсуждали этотъ вопросъ; по ихъ приговору съ государемъ и созывались выборные, какъ и распускались. Думные люди являлись на Соборѣ не представителями земли, призванными правительствомъ, а частью правительства, призвавшаго представителей земли; члены Думы назначались и руководить совѣщаніями этихъ представителей, „сидѣть съ выборными людьми“. Такъ смотрѣли на Думу и сами выборные. На предложенный имъ правительствомъ вопросъ они отвѣчали, что „въ томъ воленъ государь и его государевы бояре“; высказавъ свое мнѣніе о дѣлѣ, они прибавляли: „и тебѣ государю сверхъ той нашей сказки какъ Богъ извѣститъ и твоя государская дума одержитъ и твоихъ государевыхъ бояръ“; о боярахъ они выражались: „бояре вѣчные наши господа промышленники“. Такое значеніе „промышленниковъ“, попечителей земли, сказывалось и въ ежедневныхъ отношеніяхъ общества къ думнымъ людямъ, даже на улицѣ. При царѣ Ѳеодорѣ, въ 1681 г. служилымъ людямъ словесно объявленъ былъ въ Москвѣ любопытный царскій указъ, повелѣвавшій имъ оставить обычай, о которомъ трудно сказать, дѣйствительно ли его не существовало ни при отцѣ, ни при дѣдѣ этого царя, какъ говорилось въ указѣ. Служилые люди даже высокихъ чиновъ, стольники, стряпчіе и другіе, встрѣтившись на дорогѣ съ бояриномъ, думнымъ или ближнимъ человѣкомъ, слѣзали съ лошадей и кланялась въ землю. Указъ предписывалъ бояръ, думныхъ и ближнихъ людей почитать и достойную имъ честь воздавать, но при встѣчѣ съ ними на дорогѣ только посторониться, повернувъ лошадь, и поклониться

„по обычаю“, а съ лошадей сходить и бить челомъ „пристойно одному великому государю“. Если мы представимъ себѣ учрежденіе, которое по предписаннымъ правиламъ творитъ формулы закона, предоставляя другимъ его разъясненіе и примѣненіе, строго держась точно указанныхъ границъ власти и пріемовъ дѣйствія, такое учрежденіе не будетъ похоже на московскую боярскую Думу. Эта Дума не только создавала законы государственнаго и общественнаго порядка, но при случаѣ сама непосредственно учила людей порядку, не стѣсняясь формальностями. Первообраза и подобія ея отношеній къ управляемымъ надобно искать въ отношеніяхъ древнерусскаго хозяина къ домочадцамъ. Совѣтъ бояръ отечески позволялъ подчиненнымъ запросто обращаться къ себѣ, зато и самъ запросто обращался съ подчиненными.

XCVIII. Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ.

(Изъ «Статей по исторіи русскаго права» И. И. Дитятина. Спб. 1895 г.).

„Тогда (въ іюлѣ 1566 года) Іоаннъ явилъ Россіи зрѣлище необыкновенное: призвалъ въ земскую думу не только знатнѣйшее духовенство, бояръ, окольничьихъ, всѣхъ другихъ сановниковъ, казначеевъ, дьяковъ, дворянъ первой и второй статьи, но и гостей, купцовъ, помѣщиковъ иногородныхъ; отдалъ имъ на судъ приговоры наши съ Литвою и спрашивалъ, что дѣлать: мириться или воевать съ королемъ?“ Такъ разсказываетъ нашъ исторіографъ Карамзинъ о первомъ соборѣ второй половины XVI столѣтія. Но такое же „зрѣлище необыкновенное“ явлено было въ Москвѣ тѣмъ же страшнымъ царемъ почти лѣтъ за двадцать [1]) до того собора, о которомъ сейчасъ говоримъ. Въ тяжелую, страшную годину, когда народъ московскаго государства, переживая время „разнобоярщины“, не смѣлъ обратиться къ своему исконному праву „бить челомъ“ о своихъ невзгодахъ; когда намѣстники, волостели и другіе царскіе служилые люди, презирая „страхъ Божій и государскіе указы, сотворишася ему — народу — гонители правители“; когда рискнувшіе обратиться къ челобитью наказывались самимъ юнымъ царемъ, какъ преступники, безчеловѣчно истязались ради потѣхи „его царскаго величества“; когда населеніе Москвы, „несчастіемъ расположенное къ изступленію злобы“, говоря цвѣтистымъ языкомъ Карамзина, „и къ мятежу“, возстало на пепелищѣ полугорѣвшаго города,—на молодого царя, быть можетъ, подъ вліяніемъ всего этого, напалъ стихъ умиленія и раскаянія: онъ повелѣваетъ „собрати свое государство изъ городовъ всякаго чина“ въ Москвѣ; и передъ этимъ „государствомъ“, собраніемъ представителей „всей земли“ на Красной площади, съ Лобнаго мѣста изливаетъ свою душу, обвиняетъ бояръ, „они же властвоваху... юности ради пустоты“ своего царя, во всѣхъ тяготахъ, претерпѣваемыхъ народомъ, и торжественно обѣщаетъ послѣднему впредь „быти судіей и обороной, и неправды разоряти, и хищенія возвращати“...

Съ этого момента открывается почти полутора-столѣтній періодъ земскихъ думъ, соборовъ,—періодъ нашей исторіи, когда царь московскій во всѣхъ трудныхъ, тяжелыхъ обстоятельствахъ обращается къ си-

---

[1]) Вышеуказанный соборъ былъ въ 1566 г.; первый же—въ 1550 г. *Ред.*

ламъ и „мысли“ земли и въ нихъ черпаетъ свою „мысль“, свою силу, и съ нею, землею, рѣшаетъ дѣло „съ общаго совѣта“.

Но что же это за „общій совѣтъ земли“? Кто его высказывалъ, кто въ немъ участвовалъ, какое онъ имѣлъ значеніе для царя московскаго, какова была его роль въ ходѣ дѣлъ государства? Попробуемъ отвѣтить на эти вопросы, ради краткости, а пожалуй и большей ясности, по возможности, словами тѣхъ письменныхъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ отъ времени XVI и XVII столѣтій, которые свидѣтельствуютъ намъ о глубоко интересномъ явленіи общественно-государственной жизни, составляющемъ предметъ содержанія настоящей главы.

„Государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи указалъ быти собору, а на соборѣ быти крутицкому мятрополиту, и архимандритамъ, и игуменамъ, и всему освященному собору, и боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ, и дьякомъ, и головамъ и сотникамъ стрѣлецкимъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ, и гостямъ, и гостинныя и суконныя сотни и черныхъ сотенъ торговымъ и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ“... Вотъ реальное выраженіе „всей земли“, „всего государства“. Если всмотрѣться въ этотъ перечень участвующихъ въ соборѣ, нельзя не замѣтить въ немъ отсутствія крестьянъ, которые и не участвовали въ данномъ—1642 года—соборѣ и въ соборахъ вообще, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда спеціально приглашались къ участію въ нихъ „уѣздные всякіе люди пригородовъ и уѣздовъ“, при предположеніи, разумѣется, подъ этими уѣздными людьми именно крестьянъ; но эти указанія, во-первыхъ, очень рѣдки, а во-вторыхъ, быть можетъ, подъ уѣздными людьми здѣсь слѣдуетъ разумѣть тѣхъ же торговыхъ и промышленныхъ людей, жившихъ по уѣздамъ и занимавшихся тамъ вмѣстѣ и земледѣліемъ; изслѣдователи, разумѣвшіе подъ уѣздными людьми крестьянъ, думаютъ, однако, видѣть въ послѣднихъ лишь „незначительное число ихъ, которое осталось еще свободнымъ“ (Сергѣевичъ), т.-е. жило на черныхъ, государственныхъ земляхъ. Дальше, всматриваясь въ перечисленный составъ собора, увидимъ, что онъ распадается на двѣ части, благодаря различію тѣхъ основаній, въ силу которыхъ входящіе въ него участвуютъ на соборѣ: одни явились сюда въ силу, такъ сказать, занимаемаго ими положенія, въ силу ихъ званія; это—митрополитъ, архіепископы, епископы и игумены, во-первыхъ; они явились сюда всѣ, находившіеся на лицо, поголовно, т.-е. безъ всякихъ выборовъ; на этомъ же основаніи почти всегда участвовалъ на соборахъ патріархъ; также, поголовно же явились на данный соборъ, и являлись на всѣ, высшіе чины служилыхъ людей—бояре, окольничьи и всѣ вообще, участвовавшіе въ боярской думѣ думные люди; всѣ же остальные, т.-е. низшее духовенство, всякіе служилые люди, вродѣ дворянъ, какъ московскихъ, такъ и городовыхъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, торговые и посадскіе люди являлись на соборъ въ силу выборовъ, какъ представители избравшихъ ихъ слоевъ населенія или чиновъ даннаго округа.

На Москвѣ и въ городахъ—уѣздныхъ, стоявшихъ во главѣ административныхъ округовъ, — выбирались представители для участія въ земскихъ соборахъ, въ силу особыхъ царскихъ грамотъ, разсылавшихся на имя мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, воеводъ или такъ называемыхъ губныхъ старостъ, выборныхъ людей, иногда замѣнявшихъ воеводъ, коимъ эти грамоты предписывали собрать для выслушанія прежде всего царской грамоты въ соборѣ „архимандритовъ и игуменовъ, и протопо-

повъ, и поповъ, и весь освященный соборъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и посадскихъ и уѣздныхъ всякихъ людей". По прочтеніи грамоты воевода или губной староста долженъ былъ „велѣть" всѣмъ этимъ людямъ „выбрати изъ всѣхъ чиновъ людей добрыхъ и разумныхъ" или „смышленныхъ и постоятельныхъ", иногда прибавляется: „кому бъ государевы и земскія дѣла за обычай" или—„которые умѣли-бъ разсказать обиды и насильства и раззоренія и чѣмъ московскому государству полниться... и устроить бы московское государство, чтобъ всѣ пришли въ достоинство". Этимъ ограничиваются свѣдѣнія о самыхъ выборахъ. Несомнѣнно, что выборы производились каждымъ „чиномъ" отдѣльно, хотя и трудно сказать категорически, что выбранный былъ представителемъ исключительно интересовъ выбравшаго его чина, а не цѣлаго округа, въ которомъ его выбирали. Избиратели должны были прежде всего своимъ выборнымъ „дать за руками списки на нихъ", т.-е. уполномочія за подписью избирателей; во-вторыхъ, думать надо, выборные получали отъ своихъ избирателей родъ инструкцій въ руководство своей дѣятельности на соборахъ, какъ объ этомъ можно заключить изъ слѣдующаго мѣста одной грамоты земскаго собора 1613 года, избравшаго царемъ Михаила Ѳеодоровича, къ этому послѣднему: „и мы, богомольцы и холопи твои царевы, всякихъ чиновъ люди московскаго государства, писали... во всѣ города, чтобъ избрати... государя царя и великаго князя... и для-бъ государскаго избиранія ѣхали изъ городовъ къ Москвѣ изо всякихъ чиновъ люди, договоряся въ городахъ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей о государскомъ избираніи полные договоры"; въ-третьихъ, наконецъ, избиратели снабжали своихъ представителей „запасами", какъ объ этомъ прямо говорится въ памятникахъ, т.-е. содержаніемъ, необходимымъ на время засѣданія на соборѣ. О числѣ выборныхъ отъ каждаго чина можно сказать лишь, что если оно и опредѣлялось, то опредѣлялось только на каждый отдѣльный случай, а не разъ навсегда, и опредѣлялось различно; случается въ грамотахъ встрѣчаться съ требованіемъ выдать отъ каждаго чина, „поскольку человѣкъ пригоже", т.-е. опредѣленіе числа представителей предоставлялось самимъ избирателямъ.

Вотъ составъ общаго совѣта земли великаго собора.

Явившись въ Москву со своими уполномочіями и инструкціями, выборные представители земли, вмѣстѣ съ духовенствомъ—освященнымъ соборомъ—и высшими чинами служилыхъ людей, собирались въ одной изъ палатъ Кремлевскаго дворца и выслушивали, обыкновенно, рѣчь царя, произносимую имъ самимъ или кѣмъ-либо изъ его ближнихъ бояръ, въ которой излагалось содержаніе дѣла, предлагавшагося на обсужденіе собора, мотивы его созванія, и которая предлагала собору „помыслить на крѣпко и государю мысль свою объявить, чтобъ ему, государю, про то про все было извѣстно". Какъ подавалась эта мысль и каково было ея значеніе, какъ рѣшенія всего собора, всей земли? На первый вопросъ наши изслѣдователи отвѣчаютъ различно и при томъ, какъ относительно того, была ли подача „мысли" сословною или нѣтъ, такъ и относительно самой процедуры составленія этой мысли, ея образованія, если можно такъ выразиться. Большинство принимаетъ, что самая подача мнѣній, мысли, царю совершалась каждымъ сословіемъ отдѣльно, т.-е. была сословною, нѣкоторые же (профессоръ Владимірскій-Будановъ) принимаетъ и, по нашему мнѣнію, съ большимъ основаніемъ, что „для обсужденія" всѣ члены собора „раздѣляются по статьямъ",

что вовсе не обозначаетъ собою раздѣленіе ихъ по сословіямъ, такъ какъ одно сословіе или классъ распадалось обыкновенно на нѣсколько статей. На соборѣ 1642 года „мысль свою объявили" отдѣльно: 1) „власти" — государевы богомольцы, т.-е. высшее духовенство, засѣдавшее не по выбору; 2) стольники; 3) московскіе дворяне; 4) двое изъ этихъ дворянъ — Желябужскій и Беклемишевъ; 5) головы и сотники московскихъ стрѣльцовъ; 6) „володимірцы дворяне и дѣти боярскія, которыя на Москвѣ"; 7) дворяне и дѣти боярскія Нижняго Новгорода и муромцы и лушане, которые здѣсь, на Москвѣ. (Не разумѣются ли здѣсь не выборные отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ названныхъ городовъ, а случайно, во время собора, въ Москвѣ жившіе?); 8) „дворяне и дѣти боярскія разныхъ городовъ" вмѣстѣ — всего шестнадцати; 9) отдѣльно же подаютъ свою „мысль и сказку" дворяне и дѣти боярскія еще двадцати трехъ городовъ; 10) любо сказали свои „рѣчи" гостишка и гостинныя, и суконныя сотни „торговыя людишка" и, наконецъ, 11) подавали отдѣльно отъ другихъ мысль свою „черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе и старостишка, и всѣ тяглыя людишка". Въ виду этого, совершенно справедливо заключеніе г. Владимірскаго-Буданова, что „соборъ (разумѣется, и не этотъ только, а всѣ) дѣлился довольно произвольно по статьямъ для легкости обсужденія дѣла безъ всякаго вниманія къ сословному положенію". Это заключеніе подтверждается и протоколами другаго собора—1566 года, на которомъ мнѣнія подали отдѣльно богомольцы, бояре и окольничьи, дворяне первой статьи, дворяне второй статьи, торопецкіе помѣщики, луцкіе помѣщики, печатникъ Иванъ Михайловъ Висковатовъ.

Какъ обсуждалось дѣло каждою изъ „статей" того или другого слоя населенія, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ указаній на то, что „мысль, рѣчи или сказки" подавались послѣ того, какъ подавшіе ихъ „межъ себя говорили", „мыслили накрѣпко"; несомнѣнно, что пренія, разностороннее обсужденіе дѣла предшествовало подачѣ мысли. Съ цѣлью дать соборнымъ людямъ большую возможность ближе познакомиться съ обстоятельствами дѣла, предлагавшагося на ихъ обсужденіе, ихъ ознакомленіе съ этимъ дѣломъ не ограничивалось изложеніемъ его въ царской рѣчи; его излагали письменно и раздавали, какъ это видно изъ протоколовъ того же собора 1642 года, „по государеву указу" по экземпляру такого „письма" „соборнымъ людямъ" разныхъ всякихъ чиновъ, для подлиннаго вѣдома, „порознь".

Къ совѣщанію со своимъ „государствомъ" царь московскій обращался въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Онъ находилъ возможнымъ и нужнымъ съ этимъ государствомъ, съ „землею" своею „говорити", напримѣръ, о войнѣ и мирѣ, т.-е. онъ приглашалъ соборъ высказать „свою мысль" объ объявленіи войны или заключеніи мира. Такъ, напримѣръ, на соборѣ 1642 года, царь, на рѣшеніе этого собора, прямо ставитъ вопросъ: „за Азовъ съ турскимъ и съ крымскимъ царемъ разрывать ли и Азовъ у донскихъ атамановъ и казаковъ пріимать ли?" Повелѣніемъ государя-царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи, въ 1566 году созванъ былъ соборъ для рѣшенія вопроса—„на какове мѣре государю съ королемъ (польскимъ) помириться?" При этомъ вопросъ о войнѣ и мирѣ обсуждался и рѣшался на соборѣ не только, такъ сказать, въ принципѣ—быть войнѣ или миру, или не быть,—но и въ подробностяхъ: у него спрашивали не только о томъ, начинать ли войну или заключать миръ, но и о томъ, какъ вести эту войну или на ка-

кихъ условіяхъ заключать миръ: въ 1637 году, по поводу нападенія на наши „украинныя мѣста“, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ созвалъ соборъ, у котораго спрашивалъ, „какъ, для избавленія православныхъ крестьянъ, противъ таковаго недруга крымскаго царя стоять и какими обычаи ратныхъ людей сбирати?“ Въ 1618 году, „когда королевичъ Владиславъ отъ Можайска со всѣми польскими и литовскими людьми и съ нѣмцы и съ нарядомъ отшелъ и пошелъ по московской дорогѣ подъ Москву“, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приговорилъ „со властьми и съ бояры и всякихъ чиновъ съ людьми московскаго государства“, т.-е. на соборѣ“—„быти на Москвѣ въ осадѣ бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ“, каковые и перечислены поименно; здѣсь же, на соборѣ рѣшено: по какимъ городамъ, какимъ боярамъ „сбиратись съ ратными людьми“; при чемъ этимъ боярамъ даны были наказы, „какъ имъ этимъ государевымъ и земскимъ дѣломъ (защитой отечества) промышлять“; тутъ же, на соборѣ, составленъ и подробный планъ зищиты Москвы. На соборѣ 1566 года, гдѣ, мы видѣли, рѣшена была война съ Польшей, предложенныя Иваномъ Грознымъ условія перемирія съ королемъ найдены были неудовлетворительными; государевы богомольцы нашли, что „государское великое смиреніе во всемъ поступаетъ на себя“, и что въ результатѣ условій этихъ „Пскову тѣсноты будутъ великія... Великому Новгороду и иныхъ городовъ торговымъ людемъ торговли затворятца“. и потому находятъ ихъ невозможными; ихъ нашли таковыми и всѣ. участвовавшіе въ совѣтѣ земли.

Рѣшеніе вопроса о войнѣ въ положительномъ смыслѣ—въ неразрывной связи съ вопросомъ о новыхъ тяготахъ, налогахъ и повинностяхъ народныхъ; а поэтому, соборамъ, которымъ предлагается на обсужденіе вопросъ: „разрывать ли“ съ какимъ-либо сосѣдомъ, предлагался вмѣстѣ и вопросъ:—откуда взять средства на веденіе войны, если рѣшено будетъ приступить къ ней. Такъ, на соборѣ 1642 года вмѣстѣ съ вопросомъ—„съ крымскимъ царемъ разрывать ли?“, предложенъ былъ вопросъ и о томъ, „гдѣ имати“ тѣ „великія деньги и многіе запасы“, которые „надобны будутъ на городовое азовское дѣло и ратнымъ людямъ на жалованье“? Такимъ образомъ, участіе собора въ рѣшеніи вопроса о войнѣ и мирѣ вело и къ участію его въ финансовомъ вопросѣ — о новыхъ налогахъ и повинностяхъ, которыя и устанавливались соборами. Соборы устанавливали размѣры новыхъ наборовъ ратныхъ людей, опредѣляя, какое число ихъ слѣдовало взимать съ извѣстнаго числа дворовъ: „съ дворцовыхъ селъ,—рѣшилъ соборъ 1637 года,—взяти ратныхъ людей по человѣку; а съ патріарха и съ митрополитовъ, и съ архіепископовъ и епископовъ, и съ большихъ монастырей—съ десяти дворовъ по человѣку; а съ бояръ и... со всякихъ чиновъ людей, съ помѣстій и съ вотчинъ, съ двадцати дворовъ по человѣку; а съ середнихъ и съ меньшихъ монастырей съ десяти дворовъ по четыре лошади подъ ратныхъ людей; а съ городовъ, съ посадовъ и съ уѣздовъ, съ черныхъ волостей указали есмя взяти, ратнымъ людямъ на жалованье... со двора по два рубля“. Въ особенно тяжелыя времена, напримѣръ, въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, къ соборамъ обращались и исключительно съ вопросомъ объ отысканіи средствъ на государственныя нужды и потребности вообще, вызванныя положеніемъ государства въ данную минуту, или, какъ это имѣло мѣсто на соборахъ 1632 и 1634 годовъ, на которыхъ рѣчь шла исключительно о „вспоможевьи“—„дали бы денегъ“ на войну съ Польшей. Въ нѣсколькихъ царскихъ грамотахъ десятыхъ годовъ XVII столѣтія

есть прямыя указанія, что по царскому указу „и всей земли приговору, велѣно со всѣхъ городовъ московскаго государства, со всякихъ людей, съ животовъ собирати... деньги пятая доля“ (т.-е. 20% дохода); причемъ „по земскому приговору“ посылаемы были по городамъ „для денежныхъ сборовъ“, установленныхъ тѣмъ же приговоромъ, особые, вѣроятно, избиравшіеся на соборахъ же, „окольничіи или дворяне и архимандритъ, или игуменъ и дьякъ“. Съ извѣстныхъ богачей того времени, братьевъ Строгоновыхъ, однимъ изъ соборовъ приговорено было „взяти съ вотчинъ, и съ промысловъ, и съ животовъ сорокъ тысячъ рублевъ“; въ вознагражденіе за что имъ обѣщается „отъ великаго государя жалованье, а отъ всѣхъ росѣйскихъ государствъ слава... на вѣки“. На упомянутомъ выше соборѣ 1632 года, собранномъ по поводу того, что „впредь безъ прибыльныя безъ великіи рати съ польскими и съ литовскими людьми не раздѣлаться“, постановлено было еще разъ (въ который, не знаемъ) „съ торговыхъ, съ московскихъ людей и въ городѣхъ частей и съ торговыхъ, съ лутчихъ, и съ середнихъ, съ молотчихъ людей, взяти пятую деньгу“; а съ бояръ, приказныхъ и т. д.— „кто что дастъ“; для сбора этихъ денегъ рѣшено было посылать „архимандритовъ и игуменовъ, а съ ними дворянъ добрыхъ“. Проходитъ два года, война длится и притомъ грозитъ неблагопріятнымъ для московскаго государства исходомъ: „по ссылкѣ и накупкѣ“ польскаго короля войска крымскаго царя „многіе городы повоевали“, чѣмъ этотъ царь „государеву дѣлу поруху учинилъ многую“; государственныя средства всѣ идутъ на военные расходы „и впередъ денежной государевой казнѣ жалованье и на кормъ ратнымъ людямъ безъ *прибыльныя* казны быть не умѣть“. А откуда взять эту „прибыльную казну“? Указано быти, для рѣшенія этого труднаго вопроса, земскому собору, на которомъ всякихъ чиновъ люди московскаго государства рѣшили, что „денегъ дадутъ, смотря по своимъ пожиткомъ, что кому мочно дать“.

Не для рѣшенія, однако, указанныхъ только вопросовъ созывались московскими царями земскіе соборы; они созывались и для рѣшенія вопросовъ о внутреннемъ устройствѣ государства вообще; они созывались для того, чтобы узнать здѣсь отъ выборныхъ земли „всякія ихъ нужды и тѣсноты, и раззоренья... и размышляти ко всему добру, чтобъ всѣ люди государства жили въ покоѣ и въ радости“; они призывались, чтобъ помочь царю „устроить московское государство, чтобъ пришло все въ достоинство“. Въ нашихъ источникахъ мы имѣемъ указанія на дѣятельность одного собора именно въ этомъ направленіи. Увидѣвъ, что государство „раззорѣно и запустѣло“, что подати и повинности ложатся не на всѣхъ людей равномѣрной тяжестью, что многіе тяглые люди отъ этихъ податей и повинностей избавляются всякими путями—вовсе съѣзжая изъ своихъ городовъ, съ дворовъ, живя по другимъ городамъ „у племени и друзей“, записываясь „въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей“; увидѣвъ, что бояре и всякихъ чиновъ сильные люди чинятъ посадскимъ и уѣзднымъ маломочнымъ людямъ всякія „насильства и обиды“, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ „съ отцомъ своимъ и богомольцемъ святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ Московскимъ и всея Руссіи“ созываетъ соборъ, и на немъ „со всѣми людьми московскаго государства о всѣхъ статьяхъ говорятъ, какъ бы то исправить и земля устроить“. Съ цѣлью такого устроенія земли на соборѣ рѣшено было произвести новую оцѣнку податной собственности, для чего по всѣмъ городамъ разосланы были особые чиновники — писцы съ дозорщики; всѣхъ сбѣжав-

шихъ съ посадовъ тяглыхъ людей приняты мѣры, „сыскивая, отсылати въ тѣ города, гдѣ они прежде сего живали"; при чемъ рѣшено было „льготы имъ дать, смотря по раззоренію"; всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, заложившихся въ кабалу, дабы избавиться отъ непосильнаго государева тягла, на соборѣ предписано отобрать у митрополита, монастырей, бояръ и всякихъ людей, взыскавъ за нихъ съ послѣднихъ „всякія государевы подати за прошлые годы"; для разбора жалобъ на насильства сильныхъ людей призналъ соборъ нужнымъ устроить на Москвѣ родъ особой комиссіи, говоря нынѣшнимъ административнымъ жаргономъ, изъ бояръ Черкасскаго и Мезецкаго съ товарищи: въ довершеніе всего рѣшено „сыскати и выписати" точныя свѣдѣнія, „сколько со всѣхъ городовъ всякихъ доходовъ и сколько въ нынѣшнихъ годѣхъ доходовъ въ приходѣ, и что въ расходѣ, и что въ доимкѣ осталось, и что отъ раззоренья запустѣло, и какихъ селъ и деревень роздано въ помѣстья и въ вотчины, и что въ нихъ было какихъ доходовъ, и что затѣмъ по окладу всякихъ доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ осталось, и на какіе расходы тѣ доходы указаны, и что за расходомъ останется". Устройство государства на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, приведеніе его „въ достоинство" сдѣлано задачей слѣдующаго собора.

Дѣятельность соборовъ не останавливалась и на этомъ; при извѣстныхъ обстоятельствахъ она шла дальше. Отъ начала царствованія Михаила Ѳеодоровича—1614 года—до насъ дошли три „соборныя грамоты", посланныя въ одинъ и тотъ же день 18 марта „на Волгу атаманомъ и казакомъ и всему великому войску и Заруцкому". Грамоты эти, откуда и самое названіе ихъ соборныя, посланы казацкому войску исключительно или отъ имени всего собора „отъ богомольцевъ, отъ митрополитовъ и отъ архіепископовъ и епискуповъ, и отъ всего освященнаго собору, и отъ окольничихъ, и отъ чашениковъ, и отъ стольниковъ, и отъ дворянъ московскихъ, и отъ приказныхъ людей, и отъ дворянъ изъ городовъ, и отъ головъ, и отъ сотниковъ стрѣлецкихъ, и отъ дѣтей боярскихъ, и отъ атамановъ, и отъ стрѣльцовъ, и отъ казаковъ, и отъ гостей, и отъ торговыхъ, и ото всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей"; или отъ имени извѣстной части его: разъ—отъ имени богомольцевъ „освященнаго собора", другой—отъ бояръ и всего московскаго государства всякихъ чиновъ людей. А въ грамотахъ этихъ (въ двухъ) волжское казацкое войско, послѣ того какъ передъ нимъ изложили всѣ невзгоды смутнаго времени, разсказали объ избраніи царя и воровствѣ Ивашки Заруцкаго съ еретицей богомерзкой Маринкой, приглашается царю Михаилу Ѳеодоровичу „служить и прямить безо всякаго сумнѣнья и воровскимъ ложнымъ заводамъ Ивашка Заруцкаго ни въ чемъ не вѣрить... и къ боярамъ и къ воеводамъ на его государеву службу итти не мѣшкая"; въ награду за эту службу соборъ обѣщаетъ казакамъ „царское милостивое жалованье... свыше прежнихъ великихъ государей, а отъ всего московскаго государства честь и хвалу". Въ третьей грамотѣ отъ всего земскаго собора на имя „Ивана Мартыновича Заруцкаго", послѣ цѣлаго ряда укоровъ этого атамана въ томъ, что онъ „первое зло московскому государству завелъ", соборъ проситъ его „побить челомъ и вину свою принести" великому государю Михаилу Ѳеодоровичу, отъ имени котораго обѣщается полное забвеніе „всякія вины".

Нельзя, наконецъ, не остановиться, изучая сферу дѣятельности земскихъ соборовъ, на соборѣ 1648 года, который имѣетъ такое непосредственное отношеніе къ Уложенной книгѣ царя Алексѣя Михайло-

вича; въ дѣятельности этого собора, быть можетъ, наиболѣе рельефно выразилось значеніе земскихъ соборовъ московскаго государства въ законодательствѣ и управленіи этого послѣдняго. До послѣдняго времени, опираясь на предисловіе къ Уложенію, принимали, что послѣднее было лишь прочтено на соборѣ, который, такимъ образомъ, былъ созванъ исключительно для того, чтобы выслушать составленное особой комиссіей изъ бояръ,—что царь Алексѣй Михайловичъ этимъ путемъ хотѣлъ лишь „его государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставити, чтобы тѣ всѣ великія дѣла... впредь были ничѣмъ нерушимы". Съ постепеннымъ появленіемъ различнаго рода письменныхъ памятниковъ въ разныхъ изданіяхъ, изученіе Уложенія на основаніи этихъ памятниковъ привело къ иному взгляду на дѣло; это изученіе заставило дать вѣру извѣстію одного иностранца, бывшаго въ Москвѣ въ XVII ст. Этотъ иноземецъ въ своихъ запискахъ о Россіи разсказываетъ, что по указу Алексѣя Михайловича собрались въ Москву выборные люди, чтобъ написать „нѣсколько новыхъ законовъ", что̀ они и исполнили, составивъ Уложеніе, въ которое вмѣстѣ съ старыми положеніями вошло много новыхъ. Профессоръ Сергѣевичъ утверждаетъ категорически, что „чины собора принимали участіе въ самомъ составленіи статей Уложенія", ссылаясь въ подтвержденіе этого на слова предисловія къ Уложенію, въ которомъ говорится, что вопросы, на которые не находится никакихъ отвѣтовъ ни въ Судебникахъ, и въ дополнительныхъ къ нимъ указахъ, должны быть рѣшены „по его государеву указу общимъ совѣтомъ", подъ которымъ профессоръ разумѣетъ общій совѣтъ земли—земскій соборъ. Принявъ это вѣрное положеніе, другой изслѣдователь права московскаго государства, г. Загоскинъ, утверждаетъ, что нѣсколько десятковъ статей Уложенія (онъ нашелъ—82) „составлены были при участіи выборныхъ людей земскаго собора". Нѣкоторыя изъ этихъ статей вошли въ Уложеніе изъ челобитныхъ, поданныхъ выборными членами собора; а многія, вѣроятно, возникали и вырабатывались во время самыхъ преній соборныхъ. Соборъ этотъ, по догадкамъ гг. Сергѣевича и Загоскина, тянулся до пяти мѣсяцевъ.

Сообразивъ все до сихъ поръ сказанное здѣсь о соборахъ, нельзя не придти къ заключенію, что они имѣли грамадное значеніе въ общественно-государственномъ строѣ нашего прошлаго. Они „представляются,—говоритъ профессоръ Сергѣевичъ,—несомнѣнно полезными, какъ средство непосредственнаго общенія государя съ землей; изъ челобитныхъ выборныхъ людей государи прямо знакомились съ потребностями страны, недостатками управленія и злоупотребленіями органовъ администраціи". И это справедливо. Выборные члены собора, всегда съ готовностью предлагая просимыя у нихъ правительствомъ средства—деньгами, людьми, припасами,—необходимыя на веденіе слишкомъ тяжелыхъ войнъ, тѣмъ не менѣе смѣло указывали на свое „раззореніе и безпомощность", какъ это сдѣлали, напр., дворяне и дѣти боярскія многихъ городовъ на соборѣ 1642 года; на „оскудѣніе и полное обнищаніе многихъ людей отъ безпрестанныхъ государевыхъ службъ и отъ пятинныя деньги", какъ на это указывали на томъ же соборѣ торговые люди, которые тутъ же били челомъ царю въ томъ, что „всякія ихъ торжишка на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ отняли многіе иноземцы"; что „въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ государевыхъ воеводъ, а торговые людишка, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промыслишка. отъ ихъ же воеводскаго задержанія и насильства въ проѣздѣхъ торговъ

своихъ отбыли"... Но этимъ только значеніе земскихъ соборовъ не исчерпывалось, какъ не исчерпывалось и значеніе челобитій однѣми жалобами на тяготы и раззоренья; какъ въ челобитьяхъ выражалась извѣстная иниціатива относительно принятія тѣхъ или иныхъ мѣръ по тѣмъ или инымъ вопросамъ, изданія тѣхъ или иныхъ указовъ по этимъ вопросамъ; такъ точно и на соборахъ выражалась та же народная иниціатива, то же народное участіе въ самомъ законодательствѣ и притомъ не по вопросамъ только мѣстнымъ, но по вопросамъ общегосударственнымъ. Указанные нами предметы соборныхъ совѣщаній служатъ лучшимъ и несомнѣннымъ подтвержденіемъ высказанной мысли.

Соборы созывалъ царь; онъ ихъ и распускалъ; отъ него же зависѣло и придать то или иное значеніе ихъ приговору или постановленію; и все это зависѣло, исключительно, отъ его усмотрѣнія, его доброй воли: никакихъ юридическихъ опредѣленій взаимныхъ отношеній этихъ двухъ факторовъ московскаго общественно-государственнаго строя мы не находимъ, да и не найдемъ: ихъ не существовало, какъ не существовало этихъ опредѣленій и по многимъ другимъ сторонамъ этого строя. Являясь представительными учрежденіями, наши земскіе соборы принадлежатъ къ явленіямъ той же стадіи развитія государства, къ какой относятся пресловутыя Etats Généraux Франціи и начальные парламенты Англіи; но этимъ ихъ сходство въ сущности и кончается. Тамъ эти учрежденія явились, какъ результатъ борьбы отдѣльныхъ классовъ феодальнаго общества между собою и съ королевской властью; здѣсь, въ московскомъ государствѣ, никакой борьбы не существовало: власть царя московскаго объединяла вся и все: тяглое населеніе государства все шло за нимъ, шло неуклонно и безпрекословно; отдѣльные слои этого населенія борьбы между собою не вели: не за что было вести ее въ смыслѣ западно-европейской борьбы. Въ этой характеристической чертѣ историческаго возникновенія и хода развитія нашихъ сословій, а въ силу этого въ своеобразномъ развитіи верховной власти московскаго царя и лежитъ, въ свою очередь, своеобразность нашихъ земскихъ соборовъ, какъ народныхъ представительныхъ учрежденій; отсюда эта неопредѣленность ихъ отношеній къ верховной власти и наоборотъ: отсюда эта патріархальность отношеній, организаціи.

И несмотря, однако, на эту патріархальность, на эту неопредѣленность, наши соборы въ свое время, повторяемъ еще разъ, съиграли огромную роль въ исторіи и, вопреки мнѣнію г. Чичерина, въ теченіе полутора столѣтій „были существеннымъ элементомъ государственной жизни", какъ были имъ, напр., во Франціи Etats Généraux, хотя и существенно отличаясь отъ этихъ послѣднихъ. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить такіе соборы, какъ соборы начала царствованія Михаила Ѳеодоровича или соборъ Алексѣя Михайловича, участвовавшій въ составленіи Уложенія. Они могли бы быть и послѣ XVII ст. этимъ „существеннымъ элементомъ", разумѣется, при извѣстныхъ, благопріятныхъ для этого, условіяхъ; случись это послѣднее, въ нихъ всѣ нашли бы, быть можетъ, и то, чего въ нихъ въ дѣйствительности и не было. Но этого не случилось. Соборы исчезли; но исчезли, во всякомъ случаѣ, не вслѣдствіе „своего внутренняго ничтожества", какъ думаетъ тотъ же г. Чичеринъ. Утверждать это—значитъ утверждать внутреннее ничтожество представительнаго начала вообще. „Если государи перестали созывать соборы,—говоритъ проф. Сергѣевичъ,—то причину этого надо искать въ стороннихъ вліяніяхъ, которымъ было выгодно представить соборы, какъ учрежденіе безполезное". Проявленіе этихъ „стороннихъ вліяній"

почтенный профессоръ находитъ еще во второй половинѣ XVII столѣтія; эти влiянiя истекали, по его мнѣнiю, отъ бояръ, думныхъ людей вообще и духовныхъ властей московскаго государства, которымъ наиболѣе претила и вредила дѣятельность московскихъ соборовъ. Догадка вѣроятная. Но во всякомъ случаѣ, эта причина не была исключительной, единственной причиной исчезновенiя соборовъ, которые дѣйствительно исчезли лишь въ XVIII ст. Трудно воздержаться, чтобъ не привести здѣсь взгляда на данный вопросъ, высказаннаго другимъ нашимъ профессоромъ исторiи русскаго права, г. Владимiрскимъ-Будановымъ, и высказаннаго именно по поводу мнѣнiя г. Сергѣевича. Почтенный профессоръ проситъ не забывать, что соборы, имѣвшiе мѣсто для „государскаго обиранья", т.-е. избранiя царей, созывались „боярами и духовенствомъ": по совѣту съ тѣми и другими созывались соборы и при царяхъ, напр., въ 1619 и 1648 годахъ; наконецъ, онъ обращаетъ особенное вниманiе на договоръ, заключенный во время междуцарствiя, когда бояре могли сдѣлать многое въ своихъ личныхъ интересахъ, съ королевичемъ Владиславомъ,—договоръ, составленный и заключенный исключительно боярами, а въ этомъ договорѣ говорится, напримѣръ, слѣдующее: „на Москвѣ и по городамъ суду быти и совершатись по прежнему обычаю,... а будетъ похотятъ въ чемъ пополнити для укрѣпленiя судовъ и государю на то поволити съ думою боярскою и всей земли"—не съ одною думою боярскою, а и думою всей земли, т.-е съ земскимъ соборомъ!

Почему же въ это удобное для нихъ время бояре не отдѣлались отъ думы всей земли? Профессоръ же Будановъ указываетъ, въ двухъ-трехъ словахъ, на одну изъ настоящихъ, по нашему мнѣнiю, причинъ исчезновенiя соборовъ въ XVIII столѣтiи: „верховная власть, проводя въ жизнь новыя нормы вопреки обычному праву (т.-е. народному сознанiю о правѣ), не могла въ этой дѣятельности опираться на представителей народа; напротивъ, она должна была ожидать въ нихъ лишь противодѣйствiя и порицанiя". И въ самомъ дѣлѣ, что могъ узнать для своей дѣятельности генiальный царь-революцiонеръ, проникнутый убѣжденiями и взглядами „просвѣщеннаго абсолютизма"? Зачѣмъ могъ онъ обращаться къ совѣту „земли", по его мнѣнiю, разсыпавшейся, шедшей къ своей погибели?...

Только во второй половинѣ XVIII столѣтiя мы вдругъ, совершенно неожиданно, встрѣчаемся съ народнымъ представительствомъ въ формѣ „Комиссiи о сочиненiи проекта новаго Уложенiя", созванной въ 1767 году и представлявшей собою совокупность представителей всѣхъ классовъ населенiя, исключая, разумѣется, крестьянъ, изъ которыхъ прислали своихъ представителей лишь ничтожное количество государственныхъ. Царственная поклонница Вольтера хотѣла узнать „умоначертанiе своего народа" и въ союзѣ съ нимъ достигнуть „блаженства всѣхъ и каждаго... укрѣпить и защитить отечество... соблюсти законы... узаконить такiя государственныя учрежденiя, кои вели бы къ соблюденiю добраго во всемъ порядка". Мы знаемъ, что Комиссiя этихъ цѣлей не достигла, и никакъ не по ея винѣ; но ея кратковременная дѣятельрость все-таки не прошла и совершенно безслѣдно: „Комиссiя Уложенiя", говорила императрица, „подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнiе о всей имперiи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно... Стали многiе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ".

Несмотря на это свидѣтельство самой виновницы созванiя собора въ XVIII ст., въ немъ долгое время видѣли, а вѣроятно видятъ и те-

перь, нѣчто—мы затрудняемся выбрать подходящее выраженіе—нѣчто, пожалуй, опасное, нѣчто такое, къ чему слѣдуетъ относиться очень и очень осторожно. Несомнѣнно, что также смотрѣли и смотрятъ и на соборы московскаго государства. Лучшимъ отвѣтомъ на такое воззрѣніе можетъ служить, разумѣется, самая дѣятельность Комиссіи и соборовъ и вмѣстѣ то довѣріе, съ какимъ относились къ нимъ державные носители верховной власти, къ нимъ за совѣтомъ и помощью обращавшіеся.

Но мы попросимъ, къ этому, читателя еще разъ вспомнить тѣ печальныя страницы нашего прошлаго, которыя носятъ характерное названіе смутнаго времени,—вспомнить, чѣмъ закончились эти страницы. А закончились онѣ совѣтомъ всей земли—земскимъ соборомъ, совѣтомъ „митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, бояръ, воеводъ, дворянъ, гостей и посадскихъ и всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей“, въ лицѣ ихъ представителей, лучшихъ и разумныхъ людей; совѣтомъ, собравшимся въ Москву со всѣхъ концовъ Руси по призыву „бояръ и воеводъ и всякихъ чиновъ всякихъ людей, которые въ то время (по очищеніи Москвы) были на Москвѣ“. Совѣтъ этотъ собрался „для государскаго обиранья“, для того, чтобъ „великое россійское государство, послѣ московскаго разоренія, впередъ безгосударно не было“; и онъ этого достигъ: „по всему мирному благосоюзному общему совѣту... всякіе служилые люди и гости, и посадскіе и уѣздные всякіе люди всѣхъ городовъ всего великаго россійскаго царствія... обрали на всѣ великія и преславныя государства всего россійскаго царствія государемъ царемъ... Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрьева!“

Отдадимъ же должное земскому совѣту московскаго государства.

XCIX. Характеристика законодательства и управленія въ Московской Руси.

(Ст. Я. Я. Гуревича).

1) Законодательство.

Прежде чѣмъ обратиться къ ознакомленію съ характеромъ московскаго законодательства и на основаніи установленныхъ фактовъ надлежащимъ образомъ его оцѣнить, мы должны дать себѣ отчетъ въ тѣхъ требованіяхъ, которыя мы вправѣ предъявлять къ законодательству вообще. Чтобы наилучшимъ образомъ выполнять свое назначеніе—регулировать общественную и государственную жизнь страны—законодательство должно обладать опредѣленными качествами: оно должно прежде всего отвѣчать потребностямъ современнаго ему народнаго быта; оно должно предусматривать по возможности всѣ правовые вопросы частной и общественной жизни и давать на нихъ точные отвѣты; при этомъ законы должны быть ясно выражены и при возможной краткости формулировки охватывать наиболѣе широкій кругъ явленій, такъ, чтобы подъ каждый данный законъ, можно было подвести наибольшее число частныхъ случаевъ; въ то же время *отдѣльные законы* должны быть связаны между собою единствомъ плана и системы, являясь выраженіемъ нѣкоторыхъ общихъ

принциповъ и идей. Безъ этого условія законы станутъ повторять или затемнять другъ друга, пользованіе ими будетъ затруднено, и, что еще важнѣе, между ними неизбѣжно возникнетъ противорѣчіе или они окажутся враждебными силами, толкающими жизнь народа по различнымъ, даже противоположнымъ направленіямъ.

Однако, характеръ стройной системы, основанной на опредѣленныхъ принципахъ, законодательство можетъ получить лишь при наличности особыхъ благопріятныхъ для того обстоятельствъ. Законодатели, творящіе подобную систему законовъ, должны располагать данными обширнаго историческаго и политическаго опыта, они должны быть проникнуты опредѣленными идеалами и стремленіями, яснымъ сознаніемъ общественныхъ и государственныхъ цѣлей, для достиженія которыхъ предназначаются создаваемые ими законы, наконецъ, вся система должна явиться плодомъ труда однихъ и тѣхъ же лицъ, дѣйствующихъ при опредѣленныхъ историческихъ условіяхъ. Иначе — разнообразіе личныхъ взглядовъ и требованій жизни въ тотъ или иной историческій моментъ неизбѣжно внесутъ въ эту систему частности, нарушающія стройность замысла.

Всѣ перечисленныя выше условія рѣдко дѣйствуютъ одновременно въ исторической жизни народовъ — рѣдко законодателю представляется возможность заново созидать государственное зданіе на продуманной имъ единой основѣ политическихъ и общественныхъ принциповъ. И это ни въ какомъ случаѣ не можетъ произойти въ странѣ молодой культуры, гдѣ при недостаткѣ опыта и познаній, при низкомъ уровнѣ умственнаго развитія законодатели бываютъ не въ силахъ обнять своимъ сознаніемъ всѣ стороны общественной жизни, всѣ ея нужды и потребности, и подыскать соотвѣтствующія имъ законодательныя нормы, гдѣ власть, къ тому же, не располагаетъ обыкновенно средствами, нужными для того, чтобы подчинить своему вліянію развитіе народной жизни въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Въ странахъ мало культурныхъ даже потребность въ законахъ вообще сознается еще сравнительно слабо, а на низшихъ ступеняхъ общественнаго быта писаныхъ законовъ мы не встрѣчаемъ вовсе—дѣйствующее право опредѣляется обычаемъ.

Законодательство древней Руси, подобно законодательству всѣхъ странъ молодой культуры, выросло на основѣ, созданной обычаями. Самые же обычаи, какъ и позднѣйшіе законы, слагались изъ разнообразныхъ элементовъ: тутъ и исконное обычное право славянъ-язычниковъ, и начала, позаимствованныя отъ христіанскихъ народовъ, въ частности изъ сборниковъ византійскаго права, и черты, внесенныя въ политическій бытъ народа пришлыми варяжскими князьями, и отпечатокъ татарскихъ и литовскихъ правовыхъ понятій. Очевидно, нѣтъ никакихъ основаній искать какихъ-либо признаковъ единства въ законодательствѣ, постепенно создававшемся при столь различныхъ условіяхъ исторической жизни, подъ вліяніемъ культуры столь несходныхъ между собою въ бытовомъ отношеніи народностей. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что и молодая культура русскаго народа не усвоивала съ полною пассивностью вліяній ей совершенно чуждыхъ. Всякое заимствованіе со стороны должно было въ извѣстной степени приспособиться къ характеру русской народности, къ потребностямъ русской народной жизни. Однако, разнообразіе источниковъ въ ряду другихъ условій, мѣшавшихъ московскому законодательству сложиться въ стройную систему, должно было съиграть видную роль.

Въ силу косности, которая обычно является слѣдствіемъ малой культурности, незначительности политическихъ знаній и опыта, древне-

русское и въ частности московское правительство обращалось къ законодательной работѣ лишь тогда, когда этого настоятельно требовала практика управленія.

Отвѣтомъ на эти требованія и явились въ свое время законодательные сборники вродѣ Русской Правды, княжескаго Судебника (1494 г.) и Судебника царскаго (1550 г.). Постепенно вытѣсняя обычное право, эти сборники, тѣмъ не менѣе, не могли охватить всѣ отношенія частной и общественной жизни, которыя въ культурныхъ государствахъ обыкновенно регулируются законодательствомъ. Всѣ они разрѣшаютъ вопросы, относящіеся главнымъ образомъ къ области уголовнаго права, затрагивая лишь нѣкоторыя части права гражданскаго, а затѣмъ съ особымъ вниманіемъ останавливаются на формахъ судопроизводства. Княжескій Судебникъ такъ и начинается словами: „Уложилъ великій князь... о судѣ, какъ судити бояромъ и окольничимъ". Изъ сказаннаго ясно, что обширнѣйшая область отношеній, регулируемыхъ нормами права государственнаго, въ эпоху изданія Судебниковъ оставалась внѣ руководства закона. Права и обязанности верховной власти и различныхъ государственныхъ учрежденій, равно какъ и права и обязанности населенія по отношенію къ государству продолжали опредѣляться обычаемъ. Соборное Уложеніе 1649 года является первымъ законодательнымъ сборникамъ, въ которомъ нѣкоторыя обязанности гражданъ по отношенію къ государству нашли себѣ выраженіе въ писаномъ законѣ, но основы государственнаго устройства и сфера компетенціи государственныхъ учрежденій оставались безъ законодательнаго опредѣленія вплоть до времени Петра Великаго.

Неполнота и односторонность содержанія московскихъ законодательныхъ сборниковъ сами по себѣ требовали дополненій, а между тѣмъ жизнь шла впередъ и, развиваясь, выдвигала новыя задачи, ставила новые правовые вопросы, на которые законодательная власть далеко не всегда успѣвала дать своевременные отвѣты. Рано или поздно, правительство приходило къ сознанію, что назрѣвшіе и уже разрѣшенные жизнью вопросы требуютъ установленія соотвѣтственныхъ законовъ. Но при такихъ условіяхъ ему оставалось только освятить своимъ авторитетомъ фактически сложившіяся отношенія. Законодательство, такимъ образомъ, не направляло жизнь, а само получало отъ нея направленіе, шло за нею по пятамъ. Примѣромъ подобнаго явленія въ правовой жизни Московской Руси является развитіе крѣпостного права, которое согласно современнымъ научнымъ воззрѣніямъ успѣло въ значительной степени сложиться въ опредѣленныя формы, прежде чѣмъ получило признаніе и соотвѣтственное выраженіе въ законѣ [1]).

Само собою разумѣется, что такое *стихійное развитіе* правовыхъ отношеній далеко не всегда могло удовлетворить потребностямъ жизни. Во многихъ случаяхъ рѣшеніе того или иного вопроса требовало законодательнаго творчества, и тутъ уже безъ своевременнаго вмѣшательства власти дѣло обойтись не могло. Но и въ этихъ случаяхъ законодательная инииціатива по большей части принадлежала подчиненнымъ органамъ правительственной власти — приказамъ — или даже самому населенію. Въ приказы иногда поступали дѣла, относительно которыхъ тамъ не знали, какъ ихъ рѣшить. Тогда объ этомъ докладывали государю или боярской думѣ, т.-е. прибѣгали къ тому пути, который былъ указанъ въ царскомъ Судебникѣ: „а которыя будутъ дѣла новыя,—говорится въ немъ, — а въ семъ

[1]) См. ст. П. Н. Милюкова о крестьянахъ въ этомъ отдѣлѣ II т. „Хрестоматіи".

судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семъ судебникѣ приписывати". Дѣло, рѣшенное такимъ образомъ „съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору", становилось административнымъ или судебнымъ прецедентомъ, т.-е. образцомъ, согласно которому впослѣдствіи разрѣшались подчиненными органами управленія и суда сходныя дѣла. Не будучи законами по формѣ, эти образцовыя рѣшенія становились равносильными закону. Въ иныхъ случаяхъ возбужденный приказомъ вопросъ могъ послужить поводомъ къ обнародованію общаго указа, т.-е. получалъ форму настоящаго закона. И разрѣшенныя думою „новыя дѣла" и новые указы записывались въ такъ называемыя указныя книги, хранившіяся въ приказахъ. Что же касается населенія, то оно возбуждало вопросы, требовавшіе законодательнаго разрѣшенія, или на земскихъ соборахъ, или посредствомъ челобитій. Яркимъ примѣромъ законодательной иниціативы земскаго собора представляетъ собой Уложеніе 1649 г., часть постановленій котораго выработана выборными земскими людьми [1]); а введенное Грознымъ земское самоуправленіе является законодательнымъ утвержденіемъ реформы, предложенной царю народными челобитьями [2]).

Изъ вышеизложеннаго видно, что въ Московскомъ государствѣ, законы зачастую создавались по частному поводу (ad hoc). Такой способъ возникновенія московскаго законодательства сообщалъ ему неполноту, безсистемность, противорѣчивость. Относительно неполноты его мы уже говорили. Безсистемность же и противорѣчивость московскаго законодательства особенно ярко сказывались въ томъ, что нерѣдко бывали случаи, когда по вопросу, давно уже рѣшенному по представленію одного приказа, появлялось новое рѣшеніе въ отвѣтъ на представленіе другого приказа. Въ результатѣ въ указной книгѣ любого приказа можно было найти указы, взаимно уничтожавшіе другъ друга и являвшіеся въ рукахъ падкаго на взятку дьяка превосходнымъ средствомъ угнетенія.

И такой характеръ московское законодательство сохранило вплоть до 1682 г., когда при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ былъ задуманъ законъ о призрѣніи „по новымъ еуропскимъ обычаямъ".

2. Управленіе.

Подобно законодательству развивалось и управленіе въ до-петровской Руси и въ частности въ Руси Московской, которую мы и будемъ имѣть въ виду въ дальнѣйшемъ изложеніи. Зачатки управленія унаслѣдованы Московскимъ государствомъ отъ удѣльнаго періода Русской исторіи, гдѣ это управленіе развивалось на основѣ натуральнаго хозяйства и при господствѣ частно-правовыхъ понятій надъ общественными и государственными, — гдѣ, въ силу этого, управленіе подчиненнаго удѣльному князю удѣла сливалось съ управленіемъ его вотчиннаго хозяйства.

Жизнь шла впередъ, на мѣсто удѣльной раздробленности становилось государственное единство, примитивныя формы вотчиннаго управленія не могли болѣе вмѣстить въ себѣ сложное содержаніе управленія государственнаго, приходилось искать новыхъ формъ, создавать новыя учре-

---

[1]) См. во II т. „Хрестоматіи" въ отдѣлѣ „Царствованіе Алексѣя М." ст. М. Ф. Владимірскаго-Буданова объ Уложеніи.

[2]) См. въ этомъ отдѣлѣ II т. „Хрестоматіи" ст. С. В. Вознесенскаго о земскомъ самоуправленіи.

жденія. Но какимъ же порядкомъ шла эта организующая государственная работа? Да такимъ же, какъ и законодательство. И здѣсь знакомая намъ косность идей, недостатокъ инціативы, отчасти и слабость правительственнаго вліянія на народную жизнь приводили къ безалаберному, безсистемному созиданію; при отсутствіи общаго плана новое нагромождалось на старое, не разрушая его, а только по возможности приспособляя и дополняя.

Дѣло можно представить себѣ такъ. Одинокій, бѣдный человѣкъ, знакомый лишь съ самыми незамысловатыми пріемами строительной техники, построилъ себѣ самодѣльную курную избенку, низкую и подслѣповатую, гдѣ и поселился въ сообществѣ съ теленкомъ и поросенкомъ. Потомъ онъ обзавелся семьей, въ то же время поисправился и въ хозяйственномъ отношеніи. Въ избенкѣ стало тѣсно, и онъ пристроилъ къ ней горницу повыше, почище, поудобнѣе. Подросли дѣти, побывали въ людяхъ, кое-чему понаучились и, взявшись за отцовское хозяйство, захотѣли и отческій домъ надстроить и расширить. Второй этажъ покрылъ и первоначальную избушку, и позднѣйшаго происхожденія чистую горницу. Шло время, нижній этажъ подпрѣвалъ и садился, старая половина быстрѣе новой, а потому и верхній этажъ вскорѣ покосился на бокъ. Но дѣти первоначальнаго строителя не унимались, пристраивали и надстраивали, кое-какъ подтыкая и подправляя разрушающійся остовъ стараго дома, а у внуковъ пошли и заморскія затѣи съ балконами, верандами и водопроводами. И въ то время какъ въ первоначальной горницѣ хрюкалъ традиціонный поросенокъ, въ новѣйшей пристройкѣ, совсѣмъ не подходящей по стилю къ старому зданію, красовалась иноземная мебель. Переходя отъ аналогіи къ фактамъ исторической дѣйствительности мы укажемъ, что характеръ развитія московскихъ государственныхъ учрежденій лучше всего можетъ быть понятъ при ознакомленіи съ исторіей московскихъ приказовъ, которую мы вкратцѣ здѣсь и изложимъ, пользуясь для этого матеріаломъ изъ сочиненій П. Н. Милюкова и проф. Ключевскаго.

Генезисъ московскихъ приказовъ лежитъ въ тѣхъ государственно-вотчинныхъ учрежденіяхъ, которыя сложились еще въ удѣльныхъ княжествахъ. Постепенно въ средѣ лицъ, окружавшихъ князя и раздѣлявшихъ съ нимъ его административно-хозяйственныя заботы, стала происходить нѣкоторая дифференціація: въ то время какъ одни изъ нихъ управляли хозяйствомъ князя въ узкомъ смыслѣ этого слова, другимъ князь сталъ поручать завѣдываніе финансами, войскомъ и дипломатическими сношеніями; т.-е. функціями, имѣвшими характеръ государственный. Должностныя лица, которымъ „приписывались" эти дѣла, именовались дворцовыми, разрядными, и посольскими дьяками. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ количественнаго и качественнаго развитія дѣлъ, эти приказы, т.-е. порученія отдѣльнымъ лицамъ, откристаллизировались въ постоянныя учрежденія: дворецъ, разрядъ и посольскій приказъ.

Когда одно изъ удѣльныхъ княжествъ, Московское, начало увеличиваться на счетъ остальныхъ, оно первое время занялось лишь чисто внѣшней передѣлкой приказного управленія. Присоединяя какую-нибудь область: Новгородъ, Тверь или Рязань, правительство просто переводило въ Москву ихъ учрежденія — „дворцы" и „разряды". И вотъ, на ряду съ прежнимъ Московскимъ дворцомъ, появляются дворцы Тверской и Рязанскій, разрядъ Новгородскій, а въ присоединенныя области посылаются намѣстники. И это механическое наростаніе учрежденій продолжается и при Грозномъ, когда возникъ Казанскій дворецъ, и при Ми-

хаилѣ, когдо появился приказъ Сибирскій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Московскомъ государствѣ начались и попытки внутренней реформы приказныхъ учрежденій. Такъ, Грозный впервые отдѣлилъ дворцовое управленіе отъ государственнаго, поручивъ дворцовыя земли вѣдать „Большому дворцу“, а старую территорію государства, образовавшуюся изъ прежнихъ удѣльныхъ княжествъ, „четвертямъ“: Владимірской, Устюжской, Галичской и Новгородской. Эти четверти вѣдали въ подчиненныхъ имъ земляхъ главнымъ образомъ финансы. Когда же правительство стало занимать со 2-ой пол. XVI в. южныя степи, колонизировать ихъ и строить линіи городовъ для отраженія татаръ, то управленіе этой частью государственной территоріи было поручено „Разрядному приказу“—тогдашнему военному министерству. На ряду со всѣми этими учрежденіями продолжали функціонировать или создавались и учрежденія, вѣдавшія не опредѣленную территорію въ томъ или иномъ отношеніи, а опредѣленный кругъ дѣлъ. Таковы были: уже упомянутый нами посольскій приказъ, приказъ помѣстный, вѣдавшій служилое землевладѣніе, ямской приказъ, завѣдывавшій казенной почтой, разбойный, холопій, приказы книжнаго и печатнаго дѣла, каменный и аптекарскій. Наконецъ, были приказы—пушечный, стрѣлецкій, иноземный и казачій,—которые вмѣстѣ съ разрядомъ дѣлили завѣдываніе военными дѣлами. Всего было, по подсчету проф. Ключевскаго, до 15 приказовъ по военному управленію, не менѣе 10 по государственному хозяйству и до 18 по дворцовому вѣдомству.

Исторія происхожденія московскихъ приказовъ представляетъ собою наиболѣе типичное явленіе въ процессѣ образованія всѣхъ вообще московскихъ правительственныхъ учрежденій. Она показываетъ, что московское правительство, сознавъ извѣстную нужду административнаго строительства, хваталось за первое попавшееся подъ руку орудіе для выполненія нужнаго дѣла. Вплоть до временъ Петра В. оно не могло проникнуться мыслью, что для правильной организаціи управленія, работу государственныхъ учрежденій надо распредѣлить систематически, подчинивъ дѣятельность каждаго изъ нихъ опредѣленному принципу и спеціализируя каждое, по возможности, на опредѣленномъ родѣ дѣлъ.

Вѣдѣніе дѣлами, ничего общаго между собою не имѣющими, соединялось зачастую въ одномъ учрежденіи и, наоборотъ, однородныя дѣла вѣдались въ различныхъ учрежденіяхъ, иногда даже во многихъ одновременно. Дѣла центральнаго управленія смѣшивались съ дѣлами управленія мѣстнаго. Администрація не была отдѣлена отъ суда. Одни и тѣ же лица и учрежденія завѣдывали дѣлами военными и гражданскими, что объясняется низкимъ уровнемъ въ развитіи тогдашней военной техники, какъ и техники гражданскаго управленія. Контроль надъ дѣятельностью правительственныхъ учрежденій осуществлялся при посредствѣ ихъ самихъ. Денежныя поступленія не имѣли тенденціи сосредоточиваться въ одномъ спеціально приспособленномъ для этого учрежденіи (государственномъ казначействѣ), а растекались сразу по различнымъ органамъ центральнаго управленія, поступая въ разбродъ съ разныхъ концовъ государства.

Къ изложенному надо прибавить, что при зачаточномъ состояніи государственнаго права (см. выше главу о законодательствѣ), права и обязанности государственныхъ учрежденій не были точно опредѣлены закономъ, такъ что, не говоря уже о населеніи, сами чиновники и правительственныя лица далеко не всегда могли разобраться, какое дѣло куда принадлежитъ, кѣмъ оно должно разрѣшаться.

Что же сказать теперь о московскомъ правительственномъ механизмѣ?—Это была безобразная, необычайно громоздкая и весьма малопроизводительная административная машина, пользованіе которой было возможно лишь при вяломъ, тягучемъ темпѣ московской общественной и государственной жизни. Когда при Петрѣ оживился жизненный пульсъ страны, полная непригодность этой машины обнаружилась вполнѣ, ее пришлось сломать до основанія, а на мѣстѣ ея построить новую, болѣе слаженную, болѣе приспособленную къ потребностямъ жизни.

C. О приказахъ.

(Изъ соч. Котошихина: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича»).

1. Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, а въ немъ сидитъ дьякъ да подъячихъ съ 10 человѣкъ, и вѣдаютъ они и дѣлаютъ дѣла всякія царскія, тайныя и явныя; и въ тотъ приказъ бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ, кромѣ самого царя. А посылаются того приказа подъячіе съ послами въ чужія государства, и на посольскіе съѣзды, и на войну съ воеводами, для того, что послы въ своихъ посольствахъ много чинятъ не къ чести своему государю, въ проѣздѣ и въ разговорныхъ рѣчахъ, а воеводы въ полкахъ много неправды чинятъ надъ ратными людьми, и тѣ подъячіе надъ послами и воеводами подсматриваютъ и царю, пріѣхавъ, сказываютъ; послы или воеводы, вѣдая въ дѣлахъ неисправленіе свое и страшась царскаго гнѣва, тѣхъ подъячихъ дарятъ и почитаютъ выше ихъ мѣры, чтобы они предъ царемъ ихъ выславляли, а худымъ не поносили. А устроенъ тотъ приказъ при нынѣшнемъ царѣ, для того чтобы его царскія мысли и дѣла исполнялись всѣ по его хотѣнію, а бояре бы и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали.

Да въ томъ приказѣ вѣдаются гранатнаго дѣла мастера и всякое гранатное дѣло и заводы; а деньги на строеніе того гранатнаго дѣла и на заводы, на покупку и на жалованье мастеровымъ людямъ берутъ изъ разныхъ приказовъ, откуда царь велитъ. Да въ томъ же приказѣ вѣдается царская лѣтняя потѣха, птицы, кречеты, соколы, ястребы и иныя; а бываетъ тѣми птицами потѣха на лебедей, на утокъ, на журавлей и на иныя птицы и на зайцевъ, и учиненъ для той потѣхи подъ Москвою потѣшный дворъ; да для той же потѣхи и для ученья учинены сокольники съ 100 человѣкъ, и на томъ дворѣ лѣтомъ и зимою бываютъ у птицъ безпрестанно, днюютъ и ночуютъ поперемѣнно, человѣкъ по 20; а честью тѣ сокольники равны жильцамъ и стремяннымъ конюхамъ; они пожалованы денежнымъ жалованьемъ и платьемъ погодно, и помѣстьями и вотчинами; и будучи у тѣхъ птицъ, они пьютъ и ѣдятъ царское; а будетъ у царя всякихъ потѣшныхъ птицъ больше 3,000, и кормъ, мясо говяжье и баранье, идетъ тѣмъ птицамъ съ царскаго двора; да для ловли и для ученья тѣхъ же птицъ, въ Москвѣ, въ городахъ и въ Сибири, учинены кречетники и помощники, больше 100 человѣкъ, люди пожалованные же; а ловятъ тѣхъ птицъ подъ Москвою, и въ городахъ, и въ Сибири, надъ озерами и надъ большими рѣками на берегахъ по пескамъ, и наловя тѣхъ птицъ, привозятъ къ Москвѣ больше 200 на годъ, и посылаются тѣ птицы въ Персію съ послами и куда случится, и персидскій шахъ тѣхъ птицъ принимаетъ за великіе подарки и ставитъ ихъ

цѣною рублевъ по 100, по 200, по 500, по 1,000 и больше, смотря по птицѣ; да на кормъ тѣмъ птицамъ и для ловли берутъ они, кречетники и помощники, голубей во всемъ Московскомъ государствѣ, у кого-бы ни были, и, взявъ, привозятъ въ Москву, а въ Москвѣ тѣмъ голубямъ устроенъ дворъ, и будетъ тѣхъ голубей больше 100,000 гнѣздъ, а кормъ, ржаныя и пшеничныя высѣвки, идутъ съ Житеннаго двора.

2. Посольскій Приказъ, а въ немъ сидитъ думный дьякъ да два дьяка, подъячихъ 14 человѣкъ. А вѣдаются въ томъ приказѣ дѣла всѣхъ окрестныхъ государствъ, и пословъ чужеземныхъ принимаютъ, и отпускъ имъ бываетъ, также и русскихъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ посылаютъ, на которое государство случится, отпускъ имъ бываетъ изъ того-жь Приказу; да для перевода и толмачевства въ этомъ приказѣ имѣютъ переводчиковъ латинскаго, шведскаго, нѣмецкаго, греческаго, польскаго, татарскаго и иныхъ языковъ, съ 50 человѣкъ, толмачевъ 70 человѣкъ. А бываетъ тѣмъ переводчикамъ въ Москвѣ работа во всѣ дни, когда случатся изъ окрестныхъ государствъ всякія дѣла, также старыя письма и книги для испытанія велятъ имъ переводить, кто каковъ къ переводу добръ, и потому и жалованье имъ дается; а переводятъ сидючи въ приказѣ, а на домъ имъ самыхъ великихъ дѣлъ переводить не даютъ, потому что опасаются всякой порухи отъ пожарнаго времени и иной причины.

Да въ томъ же приказѣ вѣдомы московскіе и пріѣзжіе иноземцы, всѣхъ государствъ торговые и всякихъ чиновъ люди; и судятъ торговыхъ иноземцевъ, и расправу имъ чинятъ съ русскими людьми въ томъ приказѣ.

Да въ томъ же приказѣ вѣдомы 5 городовъ, и для приказного строенія, и на всякіе покупки на расходъ, и на жалованье подъячимъ и сторожамъ собираютъ деньги съ тѣхъ городовъ, которые въ томъ приказѣ вѣдомы, съ кабаковъ и съ таможенныхъ доходовъ, погодно; а соберется тѣхъ денегъ въ годъ больше 2,500 руб. Да въ тотъ же приказъ со всего Московскаго государства, съ царскихъ дворцовыхъ и черныхъ волостей, и съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ и бобылей, собираются деньги плѣннымъ на выкупъ, которые бываютъ въ Крыму и въ турецкой землѣ, погодно, по указу; и соберется тѣхъ полоняничныхъ денегъ съ 150,000 р. въ годъ, и кромѣ выкупа тѣхъ денегъ не даютъ ни въ какіе расходы.

Да въ томъ же приказѣ вѣдомы печати: большая государственная, которою печатаютъ грамоты, что посылаютъ въ окрестныя государства; другая, которою печатаютъ грамоты, жалованныя на вотчины всякихъ чиновъ людямъ; тою же печатью печатаютъ грамоты къ крымскому хану и къ калмыкамъ.

Да въ томъ же приказѣ вѣдаются донскіе казаки, татары крещенные и не крещенные, которые въ прошлыхъ годахъ взяты въ плѣнъ изъ Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и Касимовскаго царствъ, и даны имъ вотчины въ подмосковныхъ ближнихъ городахъ; греческія власти и греки, какъ пріѣзжаютъ для милостыни и для торговли, вѣдомы въ томъ же приказѣ.

3. Разрядный Приказъ, и въ томъ приказѣ сидятъ окольничій да думный дьякъ, да два дьяка. А вѣдомы въ томъ приказѣ всякія воинскія дѣла и города строеніемъ, крѣпостями, починкою ихъ, вооруженіемъ и служивыми людьми; также вѣдомы бояре, окольничіе, и думные и ближніе люди, и стольники, и дѣти боярскія, и казаки и солдаты, всякою службою, и кого куда случится послать на службу, на войну и на

воеводства въ города и во всякія посылки, и за службу о жалованьѣ и о чести, о прибавкѣ денежнаго жалованья указъ въ томъ же приказѣ, также и о сыскѣ чести, и о безчестіи, и о наказаніи; а кого царь куда посылаетъ, и что кому за службу бываетъ чести, жалованья и безчестія, и то записываютъ въ книги. А доходовъ въ тотъ приказъ съ небольшихъ городовъ и съ судныхъ дѣлъ пошлинъ соберется въ годъ немного больше 1,000 р.

4. Приказъ Большого Дворца, а въ немъ бываетъ и сидитъ бояринъ и дворецкій, да окольничій, да думный человѣкъ, да два или три дьяка. И тотъ бояринъ честью бываетъ второй человѣкъ, подъ конюшимъ первый; а когда дворецкаго не бываетъ, и тогда вѣдаетъ окольничій. А вѣдомы въ томъ приказѣ дворы: сытенный, кормовой, хлѣбный, житенный, и дворовые люди; и указъ, и досмотръ тѣмъ людямъ чинятъ во всемъ они.

Да въ томъ же приказѣ вѣдомы больше 40 городовъ, посадскіе люди, тягломъ и податьми, да съ кабаковъ, съ таможенъ и съ водъ, съ мельницъ и съ рыбныхъ ловель, откупы и вѣрный сборъ (взысканіе казенныхъ сборовъ посредствомъ присяжныхъ лицъ) ежегодно; дворцовыя села и черныя волости, и рыбныя угодья, и бобровыя гоны, и бортные ухожи, и сѣнные покосы въ царскихъ угодьяхъ, и тѣхъ селъ и съ волостей дворцовыя подати хлѣбомъ и деньгами, и всякими податями, и сѣномъ, а съ рыбныхъ и иныхъ угодій откупы, и съ перевозовъ, и съ мостовщины откупы же деньгами; да московскія слободы, восемь слободъ, съ торговыми и ремесленными людьми; и съ нихъ подати берутъ такъ же, какъ и съ иныхъ посадскихъ людей, да они же повинны работать всякія дѣла на царскомъ дворѣ, что случится, безденежно. И соберется съ городовъ и съ селъ, и съ волостей, и съ слободъ, и со всякихъ угодьевъ и промысловъ, денежныхъ доходовъ, кромѣ иныхъ податей, со 120,000 р. въ годъ.

Да въ томъ же приказѣ вѣдома печать и собираютъ печатныя пошлины съ грамотъ и съ иныхъ дѣлъ, которыя посылаютъ, по челобитью всякихъ чиновъ людей, въ города и въ дрорцовыя волости и села; а соберется тѣхъ пошлинъ въ годъ съ 2,000 рублей; а вырѣзанъ на той печати единорогъ-звѣрь.

Да изъ того же приказа въ Москвѣ откупаютъ на Москвѣ-рѣкѣ и на Яузѣ зимою ледъ и пролубное мытье, и весною перевозъ, а будетъ съ того откупу денегъ въ годъ съ 3,000 р.

А расходъ тѣмъ деньгамъ бываетъ: на церковныя строенія, и какъ царь ходитъ по монастырямъ и по церквамъ, и въ тюрьмы, и въ богадѣльни, нищимъ и убогимъ людямъ на милостыню и на погребенія и на всякіе дворцовые расходы, и на покупки дворцовыхъ запасовъ, и на жалованье подъячимъ и трубникамъ, и работникамъ.

А какъ царь ходитъ въ походы и по монастырямъ и по церквамъ, и для его выѣздовъ и выходовъ наготавливаютъ деньги въ бумагѣ, по 2 гривны, и по полуполтинѣ, и по полтинѣ, и по рублю, и по 2, и по 5, и по 10, и по 20, и по 30, кому сколько прикажетъ дать, чтобъ было готово. Также какъ и царица ходитъ и ѣздитъ; а за нею деньги возятъ и носятъ такимъ же образомъ, и раздача бываетъ всякимъ людямъ, кому что прикажетъ дать.

5. Стрѣлецкій Приказъ, а въ немъ сидитъ бояринъ да два дьяка. А въ томъ приказѣ вѣдомы стрѣлецкіе приказы, московскіе и городовые, и собираютъ тѣмъ стрѣльцамъ жалованье со всего Московскаго государ-

ства, съ вотчинниковыхъ крестьянъ, и Новгородскаго и Псковскаго государства, и Казани, и Астрахани, и Сибири. Да съ крестьянъ же берутъ стрѣлецкіе хлѣбные запасы, по указу, и велятъ имъ запасы всякій годъ поставлять въ Москву; а какъ бываетъ имъ, стрѣльцамъ, служба, и тѣ стрѣлецкіе запасы велятъ имъ ставить на службѣ, въ которомъ городѣ доведется; а съ дальнихъ мѣстъ съ крестьянъ вмѣсто запасовъ и провоза ихъ берутъ деньгами по расчету.

А въ Казани, въ Астраханѣ, въ Новгородѣ, въ Псковѣ, въ Смоленскѣ, у Архангельскаго города, и въ иныхъ мѣстахъ, деньги стрѣльцамъ собираютъ также и запасы всякіе ежегодно съ тамошнихъ мѣстъ, гдѣ кто подъ которымъ городомъ живетъ, по московскому же.

А бываетъ въ Москвѣ стрѣлецкихъ приказовъ, когда и войны не бываетъ ни съ которымъ государствомъ, всегда больше 20; и въ тѣхъ приказахъ стрѣльцовъ по 1,000 и по 800 ч. въ приказѣ или немного меньше. И изъ тѣхъ приказовъ одинъ приказъ выборный зовется стремянный, потому что бываетъ всегда съ царемъ и съ царицею во всякихъ походахъ, для оберeганія, а въ иныя службы и въ посылки ни въ какія не посылается никуда, кромѣ караула. И въ тѣхъ приказахъ стрѣльцы— люди торговые и ремесленные всякіе, богаты многіе.

9. Приказъ Большой Казны, а вѣдаетъ тотъ приказъ бояринъ тотъ же, что и стрѣлецкій приказъ вѣдаетъ, а съ нимъ товарищъ думный дворянинъ, да два или три дьяка. И въ томъ приказѣ вѣдомы гости, и гостинная и суконная сотня, и серебрянаго дѣла мастера, и многихъ городовъ торговые люди.

Да въ томъ же приказѣ вѣдомъ Денежный дворъ; а въ немъ сидитъ для досмотру денежнаго дѣла дворянинъ да дьякъ. А дѣлаютъ деньги серебряныя мелкія. Ефимки и серебро, прутавое и тянутое, привозятъ къ Архангельскому городу изъ Голландской земли, изъ Венеціи, изъ Любека, изъ Гамбурга; а покупаютъ они на тѣ ефимки всякіе товары изъ царской казны, или серебро же мѣняютъ на всякіе товары, а берутъ тѣ ефимки у нихъ за товары, и серебро противъ ефимковъ по четыре гривны и по 14 алтынъ ефимковъ, а товары царскіе ставятъ дорогою цѣною, и изъ тѣхъ ефимковъ, или изъ серебра, въ серебряныхъ деньгахъ царю бываетъ прибыль великая, потому что ефимки и серебро проходятъ дешевою цѣною, а въ дѣлѣ московскихъ денегъ выходитъ изъ ефимка по двѣнадцати и по одному алтыну и двѣ деньги. А денежныхъ мастеровъ для того дѣла берутъ изъ вольныхъ и торговыхъ людей, кто захочетъ, съ поруками и за присягою и крестнымъ цѣлованіемъ, что имъ, будучи у царскаго, не воровать серебра и денегъ не красть, и въ серебро мѣди и олова и иного ничего не примѣшивать, и въ домахъ своихъ фальшивыхъ денегъ не дѣлать никакихъ, и чекановъ не красть и воровски подъ чеканы не подрѣзываться. А будетъ тѣхъ денежныхъ мастеровъ, чеканщиковъ, рѣзальщиковъ и пр. 200 человѣкъ. Какъ они для денежнаго дѣла ходятъ на дворъ или со двора, ихъ осматриваютъ, чтобъ они не приносили олова и свинцу, или съ двора чего не снесли. А если сыщется, что они дѣлали на царскомъ дворѣ или у себя въ домѣ воровствомъ деньги, или подъ чеканы подделывались и тѣ воровскіе чеканы продавали на сторону инымъ людямъ, то имъ, по сыску, бываютъ пытки, много ли разъ воровали, и кому что продавали, и съ кѣмъ о томъ сообща умышляли; и на кого съ пытокъ скажутъ, и тѣхъ всѣхъ пытаютъ накрѣпко; если винятся, чинятъ наказанія, заливаютъ оловомъ горло, а инымъ, смотря по винѣ, отсѣкаютъ руки, и отрѣзываютъ

уши, и бьютъ кнутомъ, и отнимаются домы и имущество, и ссылаются въ ссылку въ Сибирь. А въ Московскомъ государствѣ золота и серебра не родится, хотя въ хроникахъ пишутъ, что русская земля на золото и на серебро урожайная, однако сыскать не могутъ, а когда и сыщутъ, то мало; да и къ такому дѣлу московскіе люди не способны; а иныхъ государствъ люди тѣ мѣста, гдѣ родится золото и серебро, не хотятъ искать и къ тому дѣлу пристать, для того, что много потеряютъ на заводъ денегъ, а какъ они свой разумъ окажутъ, то ихъ промыслъ и заводъ ни во что поставятъ и отъ дѣла отлучатъ.

10. Большой Приходъ, а въ немъ сидитъ окольничій да два дьяка. А доходы бываютъ въ тотъ приказъ на Москвѣ и съ иныхъ городовъ, съ лавокъ и съ гостинныхъ дворовъ и съ погребовъ, и съ мѣры, чѣмъ всякіе товары и шитья мѣряютъ, также и таможенныя пошлины, и мыто (пошлина съ товаровъ), и перевозъ, и мостовщина; и соберется той казны въ годъ больше 500,000 р. А куда той казнѣ бываетъ расходъ, и то написано ниже сего: какъ бываютъ окрестныхъ государствъ послы на Москвѣ, также и греческія власти, и персидскіе и греческіе купеческіе люди, и имъ покупается всякій кормъ, хлѣбъ и мяса, и конскій кормъ, сѣно и овесъ, и дрова, и дается деньгами; кормовымъ иноземцамъ и ихъ женамъ, вдовамъ и дочерямъ дѣвицамъ, и переводчикамъ, и толмачамъ, и черкасамъ запорожскимъ казакамъ и донскимъ поденный кормъ, по указу; московскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ, какъ ихъ посылаютъ въ иныя государства, жалованье въ дорогу, на всякіе судовые заводы, которые ходятъ по Москвѣ-рѣкѣ и по Волгѣ, для хлѣбнаго и рыбнаго, и солянаго, и иного товарнаго промыслу, на товарную покупку, которую покупаютъ и отвозятъ и продаютъ у Архангельскаго города; на жалованье того приказа подъячимъ, и работникамъ судовымъ, и которые на солномъ царскомъ дворѣ.

11. Пушкарскій Приказъ, а въ томъ приказѣ сидитъ бояринъ да два дьяка. А вѣдомы въ томъ приказѣ пушечные дворы, московскіе и городовые, и казна, и пушкари, и всякіе пушечные запасы и сборы; а города въ томъ приказѣ вѣдомы небольшіе, и собирается денегъ въ годъ съ 2,500 руб. А будетъ пушкарей и затинщиковъ (стрѣлковъ), и мастеровыхъ всякихъ людей съ 600 человѣкъ на Москвѣ, кромѣ городовыхъ. А на строеніе пушечное мѣдь привозятъ отъ Архангельскаго города и изъ Шведскаго государства; а иныя пушки подряжаются дѣлать голландцы, любчане и гамбуржцы и привозятъ къ Архангельскому городу. А для порохового строенія учинены на Москвѣ и въ иныхъ мѣстахъ дворы и мельницы; а мастера у того дѣла бываютъ иностранцы и русскіе люди, а работники русскіе люди.

12. Царская Мастерская Палата. въ ней сидитъ стряпчій съ ключемъ да дьякъ, а тотъ стряпчій честью противъ окольничихъ, а въ думѣ не сидитъ. А вѣдомо въ томъ приказѣ его царское платье и всякое одѣяніе и мастеровые люди; а какъ царю на который день платье и шапки всякія выдаютъ, и въ казну принимаютъ назадъ осматривая, съ запискою; а иныхъ дѣлъ, окромѣ того, не бываетъ; да онъ же надсматриваетъ надъ другими стряпчими. И въ ту палату, кромѣ самаго царя и тѣхъ людей, входить никто не смѣетъ.

14. Иноземный Приказъ, а вѣдаетъ тотъ привазъ тотъ же бояринъ, что и Стрѣлецкій приказъ, а съ нимъ товарищи, дворянинъ да два дьяка. И вѣдомы въ томъ приказѣ иноземцы всякихъ чиновъ служилые люди и верстаютъ ихъ за службы изъ чина въ чинъ, которыхъ можно

безъ царскаго указу, иныхъ высокихъ чиновъ безъ царскаго указу не верстаютъ; а кормовое жалованье даютъ имъ помѣсячно, въ Большомъ приходѣ и въ иныхъ приказахъ.

15. Рейтарскій Приказъ, а вѣдаетъ его тотъ же бояринъ, а съ нимъ товарищи, дворянинъ да два дьяка. А бываетъ рейтарамъ сборъ изъ дворянъ, и изъ жильцовъ, изъ дѣтей боярскихъ, малопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ, и изъ недорослей и изъ вольныхъ людей; а жалованье имъ дается изъ Рейтарскаго приказу. А собираютъ тѣмъ ратнымъ людямъ на жалованье деньги, какъ бываетъ сборъ со всего государства для войны.

16. Приказъ Новгородская Четверть, а вѣдаетъ тотъ приказъ посольскій думный дьякъ да дьякъ. А въ томъ приказѣ вѣдомы города: Великій Новгородъ, Псковъ, Нижній Новгородъ, Архангельскій городъ, Вологда и иные поморскіе и пограничные со шведскою границею города; и съ тѣхъ городовъ и торговыхъ людей денежныхъ доходовъ, и таможенныхъ, и кабацкихъ, и соляныхъ, и съ желѣзныхъ и съ иныхъ промысловъ, соберется въ годъ со 100,000 руб. кромѣ того, что произойдетъ въ тѣхъ городахъ на всякіе расходы.

17. Приказъ Устюжская Четверть, а въ немъ сидитъ бояринъ да два или три дьяка. А вѣдомъ въ томъ приказѣ городъ Устюгъ Великій, со всякими податями съ посадскихъ людей и съ волостныхъ и уѣздныхъ крестьянъ, съ кабаковъ, и съ таможенъ, и со всякихъ откуповъ; а соберется тѣхъ доходовъ въ годъ больше 20,000 руб.

18. Приказъ Костромская Четверть, а въ немъ сидитъ думный дворянинъ, а съ нимъ дьякъ. А вѣдомы въ томъ приказѣ города: Ростовъ, Ярославль, Кострома и иные, и доходу съ тѣхъ городовъ съ посадскихъ людей и таможенныхъ, и кабацкихъ, и иныхъ будетъ 30,000 р.

19. Галицкая Четверть, а въ семъ приказѣ сидитъ бояринъ да два дьяка. А вѣдомъ въ немъ городъ Галичъ съ уѣздомъ во всякихъ до ходахъ, а бываетъ приходу на годъ около 12,000 руб.

21. Оружейный Приказъ,—а вѣдаетъ тотъ приказъ окольничій, а съ нимъ дьякъ. А вѣдомы въ томъ приказѣ дворцы, гдѣ дѣлаютъ оружье, и казенная оружейная палата, и ствольнаго, и ложнаго, и замочнаго, и иного дѣла мастера. А берутъ къ тому дѣлу мастеровъ на Москвѣ и изъ городовъ и изъ монастырей кузнецовъ и всякихъ для того дѣла способныхъ людей, погодно, по перемѣнамъ, и даютъ имъ за работу поденный кормъ изъ царской казны; а угодья на то дѣло, и на денежный и на кормовой дворы, берутъ съ Московскаго уѣзда монастырскихъ и вотчинниковыхъ крестьянъ, по указу; но ружья, карабины, пистолеты съ футлярами, мушкеты и бандлеры (ремни черезъ плечо для палаша), на царскій обиходъ покупаютъ въ иныхъ государствахъ, гдѣ случится.

22. Приказъ Золотого и Серебрянаго Дѣла, а вѣдаетъ тотъ же окольничій, а съ нимъ дьякъ. И берутъ въ тотъ приказъ изъ Москвы и изъ другихъ городовъ добрыхъ мастеровъ въ вѣчную службу и даютъ имъ погодное жалованье; а дѣлаютъ они про царскій обиходъ сосуды всякіе и церковную утварь; а на заводъ того дѣла серебро и золото берутъ изъ приказа Большой Казны, изъ Казеннаго двора.

23. Аптекарскій Приказъ, а въ немъ сидитъ бояринъ тотъ же, что и въ Стрѣлецкомъ приказѣ, да дьякъ. А вѣдомы въ томъ приказѣ аптека, доктора и лѣкари, иныхъ государствъ люди, да для ученія русскихъ людей съ 20 человѣкъ; а будетъ тѣхъ докторовъ и лѣкарей до 30 человѣкъ, и жалованье идетъ имъ по сговору.

24. Монастырскій Приказъ, а въ немъ сидитъ окольничій да два

дьяка. А вѣдомъ въ томъ приказѣ всего Московскаго государства всякій духовный чинъ, митрополиты, архіепископы, епископы, монастыри, попы, во всякихъ дѣлахъ, и со властелинскихъ и съ монастырскихъ крестьянъ подати; сберется тѣхъ податей больше 20,000 р. въ годъ; а расходъ тѣмъ деньгамъ бываетъ такъ же, куда понадобится, что и изъ иныхъ приказовъ, куда царь прикажетъ.

25. Хлѣбный Приказъ, а въ немъ сидитъ дворянинъ да дьякъ. А вѣдаютъ въ томъ приказѣ города и волости, и села, и кабаки, а таможни, съ доходами и съ податями; и сберется такимъ образомъ до 20,000 рублей, кромѣ запасныхъ доходовъ, да въ тѣхъ городахъ устроены пашни на царя, и для досмотру хлѣба и расправы уставлены прикащики, дворяне; а сколько хлѣба въ году ни уродится, отдаютъ въ Москвѣ на Житенный дворъ.

27. Каменный Приказъ, а въ немъ сидитъ стольникъ или дворянинъ, да два дьяка. А вѣдомо въ томъ приказѣ всего Московскаго государства каменное дѣло и мастера; и для какого царскаго строенія понадобятся тѣ мастера, и ихъ собираютъ изо всѣхъ городовъ, и даютъ имъ изъ царской казны на поденный кормъ деньги, чѣмъ имъ сытымъ быть можно. Да въ Москвѣ же вѣдомы въ томъ приказѣ известные и кирпичные дворы и заводы; а гдѣ бѣлый камень родится и дѣлаютъ известь, и тѣ города податями и доходами вѣдомы въ томъ приказѣ. А соберется тѣхъ доходовъ съ 5,000 рублей въ годъ; а камень бѣлый, тесаный и неочищенный, привозятъ къ Москвѣ изъ тѣхъ городовъ уѣздные крестьяне, на кого сколько въ году положено поставить вмѣсто иного оброку.

28. Челобитный Приказъ, а въ немъ сидитъ окольничій да два дьяка. А подвѣдомственны ему челобитныя. Нѣкоторые люди подаютъ царю челобитныя въ походахъ и въ праздники, и тѣ челобитныя царь слушаетъ самъ и бояре, и по которой челобитной доведется быть указу или отказу, и на тѣхъ челобитныхъ подписываютъ думные дьяки; и выслушавъ царь тѣ челобитныя отсылаетъ въ тотъ приказъ, а изъ приказа посылаютъ тѣ челобитныя съ подъячими, велятъ имъ читать ихъ на площади передъ царскимъ дворомъ всѣмъ людямъ, и отдавать именно тѣмъ, чья та челобитная будетъ; а иные люди берутъ свои челобитныя въ приказѣ, и кто о чемъ билъ челомъ, смотря по подписи, ходятъ въ тѣ приказы, куда подписано будетъ, и гдѣ дѣло его. Да въ томъ же приказѣ вѣдомы судомъ приказные люди, дьяки и подъячіе, и сторожи, и ходоки; доходы денежные съ судныхъ дѣлъ не велики.

29. Приказъ Малой Россіи, а сидитъ въ немъ тотъ-же бояринъ, что и въ Галицкой четверти, а съ нимъ дьякъ. А вѣдома въ томъ приказѣ Малая Россія, войско запорожское, казаки и города Кіевъ и Черниговъ съ того времени, какъ отлучились они отъ польскаго короля и учинились въ подданствѣ царскомъ. А доходовъ съ той Малой Россіи не бываетъ ничего, ибо, принимая ее въ свое владѣнье, царь обѣщалъ и чинилъ присягу на томъ, что малороссійскимъ людямъ быть подъ его владѣньемъ въ вѣчномъ подданствѣ, но по своимъ вольностямъ и привилегіямъ, какъ были въ подданствѣ у польскаго короля, ни въ чемъ не перемѣняя и вольностей ихъ не отнимая. А приговорено войску быть всегда готову противъ его царскихъ непріятелей и для обереганія городовъ, по 60,000 человѣкъ; а собирать тому войску на жалованье деньги съ тамошнихъ городскихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей.

30. Земскій Приказъ, а въ немъ сидитъ думный дворянинъ, что и въ Костромской четверти, а съ нимъ два дьяка. А въ немъ вѣдомы мо-

сковскіе посадскіе люди и города небольшіе. Да въ немъ же вѣдомы въ Москвѣ и въ городахъ дворовыя мѣста, бѣлыя и черныя, и слободы, продажею и мѣрою, также мощеніе и чистка улицъ, собираніе мостовщины со всякаго чина жилецкихъ людей. А какъ царю бываетъ выходъ или походъ, и для чищенья улицъ устроены земскіе метельщики, человѣкъ съ 50. А доходовъ въ тотъ приказъ съ московскихъ торговыхъ людей и съ городовъ, а также съ записки продажныхъ дворовъ и мѣстъ до 15,000 р. въ годъ; а расходъ бываетъ во всякія статьи. Да въ томъ же приказѣ вѣдомы московскія разбойныя и всякія воровскія приводныя дѣла.

31. Холопій Приказъ, а въ немъ сидитъ стольникъ да дьякъ. А вѣдаютъ въ томъ приказѣ боярскихъ и ближнихъ и всякихъ чиновъ людей дворовыхъ ихъ, кабальныхъ, и данныхъ, и записныхъ служилыхъ людей; и кто холопъ кому бьетъ челомъ во дворъ, и его запишутъ въ книги, и даютъ на того холопа вѣчныя служилыя кабалы, и данныя, и на урочные годы записи, тѣмъ людямъ, кому они бьютъ челомъ; и съ записи тѣхъ людей берутъ записныя пошлины, а въ годъ соберется тѣхъ пошлинъ съ 500 рублей. А если отъ кого боярина и всякаго чину человѣка люди воруютъ и бѣгаютъ, и смуты чинятъ, и тѣмъ людямъ указъ въ томъ же приказѣ, по Уложенію. А даютъ на тѣхъ кабальныхъ людей кабалы вѣчныя, если бьютъ челомъ кому во дворъ, на его имя самого, или жены его, или дѣтей, по ихъ вѣкъ, а не на урочныя лѣта; а посадскимъ людямъ, и служкамъ монастырскимъ, и попамъ, и холопамъ барскимъ, дается на служилыхъ людей записи на 5 лѣтъ: а больше 5 лѣтъ держать имъ у себя не велѣно. Также кто кому долженъ, а заплатить будетъ нечѣмъ, и такихъ отдаютъ въ услуги служить, за тотъ долгъ урочныя лѣта; а какіе чины велѣно отдавать за долги въ услуги, это подлинно расписано въ Уложенной Книгѣ.

32. Два приказа Судные: Московскій и Владимирскій, а сидятъ въ нихъ по боярину, да по стольнику, да по дьяку и по два. А вѣдомы въ тѣхъ приказахъ судомъ во всякихъ дѣлахъ бояре и окольничіе, и ближніе и думные люди, и стольники, и стряпчіе, и дворяне, и всякіе помѣщики и вотчинники. А доходовъ нѣтъ никакихъ, кромѣ пошлинъ съ судныхъ дѣлъ, и того съ 500 р. въ годъ во всякій приказъ.

34. Разбойный Приказъ, а въ немъ сидитъ бояринъ, или окольничій, да стольникъ, или дворянинъ, да два дьяка. И въ томъ приказѣ вѣдомы всего Московскаго государства разбойныя, татинныя и приводныя дѣла и мастера заплечные; а тѣхъ мастеровъ на Москвѣ съ 50 человѣкъ, и дается имъ годовое жалованье. Также и въ городахъ для разбойныхъ и татинныхъ дѣлъ устроены приказныя губныя избы, и вѣдаютъ такія дѣла выборные дворяне, за вѣрою (присягою) и крестнымъ цѣлованіемъ, которые за старостью полковыхъ службъ служить не могутъ. И какого чину ни будь князь, или бояринъ, или и простой человѣкъ пойманъ будетъ на разбоѣ, или въ кражѣ, или въ зломъ дѣлѣ въ смертномъ убійствѣ, поджогѣ и иныхъ преступленіяхъ, то его приводятъ въ Москвѣ въ Разбойный или въ Земскій Приказъ, а въ городахъ въ приказы же и въ губную избу; и если кто былъ на разбоѣ и учинилъ убійство, поджогъ и кражу, и товарищи его разбѣжалися и не пойманы, и такого въ праздники и въ иные дни пытаютъ и мучатъ безъ милосердія, для того чтобы по его сказкѣ сыскать товарищей. Также иныхъ злочинцевъ такимъ же образомъ пытаютъ, смотря по дѣлу, однажды, дважды и трижды и послѣ пытокъ указъ чинятъ, до чего доведется. А на которыхъ они людей

скажутъ, и тѣхъ людей, сыскавъ всѣхъ, поставятъ съ очей на очи и воровъ пытаютъ накрѣпко, впрямь ли тѣ люди, на которыхъ они говорятъ, съ ними въ томъ воровствѣ товарищами, и не напрасно ли они на нихъ говорятъ. Если съ пытокъ скажутъ, что впрямь тѣ люди ихъ прямые товарищи или оберегальщики, и тѣхъ всѣхъ также начнутъ пытать. А которые винятся, такихъ сажаютъ въ тюрьму и, смотря по дѣлу, указъ чинятъ, до чего доведется.

35. Панихидный Приказъ, а въ немъ сидитъ дьякъ. А вѣдомо въ томъ приказѣ поминаніе по умершимъ прежнимъ великимъ князьямъ и царямъ россійскимъ, царицамъ, царевичамъ, царевнамъ: и котораго дня должно по комъ творить память, въ Москвѣ и въ другихъ городахъ и въ монастыряхъ по церквамъ указы посылаются изъ того приказа.

36. Счетный Приказъ, а въ немъ сидятъ два дьяка. Они вѣдаютъ и дѣлаютъ всего Московскаго государства приходъ и расходъ и остатокъ по книгамъ, за многіе годы. А приходъ въ него бываетъ остаточныя деньги, которыя въ которомъ году съ кого не взяты въ царскую казну, также въ которомъ году за расходомъ что осталось въ остаткѣ; а собранныя такимъ образомъ деньги въ расходы ни въ какіе не даются безъ царскаго указа.

И всего на Москвѣ, кромѣ городовыхъ и патріаршихъ приказовъ и таможенъ, 42 приказа; а дьяковъ въ тѣхъ приказахъ и по городамъ съ воеводами, со 100 человѣкъ, подъячихъ съ 1,000 человѣкъ. А устроены приказы на царскомъ дворѣ: Тайныхъ Дѣлъ, Приказъ Большого Дворца, Мастерскія Палаты, Аптекарскій, Серебрянаго и Золотого Дѣла, Оружейный, Монастырскій; а остальные всѣ приказы устроены отъ царскаго двора поодаль, на площади за церквами.

45. А кромѣ царскихъ приказовъ и кромѣ городовъ, и царскихъ дворцовыхъ селъ и волостей, и патріаршихъ, митрополичьихъ, архіепископскихъ и епископскихъ приказовъ, нигдѣ никакимъ людямъ судовъ и расправы ни въ чемъ не бываетъ. А бываютъ у патріарха и у властей судебныя дѣла, въ духовныхъ статьяхъ и смертяхъ и въ иныхъ и во всякихъ дѣлахъ такимъ же образомъ, что и въ царскомъ судѣ, всякому чину мужскому полу и женскому, кромѣ разбойныхъ, татинныхъ и пожегныхъ дѣлъ; а кого у нихъ за духовныя дѣла въ воровскихъ статьяхъ осудятъ на смерть, кто какую казнь заслужитъ, и они изъ дѣла выписавъ, приговоръ свой посылаютъ съ тѣми осужденными людьми въ царскій судъ, и по тому ихъ приговору изъ царскаго суда велятъ казнить безъ задержанья, кто чего достоинъ; а безъ царскаго вѣдома не казнятъ ни за что.

48. А во всякомъ приказѣ, съ городовъ и съ посадовъ, и съ волостей, и съ селъ, и съ деревень, и съ таможенъ, и съ кабаковъ, и со всякихъ откуповъ денежные всякіе доходы, которые города, слободы, волости и села, въ которомъ приказѣ вѣдомы, принимаютъ и раздаютъ подъячіе, помѣсячно.

И всего денежныхъ доходовъ на всякій годъ въ царскую казну приходитъ во всѣ приказы, со всего государства, кромѣ того что исходитъ въ городахъ, съ десять сотъ съ триста съ одиннадцать тысячъ рублей, кромѣ сибирской казны.

CI. Финансовая система въ Московскомъ государствѣ.

(Изъ «Очерковъ русской культуры» П. Н. Милюкова ч. I, 5 изд. Спб. 1904 г.).

Всѣмъ извѣстно, какъ раскладываются обыкновенно подати между крестьянами русской деревни. Въ деревнѣ рѣдко кто, кромѣ должностныхъ лицъ, знаетъ, какія именно подати онъ платитъ. Всѣ денежные платежи крестьянъ, безъ различія, идутъ ли они въ казну, или въ земство, или на содержаніе сельскихъ властей, будутъ ли это подати въ собственномъ смыслѣ, или, напр., выкупные платежи, т.-е. уплата ссуды, данной крестьянамъ казной при ихъ освобожденіи,—всѣ эти платежи всей деревни складываются въ одну общую сумму. Затѣмъ, міръ дѣлитъ крестьянскую землю на доли и раздаетъ эти доли отдѣльнымъ домохозяевамъ На такое же количество долей дѣлится и общая сумма платежей, такъ что на каждый участокъ земли приходится одинаковая доля подати, а затѣмъ каждый домохозяинъ платитъ столько долей подати, сколько онъ получилъ участковъ земли („тяголъ" или „душъ").

Представимъ себѣ при этомъ, что пахать землю выгодно, т.-е. что доходъ отъ обработки участка превыситъ лежащіе на участкѣ платежи. Конечно, каждый крестьянинъ при этомъ условіи будетъ хлопотать о томъ, чтобы получить отъ міра какъ можно больше участковъ на свою долю. Въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, будетъ происходить между членами общины борьба за мірскую землю. Но представимъ себѣ, наоборотъ, что подобной борьбы вовсе не происходитъ, что крестьяне-общинники не только равнодушны къ полученію своихъ долей, но даже тяготятся ими и стремятся свести ихъ къ наименьшей величинѣ. Чѣмъ мы должны будемъ объяснить такое явленіе? Весьма вѣроятнымъ будетъ предположить, что въ этомъ случаѣ обработка земли не считается выгодной, т.-е, или что платить за нее приходится больше, чѣмъ съ нея получать, или что есть возможность обрабатывать земельные участки, менѣе отягченные налогомъ. Обѣ эти причины существовали и оказывали свое дѣйствіе въ финансовой исторіи Россіи.

Повидимому, всего естественнѣе въ такомъ случаѣ вовсе бросить невыгодное занятіе, уйти совсѣмъ изъ міра, и покинуть обложенную платежами землю. Такъ и поступало крестьянство древней Россіи, пользовавшееся всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы „разбрестись врознь" или тайкомъ перебраться на другой, не тяглый участокъ. Но со всякимъ покинувшимъ землю хозяиномъ у казны становилось однимъ плательщикомъ меньше, и, естественно, нуждаясь съ давнихъ поръ въ деньгахъ и людяхъ, государство должно было постараться предупредить тѣ убытки, которые могли произойти для него отъ ухода земледѣльца съ тяглаго участка. Въ этомъ-то отношеніи только-что описанная организація распредѣленія податей и оказывала вѣковыя услуги московскому правительству. При существованіи такой организаціи правительство считалось уже не съ каждымъ отдѣльнымъ плательщикомъ, а съ цѣлымъ податнымъ союзомъ ихъ; весь союзъ ручался за каждаго отдѣльнаго члена и обязывался принять на себя его обязанности въ случаѣ его ухода. Такимъ образомъ, податная связь принимала принудительный характеръ. Разъ войдя въ тяглую организацію, каждый членъ связывалъ себя навсегда съ общиной и могъ уйти изъ нея не иначе, какъ получивъ разрѣшеніе міра, требовавшаго, обык-

новенно, въ прежнія времена, чтобы уходящій представилъ вмѣсто себя замѣстителя. Легко замѣтить, что подобная податная организація есть соединенный результатъ экономической неразвитости Россіи и непропорціональнаго развитія ея государственныхъ потребностей, созданныхъ внѣшней нуждой или внѣшней политикой.

Когда же и какъ создалась эта тяглая организація, всѣмъ намъ извѣстная изъ современной жизни Россіи? Отвѣтить на этотъ вопросъ не легко, такъ какъ мы уже застаемъ тяглую организацію готовой, едва только становится вообще возможнымъ слѣдить за ней по сохранившимся документамъ. Однако же, есть возможность предположить, что организація эта, если не возникла, то приняла свою, извѣстную намъ, форму именно тогда, когда неразвитой экономически странѣ пришлось принести первую непосильную для нея матеріальную жертву.

Это была наложенная татарами „дань". Существовала „дань" князьямъ и въ до-татарское время: но насколько она отличалась отъ той правильной и постоянной подати, которую заставили платить себѣ татары, это видно изъ того, что для взиманія татарской „дани" потребовалось вновь привести въ извѣстность количество плательщиковъ. Два раза въ XIII в. татары производили общія переписи и поставили платежное населеніе подъ вадзоръ собственныхъ чиновниковъ. Когда же въ XIV вѣкѣ сборъ татарской дани перешелъ въ руки князей,—князья унаслѣдовали и введенную татарами финансовую администрацію. Теперь уже самому русскому правительству приходилось собирать подати для татаръ въ опредѣленномъ и значительномъ количествѣ и отвѣчать передъ ордой за правильное поступленіе сбора. При тогдашней элементарности всего государственнаго и общественнаго строя единственнымъ средствомъ обезпечить податную исправность плательщиковъ было—возложить на нихъ самихъ отвѣтственность за уплату чужеземной дани. Въ это-то время, вѣроятно, плательщики и были связаны правительствомъ въ податныя или тяглыя группы. Отъ времени до времени владѣнія каждаго князя объѣзжалъ въ XIV—XV вѣкахъ княжескій писецъ; въ каждой отдѣльной мѣстности онъ составлялъ „книгу", по которой платилась дань и которая поэтому называлась въ древности „данской" (потомъ „писцовой") книгой. Переписанное населеніе потомъ организовалось въ податныя „сотни", каждою изъ которыхъ завѣдывалъ мѣстный начальникъ, „сотникъ". Записанные въ книги плательщики составляли сословіе „письменныхъ" или „тяглыхъ" людей, которыхъ строго запрещалось принимать въ другіе союзы, кромѣ той сотни, къ которой они „тянули въ дань". Вмѣстѣ съ „писцомъ" разъѣзжалъ по волостямъ и другой княжескій чиновникъ, „данщикъ", который занимался сборомъ дани, а кстати и другихъ доходовъ князя. Итакъ, вотъ когда создалась, по всей вѣроятности,—или окончательно оформилась русская тяглая организація.

На этомъ однообразномъ фонѣ общинной раскладки совершалось, однако, нѣкоторое движеніе въ податной исторіи, — движеніе, которое имѣетъ свой смыслъ и свой интересъ. Нужда въ деньгахъ заставила правительство возложить отвѣтственность за уплату податей на тяглыя группы; та же нужда вызвала потомъ цѣлый рядъ попытокъ—увеличить казенный доходъ. Правительство дѣйствовало при этомъ двоякимъ путемъ. Оно или мѣняло порядокъ обложенія податями плательщиковъ, или прямо увеличивало размѣры и количество самыхъ податей. Старый татарскій порядокъ обложенія состоялъ въ томъ, что податью облагалось земледѣльческое орудіе, „соха", приравнивавшаяся двумъ-тремъ коннымъ работни-

камъ. Каждая соха платила по 5 коп., или, по крайней мѣрѣ, 5 руб. на наши деньги. Усилившееся московское княжество употребляло, кажется, какъ единицу обложенія, „соху“ въ нѣсколько разъ больше размѣромъ, въ 32 рабочихъ; понятно, что здѣсь слово „соха“ уже утратило свой буквальный смыслъ. Впрочемъ, въ каждой самостоятельной области Россіи существовали свои податныя единицы, и только со времени объединенія Руси при Иванѣ III, т.-е. съ конца XV столѣтія, московскіе порядки, финансовые, какъ и всякіе другіе, начали распространяться на вновь присоединенныя области. Во всякомъ случаѣ, картина податного обложенія Россіи оставалась очень пестрой вплоть до 1550-хъ годовъ, когда Иванъ IV назначилъ рядъ новыхъ военныхъ налоговъ и, такимъ образомъ, началъ новый періодъ въ развитіи прямой подати. Въ 1550 году, прежде чѣмъ вводить эти новые налоги, правительство Ивана IV установило въ Россіи новую податную единицу, съ цѣлью обезпечить бо́льшую правильность и равномѣрность обложенія. Названіе сохранено было старое („соха“), но оно получило теперь новый смыслъ. Податная „соха“ приравнена была опредѣленному количеству распаханной земли — обыкновенно, по 400 десятинъ (или 800 „четвертей“ посѣва) въ каждомъ изъ трехъ полей. При этомъ, подъ вліяніемъ византійскихъ порядковъ, обращено было впервые вниманіе и на качество земли; съ десятины хорошей („доброй“) земли платилось столько же налоговъ, сколько съ 1¼ десятины „средней“ земли или 1½ десятины „худой“. Другими словами: въ сохѣ земли второго разряда считалось уже не 400, а 500 десятинъ, а третьяго разряда — 600 десятинъ въ каждомъ полѣ. Кромѣ того, впервые были сдѣланы льготы цѣлымъ разрядамъ плательщиковъ. Служилые люди, уже платившіе государству личной службой, уплачивали съ нормальной сохи въ 400 дес. такую же цифру налога, какую монастыри и крестьяне, не подчиненные владѣльцамъ (т. наз. „черные“), платили съ сохи въ уменьшенномъ размѣрѣ — въ 300 десятинъ. Для приведенія въ извѣстность количества новыхъ платежныхъ единицъ, во всемъ государствѣ предпринята была перепись и измѣреніе податныхъ земель по единообразнымъ пріемамъ. Перепись эта продолжалась въ теченіе всего царствованія Ивана IV. Такимъ образомъ, при Иванѣ IV обложеніе по „сохамъ“ получило ту окончательную форму, въ которой оно существовало болѣе ста лѣтъ, вплоть до окончательнаго своего уничтоженія, т.-е. до 1680 года.

До 1680 года дожили, однако, одни только обломки описанной сошной системы обложенія. Въ теченіе XVI и XVII вѣковъ правительство существенно измѣнило эту систему въ интересахъ привиллегированнаго сословія, а по отношенію къ цѣлому ряду податей даже совершенно отмѣнило ее. Еще въ 1550-хъ годахъ, какъ мы только-что видѣли, служилое сословіе облегчено было въ платежѣ податей съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель. Къ концу XVI вѣка правительство пошло дальше: оно стало совсѣмъ освобождать отъ податей („обдѣлять“) барскую запашку, т.-е. ту часть пашни, которую служилый человѣкъ пахалъ непосредственно для себя, — въ томъ случаѣ, если онъ несъ дѣйствительную службу. Но и это облегченіе было еще незначительно сравнительно съ тѣмъ, какое сдѣлано было служилымъ людямъ при финансовыхъ реформахъ начала XVII вѣка. До этого времени, крестьянинъ служилаго человѣка, какъ и крестьянъ, жившій на своей или государственной землѣ („черный“), платили одинаково съ каждой четверти распаханной (или, какъ тогда говорили „живущей“) пашни. Но въ началѣ XVII в. на земляхъ служилыхъ людей эта „живущая четверть“ пашни была превращена въ гораздо болѣе льготную

платежную единицу. Названіе осталось прежнее; но подъ „живущей четвертью“ стали разумѣть не настоящую четверть распаханной земли, а по нѣскольку цѣлыхъ крестьянскихъ дворовъ, изъ которыхъ каждый, конечно, пахалъ не одну четверть, а больше. Въ 1630—1631 годахъ служилые люди выхлопотали себѣ у правительства разрѣшеніе считать въ живущей четверти отъ 10 до 16 крестьянскихъ дворовъ [1]). Если предположимъ даже, что каждый дворъ пахалъ не болѣе 4 четвертей (2 десятины въ одномъ полѣ), то и тогда въ одной „живущей четверти“ будетъ 40—64 дѣйствительныхъ четвертей распаханной пашни. Стало быть, съ 40—64 четвертей служилый человѣкъ платилъ столько же налога, сколько черный крестьянинъ съ одной четверти. Припомнимъ теперь, что въ началѣ XVII в. введены были новыя тяжелыя подати, въ десятки разъ превышавшія подати XVI в., и мы поймемъ, какой смыслъ имѣло введеніе именно въ это время „живущей четверти“. Служилый человѣкъ былъ въ десятки разъ облегченъ сравнительно съ черносошнымъ крестьяниномъ какъ разъ тогда, когда послѣдній сталъ платить въ десятки разъ больше. Такимъ образомъ, вся тяжесть новаго обложенія XVII вѣка,— всѣ эти „большія“ ямскія и стрѣлецкія деньги,—пали на однѣ черныя сохи. Тягло и военная служба окончательно раздѣлились, распредѣлившись между различными общественными группами и отчасти даже между различными географическими областями, такъ какъ военно-служилый классъ „испомѣщенъ“ былъ въ центральныхъ мѣстностяхъ, а „черные“ тяглецы сохранились на бѣдной окраинѣ: на дальнемъ сѣверовостокѣ. Русскій центръ и югъ несъ теперь военную повинность на государство, кормилъ служилыхъ людей, поставлялъ рекрутъ; а русскій черносошный сѣверъ уплачивалъ необходимыя военныя издержки.

На дѣлѣ, однако же, это распредѣленіе далеко не было такъ равномѣрно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Помѣщикъ, который несъ военную службу, былъ облегченъ въ уплатѣ податей; но крестьянинъ, который платилъ подати и кормилъ помѣщика, вовсе не былъ освобожденъ отъ воинской повинности. Напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше воинская повинность перелагалась всею своею тяжестью на низшіе классы. Русская дворянская конница уже отживала свой вѣкъ въ то время, когда дворянство добилось податныхъ привилегій. Центръ тяжести въ войскѣ переходилъ отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ къ рейтарамъ и драгунамъ въ конницѣ, къ солдатамъ — въ пѣхотѣ. Къ новой регулярной выучкѣ иноземному строю привлекались, главнымъ образомъ, служилые люди низшихъ разрядовъ и рекруты изъ податныхъ сословій. При этихъ условіяхъ податныя льготы старому служилому сословію теряли свой смыслъ. Правительство, очевидно, приняло это во вниманіе; постепенно увеличивая размѣры податей, въ теченіе XVII вѣка, оно подняло платежи служилыхъ земель въ большее число разъ, чѣмъ платежи черносошныхъ крестьянъ. Такъ, стрѣлецкая подать съ служилыхъ земель увеличена была въ 36 разъ, тогда какъ на черносошныхъ земляхъ, поднявши ту же подать въ 8—9 разъ, правительство должно было убѣдиться, что населеніе не въ состояніи платить увеличеннаго оклада. Поневолѣ приходилось подумать о большей равномѣрности обложенія.

Чтобы уравнять податныя тягости, лучше всего было ввести новую

---

[1]) Именно, 10 крестьянскихъ дворовъ въ центральныхъ уѣздахъ и 16 на разоренныхъ смутой окраинахъ.

однообразную форму обложенія. Такая форма—„дворъ“ вмѣсто „сохи“ и „четверти“—найдена была уже въ первой половинѣ XVII вѣка, но только не всегда и не вездѣ примѣнялась.

Дѣло въ томъ, что уже съ самаго начала XVII вѣка ростъ податей вызвалъ массовые побѣги и развилъ цѣлую систему укрывательства отъ сошнаго тягла. Множество тягловыхъ участковъ пустовало, и общинѣ приходилось расплачиваться за опустѣвшіе жеребьи ея сочленовъ. Правительству не было дѣла до убыли запашки; оно требовало податей за все количество пашни, записанное въ писцовыя книги; а чтобы не принимать во вниманіе перемѣнъ, происшедшихъ въ размѣрахъ распаханной площади, оно не составляло новыхъ писцовыхъ книгъ и до самаго конца вѣка взимало подати по книгамъ, составленнымъ въ первую половину царствованія Михаила Ѳеодоровича. Пустыя земли продолжали, такимъ образомъ, считаться населенными. Но вновь распаханныхъ участковъ правительство также не упускало изъ виду, такъ какъ мѣстный воевода долженъ былъ всѣ такіе участки записывать и облагать податью. Плательщикамъ было, такимъ образомъ, крайне невыгодно вносить подати по писцовымъ книгамъ, и они неоднократно просили правительство взимать налоги только съ наличныхъ, дѣйствительно населенныхъ дворовъ. Были причины, по которымъ и для правительства взиманіе податей съ сохи и живущей четверти было не всегда выгодно. Если разбѣжавшіеся съ тяглой земли плательщики заставляли общину платить за себя „навольное сошное письмо“, за то они сами совершенно ускользали отъ податей и жили „въ избыли“; къ нимъ примыкали и всѣ тѣ разряды населенія, которые, оставаясь на мѣстѣ, находили способъ уклониться отъ разработки тяглаго участка. Съ точки зрѣнія правительства — это была чистая потеря для казны. Если нельзя было притянуть эти разряды населенія къ платежу податей со старой „сохи“ или „четверти“, то надо было привлечь ихъ какимъ-нибудь другимъ способомъ. Петли старой податной сѣти оказались слишкомъ широкими: плательщики въ нихъ слишкомъ свободно проскальзывали. Если такъ, — нужно было сдѣлать ихъ помельче, взять такую единицу обложенія, которая бы вплотную обхватила платежное населеніе, которая бы поставила, такъ сказать, лицомъ къ лицу каждаго плательщика съ правительствомъ. И въ этомъ отношеніи дворъ являлся болѣе подходящей податной единицей. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ соображеній правительство и переходитъ мало-помалу къ подворному обложенію. Въ началѣ правленія царя Алексѣя (1646—1648 гг.) и вторично въ началѣ правленія Ѳеодора (1678—1680 гг.) правительство составляетъ по всему государству описанія новаго типа— дворовые списки или такъ-называемыя „переписныя книги“. Надежды плательщиковъ, однако, не сбываются. По дворовымъ спискамъ правительство начинаетъ сбирать сперва (еще при Михаилѣ) только тѣ новыя подати, къ которымъ постепенно заставляютъ его прибѣгать военныя нужды XVII вѣка. Старыя подати оно не сразу рѣшается перевести съ сохи на дворъ, такъ какъ при этомъ, очевидно, пришлось бы сложить всѣ тѣ излишніе платежи, которые населенію приходилось нести за опустѣлую пашню. Такимъ образомъ, правительство соединяетъ выгоды старой системы съ выгодами новой, а на долю плательщиковъ остаются отъ той и другой невыгоды.

Положеніе дѣлъ мѣняется въ 70-годахъ XVII столѣтія. Новыя военныя нужды требуютъ въ это время новыхъ жертвъ со стороны населенія; подати оказывается необходнмымъ опять увеличить. Но черно-

сошное населеніе уже и безъ того платитъ сверхъ силъ, такъ что всякая новая прибавка ведетъ только къ увеличенію недоимокъ. Напротивъ, населеніе служилыхъ земель, несмотря на увеличеніе его платежей въ теченіе XVII вѣка, все еще продолжаетъ пользоваться льготами, которыя не оправдываются больше никакой нуждой государства въ услугахъ стараго служилаго сословія. При этихъ условіяхъ общая податная реформа становится необходимой и лучшимъ средствомъ для нея является окончательное переложеніе всѣхъ податей съ сохи и живущей четверти на дворъ.

Въ 1679 — 1681 гг. эта реформа была осуществлена. Остатки налоговъ XVI вѣка (пищальныя, данныя, засѣчныя и т. д.), за исключеніемъ полоняничной подати, были окончательно отмѣнены, налоги XVII вѣка, въ одной общей суммѣ, переведены на дворъ, и сошное обложеніе упразднено. Въ городахъ взимался теперь подворный налогъ въ размѣрѣ отъ 80 коп. до 2 р.; этотъ же налогъ, сохранившій названіе стрѣлецкой подати, платился и крестьянами сѣверныхъ черныхъ волостей. Владѣльческія земли остальныхъ уѣздовъ платили деньгами только ямскую подать, слитую съ полоняничной: служилыя по 5 коп. съ двора, а духовныя — по 10 к. Но, вмѣсто стрѣлецкой подати, они платили хлѣбомъ: служилыя земли по $^3/_{16}$ четверти съ двора, дворцовыя по $^5/_{16}$ и духовныя по $^7/_{16}$ четверти. Такъ какъ четверть хлѣба стоила въ это время отъ четвертака до трехъ четвертаковъ, то переведенный на деньги платежъ служилаго двора составлялъ отъ 5 до 14 к., дворцоваго отъ 8 до 23 к. и духовнаго отъ 11 до 33 к. Съ прибавкой ямскихъ и полоняничныхъ это составляло для служилаго двора 10—19 коп., для духовнаго — 21—43 коп. Разница съ прямыми платежами черныхъ селъ, какъ видимъ, сохранилась и послѣ реформы 1681 года и даже была довольно значительна; но, все же, сравнительно съ только что покинутой системой, это былъ шагъ къ болѣе равномѣрному обложенію.

CII. Войско въ Московскомъ государствѣ.

(Изъ «Обзора исторіи русскаго права» М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Кіевъ, 1905 г.).

Какъ въ 1 періодѣ, такъ и въ Московскомъ государствѣ вначалѣ было только два рода войскъ: народное ополченіе (пѣхота) и служилые люди — дворяне и дѣти боярскіе (конница). Съ половины XVI вѣка вводятся разныя системы постоянныхъ войскъ (различныхъ оружій).

а) *Народное ополченіе и посошная служба.* Въ началѣ періода (въ XIV в.) ополченіе по древнему обычаю собиралось поголовно (въ Мамаевомъ побоищѣ будто бы участвовало до 400 тысячъ русскихъ ратниковъ); даже въ XV в. въ отдаленныхъ походахъ (на Казань въ 1470 г.) участвовали и сурожане, суконники, купецкіе люди и всѣ москвичи, по ихъ силѣ. Но съ XV в. отправленіе этой повинности приводится къ опредѣленной системѣ — именно, къ посошной службѣ: поставка ополченцевъ (какъ и всѣ двугія повинности) разложена на сохи (съ духовенства, черныхъ людей, крестьянъ монастырскихъ и церковныхъ, и съ вотчинъ и помѣстій такихъ лицъ, которыя сами не могутъ явиться на службу); на мѣстѣ происходитъ „разрубка ратниковъ“; количество ратниковъ съ сохи

опредѣляется каждый разъ особо, по мѣрѣ надобности (въ 1480 г.—по коню и по человѣку съ 4-хъ сохъ; въ 1495 г.—съ 10 сохъ; бобыльскія сохи ставили только пѣхотинцевъ). Иногда вмѣсто сохъ эта повинность распредѣлялась по дворамъ (въ 1545 г. въ Новгородѣ — по одному коннику съ 3 дворовъ нетяглыхъ и съ 5 тяглыхъ; съ гостинныхъ—съ каждаго двора по 1-му, съ суконническихъ—съ двухъ 1-го). Въ 40-хъ годахъ XVII в. и эта повинность распредѣляется по числу дворовъ. Общее число „посохи" въ цѣломъ государствѣ въ каждомъ случаѣ было весьма различно (въ Полоцкомъ походѣ при Іоаннѣ IV было 80,000 человѣкъ посохи). Сроки службы посошныхъ людей въ XVII в. были опредѣляемы заранѣе—при призывѣ (напр., въ 1633 г.—1 годъ; въ 1637 г.—8 мѣсяцевъ и т. п).—Содержаніе ополченія и вооруженіе доставлялось тѣми же сошными людьми: псковичи въ Полоцкій походъ давали по 5 р. конникамъ, а пѣшимъ — по 2; иногда отпускали кормъ натурою (тѣ же псковичи въ 1535 г.); каждому пищальнику „сохи" должны были дать по ружью и по 12 ф. пороху и свинцу (порохъ производили земскіе люди сами), они же должны были поставлять для ополченія опредѣленное количество телѣгъ и лодокъ.—Въ посадахъ, а въ отдаленныхъ уѣздахъ и въ селахъ, ратная повинность перелагалась на деньги (по 2 р. со двора въ XVII в.).

б) *Дворянскіе полки.* Значеніе посохи постепенно ослаблялось съ расширеніемъ границъ государства и съ успѣхами военнаго искусства (изобрѣтеніемъ пороха). Поэтому все вниманіе обращено было на прежнія дружины, преобразованныя въ постоянныя дворянскія войска, вознаграждаемыя вмѣсто жалованья землями (помѣстьями); со 100 четвертей земли дворянинъ обязанъ былъ самъ на конѣ и съ каждой слѣдующей сотни четвертей ставить конника въ своей свитѣ. Перевѣсъ дворянскихъ полковъ надъ ополченіемъ совершился съ начала XV в. Но еще въ XVI в. иногда числа ратниковъ и дворянъ почти уравновѣшиваются (въ походѣ 1578 г. на Литву было дворянъ 10.309, ратниковъ 7.580). Флетчеръ насчитываетъ всѣхъ дворянъ, призываемыхъ къ оружію до 80.000. По вычисленію Брикса, ко времени Михаила Ѳеодоровича однихъ дѣтей боярскихъ было до 300.000 человѣкъ (изъ нихъ 20 тысячъ составляли гвардію, 65 тысячъ ежегодно охраняли Оку). Дворяне являлись съ собственнымъ вооруженіемъ. Сборъ дворянъ совершался повѣстками отъ воеводы, или губного старосты, или городскихъ приказчиковъ. Собирались въ главные города воеводства. Вмѣсто неявившихся („нѣтчиковъ") отправляемы были ихъ дѣти и люди, а сами нѣтчики подвергались наказанію. Независимо отъ походовъ, періодически производились „смотрины" (напр., 1652, 1660, 1670, 1675, 1678 г. и т. д.), на которыхъ повѣрялась „людность, конность и оружность" дворянъ и записывались взрослые сыновья на службу: при 3-хъ сыновьяхъ 1—въ полкъ, 1—въ городовую службу, а 1 оставлялся дома на хозяйствѣ.

в) *Постоянныя войска.* Уже въ XVI, а особенно въ XVII в., обнаружилась недостаточность дворянскихъ полковъ для правильной защиты государства (по отсутствію спеціальнаго военнаго образованія и по трудности созыва), въ особенности же для охраненія внутренняго порядка. Преимущественно для этой послѣдней цѣли великій князь Василій Іоанновичъ утвердилъ въ Москвѣ два полка пищальниковъ — конный и пѣшій; Іоаннъ IV умножилъ это число; при немъ новое постоянное войско стало именоваться стрѣльцами; главнѣйшею задачею его сдѣлалась внутренняя полиція. Это войско поселяемо было слободами вокругъ Москвы и другихъ городовъ и содержимо было на счетъ казны, получая

сверхъ того, земли на общинномъ правѣ и правѣ торговли; въ него рекрутировались вольные охочіе люди всякаго класса (преимущественно податныхъ). Впослѣдствіи московскіе стрѣльцы начали произвольно распоряжаться властію и, вмѣсто охраны государства, сдѣлались его язвою (подобно римскимъ преторіанцамъ). Стрѣльцы составляли собственно пѣхоту. — Въ XVII в. возникаютъ другіе спеціальные роды войскъ, а именно: регулярная конница — рейтары, образованная по иноземному строю, въ рейтары обязательно опредѣляемы были самые бѣдные дворяне и отчасти даточные люди; постоянная конница, не дворянская, были городовые казаки; тогда же составлена регулярная пѣхота — солдаты, преимущественно изъ тяглыхъ людей. Эти роды войскъ, а также пушкари (артиллерія) поселяемы были въ слободахъ вокругъ городовъ, именно украинныхъ. Численность всѣхъ этихъ войскъ постоянно возрастала; такъ, стрѣльцовъ въ 1578 г. въ Литовскомъ походѣ было 15.119 (при 10 т. дворянъ и $7^1/_2$ т. ополченія); въ 1634 г. на южныхъ границахъ было ихъ 22 тысячи и въ то же время подъ Смоленскомъ 4500. Казаковъ при Алексѣѣ Михайловичѣ было 1500, надѣленныхъ землями, и 5 тысячъ, получавшихъ жалованье. Рейтаровъ (по счету Брикса) въ концѣ XVII в. было 40 тысячъ, драгунъ—11.500; поселенныхъ солдатъ—3 тысячи, непоселенныхъ—10 тысячъ, московскихъ выборныхъ полковъ солдитскаго строю—12 тысячъ.

CIII. Мѣстное самоуправленіе въ Московской Руси и реформа Грознаго.

(Ст. С. В. Вознесенскаго [1]).

Мѣстное управленіе въ Московскомъ государствѣ дольше центральнаго сохраняло слѣды своего удѣльнаго происхожденія. Боярская дума и приказы, какъ по своимъ задачамъ, такъ и по своему устройству, уже въ концѣ XV в. являлись учрежденіями несомнѣнно государственными. Наоборотъ, областные органы управленія вплоть до средины XVI ст. носили по преимуществу частно-правовой характеръ.

Еще со временъ Кіевскаго періода русской исторіи мѣстное управленіе находилось въ рукахъ намѣстниковъ и волостелей. Въ удѣльное время первые завѣдывали уѣздами, вторые—входившими въ ихъ составъ волостями или станами. И тѣ и другіе осуществляли свою власть съ помощью особыхъ, зависимыхъ отъ нихъ агентовъ—тіуновъ, творившихъ судъ ихъ именемъ, доводчиковъ, призывавшихъ къ отвѣту, и праветчиковъ, приводившихъ въ исполненіе судебные приговоры. Всѣ эти подчиненныя лица были, обыкновенно, не государственными чиновниками, а дворовыми людьми намѣстниковъ и волостелей.

---

[1]) Статья составлена по слѣд. трудамъ: проф. Ключевскій: „Курсъ русской исторіи“ ч. II; Н. Рожковъ: „Происхожденіе самодержавія въ Россіи“; М. Н. Покровскій: „Мѣстное самоуправленіе въ древней Руси“ въ сб.: „Мелкая земская единица“; М. Дьяконовъ: „Дополнительныя свѣдѣнія о московскихъ реформахъ пол. XVI в.“ въ „Ж. М. Н. Пр.“, 1894 г., № 4; М. Ф. Владимірскій-Будановъ: „Обзоръ ист. русск. права“ и М. Богословскій: „Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.“, т. I.

Ставя послѣднихъ во главѣ уѣздовъ и волостей, правительство удѣльныхъ княжествъ, а позже объединившаго ихъ Московскаго государства преслѣдовало въ сущности двѣ цѣли: кормленіе этихъ лицъ и управленіе населеніемъ. Если первая изъ указанныхъ цѣлей явно носила частноправовой характеръ, то этотъ характеръ въ значительной мѣрѣ былъ присущъ и второй. Дѣйствительно, управленіе населеніемъ понималось въ тогдашней Руси, едва ли не исключительно, какъ извлеченіе изъ управляемыхъ разнаго рода доходовъ въ пользу управителей. Идея общественнаго блага и государственнаго порядка почти совершенно отсутствовала тогда въ сознаніи представителей власти. „Каждый правительственный актъ намѣстника и волостеля, какъ и ихъ подчиненныхъ агентовъ, — говоритъ проф. Ключевскій,—сопряженъ былъ съ извѣстнымъ сборомъ, такъ что правительственныя отправленія имѣли значеніе не столько дѣйствій, направленныхъ къ поддержанію порядка и охраненія права, сколько значеніе источниковъ дохода или доходныхъ статей для управителей“.

Намѣстники и волостели буквально жили на счетъ населенія. Содержаніе ихъ состояло съ одной стороны изъ кормовъ, съ другой—изъ пошлинъ. Кормы вносились цѣлыми обществами и при томъ подъ двумя видами: намъ извѣстенъ кормъ единовременный—*въѣзжій* — и постоянные—*рождественскій*, *петровскій* и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *великоденскій*—„на великъ день“. Пошлины платились отдѣльными лицами за разнаго рода правительственныя дѣйствія, главнымъ образомъ судебно-полицейскія. Ихъ составляли взносы 1) судебные, являвшіеся или извѣстнымъ процентомъ съ суммы иска или пеней съ виновнаго; 2) таможенные и 3) свадебные—*свадебный убрусъ* или *выводная куница*.

Всѣ эти доходы, бывшіе въ удѣльное время натуральными и лишь съ сер. XVI в. перелагавшіеся на деньги, кормленщики дѣлили съ княземъ, хотя на ихъ долю оставалось такъ много, что на кормленія обыкновенно смотрѣли, какъ на вѣрный источникъ обогащенія. Недаромъ, право на нихъ издавна стало исключительной привилегіей боярства. Этотъ взглядъ на кормленія поддерживало и само правительство. Оно считало кормленіе не службой, а наградой за прежнюю службу или средствомъ для будущей. Когда кто-нибудь изъ бояръ слишкомъ тратился, занимая бездоходныя военныя должности или выполняя другія порученія государя, его посылали на годъ, на два покормиться въ уѣзды или волости, пополнить свои *животы*, и эта посылка носила характерное названіе „пожалованія“.

Немудрено, что управленіе кормленщиковъ возбуждало большое неудовольствіе въ населеніи. Съ одной стороны, они пользовались всякимъ случаемъ, чтобъ увеличить поборы съ него; съ другой — они оставляли въ пренебреженіи тѣ задачи своей дѣятельности, осуществленіе которыхъ мало приносило имъ дохода, хотя и являлось очень важнымъ съ точки зрѣнія общественнаго блага. Такъ, гражданскія дѣла разбирались ими охотно, тогда какъ полицейскія обязанности, напр., охрану населенія отъ воровъ и разбойниковъ, они выполняли плохо. Частный интересъ кормленщиковъ такимъ образомъ сталкивался здѣсь съ общественно-государственнымъ и бралъ надъ нимъ верхъ.

Однако, въ удѣльное время населеніе не выказывало открыто своего недовольства намѣстничьимъ управленіемъ. Дѣло въ томъ, что тогда, при господствѣ натурально-хозяйственнаго строя, произволъ кормленщиковъ не выходилъ за извѣстныя границы. Получая кормы и пошлины натурой, въ видѣ разнаго рода хозяйственныхъ продуктовъ, они не имѣли

никакихъ побужденій требовать съ населенія больше, чѣмъ были въ состояніи потребить.

Тѣ же условія натурально-хозяйственнаго строя, умѣрявшія аппетитъ кормленщиковъ, затушевывали и недостатки ихъ правительственной дѣятельности, и прежде всего пренебрежительное отношеніе къ полицейскимъ функціямъ. Вѣдь въ обществѣ, живущемъ при натуральномъ хозяйствѣ, число преступленій противъ собственности — татебныхъ и разбойныхъ дѣлъ—не могло быть значительнымъ, а поэтому и борьба съ ними не являлась слишкомъ необходимой. Но,—говоритъ Н. Рожковъ,—„когда начинаетъ выступать на первый планъ денежное хозяйство, дѣло существеннымъ образомъ мѣняется: обостряются классовыя противорѣчія, и вопросъ объ обладаніи матеріальными благами и о борьбѣ за эти блага становится основнымъ, кардинальнымъ. Соотвѣтственно этому увеличивается число преступленій противъ имущественныхъ правъ и формируются новыя, болѣе сложныя гражданско-правовыя отношенія. Отсюда является, особенно у правящихъ классовъ — землевладѣльцевъ и капиталистовъ, настоятельная потребность въ развитіи административно-судебныхъ органовъ, которые въ достаточной мѣрѣ ограждали бы ихъ права и особенно имущественныя“. Подобныя стремленія въ обществѣ ясно обнаружились на Руси въ первой пол. XVI ст., а навстрѣчу имъ пошло и само правительство. Съ ростомъ и усложненіемъ государственныхъ потребностей и задачъ послѣднее еще въ концѣ XV в. стало замѣчать несостоятельность системы кормленій, и мало-по-малу пришло къ сознанію, что кормленщики больше „своего прибытка смотрѣли“, чѣмъ заботились о прибыткѣ государственномъ. И вотъ, правительство по отношенію къ нимъ стало принимать цѣлый рядъ ограничительныхъ мѣръ; прежде всего оно начинаетъ уставными грамотами опредѣлять размѣръ кормовъ и другихъ поборовъ, идущихъ съ населенія въ пользу намѣстниковъ и волостелей; затѣмъ, всѣхъ кормленщиковъ оно раздѣляетъ на двѣ группы: однимъ оставляется „кормленіе съ боярскимъ судомъ“, т.-е. всѣ прежнія обширныя полномочія, отъ другихъ наиболѣе важныя дѣла отбираются и переносятся на Москву.

Въ первой половинѣ XVI в. дѣлается дальнѣйшее стѣсненіе компетенціи намѣстниковъ и даже частичное уничтоженіе ихъ власти. Во-первыхъ, присутствовавшіе издавна на судѣ кормленщиковъ земскій староста и лучшіе люди мало-по-малу превращаются изъ зрителей въ дѣйствующихъ лицъ. Княжескій Судебникъ предписывалъ „на судѣ у намѣстника быти старостѣ и лучшимъ людямъ..., а безъ старосты и безъ лучшихъ людей суда намѣстникамъ и волостелямъ не судити“. Теперь эти выборные приглашаются не только смотрѣть, что будетъ дѣлать съ преступникомъ или тяжущимися намѣстникъ или волостель, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и принимать участіе въ составленіи приговора. Первое извѣстіе о подобномъ фактѣ относится къ Новгороду. Софійская лѣтопись разсказываетъ, что въ 1517 г. были выбраны въ названномъ городѣ „изъ улицъ лучшіе люди“, 48 человѣкъ, и „къ цѣлованію приведены“. „И оттолѣ по цареву слову Василія Ивановича, уставили судити съ намѣстники старосту купецкаго, а съ тіуны судити цѣловальникамъ“. Эту мѣру великій князь предпринялъ „слыша, что намѣстники въ В. Новгородѣ судятъ сильно, а тіуны ихъ судятъ по мздѣ“. По вполнѣ справедливому предположенію М. Н. Покровскаго, „это значитъ, что его (в. к. Василія Ивановича) распоряженіе было вызвано челобитной новгородскаго населенія, отъ котораго, стало быть, шла иниціатива реформы“. Подобное участіе выборныхъ

въ намѣстничьемъ судѣ постепенно стало вводиться и въ другихъ областяхъ, пока наконецъ Царскій Судебникъ не сдѣлалъ его повсемѣстнымъ.

Во-вторыхъ, такія же челобитныя вызвали къ жизни и еще одно учрежденіе—институтъ губныхъ старостъ. Съ 1539 г. становятся извѣстны такъ-называемыя губныя грамоты, лишавшія кормленщиковъ завѣдыванія слѣдствіемъ, судомъ и наказаніемъ разбойниковъ, убійцъ и татей, словомъ, изъимавшія изъ ихъ вѣдѣній уголовныя дѣла и передававшія ихъ новымъ, выборнымъ учрежденіямъ. Эти учрежденія состояли изъ губныхъ старостъ, цѣловальниковъ (присяжныхъ), сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, а также губныхъ дьяковъ. Старосты выбирались изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, остальные изъ всѣхъ классовъ мѣстнаго общества, которое участвовало и въ выборѣ первыхъ.

Въ-третьихъ, одновременно съ губными старостами, которыя только ограничивали власть кормленщиковъ, появляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно замѣнившіе послѣднихъ городовые приказчики. Они выбирались изъ дѣтей боярскихъ, вѣдали этихъ послѣднихъ и получали за свою службу уже не кормъ, а помѣстья.

Но всѣ эти мѣры были сравнительно скромны и не удовлетворяли населенія. Послѣднее не переставало жаловаться на расшатанную уже, но все еще достаточно сильную систему кормленій и просить полной замѣны ея земскимъ самоуправленіемъ. И правительство, наконецъ, въ сер. XVI в. согласилось, что пора покончить съ кормленіями, и рѣшило провести реформу мѣстныхъ органовъ. Къ этому его привели, помимо недовольства населенія, и собственныя побужденія. „Система кормленій,—говоритъ проф. Ключевскій—сопряжена была съ большими неудобствами какъ для ратной службы, т.-е. для обороны страны, такъ и для мѣстнаго управленія“. Съ неудобствами второго рода мы уже знакомы: это были прямыя злоупотребленія кормленщиковъ, несоотвѣтствіе ихъ дѣятельности съ требованіями общественнаго порядка, ихъ невнимательность къ интересамъ государства и нуждамъ общества. Неудобства же перваго рода состояли въ томъ, что значительное число служилыхъ людей, которымъ жаловались кормленія, отвлекалось отъ военной службы, между тѣмъ какъ государству въ XVI в. она была чрезвычайно нужна: почти не проходило года, чтобъ правительству не приходилось посылать значительныя силы на ту или иную окраину. Когда же кормленщиковъ призывали къ участію въ походахъ, мобилизація ихъ разстраивала административную работу въ областяхъ. „Такъ, — говоритъ проф. Ключевскій,—обѣ вѣтви управленія мѣшали одна другой: военные люди становились неисправными управителями, а становясь управителями, переставали быть исправными военными людьми“. На ряду со всѣмъ этимъ дѣйствовалъ тутъ и еще одинъ мотивъ. Кормленщики большую часть поборовъ оставляли въ свою пользу и слишкомъ мало давали государству, а послѣднее очень и очень нуждалось въ финансовыхъ средствахъ и радо было всякой возможности ихъ увеличить.

По вполнѣ вѣроятному предположенію проф. Дьяконова, впервые мысль объ уничтоженіи кормленій была подсказана правительству земскимъ соборомъ 1550 г. и тогда же имъ усвоена. Но сразу покончить съ сложившимся издавна порядкомъ управленія оно не рѣшилось, ограничившись на первыхъ порахъ замѣной кормленщиковъ земскимъ самоуправленіемъ лишь въ тѣхъ областяхъ, которыя особенно настойчиво желали этого. Такъ, уставная грамота 28 февраля 1551 г. вводила новые органы управленія въ Плесской волости, а грамота 21 марта 1552 г.—

на Вагѣ. Въ томъ же году вопросъ о кормленіяхъ былъ разсмотрѣнъ въ боярской думѣ, и 8 ноября „кормленіями государь (Иванъ Грозный) пожаловалъ всю землю“. Впрочемъ, окончательный указъ объ этомъ вышелъ только въ 1555 г. Онъ предоставлялъ населенію право или оставаться при прежнихъ порядкахъ, или переходить къ самоуправленію. „Напередъ сего жаловали есмя, бояръ своихъ...—писалъ царь,—городы и волости давали имъ въ кормленія, и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука была безпрестанная, что намѣстники... чинятъ имъ продажи и убытки великіе. И мы, жалуючи крестьянство..., намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и волостелей отставили..., велѣли есмя во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити“.

Прежде чѣмъ подробно познакомиться съ характеромъ вновь организованнаго самоуправленія, мы отмѣтимъ, что оно не являлось для московскаго населенія совершенной новостью. И посадскіе, и сельскіе люди на Руси искони группировались въ тяглыя общины или міры, во главѣ которыхъ стояли выборныя лица—старосты, сотскіе, десятскіе; они раскладывали между общинниками подати, собирали ихъ и отвозили намѣстникамъ и волостелямъ. Кромѣ того, выборные отъ общинъ, такъ-называемые „лучшіе люди“, какъ мы уже видѣли, участвовали и на судѣ кормленщиковъ. Чрезъ этихъ мірскихъ должностныхъ лицъ, населеніе, такимъ образомъ, втягивалось въ судъ и управленіе и вообще привыкало болѣе или менѣе самостоятельно вѣдать свои дѣла. Немудрено, что оно, наконецъ, пришло и къ мысли о полной замѣнѣ кормленій самоуправленіемъ. Ничего не могло имѣть противъ такой замѣны и правительство, успѣвшее уже свыкнуться съ дѣятельностью земскихъ выборныхъ людей.

Отсюда понятно, что реформа 1555 г. не носила характера радикальной ломки. Она состояла лишь въ томъ, что кормленщики выводились изъ областей, а ихъ функціи поручались уже сложившимся земскимъ органамъ — старостамъ съ цѣловальниками, превращавшимся теперь въ независимую судебно-административную коллегію, выбиравшуюся тяглыми общинами волостей.

Компетенція этой коллегіи въ разныхъ мѣстахъ была различна. На сѣверѣ, въ Двинской землѣ, гдѣ за недостаткомъ служилыхъ людей выборъ губныхъ старостъ былъ невозможенъ, земскіе старосты вѣдали не только судныя гражданскія, но и губныя дѣла. Тамъ же, гдѣ существовали губные старосты, судъ по уголовнымъ дѣламъ отправлялся этими старостами совмѣстно съ земскими судьями. Въ то же время на земскихъ старостахъ лежалъ сборъ откупного оброка, который взимался правительствомъ за уничтоженіе кормленій и за введеніе самоуправленія, а также сборъ и доставка къ казну и другихъ окладныхъ налоговъ.

Земскія должностныя лица вели порученныя имъ судныя и казенныя дѣла подъ личной передъ правительствомъ отвѣтственностью и за круговой порукой выбравшихъ ихъ общинъ. За неумѣлое или недобросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей земскіе старосты, судьи и цѣловальники наказывались смертной казнью „безъ отпросу“ и конфискаціей имущества, а въ случаѣ ихъ несостоятельности за нихъ отвѣчали ихъ избиратели.

Такая же система выбора, отвѣтственности и поруки была проведена въ царствованіе Грознаго не только въ области мѣстнаго судебно-административнаго, но и финансоваго управленія. Земскіе старосты собирали только прямые налоги. Сборъ же косвенныхъ налоговъ: таможен-

ныхъ пошлинъ, а также доходовъ съ казенныхъ статей, именно питейнаго дѣла, соляныхъ и рыбныхъ промысловъ и проч., находившійся раньше въ рукахъ кормленщиковъ, теперь отдавался правительствомъ „на вѣру“. Земскія тяглыя общины выбирали изъ своей среды „вѣрныхъ“, т.-е. присяжныхъ головъ и цѣловальниковъ, которые становились сборщиками. Исправность поступленій обезпечивалась, кромѣ вѣры, т.-е. присяги, ихъ имущественной отвѣтственностью и поручительствомъ выбравшихъ ихъ міровъ. Вѣрная служба вводилась одновременно съ земскимъ самоуправленіемъ. Раньше всего она была примѣнена въ 1551 г. въ г. Бѣлозерскѣ, гдѣ таможенные сборы были отданы на вѣру двумъ москвичамъ и двадцати бѣлозерцамъ на годъ. Позже эта служба необыкновенно разрослась и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ; особенно тяжелымъ гнетомъ легла она на посадскія общины [1]).

Всматриваясь въ сущность земскаго судебно-административнаго самоуправленія и вѣрной службы, замѣнившихъ собой систему кормленій, нельзя не признать, что они были не столько правомъ тяглыхъ обществъ вѣдать свои собственныя дѣла, сколько повинностью, обязанностью исполнять общегосударственныя порученія. Дѣйствительно, если мы обратимъ вниманіе на компетенцію новыхъ учрежденій, то увидимъ, что въ нее входили сборъ податей, судъ и полиція, т.-е. то, что относилось къ „государеву дѣлу“, а никакъ не къ земскому. На государственный (не земскій) характеръ ихъ указываетъ и ихъ отвѣтственность передъ правительствомъ, а не передъ населеніемъ. Съ настоящимъ самоуправленіемъ эти органы роднитъ лишь то обстоятельство, что они были выборными, хотя, какъ замѣтилъ проф. Ключевскій, „выбирать тогда значило отвѣчать за выборныхъ“.

Однако, не слѣдуетъ забывать, что кромѣ земскихъ учрежденій, вѣдавшихъ судебно-административные дѣла и вѣрную службу, существовали изъ временъ очень древнихъ и такія, которыя вѣдали мѣстное хозяйство. На ряду съ новыми земскими старостами съ цѣловальниками и на ряду съ вѣрными головами съ цѣловальниками попрежнему дѣйствовали въ сельскихъ и посадскихъ мірахъ и старинные старосты, сотскіе и десятскіе. Они были органами въ полномъ смыслѣ слова земскаго самоуправленія, завѣдуя дѣлами тяглыхъ общинъ по раскладкѣ и сбору податей и отбыванію повинностей, по распоряженію общественнымъ имуществомъ, напр., въ селахъ землей, въ городахъ землей и лавками.

Всѣ возникшіе на мѣстѣ кормленій учрежденія носили ярко выраженный сословный характеръ. Лишь одни губные старосты, выбиравшіеся всѣмъ населеніемъ изъ среды дворянъ или дѣтей боярскихъ, распространяли свою власть надъ всѣми слоями мѣстнаго общества. Наоборотъ, городовые приказчики, стоявшіе во главѣ уѣздовъ, вѣдали только дворянъ и дѣтей боярскихъ, а земскіе старосты — только тяглые міры, и притомъ лишь въ тѣхъ отрасляхъ управленія, которыя не были подчинены губнымъ старостамъ. Эта сословность земскаго самоуправленія объясняется, конечно тѣмъ, что общество въ Московской Руси дифференцировалось на сословно-классовыя группы, отличавшіяся другъ отъ друга какъ по своему экономическому положенію, такъ и по роду возложенныхъ на нихъ государствомъ повинностей, причемъ такая дифференціація, по мѣрѣ развитія въ странѣ денежнаго хозяйства, шла все глубже и глубже.

[1]) См. въ отдѣлѣ: „Царствованіе Алексѣя М.“ во II т. „Хрестоматіи“ ст. С. В. Вознесенскаго: „Городскіе бунты“.

А „изъ классовъ, раздѣленныхъ своими особыми интересами и обязанностями,—замѣчаетъ по этому поводу проф. Ключевскій,—трудно было образовать цѣльное земство съ дружной совмѣстной дѣятельностью“.

Мы видѣли, что основную причину введенія земскихъ учрежденій слѣдуетъ искать въ экономическихъ условіяхъ эпохи—въ зарожденіи на Руси въ XVI в. денежнаго хозяйства. Эти условія въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи послужили и основной причиной непродолжительности существованія земскаго самоуправленія, которое къ концу XVI и началу XVII ст. постепенно исчезло въ большинствѣ областей. Хозяйственный прогрессъ на первыхъ порахъ благотворно отразился на положеніи и тяглыхъ, и служилыхъ классовъ населенія, благосостояніе которыхъ стало рости, а вмѣстѣ съ нимъ увеличивалось и ихъ значеніе. Нагляднымъ подтвержденіемъ этого могутъ служить разсмотрѣнныя нами земскія учрежденія, составленныя одинаково и изъ тяглыхъ, и изъ служилыхъ людей. Но уже очень скоро, благодаря вмѣшательству правительства, всѣ выгоды денежнаго хозяйства стали выпадать только на долю помѣщиковъ и вотчинниковъ. Когда деньги въ значительномъ количествѣ вошли въ оборотъ, государство необыкновенно повысило свои фискальныя требованія къ населенію, прямо, вводя новые налоги, и косвенно, перелагая на деньги прежнія натуральныя повинности. Сначала платили и тяглые, и служилые. Однако, послѣднимъ вскорѣ удалось пріобрѣсти болѣе выгодное положеніе: имъ правительство поручило собирать подати съ сидѣвшихъ на ихъ земляхъ крестьянъ. „Едва ли нужно объяснять,—говоритъ М. Н. Покровскій,—какъ можно было воспользоваться этимъ цѣннымъ правомъ при раскладкѣ податей и кто собственно теперь оплачивалъ землю, эксплоатируемую самимъ помѣщикомъ“. Къ праву собирать подати съ крестьянъ присоединилось затѣмъ и право „судить“ ихъ, а оба эти права въ концѣ концовъ привели къ тому, что жившіе на частновладѣльческой территоріи крестьяне—а такихъ было къ концу вѣка множество, благодаря широкой раздачѣ земель въ помѣстья,—понемногу, какъ классъ, выбыли изъ „политическаго общества“ Московской Руси. Самоуправляющіяся крестьянскія волости при раздачѣ земель въ помѣстья дробились на отдѣльныя, ничѣмъ не связанныя другъ съ другомъ деревни, а власть ихъ выборныхъ замѣнялась властью помѣщика или приказчика. „Какой глубокій клинъ,—говоритъ только-что названный изслѣдователь,—вбило крѣпостное право въ земщину Ивана Грознаго, можетъ быть, лучше всего показываетъ слѣдующій характерный случай. Въ 1647 г. въ Суздалѣ крестьяне выбрали въ губные цѣловальники крѣпостного одного изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, и помѣщикъ „того крестьянина не далъ, учинился силенъ“. Человѣка выбирали въ общественную должность, а онъ оказался частною собственностью другого человѣка“...

Съ выходомъ крестьянства въ центральныхъ, южныхъ и западныхъ областяхъ изъ земства, послѣднее распалось на дворянскую корпорацію въ уѣздѣ и торгово-промышленную посадскую въ городѣ. Первая пополняла составъ губныхъ учрежденій, вторая—земскихъ судебно-административныхъ учрежденій и учрежденій, несшихъ вѣрную службу. Но уже въ началѣ XVII в. началось паденіе органовъ земскаго самоуправленія и въ посадахъ. Если развитіе денежнаго хозяйства вырыло непроходимую пропасть между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ въ уѣздѣ, то въ городахъ оно также рѣзко обособило группу зажиточныхъ купцовъ отъ массы остальныхъ черныхъ людей. Вотъ почему, вслѣдъ за распаденіемъ крестьянскихъ міровъ, начался упадокъ и міровъ посадскихъ, вырождавшихся

въ купеческую олигархію; эта олигархія заполнила своими представителями всѣ выборныя должности, которыя превращались въ ея рукахъ въ средство собственнаго обогащенія и угнетенія остальныхъ слоевъ населенія. Послѣднему оставалось лишь одно—просить у правительства обороны отъ своихъ же выборныхъ людей. Это полное разложеніе земскихъ учрежденій неизбѣжно повело за собой усиленіе правительственной опеки, настоятельность которой вызывалась къ тому же и требованіемъ централизаціи, призванной въ правительственной средѣ необходимою послѣ событій смутной эпохи. „Смутная эпоха,—говоритъ проф. Владимірскій-Будановъ,—обнаружила необходимость имѣть въ каждомъ городѣ военную власть и, сверхъ того, такой органъ управленія, который бы связывалъ провинцію съ центромъ и простиралъ свою власть на всѣ классы провинціальнаго общества“.

И вотъ, еще въ концѣ XVI в. правительство начинаетъ сажать воеводъ, сперва только въ пограничныхъ городахъ, гдѣ требовалась сильная военная власть. Въ Смуту воеводы появляются и во многихъ внутреннихъ областяхъ, а при Михаилѣ воеводство стало повсемѣстнымъ учрежденіемъ. Въ каждомъ уѣздѣ теперь находится воевода, которому подчинены всѣ классы общества—и служилые, и посадскіе, и крестьяне,—и по всѣмъ дѣламъ: какъ финансовымъ и судебнымъ, такъ и полицейскимъ и военнымъ. Сначала рядомъ съ воеводами продолжали существовать губныя и земскія учрежденія, но постепенно надзоръ надъ ними со стороны воеводъ превратился въ полное подчиненіе первымъ послѣднихъ. Исключеніемъ являлось только Поморье, гдѣ земскія учрежденія Грознаго, какъ выражается М. Богословскій, „нашли себѣ... благопріятную, родную почву“ и дѣйствовали на пространствѣ всего XVII в., правда подъ контролемъ воеводской администраціи. Причиной этого являлось то, что поморское общество было, по своему составу, однороднымъ, почти сплошь крестьянскимъ и къ тому же привычнымъ къ самоуправленію, развившемуся здѣсь еще во время подчиненія Новгороду, который предоставлялъ, какъ извѣстно, своимъ волостямъ широкую автономію [1]).

CIV. Областное управленіе Московскаго государства.

(Изъ соч. Градовскаго: «Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи»).

Между Москвою и низшимъ управленіемъ не образовалось посредствующихъ инстанцій. Собственно въ области была одна инстанція—уѣздное управленіе, сосредоточенное въ рукахъ воеводы. Развитіе воеводскаго управленія обусловливалось тяглымъ характеромъ сословій, не имѣвшихъ никакого самостоятельнаго значенія для государственнаго управленія. Уѣздъ собралъ въ одно цѣлое и замѣнилъ прежнія разнообразныя тяглыя единицы; воевода явился высшимъ исполнителемъ требованій центральнаго правительства и властью, понуждающею всѣ сословія къ исправному отбыванію повинностей.

Учрежденіе воеводъ съ такимъ характеромъ относится къ XVII в., когда сила государства, основанная на тягломъ положеніи сословій, установилась окончательно. До тѣхъ поръ остатки самоуправленія, общины,

---

[1]) См. въ послѣднемъ отдѣлѣ II т. „Хрестоматіи“ ст. С. В. Вознесенскаго: „Городъ“.

намѣстники и волостели производили невообразимую пестроту въ администраціи. Но появленіе воеводъ или, лучше сказать, воеводскаго управленія относится не къ XVII в. Еще въ XV ст. названіе воеводъ встрѣчается рядомъ съ должностью намѣстника. Оно не означало, кажется, особой должности, отличавшейся отъ намѣстниковъ. Послѣдніе, въ своемъ качествѣ военачальниковъ городскихъ, назывались воеводами мѣстными, въ противоположность *ратнымъ*, посылавшимся изъ Москвы. Но эти воеводы не составляли системы воеводскаго управленія со всѣми ея характеристическими особенностями. Нѣкоторыя обстоятельства вызвали эту систему уже въ XVI в. Области, требовавшія усиленнаго вниманія правительства вслѣдствіе своего географическаго положенія или военныхъ обстоятельствъ, получали воеводъ. Но для того, чтобы отличить ихъ отъ воеводъ въ прежнемъ смыслѣ, т.-е. полковыхъ начальниковъ, ихъ называли *годовыми* воеводами и мѣстными воеводами въ противоположность полковымъ, ратнымъ. Такъ называемые годовые воеводы назначались уже въ XVI столѣтіи по разнымъ городамъ. Такъ, были воеводы въ Орлѣ, Новосилѣ, Смоленскѣ, Одоевѣ, Пронскѣ, Брянскѣ. Въ это время названіе воеводъ, какъ уѣздныхъ и городовыхъ правителей, начинаетъ смѣшиваться съ названіемъ намѣстника, причемъ послѣднее употребляется болѣе какъ почетное званіе, соединенное, впрочемъ, съ разными доходами, а не для обозначенія дѣйствительной должности административной. Затѣмъ въ иныхъ городахъ упоминаются то намѣстники, то воеводы. Новая правительственная система то замѣняетъ прежніе органы управленія, то вновь уступаетъ имъ мѣсто. Въ XVI в. воеводы хотя и участвовали въ судѣ, но рядомъ съ ними дѣйствовало и прежнее выборное начальство. Напротивъ, съ 1613 г. воеводское управленіе исключаетъ всякое другое. Можетъ быть, неурядица смутнаго времени вызвала потребность сильной правительственной диктатуры, для цѣлей „земскаго строенія". Но каковы бы ни были причины этой перемѣны, несомнѣнно то, что первоначально выборныя должности утратили свое значеніе. Уже впослѣдствіи возстановляются старыя уставныя грамоты и возобновляется учрежденіе губныхъ старостъ. И это возстановленіе далеко не было полно. На земскомъ соборѣ 1642 г. гости и торговые люди, жалуясь царю на воеводъ, говорили: „При прежнихъ государѣхъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами промежъ себя, а воеводъ въ городѣхъ не было, а воеводы были посыланы, по прежнихъ государей указу, съ ратными людьми только въ краинные города для береженія отъ тѣхъ же турскихъ, крымскихъ и ногайскихъ татаръ, отъ ихъ разоренія". Въ прежнее время, т.-е. до смутнаго времени, воеводы дѣйствительно посылались *преимущественно* „для береженья" городовъ отъ непріятеля. Но въ то же время имъ поручались и другіе предметы. Двинскіе воеводы имѣли право суда, которое они до Михаила Ѳеодоровича раздѣляли съ выборными судьями. Въ другихъ мѣстностяхъ воеводы издавна дѣйствовали по административнымъ и судебнымъ дѣламъ. Моментъ, когда воеводы вытѣснили намѣстниковъ, нельзя опредѣлить съ точностью.

Не изъ одной полковой службы развилась слѣдовательно воеводская должность. Съ самаго начала установилось различіе между *полковыми* и *годовыми* вооводами, посылавшимися не только для береженья городовъ отъ непріятеля, но и для разныхъ административныхъ цѣлей. Обыкновенный срокъ воеводской службы былъ 1—2 года. Впослѣдствіи встрѣ-

чаются примѣры, что воеводы остаются за особенно усердную службу на третій годъ; но это было уже исключеніемъ изъ общаго правила.

Воеводы опредѣлялись обыкновенно изъ дворянъ, написанныхъ по московскому списку, т.-е. изъ лицъ, подвѣдомственныхъ Большому Разряду. Областные приказы назначали воеводъ, но съ согласія Разряда или другого установленія, вѣдавшаго служилое сословіе. Никто не могъ быть отпущенъ на воеводство, если его присутствіе въ полку было необходимо. Челобитныя о назначеніи на воеводство подавались въ Разрядъ, и съ справкою изъ Рязряда поступали на усмотрѣніе государя. Затѣмъ отпущенному на воеводство давали наказъ изъ того приказа, гдѣ городъ былъ вѣдомъ. Такимъ образомъ, областные приказы распоряжались людьми, отпущенными чрезъ Разрядъ. Правительство, какъ въ XVII, такъ отчасти и въ XVIII в., скупо надѣляло служилыми людьми гражданское управленіе. Никто не могъ быть назначенъ на воеводство и въ приказы безъ сношенія съ военнымъ вѣдомствомъ. Назначеніе на воеводство происходило не по иниціативѣ правительства. Служилые люди сами добивались этой льготы и осаждали государя просьбами. Можетъ быть, отъ этого отчасти зависѣлъ кратковременный срокъ воеводской службы: надо же было удовлетворить такое количество челобитчиковъ! Напротивъ, само правительство не стремилось назначать на воеводство людей способныхъ. Оно смотрѣло на воеводство, какъ на должность инвалидную, и было недовольно, что нѣкоторыя лица, „отбывая государевой службы“, бьютъ челомъ на воеводство. Взглядъ правительства на это дѣло обнаружился въ двухъ мѣрахъ Алексѣя Михайловича. Въ 1661 г. предписано во всѣ города, вѣдомые въ Разрядѣ, назначить въ воеводы и приказные люди изъ раненыхъ и бывшихъ въ плѣну, „а которые отпущены воеводы и приказные люди не ранены, и тѣхъ перемѣнить ранеными“. Затѣмъ, въ томъ же году всѣхъ воеводъ для полковой службы велѣно выслать къ Москвѣ, а управленіе поручить губнымъ старостамъ, или, гдѣ нѣтъ губныхъ старостъ, отставнымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Обыкновенная сфера дѣятельности воеводъ опредѣлялась содержаніемъ общаго наказа. Содержаніе это было не особенно обширно. Его можно подвести подъ слѣдующія рубрики: 1) наказъ содержалъ въ себѣ постановленія относительно вступленія въ должность новаго воеводы, порядка пріема должности отъ прежняго воеводы и составленія описи о принятіи казеннаго имущества; 2) затѣмъ слѣдовали постановленія относительно финансоваго управленія. Этотъ отдѣлъ былъ особенно развитъ въ общихъ наказахъ, такъ какъ областные приказы имѣли въ виду главнымъ образомъ финансовое управленіе; 3-я часть опредѣляла отношеніе воеводъ къ мѣстному обществу и выборнымъ должностямъ; 4-я заключала постановленія относительно полицейской дѣятельности воеводы, и если городъ былъ пограничный, то и правила объ отношеніяхъ его къ иноземцамъ.

Обращаясь къ подробному разсмотрѣнію обязанностей воеводы, нельзя не остановиться на общемъ замѣчаніи, которое поможетъ намъ объяснить многіе противорѣчивые факты въ воеводскомъ управленіи. Какую бы отрасль мѣстной администраціи мы ни взяли, вездѣ обращаетъ на себя вниманіе тотъ странный фактъ, что воевода имѣетъ всѣ средства для удовлетворенія общегосударственныхъ нуждъ, и почти безсиленъ для служенія мѣстнымъ интересамъ, для удовлетворенія нуждамъ мѣстности и частныхъ лицъ. Воевода былъ облеченъ большою властью для понужденія служилыхъ людей къ отправленію обязанностей, но съѣзжая изба

не могла разрѣшить ни одного процесса о помѣстьѣ или вотчинѣ; воевода могъ поставить на правежъ цѣлую общину за невзносъ податей, но едва ли могъ разрѣшить какое-нибудь хозяйственное затрудненіе въ дѣлахъ этой общины. Мало того: центральное правительство старается даже о томъ, чтобы воеводская власть не получала слишкомъ большого развитія, не устранила для общинъ возможности и даже необходимости сноситься прямо съ Москвою. Вслѣдствіе этого первое противорѣчіе воеводской должности заключалось въ непомѣрной власти его, какъ исполнительнаго агента московскаго приказа, и въ безсиліи его, какъ самостоятельнаго администратора. Воевода, такъ сказать, всякій разъ приводился въ движеніе указомъ изъ Москвы; въ противномъ случаѣ, онъ бездѣйствовалъ. Даже и для исполнительной сферы должность эта не всегда была пригодна. Наказомъ опредѣлялись отношенія воеводы главнымъ образомъ къ приказу, выдавшему этотъ наказъ. Другіе приказы находились къ воеводѣ въ отношеніяхъ крайне неопредѣленныхъ, что вело къ большой „волокитѣ“ въ исполненіи ихъ предписаній.

Тѣмъ, что мы назвали общею частью наказа, опредѣлялась совокупность порученій, данныхъ воеводѣ по предметамъ вѣдомства одного приказа. Поэтому съ помощью наказа можно опредѣлить сферу дѣятельности воеводы и отношеніе его къ центральному управленію, котораго онъ былъ органомъ. Мы разсмотримъ сначала воеводу, какъ органъ правительственныхъ интересовъ, причемъ главнымъ образомъ обратимъ вниманіе: а) на военную его дѣятельность и отношеніе къ служилому сословію, б) на финансовую и его отношенія къ общинамъ.

Хотя еще въ въ XVI ст. проведено было различіе между *годовыми* и *полковыми* воеводами, но военный характеръ первыхъ сохранился и въ XVII в. Каждый воевода былъ военнымъ начальникомъ въ уѣздѣ и городѣ. Въ его завѣдываніе поступалъ городъ (крѣпость) со всѣми укрѣпленіями, военными снарядами, запасами, ему подчинялись всѣ служилые люди, дворяне и дѣти боярскіе. Въ качествѣ такого военнаго начальника, онъ долженъ былъ бы подчиняться разряду и другимъ воинскимъ приказамъ. На дѣлѣ было не такъ. Воевода, принимая городъ отъ своего предшественника, составлялъ подробную роспись всѣхъ принятыхъ предметовъ и дѣлъ и представлялъ ее въ пославшій его приказъ. Въ эту роспись включалось описаніе города въ военномъ отношеніи и военныхъ снарядовъ, наравнѣ съ другими предметами. Разумѣется, не по всѣмъ этимъ дѣламъ воевода былъ подчиненъ четверти одинаково; конечно, Рязрядъ не переставалъ распоряжаться военнымъ управленіемъ; но это нисколько не слагало съ воеводъ обязанности доносить обо всемъ въ свою четверть. Слѣдовательно, военныя обязанности сливались въ то время съ административными даже въ центральныхъ установленіяхъ. Воевода же вѣдалъ военное дѣло, какъ представитель своего приказа, въ силу даннаго имъ наказа. Въ качествѣ воинскаго начальника онъ долженъ былъ наблюдать за хорошимъ состояніемъ городскихъ укрѣпленій, заботиться, чтобъ въ городѣ было достаточно всякихъ запасовъ и т. д.

Военная власть воеводы проявилась довольно разнообразно. Въ центральной Россіи онъ имѣлъ обязанности городового береженья, потому что въ случаѣ похода, войны, онъ не являлся полковымъ начальникомъ, а только высылалъ служилыхъ людей, находящихся въ уѣздѣ, на полковую службу, а самъ оставался съ остальными ратными людьми для охраненія города и уѣзда. Онъ долженъ былъ собирать всѣхъ жителей

въ городъ, а уѣздныхъ жителей въ острожки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для такого береженья, помимо воеводы, посылались изъ Москвы особые начальные люди. Въ иныхъ случаяхъ они обязаны были только оказывать содѣйствіе ратнымъ и начальнымъ людямъ, посылаемымъ на войну, доставлять имъ подводы, суда и т. д.

Какъ начальникамъ ратныхъ людей, имъ поручался наборъ войска, раздача денежнаго и хлѣбнаго жалованья, разверстаніе службы между служилыми и т. д. Воеводы дѣйствовали въ этихъ дѣлахъ по указамъ центральнаго правительства. Они не могли увеличивать жалованья служилымъ людямъ, верстать на службу, переводить изъ чина въ чинъ безъ указовъ центральнаго правительства. Со введеніемъ регулярныхъ войскъ посылались въ уѣзды особые воинскіе начальники для обученія и командованія войсками, тамъ расположенными. Они не зависѣли отъ воеводъ.

По отношенію къ служилымъ людямъ власть воеводы, какъ исполнительнаго органа центральнаго правительства, была велика настолько, насколько правительство могло довѣрять одному лицу. Но это довѣріе не могло быть велико. Рядомъ съ воеводою ему необходимо было имѣть другихъ лицъ, которыя, дѣйствуя подъ надзоромъ воеводы, въ то же время подчинялись бы прямо центральному правительству. Таковы были городовые приказчики, осадные головы, письменные головы, ямскіе приказчики, слободчики, головы: стрѣлецкіе, казацкіе, пушкарскіе, объѣзжіе и т. д. Они отправляли свои обязанности подъ надзоромъ воеводы, который давалъ имъ разныя порученія, нерѣдко даже выходившія изъ круга спеціальной дѣятельности этихъ подчиненныхъ лицъ. Кромѣ того воевода давалъ разныя порученія служилымъ людямъ вообще, напримѣръ, дѣтямъ боярскимъ и другимъ. Эти порученія касались военныхъ дѣйствій, построенія городовъ и слободъ, переписи жителей, прибора гулящихъ людей на пашенныя мѣста и т. п. Но воевода не былъ начальникомъ, замѣнявшимъ для своихъ подчиненныхъ власть центральнаго правительства. Его власть не исключала возможности непосредственнаго отношенія ихъ къ московскимъ приказамъ; имъ давались наказы отъ высшаго правительства. Въ памятникахъ болѣе всего встрѣчается наказовъ, дававшихся стрѣлецкимъ головамъ. Головы эти были начальниками отрядовъ стрѣлецкихъ, расположенныхъ большею частью въ томъ городѣ, гдѣ былъ воевода, а иногда и въ другомъ мѣстѣ. Обязанные лично исполнять всѣ требованія воеводы, они не вполнѣ подчинялись ему въ управленіи своимъ приказомъ. Стрѣлецкіе головы не были единственными лицами, сносившимися непосредственно съ центральнымъ правительствомъ. Факты, подобные вышеприведенному, встрѣчаются относительно засѣчныхъ головъ, подъячихъ, казачьихъ головъ, толмачей и даже сторожей. Назначеніе на мѣсто, увольненіе, наказаніе, опредѣленіе жалованья большею частью непосредственно зависѣли отъ центральнаго правительства. Воевода имѣлъ большое значеніе для дворянъ и дѣтей боярскихъ, какъ для служилаго сословія, по отношенію къ ихъ служебнымъ обязанностямъ. Но его власть мало имѣла значенія для нихъ, какъ для класса мѣстнаго общества, а особенно въ отношеніи ихъ экономическихъ интересовъ. Самый важный вопросъ для служилаго сословія былъ вопросъ о помѣстьяхъ. Власть воеводы въ этомъ отношеніи была весьма ограничена. Раздача помѣстій производилась или отдѣльно каждому служилому человѣку, или всѣ дворяне и дѣти боярскіе извѣстнаго уѣзда или разряда во всей совокупности верстались помѣстьями.

Въ послѣднемъ случаѣ почти всегда посылались изъ Москвы особыя лица, которыя вмѣстѣ съ окладчиками, выбранными на мѣстѣ служилыми людьми, разверстывали помѣстья между старыми служилыми людьми и новиками. Верстаніе помѣстьями отдѣльныхъ лицъ предоставлялось иногда воеводамъ. Въ этомъ случаѣ онъ получалъ указъ изъ надлежащаго приказа, въ коемъ опредѣлялся размѣръ мѣстнаго жалованья, такъ что воеводамъ оставалось только отвести пожалованному лицу помѣстье въ одной изъ свободныхъ земель. Участіе воеводъ въ помѣстныхъ дѣлахъ состояло въ исполненіи требованій центральныхъ мѣстъ, въ произведеніи обысковъ и слѣдствій, въ отводѣ и отдѣлѣ пожалованныхъ помѣстій.

Эти факты показываютъ, въ какомъ отношеніи стоялъ воевода къ одному изъ важнѣйшихъ мѣстныхъ классовъ, классу служилому. Между дворянствомъ и воеводою не могло установиться отношеній, какія существуютъ между мѣстною землевладѣльческою корпораціей и представителемъ правительства: этого не могло быть при отсутствіи всякой корпоративной связи между мѣстнымъ дворянствомъ. Для отдѣльныхъ лицъ власть воеводы имѣла значеніе настолько, насколько это нужно было для понужденія ихъ къ исполненію обязанностей. Для удовлетворенія же интересовъ всего служилаго сословія на мѣстѣ, воеводская должность не представляла никакихъ условій. Если служилый человѣкъ имѣлъ нужду удовлетворить какимъ-нибудь частнымъ потребностямъ своимъ, онъ долженъ былъ ѣхать въ Москву. Иначе это и быть не могло. Какіе были интересы у дворянства въ то время? Увеличеніе мѣстнаго оклада, прибавка денежнаго жалованья, повышеніе въ чинѣ, переводъ изъ городовыхъ дворянъ въ московскіе, пожалованіе части помѣстья въ вотчину,— все это зависѣло отъ центральнаго правительства. Затѣмъ всѣ частные интересы дворянства группировались около ихъ помѣстья или вотчины. Вопросы наслѣдства, сдачи помѣстья, мѣны, купли и т. д. вотъ что занимало его. И по всѣмъ этимъ вопросамъ ему также нужно было ѣздить въ Москву, ибо воевода не имѣлъ достаточно власти для удовлетворенія интересовъ этого рода.

Нѣсколько болѣе были развиты отношенія воеводы къ общинамъ. Воеводская должность, имѣвшая столь мало значенія для привилегированныхъ классовъ, была какъ будто спеціально предназначена для тяглыхъ людей. Обыкновенно самые наказы дольше всего останавливаются на отношеніяхъ воеводы къ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ. Иногда въ наказахъ и въ другихъ грамотахъ прямо высказывается, что воевода назначенъ съ цѣлью оберегать посадскихъ людей отъ всякихъ насильствъ, отъ стороннихъ людей, отъ помѣщиковъ и т. д. Воевода не имѣлъ особенныхъ обязанностяхъ къ сословіямъ, ибо сословное управленіе сосредоточивалось въ Москвѣ. Но воевода имѣлъ опредѣленныя отношенія къ общинѣ, сдѣлавшейся средствомъ къ отбыванію сословныхъ повинностей. Общины каждой мѣстности представляли разрозненные административные организмы. Мѣстныхъ сословій въ Московскомъ государствѣ не было, были только государственные чины. Какъ сословіе, посадскіе и торговые люди имѣли отношеніе только къ Москвѣ; городъ, какъ община, тянувшая разныя повинности, подчинялся воеводѣ. Надзоръ послѣдняго имѣлъ въ виду, чтобы внутренній порядокъ общины не нарушался, чтобы подати раскладывались и собирались безъ „мочтанья“ и т. д.

Нѣкоторыя обязанности воеводъ къ общинѣ опредѣлялись въ самомъ наказѣ. Напримѣръ, въ 1762 г. олонецкому воеводѣ Богдану Нащокину

предписано: „Того беречь накрѣпко, чтобъ въ заонежскихъ и лопскихъ погостѣхъ мужики горланы богатые не воровали, середнимъ и молодчимъ людемъ продажи не чинили и лишнихъ поборовъ, опричь великаго государя оброку, ямскихъ и полоняничныхъ денегъ и всякихъ податей, съ крестьянъ не сбирали, и тѣмъ бы имъ продажъ и убытковъ не чинили, а сами бы тѣмъ не корыствовались". То же повторялось и въ другихъ наказахъ. Къ обязанности оберегать молодшихъ и среднихъ людей отъ мужиковъ-горлановъ въ самой общинѣ присоединилась еще обязанность оберегать всю общину отъ притѣсненія сильныхъ людей вообще и мѣстнаго дворянства въ особенности. Мѣстные правительственные органы въ это время уже получаютъ значеніе оберегателей крестьянина отъ лицъ, смотрѣвшихъ на окружающее народонаселеніе съ точки зрѣнія крѣпостного права. Наказъ въ общихъ выраженіяхъ поручалъ воеводѣ наблюдать за точнымъ исполненіемъ предписаній центральнаго правительства. Но подробности управленія сосредоточивались не въ мѣстности, а въ центрѣ. Акты, дошедшіе до насъ, несомнѣнно убѣждаютъ, что всѣ сколько-нибудь важные вопросы внутренняго управленія восходили на разрѣшеніе центральнаго правительства, а исполненіе его рѣшеній поручалось мѣстному начальству. Вотъ почему наказы мало говорятъ объ отношеніи воеводъ къ общинѣ, а отдѣльные указы изъ четвертей чрезвычайно много. Это понятно. Община несла сословное тягло, а завѣдываніе сословіемъ сосредоточивалось въ Москвѣ; далѣе, хотя воеводское управленіе и дало уѣзду значеніе тяглой административной единицы, но не настолько, чтобы дробныя единицы, общины, потеряли право сноситься непосредственно съ Москвою. Вслѣдствіе этого во всѣхъ случаяхъ какихъ-нибудь недоразумѣній, столкновеній различныхъ интересовъ, воеводское управленіе не могло удовлетворить общинъ, и онѣ постоянно обращаются въ Москву. Всѣ случаи столкновенія общинъ между собою и съ другими лицами разрѣшались въ Москвѣ. Обязанности самого воеводы по отношенію къ общинѣ сводились поэтому: а) къ надзору за исполненіемъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ высшимъ правительствомъ; b) къ приведенію въ исполненіе отдѣльныхъ мѣръ, по предписанію центральныхъ учрежденій; с) въ рѣдкихъ случаяхъ, къ попеченію о внутреннемъ благоустройствѣ общины.

Изъ отношеній воеводы къ сословіямъ можно вывести то заключеніе, что должность эта была организована въ виду тяглаго положенія сословій. Уѣздные и посадскіе люди, соединенные въ тяглыя податныя единицы, понуждались ими къ исполненію обязанностей, но и въ этомъ отношеніи центральное правительство имѣло больше значенія для мѣстности. Съ другой стороны, какъ общегосударственное сословіе, посадскіе выдѣлялись постоянно изъ состава мѣстнаго управленія. При оцѣнкѣ дѣятельности воеводъ не должно терять изъ виду этого двоякаго значенія тяглаго народонаселенія древней Россіи. Чѣмъ больше сословныя начала выступаютъ на первый планъ, тѣмъ сильнѣе становится роль центральнаго управленія и слабѣе роль мѣстнаго. Сравнивая значеніе воеводъ въ началѣ XVII вѣка и въ концѣ, нельзя не замѣтить, что приказное управленіе имѣетъ меньшее значеніе до Уложенія, чѣмъ послѣ. Приказы почти замѣняютъ областное начальство, и исполненіе ихъ предписаній охотнѣе поручается самимъ тяглымъ людямъ, чѣмъ воеводамъ и другимъ агентамъ центральнаго правительства. Причинъ этого нельзя, конечно, искать исключительно въ томъ, что воеводы „изворовались" и что правительство желало избавить народъ отъ воеводскихъ налоговъ и

цѣлаго штата приказныхъ людей. Одна изъ существенныхъ причинъ этой перемѣны заключалась въ томъ, что по мѣрѣ образованія сословій правительство приходило къ необходимости дать каждому изъ нихъ особое управленіе и подчинить его одному московскому приказу. Характеръ этого управленія заключался въ томъ, что каждое сословіе исполняло возложенныя на него повинности подъ контролемъ центральнаго правительства. Всѣ сословія, оставшіяся свободными, постепенно получили такую организацію.

Несамостоятельность воеводы, какъ мѣстнаго правителя, и вообще слабое развитіе понятій о мѣстномъ управленіи въ тогдашнее время лучше всего можно видѣть на тѣхъ сторонахъ мѣстнаго управленія, которыя въ настоящее время составляютъ главную заботу правительства. Мы говоримъ объ удовлетвореніи потребностей самаго мѣстнаго населенія относительно его духовныхъ, экономическихъ и другихъ цѣлей. Къ числу этихъ потребностей мѣстнаго населенія должно отнести полицейскую и судебную дѣятельность. Полицейская дѣятельность воеводы касалась слѣдующихъ предметовъ: построекъ, путей сообщенія, почтъ, охраненія области отъ моровыхъ язвъ, охраненія городовъ отъ пожаровъ, полиціи безопасности, попеченія о народонаселеніи, попеченія о торговлѣ, мѣрахъ, вѣсахъ и полиціи нравовъ.

Если по этимъ постояннымъ предметамъ дѣятельность воеводъ не была особенно развита, то по другимъ вопросамъ она была еще ничтожнѣе. Слабое, или лучше сказать ничтожное, развитіе медицинской части, отсутствіе всякихъ мѣръ къ развитію народнаго образованія, скудость средствъ къ обезпеченію народнаго продовольствія и вообще отсутствіе всего, что въ настоящее время составляетъ заботу земскихъ учрежденій, характеризуетъ воеводское управленіе. Нельзя, однако, не признать важнаго полицейскаго значенія воеводъ и уѣздныхъ властей. Полицейская власть ихъ получила слабое развитіе только по отношенію къ тѣмъ предметамъ, кои выходили изъ круга дѣятельности приказного управленія. Для того, чтобъ она получила такое развитіе, необходимо было, чтобы правительство признало за обществомъ нѣкоторые интересы и взяло на себя ихъ удовлетвореніе. При тягломъ взглядѣ на народонасеніе такая полицейская дѣятельность правительства была немыслима. За то полицейскій характеръ воеводскаго управленія выражался довольно сильно въ другой сферѣ—въ пресѣченіи и преслѣдованіи преступленій. Эта сторона полицейской его дѣятельности проникла даже въ его судебную дѣятельность и сообщала послѣдней какой-то полицейскій характеръ.

Чрезвычайно трудно съ точностью опредѣлить отношеніе между судебною властью воеводы и московскихъ приказовъ. Если принять въ соображеніе, что воевода былъ органомъ приказа въ уѣздѣ, то самый естественный выводъ будетъ тотъ, что воевода былъ низшею, первою инстанціей, а приказы — второю. Но на дѣлѣ не такъ легко было опредѣлить соотношеніе этихъ инстанцій. Нигдѣ не встрѣчается закономъ установленнаго порядка прохожденія дѣлъ по этимъ инстанціямъ. Воперыхъ, значеніе инстанцій рѣзко различалось въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ. Уголовная власть воеводы (насколько она ему принадлежала) была сравнительно шире его власти по гражданскимъ дѣламъ, обыкновенно ограниченной узкими рамками. Причина этого заключается въ томъ, что въ тѣ времена задачи уголовной юстиціи тѣсно сливались съ простыми полицейскими цѣлями и до нѣкоторой степени подчинялись имъ. Возстановленіе общественнаго порядка, нарушеннаго преступленіемъ,

что въ настоящее время составляетъ только одну изъ задачъ уголовнаго правосудія, въ то время было едва-ли не единственною цѣлью правосудія. Обязанности уголовнаго суда и полиціи тѣсно сливались въ уѣздныхъ должностяхъ. Напримѣръ, на губныхъ старостахъ, кромѣ обязанности судить разбойниковъ, лежала обязанность „того беречь накрѣпко, чтобъ одинолично нигдѣ татей и разбойниковъ, разбойничьихъ становъ и пріѣздовъ не было". Этотъ полицейскій характеръ суда имѣлъ своимъ послѣдствіемъ крайнюю запутанность отношеній между воеводою, въ рукахъ котораго главнымъ образомъ сосредоточивались полицейскія обязанности, и губными старостами. Воеводѣ, между прочими обязанностями полиціи безопасности, поручалось смотрѣть, чтобы нигдѣ не было бою, грабежа, пріѣзда разбойниковъ и т. д. Провести точную границу между этимъ „смотрѣніемъ" и дѣйствительнымъ сыскомъ разбойниковъ въ тѣ времена было чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе, что само законодательство не особенно заботилось объ этомъ. Ему и самому обществу было рѣшительно все равно, кто ни будетъ „сыскивать" воровъ и разбойниковъ, лишь бы этотъ сыскъ былъ дѣйствителенъ и приводилъ къ какимъ-нибудь результатамъ.

Въ Уложеніи находится слѣдующее постановленіе: въ городахъ татиныя, разбойныя и убійственныя дѣла вѣдать губнымъ старостамъ, по наказамъ изъ разбойнаго приказа, а воеводамъ въ городахъ такихъ дѣлъ не вѣдать. А гдѣ губныхъ старостъ нѣтъ, и въ тѣхъ городахъ губныя дѣла вѣдать воеводамъ и приказнымъ людямъ. Это постановленіе подробнѣе развито въ слѣдующей статьѣ. Изъ нея мы видимъ, что губные старосты получали наказы изъ разбойнаго приказа и дѣйствовали подъ его надзоромъ. Вслѣдствіе этого они состояли въ прямомъ подчиненіи воеводѣ. Будучи разъ выбранъ, губной староста подчинялся разбойному приказу. Въ качествѣ приказныхъ людей губные старосты служили не для однѣхъ цѣлей уголовной юстиціи. Нерѣдко имъ давались такія же порученія, какъ и воеводамъ. Иногда имъ поручалось производить слѣдствіе надъ воеводою и даже взыскивать съ него штрафъ. Въ 1661 г., по случаю отозванія изъ городовъ воеводъ и приказныхъ людей для государевой службы, исправленіе ихъ должности поручено было губнымъ старостамъ.

Но если дѣятельность губныхъ старостъ касалась разныхъ предметовъ администраціи по порученіямъ центральнаго правительства, то, съ другой стороны, она не вполнѣ исчерпывала задачи уголовнаго суда. Ихъ вѣдомство состояло изъ преслѣдованія разбоя, душегубства и татьбы. Но скоро правительство убѣдилось, что безъ сильныхъ органовъ уголовной юстиціи въ самой мѣстности оно не можетъ управиться съ разбойниками и татями. Въ 1669 г. разбойное дѣло сосредоточено въ одномъ Разбойномъ приказѣ, тогда какъ прежде оно было раздѣлено между Разбойнымъ и Земскимъ приказами. Въ городахъ татиныя, разбойныя и убійственныя дѣла поручены сыщикамъ и губнымъ старостамъ, по наказамъ изъ Разбойнаго приказа. Самое положеніе губныхъ старостъ измѣнилось. Прежде они были подчинены непосредственно Разбойному приказу, теперь мѣсто приказа заняли сыщики. Законъ 1669 г. замѣчателенъ тѣмъ, что онъ отмѣняетъ губныхъ цѣловальниковъ, такъ что послѣдніе остатки земскаго характера губного дѣла уничтожились. За общинами осталась только обязанность доставлять сторожей, дьяка и палача.

Несмотря на эти мѣры, ни разбои не уничтожались, ни злоупотребленія не прекращались. Сыщики имѣли гораздо меньше средствъ для

преслѣдованія разбойниковъ, чѣмъ мѣстныя власти, успѣхъ ихъ дѣятельности зависѣлъ отъ того, насколько воеводы будутъ имъ содѣйствовать, такъ какъ собственныя ихъ средства были ничтожны. Воеводы же помогали имъ весьма неохотно. Съ своей стороны, народъ жаловался на сыщиковъ, что они употребляютъ свою власть не на преслѣдованіе виновныхъ, а на вымогательство разныхъ поборовъ съ мирныхъ жителей, что они потакаютъ ворамъ и т. д. До какой степени непопулярны были сыщики и все губное управленіе, какъ мало достигали они своей цѣли, видно изъ того, что они просуществовали всего 10 лѣтъ, до 1679 г., послѣ чего они посылались въ уѣзды только въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ это бывало и прежде. Правительство, слѣдовательно, не могло ограничиться губными старостами и сыщиками для искорененія разбоевъ. Возлагая на воеводъ разныя полицейскія обязанности, оно нерѣдко поручало имъ поимку воровъ и разбойниковъ. Затѣмъ нѣкоторыя обязанности, по закону возложенныя на губныхъ старостъ, на практикѣ поручались воеводамъ, какъ напр., постройка тюремъ и содержаніе арестантовъ. Наконецъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было губныхъ старостъ, воеводы вѣдали разбойныя и татиныя дѣла во всемъ объемѣ. Всѣ средства были извѣданы правительствомъ: губные старосты безъ сыщиковъ; сыщики съ губными старостами, одни сыщики безъ губныхъ старостъ; разбои усиливались, а средства Разбойнаго приказа уменьшались. Необходимо было усилить власть воеводы для противодѣйствія страшному злу. Съ 1679 г., т.-е. со времени первой „отставки“ губныхъ старостъ, воеводы получили гораздо больше правъ; по крайней мѣрѣ на время. Въ послѣднія двадцать лѣтъ XVII ст. всѣ старыя уѣздныя учрежденія, кромѣ воеводской должности, постепенно закрываются. Губные старосты то уничтожаются, то вновь устанавливаются, относительно другихъ должностей политика правительства также колеблется. Воеводская власть, ограниченная по дѣламъ казеннаго и общиннаго управленія, усиливается по судебнымъ дѣламъ. Только въ 1702 г. при окончательномъ уничтоженіи губныхъ старостъ, воеводское управленіе было ограничено выборнымъ коллегіальнымъ началомъ.

Кромѣ губныхъ дѣлъ, которыя только постепенно перешли въ завѣдываніе воеводы, его суду подлежали многія дѣла. Сюда относились государственныя преступленія, поддѣлка фальшивой монеты, корчемство, преступленія по должности, волшебство, побои, грабежъ и сводничество По всѣмъ этимъ дѣламъ власть воеводы не была особенно обширна. Дѣла по государственнымъ преступленіямъ разрѣшались всегда въ Москвѣ, воеводѣ же поручалось иногда производство слѣдствія и исполненіе приговора. То же самое должно сказать о преступленіяхъ по должности. Еще неопредѣленнѣе была власть воеводы по дѣламъ о побояхъ, грабежѣ, захватѣ чужого имущества и т. д. Неопредѣленность эта обусловливалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что подобныя дѣла начинались по жалобѣ обиженнаго, а не было закона, предписывавшаго ему начинать дѣло съ уѣздной инстанціи. Обыкновенно жалобщики стремились подавать челобитныя въ московскій приказъ, откуда уже выходило предписаніе воеводѣ произвести слѣдствіе, а иногда и дать судъ на указанныхъ приказомъ основаніяхъ. Обыкновенно въ этомъ случаѣ приказъ писалъ: „А будетъ такъ, какъ билъ челомъ такой-то“, т.-е. если слѣдствіе подтвердитъ жалобу челобитчика, то сдѣлать то-то, или учинить по указу, до чего доведется. Всѣ эти факты приводятъ къ заключенію, что уѣздъ не имѣлъ правильно развившейся, самостоятельной инстанціи уголовнаго

суда. Въ большинствѣ случаевъ слѣдствіе было дѣломъ уѣздныхъ властей; судъ, приговоръ—дѣломъ московскихъ приказовъ. Дѣла гражданскаго суда представляютъ нѣсколько большей опредѣленности. Судъ по долговымъ обязательствамъ вершился воеводою, если онъ не превышалъ извѣстную сумму. Обыкновенно же большіе иски рѣшались въ Москвѣ, а воеводѣ поручалось править деньги съ отвѣтчика.

Такая несамостоятельность воеводскаго суда прямо указываетъ на значеніе воеводы, какъ исполнительнаго органа центральнаго правительства. Какъ только началось разграниченіе между слѣдствіемъ и судомъ, первое сдѣлалось почти исключительною его обязанностью, послѣдній сосредоточивается въ центральномъ управленіи.

Разсматривая, на основаніи изложенныхъ фактовъ, должность воеводы, нельзя не прійдти къ заключенію, что она не годилась для мѣстнаго управленія въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ теперь. Главное ея назначеніе состояло въ исполненіи предписаній центральнаго и высшаго правительства и въ наблюденіи за исполненіемъ этихъ предписаній другими лицами. Тяглое общество требовало только исполнительнаго органа, а не самостоятельной мѣстной администраціи. Дѣйствительное управленіе было сосредоточено въ Москвѣ. Здѣсь главнымъ образомъ вѣдалось каждое сословіе и каждая община своимъ тягломъ. Воеводѣ поручалось только наблюдать, чтобы тягло это отбывалось „безволокитно, безъ недоборовъ и безъ воровства“.

Имѣя въ виду этотъ исполнительный характеръ воеводской должности, правительство XVII столѣтія не дошло до коллегіальной формы въ мѣстномъ управленіи. Всѣ должности были единоличныя, воеводская же по преимуществу. Товарищи давались воеводамъ для раздѣленія труда, а не въ видахъ правильности и отчетности дѣлопроизводства. Иногда воеводѣ поручалась одна часть управленія, а товарищу его другая. Притомъ товарищей было не нѣсколько, а одинъ, и, конечно, эти два лица не могли составить коллегіи. Несамостоятельность воеводской должности обусловливалась еще тѣмъ, что ни въ законѣ, ни на практикѣ не было признано никакихъ общественныхъ интересовъ, которые бы правительство считало своею обязанностью удовлетворять.

Воевода, какъ мы замѣтили выше, былъ прежде всего органомъ областного приказа, т.-е. занималъ то мѣсто въ ряду областныхъ учрежденій, какое занимаютъ теперь низшія должности губернскаго управленія (исправники) по отношенію къ главнымъ губернскимъ учрежденіямъ. Поэтому самые предметы ихъ вѣдомства, означенные въ наказахъ, опредѣлялись главнымъ образомъ кругомъ дѣлъ, подлежавшихъ областному приказу. На этомъ основывалось внутреннее противорѣчіе воеводской должности и всей московской администраціи. Не имѣя въ мѣстности самостоятельнаго лица, для общаго мѣстнаго надзора, правительство не могло достигнуть единства мѣстной администраціи и надлежащей быстроты въ исполненіи его распоряженіи. Несмотря на то, что уѣздъ былъ невеликъ и что воевода былъ въ немъ главнымъ должностнымъ лицомъ, уѣздъ былъ до такой степени раздѣленъ между разными приказами, что достигнуть исполненія какой-нибудь мѣры было чрезвычайно затруднительно. Каждый почти приказъ имѣлъ своего представителя въ уѣздѣ и старался о томъ, чтобы этотъ органъ былъ подчиненъ прямо ему. Отсюда пререканія между разными вѣдомствами. Немало неудобствъ порождало и то обстоятельство, что каждый воевода непосредственно сносился съ московскимъ управленіемъ. Результатомъ этого было то, что

воеводы нерѣдко отказывались исполнять законныя требованія другихъ воеводъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что „у нихъ о томъ отъ великаго государя указу нѣтъ“.

Воевода занималъ первое мѣсто между постоянными исполнителями правительственныхъ распоряженій, но былъ далеко не единственнымъ. Ямскіе и городовые приказчики, стрѣлецкіе, пушкарскіе, засѣчные и житничные головы дѣйствовали подъ его наблюденіемъ, но большею частью по наказамъ изъ Москвы. Сюда же слѣдуетъ отнести таможенныхъ и кабацкихъ головъ, губныхъ старостъ и т. д. Затѣмъ у московскаго правительства возникли въ разное время потребности, удовлетвореніе которыхъ оно не хотѣло поручить мѣстному начальству. Отсюда цѣлый легіонъ „присыльныхъ людей изъ Москвы“. Между ними наибольшею извѣстностью въ нашей литературѣ пользуются такъ называемые сыщики какъ по губнымъ дѣламъ, такъ и для сыску бѣглыхъ. Но кромѣ того въ разное время посылались въ уѣзды: горододѣльцы, сборщики хлѣбнаго и денежнаго сбора, сборщики разныхъ податей и разныя лица по отдѣльнымъ порученіямъ. Правительство не хотѣло установить между этими лицами никакихъ іерархическихъ отношеній и, по обстоятельствамъ того времени, имѣло на это основаніе. При отсутствіи не только правильной, но и всякой системы надзора, имѣть въ мѣстности только одно отвѣтственное лицо, прямо подчиненное центральному правительству, было крайне невыгодно, при извѣстныхъ злоупотребленіяхъ всѣхъ приказныхъ лицъ. Напротивъ, правительство стремилось поднять отвѣтственность всѣхъ предъ центральнымъ правительствомъ, а потому подчиняло ихъ прежде московскимъ приказамъ, а потомъ воеводѣ. Если воеводѣ поручалось смотрѣть за разными головами и старостами, то и старостамъ и головамъ поручалось иногда наблюденіе за воеводою. Воевода писалъ въ Москву на головъ, головы на воеводъ. Система эта не удалась. Предписанія правительства исполнялись все-таки плохо, а одинаковая отвѣтственность всѣхъ лицъ мѣстнаго управленія передъ центральнымъ вела къ тому, что они сваливали другъ на друга вину, воеводы на головъ, головы на воеводу. О послѣдствіяхъ этой системы для мѣстнаго народонаселенія и говорить нечего. Каждый приказный человѣкъ кормился отъ своихъ „дѣлъ“. Неслыханные поборы увеличивали и безъ того большія тягости бѣднаго крестьянства.

Противорѣчія московской административной системы шли дальше. Изъ степени власти, предоставленной воеводамъ, можно видѣть, что они главнымъ образомъ назначались для исполненія порученій центральнаго правительства. Самостоятельность ихъ даже въ дѣлѣ суда—сомнительнаго свойства. Между тѣмъ незнаніе мѣстныхъ условій, отсутствіе правильнаго контроля и невозможность сосредоточить всѣ дѣла въ московскомъ управленіи приводили въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ самостоятельности, а въ другихъ—къ систематическому произволу воеводъ. Воевода не могъ судить безъ особаго разрѣшенія правительства исковъ на 100 рублей, а между тѣмъ ему поручались дипломатическія сношенія, отъ которыхъ зависѣла цѣлость и безопасность государства. Правительство обозначало обязанности воеводъ въ наказахъ, которые всѣ писались по одному образцу; воеводѣ предписывалось въ точности держаться наказа: „А будетъ онъ (воевода) учнетъ государевы дѣла дѣлать не по сему государеву наказу... и ему за то отъ государя царя быти въ великой опалѣ“. Между тѣмъ оно не было увѣрено, что порученія, данныя воеводѣ, могутъ быть выполнены на мѣстѣ. Поэтому, радомъ со строгимъ предпи-

саніемъ держаться наказа, оно должно было предоставлять усмотрѣнію воеводъ не только способъ и время исполненія, но и право вовсе не исполнять данныя ему порученія. Въ наказахъ нерѣдко попадаются такія мѣста: „Будетъ въ сихъ вышеписанныхъ статьяхъ, что явится къ нынѣшнему дѣлу и времени не согласно и чего дѣлать будетъ не мочно и казнѣ убыточно, а всякаго чина людямъ тягостно, и воеводамъ съ товарищи чинить по своему правому разсмотрѣнію". Воеводамъ, далѣе, обыкновенно предписывалось сообразоваться съ наказами прежнихъ воеводъ и государевыми указами къ нимъ. Но центральное правительство не могло знать, насколько эти прежніе указы пригодны теперь. Поэтому въ наказахъ новымъ воеводамъ говорилось: „А что въ прежнихъ грамотахъ и наказахъ добро и прибыльно, и имъ тѣ дѣла дѣлать по прежнимъ наказамъ и грамотамъ, а что нынѣ быть непристойно, имъ тѣ дѣла дѣлать, смотря по тамошнему дѣлу, какъ будетъ пригоже". Это право исполнять и не исполнять порученія правительства не всегда предоставлялось воеводамъ; но за то *способъ* исполненія этихъ порученій всегда предоставлялся имъ. Наказъ излагалъ порученія, опредѣлялъ обязанности воеводъ; затѣмъ какими средствами будетъ выполненъ этотъ наказъ, до этого правительству не было дѣла, лишь бы онъ былъ выполненъ безъ убытка для казны и разоренія для жителей. Такой смыслъ имѣетъ выраженіе, попадающееся почти во всѣхъ наказахъ: „дѣлать имъ (воеводамъ) по сему наказу, и смотря по тамошнему дѣлу и по своему высмотру, какъ будетъ пригоже и какъ ихъ Богъ вразумитъ".

Результатомъ этого было то, что судьба правительственныхъ распоряженій находилась въ рукахъ воеводъ. Произволу ихъ не было положено законныхъ границъ. Возможность же произвола порождала большія злоупотребленія. Виды этихъ злоупотребленій можно подвести подъ двѣ главныя группы, или, лучше сказать, произволъ воеводскій могъ проявляться двоякимъ способомъ. Воевода могъ воспользоваться своимъ правительственнымъ положеніемъ для того, чтобы съ корыстными цѣлями тѣснить мѣстное населеніе; или онъ могъ, за хорошій посулъ, соединиться съ посадскими и уѣздными людьми для того, чтобы потакать имъ въ неисполненіи обязанностей. Оба случая одинаково часто попадаются въ актахъ того времени. Въ царскихъ грамотахъ воеводамъ часто приходится читать укоризны послѣднимъ, что „они, норовя посадскимъ для своея бездѣльныя корысти, не собираютъ и не высылаютъ податей, или не помогаютъ сборщикамъ, присланнымъ изъ Москвы, или не высылаютъ на службу дворянъ, помогаютъ имъ укрываться отъ сборщиковъ" и т. д. Въ другихъ случаяхъ крестьяне и посадскіе жаловались на неслыханные поборы и даже грабежи воеводскіе. Воеводѣ выгоднѣе было жить въ мирѣ съ посадскими людьми и брать съ нихъ добровольныя приношенія, чѣмъ угождать правительству, которое онъ, при отсутствіи средствъ надзора, могъ обкрадывать, сколько угодно. Правительство на эти злоупотребленія отвѣчало тѣмъ, что отнимало ту или другую отрасль управленія у воеводы, но устранить ихъ злоупотребленія вполнѣ не было въ состояніи.

Нерѣдко воеводы удачно соединяли и ту, и другую систему, т.-е. умѣли обманывать правительство и тѣснить уѣздныхъ людей. Медленность, неисполненіе правительственныхъ распоряженій, лихоимство, прямое воровство удачно соединялись въ системѣ воеводскаго управленія. Нѣкоторые воеводы доходили до неслыханныхъ злоупотребленій. Напр., въ 1675 году шуяне жаловались на воеводу Баркова, что онъ „будучи

у нихъ воеводой, началъ имъ, сиротамъ государевымъ, посадскимъ людямъ, чинить тѣсноту и налогу большую и напрасныя продажи и убытки; бьетъ ихъ безъ сыску и безъ вины и сажаетъ въ тюрьму для своей корысти; и, вымая изъ тырьмы, бьетъ батогами до полусмерти безъ дѣла и безъ вины". Нерѣдко онъ билъ до полусмерти выборныхъ лицъ, кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ и грабилъ торговыхъ людей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самовластіе воеводъ доходило до какого-то идеальнаго, наивнаго самодурства. Такъ, одинъ воевода „постоянно ходилъ по горону съ батогомъ въ полтора аршина длиною и въ палецъ толщиною и билъ людей, кого только встрѣчалъ на улицѣ, приговаривая: я воевода такой-то; всѣхъ изъ подъ тиха выведу и на кого руку наложу, ему отъ меня свѣта не видать и изъ тюрьмы не бывать". Бывали другіе случаи и хуже. Разумѣется, такимъ воеводамъ всякіе грабители были по душѣ больше, чѣмъ мирные жители. Разбойное дѣло было для воеводъ большимъ „лакомствомъ", какъ говорятъ акты того времени. Замѣчательно, что при возстановленіи, въ 1627 г., должности губныхъ старостъ нѣкоторые воеводы ни за что не хотѣли отдать имъ губного дѣла и хотѣли „вѣдать его сами". Напр., вновь назначенный воронежскій губной староста долго писалъ государю, пока наконецъ ему удалось вырвать свое дѣло изъ рукъ воеводы.

СV. Столица Московскаго государства.

(Изъ ст. Костомарова: «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст.», помѣщенной въ «Современникѣ»).

Средоточіемъ Москвы былъ Кремль. Неизвѣстенъ годъ построенія его. Вѣроятно, онъ существовалъ съ основанія самой Москвы и былъ, какъ вообще всѣ русскіе города, деревянный. Въ 1367 г. впервые заложенъ былъ каменный городъ, но потомъ разрушился, и уже въ концѣ XV в. великій князь Іоаннъ опять построилъ каменную стѣну съ башнями. Постройкою занимались итальянцы. Отъ двухъ угловъ кремлевской ограды на востокъ тянулось продолженіе каменной стѣны и образовало другой городъ, называемый Китай-городъ, построенный въ 1538 г. правительницею Еленою. За Кремлемъ и Китай-городомъ, примыкавшими съ одной стороны къ рѣкѣ, съ другихъ сторонъ простирался посадъ, который также былъ обведенъ стѣною съ воротами и башнями и назывался Бѣлымъ городомъ, отъ бѣлаго цвѣта окружавшей его стѣны. За этой стѣною слѣдовалъ другой посадъ, который былъ при Борисѣ обведенъ двойною деревянною стѣною съ толстымъ слоемъ земли въ промежуткѣ между двумя стѣнными рядами. Онъ назывался Землянымъ городомъ. Сверхъ того, на другой сторонѣ Москвы-рѣки, какъ продолженіе Землянаго города, стоялъ городокъ, и, наконецъ, многіе монастыри, укрѣпленные, по тогдашнимъ обычаямъ, стѣнами и башнями, представляли видъ отдѣльныхъ городовъ. Москва своей огромностью изумляла иностранцевъ; впрочемъ, отъ нихъ не укрылось, что величина эта была только кажущаяся, потому что дворы были очень велики. По свидѣтельству Герберштейна, въ его время Москва заключала въ себѣ 41,500 домовъ. Кремль занималъ середину столицы и былъ средоточіемъ власти, управленія, церковнаго устройства и убѣжденій всего русскаго народа. Кремль окру-

жала кирпичная стѣна съ башнями. Каждая изъ башенъ носила собственное названіе, однѣ по образамъ, которые на нихъ висѣли, другія по мѣстности. Въ XVI в. было шестнадцать или семнадцать башенъ. Башни проѣзжія были громаднѣе, чѣмъ глухія. Ворота Кремля были слѣдующія: Фроловскія (переименованныя въ Спасскія), Никольскія, Константиновскія (теперь не существующія) на югъ отъ Спасскихъ, Боровицкія (переименованныя въ Пречистенскія), Неглинныя, Тайнинскія къ Москвѣ-рѣкѣ и Портомойныя на юго-западномъ углу у водовзводской башни, куда прачки выходили мыть бѣлье на плотъ, устроенный для этого. Только пять первыхъ воротъ были проѣзжія. Фроловская или Спасская башня надъ главными воротами была выше и красивѣе другихъ. На рисункахъ, оставшихся отъ XVII вѣка, она одна походитъ на нынѣшнія кремлевскія проѣзжія башни. Сверхъ всѣхъ башенъ, проѣзжихъ и глухихъ, на каждой сторонѣ кремлевскихъ стѣнъ были устроены маленькія башенки, гдѣ висѣли колокола, въ которые звонили во время пожара и тревоги. Кремлевскія стѣны были уставлены пушками.

Въ Кремлѣ былъ дворецъ государевъ. У старыхъ великихъ князей хоромы были деревянныя. Но по мѣрѣ того, какъ держава московская принимала болѣе крѣпости и государственной силы, возникала при дворѣ потребность созидать каменныя зданія. При Іоаннѣ III построенъ былъ каменный казенный дворецъ между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами, а потомъ и дворецъ для жилья, оконченный въ 1508 г. Но послѣ пожара 1626 г. принялись за постройку каменныхъ зданій. Михаилъ Ѳеодоровичъ отстроилъ себѣ каменный дворецъ, но не жилъ въ немъ, а предоставилъ его царевичу и предпочелъ для себя жить въ деревянномъ зданіи, находя, что деревянныя здоровѣе каменныхъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ была построена новая дворцовая палата и потѣшный дворецъ. Въ концѣ его царствованія было два царскихъ каменныхъ дворца. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ были перестроены и обновлены каменныя зданія дворца. Но тѣмъ не менѣе въ XVII вѣкѣ цари продолжали предпочитать деревянныя зданія для жилья и для каждаго члена царскаго семейства строили особые домики. Такимъ образомъ царскія усадьбы въ Кремлѣ состояли изъ немногихъ каменныхъ и множества деревянныхъ строеній, отдѣльно построенныхъ, нагроможденныхъ въ различныхъ направленіяхъ и по вкусу времени испещренныхъ золотомъ, разноцвѣтными и вычурными украшеніями. На взгорьѣ къ Москвѣ-рѣкѣ былъ запасный дворецъ, каменное зданіе съ разведеннымъ на немъ садомъ, а внизу житный дворъ (гдѣ хранились хлѣбные запасы) и церковь Благовѣщенія. Кромѣ царскаго двора, въ Кремлѣ были дворы приближенныхъ къ царю бояръ и вельможъ. Такъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ тамъ находились дворы: Морозова, Черкасскаго, Лыкова и другихъ. Оригинальная неправильность постройки, вычурность, пестрота и затѣйливость украшеній останавливали на себѣ глаза путешественниковъ; но болѣе всего поражали ихъ кремлевскія церкви: куполы и главы нѣкоторыхъ изъ нихъ были покрыты золоченою мѣдью и ослѣпительно блистали противъ солнца. Въ началѣ XVI вѣка только немногія изъ нихъ были каменныя, но въ XVII число ихъ несравненно увеличилось. Всѣхъ вообще церквей насчиталъ Олеарій въ Кремлѣ пятьдесятъ двѣ, а другой путешественникъ при Алексѣѣ Михайловичѣ только тридцать. Вѣрно только то, что ихъ было больше, чѣмъ теперь, потому что, кромѣ существующихъ, упоминаются такія, которыхъ болѣе нѣтъ. Башня Ивана Великаго, построенная Борисомъ, величаво возвышалась надъ кремлевскими

зданіями, близъ нея находилась башенка съ огромнымъ колоколомъ въ 365 центнеровъ вѣсомъ. Къ огромному языку его были привѣшены двѣ веревки, а къ каждой изъ нихъ по двѣнадцати веревочекъ, такъ что нужно было двадцать четыре человѣка, чтобы раскачать эту массу. Въ него звонили по большимъ праздникамъ и при встрѣчѣ посольствъ.

За предѣлами Кремля на востокъ протягивался Китай-городъ. Китай-городъ начинался отъ Кремля Красною площадью. Онъ обведенъ былъ кирпичною стѣною краснаго цвѣта, которая на сѣверѣ соединялась съ угломъ кремлевской, а на югѣ вдоль Москвы-рѣки съ бѣлогородскою и образовала съ нею одну стѣну. Тутъ было Лобное мѣсто, откуда читались народу царскія грамоты; здѣсь стояла Покровская церковь, построенная царемъ Иваномъ Васильевичемъ послѣ взятія Казани и теперь поражающая своею оригинальностью и причудливою смѣсью восточной архитектуры съ европейскою. На Красной площади предъ лицомъ Кремля былъ большой рынокъ, гдѣ постоянно толпились и продавцы, и покупатели, и празднолюбцы. На востокъ отъ рынка простирались торговые ряды; ихъ было множество, потому что для каждаго товара былъ свой торговый рядъ. Въ Китай-городѣ была типографія, множество церквей, многіе приказы, домы знатныхъ бояръ, дворянъ и гостей, англійскій дворъ, по упраздненіи привилегіи англичанъ обращенный въ тюрьму, три гостинныхъ двора: отъ послѣдняго изъ нихъ, персидскаго, на югъ шла Овощная улица, состоявшая изъ лавокъ съ овощными товарами. Она упиралась въ рыбный рынокъ, по разсказамъ иностранцевъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ своей нестерпимой вонью. Отъ него черезъ рѣку построенъ былъ мостъ на судахъ, а за мостомъ слѣдовало Козье болото, урочище, на которомъ казнили преступниковъ. За предѣлами Китай-города слѣдовалъ Бѣлый городъ, обведенный бѣлою стѣною, называемый такъ особенно въ отличіе отъ красной стѣны Китай-города. Стѣна Бѣлаго города шла по линіи нынѣшнихъ бульваровъ, и, какъ извѣстно, старинныя названія воротъ сохранились до сихъ поръ, хотя стѣны уже давно исчезли по повелѣнію Екатерины II. Бѣлый-городъ или Царь-городъ, какъ его называли, былъ самою населенною частью Москвы. У многихъ князей и бояръ были здѣсь большіе дворы, здѣсь жили многіе изъ богатаго купечества, большая часть ремесленниковъ со своими мастерскими и лавками при нихъ для продажи своихъ издѣлій; здѣсь былъ гостинный шведскій дворъ; здѣсь сосредоточивалась торговля хлѣбомъ и мясомъ: послѣднее продавалось на мясномъ рынкѣ съ мясныхъ скамей, на этомъ рынкѣ были и бойни, куда пригоняли скотину. На берегу Неглинной, близъ урочища, называемаго Поганый Прудъ, стоялъ пушечный или литейный заводъ, гдѣ готовились пушки и колокола.

За предѣлами Бѣлаго города былъ расположенъ Земляной городъ. Стѣна его была построена очень скоро, и, вѣроятно, отъ этой скорости весь Земляной городъ назывался Скородумомъ, т.-е. скоро задуманнымъ городомъ. Стѣна эта шла по теперешнему направленію Новинскаго и Садовой округленнымъ очертаніемъ и какъ на западѣ, такъ и на востокѣ упиралась въ Москву-рѣку, пересѣкая на пути своемъ рѣку Яузу. Въ Земляномъ городѣ за Яузою былъ древесный рынокъ, гдѣ продавались лѣсныя издѣлія и между прочимъ готовые дома, нужные для московскихъ жителей по причинѣ частыхъ пожаровъ. Много торговыхъ и ремесленныхъ заведеній находилось въ дворахъ домохозяевъ. Жители здѣсь были большею частью посадскіе люди, и мало жило знатныхъ особъ.

Домы были почти всѣ деревянные, а самые дворы отличались огромностью пространства.

Замоскворѣчье въ древности называлось Зарѣчье. Впослѣдствіи тамъ заведена была стрѣлецкая слобода. Она была обнесена стѣною, которая казалась продолженіемъ стѣны Земляного города, потому что подходила къ Москвѣ-рѣкѣ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ на противоположной сторонѣ упиралась въ нее земляногородская стѣна. За городомъ были разныя слободы, которыхъ насчитываютъ чрезвычайно много. Однѣ изъ нихъ вошли въ разное время въ городъ, мѣстность другихъ даже опредѣлить теперь трудно. Въ XVI и XVII вѣкѣ упоминаются слободы: Кадашевка (слобода ткачей полотенъ), гончаровъ и др. За Яузой помѣщалась, между прочими, Иноземная слобода или Нѣмецкая, построенная Иваномъ Грознымъ. Послѣ смутнаго времени нѣмцы разселились по городу и построили себѣ церковь въ Бѣломъ городѣ; но, по настоянію духовенства, при Алексѣѣ Михайловичѣ ихъ снова выселили въ слободу. Тамъ у нихъ было три церкви. Сверхъ всѣхъ слободъ по окрестностямъ столицы было разсѣяно множество загородныхъ домовъ вельможъ и богатыхъ московскихъ жителей, такъ что, приближаясь къ столицѣ, можно было издали ее чувствовать. Тамъ и сямъ мелькали монастыри, огороженные стѣнами и башнями во вкусѣ тогдашнихъ городовъ. Между ними безпрестанно появлялись новые дворы.

Только въ Москвѣ и въ большихъ городахъ было что-то похожее на мостовую Это были круглыя деревяшки, сложенныя плотно вмѣстѣ одна съ другою. Не вся Москва была такимъ образомъ вымощена: во многихъ мѣстахъ не было мостовой, и тамъ, гдѣ особенно было грязно, черезъ улицы просто перекладывали доски. Въ Москвѣ собирался съ жителей поборъ подъ именемъ мостовщины, и земскій приказъ занимался мощеніемъ улицъ, но мостили больше тамъ, гдѣ было близко къ царю. Такая мостовая не препятствовала, впрочемъ, женщинамъ ходить не иначе, какъ въ огромныхъ сапогахъ, чтобъ не увязнуть въ грязи. Хотя въ Москвѣ существовалъ особый классъ служителей, называемыхъ метельщиками, обязанныхъ мести и чистить улицы, и хотя ихъ было человѣкъ пятьдесятъ, однако въ переулкахъ столицы валялась падаль и во многихъ мѣстахъ господствовала невыносимая вонь. Пожары были самое повседневное и повсемѣстное явленіе. Москва, какъ извѣстно, славилась многими историческими пожарами, губившими не только жилища, но и тысячи людей. Несмотря, однако, на частыя бѣдствія отъ огня, мѣры противъ него были вялы и преимущественно только предохранительныя: старались дѣлать пошире дворы, правительство приказывало ставить на кровли строеній кадки съ водою и мѣрники съ помелами, запрещалось по ночамъ сидѣть съ огнемъ и топить лѣтомъ мыльни и даже печи въ избахъ, а вмѣсто того жители должны были готовить себѣ пищу въ огородахъ. Эта мѣра сама по себѣ была плохимъ средствомъ, и притомъ не всѣ ей подлежали. При Алексѣѣ Михайловичѣ велѣно было, чтобъ всѣ вообще зажиточные люди заводили у себя мѣдныя и деревянныя трубы, а люди съ меньшимъ достаткомъ складывались вмѣстѣ по пяти дворовъ для покупки одной трубы, и въ случаѣ пожара всѣ должны были бѣжать для погашенія.

CVI. Образъ жизни русскихъ царей въ до-Петровскій періодъ.

(Изъ соч. Забѣлина: «Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст.»).

Представимъ въ короткомъ очеркѣ *обрядъ* древней царской жизни, *комнатной* и *выходной*, т.-е. собственно домашней и общественной, если можно такъ обозначить всѣ тѣ случаи повседневнаго порядка, когда государь являлся среди своего синклита и всего народа, присутствуя, какъ первое лицо, при совершеніи общихъ церковныхъ и праздничныхъ дѣйствъ и обрядовъ. Раннее утро заставало государя въ Крестовой, въ которой молебный иконостасъ, весь установленный иконами, богато украшенными золотомъ, жемчугомъ и дорогими каменьями, давно уже освѣщался множествомъ лампадъ и восковыхъ свѣчей, теплившихся почти передъ каждымъ образомъ. Государь вставалъ обыкновенно часа въ четыре утра. Постельничій, при пособіи спальниковъ и стряпчихъ, подавалъ государю платье и одѣвалъ его. Умывшись, государь тотчасъ же выходилъ въ Крестовую, гдѣ его ожидали духовникъ или *крестовый попъ* и *крестовые дьяки*. Духовникъ или крестовый священникъ благословлялъ государя крестомъ, возлагая на чело и ланиты, причемъ государь прикладывался ко кресту и потомъ начиналъ утреннюю молитву. Окончивъ утреннюю молитву, государь посылалъ ближняго человѣка къ царицѣ въ хоромы спросить ее о здоровьѣ, какъ почивала? Потомъ самъ выходилъ здороваться съ нею въ ея переднюю или столовую. Послѣ того они вмѣстѣ слушали въ одной изъ верховыхъ церквей заутреню, а иногда и раннюю обѣдню. Между тѣмъ съ утра собирались во дворецъ всѣ бояре, окольничіе, думные и ближніе люди „челомъ ударить государю", и присутствовать въ царской думѣ. Они собирались обыкновенно въ *Передней*, гдѣ и ожидали царскаго выхода изъ внутренняго покоя или комнаты. Нѣкоторые, пользовавшіеся особою довѣренностью государя, выждавъ время, входили и въ комнату. Увидѣвъ пресвѣтлыя царскія очи, они всегда кланялись передъ государемъ въ землю, даже по нѣскольку разъ. За особенную милость, являемую государемъ, бояре кланялись ему въ землю до тридцати разъ сряду. Поздоровавшись съ боярами, поговоривъ о дѣлахъ, государь, въ сопровожденіи всего собравшагося синклита, шествовалъ, часу въ девятомъ, къ поздней обѣднѣ въ одну изъ придворныхъ церквей. Если же тотъ день былъ праздничный, то выходъ дѣлался въ соборъ, или въ храмъ, или въ монастырь, сооруженный въ память празднуемаго святаго. Послѣ обѣдни въ комнатѣ въ обыкновенные дни государь слушалъ доклады, челобитныя и вообще занимался текущими дѣлами. Съ докладами входили начальники приказовъ и сами ихъ читали предъ государемъ. Думный дьякъ докладывалъ челобитныя, вносимыя въ комнату, и помѣщалъ рѣшенія. Присутствовавшіе въ комнатѣ бояре во время слушанія дѣлъ не смѣли садиться. Когда, особенно по пятницамъ, государь открывалъ обыкновенно *сидѣнье съ бояры*, засѣданіе думы, то бояре садились по лавкамъ отъ царя поодаль. Засѣданіе и слушаніе дѣлъ въ комнатѣ оканчивалось около двѣнадцати часовъ утра. Бояре, ударивъ челомъ государю, разъѣзжались, а государь шелъ къ *столовому кушанью* или обѣду, къ которому иногда приглашалъ и нѣкоторыхъ изъ бояръ, самыхъ уважаемыхъ и близкихъ: но большею

частью государь кушалъ одинъ. Обыкновенный столъ его не былъ такъ изысканъ и роскошенъ, какъ столы праздничные, посольскіе и другіе.

Въ домашней жизни цари представляли образецъ умѣренности и простоты. По свидѣтельству иностранцевъ, къ столу царя Алексѣя подавались всегда самыя простыя блюда, ржаной хлѣбъ, немного вина, легкое пиво съ коричнымъ масломъ, а иногда одна только коричная вода. Но и этотъ столъ никакого сравненія не имѣлъ съ тѣмъ, который государь держалъ во время постовъ. Великимъ постомъ царь Алексѣй обѣдалъ только по три раза въ недѣлю, а именно: въ четвертокъ, субботу и воскресенье, въ остальные дни кушалъ по куску чернаго хлѣба съ солью, по соленому грибу или огурцу и пилъ по стакану полпива.

Послѣ обѣда государь ложился спать и обыкновенно почивалъ до вечерень, часа три. Къ вечеру снова собирались во дворецъ бояре и прочіе чины, въ сопровожденіи которыхъ царь выходилъ въ верховую церковь къ вечернѣ. Послѣ вечерни иногда также слушались дѣла или собиралась дума. Но обыкновенно все время до ужина государь проводилъ уже въ семействѣ или съ самыми близкими людьми. Время это было отдыхомъ и потому оно посвящалось домашнимъ развлеченіямъ и увеселеніямъ, свойственнымъ вѣку и вкусамъ тогдашняго общежитія. По свидѣтельству иностранцевъ, цари отличались большою любознательностью, которая ставила ихъ въ кругъ самыхъ образованныхъ людей того времени. По характеру же нашего древняго образованія, потребность знанія могла удовлетворяться только чтеніемъ,—вотъ почему чтеніе составляло одно изъ любимѣйшихъ занятій во время отдыха. Но, какъ поборники и хранители православія, цари предпочитали чтеніе духовно-назидательное и церковно-историческое. Со временъ царя Алексѣя Михайловича стали вывозить и *куранты*, или тогдашніе европейскіе журналы, которые постоянно переводились для чтенія государю. Кромѣ чтенія, цари любили живую бесѣду, любили разсказы бывалыхъ людей о далекихъ земляхъ; объ иноземныхъ обычаяхъ и особенно о старинѣ. Англичанинъ Коллинсъ говоритъ, что царь Алексѣй Михайловичъ держалъ во дворцѣ стариковъ, имѣвшихъ по сту лѣтъ отъ роду, и очень любилъ слушать ихъ разсказы о старинѣ. Въ числѣ ихъ были и *юродивые*. Глубокое, всеобщее уваженіе къ этимъ старцамъ и старицамъ, Христа ради юродивымъ, основывалось на ихъ святой, богоугодной жизни и благочестивомъ значеніи, какое они имѣли для нашей древности. Общество благоговѣло передъ ними, чтило ихъ, какъ пророковъ и провозвѣщателей Божьей воли, какъ неуклонныхъ и нелицепріятныхъ обличителей. Верховые богомольцы пѣвали государю *Лазаря* и всѣ тѣ духовные стихи, которые можно еще слышать и теперь отъ странствующихъ слѣпцовъ... Бывали еще при царскомъ дворцѣ *слѣпцы домрачеи*, которые распѣвали, безъ сомнѣнія, сказки и былины о богатыряхъ князя Владиміра, съ аккомпаниментомъ *домры*, струннаго инструмента въ родѣ гитары.

Въ числѣ обыкновенныхъ и самыхъ любимыхъ развлеченій государя была игра въ шахматы и однородныя съ нею игры: *тавлеи*, *саки* и *бирки*.

Извѣстно также, что въ дворовомъ штатѣ царя состояли *дураки-шуты* и у царицы *дурки-шутихи*, *карлы* и *карлицы*. Они пѣли пѣсни, кувыркались и предавались разнаго рода веселостямъ, которыя служили немалымъ потѣшеніемъ государеву семейству. По словамъ иностранцевъ, это была самая любимая забава царя Θеодора Ивановича. Зимою, осо-

бенно по праздникамъ, цари любили смотрѣть медвѣжье поле, т.-е. бой охотника съ дикимъ медвѣдемъ. Раннею весною, лѣтомъ и во всю осень они часто выѣзжали въ окрестности Москвы на соколиную охоту. Эта потѣха начиналась нерѣдко съ самаго утра, а потому измѣняла обыкновенный порядокъ дня. Вообще лѣто государь проводилъ большею частью въ загородныхъ дворцахъ, развлекаясь охотой и хозяйствомъ. Зимою онъ хаживалъ иногда самъ на медвѣдя, на лося, охотился за зайцами. Оканчивая день, послѣ вечерняго кушанья, государь снова шелъ въ Крестовую и точно такъ же, какъ и утромъ, молился около четверти часа.

Благочестивые московскіе цари, подобно императорамъ византійскимъ и, безъ сомнѣнія, въ подражаніе имъ, совершали богомольные выходы въ каждый церковный праздникъ, присутствовали при всѣхъ обрядахъ и въ торжествахъ отправляемыхъ церковью въ теченіе года. Эти выходы придавали церковнымъ празднествамъ еще болѣе блеска и торжественности. Государь являлся народу въ несказанномъ великолѣпіи, которое засвидѣтельствовано даже всѣми иностранцами, видѣвшими подобные выходы. И это было необходимо въ то время по самому значенію древняго царскаго сана. При томъ церемонія, обрядъ — составляли одно изъ главнѣйшихъ условій тогдашняго общественнаго быта, и потому каждый шагъ внѣ дома, а тѣмъ болѣе въ быту государей, по необходимости становился церемоніальнымъ, торжественнымъ. Самые обыкновенные, почти каждодневные выходы царя къ обѣднѣ и вообще къ церковной службѣ въ извѣстные праздники были не что иное, какъ церемоніальныя шествія, которыя поэтому возвѣщались нерѣдко, смотря по важности празднества, особымъ колокольнымъ звономъ. Къ обѣднѣ государь выходилъ обыкновенно пѣшкомъ, если было близко и позволяла погода, или въ каретѣ, а зимою въ саняхъ, всегда въ сопровожденіи бояръ и прочихъ служилыхъ и дворовыхъ чиновъ. Великолѣпіе и богатство выходной одежды государя соотвѣтствовали значенію торжества, по случаю котораго дѣлался выходъ, а также и состоянію погоды въ тотъ день.

Во время шествія свита раздѣлялась рядами: люди меньшихъ чиновъ шли впереди, по старшинству, по два или по три человѣка въ рядъ, а бояре, окольничіе, думные и ближніе люди слѣдовали за государемъ. На всѣхъ выходахъ въ числѣ царской свиты находился постельничій *съ стряпнею*, то-есть съ разными предметами, которые требовались на выходѣ и которые несли за постельничимъ стряпчіе, именно: *полотенце* или носовой платокъ, *стулъ* съ *зголовьемъ* или подушкою, на которомъ садился государь; *подножье*, родъ ковра, на которомъ становился государь во время службы; *солнoшникъ* или зонтъ, защищавшій отъ солнца или дождя, и нѣкоторые другіе предметы, смотря по требованію выхода. Когда государь выходилъ на богомолье въ приходскую или монастырскую, то впередъ несли особое *мѣсто*, которое обыкновенно ставилось въ церквахъ для царскаго пришествія. Оно было обито сукномъ и атласомъ краснаго цвѣта, по хлопчатой бумагѣ съ шелковымъ или золотымъ галуномъ. Стряпчіе вообще прислуживали государю, принимали, когда было нужно, посохъ, шапку и пр. На малыхъ выходахъ они выносили только полотенце (платокъ) и подножье, теплое или холодное, смотря по времени года.

24-го декабря, въ сочельникъ, наканунѣ Рождества, рано утромъ государь дѣлалъ тайный выходъ, въ сопровожденіи только отряда стрѣльцовъ и подъячихъ тайнаго приказа въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ изъ собственныхъ рукъ раздавалъ милостыню тюремнымъ сидѣльцамъ, плѣн-

нымъ и богадѣленнымъ, увѣчнымъ и всякимъ бѣднымъ людямъ. По улицамъ, гдѣ проходилъ государь, онъ также раздавалъ милостыню нищимъ и убогимъ, которые, безъ сомнѣнія, во множествѣ собирались даже изъ отдаленныхъ мѣстъ къ такимъ боголюбивымъ царскимъ выходамъ. Въ то же время, какъ государь навѣщалъ такимъ образомъ всѣхъ заключенныхъ и сирыхъ, довѣренныя лица изъ стрѣлецкихъ полковниковъ или подъячихъ тайнаго приказа раздавали милостыню на земскомъ дворѣ, также и у Лобнаго мѣста и на Красной площади. И можно сказать, что ни одинъ бѣдный человѣкъ въ Москвѣ не оставался въ этотъ день безъ царской милостыни: каждому было чѣмъ разговѣться, каждый былъ съ „праздникомъ". Такіе царскіе выходы „тайно" дѣлались и наканунѣ другихъ большихъ праздниковъ и постовъ. Въ рождественскій сочельникъ они совершались рано утромъ, часу въ пятомъ. Ни одинъ праздничный царскій выходъ не отправлялся съ такимъ торжествомъ и великолѣпіемъ, какъ выходъ въ день Богоявленія. Государь являлся въ это время народу въ полномъ блескѣ своего сана, со всѣмъ великолѣпіемъ и пышностью, которыя во многомъ напоминали обычаи востока. По словамъ иностранцевъ, стеченіе народа въ этотъ день было необыкновенное: со всего государства съѣзжались въ Москву видѣть торжественный обрядъ освященія воды, совершавшійся патріархомъ на Москвѣ-рѣкѣ. Отъ Успенскаго собора и до самой Москвы-рѣки, гдѣ находилась іордань, строй стрѣльцовъ въ цвѣтномъ служиломъ платьѣ, съ знаменами и барабанами, со всѣмъ ратнымъ строемъ, двумя линіями пролагалъ широкую дорогу для крестнаго хода. Государь выходилъ въ соборъ, обыкновенно, въ сопровожденіи бояръ и прочихъ сановниковъ, по Красному крыльцу. При его появленіи, народъ, увидѣвъ пресвѣтлыя царскія очи, билъ челомъ. Государь шелъ тихо, въ обыкновенномъ выходномъ платьѣ, опираясь на посохъ индѣйскаго дерева. Иногда случалось, что онъ выходилъ въ *большомъ царскомъ нарядѣ*. Но обыкновенно *царское платье* онъ надѣвалъ всегда въ соборѣ. Въ соборъ за государемъ входили одни только высшіе чины: бояре, окольничіе, думные и ближніе люди; прочіе же, начиная со стольниковъ, останавливались на помостѣ отъ Успенскаго собора до Архангельскаго, по обѣ стороны, по чинамъ, младшіе ниже старшихъ. Когда изъ западныхъ вратъ собора начинался крестный ходъ, царь выходилъ и останавливался въ южныхъ вратахъ. Патріархъ, проходя мимо, осѣнялъ его животворящимъ крестомъ, и духовныя власти отдавали ему по два поклона. Церемонія поклоновъ духовенства происходила иногда и въ соборѣ, при началѣ крестнаго хода.

Торжественное шествіе открывали стрѣльцы, въ числѣ 400 или 600 человѣкъ, иногда и болѣе, выборные изъ стремяннаго и другихъ полковъ, по 200 человѣкъ изъ каждаго. Они были въ цвѣтномъ лучшемъ платьѣ и шли по четыре человѣка въ рядъ, одни съ золочеными пищалями и винтовками, ложи коихъ украшены были перламутровыми раковинами; другіе съ золочеными копьями и, наконецъ, третьи съ нарядными золочеными протазанами (родъ аллебарды). За этимъ блестящимъ отрядомъ стрѣльцовъ слѣдовалъ крестный ходъ, замыкавшійся шествіемъ патріарха. Здѣсь, въ преднесеніи хоругвей, крестовъ и св. иконъ, шли митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, соборяне и весь священническій чинъ, по степенямъ, младшіе впереди, всѣ въ богатѣйшемъ облаченіи. Однихъ приходскихъ священниковъ бывало до трехсотъ и до двухсотъ дьяконовъ. Потомъ начиналось шествіе государя, открываемое обыкновенно нижними чинами, по три человѣка въ рядъ.

Впереди шли дьяки разныхъ приказовъ и всѣ тѣ чиновники, которые были въ бархатныхъ кафтанахъ; за ними дворяне, стряпчіе, стольники, въ *золотыхъ*, т.-е. золотныхъ кафтанахъ; далѣе ближніе люди, думные дьяки и окольничіе въ богатыхъ шубахъ. Вслѣдъ за этимъ шелъ постельничій съ *царскою стряпнею*. Впереди его человѣкъ двѣнадцать стряпчихъ несли государево платье, которое царь перемѣнялъ обыкновенно на іордани. Одинъ несъ посохъ, другой шапку, третій зипунъ, четвертый кафтанъ, пятый шубу и т. д. Кромѣ этого перемѣннаго платья, трое стряпчихъ несли на іордань царское полотенце, подножіе и стулъ или собственно кресло, а иногда, во время непогоды, солношникъ или балдахинъ. Государь шествовалъ въ большомъ *царскомъ нарядѣ*. Сверхъ зипуна и богатѣйшаго становаго кафтана, на немъ было царское *платно*, изъ дорогой золотной матеріи, съ жемчужнымъ кружевомъ, усыпаннымъ драгоцѣнными каменьями. Царскій вѣнецъ, называвшійся, по соболиной опушкѣ, царскою шапкой, блестѣлъ драгоцѣнными каменьями: алмазами, изумрудами, яхонтами. Плечи государя покрывала богатая *діадима*, именуемая обыкновенно въ чинѣ царскаго вѣнчанія *бармами*; на груди на золотой цѣпи былъ крестъ Животворящаго Дерева, а иногда золотой крестъ со Спасовою Ризою. Въ правой рукѣ государя былъ жезлъ, богато украшенный золотомъ и каменьями. Наконецъ, бархатные или сафьянные башмаки государя были также богато унизаны жемчугомъ. Подъ руки государя поддерживали обыкновенно двое стольниковъ, изъ ближнихъ людей. Около шли бояре и думные дворяне въ богатѣйшихъ шубахъ, въ богатыхъ горлатныхъ шапкахъ. За ними шелъ окольничій, а по обѣ стороны царскаго пути шли стрѣлецкіе полковники въ бархатныхъ и объяринныхъ ферезяхъ и въ турецкихъ кафтанахъ: они *оберегали государское шествіе отъ утѣсненія нижнихъ чиновъ людей*. Потомъ слѣдовали гости въ золотныхъ кафтанахъ и наконецъ приказные и иныхъ чиновъ люди и народъ. Подлѣ всего этого шествія, съ обѣихъ сторонъ шло 150 или 200 человѣкъ стрѣльцовъ. Совершеніе обряда освященія воды происходило слѣдующимъ образомъ. Сначала духовныя власти и соборяне подходили къ государю и патріарху, по степенямъ, по двое въ рядъ, и кланялись. Потомъ патріархъ раздавалъ всѣмъ свѣчи, начиная съ государя, и совершалъ *дѣйство* по чину. Въ то время, какъ онъ погружалъ въ воду животворящій крестъ, начальные люди всѣхъ полковъ и знаменщики съ знаменами подступали къ іордани, для окропленія знаменъ св. водою. Послѣ погруженія креста, патріархъ серебрянымъ ведромъ черпалъ воду изъ іордани и отдавалъ ключарю; потомъ онъ наполнялъ также св. водою государеву *стопу*, которую относили во дворецъ и окропляли тамъ всѣ комнаты и иконы. Послѣ этого патріархъ трижды осѣнялъ государя крестомъ, кропилъ св. водою и поздравлялъ съ торжествомъ. Государь, вмѣстѣ со всѣмъ синклитомъ, прикладывался ко кресту, поздравлялъ патріарха, потомъ принималъ поздравленія отъ духовенства, бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей, при чемъ одинъ изъ первостепенныхъ бояръ говорилъ поздравительную рѣчь. Послѣ того два архимандрита кропили знамена и войско, стоявшее на Москвѣ-рѣкѣ. Крестный ходъ возвращался въ томъ же торжественномъ порядкѣ. Если ходъ бывалъ до обѣдни, то съ іордани государь иногда ѣзжалъ къ обѣднѣ на Троицкое подворье, гдѣ была церковь Богоявленія; въ противномъ случаѣ, онъ возвращался съ ходомъ въ Успенскій соборъ и, отслушавъ тамъ молебенъ или отпускную молитву, шествовалъ во дворецъ. Съ подобною же торжественностью отправлялись выходы въ новый годъ (1 сен-

тября), въ Рождество, въ Вербное воскресеніе, на Пасху, на Масленицу.

CVII. О пріемѣ пословъ въ Москвѣ и обхожденіи съ ними.

(Изъ «Записокъ о Московіи» барона Герберштейна).

Посолъ, отправляющійся въ Московію, подъѣзжая къ ея границамъ, посылаетъ въ ближайшій городъ вѣстника, который возвѣщаетъ начальнику этого города, что онъ посолъ такого-то государя, намѣревается вступить въ предѣлы княжескихъ владѣній. Начальникъ тотчасъ тщательно освѣдомляется не только о томъ, отъ какого государя онъ посланъ, но также какого сословія и достоинства самъ посолъ, равнымъ образомъ, какъ велика его свита; узнавъ это, онъ посылаетъ какого-нибудь чиновника со свитой, для пріема и сопровожденія посла, при чемъ принимается въ разсчетъ какъ достоинство государя, отъ котораго онъ посланъ, такъ и достоинство самого посла. Между тѣмъ, онъ немедленно даетъ знать великому князю, откуда и отъ кого пріѣхалъ посолъ. Точно также посланный навстрѣчу съ дороги посылаетъ впередъ кого-нибудь изъ своихъ увѣдомить посла, что приближается Большой Человѣкъ, который приметъ его въ извѣстномъ мѣстѣ (мѣсто назначается). Они употребляютъ титулъ Большого Человѣка, потому что этотъ эпитетъ Большой придается всѣмъ важнымъ особамъ; какой-нибудь вельможа, благородный баронъ не величается у нихъ ни свѣтлѣйшимъ, ни вельможнымъ, ни какимъ-либо другимъ подобнымъ титуломъ. Впрочемъ, при встрѣчѣ, этотъ посланецъ не сходитъ съ мѣста; въ зимнее время, напр., по его приказанію сметается и расчищается снѣгъ тамъ, гдѣ онъ остановился, чтобы посолъ могъ пройти къ нему, а самъ онъ между тѣмъ не двигается съ расчищенной или большой дороги. Кромѣ того, при встрѣчѣ соблюдается еще слѣдующее. Отправляютъ къ послу вѣстника съ просьбой сойти съ лошади или выйти изъ повозки. Если же кто станетъ извиняться или усталостью, или болѣзнью, тогда отвѣчаютъ, что государевыхъ словъ нельзя ни произносить, ни слушать иначе, какъ стоя. Кромѣ того, посланецъ тщательно остерегается первый сойти съ лошади или выйти изъ повозки, чтобы не уронить этимъ достоинства своего государя: потому онъ только тогда сходитъ съ лошади, когда замѣтитъ, что сходитъ посолъ.

Въ первое мое посольство я объявилъ посланцу, встрѣтившему меня за Москвою, что я усталъ отъ дороги, и что мы выполнимъ весь церемоніалъ на лошадяхъ. Но, по его мнѣнію, этого никакъ нельзя было сдѣлать (при чемъ онъ повторилъ приведенную прежде причину). Толмачи и прочіе уже сошли съ лошади и убѣждали меня сдѣлать тоже. Я отвѣчалъ имъ, что я также сойду, какъ только сойдетъ московитъ: видя, что они такъ высоко цѣнятъ это, я самъ не хотѣлъ унизить моего государя и уменьшить его значеніе. Но такъ какъ онъ отказался сойти первымъ и эти перекоры немножко затянулись, то я, желая положить имъ конецъ, вынулъ ногу изъ стремени, какъ бы въ намѣреніи сойти. Замѣтивъ это, посланецъ тотчасъ сошелъ съ лошади; я же медленно спустился съ сѣдла, такъ что онъ послѣ досадовалъ на меня за этотъ обманъ.

Тутъ онъ подходитъ и говоритъ съ непокрытой головою: „Великаго

государя Василія, Божіею милостію царя и государя всей Руссіи, и великаго князя и проч. (исчисляетъ важнѣйшія княжества) намѣстникъ и воевода NN области и проч. велѣлъ объявить тебѣ. Узнавъ, что ты посолъ такого-то государя, идешь къ нашему государю, онъ послалъ насъ тебѣ навстрѣчу, чтобы мы привели тебя къ нему (повторяетъ титулъ князя и намѣстника). Кромѣ того, намъ поручено спросить, „по добру ли по здорову ты ѣхалъ" (ибо таковое обычное привѣтствіе: по добру ли по здорову ѣхалъ). Потомъ посланный протягиваетъ послу правую руку, и опять не отдаетъ почтенія первый, если не видитъ, что посолъ обнажилъ голову. Послѣ этого, вѣроятно, по долгу учтивости, онъ снова обращаетъ рѣчь къ нему, спрашивая по добру ли по здорову онъ ѣхалъ; напослѣдокъ даетъ знакъ рукою садиться и ѣхать. Когда сядутъ на коней или въ повозки, онъ останавливается на мѣстѣ съ своей свитой и не уступаетъ дороги послу, но сзади всѣхъ слѣдуетъ за нимъ вдалекѣ и тщательно наблюдаетъ, чтобы никто не отставалъ или не слишкомъ приближался. Во время шествія онъ вывѣдываетъ сперва имя посла и каждаго служителя, а также имена родственниковъ и изъ какой кто области родомъ, какой языкъ каждый понимаетъ и какого сословія, слуга ли какого-нибудь государя, или родственникъ посла или его свойственникъ, также былъ ли прежде въ ихъ странѣ. Обо всемъ этомъ они немедленно отписываютъ великому князю. Немного дальше посла встрѣчаетъ человѣкъ, который объявляетъ, что ему поручено отъ намѣстника доставлять ему все нужное.

Такимъ образомъ, вышедъ изъ Дубровры, литовскаго городка, лежащаго на Борисѳенѣ, и сдѣлавъ въ тотъ день 8 миль, мы вступили въ предѣлы Московіи и переночевали подъ открытымъ небомъ. Мы настлали мостъ черезъ разлившуюся рѣку, чтобы имѣть возможность въ половинѣ ночи выступить оттуда и прійти къ Смоленску. Ибо отъ входа въ московское княжество или отъ границы городъ Смоленскъ отстоитъ только на 12 герм. миль. Рано утромъ, проѣхавъ почти одну герм. милю, мы были приняты съ почетомъ, а оттуда подвинулись едва на полъ-мили, и терпѣливо ночевали подъ открытымъ небомъ на мѣстѣ намъ отведенномъ. На другой день мы подвинулись опять ва 2 мили, и намъ было назначено мѣсто ночлега, гдѣ долго и роскошно угощалъ насъ нашъ провожатый. На слѣдующій же день (это было Вербное воскресенье), хотя мы приказали нашимъ служителямъ нигдѣ не останавливаться и отправиться съ багажемъ къ Смоленску, однако, сдѣлавъ едва двѣ герм. мили, нашли ихъ задержанными на мѣстѣ, назначенномъ для ночевки. Видя, что мы идемъ дальше, наши проводники умоляли, чтобы по крайней мѣрѣ мы тамъ отобѣдали. Нужно было уступить имъ, ибо въ этотъ день нашъ проводникъ пригласилъ пословъ своего государя, князя Іоанна Посечня Ярославскаго и дьяка Симеона Трофимова, воротившихся отъ цезаря изъ Испаніи вмѣстѣ съ нами. Зная причину, почему насъ такъ долго задерживали въ этихъ пустыряхъ (они послали къ великому князю изъ Смоленска объявить о нашемъ пріѣздѣ и ожидали отвѣта, можно ли будетъ насъ ввести въ крѣпость, или нѣтъ), я хотѣлъ испытать ихъ и выступить въ путь по направленію къ Смоленску. Другіе приставы, замѣтивъ это, немедленно бѣгутъ къ проводнику и объявляютъ о нашемъ уходѣ; потомъ, воротясь, просятъ, чтобы мы остались, присовокупляя къ просьбамъ даже угрозы. Но пока они метались туда и сюда, мы пришли къ мѣсту третьей ночевки, и тогда мой приставъ сказалъ: „Сигизмундъ, что ты дѣлаешь? для чего самовольно идешь впередъ въ чужихъ владѣ-

ніяхъ противъ распоряженія государя?" Я отвѣчалъ ему: „Я не привыкъ жить въ лѣсахъ, какъ живутъ дикіе звѣри, но подъ крышей и съ людьми. Послы вашего государя шли черезъ царство моего государя, какъ имъ было угодно, по своей волѣ, черезъ города и деревни: такъ и мнѣ это можно. На это нѣтъ приказанія вашего государя, и я не вижу причины и необходимости такъ медлить". Послѣ этого они объявили о своемъ намѣреніи свернуть немного въ сторону, ссылаясь на то, что уже приближается ночь, и что сверхъ того никакъ нельзя войти въ крѣпость позднею порою. Мы же, не уваживъ приводимыхъ ими причинъ, отправились прямо къ Смоленску; тамъ насъ помѣстили въ такихъ тѣсныхъ хижинахъ, вдалекѣ отъ крѣпости, что мы не могли ввести лошадей иначе, какъ выломавъ прежде двери. На слѣдующій день, снова переправившись черезъ Борисѳенъ, мы переночевали у рѣки почти напротивъ крѣпости. Наконецъ, намѣстникъ принялъ насъ черезъ своихъ людей и въ знакъ почтенія прислалъ намъ почти пятерную порцію напитковъ, именно мальвазіи и греческаго вина (прочіе напитки были различные меда); также хлѣба и нѣкоторыхъ кушаньевъ. Мы оставались въ Смоленскѣ 10 дней, ожидая отвѣта великаго князя. Отъ него пріѣхали двое дворянъ, чтобы имѣть попеченіе объ насъ и вести насъ въ Москву. Они приходили къ намъ обоимъ на квартиру въ парадныхъ платьяхъ и никакъ не снимали шапокъ, думая, что мы должны это сдѣлать первые; однако, мы не обратили на это вниманія. Впослѣдствіи, когда имъ надобно было изложить, а намъ выслушать порученіе государя, мы отдали честь при произнесеніи имени князя. Впрочемъ, какъ мы поздно пріѣхали въ Смоленскъ, задержанные въ разныхъ мѣстахъ, такъ и тамъ насъ удержали дольше, чѣмъ слѣдовало. Чтобы мы не очень обидѣлись слишкомъ долгой задержкой или чтобы показать, что они раздѣляютъ наше желаніе ѣхать, они одинъ или два раза приходили къ намъ, говоря: „Завтра рано отправимся". Итакъ, рано утромъ, мы поскорѣе приготовили лошадей и совершенно готовые прождали цѣлый день. Наконецъ, вечеромъ, они приходятъ съ нѣкоторою торжественностью и говорятъ намъ, что въ этотъ день они никакъ не могли отправиться. Однако, они опять обѣщались, какъ прежде, выступить въ путь завтра утромъ, но точно также отложили отъѣздъ, ибо мы отправились едва на третій день около полудня и весь тотъ день не ѣли.

Наконецъ, 26-го апрѣля достигли мы Москвы. Когда мы были на полъ-мили отъ нея, намъ встрѣтился спѣшившій и покрытый потомъ старикъ дьякъ, тотъ самый, который былъ при посольствѣ въ Испаніи: онъ объявилъ намъ, что его государь посылаетъ намъ навстрѣчу великихъ людей, называя этимъ именемъ тѣхъ, которые ожидали и должны были принять насъ. Къ этому онъ прибавилъ, что при свиданіи намъ слѣдуетъ сойти съ лошадей и стоя слушать государевы слова. Послѣ того, подавъ другъ другу руки, мы разговаривали. Между прочимъ я спросилъ его, что за причина, что онъ въ такомъ поту,—и онъ тотчасъ отвѣчалъ мнѣ громкимъ голосомъ: „Сигизмундъ, у нашего государя иначе служатъ, чѣмъ у твоего". Подвигаясь такимъ образомъ впередъ, мы видимъ людей, стоящихъ длинными рядами, какъ бы какое-то войско; при нашемъ приближеніи они тотчасъ сошли съ лошадей, что въ свою очередь сдѣлали и мы. При самой же встрѣчѣ, одинъ изъ нихъ началъ такимъ образомъ: „Великій государь Василій, Божіею милостью царь и государь всея Руссіи и проч. (говоритъ весь титулъ) узналъ, что прибыли вы, послы его брата Карла, избраннаго императора римскаго и превы-

сокаго короля, и брата его Фердинанда; онъ послалъ насъ, своихъ совѣтниковъ, и приказалъ намъ спросить васъ, какъ здоровъ его братъ Карлъ, римскій императоръ и превысокій король!“ Послѣ этого точно также о Фердинандѣ. Тогда второй, обращаясь къ графу, говорилъ: „Графу Леонарду. Великій государь (приводитъ весь титулъ) приказалъ мнѣ идти тебѣ на встрѣчу и вести до назначеннаго дома и доставлять тебѣ все нужное“. Третій сказалъ тоже самое мнѣ. Когда это было сказано и выслушано съ открытой головою, первый говоритъ снова: „Великій государь (читаетъ титулъ) приказалъ спросить тебя, графъ Леонардъ, по добру ли по здорову ты ѣхалъ“. Тоже самое мнѣ. Мы отвѣчали имъ по ихъ обыкновенію: „Дай Богъ здравія великому князю. По милосердію Божію и по милости великаго князя мы пріѣхали здоровы“. Тотъ же самый говоритъ снова: „Великій князь и проч. (затѣмъ повторяетъ титулъ) прислалъ тебѣ, Леонардъ, иноходца съ сѣдломъ и другаго коня изъ своей конюшни“. Тоже самое мнѣ. Когда мы отблагодарили за это, они подали намъ руки и оба спрашивали по порядку каждаго изъ насъ, по добру ли по здорову мы ѣхали. Наконецъ, они говорили, что намъ слѣдуетъ оказать уваженіе и сѣсть на подаренныхъ лошадей. Мы сдѣлали это и, перешедши черезъ рѣку Москву и пославъ впередъ всѣхъ другихъ, сами слѣдовали за ними. На берегу есть монастырь; оттуда насъ вели по равнинѣ, черезъ толпы людей, которые стекались отвсюду въ городъ, до самыхъ гостинницъ, находившихся на противоположномъ концѣ. Въ домахъ не было ни людей, ни мебели. Оба пристава говорили каждый своему послу, что они, вмѣстѣ съ тѣми приставами, которые пришли съ нами изъ Смоленска, имѣютъ приказаніе отъ государя заботиться о доставленіи намъ всего нужнаго. Приставили также при насъ писца, говоря, что онъ поставленъ для того, чтобы ежедневно приносить намъ пищу и все нужное. Наконецъ они просятъ насъ, чтобы мы имъ сказали, если въ чемъ будемъ нуждаться. Потомъ они посѣщали насъ почти каждый день, постоянно освѣдомляясь о нашихъ нуждахъ. Содержаніе для германскихъ пословъ у нихъ опредѣлено въ такомъ размѣрѣ, для литовскихъ въ иномъ, для другихъ опять иначе. Назначенные пристава имѣютъ, говорю я, извѣстную предписанную мѣру, сколько именно они должны давать хлѣба, напитковъ, мяса, овса, сѣна и всего другого, по числу людей. Они знаютъ, сколько дровъ для кухни; также сколько для нагрѣванія бани, сколько соли, перцу, масла, луку и другихъ самыхъ малѣйшихъ вещей они должны давать на каждый день. Эту мѣру соблюдаютъ также пристава, которые провожаютъ пословъ въ Москву и изъ Москвы. Впрочемъ, хотя они обыкновенно доставляли довольно и даже больше, чѣмъ нужно, какъ пищи, такъ и напитковъ, однако почти все, что мы просили сверхъ того, они давали намъ, обмѣнявъ на прежде данное. Они всегда приносили намъ пятъ сортовъ напитковъ, три сорта меду и два сорта пива. Иногда я посылалъ на свои деньги за нѣкоторыми вещами на рынокъ, въ особенности за живой рыбой. Они упрекали за это, говоря, что это большая обида ихъ государю. Я говорилъ приставу, что хочу достать кровати для дворянъ, которыхъ было со мною пятеро. Онъ тотчасъ отвѣчалъ, что нѣтъ обыкновенія доставлять всякому кровать. Я отвѣчалъ ему, что не требую, но хочу купить, и потому сообщаю ему это, чтобы онъ опять не разсердился, какъ прежде. Итакъ, возвратясь на слѣдующій день, онъ сказалъ: „Я докладывалъ совѣтникамъ моего государя, о чемъ мы вчера говорили. Они велѣли сказать тебѣ, чтобы ты не платилъ денегъ за кровати. Ибо они обѣщаются

обходиться съ вами также, какъ вы обходитесь съ нашими людьми въ вашихъ странахъ". Отдохнувъ два дня въ отведенномъ намъ домѣ, мы спрашивали у нашихъ приставовъ, въ какой день князь назначитъ намъ аудіенцію? „Когда вы пожелаете, отвѣчали они: мы доложимъ совѣтникамъ князя". Вскорѣ мы попросили объ этомъ. Намъ назначена была аудіенція, но потомъ отложена до другого дня. Наканунѣ этого дня пришелъ самъ приставъ говоря: „Совѣтники нашего государя мнѣ приказали объявить тебѣ, что завтра ты пойдешь къ нашему князю". Всякій разъ, какъ они звали насъ, съ ними постоянно были толмачи. Въ тотъ же вечеръ воротился толмачъ и сказалъ: „Приготовляйся, потому что будешь позванъ предъ лицо государя". Также рано утромъ онъ опять воротился, напоминая: „Сегодня ты будешь предъ лицемъ государя". Потомъ прошло едва четверть часа, и къ каждому изъ насъ пришелъ приставъ говоря: „Скоро придутъ за вами большіе люди, и потому вамъ слѣдуетъ собраться въ одинъ покой". Когда я такимъ образомъ пришелъ къ цесарскому послу, то тотчасъ прискакалъ толмачъ и сказалъ, что теперь близко большіе люди, важнѣйшіе сановники государевы, которые поведутъ насъ во дворецъ. Одинъ изъ нихъ былъ князь Василій Ярославскій, родственникъ великаго князя, другой—одинъ изъ тѣхъ, которые приняли насъ отъ имени князя; ихъ сопровождало весьма много дворянъ. Между тѣмъ наши пристава убѣждали насъ, чтобы оказали честь тѣмъ большимъ людямъ и вышли имъ навстрѣчу. Мы отвѣчали имъ, что знаемъ свою обязанность и поступимъ сообразно съ нею. Впрочемъ, когда они уже сошли съ лошадей и входили въ гостинницу графа, пристава снова понуждали насъ выйти имъ навстрѣчу и какъ бы предпочесть ихъ князя своимъ государямъ въ оказаніи почести. Мы же, пока они входили, дѣлали видъ, что насъ удерживаетъ то то, то другое препятствіе, замедляя встрѣчу и застали ихъ ровно на серединѣ лѣстницы. Мы хотѣли вести ихъ въ комнату, чтобы они немного отдохнули, но они отказались отъ этого. Тогда началъ говорить самъ князь Ярославскій: „Великій государь (читаетъ полный титулъ) приказалъ вамъ прійти къ нему". Тотчасъ сѣвъ на лошадей, мы отправились въ сопровожденіи большой свиты и у замка повстрѣчались съ такими толпами людей, что едва пробрались сквозь нихъ при большихъ усиліяхъ нашихъ проводниковъ. Ибо у нихъ такой обычай: изъ окрестностей и сосѣднихъ мѣстъ, по приказанію князя, созываютъ народъ, крѣпостныхъ людей и воиновъ всякій разъ, какъ надобно вести во дворецъ знатныхъ пословъ отъ иностранныхъ князей и королей; около этого времени запираются всѣ лавки и мастерскія въ городѣ, продавцевъ и покупателей гонятъ съ площади; наконецъ граждане сходятся со всѣхъ сторонъ. Это дѣлается для того, чтобы этимъ огромнымъ многолюдствомъ и толпами подданныхъ показать чужестранцамъ могущество князя, а такими посольствами отъ иностранныхъ государей явить всѣмъ его величіе. Потомъ, вступивъ въ замокъ, мы увидѣли людей разныхъ сословій, поставленныхъ въ различныхъ мѣстахъ или участкахъ. У воротъ стояли граждане; воины же и наемные солдаты занимали площадь; тѣ и другіе сопровождали насъ пѣшкомъ, шли впереди насъ и, остановившись, воспрепятствовали намъ доѣхать до лѣстницы и тамъ сойти съ лошадей. Ибо сойти съ лошади близко дворцовой лѣстницы никому нельзя, кромѣ князя. Это дѣлается для того, чтобы казалось, что князю оказано болѣе чести. Сперва, когда мы дошли до середины лѣстницы, насъ встрѣтили нѣкоторые совѣтники князя, подавая руки и цѣлуясь, и повели насъ

дальше. Когда мы прошли лѣстницу, насъ встрѣтили другіе, знатнѣйшіе совѣтники, и когда первые отступили (ибо таковъ обычай, чтобы первые, по установленному чину, уступали слѣдующимъ ближайшимъ и останавливались на своемъ мѣстѣ, какъ на назначенномъ постѣ), они подали правую руку, здоровались съ нами. Потомъ, когда мы вошли во дворецъ, гдѣ кругомъ стояли простые дворяне, насъ встрѣтили точно также первостепенные совѣтники и, здороваясь, вышли сказаннымъ порядкомъ. Наконецъ насъ ввели въ другую залу обставленную князьями и другими знатнѣйшими лицами, изъ которыхъ выбираются совѣтники, и оттуда къ самой комнатѣ князя (передъ нею стояли дворяне, отправляющіе ежедневную службу при князѣ); между тѣмъ, рѣшительно никто изъ окружающихъ не отдалъ намъ ни малѣйшей почести, и если мы, проходя мимо, кланялись кому-нибудь изъ нашихъ близкихъ знакомыхъ, или заговаривали, то тотъ ничего не отвѣчалъ, дѣлая видъ, какъ будто онъ никого изъ насъ никогда не знавалъ и никогда не получалъ отъ насъ поклона. Когда мы, наконецъ, вошли къ князю, то совѣтники встали передъ нами. Одинъ изъ первостепенныхъ совѣтниковъ, обратясь къ князю и, по своему обычаю, не спросивъ объ нашемъ имени, говорилъ слѣдующія слова: „Великій государь, графъ Леонардъ бьетъ челомъ"; и снова: „Великій государь, графъ Леонардъ бьетъ челомъ за твою великую милость". То же самое о Сигизмундѣ. Первое значитъ все равно, что кланяется или отдаетъ честь; второе—благодаритъ за полученную милость. Ибо бить челомъ они принимаютъ за поклонъ, благодарность и т. п. Всякій разъ, какъ кто-нибудь чего проситъ или за что-нибудь благодаритъ, то обыкновенно наклоняетъ голову; если онъ хочетъ сдѣлать это почтительнѣе, то наклоняется такимъ образомъ, что рукой касается земли. Если они хотятъ благодарить великаго князя за какую-нибудь великую милость или чего-нибудь просить у него, то до того кланяются, что лбомъ касаются земли. Князь сидѣлъ съ непокрытой головою на возвышенномъ и почетномъ мѣстѣ, у стѣны, блиставшей изображеніемъ какого-то святого; справа на скамьѣ лежала шапка—колпакъ, а слѣва—палка съ крестомъ—посохъ — и тазъ съ двумя рукомойниками и положенными сверху ручными утиральниками. Говорятъ, что князь, протягивая руку послу римской вѣры, считаетъ, что далъ руку человѣку нечистому и потому, отпуская его, тотчасъ моетъ руки. Противъ князя, на низшемъ мѣстѣ, была также приготовлена скамья для пословъ. Самъ князь, послѣ того, какъ ему была отдана честь, пригласилъ насъ туда наклоненіемъ головы и словомъ, показывая рукой скамью. Когда мы привѣтствовали князя по установленному чину, былъ при этомъ толмачъ, который передавалъ слово въ слово нашу рѣчь. Слыша между прочимъ имена Карла и Фердинанда, онъ вставалъ и сходилъ со скамеечки и, выслушавъ до конца привѣтствіе, сказалъ: „Братъ нашъ Карлъ, избранный императоръ Римскій и превысокій король, здоровъ ли?" Пока графъ отвѣчалъ: „здоровъ",—онъ взошелъ на скамейку и сѣлъ. По окончаніи моего привѣтствія онъ спрашивалъ у меня то же самое о Фердинандѣ. Потомъ призывалъ къ себѣ по порядку насъ обоихъ и говорилъ: „Дай мнѣ руку"; взявъ ее онъ прибавлялъ: „По добру ли по здорову ѣхалъ?" — на что каждый изъ насъ отвѣчалъ по ихъ обычаю: „Дай Богъ, чтобы ты былъ здравъ на многія лѣта. Я же, по милосердію Божію и по твоей милости, здоровъ". Послѣ этого онъ приказывалъ, чтобы мы садились. Мы же, прежде чѣмъ сдѣлать это, благодарили по ихъ обыкновенію, наклоняя голову на обѣ стороны,—сперва князя, потомъ совѣтниковъ и князей, которые стояли, чтобы ока-

зать намъ честь. Послы другихъ государей, преимущественно тѣ, которые присылаются изъ Литвы, Ливоніи, Швеціи и проч., допущенные предъ лицомъ князя, имѣютъ обыкновеніе, вмѣстѣ съ своею свитою и служителями, каждый приносить особые дары.

Обычай приношенія даровъ таковъ. Когда изложена и выслушана причина посольства, тотчасъ встаетъ тотъ совѣтникъ, который ввелъ пословъ къ князю и яснымъ и громкимъ голосомъ такъ говоритъ всѣмъ вслухъ: „Великій государь, такой-то посолъ бьетъ челомъ такимъ то подаркомъ“ и повторяетъ то же самое о второмъ и третьемъ послахъ. Потомъ, такимъ же образомъ говоритъ имена и подарки каждаго дворянина и служителя. Наконецъ, сбоку у него ставится дьякъ, который означаетъ по порядку и по именамъ подарки, какъ пословъ, такъ и всѣхъ приносящихъ. Такого рода подарки они называютъ поминками, т.-е. памятью. Они и нашимъ людямъ напоминали о подаркахъ, но мы отвѣчали имъ, что у насъ это не въ обыкновеніи.

Но я возвращаюсь къ начатому разсказу.

Послѣ привѣтствія, когда мы немного посидѣли, князь приглашалъ насъ обоихъ по порядку словами: „Обѣдай со мной“. Прибавлю, что въ первое мое посольство, онъ приглашалъ меня, по ихъ обыкновенію, слѣдующимъ образомъ: „Сигизмундъ, откушай нашего хлѣба соли вмѣстѣ съ нами“. Тотчасъ послѣ того, подозвавъ къ себѣ нашихъ приставовъ, онъ говорилъ имъ, не знаю что, тихимъ голосомъ; а толмачи, получивъ въ свою очередь приказаніе, сказали: „Встаньте, пойдемъ въ другой покой“. Пока мы излагали остальныя порученія, возложенныя на посольство, нѣкоторымъ совѣтникамъ и дьякамъ, назначеннымъ отъ князя, — тамъ приготовлялись столы. Когда приготовленія къ обѣду были окончены, и князь, его братья и совѣтники уже сидѣли за столомъ, тогда и насъ привели въ столовую. Тотчасъ совѣтники и всѣ прочіе по порядку встали намъ; зная уже ихъ обычай, мы въ свою очередь благодарили ихъ поклонами на всѣ стороны, прежде чѣмъ сѣли; мы заняли мѣсто за столомъ, которое намъ указалъ рукою самъ князь. Столы же въ этой комнатѣ были поставлены кругомъ. По срединѣ стоялъ столъ обремененный разными золотыми и серебряными чашами. На томъ столѣ, гдѣ сидѣлъ князь, съ обѣихъ сторонъ былъ оставленъ такой промежутокъ, сколько онъ могъ занять пространства, протянувъ руки; ниже сидятъ братья, если они присутствуютъ при этомъ, старшій съ правой стороны, младшій съ лѣвой. Въ немного большемъ разстояніи отъ брата, сидѣли старѣйшіе князья, совѣтники, наблюдая рангъ и степень милости, какою князь удостоиваетъ каждаго. Насупротивъ князя, за другимъ столомъ, сидѣли мы, и въ небольшомъ разстояніи отъ насъ—наши приближенные и служители. Напротивъ ихъ, съ другого бока, сидѣли по порядку тѣ, которые провожали насъ изъ гостинницы во дворецъ. За послѣдними же столами съ обѣихъ сторонъ другъ противъ друга сидѣли тѣ, которыхъ князь пригласилъ по особенной милости: сюда иногда допускаются наемники. На столахъ были поставлены маленькіе сосуды, изъ которыхъ одни были наполнены уксусомъ, другіе перцомъ, третьи солью. Затѣмъ вошли разносители кушаньевъ въ великолѣпныхъ одеждахъ и, обойдя сервизный столъ, встали противъ князя, безъ всякихъ церемоній, пока усаживались всѣ приглашенныя особы и пока имъ дано было приказаніе приносить кушанье. Между тѣмъ, когда всѣ усѣлись, князь подозвалъ одного изъ своихъ служителей и далъ ему два продолговатыхъ куска хлѣба, сказавъ: „Дай этотъ хлѣбъ графу Леонарду и Сигизмунду“. Слу-

житель, взявъ съ собою толмача, поднесъ хлѣбъ по порядку намъ обоимъ съ такими словами: „Графъ Леонардъ, великій государь Василій, Божіею милостію царь и государь всей Руссіи и великій князь, дѣлаетъ тебѣ милость и посылаетъ тебѣ хлѣбъ съ своего стола". Толмачъ громко переводилъ эти слова. Мы, стоя, слушали милость князя. Встали и другіе, кромѣ братьевъ князя, чтобы оказать намъ честь. На такую милость и честь не нужно другого отвѣта, какъ принять предложенный хлѣбъ, положить на столъ и благодарить самого князя наклоненіемъ головы, потомъ совѣтниковъ и другихъ, кланяясь на всѣ стороны. Этимъ хлѣбомъ князь показываетъ свою милость къ кому-нибудь, а солью—любовь, и на своемъ пиру онъ не можетъ оказать больше чести, какъ если пошлетъ кому-нибудь соль съ своего стола. Кромѣ того, хлѣбы, имѣющіе форму лошадинаго хомута, по моему мнѣнію, означаютъ тяжкое иго и постоянное рабство всѣмъ, которые ѣдятъ ихъ. Наконецъ, служители вышли за кушаньями, опять не оказавъ никакой почести князю, и принесли водку, которую они всегда пьютъ въ началѣ обѣда, потомъ жаренныхъ журавлей, которыхъ они въ мясоѣдъ обыкновенно подаютъ гостямъ первымъ блюдомъ. Трехъ изъ поставленныхъ предъ нимъ князь рѣзалъ ножикомъ, пробуя, который изъ нихъ лучше и предпочтительнѣе другихъ, и приказывалъ немедленно уносить ихъ. Тотчасъ всѣ служители вышли въ томъ порядкѣ, въ какомъ вошли, и разложили разрѣзанныхъ и на части раздѣленныхъ журавлей по маленькимъ блюдамъ, на каждое по четыре куска. Воротившись, они поставили пять блюдъ передъ княземъ, а остальныя разнесли по порядку разнымъ его совѣтникамъ, посламъ и другимъ. При князѣ стоитъ одинъ человѣкъ, который подаетъ ему чашу; это тотъ самый, черезъ котораго князь посылаетъ каждому хлѣбъ и другія кушанья. Князь же обыкновенно даетъ кусочекъ попробовать служителю, потомъ рѣжетъ съ разныхъ сторонъ и кушаетъ; затѣмъ посылаетъ одно блюдо, съ котораго самъ отвѣдалъ, брату или какому-нибудь совѣтнику или посламъ. Эти блюда приносятся посламъ всегда съ большою торжественностью, какъ было сказано о хлѣбѣ: при полученіи ихъ должно вставать не только тому, кому они посылаются, но и всѣмъ остальнымъ, такъ что всякій не мало устанетъ, столько разъ отдавая честь князю, поднимаясь, стоя, благодаря и часто наклоняя голову на всѣ стороны. Тотъ же самый порядокъ соблюдается при подаваніи другихъ кушаньевъ, — развѣ только иныя, какъ жаркое не выносятся назадъ. Подаютъ различныя напитки, малвазію, греческое вино, также разные меда. Князь обыкновенно приказываетъ себѣ подавать свою чашу одинъ или два раза: когда онъ пьетъ изъ нея, то зоветъ къ себѣ по порядку пословъ, говоря, „Леонардъ (или Сигизмундъ), ты пріѣхалъ отъ великаго государя къ великому государю, совершилъ большой путь, и потомъ видѣлъ нашу милость и наши ясныя очи, добро тебѣ. Пей и выпивай и ѣшь хорошенько, до сыта; потомъ отдыхай, чтобы наконецъ ты могъ воротиться къ твоему государю". Говорятъ, что всѣ сосуды, въ которыхъ при насъ подавались кушанья, напитки, уксусъ, перецъ, соль и другое, сдѣланы изъ чистаго золота, что казалось справедливымъ, судя по ихъ виду. Четыре человѣка стоятъ по одному съ каждой стороны сервизнаго стола и держатъ по одной чашѣ: изъ нихъ по большей части пьетъ князь и очень часто обращается къ посламъ, прося ихъ, чтобы они кушали. Иногда даже онъ спрашиваетъ что-нибудь у нихъ и показываетъ большую вѣжливость и обходительность. Между прочимъ онъ меня спрашивалъ, брилъ ли я бороду, что выражается однимъ словомъ,

именно Brill. Когда я отвѣчалъ утвердительно, то онъ сказалъ: „Это по нашему“, какъ бы говоря: „И мы брили“. Ибо, вступая во второй бракъ, онъ сбрилъ всю бороду, чего, какъ они утверждали, никогда не дѣлалъ никто изъ князей. Прежде столовые служители одѣвались въ платьяхъ церковныхъ прислужниковъ, только съ поясомъ; нынѣ же у нихъ другія одежды, обремененныя драгоцѣнными камнями и жемчугомъ (ихъ называютъ терликами). Князь обѣдаетъ иногда три или четыре часа. Въ первое мое посольство мы обѣдали даже до перваго часа ночи. Ибо, какъ въ совѣщаніяхъ объ особенно важныхъ дѣлахъ часто проводятъ они цѣлый день и не расходятся прежде, чѣмъ зрѣло обсудятъ и рѣшатъ дѣло, точно также иногда проводятъ цѣлый день въ пиршествахъ и банкетахъ, и расходятся только при наступленіи сумерекъ. Князь часто угощаетъ сотрапезниковъ и блюдами, и напитками. Послѣ обѣда онъ совсѣмъ не занимается важными дѣлами; потому, по окончаніи обѣда, онъ обыкновенно говоритъ посламъ: „Теперь ступайте“. Когда онъ ихъ отпуститъ, тѣ же самые, которые привели ихъ во дворецъ, опять отводятъ ихъ въ гостинницу и говорятъ, что они имѣютъ порученіе остаться тамъ и увеселять ихъ. Приносятся серебряныя чаши и много сосудовъ съ напитками, и всѣ стараются напоить ихъ пьяными. Они большіе мастера заставлять пить, и когда уже истощены всѣ другіе поводы къ продолженію попойки, то они начинаютъ пить за здоровье цесаря, его брата, князя, наконецъ, за здоровье другихъ, которые находятся въ чинахъ и почетѣ. Они думаютъ, что при ихъ имени никто не долженъ и даже не можетъ отказаться отъ чаши. Пьютъ же слѣдующимъ образомъ: тотъ, кто начинаетъ, беретъ чашу и выступаетъ на средину комнаты, и, стоя съ открытой головою, излагаетъ въ веселой рѣчи, за чье здоровье пьетъ и чего ему желаетъ; тотчасъ опорожнивъ и перевернувъ чашу, касается ею макушки, чтобы всѣ видѣли, что онъ выпилъ и желаетъ здоровья тому господину, за котораго пьетъ; потомъ идетъ на высшее мѣсто, велитъ наполнить много чашъ, тотчасъ протягиваетъ каждому свою и прибавлятъ имя того, за чье здоровье должно пить. Такимъ образомъ каждый долженъ выйти на средину комнаты и возвращаться на свое мѣсто, опорожнивъ чашу. Кто же хочетъ избѣжать дальнѣйшихъ тостовъ, тому необходимо притвориться пьянымъ или спящимъ, или ихъ напоить пьяными, или ужъ въ крайнемъ случаѣ, только осушивъ много чашъ, онъ можетъ утверждать, что онъ никакъ не въ состояніи больше пить. Ибо за хорошій пріемъ и роскошное угощеніе считается у нихъ только тогда, когда гости напоены до-пьяна. Этотъ обычай вообще наблюдаютъ благородные, и тѣ, которымъ дозволено пить медъ и пиво. Въ первое посольство, когда по окончаніи дѣлъ князь отпускалъ меня, то послѣ обѣда, къ которому я былъ приглашенъ (ибо они имѣютъ обыкновеніе угощать пословъ, какъ при ихъ прибытіи, такъ и при ихъ отъѣздѣ), онъ всталъ и, стоя у стола, приказалъ дать себѣ чашу, говоря: „Сигизмундъ, я хочу выпить эту чашу въ знакъ любви, которую имѣю къ брату нашему Максимиліану, избранному императору римскому и высочайшему королю, и за его здоровье, и ты выпьешь ее и всѣ другіе по порядку, что бы ты видѣлъ любовь нашу къ брату нашему Максимиліану и проч., и донесъ ему о томъ, что видѣлъ“. Потомъ онъ подалъ мнѣ чашу и сказалъ: „Выпей за здоровье брата нашего Максимиліана, избраннаго императора римскаго и высочайшаго короля“. Онъ подавалъ ее и всѣмъ другимъ, которые присутствовали за обѣдомъ или стояли гдѣ-нибудь, и каждому говорилъ тѣ же слова. Итакъ, принявъ чаши, мы немного отступили

назадъ и, кланяясь князю, выпили. Когда это было кончено, князь подозвалъ меня къ себѣ, протянулъ руку и сказалъ: „Теперь ступай“. Сверхъ того князь, по разсмотрѣніи, обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ пословъ изъ какой-нибудь страны, приглашаетъ ихъ на охоту и увеселеніе. Близъ Москвы есть мѣсто, усѣянное кустарникомъ, весьма удобное для зайцевъ, въ которомъ, какъ въ какомъ-нибудь звѣринцѣ, разводится ихъ великое множество; никто не смѣетъ ловить ихъ или рубить тамъ кустарникъ подъ страхомъ величайшаго наказанія. Кромѣ того, князь держитъ множество ихъ въ звѣриныхъ загонахъ и въ другихъ мѣстахъ. Каждый разъ, когда вздумается ему насладиться этой забавой, онъ приказываетъ привозить зайцевъ изъ разныхъ мѣстъ; ибо, по его мнѣнію, чѣмъ больше онъ поймаетъ зайцевъ, тѣмъ больше это доставитъ ему удовольствія и чести. Выѣхавши уже въ поле, онъ отправляетъ за послами нѣсколькихъ изъ своихъ совѣтниковъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми придворными или всадниками и приказываетъ ихъ привести къ себѣ. Въ сопровожденіи ихъ, приближаясь къ князю, они должны сойти съ лошадей, по наставленію совѣтниковъ, и сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы подойти къ князю. Когда мы такимъ же образомъ были приведены къ нему на охоту, онъ принялъ насъ ласково, сидя на разукрашенномъ конѣ, въ великолѣпной одеждѣ, безъ рукавицъ, но съ покрытой головой, протянулъ голую руку и сказалъ черезъ толмача: „Мы выѣхали для нашей потѣхи и позвали васъ участвовать въ ней и немножко повеселиться; потому садитесь на лошадей и слѣдуйте за нами“. У него была шапка, называемая колпакомъ, имѣвшая съ обѣихъ сторонъ, спереди и сзади, козырьки, изъ которыхъ торчали вверхъ, какъ перья, золотыя пластинки и качались взадъ и впередъ. Одежда на немъ была въ родѣ терлика, вышитая золотомъ. На поясѣ висѣли, по ихъ обычаю, два продолговатые ножа и такой же продолговатый кинжалъ. Съ праваго его боку ѣхалъ изгнанный казанскій царь, татаринъ, по имени Шигъ-Алей; съ лѣваго же два молодые князя, изъ которыхъ одинъ держалъ въ правой рукѣ сѣкиру изъ слоновой кости, называемую у нихъ топоромъ, почти такой формы, какую видимъ на венгерскихъ червонцахъ,—другой держалъ булаву, также похожую на венгерскую; они называютъ ее шестоперомъ, т.-е. о шести перьяхъ. Въ полѣ было болѣе трехсотъ всадниковъ. Пока мы такимъ образомъ шли полемъ, князь нѣсколько разъ приказывалъ останавливаться то на томъ, то на другомъ мѣстѣ, а иногда ближе подходить къ нему. Потомъ, приведя насъ на мѣсто охоты, онъ говорилъ, что таковъ у нихъ обычай, чтобы всякій разъ, какъ онъ бываетъ на охотѣ, онъ самъ и другіе знатные люди вели охотничьихъ собакъ своими руками, и совѣтовалъ и намъ сдѣлать то же; наконецъ, назначилъ къ каждому изъ насъ по два человѣка, у которыхъ было по собакѣ, чтобы мы пользовались ими для своего удовольствія. На что мы отвѣчали, что съ благодарностью принимаемъ его милость, и что у нашихъ соотечественниковъ такой же обычай. Онъ же извинялся потому, что у нихъ собака считается нечистымъ животнымъ, и стыдно голою рукою прикасаться къ собакѣ. Длиннымъ рядомъ стояли около ста человѣкъ, изъ которыхъ половина была одѣта въ черный цвѣтъ, а другая въ желтый. Недалеко отъ нихъ стояли всѣ другіе всадники, наблюдая, чтобы зайцы не пробѣжали чрезъ это мѣсто и не ушли бы совсѣмъ. Сначала никому не было позволено спустить собаку, кромѣ царя, Шигъ-Алея и насъ. Князь первый закричалъ охотнику, приказывая начинать; не теряя ни минуты, тотъ скачетъ во весь опоръ къ другимъ охотни-

камъ, которыхъ было большое число; всѣ вскрикиваютъ въ одинъ голосъ и спускаютъ большихъ меделянскихъ собакъ. Тогда въ самомъ дѣлѣ было очень весело слышать громкій и разнообразный лай собакъ, а у князя ихъ очень много, и при томъ отличныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ употребляются только для травли зайцевъ,—это такъ называемыя курцы, красивыя съ пушистыми хвостами и ушами, вообще, смѣлыя, но неспособныя къ долгой гонкѣ. Когда выбѣгаетъ заяцъ, спускаются три, четыре, пять или болѣе собакъ, которыя отовсюду бросаются за нимъ, — а когда онѣ схватятъ его, поднимается крикъ, большія рукоплесканія, какъ будто пойманъ большой звѣрь. Если же зайцы слишкомъ долго не выбѣгаютъ, тогда обыкновенно князь кличетъ кого-нибудь, кого увидитъ между кустарниками съ зайцемъ въ мѣшкѣ, и кричитъ: гуй, гуй; этими словами онъ даетъ знать, что зайца слѣдуетъ выпустить. Такимъ образомъ зайцы выскакиваютъ иногда, какъ будто сонные, прыгая между собаками, какъ козлята или ягнята въ стадѣ. Чья собака затравила больше зайцевъ, того считаютъ героемъ этого дня. По окончаніи охоты всѣ сошлись и свалили зайцевъ въ одномъ мѣстѣ, тогда ихъ стали считать и насчитано ихъ было до трехсотъ, Тутъ было также много соколовъ, бѣлаго и яркокраснаго цвѣта, отличающихся своею величиною—кречеты; они охотятся на лебедей, журавлей и тому подобныхъ птицъ. Кречеты— птицы очень смѣлыя, но онѣ не такъ страшны и ужасны въ своихъ нападеніяхъ, чтобы другія птицы, даже хищныя падали и умирали отъ ихъ полета или отъ взгляда на нихъ. Съ охоты князь отправился къ какой-то деревянной башнѣ, которая отстоитъ отъ Москвы на пять тысячъ шаговъ; тамъ было поставлено нѣсколько шатровъ. Первый шатеръ, большой и просторный, на подобіе дома, — для него, другой для царя Шигъ-Алея, третій—для насъ, остальныя для другихъ особъ и для вещей. Когда насъ обычнымъ порядкомъ развели по шатрамъ, князь, вошедши въ свой и перемѣнивъ платье, немедленно позвалъ насъ къ себѣ. А когда мы вошли, онъ сидѣлъ на сѣдалищѣ изъ слоновой кости, съ праваго боку у него былъ царь Шигъ-Алей, а мы помѣстились напротивъ, на мѣстѣ, приготовленномъ для пословъ, когда имъ даютъ аудіенцію или когда разсуждаютъ о дѣлахъ. Ниже царя сидѣли нѣкоторые князья и совѣтники. Съ лѣвой стороны были младшіе князья, къ которымъ князь особенно благоволитъ. Когда такимъ образомъ всѣ усѣлись, то начали подавать сперва варенья изъ кишнеца, анису, и миндалю, потомъ орѣхи, миндаль и цѣлую пирамиду изъ сахару; служители подавали это князю, царю и намъ на колѣняхъ. Напитки также подавались обычнымъ порядкомъ, и князь оказывалъ свою милость, какъ онъ это дѣлаетъ за обѣдомъ. По окончаніи угощенія, когда мы выпили напитка, который намъ подалъ князь, онъ отпустилъ насъ, говоря: „Теперь ступайте“. Послѣ отпуска мы съ почетомъ были отведены въ наши гостинницы. У князя есть и другая потѣха, на которую, какъ я слышалъ, онъ приглашаетъ иныхъ пословъ. Откармливаютъ медвѣдей, посаженныхъ въ обширномъ и нарочно для того построенномъ домѣ, въ которомъ князь, взявъ съ собою пословъ, показываетъ имъ игры. У него есть нѣсколько людей низшаго сословія, которые по приказанію князя, въ его присутствіи, выступаютъ противъ медвѣдей съ деревянными вилами и вызываютъ ихъ на бой. Наконецъ, они сходятся, и если приведенные въ бѣшенство медвѣди ихъ ранятъ, то они бѣгутъ къ князю, крича: „Государь, вотъ мы ранены“. Князь говоритъ имъ: „Ступайте, я окажу вамъ милость“. Потомъ онъ приказываетъ лечить ихъ и кромѣ того награ-

дить одеждами и нѣсколькими мѣрами хлѣба. Когда уже пора было насъ отпустить, мы были приглашены съ почестями, какъ прежде, къ обѣду и отведены во дворецъ. Кромѣ того, намъ обоимъ было предложено по почетной одеждѣ, подбитой соболями. Когда мы надѣли ее и вошли въ комнату князя, маршалъ отъ имени насъ обоихъ тотчасъ сказалъ по заведенному порядку: „Великій государь, Леонардъ (потомъ Сигизмундъ) за твою великую милость челомъ бьетъ", т.-е. благодаритъ за полученный подарокъ. Къ почетной одеждѣ князь прибавилъ сорокъ два собольихъ мѣха, 300 горностаевыхъ и 1,500 бѣличьихъ. Въ первое посольство онъ еще подарилъ мнѣ повозку или сани, съ превосходной лошадью и съ бѣлымъ медвѣжьимъ мѣхомъ и другой порядочной полостью. Наконецъ, онъ приказалъ дать мнѣ много вяленой и соленой рыбы въ кускахъ, — бѣлужины, осетрины, стерлядей, — и очень ласково отпустилъ меня.

CVIII. О житіи бояръ и ближнихъ и иныхъ чиновъ людей.

(Изъ соч. Котошихина: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича»).

1. Бояре и ближніе люди живутъ въ домахъ своихъ, въ каменныхъ и въ деревянныхъ, безъ великаго устроенія и призрѣнія; и живутъ съ женами своими и съ дѣтьми своими покоями. Да у нихъ же, большихъ, не у многихъ, бояръ, учинены на дворахъ церкви, а у которыхъ церквей нѣтъ, и они, большихъ и среднихъ статей бояре, которымъ повелѣно держать въ домахъ своихъ поповъ, заутреню и часы, и молебенъ, и вечерню отправляютъ у себя въ своихъ хоромахъ, а у обѣдни бываютъ въ церквахъ, кто гдѣ прихожъ, или гдѣ захочетъ; а въ домахъ у нихъ, кромѣ церквей, обѣдни не бываетъ ни у кого; и даютъ бояре и ближніе люди попамъ помѣсячный кормъ и ѣства и питье, а вдовьи попы ѣдятъ съ боярами своими вмѣстѣ за столомъ, у кого что прилучилось.

2. А въ которые дни бываютъ праздники Господскіе, или иные нарочитые, имянинные, родильные и крестильные дни, и въ тѣ дни другъ съ другомъ пиршествуютъ, почасту.

Ѣствы-жь обычай готовить попросту, безъ приправъ, безъ ягодъ и сахару и безъ перцу, инбирю и иныхъ способовъ, малосольны и безвкусны. А какъ начнутъ ѣсть, и въ то время ѣствы ставятъ на столъ по одному блюду, а иныя кушанія приносятъ съ поварни и держатъ въ рукахъ люди ихъ, и въ которой ѣствѣ мало уксусу и соли и перцу, и въ тѣ ѣствы прибавляютъ на столѣ; а бываетъ всякихъ ѣствъ по 50 и по 100. . . . .

Обычай же таковой есть: передъ обѣдомъ велятъ выходить къ гостямъ челомъ ударить женамъ своимъ. И какъ тѣ ихъ жены къ гостямъ придутъ, станутъ въ палатѣ или въ избѣ, гдѣ гостямъ обѣдать, въ большомъ мѣстѣ, а гости станутъ у дверей, и кланяются жены ихъ гостямъ малымъ обычаемъ, а гости женамъ ихъ кланяются всѣ въ землю; и потомъ господинъ дома бьетъ челомъ гостямъ и кланяется въ землю, чтобы гости жену его изволили цѣловать, и напередъ, по прошенію гостей, цѣлуетъ свою жену господинъ, потомъ гости одинъ по одному кланяются женамъ ихъ въ землю и цѣлуютъ и, поцѣловавъ и отойдя, также кла-

няются въ землю; а та, кого цѣлуютъ, кланяется гостямъ малымъ обычаемъ; потомъ того господина жена начнетъ подносить гостямъ по чаркѣ вина двойнаго, или тройнаго съ зельями (травами), величиною та чарка бываетъ въ четвертую долю квартаря или немного больше, и господинъ начнетъ бить челомъ гостямъ и кланяется въ землю же, сколько тѣхъ гостей ни будетъ — всякому по поклону, чтобы они изволили у жены его пить вино; и по прошенію тѣхъ гостей, господинъ прикажетъ пить напередъ вино женѣ своей, потомъ пьетъ самъ и подноситъ гостямъ, и гости, передъ питьемъ вина и выпивъ и отдавъ чарку назадъ, кланяются въ землю же; а кто вина не пьетъ, и ему вмѣсто вина романеи, или ренскаго, или инаго питья по кубку; и послѣ питья того господина жена, поклонясь гостямъ, пойдетъ въ свои покои къ гостямъ же, къ боярынямъ, тѣхъ гостей женамъ. А жена того господина и тѣхъ гостей жены съ мужскимъ поломъ, кромѣ свадебъ, не обѣдаютъ никогда, развѣ которые гости бываютъ кому самые близкіе родственники, а чужихъ людей не бываетъ, и тогда обѣдаютъ вмѣстѣ. Такимъ же обычаемъ и въ обѣдъ, за всякою ѣствою, господинъ и гости пьютъ вина по чаркѣ, и романею, и ренское, и пива, приправленныя и простыя, и меды разные. И въ обѣдъ же, какъ приносятъ на столъ круглые пироги, и передъ тѣми пирогами выходятъ жены сыновей того господина, или дочери замужнія, или иныхъ родственниковъ жены; и тѣ гости, ставъ и вышедъ изъ-за стола къ дверямъ, тѣмъ женамъ кланяются, и мужья тѣхъ женъ также кланяются и бьютъ челомъ, чтобы гости женъ ихъ цѣловали и вино у нихъ пили; и гости, цѣловавъ тѣхъ женъ и пивъ вино, садятся за столъ, а тѣ жены пойдутъ попрежнему туда, гдѣ сперва были. А своихъ дочерей дѣвицъ къ гостямъ не выводятъ и не показываютъ никому, а живутъ тѣ дочери въ особыхъ дальнихъ покояхъ. А какъ столъ отойдетъ, послѣ обѣда господинъ и гости веселятся и пьютъ за здоровье другъ друга, пока не разъѣдутся по домамъ. Такимъ же образомъ и боярыни обѣдаютъ и пьютъ межъ себя, по достоинству, въ своихъ особыхъ покояхъ; а мужскаго полу у нихъ не бываетъ никого.

3. А случится которому боярину и ближнему человѣку женить своего сына, или самому, или брата и племянника женить, или дочь, или сестру и племянницу выдать замужъ, то они, межъ себя свѣдавъ у кого невѣсту, посылаютъ къ отцу той невѣсты, или къ матери, или къ брату, говорить друзей своихъ, мужчинъ или женщинъ. Посланные говорятъ, что тотъ человѣкъ прислалъ къ нему, велѣлъ говорить и спросить, ежели онъ захочетъ свою дочь или иного кого выдать замужъ за него самого, или за иного кого, и что будетъ за тою дѣвицею приданаго платьемъ и деньгами, и вотчинами, и дворовыми людьми. И тотъ человѣкъ, если хочетъ дочь свою, или иного кого, выдать замужъ, на тѣ рѣчи скажетъ отвѣтъ, что онъ дѣвицу свою выдать замужъ радъ, только подумаетъ о томъ съ женою своею и сродичами, а подумавъ дастъ отвѣтъ, когда можно; а если дать за него не хочетъ, зная что онъ пьяница, или сумасбродъ, или иной какой дурной обычай за нимъ знаетъ, и тѣмъ людямъ откажетъ, что ему дать за такого человѣка не можно, или чѣмъ-нибудь отговорится и откажетъ.

А если умыслитъ за него выдать, и жена и сродичи приговорятъ, то онъ, изготовя роспись, сколько за тою дѣвицею дастъ приданаго, денегъ и серебряной и иной посуды, и платья, и вотчинъ, и дворовыхъ людей, пошлетъ къ тѣмъ людямъ, которые къ нему отъ жениха приходили, а

тѣ люди передадутъ жениху; а дочери или кого-нибудь, о томъ не скажутъ, и она не вѣдаетъ ничего до замужества своего. И если тому жениху по тому приданому та невѣста полюбится, посылаетъ къ невѣстину отцу и къ матери говорить, черезъ ихъ же людей, чтобы они ему ту невѣсту показали; а какъ тѣ посланныя люди придутъ и говорить о томъ начнутъ, то отецъ или мать невѣсты скажутъ, что они дочь свою показать рады, только не ему, самому жениху, а отцу или матери, или сестрѣ, или родственницѣ, кому онъ, женихъ, самъ вѣритъ. И по тѣмъ ихъ словамъ посылаетъ женихъ смотрѣть мать свою или сестру, на который день приговорятъ. И той невѣсты отецъ и мать къ тому дню готовятся, невѣсту нарядятъ въ доброе платье, созовутъ гостей, родственниковъ и посадятъ ту невѣсту за столъ; а какъ та смотрильщица прiѣдетъ, и ее, честь воздавъ, посадятъ за столъ подлѣ невѣсты. Сидя за столомъ, за обѣдомъ, смотрильщица съ невѣстою переговариваетъ о всякихъ дѣлахъ, испытывая ея умъ и рѣчь, и всматривается въ лицо, и въ очи, и въ примѣты, чтобы сказать, прiѣхавъ къ жениху, какова она есть; и побывъ мало-ли, много-ли времени, она ѣдетъ къ жениху. И если той смотрильщицѣ та невѣста не полюбится, и она скажетъ жениху, чтобы онъ къ ней не сватался, что она глупа, или на лицо дурна, или на очи недобра, или хрома, или косноязычна, и женихъ отъ той невѣсты отстанетъ прочь и свататься не станетъ; а если та невѣста полюбилась, и скажетъ смотрильщица жениху, что добра и разумна и рѣчью и всѣмъ исполнена, женихъ посылаетъ къ невѣстину отцу и матери тѣхъ же первыхъ людей съ заявленiемъ, что онъ ту невѣсту излюбилъ, и хочетъ учинить сговоръ и записи написать, что ему на ней жениться на постановленный срокъ, и что они ту невѣсту также выдадутъ за него на тотъ-же срокъ. И той невѣсты отецъ и мать приказываютъ съ тѣми присланными людьми къ жениху, чтобы онъ прiѣхалъ къ нимъ для сговору съ немногими людьми, кому онъ въ такомъ дѣлѣ вѣритъ, такого-то дня до обѣда или послѣ обѣда. И женихъ, дождавшись того дня, нарядясь съ отцомъ своимъ, или сродичами, или съ друзьями, кого любитъ, поѣдетъ къ невѣстину отцу или матери; прiѣхавшаго невѣстинъ отецъ и родственники встрѣчаютъ и честь воздадутъ, какъ слѣдуетъ, и идутъ въ хоромы и садятся по чину; а посидѣвъ, начнетъ говорить жениха отецъ или иной родственникъ, что они прiѣхали къ нимъ для добраго дѣла, по его приказу; и господинъ дома своего отвѣчаетъ, что онъ радъ ихъ прiѣзду и хочетъ съ ними дѣлать сговорное дѣло. И они межъ себя, съ обѣихъ сторонъ, начнутъ уговариваться о всякихъ свадебныхъ статьяхъ и положатъ свадьбѣ срокъ, какъ кому можно къ тому времени изготовиться, за недѣлю и за мѣсяцъ и за полгода и за годъ и больше; и начнутъ между собою писать въ записяхъ своихъ имена, и третьихъ (посредниковъ), и невѣстино, а напишутъ, что ему по сговору ту невѣсту взять на прямой установленный срокъ, непремѣнно, а тому человѣку невѣсту за него выдать на тотъ же срокъ, непремѣнно; и положатъ въ томъ письмѣ межъ собою уговоръ, если женихъ на установленный срокъ дѣвицы не возьметъ, или отецъ своей дѣвицы на срокъ не выдастъ, взять на виноватомъ 1,000, 5,000 или 10,000 руб. денегъ, сколько кто напишетъ въ записи. И посидѣвъ у него въ гостяхъ, поѣвши и попивши, поѣдутъ къ себѣ, а невѣсту не показываютъ, и невѣста своего жениха не видитъ; а выходитъ въ то время ширинкою (платкомъ) дарить жениха отъ невѣсты мать, или замужняя сестра или какая родственница.

4. Если послѣ сговора женихъ провѣдаетъ про ту невѣсту, или

кто со стороны, желая ту невѣсту взять за себя или за сына, нарочно разстроитъ того жениха, что она въ дѣвствѣ своемъ нечиста, или глуха, или нѣма, или увѣчна, что-нибудь худого за нею приведетъ, и тотъ человѣкъ той невѣсты за себя не возьметъ,—тогда невѣстинъ отецъ и мать бьютъ челомъ о томъ патріарху, что женихъ по сговору своему и по условію невѣсты въ срокъ не взялъ и взять не хочетъ, и тѣмъ ее обезчестилъ; если той невѣсты отецъ и мать, провѣдавъ про того жениха, что онъ пьяница, или игрокъ, или уродливъ, или что-нибудь свѣдавъ худое, за него не выдаютъ и выдать не хотятъ, тогда женихъ бьетъ челомъ о томъ патріарху. И патріархъ велитъ то изслѣдовать, и на виноватомъ возьмутъ зарядъ (неустойку), сколько въ записи написано, и отдадутъ правому жениху или невѣстѣ; а послѣ того вольно ему жениться на комъ хочетъ, или невѣсту вольно выдать, за кого хотятъ-же.

5. А если съ обѣихъ сторонъ противъ писемъ своихъ исполнятъ и къ свадьбѣ изготовятся въ установленный срокъ, женихъ созываетъ къ себѣ на свадьбу родственниковъ и чужихъ людей, кто кому друженъ, въ чиновные люди и въ сидячіе бояре и боярыни (т.-е. свадебные чины, участвующіе и не участвующіе на свадебныхъ поѣздахъ); также и съ невѣстиной стороны созываютъ гостей такимъ-же образомъ. И въ тотъ день, въ который быть свадьбѣ, готовятъ у жениха и у невѣсты столъ и посылаютъ приглашенія, что ужъ жениху пора ѣхать за невѣстой, и они поѣдутъ по чину; напередъ несутъ коровайники, хлѣбъ на носилкахъ, потомъ ѣдутъ лѣтомъ на лошадяхъ верхами, а зимою въ саняхъ попъ съ крестомъ, потомъ бояре, тысяцкій и женихъ; а пріѣхавъ къ невѣстѣ на дворъ, идутъ въ хоромы, по чину, и невѣстинъ отецъ и гости встрѣчаютъ ихъ съ честью. А какъ будетъ имъ время ѣхать къ вѣнчанію, и дружки у отца и у матери новобрачной спрашиваются, чтобъ они новобрачнаго и новобрачную благословили ѣхать къ вѣнчанію, и они благословляютъ ихъ словомъ, а на отпускѣ отецъ и мать благословляютъ жениха и невѣсту образами, а потомъ, взявъ свою дочь за руку, отдаютъ жениху въ руки. И потомъ свадебный чинъ и попъ, и женихъ съ невѣстою вмѣстѣ, взявъ ее за руку, идутъ изъ хоромъ вонъ, а отецъ, мать и гости ихъ провожаютъ на дворъ, а женихъ, посадя невѣсту въ колымагу или въ возокъ, садится на лошадь или въ сани, также и весь свадебный чинъ, и ѣдутъ со двора къ той церкви, гдѣ вѣнчаться, а отецъ невѣстинъ и гости идутъ назадъ въ хоромы и пьютъ и ѣдятъ до тѣхъ поръ, пока будетъ отъ жениха вѣсть; а провожаетъ невѣсту только одна сваха ея, да женихова другая. Послѣ вѣнчанія ѣдутъ со всѣмъ поѣздомъ къ жениху на дворъ, и посылаютъ къ женихову отцу съ вѣстью, что вѣнчались въ добромъ здоровьѣ. И какъ пріѣдутъ къ жениху на дворъ, и ихъ жениховъ отецъ и мать и гости встрѣчаютъ, и отецъ и мать родные, и посаженые, жениха и невѣсту благославляютъ образами и подносятъ хлѣбъ да соль, и потомъ садятся за столы и начнутъ ѣсть, по чину; и въ то время невѣсту откроютъ. Послѣ третьей ѣствы (кушанья) дружки благословляются у отца и у матери новобрачному и новобрачной идти опочивать, и они ихъ благословляютъ; и отпустя и проводивъ, пойдутъ назадъ и начнутъ ѣсть и пить по прежнему. Передъ разъѣздомъ гости справляются о здоровьѣ жениха и невѣсты, пьютъ заздравныя чаши и посылаютъ къ невѣстинымъ родителямъ сказать, что женихъ и невѣста въ добромъ здоровьѣ, и потомъ всѣ гости разъѣзжаются.

6. А на утро женихъ ѣздитъ съ дружкою созывать къ себѣ гостей,

къ обѣду, своихъ и невѣстиныхъ. А пріѣхавъ къ невѣстину отцу и матери, бьетъ челомъ имъ за то, что они дочь свою вспоили и вскормили и замужъ выдали, и, созвавъ гостей, поѣдетъ къ себѣ домой. А какъ къ нему гости всѣ съѣдутся, и новобрачная свадебнымъ чиновнымъ людямъ подноситъ дары. И передъ обѣдомъ онъ, женихъ, ѣздитъ со всѣмъ поѣздомъ челомъ ударить къ царю. А какъ пріѣдутъ и войдутъ въ палату къ царю, всѣ кланяются въ землю, а царь въ то время сидитъ и спрашиваетъ про жениховo и невѣстино здоровье, сидя въ шапкѣ: и женихъ кланяется въ землю; и потомъ царь поздравляетъ ихъ съ законнымъ бракомъ и благословляетъ жениха и невѣсту образами окладными, и даетъ жалованье по сороку соболей да на платье по куску бархату и атласу и объяри золотой, и по куску же атласу, и камки, и тафты простой, да по сосуду серебряному вѣсомъ фунта по полтора, или по два сосуда. А невѣста сама у царя не бываетъ. Подаетъ царь тысяцкому и свадебному чину питья по кубку романеи, а потомъ по ковшу меду вишневаго, а какъ они выпьютъ, царь отпуститъ ихъ къ себѣ домой. А пріѣхавъ домой, женихъ со всѣми гостями начнутъ ѣсть и пить, а послѣ ѣды мать и гости благословляютъ жениха и невѣсту образами и дарятъ, у кого что прилучилось, и поѣвши и попивши, разъѣзжаются по домамъ. А на третій день бываетъ женихъ и невѣста и гости у невѣстина отца и матери, со всѣми своими гостями, на обѣдѣ, и послѣ обѣда невѣстинъ отецъ и мать и гости также дарятъ жениха и невѣсту; и поѣвши и попивши, разъѣдутся по домамъ; больше того у нихъ веселья не бываетъ.

Въ то время, какъ женихъ бываетъ у царя, невѣста отъ себя посылаетъ къ царицѣ и къ царевнамъ дары, убрусы (полотенца) тафтяные, шитые золотомъ и серебромъ съ жемчугомъ: и у нихъ тѣ дары царица и царевны принимаютъ и посылаютъ отъ себя спрашивать невѣсту о здоровьѣ.

А на свадьбахъ дѣвицъ и музыки никакой не бываетъ, кромѣ того, что въ трубки трубятъ и бьютъ въ литавры.

Тоже бываетъ, когда кто дочь свою вдову, или дѣвицу сестру и племянницу, выдаетъ замужъ: и свадебный чинъ и свадебный пиръ бываютъ такимъ же образомъ.

7. Такимъ же образомъ свадебные сговоры и свадьба, и чинъ у стольниковъ, у стряпчихъ, у дворянъ и у иныхъ людей бываетъ, какъ выше сего писано и какъ кто можетъ по силѣ своей славную и честную свадьбу учинить; но ѣздятъ къ царю челомъ ударить только одни думные люди и спальники и ихъ дѣти самыхъ большихъ родовъ.

Также и межъ торговыхъ людей и крестьянъ свадебные сговоры и чинъ бываютъ въ томъ же порядкѣ во всемъ; но только въ поступкахъ ихъ и въ платьѣ съ дворянскимъ чиномъ разнятся, смотря по состоянію.

А въ домахъ они своихъ живутъ также, кто какой чести и чиномъ, безъ великаго устроенія. И самымъ меньшимъ чинамъ домовъ своихъ построить добрыхъ не можно, потому что говорятъ о нихъ, что богатство многое имѣютъ, и ежели построится домомъ какой приказный человѣкъ, оболгутъ царю и многія кривды учинятъ, что будто онъ былъ взяточникъ и злоиматель, царской казны не берегъ, или казну воровски кралъ, и отъ того злого слова тому человѣку и не во время будетъ болѣзнь и печаль; или ненавидя, его пошлютъ на иную царскую службу, котораго дѣла ему исправить не можно, и наказъ ему напишутъ такой, что онъ изъ него выразумѣть не умѣетъ, и посему службою прослу-

жится (провинится), и ему бываетъ наказаніе: домъ, имущество и вотчины возьмутъ на царя и продадутъ тому, кто хочетъ купить. А если торговый человѣкъ и крестьянинъ построится добрымъ обычаемъ, и на него положатъ на всякій годъ податей больше. И оттого Московскаго государства люди домами своими живутъ негораздо устроенными, а города и слободы безъ устроенія же.

10. А если у котораго отца или матери есть двѣ или три дочери дѣвицы, и первая дочь увѣчна очами, или рукою, или ногою, или глуха и нѣма, а другія сестры ростомъ, красотою и рѣчью исполнены (исправны) и во всемъ здоровы; и если кто начнетъ свататься у того человѣка на дочери его и посылаетъ смотрѣть мать свою или сестру и кому вѣритъ, и тѣ люди вмѣсто той своей увѣчной дочери, назвавъ именемъ той дочери, за которую, не зная, начнутъ свататься, показываютъ другую или третью дочь, и та присланная, видѣвъ, излюбитъ ту дѣвицу и скажетъ жениху, что она добра и жениться ему на ней можно; и какъ женихъ по тѣмъ словамъ полюбитъ, и о свадьбѣ у нихъ съ отцемъ и съ матерью учинится сговоръ, что ему на той именемъ дѣвицѣ жениться на срокъ, а тому человѣку ту свою дѣвицу за него выдать на тотъ же уставленный срокъ, и напишутъ въ письмѣ своемъ неустойки великія; а какъ будетъ свадьба, и въ то время за того жениха по сговору выдаютъ они замужъ увѣчную или худую свою дочь, имя которой въ записяхъ напишутъ, а не ту, которую сперва смотрильщицѣ показывали, и тотъ человѣкъ, женяся на ней, того дня въ лицо ее не усмотритъ, что она слѣпа, или крива, или что иное худое, или въ словахъ не услышитъ, что она нѣма или глуха, потому что въ ту свадьбу бываетъ закрыта и не говоритъ ничего, также если хрома и руками увѣчна, и того также не узнаетъ, потому что въ то время ее водятъ свахи подъ руки, а какъ послѣ вѣнчанія увидитъ, что добрѣ (очень) добра, вѣкъ съ нею жить, а всегда плакать и мучиться,—и задумаетъ учинить надъ нею, чтобы она постриглась; а если по доброй волѣ сего не сдѣлаетъ, не пострижется, и онъ ее бьетъ и мучитъ всячески до тѣхъ поръ, пока она захочетъ постричься сама. И если которая жена бываетъ противна, побоевъ его и мученія не терпитъ, жалуется сродичамъ своимъ, что мужъ живетъ съ нею не въ совѣтѣ и бьетъ и мучитъ, и тѣ сродичи на того человѣка бьютъ челомъ патріарху или большимъ властямъ, и по тому челобитью власти велятъ разслѣдовать дѣло, допросить дворовыхъ и сосѣдей: и если правда, то того человѣка сошлютъ въ смиреніе, въ монастырь, на полгода или на годъ, а жена его останется въ домѣ; и какъ урочные мѣсяцы въ монастырѣ отсидитъ, или до того времени жена объ немъ начнетъ бить челомъ, чтобы былъ освобожденъ, и его освободятъ и велятъ ему жить съ нею по закону; а если и того не послушаетъ, ихъ разведутъ, и имѣнье ихъ имъ раздѣлятъ пополамъ, и до семи лѣтъ имъ одному жениться на другой, а другой за иного идти замужъ не позволено. А иногда человѣкъ, видя свою жену увѣчную или несовѣтливу, отступя отъ нея, самъ пострижется; иные мужья и жены больше того дѣлаютъ: прибѣгаютъ къ отравамъ.

11. А котораго человѣка обманутъ: выдадутъ за него дѣвицу не ту, которую показывали смотрильщицѣ, бьетъ онъ челомъ о томъ патріарху и властямъ: и по его челобитью возьмутъ у нихъ зарядныя записи и допрашиваютъ сосѣдей и дворовыхъ людей по душамъ, что впрямь ли выдана та, которая въ записи стоитъ именемъ? И если та, и потому такъ и быть противъ записей, и что скажутъ люди, а тому

не вѣрить, которую смотрѣлъ, для того, что не провѣдавъ подлинно, не женися; а если сосѣди и стороннiе и дворовые люди скажутъ, что выдалъ дочь свою не ту, которая въ записи написана, и такихъ мужа и жену разведутъ, да и съ того, кто неправдою выдалъ, возьмутъ пеню большую и убытки жениховы, да его же за такое воровство бьютъ кнутомъ, или еще подчасъ бываетъ больше того, каково полюбится царю.

12. Также у котораго отца одна дочь дѣвица, а увѣчна будетъ чѣмъ-нибудь худымъ, и вмѣсто нея обманомъ показываютъ нарочно служащую дѣвку или вдову, назвавъ именемъ инымъ и нарядя въ платье въ иное. А если которая дѣвица ростомъ невелика и подъ нее подставляютъ стулья, чтобы казалась доброродна, а на чемъ стоитъ, того не видать.

13. А которыя дѣвицы бываютъ увѣчны и стары, и замужъ ихъ взять за себя никто не хочетъ, такихъ дѣвицъ отцы и матери постригаютъ въ монастыряхъ, безъ замужества.

14. А который человѣкъ женихъ захочетъ смотрѣть невѣсту самъ, и по его прошенiю, отецъ или мать, вѣдая дочь свою, что ее передъ людьми показать не въ стыдъ, покажутъ тому жениху; и тотъ женихъ смотритъ на ту невѣсту, а послѣ того ему не полюбится, и ту невѣсту начнетъ хулить и поносить худыми и позорными словами, и другихъ жениховъ начнетъ отбивать отъ нея прочь, и той невѣсты отецъ или мать, или кто-нибудь, провѣдавъ о томъ, начнетъ о томъ бить челомъ патрiарху или властямъ, что тотъ человѣкъ невѣсту ихъ смотрѣлъ самъ, а послѣ ее хулитъ и безчеститъ и другихъ людей отбиваетъ, чтобъ о томъ они указъ чинили. И по изслѣдованiи патрiархъ и власти, смотря по тому, кто хулилъ и безчестилъ невѣсту, велятъ женить его на ней насильно, а если онъ женится до того челобитья на иной, той невѣстѣ возьмутъ безчестье, по указу.

15. А который человѣкъ выдастъ дочь свою или сестру замужъ и въ приданое за нею дастъ много имущества и вотчины, и въ скоромъ времени дочь его или сестра замужемъ, не родя дѣтей, или хотя дѣтей и родила, а померли, умретъ, то все приданое берутъ у мужа ея и отдаютъ назадъ тѣмъ людямъ, кто выдалъ. А если по смерти ея останется дочь или сынъ, и у мужа ея ради дѣтей имущества не отбираютъ.

Благоразумный читатель! Не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого обмана на дѣвокъ нѣтъ, какъ въ Московскомъ государствѣ: а такого у нихъ обычая не повелось, какъ въ иныхъ государствахъ, смотрѣть и уговариваться съ невѣстою предварительно самому.

16. Да бояре же и думные, и ближнiе люди въ домахъ своихъ держатъ людей, мужчинъ и женщинъ, человѣкъ по 100 и по 200, и по 300, и по 500, и по 1,000, сколько кому можно, смотря по своей чести и по имуществу; и даютъ тѣмъ людямъ жалованье погодное, женатымъ рубля по 2, по 3, по 5, по 10, смотря по человѣку и по службѣ ихъ, да имъ же платье, какое случится, хлѣбъ и всякiй харчъ помѣсячно; и живутъ они своими покоями на томъ же боярскомъ дворѣ. Да ихъ же женатыхъ добрыхъ людей посылаютъ бояре погодно въ вотчины свои, въ села и въ деревни, по приказамъ, по перемѣнамъ, и укажутъ имъ съ крестьянъ своихъ брать жалованье и всякiе поборы, чѣмъ бы имъ было поживиться. А холостымъ людямъ, большихъ статей, даютъ жалованье денежное по немногу, а меньшей статьи жалованья не дается, да имъ же холостымъ дается всякое платье, и шапки, и рубашки, и са-

ноги; и живутъ тѣ холостые люди большихъ статей въ нижнихъ дальнихъ покояхъ, и пьютъ и ѣдятъ въ боярской поварнѣ; да имъ же во всѣ праздничные дни дается по двѣ чарки вина. А женщины, вдовы, живутъ въ своихъ мужнихъ домахъ, и дается имъ годовое жалованье и мѣсячный кормъ; а иныя вдовы и дѣвицы живутъ у женъ ихъ боярскихъ и у дочерей въ покояхъ, и даютъ имъ платье, и ѣдятъ и пьютъ съ боярской же поварни. А какъ тѣ дѣвицы будутъ въ великомъ возрастѣ, и тѣхъ дѣвицъ и вдовъ выдаютъ они, бояре, замужъ, съ приданымъ, за своихъ дворовыхъ людей, кого кто излюбитъ, или, иногда бываетъ, выдаютъ неволею; а свадьбы играютъ въ ихъ боярскихъ хоромахъ, какъ чинъ повелся всякаго чину людямъ жениться; а ѣства и питье, и платье нарядное, бываетъ все боярское; а на сторону въ иные дворы дѣвицъ и вдовъ не выдаютъ, для того что тѣ люди у нихъ, мужчины и женщины, вѣчные (рабы) и кабальные (находящіеся въ рабахъ по договору). Да въ домахъ ихъ боярскихъ учинены приказы для всякихъ домовыхъ дѣлъ, и приходовъ, и расходовъ, и для сыску и расправы межъ дворовыхъ людей и крестьянъ.

Такимъ же обычаемъ и иныхъ чиновъ люди въ домахъ своихъ людей держатъ, кому сколько прокормить можно, вѣчныхъ и кабальныхъ; а не кабальныхъ людей въ домахъ своихъ держать не велѣно никому.

СІХ. Обстановка частной жизни въ Московскомъ государствѣ.

(*Изъ ст. Костомарова: «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст.», помѣщ. въ «Современникѣ»*).

Дворы въ нашей старой Руси были очень просторны. Это видно уже изъ того, что, для предохраненія отъ пожаровъ, приказывали варить кушанье и печь хлѣбы далеко отъ жилыхъ строеній въ городахъ. Встарину, при великихъ князьяхъ, въ Москвѣ были дворы, принадлежавшіе князьямъ, до того огромные, что дѣлились какъ удѣлы, и даже два князя владѣли однимъ дворомъ. Въ завѣщаніи Іоанна III о дворахъ, данныхъ имъ своимъ дѣтямъ, говорится о томъ, что въ нихъ заводили торги, и о разныхъ судныхъ дѣлахъ, касавшихся живущихъ въ этихъ дворахъ: это указываетъ на обширность и населенность такихъ дворовъ. Велики были дворы архіереевъ и монастырскія подворья въ городахъ и посадахъ. Иногда дворы посадскихъ, если въ посадѣ было много мѣста, простирались до пятидесяти и до шестидесяти саженъ въ длину. Дворы, по возможности, старались располагать на возвышенныхъ мѣстахъ для безопасности отъ полой воды и зимнихъ сугробовъ. Такое правило наблюдалось въ селахъ и деревняхъ при постройкѣ усадебъ владѣльцевъ. Кругомъ дворы огораживались заборомъ, иногда острымъ тыномъ. Въ Москвѣ были усадьбы съ деревянными постройками и каменными оградами. Домовитый хозяинъ старался оградить свою усадьбу такъ, чтобы черезъ нее никакое животное не пролѣзло, и чтобы отъ сосѣдей не могли приходить слуги къ его слугамъ. Издревле существовалъ обычай надъ главными воротами городовъ надстраивать часовни и даже церкви: такъ было, между прочимъ, въ старинномъ Кіевѣ, гдѣ надъ Золотыми воротами была соору-

жена церковь Благовѣщенія. Сообразно этому обычаю, главные входы во дворъ получали нѣкотораго рода священное значеніе; надъ воротами зажиточныхъ частныхъ людей почти всегда ставили образа въ кіотахъ. Ни въ день, ни въ ночь ворота не оставляли отворенными; днемъ они были только приперты, а ночью заперты на замокъ, и тогда по двору спускали съ цѣпи собакъ. У воротъ строилась караульная избушка, называемая воротнею.

Въ самой Москвѣ въ XVI в. большею частью зданія были деревянныя. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ началъ распространяться вкусъ на каменныя постройки. Алексѣй Михайловичъ его поддерживалъ. Уже по смерти царя Алексѣя въ 1681 г. приказано было въ Кремлѣ, Китай-городѣ и Бѣломъ городѣ строить исключительно одни каменныя строенія, и для этого выдавали изъ Приказа Большаго дворца хозяевамъ на постройку кирпичъ по полтора рубля за тысячу съ разсрочкою на десять лѣтъ, а тѣмъ, которые не имѣли средствъ сооружать каменныя постройки, приказано дѣлать вокругъ дворовъ по крайней мѣрѣ каменныя ограды. Форма домовъ была четвероугольная. Деревянные домы дѣлались изъ сосновыхъ, иногда же изъ дубовыхъ цѣльныхъ брусьевъ. Складывали брусья съ большимъ умѣньемъ, по замѣчаніямъ иностранцевъ, такъ плотно, что не оставалось ни малѣйшей скважины для прохода воздуха, и притомъ не употребляли въ цѣломъ домѣ ни одного гвоздя; для теплоты обивали ихъ еще мхомъ; мохъ клали также по створкамъ дверей и оконъ. Дома строились не рядомъ съ воротами, а посрединѣ отъ главныхъ воротъ пролегала къ жилью дорога, иногда мощеная, которую добрый хозяинъ содержалъ постоянно въ чистотѣ. Вмѣсто того, чтобъ по надобности строить большой домъ или дѣлать къ нему пристройки, на дворѣ сооружали нѣсколько жилыхъ строеній, которыя имѣли общее названіе хоромъ. Надворныя постройки вообще были жилыя и служебныя или кладовыя. Жилыя носили наименованія: избы, горницы, повалуши, сѣнники. Изба была общее названіе жилого строенія. Горница, какъ показываетъ самое слово, было строеніе горнее или верхнее, надстроенное надъ нижнимъ и обыкновенно чистое и свѣтлое, служившее для пріема гостей. Названіе повалуши сохранилось теперь въ восточныхъ губерніяхъ и означаетъ кладовую, обыкновенно холодную. Сѣнникомъ называлась комната холодная, часто надстроенная надъ конюшнями и амбарами, служащая лѣтнимъ покоемъ.

Начиная отъ царскихъ до зажиточныхъ посадскихъ способъ расположенія жилыхъ строеній былъ въ главныхъ своихъ чертахъ одинаковъ въ Русской землѣ. У царей для каждаго члена семейства строили особыя хоромы даже тогда, когда эти новые хозяева не выходили еще изъ дѣтскаго возраста. Точно также и у зажиточнаго крестьянина для братьевъ, сыновей и племянниковъ хозяина строились избы, соединенныя между собою: иногда двѣ и три избы подъ одною кровлею соединялись между собою сѣнями, иногда нѣсколько избъ связывались переходами. Такой своеобразный способъ постройки какъ будто выражалъ сочетаніе родового единства съ личною и семейною отдѣльностью, и дворъ русскаго зажиточнаго человѣка напоминалъ собою древнюю удѣльную Русь, гдѣ каждая земля стремилась къ самобытности и всѣ вмѣстѣ не теряли между собою связи. Въ числѣ причинъ, побуждавшихъ такимъ образомъ располагать жилыя помѣщенія, было и то, что при такомъ способѣ постройки удобнѣе было по смерти владѣльца наслѣдникамъ раздѣлиться между собою, а въ случаѣ, еслибъ кто пожелалъ выселиться и завести

собственный дворъ, ему легче было бы перенести на новое мѣсто то, что ему досталось изъ строеній по раздѣлу. У простолюдиновъ избы были черныя, т.-е. курныя безъ трубъ; дымъ выходилъ въ маленькое волоковое окно; при собственно такъ называемыхъ избахъ были пристройки, называемыя комнатами. Въ этомъ пространствѣ жилъ бѣдный русскій мужикъ, какъ живетъ во многихъ мѣстахъ и теперь, съ своими курами, свиньями, гусями и телятами, посреди невыносимой вони. Печь служила логовищемъ цѣлому семейству; отъ печи поверху подъ потолокъ придѣлывались полати. Курныя избы были въ XVI вѣкѣ и въ самой Москвѣ. Зажиточные люди обыкновенно строили себѣ домы въ два жилья, нерѣдко съ надстройкою наверху, которая придавала дому снаружи видъ трехъяруснаго. Предъ входомъ стояло крыльцо. Въ низкихъ одноэтажныхъ избахъ, вмѣсто крыльца со ступенями, былъ деревянный помостъ, называемый передмостьемъ. Въ простыхъ деревянныхъ домахъ оно ограживалось только перилами. Въ богатыхъ домахъ крыльца дѣлались съ кувшинообразными колоннами и покрывались остроконечными кровлями. Входъ въ нижній этажъ чаще всего былъ чрезъ особую отъ крыльца дверь или извнутри: ступени крыльца вели обыкновенно на террасу, называемую *рундукомъ*, потомъ прямо въ сѣни второго яруса. Соотвѣтствующая ему часть въ нижнемъ этажѣ дополнялась также сѣньми и называлась подсѣнье. Какъ сѣни, такъ и подсѣнье пристраивались съ двухъ сторонъ дома, и однѣ были переднія, другія заднія. Въ этихъ сѣняхъ и подсѣньяхъ дѣлались чуланы и коморки, иногда свѣтлыя, иногда темныя. Нижній этажъ назывался подклѣтомъ, и за единицу зданія принимался второй, такъ что говорилось: изба на подклѣтѣ, горница на подклѣтѣ, Подклѣты были жилые и глухіе. Въ первомъ случаѣ они служили для прислуги и для исправленія домашнихъ службъ, а во-вторыхъ для кладовыхъ, или же въ нихъ устраивались мыльни. Стоящій на подклѣтѣ второй этажъ занималъ хозяйское жилье. У людей посредственнаго состоянія они заключали по три, а иногда только по два покоя: горницу, собственно такъ называемую, и комнату; иногда къ нимъ пристраивалась кухня; но чаще кухня была въ особой избѣ, называемой поварнею. Иногда въ одномъ строеніи была два, а въ другомъ три покоя, напримѣръ, горница съ комнатою, слѣдовательно два покоя и повалуша о трехъ жильяхъ; или же число потребныхъ покоевъ замѣняли отдѣльныя строенія, напр., горница съ комнатою (слѣдовательно два покоя) и повалуша о трехъ жильяхъ; или же число потребныхъ покоевъ замѣняли отдѣльныя строенія, напр., двѣ горницы на подклѣтяхъ и три повалуши, соединенныя между собою сѣньми. Люди богатые, часто учреждавшіе у себя пиры и приглашавшіе много гостей, строили для своихъ парадныхъ обѣдовъ особыя избы въ одинъ покой съ сѣньми, такъ называемыя столовыя. Вообще же въ одномъ строеніи не было больше трехъ, рѣдко четырехъ покоевъ. Даже у царей было только четыре покоя; передняя, крестовая, комната (кабинетъ) и спальня.

Надстройки надъ горницами назывались чердаками, а надъ сѣньми— вышками. Иногда чердаки дѣлались четвероугольными зданіями, менѣе второго этажа по объему, и заключали одну свѣтлую комнату, иногда же образовали третій этажъ, равный второму. Вообще чердаки или верхніе этажи дѣлались свѣтлые и убирались красивѣе среднихъ. Они собственно были то, что называлось теремами, которымъ на поэтическомъ языкѣ старой Руси усвоивался эпитетъ высокихъ. Впрочемъ, названіе терема усвоивалось и второму или среднему этажу, если надъ нимъ не было

верхней надстройки. Иногда и надъ чердакомъ или теремомъ дѣлалась еще четвертая надстройка—небольшая башенка или смотрильня. Самая обычная мѣра покоевъ вообще была отъ двухъ до трехъ саженъ длиною, а въ ширину или столько же, или немного менѣе. Въ простыхъ русскихъ избахъ окна были волоковыя для пропуска дыма. По надобности на нихъ натягивали кожу. Вообще эти отверстія въ избахъ бѣдныхъ были малы для сохраненія теплоты, и когда ихъ закрывали, то въ избѣ среди дня было почти темно. Извнутри окна заслонялись втулками, обитыми красною матеріею, а съ наружной стовоны желѣзными ставнями. Вмѣсто стеколъ употребляли чаще слюду. Слюду расписывали красками и фигурами птицъ, звѣрей, травъ, листьевъ и проч. Стекла были мало въ употребленіи.

Весь дворъ зажиточнаго человѣка, кромѣ домовъ для помѣщенія семейства, заставленъ былъ множествомъ людскихъ избъ и службъ. Одного рода людскія избы были очень просторны и назывались семейныя. Тамъ жило по нѣскольку семействъ холоповъ. Другія были маленькія избушки и назначались для помѣщенія избранной прислуги; для кухни и печенія хлѣбовъ служили особыя строенія: поварня и хлѣбня. Необходимая принадлежность всякаго порядочнаго двора была мыльня. Для храненія домашняго имущества строились клѣтки. При усадьбахъ были сады и огороды; обычай заводить ихъ при домахъ наблюдался въ Москвѣ и въ XVI, и въ XVII вѣкахъ. Иностранцы, посѣщавшіе русскую столицу, замѣчали, что въ ней трудно было найти дворъ, гдѣ бы не было сада. Обыкновенныя дерева были: яблони, которыя сажались одна отъ другой сажени на три, и ягодныя растенія; встрѣчались также груши; вишенъ было мало. Между деревьями копались гряды, на которыхъ сажали огурцы, морковь, рѣпу и другую огородную зелень; поэтому обыкновенно садъ былъ вмѣстѣ и огородомъ. Лѣсныя деревья садились рѣдко, и если встрѣчались въ садахъ, то преимущественно или пахучія, какъ напр., черемуха, или особенно нарядныя, какъ напр., рябина или калина.

Главное украшеніе домовъ составляли образа: не было въ домѣ покоя, гдѣ бы ихъ не висѣло нѣсколько, и чѣмъ хозяинъ былъ зажиточнѣе, тѣмъ болѣе это выказывалось множествомъ образовъ. Въ домѣ зажиточнаго хозяина, кромѣ множества образовъ, во всѣхъ покояхъ жилыхъ и глухихъ, была одна комната, гдѣ стояли исключительно образа во всю стѣну, на подобіе церковнаго иконостаса; тамъ происходило домашнее моленіе.

Въ порядочномъ домѣ полы были покрыты коврами, у менѣе зажиточныхъ рогожами и войлоками. Въ сѣняхъ у дверей лежала непремѣнно рогожа или войлокъ для обтиранья ногъ, потому что калошъ никто не носилъ. Для сидѣнья служили лавки, придѣланныя къ стѣнамъ наглухо. Если стѣны были обиты, то и лавки обивалась тѣмъ же, чѣмъ стѣны; но, сверхъ того, на нихъ накладывались куски матеріи, называемые полавочниками. Полавочники въ будни клались суконные, а въ праздники изъ шелковой матеріи, подбитые какою-нибудь простою тканью и отороченные кускомъ матеріи другого цвѣта. Кромѣ лавокъ, для сидѣнья дѣлались еще скамьи и стольцы. Скамьи были шире лавокъ, напр., до двухъ аршинъ шириною, длиною дѣлались до четырехъ аршинъ; въ одномъ концѣ ихъ придѣлывалось возвышеніе, называемое приголовникомъ. На нихъ не только садились, но и ложились отдыхать послѣ обѣда. Онѣ накрывались, какъ и лавки, полавочниками. Иныя скамьи служили по-

стоянно кроватями. Стольцы были четвероугольныя табуреты для сидѣнья одному лицу и также накрывались кускомъ матеріи. Кресла и стулья составляли роскошь царскаго двора и знатныхъ бояръ. Столы дѣлались деревянные, большею частью дубовые, длинные и узкіе; у зажиточныхъ людей иногда ихъ разрисовывали изображеніями изъ св. писанія, а бока и ножки украшали рѣзьбою. Въ будни столы накрывались полотняными и суконными кусками, въ праздники бархатными, атлабасовыми, камковыми подскатертниками съ золотошвейными каймами. Всѣ эти покрывала вообще на столахъ, окнахъ и лавкахъ назывались хоромнымъ нарядомъ. Стѣнныхъ зеркалъ у русскихъ вовсе не было, церковь не одобряла ихъ употребленія; духовнымъ лицамъ соборъ 1666 г. положительно запретилъ имѣть зеркала въ своихъ домахъ; благочестивые люди избѣгали ихъ, какъ одного изъ заморскихъ грѣховъ, только зеркала въ маломъ форматѣ привозились изъ-за границы въ большомъ количествѣ и составляли принадлежность женскаго туалета. Также точно старинное благочестіе избѣгало стѣнныхъ картинъ и эстамповъ, не допуская другихъ украшеній въ этомъ родѣ, кромѣ иконъ; но въ XVII в. мало-по-малу начали входить въ домашній обиходъ картины и эстампы, сначала въ царскихъ хоромахъ, потомъ у знатныхъ лицъ. Кроватью въ старину служила прикрѣпленная къ стѣнѣ скамья или лавка, къ которой приставляли другую лавку. На этихъ лавкахъ клали постель, состоявшую изъ трехъ частей: пуховика или перины, изголовья и подушекъ. Вообще постели были принадлежностью только богатыхъ людей, да и у тѣхъ стояли болѣе для вида въ своемъ убранствѣ, а сами хозяева охотнѣе спали на простой звѣриной шкурѣ или на матрасѣ. У людей средственнаго состоянія обычною постелью служили войлоки, а бѣдные поселяне спали на печахъ, постлавши подъ головы собственное платье, или же на голыхъ лавкахъ. Дѣтскія колыбели дѣлались висячія, всегда широкія и длинныя, для того, чтобы дитя могло свободно рости, а внутри ихъ всегда привѣшивались иконы или крестики. Для украшенія въ домахъ зажиточные люди раскладывали разныя драгоцѣнныя бездѣлки въ родѣ слѣдующихъ: серебряныя яблочки, позолоченное изображеніе пѣтуха съ бѣлымъ хвостомъ на поддонѣ, мужичекъ серебряный, костяной городъ съ башнями. Часы составляли рѣдкость. Столовая посуда для пищи и питья носила общее названіе судковъ. За столомъ жидкая пища разливалась въ мисы: у богатыхъ онѣ были серебряныя, у небогатымъ оловянныя и деревянныя. Твердыя кушанья приносились на блюдахъ. Были блюда разной фигуры и различной величины, приспособленныя къ извѣстному роду кушаньевъ, и поэтому назывались: блюдо гусиное, блюдо лебяжье. На однихъ блюдахъ приносили кушанья изъ поварни, другія оставались передъ гостьми, такъ чтобъ два человѣка и болѣе могли ѣсть съ одного блюда. Послѣдняго рода блюда назывались блюдцами. Тарелки (торели) не были въ повсемѣстномъ употребленіи, и тамъ, гдѣ онѣ ставились передъ гостями, не перемѣнялись во все продолженіе обѣда, а поэтому въ домахъ ихъ было немного. Ложки у богатыхъ дѣлались серебряныя позолоченныя съ фигурою на концѣ рукоятки и съ надписью, кому принаддежитъ. Ножи въ богатыхъ домахъ оправлялись золотомъ и серебромъ съ драгоцѣнными камнями; ихъ не подавали гостямъ, потому что кушанье предлагалось уже разрѣзанное. Вилки были двузубыя, а иногда ихъ вовсе не клали. Салфетки не употреблялись: обтирали руки полотенцемъ или краемъ скатерти. Но необходимою принадлежностью столоваго прибора почитались: солоница,

уксусница и перечница, иногда горчичница. Столовые сосуды для приноса питій были: ендовы, кувшины, кружки, чаши, кубки, ковши. Эти сосуды изъ серебра, часто позолоченные, наполняли поставцы знатныхъ и богатыхъ людей и составляли домашнюю роскошь. Въ отношеніи работы они были разныхъ видовъ, напр., гладкіе, граненые, чеканные. Кромѣ узоровъ травъ и фигуръ, было въ обычаѣ дѣлать на сосудахъ разныя надписи, какъ-то: о количествѣ вѣса, имя вдадѣльца вещи и приличныя изреченія изъ священнаго писанія или изъ житейской мудрости. Чтобъ имѣть понятіе о родѣ тѣхъ надписей, которыя заключали въ себѣ изреченія, приведемъ въ примѣръ чарку, на которой надписано по ободу: *Чарка добра человѣку, пить изъ нея на здравіе, хваля Бога, про государево многолѣтнее здоровье;* внутри другая: *Не злись, смирись, человѣче, желаешь славы земныя, за то не наслѣдишь небесныя*; по бокамъ вокругъ: *Зри, смотри, люби и не проси.* Простой народъ довольствовался деревянными сосудами, которые имѣли ту же форму, какъ и драгоцѣнные, и носили тѣ же названія. Эти деревянныя издѣлія украшались рѣзьбою, которая издавна составляла любимое украшеніе вещей для небогатаго класса.

Старинная русская одежда представляетъ съ перваго вида большую сложность и разнообразіе, но, присмотрѣвшись къ частностямъ ея, легко узнать во множествѣ наименованій больше сходства, чѣмъ отличія. Вообще одежда была одинакова по покрою какъ у царей, такъ и у крестьянъ, носила одни и тѣ же названія и отличалась только степенью убранства. Обувь простого народа была: лапти изъ древесной коры, обувь древняя, употребительная во времена язычества; носили башмаки, сплетенные изъ прутьевъ лозы; нѣкоторые же носили подошвы изъ кожи и подвязывали ихъ ремнями, обмотанными вокругъ ноги. Обувь людей съ достаткомъ составляли сапоги, чоботы, башмаки и ичетыги. Всѣ эти виды дѣлались изъ телячьей кожи, изъ коровьяго опойка, изъ конской кожи и юфти, у богатыхъ—изъ сафьяна. Сапоги были до колѣнъ и служили вмѣсто штановъ для нижней части тѣла. Чоботы были полусапожки съ остроконечными, загнутыми кверху, носками. Башмаки были принадлежностью не только женщинъ, но и мужчинъ; при нихъ носили ичетыги, т.-е. сафьянные чулки. Сапоги, чоботы, башмаки, ичетыги были всегда цвѣтные, чаще всего красные и желтые; они расшивались золотомъ особенно въ верхнихъ частяхъ и голенищахъ, съ изображеніями единороговъ, листьевъ, цвѣтовъ и проч., и унизывались жемчугомъ; особенно женскіе башмаки украшались такъ густо, что не видно было сафьяну. Рубахи у простонародія были холщевыя; у знатныхъ и богатыхъ—шелковыя. Русскіе любили красныя рубахи и считали ихъ нарядныммъ бѣльемъ; у знатныхъ и богатыхъ вышивали рукава, грудь, воротникъ, который назывался ожерельемъ. Русскіе штаны или порты шились безъ разрѣзовъ, съ узломъ, такъ что посредствомъ его можно было дѣлать ихъ шире и уже. У бѣдныхъ они дѣлались изъ холста, бѣлаго и крашеннаго, изъ сермяги, т.-е грубой шерстяной ткани; у зажиточныхъ—изъ суконъ. Лѣтомъ богатые надѣвали тафтяные штаны или изъ какой-нибудь другой легкой шелковой матеріи. У царей (вѣроятно, и у бояръ) иногда были штаны изъ тяжелыхъ шелковыхъ тканей.

Вообще русскіе штаны достигали только до колѣнъ, дѣлались съ карманами и были разныхъ цвѣтовъ, чаще всего красные. На рубаху и штаны надѣвались три одежды одна на другую. Исподняя была домашняя, въ которой сидѣли дома, если же нужно было идти въ гости или

принимать гостей, то надѣвалась на нее другая; третья была накидная для выхода. Хотя существуетъ много названій одеждъ, но всѣ эти названія относятся къ какому-нибудь изъ этихъ трехъ видовъ. Исподняя одежда называлась зипунъ, какъ у царей, такъ и у крестьянъ. Это было платье узкое, короткое, часто не доходившее до колѣнъ, въ родѣ камзола. У людей простыхъ и небогатыхъ зипуны дѣлались изъ крашенины, зимніе изъ сермяги, у людей состоятельныхъ изъ легкой шелковой матеріи, напримѣръ, тафты, часто бѣлаго цвѣта, съ пуговицами. Иногда рукава къ нему придѣлывались изъ другой какой-нибудь матеріи; но часто зипуны были совсѣмъ безъ рукавовъ. На зипунъ надѣвали вторую одежду. Самый обыкновенный и повсемѣстный видъ этого рода одежды былъ кафтанъ, достигавшій до пятъ или же только до икръ, чтобъ оставлять на показъ раззолоченные сапоги. Рукава его были чрезвычайно длинны, достигали до земли и сбирались въ складки, такъ что ладонь можно было по произволу закрывать и оставлять открытою, и такимъ образомъ концы рукавовъ замѣняли перчатки. Въ зимнее время эти рукава служили вмѣсто муфты отъ стужи, а рабочіе люди посредствомъ ихъ могли удобно брать вещи, до которыхъ нельзя касаться голыми руками, напримѣръ, горячую посуду. Разрѣзъ на кафтанѣ былъ только спереди и оторочивался тесьмою. Вдоль по кафтану, параллельно съ разрѣзомъ, по обѣимъ сторонамъ дѣлались нашивки изъ другой матеріи и другого цвѣта, въ видѣ четыреугольниковъ или круговъ, и на эти нашивки пришивались завязки съ кистями и снурки, чтобъ застегать кафтанъ; иногда же вмѣсто завязокъ дѣлали на одной сторонѣ висячія петли, на другой прикрѣпляли пуговицы. Зимніе кафтаны дѣлались на мѣхахъ, но обыкновенно легкихъ, напримѣръ, на собольихъ пупкахъ или на бѣлыхъ черевахъ; такіе теплые кафтаны назывались кожухами. Ферезями назывались одежды, надѣваемыя также на зипуны; мало отличалась эта одежда отъ кафтана. Верхнія или накидныя одежды были: опашень, охабень, однорядка, ферезѣя, епанча и шуба. Опашень была лѣтняя одежда; осенью и весною и вообще въ ненастную и сырую погоду надѣвали однорядку. Какъ опашень, такъ и однорядка дѣлались широкіе, длиною до пятъ, съ длинными рукавами: съ кружевами по краямъ разрѣза, нашивками по бокамъ вдоль разрѣза, застегались пуговицами; иногда къ воротнику пристегалось ожерелье. Опашни дѣлались изъ сукна, у богачей нерѣдко изъ шелковыхъ матерій; однорядка всегда изъ сукна. Охабень былъ плащъ съ рукавами и съ капюшономъ сзади. Ферезѣя—плащъ съ рукавами; она надѣвалась во время дороги. Епанча была двухъ родовъ: одна дорожная изъ верблюжьей шерсти или грубаго сукна, другая — нарядная изъ богатой матеріи, подбитая мѣхомъ больше для пышности, чѣмъ для тепла. Послѣдняго рода епанчу надѣвали, когда выѣзжали верхомъ и красовались предъ народомъ; онѣ дѣлались безъ рукавовъ и безъ прорѣхъ для рукъ, накидывались на плечи и застегивались на шеѣ пуговицами или завязками. Шубы были самымъ нарядньмъ платьемъ для русскаго, потому что русскіе, при бѣдности природы своего отечества, только и могли щеголять передъ другими народами, что мѣхами. Множество мѣховъ въ домѣ составляло признакъ довольства и зажиточности. Случалось, что русскіе не только выходили въ шубахъ на морозъ, но сидѣли въ нихъ въ комнатахъ, принимая гостей, чтабы выказать свое богатство. У бѣдныхъ были шубы овчинныя, или тулупы, и заячьи, у людей средственнаго соотоянія бѣличьи и куньи, у богатыхъ собольи и лисьи разныхъ видовъ. Шубы различались въ

этомъ отношенiи на нарядныя и санныя. Въ первыхъ только ходили въ церковь, въ гости, да являлись дома передъ гостями на показъ; въ последнихъ выѣзжали въ дорогу.

Всѣ носили пояса, и считалось неприличнымъ ходить безъ пояса. Кромѣ опоясокъ на рубахѣ, носили пояса или кушаки по кафтану и щеголяли ими не меньше, какъ нашивками и пуговицами. У небогатыхъ людей пояса были дорогильные и тафтяные; но у богачей они дѣлались изъ богатыхъ матерiй и украшались разными драгоцѣнностями. Встарину наши князья оставляли пояса своимъ дѣтямъ, какъ лучшую драгоцѣнность. Зажиточные люди, слѣдуя восточнымъ обычаямъ, укоренившимся въ Россiи, носили маленькiя шапочки, называемыя тафьями, прикрывавшiя только макушку, расшитыя шелками, а у богатыхъ золотомъ, и унизанныя жемчугомъ. Ихъ носили въ комнатѣ. Другой видъ шапки, остроконечный, назывался колпакомъ. Третiй родъ шапокъ были четвероугольныя низкiя шапки съ мѣховымъ околышемъ. Четвертый родъ шапокъ были такъ называемыя горлатныя шапки — исключительная принадлежность князей и бояръ. Одинаковость одежды у всѣхъ сословiй здѣсь имѣла границы. По шапкѣ можно было узнавать происхожденiе и достоинство. Высокiя шапки означали знатность породы и сана. Какъ бы великолѣпно ни одѣлся посадскiй, онъ не смѣлъ надѣвать высокой шапки, и даже въ самыхъ колпакахъ, обыкновенной народной шапкѣ, вышина соразмѣрялась съ знатностью. Горлатныя шапки по своей фигурѣ составляли обратную противоположность колпаку, ибо вверху была шире, внизу уже. Во время парада бояринъ надѣвалъ тафью, на тафью колпакъ, а на колпакъ горлатную шапку. Въ довершенiе блеска своихъ одеждъ русскiе украшали уши серьгами или одной серьгой и вѣшали на шеѣ драгоцѣнныя золотыя или позолоченныя цѣпи, а къ самымъ цѣпямъ прикрѣпляли кресты, и такiя цѣпи передавались вмѣстѣ съ крестами отъ родителей къ сыновьямъ, какъ залогъ благословенiя. Также цари жаловали ими своихъ приближенныхъ. Иногда онѣ были такъ массивны, что вѣсили до двухъ фунтовъ. На пальцы надѣвали русскiе множество перстней съ алмазами, яхонтами, изумрудами и сердоликами, съ вырѣзанными на нихъ печатями; можно было встрѣтить перстни въ золотыхъ ободкахъ и съ желѣзною печатью. Встарину не было наслѣдственныхъ и гербовыхъ печатей; всякiй дѣлалъ себѣ произвольно по вкусу на перстняхъ печати. Кромѣ перстня съ печатью, на рукахъ у русскаго было еще ихъ нѣсколько съ камнями, такъ что иногда трудно было разогнуть пальцы. Обилiе камней въ старинномъ русскомъ туалетѣ не должно изумлять читателей, потому что по большей части эти камни были низкаго достоинства.

Для утиранiя носа русскiе носили платки, которые у зажиточныхъ дѣлались изъ тафты и оторачивались золотою бахромою, но ихъ хранили не въ карманахъ, а въ шапкахъ, и когда сидѣли въ гостяхъ, то держали въ рукахъ шапку, а въ ней платокъ. Впрочемъ, не считалось неприличнымъ высморкаться и двумя пальцами, даже за столомъ, и потомъ обтереть руки о скатерть. Простонародiе не знало носовыхъ платковъ вовсе и не предполагало, чтобы они могли быть необходимы. Въ довершенiе русскаго наряда, люди знатные привѣшивали шпаги. Это право предоставлялось только служилымъ и тѣмъ, которые по своему происхожденiю его заслуживали, именно: боярамъ, окольничимъ, дѣтямъ боярскимъ; простолюдинамъ, посадскимъ и крестьянамъ запрещалось ходить съ оружiемъ, за то и знатные и не знатные не иначе выходили изъ домовъ,

какъ съ тростью или палкою, которая обдѣлывалась точенымъ набалдашникомъ, съ вычеканеннымъ наконечникомъ. Посохъ служилъ вмѣстѣ эмблемою степенности и важности; отъ этого цари не иначе даже выходили изъ своихъ покоевъ, какъ съ посохомъ.

Женскія одежды, по свидѣтельству очевидцевъ, были похожи на мужскія, тѣмъ болѣе, что послѣднія вообще дѣлались длинныя. Но однако въ одеждахъ двухъ половъ были особенности, такъ что можно было съ перваго взгляда отличить женщину издали. Не говоря уже о головныхъ уборахъ, къ самимъ одеждамъ, носившимъ тѣ же названія, какъ у мужчинъ, прибавлялось слово „женскій", напр., женская шуба, женскій опашень. Въ торжественныхъ случаяхъ женщины надѣвали на обыкновенныя платья богатую мантію, называемую по-русски подволокою или приволокою. Она дѣлалась изъ шелковой матеріи, цвѣта червчатаго, бѣлаго, но чаще всего изъ золотной или серебротканной, съ вошвами (вѣроятно, вшитыми мѣстами). Края этой мантіи были съ особенною нарядностью разукрашены золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, они пристегались и снимались, когда нужно было, и назывались подволочнымъ запушьемъ. На голову замужнія женщины надѣвали волосники или подубрусники: то были шапочки на подобіе скуфьи изъ шелковой матеріи, нерѣдко изъ золотной, дѣлались съ узломъ, посредствомъ котораго можно было ихъ съуживать и расширять, и съ ошивкою или оторочкою по краю; эти ошивки унизывались жемчугомъ и камнями и перешивались съ одного волосника на другой и такимъ образомъ переходили изъ рода въ родъ. Волосникъ игралъ большую роль въ судьбѣ замужней женщины, ибо онъ былъ символомъ брачнаго состоянія и составлялъ необходимую и главную принадлежность приданаго. По понятіямъ вѣка, для замужней женщины считалось стыдомъ и грѣхомъ оставлять на показъ свои волосы: опростоволосить (открыть волосы) женщину было для нея большимъ безчестіемъ. Скромная женщина боялась, чтобы даже члены семейства, исключая мужа, не увидали ея волосъ. Поверхъ волосника накладывался платокъ, обыкновенно бѣлый, и подвязывался подъ подбородокъ; его висячіе концы густо усаживались жемчугомъ. Этотъ платокъ назывался убрусомъ. Это былъ обыкновенный домашній головной уборъ. Когда женщины выходили въ церковь или въ гости, то надѣвали кику: то была шапка съ возвышенною плоскостью на лбу, называемою кичнымъ челомъ; чело было разукрашено золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, а иногда все состояло изъ серебрянаго листа, подбитаго матеріею. Дѣвицы носили на головѣ вѣнцы; онѣ имѣли форму городовъ и теремовъ; напримѣръ: изображеніе дома въ нѣсколько ярусовъ, отдѣлявшихся одинъ отъ другого жемчужными поясками. Очень часто эти вѣнцы состояли изъ широкой повязки, вышитой золотомъ и усаженной жемчугами. Такая повязка суживалась на затылкѣ и связывалась широкими лентами, иногда вышитыми, спадавшими на спину. Зимою дѣвицы покрывали голову высокою шапкою, собольею или бобровою, съ верхомъ изъ шелковой матеріи; изъ-подъ шапки выпадали на спину одна или двѣ косы, въ которыя вплетались красныя ленты. Иныя вовсе не заплетали себѣ косы, а носили волосы распущенными по плечамъ. Въ знакъ печали женщины и дѣвицы остригали себѣ волосы. Какъ женщины, такъ и дѣвицы носили серьги. Бѣдныя женщины — носили мѣдныя, болѣе зажиточныя — серебряныя, богатыя женщины—золотыя съ драгоцѣнными камнями. На рукахъ женщины носили обручи или зарукавья, т.-е. браслеты, также съ жемчугами и камнями,

а на пальцахъ перстни и кольца, которыхъ нерѣдко было такъ много, какъ и у мужчинъ. Шея женщины и дѣвицы была увѣшена множествомъ крестовъ, образковъ и нѣсколькими рядами монистъ жемчужныхъ и золотыхъ, иногда составленныхъ въ видѣ цѣпочки, на которыхъ висѣли рядами коротенькія цѣпочки, каждая съ крестикомъ. Кромѣ монистъ, знатныя женщины носили золотыя и серебряныя позолоченныя цѣпи, на которыхъ висѣли большіе кресты, отдѣланные финифтью. Вообще на шеяхъ и на груди знатныхъ госпожъ въ Московіи, какъ и повсюду, укладывались большіе капиталы. За всякой невѣстой зажиточнаго состоянія везли на новоселье огромные сундуки съ нарядами и сверхъ того большое количество ссыпнаго жемчуга, необходимаго для поправки платьевъ, иногда болѣе пуда. На платьяхъ которыя надѣвались въ торжественныхъ случаяхъ, накладывалось невѣроятное множество украшеній. Платье Натальи Кирилловны, которое на нее надѣли послѣ взятія во дворецъ и нареченія царскою невѣстой, было такъ тяжело отъ вышиваній и жемчугу, что у невѣсты, когда она поносила его немного, заболѣли ноги. Не довольствуясь обильными украшеніями, пестрившими до крайности одежду, русская женщина бѣлилась и румянилась и приводила въ смѣхъ иностранцевъ своимъ неискусствомъ въ этомъ дѣлѣ. Женщины, которыя были хороши собою и сознавали, какъ не идетъ собственно имъ такой обычай, принуждены были покоряться ему, *чтобъ не подвергаться насмѣшкамъ.*

Русская кухня была національная, то-есть основывалась на обычаѣ, а не на искусствѣ. Лучшая повариха была та, которая присмотрѣлась, какъ готовится у людей. Измѣненія въ кушаньяхъ вводились незамѣтно. Кушанья были просты и неразнообразны, хотя столы русскіе и отличались огромнымъ количествомъ блюдъ; большая часть этихъ блюдъ были похожи одно на другое, съ небольшими различіями. Обычай свято сохранять посты, наблюдаемый какъ бѣдными поселянами, такъ и царями и боярами, раздѣлялъ русскій столъ на два отдѣла; скоромный и постный. Русскіе ѣли хлѣбъ преимущественно ржаной; онъ былъ принадлежностью не только убогихъ людей, но и богатаго стола. Русскіе даже предпочитали его пшеничному, приписывали ему больше питательности. Изъ кушаньевъ, приготовляемыхъ изъ тѣста, занимаютъ первое мѣсто пироги. Въ скоромные дни они начинивались бараньимъ, говяжьимъ и заячьимъ мясомъ, нѣсколькими мясами разомъ, также мясомъ и рыбою вмѣстѣ, съ прибавкою каши или лапши. Въ постные дни пеклись пироги со всевозможнѣйшими родами рыбъ, съ макомъ, горохомъ. Другой видъ печенья изъ тѣста былъ коровай — сдобный хлѣбъ. Къ печеньямъ изъ тѣста принадлежали курникъ, то-есть паштетъ, начиненный курицей, яйцами, бараниной съ масломъ или говяжьимъ саломъ; оладьи, котлома, сырники, блины, хворосты, кисели. Мясныя кушанья были вареныя или жареныя. Вареныя подавались въ щахъ, ухѣ, разсолѣ и подъ взварами, щи забѣливались сметаной во время варенія, а не при столѣ. Обыкновенный приварокъ къ щамъ была капуста. Къ щамъ подавалась гречневая каша. Ухой назывался супъ или похлебка. Огромное количество разныхъ пряностей составляло принадлежность русской ухи въ разныхъ видахъ: уха съ гвоздикою называлась черною ухою, съ перцемъ бѣлою, а безъ пряностей голою. Баранина составляла самый обычный видъ мясныхъ кушаній въ скоромные дни съ весны и до поздней осени. Для говядины служили яловыя коровы. Поэтому говядина носила въ старину названіе яловщины. Яловицъ покупали осенью и убивали; мясо со-

лили. Вообще свѣжей говядины русскіе ѣли мало, а употребляли болѣе соленую. Многіе содержали въ дворахъ своихъ свиней и откармливали ихъ въ теченіе года, а передъ праздникомъ Рождества кололи. Русскіе въ старину любили свинину, кажется, больше, чѣмъ теперь. Лебеди считались самымъ изысканнымъ блюдомъ. Московское государство изобиловало рыбою, составлявшею половину года обычную пищу. По принятому обыкновенію закупать для дома съѣстные запасы въ оптовомъ количествѣ, вездѣ продавалось множество рыбы, приготовленной въ прокъ посредствомъ соли. Въ тѣ постные дни, когда считалось грѣхомъ употреблять рыбу, пища русскихъ состояла изъ растительныхъ веществъ: ѣли капусту, свеклу съ постнымъ масломъ и уксусомъ, пироги съ горохомъ, гречневую кашу и овсяную кашу съ постнымъ масломъ и т. д. Вообще ко всякимъ кушаньямъ русскіе любили примѣшивать прянныя приправы, а въ особенности лукъ, чеснокъ и шафранъ. Отъ большого употребленія чесноку, русскіе, по замѣчанію иностранцевъ, носили съ собою непріятный запахъ. Иностранцы сознавались, что не могли ѣсть вонючей русской ухи, въ которой иногда, кромѣ рыбы и воды, былъ только чеснокъ. Русскія лакомства состояли изъ плодовъ свѣжихъ или же приготовленныхъ въ патокѣ, съ медомъ и сахаромъ. Плоды эти были отчасти туземнаго происхожденія, отчасти привозные. Другое лакомство была пастила, приготовляемая изъ яблокъ. Къ лакомствамъ слѣдуетъ отнести также пряники или коврижки, старинное національное печенье. Сахаръ и леденецъ, привозимые русскими изъ-за границы, служили предметомъ лакомствъ для богатыхъ. На царскихъ и боярскихъ пирахъ ставили на столъ приготовленныя изъ сахара изображенія орловъ, голубей, утокъ, городовъ, башенъ, теремовъ, людей, также цѣлыя сахарныя головы. Напитки, употребляемые русскими въ старину, были: квасъ, морсъ, пиво, медъ, водка и виноградныя вина. Квасъ пили всѣ отъ царя до послѣдняго крестьянина. Повсемѣстно въ посадахъ можно было встрѣтить и квасоварныя заведенія, и квасниковъ, продающихъ квасъ въ лавкахъ и квасныхъ кабакахъ. Въ монастыряхъ квасъ былъ обычнымъ питьемъ братіи въ будни. Квасы были разнаго сорта: кромѣ простого, такъ называемаго житнаго, приготовляемаго изъ ячменнаго или ржанаго солода, были квасы медвяные и ягодные. Пиво дѣлалось изъ ячменя, овса, ржи и пшеницы; для народа оно варилось въ казенныхъ пивоварняхъ при кабакахъ, а люди зажиточные, имѣвшіе разрѣшеніе приготовлять у себя напитки, дѣлали его для домашняго обихода въ своихъ дворахъ и хранили въ ледникахъ подъ снѣгомъ и льдомъ. Русское пиво, по замѣчанію иностранцевъ, было вкусно, но мутно. Оригинальное и лучшее русское питье былъ медъ; всѣ путешественники, посѣщавшіе Московію, единогласно признавали достоинство нашего меда и разславили его въ далекихъ странахъ. Русская водка дѣлалась изъ ржи, пшеницы, ячменя. Водка вообще называлась виномъ и раздѣлялась на сорты; обыкновенная водка носила названіе простаго вина; лучше этого сортъ назывался вино доброе; еще выше — вино боярское; наконецъ, еще высшій сортъ было вино двойное, чрезвычайно крѣпкое. Нѣкоторые употребляли тройную и даже четверную, т.-е. четыре раза перегонную водку, и умирали отъ нея. Кромѣ этихъ водокъ, дѣлалась водка сладкая, насыщенная патокой. Эта водка назначалась единственно для женскаго пола. Хозяева настаивали водку на всевозможнѣйшихъ пряностяхъ и разныхъ душистыхъ травахъ: настаивали на корицѣ, мятѣ, горчицѣ, селитрѣ. Русскіе пили водку не только передъ обѣдомъ, но и

во время обѣда, послѣ обѣда и во всякое время дня. Иностранныя вина въ XVI в. употреблялись только въ знатныхъ домахъ, и то въ торжественныхъ случаяхъ; но, по мѣрѣ того какъ торговля стала насъ болѣе и болѣе знакомить съ европейскою жизнью, употребленіе виноградныхъ винъ распространилось между зажиточными людьми, а въ XVII в. явились въ Москвѣ погреба, гдѣ не только продавали вино, но куда сходились пить веселыя компаніи. Изъ винъ въ большомъ употребленіи были: греческое, церковное, мальвазія, венгерское, бѣлое и красное французское, ренское, романея. Иногда въ вина русскіе примѣшивали пряности. Въ числѣ разныхъ напитковъ при Михаилѣ Өеодоровичѣ появился въ Россіи, какъ рѣдкость и новость, чай. Знатныя лица употребляли его какъ лекарство, и приписывали ему цѣлительную силу, не предвидя, что этотъ напитокъ сдѣлается со временемъ національнымъ русскимъ питьемъ.

Предки наши, какъ знатные такъ и простые, вставали рано: лѣтомъ съ восходомъ солнца, осенью и зимою за нѣсколько часовъ до свѣта. Встарину счетъ часовъ былъ восточный, заимствованный изъ Византіи вмѣстѣ съ церковными книгами. Сутки дѣлились на дневные и ночные часы; часъ солнечнаго восхода былъ первымъ часомъ дня; часъ заката—первымъ часомъ ночи. Счисленіе это находилось съ связи съ восточнымъ богослуженіемъ. Вставая отъ сна, русскій тотчасъ искалъ глазами образа, чтобъ перекреститься и взглянуть на него; сдѣлать крестное знаменіе считалось приличнѣе, смотря на образъ; въ дорогѣ, когда русскій ночевалъ въ полѣ, онъ, вставая отъ сна, крестился, обращаясь на востокъ. Тотчасъ, если нужно было, послѣ оставленія постели, надѣвалось бѣлье и начиналось умыванье: зажиточные люди мылись мыломъ и розовой водой. Послѣ умыванья одѣвались и приступали къ моленію. Если день былъ праздничный, тогда шли къ заутрени, и благочестіе требовало, чтобъ встать еще ранѣе и придти въ церковь со звономъ еще до начала служенія заутрени. Если же день былъ простой, или почему-нибудь нельзя было выходить, хозяинъ совершалъ должное богослуженіе по книгѣ, когда умѣлъ грамотѣ. Окончивъ молитвословіе, расходились къ домашнимъ занятіямъ. Тамъ, гдѣ мужъ жену допускалъ до управленія домомъ, хозяйка держала съ хозяиномъ совѣтъ, что дѣлать въ предстоящій день, заказывала кушанье и задавала на цѣлый день уроки въ работахъ служанкамъ. Въ такихъ домахъ на хозяйкѣ лежало много обязанностей. Она должна была трудиться и показывать собою примѣръ служанкамъ, раньше всѣхъ вставать и другихъ будить, позже всѣхъ ложиться: если служанка будитъ госпожу, это считалось не въ похвалу госпожѣ. При такой дѣятельной женѣ мужъ ни о чемъ не заботился по домашнему хозяйству; жена должна была знать всякое дѣло лучше тѣхъ, которые работали по ея приказанію. Но не всѣхъ женъ удѣломъ была такая дѣятельная жизнь; большею частью жены знатныхъ и богатыхъ людей, по волѣ мужей, вовсе не мѣшались въ хозяйство; всѣмъ завѣдовали дворецкій и ключникъ изъ холоповъ. Такого рода хозяйки, послѣ утренняго моленія, отправлялись въ свои покои и садились за шитье и вышиваніе золотомъ и шелками съ своими прислужницами; даже кушанье къ обѣду заказывалъ самъ хозяинъ ключнику. Хозяинъ навѣщалъ конюшню, ходилъ по стойламъ, смотрѣлъ, наложена ли подъ ногами лошадей солома, заложенъ ли имъ кормъ, приказывалъ передъ своими глазами давать лучшимъ лошадямъ овса. Послѣ всѣхъ домашнихъ распоряженій хозяинъ приступалъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ: купецъ отправлялся въ лавку, ремесленникъ брался за свое ремесло, приказные люди напол-

няли приказы и приказныя избы, а бояре въ Москвѣ стекались къ царю и занимались дѣлами. Въ полдень наступало время обѣда. Послѣ обѣда хозяинъ пересматривалъ посуду и, находя все въ порядкѣ, хвалилъ дворецкаго и стряпчихъ, подчивалъ ихъ хмельнымъ, иногда всѣхъ дарилъ, и вся прислуга обыкновенно обѣдала послѣ господскаго стола. Послѣ обычнаго обѣда ложились отдыхать. Это былъ повсемѣстный и освященный народнымъ уваженіемъ обычай. Спали пообѣдавши и цари, спали бояре, спали купцы, затворивши свои лавки; уличная чернь отдыхала на улицахъ. Не спать или, по крайней мѣрѣ, не отдыхать послѣ обѣда считалось въ нѣкоторомъ смыслѣ ересью, какъ всякое отступленіе отъ предковскихъ обычаевъ. Извѣстно, что въ числѣ подозрѣній, обличавшихъ въ самозванцѣ не царское происхожденіе и уклоненіе къ латинской вѣрѣ, было и то, что онъ не спалъ послѣ обѣда. Этотъ отдыхъ былъ тѣмъ необходимѣе, что обыкновенно русскіе любили очень плотно покушать, если имѣли возможность и достатокъ. Вставши отъ послѣобѣденнаго сна, русскіе опять принимались за обычныя занятія. Вечеръ въ домашнемъ быту былъ временемъ развлеченій; зимою собирались другъ къ другу родные и пріятели въ домахъ, а лѣтомъ въ палаткахъ, которыя нарочно раскидывались предъ домами. Русскіе всегда ужинали, а послѣ ужина благочестивый хозяинъ отправлялъ вечернее моленіе. Снова затепливались лампады, зажигались свѣчи предъ образами, домочадцы и прислуга собирались на моленье. Послѣ такого молитвословія считалось уже непозволительнымъ ѣсть и пить; всѣ скоро ложились спать.

CX. Русская женщина въ до-Петровскій періодъ.

(*Изъ соч. Иконникова: «Русская женщина наканунѣ реформы Петра В. и послѣ нея»*).

Въ основѣ древняго быта Россіи лежали тѣ же патріархальныя формы, которыя оказали такое могущественное вліяніе на семейный бытъ и древняго, и средневѣковаго общества. Но въ жизни русскаго народа, вслѣдствіе продолжительной обособленности его и удаленія отъ образованнаго міра, эта стихія получила болѣе широкое развитіе. Идеалъ родительской опеки былъ основаніемъ русскаго общественнаго быта, на немъ создалось и государство. Самое общество представлялось лишь соединеніемъ семьи и рода, отчего и общественные разряды стали обозначаться извѣстными степенями родства, какъ напр. *отроки*, *пасынки*, *дѣтскіе*, *молодь*; люди тѣхъ классовъ, которые считали себя почему-нибудь обдѣленными въ обществѣ, назывались *сиротами*, т.-е. несчастными въ смыслѣ родства. Въ подобномъ строѣ общественныхъ отношеній не только женская личность, но и вообще личность не могла претендовать на независимое значеніе. „Старѣйшинство“ играло важную роль и въ политическихъ, и въ домашнихъ отношеніяхъ. Этимъ началомъ руководствовались и вѣчевыя собранія, и дума, и земскій соборъ. Въ домашнемъ быту оно кристаллизировалось въ полный типъ домовладыки. Нашъ *Домострой* вездѣ говоритъ постоянно о государѣ дома, къ которому и обращаетъ всѣ свои совѣты. Остальные члены дома суть не болѣе, какъ исполнители его воли: жена — хозяйка, всѣ родственники, живущіе въ домѣ—чада, слуги—домочадцы. Жена не имѣетъ другаго значенія, кромѣ

распорядительницы въ хозяйствѣ и въ занятіяхъ прислуги, хранительницы порядка; она должна была имѣть въ виду дать отвѣтъ во всемъ мужу, который, увидя у жены что не въ порядкѣ, долженъ „умѣть ее наказать съ разсужденіемъ“, а равно дѣтей и слугъ. Въ *Домостроѣ* вовсе не говорится о необходимости мягкихъ отношеній къ женѣ и дѣтямъ, какъ лучшемъ средствѣ поддержать домашнія отношенія; въ немъ, напротивъ, постоянно говорится о грозѣ мужа, о необходимости погрозить и пожаловать; съ дѣтьми отецъ не долженъ былъ ни смѣяться, ни забавляться: таковъ результатъ чисто родового развитія и склада общества. Обширное повѣствованіе о „Горѣ злосчастіи“ есть категорическое поученіе на тему о непослушаніи родительской власти. Захотѣлось молодцу пожить, какъ ему любо, но молодецъ, покинувшій свой домъ,—и малъ и глупъ. Ослушавшись родителей, онъ ясно видитъ, что и „отечество его потерялось“. За все это судьба такъ преслѣдуетъ его, что ему оставалось одно—идти въ разбойники, да онъ вспомнилъ, къ счастью, что есть еще убѣжище — монастырь. Это поглощеніе личности въ родѣ сложилось въ народную пословицу: „Мое дѣтище, хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю“. Родовая опека, сложившаяся въ такую опредѣленную форму условіями исторической жизни, нашла прочную поддержку въ идеяхъ, заимствованныхъ изъ Византіи. Благодаря ея вліянію, родовая опека и аттрибуты отеческой власти получили высшую санкцію. Теперь уже положительно доказано, что *Домострой* сложился на основаніи памятниковъ, заимствованныхъ изъ византійскихъ сборниковъ, вродѣ Златоуста, Златоструя, Измарагда и т. п. Въ древнѣйшихъ поученіяхъ этого рода говорится о почитаніи отца, какъ Бога, при чемъ дается такое толкованіе: „Тогда только сынъ свободенъ, когда спрячетъ кости родителя своего“. Здѣсь идея пожизненной опеки очевидна. Относительно характера власти въ древнихъ поученіяхъ проводилось сравненіе между владыкою дома и игуменомъ монастыря. На такихъ основаніяхъ построено въ *Домостроѣ* ученіе о мужѣ, какъ „страхѣ всего дома“. Самая жизнь дома распредѣлена въ немъ по монастырскому образцу, со всѣми его принадлежностями, а высшими добродѣтелями поставлены молчаніе и смиреніе. Жена должна заботиться, какъ спасти душу и угодить Богу и мужу. Его воля для нея законъ.

Выходя изъ мысли объ искушеніи Адама Евою и паденіи черезъ нее человѣческаго рода, и находя подтвержденіе всевозможныхъ бѣдствій отъ власти женщинъ въ византійской исторіи, въ тамошней литературѣ постепенно сталъ слагаться образъ *злой жены*, который получилъ и литературное гражданство, и своего рода теоретическое значеніе. Кромѣ разныхъ сборниковъ, вродѣ Златоуста, Измарагда, Пчелы, гдѣ трактовалось, въ числѣ другихъ вопросовъ, о женской злобѣ, сохранился цѣлый рядъ отдѣльныхъ сказаній, въ которыхъ этотъ вопросъ разсматривался съ той же преимущественно отрицательной точки зрѣнія. Въ нихъ прежде всего предостерегались читатели отъ женской красоты, легко уловляющей неопытныхъ. Восточная мысль такъ недовѣрчиво относилась къ женскому обществу, что даже предостерегала никогда не бесѣдовать съ замужнею женщиною наединѣ, такъ какъ голосъ, движеніе, одежда, улыбка—все можетъ прельстить неопытнаго. Естественнымъ послѣдствіемъ такихъ нравоученій и должно было произойти безусловное раздѣленіе половъ и замкнутость женщины. Вмѣстѣ со всѣми слабыми и обдѣленными, женщина отдавалась подъ покровительство церкви (уставъ Ярослава Великаго). Ни лѣтописи, ни другіе источники не говорятъ намъ объ участіи

женщинъ въ общественныхъ дѣлахъ. Примѣръ Мароы Посадницы довольно исключительный; онъ обусловливается отчасти положеніемъ ея какъ вдовы и богатой вотчинницы, отчасти условіями новгородской жизни. Самое слово женщина позднѣйшее; въ древнемъ обществѣ она понималась лишь какъ жена; для тѣхъ изъ женщинъ, кто не могъ почему-нибудь стать женою, предоставлялся монастырь. Въ началѣ XVI в. Герберштейнъ говоритъ: „Состояніе женщинъ (въ Россіи) самое плачевное: женщина считается честною тогда, когда живетъ дома взаперти; напротивъ, если она позволяетъ видѣть себя чужимъ и постороннимъ людямъ то ея поведеніе становится зазорнымъ. Весьма рѣдко позволяется ей ходить въ храмъ, а еще рѣже на дружескія бесѣды, развѣ уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ“. Даже братья и родственники не всегда пользовались легкимъ доступомъ. Для удовлетворенія религіозныхъ потребностей, зажиточный бояринъ имѣлъ свою домовую церковь, а въ случаѣ надобности, его жена и дочери выѣзжали въ закрытыхъ колымагахъ съ слюдяными окнами, такъ что никто ихъ не видѣлъ. Въ домѣ отдѣленіе для женщинъ помѣщалось сзади, и ключъ отъ него находился у хозяина. Съ этой стороны заборъ бывалъ очень высокъ, чтобы онѣ могли свободно прогуливаться. Выѣзжая на богомолье, царицы и царевны совершали свои объѣзды по ночамъ, а если случались дневные выходы, то по сторонамъ ихъ несли суконныя полы, которыя заслоняли ихъ отъ глазъ зрителей. Само собою понятно, что при такой обособленности женщины, раздвоеніе въ семьѣ было естественнымъ явленіемъ, и, отражаясь въ свою очередь на цѣломъ обществѣ, оно значительно способствовало огрубѣнію нравовъ. Чѣмъ выше было положеніе лица, тѣмъ большему стѣсненію подвергалась жизнь его семьи. Во дворцѣ женщины должны были жить какъ пустынницы, пребывая въ постѣ и молитвѣ. Бракъ съ подданными считался безчестнымъ, съ иностранными принцами мѣшало разновѣріе. Спускаясь ниже, требовательность теремнаго заключенія нѣсколько нарушалась. Боярыни и боярышни выѣзжали во дворецъ и въ гости съ разрѣшенія или съ вѣдома мужей. Для сопровожденія изъ дворца запоздавшихъ боярынь назначался конвой. Для дѣвицъ боярскаго и прочихъ сословій вступленіе въ бракъ само собою не имѣло того тяжелаго условія, какой встрѣчался въ царскомъ быту; но и здѣсь оно было обставлено неизбѣжными ограниченіями: прежде всего необходимо было держаться въ выборѣ „версты“, т.-е. соотвѣтствующаго положенія, чтобы не было тѣмъ „порухи“ роду; женихъ и невѣста не могли видѣть другъ друга до самаго брачнаго обряда, а потому должны были сноситься черезъ свахъ. Въ такихъ случаяхъ нерѣдко случались обманы („нигдѣ нѣтъ такого обманства на дѣвки, какъ въ Московскомъ государствѣ“, замѣчаетъ Котошихинъ): вмѣсто одной дочери показывали другую или служанку, малыхъ ростомъ ставили на подставки и т. п. Понятно, чѣмъ оканчивался подобный бракъ; монастырь былъ еще лучшимъ убѣжищемъ въ такихъ случаяхъ. За недостаткомъ умственной школы, развивающихъ удовольствій не было, и они немыслимы безъ участія женщины. Поэтому въ теченіе всего древняго періода мы встрѣчаемъ такія противоположныя явленія, какъ, съ одной стороны, постоянныя посѣщенія церквей и монастырей, а съ другой — любовь къ медвѣжьимъ травлямъ, кулачнымъ боямъ и потѣхамъ дураковъ. Теремъ нерѣдко принималъ участіе въ обычныхъ удовольствіяхъ, но лишь такъ, чтобы его обитатели не были замѣчены постороннимъ глазомъ. Впрочемъ, потребность въ болѣе духовныхъ развлеченіяхъ существовала; это видно изъ той общей любви къ

сказочникамъ и домрачеямъ (домра—струнный инструментъ), безъ которыхъ не могъ засыпать даже Иванъ Грозный въ своей Александровской слободѣ. Къ этой категорiи принадлежали и шуты. Не слѣдуетъ однако думать, что бытовыя условiя жизни, способствовавшiя появленiю русскаго гинекея, и аскетическая идея, освятившая этотъ бытовой прототипъ женской доли, могли вполнѣ изгладить въ женщинѣ мiрскiя цѣли и стремленiя. Уже давно замѣчено историками относительно восточныхъ цивилизацiй, что замкнутость женщины развиваетъ въ ней наклонность къ роскоши. Въ русскомъ теремѣ это стремленiе вызвало развитiе спецiальнаго мастерства, которое, кромѣ того, что удовлетворяло непосредственнымъ интересамъ терема, служило и религiозной потребности, это—рукодѣлiе и вышиванiе. Работы изъ дорогихъ матерiй, унизанныя жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями, составляли принадлежность не только обширныхъ царскихъ и монастырскихъ рукодѣленъ, но и боярскiе дома соперничали въ этомъ другъ съ другомъ.

Нравственную чистоту женщинъ теремъ оберегалъ плохо. Уже автору *Домостроя* былъ извѣстенъ типъ „потворенныхъ бабъ", устраивавшихъ свиданiя молодыхъ женъ съ чужими мужьями, отъ которыхъ онъ считалъ долгомъ предостеречь, замѣчая, что обыкновенно онѣ начинаютъ свое дѣло съ дворовыхъ людей и доходятъ до самихъ „государынь". Олеарiй говоритъ, что въ теремахъ русскiя женщины очень часто предаются пьянству или заводятъ сношенiя съ посторонними мужчинами—двѣ главныя причины постоянныхъ несогласiй и раздоровъ въ семьѣ. Вотъ характеристическiй актъ изъ второй половины XVII в. о супружескихъ отношенiяхъ, какiя могли существовать даже въ боярской средѣ. Въ декабрѣ 1670 г. сынъ боярскiй, служившiй при дворѣ царицы, Никифоръ Скорятинъ, жаловался государю на жену свою Пелагею въ такихъ выраженiяхъ: „Кусала она, жена моя, тѣло мое на плечахъ зубомъ, и щипками на рукахъ тѣло мое щипала и бороду драла... Противъ моего челобитья дьякъ въ Мастерской Палатѣ поругательство жены моей и зубнаго яденья на тѣлѣ досматривалъ, и въ томъ женѣ моей никакого указу не учинено; а она, жена моя Пелагея, хотѣла меня, холопа твоего, топоромъ срубить, и я отъ ея топороваго сѣченiя руками укрывался, и посѣкла у меня правую руку по запястью, и я отъ того ея посѣченья съ дворишка своего чуть живъ ушелъ и билъ челомъ въ приказѣ Мастерской Палаты, и стольникъ Соковкинъ приказалъ посѣченную мою руку записать; а отъ той посѣченной моей руки я во вѣки увѣченъ. Да и впредь она, жена моя, хвалится на меня всякимъ дурнымъ смертоубивствомъ и по твоему государеву указу посажена она за приставы; и она, сидя за приставы, хвалится на меня и нынѣ смертнымъ убивствомъ. Милосердный государь! Пожалуй меня, вели въ такомъ поругательствѣ и въ похвальбѣ ей, женѣ моей, свой царскiй указъ учинить и меня съ нею развесть, чтобы мнѣ отъ нея, жены своей, впредь напрасною смертью не умереть". По царскому указу выписку объ этомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами, велѣно было препроводить на патрiаршiй дворъ, при чемъ сказано: „Учинить по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ, чего доведется". По словамъ Олеарiя, въ то время весьма часто случалось, что недовольные мужья и жены рѣшались избавиться другъ отъ друга монастыремъ, при чемъ оставшiйся въ мiру могъ вторично вступить въ бракъ. Иногда прибѣгали къ насильному постриженiю жены тайкомъ, на дому, безъ свидѣтелей, а чтобы принудить жену къ этому, мужъ прибѣгалъ къ истязанiямъ, сажалъ ее въ крапиву

или впрягалъ въ соху. По словамъ Котошихина, отрава была тогда обыкновеннымъ средствомъ у мужей и женъ, чтобы избавиться другъ отъ друга. Поэтому вполнѣ понятно суровое отношеніе современнаго законодательства къ подобнымъ явленіямъ: по Уложенію жена, убившая мужа, подвергалась мучительной казни: ее заживо закапывали въ землю. Но о наказаніи мужа за убійство жены Уложеніе умалчиваетъ. Въ 1664 г. Иванъ Долговъ убилъ жену за невѣрность; его наказали кнутомъ и отпустили на поруки

Къ исходу XVII в. и царскій теремъ представлялъ не менѣе поразительныя черты нравственнаго паденія. Въ это время Москва во многомъ напоминала Византію, какъ въ политическомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи. По смерти Алексѣя Михайловича, вслѣдствіе болѣзни царя Ѳеодора, возбуждавшей разныя опасенія, которыя и сбылись, открылись сцены, напоминающія собою борьбу византійскихъ партій, въ которыхъ теремъ игралъ такую важную роль. Въ церковномъ мірѣ возникло не менѣе опасное броженіе, съ тою лишь разницею, что въ Византіи оно касалось болѣе отвлеченныхъ вопросовъ, а у насъ вопросовъ чисто формальныхъ. На Москву давно уже русскіе книжники стали смотрѣть, какъ на третій Римъ, наслѣдницу второго, Византіи. Теперь и самый теремъ царскій пытался присвоить себѣ такую же власть, какою нерѣдко пользовались женщины въ Византіи. Не даромъ сторонники царевны Софіи сравнивали ее съ императрицей Пульхеріей. Благодаря слабости и болѣзни царя Ѳеодора, его сестры, бывшія уже въ лѣтахъ (ихъ было пять, среднею была Софія), получали сначала постоянный доступъ къ нему, а потомъ сохранили за собою и право свободнаго выхода. Во время двуцарствія, онѣ являются уже вліятельными лицами: принимаютъ участіе въ церковномъ соборѣ, по случаю спора съ раскольниками въ Грановитой палатѣ; онѣ спѣшатъ устроить свою обстановку (каменныя палаты съ помѣщеніемъ для думы) и придать блескъ своей власти (портреты съ царскими аттрибутами), а самая честолюбивая изъ нихъ, Софія, хлопотала даже у восточныхъ патріарховъ о разрѣшеніи ей короноваться. Ея сторонникъ Медвѣдевъ сравниваетъ ее не только съ Пульхеріей, но и съ Елисаветою англійскою и Семирамидою. Все это ясно обозначало стремленія терема. Царевны стали участвовать во всѣхъ церемоніяхъ, а прежде онѣ не могли присутствовать даже при погребеніи своихъ братьевъ и сестеръ. Эта политическая тенденція, при всѣхъ правахъ на престолъ двухъ царей (Ивана и Петра), выступаетъ уже во всей наготѣ, когда Софія вздумала опереться на силу стрѣльцовъ и, при содѣйствіи сестеръ, стала возбуждать ихъ противъ Петра. Но Софія слишкомъ рѣзко выступила за предѣлы завѣтныхъ преданій и наперекоръ очевиднымъ правамъ своихъ братьевъ. И тѣмъ болѣе это было „срамно“ и „зазорно“ для современниковъ, что царскій теремъ не могъ опереться даже на нравственную свою репутацію. Выйдя изъ него, царевны бросились въ омутъ самыхъ нескромныхъ похожденій. Связь Софіи съ кн. Вас. Вас. Голицинымъ была у всѣхъ на виду, и объ этомъ съ порицаніемъ говорили въ народѣ.

Современная литература не осталась чуждою тѣхъ крайнихъ явленій общественной жизни, которыя были порожденіемъ теремныхъ нравовъ. Къ концу XVII вѣка и въ литературѣ окончательно слагается образъ „злой жены“. Здѣсь мы должны упомянуть о спеціальномъ сочиненіи, очень распространенномъ, озаглавленномъ: „Книга о злонравныхъ женахъ, или бесѣда отца съ сыномъ, избранная изъ разныхъ писаній бо-

гомудрыхъ отцевъ и многихъ философовъ". Характеристика женскаго нрава здѣсь сосредоточивается на слѣдующихъ опредѣленiяхъ: жена льстивая, лукавая, колдунья, львица, змѣя, ехидна, прокудливая (проказливая) и аспидъ.

CXI. О русскихъ нравахъ XVII столѣтiя.

(Изъ соч. Олеарiя: «Подробное описанiе путешествiя голштинскаго посольства въ Московiю и Персiю», пер. Барсова).

Если разсматривать русскихъ со стороны нравовъ, обычаевъ и образа ихъ жизни, то по справедливости ихъ слѣдуетъ отнести къ варварамъ, ибо и теперь имъ далеко еще до того, что еще въ древности были греки; и хотя русскiе хвалятся прибытiемъ къ нимъ грековъ и родствомъ съ ними, но они не имѣютъ ничего общаго между собою ни по языку, ни по искусствамъ. Русскiе не любятъ никакихъ высшихъ знанiй, ни свободныхъ искусствъ, а тѣмъ менѣе сами охотно ими занимаются, и остаются невѣжественны и суровы. Большинство русскихъ, когда что либо узнаютъ отъ чужестранцевъ о высокихъ занятiяхъ и извѣстныхъ имъ естественныхъ наукахъ и искусствахъ, произноситъ самыя грубыя и неразумныя сужденiя: такъ, астрономiю и астрологiю они считаютъ волшебными науками. Они никакъ не думаютъ, чтобы было естественно знать напередъ и предсказать затменiя солнца и луны, равно какъ движенiе другой какой-либо планеты. Поэтому, когда по возвращенiи нашемъ изъ Персiи, въ Москвѣ стало извѣстно, что великiй князь пригласилъ и назначилъ меня своимъ астрономомъ, начались толки: въ Москву де скоро вернется волшебникъ, находящiйся теперь въ голштинскомъ посольствѣ, который по звѣздамъ узнаетъ будущее. Нѣкоторые возъимѣли даже отвращенiе ко мнѣ, что, вмѣстѣ съ другими причинами, и заставило меня отказаться отъ предложенной мнѣ должности. Что касается до ума русскихъ, то хотя они остроумны и хитры, но способности эти употребляются не на добрыя и похвальныя дѣла, а для достиженiя какихъ-нибудь личныхъ выгодъ, пользы для себя и для удовлетворенiя своихъ желанiй. Свою смышленность и хитрость русскiе, между прочимъ, проявляютъ въ торговлѣ, весьма хорошо понимая, что и какъ купить или продать повыгоднѣе, и придумываютъ при этомъ всѣ способы обмануть ближняго, чтобы получить себѣ всякаго рода выгоду и барышъ. Кто захотѣлъ бы ихъ обмануть, тотъ долженъ обладать немалымъ умомъ... Скрывая сами истину, употребляя на каждомъ шагу ложь, они очень подозрительны и весьма не легко вѣрятъ другимъ; если же кому удастся обмануть ихъ какъ - нибудь, то они хвалятъ такого и считаютъ мастеромъ своего дѣла. Поэтому однажды нѣсколько московскихъ купцовъ очень просили одного голландца, который въ торговлѣ надулъ ихъ на огромную сумму, чтобы онъ вступилъ въ ихъ общество и велъ бы съ ними вмѣстѣ торговлю. Такъ какъ голландецъ зналъ разныя продѣлки въ торговлѣ, то сказанные купцы надѣялись, прiобрѣтя такого человѣка, повести торговлю самую прибыльную. Странно однакожъ, что между русскими, которые вообще обманъ не считаютъ дѣломъ совѣсти, но, напротивъ, скорѣе называютъ его разумнымъ и достойнымъ похвалы дѣломъ, есть много такихъ людей, которые почитаютъ грѣхомъ, если они не воз-

вратятъ покупателю, передавшему имъ по ошибкѣ при разсчетѣ лишнія деньги. Возвратить такія деньги они считаютъ себя обязанными потому, что передача такая случилась по невѣдѣнію и противъ воли покупателя, и удержать ее, стало быть, было бы просто воровство.

Чтобы выместить на комъ-нибудь ближнемъ, противъ котораго они питаютъ злобу и ненависть, свою досаду, русскіе прибѣгаютъ къ слѣдующей продѣлкѣ: такъ какъ воровство считается у нихъ преступленіемъ, влекущимъ довольно строгое наказаніе, то они ищутъ случая обвинить въ немъ нелюбимаго ими человѣка, для чего отправляются къ нему, берутъ у него въ займы деньги, подъ которыя оставляютъ въ залогъ платье, посуду и другія вещи, также потихоньку иногда пробираются въ домъ къ нему, или незамѣтно всовываютъ ему въ сапогъ (въ которомъ русскіе имѣютъ обыкновеніе носить письма, ножи, деньги и другія малыя вещи) какую-нибудь изъ своихъ вещей, и затѣмъ взводятъ обвиненіе и объявляютъ, что тотъ самъ укралъ у нихъ эту вещь. Если заявленныя такимъ образомъ вещи дѣйствительно найдутся у обвиняемаго, то его тотчасъ же подвергаютъ наказанію. Вообще ложные доносы и обманъ между русскими въ такомъ ходу, что ихъ можно опасаться не только со стороны чужихъ людей и сосѣдей, но и со стороны братьевъ или супруговъ, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ царствованіе Бориса Годунова случилось, что, заболѣвъ однажды весьма сильно подагрою, великій князь приказалъ объявить, не найдется ли кого, кто бы могъ освободить его отъ этой болѣзни, такой явился бы ко двору и, какого бы состоянія и вѣры онъ ни былъ, будетъ награжденъ за излѣченіе великими милостями и богатою платой. Услышавъ это, жена одного боярина, который довольно строго держалъ ее, вздумала воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ для отмщенія мужу своему, тотчасъ же пошла и заявила, что мужъ ея знаетъ вѣрное средство помочь, но что онъ только не хочетъ этого сдѣлать по нерасположенію къ царю. Бояринъ тотчасъ же былъ потребованъ къ в. князю и тамъ допрошенъ; когда онъ объяснилъ здѣсь, что вовсе не смыслить ничего въ наукѣ лѣченія, то его сильно побили палкою и посадили въ темницу. Когда онъ сказалъ, что все это продѣлки жены его, которая, по ненависти къ нему, наговорила на него, и съ которою онъ за это раздѣлается, то его еще нещаднѣе побили, грозили даже смертною казнью, которую хотѣли немедля исполнить, если онъ не вылѣчитъ великаго князя. Несчастный бояринъ поблѣднѣлъ отъ страха, не зналъ что дѣлать, и рѣшился наконецъ попробовать лѣченія, для чего и просилъ, чтобы дали ему сроку по крайней мѣрѣ на 14 дней, въ которые онъ могъ ты собрать необходимыя для лѣченья травы. Испрашивая этотъ срокъ, онъ желалъ только продлить какъ-нибудь свою жизнь, въ надеждѣ, что въ этотъ промежутокъ времени обстоятельства какъ-нибудь могутъ измѣниться въ его пользу. Когда ему дали отсрочку, онъ приказалъ привести разнаго рода травы и сдѣлалъ ванну. Къ великому счастію боярина, страданія больного послѣ ванны прошли, можетъ быть, не столько отъ ванны, сколько сами собою. Послѣ этого бояринъ, хотя и былъ еще жестоко побитъ за то, что, зная средство вылѣчить царя, запирался, не желая помочь ему, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и былъ награжденъ новымъ платьемъ, 200 рублей или 400 рейхсталеровъ и 18-ю душами крестьянъ въ потомственное владѣніе, съ строгимъ наказомъ, чтобъ отнюдь не смѣлъ мстить своей женѣ. Эти супруги послѣ того жили уже въ добромъ согласіи. Въ прежнее время по такого рода злымъ и лож-

нымъ доносамъ, особенно если дѣло касалось оскорбленіи государя, виновнаго тотчасъ же, безъ всякихъ допросовъ, доказательствъ и оправданій, подвергали наказанію и отправляли въ ссылку, или даже казнили смертью, и не только низшаго званія людей, но часто и высшихъ сословій, чужестранцевъ или своихъ — все равно. Когда же наконецъ дознали, что большею частью обвиненія эти и доносы безстыдно дѣлались, безъ всякаго основаніи и единственно только изъ ненависти и вражды другъ къ другу, то правительство русское рѣшилось поступать въ такихъ случаяхъ осторожнѣе, и постановило, чтобы впредь, въ уголовныхъ дѣлахъ, обвинители и доносчики, для подкрѣпленія и утвержденія своихъ обвиненій, прежде всего сами подвергались пыткѣ. Если на пыткѣ доносчикъ остается при первомъ своемъ показаніи и доносѣ, то тогда уже принимаются за обвиняемаго, подвергаютъ также пыткѣ, или же, если обстоятельства дѣла ясны, прямо безъ всякяго дальнѣйшаго суда, приступаютъ къ наказанію.

Русскіе также, особенно тѣ изъ простолюдиновъ, которые вышли въ знатные люди по счастью или по богатству, по какой-нибудь службѣ или должности, чрезвычайно высокомѣрны и горды, что и стараются они выказывать, преимущественно по отношенію къ иностра́нцамъ, не только какимъ-нибудь намекомъ, но и открыто, разными тѣлодвиженіями, словами и дѣйствіями. И такъ какъ всякаго иностранца они считаютъ ниже людей своей земли и видятъ въ немъ нѣчто особенное, то точно также думаютъ, что и ни одинъ государь въ мірѣ не можетъ сравняться съ ихъ великимъ княземъ ни по богатству, могуществу и величію, ни по почету и достоинству. Они не примутъ никакого письма, написаннаго къ царю, если въ немъ сдѣланъ ничтожный пропускъ въ титулѣ, или что-нибудь неизвѣстное имъ. По своему высокомѣрію, русскіе и сами между собою ни въ чемъ не уступаютъ другъ другу, спорятъ за почетнѣйшія мѣста и часто заводятъ о нихъ большія ссоры. Такъ, случилось однажды даже въ нашемъ присутствіи въ Нижнемъ-Новгородѣ. Прибылъ туда изъ Москвы осмотрѣть нашъ вновь выстроенный корабль и засвидѣтельствовать свое почтеніе посламъ дворецкій государственнаго канцлера, человѣкъ весьма почтенный. Вынужденный сѣсть за столомъ подлѣ одного пристава, онъ затѣялъ съ нимъ страшный споръ: бранныя слова были ихъ отборными титлами другъ друга. Дворецкій полагалъ, что онъ, какъ сынъ боярскій или дворянинъ, долженъ сидѣть выше пристава, происходившаго изъ простаго званія людей. Приставъ же, въ свою очередь, опирался на то, что онъ слуга великаго князя, и ему, ради его государя, по праву принадлежитъ высшее мѣсто. Вообще русскій народъ пресварливый, обзываютъ другъ друга самыми грубыми и неприличными словами. На улицахъ безпрестанно слышишь такую перебранку между ними, даже старыя бабы грызутся часто одна съ другою съ такимъ ожесточеніемъ, что непривыкшій къ этимъ выходкамъ подумаетъ, что онѣ тотчасъ же вцѣпятся другъ другу въ волосы. Но до драки рѣдко у нихъ доходитъ, а если и дойдетъ, то дерутся просто кулаками, которыми они колотятъ другъ друга изо всей силы по бокамъ и подъ брюхо. Не было еще примѣра, чтобы русскіе вызвали другъ друга биться на сабляхъ или огнестрѣльнымъ оружіемъ, какъ это нерѣдко дѣлается въ Германіи и въ другихъ странахъ Европы. Но извѣстно, что, вмѣсто того, знатные русскіе господа и даже князя, выѣзжая на лошадяхъ, отстегиваютъ другъ друга нещадно плетьми. Большой вѣжливости и досточтимыхъ нравовъ у русскихъ нечего искать: достоинства

эти имъ совершенно чужды. Они вовсе не стыдятся, во всеуслышаніе и не щадя ни чьего обонянія, пускать на волю то, что природа требуетъ испустить верхомъ и низомъ послѣ ѣды, и такъ какъ они очень любятъ и ѣдятъ въ изобиліи лукъ и чеснокъ, то для непривычнаго самое присутствіе ихъ невыносимо тягостно. Потягиваться и рыгать вслухъ у нихъ нипочемъ, даже на тайномъ представленіи, и, можетъ быть, съ нѣкоторыми случалось это даже противъ ихъ желанія.

Не будучи знакомы съ достохвальными знаніями, не заботясь много о достопамятныхъ дѣлахъ и событіяхъ отцевъ и предковъ своихъ, не имѣя желанія ознакомиться и съ чуждыми народами и ихъ свойствами, русскіе, весьма естественно, въ своихъ собраніяхъ никогда не заводятъ и рѣчи о подобныхъ вещахъ. Я не говорю, впрочемъ, здѣсь о собраніяхъ самыхъ знатныхъ бояръ. Большая часть ихъ разговоровъ сосредоточена на томъ, къ чему даетъ поводъ ихъ природа и обычный ихъ образъ жизни, а именно: говорятъ о постыдныхъ порокахъ, разсказываютъ всякаго рода срамныя сказки, и тотъ, кто наиболѣе сквернословитъ и отпускаетъ самыя неприличныя шутки, сопровождая ихъ непристойными тѣлодвиженіями, тотъ и считается у нихъ лучшимъ и пріятнѣйшимъ въ обществѣ. Порокъ пьянства распространенъ въ русскомъ народѣ одинаково во всѣхъ состояніяхъ, между духовными и свѣтскими, высшими и низшими сословіями, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми, до такой степени, что если видишь по улицамъ тамъ и сямъ пьяныхъ, валяющихся въ грязи, то не обращаешь на нихъ и вниманія, какъ на явленіе самое обычное. Попадаетъ извозчикъ на такого пьянаго, валяющагося на улицѣ и ему знакомаго, то взвалитъ его на телѣгу и отвезетъ домой, гдѣ получаетъ плату за благополучную доставку. Русскіе никогда не пропускаютъ удобнаго случая выпить или похмелиться, чѣмъ бы то ни было, по большею частью простою водкою. Они считаютъ за великую честь, если кто въ гостяхъ или собраніяхъ имъ поднесетъ чарку и болѣе водки, а простой народъ, холопы или крестьяне, такъ цѣнятъ такую честь, что если какой-нибудь знатный бояринъ поднесетъ имъ изъ собственныхъ рукъ 3 и 4 и т. д. чарокъ, то они все будутъ пить изъ опасенія оскорбить отказомъ, до тѣхъ поръ, пока не свалятся на мѣстѣ, при чемъ иногда отдаютъ тутъ и душу Богу, какъ это случилось однажды, въ нашу бытность въ Россіи, когда служащіе въ посольствѣ нашемъ угощали и неотступно просили русскихъ выпить еще. И не только простой народъ, но и знатные бояре, даже царскіе великіе послы, обязанные строго блюсти и поддерживать въ чужихъ странахъ высокое достоинство свего государя, тоже не знаютъ никакой мѣры въ употребленіи предлагаемыхъ имъ крѣпкихъ напитковъ, и если только напитки эти придутся по вкусу, то они льютъ ихъ въ себя, какъ воду, такъ что совершенно теряютъ человѣческій смыслъ, а иногда до смерти опиваются. Такой случай былъ съ однимъ великимъ русскимъ посланникомъ, отправленнымъ въ 1608 г. къ шведскому королю Карлу IX. Несмотря на предостереженіе о томъ, что предлагаемая ему водка была весьма крѣпкая, посолъ этотъ напился ея до того, что въ тотъ день, когда ему слѣдовало представиться, его нашли мертвымъ въ его постели. Въ бытность нашу въ Москвѣ, тамъ вездѣ находились открытые питейные дома или кабаки, въ которые всякій желающій имѣлъ входъ и пилъ за свои деньги водку; при такомъ удобствѣ простой народъ все, что зарабатывалъ, приносилъ въ кабакъ и такъ крѣпко засиживался тамъ, что, пропивши заработокъ, снималъ съ себя платье, даже рубашку, и оставлялъ

ее продавцу за водку, а затѣмъ нагой, какъ родился, возвращался домой. Съ недавняго времени, впрочемъ, всѣ эти общественные кабаки, принадлежавшіе частью царю, частью боярамъ, уничтожены, такъ какъ они отвлекаютъ народъ отъ работы и способствуютъ ему пропивать послѣднюю заработанную копейку; теперь никто уже не можетъ получить водки въ розницу на двѣ, на три копейки, на шиллингъ или грошъ: вмѣсто кабаковъ, теперь одинъ лишь царь отъ себя соедержитъ въ каждомъ городѣ такъ называемый кружечный дворъ или домъ, изъ котораго отпускается водка только цѣлыми кружками и штофами, и для продажи въ немъ водки приставлены особые присяжные люди, которые ежегодно доставляютъ въ царскую казну неимовѣрное число денегъ отъ такой продажи вина. Но отъ такого распоряженія повседневное пьянство мало уменьшилось, ибо нѣсколько сосѣдей складываются вмѣстѣ, покупаютъ себѣ штофъ и болѣе водки и не разстаются, пока не опорожнятъ посуды, при чемъ часто тутъ же и свалятся другъ подлѣ друга. Нѣкоторые-же покупаютъ водку разомъ по большому количеству и тайно распродаютъ ее по чаркамъ. Поэтому хотя теперь не видно ужъ такого множества догола пропившихся, но все-таки немного меньше прежняго встрѣчается пьянаго народу, шатающагося и валяющагося по улицамъ. Женщины также вовсе не считаютъ за стыдъ напиваться до пьяна и валяться пьяными на дорогѣ подлѣ мужей своихъ. Я сказалъ уже, что духовныя особы также не чужды порока пьянства. Попы и чернецы, такъ же, какъ и міряне и крестьяне, часто встрѣчаются пьяные. Хотя ни въ одномъ монастырѣ не держится вина, водки, меду или крѣпкаго пива, и только употребляется квасъ, но монахи пользуются свободою въ этомъ случаѣ, когда выходятъ изъ монастыря и посѣщаютъ своихъ добрыхъ пріятелей, при чемъ не ограничиваются тѣмъ, что сильно выпиваютъ въ гостяхъ, а требуютъ также, чтобы напитки отпустили съ ними домой, и часто они такъ напиваются, что только и можно по одеждѣ отличить ихъ отъ пьяныхъ мірянъ. Такъ какъ подобныя зрѣлища повторяются ежедневно, то никто изъ русскихъ не обращаетъ на это никакого вниманія.

Русскіе—большіе любители также табаку, и за нѣсколько лѣтъ передъ симъ каждый изъ нихъ носилъ табакъ при себѣ, такъ что простой и бѣдный человѣкъ копейку свою скорѣе отдастъ на табакъ, чѣмъ на хлѣбъ. Когда же увидали, что людямъ отъ табаку не только нѣтъ никакой пользы, но дѣлается, напротивъ, видимый вредъ (ибо при употребленіи табаку у всякаго человѣка, особенно же у прислуги и рабовъ, пропадаетъ много рабочаго времени; при томъ, по неосторожности съ огнемъ и искрами отъ куренія, много домовъ дѣлается жертвою пламени; наконецъ, дурной запахъ отъ табаку, который не проходитъ и тогда, когда народъ собирается на богослуженіе въ церкви, и стоитъ тамъ передъ образами, окуриваемыми только благовоніями и ладономъ), то это было причиною, что великій князь, посовѣтовавшись съ патріархомъ, совершенно запретилъ торговлю и употребленіе табаку, вмѣстѣ съ частною продажею водки и пива. Виновныхъ противъ этого запрещенія строго наказываютъ: выдергиваютъ имъ ноздри и всенародно сѣкутъ розгами, какъ это видѣли мы сами.

Такъ какъ русскіе по природѣ своей грубы и какъ бы рождены для рабства, то ихъ и держатъ всегда въ суровомъ и строгомъ подчиненіи и покорности, и даже на работу сгоняютъ палками или плетью, къ какому обращенію они довольно терпѣливы, потому что его требуетъ нравственное ихъ состояніе, и они привыкли къ этому. У нихъ ужъ такой

обычай и образъ унижаться передъ другими и выказывать свое рабское униженіе: когда имѣютъ дѣло съ какимъ-нибудь знатнымъ господиномъ, они привѣтствуютъ его земнымъ поклономъ, наклоняютъ низко голову, касаясь ею даже до земли, а иногда и просто валяются у него въ ногахъ и такимъ образомъ благодарятъ даже за побои и наказанія, которымъ онъ подвергалъ ихъ. Подобно тому, какъ всѣ подданные, высшаго и низшаго состоянія, считаются холопами, рабами и крѣпостными царя и дорожатъ этимъ названіемъ, такъ и бояре русскіе и знатные ихъ люди, въ свою очередь, имѣютъ своихъ рабовъ, крѣпостныхъ слугъ и крестьянъ. Князья и великіе бояре, чтобы выразить свое рабство и ничтожество передъ царемъ, между прочимъ, въ подписяхъ на просьбахъ своихъ и другихъ бумагахъ къ царю, подписываютъ обыкновенно имена свои уменьшительными словами, какъ напримѣръ: Ивашка вмѣсто Иванъ, Петрушка холопъ твой и т. п. Самъ великій князь, когда разговариваетъ съ кѣмъ, употребляетъ такія же уменьшительныя имена. Случается также, что великіе бояре, за преступленія свои, подвергаются такимъ же варварскимъ наказаніямъ, какимъ подвергаютъ они своихъ собственныхъ рабовъ. Вслѣдствіе всего этого они говорятъ даже, что все, что они имѣютъ, принадлежитъ Богу и ихъ великому князю. Иностранцы, состоящіе на службѣ, также должны унижаться передъ царемъ и всегда быть готовы исполнить его приказанія, нравятся или не нравятся они имъ. И хотя царь обыкновенно милостиво обходится съ знатнѣйшими людьми, но эти послѣдніе легко могутъ потерять это обращеніе и заслужить его немилость. Въ прежнее время было весьма опасно состоять придворнымъ врачемъ при великомъ князѣ: если данное имъ лѣкарство не подѣйствовало сообразно съ желаніемъ царя, или если больной умиралъ, несмотря на лѣченіе, тогда врачъ впадалъ въ величайшую немилость, и съ нимъ поступали какъ съ рабомъ.

Русскіе строго повинуются своимъ господамъ и военноначальникамъ, вѣрно и крѣпко стоятъ за нихъ, и если бы у нихъ были опытные чужеземные полковники и вожди (а въ этомъ-то у нихъ и большой недостатокъ), то они способны оказать подвиги великой храбрости и богатырскаго духа, хотя болѣе въ крѣпостяхъ и городахъ, чѣмъ въ открытомъ полѣ.

Въ битвахъ на открытомъ полѣ, въ садахъ городовъ и крѣпостей, русскіе не такъ храбры и стойки. То, что въ прошломъ году русскіе взяли городъ Смоленскъ, имѣя войска болѣе 200,000 человѣкъ, такъ же мало можетъ свидѣтельствовать о ихъ храбрости, какъ и то, что въ 1632 г. они съ величайшимъ стыдомъ и позоромъ должны были отступить отъ него, и оба эти случая не доблестны для русскихъ, хотя оба раза не обошлись безъ подозрѣнія въ измѣнѣ.

Хотя русскіе, особенно простой народъ, живя въ рабствѣ и подъ жестокимъ гнетомъ, изъ любви къ господамъ своимъ, могутъ сносить и вытерпливать весьма многое, но если гнетъ этотъ переходитъ мѣру, то про нихъ можно сказать: „Patientia saepe laesa fit tandem furor". Тогда въ нихъ возбуждается опасное возстаніе, которое грозитъ гибелью, если не высшему, то ближайшему ихъ начальству. Такъ бываетъ, напримѣръ, тогда, когда ихъ черезчуръ уже притѣсняютъ ихъ непосредственные начальники, или даже люди изъ ихъ же среды, и они не видятъ защиты отъ высшаго начальства. Если же однажды они вышли изъ терпѣнія и возмутились, то не легко бываетъ усмирить ихъ. Тогда они пренебрегаютъ всѣми, предстоящими имъ, опасностями, становятся способны на всякое насиліе и жестокость, дѣлаются совершенно безумными людьми.

Это хорошо извѣдалъ бывшій великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, а именно: когда русское войско возвратилось изъ бѣдственнаго похода подъ Смоленскъ, то оно крѣпко жаловалось на измѣну своего генерала Шеина; когда же жалобы войска не уважили и поступили былс строго съ жалующимися, тогда вспыхнуло всеобщее возстаніе, для утишенія котораго великій князь вынужденъ былъ обѣщать, что, для удовлетворенія народа, онъ прикажетъ казнить Шеина. Для того же, чтобы Шеинъ, безъ вреда другимъ, охотнѣе согласился на такое распоряженіе великаго князя, употреблена была слѣдующая хитрость: ему дано знать, что онъ только для виду будетъ выведенъ на мѣсто казни, но казненъ не будетъ; нужно только, чтобы народъ видѣлъ волю царя, и когда Шеинъ ляжетъ на плаху, тотчасъ же прислано будетъ на мѣсто ходатайство, по которому послѣдуетъ помилованіе, чѣмъ простой народъ и удовольствуется. Успокоясь этой доброй надеждой (еще болѣе укрѣпленный увѣреніями патріарха, къ которому генералъ питалъ особое довѣріе по нѣкоторымъ причинамъ), Шеинъ явился на мѣсто казни, легъ ничкомъ на землю, но въ то же время данъ былъ знакъ палачу рубить скорѣе, что палачъ и исполнилъ, и голова Шеина, окровавленная и пораненная въ нѣсколькихъ мѣстахъ, покатилась прочь отъ туловища. Затѣмъ, въ тотъ же день, сынъ Шеина, который также былъ подъ Смоленскомъ, по требованію народа, былъ, по ихъ обыкновенію, засѣченъ на смерть кнутомъ. Остальные пріятели Шеина сосланы были немедленно въ Сибирь; тогда только народъ удовольствовался, и возстаніе утихло. Случилось это въ іюнѣ 1633 года.

CXII. Основныя теченія умственной жизни русскаго общества въ XVI в.

(По соч. С. Г. Вилинскаго: «Посланія старца Артемія», Спб. 1906 г., «Исторіи русской литературы» А. Н. Пыпина, т. II, Спб. 1902 г., и «Исторіи русской литературы» А. К. Бороздина, в. VIII, М. 1909 г.).

Въ духовной жизни русскаго общества XVI вѣка можно замѣтить три направленія, связующія этотъ вѣкъ съ явленіями какъ предыдущей эпохи, такъ и послѣдующей. Этими направленіями были: во-первыхъ, стремленіе объединить духовную жизнь Московскаго государства и утвердить старину, какъ основу духовнаго преуспѣянія общества; во-вторыхъ, стремленіе къ освобожденію отъ византійскаго вліянія и, на ряду съ этимъ, проникновеніе вліянія западнаго, выразившагося сначала въ острой формѣ раціоналистическихъ ересей; въ-третьихъ, направленіе мистическаго характера, шедшее изъ Византіи и отразившееся главнымъ образомъ въ ученіи заволжскихъ старцевъ.

Эти три направленія, какъ и всѣ вообще явленія культурной жизни общества, должны быть поставлены въ тѣснѣйшую связь съ общими условіями исторической жизни русскаго общества, среди которыхъ, на ряду съ моментами чужеземнаго культурнаго вліянія, должны занять свое мѣсто и причины политическаго характера. Съ послѣдними особенно приходится имѣть дѣло, говоря о первомъ изъ этихъ направленій—стремленіи консервативнаго характера. Стремленіе это имѣло своею причиною политическое объединеніе всей Руси вокругъ Москвы. Объединеніе это, какъ извѣстно, почти закончилось къ XVI вѣку, и Москва явилась цен-

тромъ общерусской государственной жизни. Этотъ фактъ нашей исторіи В. О. Ключевскій формулируетъ такъ: „завершеніе территоріальнаго собиранія сѣверо-восточной Руси Москвой превратило Московское княжество въ національное великорусское государство и такимъ образомъ сообщило великому князю Московскому значеніе національнаго великорусскаго государя". Результатомъ этого политическаго объединенія русскихъ областей было, во-первыхъ, національное самовозвеличеніе московскихъ политиковъ; во-вторыхъ, стремленіе продлить объединеніе и подальше внѣшнихъ, политическихъ отношеній отдѣльныхъ областей, нынѣ связанныхъ въ единое государственное цѣлое,—продлить это объединеніе и на другія стороны культурной жизни: право, религію, бытъ, литературу. И вотъ начинаются попытки такого полнаго объединенія русской земли: въ области права уже въ концѣ XV вѣка (1497 г.) появился Судебникъ Іоанна III, имѣвшій цѣлью установленіе обязательныхъ общерусскихъ правовыхъ нормъ; въ 1550 г., при Іоаннѣ IV, этотъ Судебникъ пересматривается вновь. Въ области религіи предпринимается канонизація русскихъ святыхъ: соборы 1547 и 1549 гг., разсмотрѣвъ данныя о жизни святыхъ въ разныхъ мѣстахъ Руси, установили общерусское поклоненіе для большинства ихъ, оставивъ мѣстное поклоненіе лишь очень немногимъ. Мѣра эта имѣла далеко не только узкое церковное значеніе: канонизація показала, что Москва относится со вниманіемъ къ духовной жизни составляющихъ ее областей, что ихъ лучшія преданія находятъ у нея сочувственные отклики. Такимъ образомъ, актъ канонизаціи былъ укрѣпленіемъ отдѣльныхъ мѣстныхъ религіозныхъ традицій, приданіемъ имъ общегосударственной важности и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы подведеніемъ итоговъ религіозной жизни Руси въ періодъ раздробленія и обособленія составныхъ ея частей.

Къ той же области религіи относятся вопросы, возбужденные и рѣшенные на Стоглавомъ соборѣ 1551 года и изложенные въ извѣстномъ памятникѣ — „Стоглавникѣ" („Царскіе вопросы и соборные на нихъ отвѣты"). Роль собора была предначертана словами царя: соборъ долженъ былъ указать мѣры къ исправленію всѣхъ недостатковъ быта религіознаго, общественнаго (грамотность, школа, духовенство) и семейнаго, частнаго; соборъ долженъ былъ отыскать тотъ истинный путь, отъ котораго уклонилось общество. Всѣ эти недостатки, „нестроенія", уклоненія надо было свести къ одной нормѣ, установить общерусскую бытовую норму. Къ той же цѣли, въ сущности, стремится и Домострой, редакторъ котораго, уловивъ извѣстный тонъ общественнаго настроенія, собралъ памятникъ и составилъ его, имѣя въ виду выразить сущность древнерусской жизни, которая была такъ дорога и ему и его единомышленникамъ.

Наконецъ, въ области литературы должно указать на громадный трудъ митрополита Макарія — Четьи-Минеи, имѣвшія цѣлью объединить едва ли не все, что читалось въ русской землѣ, собрать воедино почти всѣ произведенія (оригинальныя и переводныя) древне-русской письменности.

Эта объединительная тенденція имѣетъ въ то же время важное значеніе и въ другомъ отношеніи: объединители, желая поставить духовную жизнь всей русской земли въ связь съ духовной жизнью Московскаго государства, въ то же время прекрасно сознаютъ, что и послѣдняя, т.-е. духовная жизнь Москвы, далеко еще не идеальна: „старина поисшаталась", „нравы порушились", открыто заявляютъ они, и ставятъ себѣ

задачей утвердить эту шатающуюся старину, выбрать изъ нея все лучшее, идеальное, что дѣйствительно достойно стать общерусскимъ и пріобрѣсти широкое значеніе.

Направленіе это получило свое начало не въ XVI вѣкѣ: вѣдь, и Геннадій Новгородскій и Іосифъ Волоцкій такіе же сторонники старины, и религіозной и общественной, даже съ еще меньшимъ духомъ критицизма по отношенію къ ней, чѣмъ какой проявили отцы Стоглаваго собора, Макарій, Іоаннъ Грозный, Сильвестръ, Нилъ Полевъ и другіе дѣятели этого направленія. Эта консервативная тенденція сказалась во второй половинѣ XV вѣка и въ первые годы XVI-го въ борьбѣ съ жидовствующими, позже—въ борьбѣ іосифлянъ съ заволжскими старцами. Отсюда, изъ желанія стоять выше упрековъ со стороны еретиковъ, могли проистекать и тѣ попытки къ утвержденію всего лучшаго, что̀ было въ старинѣ, и то осужденіе всѣхъ „душевредныхъ“ новшествъ, которое отличаетъ сторонниковъ старины въ XVI вѣкѣ. Такъ какъ такая работа—дѣло нелегкое и требовала для своего осуществленія знанія старины и мѣстныхъ новшествъ, то немудрено, что она тянулась довольно медленно, и высшій моментъ развитія консервативно-объединительныхъ стремленій падаетъ не на конецъ XV вѣка, а уже на середину XVI-го. Въ это время представители этого направленія получили и преобладающее вліяніе при дворѣ (въ эпоху жидовствующихъ было не совсѣмъ то), и личное убѣжденіе въ истинности своихъ взглядовъ и правомѣрности своихъ дѣйствій; вотъ почему къ религіознымъ вольнодумцамъ половины XVI вѣка и отношеніе нѣсколько иное, чѣмъ было къ жидовствующимъ: не было прежняго колебанія, почти сочувствія, уступавшаго лишь настояніямъ энергичныхъ личностей (какъ Геннадія),—съ Артеміемъ, Ѳеодосіемъ Косымъ, Иваномъ Висковатымъ дѣло не тормозилось, и даже незначительное проявленіе вольномыслія (напр., у Висковатаго) наказывалось строго. Оно и понятно: на сторонѣ приверженцевъ консервативно-объединительныхъ тенденцій была сила власти.

Изъ XV вѣка, равнымъ образомъ, беретъ свое начало и другое направленіе—вліяніе западное, сначала, можетъ быть, нечувствительно сказывавшееся въ жизни, но впослѣдствіи понемногу усилившееся. Развитію этого вліянія въ немалой мѣрѣ способствовали и сношенія съ Западомъ и даже самое объединеніе русской земли: въ составъ Московскаго государства вошелъ Новгородъ съ областью, а этотъ городъ, ведшій постоянныя торговыя сношенія съ западной Европой, несомнѣнно, значительно разнился отъ московской культуры: въ немъ являлись ереси и стригольниковъ и жидовствующихъ, въ качествѣ, вѣроятно, отголосковъ подобныхъ же западныхъ раціоналистическихъ движеній; изъ него, напр., въ Москву попали извѣстныя иконы новаго и западнаго письма, въ подлинности которыхъ усумнился дьякъ Иванъ Висковатый (въ половинѣ XVI вѣка). Войдя въ составъ Московскаго государства и будучи разселены по городамъ его послѣ покоренія Новгорода, новгородцы невольно разносили повсюду то западное вліяніе, подъ которымъ сами находились, и слѣды его сказались въ томъ, что старина переставала удовлетворять духовнымъ запросамъ общества, усиливалось вольномысліе, особенно религіозное, и приходилось заботиться объ утвержденіи старины. Именно заботы объ утвержденіи старины и служатъ подтвержденіемъ того, что существовала также партія, враждебная старинѣ. Правда, эта партія слабо проявлялась въ литературѣ, но слѣды ея были и здѣсь: переведенъ извѣстный „Луцидаріусъ“, противъ котораго, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ запад-

ныхъ новшествъ, боролся Максимъ Грекъ; появляется одна изъ редакцій хронографа, главное вниманіе обращающая на событія западныя; существовала даже цѣлая литература жидовствующихъ, которые, повидимому, были прикосновенны къ этому направленію. Отдѣльные факты свидѣтельствуютъ о существованіи проявленій этого направленія и въ жизни,— напр., дѣло дьяка Висковатаго, открывшаго неправославныя иконы, или хотя бы дѣло Артемія, обвинявшагося между прочимъ въ томъ, что хотѣлъ имѣть съ латинами преніе о вѣрѣ. Зачатки этого направленія можно замѣтить уже въ XV вѣкѣ; понемногу пробивается оно и въ XVI-мъ, но зато XVII в. является уже почти съ преобладаніемъ этого направленія, если не въ видѣ открытаго слѣдованія Западу, то въ видѣ протеста противъ остатковъ стараго византійскаго вліянія. Такое значеніе протеста, или разрушенія византійскаго вліянія, XVII вѣкъ унаслѣдовалъ отъ XVI и XV-го, гдѣ оно, какъ уже сказано, только начало проявляться.

Съ этимъ направленіемъ имѣетъ несомнѣнную связь движеніе конца XV вѣка, извѣстное подъ именемъ ереси жидовствующихъ.

Ясно, что ересь, т.-е. извѣстнаго рода религіозное броженіе, пошла въ разрѣзъ съ господствовавшимъ до той поры византійскимъ, строгимъ церковно-консервативнымъ направленіемъ, подобно тому, какъ авторитетъ этого направленія подрывался всякаго рода западными новшествами, обличавшимися въ XVI вѣкѣ, напр, Максимомъ Грекомъ. Не потому ли могъ и въ XVI вѣкѣ возникнуть или продолжать существовать интересъ къ Западу, что въ XV вѣкѣ и въ началѣ XVI „ересь“ подготовила для этого интереса почву, возбудивъ пытливость ума, критицизмъ русскаго человѣка? Предположеніе это кажется вѣроятнымъ и во всякомъ случаѣ оправдывается послѣдствіями: стремленіе къ освобожденію отъ общеобязательной нормы византійскихъ воззрѣній, ставшихъ традиціей для русскаго общества,—черта всѣхъ „религіозныхъ вольнодумцевъ“ XVI вѣка, проявлявшаяся у иныхъ въ болѣе, у иныхъ въ менѣе рѣзкой формѣ. Это церковное вольнодуміе выразилось прежде всего въ ересяхъ Башкина и Косого и въ отношеніи къ нимъ Артемія и другихъ заволжскихъ старцевъ.

Матвѣй Семеновичъ Башкинъ, боярскій сынъ, въ великій постъ 1553 г. пришелъ на исповѣдь къ священнику Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, Симеону, и, по словамъ послѣдняго, высказалъ ему нѣкоторыя свои сомнѣнія по вопросамъ нравственности. „Бога ради, пользуй меня душевно, — говорилъ Башкинъ своему духовнику, — ибо надо не только читать писанное въ евангельскихъ бесѣдахъ, но и выполнять на дѣлѣ; все начало отъ васъ, и потому вамъ, священникамъ, слѣдуетъ насъ учить; въ Евангеліи же сказано: научитеся отъ Меня, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть. Но какая нужда человѣку быть смирнымъ, кроткимъ, тихимъ? Это ваша обязанность: сперва исполняйте сами, а потомъ и учите“.

Въ другой разъ Башкинъ пригласилъ Симеона къ себѣ и, цитируя апостольскій текстъ: „Весь законъ въ словеси скончевается: возлюбиши искренняго своего, яко самъ себѣ, аще себѣ грызете и снѣдаете, блюдете, да не другъ отъ друга снѣдены будете“, говорилъ: „А мы Христовыхъ рабовъ у себя держимъ. Христосъ всѣхъ братіею нарицаетъ, а у насъ на иныхъ кабалы, на иныхъ бѣглыя, а на иныхъ нарядныя, а на иныхъ полныя, а я благодарю Бога моего, у меня что было кабалъ и полныхъ, то я всѣ изодралъ, да держу своихъ людей добровольно: добро ему, и онъ живетъ; а не добро—и онъ куда хочетъ. А вамъ, отцамъ,

хорошо бы посѣщать насъ почаще и наставлять, какъ намъ жить и какъ людей у себя держать, не изнуряя ихъ. Объ этомъ я видѣлъ въ правилахъ, и это мнѣ показалось хорошимъ".

Еще нѣсколько разъ предлагалъ Башкинъ „недоумѣнные" вопросы, казавшіеся духовнику „развратными", пока, наконецъ, послѣдній не повѣдалъ о „еретикѣ" Сильвестру, а тотъ Грозному. Башкина предали суду собора, на которомъ онъ долженъ былъ изложить свои взгляды. Въ нихъ было и раціоналистическое отрицаніе многихъ догматовъ и обрядовъ, и недовѣріе къ святоотеческимъ писаніямъ, изъ которыхъ монахи могли извлекать, напримѣръ, защиту монастырскихъ имѣній и т. д. Стали доискиваться, кто „развратилъ" Башкина, и оказалось, что свое ученіе онъ принялъ отъ аптекаря Матѳея, родомъ литвина, и отъ Андрея Хотѣева—латынниковъ, и что заволжскіе старцы не только „не хулили его злобы", но и „утверждали" въ ней, а они дѣйствительно, могли одобрить нѣкоторыя мнѣнія Башкина, напримѣръ, его отрицательное отношеніе къ обрядности или къ монастырскому землевладѣнію.

И вотъ судьи принялись за заволжскихъ старцевъ. Были привлечены къ суду бывшій троицкій игуменъ Артемій, монахи Ѳеодосій Косой и Игнатій, просвѣтитель лопарей св. Ѳеодоритъ и нѣкоторые другіе. Всѣ они были соборомъ 1553 г. осуждены, хотя настоящимъ еретикомъ изъ нихъ можно было признать одного только Ѳеодосія Косого. Что касается старца Артемія, то вся его ересь въ сущности сводилась къ снисходительному взгляду на „ребяческое самосмышленіе" Башкина и къ болѣе свободному отношенію къ буквѣ „божественнаго писанія", чѣмъ это было обычно въ средѣ тогдашняго, преимущественно осифлянскаго, духовенства. Тѣмъ не менѣе соборъ такъ формулировалъ еретичество Башкина и его „единомышленниковъ": 1) не признаютъ Іисуса Христа равнымъ Богу Отцу; 2) Тѣло и Кровь Христову считаютъ простымъ тѣломъ и виномъ; 3) святую, соборную и апостольскую Церковь отрицаютъ, говоря, что собраніе вѣрныхъ — только Церковь, а эти созданныя ничто; 4) отеческія преданія и житія святыхъ баснословіемъ называютъ и т. д.

За неимѣніемъ подлинныхъ показаній обвиняемыхъ нѣтъ никакой возможности судить, насколько правильна эта формулировка „ереси" по отношенію ко всѣмъ имъ. Можно предположить лишь, что съ ней совпадали взгляды Ѳеодосія Косого, противъ ученія котораго написалъ посланіе инокъ Зиновій Отенскій, и отчасти Башкина. Объ Артеміи же мы знаемъ, что послѣ своего бѣгства въ Литву, онъ вмѣстѣ съ кн. Курбскимъ сдѣлался извѣстенъ какъ ревностный защитникъ православія противъ лютеранства, соцініанства и всякихъ раціоналистическихъ теченій.

Какъ бы-то ни было, однако, всѣ эти „еретики", вѣроятно, обязаны первымъ пробужденіемъ своей критической мысли тому же великому движенію XV вѣка, которое извѣстно подъ названіемъ ереси жидовствующихъ; дороги, по которымъ пошли эти „вольнодумцы", разошлись, но отправная точка была одна: извѣстнаго рода раціонализмъ, стремленіе къ нѣкоторому освобожденію мысли отъ церковнаго вліянія, а эта точка зрѣнія была существеннѣйшимъ признакомъ жидовствующихъ.

Но византійскому вліянію, или, по крайней мѣрѣ, той формѣ внѣшней обрядности и благочестія, въ какую оно сложилось у насъ, являлось противодѣйствіе со стороны еще одного—третьяго—направленія, именно, такъ называемаго мистическаго направленія. И оно также не въ XVI вѣкѣ зародилось, а можетъ быть ведено едва ли не съ конца XIV вѣка, если

судить по времени появленія русскихъ списковъ славянскихъ переводовъ византійскихъ мистиковъ. Сущность этого направленія состоитъ въ ученіи о созерцаніи, какъ о средствѣ очистить душу отъ всего мірского, земного, подчинить ее Богу и воспринять путемъ „умной“ молитвы дѣйствіе благодати Духа. Въ монашествѣ наилучшее выраженіе свое это направленіе получило въ житіи скитскомъ, какъ представлявшемъ большія удобства къ подвижничеству. Этому направленію суждено было вступить въ борьбу съ оффиціальнымъ византійскимъ направленіемъ и противопоставить свое ученіе о созерцаніи и стремленіе къ пониманію духовной сущности христіанства тѣмъ основаніямъ обрядовой внѣшности, которыхъ такъ держалось русское общество. Впервые ясно это направленіе выразилось у преп. Нила Сорскаго и его учениковъ, когда произошелъ знаменитый споръ іосифлянъ съ заволжскими старцами сначала изъ-за наказанія еретиковъ (жидовствующихъ), позже изъ-за монастырскаго землевладѣнія. Обѣ стороны имѣли свои основанія: іосифляне числили за собой многовѣковую церковную традицію, примѣры византійской церкви и собственную церковную практику; заволжскіе старцы, отвергая внѣшнее пониманіе христіанства, требовали углубленія, проникновенія въ самый духъ христіанства, а это разрѣшало односторонность установившихся воззрѣній.

Чего они искали въ мистицизмѣ? Люди истинно и глубоко вѣрующіе, они не могли удовлетвориться ни тѣмъ почти исключительно внѣшне-обрядовымъ пониманіемъ религіи, какое находили въ средѣ іосифлянъ, ни, тѣмъ болѣе, тѣмъ отрицаніемъ важнѣйшихъ догматовъ религіи, какое находили у „жидовствующихъ“—раціоналистовъ. Имъ оставалось избрать какой-либо „средній путь“ между крайностями современниковъ, и избранный ими путь между слѣпымъ почитаніемъ обрядности и крайностями вольномыслія оказался именно „среднимъ“: они не отступили отъ основъ своей религіи, они лишь глубже и одухотвореннѣе стали понимать ее, и это пониманіе дано было имъ византійскими мистиками, крайностей которыхъ имъ все же удалось избѣжать. Не впадая ни въ вольномысліе, ни въ туманныя построенія мистицизма, ни въ крайности обрядности, они создали ученіе, которое по глубокому пониманію христіанства и по высотѣ изображенныхъ въ немъ идеаловъ имѣетъ значеніе и до нашихъ дней. Въ качествѣ иноковъ, и Нилъ Сорскій и его ученики ставили предъ собою прежде всего цѣли осуществленія своего иноческаго призванія. Это послѣднее, по ихъ воззрѣніямъ, состояло въ „мысленномъ дѣланіи, сердечномъ и умномъ храненіи“ т.-е. внутреннемъ духовномъ самосовершенствованіи, своего рода нравственномъ перевоспитаніи.

На соборѣ 1503 г., гдѣ присутствовали Паисій Ярославовъ, Нилъ Сорскій, Вассіанъ Патрикѣевъ и другіе бѣлозерскіе старцы, Нилъ Сорскій проявилъ много гражданскаго мужества, поднявъ важный вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи: „и нача старецъ Нилъ глаголати, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы черньцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ. А съ нимъ пустынники бѣлозерскіе“. Этотъ шагъ поставилъ школу Нила Сорскаго въ рѣшительное оппозиціонное положеніе къ господствующимъ оффиціально-іосифлянскимъ воззрѣніямъ тогдашняго духовенства и повелъ къ полемикѣ, которая тянулась довольно долго, перейдя изъ области литературы въ жизнь, гдѣ іосифляне были сильнѣе своихъ противниковъ и могли создавать для послѣднихъ такое положеніе, въ какомъ очутился, напр., Артемій въ Троицкомъ монастырѣ и на судѣ, обвиненный, какъ мы видѣли, въ ереси.

Такимъ образомъ, въ XVI вѣкѣ замѣчаемъ три направленія, стоящія во многихъ пунктахъ въ разладѣ другъ съ другомъ. Эти направленія ведутъ свое начало еще съ конца XV вѣка и переходятъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, даже въ XVII вѣкъ. Изъ этихъ направленій господствующимъ было традиціонное ортодоксально-православное, пока еще успѣшно боровшееся и съ шедшимъ съ Запада Европы раціонализмомъ, и съ шедшимъ съ Востока Европы мистицизмомъ.

CXIII. Западно-европейское вліяніе въ Московскомъ государствѣ XVII в.

(Изъ «Курса русской исторіи» В. О. Ключевскаго).

Обращаясь къ началу западнаго вліянія въ Россіи, необходимо напередъ точнѣе опредѣлить самое понятіе *вліянія*. И прежде, въ XV—XVI вв., Россія была знакома съ западной Европой, вела съ ней кое-какія дѣла, дипломатическія и торговыя, заимствовала плоды ея просвѣщенія, призывала ея художниковъ, мастеровъ, врачей, военныхъ людей. Это было *общеніе*, а не вліяніе. Вліяніе наступаетъ, когда общество, его воспринимающее, начинаетъ сознавать превосходство среды или культуры вліяющей и необходимость у нея учиться, нравственно ей подчиняться, заимствуя у нея не одни только житейскія удобства, но и самыя основы житейскаго порядка, взгляды, понятія, обычаи, общественныя отношенія. Такія признаки появляются у насъ въ отношеніи къ западной Европѣ только съ XVII в.

Почему же не въ XVI в. началось это вліяніе, духовно-нравственное подчиненіе? Его источникъ — недовольство своей жизнью, своимъ положеніемъ, а это недовольство исходило изъ затрудненія, въ какомъ очутилось московское правительство новой династіи и которое отозвалось съ большей или меньшей тягостью во всемъ обществѣ, во всѣхъ его классахъ. Затрудненіе состояло въ невозможности справиться съ насущными потребностями государства при наличныхъ домашнихъ средствахъ, какія давалъ существующій порядокъ, т.-е. въ сознаніи необходимости новой перестройки этого порядка, которая дала бы недостававшія государству средства. Такое затрудненіе не было новостью, не испытанной въ прежнее время; необходимость подобной перестройки теперь не впервые почувствовалась въ московскомъ обществѣ. Но прежде она не приводила къ тому, что случилось теперь. Съ половины XV в. московское правительство, объединяя Великороссію, все живѣе чувствовало невозможность справиться съ новыми задачами, поставленными этимъ объединеніемъ, при помощи старыхъ удѣльныхъ средствъ. Тогда оно и принялось строить новый государственный порядокъ, понемногу разваливая удѣльный. Оно строило этотъ новый порядокъ безъ чужой помощи, по своему разумѣнію, изъ матеріаловъ, какіе давала народная жизнь, руководясь опытами и указаніями своего прошлаго. Потому эта перестройка только укрѣпляла авторитетъ родной старины, поддерживала въ строителяхъ сознаніе своихъ народныхъ силъ, питала національную самоувѣренность. Въ XVI в. въ русскомъ обществѣ сложился даже взглядъ на

объединительницу Русской земли Москву, какъ на центръ и оплотъ всего православнаго Востока.

Теперь (въ XVII в.) было совсѣмъ не то: прорывавшаяся во всемъ несостоятельность существующаго порядка и неудача попытокъ его исправленія привели къ мысли о недоброкачественности самыхъ основаній этого порядка, заставляли многихъ думать, что истощился запасъ творческихъ силъ народа и доморощеннаго разумѣнія, что старина не дастъ пригодныхъ уроковъ для настоящаго и потому у нея нечему больше учиться, за нее не для чего больше держаться. Тогда и начался глубокій переломъ въ умахъ: въ московской правительственной средѣ и въ обществѣ появляются люди, которыхъ гнететъ сомнѣніе, завѣщала ли старина всю полноту средствъ, достаточныхъ для дальнѣйшаго благополучнаго существованія; они теряютъ прежнее національное самодовольство и начинаютъ оглядываться по сторонамъ, искать указаній и уроковъ у чужихъ людей, на Западѣ, все болѣе убѣждаясь въ его превосходствѣ и въ своей собственной отсталости. Такъ, на мѣсто падающей вѣры въ родную старину и въ силу народа является уныніе, недовѣріе къ своимъ силамъ, которое широко растворяетъ двери иноземному вліянію.

Трудно сказать, отчего произошла эта разница въ ходѣ явленій между XVI и XVII вв., почему прежде у насъ не замѣчали своей отсталости и не могли повторить созидательнаго опыта своихъ близкихъ предковъ: русскіе люди XVII в. что ли оказались слабѣе нервами и скуднѣе духовными силами сравнительно со своими дѣдами, людьми XVI в., или религіозно-нравственная самоувѣренность отцовъ подорвала духовную энергію дѣтей? Всего вѣроятнѣе, разница произошла отъ того, что измѣнилось наше отношеніе къ западно-европейскому міру. Тамъ, въ XVI и XVII вв. на развалинахъ феодальнаго порядка создались большія централизованныя государства; одновременно съ этимъ и народный трудъ вышелъ изъ тѣсной сферы феодальнаго поземельнаго хозяйства, въ которую онъ былъ насильственно заключенъ прежде. Благодаря географическимъ открытіямъ и техническимъ изобрѣтеніямъ ему открылся широкій просторъ для дѣятельности, и онъ началъ усиленно работать на новыхъ поприщахъ и новымъ капиталомъ, городскимъ или торгово-промышленнымъ, который вступилъ въ успѣшное состязаніе съ капиталомъ феодальнымъ, землевладѣльческимъ. Оба эти факта, политическая централизація и городской, буржуазный индустріализмъ, вели за собою значительные успѣхи съ одной стороны въ развитіи техники административной, финансовой и военной, въ устройствѣ постоянныхъ армій, въ новой организаціи налоговъ, въ развитіи теоріи народнаго и государственнаго холяйства, а съ другой — успѣхи въ развитіи техники экономической, въ созданіи торговыхъ флотовъ, въ развитіи фабричной промышленности, въ устройствѣ торговаго сбыта и кредита. Россія не участвовала во всѣхъ этихъ успѣхахъ, тратя свои силы и средства на внѣшнюю оборону и на кормленіе двора, правительства привилегированныхъ классовъ съ духовенствомъ включительно, ничего не дѣлавшихъ и неспособныхъ что-либо сдѣлать для экономическаго и духовнаго развитія народа. Поэтому въ XVII в. она оказалась болѣе отсталой отъ Запада, чѣмъ была въ началѣ XVI в. Итакъ, западное вліяніе вышло изъ чувства національнаго безсилія, а источникомъ этого чувства была все очевиднѣе вскрывавшаяся въ войнахъ, въ дипломатическихъ сношеніяхъ, въ торговомъ обмѣнѣ скудость собственныхъ матеріальныхъ и духов-

ныхъ средствъ передъ западно-европейскими, что вело къ сознанію своей отсталости.

Западное вліяніе, проникая въ Россію, встрѣтилось здѣсь съ другимъ господствовавшимъ въ ней дотолѣ вліяніемъ восточнымъ, греческимъ или византійскимъ. Между обоими этими вліяніями можно замѣтить существенную разницу, и я теперь же сопоставлю ихъ, чтобы видѣть, что оставляло въ Россіи одно изъ нихъ и что приносило съ собою другое. Греческое вліяніе было принесено и проводилось церковью и направлялось къ религіозно-нравственнымъ цѣлямъ. Западное вліяніе проводилось государствомъ и призвано было первоначально для удовлетворенія его матеріальныхъ потребностей, но не удержалось въ этой своей сферѣ, какъ держалось греческое въ своей. Византійское вліяніе далеко не захватывало всѣхъ сторонъ русской жизни: оно руководило лишь религіозно-нравственнымъ бытомъ народа, снабжало украшеніями и поддерживало туземную государственную власть, но давало мало указаній въ дѣлѣ государственнаго устроенія, внесло нѣсколько нормъ въ гражданское право, именно въ семейныя отношенія, слабо отражалось въ ежедневномъ житейскомъ обиходѣ и еще слабѣе въ народномъ хозяйствѣ, регулировало праздничное настроеніе и времяпровожденіе и то лишь до конца обѣдни, но мало увеличило запасъ положительныхъ знаній, не оставило замѣтныхъ слѣдовъ въ будничныхъ привычкахъ и понятіяхъ народа, предоставивъ во всемъ этомъ свободный просторъ самобытному національному творчеству или первобытному невѣжеству. Но не захватывая всего человѣка, не лишая его туземныхъ національныхъ особенностей, его самобытности, оно зато въ своей сферѣ захватывало все общество сверху донизу, проникало съ одинаковой силой во всѣ его классы; оно и сообщало такую духовную цѣльность древнерусскому обществу. Напротивъ, западное вліяніе постепенно проникало во всѣ сферы жизни, измѣняя понятія и отношенія, напирая одинаково сильно на государственный порядокъ, на общественный и будничный бытъ, внося новыя политическія идеи, гражданскія требованія, формы общежитія, новыя области знанія, передѣлывая костюмъ, нравы, привычки и вѣрованія, перелицовывая наружный видъ и перестраивая духовный складъ русскаго человѣка. Однако, захватывая всего человѣка, какъ личность и какъ гражданина, оно, по крайней мѣрѣ, доселѣ не успѣло захватить всего общества: съ такой поглащающей силой оно подѣйствовало лишь на тонкій, вѣчно подвижной и тревожный слой, который лежитъ на поверхности нашего общества. Итакъ, греческое вліяніе было церковное, западное—государственное. Греческое вліяніе захватывало все общество, не захватывая всего человѣка; западное захватывало всего человѣка, не захватывая всего общества.

Теперь познакомимся съ первыми проявленіями западнаго вліянія. Это вліяніе, насколько оно воспринималось и проводилось правительствомъ, развивалось довольно послѣдовательно, постепенно расширяя поле своего дѣйствія. Эта послѣдовательность исходила изъ желанія, скорѣе изъ необходимости для правительства согласовать нужды государства, толкавшія въ сторону вліянія, съ народной психологіей и собственной косностью, отъ него отталкивавшими. Правительство стало обращаться къ иноземцамъ за содѣйствіемъ прежде всего для удовлетворенія наиболѣе насущныхъ матеріальныхъ своихъ потребностей, касавшихся обороны страны, военнаго дѣла, въ чемъ особенно больно чувствовалась отсталость. Оно брало изъ-за границы военныя, а потомъ и другія техническія

усовершенствованія нехотя, не заглядывая далеко впередъ, въ возможныя послѣдствія своихъ начинаній и не допытываясь, какими усиліями западно-европейскій умъ достигъ такихъ техническихъ успѣховъ и какой взглядъ на мірозданіе и на задачи бытія направлялъ эти усилія. Понадобились пушки, ружья, машины, корабли, мастерства. Въ Москвѣ рѣшили, что всѣ эти предметы безопасны для душевнаго спасенія, и даже обученіе всѣмъ этимъ хитростямъ было признано дѣломъ безвреднымъ и безразличнымъ въ нравственномъ отношеніи: вѣдь и церковный уставъ допускаетъ въ случаѣ нужды отступленіе отъ каноническихъ предписаній въ подробностяхъ ежедневнаго обихода. Зато въ завѣтной области чувствъ, понятій, вѣрованій, гдѣ господствуютъ высшіе, руководящіе интересы жизни, рѣшено было не уступать иноземному вліянію ни одной пяди.

Этой осторожной уступкѣ русская армія XVII в. обязана была важными нововведеніями, русская обрабатывающая промышленность своими первыми успѣхами. Не разъ горькимъ опытомъ извѣдана была несостоятельность нашей конной дворянской милиціи при встрѣчѣ съ регулярной пѣхотой Запада, обученной строю и вооруженной огнестрѣльнымъ боемъ. Уже съ конца XVI в. Московское правительство начало восполнять свои рати иноземными боевыми силами. Сначала думали пользоваться боевой техникой Запада непосредственно, нанимая иноземныхъ ратниковъ и выписывая изъ-за границы боевые снаряды. Съ первыхъ лѣтъ царствованія Михаила правительство посылаетъ въ походы вмѣстѣ съ туземной ратью наемные отряды, однимъ изъ которыхъ командовалъ выѣзжій англійскій князь Астонъ. Потомъ сообразили, что выгоднѣе перенять боевой строй у иноземцевъ, чѣмъ просто нанимать ихъ, и начали отдавать русскихъ ратныхъ людей на выучку иноземнымъ офицерамъ, образуя свои правильно устроенные и обученные полки. Этотъ трудный переходъ русской арміи къ регулярному строю предпринятъ былъ около 1630 г., передъ второй войной съ Польшей. Долго и хлопотливо съ осторожностью побитыхъ готовились къ этой войнѣ. Охотниковъ идти на московскую службу было на Западѣ вдоволь: въ странахъ, прямо или косвенно захваченныхъ Тридцатилѣтней войной, бродило много боевого люда, искавшаго работы для своей шпаги. Тамъ уже знали, что срокъ перемирія (Деулинскаго) у Москвы съ Польшей на исходѣ и—быть войнѣ. Въ 1631 г. наемный полковникъ Лесли подрядился набрать въ Швеціи пятитысячный отрядъ охочихъ пѣшихъ солдатъ, закупить для нихъ оружіе и подговорить нѣмецкихъ мастеровъ для новаго пушечнаго завода, устроеннаго въ Москвѣ голландцемъ Коэтомъ. Въ то же время другой подрядчикъ, полковникъ Фандамъ взялся нанять въ другихъ земляхъ *регимент*ъ въ 1760 человѣкъ добрыхъ и ученыхъ солдатъ, также привести нѣмецкихъ пушкарей и опытныхъ инструкторовъ для обученія русскихъ служилыхъ людей ратному дѣлу. Иноземная воинская техника обходилась Москвѣ не дешево: на подъемъ, вооруженіе и годовое содержаніе Фандамова полка понадобилось до полутора милл. рублей на наши деньги; командиру пѣхотнаго полка, нанятаго Лесли, по контракту назначено было въ годъ жалованья не менѣе 22 тыс. руб. въ годъ на наши деньги. Неудача всѣхъ этихъ приготовленій подъ Смоленскомъ не остановила реорганизаціи войска. Для ея упроченія еще при царѣ Михаилѣ былъ составленъ уставъ для обученія ратныхъ людей иноземному строю, напечатанный при царѣ

Алексѣе въ 1647 г. подъ заглавіемъ: *Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей.*

Заведеніе полурегулярнаго войска само собою возбуждало вопросъ о средствахъ его вооруженія. Оружіе и артиллерійскіе снаряды выписывались изъ-за границы. Передъ войной 1632 г. велѣно было полковнику Лесли закупить въ Швеціи 10 тыс. мушкетовъ для арміи съ зарядами и 5 тыс. шпагъ, а во время войны выписывали изъ Голландіи десятки тысячъ пудовъ пороха и желѣзныхъ ядеръ, платя большую пошлину. Это было дорого и хлопотливо; стали думать о выдѣлкѣ собственнаго оружія. Нужда въ оружейныхъ заводахъ заставила обратить вниманіе на минеральныя богатства страны. У насъ вырабатывалось желѣзо въ окрестностяхъ Тулы и Устюжны изъ мѣстныхъ рудъ; это желѣзо передѣлывалось на домашнихъ горнахъ въ гвозди и другіе предметы домашняго обихода; въ Тулѣ выдѣлывали даже оружіе, самопалы, т.-е. ружья. Но все это не удовлетворяло нуждъ военнаго вѣдомства, и желѣзо тысячами пудовъ выписывалось изъ Швеціи. Чтобы повести металлургическое дѣло въ болѣе широкихъ размѣрахъ, нужно было призвать на помощь иноземныя знанія и капиталы. Тогда и начались усиленные поиски всякой руды и принялись вызывать изъ-за границы „рудознатцевъ", горныхъ инженеровъ и мастеровъ. Уже въ 1626 г. разрѣшенъ былъ свободный пріѣздъ въ Россію англійскому инженеру Бульмерру, который „своимъ ремесломъ и разумомъ знаетъ и умѣетъ находить руду золотую и серебряную и мѣдную и дорогое каменье и мѣста такія знаетъ достаточно". Съ помощью выписныхъ мастеровъ снаряжались развѣдочныя экспедиціи для разысканія и разработки серебряной и всякой иной руды въ Соликамскъ, на Сѣверную Двину, Мезень, на Канинъ Носъ, на Югорскій Шаръ, за Печору, къ рѣкѣ Косвѣ, даже въ Енисейскъ. Въ 1634 г. посылали въ Саксонію и Брауншвейгъ нанимать мѣдиплавильныхъ мастеровъ съ обѣщаніемъ, что „имъ мѣди будетъ дѣлать въ Московскомъ государствѣ много": значитъ, успѣли найти обильныя залежи мѣдной руды. Нашлись и заводчики, иноземные капиталисты. Въ 1632 г., передъ самой войной съ Польшей, голландскій купецъ Андрей Виніусъ съ товарищами получилъ концессію на устройство заводовъ близъ Тулы для выдѣлки чугуна и желѣза, обязавшись приготовлять для казны по удешевленнымъ цѣнамъ пушки, ядра, ружейные стволы и всякое желѣзо. Такъ возникли тульскіе оружейные заводы, послѣ взятые въ казну. Чтобы обезпечить ихъ рабочими, къ нимъ приписана была цѣлая дворцовая волость: такъ положено было начало классу заводскихъ крестьянъ. Въ 1644 г. другой компаніи иноземцевъ съ гамбургскимъ купцомъ Марселисомъ во главѣ дана была 20-лѣтняя концессія на устройство желѣзодѣлательныхъ заводовъ по рѣкамъ Вагѣ, Костромѣ, Шекснѣ и въ другихъ мѣстахъ на такихъ же условіяхъ. Въ самой Москвѣ еще при царѣ Михаилѣ былъ на Поганомъ прудѣ при рѣкѣ Неглинной заводъ, на которомъ иноземные мастера отливали большое количество пушекъ и колоколовъ; здѣсь и русскіе довольно хорошо выучивались литейному дѣлу. Заводчикамъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность русскихъ людей, отданныхъ имъ на выучку, учить всякому заводскому дѣлу и никакого мастерства отъ нихъ не скрывать. Въ одно время съ желѣзными строились заводы поташные, стеклянные и другіе. Вслѣдъ за рудознатцами потянулись въ Москву изъ-за границы по зову правительства мастера пушечные, бархатнаго, канительнаго, часового дѣла и „водяного взвода", каменщики, литейщики, живописцы: трудно сказать, какихъ только мастеровъ не выписывала

тогда Москва и все съ условіемъ: „нашего бъ государства люди то ремесло переняли“.

На Западѣ люди и государства богатѣли широкой морской торговлей, которая велась многочисленными торговыми флотами. Мысли о флотѣ, о гаваняхъ, о морской торговлѣ начали сильно занимать и московское правительство уже съ половины XVII в.: помышляли нанять въ Голландіи корабельныхъ плотниковъ и людей, которые могли бы управлять морскими кораблями; помянутый нами купецъ Виніусъ предлагалъ построить гребной флотъ для Каспійскаго моря. Въ 1669 г. на Окѣ, въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Дѣдиновѣ построили для Каспійскаго моря корабль *Орелъ*, вызвавъ для того корабельныхъ мастеровъ изъ Голландіи. Корабль съ нѣсколькими мелкими судами обошелся въ 9 тыс. рублей, около 125 тыс. руб. на наши деньги, и былъ спущенъ въ Астрахани; но тамъ этотъ первенецъ русскаго флота, какъ извѣстно, къ 1670 г. былъ сожженъ Разинымъ. Въ Московскомъ государствѣ были гавани на Бѣломъ морѣ у Архангельска, на Мурманѣ въ устьѣ Колы, но слишкомъ удаленныя отъ Москвы и отъ западно-европейскихъ рынковъ; отъ Балтійскаго моря мы были отрѣзаны шведами. Въ Москвѣ возникаетъ своеобразная мысль взять напрокатъ для будущаго московскаго флота чужія гавани. Въ 1662 г. московскій посолъ проѣздомъ въ Англію много говорилъ съ курляндскимъ канцлеромъ, нельзя ли какъ-нибудь завести московскіе корабли въ курляндскихъ гаваняхъ. Курляндскій канцлеръ отвѣтилъ, что великому государю пристойнѣе заводить корабли у своего города Архангельска.

Среди всей этой заводской и рудокопной хлопотни въ московскомъ правительствѣ начинаетъ какъ будто пробиваться мысль, особенно трудно ему дававшаяся. Оно строило свое финансовое хозяйство исключительно на узко-фискальномъ разсчетѣ, знало только казенную прибыль и не хотѣло имѣть никакого понятія о народномъ хозяйствѣ. При новомъ расходѣ, не покрываемомъ наличными поступленіями, оно обращалось къ своей привычной финансовой ариѳметикѣ, пересчитывало списочныхъ плательщиковъ, по ихъ числу распредѣляло „всвалъ“ понадобившуюся сумму и предписывало собрать ее съ угрозами за недоборъ въ видѣ единовременнаго „запроса“ или постояннаго налога, предоставляя плательщикамъ верстаться между собою, какъ знаютъ, и добывать деньги для платежа, какъ умѣютъ. Недоимки и докучливыя жалобы, что платить невмочь, служили единственными сдержками такой безпечальной финансовой политики. Увеличивая налоги, правительство не принимало никакихъ мѣръ къ усиленію налогоспособности народнаго труда. Однако наблюденія надъ торгово-промышленной оборотливостью и мастеровымъ умѣньемъ иноземцевъ и настойчивыя указанія своихъ торговыхъ людей, внушенныя такими же наблюденіями, постепенно вовлекали московскихъ финансистовъ въ кругъ незнакомыхъ имъ народно-хозяйственныхъ понятій и отношеній и противъ ихъ воли расширяли ихъ правительственный кругозоръ, навязывали имъ трудныя для ихъ умовъ мысли, что возвышенію налоговъ долженъ предшествовать подъемъ производительности народнаго труда, а для того онъ долженъ быть направленъ на новыя доходныя производства, на открытіе и разработку втунѣ лежащихъ богатствъ страны, для чего нужны мастера, знанія, навыки, организація дѣла. Такіе помыслы — первое впечатлѣніе, произведенное западнымъ вліяніемъ на московское правительство и нашедшее себѣ отзвукъ и въ обществѣ. Вызванныя имъ правительственныя хлопоты, поиски руды,

корабельныхъ лѣсовъ, мѣстъ для солеваренъ, устройство лѣсопильныхъ заводовъ, опросы обывателей о вѣдомыхъ имъ прибыльныхъ угодьяхъ, возбуждали населеніе видами на новый заработокъ и государево жалованье за указанія.

Такъ московское правительство и общество почувствовали настоятельную нужду въ военной и промышленной техникѣ западной Европы, даже рѣшимость поучиться той и другой. Можетъ-быть, въ первое время ничего кромѣ этой техники и не требовалось насущными потребностями государства; но общественное движеніе, разъ возбужденное извѣстнымъ толчкомъ, обыкновенно на самомъ ходу осложняется новыми, влекущими его дальше намѣченнаго предѣла.

Усиленный спросъ привлекъ въ Москву множество иноземныхъ техниковъ, офицеровъ и солдатъ, врачей, мастеровъ, купцовъ, заводчиковъ. Еще въ XVI в. при Грозномъ изъ западно-европейскихъ пришельцевъ образовалась подъ Москвой по р. Яузѣ Нѣмецкая слобода. Бури Смутнаго времени разметали это иноземное гнѣздо. Съ воцаренія Михаила, когда усилился приливъ иноземцевъ въ столицу, они селились здѣсь гдѣ ни попало, покупая дворы у туземцевъ, заводили пивныя, построили кирки внутри города. Тѣсное соприкосновеніе пришельцевъ съ туземцами, соблазны и столкновенія, отсюда возникавшія, жалобы московскаго духовенства на сосѣдство кирокъ съ русскими церквами смущали московскія власти, и при царѣ Михаилѣ былъ изданъ указъ, воспрещавшій нѣмцамъ покупать дворы у москвичей и строить кирки внутри Москвы. Въ 1643 г. старыя кирки внутри Москвы указано было сломать и отведено было мѣсто для новой кирки за Землянымъ валомъ, а въ 1652 г. и всѣ нѣмцы, разсѣянные по Москвѣ, выселены были изъ столицы за Покровку на р. Яузу, и тамъ, на мѣстѣ бывшихъ нѣкогда нѣмецкихъ дворовъ, отведены были имъ участки по чину и званію каждаго. Такъ возникла новая Нѣмецкая или Иноземная слобода, скоро разросшаяся въ значительный и благоустроенный городокъ съ прямыми широкими улицами и переулками, съ красивыми деревянными домиками. По свѣдѣніямъ Олеарія, въ слободѣ уже въ первые годы ея существованія было до тысячи человѣкъ, а другой иноземецъ Мейербергъ, бывшій въ Москвѣ въ 1660 г., неопредѣленно говоритъ о множествѣ иностранцевъ въ слободѣ. Тамъ были три лютеранскія церкви, одна реформатская и нѣмецкая школа. Разноплеменное, разноязычное и разнозванное населеніе пользовалось достаткомъ и жило весело, не стѣсняемое въ своихъ обычаяхъ и нравахъ. Это былъ уголокъ западной Европы, пріютившійся на восточной окраинѣ Москвы.

Это нѣмецкое поселеніе и стало проводникомъ западно-европейской культуры въ такихъ сферахъ московской жизни, гдѣ она еще не требовалась насущными матеріальными нуждами государства. Мастера, капиталисты и офицеры, которыхъ правительство выписывало для внѣшней обороны и для внутреннихъ хозяйственныхъ надобностей, вмѣстѣ со своей военной и промышленной техникой приносили въ Москву и западноевропейскій комфортъ, житейскія удобства и увеселенія, и любопытно слѣдить за московскими верхами, какъ они падко бросаются на иноземную роскошь, на привозныя приманки, ломая свои старые предубѣжденія, вкусы и привычки. Внѣшнія политическія отношенія, несомнѣнно, поддерживали эту наклонность къ иноземнымъ удобствамъ и развлеченіямъ. Частыя посольства, пріѣзжавшія въ Москву изъ-за границы, возбуждали здѣсь желаніе показаться иноземнымъ наблюдателямъ въ лучшемъ видѣ,

показать, что и здѣсь умѣютъ жить, какъ живутъ хорошіе люди. Русскимъ посламъ, отправлявшимся за границу, правительство наказывало внимательно присматриваться къ обстановкѣ и увеселеніямъ заграничныхъ дворовъ, и можно замѣтить, какое важное значеніе придавали эти послы въ своихъ дипломатическихъ донесеніяхъ придворнымъ баламъ и особенно спектаклямъ. Дворянинъ Лихачевъ, отправленный въ 1659 г. къ тосканскому герцогу съ дипломатическимъ порученіемъ, былъ приглашенъ во Флоренціи на придворный балъ со спектаклемъ. Въ посольскомъ донесеніи эта „игра“ или „комедія“ описана съ мелочными подробностями — знакъ, что такимъ дѣломъ интересовались въ Москвѣ. Москвичи старались не пропустить ни одной сцены, ни одной декораціи. „Объявилися палаты, и бывъ палата и внизъ уйдетъ, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море, колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ, а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди... Да спущался съ неба на облакѣ сѣдъ человѣкъ въ коретѣ, да противъ его въ другой коретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки (рысаки) подъ коретами какъ есть живы, ногами подрягиваютъ. А князь сказалъ, что одно—солнце, а другое—мѣсяцъ... А въ иной перемѣнѣ объявилося человѣкъ съ 50 въ латахъ и почали саблями и шпагами рубитися и изъ пищалей стрѣляти и человѣка съ три какъ будто и убили. И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ занавѣса въ золотѣ и танцуютъ; и многія диковинки дѣлали“. Котошихинъ, описывая бытъ высшихъ московскихъ классовъ, говоритъ, что Московскаго государства люди „домами своими живутъ негораздо устроенными“, а въ домахъ своихъ живутъ „безъ великаго жъ устроенія“, безъ особеннаго удобства и благолѣпія. На рисункахъ упомянутаго Мейерберга видимъ митрополита крутицкаго, ѣдущаго въ неуклюжихъ саняхъ, и наглухо закрытую кибитку, въ какой выѣзжала царица. Теперь, подражая иноземнымъ образцамъ, царь и бояре въ Москвѣ начинаютъ выѣзжать въ нарядныхъ нѣмецкихъ каретахъ, обитыхъ бархатомъ, съ хрустальными стеклами, украшенныхъ живописью; бояре и богатые купцы начинаютъ строить каменныя палаты на мѣсто плохихъ деревянныхъ хоромъ, заводятъ домашнюю обстановку на иноземный ладъ, обиваютъ стѣны „золотыми кожами“ бельгійской работы, украшаютъ комнаты картинами, часами, которые царь Михаилъ, невольный домосѣдъ съ больными ногами, рѣшительно не знавшій, куда дѣвать свое время, такъ любилъ, что загромоздилъ ими свою комнату, заводятъ музыку на пирахъ: у царя Алексѣя во дворцѣ во время вечерняго стола „въ органы игралъ нѣмчинъ, въ трубы трубили и по литаврамъ били“. Иноземное искусство призывалось украшать туземную грубость. Царь Алексѣй своему любимцу, воспитателю и потомъ свояку, боярину Б. И. Морозову подарилъ свадебную карету, обтянутую золотой парчою, подбитую дорогимъ соболемъ и окованную вездѣ вмѣсто желѣза чистымъ серебромъ; даже толстыя шины на колесахъ были серебряныя. Въ 1648 г., грабя домъ Морозова, мятежники ободрали и исковеркали эту драгоцѣнность. Тотъ же царь на помянутомъ вечернемъ пиру съ нѣмецкой музыкой жаловалъ своихъ гостей съ духовникомъ своимъ включительно, напоилъ всѣхъ допьяна; разъѣхались далеко за полночь. Московскимъ посламъ предписывалось подговаривать за границей на государеву службу трубачей самыхъ добрыхъ и ученыхъ, которые умѣли бы со всякимъ свидѣтельствомъ на высокой трубѣ танцы трубить. При дворѣ и въ высшемъ кругу развивается страсть къ „комедійнымъ дѣйствамъ“, театральнымъ зрѣлищамъ. Не безъ религіозной

робости отважились въ Москвѣ на это увеселеніе, „бѣсовскую игру, пакость душевную“, по воззрѣніямъ строгихъ блюстителей истаго благочестія. Царь Алексѣй совѣтовался объ этомъ съ духовникомъ, который разрѣшилъ ему театральныя зрѣлища, приводя въ оправданіе примѣры византійскихъ императоровъ. „Комедіи“ играла на придворной сценѣ драматическая труппа, спѣшно набранная изъ дѣтей служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ и кое-какъ обученная пасторомъ лютеранской церкви въ Нѣмецкой слободѣ, магистромъ Іоганномъ Готфридомъ Грегори, которому царь въ 1672 г. на радости о рожденіи царевича Петра указалъ „учинить комедію“. Для этого въ подмосковномъ селѣ Преображенскомъ, впослѣдствіи любимомъ мѣстѣ игръ Петра, построенъ былъ театръ, „комедійная хоромина“. Здѣсь въ концѣ того года царь и смотрѣлъ поставленную пасторомъ комедію объ Эсѳири, такъ ему понравившуюся, что онъ пожаловалъ режиссера „за комедійное строеніе“ соболями цѣной до 1500 руб. на наши деньги. Кромѣ Эсѳири Грегори ставилъ на царскомъ театрѣ еще Юдиѳь, „прохладную“, т.-е. веселую комедію объ Іосифѣ, „жалостную“ комедію объ Адамѣ и Евѣ, т.-е. о паденіи и искупленіи человѣка и др. Несмотря на библейскіе сюжеты, это были не средневѣковыя нравоучительныя мистеріи, а переводныя съ нѣмецкаго пьесы новаго пошиба, поражавшія зрителя страшными сценами казней, сраженій, пушечной пальбой, и вмѣстѣ съ тѣмъ (за исключеніемъ трагедіи объ Адамѣ и Евѣ) смѣшившія примѣсью комическаго, точнѣе, балаганнаго элемента въ лицѣ шута, необходимаго персонажа такой пьесы, съ грубыми, часто непристойными выходками. Спѣшили заготовить и своихъ природныхъ актеровъ. Въ 1673 г. у Грегори уже училось комедійному дѣлу 26 молодыхъ людей, набранныхъ въ комедіанты изъ московской Новомѣщанской слободы. Не успѣли еще завести элементарной школы грамотности, а уже поспѣшили устроить театральное училище. Отъ комедій съ библейскимъ содержаніемъ скоро перешли и къ балету: въ 1674 г. на заговѣньѣ царь съ царицей, дѣтьми и боярами смотрѣли въ Преображенскомъ комедію, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, послѣ чего нѣмцы и дворовые люди министра иностранныхъ дѣлъ Матвѣева, также обучавшіеся у Грегори театральному искусству, играли на „фіоляхъ, органахъ и на страментахъ и танцовали“. Всѣ эти новости и увеселенія, повторю, были роскошью для высшаго московскаго общества; зато они воспитывали въ немъ новые болѣе утонченные вкусы и потребности, незнакомые русскимъ людямъ прежнихъ поколѣній. Остановится ли московское общество на этихъ удобствахъ и увеселеніяхъ, которыя оно столь нетерпѣливо заимствовало?

Первоначально, наши предки XVII в., заимствуя западно-европейскій комфортъ, думали, что имъ не понадобится усвоять чужія знанія и понятія, не придется отказываться отъ своихъ. Въ этомъ состояла ихъ простодушная ошибка, въ какую впадаютъ всѣ мнительные и запоздалые подражатели. Въ Москвѣ XVII в., бросаясь на заморскія приманки, такъ же стали понемногу и смутно чувствовать тѣ духовные интересы и усилія, которыми онѣ были созданы, и полюбили эти интересы и усилія, прежде чѣмъ уяснили себѣ ихъ отношеніе къ доморощеннымъ понятіямъ и вкусамъ, полюбили ихъ сперва тоже какъ житейское развлеченіе, какъ пріятный и еще неиспытанный моціонъ засидѣвшейся на Требникѣ мысли. Въ одно время съ заимствованіемъ иноземныхъ потѣшныхъ „хитростей“ и увеселительныхъ „вымысловъ“, въ высшихъ московскихъ кругахъ какъ будто пробуждается умственная любознательность, интересъ къ научному

образованію, охота къ размышленію о такихъ предметахъ, которые не входили въ обычный кругозоръ древнерусскаго человѣка, въ кругъ его ежедневныхъ насущныхъ потребностей. При дворѣ составляется кружокъ вліятельныхъ любителей западно-европейскаго комфорта и даже образованія: дядя царя Алексѣя, ласковый и веселый Никита Ив. Романовъ, первый богачъ послѣ царя и самый популярный изъ бояръ, покровитель и любитель нѣмцевъ, большой охотникъ до ихъ музыки и костюма и немножко вольнодумецъ; потомъ воспитатель и своякъ царя Бор. Ив. Морозовъ, въ преклонныхъ лѣтахъ горько жаловавшійся на то, что въ молодости не получилъ надлежащаго образованія, одѣвшій своего питомца съ состоявшими при немъ сверстниками въ нѣмецкое платье; окольничій Ѳед. Мих. Ртищевъ, ревнитель наукъ и школьнаго образованія; начальникъ Посольскаго приказа, образованный дипломатъ Аѳ. Лавр. Ординъ-Нащокинъ; его преемникъ, бояринъ Артам. Серг. Матвѣевъ, дьячій сынъ, другой любимецъ царя, первый москвичъ, открывшій въ своемъ по-европейски убранномъ домѣ нѣчто вродѣ журфиксовъ, собранія, съ цѣлью говорить, обмѣняться мыслями и новостями, съ участіемъ хозяйки и безъ попоекъ, устроитель придворнаго театра. Такъ нечувствительно измѣнялось отношеніе русскаго общества къ западной Европѣ: прежде на нее смотрѣли только какъ на мастерскую военныхъ и другихъ издѣлій, которыя можно купить, не спрашивая, какъ они дѣлаются: теперь сталъ устанавливаться взглядъ на нее, какъ на школу, въ которой можно научиться не только мастерствамъ, но и умѣнью жить и мыслить.

CXIV. Умственное состояніе Московскаго государства въ XVII в.

(Ст. С. В. Вознесенскаго).

XVI-е столѣтіе въ исторіи Россіи было по преимуществу временемъ подведенія итоговъ во всѣхъ областяхъ тогдашней жизни, въ томъ числѣ и въ области умственной. Въ эту эпоху окончательно сложилось московское національно-религіозное міровоззрѣніе, сущность котораго составляли церковная обрядность и тѣсно связанный съ нею консерватизмъ преданія и быта. Это міровоззрѣніе было признано какъ исконное, единственно правильное, не подлежавшее поэтому никакимъ измѣненіямъ, не терпѣвшее никакихъ нововведеній.

Иной характеръ носила умственная жизнь Московскаго государства въ XVII в. Правда, и теперь русское общество, опутанное традиціей, напуганное ужасами „великой разрухи", пыталось было опереться на авторитетъ старины и еще сильнѣе, чѣмъ въ XVI в., забронировать себя противъ все болѣе усиливавшихся иноземныхъ вліяній. Но то, что было вполнѣ возможно въ XVI в., оказалось недостижимымъ въ XVII. Китайская стѣна, отдѣлявшая Россію въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій отъ Европы, дала теперь широкія трещины, и сквозь эти трещины мощнымъ потокомъ стали врываться иноземныя вліянія. Недалеко уже было время, когда долженъ былъ пробить, наконецъ, часъ для „послѣдней Руси", какъ назвалъ протопопъ Аввакумъ ту Русь, которая стремилась жить неизмѣнно по старому преданію и идеаломъ которой была

полная неподвижность старины. А „рядомъ съ послѣднею Русью,—говоритъ А. Н Пыпинъ,—среди самой Москвы, жившей этимъ преданіемъ, имъ дорожившей и недумавшей выходитъ изъ круга благочестивыхъ обычаевъ старины, возникала новая Русь, и въ ней сказалась, наконецъ, историческая сила великаго народа, искавшаго простора для своей умственной и нравственной дѣятельности, которая слишкомъ долго была задержана тяжелыми условіями его исторической судьбы" [1]).

Конечно, эти новыя стремленія были сначала очень нерѣшительны и скорѣе инстинктивны, чѣмъ сознательны. Но уже въ первой половинѣ XVII в. они, тѣмъ не менѣе, проявились даже въ той области жизни, которую старались наиболѣе охранить отъ иноземнаго воздѣйствія, именно въ области вѣры. Въ XVI в., какъ мы говорили, всѣ усилія руководителей русскаго общества были направлены къ тому, чтобы обнаружившіеся въ то время результаты органическаго развитія Москвы сдѣлать общеобязательными нормами для послѣдующаго существованія ея и этимъ путемъ уничтожить въ корнѣ всякіе зародыши критическаго отношенія къ дѣйствительности. Но уже тогда, въ XVI в., стало ясно, что для выполненія подобнаго рода работы необходимо прежде всего очистить церковно-обрядовую старину отъ незамѣто вошедшихъ въ нее искаженій. О ея порчѣ заявлялъ еще въ первой четверти XVI ст. пріѣхавшій въ Россію Максимъ Грекъ; однако въ его заботахъ объ исправленіи церковныхъ книгъ и обрядовъ увидѣли одно только „причиненіе досады" московскимъ угодникамъ, которые спасались, читая старыя книги и исполняя старые обряды. Тѣмъ не менѣе, самаго факта испорченности книгъ и искаженія обрядовъ русскіе іерархи отрицать не могли, такъ какъ указанія Максима Грека на отличія этихъ книгъ и обрядовъ отъ книгъ и обрядовъ старовизантійскихъ вполнѣ подтвердились. И вотъ уже на Стоглавомъ соборѣ былъ поднятъ вопросъ объ очищеніи свято-отеческой старины отъ позднѣйшихъ наслоеній и измѣненій, но правильно рѣшить его соборнымъ отцамъ не удалось: даже лучшіе представители русской церкви были еще слишкомъ невѣжественны, чтобы правильно отличить „обычаи прежнихъ временъ", „старыя преданія и законы" отъ искажавшихъ ихъ новшествъ. Поэтому, многія изъ постановленій, какія были приняты на соборѣ 1551 г. для „исправленія истинной и непорочной нашей христіанской вѣры", людямъ маломальски образованнымъ казались преисполненными ошибокъ и заблужденій, что впослѣдствіи и было признано оффиціально соборомъ 1667 г. Такимъ образомъ дѣйствительное утвержденіе и укрѣпленіе „поисшатавшейся" святоотеческой старины въ XVI в. превышало наличные рессурсы русской церкви.

Не сразу удалось ей выполнить эту задачу и въ XVII ст. Правда, послѣ Смуты за дѣло взялись болѣе энергично, такъ какъ встревоженное общество, пережившее небывалое „шатаніе" исконнаго уклада своей жизни, съ болѣзненной остротой почувствовало необходимость опереться на незыблемый авторитетъ старины. Однако, вновь начавшееся при патр. Филаретѣ утвержденіе и укрѣпленіе старины было попрежнему безуспѣшнымъ, такъ какъ при этомъ рѣшили обойтись съ помощью домашнихъ средствъ: работу по исправленію церковныхъ книгъ поручили исключительно русскимъ людямъ: Троицкому архимандриту Діонисію и его помощникамъ Арсенію Глухому, Ивану Насѣдкѣ и др.

Это порученіе они выполнили неудачно. Въ сдѣланныхъ ими

[1]) „Исторія русской литературы", т. II, Спб. 1902, стр, 297.

правкахъ Требника, съ котораго они начали свой трудъ, отыскали „ересь". Въ то же время стало очевиднымъ, что у русскихъ людей не хватаетъ богословскихъ знаній. Тѣмъ не менѣе, и при патр. Іосифѣ исправленіе книгъ все же оставалось въ рукахъ русскихъ людей. „Къ сожалѣнію,— говоритъ митр. Макарій,—эти справщики, можетъ быть, и лучшіе грамотеи и начетчики своего времени, были недостаточно подготовлены къ своему дѣлу и, при всемъ усердіи исправлять книги, наполнили ихъ при печатаніи множествомъ ошибокъ" [1]). Такимъ образомъ ихъ работа дала столь-же неудовлетворительный результатъ, какъ и работа отцовъ Стоглаваго собора.

Волей неволей приходилось поэтому обратиться къ грекамъ, а потомъ и малороссамъ, къ тѣмъ самымъ грекамъ, православіе которыхъ въ глазахъ москвичей было заподозрѣно со временъ Флорентійской уніи и паденія Константинополя, и къ тѣмъ самымъ малороссамъ, которыхъ еще въ 30-хъ гг. XVII в. упрекали на Руси въ склонности къ латинству.

И вотъ, при томъ же патр. Іосифѣ стали вызывать въ Москву ученыхъ грековъ и малороссовъ сначала только для перевода греческихъ книгъ, съ которыми можно-бы было свѣрять русскія. Вмѣстѣ съ тѣмъ усиленно переводились и книги малорусскія, вродѣ „Кирилловой книги", составленной изъ поученій Зизанія, Копыстенскаго и др., „Славянской грамматики" Смотрицкаго и „Малаго Катехизиса" Петра Могилы. Одновременно была предпринята бояриномъ Ртищевымъ попытка устроить въ Москвѣ богословскую школу. Но, конечно, ни эти переводные книги, ни эта школа не могли сразу создать на Руси образованныхъ богослововъ, а потому допущеніе иноземныхъ богослововъ къ исправленію московскихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ становилось все болѣе и болѣе настоятельной потребностью.

Это вполнѣ понялъ, наконецъ, слѣдующій русскій патріархъ, Никонъ. Съ помощью малороссовъ, напримѣръ, Арсенія Сатановскаго и Епифанія Славинецкаго, а также грековъ, особенно Арсенія Грека, и съ одобренія восточныхъ патріарховъ онъ выполнилъ задачу, объ осуществленіи которой русскіе люди помышляли почти полтора столѣтія [2]).

Реформа Никона, благодаря своему радикализму и порывистому характеру, вызвала въ обществѣ глубокій расколъ, пищу для котораго дало на ряду съ преобразовательнымъ движеніемъ въ церкви, и преобразовательное движеніе въ государствѣ. Къ обоимъ этимъ движеніямъ ни низшее духовенство, ни народная масса не были подготовлены. Они выводили ихъ изъ состоянія спокойнаго національнаго и религіознаго самодовольства. „Порывистое и раздраженное гоненіе привычныхъ обрядовъ,— говоритъ В. О. Ключевскій [3]), — оскорбляло національное самолюбіе, не давало встревоженной совѣсти одуматься и переломить свои привычки и предразсудки, а наблюденіе, что латинское вліяніе дало первый толчекъ этимъ преобразовательнымъ порывамъ, наполнило умы паническимъ ужасомъ при догадкѣ, что этой ломкой родной старины двигаетъ скрытая злокозненная рука изъ Рима".

Разорвавъ русское общество на двѣ части и завербовавъ одну изъ

---

[1]) „Исторія русск. церкви", т. XII, Спб. 1887, стр. 196. Цит. по „Исторіи русск. литературы" А. Н. Пыпина, т. II, стр. 262.

[2]) См. статьи о церковной реформѣ и расколѣ Соловьева, В. Д. Ключевскаго, Щапова и П. Н. Милюкова во II т. „Хрестоматіи", въ отдѣлѣ: „Царствованіе Алексѣя Михайловича.".

[3]) „Курсъ русской исторіи", ч. III, Спб. 1908 г., стр. 405.

нихъ въ ряды фанатическихъ приверженцевъ старины—старообрядцевъ, расколъ, далѣе, оказалъ вліяніе и на другую часть, признававшую необходимость просвѣщенія. Онъ не только заставилъ еще острѣе почувствовать нужду въ правильно поставленной церковной школѣ для борьбы съ народнымъ невѣжествомъ, но и повліялъ на самый характеръ этой школы, вызвавъ вопросъ, какого типа и направленія она должна была быть.

Какъ намъ уже извѣстно, для проведенія церковной реформы Москва со времени патріарха Никона въ равной мѣрѣ пользовалась услугами и грековъ, и кіевлянъ. Но затѣмъ, съ возникновеніемъ и распространеніемъ раскола, іерархи Московской церкви стали предпочитать грековъ и тѣхъ изъ малороссіянъ, которые были родственны по духу первымъ, какъ, напримѣръ, Епифаній Славинецкій и его ученикъ Евѳимій Премудрый. Наоборотъ, на малороссовъ, относившихся къ католическому западу съ бо́льшимъ сочувствіемъ, чѣмъ къ православному востоку, начали смотрѣть недовѣрчиво. Надъ нѣкоторыми изъ нихъ, напримѣръ, Симеономъ Полоцкимъ и его ученикомъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ, даже тяготѣло подозреніе въ ереси—ихъ считали „хлѣбопоклонниками", исповѣдывавшими латинское ученіе о времени пресуществленія св. даровъ.

Немудрено, что, когда въ царствованіе Ѳеодора былъ поставленъ вопросъ о характерѣ учреждавшейся академіи, возникъ горячій споръ о томъ, латинскій-ли или греческій языкъ долженъ лечь въ основу православнаго церковнаго просвѣщенія. „Эти языки, замѣчаетъ В. О. Ключевскій,—были тогда не просто разные грамматики и лексиконы, а разныя системы образованія, враждебныя культуры, непримиримыя міросозерцанія. Латынь—это „свободныя ученія", „свобода взысканія", свобода изслѣдованія; это—науки, отвѣчающія и высшимъ духовнымъ, и ежедневнымъ житейскимъ нуждамъ человѣка; а греческій языкъ — это „священная философія", грамматика, риторики, діалектика, какъ служебныя науки, вспомогательныя средства для уразумѣнія слова Божія" [1]).

Восторжествовали „эллинисты", добившіеся того, что академія попала въ ихъ руки [2]) и изъ разсадника свободныхъ наукъ, которымъ она должна была быть, превратилась, какъ мѣтко выразился В. О. Ключевскій, въ „церковно-полицейское учебное заведеніе": оттуда выходили люди, настолько малообразованные, что они на почвѣ богословской борьбы не представляли въ большинствѣ случаевъ никакой опасности ни для еретиковъ, ни для раскольниковъ.

Но если расколъ усилилъ въ руководящихъ кругахъ церкви латинобоязнь и благодаря этому оказалъ вредное воздѣйствіе на постановку образованія въ высшей церковной школѣ, зато онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, уронилъ и авторитетъ старины. Предпринятая имъ борьба противъ церкви и государства наглядно показала русскому обществу,—говоритъ В. О. Ключевскій,—„какія дурныя чувства и наклонности можетъ воспитывать эта старина и какими опасностями грозитъ такая къ ней привязанность" [3]).

Русское общество должно было теперь понять, что для сохраненія дѣйствительно основныхъ началъ національнаго бытія необходимо прежде

---

[1]) „Курсъ русск. исторіи", ч. III, стр. 407.

[2]) См. статью П. Н. Милюкова: „Вліяніе малорусской образованности въ Москвѣ и учрежденіе въ ней академіи" во II т. „Хрестоматіи".

[3]) „Курсъ русск. исторіи", ч. III, стр. 411.

всего побѣдить окружающее невѣжество, а этого можно достигнуть только при условіи широкаго и глубокаго усвоенія не византійской или малорусской, а западно-европейской науки и культуры.

Отдѣльныхъ представителей русскаго общества эта наука и культура влекли къ себѣ уже давно, и „культурныя одиночки", правда, пока очень рѣдкія, встрѣчались на Руси еще въ XVI в. Къ пол. XVII в. ихъ стало гораздо больше, такъ какъ западно-европейское вліяніе въ Москвѣ послѣ Смутнаго времени необыкновенно усилилось. Новое международное положеніе Московскаго государства властно требовало отъ него, для сохраненія національной независимости и осуществленія задачъ національнаго объединенія, созданія значительной боевой силы. А для этого необходимо было устроить войско по западно-европейскому образцу и завести цѣлый рядъ промышленно-техническихъ заведеній, предназначенныхъ для снабженія этого войска всѣмъ необходимымъ: и въ томъ и въ другомъ случаѣ могли помочь только „нѣмцы", которыхъ московское правительство начинаетъ теперь усиленно вызывать изъ Европы. И вотъ, въ сердцѣ тогдашней Руси — Москвѣ — снова возникаетъ и быстро растетъ разрушенная въ Смуту Нѣмецкая слобода, гдѣ русскіе люди, обучаясь иноземнымъ „хитростямъ", невольно начали проникаться и иноземными идеалами, усваивать самый духъ иноземной культуры, однимъ словомъ, дѣлаться западниками.

Такими западниками были и публицистъ кн. Хворостининъ, и царедворцы-„временники" бояре Морозовъ и Матвѣетъ, и мечтатель-фаворитъ Василій Голицынъ, и много др. Прежде всего, это были первые на Руси индивидуалисты, люди, критически взглянувшіе на традиціонный складъ жизни и захотѣвшіе имѣть собственный разумъ, а не слѣдовать безаппелляціонно разуму предковъ. Всѣ они полагали, что русскіе люди, какъ выражается Котошихинъ, „въ государствѣ своемъ наученія никакова не имѣютъ и не пріемлютъ, кромѣ спесивства, и безстыдства, и ненависти, и неправды". Всѣ они хотѣли жить и дѣйствовать—слова Ордына-Нащокина— „съ примѣру стороннихъ чужихъ земель". Только одни изъ нихъ, назовемъ хотя бы, Морозова и Матвѣева, считали для себя примѣромъ чисто внѣшнюю обстановку „нѣмецкой" жизни—носили платье нѣмецкаго покроя, строили нѣмецкія палаты, заводили въ нихъ нѣмецкую мебель, устраивали у себя театральныя представленія и оркестры и т. д. Другіе же, въ особенности Ординъ-Нащокинъ и Голицынъ, стремились проникнуть въ самый духъ западно-европейской культуры. Ординъ-Нащокинъ провозгласилъ уже общій принципъ: „Доброму не стыдно навыкать и со стороны" [1]).

Къ сожалѣнію, наши западники XVII в. были по преимуществу людьми практики. Поэтому мы больше знаемъ, что они дѣлали, чѣмъ то, что они думали. И таковъ даже Котошихинъ съ его книгой „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича", въ которой онъ добросовѣстно описываетъ факты и довольно таки скупо высказываетъ по поводу нихъ свои взгляды. Очень немногое извѣстно намъ и о Хворостининѣ, въ отрывочныхъ мнѣніяхъ котораго нельзя не видѣть вліянія западноевропейскаго раціонализма и протестантизма. Изъ указа, посланнаго ему въ 1632 г. великими государями, мы узнаемъ, что его обвиняли въ крайнемъ „вольномысліи", выразившемся въ томъ, что онъ держалъ у себя нѣмецкіе образа и книги; не исполнялъ постовъ и другихъ обрядовъ, установленныхъ православною церковью; говорилъ своимъ людямъ, что не для

---

[1]) См. объ Ординѣ-Нащокинѣ ст. В. О. Ключевскаго во II, т. „Хрестоматіи".

чего молиться и что воскресенія мертвыхъ не будетъ. „Ясно,—писали ему въ государи въ указѣ,—что ты такія слова говорилъ гордостію и безмѣрствомъ своимъ, по разуму ты себѣ въ версту никого не поставилъ, и этимъ своимъ бездѣльнымъ мнѣніемъ и гордостью всѣхъ людей московскаго государства и родителей своихъ обезчестилъ“.

Нѣсколько лучше мы можемъ судить о міровоззрѣніи Голицына, подѣлившагося своими мыслями съ сохранившимъ ихъ намъ иностранцемъ Невиллемъ. У него была, дѣйствительно, широкая программа реформъ, въ которой,—говоритъ П. Н. Милюковъ, — „значилось и устройство регулярной арміи, и постоянныя международныя отношенія Россіи съ заграницей, и полная свобода совѣсти и вѣры, и заграничное воспитаніе дѣтей, и замѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ, и даже освобожденіе крестьянъ съ землей“ [1]). Самъ Голицынъ, по выраженію кн. Куракина, „былъ своею персоною изрядный и ума великаго“. Этотъ „умъ великій“ онъ образовалъ чтеніемъ книгъ не только священнаго писанія, но и свѣтскихъ, преимущественно польскихъ и западно-европейскихъ, составивъ изъ нихъ великолѣпную для того времени библіотеку. Кромѣ того, выучившись самъ, онъ и московскимъ боярамъ совѣтовалъ отдавать своихъ дѣтей въ польскія коллегіи или посылать ихъ за границу.

Все это показываетъ, что въ русскомъ обществѣ—мы, конечно, не имѣемъ въ виду старообрядцевъ—существовали кружки и идейно подготовленные къ тому сближенію съ Европой, къ которому Русь шла безсознательно, стихійно, повинуясь требованіямъ своего международнаго положенія, и которое Петръ Великій поставилъ главной задачей своей дѣятельности.

Превосходства западной культуры и необходимости для русскихъ усвоить ее не могли отрицать теперь на Москвѣ даже крайніе націоналисты и во главѣ нихъ Юрій Крижаничъ. Теоретикъ московскаго самодержавія, связывавшій съ нимъ надежду на осуществленіе своихъ панславистскихъ мечтаній, сербъ, всѣми силами души ненавидѣвшій нѣмцевъ, какъ поработителей западнаго славянства, онъ, тѣмъ не менѣе, обращается съ горячимъ призывомъ къ русскимъ взяться за западную науку и выясняетъ всю необходимость ея для нихъ. „Скажутъ,—наставляетъ онъ московскаго человѣка: — между мудрыми рождаются ереси, и потому не надобно учиться мудрости. Отвѣчай: ереси зачинаются и между неучеными людьми. Магометъ былъ не мудрецъ, крайнюю глупость написалъ въ своихъ книгахъ, а между тѣмъ наплодилъ ересь самую распространенную на свѣтѣ. А на Руси ересь стала развѣ не отъ глупыхъ мужиковъ? Мудростью ереси искореняются, вслѣдствіе невѣжества пребываютъ во вѣки. Отъ огня, воды, желѣза умираютъ многіе люди, но безъ нихъ и жить нельзя: точно также и мудрость потребна людямъ“. И эту „мудрость“ долженъ завести на Москвѣ, съ помощью иноземцевъ, самъ царь: „повелѣньемъ царскимъ,—замѣчаетъ Крижаничъ, — можно все исправить и завести все полезное“. Этотъ принципъ реформы сверху былъ вполнѣ усвоенъ и примѣненъ на практикѣ Великимъ Преобразователемъ.

КОНЕЦЪ.

[1]) „Очерки русской культуры“, ч. III, Спб. 1903 г., стр. 138.

Duke University Libraries
D02802309O